

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

АНТОЛОГИЯ МЫСЛИ

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

*Очерки истории
цивилизации*

Annotation

Такого Герберта Уэллса российская публика еще не знала — известный писатель-фантаст выступил в этой книге как блестящий знаток истории, эрудированный собеседник, способный, не увязая в деталях и путаных подробностях, вести разговор о Древнем Риме, о Конфуции и принце Гаутаме, о крестовых походах и личности Наполеона Бонапарта.

Эту книгу нельзя назвать учебником, для этого ее автор слишком жизнелюбив и

самостоятелен; Уэллс относится к истории цивилизации очень просто: как хорошо образованный и очень любознательный человек. Его интересует то же самое, что и любого любителя «исторического чтения»: не занудный процесс смены общественно-исторических формаций, а факты, события, люди с их страстями, интригами, надеждами и заблуждениями. Все то, чем от сотворения мира была так необыкновенно привлекательна живая человеческая жизнь.

- [Герберт Уэллс](#)
 - [Содержание и цель «Очерков истории»](#)

- Книга первая
 - Глава первая
 - Глава вторая
 - Глава третья
 - Глава четвертая
 - Глава пятая
- Книга вторая
 - Глава шестая
 - Глава седьмая
 - Глава восьмая
 - Глава девятая
 - Глава десятая
 - Глава одиннадцатая
 - Глава двенадцатая
- Книга третья
 - Глава тринадцатая
 - Глава четырнадцатая
 - Глава пятнадцатая

- [Глава шестнадцатая](#)
- [Глава семнадцатая](#)
- [Книга четвертая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Глава _____ двадцать четвертая](#)
- [Книга пятая](#)
 - [Глава двадцать пятая](#)
 - [Глава двадцать шестая](#)
 - [Глава двадцать седьмая](#)
- [Книга шестая](#)
 - [Глава двадцать восьмая](#)
 - [Глава двадцать девятая](#)

- [Глава тридцатая](#)
 - [Глава тридцать первая](#)
 - [Книга седьмая](#)
 - [Глава тридцать вторая](#)
 - [Глава тридцать третья](#)
 - [Книга восьмая](#)
 - [Глава тридцать четвертая](#)
 - [Глава тридцать пятая](#)
 - [Глава тридцать шестая](#)
 - [Глава тридцать седьмая](#)
 - [Глава тридцать восьмая](#)
 - [Глава тридцать девятая](#)
 - [Хронологическая таблица](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21

- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)

- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)

- [76](#)
 - [77](#)
 - [78](#)
 - [79](#)
 - [80](#)
 - [81](#)
 - [82](#)
 - [83](#)
 - [84](#)
 - [85](#)
 - [86](#)
 - [87](#)
 - [88](#)
 - [89](#)
 - [90](#)
-

Герберт Уэллс

Очерки истории цивилизации

Содержание и цель «Очерков истории»

1. Как они были написаны.

2. Как подбирался материал к «Очеркам».

3. О некоторых опущениях и прибавлениях, сделанных в новых редакциях этой книги.

4. Дальнейшая судьба «Очерков» и как их встретили читатели

«Очерки истории» были написаны в 1918–1919 гг. Впервые их издали в виде иллюстрированных отрывков, затем, после тщательной проверки и доработки, они вышли отдельной книгой в 1920 г.

Немало причин побудило автора предпринять в 1918 году попытку осмыслить ход мировой истории. Это был последний, самый изматывающий год Мировой войны, год окончательного крушения иллюзий. Люди не могли понять: стали ли они свидетелями крушения цивилизации или война знаменовала рождение нового общества. В такую

простую альтернативу укладывалось представление о мире того времени.

В ту пору велись всевозможные дискуссии о том, как по-новому обустроить мировую политику, о всемирном договоре и запрете войны, о лигах наций. Каждый тогда «мыслил интернационально» или пытался это делать. Но мы уже отдавали себе отчет в том, что во всем мире почти никто не понимал, откуда взялись те огромные проблемы, которые так внезапно и так трагически обрушились на мировую демократию. «Как такое могло случиться?»— спрашивали себя люди, пытаясь угледеть за выстрелом в Сараево более веские,

более значимые причины начала мировой войны.

Люди хватались за обрывки исторических сведений, сохранившихся в их памяти со школьных времен, но не могли вспомнить ничего более обнадеживающего, чем наполовину забытые имена и даты жизни своих королей и президентов. Они брались за книги, но еще сильнее запутывались в многообразии и сложности ученых трудов. Стараясь «разобраться», многие принялись составлять собственные «очерки истории».

Автор этой книги — не историк в профессиональном смысле этого

слова. Однако с самого начала моей писательской карьеры я постоянно работаю над подобными «очерками». Я всегда воспринимал историю как нечто цельное и старался понять, что приводит в движение общие для всего человечества силы, которые ее творят. История была моим постоянным увлечением. Даже в студенческие годы я постоянно делал выписки из исторических книг.

Моя первая опубликованная книга, «Машина времени» (1894 г.), — это фантастический сюжет, предсказание того, к какому будущему идет человечество. О том, что может ожидать нашу цивилизацию в будущем, говорит

(пусть несколько преувеличено и образно) еще одна моя книга «Когда спящий проснется». «Предвиденья» (1901) — это попытка обсудить некоторые возможные последствия тех процессов, что уже начались в наше время. А наступившие потрясения военного времени, если не заставили, то, по крайней мере, подтолкнули к тому, чтобы со всех сторон взглянуть на подлинные события прошлого и настоящего.

До начала работы над «Очерками» я принимал участие в деятельности группы, занимавшейся проблемами послевоенного урегулирования и проектом Лиги Наций. Приходилось участвовать и в

собрания различных
пропагандистских союзов и обществ.
Люди, которые были заинтересованы
в проектах лиг наций, никак не
могли найти общий язык, так как
имели самые туманные,
неоднородные и путанные
представления о том, что же такое
мир человека, чем он был и,
соответственно, чем может быть. Во
многих случаях удивительно точные
знания в своей области сочетались с
самыми примитивными и наивными
представлениями об истории в
целом.

Автор незаметно перенесся к
истокам арийских племен в лесах и
степях Европы и Западной Азии.

Далее — к самым ранним стадиям цивилизации в Египте, Месопотамии и на обитаемых некогда землях Средиземноморского бассейна, которые оказались затопленными в сравнительно недавнюю эпоху. Я стал понимать, насколько безжалостно урезали европейские историки роль цивилизаций Индии и Китая, высокогорий Центральной Азии и Персии в общей драме человечества. Наше прошлое продолжает жить в нашей повседневности, в наших общественных институтах.

Наше повествование начинается на фоне непостижимой тайны, загадки звезд, неизмеримой

протяженности пространства и времени. Потом возникает жизнь, которая преодолевает нелегкий путь к сознанию, набирается сил, накапливает волю и через миллионы лет и несчетные миллиарды индивидуальных жизней приходит к трагичным дилеммам и тупикам современности, к нашему времени, полному страха и все-таки живущему надеждой. Мы наблюдаем за тем, как человек проходит путь от своего одинокого начала до зари мирового содружества. Мы видим, как возникают и изменяются формы организации человеческого общества: сейчас они меняются значительно быстрее, чем когда-либо

в прошлом.

В финале нашего повествования мы вынуждены поставить знак вопроса. Ведь автор — не более чем проводник, который подводит читателя к последнему рубежу, за которым события только начинают складываться, и тихо говорит ему: «Вот это наше наследие».

Нет смысла утверждать, что эти «Очерки» — нечто большее, чем современный взгляд на наш мир, который сложился в последние столетия усилиями геологов, палеонтологов, эмбриологов и других исследователей природы, а также филологов, этнографов, психологов, археологов и историков. Еще

столетие тому назад историческая наука не выходила за стены архивов и ученых кабинетов. Но кабинетный исследователь в наши дни, пусть с неохотой и нелюбезно, вынужден уступить место исследователю, который не просто пересказывает документы, а пытается взглянуть на события прошлого в исторической перспективе.

Такую обширную перспективу и стараются охватить наши «Очерки». На этой работе не могли не отразиться и ограничения самого автора, и ограничения его времени. «Очерки истории» — это книга сегодняшнего дня, без каких бы то ни было претензий на бессмертие.

Данный «Очерк истории» 1931 года последует за своими ранними изданиями на книжный развал, а затем в макулатуру. Пусть более способные, у которых будет больше информации, больше возможностей и средств, напишут новые «Очерки», надеюсь, в более оптимистичной форме. Этой моей книге я намного охотнее предпочел бы, скажем, «Очерки истории» 2031 года — почитать и, наверное, с еще большим любопытством взглянуть на иллюстрации.

Да и все мы, если бы каким-то чудом у нас в руках оказался экземпляр «Очерков истории» из 2031 года, первым делом, я уверен,

принялись бы рассматривать ошеломляющие иллюстрации и пояснения к ним в последних главах. Какие потрясающие события! Какие невероятные достижения! Но затем мы все-таки вернулись бы к началу книги. По крайней мере, автор этих очерков поступил бы так, чтобы взглянуть на то, что из рассказанного в его книге сохранилось и спустя столетие.

Вполне вероятно, что изложение первых глав не претерпело бы особых изменений, за исключением разве что сотен новых подробностей, проливающих свет на неизвестные в наше время детали исторических событий. Кроме того, откроются из-

под вековой толщи земли или морских глубин новые поразительные находки: черепа, орудия труда, раскопанные города и материальные памятники культур и народов, о которых мы раньше не подозревали. Значительно точнее, полнее и, возможно, под другим углом зрения будет рассказано об истории Индии и Китая. Гораздо больше будет известно о Центральной Азии и, может быть, о доколумбовой Америке. Мы по-прежнему будем говорить о Карле Великом и Цезаре как о выдающихся личностях нашей истории, а некоторые из гигантов недавнего прошлого, к примеру Наполеон,

будут восприниматься как
второстепенные ее персонажи.

2

Основной задачей нашего переработанного издания было сделать «Очерки» более простыми и легкими для чтения.

Книга, как я уже рассказывал, выросла из карт и записных книжек. В первую очередь, автор, а также его добровольные помощники, которые согласились стать консультантами его книги, уточняли правильность дат, имен и т. д. Нужно сказать, в том, что касалось фактического

материала, я всецело полагался на своих наставников, но оставил за собой полное право отстаивать собственное мнение в том, что касалось суждений и оценок. Результатом наших оживленных споров стало появления множества сносок и подстрочных комментариев к тексту, а иногда и в самом тексте.

Сноски эти, признаюсь, забавляли автора и его друзей, словно семейные шутки. Тем не менее избавиться от них было невозможно до тех пор, пока имена четырех основных помощников автора стояли рядом с его именем на титульном листе книги, поддерживая и в некотором роде ручаясь за нее.

Однако большинству читателей эти сноски показались скучными и уводящими от сути изложения. Все эти примечания, ссылки на другие источники, различные оговорки необходимы в книге, которая предназначена для исследователя или студента. Но в наших «Очерках» они были излишне многочисленными и, сам автор вынужден теперь это признать, слегка претенциозными.

Настоящее издание стало результатом новых переработок и добавлений. Оно избавилось от примечаний и прочих отступлений от темы и стало более ясным, плавным и цельным, в отличие от прежних изданий. Здесь же автор

освобождает своих помощников от дальнейшей ответственности за содержание его работы. Их имен нет на титульном листе. Автор расстается со своими проводниками. Они помогли ему выбраться из опасных лабиринтов и скрытых ловушек, подстерегавших его на пути к нынешней свободе и знанию. Теперь он постарается как можно более просто, ясно и полно передать содержание той великой истории, в которой не смог бы разобраться без их дружеской поддержки.

Пусть у читателя этих «Очерков» не будет никаких сомнений относительно фактов, имен, дат, приведенных здесь, — они были

многократно, как уже говорилось, проверены и перепроверены. Книга в целом не раз подвергалась самой нещадной критике, но ни разу — в отношении общей точности.

От критики никуда не деться. Невозможно избежать ее или угодить всем. Каждый из нас составил в уме собственные наброски «Очерков истории», свой рабочий путеводитель по миру, и своему месту в этом мире. Листая наши «Очерки», читатель поневоле будет соглашаться с одним мнением и отвергать другое. Вполне естественно, что и у автора есть свои взгляды, своя точка зрения. И едва ли читателю когда-нибудь удастся найти

такого автора, который не отстаивал бы в чем-то свою позицию. Держа в руках эту книгу, как и любую другую, в которой излагаются и анализируются исторические сведения, читатель постоянно должен помнить, как судья или присяжный, об индивидуальности того, кто в настоящий момент выступает со своим свидетельством.

С уверенностью можно утверждать только то, что автор приложит все силы, чтобы честно и беспристрастно поделиться своими впечатлениями о той великой драме Времени и Судьбы, которая открылась его взору.

В этом издании «Очерков» была предпринята попытка полнее представить такую сферу человеческой деятельности, как искусство. Однако любая «история» музыки или любого другого вида искусства имеет очень узкие рамки. Можно рассказать о появлении новых форм, методов, инструментов, но единственный способ передать образность произведения искусства — это увидеть или услышать его. А просто перечислять имена великих мастеров и названия шедевров не входит в наши планы.

Новый материал неизбежно

появился в книге в связи с последними археологическими раскопками.

Возникла также необходимость тщательно проработать материал, посвященный Великой (Первой мировой— *изд.*) войне, и переделать части, касающиеся послевоенного периода. Потрясения военного времени были слишком сильны, чтобы оценки автора были взвешенными и беспристрастными.

К тому же, переосмыслить пришлось не только то, что относится к политике. Природа финансовых и экономических проблем нашего мира стала теперь намного яснее, чем до кризиса 1929

года, а это тоже потребовало
чрезвычайно внимательной
переработки материала.

4

Предлагая эту книгу на суд читателей, я нисколько не преувеличиваю ее значения, но и не стыжусь за свою работу. У меня нет ни малейших сомнений относительно того, насколько несовершенной она остается. Придет время, и, несомненно, появятся лучшие книги, написанные о том же. Для автора сделанная им работа — словно временная хижина, на месте

которой будет построен дворец. Но пока ее место не займут новые, эта книга, словно первопроходец, откроет то, что современные мужчины и женщины могут узнать о прошлом, о себе и о том, как прожить сегодняшний день.

Книга первая

Жизнь до появления

человека

Глава первая

Земля в пространстве и времени

1. Как углублялись представления человечества о пространстве и времени.

2. Земля в пространстве.

3. Каков подлинный возраст Земли?

1

Прежде чем приступить к

истории самой жизни, скажем пару слов о той сцене, на которой будет поставлена наша пьеса, и той обстановке, на фоне которой она будет развиваться.

За последние несколько столетий представления людей об окружающем их видимом мире претерпели значительные изменения. Одновременно с этим и само место человека, его роль в этом мире перестают казаться столь значимыми, как прежде. Люди узнали, что они — составляющая часть некоего целого, гораздо более обширного, более протяженного в пространстве и времени, гораздо более удивительного, чем могли

представить их предки.

Первобытному сознанию Земля представлялась лишь плоским основанием обитаемого мира, а небо — куполом над этим основанием. Солнце, Луна и звезды в представлении первобытного человека раз за разом совершали свой таинственный круговорот, проходя половину пути по небесному своду, а другую половину — под земной твердью. Вавилонские и китайские астрономы, даже после многих веков наблюдений за звездами, продолжали верить, что Земля плоская.

У мыслителей Греции впервые возникло явственное представление

о сферической форме нашей планеты, но даже греки не могли вообразить, насколько обширна Вселенная. Земной шар оставался для них центром мироздания. Вокруг этого центра, прикрепленные к хрустальным сферам, двигались Солнце, Луна, планеты и неподвижные звезды. Только в XV в. сознание человека смогло продвинуться дальше и Коперник высказал ошеломляющее предположение о том, что в центре находится именно Солнце, а не Земля. Взгляды Коперника стали общепризнанными только в XVII в., после изобретения Галилеем телескопа.

Появление

и

усовершенствование

телескопа

обозначает, несомненно, новый этап развития человеческой мысли, новое видение жизни. Удивительно, что

греки, с их живым и

проницательным умом, не смогли

придумать ни телескопа, ни

микроскопа. Они не смогли найти

практического применения линзам,

хоть и жили в мире, в котором стекло

было известно и его качество

улучшалось на протяжении

нескольких столетий. В

повседневной жизни греков широко

использовались стеклянные фляжки

и бутылки; через них, конечно же,

можно было заметить, как

искажаются и увеличиваются очертания предметов. Но наука в Греции была занятием возвышенным, уделом философов, которые, за исключением таких гениев, как Архимед и Герон,^[1] были слишком горды, чтобы учиться чему-нибудь у простых ремесленников — ювелиров, кузнецов или стеклодувов.

Невежество — это первое, чем приходится расплачиваться за подобную гордыню. Философу не доставало практических навыков, а у ремесленника не было научных знаний, поэтому пришлось ждать новой эпохи еще целое тысячелетие, пока стекло пришло на помощь астроному. Со времен Галилея

астрономия и телескоп развивались вместе, отодвигая занавес невежества и ложных представлений, которые скрывали от человека глубины космоса. Поместив Солнце в центр Вселенной, человек задумался: а не пришло ли время пересмотреть само понятие о центральном положении всего нашего мира? Теперь мы знаем, что Солнце нельзя даже включить в число больших звезд — это всего лишь одно из меньших светил.

Телескоп смог освободить воображение человека так, как ни одно из технических приспособлений до него. Если что-либо и можно сравнить с ним по

воздействию на научные представления, так это спектроскоп, разработанный после открытий Фраунгофера в 1814 г.[\[2\]](#)

Завеса, скрывавшая непостижимую бездну окружающего нас пространства, начала приподниматься лишь три века назад. Значительно позднее пришло осознание подлинного возраста нашей Вселенной, ее немыслимо долгой истории. Среди народов древности, кажется, лишь у индийских философов мы можем найти какое-то представление о бесконечных промежутках времени, через которые прошел этот мир. В европейской культуре еще немногим

более двухсот лет назад нашей истории отводили на удивление короткий срок. Во «Всеобщей истории», изданной объединением книготорговцев в Лондоне в 1779 г., указывается (как нельзя более точно), что мир был создан в 4004 году до Рождества Христова, в момент осеннего равноденствия, и что венцом создания мира было сотворение человека в Эдеме, на Евфрате, в двух днях пути от Басры. Уверенность, с которой делались эти утверждения, черпалась в излишне буквальном понимании библейских повествований. В наши дни лишь некоторые из тех, кто верят в боговдохновенность текстов Библии,

готовы истолковывать эти сведения как непосредственный факт.

Разрушить этот временной барьер и открыть за маленьким «вчера» шести тысячелетий еще миллионы подобных вчерашних «дней» было суждено геологии, и в особенности палеонтологии. Задолго до XVIII в. два очень часто наблюдаемых геологических явления прямо-таки взывали к вниманию человека.

Во-первых, это обширные районы, где в открытых разломах виднелись напластования различных каменистых пород, которые могли сложиться лишь за достаточно длительные периоды времени. Во

многих случаях эти пласты оказывались изогнуты, образовывали складки, надвигались один на другой таким образом, который неизбежно предполагал длительное действие огромных природных сил. Во-вторых, это часто встречающиеся окаменевшие остатки существ, похожие на кости и черепа ныне существующих видов, но не идентичные им.

Лишь в XVIII в. геологические слои и ископаемые остатки начали изучать систематически, и только в XIX в. появилось понимание подлинного масштаба и значения этих данных. Впервые перед удивленным взором ученых

открылась Летопись Окаменелостей. Пришлось преодолеть упорное сопротивление тех, кто отстаивал буквальную интерпретацию Библии.

Со временем горизонты человечества стали шире и дальше. Двести лет назад воображение человека ограничивалось пределом в шесть тысяч лет. Теперь и этот занавес поднят, и человек может взглянуть в прошлое своего мира на протяжении многих и многих сотен миллионов лет.

Теперь вкратце остановимся на том, что нам известно о физических параметрах нашего мира. Наша Земля — вращающийся шар. Хотя она и кажется нам обширной, это лишь

частица материи в огромном пространстве Вселенной. Космос по большей части представляет из себя вакуум, в котором на огромном расстоянии друг от друга расположены ослепительные средоточия тепла и света, «неподвижные звезды». Их называют неподвижными, но тем не менее и они движутся в пространстве, просто долгое время люди не замечали этого движения, потому что звезды находятся от нас очень далеко. Должны пройти тысячелетия, прежде чем станет существенной разница в положении звезд на небе.

Много столетий назад египтяне составляли карты звездного неба, и

эти карты показывают, что очертания созвездий очень сильно изменились: многие звезды проделали весьма значительный путь. Но мы по-прежнему говорим «неподвижные звезды», чтобы отличить их от планет. Расстояние до звезд столь велико, что несмотря на свой огромный размер даже в самый мощный телескоп они кажутся лишь точками света, более или менее яркими. Впрочем, если пристальнее рассмотреть их в телескоп, некоторые из них похожи на облака или спирали сверкающего пара, которые мы называем туманностями.

[3]

Совсем недавно было открыто

также существование так
называемых «черных дыр»^[4] и
облаков темной материи. Некоторые
из последних достигают огромных
размеров. Мы по-прежнему ничего
не знали бы об их существовании,
если бы они не рассеивали свет
расположенных за ними звезд.

Одна звезда, тем не менее,
расположена так близко от нас, что
кажется большим огненным шаром.
Эта звезда — наше Солнце. По своей
природе Солнце тоже относится к
неподвижным звездам, но мы
воспринимаем его не так, как другие
звезды, ведь оно несравненно ближе
к нам, чем они. Среднее расстояние
от Земли до Солнца составляет сто

сорок девять миллионов км, его диаметр — один миллион триста девяносто тысяч км, а масса в триста тридцать тысяч раз превосходит массу нашей планеты. Но есть много звезд и куда более массивных, чем Солнце.

Очень тяжело представить реальный смысл подобных величин. Если бы пуля, выпущенная из пулемета Максима, не снижая начальной скорости, летела в сторону Солнца, то ей понадобилось бы семь лет, чтобы достичь цели. И все же можно сказать, что Солнце достаточно близко от нас, по сравнению с другими звездами. Если бы Земля была маленьким шариком

диаметром один сантиметр, тогда диаметр Солнца был бы почти один метр. Нам известно, что Солнце также вращается вокруг своей оси. Его атмосфера настолько раскалена, что все металлы находятся там в газообразном состоянии. О том, что находится под поверхностью Солнца, мы можем только догадываться. [\[5\]](#)

Вокруг Солнца на большом расстоянии вращается не только наша Земля, но и другие подобные ей небесные тела — планеты. Их можно видеть на небе, потому что они отражают солнечный свет. Они достаточно близки к нам, чтобы можно было с легкостью наблюдать их движение на небосводе. Ночь

сменяет ночь, и меняется их положение относительно неподвижных звезд.

Насколько пустынно космическое пространство, какое незначительное место в нем занимает материя, можно легко представить на следующем примере. Если бы, как мы уже сказали, Солнце было шаром один метр в поперечнике, то наша Земля была бы соответственно шариком в один сантиметр, на расстоянии ста семи метров от Солнца, а Луна была бы крупинкой размером с зернышко, в тридцати сантиметрах от Земли.

Ближе к Солнцу, чем Земля, были бы две другие крупинки —

планеты Меркурий и Венера, на расстоянии 40 и 77 метров соответственно. Далее за Землей идут планеты Марс, Юпитер, Сатурн, Уран и Нептун, на расстояниях 162, 556, 1020, 2062 и 3274 метра от Солнца соответственно. Прогулка от Солнца до Нептуна заняла бы почти час.[\[6\]](#)

Между этими планетами находится значительное количество гораздо меньших частичек, из которых большая часть — это астероиды, которые кружатся между Марсом и Юпитером. И время от времени крошечный сгусток светящегося пара и пыли — комета — заплывал бы в эту систему из

бескрайних пространств за ее пределами. Все остальное пространство над нами и вокруг нас, а также на немыслимом расстоянии от нас — это холодный, пустой и безжизненный космос. Ближайшая к нам неподвижная звезда, по нашей уменьшенной шкале (вспомним еще раз, Земля — шарик в один сантиметр, а Луна — как маленькое зернышко), была бы удалена на тридцать тысяч километров! А большинство видимых нами неподвижных звезд находилось бы в нашей модели в сотнях и сотнях миллионов километров от нас.

Давайте теперь снова обратимся к Земле. Диаметр нашей планеты

чуть меньше двенадцати тысяч
восьмисот километров. Ее
поверхность неровная, более
выступающие участки — это горы, а
впадины на поверхности Земли
заполнены слоем воды — океанами и
морями. Максимальная глубина
земного океана — около
одиннадцати километров, что очень
мало в сравнении с размером самой
планеты.

Земной шар окружает тонкий
воздушный покров — атмосфера.
При подъеме на воздушном шаре или
во время горного восхождения можно
заметить, что воздух постепенно
становится менее плотным, пока не
станет слишком разреженным, чтобы

поддерживать жизнь. На высоте же свыше тридцати двух километров воздуха почти нет. Самая большая высота, на которую может подняться птица, — около шести километров; говорят, кондор может преодолеть такую высоту. Однако большинство птиц и насекомых, которых поднимали на воздушных шарах или аэропланах, падали замертво с куда меньшей высоты. Аэропланам удавалось подниматься выше двенадцати километров, и воздушные шары также взлетали до одиннадцатикилометровой отметки, однако это стоило их пилотам немалых физических усилий. Небольшие экспериментальные

аэростаты, уже не с людьми, а с контрольным оборудованием на борту, поднимались на высоту до тридцати шести километров.

Жизнь возможна лишь в нижних слоях атмосферы, не превышающих шести километров, и в верхних слоях моря, не глубже сотни метров от уровня земной поверхности.^[7] Нам неизвестны какие-либо иные формы жизни кроме тех, что существуют в этих на самом деле очень узких слоях воздуха и воды на нашей планете. Насколько мы знаем, все остальное окружающее нас пространство остается безжизненным. Ученые обсуждают возможность существования жизни на других

планетах, в первую очередь на Марсе или Венере, но пока это не более чем научные предположения.

На этом завершим наш краткий разговор о Земле и окружающем ее пространстве. Рассмотрим теперь наш предмет с точки зрения времени. Астрономы, геологи и исследователи-физики имеют сейчас возможность описать примерную картину возникновения Земли. По их мнению, в определенный момент, достаточно далеко отстоящий от нас в прошлом, Солнце представляло собой вращающуюся огненную массу материи, пока еще не сжавшуюся в плотное средоточие тепла и света значительно больших размеров, чем в

наши дни. По мере вращения Солнца несколько фрагментов отделились от него и превратились в планеты. Наша Земля — одна из этих планет. Пылающая масса, которая была основой для Земли, вращаясь, разделилась на две части — большую, саму Землю, и меньшую, теперь безжизненную и неподвижную Луну.

Как долго, может спросить читатель, существует наш мир? В последние несколько лет этот вопрос привлекал к себе особое внимание. Ранние оценки значительно разнились между собой, однако постепенно в этом вопросе удалось прийти к общему мнению.

Астрономы и математики, которые основывают свои расчеты на скорости остывания небесных тел и на процессах ядерного распада, говорят о четырех миллиардах лет как возрасте Земли; а от той поры, когда на Земле возникла жизнь в какой-либо ее форме, нас отделяет промежуток времени в три миллиарда лет.^[8] Возраст же Солнца как звезды определяется сейчас в промежутке примерно пяти-шести миллиардов лет. На Земле, говорит сэр Джеймс Джинс в книге «Вселенная вокруг нас», через миллиард лет температура на экваторе опустится до арктического уровня.^[9] Учитывая, что возраст

человека как сознательного социального существа лишь тридцать тысяч лет, этот срок дает ему неограниченные возможности для обретения знания и силы. Задолго до того, как человек подойдет к этому рубежу, он может стать властелином времени и пространства.

Глава вторая

Летопись окаменелостей

**1. Первые живые
существа.**

**2. Естественный
отбор и изменение видов**

1

Мы не знаем достоверно, как зародилась жизнь на Земле. У биологов на этот счет есть много идей и предположений, но, по общему убеждению, жизнь берет свое начало в теплом, прогреваемом

солнцем мелководье, возможно, в заводях и неглубоких заливах вдоль берегов первозданных морей. По всей вероятности, она началась как некая «преджизнь», которая постепенно и неотвратно приобретала отличительные свойства жизни.

Нигде на Земле в настоящий момент нет тех специфических условий, физических и химических, при которых было бы возможным появление жизни. Вне всяких сомнений, теперь не происходит никакого самозарождения жизни. Если зарождение жизни было естественным, а не сверхъестественным процессом,

тогда, несомненно, наступит день, когда ученые смогут повторить и воспроизвести его. И если многие биологи убеждены, что жизнь возникла при соответствующих условиях так же естественно и неизбежно, как вода при нормальном давлении, проходя точку замерзания, превращается в лед, то другие, не менее авторитетные ученые, придерживаются прямо противоположной точки зрения. В данной же работе не место определять, какая из этих точек зрения верна.

Предположение, что жизнь появилась на Земле как естественный и неизбежный

химический и физический процесс, без вмешательства какого-либо сверхъестественного фактора, кажется неприемлемой и даже отталкивающей, с религиозной точки зрения. Однако причина этого неприятия, вероятно, заключена не столько в антирелигиозности этой идеи, сколько в неоднозначном понимании того, что же такое жизнь. Для религиозного сознания быть «живым» означает обладать «душой», которой приписываются самые разнообразные нравственные качества, противостоящие «мертвой материи». Но сложно понять, почему существование слизняка, поганки, вши или паразитического нароста на

стволе дерева каким-то
непостижимым образом «выше», чем
удивительное сочетание элементов в
кристаллической решетке или
жемчужине, прожилки в обломке
мрамора, игра световых бликов на
водной ряби в солнечный день или
же волны, которые выдувает ветер на
песчаном берегу. Да и зачем творцу
Вселенной понадобилось бы
разделять мир на почти
неодушевленное и еще
неодушевленное?

Атмосфера в те дни, когда
зарождалась жизнь, была гораздо
плотнее. [\[10\]](#) Солнце почти всегда
было скрыто за огромными
облачными массами, небеса были

темными от частых штормов и ураганов. Мощные вулканические силы поднимали участки суши — голой, лишенной растительности, без почвы. Почти непрерывные вулканические штормовые дожди прокатывались по ней, и бурными потоками в море смывались огромные массы осадков. Они оседали на морском дне и уплотнялись, впоследствии превратившись в сланцы и глины, в песок, который стал песчаником.

Геологи исследовали накопления этих осадков в том виде, в каком они дошли до наших дней — начиная с тех, что остались от наиболее ранних эпох, до самых

недавних. Конечно же, древнейшие отложения изменились сильнее всего, подвергаясь разрушению и выветриванию. Теперь в них нет никаких определенных следов жизни, даже если она и была в то время. Вероятно, самые ранние формы жизни были маленькими и «мягкотелыми», не оставив после себя никаких признаков своего существования. Только тогда, когда у некоторых из этих существ появились твердые скелеты и панцири, в геологических породах стали появляться их окаменевшие остатки, и теперь мы можем исследовать эти первичные формы жизни.

В геологической литературе детально описаны подобные окаменелости, которые находят в твердых породах, а также и сам порядок, в котором эти породы слой за слоем располагаются один над другим. Самые древние породы, видимо, складываются в те времена, когда еще совсем не было морей, когда Земля была слишком горячей, чтобы могло появиться море. Вода, которая теперь заполняет моря, тогда была паром, смешанным с воздухом в атмосфере. В более высоких слоях атмосферы стояли плотные облака, проливавшиеся горячим дождем, который снова превращался в пар задолго до того, как успевал упасть

на раскаленные скалы.

В этой парообразной атмосфере из расплавленной первичной материи застывали первые скальные породы. Эти первые породы, словно корка, затвердевали над огненной жидкой материей так же, как застывает расплавленная лава. Некоторое время спустя первичные породы заново плавились и снова застывали, пока не образовался достаточно толстый скальный слой, который уже оставался постоянно твердым.

После долгого времени водяной пар в атмосфере начал конденсироваться и выпадать прямо на поверхность Земли, стекая по

теплым первобытным скалам потоками горячей воды, и скапливаться во впадинах, образуя заводи, озера и первые моря. Потоки, которые стекали со скал, приносили в моря частички породы, образывавшие осадок. Он постепенно накапливался, слой за слоем, образуя отложения, или, как говорят геологи, страту. Это был первичный осадочный уровень.

Самые ранние осадочные породы опускались во впадины и покрывались другими породами. Их можно наблюдать в различных местах, где они либо не покрыты позднейшей стратой, либо вышли на поверхность после долгого периода,

который они провели в толще земных недр, когда отступили породы, покрывавшие их ранее.

Породы, в которых не содержится признаков жизни, называют азойскими (безжизненными) породами. Но в некоторых из этих самых ранних осадочных пород встречается такое вещество, как графит (черный свинец), а также красный и черный оксид железа. Для их возникновения, как считают ученые, необходима деятельность живых существ (хотя пока это не установлено наверняка). По этой причине некоторые геологи предпочитают называть эпоху, когда складывались эти наиболее ранние

осадочные породы, археем (древняя эпоха). Они предполагают, что первичные формы жизни имели мягкую структуру, у них не было ни скелетов, ни панцирей, которые сохранились бы в окаменелостях после их гибели, и что именно их химическое воздействие вызвало осаждение графита и оксида железа.

Эти азойские, или архейские, пласты покрывают другие, также очень древние и эрозивные, но в которых уже содержатся признаки жизни. Следы этих древнейших организмов очень просты: это либо остатки простейших растений — водорослей, либо отпечатки, напоминающие след червеобразного

существа в морском иле. Этот второй слой отложений получил название протерозойского (протерозой — эпоха начала жизни). Он образует достаточно долгий период в истории мира. [\[11\]](#)

Выше протерозойских отложений идет третий уровень, в котором можно обнаружить уже значительное количество и разнообразие следов живых организмов. Здесь появляются признаки панцирных рыб, крабов и подобных им ползающих существ, червей, водорослей и так далее, а затем большое разнообразие рыб и первых наземных растений и животных. Эта геологическая эпоха

называется палеозоем (древняя жизнь), за время которой жизнь постепенно распространялась и развивалась в морях нашей планеты, а затем вышла на сушу.

В нижнем палеозое наибольшее распространение получили так называемые трилобиты. Они ползали по морскому дну, как большие морские улитки. Настоящими властителями морей того времени были ракоскорпионы (эвриптериды), представители их отдельных видов достигали в длину трех метров. Они представляли собой наивысший уровень развития ранней жизни. Во множестве водились также различные панцирные рыбы и

брахиоподы (плеченогие моллюски).

Но не разнообразие форм жизни поражает наше воображение. В те времена не было ничего, что могло бы бегать, летать или хотя бы плавать сравнительно быстро и умело. Если не принимать во внимание размеры некоторых существ, жизнь той поры походила на ту, которую можно наблюдать сейчас под микроскопом в капле воды, взятой из любой летней лужицы, — и была, пожалуй, даже менее разнообразна.

Такой была жизнь морского мелководья в раннем палеозое, продолжавшемся несколько сотен миллионов лет. Суша в тот период, по всей очевидности, была пустынной

— мы не находим ни следов, ни признаков наземной жизни. Все живое в те дни проводило свою жизнь, либо большую ее часть, под водой. На протяжении немыслимо долгих веков это и была вся земная жизнь, а до этого времени еще миллионы и миллионы лет наша огненная и безжизненная планета вращалась в пространстве.

Между эпохой образования этих нижнепалеозойских пород, эпохой господства морских скорпионов и трилобитов, и нашим временем — неисчислимые века, которые представлены слоями и напластованиями осадочных пород. Первыми идут слои верхнего

палеозоя, а над ними геологи различают еще два значительных уровня. Следом за палеозоем идет мезозой (средняя жизнь), второй обширный слой отложений, в котором также находят ископаемые остатки. Этот период продолжался около сотни миллионов, более быстрых, чем наши, лет, от которых до нас дошло Удивительное множество окаменелых остатков и костей ископаемых рептилий, о чем вскоре пойдет речь. А над ними находятся геологические отложения, принадлежащие эпохе, называемой кайнозоем (новая жизнь). Это — третий великий том в истории жизни, том неоконченный. Его

последняя страница писалась уже в совершенно недавнее время, буквально «вчера», когда «вчерашние» реки смывали во «вчерашние» моря пыль и песок, под которыми оказались погребены кости, чешуя и тела, ставшие сегодняшними окаменелостями.

Следы и окаменелости в породах, как и сами породы, являются историческим документом. Их можно назвать Летописью Окаменелостей, но не следует забывать, что в этой летописи нет никакого намека на организованность и порядок. Это лишь следы того, что происходило в прошлом. Если мы достаточно

разумны, то сумеем прочитывать эти следы.

Доступные нам породы не похожи на страницы библиотечной книги, они разорваны, разбросаны, рассеяны в разные стороны, исковерканы, словно небрежно построенный дом после того, как он последовательно пережил бомбардировку, вражеское нашествие, потоп, землетрясение и пожар. И так они пролежали долгие века под ногами у ничего не подозревающих людей. Ископаемые остатки древних животных были известны ионийским грекам в VI в. до н. э., о них спорили в Александрии в III в. до н. э.

Эратосфен и другие ученые. Итог этой дискуссии подвел в своей «Географии» Страбон (64 до н. э. — 24 н. э.).[\[12\]](#)

Об окаменелых остатках неведомых существ знал латинский поэт Овидий, считая, что это были первые неуклюжие попытки творческой силы. На них обращали внимание арабские писатели X в. Леонардо да Винчи, живший совсем недавно, в начале XVI в. (1452–1519), был одним из первых европейцев, кто догадался о подлинном значении окаменелостей. И только в последние полтора столетия человек начал серьезно и последовательно работать над разгадкой этих ранних

страниц истории своего мира, так долго находившихся в забвении.

В предыдущем разделе мы не дали четкого определения, что же такое жизнь. Пожалуй, стоит просто перечислить некоторые общие сведения об этом явлении, которое завоевывало себе место в теплых водах и приливном иле раннего палеозоя и которое, возможно, во всей бесконечности космоса можно встретить только на нашей планете.

Представители живой природы в наши дни поразительно отличаются друг от друга, однако все живые существа прошлого и настоящего обладают определенной силой роста, все живые существа нуждаются в

питании, все живые существа движутся, когда они растут и питаются, хотя это движение может быть не более чем распространение корней в почве или ветвей в воздухе.

Более того, живые существа размножаются, они дают начало другим подобным существам, либо вырастая и затем разделяясь, либо с помощью спор, семян или яиц, или другими способами размножения. Воспроизводство себе подобных — это тоже одна из неотъемлемых характеристик жизни.

После того как особь какое-то время живет и производит потомство, она стареет и умирает.

Это происходит в силу

определенной необходимости. Для жизни существуют такие же природные ограничения, как и для роста, и это относится как к животным, так и к растениям. Однако это не применимо к тем объектам, которые мы называем неживыми. Неживые предметы, например кристаллы, тоже растут, однако у них нет установленных пределов роста или величины, они не могут самостоятельно двигаться, и внутри у них отсутствует обмен веществ. Кристаллы, однажды сформировавшись, могут сохраняться без изменений миллионы лет. У неживых предметов также отсутствует размножение.

Рост, умирание и воспроизводство живых существ приводят к удивительным последствиям. Молодые особи, которых производят на свет живые существа — или сразу, или после некоторых промежуточных стадий и изменений (таких, как превращение гусеницы в бабочку), — становятся похожи на своих родителей. Однако они никогда не повторяют в точности родителей или друг друга, всегда есть небольшие отличия, которые мы называем индивидуальными признаками. Тысяча бабочек может дать в этом году значительное потомство, на следующий год их будет еще больше. Они могут

казаться нам в точности такими же, как и их предшественники, но у каждой из них будет свое небольшое отличие.

Нам тяжело заметить индивидуальные отличия у бабочек, поскольку мы обычно не наблюдаем за ними очень уж пристально. Иное дело с людьми. Все мужчины и женщины на свете произошли от мужчин и женщин, живших в 1800 г., но ни один из нас не повторяет в точности кого-либо из этого ушедшего поколения.

То, что справедливо по отношению к людям и бабочкам, справедливо и по отношению к любому другому типу живых существ

— как животных, так и растений. В каждом поколении каждого биологического вида проявляются свои индивидуальные особенности. Это не менее справедливо и по отношению ко всем тем крошечным существам, которыми кишели археозойские и протерозойские моря, и к современному человеку.

Каждый из видов живых существ постоянно умирает и снова возрождается во множестве новых особей.

Рассмотрим, что должно произойти с только что родившимся поколением живых существ какого-либо из видов. Некоторые из особей будут сильнее или определенным

образом приспособленное к жизни, чем остальные, которые окажутся слабыми и менее жизнеспособными.

На длительность жизни отдельного организма может оказать влияние любая случайность или выгодное совпадение обстоятельств. Однако в целом более приспособленные особи будут жить, развиваться и производить потомство, обгоняя более слабых. Те, в свою очередь, окажутся менее приспособленными добывать пищу, отбиваться от врагов и выживать в трудных условиях. И так в каждом поколении будет происходить своеобразный отсев, отбор самых слабых и неприспособленных в

пользу сильных и приспособленных. Этот процесс называется естественным отбором или выживанием более приспособленных.

Из самого факта, что живые существа растут, питаются и умирают, следует, что все виды, до тех пор, пока условия их существования остаются неизменными, с каждым новым поколением все больше и больше приспособляются к этим условиям.

На деле же природные условия никогда не остаются неизменными и все живые существа постоянно оказываются в чем-то неприспособленными. Адаптация к

новым условиям всегда бывает в чем-то неполной, а иногда она оказывается слишком неполной. Однако в критическом положении на помощь живым существам приходит способность к резкому проявлению новых признаков, новых особенностей в их строении и функционировании, которая называется мутацией, в том числе возникновению особенностей более значительных, чем обычные индивидуальные различия.

Эти мутации могут затруднять борьбу за выживание, или помогать в этой борьбе, или вообще не влиять на дальнейшую судьбу организма. В первом случае они отбрасываются

естественным отбором, во втором — приветствуются и сохраняются, в последнем случае они могут сохраниться внутри вида, не принося ни пользы, ни вреда, как результат произвольного искажения.

Сама по себе мутация кажется процессом совершенно случайным, действующим наугад. Она может оказаться своевременным ответом на необходимость, может быть бесцельным и тупиковым вариантом развития или абсурдным отклонением. В последнем случае она создает «монстра», который погибает. В первом же случае такая мутация распространяется на весь вид.

Представим, к примеру, маленькое животное со светло-коричневым мехом, живущее в очень холодной местности, к тому же почти всегда покрытой снегом. Те из особей, у кого окажется самый плотный и самый белый мех, будут меньше всего страдать от холода, наименее заметны для врагов и сами не будут на виду во время охоты. Каждая мутация в этом направлении будет полезной. Мех этих особей будет уплотняться и становиться белее с каждым новым поколением, пока не станет наиболее подходящим для данных условий.

Теперь представим, что климат изменился, в этой местности стало

теплее, снег исчез. Белые зверьки станут отчетливо видны большую часть года, а густой мех в новых условиях — только помеха. Теперь в преимущественном положении окажутся те из них, у которых более темная окраска и менее густой мех, а самые белые и пушистые окажутся в затруднительном положении. Каждая благоприятная мутация будет подхватываться и закрепляться в процессе естественного отбора весь этот неблагоприятный период.

Если это изменение климата наступит слишком быстро и не случится никакой благоприятной мутации, особи этого вида могут быть истреблены. Но если мутация

окажется полезной и хватит времени, чтобы она могла широко распространиться, эти животные смогут пережить трудное время и адаптироваться, поколение за поколением, к новым условиям. Этот процесс приспособления к меняющимся условиям называется изменчивостью видов.

Вернемся к нашему примеру. Возможно, что эта перемена климата не затронет всей территории, на которой обитает данный вид, скажем, произойдет на одной стороне обширного морского залива или горной гряды, или любой подобной естественной преграды, и не случится на другой. Какое-нибудь

теплое океаническое течение
наподобие Гольфстрима может
изменить направление, неся с собой
тепло только на одну сторону такого
барьера, оставляя другую по-
прежнему холодной. Тогда с
холодной стороны у животных одного
вида мех будет становиться, по
возможности, все более густым и
белым, тогда как с другой стороны
мех у того же вида животных будет
изменяться в сторону более
коричневой окраски и меньшей
густоты.

Одновременно с этим будут
происходить и другие
видоизменения, например,
появление различий в строении

лапы, потому что одним животным — представителям этого вида — придется разгребать лапами снег в поисках пищи, в то время как другие большую часть года будут бегать по голой земле. Скорее всего разница в климате повлечет за собой отличия в питании, что в свою очередь отразится на зубах и пищеварительных органах этих животных. Кроме того, могут измениться вслед за изменением меха потовые и сальные железы, а это повлияет на строение выделительных органов и всего обменного процесса в организме.

И так — во всем строении организма. Может наступить момент,

когда два отдельных представителя прежде единого вида будут настолько непохожи друг на друга, что их со всей определенностью можно будет отнести к разным видам. И причина этому — накопление индивидуальных и мутационных признаков. Подобное ветвление видов на протяжении нескольких поколений на два вида или более называется разделением видов.

В том юном мире, когда пылающее солнце поднималось и садилось за треть нынешнего дня, когда теплые моря огромными приливами накатывались на песчаные и илистые берега каменистых земель, а воздух был

плотным от испарений и облаков, ранняя жизнь неизбежно должна была видоизменяться, и появление новых видов происходило с большой скоростью. Жизнь, вероятно, была такой же быстрой и короткой, как те дни и годы. Новые поколения, отсеваемые естественным отбором, чередовались друг с другом в более высоком темпе, чем в нашу эпоху.

У людей естественный отбор происходит значительно медленнее, чем у любого другого существа. Чтобы вырасти и обзавестись потомством, среднему западноевропейцу требуется двадцать и более лет. В животном мире в большинстве случаев

потомство появляется уже через год после рождения и даже менее. Однако у простейших живых организмов, которые появились в первобытных морях, рост и размножение были делом нескольких коротких часов или даже нескольких коротких минут. Соответственно видоизменение и разделение видов также было исключительно быстрым. Жизнь уже успела сложиться во множестве разнообразных форм к тому моменту, когда она смогла оставить первые следы на ископаемых породах.

Летопись окаменелостей, таким образом, не начинается с какой-либо группы тесно связанных форм, от

которой произошли все последующие существующие формы живых существ. Она берет свое начало в Море, в котором уже представлены почти все основные деления животного царства. Растения уже в то время были растениями, а животные — животными.

Брахиоподы, которые питались в основном той же пищей, что и современные мидии и устрицы, уже успели обзавестись панцирем; огромные водяные ракоскорпионы ползали среди водорослей; прятались, спасаясь от опасности, в свои раковины трилобиты. В те древние времена прибрежная тина

так же кишела инфузориями и другой микроскопической живностью, как и любая нынешняя лужа. В океане, как и сейчас, обитало великое множество крошечных прозрачных, зачастую фосфоресцирующих живых существ.

Но суша за линией приливов по-прежнему оставалась каменистой пустыней без каких-либо признаков жизни.

Глава третья

Жизнь и климат

**1. Жизнь и вода:
водные растения.**

**2. Появление
наземных животных.**

**3. Почему жизнь
должна постоянно
изменяться**

1

Повсюду, куда доходила береговая линия, была жизнь, и эта жизнь продолжалась в воде, около

воды и с водой — ее домом, ее средой обитания и основополагающей потребностью.

Первичные формы жизни, студенистые и незащищенные, погибали, оказавшись вне воды, как высыхает и погибает медуза, выброшенная волной на пляж. Высыхание в те дни было фатальной угрозой для жизни, от которой поначалу у нее не было защиты. Но в мире дождевых заводов, мелководья и приливов любые отклонения и проявления изменчивости, которые помогали организму продержаться на время отлива или пересыхания водоема и сохранить жидкость в своей структуре, сохранялись и

усиливались с течением времени. В те времена в любой момент живые существа рисковали быть выброшенными на берег или оказаться в пересыхающем водоеме. Но, с другой стороны, им приходилось держаться поблизости от берегов и отмелей, потому что им необходим был воздух (конечно, растворенный в воде) и свет.

Без воды ни одно живое существо не может дышать, не может переваривать пищу. Мы говорим, что для дыхания необходим воздух, но в действительности для дыхания всему живому необходим кислород, растворенный в воде. Воздух, которым мы с вами дышим, сначала

должен раствориться в жидкости внутри наших легких; также и пища, которую мы съедаем, прежде разжижается, а затем усваивается. Водные животные, которые всегда живут в воде, дышат посредством свободного колебания открытых жабр, которыми они извлекают воздух, растворенный в этой воде.

Но животное, которое в любой момент может оказаться вне воды, должно каким-то образом защитить свое тело и дыхательный орган от пересыхания. Прежде чем морские водоросли смогли выбраться из раннепалеозойских морей на приливную линию побережья, им пришлось создать более плотный

внешний покров для сохранения жидкости. Прежде чем предок ракоскорпиона смог выжить, оказавшись на берегу после отлива, ему пришлось приобрести свой защитный панцирь. Трилобиты же обзавелись плотной оболочкой и научились сворачиваться в первую очередь для защиты от пересыхания и уж потом — друг от друга и от врагов. И когда вскоре (как мы заметим, поднимаясь вверх по напластованиям палеозойских отложений) появились рыбы — первые из позвоночных животных, некоторые из них уже успели приспособиться к риску временно оказаться на суше, защитив свои

жабры жаберными покрывками и обзаведясь примитивным плавательным пузырем.

В это же время водоросли и другие растения, которые пытались адаптироваться к приливной среде, также подбирались и к области более яркого света. Свет для растений имеет первостепенную важность. Любое изменение в их строении, которое удерживало и направляло бы их к свету вместо того, чтобы во время прилива бесформенным комком катиться обратно в воду, было бы огромным преимуществом. И мы обнаруживаем, что у растений начинают появляться корневая система и волокнистая структура, а

затем и древесная кора.

Ранние растения размножались спорами, которые выпускались в воду, разносились водой и могли прорасти только под водой. Они, подобно большинству современных низших растений, были привязаны условиями своего жизненного цикла к водной среде. Но и здесь огромную выгоду принесло появление у спор защитной оболочки, предохранявшей их от пересыхания. Теперь растения могли размножаться в воздушной среде, не рассеивая споры непосредственно в воду. Как только эта способность закрепилась у растений, они расстались с мелководьем и начали освоение

суши, купаясь в солнечном свете, далеко от морских штормов и волнений.

Основные видовые отличия у высших растений указывают на те стадии, которые они прошли, освобождаясь от необходимости жить в воде. В этом не последнюю роль сыграла появившаяся у растений древесина, а также способ воспроизводства, предотвращающий угрозу высыхания. Низшие растения по-прежнему остаются узниками водной стихии. Низшим мхам приходится жить в сырости, и даже появление спор у папоротников требует на определенной стадии исключительной влажности.

Высшим растениям удалось вырваться на свободу; чтобы жить и размножаться, им достаточно того, чтобы почва была лишь немного влажной. Они полностью справились с задачей жить вне воды.

Эта задача в основном решалась на протяжении всей эры протерозоя и в раннем палеозое природным методом проб и ошибок.

Затем, постепенно, но в огромном множестве, новые разновидности растений начали выбираться из моря и распространяться по прибрежным низинам, все еще держась болотистых берегов и заливов, а также вдоль течения и в устьях рек.

Следом за растениями наступает черед животных осваивать сушу.

Нет ни одного наземного животного на нашей планете, как и ни одного наземного растения, строение которого не было бы изначально строением водного организма, при помощи разделения и изменчивости видов приспособившегося к существованию вне воды. Эта адаптация достигалась различными способами. В случае ракоскорпиона жаберные пластины этого примитивного морского обитателя были скрыты в теле, чтобы защитить

дыхательные ткани от быстрого испарения. Жабры ракообразных, таких как краб, которые свободно перемещаются на суше, защищены жаберными покрывками на нижнем панцире или щитке. Предки насекомых обзавелись системой трахеальных каналов, которые проводят воздух по всему телу, прежде чем он полностью растворится. А у позвоночных наземных животных жабры древних рыб были сначала дополнены, а затем замещены похожим на мешок выростом у горла — примитивным легочным плавательным пузырем.

До сегодняшнего дня существуют определенные виды рыб,

на примере которых мы можем представить, что же помогло позвоночным наземным животным выбраться из воды. Эти рыбы (например, австралийский илистый прыгун) обитают в тропических регионах, где сезоны дождей чередуются с последующими сезонами засухи. Реки в этот период превращаются в лужицы сохшейся грязи. Во время сезона дождей эти рыбы плавают и дышат жабрами, как обычные рыбы. Но когда вода из рек испаряется, они зарываются в грязь, их жабры перестают работать, и, пока не вернется вода, они выживают, заглатывая воздух, который попадает прямо в легочный

плавательный пузырь. Такая двоякодышащая рыба, оказавшись после пересыхания рек в застойных озерцах с затхлой и бедной кислородом водой, всплывает на поверхность и глотает воздух. Так же поступают и тритоны в прудах.

Эти животные все еще остаются на переходной стадии — на той стадии, когда предки высших животных пытались вырваться из ограничений жизни в водной среде, но не смогли сделать этого в полной мере.

Земноводные (лягушки, тритоны, саламандры и т. д.) могут служить примером последовательности, в которой

проходили стадии этого
освобождения. Для размножения им
по-прежнему необходима вода, их
икринки должны быть отложены в
теплую прогреваемую солнцем воду,
где они могут развиваться. Молодой
головастик дышит перистыми
выростами-жабрами, которые
колышутся в воде. Затем над ними
вырастают жаберные покрывки,
образуя жаберную камеру. Когда у
головастика появляются лапки и
втягивается хвост, он начинает
пользоваться легкими, а его жабры
вырождаются и исчезают. Головастик
может постоянно жить в глубине
водоема. Взрослая же лягушка
способна всю оставшуюся жизнь

провести на суше, но задохнется, если держать ее только под водой.

Поднимаясь выше по эволюционной лестнице, мы замечаем, что уже у пресмыкающихся яйцо защищено от испарения плотной скорлупой. Из этого яйца появляется потомство, которое, едва вылупившись, уже дышит легкими. Рептилии, как и семенные растения, полностью освободились от необходимости проводить какую-либо из стадий своего жизненного цикла под водой. Более того, как и земноводное, рептилия погибнет, надолго оказавшись под водой.

Поздние палеозойские

отложения в Северном полушарии дают нам достаточно материала, чтобы представить это постепенное распространение жизни на суше. Географически это была эпоха лагун и неглубоких морей, весьма благоприятная для такого вторжения. Вполне возможно, что тогда даже не было глубоких морей, подобно нынешним океанам. Теперь, когда у новых видов растений появилась возможность покорить и воздушную среду, они дали начало исключительному богатству и разнообразию современных форм.

В то время еще не было подлинных цветковых растений, ни трав, ни деревьев, сбрасывающих

листву зимой. Первичная «флора» состояла из огромных древовидных папоротников, гигантских хвощей и подобных типов растительности. Стебли этих растений вырастали до огромных размеров. Множество таких стволов в окаменелом виде сохранились до наших дней. Некоторые из этих деревьев достигали в высоту пятидесяти метров. Их стволы, которые росли прямо из воды, были покрыты толстой порослью мягких мхов, зеленой слизью и грибовидными наростами, которые почти не сохранились. Мягкая растительная масса, которой изобиловали первые болотистые леса, со временем

образовала основной пласт угольных отложений.

Среди этой буйной примитивной растительности ползали, парили и летали первые насекомые. Это были первые жесткокрылые, зачастую очень большие существа. Каждое из их четырех крыльев доходило до пятнадцати сантиметров в длину. Широко распространены были стрекозы — у одной такой, найденной в угольных отложениях Бельгии, размах крыльев составлял свыше семидесяти сантиметров! Существовало и множество летающих разновидностей насекомых семейства тараканов.

Во множестве водились также скорпионы и некоторые виды ранних пауков. Прядильные органы у этих пауков отсутствовали или были очень просты, неразвиты, поэтому они или не плели паутину, или плели очень простую. В эту же эпоху появились наземные улитки и сделали первый свой шаг по земле наши непосредственные предки — амфибии (земноводные). Поднимаясь к верхним уровням позднепалеозойской эры, мы обнаруживаем, что процесс адаптации к воздушной среде продвинулся настолько, что среди изобилия разнообразных форм амфибий заняли свое место и

подлинные рептилии.

Летопись Окаменелостей
похожа на пространную книгу, с
которой обращались крайне
небрежно. Все ее страницы порваны,
истрепаны и скомканы, а многих и
вовсе недостает. То
последовательное изложение,
которое мы в общих чертах
представили здесь, складывалось
медленно и очень непросто, в ходе
длительного изучения, все еще
далекого от завершения. Отложения
каменноугольного периода,
«угольные пласты», дают нам
представление о первом
значительном распространении
жизни на влажных низинных землях.

[13] Затем идут вырванные страницы пермских пород (их можно считать концом палеозойской эры), в которых сохранилось очень мало следов существ, что жили на Земле в ту пору. Лишь после долгого временного промежутка жизнь снова возвращается к изобилию и многообразию своих форм.

Пермские отложения указывают на суровый и опустошительный период в истории нашего мира. Они обозначают этап перехода от палеозойского века рыб и амфибий к мезозойскому веку рептилий.

Не стоит забывать и о том, что климат той эпохи также был подвержен значительным переменам,

которые иногда способствовали, а иногда ставили преграды на пути развития жизни. Все виды живых существ постоянно, все более и более тонко, приспособляются к изменению жизненных условий, которое не прекращается никогда.

Не существует предела для адаптации, есть только постоянная потребность изменяться и совершенствоваться.

Впрочем, мы можем обнаружить и такие существа низшего порядка, которые с самого начала смогли настолько приспособиться к несложным и распространенным условиям, что избежали значительного видоизменения,

замещения или исчезновения. Например, существует маленькая панцирная рыба лингула, которая приспособилась к неприметной малоподвижной жизни в южных морях. Этот вид рыб просуществовал без заметных изменений на протяжении всего геологического цикла.

С другой стороны, геологи могут представить нам целые собрания ископаемых остатков, в которых можно проследить видоизменения, произошедшие лишь за несколько тысячелетий, связанные с изменениями климата, питания и появлением новых врагов.

Здесь, пожалуй, необходимо

сказать несколько слов о том, чем же вызваны эти изменения климатических условий, которые никогда не прекращались на поверхности Земли. Эти перемены не носят регулярный характер, а скорее являются постепенными перепадами от периода потепления к периоду похолодания, и обратно. Учитателя не должно сложиться представление, что если наши Солнце и Земля однажды были раскаленными, то климатическая история мира представляет собой простое остывание мира. Безусловно, центр Земли и теперь очень горячий, но мы не ощущаем этот внутренний жар на

поверхности. С тех пор как произошло отверждение земной коры, этот внутренний жар проявляется, скажем, в вулканической деятельности или в активности геотермальных источников.

Но даже в архейских и протерозойских отложениях есть следы ледников и другие признаки периодов исключительного похолодания. Подобные волны похолодания периодически проходили повсюду, сменяясь более теплыми условиями. Кроме того, на Земле случались периоды повышенной влажности и повышенной засухи. Они зависят от астрономических и геофизических

колебаний исключительной сложности, в которые мы здесь не будем вдаваться.

Соответственно и Летопись
Окаменелостей открывает нам, что
случались продолжительные
периоды распространения и развития
жизни, когда она процветала,
ширилась и множилась, и суровые
времена, когда исчезали и вымирали
целые виды, роды и классы живых
организмов. Те же, кто уцелел,
получали от жизни суровый урок
ВЫЖИВАНИЯ.

Вполне вероятно, что благоприятные и теплые полосы в земной истории были значительно длиннее по отношению к холодным.

Наш сегодняшний мир тоже не сразу выбрался из долгой полосы трудных и неблагоприятных условий. А еще через полмиллиона лет мир, возможно, забудет, что такое зима, и даже на полюсах будут расти деревья и зеленеть травы. Пока что мы не можем со всей уверенностью прогнозировать, что ожидает нас в будущем, но наши знания о Вселенной растут, и когда-нибудь человечество сможет составлять планы на тысячелетия вперед, навстречу вызовам грядущих эпох.

Глава четвертая

Эпоха рептилий

- 1. Жизнь на поверхности Земли.**
- 2. Ящеры.**
- 3. Первые птицы.**
- 4. Период гибели видов.**
- 5. Появление меха и перьев**

Мы знаем, что многие сотни тысяч лет на земле в большинстве

мест преобладали влажные и теплые условия. Изобилие неглубоких заводей способствовало обширным накоплениям растительной массы, которая со временем стала основой для образования каменного угля. Правда, существовали и холодные периоды, однако они были не настолько продолжительны, чтобы уничтожить растительный мир.

Затем, после долгой эпохи изобилия первобытных растений, на какое-то время на Земле наступил длительный период всемирного похолодания и вымирания преобладавших тогда растительных форм. Так закончился Первый том в истории жизни на нашей планете.

Без сомнения, мезозойские низины были покрыты огромными зарослями древовидных папоротников и плаунов и походили на джунгли. Но в это время не было ни травы, ни дерна и никаких цветковых растений вообще — ни больших, ни малых. Растительность в мезозое в целом отличалась невыразительной окраской. Очевидно, во влажное время года она была зеленой, а в сухое — пурпурной и коричневой. Пожалуй, ей далеко было до той красоты, которой отличаются леса и чащи в наши дни. Не было ни ярких цветов, ни живописных оттенков листвы перед наступлением листопада, потому что

и листьев, которые бы могли опадать, еще не было. А на возвышенностях над заболоченными низинами по-прежнему простирался голый каменистый мир, не прикрытый никакой растительностью, доступный всем прихотям непогоды.

Когда мы говорим о хвойных растениях в мезозойском периоде, перед мысленным взором сразу встают сосны и ели, которые теперь покрывают горные склоны. Но на самом деле речь идет лишь о вечнозеленой растительности болотных низин. Горы оставались такими же открытыми и безжизненными, как и прежде. Однообразие горных пространств

нарушалось лишь оттенками
открытых горных пород,
многоцветием различных
напластований, что и теперь делает,
например, таким неповторимым
горный ландшафт Колорадо.

Среди животных,
распространившихся к тому времени
в низинных местах, на первый план
вышли рептилии, которые там
обитали в огромном количестве и
многообразии. К тому времени они в
большинстве своем превратились в
исключительно наземных животных.

Между рептилиями и
амфибиями существуют
определенные различия в
анатомическом строении. Эти

различия были заметны уже в каменноугольный период верхнего палеозоя, когда амфибии преобладали над всеми наземными животными. Однако главное, что здесь имеет для нас значение, — амфибии должны были возвращаться в воду для икрометания и на ранней стадии развития жить в воде и под водой.

Рептилии же в своем жизненном цикле избавились от стадии головастика. Точнее говоря, головастик у рептилии завершает свое развитие до того, как молодая особь проклюнется из яйца.

Точно так же земноводные избавились и от своей зависимости

от водной среды. Некоторые из них, правда, вернулись к ней, — как у млекопитающих гиппопотамы или выдры. Тем не менее, произошло это в ходе дальнейшего развития этих организмов как результат длительного и сложного процесса, который нет необходимости детально излагать в наших «Очерках».

В палеозойскую эру, как мы уже говорили, жизнь на Земле еще не вышла за пределы заболоченных низин вдоль течения рек, приливных морских лагун и т. д. Однако жизнь в мезозое уже смогла куда лучше приспособиться к менее плотной воздушной среде и упорно продвигалась вперед, покоряя

открытые равнины и подбираясь к склонам невысоких гор. Размышляя над историей человечества, и в особенности над его будущим, нельзя не обратить особого внимания на этот факт.

У наиболее ранних из известных нам рептилий, как и у их сородичей — амфибий, был такой же большой живот и не очень сильные ноги. Большую часть жизни они проводили, очевидно, ползая в жидкой грязи, как современные крокодилы. Но в мезозое они уже уверенно стояли и передвигались на всех четырех лапах. Другие же, не менее многочисленные их виды научились уравнивать тело

хвостом, стоя на задних лапах, как нынешние кенгуру, для того, чтобы передние конечности могли хватать добычу.

Кости одной весьма примечательной разновидности рептилий, которая по-прежнему передвигалась на четырех лапах, во множестве находят в мезозойских отложениях на территории Южной Африки и России. По ряду признаков, в частности, по строению челюсти и зубов, эти остатки приближаются к скелету млекопитающих. Из-за такого сходства с млекопитающими этот отряд рептилий получил название териодонты (зверозубые ящеры).

Другой отряд рептилий представлен крокодилами; еще одна разновидность рептилий со временем превратилась в пресноводных и морских черепах. Две группы рептилий не оставили живых представителей — ихтиозавры и плезиозавры. Это были огромные существа, которые, подобно китам, вернулись жить в море. Плезиозавр, один из самых крупных водоплавающих той эпохи, иногда достигал в длину тринадцати метров — если брать от головы до кончика хвоста — и добрая половина его длины приходилась на шею! А ихтиозавры представляли собой огромных дельфиноподобных

морских ящеров. Но самой обширной группой мезозойских рептилий, давшей наибольшее число разновидностей, были динозавры.

Многие из них достигали совершенно невероятных размеров. В этом отношении динозавры, которые жили на суше, так и остались непревзойденными, хотя и теперь морские обитатели — киты — не уступают им в размерах. Некоторые из динозавров были травоядными. Они питались листьями и молодыми побегами папоротникообразных деревьев и кустарников, а иногда, встав на задние лапы и обхватив передними ствол дерева, объедали его крону. Один из таких травоядных

динозавров, диплодок, достигал длины в двадцать восемь метров. А гигантозавр, скелет которого был раскопан в 1912 году учеными немецкой экспедиции в Восточной Африке, был и того больше — свыше тридцати метров!

Считается, что эти ящеры передвигались на четырех лапах, но трудно поверить, что им удавалось выдерживать такой вес, находясь вне воды. Кости динозавров оканчивались хрящами, а суставы у них не были достаточно крепкими. Едва ли эти монстры чувствовали бы себя хорошо, случись им выйти из реки или болотистой заводи. У гигантского травоядного динозавра

была объемная нижняя часть тела и короткие конечности, которые почти всегда находились под водой. Голова, шея и передние конечности были гораздо легче. Они, вероятно, находились над водой.

Еще одним примечательным типом динозавра был трицератопс — похожая на бегемота рептилия, но с костяным выростом на голове, как у носорога. Кроме того, существовали и динозавры-хищники, охотившиеся на травоядных сородичей. Из всех живых существ, когда-либо обитавших на земле, самым ужасающим был, очевидно, тираннозавр. Отдельные экземпляры этих хищных ящеров достигали

пятнадцать метров в длину (от головы до хвоста). По всей видимости, тираннозавры передвигались, как кенгуру, опираясь на массивный хвост и задние ноги. Некоторые ученые даже предполагают, что ти-раннозавр двигался прыжками — в таком случае, он должен был обладать совершенно невероятными мускулами. Прыгающий слон куда меньше поражал бы воображение. Скорее всего, тираннозавр охотился на травоядных рептилий — обитателей болот. Наполовину погрузившись в жидкую болотную грязь, он преследовал свою жертву по протокам и озерцам заболоченных

равнин, вроде нынешних
Норфолкских болот или болот
Эверглейдс во Флориде.

2

Еще одной из линий развития пресмыкающихся типа динозавров была группа легких ящеров, которые могли парить в воздухе, спрыгнув с вершины дерева. Между четвертым пальцем и туловищем у них образовалась перепонка, похожая на крыло летучей мыши. При помощи таких перепончатых крыльев они могли планировать от дерева к дереву подобно тому, как это делают сейчас

летающие белки.

Этими рукокрылыми ящерами были птеродактили. Их еще часто называют «летающими ящерами». На многочисленных иллюстрациях, изображающих пейзажи мезозойского периода, показано, как они парят в небе над джунглями или же бросаются с высоты на свою жертву. Но на их грудной кости, в отличие от грудной кости птиц, не было киля, к которому крепятся мышцы, достаточно сильные для продолжительного полета.

Внешний вид птеродактилей, должно быть, имел гротескное сходство с геральдическими драконами. В мезозойских джунглях

они занимали место птиц. Несмотря на внешнее сходство с птицами, птеродактили птицами не являлись и не были их предками. Строение крыла у птеродактиля совершенно иное, чем у птицы. Оно представляло собой ладонь с одним удлинённым пальцем и перепонкой, а крыло птицы похоже на руку с перьями, которые выходят из ее тыльной стороны. У птеродактилей же, насколько нам известно, не было перьев. Перо — это очень специализированная кожная структура, которая создавалась в процессе длительной эволюции.

Гораздо

менее

распространенными в то время были другие существа, действительно похожие на птиц. Самые первые из них еще планировали с деревьев, а более поздние уже умели летать, хотя не намного выше лесных верхушек. Первичных представителей птиц с полным правом можно классифицировать как пресмыкающихся. Они становились настоящими птицами по мере того, как их кожные чешуйки, характерные для всех рептилий, удлинялись и усложнялись, превращаясь в конце концов в настоящие перья.

Перья — это отличительный наружный покров птиц. Оперение

защищает его обладателя от холода и жары лучше, чем любой другой защитный покров, за исключением, пожалуй, плотного меха. На самой ранней стадии существования птиц это теплозащитное приспособление, подаренное самой природой, помогло птицам покорить те зоны обитания, которые оказались недоступными для птеродактилей, неприспособленных к настоящему полету. Птицы активно осваивали ловлю морской рыбы — если они не начали с нее — и расселялись ближе к Северному и Южному полюсам, преодолев температурные ограничения, которые останавливали пресмыкающихся.

Очевидно, самыми первыми были плотоядные водные птицы, которые добывали себе пищу, ныряя за рыбой. До настоящего времени некоторые из подобных примитивных видов можно встретить среди морских птиц, заселяющих побережья арктических и антарктических морей. У этих птиц зоологи находят рудиментарные остатки зубов в полости клюва, полностью исчезнувшие у остальных видов.

Наиболее ранняя из известных науке птиц, археоптерикс, была бесклювой. У нее были челюсти с рядом зубов, как у рептилии. На переднем крае крыла у

археоптерикса сохранились три когтистых пальца. Хвост у этого существа тоже был необычным. У всех современных птиц хвостовое оперение растет из короткого крестца, а у археоптерикса перья располагались по обе стороны длинного хвоста.

Вполне возможно, что первые птицы вообще не летали, и умение летать у них появилось позднее. Например, одна очень ранняя птица, гесперорнис, была совсем бескрылой. Но вслед за появлением перьев, таких легких и прочных и таких удобных, появление крыльев было лишь вопросом времени.

Мезозойская эпоха — Второй том книги жизни — это поистине удивительная история пресмыкающихся, которые развивались и распространялись по всей Земле. Но самое поразительное в этой истории ещё впереди. До самых последних мезозойских отложений мы видим, что все те отряды гигантских рептилий, о которых шла речь, по-прежнему не знают себе равных среди всего живого на земле. Кажется, ничто не угрожает их дальнейшему благоденствию и процветанию. Нет никаких признаков, судя по

палеонтологическим находкам, чтобы у них был какой-то враг или соперник. Затем Летопись обрывается. Нам не известно, как долго продолжался этот разрыв. Многих страниц в книге жизни не хватает, именно тех страниц, на которых были бы отражены, возможно, какие-то катастрофические изменения земных условий. В последующих слоях мы снова обнаруживаем изобилие и разнообразие форм растительной жизни и наземных животных.

Но от бывшего разнообразия и могущества рептилий не осталось и следа. В большинстве своем они оказались стертыми с лица земли, не

оставив потомства. Птеродактили исчезли полностью, не осталось в живых плезиозавров и ихтиозавров. Сохранились немногие виды ящериц, из которых самые крупные — вараны, обитающие в Индонезии.

Внезапный конец эпохи гигантских рептилий — это, вне всяких сомнений, самое глобальное потрясение во всей земной истории до появления человека. Оно ознаменовало собой завершение длительного периода ровных и теплых климатических условий и начало нового, более сурового времени, в котором зима стала холоднее, а лето — короче и жарче. Мезозойская жизнь — и

растительная, и животная — была приспособлена к теплым условиям, и наступившее похолодание оказалось для нее губительным. Теперь новые перспективы открывались для тех, кто смог выдержать испытание холодом и температурными перепадами.

Не сохранилось и следа от бывшего разнообразия динозавров. Только крокодилы, да еще морские и пресноводные черепахи смогли уцелеть и весьма немногочисленны в природе. Судя по тем ископаемым остаткам, которые мы обнаруживаем в отложениях кайнозойской эры, вместо динозавров на сцену выходят совершенно новые животные. Они

находились в очень отдаленном родстве с рептилиями мезозойского периода и, очевидно, не являлись потомками доминировавших ранее видов. [\[14\]](#) Новая жизнь начинает править миром.

Рептилии же не только не имели ни меха, ни перьев, необходимых для терморегуляции, но и строение их сердца не способствовало тому, чтобы поддерживать высокую температуру тела в окружающих холодных условиях.

Какой бы ни оказалась на самом деле причина вымирания мезозойских рептилий, она привела к далеко идущим последствиям, так как эти катастрофические перемены

одновременно затронули и морских обитателей. Изменения условий жизни и финал пресмыкающихся на суше сопровождались одновременно и гибелью аммонитов — морских головоногих, ползавших по дну первичных морей. Большинство из нас имеет некоторое представление об их огромных раковинах, отдельные экземпляры которых достигали в диаметре полметра и более. На всей протяженности мезозойских отложений мы находим огромное множество самых разнообразных аммонитов, около ста различных видов. А к концу мезозоя их видовое разнообразие еще более возросло. Появились экземпляры

самых невероятных размеров. Но когда настал их срок, и они пополнили страницы Летописи Окаменелостей. После них не осталось никакого прямого потомства.

У некоторых людей может сложиться мнение, что гигантские рептилии были вытеснены млекопитающими, которые соперничали с ними и стали причиной их вымирания. Млекопитающие, действительно, оказались более приспособленными к новым условиям. Однако ничего подобного нельзя сказать об аммонитах, место которых и до сего дня остается незанятым. Они

попросту исчезли. По неизвестным для нас причинам мезозойские моря были благоприятной средой для их обитания, и по столь же неизвестной причине, из-за какого-то сбоя в привычной последовательности дней и времен года, их существование внезапно прекратилось. Ни один из биологических родов аммонитов из всего их бывшего разнообразия не сохранился до нашего времени. Существует лишь один изолированный вид, находящийся в близком сходстве с аммонитами и родственный им. Это жемчужный наutilus. Примечательно, что он обитает в теплых водах Индийского и Тихого океанов.

Что же касается млекопитающих, которые могли вытеснить менее приспособленных рептилий, о чем иногда говорят, — то нет ни малейших признаков того, что они в действительности соперничали. Гораздо больше оснований предполагать, — судя по Летописи Окаменелостей, какой она дошла до наших дней, — что сначала гигантские рептилии по не известной до сих пор причине исчезли с лица земли. И лишь потом, после длительного, непростого для всего живого на земле времени, когда условия существования снова стали легче, развитие млекопитающих пошло активными темпами, и они

смогли заселить оставшийся незанятым мир.

Нам ничего не известно о том, что же стало причиной катастрофического для всего живого изменения земных условий. Мы не знаем и того, какие катастрофы и потрясения могла испытывать в прошлом вся наша Солнечная система. Нам остается только догадываться об этом. Возможно, какой-то огромный пришелец из внешнего космоса пронесся мимо и зацепил нашу планету или даже столкнулся с ней, дав новое направление всему ходу развития жизни на Земле. Подобные космические тела и сейчас

обрушиваются на нас. Они вторгаются в земную атмосферу, раскаляются от трения с ней и загораются. Их также называют падающими звездами. Большинство из этих метеоритов еще в воздухе сгорают без остатка, однако некоторые достигают поверхности Земли. В наших музеях есть отдельные образцы, достигающие нескольких метров в поперечнике.

Возможно, один из таких посланцев космоса оказался достаточно большим, чтобы стать причиной столь масштабных изменений.

Впрочем, это уже область чистых предположений. Давайте

вернемся к тем фактам, которые у нас есть.

5

Существовали ли млекопитающие в мезозойскую эру?

В этом нет никаких сомнений. Но они были небольшими, малозаметными и, в общем, немногочисленными.

В самой начальной главе мезозойского тома Летописи уже присутствуют рептилии — териодонты, о которых мы упоминали. А в раскопках позднего мезозоя обнаружены небольшие по

размерам челюстные кости, строение которых не оставляет сомнений в том, что принадлежали они млекопитающему.

Мезозойские млекопитающие или зверообразные рептилии — пока что мы не можем различить это с большой степенью достоверности — очевидно, были незаметными маленькими зверушками, размером с мышей или крыс. Это были скорее рептилии-изгои, чем отдельный класс животных. Не исключено, что они всё ещё откладывали яйца, и лишь постепенно сформировалась их отличительная черта — меховой покров.

Они жили вдали от водных

пространств, возможно, в
недоступных пустынных
возвышенностях, подобно
современным суркам. Там, вероятно,
они были защищены от опасности
истребления плотоядными
динозаврами. Некоторые из них
передвигались на четырех лапах, а
другие — на задних, используя
передние лапы для того, чтобы
лазить по деревьям. Их ископаемые
остатки встречаются так редко, что
во всех обширных отложениях
мезозойской эры пока не удалось
обнаружить ни одного полного
скелета, чтобы проверить эти
предположения.

У маленьких териодонтов, этих

древних млекопитающих, впервые появился меховой покров. Шерстинки меха, как и перья, — это удлинённые и специализированные чешуйки. Шерсть — вот то, что, скорее всего, стало ключом к спасению ранних млекопитающих. Выживая на самом краю обитаемого мира, вдали от тёплых низин и болот, они в процессе эволюции приобрели внешний защитный покров, уступающий в теплоизоляции и теплозащите разве что перьям и пуху морских птиц. Поэтому млекопитающие, как и птицы, смогли выдержать условия сложного периода между мезозоем и кайнозоем, в то время как

большинство подлинных рептилий погибло.

По всем основным признакам исчезнувшая в конце мезозойской эры растительность, в том числе исчезнувшие морские и наземные обитатели, были приспособлены к равномерно теплым сезонным условиям на протяжении всего года, а также к жизни на морском мелководье и в болотистых низинах. Однако их преемники, которые смогли преодолеть рубеж кайнозойской эры и сделали это именно благодаря шерсти и перьям, приобрели способность противостоять перепадам температур, чего не было у рептилий.

И, как следствие, перед ними открывались гораздо большие возможности, чем у любого живого существа до них.

Жизненное пространство нижнего палеозоя сводилось к теплой воде.

Жизненное пространство верхнего палеозоя также сводилось главным образом к теплой воде и влажной земле.

Жизненное пространство мезозойской эры, насколько нам известно, в основном сводилось к воде и низменностям в благоприятных по климатическим условиям регионах. Но в каждом из этих периодов появлялись

организмы, которые вынуждены были преодолевать сложившиеся ограничения и оказывались на новом жизненном пространстве. В периоды экстремальных условий, которые приходили на смену благоприятным, эти маргинальные организмы выживали, чтобы унаследовать затем вымерший мир.

Вот, пожалуй, основное, что можно сказать о палеонтологической Летописи. Ее главное содержание — это процесс непрерывного расширения жизненного пространства. Классы, роды и виды в течение эпох появляются и исчезают, но жизненное пространство с каждой новой эпохой становится

только шире. И оно никогда не перестанет расширяться. Никогда еще жизнь не покоряла таких просторов, как сегодня. Нынешняя жизнь, жизнь человека, простирается от полюса до полюса; она поднялась на такую высь, где никто не был до человека, его субмарины побывали в холодных безжизненных пучинах самых глубоких морей. Машины, созданные человеком, вгрызаются в сердцевину неприступных гор. А мыслями и вычислениями человек проникает в центр Земли и дотягивается до самых далеких звезд.

Глава пятая

Эпоха млекопитающих

1. Новая эпоха в жизни на Земле.

2. В мире млекопитающих появляется преемственность.

3. Мозг животного становится больше.

4. Новые трудности

1

Третьим

значительным

периодом в геологической летописи, который мы в общих чертах охарактеризовали в начале второй главы, — это кайнозой. Самое его начало открывает перед нами мир, по своей природе очень похожий на тот мир, в котором мы живем сегодня. День, правда, вполне мог быть заметно короче в начале кайнозойской эры, но и климатические условия, и сам ландшафт этого мира выглядели уже вполне современно. Конечно, климат в разные периоды кайнозоя не мог не меняться, и те земли, на которых сейчас господствует умеренный климат, с начала кайнозойской эры последовательно подвергались

воздействию интенсивной жары, крайнего холода и засухи. Ландшафт также претерпел определенные изменения. Но даже в изменившихся очертаниях гор и морей нет ничего такого, что нельзя было бы сравнить с той или иной частью нашего мира.

Вместо древовидных папоротников, хвощей и секвой мезозойской эры в геологических породах мы теперь обнаруживаем окаменелые остатки таких деревьев, как береза, бук, дуб, остролист (падуб), плющ, хлебное дерево, тюльпанное дерево, эвкалипт. Большое распространение получают пальмы.

Одновременно с пчелами и

бабочками развиваются цветы. Мы вступаем в эпоху цветов. Присутствие цветковых растений уже было заметно в позднемезозойских отложениях, к примеру, в отложениях мелового периода в Америке. Но теперь цветковые господствовали везде и всюду. Немаловажную роль сыграло также и появление травы. Некоторые виды трав уже существовали в позднем мезозое. Но лишь в кайнозойскую эру наш мир покрылся травяными равнинами и поросшая дерном почва скрыла когда-то голую и каменистую поверхность земли.

Начало новой эры было достаточно теплым, но затем

наступило похолодание. Самое начало кайнозоя отмечено также обширными тектоническими процессами, разломами земной коры. Полным ходом шло образование новых горных цепей и массивов. Альпы, Анды, Гималаи — это все кайнозойские горы. Если бы мы захотели представить себе типичный пейзаж того времени, на фоне картины следовало бы поместить действующий вулкан. Видимо, и мощные землетрясения в ту пору были не редкостью.

Геологи определяют несколько основных периодов кайнозойской эры. Будет нелишним перечислить их здесь, отметив при этом их климат.

Первым идет эоцен, что означает «заря новой жизни», эпоха исключительно мягкого климата в земной истории. Эта эпоха подразделяется, в свою очередь, на нижний и верхний эоцен. Затем идет олигоцен (эпоха «незначительной новой жизни»), в котором климат также был умеренно-теплым. Миоцен (живущие сейчас виды были тогда мало представлены) был эпохой интенсивного горообразования. Общая же температура на планете продолжала понижаться.

В плиоцене (тогда современных видов было уже больше, чем вымерших) климат очень сильно

напоминал теперешний, но в плейстоцене (большое разнообразие ныне живых видов) установились на длительный срок очень суровые условия: начался Великий ледниковый период. Ледники распространились от полюсов в сторону экватора, пока вся территория современной Англии, вплоть до устья Темзы, не оказалась скована ледяным панцирем.

От ледникового периода и до нашего времени продолжается период частичного потепления. Возможно, мы движемся к более теплему климату и спустя каких-нибудь полмиллиона лет жить в нашем мире будет гораздо теплее и

приятнее, чем сейчас.

В эоценовых лесах и на распространившихся травяных равнинах впервые появляется множество самых разнообразных млекопитающих. Прежде чем мы перейдем к подробному их описанию, давайте в общих чертах определим, что же такое млекопитающее.

С появлением позвоночных в нижнем палеозое, когда первые рыбы заполнили пространство морей, начинается непрерывное развитие позвоночных животных. Рыба — это позвоночное животное, которое дышит жабрами и живет только в воде. О земноводном можно сказать,

что это рыба, которая к жаберному дыханию прибавила способность во взрослом состоянии заглатывать воздух в плавательный пузырь. Кроме того, у амфибии развились конечности с пятью пальцами вместо плавников, как у рыбы.

Зародыш-головастик некоторое время живет как рыба, по мере развития он становится наземным обитателем. Следующий шаг от воды к суше — это рептилия. Это — земноводное, которое уже обходится без своей «водной» фазы. У него этап развития головастика — по сути рыбы — проходит в яйце. Пресмыкающееся никогда не сможет дышать под водой так, как это делает

головастик.

Итак, современные млекопитающие — это такой тип рептилий, у которых появился особый защитный покров и которые вынашивают яйцо в теле до тех пор, пока не образуется и затем не появится на свет вполне сформировавшееся потомство.

Млекопитающие, следовательно, являются живородящими. Но даже после рождения потомства они продолжают заботиться о нем и кормят его более или менее долго с помощью специально приспособленной для этого молочной железы. Отдельные пресмыкающиеся, например

некоторые гадюки, тоже живородящие. Однако они не опекают свое потомство, не ухаживают за ним так, как настоящие млекопитающие.

И птицы, и млекопитающие, которым удалось избежать губительного воздействия разрушительных сил, положивших конец господству мезозойских рептилий, которые выжили и заселили кайнозойский мир, похожи в двух основных моментах. Во-первых, у них наиболее эффективная защита от перепадов температуры, чем это когда-либо было у пресмыкающихся. Во-вторых — это особая забота о защите своего яйца

от действия холода: высиживание у птиц и вынашивание у млекопитающих. К этому нужно прибавить и определенный период, когда они присматривают за своим потомством после того, как оно вылупится из яйца или родится. В отличие от млекопитающих, обычная рептилия не обращает внимания на свой молодняк.

По-видимому, самым ранним различием между млекопитающими и остальными рептилиями было появление шерсти. Едва ли предки млекопитающих — териодонты, которые обзавелись шерстяным покровом в раннем мезозое, были живородящими.

До наших дней сохранилось два вида млекопитающих, которые выкармливают своих малышей, но по-прежнему откладывают яйца. Это ехидна, обитающая в Австралии и на Новой Гвинее, и австралийский утконос, хотя в эоцене существовали и другие подобные виды. Эти животные выделяют питательную жидкость из желез, которыми усеяна их кожа на животе. Но эти железы не собраны, как у остальных млекопитающих, в одну молочную железу с соском для кормления детеныша. Питательная жидкость у них выделяется, когда мать лежит на спине, а детеныш слизывает ее с влажной кожи. Это единственные

уцелевшие до наших дней потомки более обширного и разнообразного сообщества маленьких яйцекладущих, но уже покрытых шерстью рептилий.

К ним относились и мезозойские предки ныне живущих млекопитающих, в том числе и человека. В любой момент раскопки, которые проводятся в каком-нибудь отдаленном уголке планеты, могут обнаружить еще одно из подобных «недостающих звеньев».

Мы можем взглянуть на основные факты, касающиеся размножения млекопитающих, и под другим углом зрения. Млекопитающие — это семейные

животные. А навык семейственности предполагает и новый вид преемственности, передачу потомству опыта и знаний о мире. Сравните совершенно изолированную жизнь одной особи у ящериц и жизнь, пусть самого низшего, из млекопитающих. Жизненный опыт первой замыкается в круге индивидуального существования, ориентированного на собственные цели и нужды. При этом никакой преемственности между особями не создается. У вторых же опыт и умения «схватываются» потомством у более зрелых особей.

Все млекопитающие, исключая

те два вида, о которых мы упоминали, еще до наступления нижнего эоцена вступили в стадию развития, когда младшие зависят от старших и подражают им. Все молодые особи млекопитающих этого периода уже более-менее умели повторять поведение взрослых животных. Они обладали зачаточной обучаемостью. Все они как составляющую часть своего развития получали материнскую заботу и непосредственно учились у своих родителей. Это так же справедливо относительно гиены и носорога, как и в отношении собаки и человека. Несмотря на огромные различия в обучаемости, сам факт этих

характерных способностей у таких разных существ неоспорим.

Вот так, по мере развития позвоночных животных, живородящие и оберегающие свое потомство млекопитающие, а также воспитывающие и охраняющие своих птенцов птицы стали новым этапом в развитии жизни на земле. Этот этап — возникновение популяций вдобавок к негибкому инстинктивному наследованию и появление соответствующей нервной организации, необходимой для нового механизма наследственности.

Все новшества, которые только возникали в развитии жизни, обычно имели неприметное начало. Так, у

двоякодышащей рыбы, обитавшей в заболоченном озере во времена верхнего палеозоя, кровеносные сосуды были соединены с дыхательным пузырем, и это помогало ей продержаться в период засухи. Эта рыба выглядела бедным изгнанником из слишком переполненной и беспощадной морской среды, где царили огромные акулы, панцирные рыбы и ракоскорпионы. Но именно эта, поначалу узкая тропинка и вывела позвоночных к дальнейшему господству на суше. И последующее потомство, которому удалось обзавестись легкими, продолжало развивать и совершенствовать эти

особенности.

Тот факт, что некоторые земноводные в верхнем палеозое утратили свою «земноводность», заключая зародыш внутри скорлупы до самого момента созревания потомства, может показаться просто реакцией на те неблагоприятные условия, которые угрожали головастику. Но именно это новшество подготовило триумфальное завоевание суши мезозойскими рептилиями. Оно открыло новый, свободный и активный, способ существования на суше, который освоили все рептильные животные.

И то, что древние живородящие

млекопитающие обучали и подготавливали к жизни свое потомство в худших, более сложных условиях, чем их соседи по планете, которые тогда доминировали, принесло в наш мир способность непрерывно и последовательно изучать и постигать его. Это совершенно новое восприятие мира, всё значение которого человек начинает осознавать только в наши дни.

2

Многие виды млекопитающих появляются уже в эпоху эоцена. Эти

виды имеют множество различий в ту или иную сторону: одни развиваются как копытные травоядные, другие прыгают и ползают по деревьям, некоторые возвращаются к жизни в воде. Но все они непроизвольно применяли и развивали возможности мозга — инструмента, обладающего силой познания и обучения. Вот почему кайнозой, эру цветковых растений, птиц и млекопитающих, можно с полным основанием назвать эрой развития мозга.

В отложениях эоценового периода находят остатки эогиппусов, ранних предшественников современной лошади, маленьких

верблюдов, свиней, предков тапиров, ежей, обезьян и лемурув, опоссумов, а также первых хищников. Все они в той или иной степени являются предшественниками современных животных, но у всех у них размеры головного мозга значительно меньше, чем у живущих ныне родственных видов. К примеру, у древнего титанотерия, похожего на современного носорога, объем головного мозга составлял всего одну десятую часть в сравнении с мозгом носорога. Нельзя сказать, чтобы этот последний отличался сколько-нибудь выдающимися способностями к развитию и обучению, но все же он в десять раз наблюдательнее и

смышлёнее, чем его предшественник. В равной степени это справедливо по отношению ко всем отрядам и семействам млекопитающих, доживших до наших дней. У всех кайнозойских млекопитающих под влиянием неблагоприятной внешней среды происходил один, общий для всех процесс — у них увеличивался мозг.

Этот процесс коснулся всех типов млекопитающих. В каждом из современных отрядов или семейств мозг любой особи, как правило, превышает размеры мозга их эоценовых предков от шести до десяти раз.

Впрочем, природа эоцена

демонстрирует нам и отдельные виды растительноядных животных, которые не сохранились до наших дней. В их числе — уинтатерий и титанотерий. Все они были вытеснены более приспособленными травоядными, по мере того как трава завоевывала все более обширные пространства.

Травоядных преследовали целые стаи хищников, таких, как гигантские волки. Некоторые из них были размером с медведя. Существовали уже и первые представители семейства кошачьих. У одного из них, смилодона, маленького свирепого существа, были мощные, острые, как нож,

клыки. Первые, еще небольшие, саблезубые тигры появились также в то время. Впоследствии они развились в огромных мощных хищников.

В миоценовых отложениях на территории Америки представлено обширное многообразие верблюдов: жирафовые верблюды с длинными шеями, газелеподобные верблюды, ламы и настоящие верблюды. Северная Америка на протяжении почти всей кайнозойской эры составляла единое целое с Азией и была открыта для миграции азиатских животных. Когда же льды Великого ледникового периода, а затем Берингов пролив разделили эти

два континента, верблюды остались в Старом Свете, а ламы — в Новом.

Что же касается первых предков слонов, появившихся в эоцене, то своим внешним видом они не отличались от других млекопитающих. Отличительная черта, хобот, появился у слона лишь в миоцене, с течением времени становясь все длиннее.

Миллионы поколений живых существ сменились с тех пор, как наша Земля сделала свой первый оборот вокруг Солнца. Постепенно ее орбита, которая во времена раннего эоцена представляла собой почти правильный круг, под воздействием притяжения других

планет приняла скорее эллипсовидную форму. Ось ее вращения, которая наклонилась по отношению к плоскости орбиты, как мачта яхты в штормовую погоду клонится к воде, незаметно, но все больше и с каждым годом все значительнее меняла положение.

Для шарика в один сантиметр, который вращается на расстоянии 107 метров вокруг огненного Солнца метрового диаметра, такие перемены не очень существенны. К тому же, они были растянуты во времени на несколько миллионов лет. Какому-нибудь бессмертному астроному с Нептуна, наблюдающему за Землей век за веком, они показались бы и

вовсе незаметными. Но для млекопитающих, которыми изобилдовал миоценовый мир Земли, эти изменения оказались в высшей степени ощутимыми.

Век за веком зимы становились холоднее, суровее и продолжительнее в сравнении с летом. А лето, в свою очередь, становилось короче. С каждым новым столетием снега весной таяли чуть позже; ледники на северных горах весной отступали на сантиметр, чтобы зимой продвинуться на два сантиметра вперед, снова отступали на полсантиметра, чтобы затем опять продвинуться на несколько сантиметров...

В палеонтологической летописи мы находим свидетельства о наступившем исключительном похолодании. Уже в плиоцене на смену теплоте пришел умеренный климат, и многие теплолюбивые растения и животные, привыкшие к более мягким условиям, отступили из широт с таким климатом к югу. Затем, постепенно, по несколько сантиметров в год, ледник начал наступать и на эти области.

Таким образом, плейстоцен — это эпоха с преобладающей арктической фауной. Ее представители — мускусный бык, мамонт, шерстистый носорог, лемминг — завоевывали новые

области обитания вслед за продвижением ледника.

Наступление льдов коснулось всей планеты — Северной Америки, Европы и Азии. Повсюду всё большие участки земли оказывались скрытыми под толщей льда. Тысячи лет длилось это наступление, затем на несколько тысячелетий ледник отступил, чтобы вновь продвинуться еще дальше.

Европа до балтийских берегов, Англия до Темзы, Северная Америка до Новой Англии, а в центральной части — и до Огайо, на протяжении долгих веков находились под ледяным панцирем. Океаны лишились огромных объемов воды,

превратившейся в гигантские ледяные утесы. Это вызвало, в свою очередь, изменения уровня моря во всемирном масштабе. Трансформировались очертания морей и континентов, оголились пространственные участки суши, которые в настоящее время являются дном моря.

В наши дни мир все еще продолжает выходить из последнего периода похолодания. Впрочем, повышение температуры происходит неравномерно. В недавней истории случались, и еще будут случаться впредь, значительные перепады температур. К примеру, две-три тысячи лет назад в Шотландии рос

болотный дуб на тех широтах, на которых сейчас не растет даже низкорослый дуб. Нам неизвестно, будут ли подобные колебания в сторону более теплого климата продолжаться и в ближайшем будущем.

И именно среди льдов и снегов ледникового периода мы впервые встречаемся с существами, похожими на человека. Появление человека — кульминация эры млекопитающих.

Книга вторая

Появление человека

Глава шестая

Появление и развитие человека

1. Происхождение человека.

2. Первые следы человекоподобных существ.

3. Гейдельбергский человек

1

Происхождение человека и его отношение к другим животным было

причиной и предметом ожесточенных споров и противоречий, продолжавшихся последнюю сотню лет. В ученой среде преобладает мнение, что человек произошел от более примитивного существа, что у него и человекообразных обезьян — шимпанзе, орангутангов, горилл — общий предок и что этот предок произошел от еще более примитивных форм, от более раннего вида млекопитающих. Этот ряд можно продолжить: общим предком для всех млекопитающих является рептилия, а та произошла от амфибии, которая в свою очередь произошла от примитивной рыбы.

Эта родословная основана на сравнении анатомических признаков человека и других позвоночных животных.

Еще одним подтверждением являются характерные стадии, которые проходит эмбрион человека до своего рождения. В самом начале он напоминает рыбу, у него есть жабры; его печень и сердце — как у рыбы. Затем эмбрион проходит фазы земноводного и рептилии, и только потом у него появляются черты низшего млекопитающего. Какое-то время у него заметен хвост. Даже в своем индивидуальном развитии эмбрион человека начинает не с человеческих черт. Путь к

человеческому облику он проходит постепенно. В то же время, по ряду мелких несущественных теперь признаков — скажем, по наличию и расположению рудиментарного волосяного покрова на конечностях — человек по-прежнему похож на обезьяну.

Миллионы и миллионы лет понадобились для того, чтобы сформировался облик человека, каким мы его знаем.

В начале этого пути было первое движение первой живой клетки среди океанских просторов.

Автор этой книги придерживается естественнонаучной точки зрения на происхождение

человека. Он считает ее вполне обоснованной и доказанной. Но не следует забывать о том, что теория происхождения человека от животного до сих пор имеет непримиримых противников, в том числе среди многих образованных и даже ученых людей.

Многие верующие не согласны с научным мнением, поскольку природа человека, как им кажется, падшая (с библейской точки зрения) и не является результатом долгого совершенствования (развития живых видов). Но задача историка — иметь дело не с тем, что кажется, а с тем, что есть на самом деле. Ни одна из более-менее влиятельных церквей в

настоящее время не настаивает на буквальном и дословном толковании библейского текста, столь же образного и иносказательного, как и любое другое поэтическое произведение. И до тех пор, пока биология настаивает на животном происхождении человеческой души, у науки и религии нет повода для противоречий в этом вопросе.

Нам следовало сделать это отступление, прежде чем мы продолжим тему о происхождении человека. Автор излагает здесь то, что находит правильным, и не считает нужным приводить возражения оппонентов, которые он полагает необоснованными и

которые невозможно проверить.

Что касается многих крупных млекопитающих, то вполне возможно проследить, почти шаг за шагом, предшественников современных видов вплоть до эоценового предка. Так обстоит дело, например, со слонами, верблюдами, лошадьми. К настоящему времени найдено множество ископаемых остатков древних видов, которые можно расположить в очень тесной последовательности друг за другом. Но нужно признать, что с предками человека все выглядит иначе, находки здесь случаются довольно редко и обычно бывают неполными. В вопросе о происхождении человека

еще достаточно пробелов, которые необходимо заполнить.

В те дни, когда великий английский натуралист Чарлз Дарвин (1809–1882) привлек внимание всего мира к этому вопросу в своей книге «Происхождение человека», известные доисторические остатки человека были единичны и не складывались в общую картину. Огромная пропасть, казалось, всегда будет отделять человека от человекообразных обезьян, и «недостающее звено» стало расхожим выражением в научных дискуссиях.

Лишь совсем недавно были

найденны остатки доисторического существа, которые, очевидно, помогут перебросить мостик от человека к его предкам. Самая удивительная из этих находок — череп, обнаруженный в Таунгсе в 1924 году, а также уникальная серия остатков синантропа, открытая возле Пекина.

По ряду признаков обе эти группы остатков принадлежали существам, по своему развитию находившимся где-то посредине между современным человеком и обезьяной. По строению зубов, черепной коробки, по посадке головы и покатости лба эти черепа напоминают человеческие. Но, с

другой стороны, их нельзя отнести к какому-нибудь из известных типов доисторических людей.

Дарвина зачастую упрекают, при этом совершенно необоснованно, будто бы согласно его учению предком человека является какая-то человекообразная обезьяна, вроде шимпанзе, гориллы или орангутанга. Но в этом не больше смысла, чем в утверждении, например, что я «произошел» от эскимоса или готтентота одного со мной возраста или даже моложе.

Понимая нелепость подобного утверждения, другие заявляют, что у человека и человекообразных обезьян один, общий и

непосредственный предок. Некоторые из таких «антропологов» пускаются в рассуждения о двойственном и тройственном происхождении человека: у негроидов-де был гориллоподобный предок, китайцы произошли от орангутанга, а у «белой» расы был общий предок с шимпанзе. Именно шимпанзе, если верить этой бесподобной теории, — младший брат европейца, и если уж пускать кого-нибудь в круг лучших «нордических» фамилий, так это его, а не более отдаленных негра или китайца. Это совершенная нелепица, о которой мы упоминаем, чтобы больше к ней никогда не

возвращаться.

Прежде считалось, что предок человека, вероятно, обитал на дереве, но в настоящее время те, кто достаточно сведущ в этом вопросе, больше склоняются к мнению, что он вел наземный образ жизни и что существующие ныне человекообразные обезьяны стали жить на деревьях лишь в ходе последующего эволюционного развития.

Если поставить рядом скелет гориллы и человека, то их общее сходство окажется настолько впечатляющим, что очень легко прийти к заключению: человек произошел от общего с гориллой

предка в результате увеличения объема мозга и общего совершенствования. Однако если внимательней присмотреться к существующим между ними различиям, они начинают выглядеть гораздо более значительными. В последнее время особое внимание обращают на разницу в строении ступни. Человек, шагая, опирается на пятку и пальцы ступни. Главной опорой во время ходьбы является большой палец, именно на него падает главная нагрузка, словно на рычаг. В этом можно убедиться, взглянув на влажные отпечатки ступней, скажем, на полу в ванной. Там, где давление на ступню слабее,

отпечаток будет менее четким. Большой палец — вот, поистине, глава всей ступни.

Из всех обезьян, включая человекоподобных, единственной группой, у которой строение ступни хоть в чем-то напоминает строение человеческой, являются некоторые лемуры. Бабуин ступает на всю ступню и пальцы, причем опорным является средний палец. И все три вида человекообразных обезьян при ходьбе опираются на внешнюю сторону ступни — совершенно иначе, чем это делает человек.

Человекообразные обезьяны обитают в лесах, передвигаться по открытой равнине им приходится

лишь время от времени. У них нет тех ловкости и проворства, которые помогают меньшим по размерам обезьянам все время перепрыгивать с дерева на дерево, практически не опускаясь на землю. Но и человекообразные обезьяны, как правило, значительную часть времени проводят не на земле, а на деревьях. Самая тяжелая из всех человекообразных обезьян — горилла — больше всех остальных вынуждена оставаться на земле. При ходьбе горилла очень часто использует передние конечности, опираясь на суставы пальцев. Это, конечно же, совершенно не похоже на то, как ходит по земле человек.

Кроме того, передние конечности человекообразной обезьяны, в сравнении с руками человека, значительно длиннее.

Однако человек ходит уверенно и быстро, и это дает основание предполагать, что на протяжении очень долгого времени, поколение за поколением, основным способом передвижения предков человека была именно ходьба. К тому же, человек не так уверенно чувствует себя на дереве, как обезьяна. Он взбирается на дерево медленно и осторожно.

Естественно предположить, что общим предком человека и антропоидов, о которых пойдет речь

в дальнейшем, была жившая в начале кайнозойской эры человекообразная обезьяна, которая вела преимущественно наземный образ жизни, прячась от врагов не на деревьях, а за обломками скал, как нынешние гibraltarские обезьяны. Это существо могло прекрасно лазить по деревьям, держать различные предметы между большим и средним пальцем (как сейчас это умеют делать японцы). Однако, в отличие от своего еще более дальнего мезозойского предка, жившего на деревьях, предок человека окончательно избрал средой своего обитания земную твердь.

Далее следует обратить

внимание на тот факт, что у человека нет врожденных способностей к плаванию. Ему приходится учиться плавать, а это предполагает, что достаточно долгое время он проводил на суше, вдали от рек, озер и морей. Вполне понятно теперь, почему эти существа так редко погибали в воде и, как следствие, почему мы так редко находим их остатки среди ископаемых окаменелостей.

Это связано с одним недостатком летописи Окаменелостей: она имеет в изобилии лишь сведения об обитателях водной среды или болот, а также о тех существах, которым часто случалось тонуть. По тем же

причинам, по которым так редки и сравнительно недоступны окаменелые остатки предков млекопитающих в мезозойских отложениях, у нас так мало следов предка человека среди кайнозойских окаменелостей. Знания, которыми мы располагаем о доисторическом человеке, были добыты почти исключительно из глубин тех пещер, в которых он жил и в которых остались следы его пребывания.

До наступления суровых времен в плейстоцене предки человека жили преимущественно в лесах или на открытых равнинах. Их тела после смерти разлагались или становились пищей для других животных.

Более того, предки человека, как и нынешние человекообразные обезьяны, вероятно, никогда не отличались многочисленностью. Они не были в этом похожи, к примеру, на оленей или лошадей, которые собираются в большие стада и могут быть представлены сотнями и тысячами особей, если не миллионами, в каждом поколении. Великое множество этих травоядных тонет в реках или оказывается в пасти у крокодила, гибнет в трясине у водопоя. Как следствие, мы во множестве обнаруживаем их окаменелые остатки.

Человекообразные обезьяны
передвигаются небольшими

группами из нескольких пар с детенышами. В поисках пищи они преодолевают значительные расстояния, при этом отгоняя конкурентов из числа особей своего же собственного вида. Зачастую это вообще существа, ведущие одиночный образ жизни и занимающие определенную территорию. Едва ли общее количество человекообразных обезьян на планете сейчас превышает несколько десятков тысяч, а количество горилл определенно не превышает нескольких сотен. Так же и в древности: поколения могли сменять поколения, не оставив ни одной

окаменелости.

Есть множество причин предполагать, что предок человека тоже был из числа подобных немногочисленных человекообезьян, [\[15\]](#) кочевавших небольшими стадами по значительным территориям. Десятки родственных видов существ, живущих в подобных условиях, могли исчезнуть, оставив едва заметный след. И шансы, что палеонтологи смогут обнаружить этот след, очень невелики.

Не стоит также забывать, что Летопись Окаменелостей еще не изучена до конца и ее обстоятельное и подробное исследование впереди. Практически только Западная

Европа основательно исследована в этом отношении. Неисследованными остаются еще сотни отложений, в которых хранятся фрагменты или полные остатки древнего человека и его предшественников. В Азии, в частности, в Индии или в Африке могут быть сделаны самые неожиданные находки, которые прольют новый свет на историю возникновения человека.

Человекообразные обезьяны и низшие обезьяны, по всей видимости, выделились в разные группы уже в начале кайнозойской эры. Существовал также ряд олигоценовых и миоценовых человекообразных обезьян,

отношение которых друг к другу и к человекообезьяне, о которой речь далее, еще нуждается в более тщательном прояснении. В их числе можно назвать дриопитека, жившего в миоценовом периоде. Его челюсть была очень похожа на человеческую. Существовало несколько видов дриопитеков, и не исключено, что один из них может быть в определенной связи с предком человека.

В северной Индии были найдены остатки ископаемых обезьян, у некоторых из которых (рамапитека) отчетливо видны близкие к человеку признаки. Олигоценовый проплиопитек,

остатки которого обнаружены в Египте, также был весьма любопытным существом. Это была маленькая человекообразная обезьяна размером с кошку. Она вполне может быть непосредственным предшественником современных человекообразных обезьян, а также иметь отношение к далеким предкам человека.

Возможно, все эти животные, эти «предлюди», использовали каменные орудия. Чарльз Дарвин сообщает о бабуинах, умевших раскалывать орехи, разбивая их камнем, переворачивать камни палкой, охотясь за насекомыми, и

наносить удары жертве камнями и ветками. Шимпанзе может устраивать себе на дереве гнездо, сгибая и переплетая ветви. Очевидно, подобными способностями обладали и более древние предки этих обезьян. Поэтому возможно, что склонность к использованию различных орудий была присуща уже нашим мезозойским предкам, от которых мы и произошли.

Среди самых первых свидетельств о том, что в далеком прошлом жили существа, более похожие на человека, чем нынешние человекообразные обезьяны, были камни и кремневые осколки, грубо

обтесанные до такой формы, чтобы их можно было держать в руке. [\[16\]](#) Они, по всей видимости, использовались как ручные топоры. Эти ранние каменные орудия («эолиты») зачастую так просты и так грубо обработаны, что долгое время ученые не могли прийти к общему мнению — имеют ли эти камни природное или все-таки искусственное происхождение.

Самые ранние из эолитов геологи относят к эпохе плейстоцена, то есть ко времени до первого ледникового периода. Они также встречались и на протяжении всего первого ледникового периода.

Нам пока не удалось

обнаружить ни костей, ни каких-либо других остатков человекоподобных существ, живших полмиллиона лет назад в Европе или Америке, которые могли пользоваться этими орудиями. Единственным исключением — впрочем, весьма сомнительным — является найденный в верхнеплиоценовых песках Небраски коренной зуб, который, по мнению некоторых исследователей, мог бы принадлежать обезьяночеловеку. Этому существу дали имя гесперопитек (западная обезьяна), хотя сам зуб, очень сильно поврежденный, мог принадлежать вовсе и не антропоиду, а какому-

нибудь другому ископаемому животному.

На острове Ява в породах, относящихся, как считается, к позднему плиоцену или к началу первого ледникового периода в Европе и Америке, были найдены разрозненные кости обезьяночеловека, который вполне мог быть творцом этих каменных орудий. Среди обнаруженных остатков были верхняя часть черепа, несколько зубов и бедренная кость. Судя по форме черепной коробки, объем мозга был средним между мозгом шимпанзе и человека. Но бедренная кость показывает, что этот антропоид мог ходить и бегать, как

человек, и таким образом свободно использовать свои руки. Это существо еще не было человеком, но и не было живущей на деревьях обезьяной, как шимпанзе. Это была прямоходящая обезьяна. Биологи дали ей имя питекантроп («обезьяночеловек»).

Еще более интересен пекинский синантроп — анатомически он гораздо ближе к человеку, чем к любой из обезьян. Это был антропоид. Теперь у нас есть остатки уже нескольких особей синантропа. Пока что, правда, нет никаких свидетельств того, что этот вид обезьяночеловека знал, что такое огонь, или умел делать примитивные

орудия. Синантропы и есть то «недостающее звено», на отсутствие которого ссылались в прошлом веке оппоненты Дарвина.

В то время здесь обитали также мамонты, носороги, гигантские гиппопотамы, гигантские бобры, бизоны, во множестве водились дикие лошади и саблезубые тигры. О львах и обычных тиграх в то время в Европе, кажется, ничего не известно, зато были медведи, волки, выдры, дикие кабаны. Вполне возможно, что ранние антропоиды подбирали остатки добычи саблезубого тигра, поедая то, что осталось от трапезы хищника.

Самый ранний из

представителей рода homo, о котором упоминается в Палеонтологической Летописи, известен лишь по сохранившемуся обломку челюстной кости. Она была найдена в песчаном карьере возле Гейдельберга на глубине восьмидесяти футов от поверхности.^[17] Эта челюсть совсем не похожа на ту, какой мы себе представляем челюсть человека. Однако она во всех отношениях является человеческой, за исключением того, что у нее нет ни малейшего признака подбородка. Она более массивная, чем у современного человека, и слишком узкая для того, чтобы язык мог достаточно свободно двигаться для членораздельной речи.

И все же это не челюсть обезьяны — ее зубы вполне можно считать человеческими.

Владельца этой челюсти называют по-разному — палеоантропом или гейдельбергским человеком, в зависимости от того, как разные авторы оценивают преобладание черт человека либо обезьяночеловека.

Он жил в мире, который был во многом похож на тот, в каком жил ранний обезьяночеловек, создатель первых орудий. Отложения, в которых обнаружены остатки гейдельбергского человека, показывают, что в то время жили слоны, лошади, носороги, бизоны,

львы. Саблезубый тигр уже был редкостью, но зато львы широко распространились в Европе.

Каменные орудия того периода уже значительно опережали по качеству изготовления известные нам орудия плиоцена. Они хорошо обработаны, но непомерно велики, если судить о них по размерам ладони современного человека.

У гейдельбергского человека, очевидно, было очень крупное тело и большие мощные руки, судя по значительному размеру и массивности его челюсти. Возможно, это было огромное, волосатое, совершенно не похожее на современного человека существо.

После гейдельбергского человека Летопись Окаменелостей преподносит нам множество остатков кремневых орудий, качество обработки которых постоянно улучшается. От существ, изготовивших эти орудия, не осталось следов, как и от дерева и шкур, которые они обрабатывали наряду с осколками скал. Всё сгнило, истлело без остатка, и всякий их след исчез бы с лица земли, если бы не эти камни. У одного из этих камней очень своеобразная форма, напоминающая ступню: один край камня полностью отбит мощным ударом, а второй тщательно обработан.

Археологи в настоящий момент различают среди каменных орудий скребки, свёрла, ножи, метательные орудия и т. п.

Развитие этой каменной техники шло теперь гораздо быстрее: за несколько столетий форма ручного топора претерпевает значительные и весьма заметные улучшения.

А затем наступил черед целой серии археологических открытий. Четвертый ледниковый период достиг своего пика. Человек ушел в пещеры, и археологам теперь значительно легче обнаружить и классифицировать остатки доисторических людей. В Крапине, в

Хорватии, в Неандертале возле Дюссельдорфа найдены черепа и кости существа, которое определенно являлось человеком. Homo neanderthalensis (которого еще называют homo antiquus — человек древний) появляется около 50 000 лет назад. [\[18\]](#)

И по внешнему виду, и по поведению это уже настоящий человек. Большой палец его руки еще не обрел той гибкости и не играл такой роли, как большой палец современного человека. Осанка неандертальца была сутулой, он не мог держать голову прямо, как человек, его лицу недоставало подбородка и скорее всего он не

обладал членораздельной речью. Эмаль и корни его зубов, а также десны отличались от человеческих. Он был очень приземист. Одним словом, неандерталец был мало похож на современного человека. Но он, бесспорно, уже принадлежал к тому же биологическому виду, что и мы с вами. Его челюсть настолько похожа на челюсть гейдельбергского человека, что можно предположить: более тяжелый и неуклюжий гейдельбергский человек, живший за тысячи и тысячи лет до него, был с ним одной крови и одного рода.

Глава седьмая

Неандертальцы — вымершие люди (ранний палеолит)

**1. Наша земля 50 000
лет назад.**

**2. Как жил
неандерталец.**

**3. Последние
палеолитические люди.**

4. Родезийский череп

Во времена третьего ледникового периода очертания Европы были совершенно другими, не такими, как сейчас. Геологи указывают на различия в положении суши, морей и береговой линии на карте, которую мы здесь приводим. Обширные области к западу и северо-западу, покрытые сейчас водами Атлантики, были тогда сушей, Северное море и Ирландское море — речными долинами. Ледяная шапка, покрывавшая оба полюса Земли, вытягивала из океанов огромные массы воды, и уровень моря постоянно снижался, обнажая обширные участки земли. В наше время они снова оказались под

водой.

Средиземноморье тогда, вероятно, было обширной долиной, находившейся ниже общего уровня моря. В самой долине располагались два внутренних моря, отрезанных от океана сушей. Климат средиземноморского бассейна был, очевидно, умеренно-холодным. Регион Сахары, расположенный к югу, был тогда не пустыней с раскаленными камнями и песчаными барханами, а влажной и плодородной местностью.

Между толщей ледника на севере и Средиземноморской долиной и Альпами на юге простирался дикий тусклый край,

климат которого менялся от сурового до сравнительно мягкого, а с наступлением четвертого ледникового периода снова стал жестче.

По этой дикой местности (европейской равнине наших дней) мигрировала разнообразная фауна. Поначалу самыми распространенными были гиппопотамы, носороги, мамонты и олени. Саблезубые тигры к тому времени уже почти вымерли. Затем, с наступлением оледенения, гиппопотамы и другие теплолюбивые животные перестали заходить так далеко на север, а саблезубые тигры вымерли

окончательно. Преобладающими видами стали мамонт, шерстистый носорог, мускусный бык (овцебык), зубр и северный олень. А растительность, характерная для умеренного климата, уступила место растениям арктического типа.

Продвижение ледника на юг достигло максимума в четвертом ледниковом периоде (около пятидесяти тысяч лет назад), а затем этот процесс снова пошел на убыль.

В более раннем третьем ледниковом периоде небольшие группы первых неандертальцев также кочевали по этой равнине, не оставляя за собой ничего, что могло бы теперь свидетельствовать об их

присутствии (кроме грубо обтесанных первичных каменных орудий). Возможно, кроме неандертальцев, в те времена жили еще и другие виды человекообразных обезьян, антропоидов, которые могли пользоваться каменными орудиями. Об этом мы можем только догадываться. Очевидно, у них было множество разнообразных деревянных орудий. Изучая и используя различные куски дерева, они научились придавать желаемую форму и камням. Но деревянные орудия не сохранились, и можно лишь представить, какими они были и как использовались.

После того как погодные

условия стали предельно неблагоприятными, неандертальцы начали искать укрытия в пещерах и расщелинах скал. Похоже, к тому времени они уже знали, как использовать огонь. Неандертальцы собирались у открытого огня на равнинах, стараясь не удаляться слишком далеко от источников воды. Однако они уже были достаточно разумны, чтобы приспосабливаться к новым, более сложным условиям. Что же касается обезьяноподобных людей, то, видимо, они не смогли выдержать испытаний наступившего четвертого ледникового периода (самые грубые, плохо обработанные орудия уже не встречались).

Не только человек искал укрытия в пещерах. В этот период встречались пещерный лев, пещерный медведь, пещерная гиена. Человеку нужно было каким-то образом выгонять этих животных из пещер и не пускать их обратно. Эффективным средством нападения и защиты оказался огонь. Первые люди не заходили в пещеры слишком глубоко, потому что не могли еще освещать свои жилища. Они забирались вглубь ровно настолько, чтобы можно было укрыться от непогоды и хранить запасы пищи. Возможно, они заграждали вход в пещеру тяжелыми валунами. Единственным источником света,

который помогал исследовать
глубины пещер, мог быть свет
факелов.

На кого охотились
неандертальцы?

Таких гигантских животных, как
мамонт, пещерный медведь или даже
северный олень, было очень трудно
убить оружием, которое было у
неандертальцев: деревянными
копьями, палицами, острыми
обломками кремня, сохранившимися
до наших дней.

По всей видимости, добычей
неандертальцам служили более
мелкие животные, хотя при случае
они, конечно же, ели и мясо крупных
зверей. Мы знаем, что

неандертальцы частично съедали свою добычу там, где им удавалось забить ее, а потом забирали с собой в пещеры крупные мозговые кости, раскалывали их и ели. Среди разнообразного костного мусора на стоянках неандертальцев почти не встречаются хребты или ребра крупных животных, но в большом количестве — расколотые или раздробленные мозговые кости.

Неандертальцы заворачивались в шкуры убитых животных. Возможно также, что их женщины занимались выделкой этих шкур, работая каменными скребками.

Мы также знаем, что эти люди были правшами, как и современный

человек, потому что левая часть их мозга (которая отвечает за правую сторону тела) больше, чем правая. Затылочные доли мозга неандертальцев, отвечающие за зрение, осязание и общее состояние тела, были развиты достаточно хорошо, в то время как лобные доли, которые связаны с мышлением и речью, были еще относительно невелики. Мозг у неандертальца был не меньше нашего, но устроен иначе.

Несомненно, мышление этих представителей вида *homo* было не похоже на наше. И дело даже не в том, что они были проще или примитивнее нас. Неандертальцы — это совсем другая эволюционная

линия. Вполне возможно, что они совершенно не умели разговаривать или произносили отрывочные односложные звуки. Определенно, у них не было ничего, что мы могли бы назвать связной речью.

2

Огонь в те времена был настоящим сокровищем. Потеряв огонь, не так-то просто было развести его заново. Когда большое пламя было не нужно, его гасили, сгребая костер в одну кучу. Разводили огонь, скорее всего, ударяя обломком железного колчедана о кремьнь над

ворохом сухих листьев и травы. В Англии вкрапления пирита и кремня встречаются рядом друг с другом там, где соседствуют меловые породы и глины.

Женщины и дети должны были постоянно следить за костром, чтобы пламя не погасло. Время от времени они уходили на поиски сухого валежника для поддержания костра. Это занятие со временем переросло в обычай.

Единственным взрослым мужчиной в каждой группе неандертальцев был, по всей видимости, старейшина. Кроме него были еще женщины, мальчики и девочки. Но когда кто-то из

подростков становился достаточно взрослым, чтобы вызывать ревность вожака, тот набрасывался на соперника и выгонял его из стада или же убивал. Вместе с этими изгнанниками, возможно, уходил кто-то из женщин. Какое-то время двое-трое молодых мужчин могли держаться вместе; встретив другое племя, они пытались выкрасть себе пару, после чего дрались за то, кому она достанется. Когда вожаку переваливало за сорок, когда зубы стирались и силы оставляли его, кто-нибудь из молодых мужчин убивал старого вожака и начинал править вместо него. Для стариков не было места у спасительного огня.

Слабых и больных в те времена ждала одна участь — смерть.

Чем питалось племя на стоянках?

Первобытных людей обычно изображают охотниками на мамонтов, медведей или львов. Но в высшей степени сомнительно, чтобы первобытный дикарь мог охотиться на животное крупнее зайца, кролика или крысы. Скорее кто-то охотился на человека, чем он сам был охотником.

Первобытный дикарь был растениеядным и плотоядным одновременно. Он ел лесные и земляные орехи, буковые орешки, съедобные каштаны, желуди. Он

также собирал дикие яблоки, груши, вишни, дикие сливы и терн, плоды шиповника, рябины и боярышника, грибы; объедал почки, где они были покрупнее и мягче, а также ел сочные мясистые корневища и подземные побеги различных растений. При случае он не проходил мимо птичьих гнезд, забирая яйца и птенцов, выковыривал соты и мед диких пчел. В пищу шли тритоны, лягушки и улитки. Ели рыбу, живую и уснувшую, пресноводных моллюсков. Первобытный человек легко ловил рыбу руками, запутывая ее в водорослях или же ныряя за ней. Более крупных птиц или мелких зверей можно было поймать, подбив

палкой или устроив примитивные силки. Не отказывались эти люди и от змей, червей и раков, а также от личинок различных насекомых и гусениц. Наиболее же лакомой и питательной добычей, без сомнения, были кости, раздробленные и растертые в порошок.

Первобытный человек не стал бы протестовать, если на обед у него оказалось мясо не первой свежести. Он постоянно искал и находил падаль; даже полуразложившаяся, она все равно шла в пищу. Кстати, тяга к заплесневелым и полузаплесневелым продуктам сохранилась по сей день.

В трудных условиях, движимый

голодом, первобытный человек поедая своих более слабых сородичей или больных детей, которым случалось оказаться хромыми, уродливыми или плаксивыми.

Каким бы примитивным ни казался нам теперь первобытный человек, его можно назвать самым передовым из всех животных, поскольку он представлял наивысшую стадию развития животного царства.

Как бы не поступали со своими умершими более древние палеолитические люди, есть основания предполагать, что поздние *homo neanderthalensis* делали это по

крайней мере с уважением к усопшему и сопровождали процесс определенным обрядом. Один из наиболее известных обнаруженных скелетов неандертальца принадлежит молодому человеку, тело которого, возможно, даже намеренно было предано земле.

Скелет лежал в позе спящего. Голова и правое предплечье покоились на нескольких кусках кремня, старательно уложенных наподобие подушки. Рядом с головой лежал большой ручной топор, а вокруг было разбросано множество обуглившихся расколотых бычьих костей, словно оставшихся после тризны.

По Европе неандертальцы бродили, устраивали стоянки у костра и умирали на протяжении периода, растянувшегося на 100 000 лет или даже более того. Продвигаясь все выше по эволюционной лестнице, эти люди совершенствовались, напрягая свои ограниченные возможности. Но толстая черепная коробка словно бы сковывала творческие силы мозга, и до самого своего конца неандерталец так и остался низколобым, неразвитым существом.

Есть мнения ученых о том, что неандертальский тип человека, *homo neanderthalensis*, — это вымерший вид, который не смешивался с

людьми современного типа (*homo sapiens*). Однако многие другие ученые не разделяют эту точку зрения. Некоторые доисторические черепа рассматриваются ими как результат смешения неандертальцев с другими типами первобытных людей.

Совершенно ясно одно — неандерталец находился на совершенно иной эволюционной линии.

3

Когда голландцы открыли Тасманию, они обнаружили там

изолированное от остального мира племя, которое по уровню развития почти не отличалось от человека времен нижнего палеолита. Тасманийцы не относились к тому же типу людей, что и неандертальцы: это доказывает строение их черепных коробок, шейных позвонков, зубов и челюстей. У них не было никакого родового сходства с неандертальцами. Они относились к тому же виду, что и мы. Тасманийцы представляли собой только неандерталоидную стадию развития в эволюции человека современного типа. Нет сомнения, что на протяжении многих тысячелетий (в течение которых только

разрозненные группки неандертальцев были человеческими существами в Европе) где-то в других регионах планеты люди современного типа развивались параллельно с неандертальцами.

Тот уровень развития, который оказался пределом для неандертальцев, для других был только стартовым, у тасманийцев же он сохранился в первоначальном, неизменном виде. Оказавшись вдалеке от тех, с кем можно было бы соперничать или у кого можно было бы учиться, живя в условиях, не требующих постоянного напряжения сил, тасманийцы невольно оказались позади всего остального

человечества. Но даже на этих задворках цивилизации человек не останавливался в своем развитии. Тасманийцы начала XIX столетия были гораздо менее неуклюжими и неразвитыми, чем их первобытные сородичи.

4

Летом 1921 г. весьма интересная находка была обнаружена в одной из пещер в местности Брокен-Хилл, в Южной Африке. Это был череп без нижней челюсти и несколько костей нового вида *homo* (родезийского человека), промежуточной между

неандертальцем и homo sapiens. Череп лишь слегка минерализовался; видимо, его владелец жил всего каких-то несколько тысяч лет назад.

Найденное существо напоминало неандертальца. Но строение его тела не имело специфических неандертальских характеристик. Черепная коробка, шея, зубы и конечности родезийского человека почти не отличались от современных. О строении его ладоней нам ничего не известно. Однако размеры верхней челюсти и ее поверхность показывают, что нижняя челюсть была очень массивной, а мощные надбровные дуги придавали их владельцу

обезьяноподобный вид.

Очевидно, это было человеческое существо с обезьяньим лицом. Оно вполне могло протянуть до времени появления настоящего человека и даже существовать параллельно с ним в Южной Африке. Не исключено, что люди того времени даже пугали им своих маленьких детей.

В нескольких местах Южной Африки были также найдены останки людей так называемого боскопского типа, очень древних, но насколько — пока достоверно не установлено. Черепа боскопских людей больше походили на черепа современных бушменов, нежели на

черепа каких-либо других, живущих теперь народов. Не исключено, что это самые древние из известных нам человеческих существ.

Черепы, найденные в Вадьяке (на Яве), незадолго до находки останков питекантропа, вполне возможно, могут заполнить промежуток между родезийским человеком и австралоидными аборигенами.

Глава восьмая

Люди послеледниковой палеолитической эпохи, первые люди современного типа (поздний палеолит)

**1. Появление
человека современного
типа.**

**2. География мира в
эпоху палеолита.**

**3. Конец эпохи
палеолита.**

**4. Почему останки
обезьяночеловека не**

найденны в Америке

1

Неандертальский тип человека преобладал в Европе по меньшей мере несколько десятков тысяч лет. Только в период между 40 и 25 тысячами лет назад, после того, как последнее оледенение сменилось более мягким климатом, на европейскую сцену выходит новый тип человека. Очевидно, он и стал причиной вымирания неандертальцев.

Развитие нового типа человека, вероятно, происходило в Южной

Азии и Африке, а может быть, в областях средиземноморского бассейна, оказавшихся ныне под толщей воды. Эти пришельцы не переселились в Европу в прямом смысле слова. Скорее, по мере того, как климат становился мягче, а земля плодороднее, они следовали за миграцией привычных для них растений и животных. Ледники отступали, и растительность становилась все обильней. Этнологи, изучающие особенности народонаселения, относят этот новый тип людей к тому же виду, к которому принадлежим и мы с вами, — homo sapiens. Анатомические признаки, строение

черепа и рук этих людей были таким же, как и у современного человека.

Нам известны два типа сохранившихся скелетов людей этого периода. Первый из них принадлежит к кроманьонскому типу, второй — к гримальдийскому. Однако среди основной массы находок или совсем нет человеческих костей, или они слишком разрознены, чтобы можно было составить полное представление о физическом облике их владельцев. В пещере Кро-Маньон (в Юго-Западной Франции) впервые был обнаружен полный скелет человека современного типа.

Это были высокие люди с

широкими открытыми лицами, удлиненными прямыми носами, и, по сравнению с их предшественниками, с удивительно большим объемом мозга. Так, мозг женщины, скелет которой был найден в пещере Кро-Маньон, по своим размерам превосходил мозг современного среднего мужчины. В той же пещере, кроме полного скелета женщины, был найден скелет старика, фрагменты детского скелета и скелеты двух молодых людей. Также найдены были кремниевые орудия и несколько раковин с просверленными отверстиями, служивших, несомненно, украшениями.

В пещере Гримальди (на Итальянской Ривьере) были открыты еще два скелета, тоже относящиеся к позднему палеолиту. Но они принадлежали к совершенно иному типу с отчетливо негроидными характеристиками. По этим признакам их, пожалуй, можно отнести к боскопскому типу людей, о которых уже упоминалось.

Эти люди изгнали неандертальца из его пещер и из тех мест, где он брал камень для своих орудий.

В отличие от большинства диких людей, которые, победив враждебное племя, забирали себе его женщин, кроманьонцы, похоже, не имели

ничего общего с неандертальцами — ни с мужчинами, ни с женщинами. Нет никаких следов смешения между двумя типами этих людей, несмотря на то, что пришельцы тоже использовали кремь и обосновывались на тех же местах, что и их предшественники.

Нам ничего не известно о том, как на самом деле выглядели неандертальцы. Похоже, что они казались новым людям крайне уродливыми; возможно, поэтому и не происходило смешения. Исключительная волосатость, обезьянья шея, нависшие сросшиеся брови и низкий лоб, сгорбленная длиннорукая фигура не могли не

Могли ли новые люди приручать или одомашнивать лошадей? Этот вопрос все еще остается открытым.

Возможно, постепенно, шаг за шагом, столетие за столетием, они научились этому. Во всяком случае, среди позднепалеолитических рисунков встречаются изображения лошадей со знаками на голове, в которых можно узнать уздечку. Но даже если новые люди и могли приручать лошадей, вряд ли они могли на них ездить, или как-нибудь еще использовать в своей жизни. Они были знакомы главным образом с диким пони, который не смог бы долго везти взрослого человека. Еще менее вероятно, чтобы новые люди

могли научиться такому необычному делу, как использование молока в пищу. В любом случае, даже если у них и были лошади, это было единственное животное, которое им удалось приручить. Собак у новых людей не было, а коров или овец — и подавно.

Нам будет легче понять, насколько охотники позднего палеолита близки к нам, если мы примем во внимание, что эти люди уже могли рисовать. А рисовали они и в самом деле удивительно хорошо, хотя были дикарями во всех отношениях, но дикарями с художественными способностями. Они рисовали гораздо лучше, чем

кто-либо из их преемников, вплоть до начала цивилизации. Рисовали на скалах и на стенах пещер, когда-то отбитых у неандертальцев.

Не только рисунки могут рассказать о том, как жили эти люди. Сведения об их быте, их обычаях и верованиях мы получаем также, изучая захоронения той эпохи. Кроманьонцы хоронили своих умерших в земле, зачастую оставляя в могилах украшения, оружие и пищу. Мы обнаруживаем здесь и остатки пигментов. Очевидно, тела умерших разрисовывали перед погребением. Можно сделать вывод, что и при жизни они разрисовывали свои тела.

Краска имела огромное

значение в их жизни. Это были заядлые рисовальщики. Они использовали черный, коричневый, красный, желтый и белый пигменты, которые смогли выдержать испытание временем и непогодой. И по сей день мы можем созерцать эти рисунки в их первозданной красе, например, в пещерах и на поверхности скал в Испании и Франции.

Нельзя не заметить, как наскальные изображения и картины людей эпохи раннего палеолита совершенствовались и усложнялись от века к веку. На самых ранних стадиях эти рисунки примитивны, словно рисунки умных детей.

Четвероногие животные зачастую изображаются с одной передней и одной задней ногой, как и сейчас их рисуют дети. Возможно, они начали рисовать именно так, как начинают рисовать наши дети, просто черкая карандашом по бумаге.

Первобытный человек проводил острым краем кремня по гладкой стене пещеры, и в образовавшейся путанице линий вдруг замечал знакомые очертания или движения. Резьба по кости, кстати, такое же древнее занятие, как и рисование.

Проходили века, на смену первым рисовальщикам пришли более умелые и талантливые мастера. Их изображения зверей просто

потрясают своим правдоподобием и живостью. Но, даже находясь на вершине творческих способностей, эти мастера продолжали рисовать только в профиль, как дети. Перспектива или боковой ракурс были для них недоступны.

Одна из наиболее распространенных тем — охота на мамонтов и на диких лошадей. Среди пещерных рисунков, обнаруженных на севере Испании, мы видим только изображения зверей и ни одной человеческой фигуры. Однако на востоке Испании, где пещерная живопись датируется концом позднего палеолита, уже можно обнаружить множество хорошо

различимых человеческих силуэтов.

Новые люди делали и маленькие статуэтки из слоновой кости и мягкого мыльного камня — статита. Среди них — знаменитые изображения палеолитических «венер» (женских фигур с очень крупными формами). Они похожи на современных бушменок.

Первые скульптурные изображения человеческих форм были грубыми, почти карикатурными. Их авторам не удавалось достоверно передать особенности человеческой фигуры. Здесь их работы значительно уступали в выразительности и правдоподобию фигурам животных.

Но со временем резные изображения становятся менее грубыми и куда более изящными. Одна маленькая резная фигурка, например, изображает голову девушки со сложной прической.

На более поздних стадиях развития люди эпохи палеолита научились покрывать резьбой поверхность костей и оленьих рогов. На одном из таких палеолитических шедевров резьба расположена по поверхности кости так, что увидеть все резные фигуры можно только рассматривая рог со всех сторон.

Были также найдены фигурки, вылепленные из глины, хотя люди эпохи палеолита еще не научились

гончарному делу.

Многие из этих изображений были выполнены в неосвещенных глубинах пещер. Даже добраться до них порой бывает очень сложно. Художники во время работы, должно быть, пользовались примитивными светильниками. И в самом деле, были найдены неглубокие площадки из песчаника, в которых сгорал вытопленный жир. Возможно, увидеть эти рисунки в глубине пещер можно было только во время каких-то особых обрядов. Впрочем, для каких именно обстоятельств предназначались эти пещерные картины, сейчас можно только догадываться.

На юге и востоке Испании преобладают наскальные изображения, которые можно видеть при свете дня у самого входа в пещеру.

Археологи выделяют три основные стадии развития людей современного типа, населявших Европу.

Самая ранняя стадия, которую выделяют специалисты, называется ориньякской (от названия пещеры в местности Ориньяк во Франции). Она характеризуется высоким уровнем изготовления кремниевых орудий, а также быстрым развитием художественных способностей людей, в частности, к наскальной

живописи и изготовлению костяных фигурок. Самые известные из пещер, покрытых рисунками, относят к концу первого из трех периодов позднего палеолита.

Вторую стадию называют солютрейской (от пещеры Солютрэ во Франции). Она, прежде всего, характеризуется качеством и даже неким изяществом обработки каменных орудий. Их непревзойденные, острые как бритва, лезвия можно сравнить только с самыми лучшими из неолитических орудий. Они, конечно же, оставались неотшлифованными, но лучшие их образцы были такие же тонкие, как и стальные лезвия, и

почти такие же острые.

Затем, наконец, наступает мадленская стадия (от пещеры Ла Мадлен), отмеченная сокращением численности диких лошадей, северных оленей и появлением в Европе благородного оленя. Каменные орудия становятся меньше; наряду с ними широко используются костяные гарпуны, наконечники копий, иглы и т. д.

Охотники третьей и последней стадии позднего палеолита научились восполнять убывающие запасы пищи с помощью рыбной ловли. Искусство этого периода характеризуется нанесением на кость глубокой резьбы в виде узоров

и человеческих фигур. Именно к этому периоду относятся покрытые сплошной резьбой крупные костяные валики, с помощью которых, как предполагается, древние мастера оставляли разноцветные оттиски на коже.

Отдельные образцы резьбы по кости являются поистине непревзойденными по художественной манере и тонкости работы.

Каждый из этих периодов, вероятно, продолжался четыре-пять и более тысяч лет, то есть вдвое дольше, чем от начала христианской эры до наших дней. Более того, содержание этих периодов

устанавливается, главным образом, на основе находок, сделанных во Франции и на севере Испании. Но если перенестись на юг Испании, в Италию и Северную Африку, то следы этих культур теряются. На юге существовал другой тип жизни, были другая пища и другие орудия труда.

В конце концов, сами условия существования, похоже, обернулись против этих палеолитических племен охотников, подведя черту под их столь длительным процветанием в Европе. Они попросту исчезли. Новые племена пришли им на смену с юга и с востока. Эти последние, судя по всему, принесли с собой лук и стрелы. Они уже сумели

одомашнить животных и обрабатывали землю.

Новый образ жизни, неолитический, распространялся в Европе. А племенам охотников пришлось оставить европейскую арену. Если говорить в целом, у этих людей были незаурядные способности. Но велики были и их недостатки. Огромный отрыв от неандертальских предшественников, как и художественный дар, не должны заслонять от нас весьма очевидную ограниченность этих людей. Каким бы развитым ни было их мышление, оно было узким и весьма специфично направленным. Впечатление, которое оставляют

рисунки и резьба, очень велико, но было бы ошибкой считать, будто бы это умение появилось внезапно в нашем мире, или же было отличительной чертой только одного периода.

Многочисленные племена охотников на северного оленя безраздельно господствовали в Западной Европе в десять раз дольше, чем продолжается эпоха от начала христианской эры до наших дней. Их жизнь была очень тесно связана с животными. Но, похоже, им так и не удалось сблизиться ни с одним животным, за исключением, может быть, только лошади. Они не смогли приручить собаку. У них

вообще не было никаких домашних животных. Они только выслеживали и преследовали, убивали и съедали.

Свою еду эти люди, по всей видимости, не готовили. Они могли ее жарить на костре или печь в углях, но и только. Для более сложного приготовления пищи у них не было необходимой утвари, несмотря на то, что глина была в буквальном смысле у них под ногами. Они умели лепить из этой глины фигурки, но у них не было никаких гончарных изделий, никакой глиняной посуды. Их очень качественные кремниевые инструменты отличались значительным разнообразием, но они так и не додумались строить жилища

из теса или хотя бы временные укрытия от непогоды. Они также не додумались приделать черенок к топору, что помогло бы им лучше и быстрее обрабатывать дерево.

Есть предположение, что черточки на некоторых рисунках животных означают нечто вроде изгороди из жердей, где могли держать мамонтов. Однако эти черточки могли быть дорисованы уже в позднее время.

Никакого земледелия, выращивания злаков или овощей в ту эпоху также не существовало.

Женщины были, вероятно, меньшего роста, чем мужчины. Судя по ранним статуэткам, они были

исключительно толстыми. Их откармливали, чтобы выгоднее выдать замуж. Не исключено, что также поступали и с женщинами каменного века. Ниже мужчин они были, очевидно, потому, что начинали вынашивать детей еще до того, как могли полностью сложиться физически. Женщина в примитивном обществе всегда находилась в подчиненном положении.

Одеждой для людей позднего палеолита, если у них вообще была одежда, служили выделанные шкуры животных. Они обрабатывали шкуры с большим умением, и появившиеся к концу палеолита каменные иглы,

несомненно, использовались для сшивания отдельных кусков кожи или шкур.

Можно смело предположить, что эти шкуры раскрашивались в разные цвета и вполне возможно, что на них наносился узор с помощью костяных валиков. Но в эти одежды можно было разве что заворачиваться: до сих пор не найдено даже отдаленного подобия застежек или крючков. Использовать траву или другой волокнистый материал для изготовления ткани эти люди также не научились. На их статуэтках нет никакой одежды.

Охотники обитали на открытых степных пространствах

приблизительно двадцать тысяч лет или около того, т. е. примерно в десять раз дольше, чем длится христианская эра. Конец привычному для них образу жизни, очевидно, положил начавшийся рост лесов в Европе, когда климат стал меняться в сторону теплого и влажного. Вслед за этим сократилась численность северных оленей и диких лошадей. И, как результат, в Европе появилась новая культура, продовольственные ресурсы которой были обильнее и разнообразнее, поселения людей надежнее и долговечнее. Сама социальная структура новых племен, по-видимому, была более обширной и

сложной. Охотники на северных оленей были поставлены перед выбором: или научиться жить по-новому или исчезнуть.

Для нас очень важно помнить, насколько география той эпохи отличалась от современной. Это обстоятельство часто упускают из вида, когда речь идет о культуре позднего палеолита.

Охотники на северного оленя жили на самом краю обитаемого мира, и их образ жизни неизбежно несет на себе отпечаток существования в пограничных условиях. Они населяли холодное северное плоскогорье, а к югу и к западу от них лежали по-настоящему

цветущие земли.

Главная арена, на которой развивалась история человечества двадцать тысяч лет назад, лежала на юг от франко-испанского региона. Люди, населявшие большую часть Испании и Северную Африку, принадлежали к иной культуре. Эту культуру называют капской (от названия местности в Тунисе). Она развивалась параллельно с ориньякской, солютрейской и мадленской, а не являлась их продолжением.

Эту культуру отличали многие черты и, прежде всего, — более сложное и совершенное социальное устройство племен. Возможно,

капской культуре недостает той художественной силы, которую мы наблюдаем в палеолитическом искусстве северных племен, но она тоже оставила значительное число рисунков, изображающих различные стороны деятельности человека. Это, в большинстве случаев, наскальные изображения, которые по своему характеру и исполнению напоминают рисунки древних и современных бушменов из Южной Африки. Капские изображения были также найдены и в Италии.

Жизнь, отраженная в капском искусстве, — это жизнь в более легких, более приемлемых климатических условиях, чем жизнь

северных охотников. На этих рисунках нет северного оленя, медведя или бизона, но есть обычный олень и дикий бык, появляются также и изображения носорога, дикого осла, козерога. Мужчины изображены с луком, на их теле нет одежды. Большинство женских фигур изображено в юбках. Очень часто встречается орнамент, изображающий перья. Одна из сцен показывает охоту на кабана, другая — выкуривание роя диких пчел. Группки человеческих фигурок, вероятно, обозначают ритуальный танец. Встречаются фигурки людей, лица и плечи которых покрыты масками, изображающими

животных.

Следует обратить внимание на любопытную склонность первобытных художников изображать человеческие фигуры в несколько искаженном виде, в то время, как животные представлены вполне узнаваемо и правдоподобно, без искажений. Талия у человека всегда вытянута и словно стянута с боков, ноги зачастую непомерно длинные. В более поздних рисунках эти условности переходят почти в схематическое изображение человека. Картины перестают быть картинами и становятся знаками.

Около двенадцати тысяч лет назад (по мере продвижения лесов и

изменения фауны) охота перестала быть основным занятием человека в Европе. Изменившиеся условия часто приносили с собой и новые болезни. Возможно, в доисторические времена случались целые эпидемии. Во Франции, например, мы наблюдаем серьезный разрыв, перед тем, как эта местность была вновь заселена.

На юге Европы обнаружено множество камней-голышей, на которых несколькими мазками кисти схематически изображаются человек и животные. У многих австралийских племен до сих пор существуют подобные этим разрисованные камешки, которые

называют «камни души». Предполагается, что в них переселяется душа после смерти или какие-то из качеств умершего продолжают оставаться в этих камнях.

Новый народ был смуглым, темноволосым, с тонкими чертами лица. Люди эти были первыми из переселившихся в Европу представителей средиземноморской, или иберийской, этнической общности, которая и сейчас является преобладающей на юге Европы. Общины двигались на север вместе с продвижением лесов, которые занимали место степей.

Европейский континент

постепенно приобретал знакомые нам географические очертания. Ландшафт Европы, климат, растительный и животный мир с каждым столетием становились все более похожими на современные. Наиболее распространенными животными в Европе в то время были королевский олень и большой бык. Мамонт и мускусный бык (арктические виды овцебыка) к тому времени уже исчезли. Большой бык, или зубр, в настоящее время вымерший, еще встречался в германских лесах вплоть до времен Римской империи, а возможно, и значительно позже. Его так и не удалось одомашнить. Современный

домашний скот появился в Европе значительно позже и в другом регионе. Кстати, большой бык был поистине большим, он достигал почти трех метров, не уступая по величии слону.

На Балканском полуострове в то время водились львы, которые сохранились там до 1000 или 1200 гг. до н. э. Львы, встречавшиеся в Вюртемберге и на юге Германии, были вдвое крупнее современного льва. Юг России и Центральная Азия были покрыты густыми лесами, а в Месопотамии и Сирии обитали слоны. Фауна Алжира по своему характеру была такой же, как и в тропической Африке.

До этих пор человек не заходил в Европу севернее Британских островов или Балтийского моря. Но в новых условиях Скандинавский полуостров и обширные пространства на территории теперешней России стали вполне пригодными для жизни человека. В Швеции и Норвегии нет палеолитических останков. Человек, впервые вступивший в эти края, уже находился на неолитической стадии общественного развития.

У нас нет сколько-нибудь убедительных подтверждений тому, что человек мог появиться в Америке до конца эпохи плейстоцена.

Смягчение климата, которое

позволило охотникам на северных оленей мигрировать на открывшиеся пространства России и Сибири (одновременно с продвижением в Европу неолитических племен), также позволило им перейти по узкому перешейку, ныне затопленному водами Берингова пролива.

А далее, столетие за столетием, люди в Америке продвигались все дальше к югу. Когда они достигли Южной Америки, там еще в изобилии водились такие животные, как гигантский ленивец-мегатерий, глиптодонт, уже вымершие в остальном мире. Глиптодонт — южноамериканский броненосец —

достигал поистине гигантских размеров. Говорят, что однажды во время раскопок был найден скелет человека, погребенный под его огромным, похожим на черепаховый, панцирем.

Все останки человека, найденные в Америке, имеют явное отношение к американским индейцам. До этого, по всей вероятности, в Америке не было никаких обитателей, относящихся к обезьянолюдям или предкам человека.

Когда человек пришел в Америку, он уже был полностью сформировавшимся как «*homo sapiens*». Старый Свет был

колыбелью всех предков современного человека. Где-то между Южной Америкой, Ост-Индией и Средиземноморьем люди прокладывали свои пути в будущее, пока равнины превращались в горы, леса становились пустынями, а пустыни снова сменялись лесами.

Возможно, на месте зарождения человека теперь плещутся волны Индийского океана. Повторим еще раз, что наши знания о человеке эпохи палеолита очень ограничены и фрагментарны, сводятся они главным образом к тому материалу, который ныне доступен, то есть — к европейскому материку. Решающая стадия формирования современного

человека происходила во времена, когда неандертальцы блуждали по Европе, и в местах, которые еще точно не установлены и, возможно, теперь недоступны для наших исследований.

Глава девятая

Человек эпохи неолита в Европе

1. Начало эпохи цивилизации.

2. Истоки неолитической культуры.

3. Повседневная жизнь при неолите.

4. Примитивная торговля.

5. Затопление Средиземноморской долины

Неолитическая фаза в истории человечества началась в Европе около 10–12 тысяч лет назад. Но, возможно, на юго-востоке Европы это произошло на несколько тысяч лет раньше. Люди эпохи неолита постепенно заселяли Европу с юга и юго-востока, по мере того как уменьшались стада северных оленей, а на смену открытым степям приходили леса и условия жизни в целом начинали напоминать современные.

Среди характеристик неолитической стадии развития человека можно выделить

следующие:

1) Умение изготавливать орудия из шлифованного камня. Особенно необходимо отметить появление каменного топора на деревянном черенке. Впоследствии его чаще использовали для обработки дерева, а не как оружие. В изобилии появляются также наконечники для стрел. Несмотря на все более широкое применение шлифованных орудий, в огромных количествах продолжают встречаться и орудия из нешлифованного камня, хотя технология их изготовления в неолите уже претерпевает значительные изменения по сравнению с палеолитом.

2) Появление зачатков земледелия и использование растений и семян. Однако есть много свидетельств того, что именно охота была основным способом добывания пищи в начале неолита. Человек эпохи неолита не сразу взялся выращивать злаки для употребления их в пищу. Сначала он собирал колоски самосева или скорее всего женщины собирали дикие злаки, пока мужчины были заняты охотой. Затем уже люди сами стали высевать семена. И только потом появился мужчина-земледелец.

3) Появление гончарных изделий и нового способа приготовления пищи. С этой поры в

Европе лошадей уже больше не ели.

4) Одомашнивание животных. Сначала человек эпохи неолита приручил собаку. Затем были одомашнены корова, овца, коза и свинья. Из охотника человек превратился в пастуха стад, которые он когда-то преследовал.

5) Появление плетения и ткачества.

Человек эпохи неолита, вероятно, «мигрировал» в Европу так же, как до него мигрировали охотники на северных оленей. Столетие за столетием, поколение за поколением по мере изменения климата люди эпохи неолита следовали за распространяющимися

привычными для них растениями и животными, которые служили основой их питания. Эти люди не были «кочевниками». Кочевому образу жизни, как и цивилизации в целом, еще предстояло сложиться. Кочевые племена — это явление недавнее, представляющее собой достаточно высокий уровень социальной организации.

Сейчас мы не можем достаточно четко определить, в какой степени обитатели Европы эпохи неолита состояли из пришлых племен и насколько их навыки могли быть развиты или заимствованы потомками охотников и рыбаков позднего палеолита. Возможно,

охотники на северных оленей ушли из этих мест, а носители капской культуры частично сформировали свой способ существования и частично заимствовали его у более развитых народов востока и юга.

К какому бы выводу мы ни пришли, мы можем с уверенностью сказать, что в дальнейшем уже не было разрывов, не было исчезновения одного типа людей и замещения его другим типом. Были вторжения, завоевания, интенсивные переселения и смешения разных народов, но человеческие расы в целом продолжали обустраиваться и адаптироваться в тех регионах, которые они заселили в начале эпохи

неолита.

Обитатели Европы эпохи неолита — это представители европеоидной расы, предшественники нынешних европейцев. Возможно, они были более смуглыми, чем их потомки, — достоверных сведений об этом у нас нет. Но в преемственности культур уже нет существенных разрывов, начиная от их времени и заканчивая новой эпохой — эпохой угля и паровых машин, начавшейся в XVIII веке.

Понадобилось еще не одно столетие, прежде чем в неолитических орнаментах на кости наряду с янтарем и агатом начало

встречаться золото — вероятно, первый из известных человеку металлов. Доисторические находки в Ирландии особенно богаты изделиями из золота. Наверное, около шести или семи тысяч лет назад в некоторых районах уже началось использование меди.

Инструментам, изготовленным из металла, придавали форму привычных каменных орудий. Расплавленную медь заливали в формы, сделанные по образцу уже существовавших каменных. Возможно, сначала люди собирали самородную медь и придавали самородкам желаемую форму. Такую медь по-прежнему находят в Италии,

Венгрии, Корнуолле и многих других местах. Но чистая медь в качестве материала для орудий уступала кремню: она не держит формы. Медь же с примесью олова (до одной десятой олова) оказалась гораздо тверже. Позже — не будем здесь детализировать, насколько позже — человек научился выплавлять медь из руды.

В Китае, в Корнуолле и в других местах медная руда и оловянный камень — касситерит — зачастую находятся в одной рудной жиле. В Венгрии за олово принимают сурьму, так что, вероятно, не столько умение, сколько случай да еще нечистая руда помогли древним литейщикам

натолкнуться на способ изготовления бронзы — сплава меди и олова.

Этот новый материал, значительно более твердый, куда больше подходил для изготовления различных изделий, чем мягкая медь. Смесь меди и олова к тому же лучше поддается плавке. Орудия из так называемой «чистой» меди обычно содержат в материале незначительную часть олова. О существовании оловянных орудий вообще ничего не известно. Вполне возможно, что олово как отдельный металл было неизвестно раннему человеку. Слиток олова был обнаружен в одном из неолитических раскопов в

Швейцарии. Предметом импорта олово стало в Египте при XVII династии. Есть в очень небольшом количестве олово микенского периода, есть также оловянные предметы (правда, значительно более поздние) кавказского происхождения.

В древности с трудом отличали олово от сурьмы. Значительная часть, например, кипрской бронзы содержит сурьму. В Испании была обнаружена плавильня для меди, относящаяся еще к доисторическим временам. А материалы для литья бронзы были найдены уже во многих местах.

В конце концов около трех

тысяч лет назад в Европе (и несколько раньше в Малой Азии) человек начал плавить железо. Оно было известно людям задолго до этого времени, но то было метеоритное железо. Как известно, метеориты представляют собой главным образом сплав железа и никеля.

Железо было редким металлом и использовалось для украшений или в магических целях. Но как только человек научился плавить руду, ему уже не составило труда выплавить и железо. Для этого древние мастера задували воздух в печь с горящим древесным углем, а затем расплавленному металлу придавали

желаемую форму. Дальнейшая обработка шла путем нагревания и ковки.

Поначалу железо производили в очень небольших количествах. Но уже само появление железа произвело революцию в изготовлении орудий труда и оружия. Впрочем, это мало отразилось на общем образе жизни человека и его окружении. Повседневная жизнь оседлых неолитических племен 10 000 лет назад мало чем отличалась от жизни крестьян в каких-нибудь отдаленных уголках Европы еще в начале XVIII века.

Обычно принято говорить о каменном веке, бронзовом веке и

железном веке в Европе. Но было бы намного точнее (если принимать во внимание различную длительность и значение) расположить эти периоды таким образом:

1) эпоха раннего палеолита (очень длительный период в истории человечества);

2) эпоха позднего палеолита (гораздо менее продолжительная, чем предыдущая);

3) эпоха земледелия (с момента заселения Европы предками земледельческих народов). Она началась около 10–12 тысяч лет назад (неолит был ее первой стадией) и продолжается по сей день.

Как мы уже сказали, нам пока не известно, в каком именно регионе предки смуглокожих племен, заселивших Европу, прошли свой путь от палеолитической стадии развития до неолита. Возможно, это было где-то на территории Юго-Западной Азии или же на землях, в настоящее время затопленных Средиземным морем или Индийским океаном. Пока неандертальцы все еще преодолевали трудности своей суровой жизни в ледниковой Европе, для предков более поздних европейцев их поздний палеолит также не прошел бесследно.

В то время как тысячелетие за тысячелетием охотники на северных

олений обитали в достаточно сложных для них условиях степей Франции, Германии и Испании, другие народы, более одаренные и умелые, жившие на юго-западе, осваивали земледелие, совершенствовали орудия труда, приручали собак и одомашнивали коров. Когда климат на севере континента смягчился, а в их широтах стал более похож на экваториальный, они двинулись на север.

Для нас по-прежнему закрыты ранние главы истории человечества. Ясно одно: двенадцать тысяч лет назад, или около того, (в нашем распоряжении лишь очень

приблизительная хронология) неолитические племена были рассеяны по Европе, Северной Африке и Азии. По уровню развития они напоминали полинезийских островитян прошлого века, но в современном им мире они были самыми развитыми народами.

Будет интересным вкратце рассказать о том, как жили неолитические племена до появления металла. Для этого мы можем воспользоваться материалами из разных источников. После неолитических стоянок осталось множество хозяйственных остатков, которые в некоторых местах (к примеру, на побережье Дании)

образуют целые холмы. Эти отходы хозяйственной деятельности в среде археологов принято называть «кухонными кучами» или «свалками первобытного человека».

Некоторых своих покойников (не простолюдинов) они хоронили с особой заботой и вниманием, насыпая огромные могильные холмы над их усыпальницами. Эти холмы до сих пор составляют характерную черту многих пейзажей в Европе, Индии и Америке. Одновременно с такими погребальными холмами (хотя, возможно, без всякой прямой связи с ними) устанавливались и огромные обелиски из каменных блоков (так называемые мегалиты)

поодиночке или целыми группами. Наиболее известные из них — это Стоунхендж в Уилтшире и Карнак в Бретани.

Новые и очень интересные сведения о жизни в эпоху неолита были получены в результате одной необычной находки в Швейцарии. Зима 1854 года выдалась исключительно холодной, и вода в одном из озер опустилась до небывалого уровня. При этом на дне озера показалиcь остатки доисторического свайного поселка, существовавшего здесь в эпоху неолита и раннего бронзового века. Такие дома, стоящие на сваях среди воды, и до настоящего времени

встречаются, к примеру, на острове Целебес и в некоторых других местах. В обнаруженном швейцарском поселении сохранились не только сами сваи и перекрытия деревянных настилов, но и огромное множество деревянных, костяных, каменных и глиняных предметов домашнего обихода: инструментов, утвари, орудий, а также украшений, окаменелых остатков пищи и т. д. Все это сохранилось в торфяных отложениях под основанием этого поселка. Были найдены даже остатки одежды и сетей.

Подобные свайные поселения существовали, например, в Шотландии и в Ирландии. Хорошо

известны находки в Гластонбери, в Сомерсетшире. В Ирландии свайные поселения существовали от доисторических времен вплоть до XVIII в. Такие поселения на воде было значительно легче оборонять (к тому же, жилые дома, построенные над проточной водой, имели свое преимущество и с санитарной точки зрения).

Возможно, неолитические свайные поселения, найденные в Швейцарии, служили пристанищем не для крупных общин, уже существовавших в то время, а были домами небольших патриархальных семейных групп. В других же местах, на плодородных почвах, на открытых

пространствах, уже, вероятно, располагались более крупные поселения с большим количеством домов. Следы существования такой крупной общины, состоявшей из нескольких семей, сохранились в Англии, в Уилтшире. К примеру, остатки каменного круга в Авенбери, возле кургана Силбери, одно время были «самыми примечательными мегалитическими руинами в Европе».

Они состояли из двух кругов каменных блоков, окруженных внешним, более широким кругом и ровом. Целиком это сооружение занимало территорию в двадцать восемь с половиною акров. Две

выложенные камнем дороги, каждая в полторы мили длиной, пролегали на запад и на юг от Силбери Хилл (наибольшего рукотворного могильного холма в Англии). Размеры этого культового сооружения указывают на объединенные усилия и интерес значительного числа людей. Вполне возможно, что люди (обычно рассеянные на обширных территориях на западе, юге и в центре Англии) собирались на некое подобие ярмарок. Всей общиной, рука об руку они трудились, насыпая курганы и устанавливая каменные монолиты, в то время как жители швейцарских свайных поселений, по

всей вероятности, обитали в горных поселках, которые были практически изолированы друг от друга.

Уровень знаний и умений жителей свайных поселков был значительно выше, и жили они, очевидно, в более позднее время, чем люди раннего неолита, которые оставили после себя «кухонные кучи» в Дании и Шотландии. Их поселения можно датировать 10 000 годом до н. э. или ранее. Свайные поселки, очевидно, были обитаемы с 4000–5000 гг. до н. э. приблизительно и почти до исторических времен.

Племена создателей «кухонных куч» были наиболее варварскими среди неолитических племен. Их

каменные топоры были грубо обработанными, у них не было домашних животных, кроме собаки. В это же время жители озерных поселений обзавелись не только небольшими собаками, но и коровами, козами, овцами. Позднее, уже ближе к бронзовому веку, у них появились свиньи. Среди костного мусора, оставшегося после их поселений, преобладают останки коров и коз. Учитывая особенности местности и климатические условия, можно предположить, что зимой животных тоже держали в свайных помещениях, где находились еще и хранилища с кормом для скота на зиму. Не исключено, что животные

жили с людьми под одной крышей.

Вероятно, люди уже умели доить коров и коз, и молоко было важным подспорьем в хозяйстве, как и в наши дни в Швейцарии. Впрочем, сейчас об этом нет достоверных сведений. Молоко нельзя назвать природной пищей для взрослых, и поначалу употребление в пищу молока, должно быть, было чем-то необычным. Только после того, как человек стал по-настоящему скотоводом, укоренилась привычка постоянно употреблять молоко. Некоторые исследователи считают, что молоко, сыр, масло и другие молочные продукты появились значительно позже, вместе с

переходом к кочевому образу жизни. Но автор этой книги все же склонен считать, что люди эпохи неолита были достаточно развиты, чтобы использовать молоко в пищу. Молоко, если оно действительно у них имелось, хранилось в глиняных горшках. В то время уже была глиняная посуда, конечно, грубой работы, не такая, как ровные удобные изделия, изготовленные на гончарном круге.

Недостаток в пище восполнялся охотой. Люди эпохи неолита охотились на оленей, косуль, бизонов и диких кабанов. В пищу также шло и мясо лисицы, имеющее резкий запах. Едва ли кто станет есть такое

мясо в условиях достатка. Довольно странно, что люди не охотились на зайцев, которые во множестве водились в тех местах. Вполне возможно, что мясо зайцев не употребляли в пищу по той же причине, по которой зайца и сейчас не едят некоторые дикие племена, — они боятся, что мясо такого трусливого животного сделает и их трусливыми.

Как люди эпохи неолита возделывали землю, нам почти ничего не известно. При раскопках не найдено ни плугов, ни мотыг. Они делались из дерева и, конечно же, не могли сохраниться до нашего времени. Люди эпохи неолита

выращивали пшеницу, ячмень и просо, но рожь и овес были им неизвестны. Собранные зерна они поджаривали, размалывали на каменных терках и затем хранили в горшках, чтобы использовать в случае нужды. Готовили исключительно тяжелый и твердый хлеб. Несколько круглых плоских лепешек такого хлеба были обнаружены среди других швейцарских находок. По всей видимости, использовать дрожжи тогда еще не умели и как следствие не могли готовить ферментные напитки на основе брожения.

Один из сортов ячменя, который выращивался в эпоху неолита,

культивировался также греками, римлянами и египтянами. Кроме того, у людей эпохи неолита была египетская разновидность пшеницы. А это значит, что их предки принесли этот сорт с юго-востока, где он был впервые выведен. Центр распространения пшеницы располагался где-то в восточном Средиземноморье.

Когда обитатели швейцарских свайных поселений засевали свои небольшие участки поля пшеницей, они уже следовали практике, существовавшей с незапамятных времен. К тому времени на юго-востоке пшеницу сеяли, должно быть, уже несколько тысячелетий.

Все народы Старого Света, вступившие в неолитическую фазу развития, выращивали и ели пшеницу, в то время как американским индейцам пришлось самостоятельно развивать свое земледелие после того, как они отделились от народов Старого Света. У них никогда не было пшеницы. Зерновая культура Нового Света — это кукуруза, или маис.

Обитатели свайных поселений в Европе ели горох. Собирали плоды яблони-дички. В то время это был единственный вид яблок в мире. Прежде чем появились известные нам сорта яблок, люди должны были научиться селекции и

культивированию отобранных сортов.

Как и прежде, люди носили главным образом одежды из меха и кожи. Однако появилась и грубая ткань из льна. Фрагменты подобной льняной ткани сохранились до наших дней. Но все еще оставались неизвестными пенька и веревки из нее.

С наступлением эпохи бронзы увеличилось и число бронзовых заколок для волос. Есть основания предполагать, что люди собирали волосы в пряди и скалывали их заколками, сначала костяными, а затем и металлическими. Судя по отсутствию реалистических

изображений в рисунках, резьбе и узорах на кости, люди того времени или совсем не украшали свою одежду, или разрисовывали ее точками, клетками, переплетающимися узорами и тому подобным условным орнаментом.

Вплоть до бронзового века нет никаких признаков того, что в обиходе использовались столы или стулья. Скорее всего люди того времени, за исключением обитателей свайных домов, устраивались просто на земляном полу.

В озерных поселениях не было кошек: мыши и крысы к тому времени еще не приспособились к обитанию вблизи человеческого

жилища. Птицеводство, куриные яйца — это все более поздние прибавления к хозяйству и кухне человека (какую бы важную роль они ни играли теперь в нашем питании). Курица не упоминается ни у Гомера, ни в Ветхом Завете (хотя обратите внимание на упоминание яйца в Библейском тексте — Иов 6:6). Примерно до 1500 г. до н. э. кур разводили только дикие племена, обитавшие в джунглях Индии и Бирмы. Возможно, именно в Бирме была выведена первая порода домашних кур. Только к 110 г. до н. э. согласно летописям куры оказались в Китае. Через Персию домашние куры попали в Грецию еще до времен

Сократа. И уже в Новом Завете Петр троекратно, до утреннего пения петуха, успевает отречься от своего Учителя.

Главным орудием труда и главным оружием у человека эпохи неолита был его топор. Затем — лук и стрелы. Наконечники стрел изготавливались из кремня, делалось это с большим мастерством и очень тщательно. Наконечники вставлялись в выемку на стреле и затем плотно приматывались сухожилиями. Почву для посева пшеницы скорее всего подготавливали с помощью оленьего рога, закрепленного на шесте. Рыбу ловили или на крючок, или гарпуном.

Все эти орудия, несомненно, составляли внутреннее убранство жилища людей эпохи неолита. Стены были увешаны сетями для ловли птиц. На полу, земляном или с примесью коровьего навоза (на манер глинобитных хижин в нынешней Индии), стояли плетеные корзины, а также горшки с молоком, зерном и другими съестными припасами. Другие горшки и чаши висели на стене на специально приделанных петлях. Один конец жилища отводился для домашнего скота (зимой так легче было согреться и животным, и людям). Поутру дети выгоняли коров и коз на пастбище, а ближе к вечеру загоняли

обратно в стойло, подальше от медведей и волков.

Если у человека эпохи неолита был лук, то, надо думать, были и струнные музыкальные инструменты. Звонкое пение натянутой тетивы не могло не навести на мысль сделать особый инструмент для извлечения ритмичных звуков. В ходу были глиняные барабаны с горловиной, затянутой кожей. Вероятно, были и подобные этим деревянные барабаны из выдолбленных или выжженных изнутри кусков стволов. А костяные свистульки были известны даже людям эпохи палеолита. Можно предположить, что и тростниковые

свирели были достаточно ранним изобретением.

Нам неизвестно, когда человек начал петь. Очевидно, он придумывал музыку для своих инструментов, затем вместе с музыкой зазвучали слова, и появилась песня. Поначалу человек подпевал лишь голосом, без слов.

Зимой, после захода солнца, человек сидел в своем доме и пел, занимаясь какой-либо несложной работой, скорее на ощупь, чем при свете. Внутренность дома освещалась скупо, в основном светом очага. Тем не менее в селении всегда был огонь, зимой или летом, днем или ночью — слишком

непросто было добыть огонь в те дни, чтобы его с легкостью можно было гасить. Но иногда огонь приносил беду в эти свайные поселки. Он вырывался на свободу, и селение полностью выгорало. Следы таких пожарищ встречались в швейцарских раскопках.

Мы говорим о жизни людей эпохи неолита на примере свайного поселения в Швейцарии. Примерно такой же образ жизни вели племена, распространившиеся по всей Европе. Человек начинал с того, что преследовал стада диких, еще не одомашненных коров и овец. И в этой охоте собака была его соперником. Но незаметно человек

почувствовал себя хозяином стада и смог завязать дружбу со своим соперником, ставшим теперь верным помощником в охране стада. Человек научился заворачивать стада назад, когда они уходили слишком далеко. А следующим шагом стало умение перегонять их к лучшим пастбищам. Люди научились направлять стада в долины, а затем и в загоны, с уверенностью, что найдут их завтра на том же месте. Человек кормил животных, когда им не хватало пищи, и постепенно приручал их.

Земледелие также началось с необходимости собирать и хранить корм, в том числе и для скота. Несомненно, человек научился жать

прежде, чем сеять. Впрочем, уже для охотника эпохи палеолита существенным подспорьем в питании (при непостоянной добыче) были съедобные корни, плоды и дикие злаки. Весьма сомнительно, чтобы первобытный человек на какой-либо стадии своего развития питался только мясом.

В один прекрасный день человек научился сеять. Несомненно, одним из самых примечательных и основополагающих факторов в развитии общества, как показал сэр Джордж Фрейзер^[19] в своей монументальной «Золотой Ветви», было то, что представления о севе злаков в сознании человека эпохи

неолита были неразрывно связаны с жертвоприношениями. Здесь невозможны никакие логические объяснения, подобную связь могло обнаружить лишь первобытное мышление в эпоху творения мифов, в эпоху детства человечества. В том мире, каким он был десять тысяч лет назад, как только наступало время сева, совершались человеческие жертвоприношения. И в жертву приносили не каких-либо изгоев или преступников. Это были молодые люди или девушки, чаще всё-таки юноши, с которыми обращались необычайно почтительно, вплоть до самого момента умерщвления. Такой человек выступал в качестве

жертвенного божества-правителя, и детали его заклания становились ритуалом, который сохранялся старейшинами и утверждался на протяжении веков. Везде, где человек вступал в первую фазу земледелия или прошел через эту фазу, были человеческие жертвоприношения. Некоторые их черты сохранились и в последующих земледельческих обрядах.

Люди эпохи неолита были уже близки (всего в нескольких тысячах лет) к зарождению письменной традиции и появлению письменных преданий, ставших собственно началом известной истории человечества.

Бронза наконец (без каких-либо существенных потрясений или переходных периодов) заняла свое место среди материалов для изготовленная орудий. Те племена, которые первыми могли обзавестись, к примеру, бронзовым оружием, получали значительное преимущество в вооруженных стычках. Письменная традиция началась в Европе еще до того, как железное оружие вытеснило бронзовое. В ту пору начала распространяться и примитивная торговля.

Бронза и изделия из бронзы, редкие и твердые камни, такие, как нефрит, золото (благодаря

пластичности и пригодности для изготовления различных украшений), янтарь, светящийся изнутри, — все это захватывалось, похищалось, переходило из рук в руки от одной общины к другой, из одной местности в более отдаленные. Вероятно, соль также была предметом торговли. На мясном рационе человек мог прожить и без соли, но когда он стал употреблять в пищу злаки, ему, как и травоядным животным, понадобилась соль. Обмен, дань, захват постепенно, но уверенно становились частью существования человечества. Люди добивались своего любыми способами, на какие только были

способны.

Пока еще мы говорили об истории без исторических событий (о веках, периодах и стадиях). Но, прежде чем мы закончим с этой частью истории человечества, необходимо упомянуть еще об одном этапе, сыгравшем исключительно важную (трагическую в своем начале) роль в развитии зарождающейся цивилизации. Речь идет о прорыве вод Атлантики в обширную Средиземноморскую долину.

Практически нет сомнений, что к концу последнего ледникового периода на территории Средиземноморья существовало

несколько внутренних морей, не связанных между собой или связанных лишь рекой, вытекавшей из одного моря и впадавшей в другое. Бассейн восточного моря был наполнен более пресной водой, он питался водами Нила, «адриатической» рекой, «красноморской» рекой и, вероятно, рекой, вытекавшей из существовавшего в те времена огромного Среднеазиатского моря. Можно со всей уверенностью сказать, что в этом, утерянном теперь, средиземноморском раю жили люди эпохи неолита.

Подтверждения того, что существовали такие два первичных

моря, очень просты и понятны. И сейчас Средиземное море является морем испаряющимся. Реки, которые в него впадают, не восполняют потери воды, испаряющейся с поверхности моря. Два течения приносят воду в Средиземное море: одно из Атлантики, другое из Черного моря через Босфорский пролив. Черное море получает больше воды, чем ему нужно, от больших полноводных рек, впадающих в него. Оно — избыточное море, в то время как Средиземное — пересыхающее. Ясно, что в те далекие времена, когда Средиземноморский бассейн был отрезан от Атлантического океана и

от Черного моря, уровень водоемов внутри этого бассейна был существенно ниже, чем уровень океана за разделяющей их сушей. Так обстоят дела в наши дни с Каспийским морем и с таким пересыхающим водоемом, как Мертвое море.

Но, если это мнение обосновано, тогда на месте, где теперь плещутся голубые воды Средиземного моря, в те далекие времена существовали значительные пространства суши, причем с очень благоприятным климатом. Нам не известно, как далеко от нас отстоит то время, когда океанические воды снова вернулись в

Средиземноморский бассейн. Определенно эти земли, эти леса и долины, оказавшиеся под водой, были заселены людьми, предположительно относившимися к азийской культуре.

Изучив карту рельефа дна Гибралтарского пролива, мы обнаружили гигантскую котловину, которая начинается на средиземноморском дне, проходит через пролив и на некотором расстоянии от Гибралтара врезается в атлантический шельф. Эта котловина, или подводная долина, вероятно, является результатом работы вливавшихся вод океана уже в заключительный период затопления

Средиземноморской долины.

Затопление Средиземноморья, случившееся, по нашей приблизительной хронологии, где-то между XV и X тысячелетиями до н. э., было одним из самых судьбоносных событий в предыстории нашего мира. Если верна более поздняя дата, то тогда первые зачатки цивилизации, первые озерные поселения и первые земледельческие культуры уже существовали вокруг Левантийского озера, этого древнего пресноводного моря, в которое впадали не только Нил, но и еще две великие реки, на месте которых сейчас находятся моря — Адриатическое и Красное.

Внезапно воды океана прорвались через западные холмы и устремились на людей. Озеро, которое до этого было их домом и другом, стало врагом. Его воды поднялись, чтобы уже больше не отступать. Целые поселки оказались под водой, которая преследовала людей в их бегстве. День за днем и год за годом вода заполняла долины, заставляя людей отступать все дальше. Многие, вероятно, оказались в ловушке, окруженные со всех сторон соленой океанской водой. Она не знала преграды, прибывала все быстрее и быстрее, поднимаясь над верхушками деревьев и вершинами холмов, пока не

заполнила все Средиземноморье, остановившись лишь перед скалистыми берегами Аравии и Африки.

Эта катастрофа произошла очень давно, задолго до начала письменной истории. И, вероятнее всего, под толщей воды оказались скрытыми от нас самые ранние и самые яркие страницы Драмы времен становления человечества.

Глава десятая

Ранняя мысль

1. Первобытная философия.

2. Место Старейшины в первобытной религии.

3. Страх и надежда в религии.

4. Звезды и времена года.

5. Возникновение мифов и преданий.

6. Неоднородное происхождение религии

Пришло время рассказать о том, как около шести или семи тысяч лет назад начали возникать города, а на смену племени, которое до этого было наивысшей формой объединения людей, пришла новая, уже политическая, форма общественного единства. Но прежде рассмотрим, как изменялось сознание людей, развитие и совершенствование которых мы прослеживали на протяжении пятисот тысяч лет, начиная от стадии человекообезьяны.

Что же думал человек о себе и о мире в те далекие дни? Поначалу его

мысли касались только самых непосредственных вещей и немедленных действий. Человек мыслил примерно следующим образом: «Вот медведь. Что мне делать?» или же «Вот белка, как ее поймать?» Пока речь оставалась неразвитой, мышление человека не выходило за рамки непосредственного восприятия. Речь позволяет мысли фиксировать, запоминать, охватывать все более и более сложные понятия. Это словно бы рука мозга, которой он берет и изучает различные предметы и явления.

Первобытный человек, прежде чем он смог говорить, вероятно,

обладал очень острым зрением, очень выразительной мимикой. Он жестикулировал, танцевал, смеялся и не слишком задумывался о том, как он возник и зачем живет на свете. Он, вне всякого сомнения, боялся темноты, ударов молнии, хищных зверей, боялся всего непонятного. Человек старался, как мог, задобрить все то, чего боялся, умиловить воображаемые силы, которые обитали в камнях, в животных, в реке; просил, чтобы они сменили гнев на милость. Первобытный человек не делал различия между одушевленными и неодушевленными предметами.

Если палка ударяла его, он

пинал ее в ответ. Если река выходила из берегов и заливала все вокруг, это значило, что она рассердилась. Ход рассуждений первобытного человека можно скорее всего сравнить с рассуждениями современного смышленного мальчика лет четырех-пяти. Но поскольку у первобытного человека или вообще не было речи, или его речь была крайне неразвита, то он почти не имел возможности словесно передать свои переживания и описать на их основе какой-либо обычай или ритуальное действие, переходящее от поколения к поколению.

Наскальные рисунки даже поздненеолитического периода не

дают основания предполагать, что человек обращал внимание на солнце, луну и звезды или на деревья. Его занимали только люди и животные. Скорее всего человек не выделял солнце и звезды, день и ночь, деревья и горы из всей целостности окружающего мира, как ребенок в наше время не задумывается, откуда взялась его детская комната или еда, которой его кормят.

Насколько мы можем судить, человек эпохи позднего палеолита еще не жил в мире вымышленных существ, духов или чего-либо в этом роде. Охотник на северных оленей изображал на своих рисунках

известных ему зверей, и ничто не указывает на то, что он боялся их и преклонялся перед ними. Может быть, ему казалось, что, нарисовав животное, он заставит его прийти. Вполне может быть, что эти рисунки связаны с первобытной магией, призванной принести удачу на охоте, но никак не с обожествлением или поклонением этим животным.

В изделиях и рисунках первобытного человека едва ли можно найти что-то, напоминающее, на наш взгляд, религиозный или мистический символ.

Безусловно, жизнь этого человека не была свободна от того, что мы называем фетишизмом. Он

совершал действия, которые теперь нам показались бы бессмыслицей. Но он делал это, чтобы добиться желаемого результата. А это и есть фетишизм, всего лишь своеобразный способ познания, построенный на догадках и ложных аналогиях, отличный по своей природе от религии.

Несомненно, мир сновидений не оставлял человека равнодушным, а временами переживание сновидений смешивалось с переживаниями реальной жизни. Существует мнение, что у людей эпохи позднего палеолита, раз уж они хоронили своих умерших, сложились определенные

представления о посмертной жизни (даже неандертальцы хоронили своих умерших с едой и оружием). Вполне может быть, что эти люди не воспринимали смерть как конец существования человека. Но это не значит, что они верили в присутствие бессмертного духа в теле человека или что их уверенность в существовании потустороннего мира становилась сильнее, когда они видели умерших во сне. Возможно, они верили, что мертвые превращаются в некое подобие оборотней, и старались задобрить их.

Охотник на северного оленя, как нам кажется, был слишком похож на нас, слишком разумен, чтобы не

иметь связной речи. Но едва ли эта речь позволяла что-то большее, чем прямое утверждение и непосредственный пересказ происшедшего.

Пока еще нам не известно, насколько велики были племена охотников. Им не было смысла держаться вместе во избежание голода. Очевидно, они были рассеяны на значительном пространстве так же, как и олени рассеивались в поисках пищи. Но когда олени собирались для сезонной миграции, собирались и охотники. Для них это было время торговли, празднеств. Несомненно, был и обмен новостями. Что же касается

обмена идеями — в этом можно сомневаться. В жизни, сравнимой с жизнью первобытного охотника, едва ли будет присутствовать философия или теология, склонность к предрассудкам или к рассуждениям. Страхи — да, но индивидуальные страхи (фантазия и игра воображения), которые пока еще не переросли в мировоззрение и обычай.

Возможно, подобные празднества служили и средством эмоциональной разрядки. Чтобы выразить свой страх, не нужно много слов. Напряжение, вызванное каким-либо событием, легко разрядить в эмоциональной обстановке.

В том, что касается первобытного мышления и религии, важно помнить: пример современных примитивных племен едва ли поможет нам понять образ мышления человека, жившего до появления полностью сформировавшейся речи (первобытный человек не имел или имел лишь в зачаточной форме обряды и племенные традиции). Современные дикари и отсталые народы по рукам и ногам опутаны самыми разнообразными традициями и обычаями тысяч и тысяч поколений. И дело не только в том, что их оружие или их хозяйство похоже на то, которое было у

отдаленных предков. То, что было искренним переживанием, то, что впервые запомнилось их предшественникам, столетие за столетием, поколение за поколением врезалось в сознание, оставляя глубокий отпечаток в коллективном и индивидуальном мышлении и поведении.

Со всей определенностью можно сказать, что фундаментальные основы мышления человека закладывались задолго до возникновения речи. Умственная деятельность людей позднего палеолита была близка нашей. Она строилась на основе мышления нашего обезьяноподобного предка. В

поисках фундаментальной
составляющей мышления этого
примитивного существа наука
психоанализа исследует материал
наших снов, наших детских
представлений, наших оговорок,
непреднамеренных реакций и всего
того, что еще сохранилось в нас от
первобытного дикаря, который
подспудно продолжает существовать
в нашем сознании.

Человекообразные обезьяны
спариваются со своим потомством.
Молодые самцы живут в страхе перед
самым старым самцом. Если
молодые самцы случайно вызывают
его ревность, их убивают или
изгоняют из стада. Самки —

охраняемая собственность старого самца. Так обстоят дела у всех животных, едва только у них появляются признаки стадного образа жизни.

Страх перед Старейшиной был основой понимания того, как нужно вести себя в обществе. Молодняк человека на первобытных стоянках вырастал в этом страхе. Все предметы, хоть как-то связанные со Старейшиной, были под запретом. Никому не разрешалось трогать его копье или сидеть на его месте. Все женщины в племени, вероятно, также были в его власти. И молодежь небольшой семейной общины должна была помнить об этом.

Матери прививали детям чувство боязни и уважения к Старейшине, учили постоянно помнить, что он где-то поблизости.

Представление о чем-то запретном, понятие о том, что некоторые вещи — это то, что называется табу (их нельзя было трогать, нельзя было смотреть на них и т. п.), могло очень глубоко укорениться в первобытном сознании еще на самых ранних стадиях развития человека.

Склонность к задабриванию Старейшины даже после его смерти тоже вполне объяснима. Он все еще оставался главным лицом если не в жизни, то в кошмарных снах

первобытного дикаря. Как знать, может, он и не умер вовсе? Возможно, он только заснул или притворился мертвым. И раз уж он продолжал держать в страхе свое маленькое племя, так легко было проникнуться надеждой, что Старейшине под силу победить и чужих, враждебных людей. При жизни ведь он боролся за свое племя, пусть даже и правил в нем при помощи грубой силы. Тогда почему после его смерти все должно быть иначе? Как видим, образ Старейшины, его качества вполне естественно укладываются в категории первобытного ума. К тому же, различные характеристики,

переносимые на образ Старейшины первобытным сознанием, могли развиваться и усложняться соответственно тому, как усложнялись и развивались отношения в племени, а затем и в общине. Так страх перед отцом постепенно превратился в страх перед племенным божеством.

В противовес Старейшине, добрее и человечнее была Мать, которая помогала, советовала, спасала своих детей от гнева Старейшины. Именно она учила их бояться его и подчиняться ему. В укромном уголке она шепотом рассказывала детям истории о силе и непобедимости Старейшины.

Психоанализ Фрейда и Юнга многое сделал для того, чтобы понять, какую огромную роль страх перед Отцом и любовь к Матери по-прежнему играют в адаптации сознания человека к социальной необходимости.

Один шаг отделял Старейшину, это первоначальное божество, от воплощения в определенную форму. Женские божества были мягче и добрее. Они помогали, защищали, они утешали и награждали. В то же время их образ был более загадочен, менее понятен, чем открытая грубость Старейшины. Поэтому священный покров страха отделял и Женщину от потомства. Богинь тоже

боялись. Они приходили из мира непостижимого и ужасного.

3

Еще одно фундаментальное представление достаточно рано успело сформироваться в сознании человека. Необъяснимое возникновение инфекционных болезней, должно быть, послужило основой для представления о нечистоте и проклятии. Как следствие возникло стремление избегать определенных мест и людей с определенными отклонениями в здоровье.

Общаясь друг с другом, люди могли обозначить область общих страхов и определить коллективное табу на запретные и нечистые вещи. Вслед за понятием нечистоты возникали понятия об очищении и снятии проклятия. Обряд очищения проводился под руководством и с помощью знающих стариков или старых женщин. В ритуале подобного очищения кроются истоки более поздних обрядов и женской магии. Чтобы снять проклятие, изгнать зло, чтобы стать неуязвимым, необходимо было совершить действие, равное по значимости и эмоциональному воздействию. А что может быть более волнующим, чем ритуальное

убийство, пролитие живой крови?

Речь поначалу была мощным дополнением к простому подражательному обучению, к урокам пинка и подзатыльника, проводимым бессловесным родителем. Матери могли словесно поощрять своих послушных чад или распекать нерадивых. По мере развития речи люди получили возможность подметить, что некоторые словесные формулы могли быть, или казались им, особенно действенными. Тогда они старались запомнить эти слова и держать их в секрете.

В человеческом разуме уживаются две наклонности: одна —

стремление к скрытности и подозрительности, и другая, вероятно, более поздняя, — стремление удивлять, поражать и вообще стараться произвести впечатление друг на друга. Секреты, как говорят, придумывают для того, чтобы можно было ими поделиться. Своими секретами ранние люди делились с молодыми, более впечатлительными людьми, и делали это более или менее открыто, с большим или меньшим эмоциональным результатом, в определенном ритуале посвящения. Более того, человечество во все времена переполняла тяга к учительству. Большинство людей

жить не может без того, чтобы не «учить жить» других. Все многочисленные и разнообразные принудительные запреты для мальчиков и девочек, для женщин, вероятно, также очень рано появились в нашей истории и, очевидно, имеют одну и ту же природу. У жертвоприношений, в свою очередь, двойственный источник. Во-первых, это стремление задобрить Старейшину и, кроме того, стремление действием повлиять на природу и положение вещей. В жертвоприношении, вероятно, всегда было больше магии, чем поклонения. Жертвоприношение разрушало чары, утверждало

порядок, а если так, тогда это не могло, по мнению первобытного человека, не понравиться духу Старейшины, превратившегося в Племенное Божество. Впрочем, жертвы приносились и потому, что сам ритуал жертвоприношения быстро стал частью существования и завораживающе действовал на умы первобытных людей.

Из множества подобных представлений выросли первые квазирелигиозные традиции в жизни человека. Речь, становившаяся все более емкой и выразительной, дала возможность усилить и объединить табу, запреты и церемонии. Нет ни одного дикого или отсталого племени

в наши дни, которое не было бы опутано сетью подобных традиций.

С возникновением примитивного скотоводства еще более усилились подобные аналогии, о которых мы говорили: одушевление непонятных предметов и явлений, перенос на них характеристик живого существа. Многие из того, на что человек ранее не обращал внимания, теперь приобретало первостепенную важность.

Жизнь человека эпохи неолита постепенно приобретала кочевой характер. И для охотника, и для пастуха исключительно важным было умение ориентироваться на местности. Пастух был рядом со

своим стадом как днем, так и в ночное время. Солнце и звезды помогали ему не сбиться с пути.

После многих веков наблюдений человек заметил, что звезды — более надежный ориентир, чем солнце. Он начал выделять отдельные звезды и скопления звезд. А для первобытного человека выделить один какой-либо признак предмета или явления означало придать ему индивидуальность, одушевить то, что бросилось в глаза. Самые приметные звезды стали казаться человеку живыми существами, надежными, постоянными. Каждый раз после захода солнца они появлялись на ночном небосклоне. Вероятно, они

казались человеку сияющими глазами и помогали так же, как помогало племенное божество.

Начало периода возделывания земли усилило чувство смены времен года, дня и ночи. Когда наступало время сева, на небе царили всегда одни и те же звезды. Некая яркая звезда каждую ночь поднималась над какой-нибудь приметной возвышенностью (скажем, над вершиной горы), а затем медленно каждую ночь опускалась. Конечно же, как казалось человеку, это был знак, молчаливое, но исполненное сокровенного смысла предостережение для знающих, для посвященных. Не будем забывать, что

земледелие началось в субтропической зоне или даже ближе к экватору, где сияние звезд первой величины несравнимо по силе и красоте с более умеренными широтами. Смена времен года не сопровождалась снегом и холодными ветрами, как на севере. Сложно было предсказать, когда начнется сезон дождей или случится наводнение. Но звездам можно было верить, они никогда не обманывали.

Человек эпохи неолита научился считать и постепенно все больше попадал под влияние магии чисел. Существуют примитивные языки, в которых нет слова для обозначения числа больше пяти. Некоторые

племена могут считать только до двух, и не более. А человек эпохи неолита на своей прародине в Азии и Африке уже подсчитывал свое все возрастающее имущество. Он начал с использования счетных бирок и палочек с надрезами. Затем научился складывать их в десятки и дюжины. Его завораживали углы в треугольнике и квадраты из четырех сложенных концами друг к другу палочек; и еще то, что некоторое количество, вроде двенадцати, легко делилось на равные части различным манером, а другое (например, тринадцать) так поделить было невозможно. Двенадцать стало знакомым и любимым числом,

щедрым и благородным, а тринадцать, наоборот, приобрело дурную славу.

Видимо, тогда же появился первый календарь, и человек начал отмечать время по новолуниям и полнолуниям. Лунный свет был очень важен для пастухов, которые больше уже не преследовали стада, а наблюдали за ними и стерегли их. От фаз луны с развитием и улучшением земледелия внимание человека переключилось на более длинный сезонный цикл. С наступлением зимы первобытный человек, вероятно, просто уходил в более теплые края. Он уже наверняка знал, что теплое время года чередуется с

холодным, и успевал сделать запасы корма для скота, а впоследствии — запасы зерна для хлеба. Человек уже должен был точно знать самое выгодное время для сева, иначе все могло обернуться неурожаем.

Наиболее ранний метод летоисчисления — по фазам луны. С началом эпохи земледелия возникла задача привести лунный календарь в соответствие с солнечным. До сих пор эту задачу до конца не решили. Пасха год за годом приходится на разное время. Она приходит то слишком рано, то слишком поздно по отношению к весне. А причина — все в той же привязанности к лунному календарю, сохранившейся

с древних времен.

Когда человек со своим имуществом и вместе со своими стадами стал обживать новые места, он стал задумываться над тем, что же может быть в краях, где он еще не бывал. Стало складываться представление о том, что за пределами его стоянки, его поселения существует большой, незнакомый мир. Задерживаясь во время кочевий в какой-либо местности, привыкая к ней, люди задавались вопросом: «Как это или то оказалось здесь? Откуда оно взялось?» Люди стали интересоваться тем, что скрывается за горами, где прячется солнце после

заката и что находится над облаками.

Накапливая новые впечатления, придумывая им названия, человек учился рассказывать. Простые личностные переживания, отдельные магические приемы и табу в поведении человека эпохи палеолита стали складываться во взаимосвязанную мировоззренческую систему. Люди стали придумывать истории и легенды о себе, о своем племени, о своих табу и о том, зачем эти табу нужны; об окружающем мире и о том, как и зачем сам человек появился в этом мире. Таким образом, зарождалось общественное сознание. Человек эпохи палеолита,

несомненно, был более свободной личностью, в нем было гораздо больше от художника и от дикаря, чем в человеке эпохи неолита. Жизнь людей эпохи неолита уже подчинялась в буквальном смысле «неписанным», но от этого не менее жестким законам. С детства человека учили, что можно и чего нельзя. У него уже не было прежней свободы самостоятельно искать объяснения окружающему миру и своему месту в этом мире. За него уже все было придумано, и человеку оставалось только покориться новому диктату, который появился в его жизни — диктату идеологии.

Новые слова и новый смысл не

только способны усилить и усложнить процесс мышления. Сами по себе слова обладают силой и могут воздействовать. Слова человека эпохи палеолита большей частью были названиями предметов. Человек эпохи неолита уже стал задумываться над тем, что означают сами слова. Когда мы говорим об эпохе неолита, сразу же бросается в глаза полное отсутствие художественного импульса, который отличал людей эпохи позднего палеолита. Перед нами множество примеров совместных усилий в самых разных сферах, и при этом — никаких признаков личного творчества. Самоподавление

постепенно начинает становиться составляющей жизни этих людей. Человек вступил на продолжительный, сложный и мучительный путь достижения всеобщего блага, принеся в жертву свое собственное самовыражение (отчего продолжает страдать и по сей день).

В мифологии начинали складываться определенные общие черты, которые время от времени повторялись. Почти повсеместно, где мы находим остатки неолитической культуры, мы обнаруживаем тенденцию к объединению образов змеи и солнца в орнаментах и в культовых обрядах. Это первобытное

обожествление змеи
распространилось значительно
дальше тех регионов, где змеи
действительно составляли
неотъемлемую часть жизни
человека. И если однажды удастся
установить, из какого именно центра
началось распространение
неолитического образа жизни,
несомненно, окажется, что на этих
землях змеи и солнечный свет имели
первостепенное значение.

С появлением земледелия жизнь
человека пополнилась новыми
образами и представлениями.

Из комплекса представлений,
связанных со Старейшиной, из
эмоционального переживания, с

которым был связан образ Мужчины для женщин и Женщины для мужчин, из желания избежать нечистоты и заразы, из стремления добиться с помощью магии власти и благополучия, из сезонных жертвенных традиций и из целого множества умозаключений стало складываться некое единое целое. Постепенно оно превращалось в объединяющее начало, сознательное и эмоциональное. Это нечто мы можем назвать религией. В самой своей основе религия не является однородной или логичной, а скорее представляет собой переплетение верований об управлении духами, представлений о богах, о

всевозможных «можно» и «нельзя».

Религия сложилась не сразу. Из того, что мы уже сказали, следует, что примитивный человек, не говоря уже о его обезьяноподобном предке или мезозойских млекопитающих, не мог иметь никакой идеи Бога или религии. Только с течением времени его, сознание смогло вместить такие общие представления. Можно с полным основанием сказать, что религия росла и развивалась вместе с человеческим обществом. Человек сам открыл и продолжает открывать для себя Бога.

Человек уже осознавал, что ему лично необходима защита и руководство, очищение от нечистоты.

Он нуждался в силе и воле, превосходящих его собственные. Те из племени, кто был смелее и мудрее, хитрее и расчетливее других, выделялись из общей массы и становились шаманами, жрецами, вождями и правителями. И не стоит воспринимать этих людей как мошенников, стремившихся одурачить своих ближних, сыграть на их слепой вере, захватив власть над ними. Человеком движет множество самых разных мотивов; искать преимущества над другим человеком его заставляют десятки причин, и не все они плохие и низкие. Чародеи, как правило, верили в действенность своих чар, жрецы — в необходимость

обрядов, вожди — в свое право руководить племенем.

Вожди, жрецы и колдуны в самых разных обличьях возникают повсюду в мире на том этапе истории, когда поздний палеолит сменяется неолитом. Повсеместно человечество занято поисками — где, в чем может заключаться источник власти, знаний и магической силы? И повсюду люди стремились с благими, или не совсем благими, намерениями управлять, направлять или же с помощью магического воздействия сглаживать конфликты и недоразумения, которые стали возникать между человеком, с одной стороны, и

обществом — с другой.

Нельзя не упомянуть еще об одном, причудливом новшестве, возникшем в позднем палеолите и неолите, — об уродовании своего тела в ритуальных и прочих целях. Люди стали делать надрезы, прокалывать носы и уши, выбивать передние зубы и т. п., руководствуясь в этих действиях самыми немислимыми предрассудками. Многие дети в наше время продолжают проходить через сходную стадию умственного развития. К примеру, нельзя оставлять ножницы на виду у девочек определенного возраста, чтобы они сами не постригли себя на свой вкус.

Ни одно животное так не делает. Те же истоки и у обряда обрезания, который характерен для иудаизма и ислама.

Человеческие жертвоприношения случались не только перед началом сева. Есть все основания предполагать, что на могилах вождей убивали их рабов и жен, что мужчин, женщин и детей убивали, чтобы отвести несчастья или утолить голод богов. Все это кровопролитие перешло и в бронзовый век. Общественное самосознание словно бы уснуло тяжелым удушливым сном. И пока не настала пора проснуться, этот сон разума продолжал порождать

кошмары.

Глава одиннадцатая

Расы и народы

человечества

1. Появляются ли новые народы?

2. Основные расы человечества.

3. Темноволосые смуглокожие народы.

4. Распространение «гелиолитической» культуры.

5. Американские индейцы

Настало время подробно обсудить, что же понимается под часто и не всегда точно употребляемым выражением «расы и народы человечества». Вполне очевидно, что люди, обитающие на обширных пространствах, не могут не изменяться и не приспосабливаться к разным условиям среды. Человек, как и все другие виды живых существ, постоянно испытывает тенденцию к разделению на несколько видов.

Но, с другой стороны, человек — животное странствующее, животное предприимчивое, и очень

немногие из преград остаются для него по-настоящему непреодолимыми. Поэтому многие тысячи лет две силы и две тенденции оказывали влияние на человека. Одна из них стремилась разделить человечество на множество местных разновидностей, а другая — перемешать, слить воедино эти разновидности до того, как произойдет настоящее видовое разделение.

Эти две тенденции, вероятно, изменялись на протяжении истории человечества. Человек эпохи палеолита, к примеру, проводил свою жизнь в странствиях, преодолевая намного большие расстояния, чем

человек эпохи неолита. Он был менее привязан к своему дому или временному пристанищу, его передвижениям не мешало то немногочисленное имущество, что у него было. Племенам охотников поневоле приходилось следовать за мигрирующими животными, которые были их добычей. Несколько неудачных для охоты лет — и племя могло откочевать еще на пару сотен километров. Люди в ту эпоху активно смешивались.

С появлением земледелия новые земледельческие общины стремились закрепиться на местности, где условия в наибольшей степени способствовали земледелию. Таким

образом, усиливалась тенденция к появлению большего числа различий у человеческих типов.

Напрашивается вывод о том, что палеолитическое население, пусть и немногочисленное, но разбросанное на огромных пространствах, было в основной своей массе однотипным.

В истории человечества периоды расселения и межплеменного смешения чередовались с периодами оседлости и обособления. Но, как минимум, с конца палеолита и вплоть до последних нескольких сотен лет человечество обособлялось. В этот период возникло значительное число разновидностей человеческих типов,

многие из которых или вновь смешивались с другими, или вымирали. Там, где существовали четко выраженные климатические или географические отличия или преграды на пути к смешению, там можно было ожидать и появление новых разновидностей.

В одном из отдаленных уголков планеты, в Тасмании, немногочисленная народность, отрезанная от всего остального мира, продолжала существовать на стадии развития, соответствовавшей раннему палеолиту, вплоть до открытия острова голландцами в 1642 году (последний тасманиец умер в 1876 г). Тасманийцы

оставались в изоляции от остального человечества около пятнадцати или двадцати пяти тысяч лет.

Среди многочисленных препятствий и преград на пути к смешению человеческих типов было несколько значительных барьеров, таких, как Атлантический океан, высокогорья и исчезнувшие ныне моря Центральной Азии. У изолированных разновидностей очень рано появились определенные сходные и различительные признаки.

Большинство разновидностей людей в Восточной Азии и Америке (правда, не все) имеют следующие общие черты: желтоватую кожу, прямые черные волосы и очень часто

широкие скулы. У большинства африканских племен на юг от Сахары черная или темная кожа, приплюснутый нос, толстые губы и вьющиеся волосы. На севере и западе Европы многие люди имеют светлые, иногда рыжие, волосы и синие глаза. В регионах вокруг Средиземного моря преобладают белокожие люди с темными глазами и черным цветом волос. Эти южные белокожие племена, по всей видимости, и составляли ту основную массу людей, которая постепенно распространялась на север, восток и юг, вторгаясь в области обитания северных белых, желтокожих и чернокожих народов. Черные волосы

южных белых людей тоже прямые, но никогда не бывают такими жесткими, без единого признака извива, как у желтокожих народов. В Южной Индии мы встречаем смуглокожих людей с прямыми черными волосами, но по мере продвижения на восток им на смену приходят народы с отlišительно желтым цветом лица.

На островах, разбросанных в Тихом океане, и на островах Папуа и Новая Гвинея встречается еще одна группа людей — низкорослых и чернокожих, с вьющимися волосами.

Но не следует забывать, что все это достаточно вольные обобщения. К примеру, у некоторых африканских

народностей преобладают азиатские, а не африканские черты. На Андаманских островах в Индийском океане, на значительном расстоянии и от Австралии, и от Африки, обитает чернокожее племя. На юге Персии и в некоторых районах Индии в облике жителей прослеживается примесь негроидной крови. Это так называемые «азиатские» негроиды.

Пока что нет достаточно убедительных причин считать, что все чернокожие люди (австралоиды, азиатские негроиды и собственно негры) имеют общее происхождение. Точно известно лишь одно: определенное время они жили в

сходных условиях. Не исключено, что более древние типы в истории человечества все были темно- или чернокожими, а светлая кожа у некоторых типов людей появилась сравнительно недавно.

Когда в Европе только начинался неолитический период (возможно, около десяти — двенадцати тысяч лет назад) «*homo sapiens*» уже находился в стадии активного видоизменения по всему миру. Но, разделившись на несколько разновидностей, он никогда не видоизменялся. Единственный отличный вид «*homo*», неандерталец, вымер еще до наступления неолита. Понятие «вид» с биологической

точки зрения отличается от «разновидности» тем, что разновидности могут смешиваться, а виды или не смешиваются вовсе, или производят потомство, которое не способно к дальнейшему размножению (как, например, мулы).

Все человеческие расы могут свободно смешиваться, могут научиться понимать язык друг друга и совместно трудиться. И в настоящее время человечество, по-видимому, не обособляется. Сейчас, пожалуй, сильнее тенденция к смешению, чем к обособлению.

Все народы являются более или менее смешанными. Несомненно, существуют четыре основные расовые группы, но и они тоже неоднородны.

В европейском и средиземноморском регионах, а также в Западной Африке живут и жили на протяжении многих тысяч лет белокожие люди, которых обычно принято называть европеоидной, или кавказской, расой. Она подразделяется на две или три подгруппы — северную светловолосую, или нордическую; смешанную промежуточную, так называемую альпийскую (некоторые ученые не склонны выделять ее в

отдельную группу); и иберийскую, или средиземноморскую, группу, к которой относятся южные смуглокожие народы.

В Восточной Азии и Америке преобладает вторая, монголоидная раса. Монголоиды в большинстве своем отличаются желтоватым цветом лица, прямыми черными волосами.

В Африке преобладают негроиды, а в Австралии и Новой Гвинее — черные австралоиды.

Это разделение принято главным образом, для удобства, и следует всегда помнить, что оно не является по-настоящему четким. За рамками этого разделения остаются

некоторые немногочисленные народы, которых нельзя однозначно отнести к какой-либо из групп, не говоря уже о том, что сами основные расы постоянно смешиваются между собой.

Средиземноморская, или иберийская, группа европеоидной расы в древности была намного больше и разнообразнее, чем обособленная нордическая.

Вполне возможно, что темноволосые смугло-белые народы являются, так сказать, базовой расой современного мира. Нордические и монголоидные народы тогда — не более чем северо-западные и северо-восточные ветви этого основного

ствола. Или же нордический тип является ветвью, а монголоиды, подобно негроидам, — это вполне самостоятельный и независимый ствол; темноволосые смугло-белые племена встретились и смешались с ними в Южном Китае.

Относительно кроманьонских и гримальдийских типов следует отметить, что скелеты гримальдииского типа имеют негроидные признаки. Это был тип человека, предположительно более походивший на боскопский, чем кроманьонский, имевший сходство с американскими индейцами. Вполне возможно, что обе эти первичные разновидности заселяли одну и ту же

местность. Одна из них — прото-желто-белая раса, а другая — прото-негроидная. Следует обратить внимание, что негроидная ветвь отделяется от общего ствола. Далее большинство человечества представлено смугло-белыми народами. Затем две ветви расходятся в разные стороны, две расы мигрируют в разных направлениях: одна — в сторону северных лесов, а другая — в сторону песчаных пустынь северо-восточной Азии. Таким образом возникают нордическая и монголоидная расы.

Мы не считаем, что какой-то из названных расовых типов, нордический или монголоидный, за

исключением разве что эскимосов и скандинавов, сохранил свою «чистоту». Ветви в нашей диаграмме снова соединяются с другими ветвями, предполагая существовавшее межрасовое смешение.

В нашей диаграмме очень много знаков вопроса, но и в таком виде она, как нам кажется, больше соответствует действительному положению вещей в расовом вопросе, чем любая жесткая и строгая классификация.

В определенный период истории человечества возник особый тип неолитической культуры, которую называли «гелиолитической» (то есть

культурой солнца и камня). Она распространилась на все регионы, населенные средиземноморскими племенами, и даже вышла за их пределы и достигла (через Индию, затем по тихоокеанскому побережью Китая и, наконец, через Тихий Океан) Мексики и Перу. Ее носителями были племена, селившиеся на морском и океаническом побережьях.

Для «гелиолитической» культуры характерно: 1) обрезание; 2) непонятный пока (известный как «кувада») обычай, когда отца новорожденного ребенка заставляли имитировать поведение роженицы; 3) практика массажа; 4)

бальзамирование мумий; 5)
мегалитические сооружения (к
примеру, Стоунхэндж); 6)
искусственная деформация черепов у
подростков с помощью тугих
повязок; 7) нанесение татуировок; 8)
культовая ассоциация змеи и солнца;
9) использование символа,
известного как свастика,
призванного принести удачу.

Впрочем, свастика, по всей
видимости, неплохо себя чувствует и
в современном мире. Удивительно,
как людям удалось дважды
приспособить этот символ для своих
целей.

Все перечисленные
характеристики объединяют Бретань

с Борнео и Перу. Там, где встречается одна из них, представлено и большинство остальных. Но такое сочетание не подмечено ни у первобытных нордических народов, ни у монголоидных племен, ни у тех, кто жил южнее экваториальной Африки.

Тысячелетиями (от 15 000 до 1000 гг. до н. э.) «гелиолитическая культура» и ее темнокожие носители проникали в самые отдаленные уголки планеты теплого климатического пояса, преодолевая на своих каноэ подчас значительные морские пространства. Это была наиболее развитая человеческая культура того времени, и ее основой

были прочные, высокоразвитые общины. Местом зарождения этой культуры, по всей видимости, было Средиземноморье и Северная Африка.

Многие народности Индонезии, Меланезии и Полинезии все еще находились на гелиолитической стадии, когда они были открыты мореплавателями-европейцами в XVIII в. Первые цивилизации Египта и Междуречья Тигра и Ефрата, вероятно, являются прямыми преемниками этой обширной культуры. Кочевники-семиты Аравийской пустыни, по всей видимости, также прошли через гелиолитическую стадию.

Коренными обитателями Америки являлись представители монголоидной расы. Они скорее всего перебрались на Американский континент через Берингов пролив. Затем, с течением времени (хотя не все этнологи согласны с этой точкой зрения), новые племена и новые культурные идеи могли достичь Америки по морю. Но если новые племена и присоединялись к исконному населению Америки, то они или вовсе не сеяли пшеницу, или же со временем перестали это делать. Основная зерновая культура Нового Света — кукуруза — была совершенно неизвестна в Старом Свете. Но в обрядовой жизни

американских народов мы находим ту же связь человеческого жертвоприношения с началом сева зерна, которая встречается в неолитический период по всему Старому Свету.

Там, где были благоприятные сезонные пастбища, американские индейцы перешли к кочевому образу жизни, следуя за стадами бизонов. На крайнем севере индейцы продвигались вслед за оленями-карибу (лошадей на Американский континент завезли уже европейцы). Обитатели тропических джунглей охотились на птиц и другую мелкую дичь. Но в двух или трех регионах с плодородной почвой некоторые

племена американских индейцев создали более сложный и развитый общественный порядок. Эти племена обрабатывали и орошали свои земли, возводили культовые сооружения из камня и украшали их сложным орнаментом часто с фантастическими изображениями. Они создали свои города и основали свои империи.

Глава двенадцатая

Языки человечества

1

Маловероятно, что когда-то в мире существовал единый для всего человечества язык. Нам ничего не известно о языке людей эпохи палеолита. Мы даже не знаем, мог ли тогда человек вообще свободно разговаривать. Нам известно, что у него, судя по рисункам, было острое чувство формы и движения. Скорее всего он выражал свои чувства в основном с помощью жестов. Те

слова, которые все же использовал ранний человек, были или возгласами, предупреждавшими об опасности и выражавшими радость, или наименованиями каких-либо предметов. Во многих случаях это были звуки, имитировавшие, к примеру, звуки животных. Сэр Артур Эванс^[20] предположил, что в Америке язык знаков возник раньше, чем собственно языки индейцев; он является общим для всех индейцев Северной Америки, в то время как языки у них разные.

Понадобилось немало времени, чтобы человеческий разум научился передавать действия и взаимосвязь между предметами с помощью

языковых средств. Современные языки насчитывают многие тысячи слов, но в первобытных языках их могло набраться едва ли несколько сотен. Вполне вероятно, что даже к началу неолита это был весь доступный человеку словарный запас. В те дни, наверное, не к чему было пускаться в долгие беседы или в обстоятельный пересказ событий. Если человек хотел о чем-то рассказать, то он скорее всего делал это с помощью пляски или разыгрывал сцену перед своими соплеменниками, которые были больше зрителями, чем слушателями.

Развитие речи поначалу шло очень медленно, а грамматические

формы и возможность передачи отвлеченных понятий появились в истории человечества очень поздно, возможно, не ранее, чем четыреста или пятьсот поколений назад.

Ученые-филологи, изучающие языки мира, выделяют несколько групп языков, получивших распространение на значительных территориях. Эти группы имеют общие корневые слова и сходные способы выражения одних и тех же понятий.

Одна из таких обширных языковых групп сейчас распространена почти по всей Европе и до Индии включительно. В нее входят английский, французский,

немецкий, испанский, итальянский, греческий, русский, армянский, персидский и различные индийские языки. Ее называют индоевропейской, или арийской, языковой семьей.

Когда-то в далеком прошлом, в неолитическую эпоху (восемь тысяч лет назад или около того) существовал простой исходный язык, от которого произошли все индоевропейские языки. Где-то между Центральной Европой и Западной Азией обитали многочисленные племена, достаточно перемешанные между собой, чтобы создать один общий язык и пользоваться им. Для удобства

назовем их арийскими народами. В большинстве своем они принадлежали к светлокожей расе, к северному светловолосому типу людей, то есть к нордическому типу.

Здесь самое время сделать одно предостережение. Было время, когда филологи не различали такие понятия, как язык и народ, и предполагали, что люди, говорящие на одном языке, являются одноплеменниками. Ясно, что это совершенно не соответствует действительности. Достаточно упомянуть о неграх в Соединенных Штатах, которые теперь все говорят по-английски. А ирландцы больше не говорят на старом гэльском языке,

разве что в целях политической демонстрации. На самом деле существование общего языка указывает на тесную связь и взаимное общение между народами. Общий язык (даже если он и не обозначает общее происхождение) указывает на общее будущее.

Вероятно, арийская группа языков выделилась в обширном регионе, где основными реками были Дунай, Днепр, Дон и Волга. Этот регион охватывает степи на севере от Каспийского моря, на востоке простирается за Уральские горы. Кочевые племена, говорившие на арийском языке, вероятно, очень долго не могли достичь Атлантики

или областей за пределами Малой Азии.

В те времена Дунай протекал в восточном направлении и впадал в огромное море, выходившее за пределы региона Волги (в юго-восточной России) и занимавшее часть Туркестана. Это древнее море включало в себя нынешние Черное, Каспийское и Аральское моря. Возможно, в те времена оно сообщалось с Ледовитым океаном. На юге морское побережье простиралось от Балкан до Афганистана. Северо-западнее находилась обширная область болот и заводей, упиравшаяся в Балтику. В любом случае, это было серьезное

препятствие на пути между арийскими племенами и обитателями северо-восточной Азии.

Кроме индоевропейской (арийской), филологи выделяют еще одну группу языков, которая, очевидно, возникла и развивалась обособленно. Это семитская [\[21\]](#) языковая семья. К ней относятся, в частности, иврит и арабский язык. Корневые слова у них совсем не такие, как в арийских языках, по-разному они выражают взаимоотношения между понятиями, различные у них и принципы строения грамматики. Скорее всего, эти языки складывались в общинах, не имевших никаких контактов с

древними ариями, независимо и самостоятельно.

Местом исконного обитания носителей семитского языка, по всей видимости, был или юг Аравийского полуострова, или северо-восточная Африка. В эпоху раннего неолита древние арии и древние семиты жили, если можно так сказать, в разных мирах.

Менее единодушны филологи в том, чтобы отдельной группой считать хамитские языки. Некоторые склонны выделять третью самостоятельную языковую семью, другие объединяют хамитские языки с родственными им семитскими.

Хамитская группа, несомненно,

значительно шире и многообразнее, чем семитская или арийская. Современные носители хамитских языков, как и семитских, являются преимущественно представителями средиземноморской этнической общности. Среди хамитских языков — древнеегипетский и коптский, берберские языки (то есть языки горных племен Северной Африки, к примеру, язык туарегов), а также так называемая группа эфиопских языков в восточной Африке, включающая язык сомалийцев. Эти языки могли распространиться из центрального региона африканского побережья Средиземноморья.

Все три основные языковые

семьи (арийская, семитская и хамитская) имеют одну общую, отличающую их от других языков, черту — грамматический род. Но доказывает ли это общность происхождения трех языков в далеком прошлом — вопрос скорее для ученого-филолога, чем для простого читателя.

На северо-востоке от арийских и семитских областей в свое время находилась прародина еще одной языковой системы, известной как туранская, или урало-алтайская, [\[22\]](#) языковая семья. Она включает в себя саамский язык Лапландии и самодийский язык Сибири; финский, венгерский, тюркский,

маньчжурский и монгольский языки. До сих пор ведутся споры, в какой степени относятся к этой группе японский и корейский языки.

Пятым регионом на нашей планете, где складывались языки, была юго-восточная Азия. Преобладающей в этом регионе является группа языков, использующих односложные слова, без окончаний или приставок.

Смысл такого односложного слова определяется по интонации, с которой слово было произнесено. Эту группу называют китайской, [\[23\]](#) или моносиллабической (то есть односложной). Сюда входят китайский, бирманский, сиамский и

тибетский языки. Отличие китайских языков от всех других очень большое. Пекинский диалект китайского языка насчитывает всего 420 базовых односложных слов, но в свою очередь каждое из них должно передавать множество различных смыслов. Точное значение каждого такого слова определяется или в контексте, или по интонации, с которой оно было сказано. Грамматическая связь между словами устанавливается совсем не таким, как в арийских языках, способом.

Многие авторы утверждают, что вообще не существует никакой китайской грамматики. И это справедливо, если под грамматикой

понимать привычные для европейских языков способы образования и согласования слов. Сам способ мышления у китайцев является не таким, как у европейцев.

Кроме вышеперечисленных языковых семей, филологи выделяют еще несколько обширных языковых групп. Ни один из языков американских индейцев не похож на языки Старого Света. Языки американских индейцев можно выделить в особую группу, не забывая при этом, что в данном случае имеем дело не столько с языковой семьей, сколько с неоднородным конгломератом самых разнообразных языков и наречий.

Вполне возможно, что отдельными языковыми группами являются дравидские языки Южной Индии, а также малайско-полинезийские, площадь распространения которых протянулась по всей Полинезии.

Теперь, исходя из названных фундаментальных языковых отличий, мы можем сделать вывод: к тому времени, когда стали складываться большие общественные образования, человечество уже было рассредоточено в нескольких обширных регионах планеты, а люди очень мало общались между собой. Их разделяли океаны, моря, непроходимые леса, пустыни и горы.

В те далекие времена (возможно, десять тысяч лет назад или больше) племена и семейные общины, говорившие на арийских, семитских, хамитских, туранских и китайско-тибетских языках, странствовали по своим отдельным областям, занимаясь охотой, разведением скота и осваивая земледелие.

Каждая из этих групп по-своему развивала свои языки. Регулярное земледелие в те времена только зарождалось, и только по мере развития земледелия стала увеличиваться плотность населения в плодородных районах. До этого общее число людей на планете не превышало нескольких десятков

тысяч. Мы очень часто не отдаем себе отчет в том, что вплоть до позднепалеолитического периода человек был на редкость малочисленным существом. Если к тому времени земледелие где-то и играло важную роль, а плотность населения была выше, чем в других местах, то это было в Средиземноморском регионе и, вероятно, на тех землях, которые теперь оказались затопленными.

Кроме названных неолитических племен, в те времена, должно быть, существовали и разнообразные, но все еще примитивные, обитатели тропических лесов в Африке и

Индии. Их численность вообще не превышала нескольких тысяч. Они были так же малочисленны, как сейчас обезьяны гориллы. Центральная Африка, начиная с верховьев Нила, была в те времена сплошным лесным массивом. Современные леса Конго являются последними уцелевшими остатками тех, некогда необозримых лесных пространств.

Языковое деление, установленное филологами, в целом совпадает с делением человечества на расы и народы, которое поддерживается этнографами.

Зачатки человеческой речи

эпохи Неолита и языки девяти основных языковых семей (о которых говорилось выше) — это совсем не одно и то же. Мы говорили о более поздних языках, вытеснивших своих примитивных предшественников.

До сих пор на земле существуют языки, которые не имеют никаких видимых связей с другими языками. Иногда, впрочем, путем особо тщательного исследования удастся нащупать такие связи. Тогда, казалось бы, изолированные языки становятся частью более древней, более простой формы человеческой речи.

Одна из таких языковых групп — это баскские диалекты. В

настоящее время баски живут на северных и южных склонах Пиренеев. Их численность в Европе не превышает 600 тысяч. Это отважный и очень свободолюбивый народ. Язык басков в том виде, в котором он существует теперь, является развитым и полностью сложившимся. Однако его истоки совсем не такие, как у соседних индоевропейских языков.

Газеты на баскском языке выходят в Аргентине и Соединенных Штатах на средства богатых иммигрантов. Первыми «французами», переселившимися в Канаду, были баски, и баскские фамилии по сей день часто можно

встретить среди франко-канадцев.

Судя по свидетельствам из прошлого, которые дошли до нас, баски и баскский язык в древности были гораздо более распространены в Испании, чем теперь. Долгое время история баскского языка оставалась загадкой для ученых. Высказывались предположения, что его строение напоминает строение языков американских индейцев. Исследовалась связь баскского языка с берберским языком и через него — со всей группой хамитских языков. Были мнения о том, что язык басков — это единственный сохранившийся, хотя и сильно изменившийся и обособившийся, из когда-то

распространенной и разветвленной группы прото-хамитских языков. На этих языках, исчезнувших к нашему времени, говорили в основном представители темноволосой средиземноморской народности, когда-то заселявшей большую часть запада и юга Европы и Западную Азию. Можно предположить, что баскский язык находился в близкой связи с дравидийскими языками Индии и с языками народов гелиолитической культуры (которые распространились через Индонезию в Полинезию и дальше).

Вполне возможно, что восемьдесят тысячелетий назад в западной и южной Европе были

распространены другие языковые группы, полностью исчезнувшие к моменту появления в этом регионе индоевропейских языков. Они могли объединяться в три основные группы: 1) древний критский язык; 2) шумерский язык; 3) эламский язык.

Существует предположение, что древний шумерский язык мог быть связующим звеном между ранней кавказской и ранней монгольской группой языков. Если это так, тогда у нас получается «баскско-кавказско-дравидско-протомонгольская» языковая группа, еще более древняя исходная языковая система, чем основная хамитская.

Таким образом, появляется своеобразное лингвистическое «недостающее звено», гораздо более напоминающее исходный язык, чем все, что мы имеем в настоящее время. Его можно соотнести с арийскими, семитскими, хамитскими языками так, как примитивные ящерицы позднепалеозойских времен соотносятся с млекопитающими, птицами и динозаврами.

С хамитскими языками, возможно, связан язык готтентотов. В экваториальной Восточной Африке по-прежнему говорят на языке, похожем на готтентотский с бушменскими включениями, и это

только подтверждает мнение, что вся Восточная Африка была в свое время хамитоязычной.

Языки банту и народности, говорящие на этих языках, распространились сравнительно недавно из какого-то исходного центра в западной части Центральной Африки и отрезали готтентотов от остальных хамитских народов. Хотя не менее вероятно и то, что язык готтентотов является отдельной языковой группой.

Среди других изолированных языков можно назвать язык папуасов Новой Гвинеи и язык австралийских аборигенов. Вымерший тасманский язык так и остался почти

неизученным. То, что нам известно о нем, подтверждает тот факт, что человек эпохи палеолита почти не имел членораздельной речи.

Книга третья

Первые цивилизации

Глава тринадцатая

Ранние царства

**1. Ранние
земледельцы и ранние
кочевники.**

2а. Шумеры.

**2б. Царство Саргона
I.**

2 в. Хаммурапи.

**2 г. Ассирийцы,
Ассирийское царство.**

**2д. Иудейское
царство.**

**3. Ранняя история
Египта.**

4. Ранние

цивилизации Индии.

**5. Ранняя история
Китая.**

**6. Развитие
цивилизаций.**

**7. Легенда об
Атлантиде.**

1

Давайте теперь вернемся к тому, что было сказано в предыдущих главах о развитии земледелия.

Формирование земледельческого уклада заняло длительный промежуток времени (несколько тысяч лет). Временные

границы этого промежутка можно определить так: от двадцати до восьми тысяч лет назад. До этого времени человек был (сравнительно) немногочисленным существом. Это был дикарь, бродячий хищник, вооруженный примитивным оружием. Он жил небольшой семьей. Его речь была, по-видимому, еще неразвита. Все свое имущество он мог унести в руках. Его жизнь состояла из погони за добычей, из чередовавшихся периодов голода и редких моментов сытости. Человек кочевал вслед за животными, которые уходили к новым пастбищам. Жизнь человека была свободной, полуголодной,

наполненной чувством постоянной опасности.

Затем человек постепенно перешел к новой жизни. Он начал выращивать для себя пищу и сохранять ее на случай голода. Он начал пасти стада животных, на которых прежде охотился, и примечать те места, где можно было найти съедобные плоды, корни и злаки. Теперь охотник не мог, как прежде, день за днем преследовать диких животных. Ему нужно было присматривать за своими (еще не совсем домашними) стадами и дожидаться всходов на полянках земли, которые он засеял. Его орудия стали лучше и совершеннее. И сразу

же (примерно восемь тысяч лет назад) в отдельных регионах человек стал исключительно многочисленным существом. Ни одна человекообразная обезьяна не могла сравниться с ним по численности.

Человек начал строить для себя жилища и обзавелся имуществом. Он перестал блуждать в поисках пищи и стал трудиться, обеспечивая себя постоянным пропитанием. В его жизни решающую роль стал играть повседневный труд.

Таким образом, человек — это единственное животное, которое перешло к хозяйственной деятельности. Никакого другого хозяйственного млекопитающего

природа не знает. Бобры строят запруды, делают себе логово и собирают припасы на зиму; белки также запасаются кормом; собаки зарывают кости впрок; муравьи и пчелы живут семьями и все время проводят в заботах о пропитании и сохранении жилья — но это несравнимо с хозяйственной деятельностью человека.

Во времена первобытных людей-охотников человечество еще не знало такого постоянного ежедневного занятия, которое мы могли бы охарактеризовать как труд.

Большая часть утомительной хозяйственной работы тогда, вероятно, перекладывалась на

женщин. Первобытный человек не знал, что такое галантность. Во время постоянных переходов женщины и дети несли на себе всю имеющуюся у них поклажу, а в руках у мужчин, которые должны были быть готовыми ко всяким неожиданностям, было только оружие. Забота о детях также полностью была уделом женщин.

Считается, что именно женщины первыми занялись земледелием. И скорее всего это было действительно так, ведь женщинам приходилось питаться злаками и плодами, пока мужчины уходили в поисках добычи. Женщины первыми заметили, что из семян,

оброненных на прежних стоянках, вырастали новые растения. Наверное, женщина первая придумала сеять зерна (как подношение племенному божеству) в надежде, что зерно позже вернется ей сторицей.

Самой ранней формой земледелия было собирательство. Люди, занятые преимущественно скотоводством, высевали злаки, чтобы через какое-то время вернуться и собрать их. Вероятно, именно в период собирательного земледелия зародилась тесная связь между севом зерна и человеческим жертвоприношением. Высеянное зерно злаков оставляли расти и

созревать, человека же убивали и оставляли «присматривать» за посевами.

Самое раннее земледелие почти наверняка было лоскутным, когда вручную, без помощи специальных орудий возделывали лишь небольшие участки земли (вероятно, женскими руками). Это занятие еще не могло служить основным источником пропитания.

Человеку не понадобилось много времени, чтобы заметить, насколько выгодно было засевать те участки, которые регулярно затапливались разливами рек. Пуская свой «хлеб по водам», люди были уверены, что в изобилии получают его

обратно. Вероятнее всего именно в Египте земледелие из побочного занятия постепенно превратилось в основной способ обеспечения себя пропитанием. Очевидно, не было еще другого такого места, которое могло бы приучить человека сеять зерно в определенное время года. Поначалу сев производился на заливаемых землях, а там уже было рукой подать до орошаемого земледелия, то есть до ирригации.

Однако культивация земель — это еще не цивилизация. Цивилизация — это нечто большее, чем эпизодическое выращивание пшеницы при благоприятных условиях, это прежде всего заселение

территории, где земли постоянно возделываются и орошаются, где люди живут в домах по общему для всех закону, в общем городе или крепости.

Необходимым условием того, что человек эпохи неолита перешел к действительно оседлой жизни (в отличие от просто временных поселений в местах с обильной пищей) было, конечно же, надежное круглогодичное обеспечение водой, достаток пищи для людей и корма для скота, а также строительного материала для жилищ.

Нет сомнения, что подобные благоприятные условия существовали во многих европейских и азиатских

долинах (вспомним уже известные нам швейцарские озерные поселения). Но нигде не существовало до такой степени выгодных условий, и нигде они не были настолько надежными и неизменными из года в год, как в Египте и в верховьях Тигра и Евфрата, а также на северном побережье Персидского залива. Здесь не было недостатка в воде, а щедрое солнце давало возможность ежегодно рассчитывать на обильный урожай. В Месопотамии пшеница, по словам Геродота, давала урожай один к двумстам. Плиний пишет, что ее убирали дважды в год, и затем оставалось еще достаточно корма для

овец. В этих местах произрастало множество пальм и различных фруктовых деревьев. Что же касается строительного материала, то в Египте была глина и мягкий камень, а в Месопотамии из глины готовили кирпич-сырец, высушенный на солнце.

Попадая в такие края, человек уже не искал лучших мест и сразу же поселялся на благодатных землях. Племена становились все более многочисленными, и человек постепенно понимал, что в численности — сила. Теперь он мог не бояться случайного нападения хищника. Никогда еще в истории в одной местности не было такой

плотности населения. Жилища людей становились все более прочными, диких зверей в округе истребляли. Жизнь уже была настолько безопасной, что человек мог ходить по городу или трудиться в поле, не беря с собой оружия. Люди, по крайней мере в окружении соплеменников, стали миролюбивыми. Человек «пустил корни» так, как никогда прежде до этого.

Месопотамия и Египет оказались наиболее благоприятными местами для первых постоянных поселений человека. На приведенной здесь карте показано, как они выглядели примерно шесть-семь

тысяч лет назад. К этому времени долина Красного моря и восточно-средиземноморская долина уже были затоплены, но берега Аравии, и в особенности земли на юго-западе Аравийского полуострова, были в те времена значительно плодороднее, чем в наши дни. Красное море соединялось со Средиземным через существовавший тогда пролив, а Персидский залив был гораздо севернее, чем теперь.

В это же время на менее плодородных (более подверженных сезонным изменениям) землях, в лесах Европы, в Аравийской пустыне и на сезонных пастбищах Центральной Азии развивалось

менее многочисленное, но более активное население. Его образ жизни был непохожим на жизнь первых земледельческих племен. Это были первые кочевые племена. В отличие от жизни оседлых земледельцев, жизнь кочевников оставалась полной опасностей и не была привязана к одному месту. Кроме скотоводства, значительным подспорьем для них по-прежнему была охота.

За свои пастбища им постоянно приходилось сражаться с другими, враждебными, племенами. Те новшества, которые появились у оседлых народов (усовершенствованные орудия труда, умение пользоваться металлами), в

свою очередь появились и у кочевников.

Вслед за оседлыми племенами кочевые племена также перешли от неолитического этапа развития к этапу бронзы. С лучшим оружием в руках кочевники превратились в воинственных всадников, способных быстро преодолевать значительные расстояния.

Не стоит думать, что кочевая стадия предшествовала оседлой стадии развития человеческого общества. Первобытные племена действительно постепенно переходили из одного места в другое в поисках добычи. Но затем одна группа людей осела на

облюбованных местах, а другая перешла к отчетливо кочевому образу жизни. Для оседлых племен основным продуктом питания стало зерно различных злаковых культур, а кочевники стали больше употреблять в пищу молока.

Вражда между кочевыми и оседлыми племенами была неизбежна. Кочевники казались земледельцам неотесанными варварами, а те в свою очередь воспринимали жителей плодородных долин как изнеженных и беззащитных, одним словом, как легкую добычу. Очевидно, не прекращались трения между отважными и выносливыми

кочевниками или горцами, с одной стороны, и более многочисленными, но менее воинственными жителями городов и селений — с другой.

По большей части это были всего лишь набеги на пограничные области. За оседлыми племенами всегда оставался перевес в численности. Всадники могли стремительно ворваться в их селения, но не могли остаться там надолго.

Взаимная вражда длилась не одно поколение. Время от времени какому-либо вождю удавалось силой установить некое подобие единства среди кочевников. А затем сплоченная лавина всадников обрушивалась на ближайшую

земледельческую общину. И жители долин, у которых не было ни оружия, ни умения воевать, оказывались беззащитными перед этой лавиной. Грабительский набег превращался в завоевание. Вместо того чтобы только увести добычу из покоренных земель, победители селились на этой земле, их добычей становилась вся земля вместе с людьми.

Городским и сельским жителям теперь приходилось трудиться на своих новых хозяев и содержать их. Вожди кочевников становились царями и повелителями, господами и знатью. Они больше не кочевали, а перенимали искусства и утонченный образ жизни у завоеванного народа.

Но еще многие поколения потомков завоевателей не расставались с привычками кочевников. Они продолжали охотиться и много времени проводили в седле, теперь уже для развлечения, устраивали верховые скачки и гонки колесниц. Однако повседневный труд, особенно труд земледельца, воспринимался ими как удел побежденных, ставших низшим слоем общества.

Все это в тысячах различных вариантов стало одним из основных мотивов истории человечества, продолжаясь уже семь тысячелетий или даже более. Во всех регионах, где существовала цивилизация, первая же правильно

расшифрованная древняя надпись сообщала нам о разделении неработающего класса правителей и трудящегося большинства населения.

Уже через несколько поколений новая знать перенимала образ жизни и привычки завоеванных племен и начинала поддерживать их покорность племенному закону (необходимость оседлого существования). Новый владыка — уже не прежний кочевник, грубый и закаленный. Он брал в жены женщин из покоренного племени, следил за тем, чтобы мир и взаимная терпимость установились между покорителями и покоренными. Он заимствовал у своих новых

соплеменников их религиозные представления и делился с ними своими и в целом жил так, как этого требовали условия местности и общества. Однако и для бывшего победителя история не готовила спокойной жизни. Приходил день, и на горизонте появлялись новые волны искателей наживы из «внешнего» мира, и все повторялось сначала.

Настало время вкратце описать, как складывались цивилизации в Западной Азии (разделы 2а, 2б, 2в) и соответствующие им этапы развития Египта (3).

Последовательность, с которой чередовались возникновение поселений, нашествия кочевников, культурный подъем, новые нашествия, новый подъем и т. д., особенно наглядно можно проследить на примере междуречья Тигра и Евфрата.

Как принято считать, первым народом, который основал самые ранние города в этой части континента, были шумеры. Очевидно, они принадлежали к темноволосой иберийской или дравидской народности. Для письма шумеры пользовались глиняными табличками. Их язык удалось расшифровать. Он более всего

напоминает языки кавказской группы, чем какие-либо другие из существующих языков.

Раскопки, проведенные в Эриду во время Первой мировой войны, выявили следы неолитической раннеземледельческой культуры. Ниже самого раннего шумерского слоя обнаружены остатки поселения, которое существовало еще до появления письменности или знакомства людей с бронзой. Колосья в дошумерскую эпоху жали серпами из обожженной глины.

Характерной чертой облика шумеров были бритые головы и простые одеяния из шерсти, напоминающие туники. Поначалу

шумеры селились в нижнем течении полноводных рек, а также вдоль северного берега Персидского залива, который в то время более чем на сто тридцать километров находился дальше в сторону суши. Шумеры научились орошать свои поля, спуская воду по ирригационным каналам. У них были коровы, ослы, овцы и козы, но лошадей у шумеров не было. Скопления глинобитных хижин, в которых поначалу жили шумеры, постепенно превращались в города. А для своих религиозных обрядов они возводили высокие, напоминавшие башни, храмовые строения.

Глина, высушенная на солнце,

играла очень важную роль в жизни этих людей. В низовьях Тигра и Евфрата почти совсем не было камня. Из глины шумеры научились делать кирпичи, изготавливать гончарные изделия и лепить фигурки, а со временем они стали писать на глиняных табличках. По-видимому, шумеры не знали бумаги и не использовали пергамента. Книги, памятные записки и даже письма они писали на глиняных черепках.

В Ниппуре в честь верховного шумерского божества Энлиля была построена величественная башня из кирпича. Вероятно, память об этой постройке сохранилась в предании о Вавилонской башне.

Шумеры, по всей видимости, объединялись вокруг отдельных городов-государств, которые многие столетия сохраняли свою независимость и постоянно враждовали между собой. Шумеры воевали против других шумеров, выступая в плотном строю, их воины были вооружены длинными копьями и щитами.

Очень долгое время никто из иноземцев не мог покорить шумеров. Но постепенно они поддались натиску семитских племен.

Первое из всех известных нам царств было основано верховным жрецом в шумерском городе Урук. Судя по одной из надписей,

обнаруженной в Ниппуре, это царство простиралось от Нижнего (Персидский залив) до Верхнего (Средиземного или Красного?) моря. Память о том периоде, о первой половине эры земледелия, погребена теперь среди глинистых равнин долины Тигра и Евфрата. Именно там были возведены первые в истории человечества храмы и свои первые ритуальные церемонии совершали жрецы-правители.

Несколько столетий с шумерами торговали, воевали, совершали набеги на их поселения племена кочевников-семитов, которые в то время обосновались вдоль западных границ Шумера. Наконец, эти

племена были объединены под властью одного правителя, Саргона (2750 г. до н. э.), который не только покорил шумеров, но и расширил границы своих владений от Персидского залива на востоке до Средиземного моря на западе. Его народ называли аккадцами, а царство — Шумеро-Аккадским. Оно просуществовало свыше двухсот лет.

Со времен Саргона I и до IV—III вв. н. э. продолжалась эпоха господства семитов во всей Передней Азии. Но, несмотря на то, что семиты были покорителями шумеров, и их цари правили в шумерских городах, именно шумерская цивилизация изменила

примитивную культуру семитов. Пришельцы научились шумерскому письму («клинописи», как ее принято называть) и шумерскому языку. Собственной семитской письменности они не изобрели. Шумерский язык стал для этих варварских племен языком знания и власти, как латынь была языком ученых и правителей варварских народов средневековой Европы.

Шумерская ученость оказалась очень жизнестойкой. В долине двух рек ей суждено было пережить многочисленные завоевания и перемены.

Народ шумеро-аккадской державы понемногу утрачивал свою политическую и военную активность. Новые воинственные племена эламитов хлынули на царство с востока. Одновременно с запада вторглись семиты-амореи, и Шумеро-Аккадское царство оказалось словно бы в тисках.

И язык, и расовая принадлежность эламитов остаются загадкой. Их главным городом были Сузы. По мнению многих исследователей, эламиты были негроидного типа.

Амореи относились к тем же народам, к которым принадлежали Авраам и более поздние иудеи.

Аморей поселились вначале в небольшом городе на берегу реки. Он назывался Вавилон. И уже через столетие непрерывных войн вся Месопотамия была под властью великого правителя Хаммурапи (2100 г. до н. э.), который основал первое Вавилонское царство.

На некоторое время установились спокойствие и мирная жизнь. Но еще через столетие на жителей Вавилонии, у которых за это время поубавилось воинственного духа, обрушились новые кочевники, имевшие лошадей и боевые колесницы. Это были касситы, установившие в Вавилоне власть своего правителя.

Выше по течению Тигра, в местности, где было изобилие не только глины, но и мягкого, пригодного для обработки камня, обосновалось еще одно семитское племя, ассирийцы. Их города-государства возникли еще в то время, когда Шумер не был покорен семитами. Среди этих городов главными были Ниневия и Ашшур. У ассирийцев была неповторимая внешность: длинные носы и мясистые губы, длинные бороды, длинные вьющиеся волосы. Носили ассирийцы высокие шапки и длинные одеяния.

Совместно с хеттами ассирийцы постоянно совершали набеги на

западные окраины Междуречья. Саргон I покорил их, но затем они снова стали свободными. Некий Тушратта, правитель Митанни, государства на северо-западе Междуречья, захватил и какое-то время удерживал их столицу Ниневию.

Ассирийцы заключали союзы против Вавилона с Египтом, и египтяне оплачивали их захватнические походы. Со временем ассирийцы достигли высокого мастерства в искусстве ведения войны, и Вавилон был вынужден постоянно платить им дань. Наконец, усилив свое войско конницей и боевыми колесницами,

заклучив временный союз с хеттами, ассирийцы под предводительством Тиглатпаласара I захватили Вавилон (около 1100 г. до н. э.) и присоединили его к своим владениям. Однако им не удалось прочно закрепиться на этих более древних, более цивилизованных землях. Ниневия, выстроенная из камня, в отличие от кирпичного Вавилона, по-прежнему оставалась столицей Ассирии. Много столетий верховная власть царства колебалась между двумя центрами. Временами ассириец, а временами вавилонянин провозглашал себя «царем четырех частей света».

На протяжении четырех

столетий экспансия Ассирии в Египет сдерживалась новыми семитскими племенами арамеев. Их главным городом был Дамаск. Современные сирийцы являются потомками арамеев. Кстати, между словами «сириец» и «ассириец» нет никакой связи. Это случайное сходство.

Через земли сирийцев ассирийцы пытались пробиться на запад, чтобы расширить свои владения. В 745 г. до н. э. к власти в Ассирии пришел новый царь Тиглатпаласар III, который распорядился переселить израильтян в Мидию (они же «десять утраченных колен», судьба которых

дала повод для самых разнообразных догадок). Кроме того, он завоевал Вавилон и правил им, став основателем державы, которую историки называют Новоассирийским царством.

Его сын Салманасар IV (4 Цар., 27:3) умер во время осады Самарии. Власть оказалась в руках узурпатора. Тот принял древнее шумеро-аккадское имя вне всякого сомнения, чтобы польстить вавилонской знати, и стал править как Саргон II. Видимо, в его царствование у ассирийских войск впервые появилось железное оружие. Скорее всего именно Саргон II наделе осуществил переселение «десяти

колен», которое затеял Тиглатпаласар III.

Подобные переселения разных народов из одной части ассирийского царства в другую стали одним из отличительных политических методов нововавилонских правителей. Население целых регионов, которое сложно было контролировать на родных землях, целиком перемещалось в новые, неизвестные им районы. Там, в окружении чужих, враждебных народов их единственной надеждой на выживание была полная покорность верховной власти.

Сын Саргона Синахериб возглавил поход ассирийских войск к

границам Египта. Но внезапный мор охватил его армию. Это событие описано в Библии в девятнадцатой главе Четвертой Книги Царств:

«И случилось в ту ночь: пошел Ангел Господень и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч. И встали поутру, и вот, все тела мертвые. И отправился, и пошел и возвратился Сеннахирим, царь Ассирийский, и жил в Ниневии».

Чтобы затем пасть от рук своих сыновей.

Внук Синахериба, Ашшурбанипал, которого греки именовали Сарданапалом, тем не менее, довел начатое дедом дело до конца и какое-то время удерживал в

своей власти Нижний Египет.

2в

После Саргона II
Новоассирийское царство
просуществовало сто пятьдесят лет.
Халдеи (еще одно кочевое семитское
племя, пришедшее с юго-востока)
при поддержке двух северных
арийских народов, мидийцев и
персов, объединенными силами
взяли Ниневию в 606 г. до н. э.
Впервые в этой истории появляются
арийскоязычные народы. Они
целыми племенными союзами
переселялись из лесов и степей

севера и северо-запада. Это были воинственные, закаленные в долгих трудных переходах племена. Часть из них повернула на юго-восток в Индию и принесла с собой один из диалектов арийского языка, который впоследствии превратился в санскрит. Другие племена двинулись на земли древних цивилизаций Междуречья.

Если раньше кочевниками-завоевателями освоенных земель Междуречья были эламиты и семиты, то теперь на полтора столетия роль завоевателей отошла к ариям. Эламиты же полностью исчезли с исторической арены.

Халдейское царство со столицей

в Вавилоне (его еще называют Ново-Вавилонским царством) просуществовало при Навуходоносоре II (Великом) и его преемниках до 538 г. до н. э. и не смогло устоять перед Киром, основателем великой Персидской державы. Но история на этом не заканчивается. И уже в 330 г. до н. э., как мы узнаем позже, греческий завоеватель Александр Великий стоял перед телом убитого последнего из правителей Персии.

История цивилизаций Тигра и Евфрата, представленная здесь лишь в виде краткого очерка, — это непрерывная, непрекращающаяся цепь войн. С каждым новым

завоеванием прежние правители и прежние правящие классы уступали место новым. Народы, наподобие шумерского и эламитского, оказывались поглощенными другими народами, смешивались с пришельцами, их язык исчезал из живого общения. Ассирийцы вливались в состав халдейских и сирийских племен. Утрачивали свои отличия хетты, семиты (которые поглотили шумеров). Они покорялись новым завоевателям — арийским пришельцам с севера. На месте эламитов оказывались мидийцы и персы. Один арийский язык (персидский) доминировал в новообразованной державе, пока

другой арийский язык, греческий, не вытеснил его из официального обихода.

На протяжении четырех тысяч лет это новое явление — цивилизация, пустив корни в долине двух рек, словно дерево, продолжала расти. Пусть иногда его трепала буря, пусть какая-то из ветвей оказывалась отломленной, дерево росло и продолжает расти. Цивилизация, как живой организм, развивается. Может смениться доминирующий народ, может распространиться и утвердиться другой язык, но в своей основе развитие будет продолжаться.

К моменту, на котором мы остановились (330 г. до н. э.), люди

уже имели лошадей и железо, письмо и счет, деньги. У них уже были гораздо более обширные знания о мире, чем те, что были у шумеров.

Время, протянувшееся между царствованием Саргона I и завоеванием Вавилона Александром Македонским, приблизительно равно времени, которое прошло с того момента до наших дней. И по меньшей мере еще столько же времени до Саргона I люди селились на шумерской земле, основывали города, поклонялись божествам в храмах, возделывали поля и жили по законам своих общин. Эриду, Лагаш, Ур, Ларса, Исин, едва возникнув, уже имели за собой историю,

тянувшуюся с незапамятных времен. Половину истории человеческой цивилизации и ключи к ее основным институтам следует искать во времени до Саргона I.

События, происходившие в долине Нила, не слишком отличаются от тех, которыми отмечена история Вавилонии. Но если Вавилония была со всех сторон открыта для вторжений, Египет был защищен пустыней на западе и морем на востоке. На юге он граничил лишь с мирными негроидными племенами. Соответственно, история Египта знает меньше вторжений иноземцев, чем история Ассирии или Вавилона.

Вплоть до VIII в. до н. э. (когда Египет оказался под властью Эфиопской династии) если какой-нибудь иноземный завоеватель и мог проникнуть на его территорию, то только из Азии через Суэцкий перешеек.

Трудно судить о том, насколько неолитические племена скотоводов можно считать предками более поздних египтян (много существенных отличий). Своих умерших они хоронили, но перед погребением, по всем признакам, разрезали их тела и съедали отдельные фрагменты плоти. Делалось это, очевидно, в знак скорби по умершим. Живые

надеялись таким образом сохранить в себе частичку силы и доблести, которой обладали умершие.

Признаки существования подобных диких обычаев заметны и в культуре так называемых «длинных могильников», разбросанных по всей Западной Европе. А у отдельных племен черной Африки каннибализм и связанные с ним обычаи начали отмирать лишь в недавнее время.

Примерно к 5000 г. до н. э. следы первобытных народов теряются и на исторической сцене уже появляются подлинные египтяне. Их предшественники находились на начальных стадиях неолита и жили в примитивных

глинобитных хижинах. У египтян же неолитическая культура достигла своего расцвета. Они умели строить дома из дерева и кирпича, обрабатывать камень. Очень быстро египтяне перешли в век бронзы. У них была своя система письменности, основанная на схематических изображениях — пиктограммах. Она была не менее развитой, чем у шумеров, но серьезно отличалась от шумерской по многим признакам.

Не исключено, что долина Нила могла заселяться выходцами из Южной Аравии, которые (через Аденский пролив) появились вначале в Верхнем Египте, а затем проникли

к дельте Нила. Но их божества, их письменность, сам уклад их жизни очень отличались от шумерского. Одно из наиболее ранних известных изображений египетского божества — это фигура богини-гиппопотама. Однако этот образ несет на себе неповторимо африканский отпечаток.

Нильская глина не такая мягкая и пластичная, как месопотамская, поэтому египтяне не стали использовать ее для письма. Они достаточно рано научились изготавливать пригодные для этого свитки папируса из стеблей тростника-папируса. От его названия, кстати, происходит и

английское paper (бумага).

Ассирийская клинопись наносилась на таблички особым штампом или стилем, сделанным так, чтобы оставлять угловатые отпечатки на влажной глине. Египтяне для письма пользовались кисточкой.

Общий обзор истории Египта выглядит проще, чем история Месопотамии. Периодичность в истории Египта обычно определяют по последовательности династий. Говоря о таком-то правителе Древнего Египта, указывают, к какой (первой, четвертой, четырнадцатой и т. п.) династии он принадлежал. Египтяне были окончательно

завоеваны персами после того, как персы утвердились в Вавилоне. Когда же в 322 г. до н. э. Египет достался Александру Македонскому, XXXI династия перестала существовать.

Один из периодов в истории Египта известен как Древнее Царство. Началось с того, что правитель Верхнего Египта Менес (Мена) объединил Верхний и Нижний Египет. Кульминацией этого периода стало правление IV династии. Египет тогда процветал; правители-фараоны были одержимы стремлением увековечить память о себе в монументах, подобных которым ни до, ни после того человечество не знало. Это

знаменитые египетские пирамиды, из которых самые значительные принадлежат фараонам именно этой IV династии: Хеопсу, Хефрену и Микерину.

Великая пирамида Хеопса имеет высоту 136 метров, а длина склона составляет 212 метров. Подсчитано, что она сложена из каменных глыб общим весом 4 883 000 тонн. Весь этот камень перетаскивался и устанавливался почти исключительно силой человеческих мускулов. Сооружение бессмысленных погребальных построек невообразимых объемов, воздвигнутых в эпоху, когда инженерная наука только

зарождалась, истощило ресурсы Египта. Три долгих царствования опустошили Египет, словно долгая изнурительная война.

История Египта от IV до XV династии отмечена конфликтами между разными столицами и соперничающими религиями, разделением на несколько царств и новыми объединениями. Этот период часто называют промежуточным. Из длинного списка имен фараонов мы выделим только Пепи II, который правил дольше всех в истории человечества — девяносто лет — и оставил после себя огромное множество строений и надписей.

Около 1700 г. до н. э. с Египтом

случилось то, что так часто происходило в Месопотамии: он был завоеван кочевым семитским племенем — гиксосами. Они основали так называемую «пастушескую» династию (XVI), но в конце концов были изгнаны коренными египтянами. Длившееся больше ста лет господство чужеземцев привело к всенародному восстанию. Ненависть к захватчикам сплотила египтян. За освободительной войной (прибл. 1600 г. до н. э.) последовал период усиления Египта (Новое Царство). Египет превратился в единое государство с мощной армией. Между Египетской и Ассиро-

Вавилонской державами началось многовековое соперничество за контроль над ближневосточными землями.

Некоторое время преимущество оставалось за Египтом. В XV в. до нашей эры Тутмос III и Аменхотеп III (XVIII династия) правили землями от Эфиопии до Евфрата. По многим причинам этим двум фараонам принадлежит особое место в египетской истории. Они вели обширное строительство, после них осталось множество построек и высеченных на камнях надписей. Аменхотеп III заложил знаменитый храмовый комплекс в Луксоре, расширил и украсил храмы в

Карнаке.

В современном египетском селении Тель-эль-Амарна, на месте прежней столицы фараона Аменхотепа IV, археологи обнаружили множество писем. Это была переписка фараонов с правителями Вавилонии, хеттов и других держав, в том числе и с Тушраттой, захватившим Ниневию. Переписка, получившая среди ученых название «тель-эль-амарнский дипломатический архив», проливает свет на политические и социальные процессы того времени.

Потом Египет пережил непродолжительное сирийское завоевание. Из последующих

династий можно выделить XIX династию, к которой принадлежат Рамзес II. Он правил шестьдесят семь лет (примерно с 1317 г. до н. э. до 1250 г. до н. э.) и прославился как величайший строитель храмовых комплексов. Существует мнение, что именно он был фараоном Моисея. Представитель XXII династии фараон Шешонк приблизительно в 930 г. до н. э. совершил успешный поход против Иудейского и Израильского царств, захватил и разграбил Иерусалим, в том числе и храм Соломона.

В 670 г. до н. э. один из эфиопских завоевателей с верховий Нила основал XXV династию

иноземных правителей, которая пала еще до того, как возникло новое Ассирийское царство Тиглатпаласара, Саргона II и Сенахериба, которых мы уже упоминали. Впервые Вавилония стала диктовать свою волю и на берегах Нила.

Дни египетского господства над другими народами были сочтены. На какое-то время Псамметиху из XXVI династии (664–600 гг. до н. э.) удалось изгнать иноземцев и вернуть власть египтянам, а при Нехо II даже были попытки восстановить утраченное влияние Египта в Сирии вплоть до Евфрата. В это же время халдеи и мидийцы штурмовали

Ниневию.

Однако на месте Ассирийского царства возникло Нововавилонское, одним из правителей которого был великий халдейский царь Навуходоносор II (Навуходоносор Библии). Борьба с Вавилоном оказалась не под силу Нехо II. Позже мы подробнее поговорим о том, как евреи — союзники Нехо были уведены Навуходоносором в вавилонский плен.

В VI в. до н. э. халдеи не выдержали натиска персов, а затем наступила очередь Египта. В результате восстания египтянам удалось еще на шестьдесят лет получить свободу. А в 332 г. до н. э.

Египет приветствовал Александра Великого как своего завоевателя. С той поры чужеземцы не переставали править Египтом: сначала греки, затем римляне, потом арабы, турки, британцы.

Сведения о начальной истории Индии окажутся еще более сжатыми даже в сравнении с нашим кратким изложением истории Египта. Развитие дравидских племен долины Ганга во многом было сходно с развитием ранних обществ в Шумере и Египте. В Северной Индии были найдены печати, имеющие близкое сходство с шумерскими. Но по-прежнему остается спорным вопрос — удалось ли раннеиндийским

общинам подняться на такую же высокую ступень общественного развития, какой достигли Шумер и ранний Египет. Очевидно, что в те далекие времена Индия не знала нашествий каких-либо семитских кочевников.

Примерно во времена Хаммурапи одна из групп кочевых арийских племен, уже успевших занять северную Персию и Афганистан, через северо-западные горные перевалы проникла в Индию. Этнически эти племена были очень близки к предкам мидийцев и персов. Волна за волной вливались они на новые земли, пока не стали более многочисленными, чем все

темнокожее население Северной Индии. В итоге весь полуостров Индостан оказался под влиянием ариев. Но арийские племена так никогда и не объединились. История Индии — это история междоусобной вражды отдельных царств.

Персидская империя в период экспансии, последовавшей за захватом Вавилона, смогла продвинуть свои восточные границы за пределы реки Инд. А войскам Александра Македонского удалось пройти еще дальше, они остановились на краю пустыни, отделявшей Пенджаб от долины Ганга.

Пока что ограничимся этими

краткими сведениями о ранней Индии и вернемся к ее истории позже.

Одновременно с цивилизациями Индии и тех земель, где сходятся Азия, Африка и Европа, развивалась еще одна, совершенно отличная от них цивилизация. Ее территорией была когда-то плодородная, а теперь безжизненная долина реки Тарим, и склоны гор Куньлунь. По мере своего развития эта цивилизация распространялась в двух направлениях: вдоль течения реки Хуанхэ и позднее по долине реки Янцзы.

Судя по археологическим находкам, эта часть света была

заселена еще в каменном веке. Обитатели неолитических стоянок мало чем отличались от современных жителей Северного Китая. У них в ходу были топоры и прямоугольные ножи из камня, а также наконечники стрел из костей, сланцев и раковин моллюсков. Они жили в деревнях и уже одомашнили свиней.

В неолитических селениях на территории Китая уже умели пользоваться гончарным кругом и изготавливать глиняную посуду, которая похожа на ту, что и теперь распространена в Китае.

Помимо археологических данных, значительным источником сведений по истории древнейшего

Китай являются древнекитайские летописные своды и хроники. Несомненно, от самых своих истоков это была цивилизация монголоидной расы. Следы индоевропейского или семитского присутствия на территории Китая (датируемые временем до Александра Македонского) очень немногочисленны, не говоря уже о следах хамитского присутствия. Все эти цивилизации оставались в другом, отделенном горами и пустынями мире. По всей видимости, китайцы создали свою цивилизацию самостоятельно, без вмешательства извне.

Правда,

некоторые

исследователи предполагают, что могла существовать связь китайцев с древним Шумером. Особое внимание обращают на себя найденные в Хэнани образцы керамики с рисованным орнаментом. Они того же типа, что и образцы, обнаруженные во время раскопок неолитических стоянок в Центральной и Западной Азии, в Восточной Европе. Это также свидетельствует в пользу возможного, пусть и очень древнего, соприкосновения двух культур.

Конечно, и Китай, и Шумер развивались на основе почти универсальной ранненеолитической культуры, хотя долина реки Тарим и

нижнее течение Евфрата разделены такими обширными преградами (горами и пустынями), что возможность миграций или взаимного общения этих двух, уже оседлых народов представляется почти немыслимой.

Гораздо более вероятно, что северная цивилизация на каком-то этапе своего развития могла встретиться с еще одной культурой, распространяющейся с юга. Хотя цивилизацию Китая можно считать целиком цивилизацией монголоидной расы, из этого не следует, что ее корни находятся только на севере. Если ее первые ростки появились в долине реки

Тарим, тогда (в отличие от остальных цивилизаций, включая цивилизации индейцев Мексики и Перу) китайская цивилизация не могла вырасти из геолитической культуры.

Как отмечено в ранних хрониках Китая, наиболее многочисленными и влиятельными племенами иноземцев, которые граничили с китайцами на северо-западе, были гунны. Они говорили на одном из языков урало-алтайской семьи. Некоторые из ранних китайских императоров вели с гуннами войны.

Первых правителей Китая принято называть «пять императоров». До нас дошли самые фантастические предания и об этих

императорах, и об их правлении, продолжавшемся примерно с 2700 по 2400 гг. до н. э. Затем на смену пяти императорам пришли несколько династий, известных нам по более полным и более достоверным летописным свидетельствам.

История Китая изобилует пограничными войнами и непрерывными конфликтами между кочевыми и оседлыми племенами. Подобно Шумеру и Египту, Китай на первом этапе своей истории был страной городов-государств. Многочисленные местные владыки лишь номинально признавали над собой власть императора, как это было и в Египте (но у египтян со

временем появилась централизованная империя). На период раздробленности приходилось правление двух великих династий: Шан (1700—1125 гг. до н. э.) и Чжоу (1125—250 гг. до н. э.). Впрочем, если судить по сохранившимся бронзовым сосудам прекрасной и утонченной формы, относящимся ко времени правления более ранних династий, то можно смело утверждать, что высокий уровень культуры существовал еще до династии Шан.

Возможно, присущее народам Китая и Египта чувство симметрии дало основание некоторым историкам говорить о схожести

начальных этапов формирования этих стран и сравнивать, к примеру, раннего императора Менеса в Египте с пятью первыми императорами Китая.

Власть первых династий была гораздо менее централизованной, чем последующих. К тому же, государственное единство, возникшее в Китае во времена династии Шан, с трудом можно было назвать политическим объединением, оно носило скорее религиозный характер. Император — «сын неба» — приносил жертвы за всех китайцев. В немалой степени единству Китая способствовали и общая для всех племен письменность

и общий враг — гунны.

Последний император династии Шан, жестокий и глупый, заживо сжег себя в своем дворце (1125 г. до н. э.) после решающего поражения от У-вана, основателя династии Чжоу. По всей видимости, У-ван воспользовался народным восстанием против правления Шан, а также поддержкой юго-западных племен.

Какое-то время Китай оставался (при номинальном правлении императоров новой династии Чжоу) прежним непрочным объединением фактически самостоятельных государств. Власть Чжоу над ними в определенном смысле можно

сравнить с властью римских пап над христианскими королевствами Западной Европы в средневековье. Императоры Чжоу провозгласили себя верховными жрецами и пытались контролировать местную знать. Однако все попытки наладить централизованное правление оказались неудачными. Постоянные набеги кочевников-гуннов с севера и с запада уже не способствовали росту единства и сплоченности различных китайских племен. Их правители вынуждены были самостоятельно отражать внешнюю угрозу и становились все более независимыми от центральной власти. Китай постепенно

погружался в пучину междоусобной борьбы, которая получила название эпохи «враждующих царств».

Неизвестно, когда именно китайцы познакомились с железом, однако железное оружие появилось у них примерно около 500 г. до н. э., то есть примерно на триста лет позже, чем оно получило широкое распространение в Ассирии, Египте и Европе. Возможно, железо принесли в Китай с севера гунны.

Последних правителей династии Чжоу сместили цари государства Цинь. Они захватили священный жертвенный треножник, а это означало, что к ним перешло право на официальные жертвоприношения

Небу за всех китайцев.

С правлением императора Цинь Ши Хуанди (что означает «первый единый желтый император») обычно связывают завершение периода раздробленности в истории Китая. Можно сказать, что ему была отведена роль объединителя китайских племен, которую на Западе мог бы сыграть Александр Македонский. Но Ши Хуанди прожил дольше, и единство, которое он установил, или восстановил, оказалось значительно прочнее, в то время как империя Александра Македонского распалась после его смерти, о чем нам еще предстоит поговорить.

Среди прочих мер, призванных упрочить внутреннее единство и порядок в стране, Ши Хуанди предпринял строительство Великой Китайской стены для защиты от гуннов. Вскоре после смерти Ши Хуанди началось массовое народное восстание, которое привело к установлению новой династии Хань.

Во времена правления Хань территория Китая значительно расширилась, выйдя далеко за пределы долины двух рек. Ханьским императорам удалось обуздать гуннов. Сами же китайцы проникли на запад так далеко, что наконец смогли открыть для себя культуры и цивилизации, отличающиеся от их

собственной.

К 100 г. до н. э. китайским войскам удалось перебраться через Тибет и войти в Западный Туркестан. Караваны верблюдов, принадлежавшие китайским торговцам, направились по Великому Шелковому пути в Персию, а оттуда — дальше на запад.

Пока что на этом сделаем остановку в нашем общем обзоре истории раннего Китая. Мы вернемся к рассмотрению отличительных особенностей китайской цивилизации позже.

Посмотрим, что происходило во всем остальном мире. К северу от центров цивилизации (от Рейна до

Тихого океана) нордические и монголоидные народы учились пользоваться металлами. Одни племена оседали на плодородных землях и образовывали земледельческие общины, которые потом превращались в города-государства. Другие племена, жившие на обширных равнинах, переходили от медленной миграции в поисках пищи к сезонно-кочевому образу жизни.

Южнее зоны образования цивилизаций (в Центральной и Южной Африке), у негритянских племен прогресс шел заметно медленнее, да и то, по всей вероятности, не без влияния

вторгавшихся белых племен из Средиземноморского региона. Именно эти пришельцы принесли с собой умение возделывать землю и обрабатывать металлы. Пришлые племена проникали в области обитания черных племен двумя путями. Один из них — через Сахару на западе. Так двигались берберы, туареги и другие. Они смешивались с неграми и создавали такие квази-белые народности, как фула. Второй путь проникновения иноземцев лежал вдоль течения Нила (африканские леса в ту пору были значительно гуще и простирались на восток и север от верховья Нила). У некоторых живущих там племен, к

примеру, угандийских багаунда, вполне может присутствовать в родословной элемент белого происхождения.

Острова Индонезии три тысячи лет назад, по всей вероятности, были населены малочисленными австралоидными племенами, находившимися еще на палеолитической стадии развития. Расселение людей в этом направлении происходило в те незапамятные времена, когда еще существовал почти сплошной путь по суше от Индонезии до Австралии. Острова Океании пока оставались необитаемыми.

Распространение племен —

носителей гелиолитической культуры морским путем на каноэ по островам Тихого океана произошло значительно позже. Так, достаточно поздно был заселен Мадагаскар. Прекрасные виды Новой Зеландии также оставались недоступными человеческому взору. Высшей формой жизни на этих островах были огромные, похожие на страусов, птицы моа, ныне вымершие, и маленькие киви, птицы с едва заметными рудиментами крыльев, перья которых похожи на грубую шерсть.

В Северной Америке группа монголоидных племен оказалась совершенно отрезанной от Старого

Света. Они постепенно распространялись к югу, охотясь на бесчисленных бизонов в американских прериях. Американским индейцам еще предстояло самостоятельно открыть для себя тайны возделывания земли и приручить ламу в Южной Америке.

В трех центрах — в Мехико, на полуострове Юкатан и в Перу — возникли три особенные, неповторимые цивилизации.

Когда человек достиг южной оконечности Американского континента, ископаемые животные — гигантский ленивец-мегатерий и гигантский броненосец-глиптодонт — еще водились в этих местах.

Изучение американских цивилизаций чрезвычайно важно для понимания закономерностей развития человечества. Индейцы, вплоть до момента, когда были захвачены конкистадорами-испанцами в XVI в., сумели сохранить те основные признаки первичных цивилизаций, с которыми культуры Старого Света расстались еще семь-восемь тысяч лет назад. Индейцы так и не научились обрабатывать железо. Металлургия у них была на самом примитивном уровне, а основные металлы, которые были в ходу, медь и золото добывались в виде самородков. Однако в обработке камня,

изготовлении гончарных изделий, в прядении и особенно в окраске шерсти они достигли очень высокого мастерства.

Американские индейцы, как и их давние предшественники (примитивные цивилизации Старого Света), тесно связывали периоды сева и сбора урожая с человеческими жертвоприношениями. Но если в Старом Свете эти первичные общественные представления смягчились и были оттеснены множеством других, у американских индейцев человеческие жертвоприношения остались на первом месте. Образ змеи стал доминирующим во всей культовой

символике этих цивилизаций.

По всей видимости, верховная власть находилась почти исключительно в руках жрецов. Вождям, которые руководили своими народами, приходилось и в дни войны, и в мирное время считаться с законами, установленными жрецами.

Астрономические познания у жрецов достигли высокой степени точности. Они рассчитали длительность года гораздо лучше, чем вавилоняне. Цивилизация майя создала свою письменность, состоящую из очень сложных знаков. Насколько нам удалось понять, письменность эта использовалась для ведения точных и сложных

календарных записей, которым жрецы посвящали большую часть своих сил и времени.

Искусство индейцев майя было особенно развитым. Некоторые ученые видят сходство между наиболее простыми перуанскими и шумерскими скульптурами. Но тому, что было создано индейцами майя, нет подобного в Старом Свете. Ближе всего к барельефам майя (хотя на деле это совсем не так близко) были некоторые образцы работ камнерезов из Южной Индии. Они поражают своей исключительной силой выражения и пластикой, совершенством рисунка и мастерством.

Впрочем, изображения майя могут озадачить непривычного наблюдателя. Подчас они вызывают двойственные чувства своим подчеркнутым гротеском, какой-то безумной путаницей, условностями. Разум майя словно бы развивался в ином направлении, чем разум обитателя Старого Света; он жил другими идеями и представлениями, которые, по меркам Старого Света, конечно же нельзя даже назвать строго рациональными.

Своеобразие американских цивилизаций особенно заметно в их одержимости пролитием человеческой крови.

Целые реки крови проливались у

ацтеков (в районе современного Мехико). Каждый год приносились в жертву тысячи людей. Заживо разрезать жертву, вынуть еще бьющееся сердце — это чудовищное действие составляло центральную часть ритуалов, совершавшихся жрецами. Оно доминировало над разумом и жизнью остальных индейцев. Их повседневная жизнь, сезонные празднества — все вращалось вокруг этой чудовищной идеи фикс.

Письмена майя не только вырезались на камне, но также рисовались на шкурах животных. Эти рукописи, ярко раскрашенные, имеют странное сходство с

дешевыми комиксами, которые покупают современные дети в Европе и Америке. То же повторение одинаковых фигурок с вариациями, словно последовательный пересказ одной истории.

В Перу зачаткам письменности предшествовал своеобразный метод делать заметки с помощью узлов, которые вывязывались на шнурах различного цвета и формы. Говорят, что даже законы и указы можно было передавать с помощью подобного кода. Эта связка шнуров называлась кипу. Но искусство чтения кипу, по всей видимости, безвозвратно утеряно. Китайские историки сообщают, что подобный метод

ведения записей с помощью узелков существовал и в Китае до того, как там появилась письменность.

Перуанцы также научились составлять карты и пользоваться счетами.

Когда испанцы появились в Америке, мексиканские индейцы ничего не знали о перуанских, и наоборот (например, мексиканцы ничего не знали о картофеле, который был основным продуктом питания у перуанских индейцев). Если и существовали какие-то связи между двумя этими цивилизациями, то они были давно утрачены и забыты. Пять тысяч лет до нашей эры шумеры и египтяне, вероятно, также

мало знали друг о друге. Приблизительно на шесть тысяч лет Америка отстала от Старого Света.

Здесь, пожалуй, будет уместно упомянуть легенду о затонувшей Атлантиде. Хотя нет никаких материальных подтверждений того, что в прошлом и в самом деле была такая земля, многие убеждены, что три тысячи лет назад, или около того, в Атлантике за Гибралтарским проливом существовала великая цивилизация. Она ушла под воду в результате гигантской катастрофы.

Убежденность в существовании Атлантиды основывается на многочисленных упоминаниях о ней в греческих и более поздних

письменных источниках. В Атлантиде, к примеру, если верить грекам, находились сады Гесперид. Однако никакого подтверждения этой легенды в геологических, географических или археологических фактах нет. И в то же время нет причин отрицать, что там, где теперь плещутся волны Атлантики, когда-то была суша.

Говоря о цивилизации, мы можем принимать в расчет самое большее последние двадцать тысяч лет, а скорее всего лишь последние десять тысяч. Самого человека можно считать человеком лишь с плейстоцена. Остатки древних поселений, которые обнаружены в

Испании и Северной Африке, не дают оснований предполагать, что существовала более высокая культура к западу от этих мест.

Ранние греческие авторы, Гомер или Гесиод, не знали даже о существовании Испании, не говоря уже об Атлантическом океане.

Реджинальд Фессенден очень тщательно изучил все дошедшие до нас предания об Атлантиде и пришел к выводу, что они повествуют на самом деле не о какой-то затонувшей земле в Атлантике, а (что гораздо более вероятно и правдоподобно) о существовавшей когда-то развитой цивилизации в районе Кавказа. Нам известно, что на юге России и в

Центральной Азии уже в период расселения человека воды постоянно прибывали и отступали. Там, где теперь пустыни, раньше были моря, а в тех местах, где едва хватает растительности, чтобы поддержать самую скудную жизнь, когда-то простирались густые леса. Те области, что расположены по берегам Черного моря, могли подвергнуться значительным затоплениям еще до времени, когда началось продвижение на юг арийских племен.

Возможно, некоторые из этих земель ушли под воду внезапно, и последствия для поселившихся там людей оказались

катастрофическими. Достаточно уровню моря подняться на пятнадцать метров, чтобы Черное и Каспийское моря снова слились воедино. Это может случиться, например, если наступят более холодные влажные зимы, которые нарушат уровень испаряемости влаги с поверхности этих морей.

Нам, вооруженным точными географическими картами и справочниками, сложно вообразить, насколько туманными были географические представления даже самых сведущих людей во II тысячелетии до н. э. Фантастические истории о погибшей стране, путь к которой лежал через Дарданеллы,

могли легко измениться в устах греческих и финикийских торговцев (открывавших для себя западное Средиземноморье) в такие же истории о такой же легендарной стране, только теперь перенесенной за недавно открытые проливы.

Страна, в которой археологов ожидают значительные открытия, — это, несомненно, Грузия и в целом регион между Черным морем и Западным Туркестаном. Множество греческих мифов и легенд связано с Грузией (это земля золотого руна, конечная цель путешествия аргонавтов; к Кавказским горам был прикован Прометей). Есть мнения, что в очень отдаленную эпоху могли

существовать связи между Колхидой (страной, расположенной у моря южнее Кавказских гор) и доисторическим Египтом. Геродот отмечает некоторые общие черты у колхов и египтян.

Глава четырнадцатая

Народы моря и народы торговли

1. Первые корабли и первые мореплаватели.

2. Эгейские города в доисторическую эпоху.

3. Освоение новых земель.

4. Первые торговцы.

5. Первые путешественники

Человек строил корабли, конечно же, с незапамятных времен. Первые плавательные приспособления появились, вероятнее всего, в раннем неолите у племен, живших по берегам рек и озер. Это были не более чем примитивные плоты, зачастую просто стволы деревьев, при помощи которых человек мог восполнить свое несовершенное природное умение плавать. Затем стволы стали выдалбливать или выжигать изнутри. Наконец, с развитием плотничества и появлением необходимых для этого инструментов началось строительство лодок.

В Египте и Месопотамии люди

научились делать тростниковые лодки, обмазанные для большей надежности битумом. Такой была и «корзина из тростника», в которой Моисей был спрятан своей матерью.

Похожие лодки изготавливались из кож, натянутых на плетеный каркас. Возможно, появлению кожаных лодок предшествовало изготовление плавательных бурдюков.

В долинах больших рек лодки очень рано стали важным средством передвижения. И, наверное, из устья большой реки человек (конечно же, построив надежный, пригодный для морского плавания челн) впервые отважился выйти в море.

Первыми в море вышли рыбаки, которые постепенно постигали основные навыки мореплавания в заливах и лагунах. Очевидно, еще до того, как воды Атлантики заполнили Средиземноморскую Долину, люди уже плавали на лодках по Левантийскому озеру.

Каноз — это составная часть гелиолитической культуры. Вместе с этой культурой оно плыло по теплым водам, пока наконец не достигло Америки.

Уже за семь тысяч лет до нашей эры по Тигру и Евфрату плавали лодки и корабли шумеров. В те времена эти реки еще не сливались в одну и каждая сама по себе впадала в

Персидский залив.

Шумерский город Эриду, стоявший тогда на северо-западной оконечности Персидского залива (теперь эту местность отделяют от него двести километров наносных земель), был в то время и морской гаванью. Мы находим свидетельства того, что в восточном Средиземноморье шесть тысяч лет назад существовала вполне сложившаяся морская культура.

Есть также египетские неолитические изображения судов на Ниле, относящиеся к додинастической эпохе, некоторые из этих судов были весьма значительных размеров. На них даже

можно было перевозить слонов.

Очень скоро те, кто был занят в корабельном деле, оценили преимущества выхода на своем судне в открытое море. Можно было переселиться на острова, можно было избавиться от власти вождя или царя: каждый капитан был сам себе царь. Мореплаватели могли устроить себе пристанище на отдаленном острове или труднодоступном участке материка; бросив якорь в какой-нибудь гавани, они могли заниматься ловом рыбы или земледелием. Но все же их главным занятием и основным ремеслом было плавать по морю. Чаще всего такие морские походы были

пиратскими, а не торговыми. На основе того, что мы знаем о человеке и человечестве, приходится сделать вывод: первые мореплаватели грабили по возможности, а торговали по необходимости.

Мореплавание формировалось в сравнительно спокойных и теплых водах восточного Средиземноморья, Красного моря, Персидского залива и Индийского океана в районе Африканского рога. На протяжении долгой эпохи мореплавание сохраняло свои определенные особенности, которые существенно отличали его от океанского мореплавания последних четырех столетий (с преимущественным

использованием парусной оснастки). В море, где часты штили, главным инструментом навигации становились весла, а размещение весел — главной проблемой кораблестроения.

Арийские народы поздно вышли в море. Первые морские суда строились или шумерами, или хамитскими народами. Семитские народы лишь последовали за этими первопроходцами.

Финикийцы (семитский народ, живший на восточном побережье Средиземного моря) создали в удобных морских гаванях ряд независимых городов. Главными из них были Тир и Сидон, которые

первоначально возводились на островах, и это облегчало их защиту от вражеских набегов с суши. Впоследствии маршруты путешествий финикийцев пролегали на запад, где они основали ряд колоний, в том числе Карфаген. Вероятно, уже к 2000 г. до н. э. суда финикийцев стали покорять просторы Средиземноморья.

Но прежде чем мы продолжим рассказ о морских странствиях и открытиях этого выдающегося народа мореплавателей, расскажем еще об одной неповторимой, своеобразной культуре ранних мореходов, остатки которой были открыты на Крите.

Древние критяне жили не

только на Крите, но и на Кипре, в Греции, Малой Азии, Сицилии и Южной Италии. У них были родственные связи с иберийцами Испании и Западной Европы, со смугло-белыми обитателями Малой Азии и Северной Африки. До сих пор неизвестно, на каком языке они говорили. Этот народ создал свою неповторимую цивилизацию задолго до того, как светловолосые северные греки двинулись на юг через Македонию. В Кноссе, на острове Крит, во время раскопок были обнаружены хорошо сохранившиеся остатки дворцового комплекса, которые просто поражают воображение.

Кносс, несомненно, был главным городом этой, так называемой «эгейской» цивилизации. Но у эгейцев было еще множество городов в разных уголках Средиземноморья.

В Кноссе найдены неолитические останки, такие же древние или даже древнее, чем любые из египетских находок, датируемых додинастической эпохой. Бронзовый век на Крите начался в то же время, что и в Египте. Каменные вазы, амулеты, оттиски печатей, найденные на Крите, указывают на то, что отношения с обитателями долины Нила существовали еще до того, как в Египте появились первые

исторические династии. Форма некоторых критских каменных сосудов характерна для эпохи фараонов IV династии (строителей пирамид). Нет сомнения, что во времена XII династии между Критом и Египтом уже существовали самые оживленные торговые связи, продолжавшиеся примерно до 1000 г. до н. э.

Первые попытки выйти в море критяне предприняли не позднее 4000 г. до н. э., то есть тогда, когда ни арийские, ни семитские народы еще не появились на исторической арене. Но дни величия Крита наступили, конечно же, намного позже.

Лишь около 2500 г. до н. э. критяне были объединены под властью одного правителя. Затем наступила эпоха мира и процветания, невиданная в древнем мире. Надежно защищенные от вражеских нашествий, живущие в условиях приятного мягкого климата, критяне предавались всем радостям жизни.

Кносс, о котором мы уже упоминали, был не столько городом, сколько просторным дворцом для царя и его людей. Он даже не был обнесен крепостной стеной. Царей, по всей видимости, всегда именовали Минос, также, как египетских царей — фараонами. Правитель Кносса упоминается в

ранних греческих легендах как царь Минос. Он жил в Лабиринте и держал там страшное чудовище, Минотавра, получеловека-полубыка. Чтобы прокормить его, Минос забирал как дань у афинян молодых юношей и девушек.

Эти легенды — неотъемлемая часть древнегреческой литературы и, казалось, они были известны всегда. Но лишь в середине XX в. раскопки в Кноссе показали, насколько близки эти легенды были к действительности. Критский Лабиринт оказался дворцом, не уступающим в величии, роскоши и сложности другим подобным сооружениям античного мира.

Раскопки показали также, что Кносский дворец был оборудован водопроводом, ванными, что отличает его от других построек того времени.

Гончарные изделия, ткани, скульптура и живопись критян, изделия из драгоценных камней и слоновой кости, металлы и мозаика не уступали по красоте и изяществу шедеврам, принадлежавшим другим народам.

Критяне очень любили различные празднества и зрелища. Особенно они увлекались боями быков и представлениями с участием гимнастов. Одежания их женщин удивительно напоминают

викторианские (корсеты и длинные юбки с оборками).

У критян была и своя система письменности.

Стало общепринятым превозносить достижения критян, считая их народом исключительного артистического дарования. Для того чтобы достичь подобного мастерства в искусстве и ремеслах, понадобилось не одно столетие. К тому же, изящное искусство критян, роскошь их дворцов перестают казаться нам чудом, стоит лишь подумать о том, что три тысячи лет их остров не знал чужеземного вторжения, тысячу лет они сами ни с кем не воевали. Столетие за

столетием их художники могли свободно развивать свое мастерство, а мужчины и женщины наслаждаться плодами высокой культуры. Если бы у любого другого народа появилась возможность жить так долго в мире, он, несомненно, достиг бы не меньшей утонченности. При благоприятных условиях любой народ способен раскрыть свое художественное дарование.

По греческой легенде о Дедале и Икаре, именно Крит стал родиной первого летательного аппарата. Образ Дедала (в переводе с греческого «мастер», «умелец») — это своеобразное воплощение тех возможностей, которыми может

обладать искусный мастер. Небезынтересно поразмыслить над тем, какой именно реальный факт мог быть в основе этой истории о Дедале и навощенных крыльях. Согласно легенде, воск расплавился на солнце и сын Дедала, Икар, погиб в море. Вполне возможно, что речь идет о каком-то подобии планера, а Икар соответственно был первым планеристом.

В конце концов условия жизни критян изменились после того, как греки и финикийцы начали выводить в море свои мощные флоты. Нам не известно, что стало причиной катастрофы, постигшей эгейскую цивилизацию, и кто нанес

сокрушительный удар по этой цивилизации. Но где-то около 1400 г. до н. э. Кносс был разграблен и сожжен, и хотя критской культуре удалось продержаться еще около четырех столетий, это была уже скорее тень ее бывшего величия. Около 1000 г. до н. э. критской культуре был нанесен последний, смертельный удар (это произошло в дни господства Ассирийской державы на Ближнем Востоке). Дворец в Кноссе был разрушен и уже больше никогда не отстраивался и не заселялся.

Возможно, это было делом рук варваров-греков (группа племен, принадлежавшая к арийским

народностям), которые постепенно стали осваивать Средиземноморье. Их корабли могли появиться у берегов Крита, и это означало падение Кносса, так же, как до этого под ударами греков пала Троя. Отголоски подобного вторжения на Крит можно найти в легенде о Тезее. Он вошел в Лабиринт (которым мог быть Кносский дворец), заручившись помощью Ариадны, дочери Миноса, и убил Минотавра.

В «Илиаде» прямо говорится, что Троя была разрушена потому, что троянцы похищали греческих женщин. Современные авторы, правда, стараются перетолковать историю в свете нынешних

представлений. Они настаивают на том, что греки напали на Трою, чтобы обезопасить свои торговые пути в Колхиду или преследуя какую-то подобную коммерческую цель. Если так, то автор «Илиады» очень умело замаскировал подлинные причины похода греков.

Куда более вероятно, что гомеровские греки (народ варваров, полный сил, имевший очень слабые представления о торговле и торговых путях) попросту решили раз и навсегда покончить с похищением женщин. Вполне возможно (если судить по легенде о Миносе и по находкам во время раскопок в Кноссе), что критяне похищали или

захватывали юношей и девушек, чтобы сделать из них рабов, атлетов для боя быков; не исключено, что и для принесения в жертву. Критяне поддерживали взаимовыгодные отношения с Египтом, но, вероятно, не замечали растущей мощи греков. С ними они строили свои «отношения» совершенно иначе и в конце концов за это заплатились.

Еще раньше греков вышли в море финикийцы. Это были великие мореплаватели. Но прежде всего они были великими торговцами. Их колония Карфаген, основанная до 800 г. до н. э. выходцами из Тира, в конечном итоге стала могущественнее, чем любой из более

древних финикийских городов. Уже к 1500 г. до н. э. выходцы из Тира и Сидона имели свои поселения на африканском берегу.

Карфаген был недоступен для ассирийских и вавилонских воинов. Он только выиграл от долгой осады Тира Навуходоносором II. В итоге Карфаген стал самой великой морской державой, которую до этого видел свет. Карфагеняне провозгласили свое владычество над всем западным Средиземноморьем и захватывали любое судно, оказавшееся западнее Сардинии. У римских авторов мы находим немало обвинений в адрес карфагенян в редкой, даже по тем временам,

жестокости. Они воевали с греками за Сицилию и позже — с римлянами. Александр Великий строил планы захвата Карфагена, однако, как мы узнаем позже, он умер, не успев их осуществить.

3

Карфаген, находясь в зените своего могущества, имел неслыханное до той поры население в миллион человек. Большинство его обитателей составляли ремесленники. Исключительно ценились во всем древнем мире, к примеру, шерстяные ткани из

Карфагена.

Карфаген, заняв удобное положение между глубинными районами Африки и Средиземным морем, продавал чернокожих рабов, слоновую кость, металлы, драгоценные камни и т. д. всем остальным средиземноморским народам. Карфагеняне разрабатывали медные рудники в Испании, их корабли вышли в Атлантику, и, делая остановки на побережье Португалии и Франции, пробирались на север, к Англии (полуостров Корнуолл) за оловом.

Около 520 г. до н. э. карфагенский флотоводец Ганнон совершил путешествие, которое

можно считать беспримерным в истории мореплавания. Ганнон, если верить «Плаванию Ганнона» (греческому переводу его рассказа о своих приключениях, который сохранился до наших дней), проследовал вдоль африканского побережья на юг от Гибралтарского пролива до рубежей современной Либерии. С ним вышло шестьдесят больших кораблей.

Основной задачей Ганнона было найти и усилить какую-то из карфагенских торговых факторий на марокканском берегу. Затем Ганнон двинулся дальше на юг. Он основал поселение в Рио-дель-Оро и проплыл мимо устья реки Сенегал. Достигнув

Гамбии, путешественники еще семь дней продолжали свое плавание, а потом высадились наконец на каком-то острове. Но с этого острова им пришлось спешно убираться. Днем на острове было тихо, насколько тихо может быть в тропическом лесу, но ночью путешественники слышали звуки флейт, барабанов и гонгов, а небо было красным от горящих кустарников. Несколько дней они видели, как на побережье пылали джунгли. Потоки огня стекали с холмов в море, и под конец огонь поднялся так высоко, что, казалось, доставал до небес.

Покинув этот остров, путешественники через три дня

оказались у другого, на котором было озеро. На этом озере был еще остров, а на нем финикийцам встретились дикие волосатые мужчины и женщины, которых переводчик называл гориллами. Карфагеняне, поймав несколько самок этих «горилл» (на самом деле это были, вероятно, шимпанзе), отправились в обратный путь. Правда, домой им удалось привезти только шкуры пойманных ими существ: те оказались слишком свирепыми пассажирами. Их шкуры в конце концов передали в храм Юноны.

Рассказ о еще более удивительном плавании финикийцев мы находим у Геродота. По его

словам, фараон Нехо из XXVI династии нанял финикийцев, чтобы совершить плавание вокруг Африки. Отправившись в плавание от Суэцкого перешейка на юг, финикийцы через три года вернулись в дельту Нила по Средиземному морю. Каждый год они высаживались на берег, сеяли пшеницу и собирали урожай, а затем продолжали свой путь.

В то время как семиты-финикийцы прокладывали морские маршруты, еще один семитский народ, арамеи (мы уже упоминали о том, как они заняли Дамаск), отправлял свои караваны через пустыни Аравии и Персии. Арамеи

стали самым выдающимся народом-торговцем во всей Западной Азии.

Существовали ранние морские пути из Персидского залива и из Красного моря в южном направлении. На юге Африки были найдены наскальные рисунки бушменов, очень похожие на рисунки людей эпохи палеолита на востоке Испании. На этих рисунках изображены и белые люди с прическами, напоминающими ассирийские.

Семиты, перешедшие к цивилизованному образу жизни раньше, чем арии, всегда демонстрировали и продолжают демонстрировать гораздо более

тонкое чувство качества и количества во всем, что имеет товарную ценность (не в пример арийским народам). Именно необходимость вести учет товарам и сделкам привела к развитию буквенного письма.

Значительная часть достижений в области счета также принадлежит семитам. Цифры, которыми мы пользуемся сейчас, не случайно названы арабскими. Арифметика и алгебра также в своей основе — семитские науки.

Семитские народы и по сей день, следует отметить, являются «подсчитывающими» народами, у которых очень сильно развито

чувство равноценности и воздаяния. Моральное учение евреев было пропитано подобными представлениями. «Какой мерой вы мерите, такой и вам отмерится». В представлениях других рас и народов их многочисленные божества отличались склонностью к импульсивным и своевольным поступкам, но именно торговцы-семиты первыми стали думать о Боге как о справедливом торговце, который держит свои обещания, который готов снизойти к самому смиренному должнику, а мошеннику воздать по заслугам.

Древняя торговля до VI или VII в. до н. э. была почти

исключительно меновой торговлей. Чеканная монета в те времена только начинала входить в обращение. Ранние царства и вовсе обходились без денег. Наиболее распространенным эквивалентом стоимости у ранних ариев (и, возможно, у всех остальных народов) до того, как они перешли к оседлой жизни, был скот. В «Илиаде» стоимость двух щитов равняется стоимости коровы.

С одной стороны, за скотом нужен уход, ему нужна кормежка, но с другой — скот приносит приплод и таким образом сам увеличивает состояние своего владельца. Однако скот очень неудобно перегонять или

перевозить на корабле. Поэтому в разное время в ходу были разные эталоны стоимости. В Северной Америке в эпоху колонизации сделки заключались на вес табака. А в Западной Африке налагали штраф в бутылках джина. В Азии от самого начала торговли покупались и продавались, помимо прочего, и слитки металла. Слитки определенного веса, пользовавшиеся постоянным спросом, которые было удобно запасать и хранить, стали более ходовыми (как единица стоимости), чем овцы или коровы.

Железо, которое, по всей видимости, первыми сумели выплавить из руды хетты, поначалу

было редким и потому на него существовал большой спрос. Первыми деньгами, по утверждению Аристотеля, были слитки железа. Цезарь в своих «Записках о галльской войне» упоминает о том, что в Британии монетами служили слитки железа определенного веса. В собрании писем, найденных в Тель-эль-Амарне, адресованных Аменхотепу III (о котором мы уже рассказывали) и его преемнику Аменхотепу IV, один из хеттских царей обещает прислать железо как исключительно ценный дар.

Золото тогда, как и теперь, было самым дорогим и поэтому самым ходовым из всех металлов,

служивших эталоном стоимости.

В раннем Египте серебро было почти таким же редким, как и золото, вплоть до времен XVIII династии. Позже серебро, отмеряемое по весу, стало универсальным стандартом стоимости на всем Востоке. Установилось нечто подобное современному соотношению серебра и золота. С того времени стоимость одной золотой монеты определяется в несколько серебряных.

Сначала металлы были в обращении в виде слитков и взвешивались при каждой сделке. Затем на них стали ставить печать, чтобы подтвердить их соответствие

весу и гарантировать чистоту металла. Самые первые монеты, появившиеся на западном побережье Малой Азии, чеканились из электрона — сплава золота с серебром. Самые ранние из дошедших до наших дней монет были отчеканены около 600 г. до н. э. в Лидии, державе на западе Малой Азии, где добывалось золото. Золотые монеты чеканились в Лидии царем Крезом. Его имя стало нарицательным для обозначения огромного богатства. Но досталось богатство Креза, как мы узнаем позже, все тому же Киру, правителю Персии (который взял Вавилон в 539 г. до н. э.).

Вполне вероятно, что в Вавилонии чеканные монеты были в ходу еще до этого времени. «Печатный сикль» — слиток серебра с печатью на нем — был уже очень близок к монете. Еще около 2000 г. до н. э. служители храма бога Луны в Уре, отправляясь в путешествие, брали с собой глиняные таблички, которые играли роль своеобразных кредитных писем. По ним можно было получить все необходимое в тех городах, через которые пролегал путь.

Обещание уплатить столько-то серебра и золота за «кожу» (пергамент с печатью какого-либо уважаемого торговца или торгового

дома), вероятно, появилось не позже, а то и раньше монет. Подобные «кожаные деньги» были в ходу, например, в Карфагене.

Нам известно очень немного о том, как выглядела мелкая торговля в древности. Простые люди, которые оставались в зависимом положении, по-видимому, вообще не имели денег. Они выменивали то, что им нужно было для повседневной жизни. Ранние египетские изображения показывают, как это происходило.

Положение дел несколько изменилось перед началом эпохи Александра. У афинян в ходу было несколько номиналов серебряных монет, чрезвычайно маленьких.

Самые маленькие из них были чуть больше булавочной головки. По обыкновению, их носили во рту. Один из героев Аристофана, когда на него внезапно напали, от испуга проглотил свою мелочь.

Можно представить, сколько сложностей было у того, кто решался отправиться в путь, если иметь в виду, что в доалександровском мире отсутствовали мелкие деньги или любое другое удобное средство обмена, которое можно было носить с собой. Первые «гостиницы» (скорее всего некое подобие караван-сарая) появились, как считается, в Лидии в III–IV в. до н. э. Это, впрочем, слишком поздняя дата.

Гостиницы, конечно же, появились раньше. Есть достаточно достоверные свидетельства того, что постоянные дворы существовали еще до VI в. до н. э. Эсхил дважды упоминает о гостиницах. Словосочетание, которым он пользуется для этого, переводится как «принимать всех» или «дом, где принимают всех».

Путешественники, которые отправлялись в путь по торговым делам, представляли собой довольно обычное явление времени в греческом мире (включая и колонии греков). Но вот путешественники, которые хотели познакомиться с новыми местами, лучше узнать их,

появились относительно недавно. Одним из первых путешественников, посетивших почти весь известный тогда мир, был «отец истории» Геродот.

Первыми путешественниками были торговцы, которые собирали караваны или грузились на борт корабля и везли с собой свои товары, свои деньги и сикли металла, драгоценные камни и тюки с ценным товаром. Это могли также быть правительственные чиновники, отправлявшиеся в путь с верительными грамотами и соответствующим эскортом. Кроме того, с места на место могли перемещаться странствующие нищие,

а также религиозные паломники, направлявшиеся к своим святыням. В Египте достаточно безопасным был оживленный маршрут вверх и вниз по течению Нила. В царствование Аменхотепа регулярно совершались поездки к древним пирамидам в низовьях Нила. Именно там появились первые «экскурсанты».

В более раннем мире, до 600 г. до н. э., одинокий странник был редким и непривычным существом. Он подвергал свою жизнь смертельной опасности, ведь еще не было законов, которые бы защищали таких, как он. Поэтому немногие решались покинуть родные пределы. Жизнь человека была неразрывно

связана с жизнью патриархального племени (если он был кочевник) или с земледельческой общиной, или с одним из крупных храмовых учреждений (о которых мы вскоре будем говорить); или же он был подневольным рабом.

Человек ничего не знал о мире, в котором он жил, кроме нескольких фантастических легенд. Сейчас мы знаем о мире (каким он был к 600 г. до н. э.) больше, чем кто-либо из живших тогда людей. Делая карты этого мира, отмечая границы царств и владений, мы видим этот мир как единое целое со всем тем, что было его прошлым и станет будущим. Нам не трудно понять, что происходило в

одно и то же время в Египте и Испании, Индии и Китае. Мы сейчас уже можем объяснить, что так потрясло воображение мореплавателей, спутников Ганнона. Мы знаем, что «огненные горы до самых небес», о которых пишет автор «Плавания», это всего лишь явление выгорания сухих трав, которое было обычным в ту пору года.

Глава пятнадцатая

Письменность

**1. Рисуночная
письменность.**

**2. Слоговая
письменность.**

**3. Буквенная
письменность.**

**4. Место
письменности в жизни
человека**

1

В предыдущих главах мы в

общих чертах описали развитие основных общественных образований, от примитивных зачатков первых цивилизаций до великих исторических царств и империй в VI в. до н. э. Теперь нам следовало бы более пристально изучить общий процесс социальных изменений, формирование представлений человека, развитие и усложнение отношений между людьми, которые были на протяжении столетий между 10 000 г. до н. э. и 500 г. до н. э.

Мы лишь обозначили на карте места Вавилона, Ассирии, Египта, Индии и Китая и упомянули наиболее известных исторических

лиц. Мы подошли к тому, что в действительности составляет предмет исторических исследований, — увидеть за этими внешними формами жизнь, мысли и стремления людей той эпохи.

Пожалуй, одним из наиболее значимых явлений этих пяти-шести тысячелетий было изобретение и все возрастающая роль письменности. Она стала новым инструментом человеческого ума, значительно увеличив и расширив его возможности, еще одним средством непрерывной передачи человеческих знаний.

Прежде чем появилась подлинная письменность, в ходу

было рисуночное письмо, которым по-прежнему пользуются американские индейцы, бушмены и другие дикие и неразвитые народы в разных частях света. Рисуночное письмо — это изображение предметов и действий при помощи указателей, идентифицирующих собственные имена и названия, а также черточек и точек, Для обозначения количества дней, расстояния и тому подобных количественных представлений.

Одним из примеров рисуночного письма, знакомого всем, можно назвать пиктограмму — упрощенное рисуночное изображение слов или указаний, которое и по сей день

широко используется (например, для автомобилистов на дорогах). Маленький знак с изображением чашки обозначает буфет с легкими закусками, а скрещенные вилка и нож — ресторан. Для обозначения почты изображается конверт, телефона — телефонная трубка. Качество гостиниц обозначается звездочками от одной до пяти. Подобным же образом передается информация с помощью установленных по обочинам дорог знаков, по которым можно понять, что впереди скользкая дорога (если есть знак с извилистой полосой) или ограничение по высоте (если на знаке изображены ворота с

перекладиной) и т. д. От этих пиктограмм уже рукой подать до первых элементов китайской письменности.

По некоторым китайским иероглифам до сих пор можно проследить, от каких рисуночных изображений они произошли. Хотя в большинстве иероглифов теперь сложно узнать исходное изображение. Рот поначалу изображался в виде отверстия, а потом он стал больше похож на квадрат, потому что так удобнее было рисовать этот иероглиф кистью. Ребенок (первоначально вполне узнаваемый маленький человечек) теперь стал резким извилистым

мазком и крестиком. Солнце, которое было большим кругом с точкой посередине, для удобства со временем стали изображать в виде перечеркнутого овала (так его легче рисовать кистью). Сочетая эти пиктограммы, можно передавать смыслы второго порядка. К примеру, иероглиф «рот» в сочетании с иероглифом, обозначающим пар, имеет смысловое значение «слова».

Следующий после подобных сочетаний шаг — так называемые «идеограммы». Сочетание знака «слова» и знака «язык» дает «речь». Знак «свинья» и знак «крыша» вместе дают понятие «дом» (в раннем китайском хозяйстве

разведение свиней имело очень большое значение).

Китайский язык, как мы уже отмечали раньше, состоит из сравнительно небольшого количества односложных слов, которые используются в самых разнообразных значениях. Китайцы быстро заметили, что определенные пиктограммы и идеограммы можно было использовать для выражения понятий, названия которых произносятся одинаково с исходными иероглифами, но которые не так-то просто представить в рисунке. Такие иероглифы называются фонограммами. Например, слово, звучащее как

«фан», означает «лодка», но также: «дворец», «вращающийся», «хрупкий», «спрашивать» и еще несколько значений в соответствующем контексте. Но если лодку довольно легко изобразить, большинство других значений нельзя передать в рисунке. Как можно нарисовать «хрупкий» или «спрашивать»? Китайцы берут тот же самый исходный знак для звука «фан», но добавляют в соответствии с каждым новым значением еще один знак, определитель, который показывает, какой именно «фан» имеется в виду. «Дворец» обозначается таким же знаком, как и «лодка» («фан»), и определительным

знаком «земля»; «вращающийся» — знаком «фан» и знаком «шелк»; «спрашивать» — знаком «фан» и знаком «дом» и т. д.

Общеизвестно, что в китайском языке существует своеобразная и непростая система написания иероглифов. Нужно выучить довольно большое число этих знаков и привыкнуть к их написанию. Возможности иероглифического письма для передачи каких-либо идей и представлений нельзя сопоставлять с западной системой письма. Нельзя сопоставить и возможность равного и всеобщего доступа к грамотности для тех, кто пользуется иероглифами, и для тех, у

кого в ходу простой и удобный алфавит. В Китае существовал даже особый класс образованных людей («мандарины»), который одновременно был и чиновничьим и правящим классом. Их вынужденная поглощенность классическими формами (а не идеями и реальностью), по всей вероятности, — одна из причин, в силу которой Китай, несмотря на очень высокие интеллектуальные способности людей, значительно отставал в социальном и общественном развитии.

В то время, когда китайская культура создавала свой инструмент для письма (слишком сложный по

структуре, слишком громоздкий для работы и недостаточно гибкий по форме, чтобы соответствовать современным требованиям быстрой, точной, удобной и ясной передачи информации), развивавшаяся цивилизация Запада решала проблему сохранения письменных записей другим и в целом более выгодным способом. Впрочем, сами обстоятельства сложились таким образом, чтобы сделать западное письмо быстрым и простым.

Рисуночное письмо шумеров приходилось наносить на глину маленькими резцами — стилями. Всякие закругления получались неточными, выполнить их было

сложно. Поэтому шумерское письмо очень быстро упростилось до нанесения на влажную глину упрощенных клинообразных оттисков (отсюда и название шумерского письма — «клинопись»). Первоначальные рисунки изменились и упростились теперь до неузнаваемости. Избавившись от необходимости выписывать детали рисунков, шумерская письменность стала более доступной и ее развитие пошло гораздо быстрее. Очень скоро она подошла к стадии пиктограмм, идеограмм и фонограмм, как в китайском языке, а затем миновала и эту стадию.

Многие знакомы со

своеобразной словесной загадкой — ребусом. Одно какое-то слово в ребусе изображается несколькими картинками, каждая из этих картинок означает и отдельное слово, и слог исходного большого слова. К примеру, изображение цифры 100 и нескольких физиономий («лица») означает главный город в государстве («столица»). Шумерский язык оказался очень удобным для такого рода изображений. Он состоял в основном из многочисленных слов, составленных из несхожих неизменяемых слогов; и многие из слогов, взятые в отдельности, были названиями отдельных предметов.

Поэтому клинопись естественным образом переросла в слоговое письмо, в котором каждый знак произносился как слог (так же, как каждая часть шарады содержит в себе слог).

Семиты, которые впоследствии захватили шумеров, приспособили слоговое письмо для своей речи, и таким образом этот тип письменности стал полностью использоваться по принципу «знак — звук». Так писали и ассирийцы, и халдеи. Однако это было не буквенное письмо, а слоговое.

Долгие века клинопись безраздельно господствовала в Ассирии, Вавилоне и по всему

Ближнему Востоку. Следы ее можно обнаружить до сих пор в некоторых буквах нашего алфавита.

В то же время в Египте и на Средиземноморском побережье начинала складываться другая система письменности. Истоки ее, очевидно, следует искать в рисуночном письме (иероглифах), которым пользовались египетские жрецы. Частично это письмо также превратилось в слоговое. Как можно увидеть на письменах, высеченных на египетских монументах, египетское иероглифическое письмо складывается из живописных, но очень трудоемких форм. Для написания писем, ведения текущих

записей египетские жрецы пользовались более упрощенным и слитным написанием этих иероглифов, так называемым иератическим письмом.

От иератического письма отпочковалась и какое-то время развивалась рядом с ним еще одна форма письма. Ее начальные образцы теперь утрачены. Однако частично она состояла из логических иероглифов, а частично из заимствованных из клинописи знаков. Таким письмом пользовались в своей деловой переписке различные неегипетские народы Средиземноморья — финикийцы, ливийцы, лидийцы, критяне и

кельто-иберийцы. В руках у иноземцев эта письменность оказалась, так сказать, пересаженной на другую почву. Она потеряла последние оставшиеся черты своего рисуночного происхождения. Она перестала быть пиктографической или идеографической и стала просто системой «звук — знак» — алфавитом. В Средиземноморье существовало несколько таких алфавитов, значительно отличавшихся один от другого.

Следует, пожалуй, обратить внимание на то, что в финикийском алфавите и, возможно, в некоторых других, отсутствовали гласные. Вероятно, финикийцы произносили

очень четко согласные с неопределенным гласным, как и сейчас говорят некоторые племена Южной Аравии. Может быть, поначалу финикийцы пользовались своим алфавитом не столько для письма, сколько для ведения с помощью отдельных заглавных букв своих счетов и подсчета товаров.

Один из таких средиземноморских алфавитов достиг Греции (гораздо позже того, как была написана «Илиада»). И греки принялись его усовершенствовать, чтобы он мог передать чистые и прекрасные звуки их собственной высокоразвитой арийской речи. Поначалу этот

алфавит тоже состоял из согласных, но греки прибавили и гласные. Они начали записывать то, что знали о себе, чтобы сохранить и продолжить свои традиции, пришедшие из глубины веков. С этих пор берет свое начало эпоха письменной литературы, тонкий ручеек, который затем превратился в полноводный поток.

Так естественно из рисунка вырастала письменность. В самом начале и потом еще долгие века она была уделом только посвященных, особого немногочисленного класса. Долгое время письменность была только дополнением к рисуночным летописям. Но у письменности были

некоторые явные преимущества, кроме ее все возрастающей выразительности. Письменность можно было превратить в менее понятную и менее доступную, чем простые рисунки, сделав начертание знаков более условным. Таким образом, содержание послания могло быть понятным только для отправителя и получателя. Кроме того, можно было вести различные текущие записи, расширить свою память и память своих собратьев по классу, не делясь при этом знаниями с широкими массами. Среди самых ранних египетских записей, к примеру, мы находим магические формулы и медицинские рецепты.

Счета, письма, рецепты, генеалогии, путевые заметки — вот такими были самые первые письменные документы. По мере распространения искусства письма и чтения у людей возникало странное желание — удивить далекого незнакомца, написав что-то необычное, поделившись какой-тайной, каким-то своим необычным суждением, просто нацарапав свое имя на видном месте, чтобы и много лет спустя, когда жизненный путь автора уже окажется пройденным, его имя все еще было на виду у потрясенного читателя. Даже в Шумере люди писали на стенах, и все то, что дошло до нас из древнего

мира (его камни, строения), сплошь покрыто именами, а еще похвалой в адрес самых первых в мире заказчиков рекламы — правителей этого мира. Вероятно, половина надписей древнего мира была подобного рода (если к родословным царей и их деяниям мы также прибавим и эпитафии, которые во многих случаях составлялись еще при жизни покойного).

Еще долго тяга к подобному примитивному самоутверждению (как и стремление делать из знаний тайну) ограничивала возможности письменного слова. В то же время другое, подлинно массовое стремление рассказывать, все чаще

обращалось к письменным формам. Только спустя многие века стали очевидными исключительные возможности письменности: способствовать широкому распространению точных знаний и передавать знания последующим поколениям.

В этом месте нашего повествования будет небезынтересным еще раз напомнить то, что мы знаем о жизни. Это поможет понять не только огромную ценность письменности в истории человека, но и ту роль, которую ей предстоит сыграть в будущем.

1) Жизнь поначалу представляла собой (не будем забывать) не

связанную воедино последовательность индивидуальных сознаний, чередование рождений молодых существ и отмирание старых. У такого существа, как рептилия, мозг способен накапливать индивидуальный опыт, однако он не передается потомству, а отмирает вместе со смертью самого существа. Большинство его побудительных импульсов носит исключительно инстинктивный характер, а вся мозговая деятельность рептилии является результатом последовательности врожденных инстинктов.

2) Уже самые примитивные млекопитающие прибавили к

инстинкту преемственность,
передачу личного опыта с помощью
подражания действиям матери. У
некоторых высокоразвитых
животных, таких, как кошки, собаки
или обезьяны, существует даже
своего рода воспитание. К примеру,
кошка наказывает своих котят за
неправильные действия. Также
поступают и самки высших обезьян и
бабуинов.

3) Первообытный человек прибавил к своим способностям передавать опыт еще смысловую жестикуляцию и речь. Начинается рисуночная и скульптурная, а также словесная традиция. Словесная традиция достигла своего

наибольшего развития у сказителей-бардов. Во многом мы им обязаны развитием образности и гибкости современного языка.

4) С развитием письменности (из рисунков, которые первоначально служили для запоминания предметов и действий) преемственность человеческого опыта и знаний стала более полной и значительно более точной. Словесная традиция, которая до этого менялась от века к веку, закрепилась в письменных документах. Люди, разделенные многими днями пути, смогли теперь общаться. Мышление человека расширялось, к нему подключались и взаимодействовали с ним сотни

людей, живших в разных местах и в разное время. Этот процесс становился все более полным и всеобъемлющим.

5) На протяжении многих сотен поколений широкие возможности письменности оставались неизвестными. Долгое время никто не представлял, что можно делать множество оттисков одного экземпляра книги. Люди знали единственный способ скопировать книгу — переписать ее. Это делало книги редкими и дорогими. Стремление превращать знания в тайну, в культ, не делиться этими знаниями с другими людьми всегда было сильно в умах людей. Только

совсем недавно умение читать стало доступно значительной части человечества, и оно смогло прикоснуться к сокровищнице мысли, которая была накоплена в книгах.

Жизнь через человеческий разум начинает все больше и больше сознавать саму себя и свой мир. В этом мире, где до сих пор безраздельно правили невежество и забвение своего прошлого, появляются первые признаки интеллектуального роста. Словно бы тонкий луч света через приоткрытую дверь проник в темную комнату. И в комнате становится все светлее по мере того, как открывается дверь.

Вот она, с первым оттиском печатного станка в Европе, начинает открываться все шире, и в комнату вливается ослепительный свет, свет знаний, который перестал быть привилегией избранного меньшинства.

Мы тоже видим этот свет, хотя и теперь еще комната полна мрачных теней. Дверь не открыта даже наполовину. Наши дни, наш мир сегодня — это только начало подлинного знания.

Глава шестнадцатая

Боги и звезды, жрецы и цари

- 1. Появление жрецов.**
- 2. Жрецы и звезды.**
- 3. Жрецы и начало учености.**
- 4. Царь против жреца.**
- 5. Как Бел-Мардук боролся с царями.**
- 6. Божественные цари Египта.**
- 7. Ши Хуан-ди уничтожает книги**

Говоря о том, что именно в Египте и Месопотамии земледельческие общины стали, как никогда прежде в истории, многолюдны, мы обращали внимание на одну из наиболее примечательных деталей всех новообразованных городов — на храм. Как правило, рядом размещался и царский дворец. Но именно храмовое сооружение доминировало над дворцом.

Храм был ядром, сердцевиной города, будь то финикийский, или только начавшие возникать греческие и римские города. Дворец в Кноссе, отличительной чертой которого было

стремление к удобству и праздничности, включал в себя алтарное помещение. Но на Крите были и отдельные храмовые строения, независимые от дворцовых комплексов. По всему древнему цивилизованному миру мы обнаруживаем храмы. Где бы ни пустила корни древняя цивилизация — в Африке, Европе или Западной Азии, — там вырастали храмы.

Чем древнее цивилизация (как в Шумере или Египте), тем еще очевидней становится ее сосредоточенность вокруг храма. Когда мореплаватель Ганнон достиг, как он считал, западной оконечности Африки, он поставил там храм

Геркулесу. Зарождение цивилизации и появление храмов происходило в истории одновременно. Их невозможно разделить; строительство города — это одновременно и возведение храма.

Центральной частью всех храмов был алтарь, а над ним, как правило, возвышалась огромная фигура, обычно изображавшая какое-то чудовищное существо, полуживотное-получеловека. Перед этим идолом непосредственно и приносились жертвы. Впрочем, в более поздних греческих и римских храмах эта фигура имела главным образом человеческий облик. Именно ее считали или божеством,

или символом божества, которому поклонялись.

Значительную, порой весьма значительную, часть городского населения составляли жрецы или жрицы, а также храмовые слуги. Их всегда можно было отличить по особым одеждам, которые они носили. Жрецы не принадлежали ни к одному слою общества, а сами представляли собой новый слой. Это была особая каста, отдельный класс, пополнявшийся одаренными выходцами из простого люда.

Основной обязанностью сословия жрецов было служение храмовому божеству и принесение ему жертв. Эти ритуалы совершались

не произвольно, а по особым дням, или в связи с определенными событиями. Жертвоприношение, которое приурочивалось к началу сева, было главным среди всех подобных ритуалов.

По мере развития скотоводства и земледелия человек все отчетливее понимал, как отличаются времена года, и примечал особенные дни в году. В храмах следили за чередованием таких дней и праздновали их наступление (сейчас те же функции выполняют часы и календарь на столе у современного человека). Но в храме не только совершали жертвоприношения и следили за календарем, хотя это

было основной задачей жрецов. Именно в древних храмах жрецы стали отмечать смену владык и записывать текущие события, составлять первые хроники. Письменность тоже началась в храмах; долгое время они оставались центрами учености. Люди сходились туда не только на свои празднества. Каждый член общины непременно приходил в храм за помощью — первые жрецы были и врачевателями, и прорицателями.

По мере перехода от дикости к устойчивым формам общественной жизни, от поиска пищи к оседлому хозяйствованию храмовая, культовая жизнь играла все более важную роль.

Знахарь, заклинатель удачи, неприметный прежде в племени ранних охотников, теперь стал одной из видных фигур в своей общине. Очевидно также, что те первобытные страхи (и ожидания помощи), которые сознание людей связывало с неведомыми существами, желание задобрить неведомые силы, а также первобытное стремление к очищению и у некоторых первобытное желание власти стало составляющими элементами нового общественного явления — храма.

Храм был вызван к жизни сложным комплексом причин и потребностей. Образ бога формировался из множества

импульсов, осознанных или полуосознанных. В настоящее время нет недостатка в самой разнообразной литературе по истокам религии, и зачастую один автор выделяет какое-то одно, главенствующее, по его мнению, представление, а другой автор — иное, как будто бы этими идеями и исчерпывается вопрос о происхождении религии.

Ранние люди, триста-четырееста поколений назад, мыслили и чувствовали почти так же, как и мы сегодня. Фантазии нашего детства и отрочества, наверное, наилучший ключ к разгадке того, что же такое ранние формы религии. Солнечные

божества, вне всякого сомнения, очень рано заняли место в истории храмов, но еще были и боги-гиппопотамы, и боги-ястребы, были богини в обличье коровы, были мужские и женские божества со звериными чертами. А еще были боги, которые на деле представляли собой обломки метеоритного железа, чей огненный след в небе очаровал древнего человека, и были просто камни, приметные своей необычной и неповторимой формой.

Некоторые божества, как Мардук у вавилонян и Ваал («господь») финикийцев, хананеев и т. д., вполне возможно, были не более чем сказочными существами, какими

и в наши дни дети любят пугать друг друга.

Оседлые народы, как только пришли к мысли о боге, сразу задумались о жене для него. Большинство египетских и вавилонских богов имели жен. Однако боги кочевых семитов не знали этой склонности к семейным узам. Вероятно, в полуголодных условиях пустыни гораздо сложнее было сохранить и вырастить ребенка, и семья для кочевника значила меньше, чем для земледельца в его размеренной и устоявшейся жизни.

Еще более естественным, чем найти богу жену, было стремление построить ему дом, где бог смог бы

поселиться и куда можно было бы идти с подношениями. Смотрителем этого дома становился служитель бога — прорицатель, якобы знающий волю своего господина.

Таким образом, развитие и выделение раннего храма и раннего жречества из сельскохозяйственной общины по мере перехода ее к оседлости является вполне естественным, включая и появление собственно храма с фигурой божества, святилищем и алтарем — с одной стороны, и тех, кто пришел поклоняться божеству—с другой.

Храм всегда был средоточием тайны, но, помимо этого, там регулярно записывалось все, что

имело отношение к повседневной жизни сообщества. В храме можно было получить совет и наставление. Служили там те, кто отличался умом и живым воображением. Вполне естественно, что храм стал своего рода мозговым центром растущего сообщества.

Отношение к храму и к культу рядовых членов общины, которые трудились на полях, пасли скот, оставалось простым и доверительным. Там обитал бог, всевидящий, пусть и невидимый глазу простых людей. Его благосклонность давала богатство, а гнев — всевозможные несчастья. Небольшими подношениями бога

можно было задобрить и в свою очередь заручиться поддержкой его служителей. Он был настолько чудесным существом, этот бог, и обладал такой властью и знанием, что даже в мыслях нельзя было допустить и тени неуважения к нему. В среде самих жрецов представление о божественном, правда, не было таким ограниченным.

Здесь будет уместным обратить внимание на один весьма интересный момент, касающийся египетских храмов и, насколько нам известно, храмов Вавилонии (руины которых дошли до нас в гораздо худшем состоянии).

Речь о том, что они были

особым образом «ориентированы», то есть при строительстве все однотипные храмы возводились так, чтобы вход и алтарь всегда были обращены в одном направлении. В большинстве случаев такие строения ориентированы на восток, точнее — в ту сторону, где восходит солнце 21 марта и 21 сентября, в день равноденствия. Отметим также, что в дни равноденствий Тигр и Евфрат становятся особенно полноводными. Пирамиды Гизы также ориентированы по направлению восток-запад, на восток же обращен и Сфинкс. Но некоторые храмы Египта, расположенные на юг от дельты Нила, ориентированы не на

восток, а в направлении, где солнце восходит в день летнего солнцестояния. В Египте разливы Нила происходят приблизительно в это время. Другие храмы, однако, обращены почти точно на север. Некоторые из них ориентированы на восход Сириуса или других заметных звезд.

Возможно, такая ориентация тесно связана с тем, что люди уже в глубокой древности в своих представлениях о божествах значительное место отводили движению солнца и положению на небе неподвижных звезд. Какими бы представлениями ни жила основная масса людей за пределами храма,

жрецы начинали связывать движение небесных тел с силами, обитающими в святилище. Жрецы размышляли о воле богов, которым служили, и пытались понять, каким образом те могут влиять на жизнь людей. Вполне естественным было предположить, что светила, так неравномерно расположенные на небосводе, каким-то образом могут предвещать человеческие судьбы.

Кроме всего прочего, ориентация храмов играла важную роль в праздновании наступающего нового года. Утром одного из дней года, и только этим утром, в храме, ориентированном на восход в день зимнего солнцестояния, первые лучи

солнца разгоняли полумрак вдоль длинного ряда колонн и освещали фигуру божества, помещенную над алтарем, словно вливая в нее новую жизнь и силу. Узкая, затемненная планировка древних храмов, словно намеренно, была рассчитана на подобного рода эффекты. Люди, несомненно, сходились в храм затемно, еще до рассвета. В полутьме они распевали религиозные гимны и, возможно, приносили жертвы божеству. Само же божество оставалось отстраненным, до поры невидимым во тьме храма, словно бы наблюдая за поведением собравшихся. Те же еще сильнее взывали к своему божеству, молили

его появиться. И вот перед их глазами, уже привыкшими к темноте, в первых лучах солнца, всходившего за их спинами, внезапно появлялся бог.

Такая ориентация характерна не только для большинства храмов Египта, Ассирии, Вавилонии и всего Востока, ее можно встретить в греческих храмах. На восход солнца в день летнего солнцестояния ориентирован и Стоунхэндж, а также большинство мегалитических круговых храмовых сооружений Европы. Алтарь Неба в Пекине ориентирован по зимнему солнцестоянию. В дни китайской империи важнейшими из всех

обязанностей императора были жертвоприношение и молитвы за урожайный и благополучный год, совершаемые в храме в день зимнего солнцестояния.

Египетские жрецы составили карту созвездий и выделили двенадцать знаков зодиака уже к 3000 г. до н. э.

Астрономические исследования — наиболее очевидное, но не единственное свидетельство той значительной работы ума, которая совершалась в древности в стенах храмов. У многих современных авторов есть склонность принижать роль жречества, говорить о жрецах так, будто бы они всегда были

мошенниками и трюкачами и только стремились обвести вокруг пальца темный люд. Да, долгое время они оставались единственным образованным классом, только жрецы были мыслителями и хранителями духовности того времени. Очень долгое время не существовало другого пути приобщиться к духовной жизни, открыть для себя мир литературы, вообще знаний, как только через жречество, монашество, священничество. Храмы были не только обсерваториями, библиотеками и лечебницами, они еще служили музеями, сокровищницами. Оригинал истории

о плавании Ганнона, например, хранился в одном из храмов Карфагена; шкуры «горилл» были выставлены для обозрения в другом. Все, что представляло хотя бы какую-то ценность и значимость для жизни общины, хранилось в храме.

Геродот, первый греческий историк (ок. 484–425 гг. до н. э.) большую часть своего исторического материала собрал, общаясь с жрецами в тех странах, в которых он побывал. И совершенно очевидно, что жрецы были рады путешественнику-иноземцу и охотно беседовали с ним о том, что интересовало Геродота в их стране.

За пределами храма мир по-

прежнему жил заботами одного дня, не задумываясь о его истоках и смысле. В древних источниках почти не встречаются свидетельства того, что простые люди понимали, что жрецы их обманывают, или испытывали к ним что-либо еще, кроме доверия и преданности.

Даже великие завоеватели более поздних времен старались привлечь на свою сторону священнослужителей тех народов и городов, покорности которых они добивались. И причина тому — исключительная популярность жрецов.

Нет сомнения, что образованность и нравственность

отдельных жрецов были разными. Среди них могли быть жестокие, порочные и жадные, нередко встречались недалекие или косные, не желавшие знать ничего, кроме догм своего учения. Однако существовали строгие рамки — и об этом не следует забывать — допустимой деградации жречества, или неэффективности его служения. Брожение в умах верующих было губительно прежде всего для самого жречества, и жрецы старались не переступать черту того, что люди могли вытерпеть, ни в сторону тьмы, ни в сторону света.

Авторитет жреца в конечном счете основывался на всеобщем

убеждении, что его служение приносит благо.

4

Самые ранние цивилизованные формы правления были, таким образом, правлением жрецов. Именно жрецы, а не цари или вожди, заставили людей взяться за плуг и перейти к оседлой жизни. Именно они, насаждая представления о боге, о плодородии и изобилии, преодолевали инертность простых людей. Ранние правители Шумера, о которых нам известно, все были жрецами, а царями лишь потому, что

на них одновременно возлагались обязанности верховного жреца.

Такое правление отличается как своеобразной силой, имеющей глубокие корни, так и очевидной слабостью. Власть жреца распространялась только на собственный народ. Очевидно, это было подчинение воли людей воздействием на их подсознательные страхи и чаяния. Жрецы могли сплотить свой народ для отпора врагу, но из-за отсутствия необходимой гибкости сами методы жреческого воздействия на людей не годились для того, чтобы руководить народом на поле брани. Против вражеского нашествия народ,

управляемый жрецами, оказывался бессильным.

Более того, жрец — человек подневольный. Он имел особую подготовку, посвящение и принадлежал к обособленному сословию, клану, поневоле живущему корпоративными интересами; жизнь жреца принадлежала богу и храму. Он жил и умирал только во славу своего бога. И это внутреннее горение наполняло силой и его служение, и духовную жизнь его храма. Но в соседнем городе или селении был другой храм с другим богом. И жрецу приходилось постоянно следить за тем, чтобы не допустить своих верных в этот храм.

Религиозным культам и верованиям по природе присущ дух сектантства. Они могут подавлять друг друга, переманивать или силой обращать людей в свою веру, но они никогда не захотят добровольно объединиться.

Первое, что мы узнаем о Шумере, — это вражда жрецов и богов. Пока шумеры не были завоеваны семитами, они так и не смогли объединиться. Тот же неизлечимый конфликт жрецов оставил свой отпечаток и на всех руинах храмов Египта. Иначе и быть не могло, если принимать во внимание все те элементы, из которых возникла религия.

В Старом Свете эпоха, когда

жрецы безраздельно властвовали над остальной общиной, закончилась около двух с половиной тысяч лет назад. Но в Америке жречество, связанное с примитивным жертвоприношением, и тысячу лет назад правило целой цивилизацией. Речь идет о цивилизациях Центральной Америки и Юкатана. В Мексике жрецы и светская власть правили, так сказать, рука об руку (как и в Вавилонии), храм соседствовал с дворцом правителя. В Перу верховная власть принадлежала божественному правителю наподобие фараона. А в цивилизации майя, оставившей после себя удивительные руины, скрытые в

джунглях южной Мексики,
жреческая каста удерживала
верховенство, замешанное на крови и
беспрекословном подчинении
требованиям культа.

Во всем остальном мире
верховная власть жрецов в
определенное время миновала пик
своего могущества, уступив место
другим формам правления. Но у майя
она достигла каких-то крайних форм,
превратившихся в итоге в карикатуру
на сам жреческий класс. Жрецы
усложняли и совершенствовали свой
календарь, пока он не превратился в
головоломку, недоступную для
непосвященных. Ритуал
человеческого жертвоприношения

также был доведен до крайнего эмоционального напряжения. Скульптура майя, очень сложная и мастерски выполненная, несет на себе отпечаток помешательства, отчетливо видимого в переплетении причудливых форм.

Два эти основные изъяна жреческого правления — неспособность к действительному военному руководству и неизбежная ревность ко всем иным религиозным культам — послужили причиной усиления положения светского властителя. Им становился или предводитель иноземцев, распространявший свою власть на завоеванный народ, или военный

лидер, сохранявший определенное влияние и в мирное время, с которым жрецы, не желавшие уступать друг другу, соглашались.

Светский правитель окружал себя свитой чиновников и начинал, опираясь на военные структуры, принимать участие в управлении народом. Таким образом, из жреческой среды вырастал и постепенно начинал теснить жреца его защитник, ставший соперником, — царь. Не раз человечеству в его дальнейшей истории придется переживать события, которые можно истолковать лишь как развитие, усложнение или противодействие, подспудное или

намеренное, между двумя системами управления и контроля — храмом и дворцом.

Этот антагонизм пережил свою кульминацию в тех местах, которые были исходными центрами цивилизации. Варварские арийские народы, которые в итоге стали править всеми древними цивилизациями Востока, возможно, миновали стадию жреческого правления. Они поздно пришли к цивилизации, и эта часть мировой драмы к их появлению уже была наполовину сыграна. Арийские народы переняли оба понятия — и храма, и царства — у более цивилизованных семитских и

хамитских народов в уже сложившемся и развитом виде.

Огромное влияние жречества и культа проявлялось на ранних стадиях развития цивилизации Месопотамии. Но постепенно светская власть начала заявлять о своих правах, и в конечном итоге, ощутив силу, она повела борьбу за главенствующее положение в обществе.

Поначалу дворец был малозаметен в сравнении с храмом. Ему не хватало союзников в обществе. Чиновники были слишком невежественны, чтобы соперничать со жрецами. На стороне жреца были образованность и знания, а еще

страх, который люди испытывали перед его магической силой. А шансом дворца была постоянная вражда различных культов. Из других городов, из числа пленников, служителей разгромленных храмов дворец набирал людей, которые тоже умели читать и умели совершать чудеса напоказ. Сведения о жизни и хозяйстве общины, кроме храма, стекались и в царский суд при дворце. Сам царь начинал осмысливать свое место в жизни общины и становился политиком. Торговцы и иноземные посланники стремились получить прием у правителя страны. Пусть царскому дворцу и недоставало утонченной

образованности и глубины знаний в сравнении со жрецами, но во дворце больше и из первых рук знали о том, чем жил окружающий мир. Царь был ближе к действительности, чем жрец.

Жрец приходил в храм в еще очень молодом возрасте. Не один год длилось его ученичество. Но и выучившись грамоте, жрец все равно жил в основном среди теней прошлого, мало общаясь с окружающим миром. Кое-кто из тех жрецов, кто был поживее и помоложе, с завистью поглядывали на своих ровесников, состоящих на службе у царя.

На фоне борьбы за власть между

жрецом и царем на протяжении многих столетий разворачивалась не одна подобная драма. Малозаметная на первый взгляд, она продолжалась со многими повторами и вариантами, в противостоянии права рождения, наследования и права силы; учености и собственного мнения; в столкновении обычаев и привычки — с одной стороны, и творческой воли и воображения — с другой.

И не всегда, как мы увидим позже, жрец, священнослужитель, выступал в роли консерватора-мракобеса. Иногда царь боролся с косным духовенством, которое стояло на пути его политики. Иногда

же только в священнической среде удавалось сберечь последнюю искру былой культуры, сохранить ее среди своеволия, жестокости и дикости сильных мира сего.

Мы можем здесь более-менее обстоятельно рассмотреть лишь один-два примера подобного противостояния, от 4000 г. до н. э. и до дней Александра Великого.

Конфликты такого рода служили одной из движущих сил на ранних стадиях формирования политических отношений.

В самые ранние дни Шумера и Аккада правители городов-государств были, по сути, скорее жрецами и целителями, чем царями. Лишь с возникновением реальной внешней угрозы различие между жрецом и царем становилось более определенным. Но бог жрецов по-прежнему оставался господином и царя, и жреца, верховным владыкой всего сущего. Богатство и влияние его храмов затмевало все то, что имелось в распоряжении царя.

В особенности такое положение дел было заметно внутри городских стен. Хаммурапи — основатель первого Вавилонского царства — был одним из первых правителей,

который, как нам известно, обладал реальной властью в своей державе. Он пользовался этой властью с предельным выражением покорности и преклонения перед божеством. Одну из сохранившихся надписей, в которой перечислены труды Хаммурапи по орошению земель Шумера, он начинает так: «Когда Ану и Бел доверили мне правление над Шумером и Аккадом...» Самый ранний из известных нам сводов законов был составлен тем же Хаммурапи. Стела со сводом законов в верхней своей части украшена рельефом с изображением того, как вручает Хаммурапи этот закон сам его

изначальный составитель — бог Шамаш. Еще более ранней является стела, обнаруженная во время раскопок Ура. На ней бог Луны повелевает царю Ур-Энгуру построить ему храм и помогает в этом строительстве. Сам же царь — не более чем слуга бога.

Огромное политическое значение во время завоевания города имело вынесение фигуры бога из храма. С этого момента прежний бог занимал подчиненное положение в храме бога своего победителя. Это было куда важнее, чем покорение одного царя другим. Эламиты вынесли статую Мардука — вавилонского Юпитера, и вавилоняне

не чувствовали себя свободными, пока не вернули ее обратно.

Но случилось и так, что победитель боялся бога, которого он завоевал. В собрании писем из Тель-эль-Амарны в Египте, адресованных Аменхотепу IV, о котором мы уже упоминали, есть письмо от Тушратты — царя государства Митанни, который завоевал Ассирию и забрал статую богини Иштар. Пользуясь случаем, он передал эту статую в Египет, чтобы таким образом засвидетельствовать свою преданность Аменхотепу и вдобавок избавиться от статуи и от гнева богини. В Библии рассказывается (1 Цар., 5:1–6), как филистимляне в

бою взяли у иудеев ковчег завета Господня и принесли его в храм своего морского божества Дагона в Азоте. Однако на следующий день жители Азота обнаружили, что статуя Дагона упала и разбилась, а затем и на сам Азот обрушилась губительная эпидемия. Во всей этой истории действующими лицами являются боги и жрецы, о царях же даже не упоминается.

На протяжении всей истории Вавилонского и Ассирийского царств ни один правитель не мог быть уверенным в своей власти над Вавилоном, пока он не «держал руку Бела», иначе говоря, пока жрецы Бела не объявляли его сыном и

представителем бога. По мере того как растут наши знания об истории Ассирии и Вавилона, мы все больше убеждаемся в том, что политика тех дней (перевороты, захваты власти, смены династий, интриги с иноземными державами) в основном отражала взаимоотношения между влиятельным и богатым жречеством, с одной стороны, и растущими, но пока еще не соразмерными силами светской власти — с другой. Царь мог опереться на свое войско, но оно обычно состояло из иноземных наемников, готовых в любой момент поднять бунт, если не было платы или военной добычи. Такое войско было легко подкупить противникам

царя.

Мы уже говорили о Синахерибе, сыне Саргона II, одного из правителей Ассирийского царства. Синахериб, который оказался втянут в жестокий конфликт с вавилонским жречеством, так и не «взял Бела за руку». В результате он узурпировал власть, разрушив храмовую часть города в Вавилоне (691 г. до н. э.), и перевез статую Бела-Мардука в Ассирию.

Он был убит одним из своих сыновей, и его преемник, Асархаддон (его сын, но не тот, что был убийцей) счел за лучшее вернуть Бела-Мардука на прежнее место, отстроить его храм и таким образом помириться с

богом.

Ашшурбанапал (Сарданапал у греков), сын этого Асархаддона, был особенно интересной фигурой с точки зрения отношений жречества и царя. Примирение его отца со жрецами Бела-Мардука зашло так далеко, что Сарданапал получил вавилонское образование вместо военного ассирийского. Он стал выдающимся собирателем клинописных документов прошлого. Его библиотека, которую удалось раскопать, теперь является неоценимым источником сведений о той эпохе. Но, несмотря на свою ученость, он не забывал и о своем войске. Ашшурбанапалу удалось на

какое-то время покорить Египет. Он подавил восстание в Вавилоне и осуществил ряд успешных походов.

Это был один из последних ассирийских царей. Племена ариев, которые больше интересовались войной, чем религиозными культами, и в особенности скифы, мидийцы и персы уже давно наседали на северные и северо-восточные границы Ассирийской державы. Мидийцы и персы вступили в союз с халдеями (семитским племенем, кочевавшем на юге) для совместного похода на Ассирию. Ниневия, столица Ассирии, пала в 606 г. до н. э.

Шестьдесят лет спустя после

захвата Ниневии ариями, которые оставили Вавилонию халдеям, последний правитель Халдейского царства (Нововавилонского царства), Набонид, был свергнут царем персов Киром. Набонид, опять же, был высокообразованным правителем, однако страсть к научным изысканиям и живое воображение там, где нужно было проявить расчетливость и понимание сложившейся политической ситуации, сослужили ему недобрую службу. Набонид увлекался изучением древних клинописных табличек. Именно ему удалось установить дату начала царствования Саргона I (3750 г. до н. э.) Эта

датировка по-прежнему
поддерживается многими
современными историками. Набонид
очень гордился своим открытием и
повелел запечатлеть его в
торжественной надписи.

Очевидно, что с именем
Набонида также связаны и
религиозные новации. Он строил и
перестраивал храмы, предпринял
попытку централизовать
религиозный культ в Вавилоне,
перенеся изображения местных
божков в храм Бела-Мардука.
Несомненно, он видел слабость и
разобщенность своих владений,
причиной которых было
соперничество культов. По всей

видимости, все это было затеяно с целью установить какую-то единую для всей страны форму религии.

Но события развивались слишком стремительно, чтобы эти замыслы смогли воплотиться в жизнь. Своими нововведениями Набонид только настроил против себя жрецов Бела. Они приняли сторону персов. В итоге войско Кира без боя заняло Вавилон. Набонид был пленен, персидская стража заняла место у врат храма Бела, в котором все это время не прекращалась служба.

Кир, по сути, присоединил Вавилон к Персидской империи с благословения Бела-Мардука. Он

отблагодарил своих сторонников — жрецов, вернув местных божков обратно в их родные храмы. Он также разрешил евреям вернуться в Иерусалим. Для Кира это был лишь политический ход, никак не связывавший его с вероломным жречеством.

Оказавшись под властью равнодушных к религии ариев, вавилонской жреческой касте пришлось заплатить слишком высокую цену за неприкосновенность своего культа. Им лучше было бы согласиться с новшествами еретика Набонида, прислушаться к его идеям и к требованиям изменившегося мира.

Кир вступил в Вавилон в 539 г. до н. э., а в 521 г. до н. э. в Вавилоне снова вспыхнул бунт. В 520 г. до н. э. новый персидский правитель Дарий, теперь уже штурмом, взял город.

За последующие двести лет жизнь постепенно ушла из храма Бела-Мардука, и его в конце концов разобрали для строительства других зданий.

История взаимоотношений жреца и правителя в Египте во многом схожа с вавилонской (но, естественно, в точности ее не повторяет). Цари Шумера и Ассирии — это жрецы, ставшие царями, иначе говоря, светские жрецы. Египетский фараон, по всей видимости, пришел

к власти несколько иным путем. Уже в очень древних летописных хрониках мы видим, что власть и влияние фараона несравнимы со жреческими. Он, по сути дела, сам являлся богом в большей степени, чем жрец и царь вместе взятые.

Нам неизвестно, как фараонам удалось занять такое положение. Ни один из правителей Шумера, Ассирии или Вавилона не смог бы заставить народ воздвигнуть в свою честь гигантские строения, подобные тем, которые остались после фараонов IV династии — строителей пирамид.

Возможно, уже ранние фараоны считались воплощением верховного

божества. Бог-сокол Гор сидит в головах у огромной статуи Хефрена. Уже такой поздний правитель, как Рамзес III (XX династия), запечатлен на своем саркофаге (который хранится теперь в Кембридже) с отличительными символами трех великих таинств египетского пантеона. Он держит в руках два скипетра Осириса, бога дня и воскресения, на голове у него рога богини коровы Хатор и солнечный диск и перья Амона-Ра. Он не просто украсил себя этими символами, как преданный вавилонянин мог бы украсить себя символами Бела-Мардука, он и есть эти три божества в одном обличье.

Некоторые сохранившиеся статуи и изображения также подтверждают, что фараоны в действительности считались сыновьями бога. Божественное рождение от божественного отца, к примеру, Аменхотепа III (из XVIII династии), в деталях представлено в серии скульптур Луксора. Более того, по царившему тогда убеждению, фараон, божественный по природе, не мог взять себе в жены простую смертную. Поэтому постепенно укоренилась традиция близкородственных браков, вплоть до того, что женами фараонов становились их родные сестры.

Борьба между дворцом и храмом

в Египте, таким образом, проходила в несколько иной плоскости, чем в Вавилонии. Профессор Маеперо^[24] в книге «Новые факты из истории Древнего Египта» приводит очень интересные подробности борьбы Аменхотепа IV со жречеством и в особенности со жрецами верховного бога Амона-Ра, повелителя Карнака. Мать Аменхотепа IV не была из рода фараонов. По всей видимости, отец фараона, Аменхотеп III, остановил свой выбор на женщине из покоренного народа, прекрасной сирийке по имени Тия. Профессор Масперо считает, что корни будущего конфликта следует искать в неприятии царицы и враждебности к

ней со стороны жрецов Амона-Ра. Она могла, по мнению профессора, воспитать у сына фанатичную ненависть к Амону.

Но, возможно, Аменхотеп преследовал более обширные цели. Подобно вавилонянину Набониду, жившему на тысячу лет позже, фараон хотел обеспечить с помощью реформы культа духовное единство своих подданных. Мы уже отмечали, что Аменхотеп III правил землями от Эфиопии до Евфрата. Если судить по письмам, в частности, к сыну, также найденным в Тель-эль-Амарне, отец Аменхотепа IV отличался широким кругом интересов и был личностью очень влиятельной.

Как бы то ни было, Аменхотеп IV принял решение закрыть все египетские и сирийские храмы и учредить на подвластных ему территориях вместо множества религий единый для всех культ бога Атона и поклонение солнечному диску. Он оставил свою столицу, Фивы, которая еще больше была городом Амона-Ра, чем позже Вавилон был городом Мардука, и перенес столицу в Тель-эль-Амарну. Он также изменил свое имя с Аменхотепа, которым он посвящался Амону (Амен), на Эхнатон, «Хвала Солнцу». На протяжении восемнадцати лет, до самой смерти фараона, продолжался

непримиримый конфликт, в котором ни одна из сторон не хотела уступать.

Однако восемнадцатилетнего правления оказалось недостаточно, чтобы революционные изменения в культе смогли закрепиться. Зять Эхнатона, пришедший ему на смену, вернулся в Фивы и примирился с Амоном-Ра. Зятем и наследником Эхнатона, кстати, был фараон Тутанхамон, открытие гробницы которого наделало столько шума в египтологии. Это был молодой человек, далекий от интриг и притязаний на власть. По всей видимости, он был целиком в руках жрецов Амона. Он или умер молодым, или же его просто убрали.

Вышло так, что гробница Тутанхамона — едва ли не единственное погребение фараонов, которое впоследствии не было вскрыто и разграблено. Когда она была открыта и исследована учеными, имя Тутанхамона стало предметом сенсации, совершенно не соответствующей его прижизненному влиянию.

XVIII династия вскоре после смерти Тутанхамона сошла на нет, и новая, XIX династия, основанная Херемхебом, стала одной из самых великих и прославленных из всех династий Древнего Египта.

Представление о божественной природе царской власти на

протяжении всей истории Древнего Египта владело умами египтян и через их посредничество овладевало правителями других народов. Когда Александр Великий подошел с войском к Вавилону, культ Мардука уже мало кого вдохновлял. Однако в Египте Амон-Ра был еще вполне в силах произвести впечатление на завоевателя-грека. Жрецы Амона-Ра приблизительно во время XVIII или XIX династий (около 1400 г. до н. э.) устроили в одном из оазисов храм с оракулом. В нем была статуя божества, которая могла говорить, качать головой, принимать или отвергать свитки с прошениями.

Этот оракул по-прежнему

процветал и в 332 г. до н. э. Молодой повелитель мира, по преданию, также отправился к оракулу за прорицаниями. Он вошел в храм, и навстречу ему из полутьмы святилища двинулась статуя божества. Последовал впечатляющий обмен приветствиями. Оракул обратился к Александру с примерно следующими словами (пишет профессор Масперо):

«Приди, сын моих чресл, любящий меня так, что я дарую тебе милость Ра и милость Гора! Прими от меня силу и пусть твоя стопа попирает все страны и все народы!

И пусть рука твоя поразит всех врагов, и все народы соберутся под

руку твою!»

Вот так жрецы Египта победили своего победителя, и арийский правитель впервые стал богом.

Объем нашей книги не позволяет в подробностях рассмотреть противостояние царя и жреца в Китае. Это противостояние, конечно же, имело свои отличительные особенности подобно тому, как ситуация в Египте отличалась от вавилонской. В Китае мы также обнаруживаем, что правитель прикладывал усилия, чтобы разбить узы традиций, которые вели к разобщенности его народа.

Китайский император, «Сын

Неба», сам был верховным жрецом, его основной обязанностью было совершать жертвоприношения. В истории Китая были смутные времена, когда власть императора сводилась лишь к этим жертвоприношениям. И этот обычай сохранился до сравнительно недавнего времени. Буквально за несколько дней до падения императорской власти в Китае император перестал с пришествием весны собственноручно прокладывать первую борозду. Образованный класс в Китае также очень рано отделился от жреческого. Он превратился в бюрократический аппарат, который обслуживал

местных царей и правителей. В этом, пожалуй, и заключалось одно из основополагающих различий в истории Китая и любого западного государства.

В то время как Александр победоносным походом шел по Западной Азии, Китай при последних жрецах-императорах династии Чжоу погружался в пучину беспорядков и безвластия. Каждая из провинций не хотела отступать от своей самобытности, а гунны тем временем опустошали одно царство за другим. Правитель царства Цинь (живший восемьдесят лет спустя после Александра Великого), потрясенный уроном, который, по

его мнению, причиняло противоборство учений, приказал уничтожить все книги без разбора. А его сын Ши Хуанди, «первый единый император», приложил огромные усилия, чтобы уничтожить и китайскую классику. Правил он по своему усмотрению, не опираясь ни на какую традицию. И пока он правил, книги вроде бы исчезли. Ши Хуанди удалось сплотить свою державу, и это единство продержалось несколько столетий. Но после его смерти припрятанные книги стали потихоньку переходить из рук в руки.

Китай сохранил единство, но правили им не наследники

«Всеобщего императора». После гражданской войны пришла к власти новая династия, династия Хань (206 г. до н. э.). Первый правитель Хань отменил гонения на образованный класс, а его преемник помирился с учеными и повелел восстановить классические тексты.

Глава семнадцатая

Слуги и рабы.

Общественные классы и свободная личность

1. Простой человек в древности.

2. Ранние формы рабства.

3. Первые «независимые» люди.

4. Общественные классы три тысячи лет назад.

5. Классы и касты.

6. Кастовая система в

Индии.

**7. Мандарины —
особый класс в Китае.**

**8. Десять тысяч лет
цивилизации —
некоторые итоги.**

**9. Пластика и
изобразительное
искусство в Древнем
мире.**

**10. Литература, драма
и музыка в Древнем
мире**

В последних четырех главах мы

обрисовали, как из примитивного неолитического земледелия вырастали цивилизованные государства. Этот процесс начался около 15 000 лет назад в восточном Средиземноморье или в районах, прилегающих к нему. Поначалу было скорее собирательство, затем примитивная обработка земли, когда долгое время мотыга (а не плуг) была основным орудием в руках земледельца. И само это мотыжное земледелие было не более, чем подспорьем. Заботясь о пропитании, человек больше полагался на охоту и на разведение коров, овец и коз.

В общих чертах мы постарались представить длительный и сложный

процесс роста первых поселений в регионах, наиболее выгодных для земледелия, и то, как эти поселения со временем вырастали в многолюдные города, а затем — в города-государства.

В общинах, как мы описали, сельское святилище и сельский знахарь постепенно сменялись многочисленными жрецами городского храма. Мы отмечали также и то, что войны начинались как стычки между селениями, а затем уже стали более организованной борьбой божества и его царя-жреца из одного города со своими соперниками из другого.

Ход нашего повествования

становился все быстрее и динамичнее — от первых признаков возникновения шумерского государства в 5000–6000 гг. до н. э. и до впечатляющего роста могущественных царств, с дорогами и армиями, величественными стелами, письменными документами, образованным жречеством, царями и правителями.

На судьбе простого общинника все эти перемены, конечно же, не могли не сказаться, потому что менялся способ хозяйствования и сама жизнь на общинных землях. Однако по большей части роль простого человека в этих переменах была пассивной, если не

подчиненной.

Мнения и желания рядового общинника, трудившегося на земле, никто не спрашивал. Читать и писать было занятием не для него. Он продолжал возделывать свой клочок земли, любить жену и детей, бить собаку и давать корм скоту, жаловаться на трудные времена, бояться, чтоб на него не навели порчу колдуны и не разгневались боги. Если простому человеку и хотелось чего-то, так это чтобы все те, кто наверху, поменьше вспоминали о его существовании.

Такой была жизнь простого человека 10 000 лет до н. э., такой она была, не изменившись по

существо и по содержанию, во времена Александра Великого. И такой она продолжает оставаться на большей части света и в наши дни. Теперь простой человек работает с большим умением, пользуется лучшими орудиями, живет в более удобных жилищах, обменивает плоды своего труда на более организованных рынках. Но настоящая свобода и настоящее равенство ушли из жизни человека еще тогда, когда он перестал странствовать.

Человеку пришлось расстаться со своей свободой в обмен на безопасность, жилье и регулярное питание. Постепенно выяснилось,

что участок, который человек обрабатывал, уже не его собственный — он принадлежит богу. И человек отдавал часть своего урожая богу. Бог передал эту землю царю, и тот стал собирать с людей пошрины и налоги. Царь вручил землю своему чиновнику, который стал господином простого человека. Когда нужно было поработать непосредственно на бога или царя, или для знатного человека, тогда простому человеку приходилось оставлять свой участок и работать на господина.

Человеку никогда не было доподлинно известно, насколько тот участок земли, который он обрабатывал, находится в его

собственности. В Древней Ассирии земля принадлежала свободным земледельцам, но каждому из них приходилось платить за владение землей налог. В Вавилонии земля принадлежала богу, и он разрешал землепашцу работать на ней. В Египте владели землей и взимали налог за пользование ею храмы, боги-фараоны и местная знать.

Земледелец не был рабом, он считался свободным общинником, но был привязан к земле настолько, что ему некуда было идти и ничего больше не оставалось делать, как пахать эту землю.

Он жил в деревне или в городе и каждый день выходил работать на

свой участок. Впрочем, поначалу сама деревня представляла собой совместное хозяйство семейной группы, возглавляемой старейшиной-патриархом, а ранний город — группу таких хозяйств под руководством старейшин.

Процесс порабощения свободного общинника углублялся с развитием цивилизации. Власть и влияние старейшин и вождей росли, простой человек уже не поспевал за своими более важными сородичами. Постепенно его зависимость и подчиненное положение стали обычными и закрепились традицией.

В целом простые люди были не против жить в мире царей, господ,

богов и подчиняться их распоряжениям. Так было проще и спокойнее. Все животные, и человек не исключение, начинают жить, подчиняясь старшим. Большинство принимает условия, в которых им довелось родиться, как сами собой разумеющиеся.

Из древних египетских текстов видно, что уже до 2000 г. до н. э. существовало общественное недовольство, но оно носило наивный нереволюционный характер. Это были жалобы на то, что люди вероломны, а судьи несправедливы; что богачи своевольничают, облагают бедняков поборами и не помогают им.

Можно было обвинять богатых в том, что они мало платят и плохо кормят, заставляют работать в плохих условиях. Но ни у кого не возникало вопроса о самом праве фараона на власть или о справедливости положения богачей. Никто не бросал вызов социальному порядку. Жалобы так и не материализовались в активное противодействие.

Ранние войны не были продолжительными и не превращались в дальние походы. Воинство, нападавшее или отражавшее нападение соседей, состояло из самих общинников. Однако война принесла с собой новый источник обогащения (захват

добычи) и новый социальный фактор (появление пленных). В более ранние, кочевые времена пленнику сохраняли жизнь только для того, чтобы подвергнуть мучениям или принести в жертву божеству, даровавшему победу. Захваченные женщины и дети ассимилировались в племени. Рабы мало что могли делать в условиях кочевого существования. Но впоследствии многих пленников обращали в рабство, заметив их исключительные способности или необычные навыки. Поначалу таких рабов забирали себе цари и вожди. Очень быстро они поняли, что рабы — их собственность в гораздо большей

степени, чем крестьяне-земледельцы и простой люд их же племени. Рабу можно было приказать выполнять любую работу для своего хозяина, в отличие от квазисвободных общинников, которые неохотно оставляли свой собственный земельный участок. Рабов можно было сгонять туда, где требовались усилия множества человеческих рук, — в каменоломни или рудники.

С очень давних времен ремесленниками были в основном рабы. Производство тканей, ваз, изделий из разных металлов, которое полным ходом шло у Миноса в Кносском дворце (представлявшем собой цельный хозяйственный

комплекс), с самого начала было делом рук рабов. Можно также привести в пример вавилонские соглашения на обучение рабов ремеслам и последующую продажу продукции, произведенной рабами. Рабы производили и детей-рабов. Их общее количество увеличивалось, в том числе и за счет порабощения несостоятельных должников.

Вполне вероятно, что рост городского населения был напрямую связан с ростом численности рабов-ремесленников и рабов-слуг. При этом они не были совершенно бесправными рабами. В позднем Вавилоне их жизнь и имущество защищались специально

разработанными законами. И не все они были военнопленными. Родители могли продавать в рабство своих детей, братья продавали сирот-сестер. Свободные люди, у которых не было средств к существованию, могли даже себя продать в рабство. Рабство было неизбежной участью несостоятельного должника. Подмастерье, поступивший на выучку к ремесленнику, на этот срок становился рабом своего хозяина.

В общем процессе порабощения выделяется и обратный процесс — появление вольноотпущенников. Мужчины и женщины-вольноотпущенники трудились за плату и имели уже более

определенные личные права. В Вавилоне рабам не запрещалось иметь личное имущество, многие из них откладывали деньги на выкуп и покупали свою свободу. Вероятно, городской раб пользовался свободой практически в той же степени, что и свободный земледелец. И по мере роста сельского населения сыновья и дочери земледельцев вливались в ряды горожан-ремесленников, как рабов, так и свободных.

Вместе с усилением и усложнением централизованной власти увеличивалось и количество домашних хозяйств. Рядом с дворцом царя вырастали домашние хозяйства его министров и чиновников, к

стенам храма лепились хозяйства храмовых служителей.

Не трудно понять, что эти дома и земельные наделы все в большей степени становились собственностью тех, кто их занимал, и все в меньшей степени принадлежали их первоначальному владельцу — богу. На самых ранних стадиях развития и египетское, и китайское государства проходили через эту стадию, когда некоторые семьи, формально считаясь на службе у царя, были одновременно независимой местной знатью.

На более поздней стадии вавилонской цивилизации мы обнаруживаем, что существовал

умножающийся класс собственников, которые не являлись ни рабами, ни крестьянами, ни жрецами, ни чиновниками. Это были вдовы, потомки знати, разбогатевшие торговцы и т. п. Все эти люди ни у кого не состояли в прямом подчинении.

Торговцы зачастую были выходцами с чужих земель. В Вавилоне было множество торговцев-арамеев, которые владели крупными предприятиями с рабами, вольноотпущенниками и разного рода наемными работниками. В цивилизации, не знавшей бумаги, уже сама по себе бухгалтерия была серьезным предприятием.

Приходилось накапливать огромное количество глиняных табличек, которые хранились в просторных глиняных чанах.

К среде более или менее свободных и самостоятельных людей примыкали и разные мелкие торговцы, менялы, поставщики продовольствия, старавшиеся пристроиться к более состоятельным заказчикам.

Самой неприглядной чертой рабства всегда было массовое использование рабов на тяжелых физических работах. Возможно, это не так бросалось в глаза в древних городах, но, тем не менее, было в те времена явлением повсеместным.

Начнем с того, что сам царь был главным предпринимателем. Он строил каналы и занимался орошением земель (вспомним здесь о начинаниях Хаммурапи, упомянутых в предыдущей главе). Царь также разрабатывал рудники (уже фараоны первой династии осваивали месторождения меди и бирюзы на Синайском полуострове). По-видимому, царь (например, в Кноссе) организовывал производство товаров для торговли с иноземными державами. Для многих подобных целей труд рабов был более дешевым, а сами рабы были более управляемой силой, чем наемные рабочие из народа.

Начиная с самых древних времен пленников приковывали к веслам галер (хотя еще до Перикла (450 г. до н. э.) свободные афиняне также брались за это дело). И, конечно же, цари охотно использовали солдат-рабов в своих завоевательных походах. Можно было не бояться, что эти люди, оторванные от своих корней, захотят сбежать домой: им некуда было бежать. Фараоны также отлавливали чернокожих туземцев в Нубии, а затем готовили из них отряды для походов в Сирию.

Очень близки были к положению рабов варвары-наемники, которых цари привлекали

на службу не силой, а разрешением грабить во время войны и обещаниями кормить в мирные дни.

По мере развития древних цивилизаций подобные армии наемников все чаще приходили на смену народным ополчениям былых времен, а подневольный труд рабов становился все более важным и значимым фактором экономической системы.

Труд рабов, лишенных имущества и прав, использовался не только на строительстве каналов и крепостных стен, на рудниках и в армии, этот труд применяли и в земледелии. Знать и храмы тоже использовали рабский труд.

Свободным земледельцам, возделывавшим свои клочки земли, было не под силу конкурировать с армиями рабов, обрабатывавшими огромные поля. Вскоре свободный труд в производстве основных продуктов земледелия был почти полностью вытеснен трудом рабов.

Таким образом, несложная социальная структура ранних городов (которую мы рассматривали на примере первых городов-государств Шумера) со временем превратилась в многонациональные скопления людей, отличных по занятиям, образованию, происхождению, неодинаковых по степени богатства, свободы, власти и пользы для

общества. Именно такими скоплениями стали крупные города последнего тысячелетия до нашей эры. Самым примечательным во всем этом разнородном многолюдье было постепенное умножение числа тех, кого мы можем назвать свободными личностями. Это самостоятельные индивидуумы, которые не являлись ни жрецами, ни царями, ни чиновниками, ни слугами или рабами; которые в определенной степени были свободны от необходимости зарабатывать на жизнь и имели время на то, чтобы читать и интересоваться всем вокруг. Таких людей становилось все больше по мере того, как развивалась и

закреплялась частная собственность и жизнь в обществе становилась безопаснее. Развивались также способы накопления и оплаты. Торговые операции арамейев и других семитских народов привели к организации кредитной системы и способов сбережения накопленных средств (в более ранние времена почти единственным видом собственности было обладание землей или домами).

К числу свободных личностей принадлежал и Геродот, годы жизни которого приходятся на середину периода Персидского царства. Геродот был одним из первых авторов, чей подход к истории

отличался всесторонним исследовательским характером, в отличие от составителей храмовых и придворных хроник. Позднее мы неоднократно будем обращаться к цитатам из истории, которую написал Геродот.

Геродот родился около 484 г. до н. э. в Галикарнасе, малоазийском греческом городе, который признавал власть персов (Вавилония была завоевана персами под предводительством Кира в 539 г. до н. э.; владычество персов, пусть и непрочное, распространилось и на Египет), а подчинялся непосредственно единоличному правителю, или тирану.

Нет никаких свидетельств того, что Геродоту приходилось зарабатывать себе на жизнь или проводить большую часть времени, распоряжаясь имуществом. Нам неизвестны в деталях обстоятельства его жизни в Галикарнасе, однако ясно, что в греческом городе, под чужеземным правлением у Геродота была возможность приобретать, читать и изучать рукописи (почти все, что было написано на греческом языке до него).

Геродот начал свое путешествие с островов Греческого архипелага. При этом, как можно судить по его записям, он не был особо стеснен материально и в свободе

передвижений. Он задерживался там, где хотел задержаться, находя, по всей видимости, вполне пристойный прием. Затем он посетил Вавилонию и Сузы, новую столицу персов, возведенную восточнее течения Тигра. Далее его путь пролегал вдоль побережья Черного моря, где он собрал обширные сведения о скифах (арийском народе, который в те времена обосновался по всему югу России).

Далее Геродот посетил южную Италию, изучал древности Тира, палестинского побережья, побывал в Газе и на долгое время задержался в Египте. Путешествуя по Египту, он рассматривал старинные храмы и

монументы и записывал все, что мог узнать о них. Нам известно, и не только со слов Геродота, но и из других источников, что в те дни к древним храмам и пирамидам (которым уже тогда насчитывалось почти три тысячи лет) тянулись вереницы любопытных, стремившихся своими глазами увидеть эти памятники старины. Были даже особые жрецы-экскурсоводы, приставленные к этим «туристам». Те, кстати, не прочь были оставить и о себе память, нацарапав свои имена на древних стенах. Эти надписи сохранились до наших дней, многие из них переведены и опубликованы.

По мере того как накапливались знания и впечатления, Геродот проникался мыслью написать обширную историю попыток Персии покорить Грецию. Но вступлением к своей истории он сделал описание прошлого Греции, Персии, Ассирии, Вавилонии, Египта, Скифии, а также географии и народов этих стран.

Сначала Геродот решил привлечь внимание своих друзей в Галикарнасе к этой книге, зачитывая им отрывки, однако не добился признания. Тогда Геродот отправился в Афины, самый процветающий из всех греческих городов того времени. Там его труд был встречен с восторгом. Геродот оказался в центре

блестящего общества мыслящих и деятельных людей, а городские власти наградили его суммой в десять талантов в знак признания достоинств его книги.

Уже в V в. до н. э. становятся все более очевидными новые общественные отношения. Чтение и письмо вышли за пределы храмов, перестали быть уделом только придворных писцов. Письменная традиция уже больше не сосредоточивалась только в храме и царском дворце. Новые люди, не испытывавшие недостатка ни в средствах, ни в свободном времени, задавали вопросы, обменивались знаниями и впечатлениями и

формировали новые идеи и представления.

Так в мире, заполненном завоевательными походами и своевластием самодержцев, обыденной жизнью необразованных и нелюбознательных людей, мы замечаем появление той силы, которая стала доминирующей в наши дни — силы свободного разума человечества. К разговору об этом свободном разуме мы вернемся в следующей главе, когда речь пойдет о греческих городах-государствах Малой Азии и греческого архипелага.

В двух последних главах мы обсуждали длительный процесс становления вавилонской и

египетской цивилизаций, одной из составляющих которого был значительный рост населения. Составим теперь список основных элементов общественной системы, какой она была две с половиной — три тысячи лет назад. Цивилизация, в которой мы живем сегодня, просто продолжила и развила, усложнила и перестроила те общественные отношения. Наш мир мы получили в наследство от прошлых эпох. Только после тщательного изучения первичных общественных элементов ранних цивилизаций мы сможем стать выше узких представлений и предрассудков нашего собственного класса, понять социальные и

политические вопросы нашего времени.

1. Первым элементом идет жречество, храмовая система, которая являлась сердцевиной, разумом, направляющей роста примитивных цивилизаций. В более поздние времена жречество продолжало оставаться одной из самых влиятельных сил, но оно перестало быть всемогущим, поскольку по своей природе консервативно и негибко. Жречество перестало обладать монополией на знания и давать жизнь новым идеям. Знание, перестав быть привилегией узкого круга посвященных, стало инструментом свободной мысли

более широкого и менее контролируемого слоя населения. Вокруг храмовой системы группировались жрецы и жрицы, писцы, знахари, заклинатели, а также светские со братья жрецов (служители, казначеи, управляющие и т. п.) Храмы владели значительными средствами и зачастую накапливали огромные богатства.

2. Жречеству противостояла дворцовая система (первоначально выросшая из жречества). Ее возглавлял царь, или «царь царей», который был в поздней Ассирии и Вавилонии чем-то вроде военного предводителя и светского

управляющего, а в Египте — человеком-богом, освободившимся из-под контроля жрецов. Вокруг верховного правителя скапливались его писцы, советники, летописцы, посыльные, военачальники и стража. Многие из чиновников сами имели в подчинении значительный административный аппарат и постоянно стремились стать независимыми от верховного правителя.

3. В основе всей общественной пирамиды находился самый многочисленный и самый необходимый в обществе класс — земледельцы. Их статус варьировался от века к веку и в различных странах

был разным. Они были или свободными крестьянами, платившими налоги; или крепостными на земле, принадлежавшей богу; или крепостными, но уже арендаторами царя, знати или собственника земли, который взимал с них арендную плату. В большинстве случаев налогом или рентой служила часть урожая.

В государствах речных долин обрабатывались сравнительно небольшие наделы. В целях безопасности земледельцы жили совместно в поселках, вместе следили за состоянием оросительных каналов. Труд

земледельца суров, и у человека оставалось мало времени и сил для занятий чем-то еще. Ведь благоприятная погода для сева или жатвы не станет ждать. Детей также нужно было с самого раннего возраста приучать к посильному труду, поэтому класс земледельцев, как правило, всегда был плохо образован, пользовался отсталыми орудиями производства, был суеверным из-за незнания природных законов, влияющих на смену погоды. Невежественного земледельца легко было обмануть или подчинить своей воле. Временами этот класс был способен на значительное пассивное сопротивление, однако у него не

было других целей, кроме как сеять и жать, а получив урожай, выбиться из долгов и отложить немного на черный день. Таким этот класс остается и в наши дни на значительной территории Европы и Азии.

4. Существенно отличался от земледельцев по происхождению и способу существования класс ремесленников. Поначалу он, вероятно, состоял частично из городских рабов, частично из крестьян, которые стали зарабатывать себе на жизнь только одним ремеслом. Постепенно каждая из разновидностей ремесел обретала определенную независимость и дух

общности. Ремесленники могли собраться вместе и обсуждать свои дела быстрее, чем земледельцы. Они могли образовывать гильдии, чтобы предотвращать перепроизводство, поддерживать определенный Уровень оплаты за труд и защищать общие интересы.

5. По мере того как власть правителей Вавилонии выходила за пределы территорий, пригодных для земледелия, и распространялась на менее плодородные, но пригодные для пастбищ регионы, возникал класс скотоводов. В Вавилонии это были кочевники-семиты, бедуины (подобные нынешним бедуинам). Вероятно, они выпасали свои стада

на обширных пространствах. Оплата их труда была значительно выше, чем оплата труда земледельцев, и относились к ним с большим уважением.

6. Первыми в мире торговцами были или владельцы кораблей (подобно жителям Тира и Кносса), или кочевники, которые, странствуя, перевозили товары из одной области примитивной цивилизации в другую. В эпоху Ассирии и Вавилона торговцами были преимущественно семиты-арамеи, предки современных сирийцев. Торговцы оказывали заметное влияние на жизнь общества. Они образовывали свои собственные домашние хозяйства.

Ростовщичество быстро развивалось в последнем тысячелетии до нашей эры, хотя оно практиковалось даже во времена Шумера. Торговцам необходимо было размещать свои средства, земледельцам нужно было заблаговременно побеспокоиться о том, как сбыть урожай. В истории есть сведения о вавилонском банковском доме, который существовал на протяжении нескольких поколений и пережил Халдейское царство.

7. Класс мелких розничных торговцев, по всей видимости, возник по мере усложнения структуры общества в более поздние

дни первых империй. Но, вероятно, этот класс не занимал сколько-нибудь значительного положения в обществе.

8. Растущий класс независимых собственников.

9. По мере того как все более усложнялся повседневный быт человека, при храмах, дворцах и зажиточных хозяйствах появились домашние слуги (рабы или вольноотпущенники, или же молодые крестьяне, взятые на службу).

10. Рабы на массовых работах (пленники или люди, обращенные в рабство за долги, а также преступники или ссыльные).

11. Солдаты-наемники. В их числе часто также были пленники или насильно завербованные. Иногда их брали из числа дружественных соседних народов, не утративших воинственный дух.

12. Моряки.

«Люди труда» были представлены пятью разными классами, отличными по происхождению, традициям и образу жизни. А именно: классами 3, 4, 5, 9, 10 из нашего перечня, а также гребцами галер из класса 12. «Солидарность людей труда», как мы увидим, разбирая революции XIX века нашей эры и участие в них индустриальных рабочих, — это

новая идея и новые возможности в общественных отношениях.

Давайте, прежде чем мы завершим с формированием общественных классов в первых цивилизациях, немного поговорим о стабильности. Насколько эти классы были отличны один от другого и до какой степени они были способны взаимно смешиваться?

Что касается уже перечисленных классов (9, 10, 11, 12 — слуг, рабов и поденщиков, наемных солдат и — в меньшей степени — моряков, по крайней мере гребцов на галерах), то они поколение за поколением пополнялись пленниками, неудачниками из других классов, в

особенности из класса мелких торговцев, а также путем принуждения и насильственной вербовки из класса землевладельцев. В том, что касается моряков, нам следует различать простого гребца и мореплавателей — владельцев судов из таких портов, как Тир и Сидон. Судовладельцы, несомненно, постепенно переходили в торговый класс, а матросы-мореплаватели, должно быть, образовывали своеобразную общность в крупных портовых городах, обживаясь там и передавая секреты морского дела своим сыновьям.

Положение	класса	8
(независимые	собственники),	

несомненно, было непрочным. Он постоянно то увеличивался за счет наследников и иждивенцев состоятельных и знатных людей, их вдов и членов семей; то сокращался с их смертью и распылением их собственности. Жрецов и жриц также (во всяком случае в регионах, расположенных на запад от Индии) нельзя было считать репродуктивным классом. Многие жрецы давали обет безбрачия. К репродуктивным слоям общества не относились и слуги. Они жили в имениях других людей, у них не было ни собственного хозяйства, ни собственных больших семей. Таким образом, у нас остаются следующие, действительно

жизнеспособные классы древнего цивилизованного общества:

а) правящий и аристократический класс (чиновники, военачальники и т. д.);

б) торговый класс;

в) городские ремесленники;

г) земледельцы;

д) скотоводы.

Каждый из этих классов по-своему воспитывал детей и, вполне естественно, сохранял свое отличие от других. Общее образование в древних государствах не было организовано. Как правило, образование занимались внутри крупных домашних хозяйств.

Сыновья шли по стопам своих

отцов и женились на женщинах, привычных к ведению хозяйства их собственного типа. Впрочем, не исключены были случаи, когда заключались браки с представителями другого класса или осуществлялись переходы из одного класса в другой. Бедные аристократы могли жениться на богатых наследницах торговых классов. Предприимчивые скотоводы, ремесленники или моряки могли стать богатыми торговцами. Ранее считалось, что в Египте существовали жесткие границы между классами. Но, по всей видимости, это все же ошибочное мнение, поводом для которого

послужило неправильное прочтение Геродота. Единственным исключительным классом в Египте, представители которого вступали в браки только внутри своего класса, была полубожественная семья фараона.

Общей тенденцией среди арийских народов было отличать благородные семьи (патрициев) от простолюдинов (плебеев). Эта традиция не исчезла даже в демократической Америке. Германия, самая систематичная из европейских стран, в средние века создала очень ясную концепцию нерушимости подобных различий. Ниже князей (которые сами по себе

составляли исключительный класс и заключали браки только в своей среде) на социальной лестнице располагались:

а) рыцари (военная и правящая каста со своими геральдическими гербами);

б) бюргеры (торговцы, моряки, ремесленники);

в) бауэры (крепостные крестьяне-земледельцы).

Теперь, если мы обратимся на восток, к Индии, мы обнаружим значительные и очень любопытные отличия. Первое — это установление жестких границ между классами, подобных которым мы не встречаем больше ни в одной части света.

Жесткое разделение классов известно европейцам как кастовая система (от португальского «каста», индийцы называют это деление «варна» — цвет).

Происхождение этого социального института доподлинно неизвестно, однако он успел прочно укорениться в долине Ганга еще до времени Александра Великого. Это сложное «горизонтальное» деление общественной структуры на классы-касты, члены которых не могут ни жениться, ни даже есть с членами низших каст под страхом оказаться в числе изгоев, а также «потерять касту» из-за небрежного отношения к церемониям. Потеряв касту,

человек не опускается на более низкую ступень — он становится изгоем.

Различные внутренние деления в середине каст очень сложны, многие из них представляют собой объединения по роду занятий. Каждая каста имеет свою жесткую организацию, которая следит за порядком, присматривает за своими бедняками, распределяет помощь внутри касты, защищает общие интересы своих членов, а также следит, чтобы пришельцы из других регионов не оказались самозванцами.

Изначально первые касты складывались из четырех основных

групп:

— брахманы (жрецы и учителя);

— кшатрии (воины);

— вайшии (скотоводы,

ростовщики, торговцы и
земледельцы);

— шудры.

И вне каст — изгои,

«неприкасаемые».

Но это первичное деление за
долгие века усложнилось
дальнейшим дроблением на
множество мелких каст, все из них
самодостаточные, их члены
придерживались своего
определенного образа жизни. В
Бенгалии кшатрии и вайшии по
большей части исчезли. Однако это

слишком запутанный вопрос, чтобы здесь детально с ним разбираться.

Сразу же нужно отметить, что в этом чрезвычайно сложном и многослойном социальном организме брахманы (жрецы и учителя) индийского социума, в отличие от западных жреческих каст, являлись классом замкнутым. Брахманы не привлекали в свою среду выходцев из других социальных слоев, дети брахманов обучались у своих отцов, чтобы впоследствии самим занять их места.

Некоторые исследователи предполагают, что первые три из четырех первичных каст, известные как «дваждырожденные», были

потомками ведийских ариев — завоевателей Индии, которые раз и навсегда установили такие размежевания, чтобы предотвратить межрасовое смешивание. Предполагается, что шудры — это представители предыдущей волны завоевателей с севера, а изгои — это исконное дравидское население Индии. Однако эти предположения поддерживаются не всеми учеными. Вполне возможно, что общие условия жизни в долине Ганга на протяжении многих столетий способствовали закреплению различий между классами индийского общества.

Какими бы ни были истоки кастовой системы, ясно одно — ее

влияние на сознание индийцев огромно. В VI в. до н. э. Гаутама, великий основатель буддизма, провозгласил: «Как четыре потока, что впадают в Ганг, теряют свои имена, только лишь их воды смешиваются с водами священной реки, так и все те, кто верят в Будду, перестают быть брахманами, кшатриями, вайшиями и шудрами».

На несколько столетий учение Будды стало преобладающим в Индии. Оно распространилось также в Китае, Тибете, Японии, Бирме, на Цейлоне, в Туркестане, Манчжурии. В настоящее время значительная часть человечества исповедует эту религию. Однако в Индии буддизм не

прижился и оказался в конце концов вытеснен из жизни индийского общества жизнестойкостью и упорством брахманов.

Китайская цивилизация в еще большей степени, чем индийская, была приспособлена к существованию в условиях мира и воину была отведена весьма незначительная роль.

Как и в индийской цивилизации, ведущим классом являлся ученый класс, однако с менее выраженными, чем у брахманов, жреческими чертами и более определенными чиновничьими. Но, в отличие от брахманов, мандарины (которые представляли образованный слой

Китай) — это не каста.

Мандарином становились не по рождению, а по образованию. К обучению и экзаменам мандарины привлекались из всех классов общества, и сын мандарина не имел узаконенного права наследовать общественное положение своего отца. И если индийские брахманы зачастую не знали даже содержания своих священных книг, были безвольны и неэнергичны (но полны претенциозной самонадеянности), то китайские мандарины отличались энергией, происходящей от напряженной умственной работы. Но, поскольку образование мандаринов было почти

исключительно сведено к зубрежке классической китайской литературы, их влияние в обществе было консервативно.

Еще до дней Александра Великого китайское общество сформировалось и стало на путь, по которому оно продолжало идти и в XX веке. Завоеватели и династии сменяли друг друга, однако образ жизни китайской цивилизации оставался неизменным.

Традиционная китайская общественная система после жреца-императора признавала четыре основных общественных класса:

а) образованный класс, который частично соответствовал

чиновникам западного мира, а частично учителям и священнослужителям Индии (во времена Конфуция китайское образование включало верховую езду и стрельбу из лука, изучение обрядов и музыки, а история и математика дополняли «шесть совершенств»;

б) земледельцы;

в) ремесленники;

г) торговцы.

Впрочем, с самых ранних времен в китайской традиции закрепился обычай распределять земельный надел одного хозяина между всеми его сыновьями. Поэтому в китайской истории никогда не было класса крупных

землевладельцев, сдававших землю арендаторам, как в большинстве других стран. Земля в Китае всегда была поделена на небольшие хозяйства, принадлежавшие в основном свободным крестьянам и интенсивно обрабатываемые. В Китае были землевладельцы, имевшие одну или несколько ферм, сдаваемых арендаторам, но не было обширных поместий.

Когда земельный надел после многократного дробления становился слишком мелким, чтобы прокормить человека, землю продавали кому-то из более зажиточных соседей, а ее прежний владелец отправлялся в один из крупных китайских городов,

чтобы там пополнить армию поденщиков.

В Китае на протяжении многих столетий в городах скапливались массы людей, не обладавших почти никакой собственностью. Эти люди, не крепостные и не рабы, были вынуждены браться за любую подвернувшуюся работу. Именно из таких масс набирались солдаты в армии китайских правителей, а также рабочие на строительство каналов, крепостных стен и т. п. Пленники и рабы в истории Китая, по сравнению с любым западным государством, играли намного меньшую роль.

И в Индии, и в Китае, и в

западных странах образованный класс на ранних стадиях цивилизации (до того, как царь или широкие слои общества начали самостоятельно читать и как следствие самостоятельно делать выводы) пользовался властью. В Индии брахманы сохранили свое влияние и по сей день. В Китае класс мандаринов до последних дней Империи находился на привилегированном положении (вспомним о сложности иероглифического письма). В западном мире (очень разнородном, с разнообразной и насыщенной событиями историей) развитие особых ученых элементов общества

задержалось и, по всей видимости, никогда уже не приведет к образованию наследственного класса. На Западе, как мы уже отмечали, грамотность очень рано «просочилась» за пределы какого-либо особенного класса. Ей удалось избежать ограничений каст, клерикализма, условностей и стать составной частью повседневной жизни общества. Чтение и письмо упростились до того уровня, когда из них уже невозможно было сделать тайну или культ.

На протяжении 10–12 тысяч лет (иначе говоря, где-то между 300–400 поколениями) человек превращался в многочисленное общественное существо. За этот период произошел переход от неолита (когда одетая в шкуры семья убирала каменными серпами и хранила в своих глинобитных хижинах дикорастущие злаки) ко времени (IV век до нашей эры), когда появились возделываемые поля (по всему побережью Средиземного моря, по течению Нила, по всей Азии до Индии, по обширным орошаемым землям Китая), построились оживленные города, возвелись величественные храмы.

Торговые пути уже связывали один город с другими. Галеры и парусные лодки входили в заполненные гавани и покидали их, осторожно пробираясь от одного берега к другому, от материка к острову, стараясь не удаляться от побережья. Финикийцы — капитаны египетских кораблей — проникли в Ост-Индию и, возможно, еще дальше, к Тихому океану.

В Южной Африке на рисунках бушменов можно различить изображения белых людей с прическами, которые одно время носили в Ассирии. Такие прически были известны и в Северной Европе, но не среди коренного африканского

населения.

Через пустыни Африки и Аравии, через Туркестан пролегали караванные пути, соединявшие одну отдаленную часть света с другой. Шелк уже поступал из Китая, слоновая кость из Центральной Африки, а олово из Британии в центры нового способа жизни. В Дамаске уже производили дамаст — камчатную ткань и дамасскую сталь. Люди научились изготавливать тонкие ткани из разноцветной окрашенной шерсти, научились отбеливать их и красить. Кроме меди, бронзы, серебра, золота, у них уже было и железо.

Это было время исключительно

изящных гончарных и фарфоровых изделий. Наверное, не было такого драгоценного камня, которого в те времена не умели бы добывать, шлифовать и полировать. Люди научились читать и писать, изменять течение рек, возводить пирамиды и строить каменные стены в тысячу миль длиной.

Десять тысяч лет (или около того), которые понадобились на все это, могут показаться огромным сроком в сравнении с несколькими десятками лет жизни одного человека. Однако даже этот промежуток в тысячи лет не сопоставим с протяженностью геологических эпох. Если отмерить

время вспять от городов времен Александра Великого до дней первых каменных орудий, грубо оббитых галек-эолитов плейстоценовой эпохи, то получим отрезок времени в сотню раз больший.

Можно нарисовать тысячи сцен повседневной жизни той эпохи: вот уличный торговец разворачивает яркие одежды из Вавилона перед глазами богатой знатной госпожи; вот живописная толпа стекается к пилонам храма на празднество в Фивах. Или такая сцена: возбужденные черноглазые критяне, совсем как современные испанцы, наблюдают за боем быков, а на матадорах, как и в наши дни, узкие

короткие штаны и широкие тугие пояса.

Может быть мы увидим, как дети старательно пишут клинописью на глиняных табличках (в Ниппуре найдено множество подобных школьных табличек), или как женщина, больной муж которой остался дома, проскальзывает в один из величественных карфагенских храмов, чтобы просить богов о его выздоровлении. А может, это будет дикий, одетый в шкуры грек, застывший в изумлении на иллирийском берегу, впервые увидев многовесельную критскую галеру. А та, как огромная сороконожка, ползет по аметистовой глади

Адриатического моря. Сжимая в руках свой бронзовый топор, грек поспешит к соплеменникам, чтобы рассказать им об увиденном чудище.

Из миллионов подобных стежков соткано полотно истории. Но, пока нам не попадется какой-нибудь важный шов или рубец, мы не можем задерживаться и рассматривать каждый из этих стежков.

Условия существования, которые предлагала человеку цивилизация, означали также (для счастливого меньшинства, конечно) высвобождение значительных сил и свободного времени. Освобожденная энергия постепенно направлялась на

продолжение «детских игр» во взрослом возрасте и на сознательный поиск удовольствий. Человек уже не был полностью поглощен только поиском еды и пристанища. Он стал замечать прекрасное вокруг себя. Даже неандерталец не был до конца животным. Он собирал раковины, необычные камушки и тому подобные вещи и носил их, видимо, ради удовольствия и красоты.

В позднем палеолите, как мы уже отметили, у человека открываются значительные способности к рисованию и резьбе. Несомненно, рисункам придавалось магическое значение (это было неизбежно). Все мы неисправимы в

том, что приписываем вещам свойство влиять на человека. До сего дня люди склонны верить, что драгоценности и украшения приносят удачу или, наоборот, несчастье. А палеолитический человек даже не сомневался, что его рисунки станут притягивать удачу во время охоты. Однако пропорции некоторых его статуэток носят определенно гротескный характер. Исследователи особо отмечают тот факт, что значительная часть палеолитических рисунков, дошедших до наших дней, выполнена в темных и труднодоступных пещерах. Но, может быть, это лишь малая часть тех орнаментов,

которыми ранний человек покрывал деревья и камни. За считанные годы все, что не было надежно укрыто, могло быть разрушено непогодой.

Человек позднего палеолита рисовал и, как подтверждают его рисунки, танцевал. А танцы, вполне возможно, сопровождались ритмичными криками и боем барабанов.

Впрочем, строго утилитарный характер пока еще имели хижины, строения и укрытия человека эпохи раннего неолита. Лишь на заре цивилизации, в результате значительного роста населения, хижина вождя и святилище перестали быть просто укрытиями от

непогоды. Человек, где-то в глубине души, начинал ощущать, что строению также может быть присуще достоинство и тайна, оно может впечатлять своим величием и красотой (зародилось первое сознательное стремление к занятиям архитектурой).

Вероятно, самыми значительными строениями, на которые хватало сил и способностей у человека в каменном веке, были могильники-курганы, где предавали земле тела знатных людей того времени. Всегда в этих курганах находилась погребальная камера, выложенная большими обтесанными камнями, а затем кирпичом-сырцом

снаружи, или обмазанная глиной. Египетские пирамиды, эти огромные нагромождения каменных глыб, по сути своей — тоже громадные могильные холмы из камня. Силлберри Хилл в Англии — это тоже пирамида, только земляная. Эти сооружения очень тщательно ориентированы по сторонам света. В случае египетских пирамид можно говорить и об определенных технических навыках строителей, и о немыслимом физическом усилии, но едва ли можно назвать архитектурой эти нагромождения земли или камня.

Взаимное влияние архитекторов Месопотамии и долины Нила было минимальным или вообще

отсутствовало. В любом случае в своих первых попытках придать строению определенные архитектурные формы они исходили из особенностей своего строительного материала — кирпича-сырца и тёса.

Шумеры, впрочем, всегда испытывали недостаток в строительном камне. У египтян, напротив, было много разного камня, который легко было добывать и доставлять к Нилу.

Кирпич-сырец, как правило, сжимается в кладке, следовательно, для большей устойчивости стены следовало делать с расширением у основания, поэтому шумерские и

египетские дома отличались наклонной внешней стеной, которая придавала им особый отпечаток несокрушимости и устойчивости. Внутренние проходы были узкими (умение ставить крышу освоено было еще недостаточно). В Шумере важные строения постепенно стали возводить в форме «зиккурата», которая стала характерной для этой местности. Зиккурат — это ступенчатое многоэтажное здание, каждый этаж которого был уже предыдущего и оборудован террасой и ступенями наверх. Мягкий кирпич выкладывался в обрамлении более твердого обожженного кирпича, зачастую с изразцами. Остатки

подобных сооружений, которые открываются теперь во время раскопок, — не более чем основания первоначальных зданий, возвышавшихся подчас на семь — восемь этажей.

Колонны очень редко использовались в ранней месопотамской архитектуре. Для них не было подходящего материала. Арочное перекрытие также не было известно. Строители, как правило, клали очередной ряд кирпичей на массивных стенах чуть дальше внутрь, чем на предыдущем ряду. Впрочем, шумерские здания в Уре и Кише отличаются массивными кирпичными колоннами.

Декоративный эффект достигался с помощью подпорок и кирпичных панелей. Лепка и терракота также играли важную роль в отделочных работах. Для тех же целей привозили и камень в обтесанных глыбах.

Только в архитектуре Ассирии, местности каменистой, мы обнаруживаем, что дома щедро отделявались резным камнем. Только тогда, когда устанавливается постоянное сообщение с Египтом (во II тысячелетии до н. э.) каменные колонны появляются в междуречье Тигра и Евфрата.

В архитектуре Египта никогда не было многоярусных зданий, подобных зиккуратам. За

исключением пирамид, обелисков и пилонов, египетская архитектура более тяготела к приземистым и широким зданиям. Камень поначалу использовали как эквивалент дереву (каменным перекрытиям и балкам даже придавали форму деревянных). Деревянные подпорки впоследствии уступили место закругленным каменным колоннам, на которых затем появились живописные или рельефные изображения людей и животных. Один из ранних храмов — храм Сфинкса. Ровесник пирамид, расположенный неподалеку от них, он в основном вырублен в природной скале. В нем нет колонн. Колонны и колоннады

появляются

приблизительно ко времени XII династии.

Расцвет египетского стиля архитектуры наступил во времена XVIII династии. Именно в этот период появилось множество обширных храмовых комплексов в Фивах. XIX династия также была династией великих строителей.

Скульптура и живопись в обоих центрах цивилизации поначалу были только дополнением, призванным оттенить мастерство зодчего. Скульптура начиналась с рельефов и резных пилонов. Рисунками заполняли пустое пространство на стенах. Сухому египетскому климату мы обязаны сохранностью

значительных площадей
замечательных рисунков; на них
отражены тысячи деталей
повседневной жизни египтян.
Благодаря уцелевшим до наших дней
рисункам нам становится понятным
многое из того, чем жили, о чем
думали и во что верили эти люди.
Находки, сделанные в Ассирии и
Вавилоне, значительно уступают
египетским в этом отношении.

Эгейская архитектура имеет
свое особенное качественное
отличие. Однако она по духу гораздо
ближе египетской, чем вавилонской.
Рано стали использоваться колонны,
а планировка зданий отличалась
своеобразной

«лабиринтоподобностью», делающей их совершенно не похожими на египетские или вавилонские строения. Фрески и мозаики, созданные эгейскими художниками, имеют свой неповторимый характер и выполнены с высоким мастерством.

Одновременно с созданием произведений архитектуры, живописи и скульптуры все цивилизации в огромных количествах производили предметы роскоши: изделия из золота и других металлов, ограненные драгоценные камни, маленькие статуэтки и разнообразные украшения и игрушки; а также стулья, кровати,

троны и другую изысканную мебель. Резьба по дереву и слоновой кости отличалась неповторимой красотой.

Жители Крита особенно преуспели в изготовлении прекрасных украшений из золота, а также в изготовлении ваз. Критскими вазами торговали по всему древнему Востоку.

10

Художественная литература и музыка в древних цивилизациях, видимо, не получили высокого развития. Сочинительство, правда, всегда жило в человеческом

обществе с тех пор, как человек научился говорить. Самые важные элементы прозы — чувство фразы, сюжет, детальная характеристика персонажей — все это можно встретить уже там, где соберутся две-три женщины какой угодно расы.

Рассказчик всегда стремится усилить впечатление от своих слов выразительными жестами, разыгрывая перед слушателями маленькие сценки (исключение — разве что самые суровые и сдержанные народы). С самых ранних времен в передаче воспоминаний о великих событиях человек не мог обойтись без помощи повествовательной пляски, в которой

нераздельно переплетались речь и пение, мимика и пантомима, ритмические движения и инструментальное сопровождение.

Все это уже присутствовало в жизни человека до эпохи цивилизации. И знакомые формы рассказа, описания и несложных, непритязательных танцев, несомненно, были живы в простонародье древних цивилизаций даже после того, как эпизодические празднования каких-либо памятных событий были вознесены до уровня храмовых церемониалов. Несмотря на то что жрецы взяли различные циклы легенд (к примеру, историю о Сотворении мира) и развили многие

из примитивных сюжетов до уровня сложных мифологических комплексов, языковая сторона ритуальных действий не претерпела значительных улучшений. Зрелище — вот что было и оставалось самым значительным. Но ни в Египте, ни в Вавилонии драма как таковая не получила сколько-нибудь серьезного развития. Крестьяне, вероятно, устраивали свои деревенские представления, но дальше этого дело не пошло.

Возможные достижения в области драмы эгейских народов остаются все еще недостаточно изученными. Вероятно, эгейцы тоже не писали пьес. Их интересовали

более жестокие, напряженные зрелища. Бой быков был их привычным развлечением.

Этруски так же, как и доевропейские цивилизации Америки, развлекались, проливая кровь рабов и заставляя пленников, чтобы сохранить себе жизнь, убивать друг друга на радость зрителям.

Автору не удалось отыскать никаких свидетельств о существовании профессиональных сказителей или о певцах-бардах. Если не существовало профессиональных хранителей народной памяти, тогда, вплоть до развития письменности, не могло быть и развития литературы. Кто-то

мог испытать художественное озарение, однако не было средств сохранить и развить его. Самые ранние египетские записи — это заклинания или медицинские рецепты, нравственные поучения и иногда скупые хроники.

Вполне возможно, что и египтяне, и шумеры до такой степени серьезно относились к жизни, что по прошествии детских лет редко позволяли себе удивляться чудесам или мечтать о приключениях. Это был серьезный, практичный народ. Даже к смерти египтяне относились поразительно прагматично. Они тщательно и с удобствами обставляли свои посмертные жилища. Самое

замечательное из египетских творений — «Книга Мертвых» (рассказ о странствии отделившейся от тела души к Осирису) — это простая, без всяких литературных украшений история, скорее нравоучительная, чем фантастическая.

Иудеям еще только предстояло создать свою книгу, первую из книг, изменившую человечество, — Библию. В ней слились воедино, о чем мы будем говорить позже, многие разрозненные прежде элементы старого семитского мира. Арии также в своей лесной прародине слагали предания и гимны, в устной традиции, по

памяти передавая все то, о чем пели их сказители.

Во всем древнем мире музыка так и не смогла выделиться в особый вид искусства. Ей приходилось довольствоваться ролью сопровождения к пению или танцу. Древняя музыка обладала ритмом, мелодией, но у нее не было гармонии. Ее выкрикивали, выстукивали, трубили, стараясь более-менее попасть в унисон. Женщины и юноши пели на октаву выше, чем мужчины, помогая себе притопом, прихлопом, ритмом примитивных ударных инструментов.

Это справедливо также и в отношении еврейской и греческой

музыки, вплоть до начала христианской эры. Музыка арабов до сих пор ничего не знает о гармонии. Такая музыка состоит из ритмических каденций с довольно монотонной мелодией. Голоса, струнные инструменты, кимвалы звучат в унисон с непрерывной вибрацией тамбуринов.

Вероятно, все это — в совершенстве сохранившееся до наших дней подобие музыки Египта и Вавилона, что в точности подтверждают изображения игры на музыкальных инструментах древних цивилизаций. Во множестве разновидностей показаны ударные, а также тамбурин или тимпан. Без

кимвал (их мы видим на ассирийских барельефах) и звона египетского систра не обходилось в те времена ни одно музыкальное исполнение. Вместе с ними звучали флейты, двойные флейты, флажолеты и губные гармоники. Использовались также рожки, металлические трубы и прямые трубы, которые «трубным гласом» отмечали самые патетические места.

И, наконец, поговорим о выросших из неолитического лука разнообразных струнных инструментах: лире, арфе, лютне. На струнных инструментах музыкант играл пальцами или смычком. Звук струн на лютне усиливался

резонированием полого корпуса, по форме напоминающего тыкву. Такая же форма корпуса у современной мандолины. Банджо, этот примитивный вульгарный малыш, тоже потомок лютни. Арфа, пожалуй, была самым крупным и самым совершенным из всех музыкальных инструментов древности.

Так же, как литература древности не могла полностью раскрыть свои возможности из-за несовершенства письменности, так и развитие музыки сдерживалось отсутствием удобного и практичного нотного письма. Слух и воображение у музыкантов древности были ничуть

не хуже, чем у современных. Однако их мастерство, их достижения, уходя вместе с ними, не могли послужить отправной точкой для преемников.

Книга четвертая

Иудея, Греция,

Индия

Глава восемнадцатая

Священное писание и пророки иудеев

1. Место израильтян в истории.

2. Саул, Давид и Соломон.

3. Иудеи — народ смешанных корней.

4. Значение еврейских пророков

Давайте теперь перейдем к

израильтянам и поговорим об их роли в истории человечества, а также о собрании древних текстов общемирового значения, известного всем христианским народам как Ветхий Завет. Эти древние документы — самые яркие и значимые свидетельства того, как новая вера начала овладевать умами и сердцами людей во времена, когда Египет и Ассирия пытались подчинить себе их жизнь.

Все книги, которые составляют Ветхий Завет, несомненно, уже существовали, причем в значительной степени в их нынешнем виде, самое позднее — к 100 г. до н. э. Большинство из них

стали признаваться священными, вероятно, ко времени Александра Великого (IV в. до н. э.).

Это была священная литература одного народа, евреев, которые, за исключением немногих бедняков, были насильно переселены из своей страны в Вавилонию в 586 г. до н. э. царем Навуходоносором II, представителем халдейской династии. Затем они вернулись в свой город Иерусалим и восстановили свой храм. Это стало возможным благодаря содействию Кира, персидского завоевателя, который, как мы уже отмечали, в 539 г. сверг Набонида, последнего из халдейских правителей Вавилона.

Вавилонское пленение евреев длилось около пятидесяти лет, и многие исследователи единогласно признают, что этот период отмечен значительным смешением — и культурным, и этническим — евреев и народов, населяющих Вавилонию.

Весьма своеобразно местоположение Иудеи и ее столицы — Иерусалима. Эта страна представляет собой узкую полосу земли, протянувшуюся между Средиземноморским побережьем на западе и Аравийской пустыней за Иорданом — на востоке. Через эту землю пролегал кратчайший путь из Хеттского царства, Сирии, Ассирии, Вавилонии, расположенных на

севере, в Египет — на юге.

Как следствие Иудее была уготована бурная история. Она стала ареной борьбы за доминирование на Ближнем Востоке между Египтом и одной из тех держав, что брала верх на севере.

Этой стране не доставало ни территории, ни плодородных земель, ни полезных ископаемых, чтобы быть самостоятельной силой. Поэтому история ее народа, которую сохранили древние хроники, проходит комментарием к более значительной истории двух систем цивилизации на севере и на юге, а также народов моря на западе.

Ветхозаветные тексты состоят

из нескольких различных составляющих. Пятикнижие, первые пять книг Библии, уже с ранних времен пользовалось особым почитанием. Оно начинается как некая всеобщая история, повествующая о двух великих Творениях — мира и человека, — о начальных временах человеческого рода и о Великом потопе, который, за исключением нескольких избранных, уничтожил все человечество.

История о Потопе очень широко распространена в древней традиции. Вполне возможно, что основой для нее послужило сохранившееся в памяти людей затопление Средиземноморской долины в

неолитическую эпоху или же какая-то другая значительная катастрофа в Черноморском или Каспийском регионе.

Во время раскопок были найдены и вавилонские версии обоих этих преданий — о сотворении мира и о Потопе. Они относятся к более ранней эпохе, чем возвращение евреев на родину, и исследователи Библии склонны полагать, что евреи заимствовали их во время своего пленения. Им посвящены первые десять глав книги Бытия.

Затем следует история отцов и основателей еврейской нации — Авраама, Исаака и Иакова. Они предстают в образе патриархальных

вождей — скотоводов, кочующих на землях между Вавилоном и Египтом. Современный библейский текст, как считают исследователи, сведен воедино из нескольких прежде существовавших вариантов. Но какими бы ни были его истоки, история о праотцах в том виде, в каком мы ее знаем, исполнена живости и правдоподобия.

Палестина в те дни называлась Ханааном. Она была населена семитским народом — хананеями, близкими родственниками финикийцев, основателей Тира и Сидона, и амореев, которые в начале второго тысячелетия до нашей эры завоевали Двуречье и основали

Первое Вавилонское царство. В те дни, когда стада Авраамовы вступили на эти земли, хананеи уже были оседлым народом. Бог Авраама, читаем мы в Библии, обещал Аврааму и его детям эту благодатную землю, с ее богатыми и процветающими городами. Из книги Бытия читатель узнает, что бездетный до того. Авраам усомнился в обещании, но у него все же родились сыновья — Измаил и Исаак. В Бытии также повествуется о жизни Исаака и Иакова (его потом нарекли Израилем) и о наступлении великого голода, из-за которого евреи бежали в Египет. На этом Бытие, первая из книг Пятикнижия,

заканчивается. Следующая книга, Исход, посвящена фигуре Моисея.

История о том, как дети Израиля осели и были обращены в рабство в Египте, на деле выглядит не так однозначно. В египетских летописях мы находим упоминание о том, что некие семитские народы обосновались в земле Гошен при фараоне Рамзесе II (1317–1251 гг. до н. э.). Утверждается, что они прибыли в Египет, гонимые голодом.

Но о жизни и карьере Моисея в египетских хрониках нет ни слова. Не говорится также и о том, чтобы в Египте была чума или что кто-то из фараонов утонул в Красном море.

История Моисея, несомненно,

не обошлась без домыслов и различных истолкований, напоминающих фольклорные. Один из наиболее ярких примеров — эпизод, когда мать прячет Моисея в плетеной корзине. Сравним его с древней шумерской легендой.

Жизнеописание шумерского правителя Саргона I (конец III тыс. до н. э.) гласит:

«Я — Саргон, могущественный царь, царь Аккада. Моя мать была бедной, отца я не знал. Брат моего отца жил в горах... Моя мать, потому, что была бедной, родила меня втайне. Она положила меня в корзину из тростника, запечатала ее битумом. Она пустила меня по водам

реки, которые не поглотили меня. Река унесла меня и принесла к Акки-оросителю. Акки-ороситель принял меня в доброте своего сердца. Акки-ороситель взрастил меня. Акки-ороситель сделал меня садовником. Моя служба садовником была угодна Иштар, и я стал царем».

Сходство поразительное. Но на этом вопросы не заканчиваются. На глиняной табличке, отправленной египетским наместником одного из ханаанских городов фараону Аменхотепу IV (он принадлежал к XVIII династии, более ранней, чем XIX династия Рамзеса II), помимо прочего названо и племя евреев и сообщается, что они вторглись в

Ханаан. Если евреи завоевали Ханаан во времена XVIII династии, то как же тогда могли иметь место египетский плен и рабство при Рамзесе II?

Впрочем, это вполне объяснимо. В тексте Исхода, написанном гораздо позже тех событий, о которых в нем повествуется, исторические факты могли быть сжаты и упрощены и, вероятно, одному человеку-символу были приписаны деяния, которые на самом деле составляли продолжительную и совсем не однозначную последовательность племенных вторжений. Одно еврейское племя могло прийти в Египет и там попасть в рабство, в то

время как другие атаковали окраинные ханаанские города. Вполне возможно, что даже сама страна пленения — не Египет (по-еврейски Мицраим), но Мишрим на севере Аравии, на другой стороне Красного моря.

Две других книги Пятикнижия — Левит и Второзаконие — посвящены Закону и предписаниям для жрецов. Книга Чисел продолжает повествование о странствиях потомков Израиля в пустыне и их вторжении в Ханаан.

Какими бы ни были действительные обстоятельства вторжения евреев в Ханаан, несомненно, что эта земля

значительно изменилась со времен легендарного обещания («обетования») Аврааму, сделанному несколькими веками ранее. Тогда эти земли были, по всей видимости, преимущественно семитскими по населению, с многочисленными городами, процветавшими на оживленных торговых путях. Однако нашествия иноземцев волна за волной накатывались на этот берег.

Мы уже говорили о том, как смуглокожие средиземноморские народы Италии и Греции, создавшие эгейскую цивилизацию, кульминацией которой был Кносс, оказались под натиском арийских племен, продвигавшихся на юг.

Кносс, как уже говорилось, был захвачен в XV–XIV вв. до н. э. и затем полностью разрушен около 1000 г. до н. э.

Теперь мы знаем, что жители этих эгейских городов пересекали море в поисках более безопасного пристанища. Они вторглись в дельту Нила и на африканское побережье Египта, образовали союзы с хеттами и другими арийскими или арианизированными народами.

Это происходило уже после времени Рамзеса II, при правлении Рамзеса III (XI в. до н. э.). На египетских памятниках запечатлены масштабные морские сражения, а также поход этих племен по

палестинскому побережью на Египет. Они пользовались воловьими упряжками, характерными для арийских народов, и действовали в союзе с кем-то из ранних арийских завоевателей.

Военные конфликты, происходившие между XIII и X вв. до н. э., нуждаются в более последовательном и доскональном рассмотрении. Из библейского изложения очевидно, что евреи, во время своего медленного покорения земли обетованной под началом Иисуса Навина, столкнулись с этим новым народом — филистимлянами. Те осели вдоль побережья, основав множество городов, из которых

главными были Газа, Геф, Ашдод (Азот), Ашкелон (Аскалон) и Экрон.

Филистимляне, как и евреи, были пришельцами — в основном, вероятно, критянами, переселившимися из-за моря. Еврейское вторжение таким образом, начавшееся с нападения на хананеев, быстро переросло в длительную и не очень успешную войну за эту землю с куда более внушительными силами пришельцев-филистимлян.

Нельзя сказать, чтобы земля обетованная когда-либо была полностью в руках евреев. Вслед за Пятикнижием в Библии идут книги Иисуса Навина, Судей, Руфи, I–IV книги Царств и Хроники

(Паралипоменон), которые в другом изложении повторяют значительную часть содержания книг Царств. Описание событий становится все более правдоподобным по мере того, как речь идет о более поздней истории. В этих книгах мы видим, что филистимляне уверенно удерживают плодородные земли на юге, а хананеи и финикийцы противостоят израильтянам на севере.

Первые триумфальные победы Иисуса Навина больше не повторяются. Книга Судей — это унылое перечисление неудач и поражений. Израильтяне пали духом. Они оставили поклонение своему

единому богу Яхве и стали поклоняться Ваалу и Астарте (Белу и Иштар). Они стали смешиваться с филистимлянами, хеттами и другими народами, превратившись в этнически неоднородную нацию — какими они были и во все последующие времена.

Под предводительством нескольких мудрецов и вождей они продолжали в целом безуспешную и никогда по-настоящему не сплоченную войну против своих противников. Их завоевывали последовательно моавитяне, хананеи, мадианитяне и филистимляне. История этих конфликтов, история Гедеоны,

Самсона и других героев — луч надежды среди непрерывных бедствий Израиля — рассказывается в Книге Судей.

Из Первой книги Царств мы узнаем, как филистимляне наголову разгромили евреев.

Это было поистине сокрушительное поражение, стоившее израильтянам жизни 30 000 (!) человек. Они уже потеряли до этого четыре тысячи в стычке с филистимлянами, после чего решили принести в свой стан самую великую святыню, Ковчег Завета Господня.

Но само расположение этой земли препятствовало тому, чтобы евреи могли на ней обосноваться. Их первый царь Саул оказался не более успешным, чем судьи. Длительным интригам авантюриста Давида против Саула посвящена оставшаяся часть Первой книги Царств. Гибель Саула знаменовала собой поражение войска евреев в сражении на горе Гелвуде. Оно оказалось бессильным перед ловкостью филистимских лучников.

«На другой день филистимляне пришли грабить убитых и нашли Саула и трех сыновей его, павших на горе Гелвудской.

И отсекли ему голову, и сняли с

него оружие, и послали по всей земле Филистимской, чтобы возвестить о сем в капищах идолов своих и народу.

И положили оружие его в капище Астарты, а тело его повесили на стене Беф-Сана» (1 Цар., 31: 8–10).

Давид (около 1000 г. до н. э.) проявил больше политической смекалки и был более успешен, чем его предшественник. Видимо, ему удалось заручиться покровительством Хирама, царя Тира. Этот союз с финикийцами оказался весьма на руку Давиду и был основой величия его сына Соломона. История Соломона, с ее

постоянными убийствами и казнями, походит скорее на историю вождя племени дикарей, чем цивилизованного монарха. Она очень красочно описана во Второй книге Царств.

С правления царя Соломона (около 950 г. до н. э.) начинается Третья книга Царств. Для исследователя-историка самым любопытным здесь представляется отношение Соломона к национальной религии и жречеству, в частности, к первосвященнику Садоку и пророку Нафану.

Начало царствования Соломона стало таким же кровавым, как и царствование его отца. Писание

передает нам предсмертные слова Давида — распоряжение об убийстве Семея. Последнее слово, произнесенное Давидом, — «кровь». «Низвести седину его в крови в преисподнюю» (3 Цар., 2:9), — требует он от своего сына. Давид поклялся Семею Господом, что «не умертвит его мечом», пока жив. Однако Соломону, говорит он, ничто не мешает поквитаться с тем, кто злословил Давида «тяжкими злословиями».

Соломон вслед за тем убивает и своего старшего брата, претендовавшего на трон, но затем отступившего и подчинившегося младшему брату, после чего легко

разделяется со сторонниками брата. До какой степени религия мало значила в этой этнической и общественной неразберихе, переживаемой еврейским народом, видно по той легкости, с которой Соломон замещает враждебного ему первосвященника своим сторонником Садоком. Еще более поразительно убийство Иоава Вениамитянина, который до того был главным исполнителем кровавых приказаний Соломона. Иоава не спасло и то, что он укрылся в скинии и даже держался за рога жертвенника Яхве.

Далее Соломон берется переделывать религию своего народа.

В этом он также был не одинок, если судить по другим правителям того времени. Он укрепляет союз с Хирамом, царем Тира, который использует царство Соломона как перевалочный пункт на торговом пути к Красному морю. В результате этого партнерства невиданные до того богатства скапливаются в Иерусалиме.

В Израиле начинает появляться массовый труд рабов. Соломон отправляет своих людей заготавливать кедр в Ливане для союзника Хирама и обеспечивает доставку кедра по своей земле к портам на Красном море, где финикийцы держали свои корабли.

Далее Соломон приступает к строительству дворца для себя и храма — поскромнее размерами — для Яхве. До этих пор ковчег Завета, божественный символ древних евреев, пребывал в просторном шатре — скинии, которую переносили с одной возвышенности на другую; жертвоприношения Богу Израиля отправляли на различных возвышенных местах.

Теперь же ковчег переносят в святая святых каменного, обшитого по стенам кедровыми досками, сияющего золотым убранством храма.

Ковчег поместили между двумя крылатыми фигурами из

позолоченного оливкового дерева, и жертвоприношения должны были совершаться с тех пор только на алтаре перед ковчегом.

Эта централизация культа не может не напомнить читателю о новациях Эхнатона и Набонида. Успех подобным начинаниям сопутствует только тогда, когда преемственность в жреческой среде, ее престиж и ученость опускаются до очень низкого уровня.

«И установил он, по распоряжению Давида, отца своего, череды священников по службе их, и левитов по стражам их, чтобы они славословили и служили при священниках по уставу каждого дня,

и привратников по чередам их, к каждым воротам; потому что таково было завещание Давида, человека Божия.

И не отступали от повелений царя о священниках и левитах ни в чем, ни в отношении сокровищ» (2 Цар., 8: 14–15).

Однако ни то, что сам Соломон установил на новой основе поклонение Яхве в Иерусалиме, ни то, что его Бог в начале царствования Соломона являлся и беседовал с ним, не помешало своего рода теологическим заигрываниям с другими божествами в его преклонные годы.

Соломон охотно брал в жены

женщин из самых разных регионов Ближнего Востока и был не против того, чтобы вместе со своими многочисленными женами участвовать в ритуалах их родных божеств — от сидонской богини Астарты (Иштар) до Хамоса, божества моавитян. Молоха и др. Страницы Библии, посвященные Соломону, наделе показывают нам царя непостоянного и ничуть не более религиозного, чем какой-либо другой, а народ — таким же суеверным, пребывающим в таком же смятении, как и соседние народы.

Одно из довольно любопытных мест в истории Соломона, поскольку оно красноречиво свидетельствует о

том, как в этот момент обстояли дела в Египте, — это женитьба Соломона на дочери фараона. По-видимому, это был один из фараонов XXI династии. В дни величия Египта, при фараоне Аменхотепе III, как свидетельствуют письма из Тель-эль-Амарны, фараон мог снизойти до того, чтобы принять в свой гарем вавилонскую принцессу. Но отдать замуж за вавилонского правителя столь божественное создание, как египетская царица, — это было совершенно немыслимо. Тот факт, что тремя столетиями позже такой мелкий царек, как Соломон, считался равным фараону и взял в жены его дочь, указывает на значительное падение престижа

Египта.

Впрочем, уже при следующей XXII династии Египет вступил в пору своего возрождения. И фараон Шешонк (библ. Сусахим), основатель этой династии, воспользовался расколом Израиля и Иудеи, намечавшимся уже при правлении Давида и Соломона. Новый храм и дворец Соломона недолго удивляли людей своими красотами. Шешонк захватил Иерусалим и вывез эти богатства в Египет.

Шешонку, по-видимому, удалось также подчинить своей власти филистимлян. Замечено, что, начиная с этого периода, роль филистимлян становится все менее

значительной. Они уже успели утратить свой критский язык и переняли язык семитов, которых покорили. Несмотря на то что их города сохранили определенную степень независимости, филистимляне постепенно влились в общую семитскую жизнь Палестины.

Совершенно очевидно, что первоначальное повествование о правлении Соломона резкое, но убедительное, с его многочисленными убийствами, связью с Хирамом, строительством храма и дворца, с его сумасбродствами, которые ослабили, а затем и раскололи царство, подверглось многочисленным

переделкам и интерполяциям поздних авторов. Их целью было всячески преувеличить его богатства и возвеличить мудрость.

Здесь не место для обстоятельного разбора библейского текста, тем более, что очевидна правдивость и подлинность основной канвы повествования о Давиде и Соломоне. Его автор что-то поясняет и что-то оправдывает, но никогда не перетолковывает фактов, даже самых резких и неприятных. Так может писать только очевидец и современник, или почти современник событий, уверенный, что их все равно не удастся скрыть. Но вдруг в повествование врываются

откровенно льстивые пассажи — там, где оригинальный текст подвергался позднейшей переделке.

Иногда просто поражает, как способность убеждать, присущая письменному слову, овладевает умами людей и народов. Это лишний раз подтверждается на примере библейского повествования о Соломоне. Не только христиане, но и весь мусульманский мир полагает, что Соломон был одним из величайших и одним из мудрейших людей на свете. Однако из Третьей книги Царств можно в деталях узнать, какими именно были, к примеру, те великолепные строения, которые были созданы в расцвет

царствования Соломона. В сравнении с масштабами и красотой строений, связанных с именами таких великих правителей, как Тутмос III, Рамзес II и еще полдюжины других фараонов, или Саргон II, Сарданапал и Навуходоносор II, все эти постройки покажутся просто заурядными.

Храм Соломона во внутренних замерах был двадцати локтей шириной, около 12 метров, и длиной в шестьдесят локтей — скажем, в 35 метров. Величина локтя разнится, по самым крайним меркам, на 44 дюйма. В таком случае, по максимуму, строение будет примерно до 24 метров шириной и 70 метров

длиной — это размеры небольшого современного поместья.

Что же касается мудрости Соломона и его державного ума, то достаточно одной Библии, чтобы увидеть, что Соломон был лишь подручным в далеко идущих планах Хирама, а его царство — пешкой в политической игре Финикии и Египта. Своим положением Соломон в значительной степени был обязан временному ослаблению Египта, которое подстегнуло амбиции финикийского правителя, и потребности последнего приблизить к себе того, кто держал в руках ключи от альтернативного торгового пути на Восток.

В глазах собственного народа Соломон был расточительным и жестоким правителем. И еще до его смерти неизбежный раскол его царства был очевиден для всех.

С правлением царя Соломона заканчивается и короткий период славы в истории евреев. Северная, более богатая часть его державы, которая столь долгое время своими налогами поддерживала блеск царствования Соломона, отделяется, чтобы стать независимым Израильским царством. Этот раскол обрывает установившуюся связь между Тиром, Сидоном и Красным морем, благодаря чему стали возможными богатства Соломона:

они тоже остались в прошлом. Теперь Иерусалим — столица только племени иудеев, столица земли, все богатства которой — голые холмы, земли, отрезанной филистимскими городами от моря и окруженной врагами.

Войны, религиозные конфликты, братоубийственные раздоры и узурпация царского престола продолжают еще три столетия. Это откровенно варварская история. Израиль воюет с Иудеей и соседними державами, вступает в союзы то с одними, то с другими из них. Зловещей звездой поднимается над израильским небосклоном могущество арамейской Сирии. А за

ней — еще более мощное, не знающее преград на своем пути, последнее Ассирийское царство.

Целых три века жизнь евреев напоминала жизнь человека, который решил обустроиться посреди оживленного шоссе: после каждого очередного столкновения ему приходится заново отстраивать свое жилище.

«Фул, царь Ассирийский» (по всей видимости, та же личность, что и Тиглатпаласар III), по библейскому преданию, был первым ассирийским царем, с которым довелось иметь дело евреям. Израильский царь Менаим откупился от него в 738 г. до н. э. тысячей талантов серебра

(талант — мера веса, равная 26,2 кг). После этого агрессия Ассирии направляется в сторону дряхлеющего, клонящегося к упадку Египта, — и линия атаки пролегает через Иудею. Тиглатпаласар возвращается, и вслед за ним идет Салманасар. Царь Израиля заводит интриги, пытаясь заручиться поддержкой Египта, этой «трости сломленной». Но безуспешно, и в 721 г. до н. э... как мы уже говорили, его царство было завоевано и исчезло с исторической арены. Подобная участь грозит и Иудее.

Однако ей удастся уцелеть на какое-то время. Мы уже упоминали о том, как эпидемия поразила армию ассирийского царя Синаххериба во

время правления Езекии, и о том, как Синаххериба убили его сыновья (4 Цар., 19:37). Последующее покорение Египта Ассирией не находит упоминания в Священном Писании, но очевидно, что еще до правления Синаххериба царь Езекия поддерживал дипломатическую переписку с Вавилоном (около 700 г. до н. э.), восставшим против ассирийского правителя Саргона II.

Далее следовало завоевание Египта Асархаддоном, а затем какое-то время Ассирия была поглощена своими собственными неурядицами. Скифы, мидяне и персы напирали на ее северные границы, никак не удавалось усмирить Вавилон. Как мы

уже говорили, Египет, на время избавившись от ассирийского гнета, при фараоне Псамметихе, а затем при Нехо II вступил в стадию возрождения.

И снова маленькая страна, оказавшаяся между молотом и наковальней, ошиблась в выборе союзников. Иосия выступил против Нехо II и был убит в сражении при Мегиддо (608 г. до н. э.). Следующий иудейский царь был вынужден платить дань Египту. Затем, когда Нехо, добравшийся до Евфрата, погиб от руки Навуходоносора II, пала и Иудея (605 г. до н. э.). Навуходоносор, сменив трех марионеточных царей, угнал большую часть народа в

вавилонский плен (586 г. до н. э.). Оставшиеся иудеи, после неудачного восстания, сопровождавшегося резней вавилонских чиновников, были вынуждены спасаться от гнева Халдеи в Египте.

«И все сосуды дома Божия, большие и малые, и сокровища дома Господня, и сокровища царя и князей его — все принес он в Вавилон.

И сожгли дом Божий, и разрушили стену Иерусалима; и все чертоги его сожгли огнем, и все драгоценности его истребили.

И переселил он оставшихся от меча в Вавилон; и были они рабами его и сыновей его, до воцарения царя Персидского» (2 Цар., 36:18–20).

Так завершились четыре столетия еврейского государства. От начала и до конца этого периода оно выступало в эпизодической роли в более продолжительной и значимой истории Египта, Ассирии и Финикии. Но его существование принесло плоды, этические и интеллектуальные, которым суждено было вскоре обрести первостепенную значимость для всего человечества.

3

Те евреи, которые после промежутка более чем в два

поколения вернулись в Иерусалим из Вавилонии, были уже совсем другим народом, не похожим на раздираемый противоречиями народ, поклонявшийся и Ваалу, и Яхве, приносивший жертвы на возвышенностях и в Иерусалиме. Из Библии со всей очевидностью следует, что евреи ушли в Вавилон варварами, а вернулись цивилизованным народом. Они ушли в Вавилон разъединенным скопищем людей, не осознающим себя народом, а вернулись с мощным национальным духом, полные чувством своей исключительности. Они ушли людьми по сути не имеющими никакой литературы —

еще за сорок лет до пленения при царе Иосии, как написано о нем, жрец «нашел книгу закона» в храме (4 Цар., 22: 8–13). Кроме того, мы нигде в этих текстах не находим и намека на чтение книг. Но когда евреи вернулись, у них уже была готова большая часть материала для Ветхого Завета. Совершенно очевидно, что за время пленения, избавившись от своих вечно враждующих, жестоких царей, отдалившись от политики, в интеллектуально благоприятной вавилонской среде еврейское сознание сделало огромный шаг вперед.

Для Вавилонии это была эпоха

учености, эпоха напряженных исторических поисков. Вавилонское влияние, под воздействием которого ассирийский царь Сарданапал собрал в Ниневии огромную библиотеку древних текстов, на протяжении веков не становилось слабее. Мы уже говорили о том, как Набонид так увлекся историческими изысканиями, что пренебрег защитой своего царства от Кира.

Все, таким образом, способствовало тому, чтобы изгнанники-евреи приступили к изучению собственной истории. Их вдохновляло к этому и слово пророка Иезекииля. Из забытых и спрятанных хроник, которые были унесены с

собой, из родословных Царей, жизнеописаний Давида и Соломона, составленных современниками, жизнеописаний других их царей, из легенд и преданий они создали свою историю, чтобы рассказать ее Вавилону и самим себе. История Сотворения мира и Потопа, значительная часть повествования о Самсоне были, вероятно, заимствованы из вавилонских источников. Одна версия истории Сотворения мира и одна об Эдеме, хотя и вавилонские по происхождению, очевидно, были известны евреям еще до изгнания. Позднее, когда евреи вернулись в Иерусалим, только Пятикнижие было

сведено воедино; другим историческим книгам еще предстояло дополнить общий свод.

Эта часть их литературы в течение нескольких столетий сберегалась в виде отдельных книг, к которым относились со значительным почтением. Некоторые из них — это сочинения, явно принадлежащие эпохе после пленения.

Вся эта литература пронизана несколькими направляющими идеями. Первая из этих идей — которая на деле опровергается, как мы видели, подробностями самих этих книг — состоит в том, что весь еврейский народ — единокровные

дети Авраама. Вторая идея — об обетовании, сделанном Яхве Аврааму о том, что он возвысит еврейский народ над остальными народами. И третья — это вера: поначалу в то, что Яхве был самым великим и сильнейшим из всех богов еврейских племен, затем что он — бог над богами и, наконец, что он — единственный истинный бог. Евреи в итоге уверовали в то, что они — избранный народ единого Бога для всей земли.

И совершенно естественно из этих трех идей возникает четвертая — о грядущем вожде, избавителе, Мессии, который осуществит долго откладывавшееся обетование Яхве.

Сплочение евреев в один народ, спаянный единой традицией, за «семьдесят лет» — это первое проявление новой силы, силы письменного слова, которая в дальнейшем все чаще будет оказывать влияние на общество. Эта духовная спайка не просто объединила людей, вернувшихся в Иерусалим. Представление о своей принадлежности к избранному народу, которому предуготовано возвыситься над другими народами, оказалось очень привлекательным. Этим сознанием прониклись и те евреи, которые решили остаться в Вавилонии, и евреи, обосновавшиеся в Египте.

Эти идеи также вдохновили многих вавилонян и представителей других народностей объявить Авраама своим отцом и влиться в ряды возвращающихся евреев. Книга пророка Неемии полна скорби, вызванной этим покушением на привилегии избранных. Евреи уже были народом, рассеянным по разным городам и землям, когда их умы и надежды объединились осознанием своей избранности.

Поначалу эта идея исключительности призвана была лишь сохранять нерушимость доктрины и неукоснительное соблюдение культа и избежать впредь тех плачевных оплошностей, какие

случались при царе Соломоне. Для искренних прозелитов любой народности иудаизм еще долго держал двери открытыми.

Для финикийцев после падения Тира и Карфагена переход в иудаизм, должно быть, оказался делом простым и привлекательным. Вдобавок их язык был родственным еврейскому. Вполне возможно, что значительное большинство испанских и африканских евреев на самом деле — финикийцы по происхождению. Среди обращенных в иудаизм было и много арабов. В южной России, как мы увидим позже, были даже иудеи-монголоиды.

Исторические книги, от Бытия до Неемии, которые позднее были переработаны в духе идеи об обетовании избранному народу, несомненно, являются опорой иудейской духовной общности. Но ими не исчерпывается та еврейская литература, из которой в итоге была составлена Библия. Об одной из таких книг, книге Иова, говорят, что она написана в подражание греческим трагедиям. Песнь Песней, Псалтырь, Притчи — мы не сможем рассказать обо всех этих книгах в наших кратких «Очерках». Однако некоторые из неупомянутых нами

библейских книг — известные как Пророки — все же требуют отдельного рассмотрения. Эти книги — одни из самых ранних и, несомненно, самых лучших свидетельств того, как новые устремления овладевают человечеством.

Пророки — не новый класс в обществе. Их происхождение самое различное: Иезекииль был выходцем из жреческой касты и сохранил симпатии к священничеству, а Амос был простым пастухом. Но всех их объединяет то, что они привнесли некую религиозную силу, неподконтрольную формальным ритуалам жречества и храма.

Ранние пророки более всего похожи на тех же ранних жрецов. Это оракулы, они дают советы и предсказывают события. Вполне возможно, что поначалу в те дни, когда религиозные представления не были устоявшимися, не было и значительного различия между жрецом и пророком.

Их прорицания сопровождались пляской, наверное, той же природы, что и пляска дервишей. Как правило, они выделялись одеянием из грубых козьих шкур, придерживались древней кочевой традиции в противовес «новым веяниям» оседлой жизни. Но после возведения храма и организации жреческой

службы тот тип религиозного откровения, который представляли собой пророки, остался за пределами формального религиозного устройства и выше этих пределов. Пророки, по всей видимости, всегда вызывали неудовольствие жрецов. Пророки становились неформальными советниками царей в политических вопросах, они обличали грех и чуждые ритуалы, их «самопровозглашенная» роль в обществе не нуждалась ни в чьей санкции, кроме внутреннего озарения. «И было слово Господне ко мне...» — с этого начинали свою речь пророки.

В последние, самые бурные дни

Иудейского царства, когда Египет, Северная Аравия, Ассирия, а затем Вавилония, словно тиски, сомкнулись вокруг этой земли, пророки приобрели исключительное влияние и авторитет. Они взывали к испуганным, растерянными умам; и поначалу в их речах содержался главным образом призыв покаяться, свергнуть то или иное капище «на возвышенном месте», восстановить служение Яхве в Иерусалиме.

Однако в некоторых пророчествах начинает появляться новое звучание, которое мы бы назвали теперь «общественно-реформаторским». Бедные вынуждены трудиться «в поте лица

своего», а богатые тем временем отбирают последний кусок хлеба у ребенка. Знать подражает роскоши и порокам чужеземцев, выжимая последние соки из простого народа. Все это ненавистно Яхве, и он, конечно же, пошлет наказание этой земле.

Но более широкое мировоззрение, усвоенное в Вавилонском пленении, изменяет и тональность пророчеств. Ревнивая мелочность, которая искажала представление о Боге в ранние племенные времена, уступает место представлениям о Боге как источнике всеобщей справедливости. Несомненно, слову пророков усердно

внимал не только еврейский народ. Весь семитский мир в те дни жил подобными представлениями и пророчествами. Крушение великих царств и народов, образование огромных, но непостоянных держав, деградация культов и верований, их соперничество и взаимная вражда — глядя на все это, человек не мог не прийти к более широкому и свободному пониманию религии. Храмам удалось скопить значительные запасы культовых сосудов из золота, но они утратили власть над воображением людей.

Теперь сложно сказать, когда именно среди всех этих непрерывных войн жизнь человека стала более

нестабильной и более несчастной, чем когда-либо прежде, но нет сомнений, что люди хорошо понимали, насколько неприглядно и небезопасно их положение. Жертвоприношения, ритуалы, формальное поклонение в храмах уже не приносили ни облегчения, ни утешения.

Именно в таком мире поздние пророки Израиля начали говорить о Едином Боге и об Обетовании, о том, что однажды на земле воцарятся мир, единство и счастье. Этот великий Бог, которого тогда начали узнавать люди, жил в храме «нерукотворном, вечном на небесах». Несомненно, подобными представлениями и

настроениями наполнились Египет, Вавилония и весь семитский Восток. И из этих книг Библии мы узнаем, как и что говорили пророки того времени.

Нам уже приходилось обращать внимание на то, как письменность и знание постепенно преодолели узкие рамки храмовых притворов, той скорлупы, в которой они зародились и долго вынашивались. В качестве характерного примера того, что можно назвать свободным разумом человечества, мы говорили о Геродоте. Здесь мы имеем дело с подобным случаем, когда нравственные представления ширились в сознании общественных

масс. Еврейские пророки, неудержимое распространение их представлений о Боге по всему свету — это важная стадия развития свободного сознания человечества.

Начиная с этого времени, мысль человека постоянно будет обращаться, поначалу неосознанно и слабо, а затем все увереннее к идее единого правления на всей земле, возможности активного мира и счастья в отношениях между людьми. Иудейская религия из храмовой религии старого типа во многом превратилась в пророческую, творческую религию нового типа. Каждого пророка сменял его преемник и духовный наследник.

Впоследствии, как нам предстоит увидеть, родился пророк невиданной силы, Иисус, последователи которого основали мировую религию — христианство. Еще позже Мухаммед, еще один пророк, живший в Аравии, станет основателем ислама. Несмотря на значительные отличия, оба эти Учителя приходят как наследники еврейских пророков.

В задачи историка не входит разбирать положительные и отрицательные стороны религии, но он не может не отметить появление значимых и конструктивных идей. Две тысячи четыреста лет назад — и спустя шесть тысяч лет после того,

как выросли стены первого шумерского города — этот мир открыл для себя перспективу всеобщего единения и справедливости.

Глава девятнадцатая

Арийские народы в доисторические времена

**1. Распространение
арийских народов.**

**2. Как жили арии на
своей прародине.**

3. Семья у ариев

1

Мы уже говорили, что вероятная родина арийского языка — южная Россия и дунайский регион, откуда и началось его распространение. Мы

говорим «вероятная», поскольку точных доказательств, что именно это и была родина ариев, у нас в настоящее время нет. Самые разные предположения и доводы высказывались в этой связи, поэтому мы приводим лишь то мнение, которое можно считать преобладающим.

В своей основе это был язык группы народов, относившихся к северной (нордической) ветви европеоидной расы. Арийский язык в результате своего широкого распространения разделился на несколько производных языков.

На западе и на юге ему пришлось столкнуться с баскским

языком, преобладавшим в Испании, и другими средиземноморскими языками. До того как арии двинулись на запад Европы из своих первоначальных земель, иберы заселяли территории Великобритании, Ирландии, Франции, Испании, Северной Африки, Южной Италии. На более высокой ступени цивилизации находились средиземноморские народы Греции и Малой Азии. Их ближайшими родственниками можно считать древних египтян.

Если судить по останкам, обнаруженным в погребениях на территории Европы, это был низкорослый тип людей, как

правило, с овальным лицом и удлинённой головой. Они хоронили своих вождей и знать в мегалитических камерах, сложенных из массивных каменных валунов, и сверху насыпали высокие земляные курганы. Эти насыпи, которые в длину обычно значительно больше, чем в ширину, называют ещё «длинными могилами». Иногда этим людям случалось укрываться в пещерах, и там они тоже хоронили своих умерших. Если судить по находкам обожженных, разбитых и раздробленных человеческих костей, следует предположить, что они были каннибалами.

Низкорослые смуглокожие

иберы (а также и баски, если они были отдельным народом) были отброшены на запад, завоеваны и поработаны арийскими племенами, в случае Западной Европы — кельтами. Волна за волной они продвигались на запад и на юг из Центральной Европы. Только баскам удалось отстоять свой родной язык среди всеобщего доминирования арийской речи.

Постепенно кельты вышли и к Атлантическому океану, и все, что осталось от иберского населения Западной Европы, теперь превратилось в неоднородный конгломерат кельто-иберийских племен. До настоящего времени

открытым остается вопрос, до какой степени кельтское вторжение отразилось на населении Ирландии. На этом острове кельты могли представлять собой касту завоевателей, навязавшую свой язык покоренному большинству местного населения. То же самое может быть справедливо и в отношении Испании. Встречаются низкорослые темноволосые валлийцы и ирландцы, в которых определенно заметны иберийские черты. Современные португальцы также имеют значительную часть иберийской крови.

О языке этих кельтских племен иногда говорят, что он сочетал

словарный запас арийского языка с иберской грамматикой. Кельтский язык в свою очередь разделился на галльский, валлийский, бретонский, ирландский, гэльский язык Шотландии и другие наречия.

В то время как кельты продвигались на запад, другие арийские племена потеснили смуглокожие средиземноморские народы на Балканах и Апеннинском полуострове, образовав латинскую и греческую группы языков. Еще одни арийские племена заселили Балтийское побережье и Скандинавию. Они говорили на разновидностях арийского языка, которые впоследствии стали

древнескандинавским — предком шведского, датского, норвежского и исландского языков, а также готским — предком верхне- и нижненемецкого.

Одновременно с разделением изначального арийского языка на дочерние языки, которое происходило на западе, он распространялся и дробился на востоке. На север от Карпат и Черного моря арийские племена говорили на праславянском диалекте, из которого произошли русский, сербский, польский, чешский и другие языки.

Другие же арийские языки, получившие распространение в

Малой Азии и Персии, также приобрели свои отличительные черты, среди этих языков — армянский и индоиранский.

В этой книге мы называем всю эту языковую семью арийской, хотя иногда еще ее называют индоевропейской, а термин «арийские языки» употребляют в более узком значении — для индоиранской языковой семьи. Индоиранский язык в свою очередь разделился на несколько языков, в том числе на персидский и санскрит.

На санскрите говорили некоторые арийские племена, которые во II тысячелетии до н. э. вторглись в Индию и завоевали

темнокожие дравидские народы, которым тогда принадлежали эти земли.

Из тех мест, где они первоначально кочевали, другие арийские племена распространились к северу и к югу от Черного моря. По мере того как уровень Черного и Каспийского морей понижался, для них открылись также и пространства прикаспийских степей на севере и востоке.

Очевидно, именно в этом регионе впервые была одомашнена лошадь. В Европе и Азии найдены ископаемые останки трех-четырех подвидов лошадей, но именно в условиях степей и полупустынь люди

научились использовать лошадей не только в пищу.

Все народы, обитавшие в российских и азиатских степях, как правило, не задерживались на одном месте. Их перемещения были обусловлены сезонными миграциями в поисках пастбищ. Вдоль северного побережья Черного моря и, возможно, на север от Каспия, от земель, занимаемых тевтонскими племенами центральной и северной Европы до иранских народов, ставших позднее мидянами, персами и арийскими индийцами, — на всех этих землях кочевало целое множество самых разных арийских племен. Назовем из них лишь

киммерийцев, сарматов и скифов, которые вместе с мидянами и персами к 1000 г. до н. э. начали вмешиваться в дела Ассирийского царства.

На восток и юг от Черного моря, между Дунаем, с одной стороны, и мидянами — с другой, и севернее семитских и средиземноморских народов, двигалась еще одна группа арийских племен. Они оставили по себе память не большую, чем кочевники прикаспийских степей, к великому огорчению историков. Перемещаясь с места на место, они вступали в контакт и смешивались с другими народами. По всей видимости, эти же племена

разгромили хеттскую цивилизацию, доарийскую по своему происхождению.

Как же выглядела жизнь этих доисторических ариев, прямых предков большинства современных европейцев, большинства американских колонистов-европейцев, а также персов и индусов из высших каст?

Ответить на этот вопрос нам помогут не только материалы раскопок и памятники, сохранившиеся с древних времен. Мы можем также обратиться к самим ариям, вернее, к их языку. Всестороннее исследование арийских языков позволит нам

сделать ряд выводов о том, что представляли собой эти народы четыре-пять тысяч лет назад.

Все эти языки схожи друг с другом. В каждом из них, как мы уже говорили, многие слова имеют общие корни. Когда мы обнаруживаем корневое слово, общее для многих или всех этих языков, то мы вполне можем предположить, что предмет или явление, которые это слово обозначает, были знакомы и их общим предкам.

Конечно, совсем другой случай, когда в точности одно и то же слово встречается в самых разных языках. Это может быть название новой вещи или понятия, распространившегося

по свету совсем недавно. К примеру, слово «газ», перешедшее в большинство цивилизованных языков, придумал около 1625 г. голландский химик ван Гельмонт (1579–1644). Слово «табак» — это заимствование из языка американских индейцев, которое употребляется почти повсеместно, где прижилась привычка курения.

Но если одно и то же слово существует в нескольких языках и если оно следует характерным изменениям самого языка, то мы можем быть уверены, что это слово не привнесено в этот язык, что оно в нем с самых истоков. К примеру, слова, обозначающие колесо и

повозку, имеют общий корень во многих арийских языках. Мы можем сделать вывод, что арии времен древней арийской общности уже пользовались повозками, хотя по отсутствию общих корней для обозначения спиц, обода или оси очевидно, что это было не современное колесо с ободом и спицами, а колесо из цельного ствола дерева.

Эти примитивные повозки приводились в движение воловьими упряжками. Арии неолитической эпохи были скотоводами, они исчисляли свои богатства по количеству скота. На воловьих упряжках они перевозили свои

пожитки, как южноафриканские буры. Хотя сейчас таких неуклюжих повозок, пожалуй, нигде не встретишь.

Мы уже описывали, как выглядел тот тип жилища, которое строили древние арии, и каким было их домашнее хозяйство, насколько нам позволяют это сделать находки свайных поселений в Швейцарии. По большей части хижины строились так, лишь бы выдержать непогоду, и, вероятно, человек без сожаления оставлял их, собираясь в дорогу.

Арийские народы сжигали своих умерших; этот обычай они до сих пор сохранили, например, в Индии. Их европейские предшественники —

представители культуры «длинных могил» — хоронили покойников в положении лежа на боку с подогнутыми ногами, как бы сидя. В некоторых могильниках, оставленных арийскими народами, погребальным урнам с прахом умерших придавали форму жилища. Судя по этим урнам, это были крупные хижины с соломенными крышами.

Скотоводство значило в повседневной жизни ариев несравненно больше, чем земледелие. Поначалу они вскапывали землю грубыми деревянными орудиями наподобие мотыг. Затем, когда люди научились

использовать тягловый скот, они стали обрабатывать землю плугом в воловьей упряжке. В качестве плуга использовали деревянную соху — достаточно прочный изогнутый сук дерева. Но прежде чем появились пахотные поля, люди обрабатывали лишь небольшие участки земли возле своих домов. Большая часть земли, которую племя считало своей, использовалась как пастбище общинного скота.

Арии, вплоть до исторических времен, никогда не использовали камень для строительства стен домов. Они выкладывали из камня очаги, иногда фундаменты домов. Впрочем, подобие каменного дома

выкладывалось в центре высоких земляных насыпей — курганов, в которых хоронили прах знатных членов племени. Арии могли перенять этот обычай у своих иберских соседей и предшественников. Именно руками доиндоевропейских народов возведены такие культовые сооружения, как Стоунхендж в Уилтшире или Карнак в Бретани.

Сообщества древних ариев сосредоточивались не в городах, но в местах, пригодных для пастбищ. Они образовывали свободные племенные союзы под главенством избранного вождя, призванные поддерживать друг друга. В минуту опасности арии

собирались вместе со своим скотом в укрытиях — стоянках, обнесенных земляным валом и частоколом. Следы многих таких лагерей и по сей день можно обнаружить на изношенных временем и историей ландшафтах Европы.

Вожди, которые вели своих людей на войну, зачастую также были и жрецами, приносившими очистительные жертвоприношения за свое племя.

В Европе поздно научились пользоваться бронзой. К тому времени в общественной жизни арийских народов появилось деление людей по роду занятий и по положению в общине. Мужчины

занимались вырубкой леса и выделкой кож, они были и гончарами, резчиками. Женщины пряли, ткали и вышивали. Были семьи, которые уже считались благородными. Особое место в племени принадлежало вождю.

Жизнь арийского племени не всегда была заполнена только кочевьем и уходом за скотом. Они освящали опасные начинания и праздновали свои победы, устраивали тризны и отмечали смену времен года. И все эти празднества проходили бурно и весело.

Чем по обыкновению они питались, мы уже рассказывали, говоря о находках в свайных

поселениях. Но, кроме того, они с большой охотой употребляли различные опьяняющие напитки. Готовили их из меда и ячменя. А когда арийские племена распространились на юг — то и из винограда.

На празднествах всегда находились личности с особым даром «валять дурака», чтобы рассмешить своих друзей. Но были люди и другого типа, занимавшие более важное место в племени и еще более значимые для современного историка, — сочинители и исполнители песен и легенд: барды, сказители. Они существовали у всех без исключения арийских народов.

Они были связующим звеном в процессе развития человеческой речи, ставшей основным из всех достижений человека в эпоху неолита. Барды пели или нараспев рассказывали предания о прошлых временах или о подвигах нынешнего вождя и его воинов.

Барды сочиняли и свои собственные истории, запоминали шутки и трюки, подбирали и заучивали ритмы, рифмы, аллитерации и другие средства, скрытые в языке. Вероятно, именно их стараниями совершенствовались и закреплялись грамматические формы языка. Бардов по праву можно назвать первыми великими

творцами, инструментом которых были речь и слух, так же как позднеориньякские авторы наскальных рисунков были первыми, кто создавал шедевры с помощью глаза и руки.

Нет сомнения, что исполнение такого сказителя не могло обойтись без усиленной жестикуляции. Очевидно, они придумывали подходящие жесты, когда разучивали песни. Однако строй и благозвучность речи, воздействие на слушателя словом имели для них первостепенное значение.

Появление бардов знаменует собой шаг вперед в возможностях и широте применения человеческой

мысли. Барды развивали и поддерживали в людях чувство существования чего-то большего, чем они сами, чем племя, чувство непрерывности жизни, которая соединяет их со всеми, кто остался в прошлом. Они поминали не только о том, как племена враждовали и сражались в прошлом; в словах бардов оживали для слушателей прежние союзы, подвиги давно ушедших героев и все то, что предки оставили им в наследие. Арии с момента своего рождения и до самой смерти ощущали эту непрерывную духовную связь.

Как и большинство творений человека, традиция устного слова

развивалась сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее. К тому времени, когда бронза пришла в Европу, не было такого арийского народа, где не было бы своего сказителя и где бы он не готовил себе преемника. Их стараниями красота песни отразилась в красоте и строе обыденной речи. Барды были своего рода живыми книгами, ожившей историей, хранителями и творцами новой великой традиции в жизни человечества.

Так в поэтической форме передавалась из поколения в поколение историческая память каждого арийского народа, его саги (у тевтонов), эпические поэмы (у

греков), ведийские гимны (на древнем санскрите). Арийская традиция главным образом держалась на силе и воздействии слова. Песнопения, по всей видимости, доминировали даже в тех ритуальных и драматизированных танцах, которые у большинства народов также служили для передачи традиций.

В те времена у них еще не было письменности. Когда о ней стали узнавать в Европе, как мы расскажем позже, этот способ хранить события в памяти, наверное, казался людям слишком неуклюжим, медленным и безжизненным. Особенно для того, чтобы отразить эти блистательные,

всегда жившие в народной памяти устные сокровища. Поначалу записывались только сухие подробности текущих событий.

Барды и рапсоды процветали и много лет после того, как письменность вошла в широкий обиход. Они сохранились и в средневековой Европе под именем менестрелей.

К несчастью, устной традиции недостает неизменности, присущей письменному тексту. Барды переделывали и исправляли то, что получили и чему научились от своих предшественников, сообразуясь со своими вкусами и запросами эпохи. Соответственно мы имеем теперь

лишь значительно измененные и искаженные варианты устных преданий доисторических времен.

Среди наиболее интересных и содержательных из подобных сочинений ариев, сохранившихся до наших дней, можно назвать греческую «Илиаду». Ранние версии «Илиады», вероятно, уже существовали к 1000 г. до н. э. Однако записана она была скорее всего не ранее 800 г. до н. э. Несомненно, к ее созданию и совершенствованию причастно немало авторов. Но поздняя греческая традиция приписывает ее авторство слепому певцу Гомеру. Его также принято считать и автором

«Одиссеи», произведения, сильно отличающегося по духу и мировоззрению.

Вполне вероятно, что многие барды у ариев были слепыми. Возможно, их даже намеренно ослепляли, чтобы не дать уйти из племени. Славяне, например, своего барда называли «слепок», что на их языке означает слепого.

Первоначальная устная версия «Илиады» была старше «Одиссеи». Обе эти эпические поэмы в более поздние времена неоднократно переписывались и переиначивались, подобно тому, как лорд Теннисон (1809–1892), поэт-лауреат королевы Виктории, свои «Королевские

идиллии» создал по мотивам «Смерти Артура» сэра Томаса Мэлори (написанную последним в 1469 г. на основании старых легенд). Правда, Теннисон придавал чувствам и характерам своей поэмы более современное звучание. События же «Илиады» и «Одиссеи», дух этих событий, образ жизни, который нашел в них отображение, принадлежат завершающим векам доисторической эпохи.

В этом смысле все саги, эпические поэмы, веды являются третьим источником сведений о тех ушедших временах в дополнение к археологическим и филологическим. Вот, к примеру, один из

заключительных фрагментов
«Илиады», [\[25\]](#) в котором детально
описывается, как насыпался
доисторический курган:

«... и они лошаков и
волово подъяремных

Скоро в возы запрягли
и пред градом немедля
собрались.

Девять дней они в
Трою множество леса
возили;

В день же десятый,
лишь свет разливая,
Денница возникла,

Вынесли храброго
Гектора с горестным

плачем трояне;

Сверху костра
мертвеца положили и
бросили пламень.

Рано, едва розоперстая
вестница утра явилась,

К сруб великого
Гектора начал народ
собираться.

И лишь собралися все
(неисчетное множество
было),

Сруб угасили,
багряным вином поливая
пространство

Все, где огонь
разливался пылающий;
после на пепле

Белые кости героя
собрали и братья и друга,
Горько рыдая,
обильные слезы струя по
ланитам.

Прах драгоценный
сбравши, в ковчег золотой
положили,

Тонким обвивши
покровом, блистающим
пурпуром свежим.

Так опустили в могилу
глубокую и, заложивши,

Сверху огромными
частыми камнями плотно
устлали;

После курган
насыпали; а около стражи

сидели,

Смотря, дабы не
ударила рать меднолатных
данаев.

Скоро насыпав могилу,
они разошлись; напоследок

Все собралися вновь и
блистательный пир
пировали

В доме великом
Приама, любезного Зевсу
владыки.

Так погребали они
конеборного Гектора тело».

До наших дней дошла также и
древнеанглийская сага «Беовульф»,
сложенная, вероятно, еще до того,

как англѣ и саксы покинули Германию. В ней мы находим описание сходнаго погребальнаго обряда. Впервые в этой поэме мы находим описание того, как выглядел погребальный костер. Со всех сторон его украшают щитами и кольчугами, кладут тело умершаго, зажигают огонь. Затем на месте сожжения воины в течение десяти дней насыпают величественный курган, который мог бы видѣть издалека всякій странник на суше и на море.

«Беовульфа» отделяет, по меньшей мере, тысяча лет от «Илиады». Он интересен еще и тем, что одно из основных приключений, описанных в нем, — разграбление

сокровищ кургана, древнего уже в те дни.

В «Илиаде» и «Одиссее» перед нами предстают ранние греческие племена, еще не знающие железа, не имеющие письменности, пока еще не основавшие ни одного собственно греческого города на той земле, которую они совсем недавно завоевали. Они двигались на юг из своих изначальных арийских земель. По всей видимости, они были светловолосыми, эти пришельцы-чужаки на земле, которую занимали до них средиземноморские народы.

Давайте, рискуя повториться, все же окончательно проясним один момент. В «Илиаде» не идет речь о

примитивной неолитической жизни в том регионе, который можно считать прародиной ариев. «Илиада» повествует о жизни, которая полным ходом движется к новому общественному укладу. Неолитический способ существования распространился между XV и VI тысячелетиями до н. э. в лесах и регионах с обильной растительностью на большей части Старого Света — от Нигера до Хуанхэ, от Ирландии до южной Индии — как результат наступления влажного, дождливого климатического периода.

Затем, когда климат на планете изменился, стал более жарким и

засушливым и снова появились обширные открытые пространства, ранняя и более простая неолитическая жизнь развивалась в двух различных направлениях. Одно из них, связанное с временными, а затем и постоянными миграциями между летними и зимними пастбищами, принято называть номадизмом, или кочевым образом жизни. В другом случае в долинах некоторых рек теплого климатического пояса люди научились поддерживать плодородие земли регулярным орошением. Они сосредоточились в первых городах и основали первую цивилизацию.

Мы уже описывали некоторые

из таких первых цивилизаций и их подверженность повторяющимся набегам кочевых племен. Мы также отмечали, как на протяжении многих тысяч лет имела место почти ритмическая повторяемость завоеваний кочевниками земледельческих цивилизаций.

В случае же «Илиады» мы должны отметить, что греки, какими их показывает «Илиада», не были ни примитивными неолитическими кочевниками, далекими от цивилизации, ни цивилизованным народом. Это кочевники, у которых только что пробудился интерес к цивилизации, воспринимаемой ими пока лишь как возможность для

войны и грабежа.

Ранние греки «Илиады» («ахейцы») — это смелые воины, хотя в бою им явно недостает дисциплины. Их сражения — это сплошная неразбериха из поединков один на один. У греков были лошади, но не было кавалерии; ее заменяли грубые боевые колесницы. Использование лошадей и лошадиных упряжек в целях войны само по себе в те времена было новшеством. Тем более что в обычные упряжки, как видно хотя бы из цитированного отрывка «Илиады», впрягали волов, а не лошадей.

Единственные, кого можно было

бы назвать жрецами у этих древнейших греков, — это хранители капищ и священных мест. Жертвоприношения за племя совершает вождь, которому подчиняются семьи, составляющие племя. К тому же их верования, насколько можно судить, не отличались каким-то особым — таинственным или мистическим — характером.

Когда греки шли на войну, главы семей и старейшины собирали совет и назначали царя, власть которого была обозначена довольно неопределенно. Законов не было, жили сообразно обычаям, не было и жестких предписаний, кто и как

должен вести себя.

Общественная жизнь ранних греков была сосредоточена вокруг домашних хозяйств этих вождей и старейшин. Там, несомненно, располагались хижины пастухов и других работников. Чуть поодаль находились хозяйственные постройки. Центром жизни всего племени являлись палаты вождя, куда все ходили на празднества, послушать сказителей, принять участие в играх и состязаниях. Там же сосредоточивались и местные умельцы, под той же крышей располагались конюшни и стойла для коров. Простые люди устраивались на ночлег, где случится, как

незнатные вассалы в средневековом замке или индейцы на стоянке. Личная собственность ограничивалась только самыми необходимыми вещами. В племени царил дух патриархального коммунизма. Племя или вождь как глава племени владели лишь пастбищами. Реки и леса по-прежнему принадлежали дикой природе.

Общественный строй ариев, по-видимому, не знал, а ранние общины точно не знали отдельных хозяйственных усадеб, которыми пользуется основная масса населения в современной Западной Европе и Америке. Племя было

большой семьей, народ — объединением племен-семей. В одном хозяйстве часто трудились сотни людей. Если в настоящее время мужчины и женщины не привязаны к своим семейным группам так, как это было раньше, то это потому, что государство и общество предоставляют теперь защиту и поддержку, создают условия существования, возможные ранее только в семейной группе.

Подобные обширные семейные хозяйства ранних стадий человечества можно по-прежнему найти в индийском обществе. Один индийский автор, Бхупендранатх Басу, недавно описал, как выглядит

типичная индийская семейная община. Это арийская община прежних времен, внутренние связи которой лишь стали стройнее и понятнее с течением тысячелетий, но в сути своей — та же семейная община, о которой рассказывается в арийском эпосе.

«Жить одной большой семьей, — пишет Басу. — такой уклад жизни достался нам в наследство от незапамятной древности. Господство патриархального уклада времен арийской старины по-прежнему незыблемо в Индии. И этот уклад, каким бы древним он ни был, все так же полон силы. Единая семья — это

совместная корпорация, в которой каждые мужчина или женщина занимают свое определенное место. Во главе этой корпорации — глава семьи, как правило, самый старший мужчина. Однако в его отсутствие руководство переходит к самой старшей женщине». (Ср. Пенелопа в «Одиссее».)

«Все трудоспособные члены семьи, — продолжает автор, — обязаны приносить заработанные ими средства от торговли, работы в поле или занятия каким-либо собственным промыслом в общую копилку. Калеки, вдовы, сироты, а также нуждающиеся родственники обеспечиваются и содержатся за счет

этой семейной копилки. К сыновьям, племянникам, двоюродным братьям отношение должно быть равным, всякое незаслуженное предпочтение грозит разрушить семью.

В нашем языке нет слова «двоюродный брат», а «троюродный» и подавно. Все они — просто братья и сестры. Дети твоего двоюродного брата, твои племянники и племянницы, — все равно, что дети твоего родного брата. Так же, как мужчина не может жениться на своей родной сестре, не может он жениться и на любой родственнице по женской линии, каким бы отдаленным это родство ни было, за исключением некоторых областей в

Мадрасе, где мужчина может жениться на дочери дяди по материнской линии. Отношения внутри семьи, семейные узы всегда очень сильны, поэтому равное отношение ко всем в такой обширной семье — совсем не так сложно, как может показаться на первый взгляд.

Более того, сама жизнь отличается простотой. До недавнего времени в домах не было кожаной обуви, только сандалии, и те без кожаных застежек. Я знал одну обеспеченную семью, принадлежавшую к среднему классу, где на нескольких родных и двоюродных братьев было всего две-три пары кожаной обуви, которую

надевали только по особому случаю. Так же поступали и с более дорогой одеждой, например, с шалями, которые передавались из поколения в поколение. С возрастом их начинали ценить еще больше, памятуя о предках, надевавших эти вещи.

Единая семья объединяет в себе несколько поколений, пока не становится со временем слишком громоздкой. Тогда она распадается на несколько меньших семей: неудивительно, что иногда целые деревни населены членами одного семейного клана. Я уже говорил, что семья — это корпоративное предприятие, но ее также можно сравнить с маленьким государством,

которое держится на строгом порядке, основа которого — взаимная любовь и послушание. Почти ежедневно можно видеть, как младшие члены семьи подходят к ее главе и прикасаются к пыли на его ногах, в знак благоговения перед ним. Отправляясь куда-либо по делам, они должны прежде обратиться к нему за благословением...»

«И ни одна семья не может обойтись без семейного божества, изображения или статуэтки Вишну-Хранителя. Его место — в отдельной комнате, которую принято называть обиталищем Бога. В более зажиточных семьях это может быть

примыкающий к дому семейный храм, где семья совершает ежедневное поклонение. Между семьей и фигуркой божества существует чувство неразрывной личной связи. Как правило, эта фигурка находится в семье уже не одно поколение. Зачастую ее чудесным образом обретает какой-то отдаленный благочестивый предок ...»

«Картина жизни нашей семьи была бы неполной без домашних слуг. Служанка, которую называют «джи» — «дочь» по-бенгальски — для семьи действительно, как родная дочь. Она зовет хозяина и хозяйку отцом и матерью, а младших мужчин

и женщин в семье — братьями и сестрами. Служанка участвует в жизни семьи, вместе с хозяйкой совершает паломничество к святым местам, поскольку хозяйка не может ходить одна. Как правило, всю свою жизнь служанка проводит в семье, принявшей ее; семья принимает на воспитание и ее детей. Так же относятся и к мужчинам-слугам.

Эти слуги — мужчины и женщины — обычно принадлежат к низшим кастам, но между ними и членами семьи складывается личная привязанность, и уже младшие члены семьи ласково называют постаревших слуг дядями, тетями и т. д.».

«При зажиточной семье всегда живет и учитель, который занимается с детьми этой семьи, а также с другими мальчиками из селения. Обходятся без дорогостоящего здания школы. Для занятий собираются на какой-нибудь веранде или под навесом во дворе. В такую школу свободно допускаются и мальчики из низших каст. Уровень преподавания в таких местных школах не очень высокий, однако подобные учебные заведения обучают грамоте самые широкие слои населения, чего, вероятно, нельзя сказать о многих других странах...»

«Индийский образ жизни

неразрывно связан с традиционным законом гостеприимства. Хозяин дома обязан накормить любого незнакомца, если тот попросит об этом до наступления полудня. Хозяйка дома не станет есть сама, пока не будет накормлена вся семья. Иногда бывает так, что вся ее еда — лишь то, что осталось от общей трапезы, но хозяйка не притронется к еде до полудня на случай, если в доме появится голодный странник и попросит, чтобы его накормили ...»

Мы не могли удержаться, чтобы не процитировать так обстоятельно г-на Басу. Это живой пример того, как выглядел тип домашнего хозяйства, который преобладал в

общинах ариев, начиная с неолитического времени. Он по-прежнему является доминирующим в Индии, Китае и на Дальнем Востоке.

Однако давайте вернемся к истории, которую сберег для нас эпос ариев.

В санскритских эпических произведениях мы встречаемся с событиями, очень похожими на те, что описываются в «Илиаде». Светловолосый народ — скотоводы, основу питания которых составляли молоко и мясо коров (только позднее они стали вегетарианцами!), вторглись из Персии на равнины северной Индии, постепенно захватывая новые земли по течению

реки Инд. От Инда они распространились по всей Индии; они многое позаимствовали у покоренных дравидов и, по-видимому, утратили свои варварские традиции.

Устная литература кельтских народов, двигавшихся на запад, не сохранилась в такой полноте, как греческая или индийская. Она была записана много столетий спустя и, как древнеанглийская сага о Беовульфе, утратила какие-либо четкие свидетельства о периоде переселения на земли, принадлежавшие прежде другим народам. Если доарийские племена и фигурируют где-либо в кельтском

фольклоре, то только в роли сказочных персонажей ирландских преданий. Ирландия, самая изолированная из кельтоязычных сообществ, дольше других сохраняла доисторический уклад жизни. Ирландский эпос, подобно «Илиаде», повествует нам о жизни племен скотоводов, о сражениях, в которых все еще используются боевые колесницы и боевые собаки, а головы сраженных врагов увозят с поля боя, привязав к шее коня. Это также истории о грабительских набегах и похищении скота. Как и в «Илиаде», мы видим здесь то же общественное устройство: вожди восседают и пируют в просторных

палатах, барды поют и рассказывают легенды о подвигах древних — и все это сопровождается безудержным весельем.

О жрецах нет почти ни слова, хотя одного из персонажей можно назвать знахарем, также сведущим в заговорах и предсказаниях.

Глава двадцатая

Греки и персы

- 1. Греческие народы.**
- 2. Отличительные черты греческой цивилизации.**
- 3. Монархия, аристократия и демократия в Греции.**
- 4. Лидийское царство.**
- 5. Образование Персидского царства.**
- 6. История Креза.**
- 7. Война Дария со скифами.**

**8. Сражение при
Марафоне.**

**9. Фермопилы и
Саламин.**

10. Платей и Микале

1

Мы впервые встречаемся с греками на заре истории (в начале II тыс. до н. э.) — кочевыми арийскими народами, которые постепенно расширяли свои пастбища на юг Балканского полуострова, вступали в конфликты и смешивались с народами предшествовавшей эгейской (крито-

микенской) культуры, вершиной которой был Кносс.

В гомеровских поэмах эти греческие племена говорят на одном общем языке. Традиция, которой следуют и эпические поэмы, объединяет их в единый племенной союз. Они называют свои различные племена одним общим именем — эллины.

Вероятно, греческое вторжение продвигалось несколькими последовательными волнами. Что касается языка, на котором говорили греки, то отличают три основных наречия: ионийское, эолийское и дорийское. Диалектов было значительно больше. Ионийцы, по-

видимому, предшествовали остальным грекам и очень близко смешались с цивилизованными народами, ими покоренными. Вполне вероятно, что этнически население таких городов, как Афины и Милет, было скорее средиземноморским, чем нордическим. Дорийцы представляли собой третью, самую мощную и наименее цивилизованную волну миграции.

Эгейская цивилизация не смогла оправиться от удара, нанесенного дорийскими племенами. И на ее развалинах греки построили свою цивилизацию.

По морю, передвигаясь от

одного острова к другому, греки проникли и в Малую Азию. Пройдя через Дарданеллы и Босфор, они основали поселения на южном, а впоследствии и на северном берегах Черного моря. Греческие колонии распространились также и по южной Италии, которую в итоге даже стали включать в состав Великой Греции, и по северному побережью Средиземного моря. Они основали Марсель на месте ранней финикийской колонии. Соперничая с Карфагеном, греки стали основывать поселения в Сицилии (с IX–VIII вв. до н. э.).

Вслед за греками пришли и родственные им племена македонян

и фракийцев. Фригийцы, переправившись через Босфор, осели в Малой Азии.

Расселение греческих племен произошло еще до начала письменной истории. К VII в. до н. э. — к тому времени, когда евреи были угнаны в вавилонский плен, — основные очертания древнего мира догреческой эпохи в Европе оказались стерты. Тиринф и Кносс превратились в незначительные поселки, Микены и Троя остались жить в легендах. Великие центры новой греческой цивилизации — Афины, Спарта, Коринф, Фивы, Самос, Милет, тот мир, который принято называть античным, или

древнегреческим, вырос на руинах полузабытой и еще более древней крито-микенской Греции, во многом не менее цивилизованной, достижения которой открываются нам стараниями археологов.

Но собственно античная Греция, о которой пойдет речь, по праву остается частью духовной жизни современного человечества, не в последнюю очередь благодаря тому, что она переняла средиземноморский алфавит и усовершенствовала его, добавив гласные. Чтение и письмо с этого момента стали общедоступным занятием, и множество людей, овладев ими, оставили память о

своем времени грядущим векам.

Греческая цивилизация, становление которой мы обнаруживаем в Южной Италии, Греции и Малой Азии в VII в. до н. э., по многим важным аспектам отличается от тех двух великих цивилизационных систем, развитие которых мы уже прослеживали, — цивилизаций долины Нила и Месопотамии.

Эти цивилизации прошли долгий путь развития на тех же землях, на которых они сложились, постепенно переходя от примитивного земледелия к городской жизни вокруг храма. Цари-жрецы и цари-боги объединяли

ранние разрозненные города-государства в единые царства.

Кочевые племена варваров-греков во время своего вторжения на юг оказались в мире, для которого цивилизация давно не была чем-то новым. Мореплавание и сельское хозяйство, города, окруженные стенами, письменность уже были в этом мире. Греки не создали цивилизацию на пустом месте. Они разрушили прежнюю и построили свою из ее обломков.

Именно с этим мы должны связывать отсутствие стадии города-храма и стадии жрецов-царей в греческой истории. Греки сразу перешли к жизни в городах-

государствах, которые на Востоке вырастали вокруг храма. Идею связи храма и города они переняли в готовом виде.

Вероятно, больше всего в городах их впечатляли стены. Сомнительно, что греки сразу же заселили города, завоеванные ими, а жители стали считаться гражданами. Поначалу они жили в открытых селениях за пределами этих городов, ими же разрушенных. Но город, словно постоянное напоминание, как готовая модель, всегда был у них перед глазами. Город поначалу представлялся им безопасным убежищем в беспокойное время, а храм — неотъемлемой частью

города.

Это наследие досталось им от цивилизации-предшественницы, хотя традиции и привычки, связанные с жизнью в их родных, покрытых лесами краях, были еще сильны в них. Общественная система героических времен «Илиады», пустив корни на новой почве, впитала в себя и новые условия жизни. С течением времени греки становились все более религиозными и суеверными: эти верования завоеванных ими народов исподволь проникали в их жизненный уклад и сознание.

Мы уже говорили о том, что социальная система ариев состояла

из двух классов — знати и простолюдинов. Между ними не было четкой грани. На войне все они выступали под началом царя (вождя), который просто был главой одной из благородных семей, первым среди равных.

После покорения местного населения и с началом строительства городов к этому простому двухклассовому общественному устройству прибавился нижний слой земледельцев, а также квалифицированных и неквалифицированных работников, являвшихся по большей части рабами.

Впрочем, не все общины греков

имели характер завоеваний. Некоторые города создавались людьми, которые собирались из распавшихся поселений. В таких общинах прослойка из покоренного местного населения отсутствовала.

Во многих подобных случаях прежнее население, если кому-то удавалось выжить, становилось зависимым классом, классом государственных рабов, как илоты в Спарте. Знать и простолюдины превратились в хозяев земли и свободных земледельцев.

Торговля и мореплавание также были занятием свободных членов общины. Правда, некоторые из наименее зажиточных граждан

становились ремесленниками, поденщиками и даже соглашались, как мы уже говорили, за плату быть гребцами на галерах.

Жрецы, какими их знал греческий мир той эпохи, были либо хранителями святилищ и храмов, либо чиновниками, в обязанность которых входило отправление раапичных ритуалов. Аристотель (384—322 до н. э.) в своей «Политике» отводит им ничем не примечательное место среди других групп чиновного люда. В молодости гражданин находился на военной службе, в зрелом возрасте принимал участие в управлении государством, а в старости совершал религиозные

ритуалы. Жреческий класс, в сравнении с соответствующими классами в Египте и Вавилонии, был немногочисленным и маловлиятельным.

Собственно греческие боги, боги героической эпохи, были теми же людьми, только бессмертными, и греки относились к своим небожителям без особого трепета или благоговения. Но были живы и боги покоренных, находившие ревностных последователей и почитателей среди рабов и женщин. От исконных арийских богов никто не ожидал, что они будут совершать чудеса или управлять жизнью человека. Но в Греции, как и в

большинстве стран Востока в I тысячелетии до н. э., весьма популярным было обращаться за советом к оракулу или прорицателю.

Особенно знаменитым был Дельфийский оракул.

«Когда старейшина племени не мог дать совета, как поступить, — читаем мы у профессора Гилберта Мюррея, [\[26\]](#) — следовало отправиться к могиле прославленного предка. Все оракулы располагались у усыпальниц Героев. Они давали ответ, угодный Фемиде, о том, как нужно было поступить или, как сказали бы религиозные люди теперь, какова была воля Божья».

Жрецы и жрицы храмов не были

объединены в единый класс и не имели той власти, которой обладает класс. Только два класса — знать и свободные простолюдины — образовывали единое сообщество граждан, составлявшее греческое государство. Во многих случаях, в особенности в крупных городах-государствах, численность рабов и чужеземцев, лишенных права голоса, значительно превышала численность граждан. Государство, таким образом, лишь терпело их присутствие, своими законами защищая исключительно избранное общество граждан. Государство могло проявлять или не проявлять терпимость по отношению к рабам и

чужакам, но у тех не было законного голоса в свою защиту.

Подобное социальное устройство значительно отличается от устройства восточных монархий. Исключительное положение греческого гражданина наводит на мысль об исключительности детей Израиля в позднем Иудейском царстве. Однако с греческой стороны мы не встречаем ничего подобного пророкам, первосвященникам и представлениям о всесильном Яхве.

Сравнивая греческие полисы (города-государства) с любой из тех общественных систем, которые мы прежде рассматривали, нельзя не заметить постоянной и необратимой

тенденции греческого общества к дроблению. Цивилизации Египта, Шумера, Китая и, несомненно, Северной Индии — все они начинались с нескольких независимых городов-государств.

Каждое из них представляло собой город, окруженный возделываемой землей и связанными с городом селениями. С этого начинался процесс их объединения в царства и империи.

Но до самого конца своей независимой истории греки не знали подобного объединения. Обычно эту ситуацию объясняют теми географическими условиями, в которых довелось жить грекам.

Греция — страна, разделенная горными массивами и морскими заливами на множество долин. Это затрудняло взаимное сообщение до такой степени, что лишь немногие города были способны удерживать в своем подчинении некоторое число других городов-государств на протяжении сколько-нибудь длительного времени.

Кроме того, многие греческие полисы располагались на островах, разбросанных вдоль отдаленных побережий.

Вплоть до конца эпохи независимых полисов самые крупные из них владели территорией, меньшей территории большинства

английских графств. Афины, один из самых великих греческих городов, в период своего максимального расцвета имел население, не превышавшее трети миллиона. Другие греческие города лишь изредка превосходили по численности 50 000 жителей. Из этого числа половину или более составляли рабы и чужеземцы, а две трети свободного населения — женщины и дети.

Власть в греческих полисах не была везде однотипной. Перейдя после своих завоеваний к оседлой жизни, греки на какое-то время сохранили власть царей. Но аристократический класс в этих

царствах со временем играл все более заметную роль в управлении.

В Спарте (Лакедемонe) в VI в. до н. э. цари занимали особое положение. Там существовала любопытная система двоевластия: вместе правили два царя, избранных из двух различных царских семей.

Но большинство греческих городов-государств стали аристократическими республиками задолго до VI в. до н. э. Одна из причин этому — безволие и неспособность к эффективному управлению большинства семей, которые претендовали на верховную власть, пользуясь наследственным правом. Рано или поздно эти семьи

вырождались. И по мере того как греки осваивали морские просторы и ширились их колонии и заморская торговля, новые разбогатевшие семьи вытесняли старые и приводили к власти новых людей.

Эти «новые богачи» античности становились членами растущего правящего класса, олигархии, противостоящей аристократии. Хотя понятие «олигархия» («правление немногих») в строгом смысле должно включать в себя и аристократию («власть лучших») как частный случай.

Во многих городах отдельные личности, обладавшие исключительной энергией,

воспользовавшись общественными конфликтами или трениями между классами, обеспечивали себе более или менее постоянную власть в государстве. Подобную комбинацию индивидуальности и случая отчетливее всего можно наблюдать в Соединенных Штатах Америки, где людей, пользующихся различного рода неформальным влиянием и властью, называют боссами. В Греции их называли тиранами. Однако тиран был все же больше, чем босс. Его признавали как монарха, и он правил, требуя подчинения себе как монарху. Современный босс, в свою очередь, скрывается за легальными формами

правления, которые он «держит в руках» и использует в собственных целях.

Власть тирана стояла особняком от царской, которая претендовала, например, на право наследования верховной власти. Тираны, скорее всего, опирались на недовольство менее зажиточных слоев. К примеру, Писистрата, тирана Афин с 561 по 527 гг. до н. э., с двумя промежутками изгнания, поддерживали жившие в постоянной нищете афинские низы. Иногда, впрочем, как в греческой Сицилии, тиран отстаивал интересы богатых против бедных. Когда позднее персы начали подчинять себе греческие

города Малой Азии, они ставили там проперсидских тиранов из местной знати.

Аристотель — великий философ, который родился в условиях наследственной македонской монархии и несколько лет был наставником царского сына, — в своей «Политике» проводит различие между двумя типами верховной власти. Это власть царя, который пользуется признанным и наследственным правом на власть (как царь Македонии, которому служил Аристотель), и власть тирана, который не пользуется поддержкой тех, кем он правит.

На самом деле сложно представить, чтобы тиран смог оставаться у власти без поддержки и активного участия многих своих подданных. С другой стороны, «подлинные цари», декларируя на словах преданность державе и заботу о благе народа, приводили порой свою страну к раздорам и разрухе. Аристотелю также принадлежат слова о том, что царь правит для блага страны, а тиран — для своего собственного блага. В этом, как и своем утверждении, что рабство — природное положение вещей, а женщина не создана для свободы и политических прав, Аристотель вполне был сыном своего времени.

Третья форма правления, которая постепенно начинала преобладать в Греции на протяжении VI–IV столетий до н. э., была известна как демократия. Современный мир поглощен разговорами о демократии, но наше представление о демократии мало похоже на демократию греческих полисов. Вполне уместным будет внести ясность в то, что же означало это слово в Древней Греции.

Демократия в то время была властью третьего сословия, демоса («демос» — народ, толпа). Это было правление сообщества граждан, власть большинства, отличная от власти немногих избранных. Здесь

нужно акцентировать внимание на понятии «гражданин». Раб не входил в число граждан, не был гражданином и свободный чужеземец, и вольноотпущенник. Даже трек, родившийся в этом городе, отец которого жил за пределами городской черты, исключался из числа граждан. В некоторых ранних демократиях существовал еще имущественный ценз, а имуществом в те времена была земля. Впоследствии требования несколько смягчились, но читатель не может не заметить, что здесь мы имеем дело с чем-то, сильно отличающимся от современного понимания

демократии.

К концу V в. до н. э. имущественный ценз был отменен в Афинах. Однако Перикл (ок. 490–429 до н. э.) — великий государственный деятель Афин, о котором нам еще предстоит говорить, — утвердил закон, запрещающий давать гражданство Афин тем, кто не сможет подтвердить свое афинское происхождение с обеих сторон.

Таким образом, в греческих демократиях, равно как и в олигархиях, граждане образовывали сплоченную корпорацию для управления огромным порой населением рабов и иноземцев, как это было в Афинах периода расцвета.

Аристотель в своей «Политике» очень ясно показывает, в чем на деле выражалась эта разница между демократией и олигархией. Налоги в олигархиях затрагивали богатых в очень незначительной степени, в то время как при демократии богатых обкладывали ощутимыми налогами, а несостоятельным гражданам, как правило, выплачивали пособия и содержали их за счет городской казны. В Афинах гражданам платили даже за посещение общего собрания. Но большинство людей, не входивших в число счастливицов, пользовавшихся гражданскими правами, трудились и вели себя так, как им было приказано. Если кто-

либо из них хотел прибегнуть к защите закона, он должен был обратиться к гражданину, чтобы тот выступил от его имени. Только граждане могли обращаться в суд и ожидать законного разбирательства своего дела. Наше современное представление о том, что каждый живущий в государстве имеет право быть его гражданином, до глубины души потрясло бы привыкших к привилегиям афинских демократов.

Монополизация государства гражданами привела к появлению чрезмерного и специфического патриотизма. Греки образовывали союзы, но никогда не объединялись с другими греческими полисами в

единое государство. Это в конечном итоге сводило на нет все те преимущества, которыми они обладали.

Стесненные географические условия греческих государств только усиливали острогу их патриотических чувств. Любовь к родине означала непосредственно любовь к своему городу, своей религии, своему дому, поскольку все это в греческом полисе было единым целым. Конечно, рабы не разделяли этих чувств, и в олигархических государствах привилегированный класс часто преодолевал свою неприязнь к иноземцам из-за еще большей неприязни к тем, кто

противостоял ему внутри общины. Но в целом патриотизм в Греции был глубоко личным чувством, отличавшимся остротой и вдохновлявшим порой на крайности. Как и отвергнутая любовь, он был готов обратиться в нечто, напоминающее ненависть. Грек в изгнании походил на французского или русского эмигранта, готового не щадить родную отчизну, лишь бы избавить ее от бесов в человеческом обличье, которые наводят теперь свои порядки, а его выставили вон.

В V в. до н. э. (478 г.) Афины вместе с несколькими греческими полисами образовали так называемый Афинский морской

союз, о котором историки иногда говорят как об Афинском царстве. Однако все города-государства, входившие в этот союз, сохранили свои правительства. Одним из главных результатов деятельности Афинского союза было полное и эффективное подавление пиратства, другим — установление некоего прообраза международного права. В действительности это были те же законы, которыми пользовались в Афинах. Но, тем не менее, появилась возможность для совместных действий и равных прав в суде для граждан различных государств союза, что невозможно было прежде.

Афинское царство по сути

выросло из оборонительного союза против Персии. Первоначально его центром был остров Делос, и союзники делали взнос в совместную казну на Делосе. Затем казну перенесли в Афины, опасаясь возможного нападения персов. После города один за другим стали предлагать денежные взносы вместо участия своих граждан в военных действиях, и в результате Афины почти все делали самостоятельно, оставляя у себя почти все деньги. В военных мероприятиях их поддерживали только один-два крупных острова.

Союз стал, таким образом, постепенно превращаться в

«царство», но граждане государств-союзников оставались, по большому счету, иностранцами в отношениях друг с другом. И именно от беднейших граждан Афин, составлявших основу оборонительных сил союза, зависела безопасность и процветание Афинского царства.

Каждый гражданин Афин считался военнообязанным с восемнадцати до шестидесяти лет и мог принять участие в военных действиях на родине или за пределами Афин — собственно в афинских интересах либо для защиты городов союза, граждане которых предпочли заплатить

Афинам. Вероятно, в те времена в Афинском союзе не было ни одного мужчины старше двадцати пяти лет, который не принимал бы участия в нескольких кампаниях на берегах Средиземного моря или в Черноморских колониях и не ждал бы нового призыва.

Еще одним отличием демократии греческих полисов было то, что каждый гражданин имел право выступать и голосовать в народном собрании. Учитывая небольшие размеры городов-государств, это означало обычно собрание не более чем нескольких сотен человек. Самое многочисленное собрание

насчитывало несколько тысяч граждан.

В более поздних греческих демократиях назначение общественных должностных лиц (кроме тех случаев, когда необходим был специально подготовленный чиновник) происходило с помощью жеребьевки. Предполагалось, что это оградит права всех законных граждан от длительного доминирования богатых, влиятельных или склонных к чрезмерному лидерству личностей.

В некоторых демократиях (в Афинах, Милете и др.) существовал институт остракизма — от слова «остракон», черепок. Так во времена кризисов и конфликтов принимали

решение, следует ли кого-то из граждан отправить в изгнание на десять лет. На остраконах — кусках черепицы, обломках глиняных горшков писали имя возможного изгнанника, затем складывали их в урну, а результат оглашали в народном собрании.

Современному читателю может показаться, что основной движущей силой остракизма были зависть и желание свести личные счета. Однако на деле этот институт был задуман совсем не для этого. Он предоставлял способ принять решение в ситуации, когда политические разногласия грозили расколоть общество.

В греческих демократиях были партии и партийные лидеры, но не было постоянного правительства и постоянной оппозиции. Не было, таким образом, механизма проводить в жизнь определенную политику, даже если она пользовалась поддержкой народа, если против нее выступал сильный лидер или влиятельная группа людей. С помощью ostracism наименее популярный или пользовавшийся наименьшим доверием лидер из числа предводителей разделенного общества отстранялся от власти на какой-то период, без потери чести или имущества.

С ostracism связана история

об одном неизвестном, и вдобавок неграмотном, афинском гражданине. Аристид (ок. 540—467 до н. э.), лидер афинян и позднее один из основателей Афинского союза, заслужил огромную популярность своим справедливым судейством. Он вступил в спор с Фемистоклом (ок. 525—460 до н. э.) по поводу морской политики. Аристид ратовал за армию, Фемистокл — за сильный флот; узел противоречий затягивался все туже. Остракизм оставался единственным способом разрешить этот конфликт. О том, что было дальше, мы читаем у Плутарха (45—127 гг. н. э.).

В день голосования, когда

Аристид шел по улице, его окликнул незнакомец, видимо, крестьянин из пригорода, не умевший писать. Он попросил, чтобы Аристид написал свое имя на протянутом ему черепке расколотого горшка.

— Но почему? — спросил тот. — Разве Аристид тебя чем-то обидел?

— Нет, — ответил гражданин, — я его никогда даже не видел. Просто надоело, что все вокруг только и говорят, что об Аристиде Справедливом.

При этих словах, пишет Плутарх, Аристид, не проронив ни слова, взял черепок и написал так, как просил незнакомец ...

Когда начинаешь понимать подлинное значение греческих установлений и законов, и в особенности ограничение всех видов власти, будь то демократии или олигархии, в пользу местного привилегированного класса граждан очевидной становится невероятность любого эффективного объединения сотен греческих городов, разбросанных по Средиземноморью, или хотя бы эффективного сотрудничества между ними ради общей цели.

Каждый город был в руках нескольких людей или нескольких сотен, для которых его обособленность была самым ценным

в жизни. Только внешняя угроза могла объединить греков. Но пока Греция была свободной, она не знала политического единства.

Впрочем, греков всегда объединяла общая традиция, основанная на одном языке и письменности, на общем для всех греков героическом эпосе и на постоянном сообщении между различными островами. Важная связующая роль принадлежала и единой религии. Некоторые святыни — к примеру, храм Аполлона на острове Делос и храм в Дельфах — содержались не отдельными государствами, но межгосударственными союзами, или

амфикиниями («союзами соседей»). В отдельных случаях (Дельфийская амфикиния) эти союзы были широкими и очень влиятельными религиозно-политическими объединениями.

Такой союз заботился о сохранности святилища, обеспечивал безопасность паломников, следил за состоянием дорог. Амфикинии поддерживали порядок во время праздников, а также устанавливали внутри союза специальные законы, чтобы не допустить войны между его членами, и в особенности Дельфийский союз, подавляли пиратство.

Еще более важным связующим

фактором были Олимпийские игры, проводимые каждые четыре года в Олимпии. Состязания в беге, кулачный бой, борьба, метание диска и копья, прыжки, соревнования на лошадях и колесницах были основными видами спорта. Непрерывно велся список победителей и важных гостей, посетивших Олимпиады. Начиная с 776 г. до н. э. эти игры проводились регулярно почти тысячу лет. Они имели важное значение в укреплении общегреческого чувства (панэллинизма), которое дополняло ограниченную политику полисов. 776 г. до н. э. — год первой Олимпиады — также и весьма

важная точка отсчета в греческой хронологии.

Впрочем, чувство духовного единства не слишком помогало, когда в игру вступал упрямый «сепаратизм» греческих политических институтов. Из «Истории» Геродота мы узнаем, насколько упорной и интенсивной была вражда городов-государств, которая держала греческий мир в состоянии затяжного военного конфликта. В древние времена (вплоть до VI в. до н. э.) в Греции преобладающим влиянием пользовались обширные семьи-кланы, во многом похожие на древнюю систему семейных хозяйств

у ариев, с их чувством тесных родственных уз и склонностью к кровной мести и длительной межклановой вражде.

История Афин на протяжении многих лет пронизана враждой двух знатных и влиятельных семейств, Алкмеонидов и Писистратидов. Последние, хоть и принадлежали к афинским аристократическим фамилиям, опирались на поддержку беднейшего населения Афин и использовали в своих интересах их недовольство. Позднее, в VI и V вв. до н. э., этот процесс интриг и мести привел к исчезновению старых аристократических кланов. Войны наступивших времен были вызваны

разногласиями, связанными с торговлей, и народными волнениями, подогреваемыми скорее отдельными искателями приключений, чем семейными вендеттами.

Легко понять, помня о сепаратизме греков, почему ионийцы Малой Азии и Архипелага с такой готовностью перешли под покровительство Лидийского царства, а затем персов, когда Кир сверг Креза, царя Лидии. Со стороны кажется, что они бунтовали только для того, чтобы быть снова завоеванными. Затем пришел черед и европейской Греции столкнуться с Персидской державой. Удивительно — и сами греки не скрывали своего

удивления — как им удалось избежать владычества персов, этих варваров-ариев, повелителей древних цивилизаций Западной Азии. Но прежде чем мы расскажем об этой борьбе, давайте уделим некоторое внимание самим этим азиатам — в особенности мидянам и персам, которые к 533 г. до н. э. уже овладели древними цивилизациями Ассирии и Вавилона и намеревались покорить Египет.

4

Раз мы упомянули о Лидийском царстве, будет уместным, прежде чем

мы продолжим, рассказать о лидийцах. Исконное население большей части Малой Азии, вероятно, было родственным древним обитателям Греции и Крита. Если это так, оно также принадлежало к средиземноморской группе. Либо это была еще одна ветвь изначального ствола смуглокожих народов, от которого отделились средиземноморские народы на западе и дравиды — на востоке.

Своеобразные художественные изделия, характерные для Микен и Кносса, встречаются по всей Малой Азии.

Но как нордические греки, переселившиеся на юг, завоевали и

смешались с местными обитателями, так и другие родственные грекам нордические племена проникли через Босфор в Малую Азию. В некоторых областях арийские народы преобладали, став основой населения и сохранив свою арийскую речь. Такими были македонцы и фригийцы, языки которых были близки греческому. Однако в других областях арии составляли меньшинство. В Лидии коренному населению удалось выстоять и сохранить свой язык. Лидийцы были неарийским народом, говорившим на неарийском языке, из которого в настоящее время известно всего несколько слов. Их столицей были

Сарды.

Их религия была также неарийской. Они поклонялись Великой Богине-Матери. Фригийцы, хоть и сохранили свой язык, близкий греческому, прониклись их загадочной религией, и значительная часть тех таинственных мистерий, которые проникли позднее в Афины, была фригийской либо фракийской по происхождению.

Поначалу лидийцы удерживали западное побережье Малой Азии, но были оттеснены ионийскими греками, прибывшими по морю и основавшими свои города. Правда, впоследствии эти города снова оказались под властью лидийских

царей.

История Лидии по-прежнему остается малоизученной. Однако начиная с правления царя Гига (Гигеса) в VIII в. до н. э. роль Лидии становится более заметной. Стране, которой правил Гиг, пришлось отражать еще одно арийское вторжение. Кочевые племена, известные как киммерийцы, хлынули на земли Малой Азии, и отразить это нашествие Гигу, а затем его сыну и внуку стоило больших усилий. Эти варвары дважды захватывали и сжигали Сарды.

Из летописей известно, что Гиг платил дань Сарданапалу, и это поможет нам соотнести роль

Лидийского царства с нашими представлениями об истории Ассирии, Израиля и Египта. Позднее Гиг восстал против Ассирии и послал войска на помощь Псамметиху I, чтобы освободить Египет от непродолжительного правления ассирийцев.

Внук Гига Алиатт превратил Лидию в сильную державу. За его семилетнее правление большинство ионийских городов Малой Азии признали свое зависимое положение. Страна превратилась в центр оживленной торговли между Азией и Европой. В Лидии издавна добывали золото, и лидийский царь приобрел репутацию самого богатого царя

Азии.

Оживленные торговые пути связывали в те времена Черное и Средиземное моря, Восток и Запад. Считается, что Лидия была первой страной в мире, где начали чеканить монеты и открывать постоянные дворы для торговцев и путешественников. Лидийская царская династия, по всей видимости, была торговой династией того же типа, что и минойская династия на Крите, где обороту и накоплению денег уделялось особое внимание.

Итак, в то время как одни арийские племена обосновались в Великой Греции и по побережью

Черного моря, другие арийские племена, вероятно, частично смешавшись с монголоидами, распространялись и оседали по северным и восточным окраинам Вавилонского и Ассирийского царств.

Мы уже говорили о прародине нордических арийских народов, охватывавшей, словно дуга, северные побережья Черного и Каспийского морей. Двигаясь на юг и юго-восток, индоиранские народы начали постепенно заселять территорию нынешней Персии и распространились, с одной стороны, на восток в Индию (во II тысячелетии до н. э.), а с другой —

расселялись по Иранскому нагорью, пока не стали достаточно сильны, чтобы напасть сначала на Ассирию (605 г. до н. э.), а затем на Вавилон (539 г. до н. э.).

Пока еще много неясного в том, как менялся климат в Евразии последние 10 тыс. лет. Льды последнего ледникового периода отступили, сменившись длительным периодом степных, похожих на прерии, условий на большей части евразийских равнин.

Около 10–12 тысяч лет назад, как принято теперь считать, степи стали уступать место лесам. Мы уже обращали внимание, как на смену охотникам на диких лошадей пришли

рыбаки и охотники на лесных оленей. Их в свою очередь сменили неолитические скотоводы и земледельцы. На протяжении нескольких тысяч лет европейский климат, по всей вероятности, был мягче и теплее, чем сейчас. Огромное море простиралось от берегов Балканского полуострова, занимая значительную часть Средней Азии, до центральной России на севере. Пересыхание этого моря и последовавшее за этим изменение климата южной России и юго-западной Азии в сторону более засушливого происходило одновременно с развитием первых цивилизаций речных долин.

Множество фактов со всей очевидностью указывают на существование более мягкого климата и на большее изобилие растительной жизни в Европе и Западной Азии 3–4 тысячи лет назад, чем теперь. Южная Россия и западный Туркестан, где сейчас преобладают степи и пустыни, тогда были покрыты лесами. С другой стороны, аралокаспийский регион был, вероятно, засушливее, а сами моря — меньше, чем в настоящее время.

В этой связи следует отметить, что фараон Тутмос III (в XV в. до н. э.) во время своей экспедиции по ту сторону Евфрата охотился в этом

регионе на слонов, стадо которых насчитывало 120 особей. На микенском кинжале ахейской эпохи, датируемом приблизительно 2000 г. до н. э., изображена сцена охоты на львов. Охотники, вооруженные копьями и большими щитами, выстроились в ряд один за другим. Первый из них ударяет льва копьем и, когда раненый зверь прыгает на него, падает на землю, прикрываясь своим большим щитом. В это время наносит удар второй человек — и так далее, пока лев не погибает под ударами копий. Такой способ охоты практикуют современные масаи (в Кении и Танзании): он мог быть придуман только обитателями тех

земель, где львы водились в изобилии. Но львам необходима добыча, а это, в свою очередь, означает изобилие растительности и травоядных животных в тех местах.

Около 2000 г. до н. э. климат в центральных областях Старого Света, сменившись на более суровый, заставил кочевников-ариев обратить свои взоры на юг, где обитали оседлые и более цивилизованные народы.

Что касается львов, то они встречались на Балканах вплоть до IV в. до н. э., если не позже. Слоны, вероятно, исчезли из западной Азии к VIII в. до н. э. Львы (значительно более крупные, чем современные

разновидности) водились в южной Германии вплоть до эпохи неолита. Леопарды были в Греции, южной Италии и южной Испании в начале исторического периода (около 1000 г. до н. э.).

Переселение арийских народов из восточно-каспийского региона и их появление на исторической сцене относится примерно к тому периоду, когда Микены, Троя и Кносс пали под натиском греков. Непросто отличить различные племена и народности в том многообразии названий, под которыми они впервые появляются в древних хрониках и надписях. К счастью, это не особенно важно для нашего

исторического очерка.

Народ, который называли киммерийцами, появился в районе озер Урмия и Ван вскоре после того, как арии распространились по Иранскому нагорью. С IX в. до н. э. в ассирийских надписях начинает упоминаться такой народ, как мидяне — ближайшие родственники персов, жившие к востоку от последних. Тиглатпаласар III и Саргон II, имена которых уже знакомы нам по предыдущим главам, заявляли, будто бы они заставили эти племена платить дань. В ассирийских надписях о них говорится как об «опасных мидянах». Этот народ все еще сохранял родоплеменную

систему, не объединившись под властью одного царя.

Около VII в. до н. э. Элам и эламиты, столицей которых был город Сузы, — народ, обладавший традицией и цивилизацией, по меньшей мере, такими же древними, как и шумерская, — внезапно исчезают с исторической арены. Нам неизвестно, что стало тому причиной. По всей видимости, они были завоеваны и ассимилированы персами. Сузы также оказались в руках у персов.

Четвертый народ, родственный этим арийским племенам, о жизни которых рассказывает Геродот, — скифы. Какое-то время ассирийским

правителям удавалось подкупом настраивать друг против друга эти родственные народы — киммерийцев, мидян, персов и скифов. Ассирийских царевен (например, дочь Асархаддона) отдавали замуж за скифских вождей. Навуходоносор Великий (в конце VII в.), со своей стороны, сам взял в жены дочь Киаксара, «царя всех мидян».

Так арии-скифы стали союзниками семитов-ассирийцев, а арии-мидяне стали союзниками семитов-вавилонян. В 606 г. до н. э. именно Киаксар взял Ниневию, столицу Ассирии, и освободил вавилонян от ассирийского гнета.

Далее последовало образование Ново-Вавилонского царства под управлением халдеев. С этого времени союзники ассирийцев скифы больше не вмешиваются в ход дальнейших событий. Они продолжают жить своей жизнью на северных окраинах Междуречья, лишь изредка вступая в контакты с народами, обитавшими южнее. Взглянув на карту Центральной Азии того периода, мы увидим, как за две трети столетия мидийский лев, словно ягненка, зажал в лапах Второе Вавилонское царство.

Мы не будем вдаваться здесь в подробности той внутренней борьбы, которая шла между мидянами и

персами и которая в конечном итоге привела к тому, что трон мидянина Киаксара достался персу Киру в 558 г. до н. э. (правил до 530 г. до н. э.). В этот год Кир принял царство, которое простиралось от Лидии на западе до Индии на востоке. Набонид, последний из вавилонских правителей, в это время изучал исторические летописи и строил в Вавилоне храмы.

Впрочем, один из соседних царей отдавал себе отчет в той угрозе, которая исходила от крепнущей на его границах новой силы. Это был Крез, царь Лидии (годы правления 560–546 до н. э.). Его сын погиб, и на какие-то время

Крез в своей глубокой скорби забыл обо всем. Послушаем, что рассказывает об этом Геродот:

«И так два года провел Крез в великой скорби по своему сыну. Но по прошествии того времени, за которое Кир лишил власти сына Киаксара и еще больше выросло величие Персии, Крезу довелось оставить свой траур и задуматься о том, как укротить персов, если он имел для этого возможность, пока их сила еще росла и они не стали непобедимы».

Крез принимает решение обратиться за советом к оракулам.

«Индийцам, которые должны были отнести дары оракулам, Крез

поручил спросить у них следующее: стоит ли Крезу выступить против персов, и если так, то следует ли объединить его армию с армией его друзей. И когда лидийцы прибыли туда, куда отправил их царь, и принесли обещанные подношения, они обратились к оракулам и сказали: «Крез, царь лидийцев и других народов, рассудив, что это единственные подлинные оракулы, известные людям, подносит вам эти дары, которые заслужили вы своими прорицаниями, — ответьте же, следует ли ему выступить против персов, и если так, взять ли ему с собой другие воинства, как своих союзников?» Таким был вопрос, и

ответы обоих оракулов сошлись в одном, объявив Крезу, что если он выступит против персов, то разрушит великое царство...

Когда же оба ответа были доставлены Крезу и он услышал их, то был очень обрадован пророчествами оракулов. Ожидая, что ему действительно суждено разрушить царство Кира, он снова послал дары пифии, а жителям Дельф, выяснив их количество, даровал по два статира золота каждому. В ответ на это дельфийцы установили за Крезом и всеми лидийцами первенство в обращении к оракулу и освободили от всякой платы за это и право на передние

места на всех играх, сохранив за ними эти привилегии на все времена, а также чтобы каждому из лидийцев, кто пожелает, позволено было стать гражданином Дельф».

Итак, Крез заключил оборонительный союз с Лакедемоном и Египтом.

«И пока Крез готовился выступить против персов, — продолжает Геродот, — один из лидийцев, который и до этого почитался среди них как мудрец, обратился к Крезу со следующим советом: «О царь, готовишься ты пойти на народ, одеяние которого — штаны из кожи, и прочее их одеяние также из кож, и едят они не то, что

пожелают, но то, что смогут добыть, живя в суровом краю. И больше того, не знают они вина, но пьют воду, и не могут порадовать себя ни смоквами, ничем другим, столь же приятным. С одной стороны, если ты победишь, что возьмешь у них, видя, что нет у них ничего? А если потерпишь поражение, подумай, сколь многих прекрасных вещей лишишься. Ибо, однажды попробовав то, что есть у нас, они быстро привыкнут к этому, и невозможно будет их прогнать. Сам же я не перестаю благодарить богов за то, что они не надоумили персов пойти на лидийцев». Так он говорил, не убедив Креза; но это правда, что

персы до того, как покорили лидийцев, не знали роскоши и не имели никаких богатств».

Крез и Кир сразились возле Птерии, но победа не досталась ни одной из сторон. Крез отступил к своей столице, и Кир, последовав за ним, дал бой в окрестностях Сард.

Главной силой лидийцев была конница. Искусные, хоть и не слишком дисциплинированные всадники были вооружены длинными копьями.

«Кир, увидев, как лидийцы занимают боевой порядок, и опасаясь их всадников, поступил, как посоветовал ему один из мидян, Гарпагос, а именно: всех верблюдов,

которые были в его обозе, груженных провизией и разной поклажей, он собрал вместе и, сняв с них их ношу, посадил на них воинов, вооруженных, как конница. И, так подготовив их, он повелел им идти впереди его армии на всадников Креза. За передним рядом верблюдов шла пехота, а за пехотой он поместил всю свою конницу. Затем, когда его люди стали в боевом порядке, он приказал им не щадить никого из лидийцев, убивая всех, кто попадется им на пути, но самого Креза не убивать, даже если он окажет сопротивление, будучи пойманным. Таким был его приказ; а верблюдов он поставил против конницы по той

причине, что лошадь боится верблюда и не выносит ни его вида, ни запаха. Для того была задумана эта уловка, чтобы сделать бесполезной конницу Креза, на которую лидийский царь и полагался более всего. И когда они сходились на поле боя, только лишь лошади почуяли запах верблюдов и увидели их, так сразу же понесли прочь, и надежды Креза вмиг обернулись в ничто».

Через четырнадцать дней Сарды пали и Крез был взят в плен.

Итак, персы, захватив Креза, привели его к Киру. Он же сложил огромный костер и заставил закованного Креза взойти на него и

вместе с ним дважды по семь сыновей лидийских — то ли потому, что намеревался таким образом пожертвовать первые плоды своей победы какому-то богу или хотел исполнить какую-то клятву. А может быть, прослышав, что Крез всегда чтит волю богов, заставил его взойти на костер, желая убедиться, что кто-то из богов спасет Креза, чтобы не быть ему сожженным заживо. Вот так, как рассказывают, решил поступить Кир.

Крезу же, стоявшему на костре, хотя он был и в смертельной опасности, вспомнились слова Солона, что никто из живущих не может быть назван счастливым,

доколе не известно, какой смертью ему суждено умереть.

И когда эта мысль пришла ему на ум, все увидели, как он глубоко вздохнул, а затем горько заплакал, хотя до этого долгое время хранил молчание, и трижды произнес имя Солона. Услышав это, Кир повелел переводчикам спросить Креза, кто был тот человек, чье имя он упомянул. И те приблизились и спросили его об этом. Крез, как рассказывают, в ответ только молчал, но персы не отступали. Тогда он сказал: «Хотел бы я, чтобы каждый из правителей, вместо того, чтобы искать богатств, поговорил бы с этим человеком». Персы же, поскольку

смысл этих слов остался им неясен, не отступали с расспросами и не давали ему покоя. Тогда Крез рассказал, как однажды афинянин Солон посетил его и, осмотрев все его богатства, нимало не поразился, обратившись к Крезу с такими-то и такими то словами; и как все обернулось с ним так, как говорил Солон, хотя тот вовсе не имел в виду Креза, а говорил о человечестве в целом, и в особенности о тех, кто почитал себя счастливым человеком.

Пока Крез говорил обо всем этом, уже зажгли огонь и пламя со всех сторон охватило костер. Но тут все увидели, как Кир, услышав от переводчиков то, о чем поведал Крез,

изменил свое решение. Рассудив, что он, тоже всего лишь смертный, подвергает другого человека, который однажды был не менее счастлив, чем он, сожжению заживо, Кир устранился возмездия. Поэтому, как передают, он повелел немедленно загасить огонь, который уже охватил весь костер, и свести Креза и тех, кто был с ним, на землю. Но, как ни старались, укротить бушевавшее пламя они уже были не в силах. Тогда, по словам лидийцев, когда Крез понял, что Кир изменил свое намерение, и, видя, что все пытаются загасить огонь, но уже не могут справиться с ним, воскликнул, призывая Аполлона. Если какой из

его даров был угоден богу, говорил он, то он придет к нему на помощь и избавит от той беды, что обрушилась на него. Так он со слезами взывал к богу, и внезапно, так говорят, хотя стояла тихая погода и небо было ясным, собрались тучи и налетел вихрь, обрушившийся на землю неистовым ливнем, и костер был погашен.

Затем Кир, убедившись, что Крез был добрым человеком и к нему благоволят боги, повелел свести его с костра и обратился к нему со следующими словами: «Крез, скажи мне, кто был тот человек, что убедил тебя пойти на нас войной и так стать моим врагом, вместо того чтобы

быть мне другом?» И тот отвечал: «О царь, на счастье тебе и на свою беду я поступил так, и причиной этому был бог эллинов, который побудил меня выступить во главе моей армии. Ибо никто по своей воле не бывает столь бесчувственным, чтобы предпочесть войну миру, поскольку в мирное время сыновья хоронят своих отцов, но на войне отцы хоронят сыновей. Но так, полагаю, было угодно богам, чтобы все завершилось таким образом».

Когда Лидия была покорена, Кир обратил свой взор на Вавилонское царство Набонида. Он нанес поражение вавилонской армии в окрестностях города, а затем осадил

Вавилон. Содействие жрецов Бела, как мы уже говорили, вероятно, помогло Киру войти в город (538 г. до н. э.).

Киру наследовал его сын Камбиз (правил в 529–522 до н. э.), который привел свои войска в Египет (525 г. до н. э.). В дельте Нила произошло сражение, в котором греческие наемники принимали участие с обеих сторон. Геродот сообщает, что ему довелось видеть кости убитых, которые спустя пятьдесят или шестьдесят лет все еще лежали на поле битвы. И, кстати, отмечает, что черепа персов показались ему слишком тонкими — Геродот и тут не упускает возможности выразить

свое отношение к персам. После этого сражения Камбиз получил Мемфис и большую часть Египта.

В Египте, как мы узнаем, у Камбиза стали появляться первые признаки безумия. Он очень вольно обходился с египетскими святынями; в Мемфисе он задержался, «чтобы вскрывать древние гробницы и исследовать останки умерших». Еще до того как двинуться на Египет, он убил Креза, бывшего царя Лидии, и своего брата Смердиса. Умер Камбиз в Сирии, на пути в Сузы (тогдашнюю столицу Персидской державы), случайно нанеся самому себе рану мечом, оказавшуюся смертельной. У него не осталось прямых

наследников, и персидский трон занял Дарий (правил с 522 по 486 до н. э.), сын Гистаспа, одного из главных советников Кира.

Царство Дария I было больше, чем какое-либо из прежде существовавших государств, возникновение и развитие которых мы прослеживали на предыдущих страницах. Оно включало всю Малую Азию и Сирию, иначе говоря, древние Лидийское и Хеттское царства, все земли Ассирийского и Вавилонского царств, Египет, Кавказский и Каспийский регионы, Мидию, Персию и, вероятно, часть Индии до реки Инд. Кочевые арабы, единственные из всех народов

Ближнего Востока, не платили в те времена дань сатрапам (наместникам провинций) Дария.

Персидское царство отличалось, по всей видимости, гораздо большей организованностью, чем ему предшествовавшие. Провинции соединялись друг с другом магистральными дорогами.

Была налажена система царского почтового сообщения. Через определенные промежутки пути стояли наготове почтовые лошади, предназначенные доставлять царского посланника или путешественника, если у него было разрешение от властей, до следующей остановки на маршруте.

Мощные дороги, видимо, существовали еще у хеттов задолго до персов; но это первый пример организации почтового сообщения, известный нам.

Если не считать главенства центральной власти персидского царя и необходимости платить дань, местная власть пользовалась значительной степенью свободы. Персы не допускали никаких междоусобиц, что тоже пошло ей на пользу. Поначалу и греческие города на азиатском побережье платили дань и были частью Персидской державы.

Напасть на греков в Европе подстрекал Дария некий греческий

лекарь при его дворе, который любой ценой хотел вернуться в Грецию. Дарий уже составлял планы похода в Европу, однако не на Грецию, а севернее. Переправившись через Босфор и Дунай, он хотел вторгнуться в земли северного Причерноморья, которые, по его убеждению, были родиной скифов-кочевников, угрожавших его северным и северо-восточным границам. Но к нашептываниям лекаря-грека он тоже не остался равнодушным и отправил своих лазутчиков в Грецию.

Этот великий поход, предпринятый Дарием, открывает для нас много нового. Он поднимет

завесу над теми балканскими землями за пределами Греции, о которых мы еще не имели возможности рассказать. Вместе с армией Дария мы отправимся к Дунаю и перейдем его.

Ядро этой армии составляли войска, вышедшие вместе с Дарием из Суз, обраставшие пополнениями по пути к Босфору. Там его греческие союзники — ионийские греки Малой Азии — построили понтонный мост.

Пока войска Дария переправлялись по нему, союзники-ионийцы на своих кораблях вошли в устье Дуная и в двух днях пути вверх по течению построили еще один понтонный мост. Тем временем

Дарий и его войнство двигались вдоль берега современной Болгарии, тогдашней Фракии. Войска переправились через Дунай и приготовились дать бой скифской армии и взять города скифов.

Но у скифов не было городов, и от сражений они предпочитали уклоняться. Победоносный поход на деле оказался изматывающим и совершенно безуспешным преследованием неуловимых и вездесущих врагов. Кочевники испортили колодцы и уничтожили пастбища. Скифские всадники постоянно висели на флангах огромного войска. Скифы, как могли, старались убедить ионийцев,

которые построили и охраняли мост через Дунай, разрушить его и тем самым обеспечить поражение Дария. Но пока Дарий продолжал наступать, греческие союзники предпочитали быть на его стороне.

Однако лишения, усталость и болезни слишком измотали персидскую армию. Дарий потерял много людей и лишился припасов и, наконец, пришел к неутешительному выводу, что единственный способ спасти свою армию от окончательного истощения — это отступление через Дунай.

Чтобы незаметно отвести свои войска, Дарий решил пожертвовать больными и ранеными. Он объявил

им, что атакует скифов после полуночи. Под этим предлогом он вывел лучшую часть своей армии из лагеря и двинулся на юг, оставив за своей спиной лагерь с его кострами и обычными для стоянки шумом и суетой.

На следующий день люди, брошенные в лагере, поняли, как поступил с ними их владыка, и сдались на милость скифов.

Дарию удалось выиграть время, и он оказался у моста раньше, чем преследователи настигли его. Скифская конница была более подвижна, чем отряды Дария, однако в темноте скифы упустили свою добычу. Но у реки отступающих

персов «ожидало зрелище, наполнившее их невыразимым ужасом». Они обнаружили, что мост частично разрушен, а его северный конец уничтожен ...

В такие драматические моменты далекие столетия словно оживают для нас. Мы видим, как персы в отчаянии сгрудились вокруг своего повелителя на берегу бурного течения. Перед нашими глазами — голодные, измученные тяжелым походом люди. Потрепанные колонны вытянулись до самого горизонта, на котором в любой момент может появиться авангард преследователей, несомненно, уже пустившихся вдогонку. Шума не

слышно, несмотря на огромное скопление людей; все затаили дыхание, надеясь на счастливую звезду своего вождя. А прямо перед ними, словно причал, выступает с противоположного берега великой реки остаток понтонного моста.

Мы не можем рассмотреть, есть ли на этом мосту люди. Корабли ионийских греков, похоже, все еще стоят у другого берега, но до него все же очень и очень далеко. «Но был в стане у Дария один человек, египтянин, имевший голос более зычный, чем у кого бы то ни было на всем свете. И этому человеку Дарий приказал стать на берегу Истра (Дуная) и звать Гистиея из Милета».

Наконец, этот самый Гистией — придет день, как мы узнаем позднее, и его отсеченную голову отправят Дарию в Сузы — медленно подплывает к ним на лодке.

Греки решились на переговоры, и мы понимаем, что положение Дария не так уж безнадежно. Гистией начинает свое долгое и путаное объяснение. Они увидели каких-то скифов, которые появились и затем снова исчезли. Вероятно, это была разведка.

Не обошлось и без переговоров между греками и скифами. Мост необходимо разрушить, настаивали скифы, тогда они приложат все силы, чтобы покончить с персидским

войском. А это, говорили они, будет означать конец Дария и его царства. Азиатские греки смогут освободить свои города.

Афинянин Мильтиад был за то, чтобы принять это предложение. Но Гистией решил действовать более уклончиво. Хотелось бы, сказал он, воочию увидеть гибель персов до того, как греки скажут свое окончательное слово. Не лучше ли скифам вернуться и покончить с персами, пока греки будут разбирать мост?

Грекам было ясно: чью бы сторону они не заняли, будет разумнее разобрать северную часть моста, пока сами скифы не

ворвались на него. Само собой, еще не успели закончиться переговоры, а греки уже стали поспешно уничтожать тот край моста, который соединял их со скифами.

Скифы же умчались на поиски персов, оставив греков дожидаться, чья возьмет) В любом случае им ничто не угрожало. Если Дарию удастся уйти от погони, они по-прежнему его союзники. Если же его ожидает поражение, скифам тоже не на что будет жаловаться.

Однако Дарию Гистией не стал всего этого рассказывать. Ведь он сохранил большую часть моста и все корабли. Гистией предпочел представить себя преданным

союзником Персии, а у Дария не было настроения тщательно во всем разбираться. Немедля подошли ионийские корабли. С несказанным облегчением беглецы-персы смотрели, как свинцовые воды Дуная все дальше отделяют их от преследователей...

Поход в Европу больше не привлекал Дария. Он вернулся в Сузы, оставив армию во Фракии под началом своего верного полководца Мегабаза. Тот занялся покорением Фракии; среди прочих держав, которые с неохотой признали владычество Персии, мы узнаем впервые и о Македонском царстве. Эту страну населял народ, настолько

близкий грекам, что сын одного из его царей участвовал в Олимпийских играх и стал победителем.

Дарий хотел наградить Гистиея, позволив ему построить себе город во Фракии. Но Мегабаз был иного мнения о его преданности. Он настоял на том, чтобы царь взял его с собой в Сузы. Под видом своего советника Дарий мог держать грека, как пленника, при своем дворе.

Гистией поначалу был польщен этим предложением, но потом понял его истинный смысл. Персидский двор ему надоел, и он хотел вернуться обратно в Милет. Он решил поссорить ионийских греков с персами, и ему даже удалось подбить

мало-азийские города на восстание.

Перипетии этой истории, включавшей в себя сожжение Сард ионийцами и поражение греческого флота, слишком сложны, чтобы пересказывать их здесь. Это темная и запутанная история, полная измен и жестокости, в которой смерть хитреца Гистиея кажется едва ли не светлым эпизодом. Персидский наместник Сард, через которые везли пленного Гистиея в Сузы, был такого же мнения о нем, как и Мегабаз. Зная способность грека хитростью втираться в доверие к Дарию, он решил не рисковать и отправил своему господину только его голову.

В конфликт, спровоцированный

Гистиеем, были втянуты Кипр, греческие острова и в конечном итоге Афины.

Дарию стало ясно, как он ошибся, повернув направо, а не налево, перейдя Босфор. И он принял решение завоевать всю Грецию и начал с островов.

Тир и Сидон, эти два великих морских города, были подвластны Персии. Вместе с ионийскими греками финикийцы предоставили свои корабли персидской армии, которая один за другим подчинила себе греческие острова.

Первая атака на континентальную Грецию была предпринята в 490 году до н. э. Это был штурм Афин с моря силами, долго и тщательно подбиравшимися для этой цели. Флот был снаряжен специально построенным транспортом для перевозки лошадей. Эта экспедиция высадилась возле Марафона в Аттике. Персов провел к Марафону изменник-грек Гиппий, сын Писистрата, бывшего тирана Афин. Если бы Афины пали, то, опираясь на поддержку персов, тираном должен был стать Гиппий.

Тем временем чувство общей опасности настолько овладело греками, что из Афин в Спарту был

отправлен гонец. Невзирая на прежние распри, он должен был сказать: «Лакедемоняне, жители Афин просят вас прийти им на помощь и не позволить, чтобы древнейший из эллинских городов был поработщен силою варваров. Ибо такая участь уже постигла Эретрию, и Эллада стала слабее на один прославленный город».

Но прежде чем успело прибыть подкрепление из Спарты, две противоборствующие силы уже сошлись на поле битвы. Афиняне первыми бросились на врага. Для атаки они выбрали «невиданный доселе прием: они были первыми из всех эллинов, которые стали

атаковать неприятеля бегущим
строем, и первыми, кто не испугался
мидийских одежд и людей, носивших
их. А ведь до этого времени эллины
страшились одного имени мидян».

Фланги персов подались под
этой стремительной атакой, но
центру удалось выстоять. Афиняне,
однако, сражались столь же
хладнокровно, сколь и
самоотверженно. Они не
преследовали бегущих, а сомкнулись
вокруг центра, в то время как
основная масса персидского
воинства бежала, пытаясь спастись
на судах. Афинянам досталось семь
кораблей, остальным удалось уйти.
После бесплодной попытки

подплыть к Афинам с другой стороны и взять город прежде, чем вернется греческая армия, персидский флот отступил к берегам Азии.

Завершим этот раздел еще одним отрывком из Геродота, из которого явствует, какой неоспоримой репутацией пользовались индийские воины в то время: «Лакедемонян подошло к Афинам две тысячи сразу же после полнолуния. Шли они в великой спешке, так что прибыли в Аттику на третий день после того, как покинули Спарту. И хотя они не успели к сражению, но им тоже не терпелось увидеть мидян. Итак, они

отправились к Марафону и смотрели там на тела убитых. А когда отправлялись домой, то хвалили афинян и то дело, которое они совершили».

Так Греция, на какое-то время объединенная страхом перед общим врагом, одержала свою первую победу над Персией. Это известие пришло к Дарию одновременно с известием о восстании в Египте. Так и не решив, в какую сторону отправиться, он вскоре умер. Его сын и преемник Ксеркс (царь в 486–465 гг. до н. э.) сперва вернул себе Египет и посадил там персидского сатрапа, а затем четыре года готовился к походу на Грецию.

Послушаем, что говорит об этих событиях грек-патриот Геродот, приближаясь к кульминационной части своей «Истории»:

«И какой народ не повел Ксеркс из Азии против Эллады? И какие источники не иссякли после того, как из них напилось его воинство, за исключением разве что самых великих рек? Ибо некоторые из народов поставили ему свои корабли, а другим было ведено идти в пешем строю; некоторые должны были оснастить конницу, а другие — суда, чтобы перевозить лошадей; а самим также присоединиться к походу; одним было велено предоставить корабли для плавучего моста, а

другим — корабли с провиантом».

Ксеркс перешел в Европу не как Дарий, через Босфор, но через Геллеспонт (то есть Дарданеллы). В повествовании о том, как Ксеркс набирал свое огромное войско и о походе этого войска от Сард к Геллеспонту, поэт в Геродоте берет верх над историком. Великое воинство появляется в тех местах, где некогда стояла Троя. Ксеркс, будучи персом и варваром, все же был не чужд и духу классической старины. Он решил, как повествует наш историк, свернуть в сторону и посетить крепость Приама. Через Геллеспонт был переброшен мост и на холме был установлен мраморный

трон, восседая на котором Ксеркс мог обозревать свои выстроенные в боевом порядке войска.

«И увидев весь Геллеспонт покрытым кораблями и все берега и равнины Абидоса полными людей, Ксеркс во всеуслышание заявил, что считает себя счастливым человеком, но затем слезы покатились по его щекам. Артабан, его дядя, заметив эту перемену — а он поначалу открыто отговаривал Ксеркса от похода на эллинов — так вот, этот человек, заметив, что Ксеркс плачет, спросил его: «О царь, что за различные чувства владеют тобою теперь и еще мгновение назад! Ты назвал себя счастливым человеком, и

вот уже проливаешь слезы». Ксеркс же отвечал ему: «Да, стоило лишь мне почувствовать себя счастливым, я тут же опечалился от мысли, как коротка жизнь человека, видя, что из этих несметных множеств ни одного не будет в живых, не минует и сотня лет».

Персидский флот, двигаясь от мыса к мысу, сопровождал это несметное множество сухопутных войск во время их марша на юг. Однако пронесшийся по морю шторм жестоко потрепал этот флот: 400 кораблей было потеряно, включая и транспорт с фуражом.

Объединенные силы греков вышли, чтобы встретить врага возле

горы Олимп, но затем отошли назад через Фессалию и решили ждать наступающих персов в ущелье, которое называлось Фермопилы. В те времена — за 2400 лет это место сильно изменилось — там находился огромный утес, преграждавший путь из Фессалии в Среднюю Грецию, так что свободной оставалась лишь тропа на берегу моря, по которой едва могла проехать колесница.

Преимущество греков в узком проходе Фермопил было в том, что персы не могли использовать здесь ни свою конницу, ни колесницы. Кроме того, сужалась линия противостояния войск, сводя на нет огромное численное превосходство

персов. Тут им и пришлось сразиться с греками летним днем 480 г. до н. э.

В течение трех дней греки сдерживали натиск этой огромной армии и даже нанесли персам значительный урон с небольшими потерями для себя. Затем, на третий день, в тылу у греков появился персидский отряд, который узнал об оковом пути через горы от одного крестьянина. Греки стали поспешно совещаться.

Некоторые высказывались в пользу отступления, другие стояли на том, чтобы держаться до последнего.

Командовавший всеми силами греков спартанский царь Леонид был за то, чтобы сражаться. И с ним

останутся, говорил он, его 300 спартанцев. Остальная часть греческой армии могла бы, воспользовавшись этим, отступить к следующему ущелью, где можно было держать оборону. Отряд феспийцев, насчитывавший 700 человек, тоже отказался оставить поле боя. Они предпочли стоять до конца и умереть вместе со спартанцами. Также остался и отряд фиванцев из 400 человек. Учитывая то, что Фивы затем перешли на сторону персов, говорили, будто бы этих фиванцев заставили сражаться против их воли. Но с военной и исторической точки зрения это кажется маловероятным.

Эти 1400 человек остались на боевой позиции и все до единого погибли, проявив чудеса героизма в последней схватке. Двое из спартанцев не принимали участия в военном совете, страдая болезнью глаз. Когда до них дошла весть о начавшемся сражении, один был слишком болен, чтобы передвигаться самостоятельно, другой же приказал своему илоту отвести его на поле боя, где он бился вслепую, пока не был убит. Оставшегося в живых спартанца, Аристодема, взяли с собой отступающие войска. Вернувшись в Спарту, он не был наказан за то, что не принял участия в сражении, однако получил

прозвище «отступник». Это прозвище, словно клеймо, отделяло его от остальных спартанцев, но год спустя он героически сражался и погиб в битве при Платеях.

Сутки небольшой отряд удерживал ущелье, отбивая с фронта и тыла атаки всей персидской армии. Ему удалось обеспечить отступление основных сил греков, нанести огромный урон неприятелю и еще больше поднять престиж воина-грека, его превосходство над мидянами даже в сравнении с победой, одержанной при Марафоне.

Пока персидская конница и транспорт медленно просачивались через Фермопилы и двигались в

сторону Афин, несколько сражений состоялось и на море. Греческий флот отступил перед натиском персидских кораблей. Этот натиск, впрочем, существенно сдерживался переменчивостью погоды и незнакомством персов с рельефом дна возле береговой линии.

Подгоняемая своим численным превосходством, персидская армия неудержимо стремилась вперед, к Афинам. Теперь, с утратой Фермопил, ближайшую линию обороны можно было выставить только у Коринфского перешейка, а это означало, что врагу придется уступить всю промежуточную территорию, включая и Афины.

Афинянам оставалось либо спастись бегством, либо покориться персам. Покориться решили Фивы и вся Беотия, кроме одного городка, Платеи, жители которого бежали в Афины.

Были люди, прилагавшие все усилия, чтобы убедить афинян сдаться. Но вместо этого жители Афин решили оставить все и уходить из города на кораблях. Женщин и тех, кто не мог держать в руках оружие, переправили на остров Саламин и соседние острова. В городе остались лишь те, кто был слишком стар, чтобы идти, да небольшая кучка несогласных с этим решением. Персы заняли Афины и сожгли их.

Вернувшиеся впоследствии афиняне собрали обгоревшие в пожаре алтари, статуи и тому подобное и захоронили их в Акрополе. Они были извлечены из-под земли уже в наши дни, со все еще заметными следами пожара.

Ксеркс вошел в разрушенный город и предложил сыновьям Писистрата, которых привез с собой, принять то, что им принадлежало по праву наследования.

Тем временем объединенный греческий флот подошел к Саламину. На военном совете завязалась перепалка. Коринф и государства за перешейком настаивали, чтобы флот отошел с этой позиции, оставив противнику Мегары и Эгину.

Афинский стратег Фемистокл доказывал, что сражение нужно дать в узком Саламинском проливе. Однако большинство не хотело ни о чем слышать, кроме отступления. Внезапно пришло известие, что путь к отступлению отрезан. Персидские корабли обошли вокруг Саламина и заняли позиции в море в тылу у греческого флота.

Эту весть принес тот самый Аристид Справедливый, об ostracismе которого мы уже рассказывали. Его красноречие и благоразумие оказались очень кстати, и Фемистоклу удалось убедить колебавшихся предводителей греков. Эти два человека прежде были

непримиримыми антагонистами, но с великодушием, редким в те дни, они забыли о своих разногласиях перед лицом общей опасности. На рассвете греческие корабли вышли на боевые позиции.

Перед ними был флот, гораздо более разнородный и менее сплоченный, чем их собственный. Однако он был почти в три раза больше. Одно крыло держали финикийцы, другое — ионийские греки Малой Азии и островов. Флот союзников-греков по большей части был укомплектован свободными людьми, готовыми любой ценой отстаивать свой родной дом. Первые несколько часов битва больше

походила на беспорядочное смешение судов. Затем стало ясно, что персидский флот отступает, не выдерживая ожесточенного натиска греков. Это отступление закончилось катастрофой.

Ксеркс, для которого установили трон на высоком берегу, мог видеть все подробности развернувшегося сражения. Он видел, как греки таранили его тяжелые галеры острыми носами своих подвижных галер, брали их на абордаж, как под градом стрел гибли его солдаты. В те времена таран был основным приемом морского боя. Галеры таранили суда противников, пользуясь значительной силой удара,

либо ломали им весла, лишая их маневренности и возможности уйти от абордажной атаки.

Ксеркс видел, как некоторые из его поврежденных кораблей сдаются грекам. На воде там и тут были видны головы греков, плывших к берегу, «но из варваров многих поглотила пучина, поскольку те не были привычны плавать». Неуклюжая попытка передней линии персидского флота сделать разворот привела к неопишуемой сумятице. Некоторые из кораблей были протаранены своими же, напиравшими сзади, судами.

Западный ветер, не утихавший все время сражения, сносил многие

из поврежденных кораблей Ксеркса к берегу, где они разбивались о скалы. Других греческие корабли тащили к Саламину.

Способные сопротивляться корабли отступали к побережью, занятому персами, под защиту персидской армии. Ксеркс видел, как разбросанные по всему морю, его беспомощные корабли пытались спастись от преследовавших их греков.

Постепенно перед Ксерксом открылась картина постигшей его катастрофы. Еще утром Ксеркс объявил, что тех из его командиров, кто особо отличится в бою, ожидает щедрая награда. Но с последними лучами заходящего солнца закатилась

и морская мощь Персии. Корабли Ксеркса были потоплены, разрушены, рассеяны в море. А невредимый греческий флот, ликующий и победоносный, снова занимал боевой порядок у Саламина, еще не веря в свою победу.

Персидская армия, словно бы в нерешительности, еще несколько дней оставалась неподалеку от места, где произошло морское сражение, а потом начала отступать в Фессалию. Там персы собирались перезимовать и затем продолжать кампанию.

Но Ксеркс, как и Дарий до него, проникся отвращением к европейскому походу. Он боялся, что

может быть разрушен понтонный мост. С частью своей армии он направился к Геллеспонту, оставив в Фессалии основные силы под командованием Мардония. Это отступление так описано у историка:

«Где бы они ни шли, земли какого народа ни проходили, везде отбирали урожай у этих людей, чтобы накормить свое войско. А если не находили посевов, тогда рвали траву, росшую на земле, и сдирали кору с деревьев, обрывали листья и поедали их, не делая различия между садовыми деревьями и дикими, ничего не оставляя после себя. Так они поступали по причине голода. Затем чума обрушилась на это

войско, многих погубив по пути. Заболевших царь оставлял там, где они в это время проходили, на попечение городов. Так, некоторые из персов остались в Фессалии, некоторые в Сирии, в Пеонии, некоторые в Македонии. Затем, пройдя Фракию, они подошли к проливу и, спеша в Абидос, пересекли Геллеспонт на кораблях, поскольку плавучий мост уже больше не соединял оба берега пролива, он был разрушен бурей. Задержавшись там на некоторое время, они получили пищи в изобилии, которого не знали в пути, и по той причине, что безудержно утоляли голод, а также от перемены воды умерло

множество из тех, кто до того времени оставался невредим. Прочие прибыли с Ксерксом в Сарды».

10

В следующем году персидские войска, которые находились в Фессалии под командованием Мардония, вторглись в Среднюю Грецию. Они были разгромлены — и сам Мардоний погиб — в кровопролитной битве при Платеях в 479 г. до н. э. В тот же самый день сокрушительное поражение потерпели одновременно корабли и сухопутные войска персов около

мыса Микале на малоазиатском побережье, между Эфесом и Милетом. Опасаясь греков, персы вытащили свои корабли на берег и обнесли их стеной. Однако греки решительно атаковали и взяли приступом это укрепление. Затем они отплыли к Геллеспонту и уничтожили то, что еще оставалось от плавучего моста.

Персам, бежавшим из Платей, впоследствии с огромным трудом удалось переправиться через Босфор.

Воодушевленные поражениями прежде могучей Персии, ионийские города, как пишет Геродот, во второй раз подняли восстание против персов.

На этом завершается девятая книга «Истории» Геродота. Он родился в 484 г. до н. э., так что во время сражения при Платеях ему было девять лет. Многое из того, что нашло отражение в его «Истории», Геродот узнал от участников и свидетелей этих событий.

Боевые действия тянулись еще достаточно долго. Греки поддерживали восстание в Египте против персидского владычества и безуспешно пытались взять Кипр. Можно считать, что эта война окончилась лишь около 449 г. до н. э. К этому времени греческое побережье Малой Азии и греческие города на Черноморском побережье в

большинстве своем были освобождены, но Кипр и Египет все еще оставались под властью персов. Геродоту, родившемуся в персидском подданстве в ионийском городе Галикарнасе, к тому времени уже исполнилось тридцать пять, и после заключения мира он, должно быть, воспользовался первой же предоставившейся возможностью посетить Вавилон и Персию. Когда он приехал в Афины около 438 г. до н. э., его книга, вероятно, была уже написана.

Мысль о всегреческом союзе для похода на Персию не была совершенно новой для Геродота. Некоторые его современники

полагали, что Геродот взялся за написание «Истории», чтобы заставить греков еще раз задуматься об этой возможности. Геродот описывает, как зять Гистиея Аристагор показывает спартанцам «бронзовую табличку, на которой была вырезана карта всей земли со всеми морями и реками». Он вкладывает в уста Аристагора следующие слова:

«Эти варвары трусливы в бою. Вы, напротив, достигли наивысшего умения в ведении войны. Они сражаются с помощью луков и стрел, и коротких копий, они идут в бой, одетые в кожаные штаны и шапки. Ваше вооружение и дисциплину

можно считать безупречными. Их легко завоевать. Нет на земле народов, которые обладали бы тем, что есть у них: золото, серебро, бронза, вышитые ткани, животные и рабы. Все это станет вашим, если вы того пожелаете».

Это было сказано за сотню лет до того, как нашелся человек, который смог осуществить это.

Ксеркс был убит в своем дворце около 465 г. до н. э., и с тех пор Персия больше не предпринимала попыток продолжить завоевания в Европе. А Греция внезапно принялась создавать свою литературу и оставила по себе память, какой не оставил прежде нее ни один народ.

После 479 г. до н. э. выдохшаяся империя Царя царей вступила в эпоху своего заката. На сцене появляются Артаксеркс, Ксеркс II, Дарий II; восстают Египет и Сирия, восстают мидяне; Артаксеркс II и Кир III, его брат, борются за престол.

Персия повторяет историю Вавилонии, Ассирии и Египта более древних времен. Это автократия, вернувшаяся к своему естественному состоянию дворцовых заговоров, запятнанному кровью величия и нравственного убожества. Но эти склоки послужили причиной появления на свет одного из шедевров греческой литературы. Кир III набрал армию из греческих

наемников и повел ее на Вавилон против своего брата, и был там убит в самый миг своей победы над Артаксерксом II. Десять тысяч греков, лишившись своего нанимателя, отступили к побережью (401 г. до н. э.), и это отступление было увековечено в «Анабасисе», первых военных мемуарах, их предводителя Ксенофонта (ок. 430–355 до н. э.).

Убийства, бунты, подавление бунтов, различные бедствия, коварные союзы и низкие измены; таков характер истории Персии тех дней.

«Артаксеркс III, как говорят, был убит Багоасом, который посадил

Арса, младшего из царских сыновей, на престол только для того, чтобы убить его, как только он стал пытаться править самостоятельно».

История тем временем идет своим чередом. Афины, вступившие в эпоху процветания после изгнания персов, были опустошены эпидемией чумы в 429 г. до н. э. От эпидемии умер Перикл, величайший из их правителей. Но среди всей этой неразберихи «десять тысяч» Ксенофонта, которые разбрелись по греческим городам, не переставали повторять, уже из своего собственного опыта, высказывание Аристагора о том, что Персидская держава — это богатая развалина,

которую легко будет прибрать к
рукам решительному человеку.

Глава двадцать первая

Греческая мысль, литература и искусство

**1. Афины времен
Перикла.**

2. Сократ.

**3. Платон и
Академия.**

**4. Аристотель и
Ликей.**

**5. Философия
начинает рассуждать о
неземном.**

**6. Достижения и
ограниченность
греческой мысли.**

**7. Первая
художественная
литература греков.**

**8. Греческое
искусство**

1

Греческую историю в сорокалетие после Платей и Микале можно считать сравнительно спокойной и мирной. Случались и войны, но они не носили долговременный характер. В Афинах у тех, кто не испытывал недостатка досуга и средств, появилась возможность реализовать свои самые

разнообразные наклонности. И благодаря счастливому стечению обстоятельств, а также исключительным свойствам характера небольшой группы людей, эти возможности и свободное время принесли самые выдающиеся, неповторимые плоды.

Письменность, которая передавала звуки и особенности разговорной речи, сделала возможным существование литературы. Появилось множество прекрасных литературных произведений. Эпоху своего расцвета переживала и греческая скульптура. Были собраны и обобщены первые основания науки, заложенные

ранними философами (Фалесом и др.) из городов ионийской Малой Азии. Но затем долго тлевшая вражда между Афинами и Спартой прорвалась наружу ожесточенной и изнурительной войной, подорвавшей в конце концов жизненные силы этого творческого расцвета.

Эта война в истории известна как Пелопоннесская война. Она продолжалась почти тридцать лет (с 431 по 404 до н. э.), и на нее были истрачены все силы Греции. Поначалу верх брали Афины, затем Спарта. Затем наступил черед Фив (города, расположенного в Беотии), которые затмили собой Спарту. Последний проблеск величия Афин

пришелся на период, когда они стали во главе сил союзников. История этой войны — это история конфликта узких личных интересов, взрыва необъяснимой ненависти, и она давно стерлась бы из памяти людей, если бы ее перипетии и воспоминания о ней не сохранила великая литература.

Все это время Персия постоянно присутствовала на греческом небосклоне, поддерживая то один союз, то другой. К середине IV в. до н. э. Греция понимает, что ее политику будет определять и новая сила — Филипп, царь Македонский. Усиление Македонии значило для безнадежно разделенной и

враждующей Греции то же, что и появление мидян и персов на рубежах Халдейского царства. Наступит время, когда Греция оторвется, наконец, от своих споров и междоусобиц и в полной растерянности обернется в сторону Македонии.

Бесцельные и губительные раздоры все так же бесцельны и губительны, даже если о них пишет великий Фукидид. В нашем кратком очерке мы не можем в подробностях рассказать об этих конфликтах, о походах и набегах, которые оставляли за собой дымящиеся развалины одного греческого города за другим. На земном шаре размером в один

метр Греция — слишком маленькое пятнышко, а для короткой истории человечества столетие раздоров, отделяющее Саламин и Платеи от времени возвышения царя Филиппа, сжимается до мелкого, почти неслышного всплеска противоречий, неприметного эпизода в быстро меняющихся обстоятельствах судебных как отдельных людей, так и целых народов.

Но чему не суждено утратить своего значения — так это литературе, которую создавала Греция во время кратких передышек, в те беспокойные дни, которые отвела ей история. Этой литературе суждено было в значительной мере

повлиять на формирование интеллектуального процесса у всех сложившихся в дальнейшем европейских наций и стать неотъемлемой основой нашей духовности.

Вот что говорит в этой связи профессор Гилберт Мюррей:

«Внешнеполитическая история греков, конечно же, как и всех других наций, — это война и дипломатия, жестокость и обман. Внутренняя история, история мысли, чувств и характеров — вот в чем их величие. Им

приходилось справляться с трудностями, которые теперь почти не преграждают нам путь. У них практически не было опыта, все приходилось делать впервые, они были исключительно ограничены в материальных ресурсах, но их эмоции, их «желания, страхи и гнев», видимо, были сильнее и неукротимее наших. И все же они создали Афины Перикла и Платона».

Афины — это замечательная

вершина долго копившейся творческой силы греческого ума. Они и спустя двадцать три столетия продолжают вдохновлять людей разума, оставаясь для них путеводной звездой, которая зажглась после сражений при Марафоне и Саламине. Эта победа научила Афины оставаться свободными и неустрашимыми и, не прилагая излишних усилий, добиваться главенствующего положения в своем мире.

И все это было создано трудами и усилиями весьма немногочисленной группы единомышленников. Отдельному поколению афинян довелось

прожить лучшую часть своей жизни в условиях, которые во все века располагали людей к созидательной работе. Они были свободны, они жили в безопасности, они были горды собой и своей страной. И они не знали искушений безраздельной власти, которая заставляет причинять несчастья собратьям.

И когда политика снова привела к разорительной и преступной войне — братоубийственной войне со Спартой, — зажженное этим поколением пламя интеллектуальных исканий пылало уже так ярко, что его хватило на все потрясения и неурядицы этой войны, и на короткую жизнь Александра

Великого, — на период, значительно превышающий столетие.

Окрыленный победой и чувством обретенной в праведной борьбе свободы, народ Афин на какое-то время возвысился до благородства и великодушия. Под руководством Перикла — великого оратора и «демагога», то есть народного вождя, — афиняне принялись отстраивать свой город и расширять его торговые связи. Ему принадлежало главенствующее место в народном собрании Афин. Он был деятелем, равным которому в современной истории можно назвать разве что Гладстона или Линкольна.

В личности Перикла самым

удивительным образом сочетались политическое дарование и живая страсть ко всему великому и прекрасному. Он держал власть в своих руках на протяжении тридцати лет и был человеком исключительной духовной силы и широты взглядов. Эти качества оставили отпечаток и на его времени. Как заметил Винклер,^[27] у афинской демократии было «лицо Перикла».

Опорой Периклу служила великая и благородная дружба с женщиной, отличавшейся необычайной образованностью, Аспазией из Милета. Перикл не мог на ней жениться, потому что закон запрещал давать гражданство Афин

иноземцам, хотя фактически Аспазия была его женой. Ее заслугой было то, что вокруг Перикла собрались люди исключительных дарований. С Аспазией были знакомы все великие писатели того времени, и они похвально отзывались о ее мудрости.

Плутарх, правда, обвиняет Аспазию в том, будто бы именно по ее наущению началась трудная и опасная, хоть в конечном итоге и успешная война против Самоса. Однако, как он сам далее показывает, эта война была обусловлена необходимостью: самосцы угрожали афинянам на море. От этого страдала заморская торговля Афин, которая была экономической основой их

процветания.

Устремления людей, как правило, соотнобразуются с теми нормами, по которым живут их близкие. Перикла больше устраивало служить Афинам и быть их лидером, чем править ими как тиран. Под его руководством создавались новые союзы, основывались новые колонии и торговые центры на пространствах от Италии до Черного моря. Казна Союза также была перевезена при Перикле с Делоса в Афины. У Афин, по убеждению Перикла, больше не было причин опасаться угрозы со стороны Персии. Поэтому он пустил часть денег, которые союзники отложили на случай войны, на

украшение своего города.

Эти средства, появившиеся как результат сокращения военных расходов, предоставили исключительные возможности архитекторам и художникам. Афинский Парфенон, руины которого по-прежнему поражают своей красотой, стал своеобразной короной, увенчавшей перестроенные Периклом Афины. По сохранившимся до нашего времени скульптурам Фидия, Мирона и Поликтета (все V в. до н. э.) можно судить о том, каких художественных успехов достигла эта эпоха.

Именно неповторимый гений этого человека и та атмосфера,

которая сложилась в его окружении, помогли открыться великим дарованиям и привлекли в Афины людей огромной интеллектуальной энергии.

Афины «с лицом Перикла» были похожи на человека в маске, которому однажды неудержимо захочется сбросить эту маску. Среднего афинянина едва ли можно было назвать человеком благородным и великодушным. Мы уже рассказывали о том, как некий оставшийся неизвестным гражданин отдал свой голос в пользу ostrakizma Аристида.

С самодовольным упрямством этот средний гражданин будет

впоследствии протестовать против прекрасных зданий, окружавших его, против почестей, которые оказывались таким скульпторам, как Фидий, а не его соперникам — любимчикам толпы, против денежной поддержки простых чужеземцев, вроде Геродота из Галикарнаса. Для толпы казалось оскорбительным то, что Перикл отдает предпочтение обществу женщины из Милета. Общественная жизнь Перикла была подозрительно порядочной; соответственно человек с улицы приходил к мысли, что его личная жизнь должна быть очень безнравственна. Можно предположить, что Перикл старался

быть «выше» всего этого, но иногда в нем прорывалось презрение к своим согражданам, которым он служил.

«Перикл усвоил не только высокий образ мысли и возвышенность и чистоту речи, значительно отличавшие от низости и грубых манер, свойственных простонародью, но также и серьезное выражение лица, которое не смягчалось смехом, строгий и ровный тон голоса, простоту в обращении и пристойность в одежде, которая всегда

была в порядке ввиду сдержанности его манер. Все это и многое другое, отличавшее поведение Перикла, вызывали восхищение у тех, кто его видел. Таким было его самообладание, что однажды, когда какой-то подлый и необузданный мужлан целый день досаждал ему своими жалобами и оскорблениями, он сносил их терпеливо и молча и продолжал в собрании заниматься какими-то безотлагательными делами.

Вечером он неспешно отправился домой, а этот грубиян пошел следом за ним, осыпая его по пути градом самых непристойных ругательств. И поскольку уже стемнело, когда Перикл подошел к двери своего дома, он приказал одному из своих слуг взять факел и посветить этому человеку по дороге домой.

Поэт Ион, однако, говорил, что Перикл в общении отличался гордостью и высокомерием и что к достоинству его

манер примешаны были тщеславие и презрение к другим... Он не появлялся на улицах, разве что в тех случаях, когда он шел на площадь или в Совет. Он отклонял приглашения друзей и уклонялся от всякого дружеского общения и развлечений настолько, что за все то время, что продолжалась его общественная деятельность, а это был немалый срок, он ни разу не сел за стол со своими друзьями, за исключением свадьбы своего племянника

Эвриптолема, и оставался там только до той поры, пока церемония празднования не была окончена. Он считал, что свобода развлечений идет во вред должностному лицу и что достоинство мало совместимо с фамильярностью...»

В ту эпоху еще не было желтой прессы, которая поведала бы всем желающим о низменных наклонностях тех, кто достиг успеха и славы. Но простой человек, разочаровавшись в самом себе, находил особое утешение в искусстве

комедии, которое необычайно процветало в те времена. Авторы комедий удовлетворяли это едва ли не повсеместное стремление осуждать и высмеивать тех, чье явное превосходство оскорбляет наше самомнение. Они настойчиво, не жалея сил, поливали грязью Перикла и его друзей. Перикла привычно изображали в шлеме, и этот шлем стал неотъемлемой частью его образа. Было так приятно порассуждать о том, что этот шлем скрывает пугающее уродство головы — луковицеподобную голову! А встречи с Аспазией служили еще одной темой для домыслов толпы...

Некоторые мечтательные души,

устав от вульгарности нашего времени, страстно желали бы перенестись в возвышенный век Перикла. Однако, оказавшись посреди тех Афин, они попали бы в атмосферу, напоминающую современный мюзик-холл худшего пошиба: тот же настрой, тот же чванливый «патриотизм», те же потоки громогласной клеветы и грязных домыслов. По мере того как стиралась память о Платеях и Саламине, а новые великолепные здания становились привычными, Перикл и гордость Афин все более и более противоречили непритязательным наклонностям толпы.

Периклу удалось избежать остракизма — его престиж среди более уравновешенных граждан спас его от этого. Но нападки становились со временем все более сильными и неприкрытыми. Он жил и умер в бедности. Вероятно, он был самым честным из демагогов, но, тем не менее, его пытались, пусть тщетно, обвинить в растрате. Когда это обвинение провалилось, недруги Перикла стали действовать более уклончиво: они принялись за его друзей.

Религиозная нетерпимость и обвинения в безнравственности — вот то оружие, которое всегда под рукой у завистников, когда они

решаются выступить против лидеров. Один из друзей Перикла, Дамон, был подвергнут ostracism. На Фидия обрушились с нападка́ми, называя его безбожником. На щите величественной статуи богини Афины Фидий дерзнул изобразить в числе сражающихся греков и амазонок, Перикла и самого себя. Фидий окончил свои дни в тюрьме.

Анаксагор (ок. 500–428 до н. э.) — иноземец, приглашенный в Афины Периклом, — говорил самые необычные вещи о солнце и звездах и совершенно недвусмысленно намекал, что нет в мире никаких богов, а только один животворящий Ум (нус). Авторы комедий внезапно

открыли у себя глубокие религиозные чувства, которые подверглись глубокому оскорблению, и Анаксагору пришлось бежать, спасаясь от грозившего ему судебного преследования.

Затем пришел черед Аспазии. Афиняне были непреклонны в том, что ее следует выслать. Перикл разрывался между чувством к женщине, в которой была вся его жизнь, и служением неблагодарному городу, который он защитил и сделал более прекрасным, чем любой другой город его времени. Он стойко защищал ее в народном собрании, и, когда он говорил, слезы текли у него по щекам. Его слезы спасли Аспазию

на время.

Афиняне охотно пошли на то, чтобы унижить Перикла, но он служил им так долго, что никто уже не представлял, как можно обойтись без него. Он был их лидером треть столетия.

В 431 г. до н. э. началась война со Спартой. Плутарх обвиняет Перикла в том, что именно он настоял на необходимости этой войны, чувствуя, что его популярность падает и нужна война, чтобы снова сделать его незаменимым.

«И по той причине, что он сам стал уязвим в

связи с обвинениями против Фидия и боялся, что примутся и за него, он настоял на войне, пока еще не столь очевидной, и сам стал раздувать то пламя, которое прежде удавалось подавлять. Таким образом он надеялся избежать обвинений, грозивших ему, и смягчить гнев завистников, ибо столь велики были его сила и достоинство, что во всех важных событиях и во всех великих опасностях отечество могло довериться только ему одному».

Военные события
разворачивались медленно, а народ
Афин был нетерпелив. Некому
Клеону удалось стать заметной
фигурой, и он исполнился
амбициозных намерений оттеснить
Перикла от лидерства. Поднялась
шумиха, все только и говорили, что о
скором и победоносном завершении
войны, а Клеона преподносили как
человека, который ее выиграет.
Популярный поэт так откликнулся на
эти события:

«Ты, царь сатиров, ...
похваляешься своей
отвагой,
Но бледнеешь, лишь

заслышав, как острят мечи,
Страшась укусов
смелого Клеона?»

Военная экспедиция под руководством Перикла оказалась неудачной, и Клеон не упустил возможности обвинить в этом своего конкурента. Перикла отстранили от командования и оштрафовали. Рассказывают также, что его старший сын — не от Аспазии, а от прежней жены — выступил против него и преследовал самыми отвратительными и невероятными обвинениями. Этого молодого человека унесла эпидемия чумы, начавшаяся в Афинах. Потом умерла

сестра Перикла, а затем и его последний законный сын. Надевая, по обычаям того времени, на голову мальчика погребальный венок, Перикл не скрывал своих слез. Впоследствии он сам заразился и умер (429 г. до н. э.).

Все приведенные в этом кратком разделе факты дают возможность увидеть, до какой степени не соответствовал Перикл течению жизни, которой жил его город. Особенные условия того времени благоприятно сказались на интеллектуальном и художественном подъеме в Афинах, но отчасти он был вызван появлением нескольких очень необычных людей. Это творческое

движение не было общественной тенденцией: оно было движением маленькой группы людей, обладавших исключительными характером и дарованиями.

2

Еще одной выдающейся фигурой, которой эта эпоха также обязана своим непреходящим величием, был сын каменщика по имени Сократ (ок. 469–399 до н. э.).

Он родился на шестнадцать лет позже Геродота, и о нем заговорили незадолго до смерти Перикла. Сам он ничего не писал, но имел

обыкновение выступать в
общественных местах. То время было
отмечено усиленными поисками
мудрости. Множество учителей,
которых называли софистами,
проводило время в беседах и спорах
об истине, красоте и правильной
жизни, и молодежь, движимая
юношеским любопытством и
воображением, обращалась к ним как
к наставникам. Учителя-софисты со
своими кружками учеников
появились потому, что в Греции не
существовало больших жреческих
школ. И вот в их споры вступил этот
человек, босоногий, неуклюжий и
неопрятный, но собиравший вокруг
себя толпы поклонников и учеников.

Его метод был глубоко скептическим; Сократ полагал, что единственной подлинной добродетелью было истинное знание. Он не терпел ничьей веры, ничьей надежды, если они не могли выдержать испытание этим пробным камнем. Для него это и означало добродетель, но для многих духовно его более слабых последователей это означало утрату убеждений и моральных устоев, которые сдерживали их порывы. Эти слабые превратились в подлецов, которые всегда и во всем себя оправдывали и потакали своим прихотям.

В числе его молодых спутников был Платон, впоследствии

обессмертивший его метод в серии философских диалогов и основавший Академию — философскую школу, которой суждено было просуществовать девятьсот лет. Кроме Платона, учениками Сократа были Ксенофонт (см. выше), который оставил воспоминания о своем учителе; Исократ (436–338 до н. э.), один из самых проницательных политических мыслителей Греции. Но учеником Сократа был также и Критий (убит в 403 г. до н. э.), лидер Тридцати тиранов, поставленных Спартой, чтобы держать в покорности Афины, когда они потерпели окончательное поражение в Пелопоннесской войне. Был среди

них и Хармид, убитый вместе с Критием, когда Тридцать были низвергнуты; и Алкивиад (ок. 450–404 до н. э.) — предатель, отличавшийся необыкновенным умом и расчетливостью, приложивший немало сил, чтобы втянуть Афины в гибельную военную экспедицию против Сиракуз, которая подорвала их силы, предавший Афины и перешедший к спартамцам, и в конце концов, замышляя очередную измену, убитый на пути к персидскому двору.

Эти последние были не единственными молодыми учениками Сократа, чью бесхитростную веру и патриотизм он

разрушил, ничего не дав взамен. Его самым закоренелым врагом стал некий Анит, сын которого, преданный ученик Сократа, стал безнадежным пьяницей. Именно Анит добился, чтобы Сократа, в конечном итоге, обвинили в «совращении» афинской молодежи и приговорили к смерти, которую Сократ принял, выпив отравленный напиток из яда цикуты (399 г. до н. э.).

Его смерть очень выразительно описана в диалоге Платона «Федон».

Платон родился в 427 г. до н. э. и прожил восемьдесят лет.

По своему духовному темпераменту Платон принадлежал к

совершенно отличному от Сократа типу. Его труды отличались художественностью и утонченностью стиля, а Сократ за всю жизнь не написал ничего сколько-нибудь связного. Платон огромное значение придавал упорядочению общественных отношений и много размышлял над тем, как правильно устроить жизнь людей, в то время как Сократ, которому одинаково безразличны были жара, стужа и то, что думают о нем его собратья, сосредоточился на развенчивании иллюзий. Жизнь, говорил Сократ, это обман, подлинной жизнью обладает только Душа.

Платон был очень привязан к своему старому неотесанному учителю. Он считал, что метод Сократа исключительно ценен для прояснения и выявления подлинного содержания различных суждений. Он сделал Сократа центральной фигурой своих бессмертных диалогов. Однако его собственные мысли и устремления вели его в направлении, противоположном учению Сократа. Во многих платоновских диалогах звучит голос Сократа, но высказываемые им мысли — это всегда мысли Платона.

Платон жил в то время, когда сомнениям и полному пересмотру подверглись отношения между

людьми. В великие дни Перикла в Афинах, казалось, все были довольны существовавшими социальными и политическими институтами. Тогда не было причин для сомнений. Люди чувствовали себя свободными, общество процветало, страдания причиняла разве что зависть. В «Истории» Геродота мы почти не находим никаких признаков того, что существовало недовольство афинскими политическими институтами.

Но Платон, который родился примерно в то время, когда умер Геродот, и рос в годы разрушительной войны и великих

социальных потрясений, мог воочию наблюдать разлад отношений и несоответствие общественных институтов изменившимся условиям.

Его разум принял этот вызов. Как одна из его ранних работ, так и его последнее произведение — это открытые и проникновенные беседы о возможном переустройстве и улучшении общественной жизни. Сократ научил его ничего не принимать на веру, даже привычных отношений между мужем и женой, родителем и ребенком. Платоновское «Государство», первая из всех Утопий человечества, — это мечта о городе, в котором жизнь людей устроена по новому и лучшему

замыслу. Его последняя, неоконченная книга «Законы» — это беседа о том, как лучше обустроить еще одну подобную Утопию.

Но не только неурядицы тех дней направляли мысль Платона в этом направлении. Во времена Перикла Афины основывали множество заморских поселений, и это приучило людей к мысли, что сообществу не обязательно разрастаться вширь, его также можно основать на новом месте.

Очень близок с Платоном был один молодой человек, который впоследствии также основал школу в Афинах и дожил до еще более преклонного возраста. Это был

Исократ. Его, говоря современным языком, можно было бы назвать публицистом, скорее писателем, чем оратором; свою главную задачу он видел в развитии идеи Геродота об объединении Греции, как средства противодействия низости и неразберихе ее политики, запустению и разорению ее междоусобиц.

Политический кругозор Исократа был в некоторых отношениях шире, чем Платона. В свои поздние годы Исократ стал склоняться к монархии, в частности к македонской монархии Филиппа, более способной обеспечить единство Греческого государства,

чем демократия полисов. Такой же уклон к идее единовластного правления мы наблюдаем и у Ксенофонта; о его книге «Анабасис» мы уже упоминали. В старости Ксенофонт написал «Киропедию» («Воспитание Кира»), «оправдание как в теории, так и на практике абсолютной монархии, показанное на примере организации Персидской империи».

Платон учил в основанной им Академии. К нему, уже в его преклонные годы, пришел некий молодой человек из Стагир в Македонии. Аристотель, сын придворного врача царя Македонии, был человеком совершенно иного

склада ума, чем великий афинянин. От природы он скептически относился к силе образа и с огромным уважением — к возможности постижения установившихся фактов. Позднее, уже после смерти Платона, Аристотель основал школу в Ликее (отсюда «лицей»), неподалеку от Афин, и учил там, достаточно жестко критикуя Сократа и Платона. В те дни тень Александра Великого уже легла на Грецию, и в учении Аристотеля заметно благожелательное отношение к рабству и монархии. Прежде Аристотель несколько лет был наставником юного Александра при дворе Филиппа Македонского.

Мыслящими людьми в то время владело отчаяние; их вера, что человек в силах сам создавать те условия, в которых хотел бы жить, постепенно исчезала. Больше уже не было Утопий. Та стремительность, с которой развивались события, говорила не в пользу того, что их возможно осуществить. Легко было думать о переустройстве человеческого общества, когда само это общество — не более чем полис в несколько тысяч граждан.

То, что в действительности происходило вокруг, походило на мировую катастрофу. Это был политический передел всего известного мира, процесс, в который

даже тогда было вовлечено около ста пятидесяти миллионов человек. Это была перестройка, масштабы которой человеческий разум пока что не был способен осознать. Мысль снова оказалась отброшена к представлениям о вездесущей и неумолимой Судьбе. Люди в те времена цеплялись за все, что могло обеспечить хоть какую-нибудь стабильность и единение.

Монархия, несмотря на все свои очевидные недостатки, казалась вполне приемлемой формой правления для миллионов, по крайней мере, действенной. Она навязывала свою руководящую волю там, где коллективная воля была

бессильна. Эта перемена в общем умонастроении вполне сочеталась у Аристотеля с неизменным уважением к установившемуся факту. Если, с одной стороны, что-то заставляло его одобрять монархию, рабство и подчиненное положение женщин, то, с другой стороны, он еще более старался понять эти факты и приобрести упорядоченное знание этих реалий человеческой природы, которые теперь с такой очевидностью восторжествовали над творческими мечтами предшествовавшего поколения.

Аристотель отличался огромной эрудицией и здравомыслием и был очень требователен в своем

самоотверженном энтузиазме. В своем понимании важности организованного знания Аристотель предвосхитил Ф. Бэкона (1561–1626) и современную науку.

Он сам принялся за систематизацию знания. Аристотель стал родоначальником естественной истории. Другие до него рассуждали о природе вещей, но он с теми молодыми людьми, которых сумел приобщить к этой задаче, взялся за классификацию и сравнение вещей. Платон в сущности говорил: «Давайте возьмем жизнь в свои руки и перестроим ее»; его более трезвомыслящий преемник — «Давайте сначала побольше узнаем о

жизни, а пока послужим на благо царю». И это не столько противоречие, сколько комментарий к словам его учителя.

Своеобразные отношения Аристотеля с Александром Великим позволили ему обеспечить свою работу средствами, которые и многие века спустя оставались недоступны для научных изысканий. Он располагал сотнями талантов (талант равен 26,2 кг золота) для своих расходов. Одно время он имел в своем распоряжении тысячу человек во всех уголках Азии и Греции, которые собирали материал для его естественной истории. Конечно же, это были совершенно

неподготовленные собиратели, однако, насколько нам известно, ничего подобного не предпринималось и даже и не мыслилось до Аристотеля. С этого началось не только естествознание, но и политическая наука. Ученики Ликея под его началом сделали анализ почти всех политических образований своего времени.

Это был первый опыт организованного научного исследования о мире. Ранняя смерть Александра и распад его едва сложившейся империи положили конец материальной поддержке подобных изысканий на две тысячи лет. Только в Египте, в Александрии

еще продолжались научные исследования, да и то на протяжении всего нескольких поколений. Об этом нам вскоре предстоит говорить. Но уже через пятьдесят лет после смерти Аристотеля Ликей полностью утратил свое былое значение.

Мысль заключительных лет IV столетия в. до н. э. не склонялась больше к Аристотелю, к усердному и последовательному накоплению упорядоченного знания. Вполне возможно, что без материальной поддержки со стороны царя Аристотель остался бы в интеллектуальной истории лишь одной из малоприметных фигур. Он

смог опереться на эти средства и в полную силу раскрыть возможности своего блестящего разума.

Простой человек предпочитает выбирать легкие пути и упрямо не хочет ничего слышать о том, что легкие пути приводят в конце концов в тупик. Когда выяснилось, что поток событий слишком сложен, чтобы его можно было направить в желаемое русло, большинство философов предпочло придумывать прекрасные и утешительные способы для бегства от этой жизни.

Возможно, это сказано слишком несправедливо. Но давайте послушаем, что профессор Гилберт Мюррей думает по этому поводу:

«Киников заботила только добродетель и отношение души к Богу; мир, его ученость и почести они почитали за ничто. Стоики и эпикурейцы, такие далекие на первый взгляд, были очень похожи в своих конечных целях. Что для них в действительности было значимым, так это этика — как на практике следует человеку распорядиться своей жизнью. Конечно же, оба эти течения не были чужды науке, эпикурейцы — физике, стоики — логике и риторике, но только как средству, должному привести к намеченной цели. Стоик пытался завоевать умы и сердца людей утонченностью абстрактных

аргументов и блистательной
возвышенностью мысли и
выражения. Эпикуреец был настроен
дать человечеству возможность идти
своим путем, без подобострастия
перед капризными и непостоянными
богами, не жертвуя своей свободной
волей. Его убеждения уложились в
четыре максимы: «бога не стоит
бояться; смерть нельзя
почувствовать; благо можно
завоевать; все, к чему мы стремимся,
может быть взято силой».

А поток событий продолжал
свое течение, не обращая внимания
на философию.

Если современный человек
обратится к греческим классикам,

надеясь извлечь для себя пользу из чтения, он должен учитывать их традиции, их возможности и ограниченность. Восхищаясь, мы склонны все преувеличивать. Большинство классических текстов очень искажены; все они создавались людьми, испытывавшими свои трудности, жившими во времена такого дремучего невежества и косности, что наш собственный век в сравнении с ними может показаться периодом невиданной просвещенности.

То, что мы теряем, без привычной почтительности обращаясь с этими трудами, мы должны восполнить симпатией,

сочувствием к этим обеспокоенным, растерянным и очень по-современному мыслящим людям. Афинские авторы, безусловно, были первыми современными людьми. Они обсуждали то, что и мы не перестаем обсуждать, они начали бороться с теми великими проблемами, которые стоят перед нами сегодня. В их поисках, в их работе — заря нашей эпохи.

К. Г. Юнг^[28] в «Психологии бессознательного» очень хорошо показал различие между древним (доафинским) и современным мышлением. Первое — это мифологическое мышление, мышление в образах, сходное со

сновидениями. Второе — это мышление в словах и понятиях. Древность до первых греческих мыслителей оставила нам в наследство мифологию. Наука же — это способ организации логического мышления.

Древний мир человека был миром субъективных фантазий, подобно миру детей и необразованной молодежи, сравнимый с миром дикарей, миром сновидений. Фантазии детей — это отголоски доисторических и дикарских методов мышления. Мифы, говорит Юнг, это массовые фантазии людей, а фантазии — это мифы индивидуумов.

Мы уже обращали внимание на сходство первых богов цивилизации с фантазиями детей. Работа упорного и дисциплинированного мышления, которая была начата греческими мыслителями и продолжена философами-схоластами средневековья, была первым необходимым шагом к современной науке.

Греческие философы начали этот поиск и не пришли ни к каким однозначным ответам. Мы и сегодня не можем претендовать на то, что нам известны ответы на большинство вопросов, заданных ими. Еврейскому уму, как мы уже говорили, открылась бесконечность

страдания и неурядиц жизни и то, что причина этого, главным образом, в беззаконии и неправедных поступках людей. Они пришли к выводу, что спасение может прийти только через подчинение себя служению единому Богу, который правит землей и небом.

Грек, придя к такому пониманию, не был готов прийти к подобным выводам, потому что не был изначально знаком с идеей единого патриархального божества. Он жил в мире, в котором был не Бог, но боги. И если он чувствовал, что и сами боги не всемогущи, он думал, что за богами стоит Судьба, холодная и безликая. Поэтому грек пытался

найти ответ в поисках правильного образа жизни, без какого бы то ни было соотнесения человека, живущего правильной жизнью, с волей Бога.

Для нас, смотрящих на этот вопрос с точки зрения чисто исторической, общая проблема может быть представлена в форме, которая объединяет еврейский и греческий пути изложения этой проблемы. Мы видели, как род человеческий от бессознательности животного перешел к непрерывному самосознанию различных народов, постигая неизбежную трагедию индивидуального самопознания и вслепую нащупывая путь к взаимной

связи и объединяющей идее, которые должны спасти человечество от страданий и случайностей изолированного индивидуума.

Идеи богов, царя-бога, племени, города — вот те идеи, за которые хватались и которым некоторое время были верны люди. Ради этих идей они были готовы частично пожертвовать своим эгоизмом, обеспечивая себе возможность более продолжительной жизни. Но, как видно из наших войн и катастроф, все эти замечательные идеи пока что слабо показали себя на деле. Боги оказались бессильны защитить человека, жизнь племени — безнравственной и жестокой. Город

подвергал остракизму самых лучших и верных своих представителей, а для царя-бога не существовало никаких человеческих рамок...

Когда мы перечитываем философские произведения этого великого периода Греции, нам становятся очевидны три преграды, словно три стены, которыми греческий разум окружил себя и из которых ему очень редко удавалось вырваться.

Первое из этих ограничений — это сосредоточенность греческой мысли на идее города как предельной формы государства. В мире, где одна империя сменялась еще большей империей и где люди и

идеи становились все более свободными и самостоятельными; в мире, который уже тогда шел к объединению, греки, ввиду своих своеобразных географических и политических особенностей, по-прежнему предавались неосуществимым мечтам о небольшом компактном городе-государстве, недоступном для внешних воздействий, отважно отстаивающем свою уникальность от посягательств окружающего мира.

Идеальное количество граждан совершенного государства, по Платону, колеблется от 1000 («Государство») до 5040 («Законы»). Аристотель так говорит об этом в

своей «Политике»:

«Для надлежащего установления правосудия и для распределения власти необходимо, чтобы граждане были знакомы с характерами друг друга. Там, где это невозможно, в результате причиняется множество вреда — и в использовании власти, и в совершении правосудия, поскольку там, где население избыточно, решения зачастую принимаются произвольно». Подобное локальное государство, прообраз которого набросан в его книге, должно было воевать и не покоряться другим городам-государствам. А ведь не прошло еще и нескольких поколений с тех пор, как воинство Ксеркса

перешло Геллеспонт!

Возможно, греки думали, что дни мировых империй миновали безвозвратно, тогда как это было только их начало. Самым большим, что греки могли себе представить, были союзы и альянсы. А при дворе Артаксеркса, несомненно, находились люди, мыслившие гораздо шире мелких представлениями острова, скалистой гавани и долины, окруженной горами.

Однако греческий разум упрямо игнорировал необходимость объединения против более значительных сил, которые действовали за пределами его мира.

Чужаки-персы были варварами, о которых лишний раз не стоило вспоминать, их выгнали из Греции раз и навсегда. Можно было брать деньги у Персии — и все брали деньги у Персии — но что из того?! На какое-то время можно было завербоваться в их армию (как поступил Ксенофонт) и надеяться, что тебе повезет и тебе заплатят богатый выкуп за какого-нибудь пленника. Афины вмешивались в египетскую политику, вели локальные войны против Персии, однако не существовало никакого представления об общей политике или общем будущем для Греции...

Пока в Афинах не раздался

встревоженный крик: «Македония!». Словно сторожевой пес, всполошивший всех, оратор и демагог Демосфен (384–322 до н. э.) сыпал предостережениями, обвинениями и угрозами в адрес Филиппа Македонского. Царь Македонии в своей политике использовал советы не только Платона и Аристотеля, но также Исократа и Ксенофонта. Он учился на примере Вавилона и Суз и без лишнего шума, умело и уверенно готовился овладеть всей Грецией, а затем покорить весь известный грекам мир.

Вторым, что связывало греческий ум, был институт

домашнего рабства. Рабство было неотъемлемой частью греческой жизни, без него человек не мог помыслить ни о личном удобстве, ни о собственном достоинстве. Однако рабство лишает человека не только взаимопонимания с классом своих же зависимых собратьев, оно отделяет рабовладельцев как класс ото всех чужеземцев. Человек сам относит себя к избранному племени.

Платон, которому чистота разума и благородная рассудительность духа позволяли возноситься над повседневностью, стоял скорее за то, чтобы отменить рабство; общественное мнение и Новая комедия были в основном

настроены против Платона. Стоики и эпикурейцы, многие из которых были в прошлом рабами, проклинали рабство, как противоестественное явление, однако находили его слишком сильным, чтобы сокрушить, и полагали, что оно не отражается на душе и может не приниматься в расчет. Мудрому все едино, свободный ты или раб.

Но для прагматичного Аристотеля, как и для большинства практичных людей его времени, отмена рабства была немыслима. Было провозглашено, что в мире есть люди, которые являются «рабами от природы».

Наконец, в-третьих, мысль

греков была скована тягой к знанию, почти непостижимой для нас сегодня. У них не было знания о прошлом человечества, в лучшем случае, только отрывочные догадки. Не было знаний по географии, за пределами Средиземноморского бассейна и границ Персии. Мы сегодня знаем гораздо больше о том, что происходило в Сузах, Персеполе, Вавилоне и Мемфисе во времена Перикла, чем он сам. Астрономические представления греков классической эпохи были на зачаточной стадии. Анаксагор (V в. до н. э.), обладавший безудержным воображением, полагал, что Солнце и Луна — это огромные сферы,

настолько огромные, что Солнце, вероятно, «величиной с Пелопоннес». Их представления в области физики и химии носили исключительно умозрительный характер; удивительно, что они все-таки додумались до атомарного строения материи.

Но нельзя забывать о том, что античные греки были исключительно бедны в том, что касалось экспериментального оборудования. У них было цветное стекло для украшений, но не было прозрачного; не было никаких точных приспособлений для измерения малых промежутков времени, эффективной системы исчисления,

точных весов, никаких зачатков телескопа или микроскопа.

Современный ученый, окажись он в Афинах времен Перикла, испытал бы величайшие затруднения, попробуй он, хотя бы приблизительно, продемонстрировать элементы своего знания людям, которых бы встретил там. Ему пришлось бы из чего попало собирать простейшие приборы, в то время как Сократ распространялся бы о том, насколько абсурдно искать Истину с помощью куска дерева, ниток и железа, какими мальчишки ловят рыбу.

Надменность, с какой философ сторонился ремесленника, не

позволяла первому пользоваться какими-либо приборами. Ни один благородный грек не стал бы возиться со стеклом и металлами. А нашему ученому, помимо всего прочего, грозила бы еще и кара по обвинению в безбожии.

Наш сегодняшний мир может оперировать огромным фактическим материалом. Во времена Перикла был заложен едва ли не первый камень в необъятной пирамиде фиксированных и проверенных фактов. Когда мы задумываемся об этом различии, нас перестает удивлять то, что греки, со всей их способностью к политической спекуляции, были слепы в

отношении опасностей, подстерегавших их цивилизацию извне и изнутри, не осознавали необходимости действенного объединения. И последующее развитие событий на долгие века подавило хрупкие свободы человеческого разума.

Не результаты, которых достигли греки, а усилия, которые они предпринимали, — вот в чем подлинная ценность греческих ораторов и писателей. Не в том, что они ответили на вопросы, но в том, что они осмелились задать их. Никогда прежде человек не бросал вызов этому миру и условиям той жизни, в которой ему довелось

родиться. Никогда прежде он не говорил, что в силах изменить эти условия. Традиция и кажущаяся необходимость привязывали человека к жизни, которая сама собой разворачивалась вокруг него в его племени с незапамятных времен.

Итак, мы видим, что в V и IV вв. до н. э. — особенно отчетливо в Иудее и Афинах, но не ограничиваясь этими центрами — в человечестве появляется новый интеллектуальный и моральный процесс, призыв к праведности и призыв к истине, на фоне страстей, неразберихи и суеты существования.

Это можно сравнить с зарождением чувства

ответственности у молодого человека, который внезапно открывает, что жизнь не является ни простой, ни бесцельной. Человечество тоже взрослеет. История последующих двадцати трех столетий пронизана развитием и распространением, взаимодействием и более четким оформлением этих двух главных направляющих идей. Постепенно люди осознают реальность общечеловеческого братства, необходимость избавиться от войн, жестокости и насилия, возможность общей цели для всех живущих на земле людей. В каждом поколении с этих пор мы обязательно будем встречать людей, ищущих этот

лучший порядок, к которому, как они это чувствуют, должен прийти наш мир.

Повсюду, где в человеке проявляются великие созидательные идеи, жгучая зависть, подозрительность и нетерпимость, которые также являются частью нашей природы, борются с этим порывом к великим целям. Последние двадцать три столетия истории похожи на попытки импульсивного и торопливого бессмертного мыслить ясно и жить праведно. Один просчет сменяется другим, многообещающее начало приводит к гротескным разочарованиям, потоки живой воды,

из которых хочет напиться жаждущее человечество, оказываются опять отравлены. Но надежда неизменно воскресает после очередной неудачи...

Мы уже отмечали в наших Очерках, что развитие литературы вынуждено было ждать появления письменности достаточно разработанной для того, чтобы передать выразительные обороты речи и красоту языка. До этого времени письменная литература могла передавать лишь смысл. У ранних арийских народов, как мы уже говорили, устная ритмическая словесность возникла еще до того, как появилась письменность. У

ариев были песни сказителей, поэмы, исторические предания, нравственные наставления. Все они сохранялись особой группой людей — бардами.

Эти традиционные накопления не потерялись благодаря тому, что были записаны. Два основных эпических произведения греков, «Илиада» и «Одиссея», по всей видимости, впервые были записаны около VIII в. до н. э., и оба — на ионийском диалекте греческого языка. Говорят, что первым собирателем поэм Гомера был Писистрат.

Существовали различные версии этих эпических произведений.

Нынешний текст впервые был составлен во II в. до н. э. Существовали и другие поэмы — продолжения, перепевы, переделки «Илиады» и «Одиссеи», а также отдельные приключенческие истории, которые к настоящему времени почти полностью утрачены.

Общепринятым мнением у греков было то, что обе эти поэмы являются творением одного поэта. Гомера, родившегося в одном из семи вероятных городов, в период между 1100 и 800 гг. до н. э. С уверенностью традиция сообщает лишь о том, что он был слеп. Эти два произведения пользовались такой любовью и почетом у греков, что вплоть до II в.

до н. э. никто не обращал внимания на тот факт, очевидный даже в переводе, что эти два великих творения настолько же отличаются по духу и тональности, как звук трубы от звука флейты.

Но пусть с этим разбираются наши ученые мужи. Тем более что лишь им доступно наслаждаться во всей полноте этими произведениями. Эти поэмы, скажут они, отличаются величием, красотой и мелодией, которые не в силах передать ни один перевод.

И в самом деле, какой нужен перевод, чтобы сполна оправдать восторги просвещенного общества этими первоначальными шедеврами

европейской литературы?! В работу каждого переводчика вкрадывается определенная монотонность, легковесность. Но и сами неописуемо мелодичные звуки греческого языка, случись знатоку процитировать их некоему невежественному скептику, покажутся сродни звукам, которые бездушный монтер извлекает из засорившегося водопровода.

И все же для нас в этих эпических поэмах открывается редкая красота и поучительность. Они переполнены очаровательным ребячеством, вспышками неукротимых чувств и живописными наблюдениями, и очень жаль, что

неуемные восторги ученых почитателей, которые говорят о них, как о чем-то величественном, недоступном и далее в том же духе, заставили широкого читателя воспринимать их почтительно, но без особого интереса.

Рядом с именем Гомера стоит имя Гесиода (VIII–VII вв. до н. э.). Гесиода с большей вероятностью можно считать реально существовавшей личностью. Его поэмы, «Труды и дни» и «Теогония» («Происхождение богов»), сохранили для потомков, первая — черты жизненного уклада и труда беотийского земледельца, а вторая — современные поэту представления о

происхождении и взаимоотношениях греческих богов.

Эпическая поэзия была в Греции основанием для всякой другой поэзии. В течение столетий иной просто не существовало. Это была первоначальная арийская поэзия. Затем появились и другие жанры поэтических произведений — элегическая поэзия, мягкая и нежная, которая сопровождалась звуками лидийской флейты, и лирическая поэзия, спутником которой была семиструнная лира.

Мы не имеем права рассказывать здесь о поэзии, как и приводить имена поэтов, ни словом не обмолвившись о природе и

особенностях их произведений. Имена Пиндара (518—438 до н. э.) и Симонида (556—468 до н. э.) будут что-то означать для нас, если мы уделим определенное время тому, что доступно нам из их трудов. Стоит лишь отметить, что одним из самых ранних греческих поэтов—сочинителей любовной лирики была женщина, Сапфо (род. ок. 612—?), родом с острова Лесбос.

Письменная драма, также как и письменная поэзия, берут свое начало в греческом мире. Драма родилась как составная часть сезонных празднеств, связанных с прославлением Диониса, бога виноделия. Первоначально

празднование состояло из хоровых песнопений, повествующих о деяниях этого бога. Затем предводитель хора, корифей, выходил вперед и декламировал текст, который подхватывался хором. Эсхил (525—456 до н. э.) ввел второго актера, который стоял на сцене и отвечал первому. При Софокле (496—406 до н. э.) на сцене появился и третий актер. Это сделало возможным развитие диалога и сценического действия, а хор занял подчиненное положение по отношению к ходу драмы. Поначалу драма исполнялась на деревянных подмостках, которые специально сооружались к этому случаю. В

дальнейшем, начиная с VI в., начали строить театры.

Это все, что мы можем рассказать о греческой драме в нашем Очерке. Добавим лишь, что приблизительно столетие продолжайся период, который можно назвать днями величия греческой драмы. Произведения Эсхила, Софокла и Еврипида (480—406 до н. э.) являются вершиной греческой трагедии, которая, как и эпические поэмы, с годами не стала недоступной для современного читателя и зрителя.

Одновременно с развитием трагедии более приземленная сторона поклонения Дионису нашла

отображение в ироничной и развлекательной форме сценического действия — комедии. С самого своего начала комедия была более гибкой, чем трагедия; иногда она пародировала трагедию, но порой превращалась в грубые и неприкрыто шаржированные зарисовки характеров и забавных сторон жизни. Очаровательная смесь фарса и политической сатиры была создана Аристофаном (ок. 445–385 до н. э.) в V в. до н. э. Сотню лет спустя Менандр (342–290 до н. э.) стал выдающимся мастером комедии нравов.

Греческая трагедия была недолговечным и искусственным

явлением, она развилась и достигла своих вершин менее чем за столетие, но комедия — это необходимая потребность всех человеческих сообществ. Как только люди стали общаться, стоило лишь троим или более людям собраться вместе, начинались и передразнивания, подражание, комедия. Поток литературной комедии не прекращался в мире с тех пор, как появилась возможность записать первый комический диалог. И лишь по мере того как грамотность стала распространяться в обществе, литературный рассказ или повесть смогли сравниться в популярности с комедией. В Греции существовали

сборники «занимательных историй» и т. п., но развитие художественной прозы как вида искусства ожидало появления широкой читательской публики и быстрого распространения книг. К несчастью, большая часть комедий и трагедий Греции навсегда исчезла из нашего мира.

Прозаическая литература появилась вначале как история и как приглашение к серьезной беседе. Мы уже рассказывали о Геродоте и цитировали отдельные места из его книги. Читателю стоит обратить внимание на то, что «отец истории» посещал Афины во времена Перикла; когда он писал, афинская трагедия уже миновала свою золотую пору.

Живший позднее Фукидид (460–396 до н. э.) оставил нам свою «Историю Пелопоннесской войны». О Ксенофонте и его «Анабасисе» мы уже говорили.

Еще одной важной частью греческой литературы, которая по-прежнему сохраняет для нас свое значение, являются речи, написанные великими ораторами. Наконец, нельзя пройти мимо простых и строгих утверждений и аргументов философской литературы, которая выходила из-под пера Аристотеля, и ее художественной драматизации в живых дискуссиях и беседах платоновских диалогов.

Прежде чем было открыто догреческое искусство эгейских народов и в своем подлинном объеме и значении предстала обширная художественная продукция ранних империй, современный мир, по крайней мере, от Ренессанса и до конца XIX века, несоразмерно высоко оценивал достижения греческого пластического искусства. Греческой скульптуре отводилось особое место, она казалась неизменной в своей каноничности, словно бы появившись из небытия сразу в своем совершенном виде, так, будто до нее были лишь неуклюжие подделки, а после — одна вульгаризация и упадок. Она

вызывала у отдельных
рафинированных поклонников
экстазы, которые нам теперь
покажутся скорее забавными.

Теперь мы знаем, что в то время
как литература и интеллектуальные
новаторства Греции отмечают новый
этап в опыте человечества,
пластическое искусство Греции —
не более чем продолжение опыта
предшествовавших цивилизаций.
Работы по золоту, ювелирные
изделия, печати, небольшие
статуэтки, вазы и т. п. греческой
работы также появляются в этот
замечательный период, однако они не
превосходят подобных им изделий
предшественников греков —

эгейских народов или мастеров времен XVIII династии Египта.

Своим особым изяществом и неповторимым совершенством отличается греческая архитектура. Ее преобладающая черта — колоннада, строгая и благородная, с тяжеловатой дорийской капителью, изящной ионийской или словно бы увенчанной цветами коринфской. Коринфский канон и его ответвления в римскую эпоху, словно вездесущий сорняк, заполонили собой архитектуру, и теперь он цветет повсюду, где ни встретишь какой-нибудь банк или дорогой отель.

Но именно на греческую скульптуру всегда обращают

внимание, когда заходит речь о неповторимом превосходстве той эпохи. Формальная поначалу, она достигает в период между Писистратом и Периклом небывалой ранее естественности и раскрепощенности. Во времена Эхнатона египетская скульптура также пришла к реализму и раскованности, однако достигнутое тогда не идет ни в какое сравнение с той свободой, которую удалось выразить грекам.

Как принято теперь считать, большинство греческих изваяний были еще и раскрашены в различные цвета. Та неповторимо-прекрасная строгая белизна, которая поражает

сейчас наше воображение, когда мы сталкиваемся с памятниками греческой скульптуры, словно бы облагородившая их прикосновением смерти и совершенства, на самом деле не являлась частью замысла художника. Руины греческих храмов также обладают неземной, только им присущей магией, которая, пожалуй, лучше воспринимается при лунном свете; несомненно, этого не было в их блистательной молодости.

О греческой живописи нам известно очень немного. Сохранились упоминания о шедеврах той эпохи, но ни один из них не уцелел до нашего времени. Мы можем судить о ней лишь в той мере,

в какой ее традиции отразились и не успели выродиться в дни Римской империи. Образная живопись Помпеи и Геркуланума исполнена артистизма и жизнерадостности и несравнимо более естественна и реалистична, чем живопись Египта или Вавилона.

Глава двадцать вторая

Жизненный путь

Александра Великого

- 1. Филипп
Македонский.**
- 2. Убийство царя
Филиппа.**
- 3. Первые
завоевания Александра.**
- 4. Поход Александра.**
- 5. Был ли
действительно Александр
великим?**
- 6. Преемники
Александра.**
- 7. Пергам —**

последнее прибежище
греческой культуры.

8. Александр как предвестник мирового единства

1

Подлинный герой истории Александра Великого (356–323 до н. э.) — не столько Александр, сколько его отец Филипп. Автору произведения никогда не удастся предстать перед зрителем в тех лучах славы, в которых предстает перед нами актер, исполнитель написанной им роли. Именно

Филипп заложил основание и выковал оружие того величия, которого достиг его сын. Именно Филипп, по сути, начал персидский поход в последний год своей жизни.

Филипп Македонский, вне всякого сомнения, был одним из величайших монархов, которых когда-либо знал свет. Он был человеком невероятного интеллекта и способностей. Его мировоззрение было значительно шире представлений его времени. Филипп сделал Аристотеля своим другом; он, должно быть, обсуждал с ним те проекты организации подлинного знания, которые философу удалось позже реализовать благодаря

денежной поддержке Александра. Филипп, насколько мы можем судить, был «единственным мужем, облеченным властью», который читал произведения Аристотеля. К нему Аристотель обращался, как обращаются к тому, кем восхищаются и кому доверяют. К Филиппу взывал Исократ — как к великому правителю, которому по силам избавить Грецию от беспорядков, объединить и облагородить греческое общество.

Во многих книгах утверждается, что Филипп был человеком большого цинизма, безудержно стремившимся к пороку. Правда, что на празднествах, как и все македоняне

того времени, он много пил и иногда сильно напивался. Но, по-видимому, в те времена это считалось признаком дружеского расположения — пить на пирах, не зная меры. Прочие же обвинения не подтверждены ничем серьезным, тем более что мы узнаем о них только из нападок на Филиппа его непримиримых антагонистов — таких, как Демосфен (384–322 до н. э.), афинский демагог и оратор, человек, склонный к безответственной риторике. Можно процитировать одну-две его фразы, чтобы увидеть, куда мог завести Демосфена его патриотический гнев. В одной из «Филиппик», как

называются его гневные обличения Филиппа, он дает волю своему негодованию:

«Филипп, человек, который не только не грек, но даже и общего ничего не имеет с греком — это даже не варвар из достойной страны — нет, это несносный мужлан из Македонии, страны, из которой у нас нет даже пристойного раба». И так далее, в том же духе. Мы знаем, что македоняне были арийским народом, который находился в ближайшем родстве с греками, и что Филипп, вероятно, был одним из самых высокообразованных людей своего времени. Но именно в таком духе писались сочинения, враждебные

Филиппу.

Когда Филипп в 359 г. до н. э. стал царем Македонии, это было небольшое государство, не имевшее ни морского порта, ни значительных городов. Ее население состояло главным образом из сельских жителей, почти греков по языку и готовых к объединению с греками, но сохранивших больше нордических черт, чем народы, жившие южнее. Филипп превратил эту маленькую варварскую страну в великую державу. Он создал самую эффективную военную структуру, какую когда-либо знал древний мир, и ко времени своей смерти смог собрать большую часть Греции в

единый союз государств под своим началом. Огромная
проницательность Филиппа,
способность видеть дальше
представлений своего времени
очевидна не столько по этим делам,
сколько по тому, как тщательно он
готовил сына продолжить политику,
творцом которой был.

Филипп — один из немногих
монархов в истории, который
позаботился о том, чтобы воспитать
себе преемника. Александр был в
числе тех немногих правителей,
которых с рождения готовили для
Империи. Аристотель — лишь один
из нескольких выдающихся
наставников, которых выбрал для

него его отец. Филипп вел свою политику с учетом того, что его сменит Александр, доверял сыну принимать самостоятельные решения в управлении государством с того времени, когда ему исполнилось шестнадцать. Александр под присмотром отца командовал конницей в сражении при Херонее. Его растили для власти — ничего для него не жалея и ничего от него не скрывая.

Каждому, кто знакомится с жизнеописанием Александра, очевидно, что он начал свой путь, уже обладая подготовкой и знаниями беспримерной для правителя ценности. Когда же он выходил за

рамки здравого смысла, в котором был воспитан, то совершал поступки, порой чудовищные в своей глупости. Изъяны его характера восторжествовали над его воспитанием задолго до того, как он умер.

Филипп был царем старого образца, царем-вождем, первым среди равных, какими были цари древних ариев. Ядром армии, которую Филипп создал в Македонии, были пешие воины, а также всадники — знать, так называемые гетайры, или «товарищи царя». Македонцы в большинстве своем были земледельцами и охотниками, возможно, склонными к

пьянству, однако готовыми к дисциплине и обладавшими настоящим бойцовским духом. И если народ был непритязателен, то жизнь при дворе отличалась разнообразием и широтой интересов. На протяжении нескольких поколений языком знати был аттический (афинский) диалект греческого языка, и двор был достаточно цивилизован, чтобы принимать и поддерживать таких выдающихся людей, как Еврипид, который умер в Македонии в 406 г. до н. э., и художник Зевксис (IV в. до н. э.). Более того, сам Филипп, прежде чем занять македонский трон, провел несколько лет в

изгнании в Греции. Он обладал самым лучшим образованием, какое только могла дать Греция в то время.

Надо полагать, он был знаком и с идеей Исократы — идеей великого союза греческих полисов Европы для подчинения Востока. Филиппу было известно также, до какой степени неспособна афинская демократия из-за своего устройства и традиций воспользоваться теми возможностями, которые лежали перед ней. Ведь в таком случае пришлось бы с кем-то разделить эти возможности. Для афинян и спартанцев это означало бы допустить «множество чужеземцев» к преимуществам своего

гражданства. Это означало бы
снизойти до равенства и партнерства
с македонянами — народом, из
которого «у нас нет даже
пристойного раба».

Не существовало иного способа,
кроме революционного по своей сути
политического действия, чтобы
обеспечить необходимое для
задуманного предприятия единство
греков. Не миролюбие удерживало
греков от этого опасного, но
заманчивого начинания, а отсутствие
у них политического единства.
Ресурсы некоторых полисов были
истощены постоянными
междоусобицами, которые
начинались по самым

незначительным поводам и раздувались громогласными призывами демагов. Вспашка неких священных земель возле Дельф фокейцами, к примеру, послужила предлогом для кровопролитной Священной войны между Дельфийской амфикинией и Фокидой.

Первые годы своего царствования Филипп посвятил подготовке и обучению армии. До этого большинство сражений в мире велось строем пеших воинов. На очень древних шумерских изображениях батальных сцен мы видим копейщиков в тесном порядке; между двумя такими

противоборствующими линиями происходило основное сражение. Так сражались и отряды зулусов в XIX столетии.

Войска греков во времена Филиппа по-прежнему сражались таким же образом. Фиванская фаланга была строем пеших воинов-копейщиков; задние ряды просовывали свои более длинные копья между воинами передних рядов.

Подобный строй легко проходил через менее дисциплинированное войско, что противостояло ему. Конные лучники, конечно, могли нанести значительные потери пешему строю людей, и как только

для войны стали использовать лошадей, всадники появились во всех армиях тех времен, как вспомогательные силы в основном ходе сражения. Читатель должен помнить, что в западном мире лошадей стали эффективно использовать для ведения войны лишь после ассирийцев и поначалу это были только колесничные упряжки. Колесницы на полном ходу мчались на строй пехоты и старались разрушить его. И если дисциплина пехоты была не очень прочна, им удавалось достичь назначенной цели. Сражения у Гомера — это сражения колесниц.

Только в последнем

тысячелетии до нашей эры мы обнаруживаем, что воины-всадники (верховые, а не те, что сражались в колесницах) начинают играть самостоятельную роль в общей картине боя. Поначалу они, очевидно, сражались сами по себе, а не как единое целое. Каждый стремился лично выделиться в бою: так лидийцы сражались против Кира.

По-видимому, именно Филиппу принадлежит первенство в создании наступательной кавалерии. Он приказал «товарищам царя» тренироваться в нанесении массированных конных атак. И он укрепил свою фалангу, углубив ее строй до шестнадцати-двадцати

рядов и вооружив людей в задних шеренгах более длинными, чем до того (до 6 метров), копьями. Македонская фаланга была попросту усиленным вариантом фиванской фаланги. Но ни одно из этих массовых пехотных образований не было достаточно гибким, чтобы выдержать саму по себе атаку с флангов или с тыла. Маневренность их была ограничена.

Поэтому и победы Филиппа, и его сына следовали одной общей схеме взаимодействия двух родов войск — конницы и пехоты. Фаланга наступала по центру и сдерживала основные силы противника; на одном или на обоих крыльях

сражения атаковала конница, сметая конницу врага и устремляясь с флангов и тыла на вражескую пехоту, передние ряды которой уже были разрушены македонской фалангой. Боевой порядок неприятеля разваливался, и битва превращалась в резню. Когда у Александра накопилось больше военного опыта, он прибавил к этой схеме еще и использование на поле боя катапульт, способных осыпать ряды неприятеля градом огромных камней. До этого катапульты использовались во время осады, но никогда — в полевых боях. Александру принадлежит первенство в изобретении «артподготовки».

Имея в руках обновленную и

сильную армию, Филипп первым делом обратил внимание на север Македонии. Он осуществил походы в Иллирию, дошел до Дуная, а также распространил свою власть по балканскому побережью вплоть до Геллеспонта. Теперь в его владениях был и порт, Амфиполь, и прилегающие к нему золотоносные рудники. После еще нескольких фракийских походов Филипп полностью переключился на походы в южном направлении. Он воспользовался, как поводом, враждой Дельфийской амфикифии со святотатцами-фокейцами, представ в этом конфликте в роли защитника религии эллинов.

Нужно учитывать, что среди греков существовала сильная партия, так называемая панэллинская партия, которая была настроена в пользу всегреческого лидерства Филиппа. Главным поборником панэллинского движения был Исократ. Афины, с другой стороны, возглавляли силы, оппозиционные Филиппу. Они не скрывали своей симпатии к Персии и даже посылали эмиссаров к Великому царю, чтобы предупредить его о той угрозе, которую представляет для него объединенная Греция. Не будем здесь вдаваться в подробности этого противостояния, затянувшегося на семнадцать лет. В 338 г. до н. э.

долгая борьба между сепаратизмом и панэллинизмом подошла к решительной развязке — в сражении при Херонее Филипп нанес сокрушительное поражение Афинам и их союзникам. Он даровал Афинам мир на исключительно великодушных условиях; Филипп всегда был последователен в том, чтобы склонить на свою сторону этот неумолимый город. И в 338 г. до н. э. Коринфский общегреческий конгресс полисов признал его главнокомандующим в войне против Персии.

К этому времени Филиппу исполнилось сорок семь. Казалось, что мир лежит у его ног. Он

превратил свою маленькую страну в ведущую державу греко-македонского союза. Это объединение должно было стать прелюдией к еще более значительному объединению Западного мира и Персидской империи в единую мировую державу всех известных тогда народов. Можно ли сомневаться, что у него была такая мечта?! Сочинения Исократа убеждают нас, что была. И кто сможет отрицать, что Филипп был в силах осуществить её? У него была вполне обоснованная надежда деятельно прожить еще хотя бы четверть века. В 336 г. до н. э. авангард его войска переправился через Геллеспонт в Азию...

Но Филиппу не суждено было возглавить свои основные силы. Он был убит.

Следует теперь сказать несколько слов о том, как выглядела домашняя жизнь царя Филиппа. На его жизни и жизни Александра оставила свой отпечаток личность неугомонной и жестокой женщины, Олимпиады, матери Александра.

Она была дочерью царя Эпира, страны на запад от Македонии, такой же «полугреческой», как и Македония. Она встретила Филиппа на одном из религиозных собраний на острове Самофракия. Плутарх утверждает, что это была женитьба по любви. Это говорит в пользу

обвинений против Филиппа в том, что он, как и большинство людей, наделенных энергией и воображением, был склонен к неудержимым любовным порывам. Он женился на ней, когда уже был царем, и она родила ему Александра три года спустя.

Но очень скоро болезненный разрыв произошел в отношениях Филиппа и Олимпиады. Она ревновала его, но гораздо больше неприятностей приносила ее страсть к религиозным мистериям. Нам уже приходилось говорить о том, что под покровом прекрасной и сдержанной нордической религии греков страна наполнилась религиозными культами

более древними, темного характера — культами исконного населения, с тайными посвящениями, оргиастическими празднествами и зачастую с жестокими и непристойными ритуалами. Эта религия тьмы, эти обычаи женщин, крестьян и рабов дали Греции ее орфические культы, культы Диониса и Деметры; они пронизывают традиции Европы едва ли не до настоящего времени. Колдовство средневековья, с его использованием крови младенцев, частями плоти казненных преступников, заклинаниями и магическими кругами — не что иное, как сохранившиеся пережитки древних

доарийских ритуалов.

Олимпиада была знатоком и фанатичным приверженцем всего этого. Плутарх упоминает, что она достигла значительной славы, используя для своих «благочестивых» занятий ручных змей. Змеи были повсюду в ее жилище, и не совсем ясно, вызывали ли они недовольство у Филиппа или религиозный трепет. Но бесспорно, что эти увлечения жены причиняли ему серьезные неудобства. Македоняне все еще находились на той здоровой стадии общественного развития, когда не приветствуется ни чрезмерная религиозность жен, ни их бесконтрольное поведение.

Острая неприязнь, существовавшая между матерью и отцом, видна во многих деталях дальнейшей биографии Александра. Олимпиада открыто завидовала завоеваниям Филиппа; она ненавидела его славу. Множество примеров указывает на то, что она изо всех сил старалась настроить сына против отца и полностью привязать его к себе. Сохранилась история (в «Жизнеописаниях» Плутарха), что «только лишь приходила весть о победах Филиппа, о взятии города или успехе в каком-либо великом сражении, Александр никогда не выказывал своей радости, услышав ее». Напротив, в таких

случаях он обычно говорил, обращаясь к своим товарищам по играм: «Все достанется одному лишь отцу, друзья, он не оставит на нашу долю ни одного великого деяния».

Если мальчик так сильно завидует своему отцу, несколько не вдохновляясь его успехами, то такую зависть едва ли можно считать нормальной. Эти слова будут сохранять свою значимость на протяжении всей истории Филиппа и Александра.

Мы уже говорили о том, что Филипп однозначно считал своим преемником Александра, и о том, сколь велико было его желание оставить славу и власть своему сыну.

Он был поглощен мыслями о том политическом устройстве, которое создавалось его руками, а мать Александра ничего не заботило, кроме собственного величия и славы. Олимпиада скрывала ненависть к мужу под маской материнской заботы, якобы беспокоясь о будущем сына. В 337 г. до н. э. Филипп, по обычаю царей тех времен, женился еще раз. Его второй женой стала местная уроженка, Клеопатра, «в которую он был страстно влюблен», и теперь Олимпиаду уже ничто не могло сдержать.

Плутарх приводит в биографии Александра описание той постыдной сцены, которая произошла на свадьбе

Филиппа и Клеопатры. Во время праздничного пира было выпито много вина, и у Аттала, отца невесты, который «потерял разум от выпитого», вырвались слова, выдавшие общую неприязнь македонян к Олимпиаде и к Эпиру. Он надеется, сказал македонянин, что этот брак принесет Македонии подлинного наследника. Тогда Александр, не вынеся оскорбления, закричал: «Так кто же тогда я?» и швырнул свою чашу в Аттала. Взмешенный Филипп вскочил и, как пишет Плутарх, хотел вытащить меч и броситься на сына, но лишь покачнулся и упал. Александр, ослепленный гневом и ревностью,

принялся насмехаться над отцом:

«Македоняне, — сказал он, — вот тот полководец, который собирается пройти от Европы до Азии! Да он не может дойти от одного стола до другого!»

Какая живая сцена — неуклюжее движение, вспыхнувшие лица, звенящий от гнева голос юноши! На следующий день Александр с матерью покинул Македонию — и Филипп не сделал ничего, чтобы удержать их. Олимпиада уехала к себе в Эпир, Александр отправился в Иллирию, откуда впоследствии Филипп убедил его вернуться.

Новые неприятности не

заставили себя долго ждать. У Александра был слабоумный брат, Арридей, замуж за которого персидский наместник Карий хотел отдать свою дочь.

«Друзья Александра и его мать снова стали внушать ему подозрения, хотя и совершенно необоснованные, что такой благородной парой, и последующей за этим поддержкой, Филипп приготовил Арридею царский венец. Александр, обеспокоенный подозрениями, послал некоего Фессала, трагического актера, в Карию, предложив этому вельможе отвергнуть Арридея, который был незаконнорожденным и к тому же не

сполна разумен, а вместо этого породниться с законным наследником царства. Пиксодар был несказанно рад этому предложению. Но Филипп, лишь только проведал об этом, тут же отправился в покои Александра, взяв с собой Филоту, сына Пармениона, одного из наиболее близких его товарищей, и в его присутствии стал корить Александра, называя его человеком низменным, недостойным царства, раз он решил быть зятем карийцу, рабу царя варваров. Вместе с тем Филипп написал коринфянам, требуя, чтобы они заковали в цепи и прислали ему Фессала. Он выслал и некоторых других товарищей сына —

Гарпала и Неарха, Эригия и Птолемея. Но Александр затем снова призвал их и принял с большими почестями».

Есть что-то очень трогательное в этой истории об отце, взывающем к благоразумию любимого сына, стараясь пробиться к нему сквозь паутину клеветы и домыслов, которыми опутано его воображение.

Филипп был убит на свадьбе своей дочери с ее дядей, царем Эпира и братом Олимпиады. Он шел в праздничной процессии, направлявшейся к театру, когда один из его телохранителей пронзил его мечом. Убийца приготовил лошадь для бегства, и ему удалось бы уйти,

но нога лошади запуталась в лозе дикого винограда. Споткнувшись, она сбросила его, вскоре подоспели и преследователи...

Так в возрасте двадцати лет Александр стал царем Македонии и мог больше не беспокоиться о судьбе своего наследства.

Олимпиада вернулась в Македонию и могла считать себя полностью отомщенной. Говорят, она настаивала на таких же пышных похоронах убийцы, как и для Филиппа.

В Греции это событие вызвало нескрываемое ликование. Демосфен, когда эта новость дошла до него, появился в народном собрании Афин

в лавровом венке, несмотря на то что всего семь дней миновало со дня смерти его собственной дочери.

Как бы Олимпиада не поступила с убийцей своего мужа, историки не сомневаются в том, какая участь постигла ее соперницу, Клеопатру. Как только Александру случилось отлучиться (ему сразу же пришлось заняться восстанием горцев), новорожденный ребенок Клеопатры был убит прямо в руках у матери, а затем и сама Клеопатра была задушена. Говорят, что это крайнее проявление женских эмоций потрясло Александра. Однако это не помешало ему оставить свою мать в Македонии и наделить ее весьма

значительной властью. Олимпиада писала сыну письма, делилась своим мнением по политическим и религиозным вопросам, он же выказывал ей должное расположение, отправляя значительную часть захваченных на войне ценностей.

Нам важны эти детали потому, что без них невозможно понять историю. Огромный мир лежал между Индией и Адриатикой, готовый, как никогда прежде, к единству, к единому правлению. Государственное устройство Персидской империи, с ее дорогами, почтовыми станциями, ее всеобщим миром и процветанием, полностью

созрело для того, чтобы на эту плодородную почву были привиты достижения греческой цивилизации. И вот мы узнаем, какого рода людям выпали эти невиданные возможности. Вот перед нами Филипп, выдающийся и благородный человек, и при этом пьяница, неспособный навести порядок у себя дома. Вот Александр, во многом значительно более одаренный, чем любой из его современников, — а также тщеславный, подозрительный и вспыльчивый, разум которого был беспощадно испорчен его матерью.

Мы постепенно начинаем представлять, каким может быть наш мир, какие перспективы ожидают

человечество, если мы созреем для этих перспектив. Нас и Александра разделяют какие-то семьдесят поколений, а между нами и нашими предками, дикарями-охотниками, которые жарили свою еду на углях или просто ели ее сырой, — всего четыре или пять сотен поколений. Стоит только разбудить в любом из мужчин или женщин ревность и страх, разозлить или напоить — налитые кровью глаза пещерного человека будут смотреть на нас и сегодня. У нас есть письменность и образование, знание и сила, мы укротили диких животных и овладели молнией. Мы приручили и облагородили животных, но нам еще

предстоит приручить и облагородить самих себя.

С самого начала своего правления Александр показал, как хорошо он впитал замыслы своего отца и как велики его собственные способности. Для рассказа о том, как прошла его жизнь, понадобится карта известного тогда мира. Поначалу, получив заверения Греции, что именно он остается главнокомандующим объединенных греческих сил, Александр прошел через Фракию к Дунаю, переправился через эту реку и сжег скифскую деревню. Он стал вторым из великих правителей, который вторгся на скифские земли за

Дунаем. Затем он снова пересек Дунай, пошел на запад и вернулся в Македонию через Иллирию. К этому времени восстали Фивы, и свой следующий удар он нанес в Греции.

Фивы, конечно же не поддержанные Афинами, были взяты штурмом и разграблены. С захваченным городом Александр обошелся с крайней жестокостью. Все дома, кроме храма и дома поэта Пиндара, были снесены, а тридцать тысяч жителей проданы в рабство. Вся Греция содрогнулась в страхе, и Александр мог свободно начинать персидскую кампанию.

Разрушение Фив выдает склонность нового вершителя судеб

мира к приступам неконтролируемой жестокости. Слишком тяжел был этот удар, чтобы легко от него оправиться. Совершить такой поступок мог только варвар. Если стремление к бунту и было подавлено, то в той же степени — и стремление к сотрудничеству. На время греческие города занимают бездеятельную позицию, не вмешиваясь и не помогая Александру. Они не дали ему своих кораблей, что немало затруднило отправку его войск в Азию.

У Плутарха мы находим историю о резне в Фивах: об одном из македонских командиров и фиванской женщине. Случившееся

якобы свидетельствует в пользу Александра, но на деле показывает, насколько конфликтовали между собой здоровая и безумная стороны его личности. Этот воин, вместе с остальными, предавался разграблению города. Ворвавшись в дом к одной женщине, нанеся ей непередаваемые словами оскорбления, он, наконец, стал допытываться, не припрятала ли она где-нибудь золота или серебра. Та отвечала, что все свои богатства она бросила в колодец, провела его к нему, а когда солдат нагнулся, чтобы заглянуть в колодец, внезапно толкнула его и убила, бросая вниз тяжелые камни. Солдаты,

занимавшиеся грабежом вместе со своим предводителем, схватили и повели ее прямоком на суд к Александру.

Перед царем она держалась с не меньшим хладнокровием и достоинством. К тому времени разрушительный импульс, который спровоцировал это массовое злодеяние, уже ослабел, так что Александр не только освободил фиванку, но даже вернул ей семью и имущество. Плутарх объясняет это великодушием Александра. Но здесь все обстоит сложнее. Именно Александр потерял рассудок, полностью ограбил и поработил Фивы. Тот недалекий македонянин,

свалившийся в колодец, лишь выполнял приказ своего царя, предаваясь грабежу и насилию. Но разве, будучи в здравом рассудке, командир приказывает сначала творить расправу, а затем награждает того, кто убил исполнителя этого приказа?! Незначительный проблеск раскаяния в случае с этой женщиной, весь облик которой, надо думать, был исполнен трагического достоинства и красоты, — слабое оправдание уничтожения целого города.

Безумие Олимпиады сочеталось в Александре со здоровым умом Филиппа и Аристотеля. Все случившееся в Фивах, очевидно, стало серьезным потрясением для

рассудка Александра. Впоследствии, если ему приходилось встречать фиванцев, он старался оказывать им особые почести. Нужно отдать ему должное, призрак Фив неотступно следовал за ним.

Однако воспоминания о Фивах не спасли три других города от подобной участи. Он приказал разрушить Тир, Газу и еще один город в Индии, где во время штурма его в честном поединке сбили с ног и ранили. Здесь Александр не оставил в живых ни одной Души, не пощадил даже детей. Должно быть, он очень сильно испугался, раз решил так жестоко отомстить.

В начале войны на стороне

персов было значительное преимущество — они были хозяевами на море. Корабли афинян и их союзников беспомощно сновали от острова к острову. Александру, чтобы попасть в Азию, пришлось идти в обход и переправляться через Геллеспонт. Но, слишком углубившись на территорию Персидской империи, он рисковал оказаться полностью отрезанным от своих тылов. Его первой задачей было, следовательно, лишить противника превосходства на море, а это можно было сделать, пройдя вдоль побережья Малой Азии, захватывая один за другим порты, пока морские опорные пункты

персов не оказались бы в его руках.

Если бы персы избегали сражений и пытались, насколько возможно, растянуть его коммуникации, они, возможно, смогли бы его разгромить. Но персы поступили иначе. Персидская армия, численно не намного превосходившая македонскую, дала бой на берегу реки Граник (334 г. до н. э.) и была разбита. Теперь Александр смог без помех взять Сарды, Эфес, Милет и после упорной осады — Галикарнас. При этом персидский флот все время угрожал ему с правого фланга, но так и не смог ничего предпринять.

В 333 г. до н. э., продолжая свои

атаки на морские базы персов, Александр прошел вдоль малоазийского побережья, вплоть до залива, который сейчас называется Александретта (Искендерун). Огромная персидская армия, которой командовал сам царь Дарий III, находилась в Сирии на большой равнине, отделенной горами от побережья, где пролегал маршрут армии македонян. Александр успел сблизиться со своим противником, прежде чем ему или персам стало ясно, что их войска находятся рядом. Разведка, очевидно, была одинаково плохо поставлена как у персов, так и у греков.

Воинство персов была

огромным, многолюдным, плохо организованным сборищем солдат, вьючных животных, обоза и так далее. Дария, к примеру, сопровождал его гарем, при нем было великое множество рабов, музыкантов, танцовщиц и поваров. Многие из персидских военачальников везли с собой свои семьи, чтобы те могли посмотреть, как будет идти охота на пришельцев-македонян.

Воинов для этой армии набирали из всех провинций Персидской империи. У них не было ни опыта совместных действий, ни единого плана. Увлечшись замыслом отрезать Александра от Греции,

Дарий двинул это несметное войско через горы к морю. Ему посчастливилось перейти через горные проходы, не встретив сопротивления, и он расположился лагерем на Исской равнине между горами и берегом.

Там Александр развернул свои боевые порядки и ударил по войскам Дария (333 г. до н. э.). Кавалерийская атака и фаланга вдребезги разнесли его наспех сколоченное воинство, как камень разбивает бутылку. Его разгром был полным. Дарию удалось выбраться из своей боевой колесницы — далеко не самого современного на тот момент военного средства — и спастись

верхом, оставив даже свой гарем в руках Александра.

Все, что нам известно об Александре после этой битвы, показывает его с самой лучшей стороны. Он был сдержан и великодушен. С персидскими царевнами он обошелся предельно учтиво. И эта победа не вскружила ему голову: он продолжал неукоснительно следовать намеченному плану. Александр не стал преследовать Дария и позволил ему бежать в Сирию, а сам продолжил свой поход на морские базы персов — на финикийские города Тир и Сидон.

Сидон сдался ему без боя, Тир

оказал сопротивление.

Именно осада и взятие Тира более чем что-либо еще свидетельствуют о великом полководческом таланте Александра. Македонскую армию создал его отец, но сам Филипп никогда не был особо успешен в осаде городов. Александр еще шестнадцатилетним юношей видел, как укрепленный город Византии на Босфоре отразил приступ его отца. Теперь же Александр был один на один с городом, который славился своей неприступностью и выдерживал одну осаду за другой, — с городом, который Навуходоносор Великий не мог взять четырнадцать лет. В том,

что касалось удерживания осад, семитские народы держали пальму первенства.

Тир в те времена располагался на острове в километре от берега, а его флот еще не знал поражений. Но Александр многому сумел научиться во время взятия укреплений Галикарнаса. Он привлек к планированию и подготовке осады механиков Кипра и Финикии. На его сторону перешел и сидонский флот. Позднее царь Кипра прибыл к нему со ста двадцатью кораблями, которые дали ему полное преимущество на море. В дополнение к этому великий Карфаген, то ли рассчитывая на силы города-матери, то ли в знак

неповиновения и к тому же связанный собственной войной в Сицилии, не прислал Тиру помощи.

Александр начал с того, что соорудил насыпь от материка к острову. Эта дамба сохранилась и до наших дней. Когда насыпь подошла вплотную к стенам Тира, он окружил их своими осадными башнями и стенобитными орудиями. Напротив стен стали на якорь корабли, на которых также были возведены башни и тараны. Жители Тира пытались поджечь брандерами (судами, начиненными взрывчаткой) корабли этой объединенной флотилии и отваживались на вылазки из двух своих гаваней. Но во

время одной из таких вылазок, намереваясь атаковать кипрские корабли, они сами попали в ловушку и сильно пострадали. Множество их кораблей было протаранено, одну большую галеру с пятью рядами весел и одну с четырьмя сразу же взяли на abordаж. Наконец, в крепостной стене удалось пробить брешь, и македоняне, высыпавшие из трюмов кораблей, ринулись на штурм города.

Эта осада продолжалась семь месяцев. Газа продержалась два. Взятие каждого города сопровождалось резней, грабежом и продажей тех, кто остался в живых, в рабство. К концу 332 г. до н. э.

Александру покорился и Египет, и теперь его владычество на море было безоговорочным. Греция, все это время колебавшаяся, какую политику ей избрать, решила, наконец, что ее место на стороне Александра. Совет греческих полисов в Коринфе присудил вручить своему «предводителю» золотой венец победителя. С этого времени греки были с македонянами.

На сторону македонян стали и египтяне. Но они с самого начала были на стороне Александра. Египет провел под персидским владычеством почти двести лет, и приход Александра для них означал только смену хозяев; но в целом это

была перемена в лучшую сторону. Вся страна сдалась, не оказав никакого сопротивления. Александр с величайшим почтением отнесся к верованиям египтян. Он не стал разворачивать мумий, как Камбиз, не позволял себе никаких вольностей с Аписом, священным быком Мемфиса. Здесь, среди величественных храмов, Александр соприкоснулся с мистической и иррациональной религиозностью, которая напомнила ему о таинствах его матери, оставивших неизгладимый отпечаток на его детстве. Все четыре месяца, что он провел в Египте, продолжались его заигрывания с религией египтян.

Не будем забывать, что он был еще очень молод и к тому же его разделенный разум не знал покоя. Крепкое физическое здоровье, склонность к физическим упражнениям, занятиям военным делом и рассудительность, унаследованные им от отца, сделали его великим воином; учение Аристотеля привило ему живой интерес и склонность к знанию. Он разрушил Тир, но в Египте, в дельте Нила, основал Александрию — новый город, взявший на себя роль этого древнего торгового центра. На север от Тира, возле Исса, он основал второй порт, Александретту (Искендерун). Оба эти города

процветают и в наши дни, а Александрия одно время, вероятно, была самым большим городом мира. Из этого следует, что место для городов выбиралось со знанием дела.

Но Александру также была присуща впечатлительность и эмоциональная неустойчивость его матери, и с его созидательной работой уживались самые невероятные затеи на религиозной почве. Его разум оказался покорен богами Египта. Александр проделал путь в четыреста миль к отдаленному оазису, где находился оракул Амона. Ему страстно хотелось развеять свои сомнения — кто же в действительности был его

настоящий отец? Воображение Александра разожгли намеки и туманные речи его матери о некой тайне, с которой связано его появление на свет. Разве мог Филипп Македонский, простой смертный, на самом деле быть его отцом?!

На протяжении почти четырех столетий Египет оставался страной, с политической точки зрения, ничтожной. Им правили то эфиопы, то ассирийцы с вавилонянами и, наконец, персы.

По мере того как унижения реального мира становились все нестерпимее, их прошлое, мир их былого величия все больше значил в глазах египтян. Самоуверенная

религиозная пропаганда, словно прорвавшийся гнойник, черпает свои силы в подобном человеческом унижении. Побежденному всегда есть, чем ответить торжествующему победителю: «Твои победы — ничто перед величием подлинных богов».

Так вышло и с сыном Филиппа Македонского, предводителем похода, повелителем Греции. Древняя страна заставила его почувствовать собственную незначительность перед величием гигантских храмов. Вдобавок болезненное сочетание нормальных для каждого молодого человека амбиций бросалось в глаза каждому, кто хотел сыграть на этом с выгодой

для себя. С какой, должно быть, благодарностью Александр открыл, что он не просто смертный, добившийся успеха, не один из заурядных современников-греков. Нет, он древнего и божественного происхождения, сын бога, бога-фараона, сын Амона-Ра!

Нельзя сказать, чтобы молодой человек поверил в это безоговорочно. У него бывали и более здоровые периоды, когда все происшедшее воспринималось почти как розыгрыш. В компании македонян и греков его божественное происхождение казалось ему самому сомнительным. Если вдруг случалось в такой момент услышать раскаты

грома, насмешник Аристарх обычно спрашивал его: «Не хочешь ли и ты сделать нечто подобное, о, сын Зевса?» Но эта безумная идея все же закрепилась с той поры у него в сознании, чтобы под воздействием вина или лести снова и снова вспыхивать с новой силой.

Следующей весной (331 г. до н. э.) он вернулся в Тир и направился в Ассирию, оставив Сирийскую пустыню по правую сторону от себя. Возле руин забытой Ниневии он встретил огромную персидскую армию, которая ожидала его, восстанавливаясь после сражения при Иссе. Это снова было огромное сборище разнородных отрядов, и

главную ставку персы опять делали на использование своего устаревшего оружия — боевых колесниц. Их в войске Дария насчитывалось около двух сотен. Каждая колесница была оснащена серпами, прикрепленными к колесам, оси и корпусу колесницы. Насколько мы можем судить, такая колесница приводилась в движение упряжкой из четырех лошадей. Было очевидно, что колесницу легко вывести из строя, если хотя бы одна из лошадей будет ранена дротиком или стрелой.

Против нарушенного строя пехоты или беспорядочной свалки, где каждый сражается сам за себя, подобное оружие было бы

превосходным, но Дарий начал сражение, направив колесницы на кавалерию и легкую пехоту. Только немногим из этих колесниц удалось дойти до рядов македонян. Те же, которым это удалось, были с легкостью отброшены или опрокинуты; для того чтобы сберечь строй, на выбранной македонянами позиции было достаточно места для маневра. Хорошо обученные македоняне по диагонали прошли через персидские ряды, не потеряв при этом свой порядок. Персы, следуя за этим движением на фланг, открыли бреши в своем строю. Внезапно натренированная македонская конница устремилась в

один из этих разрывов и смела центр персидского войска. Немедленно за этим последовала атака македонской пехоты. Центр и левое крыло персов оказались смяты.

Какое-то время легкая кавалерия правого фланга персов успешно теснила левый фланг Александра, но лишь для того, чтобы быть разорванной в клочья конницей из Фессалии, которая к этому времени почти не уступала своему македонскому образцу.

Персидское воинство утратило всякое сходство с армией. Оно превратилось в несметное множество бегущих людей, даже не пытавшихся сгруппироваться. Сквозь

пыль и толпы спасавшихся бегством персов проносились победители, разя направо и налево, пока ночь не остановила побоище. Дарий бежал одним из первых.

Таким было сражение у Гавгамел. Оно произошло 1 октября 331 г. до н. э. — мы знаем точную дату, потому что спустя одиннадцать дней после него прорицателей, как персов, так и греков, сильно беспокоило случившееся лунное затмение.

Дарий бежал на север в страну мидян. Александр вошел в Вавилон.

Древний город Хаммурапи (правившего семнадцатью веками ранее), Навуходоносора Великого и

Набонида, в отличие от Ниневии, процветал и не утратил своего бывшего значения. Как и египтян, вавилонян не слишком волновал переход власти от персов к македонянам. Храм Бела-Мардука лежал в руинах, теперь это была каменоломня, которую разбирали по камню на новые постройки. Но традиция халдейских жрецов все еще была жива, и Александр пообещал отстроить здание.

Затем он направился в Сузы, когда-то главный город исчезнувших и забытых эламитов, а теперь персидскую столицу.

Следующая остановка была в Персеполе — там, в разгар пьяного

разгула, Александр сжег дотла огромный дворец Царя царей. Позднее он объявил, что это была греческая месть за сожжение Афин Ксерксом.

Так начинался новый этап в истории Александра. Следующие семь лет он странствовал с армией, состоявшей в основном из македонян, по северным и восточным окраинам известного тогда мира. Поначалу это было преследованием Дария. Но чем это стало после? Было ли это систематическим исследованием мира, который он намеревался сплотить в один великий порядок, или это было погоней за тенью? Его

солдаты и приближенные были убеждены во втором и, наконец, остановили этот поход — уже за пределами Инда. Если посмотреть на карту, становится ясно, что это была охота за тенью — бесцельная, ведущая в никуда.

Правление Дария вскоре подошло к своему скорбному завершению. После сражения у Гавгамел его собственные военачальники восстали против слабости и беспомощности своего царя. Они насильно увезли его с собой, несмотря на желание Дария сдаться на милость победителя. Своим предводителем они выбрали Бесса, сатрапа Бактрии. Итогом

стало отчаянное преследование каравана, в котором держали плененного Царя царей.

С рассветом, после преследования, продолжавшегося всю ночь, вдалеке показался караван. Погоня превратилась в стремительный рывок. Бесс и его сообщники бросили поклажу и женщин; они избавились и еще от одной помехи. Возле пруда, в стороне от дороги один из македонских солдат обнаружил брошенную повозку, запряженную мулами. В ней лежал Дарий, со свежими кровоточащими ранами, умирающий от потери крови. Он отказался последовать за Бессом,

отказался сесть верхом на лошадь, которую подвели ему. После этого его приближенные пронзили его в нескольких местах копьями и так бросили умирать. Дарий попросил у своих преследователей воды. Что еще он мог сказать, мы не знаем. Историки сочинили за него совершенно немыслимую предсмертную речь. Но на самом деле он, вероятно, мало что мог сказать.

Когда вскоре после рассвета подъехал Александр, Дарий был уже мертв...

Для того, кто пишет всемирную историю, маршрут походов Александра представляет отдельный

интерес, связанный не только с тем, что они проливают свет на особенности его характера. Так же, как кампания Дария I приподняла занавес за пределами Греции и Македонии и показала нам фрагменты того молчаливого северного фона, на котором развивалась история ранних, оставивших по себе память цивилизаций, — так теперь кампания Александра приводит нас в регионы, о которых в ту пору не существовало никаких достоверных сведений.

Мы узнаем, что это были не пустынные регионы, а земли, где кипела своя неповторимая жизнь.

Александр прошел до
каспийских берегов, откуда затем
проследовал на восток через ту
местность, которая теперь
называется Западный Туркестан. Он
основал город, известный ныне как
Герат; отсюда он пошел на север к
Кабулу и к нынешнему Самарканду, в
горы Центрального Туркестана. Он
возвращался по южному пути и
прошел в Индию через Хайберский
перевал. В верховьях Инда он дал
сражение — ему противостоял один
из индийских раджей, Пор,
отличавшийся очень высоким ростом
и благородством. Македонской
коннице пришлось иметь дело с
армией, у которой были боевые

слоны, но и в этот раз победа была за македонянами.

Возможно, Александр так и пробивался бы все дальше на восток, через пустыни и джунгли, к долине Ганга, но его войска отказались идти дальше. Если бы это не произошло, Александр так бы и шел вперед, пока не затерялся бы где-нибудь на востоке. Но его заставили повернуть обратно.

Александр построил флот и спустился к устью Инда. Там он разделил свои силы. Основные части он повел вдоль пустынного побережья к Персидскому заливу. На пути македоняне столкнулись со страшным зноем, голодом и жаждой:

многих людей они потеряли из-за нехватки питьевой воды. Флот следовал за Александром по морю и воссоединился с основными силами у входа в Персидский залив.

На протяжении этого шестилетнего похода Александр давал сражения, покорял многие неизвестные народы и основывал города. Он увидел мертвое тело Дария в июне 330 г. до н. э., а вернулся в Сузы в 324 г. до н. э. В империи, которую он оставил, углубившись в Индию, воцарился хаос. Провинциальные сатрапы собирали свои собственные армии, Бактрия и Мидия восстали, Олимпиада сделала невозможным

какое-либо действенное управление Македонией. Гарпал, царский казначей, бежал, прихватив все, что можно было унести из царской сокровищницы, и направился в Грецию, подкупая всех на своем пути. Говорят, кое-что из этих денег перепало и Демосфену.

Но прежде чем мы перейдем к завершающей главе истории Александра, нужно сказать несколько слов о тех северных регионах, через которые ему довелось пройти. Все эти земли, от Дуная через всю Южную Россию и до Восточно-Каспийского региона, вплоть до горного массива Памира, населяли родственные племена и

народы, находившиеся примерно на одной стадии развития и по большей части арийские по языку и нордические по происхождению. У них было мало городов — в основном они вели кочевой образ жизни. Временами они оседали и переходили к возделыванию земли. Конечно, в Центральной Азии происходило смешение арийских племен с монголоидными, но монголоидные племена в те времена еще не были преобладающими в этих местах.

Последние десять тысяч лет в этой части света происходил обширный процесс пересыхания и подъема земель. До этого времени

здесь, возможно, существовал постоянный водный барьер между бассейном Оби и Аралокаспийским регионом. По мере его пересыхания и по мере того, как болотистая земля превращалась в лесостепь, здесь постепенно встречались и смешивались нордические кочевники с запада и монголоидные кочевники с востока. Очевидно, что на этих великих пространствах скапливалось великое множество самых разных кочевых народов и племен. Они не старались держаться тех земель, на которых кочевали. Их жилищем были шатры и крытые повозки, а не дома. Непродолжительный плодородный период или приостановка

межплеменных столкновений при сильном вожде — и эти племена значительно прибавляли в численности. Затем двух-трех тяжелых лет бывало достаточно, чтобы вся эта масса людей снова снималась с места в поисках пропитания.

Еще до зари письменной истории в этом регионе между Дунаем и Китаем постоянно скапливались огромные массы людей. И с таким же постоянством, как дождливая туча проливается дождем, из этого региона обрушивались шквалы нашествий кочевников на запад и на восток. Словно грозовая туча над мирным

ландшафтом, этот регион постоянно грозил все новыми и новыми осадками — нашествиями. Мы уже обращали внимание, как упорно, словно морозящий дождь, кельтские племена пробивались на запад, как италийцы, греки и их сородичи — фригийцы и македоняне переселялись на юг. Мы видели также и киммерийцев, которые, как неожиданный ураган, обрушились на Малую Азию; как скифы, мидяне и персы хлынули на юг; мы видели и арийское наводнение в Индии. Примерно за столетие до Александра произошло новое вторжение кельтских племен в Италию, которые осели в долине реки По.

Эти различные народы вышли из тени своей северной прародины на свет истории, а степной резервуар тем временем продолжал копить силы для новых осадков.

Поход Александра в Центральную Азию открыл для нас новые, прежде не встречавшиеся нам имена: парфян, народ всадников, вооруженных луками, которым суждено было сыграть важную роль в истории через столетие-другое, и бактрийцев, разводивших верблюдов в своей пустынной стране. Повсюду войскам Александра встречались арийские народы. О существовании диких монголоидных племен к северо-востоку они даже не

подозревали. Никто и вообразить не мог, что существует еще одна подобная «туча» за землями скифов и их сородичей, которая в свое время принесет новую грозу — новые набеги кочевников на запад и на юг, которые увлекут за собой встретившихся на их пути скифов с родственными им народами. О существовании гуннов знали только китайцы; ни в западном Туркестане, ни где-либо еще в Центральной Азии не было ни тюрков, ни татар.

Этот взгляд на положение дел в западном Туркестане IV в. до н. э. — один из наиболее интересных результатов похода Александра. Другой — это его рейд через

Пенджаб. С точки зрения рассказчика историй, любопытно предположить, что бы произошло, если бы он вошел в долину Ганга. Как следствие в нашем распоряжении были бы независимые сведения греческих авторов о том, как выглядела жизнь в древней Бенгалии. Впрочем, на эту тему существует значительная литература на различных языках Индии, которая повествует об индийской истории и жизни индийского общества, ее только нужно сделать доступной европейскому читателю.

Шесть лет продолжалось бесспорное владычество Александра над Персидским царством. Ему уже

исполнился тридцать один год. За эти шесть лет им было создано очень мало нового. Александр особенно не вмешивался в управление персидскими провинциями, назначая только новых сатрапов или сохраняя прежних. Дороги, порты, организация жизни империи в целом оставались теми же, что и при Кире, его великом предшественнике. В Египте Александр всего лишь поменял прежних наместников на новых. В Индии он нанес поражение Пору, но тот сохранил свое царство, разве что именовался теперь у греков сатрапом.

Александр, правда, основал несколько городов, и некоторым из

них суждено было стать великими городами. Только Александрии он основал семнадцать. Названия многих из них со временем изменились на другие: Кандагар (Искендер) и Секундерабад. Но он разрушил Тир, а с ним и безопасность морских путей, которые вели прежде в главные морские ворота Месопотамии.

Историки говорят, что Восток был эллинизирован Александром. Но Вавилония и Египет и до его походов имели самые тесные отношения с греческим миром. Александр не был причиной эллинизации, он был ее составной частью. Какое-то время весь этот конгломерат государств, от

Адриатики до Инда, находился под единым правлением; в этом ему удалось воплотить в жизнь мечты Исократа и Филиппа, своего отца. Но было ли суждено созданному им единству стать долговременным и прочным или, как уже бывало, остаться блистательным, но недолговечным пустоцветом?

Александр не прокладывал дорог, не создавал надежных морских коммуникаций. Было бы несправедливо обвинять его в том, что он не занялся созданием общей культуры. В те времена еще никто не представлял, что империи должны быть сцементированы общей культурой. Но он не окружил себя

группой искусных политиков, не думал он и о преемнике. Он не создал никакой традиции — ничего, кроме легенды вокруг своего имени. Представить, что мир будет жить, как жил, и после него, и не будет жить одними лишь разговорами о его величии, — было выше его умственных возможностей. Он был все еще молод, это правда. Но еще до того, как Филиппу исполнился тридцать один год, он уже думал о воспитании Александра.

Был ли вообще Александр государственным деятелем?

Некоторые ученые уверяют нас, что это так; что, возвратившись в Сузы, он планировал создание

могущественной мировой империи, представляя ее не как покорение мира македонянами, но как объединение разнородных культур в единый сплав. По крайней мере, один из поступков Александра дает основания для этой версии. Он устроил грандиозное празднество — бракосочетание, в котором он и девяносто его военачальников и друзей взяли в жены лучших персидских невест. Сам он женился на дочери Дария, несмотря на то что у него уже была жена-азиатка, Роксана, дочь правителя Самарканда. Эта женитьба была превращена в пышное торжество. Кроме того, все из македонских солдат, кто женился

на азиатках, а таких насчитывалось несколько тысяч, получили от своего царя щедрые подарки. Названо все это было «бракосочетанием Европы и Азии» — чтобы два континента объединились, как писал Плутарх, «в законном супружестве и в общности потомства».

Следующим шагом Александра стало обучение специально отобранной молодежи, отпрысков персидской знати и северян — бактрийцев, парфян и других, военной тактике и построению македонской фаланги и конницы. Было это также задумано для слияния Европы и Азии или же для того, чтобы избавиться от своих

строптивых македонян? Те, во всяком случае, пришли именно к такому выводу и взбунтовались. Александру стоило немалых усилий, чтобы успокоить их и убедить принять участие в общем для македонян и персов празднестве. Историки в этой связи придумали для него долгую и витиеватую речь, но по сути он дал понять македонянам, что больше не задерживает их, если они хотят уйти. И не объяснил, как и за какие средства им возвращаться домой из Персии. Пошумев три дня, они уже просили его о прощении.

Вот еще один повод для вполне предметной дискуссии. В самом ли деле Александр планировал слияние

народов или он просто увлекся помпой, созданием ореола божественности вокруг правителя — неперменным атрибутом восточной монархии — и хотел избавиться от европейцев, для которых он был всего лишь царем-предводителем? Историкам — его современникам, и тем, кто жил чуть позднее, было известно многое об этой последней альтернативе. Они в один голос утверждают, что Александр отличался исключительным тщеславием. Из их рассказов мы узнаем, как он начал надевать мантии и тиару персидского монарха. «Поначалу он выходил в таком облачении только перед

варварами и в узком кругу, но потом стал появляться так на виду у всех, когда принимался за рассмотрение дел». Впоследствии он стал требовать восточного поклонения и от своих друзей.

Не только это свидетельствует об огромном личном тщеславии Александра. Его рисованные и скульптурные изображения создавались довольно часто, и Александр всегда представлял в образе прекрасного юноши, с чудесными локонами, откинутыми назад с широкого лба. До этого большинство мужчин носило бороду, но Александр, влюбленный в свою очаровательную молодость, не

разделял этой моды. В тридцать два ему больше нравилось походить на мальчика: он брил лицо, и тем установил новую моду в Греции и Италии, которая сохранялась и много столетий спустя.

Последние годы жизни Александра изобилуют историями о его жестокости и тщеславии. Он прислушался к наговорам на Филоту, сына Пармениона, одного из самых доверенных своих военачальников. Говорили, что Филота хвастался одной женщине, своей любовнице, что Александр — просто мальчишка, что если бы не такие люди, как он и его отец, то не было бы никакого завоевания Персии, и далее, в том же

духе. В этом доносе была определенная доля правды. Женщину привели к Александру, и он выслушал ее признания. Впоследствии Филота был обвинен без веских доказательств в организации заговора, подвергнут пыткам и казнен.

Затем Александр позаботился и о Парменионе, двое других сыновей которого погибли за него в сражениях. Он отправил своих приспешников прикончить старика, прежде чем тот узнает о смерти сына! А ведь Парменион был одним из наиболее доверенных военачальников Филиппа, именно Парменион вел македонские войска в

Азию перед тем, как убили Филиппа.

В том, что в основе этой истории лежат подлинные события, нет никаких сомнений, как и в обстоятельствах казни Каллисфена, племянника Аристотеля. Тот не захотел воздавать божественные почести Александру и «всем своим видом показывал, что он отвергает тиранию, в то время как другие молодые люди следовали за Александром, как если бы он был одним свободным из многих тысяч».

В одном ряду с подобными инцидентами очень показательная история о том, как в пьяной ссоре был убит Клит. Монарх и его приближенные предавались

усиленному пьянству, и выпитое развязало им языки. Шумные и несдержанные разговоры состояли главным образом в выражении лести в адрес «молодого бога» и злословии Филиппа, и все эти речи Александр принимал с довольной улыбкой. Это пьяное самодовольство вызвало раздражение у македонян, участвовавших в попойке, и Клит, молочный брат Александра, не выдержал. Он стал с горячностью укорять Александра в том, что тот променял своего отца Филиппа на Аммона и что на его пирах нет места свободному человеку, только рабам и варварам. Началась шумная перепалка, и чтобы уберечь Клита от

неприятностей, друзья вытолкали его из пиршественного зала. Но Клит был настолько пьян, что уже не отдавал себе отчета в своих действиях. Он решил вернуться через другой вход, и все слышали, как он, приближаясь, цитирует Еврипида «грубым и непочтительным тоном»:

«Вот каковы обычаи у
вас? Так, Греция, ты чтишь
Своих героев? На все,
что завоевано мечами
тысяч,
Лишь один заявит
право?»

При этих словах Александр

выхватил копье у одного из стражников и пронзил Клита, когда тот откинул занавес, чтобы войти в зал...

Не остается ничего, кроме как поверить, что такой и была атмосфера, в которой проходила жизнь молодого покорителя мира. Тогда история о неистовой и безжалостной демонстрации скорби по одному из ближайших друзей и соратников, Гефестиону, не может быть полностью выдуманной. Если эта история правдива или отчасти правдива, она свидетельствует о разуме, утратившем равновесие и полностью поглощенном личными переживаниями. Для него империя

была не более чем средством для эгоизма и выставления напоказ своих эмоций, а ее ресурсы — материалом для причуд того сорта «великодушия», при котором до нитки обирают тысячи людей, чтобы добиться восхищения у одного потрясенного поклонника.

Заболевшему Гефестиону была предписана строгая диета, но пока его врач был в театре, он съел жареную дичь и выпил бутылку охлажденного вина, после чего и умер. Горе Александра не знало границ, и о том, что царь скорбит, должна была узнать вся империя. Александр утратил последнюю каплю разума, — о чем говорит хотя

бы то, что он приказал распять врача! Кроме того, приказано было остричь гривы всех мулов и лошадей в Персии и снести зубцы на крепостных стенах у всех близлежащих городов. На долгое время он запретил музыку в своем лагере, а захватив несколько деревень народа коссеев, распорядился убить всех взрослых в качестве жертвоприношения на могиле Гефестиона. На погребальные торжества он выделил ни больше ни меньше десять тысяч талантов. Для тех времен это была огромная сумма. Ничто из этих поступков не прибавило славы Гефестиону, но зато потрясенный

мир увидел, что это такое, когда скорбит Александр.

Пусть эта последняя история или одна из подобных ей окажется выдумкой, искажением или преувеличением. Говорят они об одном и том же.

В июне 323 г. до н. э. в Вавилоне, после очередной попойки, на Александра напала лихорадка, ему стало плохо, и он вскоре умер. Александру было всего тридцать три года от роду. И тотчас же мировая империя, которую он завоевал и держал в руках, как ребенок, который схватил и не выпускает из рук дорогую вазу, пала и разбилась на куски.

Единый мировой порядок, каким бы он ни рисовался в воображении людей, стал невозможен с его смертью. Далее последовала совершенно варварская история автократии и неразберихи. Провинциальные правители взяли власть в свои руки. За несколько лет погибла вся семья Александра. Его жена — дочь бактрийского царя Роксана — поспешила устранить свою соперницу, дочь Дария. Роксана вскоре после смерти мужа родила ему сына, которого также называли Александром. Прошло несколько лет, и он был убит вместе с Роксаной в 309 г. до н. э. Геркулес, другой и единственный оставшийся в живых

сын Александра, также был убит. Эта же участь ждала и Арридея, его слабоумного единокровного брата. Плутарх повествует о последнем непродолжительном периоде, когда Олимпиада еще была у власти в Македонии, обвиняя то одного, то другого из приближенных Александра в том, что они его отравили. Многих в своей слепой ярости она приказала убить. Она повелела извлечь из могил тела некоторых из тех, кто входил в круг Александра, но вряд ли удалось таким способом пролить свет на причину его смерти. Олимпиада была убита в Македонии друзьями тех, кто был казнен по ее приказу

(316 г. до н. э.).

На фоне этой преступной неразберихи впоследствии обозначились три ведущие фигуры. Большая часть прежней Персидской империи, от Инда на западе и почти до пределов Лидии на востоке, отошла к одному из полководцев Александра, Селевку, который основал новую династию, династию Селевкидов. Македония досталась другому македонскому полководцу, Антигону, и его потомкам. Третий македонец, Птолемей, завладел Египтом и, сделав Александрию своей столицей, добился значительного морского владычества, которое позволило ему также

удерживать Кипр и большую часть побережья Финикии и Малой Азии.

Империи Птолемеев и Селевкидов просуществовали довольно значительное время. Возникшие в Малой Азии и на Балканах государственные образования оказались менее устойчивыми. Две приведенные здесь карты помогут читателю почувствовать калейдоскопическую природу государственных границ в III в. до н. э.

Антигон потерпел поражение и был убит в битве при Ипсе (301 г. до н. э.), оставив после себя Лисимаха правителем Фракии и Кассандра в Македонии и Греции, правление

которых оказалось столь же недолговечным. Более мелкие наместники кроили под себя еще меньшие государства.

Тем временем варвары снова получили полную свободу действий в ослабленном и разделенном цивилизованном мире, вторгаясь в него с запада и с востока. С запада пришли галлы, народ, близкородственный кельтам. Разоряя и грабя все на своем пути, они прошли через Македонию и Грецию до Дельф (279 г. до н. э.). Отделившиеся от них две группы пересекли Босфор и оказались в Малой Азии. Сначала они становились наемниками у местных

правителей, а затем сами стали хозяевами тех земель, на которых осели. Добравшись почти до Таврских гор, они поселились на древней фригийской земле, обложив данью местное население. Эти фригийские галлы стали галатами, известными нам по Посланию св. апостола Павла.

Армения и южное побережье Черного моря также оказались охвачены круговоротом сменявшихся один за другим правителей. Цари с эллинистическими идеями появлялись в Каппадокии, в Вифинии и в Пергаме. С востока скифы, бактрийцы, парфяне стали переселяться на юго-запад...

В течение последующего времени эллинизированные греко-бактрийские государства приобретали все более азиатские черты. Во II столетии до н. э. греки — искатели приключений из Бактрии вторглись в северную Индию и основали там недолговечные государства — результат последнего броска греков на восток. Затем варварство, как занавес, снова опустилось на земли между западной цивилизацией и Индией.

Среди всех этих разрозненных обломков эллинистической империи нельзя не выделить одно небольшое царство, которое требует, по меньшей

мере, чтобы ему посвятили отдельный раздел. Речь идет о Пергамском царстве. Впервые мы слышим об этом городе как о независимом центре во время конфликта, который завершился сражением при Ипсе. В то время, когда вихрь галльского вторжения захлестнул всю Малую Азию между 241 и 227 гг. до н. э. Пергам некоторое время платил галлам дань, однако ему удалось сберечь свою независимость. И, наконец, при царе Аттале I (правил с 241 по 197 до н. э.) Пергам отказался платить дань и разбил галлов в двух решающих сражениях.

На протяжении более чем

столетия с той поры Пергам оставался свободным и был в этот период, вероятно, самым высокоразвитым государством в мире. На холме Акрополя был возведен роскошный архитектурный ансамбль: дворцы, храмы, музей и библиотека, не уступающие александрийским, о которых мы впоследствии расскажем, и, возможно, самые первые в мире. При правителях Пергама получило новый расцвет греческое искусство. Остатки алтаря в храме Зевса и статуи сражающихся и умирающих галлов, которые были сделаны в Пергаме, бесспорно, принадлежат к художественной сокровищнице

человечества.

Вскоре, как мы расскажем позднее, влияние новой силы стало ощущаться в Восточном Средиземноморье — Римской республике, благосклонно настроенной к греческой цивилизации и к Греции. В этой силе эллинистические государства Пергама и Родоса обрели полезного союзника и поддержку против галатов и ориентализированной империи Селевкидов. Мы расскажем, как, наконец, римское владычество пришло в Азию, как римляне разгромили армию Селевкидов в сражении при Магнесии (190 г. до н. э.) и изгнали парфян из Малой

Азии за Таврские горы. Последний царь Пергама Аттал III (138–133 до н. э.), осознавая всю необходимость этого шага, сделал своим наследником Римскую республику. Так Пергамское царство стало римской провинцией Азия.

8

Почти все историки склонны расценивать эпоху Александра Великого как водораздел в истории человечества. Она объединила весь известный тогда мир, за исключением разве что Западного Средиземноморья, в место действия

единой драмы. Но мнения, которые сложились у историков относительно самого Александра, очень сильно расходятся. Они разделяются в большинстве своем на два основных направления. Одни ученые очарованы юностью и величием этого человека. Преклоняясь перед Александром, они готовы судить его по его же собственным меркам. Они готовы примириться со всеми его преступлениями и безумствами, как с несдержанностью и склонностью к крайностям, присущими его великой натуре, либо же объяснять их суровой необходимостью правления. Им противостоят историки, которые видят в нем губителя медленно

зревших тенденций свободного и
безмятежного эллинистического
сообщества.

Прежде чем мы станем
приписывать Александру или его
отцу Филиппу глобальные
политические замыслы, которые
пришлись бы по вкусу историку XX
столетия, давайте сначала
рассмотрим тот предельный уровень
знаний и идей, который был
возможен в те дни.

Не одно поколение
воспринимало Александра Великого
как воплощение и символ мирового
порядка и мирового правления.
Александр еще при жизни стал
легендой. Его голова, украшенная

божественными символами полубога Геркулеса или бога Амона-Ра, появляется на монетах его преемников, притязавших на то, чтобы называться наследниками его империи. Затем идею общемирового правления перенял другой великий народ, который на протяжении нескольких веков проявлял немалый политический гений, — римляне. Как результат фигура другого выдающегося авантюриста, Юлия Цезаря, затмила в западной половине Старого Света фигуру Александра.

Итак, мы видим, что к началу III в. до н. э. в западной цивилизации уже появляются три великих структурирующих представления,

которые и в настоящий момент доминируют в сознании человечества. Мы проследили, как письменность и знание вырвались из плена мистерий и инициации древнего жречества и как развивались представления об универсальном знании, доступном для всех, в изложении истории и философии. Мы приводили в качестве примера Геродота и Аристотеля как типичных представителей этой первой великой идеи, идеи науки в ее самом широком и непосредственном смысле, означающем отчетливое видение человеком всего того, что его окружает. Мы проследили также

обобщение религии у вавилонян, иудеев и других семитских народов от тайного поклонения в храмах и освященных местах своим местным или племенным богам к открытой службе единому для всех Истинному Богу, храм для которого — весь мир. И вот мы видим, наконец, как впервые зарождается представление об общемировой политике. Последующая история человечества — это по большей части история этих трех идей: науки, всеобщей справедливости и общечеловеческого сообщества. Появившись в умах немногих, самых выдающихся людей и народов, они овладели помыслами всего человечества, придав сначала

НОВЫЙ ОТТЕНОК, ЗАТЕМ НОВЫЙ ДУХ И В
ИТОГЕ — НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЕГО
РАЗВИТИЮ.

Глава двадцать третья

Наука и религия в

Александрии

1. Наука в Александрии.

2. Александрийская философия.

3. Александрия — фабрика религий.

4. Александрия и Индия

1

Одной из самых процветающих

частей империи Александра Великого, которая досталась Птолемеем, был Египет. Мы уже рассказывали о Птолемеях — одном из тех приближенных Александра, которых изгнал царь Филипп. Египет находился в безопасном отдалении от разрушительных набегов галлов и парфян, а разгром Тира и финикийского флота позволил Александрии надолго прибрать к своим рукам морские пути в Восточном Средиземноморье.

Александрия вскоре достигла размеров, не уступавших Карфагену. На востоке она вела активную заморскую торговлю по Красному морю с Аравией и Индией. Что же

касается Западного Средиземноморья, то там александрийская торговля составляла серьезную конкуренцию карфагенянам. Александрии было предначертано на многие века занять главенствующее положение во всем Средиземноморье и стать крупнейшим торговым и культурным центром античного мира. Ее значимость максимально возросла, конечно же, при римских императорах.

В македонских и греческих правителях династии Птолемеев египтяне обрели власть, более приемлемую и более благосклонную, чем любая из известных им с тех

пор, как они перестали самостоятельно править своей страной. Скорее, это Египет покорил и сделал Птолемеев выразителями своих интересов, чем признал верховенство македонян.

Новые правители предпочли обратиться к египетским политическим представлениям, вместо того чтобы пытаться править Египтом на греческий лад. Птолемеи стали фараонами, царем-богом, его царствование продолжило древнюю традицию фараонов Пепи, Тутмосов, Рамзесов и Нехо. Александрия, в то же время оставаясь подвластной божественному фараону, имела конституцию по образцу греческого

полиса для регулирования
внутригородской жизни. Языком,
которым пользовались в
официальном обиходе и в суде, был
аттический диалект греческого.

Греческий стал настолько
общепризнанным языком
образованных людей в Египте, что
иудейская община Александрии
сочла необходимым перевести свою
Библию на греческий язык. К тому
времени многие из египетских
евреев были уже неспособны
понимать еврейский язык.
Аттический диалект греческого, на
несколько столетий до и после
Христа стал языком всех
образованных людей от Адриатики

до Персидского залива.

Из всех молодых людей — спутников Александра, Птолемей, видимо, сделал больше всего, чтобы воплотить в жизнь идеи систематической организации знания, с которыми Аристотель познакомил двор Филиппа Македонского. Птолемей был человеком, чрезвычайно одаренным интеллектуально, творческим и скромным одновременно. Он с понимаемым скептицизмом и снисхождением относился к наклонностям, привитым Александру Олимпиадой. Написанная им история похода Александра, история очевидца, не

сохранилась до наших дней, однако ей многим обязаны все дошедшие до нас позднейшие сочинения об Александре.

Основанный им в Александрии Мусей (Мусейон) был по сути первым университетом в мире. Как видно из его названия, он был посвящен служению музам, также, как и школа перипатетиков (последователей Аристотеля) в Афинах. Однако он только формально был религиозным учреждением, лишь в той мере, в какой это необходимо в мире, который не представлял себе возможности интеллектуального процесса, независимого от религии.

Это был коллегийум образованных людей, занятых главным образом исследованиями и документированием, но также, в некоторой степени, и преподаванием.

В начальный период на протяжении двух-трех поколений Мусей в Александрии являл собою созвездие ученых умов, с которым не могли сравниться даже Афины в лучшую свою пору. Особенно значимыми и успешными были исследования в области математики и географии. Достаточно назвать имена Евклида, о котором в наши дни знает каждый школьник, Эратосфена, измерившего диаметр

Земли (его результат лишь на пятьдесят миль отличается от современных вычислений!), Аполлония (ок. 260–170 до н. э.), рассчитавшего конические сечения. Гиппарх (190–125 до н. э.) сделал первую попытку описать движение небесных светил и составил первую карту звездного неба, чтобы отмечать любые изменения, которые наблюдаются на небе. В Александрии учился Архимед и впоследствии сохранял постоянную переписку с Мусеем.

Не менее знаменитой была и александрийская медицинская школа. Впервые в мировой истории был установлен стандарт

профессиональных медицинских знаний. О Герофиле (III в. до н. э.), величайшем из александрийских анатомов, говорили, что он проводил вивисекции трупов преступников, приговоренных к смертной казни. Другие ученые, в противовес Герофилу, осудили занятия анатомией и посвятили себя науке составления лекарственных снадобий.

Научному взрыву в Александрии не суждено было продлиться больше столетия. В организации Мусея не было заложено механизма сохранения преемственности и продолжения научных открытий его начинателей. Это был «придворный»

колледж, его учителя и «профессора», как бы мы сказали сегодня, назначались и оплачивались фараоном. «Республиканский характер» школ и академий в Афинах был гораздо более устойчивым и независимым. Верховный патронат над Мусеем был благотворен, пока фараонами были Птолемей I или Птолемей II. Но впоследствии тысячелетняя традиция египетского жречества поглотила Птолемеев и погубила аристотелевский настрой Мусея. Не прошло и сотни лет, как его научная энергия полностью иссякла.

Одновременно с Мусеем Птолемей I создал себе и более

долговечный памятник — знаменитую Александрийскую библиотеку. Это была комбинация государственной библиотеки и государственного издательства в невиданных до той поры масштабах. Одна из ее задач была энциклопедическая: если кто-то из иностранцев привозил неизвестную в Египете книгу, он был обязан сдать ее для копирования. Эта копия пополняла собрание библиотеки. Все более-менее популярные произведения непрерывно тиражировались внушительным штатом переписчиков.

Александрийская библиотека, словно современное университетское

издательство, постоянно предлагала к продаже свои копии имевшихся книг. При Каллимахе (III в. до н. э.), возглавлявшем библиотеку во времена Птолемея II и III, регулярно проводилась систематизация и составление каталогов книжных накоплений.

В те дни, не будем забывать, книги не перелистывали страница за страницей, а сворачивали в свиток. Для того чтобы отыскать нужное место в тексте, читателю приходилось разворачивать и сворачивать эти свитки, от чего страдали и книги, и нервы читателей. Поневоле представляешь какое-нибудь незамысловатое

приспособление, с помощью которого можно было бы, не тратя лишних усилий, просматривать свиток от начала до конца. Но ничего подобного так и не было придумано. Каждый раз, когда книгу читали, ее непременно вертели две, и не всегда чистые, руки.

Для того чтобы сберечь время и силы читателей, именно Каллимах придумал разбивать пространные сочинения, такие, как «История» Геродота, на отдельные книги, или тома, как бы мы теперь назвали, — каждая на отдельном свитке.

Александрийская библиотека привлекала огромное множество учащихся, куда большее, чем Мусей.

Все эти посетители из самых разных концов света представляли немалый денежный интерес для александрийских торговцев и содержателей постоялых дворов.

Поразительно, но в Александрии, по всей видимости, не предпринималось никаких попыток что-либо напечатать — не только книги. Этот факт вначале кажется совершенно непостижимым: весь тогдашний мир требовал книг, а кроме книг, постоянно нужны были разного рода афиши, листовки, объявления и тому подобное. Однако до XV в. в истории западных цивилизаций не появлялось ничего, что можно было бы назвать

книгопечатанием.

И дело не в том, что искусство книгопечатания было технически слишком сложным или зависело от каких-то предварительных открытий и изобретений. Печать — это простейшее и самое очевидное из приспособлений. В принципе о ней знали всегда. Как мы уже говорили, есть основания предполагать, что палеолитический человек мадленского периода украшал свою кожаную одежду, нанося на нее костяным валиком отпечатки различных узоров. «Печати» древних шумеров — это опять же печатные приспособления. Монеты также изготавливали с помощью подобной

технологии.

Неграмотные люди во все века использовали металлические или деревянные печатки, чтобы поставить свою подпись. Вильгельм Завоеватель, норманнский герцог и король Англии, пользовался подобной печатью и чернилами, когда нужно было подписывать документы. В Китае классические тексты размножали, делая оттиски с печатной доски, еще во II столетии до н. э. Но то ли из-за формы книг или из-за сопротивления со стороны владельцев рабов-переписчиков, защищавших свои прибыли; а может быть, потому, что скорописное «демотическое» письмо было и так

достаточно легким и быстрым, чтобы еще думать о его ускорении и развитии (что было совершенно неизбежно в случае с китайскими иероглифами или готическим шрифтом); или же потому, что пропасть разделяла в общественной жизни человека мысли и знаний и человека технических умений — но книгопечатание так и не появилось, даже в простейшем виде для воспроизводства иллюстраций.

Главная причина того, что не удалось организовать книгопечатание, заключается, очевидно, в том, что не было в достатке материала необходимой плотности и удобной формы,

пригодного для печати книг.

Снабжение папирусом было строго ограничено. К тому же не существовало единого формата для книжной страницы. Бумага еще предстояло прийти из Китая, чтобы сыграть свою роль в освобождении разума в Европе. И даже если бы появились книгопечатные станки, они все равно простаивали бы без дела, а в это время продолжалось бы неспешное изготовление папирусных свитков. Но этим сложно объяснить, почему не использовали копировальные доски или штампы для воспроизведения иллюстраций или чертежей.

Египет — единственный регион,

где растет папирус. Это помогают нам понять, почему Александрии так быстро удалось достичь значительных успехов в области знания. Того же Эратосфена, учитывая те скудные приспособления, которыми он пользовался, можно поставить на один уровень с Ньютоном или Пастером. При этом Александрия почти никак не повлияла на политику или на духовную жизнь своего времени.

Музей и Библиотека в Александрии были средоточием света, который можно сравнить с затемненным фонарем, скрытым от остального мира. Не существовало

никаких средств донести эти достижения до благожелательно настроенных людей за пределами Александрии, за исключением утомительного переписывания книг вручную. В те времена не было способа общения, доступного большинству людей. Ученым приходилось, тратя значительные средства, добираться до этого многолюдного научного центра, потому что не было иного способа добыть хотя бы крупицу знаний. В Афинах и Александрии единичному искателю можно было приобрести самые разные манускрипты по разумной цене, но любая попытка заняться образованием масс

немедленно вызвала бы критическую нехватку папируса.

Впрочем, образование вообще не шло в массы. Чтобы приобрести нечто большее, чем поверхностные знания, необходимо было пожертвовать своей размеренной жизнью, поменять ее на долгие годы ненадежного существования в отдельном мирке неустроенных и перегруженных утомительной работой мудрецов. Ученость, конечно, не означала такого полного разрыва с повседневной жизнью, как посвящение в жрецы, однако по своей природе это были явления одного порядка.

И очень быстро это чувство

свободы, открытость и прямота суждений, которые, как воздух, необходимы для подлинной интеллектуальной жизни, исчезли из Александрии. С самого начала покровительство Птолемея I ставило предел возможной политической дискуссии. Впоследствии разногласия между школами впустили суеверия и предрассудки уличной толпы в научную жизнь.

Мудрость покинула Александрию, оставив вместо себя педантизм. Работа с книгой заменилась преклонением перед ней. Очень скоро ученые превратились в изолированный класс, со всеми присущими этому классу

неприглядными особенностями. Не успело смениться и несколько поколений в Мусее, как Александрия познакомилась с новым типом человеческого существа — неуклюжим эксцентриком, непрактичным, незнающим самых простых житейских вещей. С буквоедом, у которого привычка выходить из себя из-за каждой мелочи сочеталась с зоркой ревностью к коллегам по цеху и презрением к необразованной толпе за пределами его мирка. Одним словом, миру явился Книжный Червь. Он отличался такой же нетерпимостью, как жрец, только не имел алтаря, и таким же

невежеством, как знахарь, хоть и не жил в пещере. Его ничуть не утомляли долгие часы, проведенные за переписыванием книг. Его можно было бы назвать побочным продуктом интеллектуального процесса, но для многих поколений людей этот побочный продукт оказался серьезной помехой, заграждая свет знаний, зажженный человеческим разумом.

Поначалу творческая активность Александрии была сосредоточена вокруг Мусея и носила главным образом научный характер. Философия в более энергичный век была учением о контроле над собой и материальным миром и побуждала к

активными действиям. Не отвергая этих претензий, философия в Александрии стала в действительности наукой о тайных, охраняемых от непосвященных, способах примирения с этим миром. Стимулятор превратился в наркотик. Философ не препятствовал миру катиться в пропасть — миру, частью которого был он сам, — и утешался красивыми умозрительными построениями. В них мир представлял иллюзией, за которой скрыта некая квинтэссенция. Афины, уже утратившие политический вес, но все еще многолюдные и знаменитые, вступали в эпоху своего интеллектуального упадка почти

незаметно для постороннего взгляда. Они всегда пользовались странным уважением воюющих государств и авантюристов всего мира и были еще одним центром подобного философского учения.

Если в Александрии поздно сложилась своя особая философия, то уже с самых ранних своих времен она стала заметным Центром создания и общения религиозных идей.

Музей и Библиотека представляют собой только одну из граней тройственной природы этого города. Это были ее аристотелевский, эллинистический, македонский элементы. Птолемею I

удалось ввести в жизнь Александрии еще два фактора, дополняющие неповторимое своеобразие этого центра.

Первый — это значительное количество иудеев, частично из Палестины, но по большей части из тех поселений в Египте, в которых иудеи уже давно жили. Этими последними были иудеи-диаспоры той ветви еврейского народа, что не знала вавилонского пленения. Эти иудеи имели Библию и находились в тесном общении со своими единоверцами во всем мире. Они населяли один из самых обширных кварталов Александрии. Этот город стал самым большим еврейским

городом в мире: евреев в Александрии тогда было больше, чем в самом Иерусалиме. Мы уже отмечали то, что они сочли необходимым перевести свои священные тексты на греческий язык.

И, наконец, в Александрии жило множество египтян, в основном также говоривших на греческом языке. Однако была жива их традиция, насчитывавшая сорок веков храмовой религии и культов.

В Александрии сошлись три типа белой расы, три типа разума и духа: здравомыслящий критицизм ариев-греков, нравственное рвение и монотеизм семитов-иудеев и древняя

египетская традиция мистерий и жертвоприношений. Насколько ей удалось сохранить свою жизнеспособность в мире, мы уже видели на примере таинственных обрядов и культов Греции. Подобные обряды хамитский Египет открыто и торжественно совершал в своих величественных храмах.

Вот эти три элемента и были составляющими александрийской «закваски». В порту и на рынках, где общались люди всех известных народностей и рас, неизбежно взаимодействовали и сравнивались их религиозные представления и обычаи. Сообщается, что в III в. до н. э. буддийские миссионеры,

отправленные царем Ашокой, прибыли в Александрию из Индии, и нет сомнений, что в более поздние времена в Александрии постоянно существовала колония индийских торговцев. Аристотель в своей «Политике» замечает, что религиозные представления людей охотно заимствуют свои формы из их политических институтов. «Люди заимствуют образ жизни своих богов в не меньшей степени, чем их телесные формы, из своей собственной».

В эпоху огромных эллинистических империй, управляемых автократическими монархами, уже было недостаточным

поклонение лишь местным божествам, старым покровителям племени и города. Людям нужны были боги, такие же всеобъемлющие, как и царства, и всюду, кроме тех мест, где на пути стояли интересы влиятельного жречества, шел любопытный процесс ассимиляции богов. Как оказалось, все эти многоликие и разнообразные боги во многом схожи между собой. Люди приходили к заключению, что вместо различных богов на самом деле должен быть один бог со множеством имен. Он был повсюду, но только под другим «псевдонимом». Римский Юпитер, греческий Зевс, вавилонский Бел-

Мардук, египетский Амон — тот, с которым пробовал бороться Аменхотеп IV (он же Эхнатон), и предполагаемый «отец» Александра Македонского — все они были достаточно схожи, чтобы слиться в единый образ.

Там, где различия между божествами казались слишком заметными, их удавалось преодолеть, говоря, что это различные «аспекты» одного божества. Однако Бел-Мардук давно уже утратил былое величие, от него осталось лишь одно воспоминание, а такие старые боги, как Ашшур, Дагон и им подобные, боги павших народов, и вовсе исчезли из памяти людей.

Осирис — бог, популярный у египетского простонародья, стал отождествляться с Аписом, священным быком Мемфисского храма. Осириса уже путали и с Амоном. Под именем Сераписа он стал верховным божеством эллинистической Александрии. Египетская богиня-корова Хатор, или Исида, также предстает теперь в человеческом облике, как жена Осириса, которому она родила сына Гора. Тот в свою очередь должен снова стать Осирисом, как только вырастет.

Подобная простота, с которой боги превращались друг в друга, покажется странной современному

человеку. Но эти отождествления и смешения богов очень показательны, как попытки набирающего силу человеческого разума сберечь с помощью религии эмоциональные связи и близость людей, в объединении религий сделать своих богов более понятными и универсальными. Подобное слияние одного бога с другим называют «теокразией», и нигде в мире она не шла так энергично, как в Александрии. Только два народа в этот период не поддались этой тенденции: иудеи, которые уже имели свою веру в единого Бога Небес и Земли — Яхве, и персы, у которых был монотеистический

культ Солнца.

Птолемей I основал в Александрии не только Мусей, но и Серапеум, посвященный божественному триединству, которое отражает результат теокразии богов Греции и Египта. Эта троичность объединяла в себе бога Сераписа (Осирис + Апис), богиню Исиду (она же Хатор, богиня-корова и лунная богиня) и бога-ребенка Гора. Так или иначе, почти все остальные боги могли быть сопоставлены с одним из трех аспектов этого единого божества, — даже Митра, солнечный бог персов.

Эти три аспекта божества переходили один в другой; божеств

было трое, но при том они были единым целым. Поклонение им отличалось великим рвением и страстностью и сопровождалось звоном особого музыкального инструмента, систра — металлических пластин, нанизанных на одну скобу.

Здесь мы впервые обнаруживаем, что идея бессмертия становится центральной идеей религии. Она вышла со временем далеко за пределы Египта. Ни ранних ариев, ни ранних семитов проблема бессмертия особо не волновала, на духовной жизни монголоидных народов она также отразилась незначительно. Но для египтян с

самых ранних времен представление о том, что индивидуальное существование не прекращается со смертью, а продолжается в потустороннем мире, было исключительно важным.

Бессмертию души была отведена значительная роль и в поклонении Серапису. В культовой литературе о нем говорится, как о «спасителе и проводнике душ, ведущем души к свету и вновь принимающем их». О Сераписе писали, что он «воскрешает мертвых, показывает долгожданный свет солнца тем, кто видит, тем, чьи благословенные могилы содержат во множестве священные книги», и снова «нам не

миновать встречи с ним, он спасет нас, после смерти мы будем спасены его промыслом».

Ритуальное зажжение свечей и подношение привесков — маленьких изображений различных частей человеческого тела, которые нуждались в исцелении, — было частью религиозного ритуала в Серапеуме. Многих приверженцев, которые решали посвятить этой религии свои жизни, привлекал культ Исиды. В храмах стояли ее изображения, в которых она представляла как Владычица Неба, с ребенком Гором на руках. Свечи горели и плавились перед ней, а весь алтарь был увешан привесками.

Неофита подвергали долгим и тщательным испытаниям, затем он принимал обет безбрачия, после чего проходил обряд посвящения; ему обривали голову и одевали в льняные одежды...

Гор был любимым и единственным сыном Осириса (Сераписа). Он был также и богом солнца, его символом был скарабей с раскрытыми крыльями. Когда во время солнечного затмения появляется солнечная корона, она действительно напоминает раскрытые крылья скарабея. Гор был «солнцем праведности с раскрытыми крыльями». В итоге он «восходил к отцу» и становился с отцом единым

целым. В более древней египетской религии Гор был посредником и заступником перед своим отцом за грешников. В египетской Книге Мертвых Гора изображали просящим о помиловании покойного; эту книгу обязательно клали в могилу каждого, кто имел возможность заказать для себя копию. Многие из гимнов, посвященных Гору, необыкновенно похожи на христианские песнопения по своему духу и фразеологии. Такой прекрасный гимн, как «Свет моей души — Ты, о, Спаситель мой», в свое время пели в Египте Гору.

Культ Сераписа, широко распространившийся по всему цивилизованному миру в III и II вв.

до н. э., предвосхитил, как мы со всей очевидностью наблюдаем, те ритуальные формы и практики, которым суждено было возобладать в Европе с наступлением христианской эры. Живой дух христианства, та благая весть, которую оно принесло человечеству, были, как мы увидим впоследствии, чем-то неожиданно новым для разума и воли человека. Но одеяние, в которое было облачено христианство, его символика, формулы и ритуалы были к тому времени уже порядком изношены. Они остаются такими во многих странах и ныне. Это одеяние, несомненно, было соткано в храмах

и культовых практиках Юпитера-Сераписа и Исиды, которые начали распространяться по всему цивилизованному миру в век теократии, во II и I столетии до Христа.

Значение Александрии, как торгового и интеллектуального центра, сохранялось еще много веков. Предвосхищая наши дальнейшие страницы, скажем, что во времена Римской империи Александрия стала крупнейшим торговым центром мира. Александрийские торговцы римской эпохи имели многочисленные поселения в южной Индии. В Кранганоре на Малабарском побережье был храм,

посвященный Августу, а поселение вокруг него охраняли две римские когорты. Император отправлял свои посольства к различным индийским владыкам. Более того, у Климента, Хризостома (Златоуста) и других раннехристианских авторов мы читаем об индийцах в Александрии и об их верованиях.

Глава двадцать четвертая

Возникновение и распространение буддизма

- 1. История Гаутамы.**
- 2. Конфликт учения и легенды.**
- 3. Проповедь Гаутамы Будды.**
- 4. Буддизм и Ашока.**
- 5. Два великих китайских учителя.**
- 6. Искажение буддизма.**
- 7. Современное состояние буддизма**

Интересно будет теперь обратиться от научных и нравственных достижений Афин и Александрии и развития социальных представлений на Западе к почти совершенно изолированной интеллектуальной жизни Индии. Эта цивилизация, как кажется поначалу, выросла на собственных корнях и обладает своим уникальным характером. Она была отрезана от цивилизаций на востоке и на западе пустынями и горными преградами. Арийские племена, которые переселились на полуостров Индостан, вскоре утратили связь со

своими сородичами на западе и стали развиваться по своему собственному пути. В особенности это относится к тем из них, кто прошел в долину Ганга и далее.

Они обнаружили, что во всей Индии уже была распространена цивилизация, древняя цивилизация дравидов. Она возникла независимо от других — также, как, по всей видимости, возникли шумерская, критская и египетская цивилизации, в результате развития распространявшейся неолитической культуры, черты которой мы уже рассматривали. Арии оживили и изменили дравидийскую цивилизацию в той же мере, в какой

греки изменили эгейскую, или семиты — шумерскую.

Условия жизни индийских ариев отличались от тех, в которых продолжали жить родственные им арийские племена, все еще преобладавшие на северо-западе. Это были земли с более теплым и влажным климатом, и привычный рацион, включавший мясо и хмельные напитки, стал бы теперь губительным. Им пришлось перейти на преимущественно вегетарианский способ питания, а плодородная почва почти что сама давала все необходимое для этого. Больше не было надобности кочевать, можно было смело полагаться на

надежность урожаев и климата. Тут ни к чему были теплые одежды или дома. Для жизни нужно было так немного, что торговля у индийских ариев поначалу была неразвита. Земли хватало для каждого, кто желал обрабатывать свой участок, и даже с маленького клочка земли можно было снять достаточный урожай, чтобы прожить, не зная голода.

Их политическая жизнь также была проста и сравнительно бестревожна. В самой Индии пока еще не появилось никаких великих завоевателей, а природные барьеры вокруг нее останавливали ранних империалистов на западе и на

востоке. Тысячи сравнительно мирных селений-республик и подворий племенных вождей были разбросаны по всей стране. Не существовало никакого мореплавания, не было ни набегов пиратов, ни торговцев-иноземцев. Можно написать историю Индии почти на четыре тысячелетия в глубь веков, не употребляя при этом слова море.

История Индии на протяжении многих столетий была более счастливой, менее кровопролитной и больше похожей на прекрасный сон, чем история любой другой цивилизации того времени. Знать, раджи — развлекались охотой. Их

жизнь, главным образом, состояла из сватовства и женитьбы на новых женах. То здесь, то там среди раджей появлялся какой-нибудь знаменитый махараджа («великий царь»). Он закладывал город, отлавливал и приручал слонов, истреблял тигров в своих владениях и оставлял в последующих поколениях память о своем величии и своих великолепных процессиях.

Однако и эти ориентализированные арии жили активной духовной жизнью. Складывались и передавались в устной традиции великие эпические произведения — в те времена еще не было письменности. Это также было

и время глубоких философских исканий; их лишь недавно удалось соотнести с философскими системами Запада.

Между 560 и 550 гг. до н. э., когда в Лидии Крез еще был на вершине славы, а Кир только готовился отобрать Вавилон у Набонида, в Индии появился на свет будущий основатель буддизма. Он родился в маленькой племенной общине на севере Бенгалии, в предгорьях Гималаев, в местности на границе с Непалом, ныне покрытой непроходимыми джунглями. Это маленькое государство управлялось одной семьей из племени шакьев, членом которого был и этот человек

— Сиддхартха Гаутама. Сиддхартха — это его личное имя, как Гай или Джон, Гаутама или Готама — его фамильное имя, как Цезарь или Смит, а Шакья — родовое, как Юлий.

Кастовая система в те времена еще не окончательно утвердилась в Индии, и брахманы, уже тогда привилегированные и влиятельные, еще не пробились на самую вершину общественной системы. Но все равно сильны были различия между общественными слоями, и практически непроницаемый барьер разделял благородных ариев и темнокожие низшие группы общества. Гаутама принадлежал к

народу завоевателей. Его учение, обратим внимание, называлось «арийской правдой».

Лишь в конце XIX в., когда ученые основательно взялись за изучение языка пали, на котором написано большинство оригинальных текстов раннего буддизма, мир узнал, какова в действительности была жизнь и подлинная мысль Гаутамы. До этого его история оставалась погребенной под чудовищным напластованием легенд, а его учение самым нещадным образом искажалось. Однако теперь перед нами открыто очень человеческое и правдоподобное повествование о нем.

Гаутама был красивым, одаренным и состоятельным молодым человеком и, пока ему не исполнилось двадцати девяти, жил обычной жизнью, подобно другим знатым людям своего времени. Эта жизнь, ее духовная сторона, вряд ли могли удовлетворять его. Тогда еще не было литературы, за исключением традиции ведийского эпоса, да и та была в основном монополизирована брахманами. Научных знаний было еще меньше. Мир был ограничен снежными вершинами Гималаев на севере и тянулся до бесконечности на юге. Город Бенарес (Варанаси), в котором жил царь их земель, находился примерно в сотне миль от

них. Главными развлечениями были охота и флирт с многочисленными женами.

Все то лучшее, что могла предложить жизнь, Гаутама, по-видимому, имел в полном достатке. В возрасте девятнадцати лет он женился на прекрасной двоюродной сестре. Несколько лет они оставались бездетными. Гаутама охотился, развлекался, наслаждался прогулками в своем ярком мире садов, тенистых рощ и рисовых полей.

Именно эта жизнь заставила его однажды почувствовать великую неудовлетворенность. Это была неудовлетворенность, которую всегда

испытывает ищущий разум, устав от праздности. Он жил среди изобилия и красоты, переходя от удовольствия к удовольствию, но его душа не знала мира. Все складывалось так, как если бы сама судьба его народа взывала к нему. Гаутама чувствовал: все то, что окружает его, — это не подлинная жизнь, это всего лишь праздник. Праздник, который слишком затянулся.

Гаутама не переставал размышлять об этом, и пришло время, когда ему открылись четыре незнакомые прежде стороны существования, задавшие направление его мысли. Как-то он совершал прогулку на колеснице, и

навстречу ему попался старик, обезображенный годами. Нищий, согбенный, выбившийся из сил, он потряс его воображение. «Такова жизнь, — сказал на это его возница, — мы все будем такими». Гаутама еще не успел прийти в себя, как им повстречался человек, испытывавший невыносимые страдания от какой-то страшной болезни. «Такова жизнь», — снова повторил возница. И было третье зрелище, на котором остановился его взгляд: непогребенное тело, распухшее, безглазое, истерзанное зверями и птицами и самое ужасное. «Вот такова наша жизнь», — только и мог сказать на это возница.

Эти неожиданные открытия — что все люди подвержены болезням и смерти, что жизнь открыта для страданий, а счастье не приносит полного удовлетворения, — глубоко потрясли Гаутаму.

А затем с колесницей поравнялся один из тех бродячих аскетов, которые уже тогда во множестве странствовали по дорогам Индии. Жизнь этих людей была подчинена строгим правилам, они проводили свои дни в созерцании и духовных беседах. Многим людям и до Гаутамы жизнь в этой залитой солнцем, небогатой событиями стране казалась непостижимой и наполненной несчастьями. Эти

аскеты посвятили свою жизнь поискам истинного содержания жизни, и страстное желание последовать их примеру охватило Гаутаму.

Он все еще раздумывал над тем, как ему следует поступить, когда, как повествует предание, Гаутаме принесли известие, что его жена разрешилась от родов и принесла ему первенца. «Вот еще одно звено в цепи, которую предстоит разорвать», — произнес он.

Он вернулся в свое селение, где все люди его племени ликовали, радуясь появлению на свет этого нового звена в цепи. Весь день продолжалось празднество, а ночью

Гаутама проснулся, испытав ужасный приступ духовных мучений, «словно человек, которому сказали, что пламя охватило его дом». Он позвал возницу и приказал приготовить лошадь. Затем он подошел к комнате жены, тихо переступил через порог и увидел в мерцающем свете масляного светильника, как она спокойно спит, окруженная цветами, прижимая к груди новорожденного.

Гаутама почувствовал огромное желание в первый и последний раз взять на руки своего сына перед тем, как отправиться в путь, но побоялся разбудить жену. Он вышел во двор, залитый прозрачным сиянием индийской луны, где уже ждал

возница с двумя лошадьми. Гаутама сел на лошадь и выехал в открытый мир.

Когда двое всадников неторопливо ехали сквозь ночь, Гаутаме казалось, что демон Мара, Искуситель человечества, заполнил собой все вокруг, стараясь отвратить его от избранного пути. «Возвращайся, — говорил ему Мара, — и будь царем, и я сделаю тебя величайшим из царей. Продолжай свой путь, и тебя ждет неудача. Я всегда буду идти за тобой по пятам. Вожделение, зависть или гнев когда-нибудь сломят тебя, в неизбежный миг твоей слабости. Рано или поздно, но ты будешь

МОИМ».

Они проехали очень много за эту ночь, и, когда достигли границ земель его рода, на песчаном берегу реки Гаутама остановил лошадь. Он обрезал мечом свои длинные волосы, снял все свои украшения и отдал их вознице, чтобы тот отвез их назад, вместе со своей лошадью и мечом. Дальше Гаутама пошел пешком. Встретив на пути нищего, он поменялся с ним одеждой. Так, освободившись от всех земных пут, он открыл себе путь к поискам истины.

Гаутама направился на юг — туда, где в отрогах гор Виндхья, своим краем задевающих Бенгалию,

неподалеку от города Раджгир, обосновались отшельники и мудрецы. Там, в пещерах, они нашли себе приют, лишь изредка выходя в город за подаянием, и делились словом знания со всеми, кто потрудился бы их посетить.

Индийский разум издавна был склонен верить, что знание и сила достигаются крайним аскетизмом, постом, отказом от сна и самоистязаниями, и теперь Гаутама решил проверить на себе действенность этих представлений. Он поселился вместе с пятью своими спутниками и учениками в джунглях на склонах гор Виндхья и там принялся испытывать себя крайним

постом и тяжкими испытаниями. Слава о нем распространялась, как «звук великого колокола, звеневшего под сводом небес». Однако и после этого он не чувствовал, что достиг истины.

Однажды Гаутама прогуливался по лесу, хоть очень и ослабел от голода, стараясь сосредоточиться, — и внезапно покачнулся и потерял сознание. Очнувшись, он понял всю очевидную нелепость этих шаманских методов постижения истины.

Гаутама удивил и напугал своих спутников, попросив у них обычной еды и отказавшись дальше заниматься умерщвлением плоти.

Теперь ему было ясно: какой бы ни была истина, ее нужно постигать здоровым разумом в крепком теле. Подобные взгляды были совершенно чуждыми в то время и в тех краях. Его ученики покинули его и в разочаровании удалились в Бенарес. Звон великого колокола умолк. Великий Гаутама пал.

Какое-то время он странствовал в одиночестве, не оставляя попыток пробиться к свету.

Когда разум сталкивается с великой, неразрешимой задачей, он движется вперед, шаг за шагом отвоевывая одну позицию за другой и не осознавая своих успехов, как внезапно, с неожиданным озарением,

приходит долгожданная победа. Так, по всей видимости, было и с Гаутамой. Он сел на землю под огромным деревом на берегу реки, чтобы вкусить пищу, и вдруг чувство ясного и всеобъемлющего прозрения пришло к нему. Казалось, он явственно видел, что представляет собой жизнь. Как говорит предание, весь день и всю ночь он просидел в глубоком раздумье, а затем поднялся, чтобы поделиться своим откровением с миром.

Такой предстает история Гаутамы без прикрас, насколько о ней можно судить по ранним буддийским текстам. Однако представление заурядности

неизменно требует своих дешевых прикрас и чудес.

Разве не чудо само по себе, что эта маленькая планета произвела на свет человека, который задумался о прошлом и будущем и основополагающей природе существования?! Но было неизбежно, что однажды рукой некоего достойного переписчика на языке пали будут выведены следующие строки:

«И когда начался поединок между Спасителем Мира и Князем Тьмы, тысячи сверкающих метеоров упали с небес... реки потекли вспять к своим истокам, могучие вершины и горы, поросшие вековыми деревьями,

с грохотом обрушились на землю... солнце покрыла ужасная тьма, и небеса наполнились сонмами бесплотных духов».

История не сохранила достоверных свидетельств об этих явлениях. Вместо этого перед нами — только темный силуэт одинокого человека, идущего по пути в Бенарес.

Исключительного внимания удостоились и дерево, под которым к Гаутаме пришло чувство духовного просветления. Это было дерево из рода смоковниц, и с самых ранних времен оно было окружено чрезвычайным почтением. Теперь его называют Деревом Бодхи. Его самого уже давно нет, но рядом с этим

местом растет другое такое же, которое вполне может быть его непосредственным отводком. На Цейлоне и до наших дней сохранилось дерево, возможно, самое старое из деревьев на планете, о котором точно известно, что оно выросло из черенка, взятого от дерева Бодхи в 245 г. до н. э. С того времени и до наших дней за ним заботливо ухаживают и поливают; его огромные ветви поддерживаются подпорками, поддерево постоянно подсыпают землю, чтобы оно всегда могло пускать свежие корни.

Вот, кстати, хорошая иллюстрация того, насколько коротка история человечества: сменилось так

много поколений, пока живет только одно дерево. К несчастью, ученики Гаутамы больше заботились о сохранении его дерева, чем его мысли, которую с самого начала они неверно поняли и исказили.

В Бенаресе Гаутама отыскал пятерых своих учеников, которые все еще продолжали аскезу. Рассказывают, что они, увидев, как учитель приближается к ним, не сразу согласились принять его. Для них он оставался вероотступником. Но теперь от Гаутамы исходила какая-то неведомая сила, переборовшая их отчужденность. И Гаутаме удалось добиться, чтобы они прислушались к его новым

убеждениям.

Пять дней они не переставали спорить. Когда, наконец, ему удалось убедить учеников в своем просветлении, они объявили его Буддой. Уже в те дни в Индии верили, что через длительные промежутки времени Мудрость возвращается на Землю и открывается людям через избранного, Будду. В соответствии с верованиями индийцев таких Будд было много, Гаутама Будда — лишь последний из их числа. Но сомнительно, что он сам принимал этот титул или признавал эту теорию. В своих беседах он никогда не называл себя Буддой.

Далее он и его воспрянувшие духом ученики основали нечто вроде Академии в Бенаресе. Они построили для себя хижины, и постепенно вокруг них стали собираться последователи, пока их не набралось около шестидесяти человек. Сезон дождей они проводили в беседах с Гаутамой, оставаясь в своем поселении. В засушливую пору года новообращенные расходились по стране, и каждый проповедовал учение так, как сам его понимал.

По всей видимости, все их миссионерские труды заключались в устных беседах и проповедях. Вероятно, в те времена в Индии

письменность была еще мало распространена. Поэтому проповеднику приходилось сочинять емкие и запоминающиеся строфы, афоризмы и «статьи», которые затем распространялись и истолковывались его учениками непосредственно в беседах со слушателями. Гораздо легче было запомнить такие афоризмы и главные моменты учения, пронумеровав их. Современному человеку покажется слишком дотошной склонность индийской мысли преподносить все в числовом выражении, и не исключение — буддистские Четыре Благородные Истины, Восьмеричный Путь и так

далее. Но этот мнемонический прием был необходим в мире, где идеи еще нельзя было доверить бумаге.

Основополагающее учение Гаутамы, как мы можем судить сейчас на основании оригинальных источников, отличается простотой и доступностью и целиком гармонирует с представлениями сегодняшнего времени. Вне всякого сомнения, это учение создано одним из самых проницательных умов, которых когда-либо знал мир.

В нашем распоряжении теперь имеются тексты, которые с высокой вероятностью можно считать достоверным изложением его бесед с

пятью учениками, в которых раскрывается сущность ранней буддийской доктрины.

Причина всех несчастий и неудовлетворенности жизнью заключена в неутолимом эгоизме. Страдания, учит Будда, причиняют страсти человека, его ненасытное вожделение. Пока человек не преодолет все виды личных вожделений, его жизнь будет беспокойной, а конец — печальным. Существует три главные формы, которые принимает жажда жизни, и все они злы по своей природе. Первая — это стремление потакать своим чувствам, чувственность. Вторая — стремление к личному

бессмертию. Третья —
поглощенность житейскими
заботами, мирская суета.

Только преодолев эти преграды
— иначе говоря, перестав жить для
себя, человек может рассчитывать на
то, что его жизнь станет
безмятежной. Когда эти страсти
укрощены и больше не управляют
жизнью человека, когда его «я»
исчезло из его помыслов, тогда он
достигает высшей мудрости,
нирваны, умиротворения души.
Нирвана не означает, как думают
некоторые, прекращения
существования. Это прекращение
суетных устремлений человека,
которые неизбежно делают жизнь

порочной, несчастной или
наполненной невыносимым
страданием.

В этих буддийских текстах
содержится, несомненно, самый
полный анализ проблем, которые
стоят на пути к достижению
душевного мира и покоя. Любая
религия, любая философия,
достойные называться этими
именами, требуют от нас
поглощенности чем-то большим, чем
мы сами. «Кто хочет спасти свою
жизнь, потеряет ее» — это по
существу тот же урок.

Все, чему учит история, как мы
убеждаемся на страницах нашей
книги, находится в полном

соответствии с учением Будды. Невозможны, как мы видели, ни социальный порядок, ни безопасное существование, ни мир и счастье, ни справедливые вожди, если люди не станут поглощены чем-то большим, чем они сами. Изучение биологического прогресса открывает ту же закономерность: поглощение тесного индивидуального мирка более широким существованием. Забыть себя в более широких интересах — значит вырваться из тюрьмы своего замкнутого личного мира.

Но самоотречение должно быть полным. С точки зрения Гаутамы, страх смерти и стремление к

бесконечному продолжению своей ничтожной жизни, которые двигали египтянами и ради которых они старались умиловить бессмертных богов, — столь же преходящи, уродливы и порочны, как похоть, алчность или ненависть. Религия Гаутамы прямо противостоит религиям «бессмертия». Его учение настроено крайне отрицательно к аскетизму, для буддизма это — не более чем попытка приобрести силу через преодоление боли.

Но когда мы переходим к закону жизни, к Арийскому пути, который призван спасти нас от тройственности низменных

устремлений, умах, умаляющих человеческое существование, учение становится менее понятным. И это отсутствие ясности вызвано одной очевидной причиной — у Гаутамы не было ни знаний, ни представления об истории. Он не мог знать, насколько бесконечно и многообразно то приключение жизни, что разворачивается в пространстве и во времени. Его мысль была ограничена представлениями его эпохи и народа. В целом индийское мировоззрение сложилось под влиянием идеи об извечной повторяемости бытия, о застойном круговращении Вселенной: один мир сменяется

другим, на смену Будде настоящего придет Будда будущего. Представление о человечестве, как о великом Братстве, которому предстоит бесконечное существование в царстве Бога Праведных (оно в то время уже создавалось семитскими умами в Вавилоне), его миру было незнакомо. И все же буддийский Восьмеричный Путь, несмотря на эти ограничения, содержит в себе глубокую мудрость.

Давайте вкратце перечислим эти восемь элементов Арийского пути.

Первый из них — правильные взгляды. Гаутама подвергал основательной проверке все представления и идеи. Настойчивая

потребность в истине — первый исходный принцип его последователей. Не должно быть никакой привязанности к показным суевериям. Он порицал, к примеру, общепринятую в Индии веру в переселение душ. В хорошо известном раннем буддийском диалоге дается критический анализ представлений о бесконечно длящемся существовании индивидуальной души.

Следующим за правильным пониманием идут правильные устремления: природа не терпит пустоты, и если низменные желания должны быть искоренены, то другие стремления должны поощряться —

любовь и служение другим, желание совершать и оберегать правосудие и так далее. Первоначальный, неиспорченный буддизм был нацелен не на искоренение, но на изменение стремлений. Преданность науке и искусству, стремление улучшить жизнь людей находятся, очевидно, в согласии с целями буддизма, такими, как свобода от ревности или стремления к славе.

Следующие три пункта — правильная речь, правильное поведение и правильная жизнь — не нуждаются в специальном пояснении.

На шестом месте в этом списке идут правильные усилия. Гаутама не

терпел добрых намерений с небрежным исполнением. Ученик должен был постоянно критически анализировать свое духовное продвижение.

Седьмой элемент Арийского пути, правильный образ мыслей — это постоянная защита от соблазна отдаться личным переживаниям или желанию прославиться своими делами или надеянием.

И завершает Восьмеричный Путь правильное блаженство. Этот пункт, по-видимому, был направлен против бесцельных экстазов посвященных, безумных радений, — как те, что совершались под звон александрийских сistroв.

Мы не будем здесь обсуждать буддийскую доктрину кармы, потому что она принадлежит к тем представлениям, которые уже отжили свой век. Добрые или злые дела в каждой индивидуальной жизни, по теории кармы, обуславливают счастье или несчастье в последующей жизни, которая каким-то непостижимым образом отождествляется с предшествовавшей.

Теперь мы понимаем, что жизнь все время продолжается в последовательности причин и следствий. У нас нет оснований полагать, что каждая индивидуальная жизнь подвержена повторению.

Представления индийцев были основаны на идее цикличности; считалось, что все повторяется снова и снова.

Нет ничего странного, что люди могли прийти к такому убеждению. Все в мире выглядит так, пока мы не проанализируем, как все обстоит на самом деле. Современная наука дает нам ясно понять, что в мире не существует точной повторяемости, как это может показаться на первый взгляд. Каждый новый день на бесконечно малую толику длиннее прежнего, ни одно поколение в точности не повторяет предыдущего, история не знает повторений, и переменам, как мы понимаем теперь,

не будет конца. Все в этом мире является вечно новым.

Но эти различия между нашими общепринятыми представлениями и теми идеями, которыми располагал Будда, не должны ни в коей мере заслонять от нас невиданные прежде мудрость, добродетельность и величие этого плана освобождения жизни, который изложил Гаутама в VI столетии до Христа.

Возможно, ему не доставало теоретических знаний, чтобы собрать воедино волю всех последователей и повести во всех сферах человеческой деятельности борьбу против смерти. Но на практике он превратил свою

собственную жизнь и жизни всех своих непосредственных учеников в одно непрерывное приключение, которым были проповедь и распространение учения о достижении нирваны, умиротворения души, в нашем одержимом мире. Для его учеников, по крайней мере, его учение было совершенным и полным.

Во многих важных аспектах первоначальный буддизм отличается от всех религий, которые мы до того рассматривали. Это была, в первую очередь, религия поведения, а не религия празднеств, обрядов и жертвоприношений. Буддизм Гаутама не строил храмов, не

совершал жертвоприношений, не имел священнослужителей или жрецов. Не знал он и какой-либо теологии. Буддизм не принимал и не отвергал реальности многообразных и зачастую комичных богов, которым в то время поклонялись в Индии. Он просто прошел мимо них.

Но с самого начала это учение понимали неправильно. Начнем с того, что один изъян был изначально заложен в самом учении: пока люди ничего не знали о непрерывном поступательном движении жизни, было очень легко перейти незаметно от идеи отказа от эгоизма к отказу от активности. Как показал собственный опыт Гаутамы, легче

убежать от этого мира, чем от себя самого. Его ранние ученики были привычны к энергичным размышлениям и проповедям. Но вернуться к монашескому уединению казалось очень легким и привлекательным, в особенности в таком климате, как индийский, где жизнь исключительно проста, а любое усилие изматывает больше, чем где бы то ни было.

Гаутаму ожидала та же участь, что и многих основателей религий. Его не самые здравомыслящие ученики превратили Будду в некое диво в своем стремлении произвести впечатление на внешний мир. Мы уже видели, как один из его

благоговейных приверженцев просто не мог поверить, что в момент просветления учителя весь мир не содрогнулся в космическом катаклизме. И это лишь один пример того, как накапливались вульгарные чудеса, которые впоследствии совершенно заслонили собой память о Гаутаме.

Нет сомнения, что для великого множества людей тогда, как и сейчас, идея освобождения от оков своего эго постигалась с великим трудом. Вероятно, среди тех проповедников, которых Будда разослал из Бенареса, многие сами не понимали ее и еще менее способны были объяснить эту идею

своим слушателям. В их изложении, естественно, все было сведено лишь к одному аспекту спасения: не от себя — это было выше их понимания, — но к спасению от всевозможных несчастий и страданий, нынешних и грядущих. В уже существовавших предрассудках своего народа — и в особенности в идее переселения души после смерти, хоть она противоречила учению их наставника — эти адепты почувствовали то переплетение страхов и надежд, с которым можно было работать в дальнейшем. Вести добродетельную жизнь необходимо, учили они, чтобы не переродиться в худшем образе, не подвергнуться еще

большим страданиям или не оказаться в одном из тех неисчислимых слоев преисподней, где грешников подвергают нестерпимым мукам, о чем уже успели поведать учителя-брахманы. Будда в их представлении оказывался спасителем от почти беспредельного страдания.

Похоже, фантазия, с которой преданные, но недалекие ученики могут прославлять своего наставника, не знает предела, в особенности, если эти выдумки, как им кажется, будут способствовать скорейшему обращению в их веру. Люди, которые с негодованием отвергают даже незначительную

ложь в своей частной жизни, оказываются способны на самую беззастенчивую ложь и обман, если вдруг откроют в себе талант пропагандиста и агитатора, — это одна из тех несусаиц, которыми полна человеческая природа. Эти искренние души — а большинство из них были совершенно искренни — описывали впоследствии своим слушателям те чудеса, которыми сопровождалось появление на свет Будды; его уже больше не называли слишком простым именем Гаутама. Они расписывали его подвиги, которыми он прославился в молодые годы, чудеса, совершенные им в повседневной жизни, и под конец

сообщали зачарованным слушателям, что в смертный час от его тела исходило сияние.

Конечно, трудно было поверить, что отцом Будды был простой смертный. Он был зачат чудесным образом, когда его мать увидела во сне белого слона! Будда сам в одном из предыдущих перерождений был белым слоном с шестью бивнями, которые он великодушно пожертвовал бедному охотнику и даже помог ему отпилить эти бивни. И так далее в том же духе.

Более того, вокруг Будды выросла своя теология. Выяснилось, что он был богом. Он был одним из последовательности божественных

существ — Будд. Наш мир полнится извечным «духом всех Будд». В прежние времена было множество Будд прошлого, и в наш мир еще предстоит прийти Буддам будущего (или боддхисатвам). У нас здесь нет возможности вдаваться во все эти хитросплетения азиатской теологии.

«Под всепоглощающим воздействием этого болезненного воображения нравственное учение Гаутамы оказалось почти неразличимым. Появлялись и расцветали различные теории; каждый новый шаг, каждое новое предположение неизбежно порождали все новые и новые, пока сверкающая лавина вымыслов и

метафизических экзерсисов не погребла под собой ясное и благородное учение основателя этой религии».

В III в. до н. э. к буддизму пришли власть и богатства. Маленькие хижины, в которых жили учителя общины Гаутамы, уступили место основательным монастырским строениям. К этому периоду относится и появление буддийского искусства. Если мы вспомним, что еще совсем недавно отгремели походы Александра, еще весь Пенджаб находился под властью Селевкидов и вся Индия полнилась греками — искателями приключений и было открыто морское и

сухопутное сообщение с Александрией, — неудивительно, что раннему буддизму присущи многие греческие черты. Новый александрийский культ Сераписа и Исида также сыграл исключительно важную роль в становлении и развитии буддийского искусства.

Типичным местом встречи индийской и греческой культур было царство Гандхара, расположенное на северо-западной границе двух этих миров, в районе современного Пешавара, процветавшее в III в. до н. э. Здесь были найдены ранние буддийские скульптуры. С ними соседствуют изображения, в которых безошибочно можно различить

фигуры Сераписа, Исида и Гора, уже успевшие вплестись в ту легенду, которая творилась вокруг Будды. Несомненно, греческим художникам, которые осели в Гандхаре, проще было копировать свои наработанные образцы, чем иноземные. Но как нам говорят, перед нами больше не Исида — это Харити, богиня чумы, которая обратилась, благодаря Будде, в истинную религию и стала добрым божеством.

Из этого центра, вероятно, можно проследить появление образа Исида и в Китае, хотя там оказались примешаны и другие влияния. В Китае есть даосское божество, Священная Мать, Владычица Небес,

которая приняла имя (первоначально мужское) Гуань-инь; ее образ очень напоминает знакомые изображения Исиды. В Японии ее называли Каннон.

По всей очевидности, в те времена существовал постоянный обмен религиозными формами между Востоком и Западом. Мы читаем в «Путешествиях» Гука, как поразили его и его спутников-миссионеров некоторые из подобных сходных традиций религиозного поклонения. «Крест, митра, ризы, далматика, которые ламы надевают в своих поездках, — пишет он, — или когда готовятся к какой-то церемонии вне стен храма; служба с

двойным хором, напоминающим
псалмопение; экзорсизм;
кадильница, подвешенная на пяти
цепях, которую можно по своему
усмотрению открывать и закрывать;
благословение, которое дают ламы,
протягивая правую ладонь над
головами верных; четки, обет
безбрачия, духовное уединение,
поклонение святым, шествия,
литании, освященная вода — во всем
этом существует подобие между
буддистами и нами».

Куль и учение Гаутамы,
обрастая искажениями и наполняясь
вариациями брахманизма и
эллинизма, распространялись по
Индии все возрастающим числом

учителей в IV и III веках в. до н. э. По меньшей мере, еще несколько поколений могли прикоснуться к его духовному величию и той первозданной простоте, которая была присуща его начальной эпохе. Многие, кому не под силу было понять подлинное значение самоотречения и беспристрастности, все же не усомнились в реальности и величии этих качеств. Ранний буддизм порождал великих людей, и их слово находило отклик в душах тех, кто, возможно, и не в силах был понять тонкостей вероучения. Буддизм распространялся не благодаря, а вопреки уступкам, на которые он шел ради вымыслов,

бытовавших в простонародье. Ранний буддизм ширился потому, что первые буддисты были добросердечными, услужливыми и благородными людьми, которые смогли наполнить живой верой дух и букву учения.

Довольно рано буддизму в своем развитии пришлось столкнуться с интересами набиравших силу брахманов. Как мы уже отмечали, эта жреческая каста во времена Гаутамы еще только боролась за доминирование в индийском обществе. Но они уже тогда пользовались огромными преимуществами. У них было исключительное право на обладание традицией, на совершение ритуалов.

Вызов их власти бросило
влиятельное воинское сословие
(каста кшатриев), поскольку
большинство родовых вождей и
царей не принадлежало к касте
брахманов.

Импульсом к возвышению
воинской касты послужили
персидское и греческое вторжения в
Пенджаб. Мы уже упоминали царя
Пора, которого, несмотря на его
слонов, Александр победил и
превратил в сатрапа. В это же время
в стан греков возле реки Инд прибыл
некий искатель приключений по
имени Чандрагупта Маурья (ум. ок.
293 до н. э.), которого греки
называли Сандракот, с планами

завоевания земель в долине Ганга. Эти планы не нашли поддержки у македонян, которые взбунтовались, отказавшись от какого-либо дальнейшего продвижения в глубь Индии, и Чандрагупте пришлось бежать из их лагеря.

Он решил заручиться поддержкой племен, живших в пограничных северо-западных районах, и когда Александр со своим войском ушел, Чандрагупта захватил Пенджаб, выгнав из него македонский гарнизон. Затем он завоевал долину Ганга (около 321 г. до н. э.), успешно воевал (303 г. до н. э.) с Селевком I, который попытался было вернуть себе

Пенджаб, и сплотил под своей властью в одной огромной империи земли всей североиндийской равнины от западной границы до восточного моря.

Чандрагупте тоже не удалось избежать конфликта с растущим влиянием брахманов, того конфликта между царской властью и жречеством, который мы отмечали на примерах Вавилонии, Египта и Китая. Чандрагупта увидел в набирающем популярность буддизме своего союзника против крепнущей жреческой касты. Он встал на его сторону и обеспечил поддержкой общину, поощряя проповедь буддийского учения.

Чандрагупте наследовал его сын, на смену которому пришел Ашока (правил приблизительно в 268–232 гг. до н. э.), один из величайших монархов в истории человечества, владения которого простирались от Афганистана до современного Мадраса. Он единственный из известных в истории правителей, который, одержав победу, отказался от продолжения войны.

Ашока вторгся в Калингу (около 255 г. до н. э.), страну, расположенную на восточном побережье Индостана. Возможно, он намеревался завершить завоевание, полностью захватив и южную оконечность полуострова. Его поход

был успешным, но Ашока решил остановить свои войска, глубоко потрясенный жестокостью и ужасами войны. Он провозгласил, и до нашего времени эти слова сохранились на древних стелах, что отныне он будет стремиться покорять страны не войной, а проповедью религии. Остаток своей жизни Ашока посвятил распространению буддизма по всему миру.

Он сумел сохранить мир в своей огромной империи, продолжая умело править страной, но не как религиозный фанатик. В годы своей первой и единственной войны он принял буддийское учение сперва как мирянин, а затем как полноправный

член монашеской общины, и посвятил свою жизнь достижению нирваны, следуя по Восьмеричному Пути.

Ашока служит примером того, насколько в те времена управление государством могло сочетаться с полезной и добродетельной деятельностью на благо общества. Его жизненный путь прошел под знаком правильных устремлений, правильного усилия и правильного образа жизни. По его приказу по всей Индии стали рыть колодцы и сажать деревья, создавая тенистые рощи. Он назначил специальных чиновников, которые следили за эффективностью благотворительных работ. Он

основывал больницы и разбивал общественные сады. Отдельно создавались сады, в которых произрастали целебные травы и растения. Если бы у него был свой Аристотель, который вдохновил бы его на проведение научных изысканий, несомненно, они проводились бы на самом широком уровне.

Ашока также создал министерство, которое заботилось о коренном населении Индии и покоренных народов. Он не забывал и об образовании женщин. Им была предпринята попытка — первым из правителей — научить свой народ правильному образу жизни.

Ашока всегда исключительно щедро поддерживал буддийских монахов-проповедников и побуждал их к лучшему изучению своей собственной духовной литературы. По всей стране были установлены стелы с обстоятельными надписями-манифестами, в которых излагались основы учения Гаутамы, — и это было простое и человеческое изложение, а не позднейшие, противоречащие здравому смыслу напластования. Тридцать пять из этих стел, сохранились до наших дней.

Более того, он направил миссионеров распространять благородное и разумное учение

своего наставника по всему миру — в Кашмир, на Цейлон, к Селевкидам, к Птолемеям. Именно одна из таких миссий привезла на Цейлон черенок дерева Бодхи, о котором мы уже рассказывали.

Двадцать пять лет Ашока неустанно трудился, стараясь на деле помочь людям в их нуждах. Среди десятков тысяч правителей, имена которых полнят исторические анналы, всех этих высочеств, величеств и святейшеств по-настоящему сияет, как звезда на небосклоне, едва ли не одно только имя Ашоки. В Азии его имя по-прежнему окружено почетом. Китай, Тибет и даже Индия, хоть она и не

последовала за той верой, которую исповедовал Ашока, сохраняют память о подлинном, а не показном величии этого человека. Перед ней преклоняется в наши дни больше людей, чем перед именами Константина или Карла Великого.

Принято считать, что значительные пожертвования Ашоки в пользу буддизма в конечном счете стали причиной его упадка, так как они привлекали в общину много неискренних и корыстолюбивых последователей. Но несомненно, что широкое распространение буддизма в Азии обусловлено главным образом его миссионерскими усилиями.

Буддизм проник в Центральную

Азию через Афганистан и Туркестан, а затем достиг Китая. Буддийское учение впервые попало в Китай где-то около 64 г. н. э., во времена династии Хань. Первым проповедовал буддизм в Китае пандит Кашьяпа, за которым последовал ряд других выдающихся учителей. Наибольшим успехом проповедь буддизма пользовалась в Китае в III и IV веках н. э. Затем он подвергся серьезным гонениям, но вернул себе утраченные позиции с наступлением династии Тан (VII в. н. э.).

Общепризнанной и распространенной религией в Китае, с которой пришлось соприкоснуться

буддизму, был даосизм, развившийся из очень древних и примитивных магических практик. В годы династии Хань он был преобразован в религиозный культ со своей отличительной обрядностью. «Дао» означает путь, что очень близко соотносится с представлениями Арийского пути. Две эти религии после открытого соперничества затем развивались и распространялись совместно, претерпев сходные изменения, так что в настоящее время их обрядовая сторона в Китае отличается очень немногим.

Буддизму также пришлось столкнуться и с конфуцианством,

обладавшим еще менее религиозным характером и более походившим на кодекс нравственного поведения. Еще одним соперником буддизма было учение Лао-цзы, «анархиста, эволюциониста, пацифиста и моралиста», которое также было не столько религией, сколько философским переосмыслением жизни. Учение Лао-цзы впоследствии стало частью религии даосизма.

Конфуций (Кун-цзы), основатель конфуцианства, так же, как Лао-цзы и Гаутама, жил в VI в. до н. э. Его жизнь имеет ряд интересных параллелей с жизнями греческих философов V и IV веков. VI век в

Китае — это время правления династии Чжоу, однако эта династия в те дни обладала лишь показной властью. Император совершал традиционные ритуалы Сына Неба и пользовался неким формальным почетом. Но даже его номинальная империя не превышала по размерам шестой части современного Китая. Мы уже рассматривали, как обстояли дела в Китае в ту эпоху. Фактически Китай представлял собой множество враждующих государств, открытых для набегов северных варваров.

Конфуций был подданным царства Лу — одного из таких государств. Он происходил из благородной, но обедневшей семьи и,

сменив несколько чиновничьих должностей, основал подобие Академии в Лу, чтобы искать Мудрость и делиться ею. Конфуций также странствовал от царства к царству в Китае в поисках правителя, который взял бы его к себе советником, чтобы с этого царства начать переустройство Поднебесной. Платон, двумя столетиями позднее, движимый теми же побуждениями, прибыл в Сиракузы, чтобы стать советником тирана Дионисия; связь Аристотеля и Исократа с Филиппом Македонским мы уже имели возможность обсудить.

Ключевым моментом учения Конфуция было понятие о достойной

жизни, которое он воплотил в идеале человека, названного им «благородный муж». Это словосочетание часто переводят как «почтенная особа», однако эти слова, и «почтенный», и «особа», давно приобрели некий насмешливый оттенок, что, конечно же, совершенно не уместно в связи с конфуцианством. На деле он представил своей эпохе идеал человека, посвятившего свою жизнь служению обществу.

Общественная сторона этого идеала была очень важна для Конфуция. В том, что касалось политики, его взгляды были гораздо более конструктивны, чем у Гаутамы

или Лао-цзы. Конфуцию были далеко небезразличны судьбы Китая, и его «благородные мужи» главным образом были призваны обеспечить появление благородного государства. Стоит процитировать одно из его высказываний: «Невозможно удалиться от мира и общаться со зверями и птицами, которые не имеют подобия с нами. С кем же мне общаться, как не со страдающими людьми? Возобладавшие повсюду беспорядки — вот что требует моих усилий. Если царство будет зиждиться на правильных установлениях, тогда не будет нужды изменять положение вещей».

Под непосредственным

влиянием политических идей его учения сложились нравственные представления, характерные для китайцев. Прямое обращение к роли Государства в конфуцианстве мы встречаем чаще, чем в любом из европейских или индийских этических и религиозных учений.

На какое-то время Конфуций был назначен судьей в царстве Лу, где он предпринял попытку упорядочить жизнь людей в самой немыслимой степени, подчинив все их действия и взаимоотношения очень сложным предписаниям. «Церемониальные правила, которые обычно встречаются разве что при дворах правителей или в имениях высоких

сановных особ, теперь стали обязательными для большинства людей. Все моменты повседневной жизни были учтены и регулировались жесткими установлениями. Даже то, какую пищу можно было есть представителям различных классов, также подлежало регламентации. Мужчины и женщины должны были ходить по разным сторонам улицы. Даже толщина гробов, а также форма и местоположение могил были предметом строгого регулирования».

Все это, как мы бы сказали, весьма в китайском духе. Никакой другой народ не пытался достичь нравственного порядка и

общественной стабильности через детальную регламентацию того, как должны вести себя граждане. Но в Китае методы Конфуция возымели огромное влияние, и ни одна нация в мире в настоящий момент не имеет такой всеобъемлющей традиции этикета и сдержанности.

Впоследствии влияние Конфуция на правителя Лу ослабло, и ему снова пришлось вернуться к жизни частного лица. Его последние дни были омрачены смертью самых близких и способных учеников. «Нет разумного правителя, — говорил он, — который согласился бы взять меня в наставники, и мне пришло время умереть...»

Однако он умер, чтобы продолжать жить. По словам Хэрта, «Конфуций оказал большее влияние на становление китайского национального характера, чем все императоры вместе взятые. Ему, следовательно, должно уделяться первоочередное внимание, если речь идет об истории Китая. То, что Конфуцию удалось в такой степени повлиять на жизнь своего народа, следует отнести, как мне кажется, более к особенностям этого народа, чем к его собственной личности. Если бы он жил в какой-либо другой части света, его имя, возможно, было бы забыто. Как мы видели, его взгляды на характер и его личное

восприятие человеческой жизни сформировались после тщательного изучения документальных источников, тесно связанных с моральной философией, которая культивировалась прежними поколениями. То, что он проповедовал своим современникам, следовательно, не было во всем совершенно новым для них. Но, услышав, изучая древние памятники, отдаленный голос мудрецов прошлого, он стал рупором, поведавшим народу о тех воззрениях, что происходят из ранней эпохи развития самого народа... Огромное влияние личности Конфуция на жизнь китайского народа было

обусловлено не только его сочинениями и словами, сохранившимися в передаче других, но также и его деяниями. Черты его характера, о которых поведали его ученики, а также более поздние авторы, стали образцом для миллионов, склонных подражать манерам великого человека... Что бы он ни совершал публично, было отрегулировано до мельчайшей детали церемонией. И это не было его собственным нововведением, поскольку церемониальная жизнь культивировалась в Китае за много столетий перед Конфуцием. Но его авторитет и пример во многом послужил закреплению того, что он

признавал как желательный общественный порядок».

Учение Лао-цзы, который долгое время заведовал императорской библиотекой династии Чжоу, было гораздо более таинственным, менее доступным и постижимым в сравнении с конфуцианством. По всей видимости, он проповедовал стоическое равнодушие к мирской суете и славе и возвращение к мнимо простой жизни прошлого. Лао-цзы оставил после себя писания, очень разные по стилю, смысл которых не всегда поддается истолкованию. Лао-цзы предпочитал высказываться притчами. После смерти Лао-цзы его

учение, как и учение Гаутамы Будды, подверглось искажениям и обросло различными легендами. Вдобавок на нем прижились самые немыслимые и запутанные обряды и предрассудки. Но учение Конфуция оказалось менее подвержено позднейшим переделкам, потому что оно было обращено к обществу без всяких околичностей и не делало уступок различным искажениям ради завоевания большего числа приверженцев.

Китайцы говорят о буддизме и об учениях Лао-цзы и Конфуция, как о Трех Учениях. Вместе они составляют основу и отправную точку для всей позднейшей

китайской мысли. Их глубокое изучение является первоочередным условием, когда речь идет об установлении подлинного духовного и нравственного единства между этим великим народом Востока и Западным миром.

Можно выделить некоторые общие моменты в этих трех учениях, из которых, бесспорно, великое учение Гаутамы является наиболее глубоким; его доктрины и по сей день властвуют мыслями огромного множества людей. В определенных моментах эти учения расходятся с теми мыслями и настроениями, которым суждено было вскоре овладеть Западным миром. И в

первую очередь эти доктрины отличаются своей терпимостью. Они обращены непосредственно к самому человеку. Это учения Пути, образа жизни, великодушия, а не догм церкви или общих правил. Они не выступают за или против существования и поклонения общепринятым богам. Афинские философы, отметим это особо, также стремились отстраниться от теологии: Сократ вполне охотно отдавал почести любому божеству, оставляя за собой право на собственные суждения.

Это отношение прямо противоположно тем умонастроениям, которые

складывались в еврейских общинах Иудеи, Египта и Вавилонии, где представление о едином Боге было изначальным и очень влиятельным. Ни у Гаутамы, ни у Лао-цзы или Конфуция нет никаких намеков на подобное представление о «ревнивом» Боге, который требует «да не будет у тебя других богов», — Боге, который не потерпит никаких древних обрядов, подспудных верований в магию и колдовство, жертвоприношений богу-царю или любого свободного обхождения с «нерушимым» миропорядком.

Нетерпимость иудейского ума и в самом деле смогла сохранить основы своей веры простыми и

понятными. Теологическая
всеядность великих учителей
Востока, с другой стороны,
способствовала усложнениям и
нагромождению ритуальных правил.
Если не считать того, что Гаутама
настаивал на Правильных
Представлениях, которые легко
игнорировались, — ни в буддизме,
ни в даосизме или конфуцианстве не
существовало действенного запрета
на суеверные практики, заклинания,
экстатические состояния и
поклонение различным божествам.
Уже на самой ранней стадии
развития буддизма началось
вкрапление в него подобных
представлений, которое не

прекращалось и впоследствии. Эти новые религии Востока, как оказалось, подхватили почти все болезни тех испорченных верований, которые они стремились заменить; они переняли идолов и храмы, алтари и кадилабницы.

Тибет в наше время — это буддийский регион, однако Гаутама, случись ему вернуться на Землю, мог бы исходить его вдоль и поперек в напрасных поисках своего учения. Он увидел бы на троне самый что ни на есть древний тип человеческого правителя, царя-бога — далай-ламу, «живого Будду». Гаутама обнаружил бы огромный храм в Лхасе, с многочисленными жрецами,

служителями и ламами, — а ведь сам он строил только хижины и не назначал жрецов. Его взгляду предстал бы алтарь, с огромным золоченым идолом на возвышении, имя которого, как он с удивлением бы узнал, — «Гаутама Будда»! Он услышал бы торжественные гимны, обращенные к его божественности, а некоторые из наставлений, которые читались в храме, показались бы ему отдаленно знакомыми. Звону колоколов, каждению, иступленным чувствам также было отведено место в этих удивительных церемониях. В один из моментов службы раздавался удар колокола, и поднималось зеркало, в то время как все

собравшиеся, в избытке благоговения, отвешивали низкий поклон...

По всей этой буддийской стране он обнаружил бы множество любопытных приспособлений, вращающихся ветряных и водяных барабанов, на которых были начертаны короткие молитвы. Каждый раз, когда совершался поворот такого барабана, как он узнал бы, это засчитывалось за молитву. «Кому?» — наверное, спросил бы он. Более того, он обнаружил бы по всей стране множество шестов с прекрасными шелковыми полотнищами, надпись на которых, вполне возможно,

озадачила бы его — «Ом мани падме хум», «жемчужина в лотосе». Каждый всплеск полотнища — тоже молитва, очень благотворная для того щедрого человека, который заплатил и за его установку. Целые бригады работников, нанятые такими благочестивыми людьми, ходили по всей стране, вырезая эту драгоценную формулу на камнях и скалах. Наконец он бы понял, как мир обошелся с его религией! Под этим внешним благолепием был погребен Арийский Путь, который вел к душевной безмятежности.

Мы уже отмечали отсутствие какой-либо исторической идеи в первоначальном буддизме. В этом он

снова контрастирует с иудаизмом. Представление об обетовании наделяло иудаизм свойствами, которыми до того не обладала ни одна из религий, — предшественниц или современниц иудаизма. Обетование оправдывало его ревностную нетерпимость, потому что оно направляло его на определенную и единую цель в будущем. Несмотря на всю правдивость и глубину психологической стороны учения Гаутамы, недостаток подобной направляющей идеи привел к застою и искажению буддизма. Иудаизм, следует признать, на своих ранних стадиях не слишком вторгался в души

людей; он позволял им оставаться порочными, алчными, суетными или суеверными. Но своей убежденностью в обетовании и божественном водительстве иудаизм был, не в пример буддизму, всегда наготове к действию, словно тщательно отточенный меч.

Некоторое время буддизм процветал в Индии. Но брахманизм, с его многобожием и бесконечным разнообразием культов, чувствовал себя не менее уютно у него под боком, а организация брахманов становилась все более могущественной. Наконец, им представилась возможность всерьез заняться этой религией, отрицающей

касты, и полностью вытеснить ее из Индии. Мы не станем пересказывать здесь, как проходила эта борьба; она было отмечена преследованиями и противодействиями им, но к XI в., кроме общины в Ориссе, буддийское учение перестало существовать в Индии. Многое из его милосердия и доброты было, однако, впитано самим брахманизмом.

Буддизм по-прежнему исповедуют во многих странах мира. Вполне возможно, что в контакте с западной наукой первоначальное учение Гаутамы, ожившее и очищенное, еще сыграет значительную роль в судьбах человечества.

Но с уходом из Индии Арийский Путь перестал управлять жизнями арийских народов. Любопытно отметить, что в то время как одна арийская религия в настоящее время исповедуется почти исключительно монголоидными народами, сами арийские народы находятся под влиянием двух других мировых религий, христианства и ислама, которые, как мы увидим позже, являются семитскими в своих истоках. Кроме того, буддизм, даосизм и христианство носят схожее одеяние ритуалов, которые пришли к ним через эллинизм, из страны храмов и жрецов — Египта, от более древней и

основополагающей ментальности
смуглокожих хамитских народов.

Книга пятая
Возникновение и
крушение Римской
империи

Глава двадцать пятая

Две западные республики

- 1. Истоки латинян.**
- 2. Новый тип государства.**
- 3. Карфагенская республика богатых.**
- 4. Первая Пуническая война.**
- 5. Катон Старший и катоновский дух.**
- 6. Вторая Пуническая война.**
- 7. Третья Пуническая война.**
- 8. Как Пунические**

**войны подорвали свободу
римлян.**

**9. Римская
республика и
современный тип
государства**

1

Настало время перейти к истории двух республик Западного Средиземноморья, Рима и Карфагена, и рассказать, как Риму за несколько столетий удалось создать империю, еще более великую, чем держава Александра Македонского. Эта новая империя была, как мы

постараемся показать, политической системой, глубоко отличной по своей природе от любой из тех восточных империй, которые предшествовали ей. Огромные перемены в структуре человеческого общества и в условиях общественных отношений происходили на протяжении нескольких столетий. Гибкость и удобство в перемещении и расчетах, которыми обладала денежная система, превратили ее в силу, и как любая сила в неопытных руках, она стала опасной для человеческих отношениях. Она изменила отношение богатых людей к государству и к его более бедным согражданам. Эта новая, Римская

империя, в отличие от всех предыдущих империй, не была созданием одного великого завоевателя. У истоков Римской империи не было личности, подобной Саргону, Тутмосу, Навуходоносору, Киру, Александру или Чандрагупте. Эта империя была создана республикой. Ее появление было неизбежностью, обусловленной действием тех объединяющих и сплачивающих сил, которые все больше заявляли о себе в отношениях людей.

Но прежде необходимо в общих чертах обрисовать положение дел в Италии в те столетия, что предшествовали появлению Рима в

мировой истории.

До XII в. до н. э., иначе говоря, еще до возвышения Ассирийской империи, до осады Трои и до окончательного разрушения Кносса, но уже после Аменхотепа IV, Италия, как и Испания, была населена преимущественно смуглыми европеоидными народами средиземноморского типа. Это коренное население, по всей видимости, было малочисленным и довольно отсталым. Но в Италии, как и в Греции, уже началось продвижение на юг арийских племен. К X в. до н. э. переселенцы с севера обосновались на большей части северной и центральной

Италии. Как и в Греции, они смешались со своими предшественниками и образовали группу арийских языков — италийскую группу — более всего близкую к кельтским языкам, чем к каким-либо другим.

Наиболее интересной, с исторической точки зрения, была группа латинских племен, обосновавшихся на равнинах к югу и востоку от реки Тибр. К тому времени греки, уже обосновавшиеся на Балканах, вышли в море и, добравшись до южной Италии и Сицилии, основали там свои колонии. Впоследствии они стали создавать свои колонии вдоль

нынешней французской Ривьеры и основали Марсель на месте старой финикийской колонии.

Еще один примечательный народ прибыл в Италию по морю. Это были смуглокожие коренастые люди, если судить по тем изображениям, которые они оставили после себя. Вполне вероятно, что это было одно из племен тех эгейских народов, которых вытеснили из Греции, Малой Азии и островов между ними греки. Мы уже рассказывали о судьбе Кносса и о том, как родственные критянам филистимляне поселились в Палестине.

Об этрусках, как их называли в Италии, еще в античные времена

существовало мнение, что они выходцы из Азии. Было бы очень соблазнительно, хотя и не совсем верно, объединить эту традицию с «Энеидой», эпической поэмой римского поэта Вергилия, в которой основание латинской цивилизации приписывается троянцам, бежавшим из Малой Азии после разрушения Трои. Но троянцы, скорее всего, были арийским племенем, родственным фригийцам, этруски же — народ неарийский. Этруски отвоевали большую часть Италии к северу от Тибра у арийских племен, разбросанных по всей стране. Вероятно, этруски правили покоренным италийским населением

в противоположность Греции, где главенствовали арии.

Из всех народов, которые в то время населяли Италию, этруски значительно опережали остальных по своему развитию. Они строили мощные укрепления по типу микенских (так называемых «циклопических»), обрабатывали железо, завозили очень изящную керамику из Греции. Латинские племена на другом берегу Тибра были варварами в сравнении с ними.

Основным занятием латинян тогда было примитивное земледелие. Центральным местом их поклонения был храм племенному богу Юпитеру на Альбанской горе, как показано на

карте «Ранний Лаций». Там они собирались на свои празднества. Это место собраний не было городом, скорее, это было место, куда сходились различные племена, чтобы решить возникшие вопросы. Постоянного населения там не было. Впрочем, в Латинском союзе было двенадцать независимых городов. В одном месте на Тибре был брод, и время от времени происходила меновая торговля между этрусками и латинянами. Возле этого брода берет свое начало Рим. Там собирались торговцы, и беглецы из двенадцати городов нашли себе прибежище и постоянное занятие в этом торговом центре. На семи холмах возле брода

было разбито несколько поселений, которые в итоге слились в один город.

Большинство людей слышали историю о братьях Ромуле и Реме, легенду о том, как они младенцами были оставлены на произвол судьбы и были вскормлены волчицей. Современные историки не слишком высоко оценивают достоверность этого сюжета. 753 г. до н. э. принято считать датой основания Рима, но под римским Форумом обнаружены этрусские погребения гораздо более раннего периода, а на так называемой гробнице Ромула существует нерасшифрованная пока этрусская надпись.

Апеннинский полуостров не был тогда приветливой землей виноградников и оливковых рощ, каким он стал впоследствии. Это была еще суровая земля, изобиловавшая болотами и лесами, которую земледельцам приходилось расчищать под участки для пастбищ и посевов. У Рима, расположенного на границе между латинянами и этрусками, было не слишком выгодное месторасположение для обороны. По всей видимости, поначалу в Риме правили латинские цари. Затем город оказался в руках этрусских правителей, тирания которых, наконец, и послужила причиной их изгнания: так Рим стал

латинской республикой.

Этрусские цари были изгнаны из Рима в VI в. до н. э., приблизительно в то время, когда преемники Навуходоносора правили в Вавилоне при поддержке мидян, когда Конфуций искал царя, чтобы реформами избавить Китай от беспорядков, и когда Гаутама учил Арийскому пути своих учеников в Бенаресе.

Детально остановиться на борьбе между этрусками и римлянами у нас нет возможности. Этруски были лучше вооружены, более многочисленны и более цивилизованны, и римлянам, вероятно, пришлось бы туго, случись

им противостоять этрускам в одиночку. Но два бедствия обрушились на этрусков, ослабив их настолько, что римлянам удалось в итоге полностью совладать с ними. Первое — это война в Сицилии с греками Сиракуз, в которой погиб этрусский флот (474 г. до н. э.), а второе — разрушительное нашествие в Италию галлов. Этот народ вторгся в северные области Апеннин и осел в долине реки По в конце V в. до н. э., так же, как пару столетий спустя родственные им племена заволокли Малую Азию и обосновались в Галатии. Этруски таким образом оказались между молотом и наковальней, и после долгой,

эпизодически прерывавшейся и возобновлявшейся войны римлянам удалось захватить Вейи, этрусскую крепость, которая прежде была для них постоянной угрозой.

Именно к этому периоду относится борьба римлян против этрусских царей Тарквиниев, правивших в Риме, о которой знает каждый школьник из своего курса истории.

Однако набег галлов был одним из тех общественных потрясений, которые изменяют привычный ход жизни. Галлы прошли походом по Апеннинскому полуострову, опустошая всю Этрурию. В 387 г. до н. э. они захватили и разграбили Рим.

По легенде, достоверность которой вызывает сомнения, выстоять удалось только укреплению на Капитолии, но и его галлам удалось бы взять, если бы не гуси, слышавшие шум и разбудившие своим гоготом защитников крепости. После этого галлы, которые не были знакомы с ведением осадных операций, и, вероятно, страдая от мора, обрушившегося на их лагерь, согласились на выкуп и удалились на север. Впоследствии они не раз совершали подобные набеги, но дойти до Рима им уже не удавалось.

Предводителем галлов был вождь по имени Бренн. О нем рассказывают, что, когда положили

на весы золото для выкупа, начались споры, насколько точно показывают весы. Тогда Бренн бросил на чашу весов свой меч со словами «горе побежденным», и с тех пор эту фразу часто повторяют, когда доходит дело до контрибуции или попытки ценой золота купить собственную свободу.

Полстолетия, миновавшие с тех пор, прошли для Рима в войнах за утверждение своего главенства среди остальных латинских племен. Сожжение города галлами не парализовало, а скорее даже стимулировало его, энергию. Как бы ни пострадал Рим, его соседи пострадали еще больше. К 290 г. до н. э. Рим стал главным городом

центральной Италии от реки Арно на севере и до Неаполя на юге. Он полностью покорил этрусков, и теперь его владения граничили с теми самыми галлами на севере и с областями на юге Италии, которые входили в состав Великой Греции. Вдоль галльской границы протянулась линия укрепленных военных поселений и римских колоний, и, несомненно, что именно с появлением этой оборонительной линии набеги галлов переместились восточнее, в сторону Балкан.

Мы уже обсуждали особенности истории Греции и устройства ее городов, поэтому читатель не удивится, узнав, что греки Сицилии и

Италии были разделены на два союза несколькими городами-государствами, главными из которых были Сиракузы и Тарент (современный Таранто), и что у них не было ни общей власти, ни общего направления в политике. Распространение римского владычества встревожило их, и они обратили свой взгляд за Адриатику, надеясь получить оттуда помощь, и получили ее в лице амбициозного Пирра (319–273 до н. э.), царя Эпира. Между Эпиром и Римом греки Италии оказались в том же положении, что и сама Греция за полстолетия до того между Македонией и Персией.

Читатель помнит, что Эпир, та часть Греции, которая ближе всего расположена к каблуку Апеннинского «сапожка», был родиной Олимпиады, матери Александра Македонского. В последовавшей за смертью Александра калейдоскопической смене правителей Эпир то оказывался поглощенным Македонией, то снова становился независимым. Царь Пирр был родственником Александра, монархом способным и предприимчивым и, по всей видимости, настроился на успешный завоевательный поход в Италии и Сицилии. Пирр командовал

прекрасной армией, против которой сравнительно неопытное римское ополчение поначалу казалось беспомощным. Его армия была оснащена всеми известными на ту пору достижениями военного искусства — пехотной фалангой, фессалийской конницей и двенадцатью боевыми слонами с Востока.

Пирр наголову разгромил римлян у Гераклеи (280 г. до н. э.) и, тесня их, нанес еще одно поражение у городка Аукул (279 г. до н. э., «Пиррова победа») на их собственной территории. Затем, вместо того, чтобы отбросить римлян еще дальше, он заключил с

ними перемирие и сосредоточился на покорении Сицилии, чем настроил против себя Карфаген, которому принадлежало бесспорное господство на море. Карфаген не мог допустить, чтобы в Сицилии, в непосредственной близости от самого Карфагена, появилось новое сильное влияние.

Рим в те времена казался карфагенянам гораздо менее серьезной угрозой, их намного больше страшила возможность перехода Сицилии под власть очередного «Александра Великого». Как следствие карфагенский флот вошел в устье Тибра, чтобы поощрить или принудить римлян возобновить

войну — где Рим и Карфаген выступили на одной стороне против нового претендента на власть в Сицилии.

Вмешательство Карфагена оказалось фатальным для замыслов Пирра. Ему необходимо было решающее сражение, чтобы восстановить свое влияние, но после сокрушительного разгрома, с которым была отбита его атака на лагерь римлян в битве при Беневенте, ему пришлось убраться обратно в Эпир (275 г. до н. э.).

По преданию, когда Пирр уходил из Сицилии, он сказал, что оставляет ее полем сражения между Карфагеном и Римом. Три года

спустя он был убит во время уличных боев в Аргосе.

Война против Пирра была выиграна флотом карфагенян, но и Риму досталась добрая половина плодов этой победы. Сицилия полностью отошла к Карфагену, но римляне смогли беспрепятственно присоединить к своим владениям носок и каблук «Итальянского сапога». Лишь Мессинский пролив отделял теперь их от нового соперника, и через одиннадцать лет пророчеству Пирра суждено было сбыться. Началась первая война с Карфагеном, первая из трех так называемых Пунических войн («пунический» от латинского *punīcus*,

финикиец, то есть карфагенянин).

Употребляя слова «Рим» и «римляне», мы, однако, так и не пояснили, что представляли собой эти люди, которые так успешно расширяли свои завоевания, что до них было уделом лишь воинственных и одаренных царей.

Их государство было в V в. до н. э. республикой арийского типа, очень схожей с греческими аристократическими республиками. Самые ранние сведения об общественной жизни Рима дают нам картину весьма примитивной арийской общины.

«Во второй половине

V столетия до Христа Рим все еще оставался аристократическим сообществом свободных земледельцев, занимавших площадь около 400 квадратных миль, с населением, не превышавшим 150 тысяч человек, почти исключительно земледельцев, разделенных на семнадцать округов или земледельческих родов, так называемых триб. Большинство семей владело небольшим хозяйством и собственным

имением, где жили и работали сообща отец с сыновьями. По большей части, они выращивали пшеницу, иногда — виноград и оливы. Свой немногочисленный скот они пасли на общинной земле. Одежду и несложный рабочий инструмент они делали сами для себя в домашних условиях. Только изредка или по особым обстоятельствам они направлялись в укрепленный город, в котором сосредоточивалась

религиозная и общественная власть. Там были храмы богов, дома богачей и лавки ремесленников и торговцев, где небольшое количество зерна, оливкового масла или вина можно было обменять на соль, грубые земледельческие орудия или железное оружие». [\[29\]](#)

Эта община следовала традиционному делению на граждан-аристократов и незнатных граждан, в Риме их называли патрициями и плебеями. Это были граждане. Рабы

и чужеземцы принимали участие в управлении государством не более, чем в Греции. Однако строение римского общества отличалось от любого греческого общественного устройства тем, что значительными властными полномочиями обладал особый орган управления, называвшийся сенатом, который не состоял исключительно из наследственных членов, но и не был непосредственно избираемым представительным органом власти. Членов сената назначали, и в раннем периоде римской истории сенаторы назначались исключительно из числа патрициев. Сенат существовал и до изгнания царей: тогда сенаторов

назначал непосредственно царь. Но после изгнания царей (510 г. до н. э.) верховные полномочия были переданы в руки двух избираемых правителей — консулов. Теперь именно к консулам перешло право назначать сенаторов.

В начальном периоде Республики только патриции имели право занимать пост сенатора или консула, а участие плебеев в управлении государством сводилось лишь к праву голоса за консула или иного общественного должностного лица. И даже в этом их голоса не имели того же веса, что и голоса их сограждан-патрициев. Хотя голоса плебеев значили достаточно, чтобы

заставить многих кандидатов-патрициев с более или менее искренним вниманием откликаться на нужды плебеев. Более того, на ранних стадиях римского государства плебеи были не только исключены из общественной службы, им запрещалось также вступать в брак с представителями класса патрициев. Управление государством было, бесспорно, привилегией одних патрициев.

Ранний этап римского общества, следовательно, носил отчетливо выраженный аристократический характер, и вся внутренняя история Рима за те два с половиной столетия, что миновали после изгнания

последнего этрусского царя, Тарквиния Гордого, и начала 1-й Пунической войны (264 г. до н. э.), прошла по большей части в борьбе за влияние между двумя этими социальными группами, патрициями и плебеями. Она носила во многом сходный характер с борьбой аристократии и демократии в городах-государствах Греции, и, как и в случае с Грецией, целые классы общества: рабы — вольноотпущенники, неимущие свободные граждане, чужеземцы — были полностью исключены из этой борьбы.

Мы уже обращали внимание на существенное различие греческой

демократии и того, что принято называть демократией в современном мире. Еще одно неверно употребляемое слово — это римский термин «пролетариат», который на современном политическом жаргоне подразумевает всех неимущих в государстве. В Риме «пролетарии» были общественным слоем, обладавшим правом голоса, полноправными гражданами, имущество которых было менее 10 тысяч медных монет-ассов. Единственным имуществом римских пролетариев на деле было лишь их потомство (латинское «пролес» и означает «потомство»), и именно из

пролетариев набирались колонисты для новых римских городов или укрепленных поселений в пограничных районах. Но пролетарии совершенно отличались по происхождению от рабов или вольноотпущенников, или же разнородных обитателей городских трущоб. К сожалению, в наших политических дискуссиях совершенно не принимается во внимание тот факт, что этот термин — пролетарии — употребляется неверно и не имеет точного эквивалента в современной социальной классификации.

Множество подробностей, которыми изобиловала борьба

патрициев и плебеев, мы можем опустить в наших «Очерках». Стоит отметить лишь, что римлянам, если судить по обстоятельствам этих конфликтов, был присущ на удивление практичный и жесткий, иногда до бесчувственности, характер. Не доводя это противостояние до необратимого кризиса, римляне, однако, в пределах имеющихся у них возможностей были хваткими и алчными дельцами. Патриции, пользуясь своими привилегиями, всегда умели обогатиться во время завоевательных войн, причем не только за счет побежденного врага, но и обедневшего воина-плебея, хозяйство

которого осталось заброшенным, а сам он за время воинской службы успел погрязнуть в долгах. Плебеев не допускали и к дележу завоеванных земель, которые опять же доставались патрициям. С появлением денег возможности кредитора еще больше усилились и осложнилось положение должника.

Плебеям довелось прибегнуть к трем типам давления на патрициев, которое в итоге обеспечило им большую степень участия в управлении государством и дележе тех богатств, которые возрастающим потоком стекались в Рим по мере усиления его могущества. Первым из них была, выражаясь современным

языком, всеобщая забастовка плебеев («сецессия» — уход). Они дважды покидали Рим, угрожая построить для себя новый город выше по течению Тибра, и оба раза эта угроза оказывалась действенной.

Вторым способом давления была угроза прибегнуть к тирании плебеев против патрициев. Так же, как в Аттике, в Афинах, Писистрату удалось захватить власть, опираясь на поддержку беднейших пригородов, так и в те времена, когда недовольство плебеев становилось особенно острым, находились амбициозные люди, готовые побороться за власть с сенатом. Долгое время римским патрициям

хватало рассудительности, чтобы совладать с подобными потенциальными тиранами, идя в чем-то на уступки плебеям.

И наконец были и патриции, достаточно дальновидные и разумные, чтобы самим настаивать на необходимости примирения с плебеями.

В 509 г. до н. э. консул Валерий Попликола ввел закон, гласивший, что если жизнь или права любого из граждан находятся под угрозой, магистраты должны обратиться к всеобщему собранию. Этот закон, «Лекс Валерия», стал римским аналогом закона о неприкосновенности личности и

освободил римских плебеев от худших проявлений классовых гонений в государственных судах.

В 494 г. до н. э. произошла и первая забастовка.

«После Латинской войны долговая кабала стала совершенно нестерпимой, и плебеи с негодованием увидели, как их товарищей, зачастую верой и правдой служивших державе, заковывают в кандалы и продают в рабство по требованию кредиторов-патрициев. В самом разгаре

была война с вольсками, но легионеры, вернувшись с победой домой, отказались более повиноваться консулам и проследовали, но не допуская беспорядков, к Священной горе (вверх по течению Тибра). Там они приготовились основать новый город, поскольку им отказано было в соблюдении гражданских прав в старом. Патриции вынуждены были уступить, и плебеи, вернувшиеся после «Первого выхода», получили привилегии

избирать собственных
должностных лиц,
трибунов и эдилов». [\[30\]](#)

В 486 г. до н. э. консулом снова стал Спурий Кассий, который предложил аграрный закон, по которому плебеи также участвовали бы в пользовании общественной землей. Но в следующем году он был обвинен в притязаниях на тиранию и приговорен к смерти. Его закон так и не был принят.

Далее последовала длительная борьба плебеев за то, чтобы римские законы были записаны, так чтобы им больше не приходилось полагаться лишь на память патрициев. В 451–

450 гг. до н. э. был издан Закон Двенадцати таблиц, основа всего римского права.

Но для того чтобы составить положения этого Закона Двенадцати таблиц, вместо обычных магистратов был назначен так называемый комитет десяти (децемвират). Второй децемвират, назначенный следом за первым, предпринял попытку осуществить нечто вроде аристократической контрреволюции под руководством Аппия Клавдия. Плебеи снова ушли из Рима, уже во второй раз, на Священную гору, и Аппий Клавдий был заточен в тюрьму, где покончил жизнь самоубийством.

В 440 г. до н. э. наступил голод, и многочисленные злоупотребления и притеснения плебеев привели к тому, что богатый плебей Спурий Мелий предпринял вторую попытку создать народную тиранию, которая закончилась его убийством.

После захвата Рима галлами (387 г. до н. э.) Марк Манлий, который руководил обороной Капитолия тогда, когда «гуси спасли Рим», выдвинулся как народный вождь. Плебеи жестоко страдали от послевоенного ростовщичества и спекуляции патрициев, оказавшись опутанными огромными долгами, пытаясь отстроить свои дома и восстановить хозяйство. Манлий

истратил все свое состояние, выкупая несостоятельных должников. Патриции обвинили его в намерениях установить тиранию и предали суду. Марка Манлия постигла участь всех осужденных изменников в Риме: его сбросили с Тарпейской скалы — отвесного края того самого Капитолийского холма, который он защищал (384 до н. э.).

В 376 г. до н. э. Лициний, который был одним из десяти народных трибунов, начал долгую борьбу с патрициями, внеся предложение, ставшее известным как Лициниевы молебствия, суть которого сводилась к следующему: размеры наделов, выдаваемых из

общественных земель в пользование одному гражданину, должны быть ограничены; просроченные долги должны быть прощены, а выплаченные проценты засчитаны в счет долга; и, начиная с этого времени, один из двух консулов должен быть плебеем. Это предложение снова повергло римское общество в затянувшийся на десятилетие конфликт между плебеями и патрициями. Теперь представители плебеев — народные трибуны — могли наложить вето на любое принимаемое решение, и они вполне пользовались этим своим правом.

В Риме существовал обычай: в

случаях крайней угрозы государство имело право отменять все принятые формы городского правления, то есть магистраты, и назначать единоличного правителя — диктатора. Рим и прежде так поступал в случае военной необходимости, но теперь патриции назначили диктатора в совершенно мирное время только для того, чтобы полностью сокрушить Лициния. Диктатором был назначен Камилл (ум. в 364 до н. э.), который осадил и взял Вейи у этрусков. Но Камилл оказался более разумным, чем те, кто его поддерживал. Ему удалось добиться компромисса между двумя этими общественными группами, в

котором были учтены большинство требований плебеев (367 г. до н. э.). Затем он основал храм, посвятив его Согласию, и отказался от единоличной власти.

С этого времени противостояние между патрициями и плебеями стало ослабевать. Среди прочих причин к этому привело и постепенное стирание социальных различий между двумя этими слоями римского общества. Рим становился влиятельным торговым центром, и теперь плебеи получили возможность наживаться на успешной торговле. Многие патриции в сравнении с ними были значительно беднее. Был отменен

закон, запрещающий браки между патрициями и плебеями, что положило начало смешению этих групп.

Пока богатые плебеи приобретали если не аристократические, то олигархические привычки и наклонности, в Риме складывались новые классы, с новыми интересами, но не имевшие политической опоры. В особенности многочисленными были вольноотпущенники — рабы, получившие свободу, по большей части ремесленники, но среди них были и торговцы, наживавшие немалые богатства. И сенат — который больше не был

исключительно патрицианским учреждением с тех пор, как различные государственные посты стали открыты для плебеев, и эти плебеи-чиновники становились сенаторами — все больше превращался в собрание всех богатых, знающих, предприимчивых и влиятельных людей в государстве. Владычество Рима продолжало шириться, и прежнее противостояние классов раннего латинского общества утратило смысл. На смену пришли новые союзы и новые антагонизмы. Общие интересы всех богатых людей, независимо от их происхождения, сближали их против

«коммунистически» настроенной бедноты.

В 387 г. до н. э. Рим был незначительным городком на окраинах Этрурии, разграбленный галлами. В 275 г. до н. э. он объединял всю Италию, от Арно до Мессинского пролива, и правил ею. Согласие, достигнутое Камиллом (367 г. до н. э.), положило конец внутренним раздорам и освободило энергию для дальнейшей экспансии. Та же самая любопытная комбинация дальновидности и агрессивного эгоизма, которая отличала борьбу общественных слоев внутри Рима и давала возможность его обитателям найти равновесие сил, не доводя

дело до катастрофы, отмечает и его внешнюю политику. Рим знал цену союзникам, он был готов открыть им допуск к своему гражданству. За своими пределами, как и у себя дома, он мог, — по крайней мере, в те дни, — «брать и давать» с известной долей справедливости и здравомыслия. В этом заключается своеобразие римского могущества. И этим он преуспел там, где Афины постоянно терпели неудачу.

Римляне осторожно, но непрерывно распространяли свое гражданство. Некоторые города получали одинаковые с Римом права гражданства, даже с долей голосов в его управлении. Другие сохраняли

свое самоуправление и получали право беспощинно торговать с Римом и вступать в брак с его гражданами, не становясь при этом полноправными гражданами Рима. Крепости и гарнизонные города с полноправными гражданами устанавливались на стратегически важных местах, и колонии с различными привилегиями создавались среди недавно завоеванных народов.

Необходимость поддерживать постоянное сообщение внутри такой огромной и постоянно растущей массы граждан была очевидна с самого начала. Пока еще не были известны бумага и печатный станок,

но система магистральных дорог следовала за распространением латинской речи и римского правления. Первая из них, Аппиева дорога, пролегла от Рима до самого каблука Италии. Ее строительство началось при цензоре Аппии Клавдии (не путать с децемвиром Аппием Клавдием, который жил столетием раньше) в 312 г. до н. э.

В соответствии с переписью населения, проведенной в 265 г. до н. э., в римских владениях, то есть в Италии на юг от Арно, уже насчитывалось 300 тысяч граждан. Все они разделяли общий интерес к процветанию государства, всех их, в той или иной степени, касалась

разветвленная римская
государственная машина. Таким
образом, Римская республика, как
мы неизбежно приходим к выводу,
была абсолютно новым явлением в
истории человечества. Все
значительные державы, царства и
империи до этого времени
представляли собой сообщества,
державшиеся исключительно на
покорности своему правителю,
некоему монарху, настроение и
характер которого со всей
неизбежностью отражались на
состоянии общества. Ни одной
республике прежде не удавалось
стать чем-то большим, чем город-
государство. Так называемая

Афинская «империя» была попросту городом-государством, руководившим своими союзниками и подчиненными городами.

Через несколько десятилетий Римской республике предстояло расширить рамки своего гражданства, включив в него своих ближайших родственников-галлов, живших в долине реки По, ассимилировать их, заменив их язык латинским, и основать латинский город Аквилею на самом северном краю Адриатического моря. В 88 г. до н. э. все свободные жители Италии стали римскими гражданами. В 212 г. н. э. римское гражданство распространилось на всех свободных

людей Империи.

Это невиданное прежде политическое образование совершенно очевидно является прямым предшественником всех современных западных государств. Оно, следовательно, представляет такой же интерес для всех, изучающих политическую историю, как рептилия каменноугольного периода или археоптерикс для ученого-биолога. Это первобытный предок современного господствующего вида. Его опыт проливает свет на всю последующую политическую историю.

Первым вполне естественным результатом становления этой

демократии сотен тысяч граждан, разбросанных по большей части территории Италии, был рост влияния сената. В римском государственном устройстве по мере его развития сложилось несколько форм народного собрания: собрание плебеев, собрание по трибам, собрание по центуриям и так далее — у нас нет возможности подробнее рассмотреть особенности этих форм. Но по сложившимся представлениям именно народное собрание пользовалось правом выдвигать законы. Следует отметить, что эта система представляла собой некое подобие параллельного правительства. Собрание по трибам

или по центуриям было собранием всех имевших право голоса граждан, патрициев вместе с плебеями. Собрание плебеев, конечно же, представляло только класс плебеев. Каждое собрание имело своих должностных лиц; в первом случае это были консулы, во втором — народные трибуны.

Пока Рим был маленьким государством двадцать на двадцать миль, вполне возможно было организовать нечто вроде представительного собрания всего народа. Но с течением времени все более очевидным становилось, — при том уровне сообщения, что существовал тогда в Италии, — что

значительную часть римских граждан невозможно даже поставить в известность, что происходит сейчас в Риме, не говоря уже о том, чтобы подключить их к действительному участию в политической жизни. Аристотель в своей «Политике» уже обращал внимание на фактическое лишение права голоса тех избирателей, которые жили в сельской местности и не имели возможности оставить свои хозяйства.

Этому физическому ограничению избирательных прав подвергалось подавляющее большинство римских граждан. С ростом Рима по этим причинам в

политическую жизнь проникли непредвиденные сложности. Народное собрание все больше превращалось в сбореище «политических проституток» и городской черни и все меньше напоминало представительное собрание добропорядочных граждан. Достойнее всего народное собрание выглядело в IV в. до н. э. После этого времени его авторитет неуклонно снижался. Новый сенат уже не был исключительно патрицианским учреждением, с его однобокой, но в целом благородной традицией. Теперь это было учреждение богачей, бывших магистратов, влиятельных чиновников, смелых авантюристов и

т. п. Он склонялся к распределению должностей по наследственному праву и на три столетия стал правящей силой в римском мире.

Существует два способа, известных миру, которые могли бы обеспечить народному правительству Рима дальнейшее развитие после дней его расцвета во времена Аппия Клавдия Цензора, в конце IV в. до н. э... Но ни один из них не был известен римлянам.

Первым из этих способов является надлежащее использование печати. В нашем повествовании о ранней Александрии мы уже отмечали тот странный факт, что печатные книги так и не появились в

мире в IV и III вв. до н. э. Теперь, рассказывая о событиях в Риме, нам придется повторить это замечание. Для современного человека вполне очевидно, что правительство, действующее на обширной территории, должно обеспечить устойчивое поступление ко всем гражданам точной информации об общественной жизни для поддержания их интереса к участию в делах государства. Народные правительства современных государств, появившиеся по обе стороны Атлантики в последние два столетия, стали возможны только посредством более-менее честного и исчерпывающего обсуждения

вопросов общественной жизни в прессе. Но в Италии единственным способом, которым правительство Рима могло сообщаться с группой своих избирателей в какой-либо отдаленной части государства, было отправить к ним вестника. С отдельным гражданином у него вообще не было никаких способов поддерживать связь.

Вторым способом в истории человечества, который появился главным образом благодаря англичанам, но так и не появился у римлян, и почти столь же очевидный, — является использование представительного органа власти (парламента). У

старого народного собрания (в его трисоставной форме) еще была возможность заменять собой собрание представителей. Позднее в истории, по мере роста государства, англичане осознали эту необходимость. Отдельных лиц, рыцарей графств, созывали в Вестминстер, чтобы дать им возможность выступить и проголосовать, отстаивая местные интересы. Их формально избирали с этой целью. С современной точки зрения, ситуация в Риме просто взывала к созданию подобного института. Но это так и не было предпринято.

Народное собрание по трибам

(комиция трибута) — одна из трех основных форм народного собрания — созывалось вестниками за семнадцать дней до назначенной даты сбора. Но большинство граждан Италии неизбежно оставалось в неведении относительно его созыва. Авгуры, жрецы-предсказатели, которых Рим унаследовал от этрусков, в ночь непосредственно перед открытием собрания исследовали внутренности жертвенного животного, и если они находили уместным объявить, что эти забрызганные кровью предзнаменования неблагоприятны, собрание распускалось. Но если авгуры сообщали, что печень своим

видом предвещает успешное проведение собрания, тогда с Капитолия и с городских стен трубили в горны, и собрание открывалось.

Оно проводилось на открытом воздухе, то на малом Форуме под Капитолийским холмом, то на тихой лужайке за пределами Форума или на Марсовом поле, где занимались военными упражнениями, — самой оживленной части современного Рима, но в те времена просто открытой местности. Все начиналось с рассветом, после прочтения молитвы, открывающей собрание. Сидений не было, и это, вероятно, помогало приучить

граждан к правилу, что с государственными делами следует управляться до наступления ночи.

Сперва начиналось обсуждение тех вопросов, ради которых созывалось собрание, тех решений, какие следовало принять. Перед собравшимися зачитывались предложения. Разве не удивительно, что в такой ситуации не раздавались отпечатанные листки с вопросами, предложенными к обсуждению?! Но если такие листки и предлагались, то только рукописные, с возможными ошибками, а то и намеренными фальсификациями. По-видимому, задавать вопросы не разрешалось, но каждый участник имел право

выступить перед собранием с позволения председательствовавших магистратов.

Затем все собравшиеся расходились по специально огороженным полянкам, напоминаям загоны для скота, каждая для отдельной трибы, где после обсуждения триба голосовала за предложенное решение. Окончательное решение принималось не большинством граждан, но большинством триб. И оно во всеуслышание объявлялось вестниками.

Народное собрание по центуриям (комиция центуриата) проходило по очень схожим

правилам, за исключением того, что вместо тридцати пяти триб, в III в. до н. э., было 373 центурии. Это собрание опять же начиналось с жертвоприношения и открывающей молитвы. Центурии, первоначально воинские подразделения (подобно «сотням» средневекового местного самоуправления), к тому времени уже давно утратили всякое отношение к числу сто. В состав отдельных центурий входило всего несколько человек, а некоторые были весьма многочисленны. Было восемнадцать центурий всадников, которые изначально включали в свой состав людей, обладавших достаточным состоянием, чтобы

иметь коня и снаряжение, необходимое для службы в коннице. Позднее сословие римских всадников, как и рыцарское в Англии, стало заурядным общественным подразделением, не имевшим никакого военного, духовного или нравственного значения. Всадники превращались в очень влиятельный класс, по мере того, как Рим торговал и богател; какое-то время они были тем классом, который двигал все римское общество. Сенаторам примерно с 200 г. до н. э. не разрешалось заниматься торговлей. Всадники, таким образом, превратились в крупных торговцев (негоциантов), а

как откупщикам государственных доходов (публиканам) им принадлежало право собирать налоги.

Существовало еще восемьдесят центурий состоятельных людей (имевших более 100 000 ассов), двадцать две центурии тех, чье состояние приближалось к 75 000 ассов, и так далее. Было две центурии механиков и музыкантов, и одну центурию составляли пролетарии. Решения принимались по большинству центурий.

Не удивительно, что с ростом римского государства и усложнением его деятельности власть перешла от народных собраний к сенату,

сравнительно компактному властному органу. Число сенаторов варьировалось от (самое меньшее) трехсот сенаторов до девятисот (до этого числа сенат был увеличен Цезарем). Это были люди, имевшие отношение к политике и крупным торговым операциям, более-менее знавшие друг друга, знакомые с традициями управления и государственной жизни.

Властью назначать и собирать сенат в Республике сначала были наделены консулы, а затем, некоторое время спустя, была учреждена должность «цензора», к которому перешла значительная часть полномочий консулов, в том

числе право назначать и собирать сенаторов. Аппий Клавдий, один из первых цензоров, который воспользовался этим правом, внес вольноотпущенников в списки триб и призвал сынов вольноотпущенников избираться в сенат. Однако это мероприятие шокировало консервативные инстинкты того времени. Консулы отказались признать его сенат, и следующие цензоры отклонили его предложения.

Однако эта попытка весьма показательна в том, насколько сенат продвинулся за первоначальные рамки исключительно патриархального властного органа. Как и современная британская

палата лордов, он стал собранием крупных бизнесменов, энергичных политиканов, успешных проходимцев, крупных землевладельцев и прочего подобного люда. Его патриархальное достоинство было не более чем колоритным притворством в духе римской старины. Однако, в отличие от британской палаты лордов, законное право контролировать сенат имело лишь малоэффективное на родное собрание, которое мы уже описывали, и трибуны, избираемые собранием плебеев. Этот правовой контроль над консулами и проконсулами был незначительным; он обладал малой исполнительной

силой. Интересы членов сената, вполне естественно, были противоположны интересам основной массы граждан. Но на протяжении нескольких поколений эта обширная масса простых людей была неспособна выразить свой протест на действия сенатской олигархии.

Прямое народное управление государством не ужилося в Италии, поскольку еще не было ни общественного образования, ни прессы; не было и представительной политической системы. Оно провалилось по причине этих технических трудностей еще до начала 1-й Пунической войны. Но его

возникновение представляет огромный интерес, как первая попытка распутать тот клубок проблем, с которым пытается разобраться политический разум в настоящее время.

Сенат обычно собирался в здании сената на Форуме, но в особых случаях он мог созываться в одном из храмов. Когда же ему приходилось принимать иноземных послов или своих собственных полководцев (которым не позволялось вступать в город, пока они командовали войсками), сенат собирался на Марсовом поле, вне городских стен.

Государственное устройство

Карфагена не отнимет у нас много времени.

Италия под властью Рима была республиканским государством; Карфаген представлял собой более древнее образование — город-республику. У Карфагена была своя «империя», подобная той «империи», что была у Афин: подчиненные города и народы не любили его. Кроме того, огромную часть его населения составляло множество враждебно настроенных к Карфагену рабов, занятых в различных ремеслах и производстве.

Городом правили два избираемых «царя», суффекты, как они названы у Аристотеля, которые

представляли собой эквивалент римских цензоров. На семитском языке их называли так же, как у евреев назывались их судьи. Подобно Риму, тут были и бессильное народное собрание, и сенат, состоящий из представителей правящих классов. Два комитета этого сената, формально выборные, но избираемые легко контролируемые способами, так называемые Сто Четыре и Тридцать, представляли собой в действительности сплоченную олигархию самых богатых и влиятельных людей. Они редко посвящали в свои планы союзников и сограждан и советовались с ними

еще реже. Они составляли планы, в которых благополучие Карфагена, несомненно, зависело от их собственной выгоды. Карфагенская верхушка была враждебно настроена ко всем новым людям и идеям и пребывала в полной уверенности, что их морское владычество, продолжавшееся уже два столетия, является само собой разумеющимся.

Новый сенат расширившегося Римского государства все больше входил во вкус военной добычи. Теперь он бросал алчные взгляды через Мессинский пролив на владения карфагенян в Сицилии.

Впрочем, эту алчность сдерживал страх перед морской

силой Карфагена. У «патриотов» из римской толпы, однако, карфагеняне вызывали зависть, и они не склонны были поразмыслить над тем, какую цену потребует конфликт с Карфагеном. Тот союз, который невольно был навязан Пирром Карфагену и Риму, продержался одиннадцать лет, и Рим уже созрел для того, что на современном политическом жаргоне называется «оборонительно-наступательная война». Случай к этому представился в 264 г. до н. э.

Не вся Сицилия тогда была в руках карфагенян. Ее восточная окраина все еще находилась под властью греческого царя Сиракуз,

Гиерона (правил в 268–215 до н. э.), преемника того Дионисия, у которого придворным философом одно время был Платон. Некая банда наемников, которые прежде состояли на службе у Сиракуз, захватили Мессину (Мессану; 288 г. до н. э.) и принялись грабить торговые пути, ведущие к Сиракузам, так что Гиерон в конце концов был вынужден принимать меры, чтобы подавить их (268 г. до н. э.). Карфаген, который также был жизненно заинтересован в подавлении пиратства, пришел ему на помощь и разместил в Мессине свой гарнизон. Это было законное и обоснованное действие. Теперь, когда Тир был разрушен,

единственным, кто был в состоянии следить за соблюдением морских законов в Средиземноморье, являлся Карфаген. Подавление пиратства было его задачей, как по обычаю, так и по традиции.

Мессинские пираты попросили помощи у Рима, и копившиеся зависть и страх перед Карфагеном стали причиной того, что римляне решили помочь им. В Мессину была отправлена экспедиция под командованием Аппия Клавдия (это уже третий Аппий Клавдий, которого мы упоминаем в нашей истории).

Так началась первая из серии самых разрушительных и катастрофических войн, которые

когда-либо омрачали историю человечества, — 1-я Пуническая (264–241 до н. э.).

Но вот как один историк, проникшийся фантастическими политическими представлениями нашего времени, счел уместным написать об этой вылазке: «Римляне знали, что тем самым они начинают войну с Карфагеном; но политические инстинкты римского народа не подвели его, поскольку карфагенский гарнизон в Сицилийском проливе был явной угрозой миру в Италии». Поэтому они решили защитить мир в Италии от этой «угрозы», развязав войну, которая продлилась почти четверть

столетия! И потеряли в этой войне свою, с таким трудом приобретенную политическую мораль.

Римляне захватили Мессину, и Гиерон переметнулся от карфагенян к римлянам. Затем борьба какое-то время шла вокруг города Агригент. Римляне осадили его, и эта осада затянулась достаточно долго. Обе стороны значительно пострадали от чумы и нерегулярных поставок продовольствия. Римляне потеряли в этой осаде 30 тысяч человек, но, в конце концов, карфагеняне оставили этот город (262 г. до н. э.) и отвели свои силы в укрепленные города на западном берегу острова, главным из

которых был Лилибей. Им бы не составляло особого труда поддерживать их с африканского побережья, и пока ничто не угрожало их морскому владычеству, любые силы римлян выдохлись бы, пытаясь взять эти укрепления карфагенян.

И здесь начинается новый, неожиданный поворот в течении этой войны. Римляне вышли в море и, к удивлению карфагенян, да и к своему собственному, нанесли поражение карфагенскому флоту.

Со времен Саламина произошло значительное совершенствование конструкции кораблей. Тогда главным типом боевого корабля была трирема, галера с тремя рядами

весел; теперь основным боевым кораблем у карфагенян стала квинкверема (пентера), гораздо большая по размерам галера с пятью палубами гребцов, которая могла таранить или ломать весла у любого менее мощного судна. Римляне вступили в войну, не имея на вооружении подобных кораблей. Но они принялись за работу и сами стали строить квинкверемы. Им, как говорят, сильно упростило работу по конструированию собственного корабля то, что перед ними был готовый образец — один из захваченных карфагенских кораблей подобного типа.

За два месяца римляне

построили сто квинкверем и тридцать трирем. У них не было ни опытных лоцманов, ни привычных к такому типу судна гребцов, но и эти затруднения им удалось преодолеть частично с помощью своих союзников-греков, а частично с использованием новой тактики ведения морского боя. Вместо того чтобы полагаться главным образом на таран или на ломание весел противника, для чего требовалось большее умение в морском деле, чем у них было, они решили брать суда противника на abordаж. Для этого было сконструировано подобие подъемного моста (по латыни «корвус»), прикрепленного на их

кораблях блоком к мачте, снабженного крючьями и шипами на конце. Римляне также укомплектовали свои галеры множеством солдат. Теперь, когда карфагенский корабль шел на таран или проходил недалеко от борта, абордажный мостик сразу же опускался и римские солдаты перебирались на вражеский корабль.

Несмотря на свою простоту, это приспособление обеспечило полный успех римлянам. Оно изменило ход войны и судьбы человечества. Тот минимум изобретательности, который был необходим, чтобы свести на нет использование абордажного мостика, был,

очевидно, за пределами возможностей карфагенских правителей. В сражении при Милах (260 г. до н. э.) римляне одержали свою первую морскую победу, захватили или уничтожили пятьдесят кораблей.

В огромном сражении у мыса Экном (256 г. до н. э.), «вероятно, самом значительном морском сражении античности», [\[31\]](#) в котором были задействованы от семисот до восьмисот кораблей, карфагеняне показали, что они ничему не научились у прежней катастрофы. Они снова превосходили римлян в маневренности и морском мастерстве и нанесли бы им

поражение, но корвус опять решил исход дела. Римляне потопили тридцать кораблей и захватили шестьдесят четыре.

Война продолжалась и дальше, с жестокими колебаниями фортуны, но при этом все заметнее становилось, как растет энергия, сплоченность и инициатива римской стороны. После Экнома римляне вторглись в Африку с моря. Высадившимся войскам поначалу сопутствовал успех — римлянам даже удалось захватить Тунис (в десяти милях от Карфагена). Но к ним не пришло подкрепление, и в итоге римский десант был полностью разбит.

Римляне утратили свое морское превосходство, потеряв корабли во время шторма, и снова вернули его, построив за три месяца второй флот из двухсот двадцати кораблей. Они взяли Палермо и разгромили там огромную карфагенскую армию (254 г. до н. э.), захватив в числе прочего сто четыре боевых слона, и устроили триумфальное шествие в Риме, равного которому город прежде не видел. Затем они предприняли безуспешную осаду Лилибея, главного оплота карфагенян из тех, что еще оставались у них в Сицилии. Они потеряли свой второй флот в огромном морском сражении у

Дрепана (249 г. до н. э.), утратив сто восемьдесят из двухсот двадцати кораблей. И третий флот из ста двадцати боевых кораблей и восьмисот транспортов был потеряны ими в том же году частично в сражениях, частично из-за штормов.

На протяжении семи лет подобного рода война продолжалась между двумя сторонами, почти полностью выбившимися из сил, война набегов и непрочных осад, на протяжении которой у Карфагена все же лучше получалось противостоять римлянам на море, чем на суше. Затем неимоверными усилиями Риму удалось создать четвертый флот, в две сотни судов, и полностью

разбить карфагенский флот в сражении у Эгатских островов (241 г. до н. э.) — после чего Карфаген запросил мира.

По условиям этого мира, вся Сицилия, за исключением владений Гиерона в Сиракузах, становилась «земельной собственностью» римского народа. Процесса ассимиляции, подобного тому, который происходил в Италии, на этот раз не было: Сицилия стала завоеванной провинцией, платила дань, принося прибыль, как провинции более древних империй. Вдобавок Карфаген заплатил контрибуцию в размере 3200 талантов (около 83 тонн золота).

На двадцать два года установился мир между Римом и Карфагеном. Это был мир без процветания. Обе воюющие стороны испытывали нужду и дезорганизацию, которые неизбежно проистекают из всех крупных войн. Карфагенские земли были охвачены безудержным насилием: возвращавшиеся солдаты не могли получить свою плату, бунтовали и занимались грабежами. Земли Карфагена лежали невозделанными. Карфагенский полководец Гамилькар подавлял эти беспокойства с ужасающей жестокостью, распиная людей тысячами. Восстали Сардиния и Корсика.

«Мир в Италии» едва ли был счастливее. Галлы восстали и двинулись на юг; их разгромили, и 40 тысяч из них было убито. Было очевидно, что римские владения в Италии будут неполными, пока к ним не присоединятся все земли до Альп. Римские колонии были размещены в долине реки По, и началось строительство великой северной артерии — дороги Виа Фламиния. О нравственном и духовном упадке этого послевоенного периода можно судить хотя бы по тому, что, когда галлы наступали на Рим, решено было принести человеческие жертвоприношения, и они были совершены.

Старый карфагенский морской порядок был уничтожен. Возможно, он был односторонним и не отвечал интересам римлян, но на море действительно существовал порядок. Теперь же Адриатика кишела иллирийскими пиратами, и в результате вспыхнувшего конфликта, вызванного этим положением дел, Иллирию после двух войн пришлось аннексировать в качестве «второй провинции». Отправив экспедиции на захват Сардинии и Корсики, восставших карфагенских провинций, римляне подготовили почву для 2-й Пунической войны.

1-я Пуническая война проверила и подтвердила силу и Рима, и

Карфагена. Если бы каждая из сторон проявила больше благоразумия, если бы Рим был более великодушен, никогда не возобновилась бы эта борьба. Но Рим был неблагородным победителем. Он захватил Сардинию и Корсику без законных оснований, он увеличил размер контрибуции на 1200 талантов, он навязал предел — реку Эбро — для продвижения карфагенян в Испании. В Карфагене была сильная партия, возглавляемая Ганноном, выступавшая за уступки Риму и за скорейшее примирение с ним. Но вполне естественно, что у большинства карфагенян их недавний противник вызывал лишь

отчаянную и непримиримую ненависть.

Ненависть — одна из тех страстей, которые способны подчинить себе жизнь человека, в особенности определенный тип людей: с темпераментом, слишком склонным к крайностям. Эти люди готовы превратить свою жизнь в мстительную мелодраму, находя стимул и удовлетворение в пугающих демонстрациях «возмездия» и расплаты. Страх и зависть первобытного существа продолжают приносить ужасающие плоды и в наших жизнях: от каменного века нас отделяют не более чем четыре сотни поколений. Во время великих войн,

как известно всей Европе, этот «ненавидящий» темперамент может дойти до крайнего предела. Те жадность, гордыня и жестокость, которые выпустила на свободу 1-я Пуническая война, приносили теперь свой обильный урожай безумной ненависти к иноземцам.

Заметной фигурой на стороне Карфагена был выдающийся полководец и государственный деятель Гамилькар Барка, который принялся за осуществление планов по захвату и разрушению Рима. Он был тестем Гасдрубала и отцом мальчика Ганнибала, которому суждено было стать самым ненавистным врагом, который когда-

либо наводил ужас на римский сенат.

Первоочередной задачей Карфагена было восстановление флота и морских коммуникаций, утраченного морского владычества, — но Гамилькару этого, по всей видимости, не удалось осуществить. В качестве альтернативы он решил устроить в Испании плацдарм для сухопутного вторжения в Италию. Он отправился завоевывать Испанию в 241 г. до н. э., и, как рассказывал впоследствии Ганнибал, отец заставил его — одиннадцатилетнего мальчика — поклясться быть до самой смерти непримиримым врагом Рима.

Граничившая с безумием

нацеленность всех дарований семьи Барка на возмездие — лишь один пример того озлобления и сужения мировоззрения, которые вызвали в людях потрясения и всеобщее чувство нестабильности этой долгой войны.

Четверть столетия войны сделали западный мир несчастным и бездушным. Пока одиннадцатилетний Ганнибал клялся в непримиримой ненависти к Риму, по сельскому дому в римском Тускуле бегал вредный двухлетний мальчишка, которого звали Марк Порций Катон (234—149 до н. э.). Этот мальчик дожил до восьмидесяти пяти лет, и

единственной, всепоглощающей страстью его жизни была ненависть к любому человеческому счастью, кроме его собственного.

Катон был хорошим солдатом и сделал успешную карьеру как политик. Одно время он командовал в Испании, где сумел отличиться своей жестокостью. Он всегда любил покрасоваться в роли защитника религии и общественной нравственности и под этим удобным прикрытием всю жизнь вел войну против всего, что было молодо, привлекательно или красиво. Все, что пробуждало в нем зависть, он осуждал и клеймил, как безнравственное. Катон был

неутомим в том, что касалось поддержки исполнения тех законов, которые были направлены против вольностей в одежде, украшений для женщин, развлечений и возможности свободно общаться. Ему посчастливилось стать цензором, что дало ему власть вторгаться в личную жизнь государственных деятелей. Как следствие он начал уничтожать своих политических оппонентов, устраивая показательные скандалы из их личных неурядиц. Он изгнал Манлия из сената за то, что тот среди бела дня поцеловал свою жену на глазах их дочери.

Катон прославился также как гонитель греческой литературы, о

которой до последних лет своей жизни он не имел ни малейшего представления. Впоследствии, правда, он читал и восторгался Демосфеном. Сам он писал о сельском хозяйстве и об утраченных древних доблестях Рима. Эти сочинения также проливают свет на то, что за человек был Марк Порций Катон. Одна из его сентенций: когда раб не спит, он должен работать. Другая: состарившегося вола и раба следует немедля продать. Возвращаясь в Италию, он бросил в Испании своего боевого коня, который побывал с ним во всех сражениях, чтобы сэкономить на стоимости перевозки.

Особую ненависть Катон питал к чужим садам и, будучи должностным лицом, сократил подачу воды для садовых нужд в Риме. Пообедав в компании гостей, он не находил ничего предосудительного в том, чтобы, взявшись за кнут, сразу же идти проверять недоработки в своем хозяйстве. Он был чрезвычайно высокого мнения о собственных достоинствах и непременно упоминал о них в своих писаниях. О сражении в Фермопилах против селевкидского царя Антиоха Великого он писал так: «Все, кто видели, как Катон атакует врага, как он обратил его в бегство,

преследовал и наголову разгромил его, заявляли, что Катон меньше обязан римскому народу, чем римский народ — Катону». [\[32\]](#)

Состарившись, Катон сам предался похоти и стал сожительствовать с рабыней. Когда его собственный сын возмутился этим безобразиям, он обзавелся молодой женой, дочерью своего секретаря, положение которого не позволяло ему отклонить предложение. О том, что случилось с рабыней, история умалчивает. Вероятно, он ее продал.

Этот человек — воплощение всех доблестей истинного римлянина — умер в глубокой старости,

окруженный всеобщим почтением и страхом. Главное, чем он смог отличиться на ниве общественной деятельности, было настойчивое требование начать 3-ю Пуническую войну и окончательно разгромить Карфаген. Катон однажды посетил Карфаген в числе уполномоченных, которым поручили уладить некоторые разногласия между Карфагеном и Нумидией, и ужаснулся, обнаружив приметы, говорившие о достатке и даже о счастливой жизни в этой стране. Вернувшись домой, Катон в дальнейшем завершал каждое свое выступление в сенате хриплым «Карфаген должен быть разрушен».

Такие вот люди смогли выделиться в Риме за время Пунических кампаний. С Катоном предстояло иметь дело Ганнибалу и карфагенскому реваншу, и по ним обоим мы можем судить, каков был дух того века.

Две эти великие западные державы, — и Рим, вероятно, более, чем Карфаген, — были истощены духовно и нравственно потрясениями 1-й Пунической войны. Темная сторона жизни стала преобладающей. История 2-й и 3-й Пунических войн (с 218 по 201 и 149 по 146 гг. до н. э.) — это не история благополучных и здравомыслящих народов. Абсурдно историкам писать

о «политических инстинктах» римлян или карфагенян. Совершенно другие инстинкты тогда были выпущены на свободу. Кровавые глаза первобытной обезьяны вернулись обратно в наш мир. Это было время, когда тех людей, которые еще были в своем уме, преследовали, травили и убивали. Подлинный дух того времени виден по тому, что в Риме пошли на человеческие жертвоприношения во время всеобщей паники перед битвой с галлами у Теламона, по тому, как искали благоприятное знамение, пристально осматривая еще дрожащую печень жертвы. Две великие силы Западного мира

оказались, несомненно, ослеплены самоубийственным психозом. Два великих народа, каждый из которых был необходим для мирового развития, набросились друг на друга. И, наконец, Рим успешно покончил с Карфагеном.

Мы можем лишь вкратце затронуть обстоятельства 2-й и 3-й Пунических войн. Мы уже рассказывали, как Гамилькар стал готовить в Испании войска для реванша и как римляне запретили ему переходить Эбро. Он умер в 228 г. до н. э., и продолжателем его дела стал его зять Гасдрубал, убитый в 221 г. до н. э. После него дело войны с римлянами перешло к

двадцатилетнему Ганнибалу. Непосредственный повод для начала войны дали сами римляне, которые, в нарушение их же собственных постановлений, стали вмешиваться в дела карфагенян к югу от Эбро. Пользуясь этим, Ганнибал прошел маршем через всю южную Галлию и, перейдя через Альпы (218 г. до н. э.), оказался в Италии.

История последующих пятнадцати лет — это история самого блестящего и самого безрезультатного похода, какой только видело человечество. Целых пятнадцать лет Ганнибал наводил страх на всю Италию, одерживая победу за победой и не зная

поражений.

Римские полководцы были не ровня этому карфагенянину, и как только они встречались на его пути, они оказывались разбиты.

Лишь один римский полководец, Публий Корнелий Сципион (погиб в 211 до н. э.), обладал достаточным чувством стратегии, чтобы найти верную схему действий и в итоге отобрать у Ганнибала все плоды его побед. Еще в самом начале войны его направили в Марсель, чтобы перехватить Ганнибала. Сципион опоздал на три дня, но вместо того чтобы броситься в погоню, он пошел в Испанию и перерезал доставку Ганнибалу подкреплений и

продовольствия. На протяжении всех последовавших военных действий римская армия оставалась в Испании между Ганнибалом и его тылами. Ему так и пришлось всю войну провести в «подвешенном» состоянии, не имея возможности проводить осады и закрепить результаты своих побед.

Когда Ганнибал встречался с римлянами в открытом поединке, он всегда побеждал. Он одержал две большие победы в северной Италии и сумел привлечь на свою сторону галлов. Далее он вторгся в Этрурию, где устроил засаду, окружил и полностью уничтожил римскую армию у Тразименского озера. В

216 г. до н. э. Ганнибал был атакован значительно превосходящими силами римлян при Каннах, но и здесь одержал полную победу. Пятьдесят тысяч римлян, как говорят, были убиты и десять тысяч взято в плен. Однако развить свой успех и захватить Рим Ганнибал не мог, потому что у него не было осадных машин.

Канны принесли другие плоды. Значительная часть южной Италии перешла на сторону Ганнибала, включая Капую, второй по размерам город после Рима. Его союзниками стали македоняне. Более того. Гиерон, правитель Сиракуз, преданный союзник Рима, к тому

времени уже умер, а его преемник предпочел быть с карфагенянами.

Римляне, однако, продолжали вести войну с неизменным упорством и решительностью. Они отказались от переговоров с Ганнибалом после Канн и организовали медленную, но в конечном итоге успешную блокаду и осаду Капуи, а затем римская армия приступила к взятию Сиракуз. Осада Сиракуз памятна главным образом участием в ней знаменитого философа Архимеда, которому долго удавалось удерживать римлян в гавани, не давая перейти к штурму города. Мы уже упоминали Архимеда как одного из учеников и

корреспондентов школы при александрийском Мусее. Он был убит во время завершающего штурма города.

Тарент (209 г. до н. э.), основной порт для Ганнибала, откуда шло подкрепление его войскам, постигла та же участь, что и Сиракузы, а следом за ними и Капую (211 г. до н. э.), и его связь со своими тылами стала нерегулярной.

Испанию также удалось, шаг за шагом, вырвать из-под контроля карфагенян. Когда подкреплению, которое направлялось к Ганнибалу под командованием его брата Гасдрубала (не путать с его зятем, носившим то же имя и погибшим в

Испании), наконец, удалось прорваться в Италию, оно было разбито в сражении у реки Метавр (207 г. до н. э.). Первой вестью об этой катастрофе, которая дошла до Ганнибала, была отрубленная голова брата, заброшенная в его лагерь.

После этого Ганнибал оказался запертым в Калабрии, каблуке Итальянского сапога. У него уже не было сил, чтобы вести сколько-нибудь значительные операции, и он вернулся в Карфаген — как раз вовремя, чтобы возглавить карфагенян в последнем сражении этой войны.

Последнее сражение, битва при Заме (202 г. до н. э.), произошла уже

в окрестностях Карфагена.

Это было первое поражение, которое испытал Ганнибал, так что следует уделить немного внимания и личности его победителя, Сципиона Африканского Старшего (235–183 до н. э.), который оставил след в истории и как благородный человек, и как великий воин. Мы уже упоминали некоего Публия Корнелия Сципиона, который атаковал тылы Ганнибала в Испании. Победителем Ганнибала был его сын. До Замы он носил то же имя — Публий Корнелий Сципион; затем ему было дано прозвище Африканский.

Сципион Африканский был воплощением всего того, что

вызывало недоверие, ненависть и неприятие у римлян старого закала, вроде Катона. Он был молод, счастлив и талантлив, с легкостью тратил деньги, был начитан в греческой литературе и более склонялся к фригийским новшествам в религии, чем к строгим божествам Рима. И он не верил в ту предельную осторожность, которая была тогда единственной римской стратегией.

После поражений, с которых началась для римлян 2-я Пуническая война, на всех их действиях отпечаталась личность полководца Фабия Максима (ум. в 293 до н. э.), который возвел уклонение от решительного сражения с

Ганнибалом до уровня священного принципа. На протяжении десяти лет «фабиева тактика» превалировала у римских военачальников в Италии. Они устраивали блокады, отрезали обозы карфагенян, нападали на отставших — и тут же отступали, как только появлялся Ганнибал.

Нет сомнений, это было оправдано после этих первых неудач, но обязанность сильнейшей стороны — а Рим оставался более сильной стороной на протяжении всей 2-й Пунической войны — не втягиваться в бесконечную войну, но восстановить потери, подобрать способных командиров, подготовить

лучшие войска и уничтожить силы противника. Решимость — это одна из обязанностей силы.

Для таких людей, как юный Сципион, уклончивое и нерешительное бездействие Фабия Максима, которое заставляло и Карфаген, и Италию медленно истекать кровью, было неприемлемо. Он призвал к нападению на сам Карфаген.

«Но Фабий по этому случаю забил тревогу, всполошив весь Рим, как будто бы Республика подвергалась самой крайней угрозе со стороны безрассудного и опрометчивого юнца. Он прилагал все усилия, стараясь словом или

делом разубедить сограждан от принятия этого предложения. В сенате он также отстаивал свое мнение. Но, по всеобщему убеждению, причиной его нападков на Сципиона была либо зависть его успехам, либо тайное опасение, что, если этот молодой герой совершил какое-либо заметное деяние, положит конец войне или даже сумеет перенести ее за пределы Италии, его собственные неспешные предприятия на протяжении столь многих лет могут быть расценены как бездействие или робость... Он обратился к Крассу, товарищу Сципиона по консульству, и что было сил убеждал его не уступать эту

провинцию Сципиону, но если он считает целесообразным продолжать войну таким образом, самому выступить против Карфагена. Он даже воспрепятствовал выделению денег на эту экспедицию, так что Сципиону самому пришлось побеспокоиться о снаряжении своих войск... Он пытался помешать тем молодым людям, которые хотели отправиться вместе со Сципионом записываться к нему в войско, и во всеуслышание заявлял и на Форуме, и в сенате, что «этот Сципион не только сам избегает встречи с Ганнибалом, но намерен увести с собой оставшуюся силу Италии, убеждая молодежь покинуть своих

родителей, своих жен и родной город, в то время как непокоренный и могучий враг все еще стоит у его ворот». Этими речами он так устранил людей, что Сципиону позволено было взять с собой только те легионы, что были в Сицилии, и три сотни солдат из тех, что верой и правдой служили под его началом в Испании... После того как Сципион высадился в Африке, вскорости в Рим поступило известие о его славных и замечательных подвигах. Эта весть была подкреплена и богатой добычей, которая только убеждала в ее правдивости. Нумидийский царь был взят пленником, два лагеря были

сожжены и разрушены, а с ними множество людей, оружия и лошадей, карфагеняне же послали приказ Ганнибалу оставить свои бесплодные усилия в Сицилии и возвращаться домой, чтобы защищать теперь свою родную страну. В то время как все восхваляли подвиги Сципиона, Фабий предложил, чтобы тому был назначен преемник, ничем не подкрепляя своего мнения, кроме известного изречения: «Опасно доверять дела такой важности удаче одного человека, ибо сомнительно, чтобы счастье всегда улыбалось одному и тому же...» И даже тогда, когда Ганнибал погрузил свою армию на корабли и покинул

Италию, Фабий не оставил своих усилий омрачить всеобщую радость и надежды римлян, ибо он позволил себе вольность заявить, *«что теперь Республика подошла к своему последнему и худшему испытанию, что у нее есть все основания опасаться усилий Ганнибала, когда тот прибудет в Африку и нападет на ее сынов под стенами Карфагена, что Сципиону предстоит иметь дело, с армией, на мечах которой еще не высохла кровь стольких римских полководцев, диктаторов и консулов»*. Город был встревожен этими речами, и, хотя война и переместилась в Африку, казалось, что опасность близка к Риму, как

никогда прежде». [\[33\]](#)

Битве у Замы предшествовали краткое перемирие и переговоры, которые провалились по вине карфагенян. Так же, как и в случае битвы при Гавгамелах, точная дата сражения при Заме известна нам благодаря затмению, которое произошло на этот раз во время сражения. К римлянам присоединились нумидийцы, жители глубинных районов Карфагена, под командованием своего царя Масиниссы, и это дало римлянам, впервые за время их всех сражений с Ганнибалом, значительное превосходство в коннице. Фланги конницы Ганнибала были оттеснены,

а более совершенная выучка пехоты Сципиона позволила ей создать просветы в своих порядках перед атакой боевых слонов карфагенян, не дав им посеять панику в своих рядах.

Ганнибал попытался растянуть строй своей пехоты, чтобы охватить с фланга позиции римской пехоты. Но если в Каннах преимущество в выучке и, следовательно, в маневренности было на его стороне и он смог окружить и затем перебить беспорядочно сгрудившуюся пехоту, то в этот раз он обнаружил, что ему противостоял порядок, лучший, чем его собственный. Строй карфагенян, растянувшись, разорвался, римские легионы перешли в стремительную

атаку, и дело было сделано — для римлян.

Римская кавалерия прекратила преследование бежавшего верхом Ганнибала и обрушилась на карфагенян, превратив то, что уже было поражением, в сокрушительный разгром.

Карфаген сдался без какого-либо дальнейшего сопротивления. Условия сдачи были суровыми, но они все же позволяли Карфагену надеяться на какое-то достойное будущее. Ему пришлось уступить Испанию Риму, отдать весь свой военный флот, за исключением десяти судов, выплатить Риму 10 тысяч талантов контрибуции и, что было самым

трудным условием из всех, согласиться не вести войн без позволения Рима. Вдобавок было поставлено условие о выдаче Ганнибала как величайшего врага Рима. Но он избавил своих соотечественников от этого унижения и бежал в Азию.

Таковы были совершенно непомерные условия Рима. Но есть нации, настолько малодушные, что им недостаточно одной победы над врагом. Они не успокоятся, пока не добьют его окончательно. То поколение римлян, которое почитало за образец величия и добродетели людей вроде Катона Цензора, неизбежно сделало из своей страны

ненадежного союзника и трусливого победителя.

История Рима последующих пятидесяти трех лет, которые прошли между битвой при Заме и последним актом этой трагедии, 3-й Пунической войной, повествует о грубой, назойливой экспансии Рима и о медленном упадке свободного земледельческого населения внутри страны из-за ростовщичества и жадности богатых.

Дух нации стал низменным и безжалостным: не было больше ни дальнейшего расширения числа римских граждан, никакого следа былой щедрости, с которой чужеземные племена включались

прежде в состав римского народа. Испанией управляли плохо, заселяли медленно и с большими трудностями. Сложные

политические интриги привели к тому, что Иллирия и Македония были низведены до уровня провинций — плательщиков дани. Рим, очевидно, решил перейти к принципу «пусть налоги платит чужеземец» и освободить свое собственное население от уплаты налогов.

После 168 г. до н. э. старый земельный налог уже больше не взимался в Италии и единственные поступления, которые приходили из Италии, получали с государственных земельных владений и через

пошлины на иноземные товары. Поступления из провинции, которая получила название Азия, должны были покрывать расходы римского государства. У себя дома люди типа Катона приобретали земельные угодья, давая ссуду, а потом не позволяя выкупить закладные прежним владельцам, — зачастую тем, кто оставил свое хозяйство ради воинской службы. Они сгоняли свободных граждан с их земли и управляли своими имениями, нещадно эксплуатируя ставших дешевыми рабов, которых по ходу завоеваний в великом множестве свозили в Рим. Такие люди рассматривали всех иноземцев на

покоренных территориях, как еще не привезенных рабов. Сицилия перешла в руки ненасытных откупщиков. Состоятельные люди, используя труд рабов, могли выращивать там пшеницу и с большой выгодой продавать ее в Рим, а свои земли в самой Италии использовать только для разведения скота. Как следствие, начался приток неимущего населения Италии в города, и в частности в Рим.

У нас нет возможности подробно рассказать о первых конфликтах растущей Римской державы с Селевкидами и о том, как Рим вступил в союз с Египтом. Греческие города, оказавшиеся в

тени крепнущего Рима, стараясь не прогадать, переходили то на одну, то на другую сторону, пока не оказались в полном подчинении у Рима. Карта, которую мы приводим здесь, поможет представить, как выглядели теперь его расширившиеся владения.

Но и в этом веке всеобщего упадка нравов слышны были протестующие голоса. Мы уже говорили о том, как изнурительной болезни 2-й Пунической войны — болезни государства, при которой алчные богачи появлялись на его теле, как на больном теле высыпают нарывы, — был положен конец решительными действиями Сципиона Африканского. Когда

казалось невероятным, что сенат может предоставить ему, как римскому полководцу свободу действий, он пригрозил обратиться напрямую к народу. Впоследствии он приобрел не меньшую известность своим противостоянием сенатской шайке, которая последовательно превращала Италию из страны свободных земледельцев в страну скотоводства и пастбищ, в страну рабского труда. Сенаторы попытались уничтожить его еще до того, как он достигнет Африки, когда дали, как они надеялись, недостаточно войск для победы. А после войны сенаторы сразу же лишили Сципиона всех полномочий.

Личный интерес, как и врожденная злоба, побуждали Катона нападать на него.

Сципион Африканский Старший, по всей видимости, обладал великодушным характером и не был склонен эксплуатировать ради собственной выгоды общественное недовольство сложившимся положением дел и свою огромную популярность в народе. Он пошел в подчиненные к своему брату Луцию Сципиону, когда тот командовал первой римской армией, вступившей на землю в Азии. У Магнезии, в Лидии, огромное и разнородное войско под командованием Антиоха III (242–187 до н. э.),

Селевкидского правителя, постигла та же судьба (190 г. до н. э.), что и очень похожее на него персидское войско сто сорок лет назад. Эта победа навлекла на Луция Сципиона враждебность сената, и он был обвинен в незаконной растрате денег, полученных от Антиоха.

Это обвинение вызвало у Сципиона Африканского праведный гнев. В тот момент, когда Луций поднялся в сенате, держа в руках счета, готовый отразить все обвинения своих недоброжелателей, его брат выхватил у него из рук эти документы, порвал и бросил их на землю. Его брат, сказал он, положил в государственную казну 200 тысяч

сестерциев (серебряных монет). Что же теперь, ему держать отчет по каждой мелочи, пока недруги будут стараться запутать его и уличить во лжи? Когда же впоследствии Луций все же был обвинен в растрате и осужден, Сципион прибег к силе, чтобы выручить его. Но когда и его отстраняли от должности, он напомнил народу, что этот день (так совпало) был годовщиной битвы при Заме, и под рукоплескания и одобрительные выкрики народа отказался повиноваться властям.

Римский народ никогда не отказывал в поддержке Сципиону Африканскому. Такие люди и теперь, две тысячи лет спустя, вызывают

симпатию. Он был способен бросить порванные счета в лицо сенату, а когда Луций снова подвергся нападкам, один из народных трибунов наложил свое вето и тем прекратил дальнейшее его преследование. Но Сципиону Африканскому все же не доставало того закала, который делает людей выдающимися демократическими лидерами. Он не был Цезарем. У него не было тех качеств, которые позволяют лидеру принять в силу необходимости правила грязной политической игры. После всех этих событий он, не желая больше оставаться в Риме, удалился в одно из своих поместий, где и умер в 183 г.

до н. э.

В том же году умер и Ганнибал. Он отравил себя, отчаявшись спастись от непрерывного преследования римлян. Страх, который все еще испытывал перед ним римский сенат, гнал его от двора одного владыки к другому. Несмотря на возмущенные протесты Сципиона, Рим одним из условий мира с Карфагеном поставил выдачу Ганнибала и продолжал требовать его выдачи у каждого из государств, где тот находил себе прибежище. Когда был заключен мир с Антиохом III, это снова было одним из условий. Ганнибала, наконец, выследили в Вифинии. Царь Вифинии задержал

его с целью отправить в Рим, но Ганнибал давно уже приберег для такого случая яд, который хранил в кольце. Смерть спасла его от последней встречи с римлянами.

Также к чести семьи Сципионов можно добавить и то, что один из них, Сципион Назика (ум. в 132 до н. э.), передразнивая Катона, завершал все свои речи в сенате словами «Карфаген должен стоять». У него было достаточно здравого смысла, чтобы видеть, что партнерство с Карфагеном может стать еще одним стимулом к процветанию Рима.

Но именно второму Сципиону Африканскому (185–129 до н. э.),

приемному внуку Сципиона Африканского Старшего, выпало взять и разрушить Карфаген. Единственным вызовом со стороны карфагенян, который привел к 3-й и последней Пунической войне, было то, что они продолжали торговать и богатеть. Их торговля при этом нисколько не соперничала с римской; когда уничтожили Карфаген, почти вся его торговля угасла вместе с ним, и Северная Африка вступила в стадию экономического упадка. Однако его процветание будило жгучую зависть. Богатому сословию всадников нестерпимо было любое процветание в мире, кроме их

собственного. Рим спровоцировал войну, поощряя нумидийцев совершать набеги на Карфаген, пока доведенным до отчаяния карфагенянам не оставалось ничего иного, как прибегнуть к силе. Рим затем набросился на Карфаген с обвинениями, что тот нарушил договор — ведь Карфаген начал войну без разрешения!

Карфагеняне согласились отправить заложников, которых требовал Рим, они отказались от сопротивления, они были готовы отказаться и от своих территорий. Но это повиновение только усилило нетерпимое высокомерие Рима и безжалостную жадность всадников,

которые руководили его действиями. Рим предъявил требование, чтобы жители Карфагена оставили свой город и переселились в местность по меньшей мере в десяти милях от моря. И это предлагалось сделать жителям города, который почти всецело зависел от морской торговли!

Это абсурдное требование вызвало отчаянный протест у карфагенян. Они отозвали заложников и стали готовиться к защите своего города. За полстолетия бездумного и безнравственного правления военные навыки римлян постепенно пришли в упадок, так что первые атаки на город в 149 г. до н. э.

едва не закончились катастрофой для Рима. Юный Сципион во время этих действий сумел отличиться разве что скромными способностями. Следующий год также ознаменовался провалом для бездарей из сената.

Теперь уже пришел черед сенаторам, еще недавно таким задиристым, трястись от страха. Римская чернь была еще более напугана. Юного Сципиона, главным образом из-за громкого имени, сделали консулом, хоть он не подходил для этой должности ни по возрасту, ни по личным качествам, и спровадили в Африку спасать родину.

Последовавшие за этим осада и взятие Карфагена были беспремерны

по своему упорству и жестокости. Сципион приказал насыпать дамбу через всю гавань, и теперь осажденные не могли получать подкрепления ни с моря, ни с суши. Карфагеняне страдали от страшного голода, но держались, пока город не был взят приступом. Уличные бои продолжались шесть дней, а когда, наконец, сдалась и главная городская цитадель, в живых осталось лишь около пятидесяти тысяч карфагенян из почти полумиллионного населения города. Все уцелевшие были проданы в рабство, город сожжен, а развалины скрыты до основания. В знак окончательного падения Карфагена провели

соответствующую торжественную церемонию и наложили проклятие на каждого, кто попытается восстановить его.

В том же году (146 г. до н. э.) римский сенат и всадники убили — иначе не скажешь — еще один великий город, Коринф. У них был предлог: Коринф выступил против них, однако едва ли это может служить достаточным оправданием.

Нам следует обратить внимание в этом кратком разделе на те перемены после 3-й Пунической войны в военной системе Рима, которые оказались исключительно важны для его дальнейшего развития. Вплоть до этого периода римское

войско представляло собой ополчение свободных граждан. Право сражаться и право голосовать были тесно связаны. Народное собрание по центуриям следовало порядку военной мобилизации; на Марсово поле процессия двигалась, возглавляемая всадниками, словно ополченцы на защиту родного города.

Эта система очень напоминала ту, что существовала у буров во время англо-бурской войны. Обычный римский гражданин, как и обычный бур, был земледельцем; и по призыву своей страны он становился в строй, когда это было необходимо для защиты государства. Буры сражались исключительно хорошо, но в глубине

души у каждого из них было нестерпимое желание поскорее вернуться к своим фермам. Для продолжительных военных операций, таких, как осада Вей, римляне подводили свои силы посменно, давая передышку предыдущей смене осаждающих; таким же образом буры поступили при осаде Ледисмит в 1899 г.

Когда после 2-й Пунической войны пришла очередь покорения Испании, все понимали, что нужна армия совершенно иного типа, чем прежде. Испания была слишком далеко, чтобы можно было периодически заменять там свои войска на новые, и война требовала

более тщательного обучения солдат, чем это было возможно при регулярно призываемом и распускаемом ополчении. Поэтому людей начали призывать на более долгий срок и платить им за службу. Так впервые наемные солдаты появились в римской политике. К оплате прибавился и такой фактор, как доля в военной добыче. Катон разделил испанское серебро между своими солдатами; известно также, что он нападал на Сципиона за то, что тот часть военной добычи роздал своим солдатам в Сицилии.

Появление платы за воинскую службу привело к возникновению профессиональной армии и

столетием позднее — к разоружению среднего римского гражданина, который теперь влачил жалкое существование в Риме и более-менее крупных городах государства. Эти вооруженные ополченцы выигрывали великие войны, и прочное основание государства до 200 г. до н. э. сохранялось также благодаря вооруженным земледельцам. Но впоследствии народное ополчение свободных римских граждан постепенно исчезло.

Те изменения, которые начались после 2-й Пунической войны, были окончательно завершены к концу столетия в реорганизации римской армии Марием, о чем мы расскажем

в свое время. С этого момента, когда мы будем говорить об «армии», мы будем писать «легионы», и как нам предстоит узнать, это будет совершенно новый тип армии, больше не знающей сплоченности общего гражданства. С разрывом этой связи легионы создают себе новый «корпоративный дух», главный интерес которого противоположен интересам общества. Теперь они более привязаны к своему предводителю, который, как они знают, позаботится о том, чтобы у них было жалованье и возможность пограбить во время похода. Перед Пуническими войнами честолюбивые люди в Риме

старались обратить на свою сторону плебеев; теперь для них стала важнее поддержка легионов.

Юлий Цезарь (60 г. до н. э) принял меры, чтобы решения сената получали большую огласку, и с этой целью их писали на досках для объявлений, *in albo* (то есть на побеленных досках). До того времени существовал обычай публиковать таким образом ежегодный указ претора. Тогда были профессиональные переписчики, которые со специальным курьером отправляли новости для провинциальных богатых корреспондентов, а те уже переносили эти новости на

побеленную доску. Цицерон (106–43 до н. э.) в те времена, пока был наместником Сицилии, получал текущие новости от такого профессионального переписчика. Он жалуется в одном письме, что ему доставляют совсем не то, что нужно: выписки обилуют сведениями о гонках колесниц, и ни слова — о текущей политической ситуации. Очевидно, эта система писем-новостей была доступной только для общественных деятелей и только в благополучные для страны годы.

Политическое устройство Рима гораздо более походило на цивилизованное государство, чем какое-либо из тех, что мы

рассматривали прежде. Но в некоторых моментах оно еще было удивительно первобытным и «нецивилизованным». Когда, перелистывая страницы римской истории, переводишь ее в термины дебатов и мероприятий, политики и кампаний, капитала и труда, сталкиваешься то тут, то там с вещами, от которых вздрагиваешь, — как если бы случилось открыть двери дома на неожиданный звонок и протянуть в приветствии руку только для того, чтобы пожать волосатую лапу неандертальца и заглянуть в его звероподобное низколобое лицо.

Рабство в Риме было дикарским

рабством, гораздо более
бесчеловечным, чем рабство в
Вавилоне. Мы уже имели
возможность посмотреть на
добродетельного Катона в окружении
его рабов во II столетии до н. э...
Более того, когда царь Ашока правил
Индией, опираясь на добро и
ненасилие, римляне воскресили
этрусское развлечение: бои
военнопленных за собственную
жизнь. Говоря о происхождении
этого развлечения, снова невольно
вспоминается Западная Африка,
доисторические обычаи проливать
кровь пленников на похоронах вождя.
В этом спорте был и свой
религиозный штрих: рабы, которые

крючьями вытягивали мертвые тела с арены, надевали маски перевозчика душ в подземном царстве, Харона.

Когда в 264 г. до н. э. в Индии правил Ашока, началась 1-я Пуническая война и состоялись первые упоминаемые гладиаторские бои на римском Форуме, чтобы отметить таким образом похороны представителя старой римской фамилии Брутов. Пока что это было довольно скромное зрелище, с тремя сражающимися парами, но скоро гладиаторы уже сотнями выходили на арену. Вкус к этим боям рос с невероятной быстротой, а войны с избытком поставляли пленников для гладиаторских школ. Те же, кто так

любил поучать других, кто был так строг к поцелуям, женским украшениям и греческой философии, только приветствовали это нововведение. Пока кто-то страдал, кому-то причиняли боль, за нравственность в Риме, по-видимому, можно было не беспокоиться.

Если республиканский Рим и был первым в ряду современных самоуправляемых национальных государств, то это был, несомненно, их неандертальский прообраз.

За два или три последующих столетия гладиаторские зрелища в Риме выросли до немыслимых размеров. Поначалу, пока войны

случались часто, гладиаторами становились военнопленные. Они выходили с привычным для своего народа вооружением, их объявляли как бриттов, мавров, скифов, негров и т. д., и в этих представлениях была хотя бы какая-то польза с военной точки зрения. Затем стали использовать и преступников из низших слоев общества, приговоренных к смерти. Древний мир не задумывался над тем, что и у преступника, приговоренного к смерти, есть свои права, так что использование преступников в гладиаторских боях несравнимо даже с тем, что их трупы становились «материалом» для вивисекторов в

александрийском Мусее.

Но по мере того как этот своего рода шоу-бизнес становился все более прибыльным и потребность в жертвах все возрастала, в гладиаторские школы стали продавать обычных рабов. Теперь любой раб, навлекший на себя подозрения хозяина, мог в один момент оказаться в заведении, откуда был только один выход — на арену. Там же можно было увидеть не только рабов, но и свободных — молодежь, промотавшую свое состояние, а также разного рода отчаянных парней, готовых добровольно поставить на кон свою жизнь и сноровку ради доли в

барышах, которые приносило это зрелище.

Гладиаторов со временем также стали использовать и как вооруженную охрану — состоятельные люди покупали группу гладиаторов, вооружали их и использовали как телохранителей, либо сдавали своих гладиаторов для боев внаем за оплату.

Само представление начиналось с пышной процессии (помпа) и импровизированных батальных сцен. Настоящие схватки начинались по сигналу трубы. Гладиаторов, которые отказывались сражаться по какой-либо причине, выгоняли на арену кнутами или раскаленными

путьями. Раненый мог призвать к милосердию зрителей, подняв указательный палец. Зрители тогда махали платками в знак помилования; если же они протягивали руку, сжав кулак и по-особому выставив большой палец, то это означало, что они приговаривают его к смерти. Каким именно был этот знак, мнения различных авторов расходятся. Одни говорят, что большой палец вверх (к груди) означал смерть, а вниз — «опусти меч». Но по общему убеждению именно опущенным вниз большим пальцем требовали смерти поверженного гладиатора.

Убитых и полумертвых

вытаскивали с арены в особое место, сполиарий, где с них стаскивали гладиаторское облачение, а тех, кто еще дышал, добивали.

По тому, как убийство было превращено в спорт и зрелище, можно судить о том, насколько велик разрыв между нравственными стандартами римского общества и нашими. Несомненно, не менее жестокие и вопиющие ущемления человеческого достоинства случаются и в наши дни, однако мы не можем сказать, что они происходят в рамках закона и без единого голоса протеста. В самом деле, до времени Сенеки (I столетие н. э.) неизвестно, чтобы кто-либо

открыто высказывался против подобных занятий. Сознание человечества было слабее и менее разумно, чем теперь.

Однако впоследствии новая сила наполнила собой разум человечества, и связано это было с распространением христианства. Дух Иисуса, который принесло христианство в позднее римское государство, стал непримиримым противником рабовладения и подобного рода жестоких зрелищ. С распространением христианства эти два неприглядных явления постепенно приходят в упадок и исчезают.

Профессор Гилберт Мюррей

также добавляет в этой связи, что «гладиаторские бои давали основание грекам относиться к римлянам как к варварам. Случались даже бунты, когда один из римских проконсулов задумал провести их в Коринфе». Неприятие этих жестоких развлечений древности, как мы видим, нельзя назвать исключительно христианским. «У римлян лучшие люди также, очевидно, не питали любви к ним, однако они не решались открыто назвать их жестокими. К примеру, Цицерон, когда был вынужден посещать цирк, брал с собой таблички и секретаря и старался не смотреть на то, что происходит на

арене. Особое отвращение у него вызывали травля и убийство слонов. Эти зрелища решительно осуждались греками-философами, и в разное время два киника и один христианин, протестовавшие против них, отдали свои жизни на арене, прежде чем эти игры были окончательно отменены».

Глава двадцать шестая

От Тиберия Гракха к богу-императору в Риме

**1. Наука обманывать
простых людей.**

**2. Финансы в
Римском государстве.**

**3. Последние годы
республиканской власти.**

**4. Эпоха
полководцев-
авантюристов.**

5. Конец Республики.

**6. Появление
принцепса.**

7. Почему Римская

республика потерпела неудачу

1

Мы уже описывали, как происходил созыв народных собраний — комиций. Описание внешней стороны этого неуклюжего сборища в овечьих загонах не раскрывает в полном объеме тех махинаций с народным представительством, которые совершались в Риме. Всякий раз, когда происходило очередное пополнение числа римских граждан, повторялось и исключительно ловкое

мошенничество с целью распределить новых граждан по как можно большему числу «старых» тридцати триб и по возможности создать для них как можно меньше новых триб. Вся триба имела только один голос, поэтому, каким бы значительным ни было число новых граждан, мнение их всех учитывалось только в одном голосе, поданном их трибой. Впрочем, новые граждане получали не больше прав и если их включали в состав нескольких триб, старых или новых.

С другой стороны, если их рассредоточивали по слишком многим трибам, их влияние в одной отдельной трибе оказывалось

незначительным. Тому, как происходили эти манипуляции, может позавидовать любой современный политикан. И, как результат, комиция трибута временами принимала такие решения, которые шли полностью вразрез с общим настроением народа. Вдобавок значительное число избирателей Италии, живших за пределами Рима, было фактически лишено возможности голосовать.

В период между первыми карфагенскими войнами в Риме насчитывалось свыше 300 тысяч граждан; к 100 г. до н. э. их было уже более 900 тысяч, но в действительности подача голосов в

народное собрание была ограничена лишь теми из них, кто жил в Риме или его окрестностях. Как правило, это были почти сплошь представители городских низов. Что же касается того, как были организованы выборы в Риме, то здесь современный избирательный механизм, со всеми его вопиющими недостатками, покажется честным и бесхитростным. Римские избиратели были объединены в собрания, *collegia sodalica* («товарищества»), обычно с благородным религиозным оттенком, и у начинающего политика, который только пробивался к вершинам власти, не было иного пути, как идти сначала к

ростовщикам, а потом с
одолженными деньгами в эти
объединения. Если избиратели,
жившие за пределами города, были
слишком взволнованы каким-то
вопросом, то, чтобы не допустить их
в город, всегда можно было отложить
голосование, объявив
предзнаменования
неблагоприятными. Если они
приходили невооруженными, их
несложно было усмирить, если же
оказывалось, что они вооружены,
тогда стоило только поднять крик,
что это заговор, что Республика в
опасности, — и следовало избиение
толпы.

Нет сомнения, что вся Италия,

все государство испытывали
смятение, страх и недовольство в
столетие, последовавшее за
разрушением Карфагена. Некоторым
удалось нажить исключительные
богатства, но большинство населения
неожиданно для себя оказалось
опутано по рукам и ногам скачками
цен, неустойчивостью на рынках и
вдобавок долгами. Но еще не
существовало способа выразить
скопившееся всеобщее недовольство.
Мы не имеем никаких свидетельств о
том, чтобы предпринимались какие-
либо попытки превратить народное
собрание в действенный,
обладающий политическим весом
властный орган. Бессловесный пока

гигант общественного мнения и общественной воли прорастал сквозь толщу напускного преуспеяния Римского государства. Общество ценой значительных политических усилий пыталось справиться со своими проблемами с помощью избирательной системы, опускаясь порой до открытого насилия. До тех пор пока дело не доходило до насилия, сенат и дельцы продолжали вести свою губительную линию. Только когда правящие клики или партии действительно были всерьез напуганы, они воздерживались от очередной бесчестной затеи и вынуждены были считаться с интересами общества.

Подлинным способом продемонстрировать народное мнение в те дни были не комиция трибута, а забастовки и бунты, справедливые и неизбежные методы протеста всех обманутых или подавленных народов. Мы видим в наше время в различных европейских странах падение престижа парламентского правления и уклон к неконституционным методам со стороны широких масс. Причина их та же, что и в Римской республике, — неисправимая склонность политиканов вольно обращаться с избирательной машиной, пока общество не окажется на грани взрыва. Но, чтобы

возглавить бунт, недовольному населению необходим лидер, и вся политическая история римского общества последующего столетия — это история лидеров-бунтарей и лидеров-контрреволюционеров.

Среди первых большинство — это беспринципные проходимцы, которые пытались выдвинуться, сыграв на недовольстве и страданиях народа. Многие из историков, которые пишут об этом периоде, склонны принимать одну или другую сторону, они или аристократичны, или неистово демократичны в тоне своих высказываний. Но, несомненно, ни одна из сторон в этом сложном и запутанном

противостоянии не может похвастаться высокими целями или чистыми руками. Сенат и богатые всадники были движимы грубыми и корыстными побуждениями, враждебностью и высокомерным презрением к неимущей толпе. А простонародье было невежественным, непостоянным и в не меньшей степени алчным. Сципионы на этом фоне воспринимаются не иначе, как пример великодушия и благородства. В мотивах еще одной из фигур этого периода, Тиберия Гракха, мы также можем сомневаться. Но в отношении остальных — это прекрасный пример того, каким разумным в

своим коварством может быть человек, каким изворотливым в препирательствах, неповторимым в притворстве и до какой степени лишенным здравого смысла или благородства духа. «Косолапое, волосатое, звероподобное, ограниченное и при этом очень хитрое существо, сильное задним умом» — так кто-то охарактеризовал этого «хомо неандерталенсиса».

Еще в одном аспекте римская система была прообразом современной и кардинально отличалась от любой предшествовавшей политической системы, которые мы рассматривали. Речь идет об активном обороте

кредитных и наличных денежных средств. Лишь несколько столетий этот мир был знаком с деньгами. Однако их использование шло по нарастающей, деньги стали гибким инструментом торговли и предпринимательства, в корне изменяя экономические условия государства. В республиканском Риме финансисты и «денежный интерес» стали играть роль, вполне сопоставимую с их ролью в нашем мире.

До Рима крупные города были центрами ремесел и торговли. Такими были Коринф, Карфаген и Сиракузы. Но Рим никогда не имел значительного промышленного

населения, его склады не могли сравниться с александрийскими. Маленький порт в Остии всегда был слишком велик для потребностей Рима. Он был столицей политической и финансовой, и по крайней мере в этом последнем аспекте он стал городом нового типа. Он импортировал дань и военную добычу и очень немногое в свою очередь отдавал взамен. На причалах в Остии кипела работа, главным образом по разгрузке зерна из Сицилии и Африки, а также награбленного в войнах по всему свету.

С падением Карфагена в воображении римлян рисовались

неведомые до того финансовые возможности. Как и с большинством изобретений, человечество «споткнулось» о деньги, и людям приходилось совершенствоваться — и в наши дни тоже приходится — науку и мораль денег. Можно проследить, как это новшество «осваивалось» на примере известной жизни и сочинений Катона Цензора. В свои ранние годы он гневно критиковал ростовщичество, а в поздние — уже изобретал беспроигрышные схемы — как, не рискуя, давать деньги в долг.

Деньги текли в Рим широким потоком; каждый успел узнать, что такое вкус денег, при этом большинство — самым простым

способом, то есть влезть в долги. Восточная экспансия Римского государства была вызвана главным образом погоней за богатствами, хранившимися в сокровищницах и храмах Востока, чтобы удовлетворять денежный голод, вызванный этой новой потребностью. Влияние сословия всадников, в частности, держалось на деньгах. Все старались обзаводиться собственностью. Земледельцы прекращали заниматься пшеницей и скотоводством, занимали деньги, покупали рабов и принимались за более выгодное использование земли под виноградники и оливы.

Деньги были чем-то совершенно

новым в опыте человечества, чем-то, что просто-таки рвалось из рук. Удержать их никто не был в силах. Текучесть денег была огромной. Сегодня деньги были в изобилии, а завтра их уже не доставало. Люди изобретали коварные и жестокие комбинации, что бы прибрать их к рукам, чтобы накопить их, взвинчивали цены, выбрасывая на рынок припасенный металл. Небольшому числу исключительно смекалистых и беспринципных людей удалось скопить огромные богатства. Многие из патрициев обнищали, обозлились и потеряли остатки патрицианской добродетели. У среднего класса было много

надежд, много рискованных предприятий, но еще больше разочарований. Растущие массы людей, лишившихся последнего имущества, были охвачены пока еще неясным и безысходным чувством, что их каким-то непостижимым образом обвели вокруг пальца. Такое чувство всегда предшествует судьбоносным революционным движениям.:

Первым заметным лидером, который призвал к копившимся революционным чувствам Италии, был Тиберий Гракх (163–133 до н. э.). Он больше, чем кто-либо другой из заметных личностей того периода, похож на честного человека.

Поначалу Тиберий Гракх был умеренным реформатором скорее реакционного типа. Он хотел восстановить в правах собственности класс мелких землевладельцев, потому что этот класс, как он верил, являлся стержнем римской армии. В падении боеспособности легионов он мог убедиться на собственном опыте военной службы в Испании, до и после разрушения Карфагена.

Его реформа была направлена, так сказать, «назад к земле». Тиберий не понимал — как, впрочем, и теперь многие не понимают, — что подтолкнуть сельского жителя перебраться в город намного легче, чем убедить его вернуться обратно к

полному упорного труда существованию земледельца. Он хотел воскресить Лициниевы законы, установленные в те времена, когда Камилл построил храм Согласия, почти два с половиной столетия назад (см. гл. 25, 2), чтобы на их основе ликвидировать крупное землевладение, разросшееся за счет дешевого труда рабов. Эти законы то и дело восстанавливали, после чего с той же настойчивостью опять отменяли.

После того как крупные землевладельцы в сенате отклонили его предложение, Тиберий Гракх обратился к народу и начал неистовую агитацию за то, чтобы

народ сам высказался по этому поводу. Он создал комиссию, призванную расследовать законность прав на владение землей для всех землевладельцев. В это время (133 г. до н. э.) произошло одно из самых необычайных событий в истории: умер Аттал, царь богатого Пергамского царства в Малой Азии, завещав все свои владения римскому народу.

Нам сложно теперь понять мотивы этого поступка. Пергам был страной, союзной Риму, что устраняло угрозу возможной римской агрессии. Естественным следствием этого шага была ожесточенная схватка внутри сенатской шайки и

раздоры между ней и народом по поводу того, каким именно образом будет поделено это новое приобретение. Фактически Аттал отдал свою страну на разграбление. В этой стране, само собой, было немало римских дельцов, а также влиятельная партия богачей из местного населения, находившаяся в тесных отношениях с римлянами. Для них слияние Пергама с римской системой выглядело вполне приемлемо.

Пергамское наследство, удивительное само по себе, имело еще более удивительные последствия в целой серии подобных наследований в других регионах. В

96 г. до н. э. Птолемей Апион завещал римскому народу Киренаику в Северной Африке. В 80 г. до н. э. Птолемей Александр II, царь Египта, так же поступил с Египтом. Этот подарок оказался слишком большим, если не для appetitов, то для смелости римских сенаторов, и они отклонили его. В 74 г. до н. э. Никомед IV, царь Вифинии, отрекся от престола в пользу Рима... У нас нет необходимости подробно рассматривать эти причудливые изъявления последней воли. Скажем лишь, что завещание Аттала предоставило огромные возможности Тиберию Гракху, чтобы обвинить богатых в алчности. Он

предложил передать сокровища Аттала простому народу и использовать эти новые средства для закупки семян, скота и сельскохозяйственных инструментов для повторного заселения земли свободными крестьянами.

Начатое им движение вскоре оказалось опутано всеми сложностями римской избирательной системы. Без простой и открытой избирательной системы все народные движения во все века неизбежно оказываются в ловушке законодательных уловок и почти так же неизбежно приводят к кровопролитию. Чтобы продолжить начатое им дело, Тиберию Гракху

было необходимо оставаться трибуном. Однако занимать должность трибуна два срока подряд было незаконно. Гракх переступил закон и выдвинул свою кандидатуру в трибуны на второй срок.

Крестьяне из окрестностей, поддерживавшие его, пришли с оружием. В сенате поднялся крик, что Тиберий стремится к тирании. «Друзья закона и порядка», подбадривая друг друга, бросились к Капитолию в сопровождении слуг, вооруженных кольями и дубинками. Произошло столкновение, вернее, избиение сторонников реформы, в результате чего было убито около трех сотен человек. Самого же

Тиберия Гракха, упавшего в толчее, забили до смерти обломками скамьи двое сенаторов.

За этим последовало нечто вроде контрреволюции, инспирированной сенатом. Многие последователи Тиберия Гракха оказались внесенными в списки проскрипций, то есть объявлены вне закона. Однако положение в обществе оставалось настолько напряженным и взрывоопасным, что до реального преследования дело не дошло. Сципиону Назике, на которого указывали как на убийцу Тиберия Гракха, пришлось покинуть Италию, чтобы избежать неприятностей, хотя он и занимал

должность верховного жреца — понтифика и по роду своих обязанностей должен был оставаться в Риме.

Волнения, прокатившиеся по всей Италии, побудили Сципиона Африканского Младшего выступить с предложением наделить правом римского гражданства все население Италии. Однако он внезапно умер до того, как успел осуществить это предложение.

Далее Рим стал свидетелем неоднозначной карьеры Гая Гракха (153–121 до н. э.), брата Тиберия. Относительно целей, которые преследовала его уклончивая «политика», и по сей день у

историков нет общего мнения. Гай Гракх увеличил бремя налогов, которыми были обложены провинции. В основном, как принято считать, его реформы были направлены на то, чтобы настроить класс дельцов (всадников) против сенаторов-землевладельцев.

Он отдал на откуп всадникам только что полученные поступления от пергамского наследства и, более того, позволил им контролировать специальные суды, установленные для того, чтобы предотвратить злоупотребления в провинциях.

По инициативе Гая Гракха начались огромные общественные работы, в частности сооружение

новых дорог, причем его обвиняли в политическом использовании этих мероприятий. Он возобновил предложение предоставить римское гражданство всей Италии. Увеличилось также распределение дешевой пшеницы для римских граждан на государственной субсидии... Мы не станем здесь пытаться разгадать его планы, тем более — судить его. Но что его политика была враждебна тем группам, которые контролировали сенат, можно не сомневаться. Он был убит поборниками «закона и порядка» вместе с приблизительно тремя тысячами своих последователей в схватке на улицах

Рима в 121 г. до н. э. Его отсеченную голову принесли в сенат на острие копья. (В награду за этот трофей, как пишет Плутарх, обещали золото, равное ее весу, и тот, кому она досталась, показал себя настоящим «бизнесменом», успев до своего прихода в сенат наполнить черепную коробку свинцом.)

Несмотря на эти скорые и жестокие меры, сенату не пришлось долго наслаждаться покоем и преимуществами контроля над государственными ресурсами. Через десять лет народ снова восстал.

В 118 г. до н. э. в Нумидии, полуварварском царстве, которое возникло на развалинах

цивилизированной карфагенской державы, трон захватил предприимчивый внук царя Масиниссы Югурта (ок. 160–104 до н. э.). Он служил в римской армии в Испании и хорошо знал, что представляет собой римский характер. Своими действиями, в том числе в отношении римских граждан, посещавших по торговым делам североафриканское побережье, он спровоцировал военное вмешательство Рима. Но римлянам вскоре довелось узнать, что их военная мощь под началом сената финансистов и землевладельцев уже совсем не та, что была хотя бы в дни Младшего Сципиона Африканского.

Югурта подкупил членов комиссии, присланных наблюдать за ним, сенаторов, которые должны были наказать их, и полководцев, посланных с войсками против него. Есть поговорка еще с римских времен — «деньги не пахнут» (*rescupia non olet*), но запах денег Югурты дошел даже до Рима.

Всеобщее негодование захлестнуло Рим. Широкие массы римского населения увидели в этой истории с Югуртой яркий пример неспособности сенатской верхушки защитить интересы государства и его граждан. На волне массового недовольства выдвинулся одаренный полководец Гай Марий (156–86 до

н. э.). Незнатного происхождения, выбившийся из простых солдат, он был избран консулом в 107 г. до н. э.

Марий не стал предпринимать попыток по примеру Гракхов восстановить костяк римской армии, укрепив положение мелких земледельцев. Он был профессиональным солдатом, требовательным к дисциплине и действенности своих войск, и был склонен добиваться намеченной цели простейшим способом. Марий попросту набрал свое войско из неимущих римлян, не делая различий между городской или сельской беднотой, хорошо платил им, усиленно муштровал и в 105 г. до

н. э. закончил войну с Югуртой. Африканского вождя, закованного в цепи, провели по Риму во время триумфа Мария. При этом никто не обратил внимания, что попутно Марий создал профессиональную армию, сплоченную лишь одним общим интересом — платой за войну.

Марий далее сохранял за собой консульство, более или менее нарушая при этом закон, на протяжении нескольких лет, а в 105 и 102 гг. до н. э. отбил угрожавшее Италии нашествие германцев (впервые мы упоминаем о них в нашей истории), несметными ордами двигавшихся через Галлию на

Италию. Он одержал две победы, одну из них на земле Италии. Его чествовали как спасителя своей страны, второго Камилла (100 г. до н. э.).

Однако сравнение с Камиллом не могло восприниматься иначе, как насмешка, на фоне того общественного напряжения, что царило в то время. Реформа Мария, укрепившая боеспособность армии, пошла только на пользу сенату, и сенат с удвоенной энергией взялся за международные дела. Но зловещее, пока еще не оформившееся недовольство народных масс по-прежнему искало действенного выхода. Богатые в это время

становились богаче, а бедные — беднее. И подавить последствия этого процесса политическими махинациями было невозможно.

Население Италии до сих пор не получило гражданских прав. Два крайних политических лидера, Сатурнин и Главций, были убиты; но это, уже испытанное сенаторами средство в данном случае не принесло ожидаемого результата — умиротворить римскую толпу не получилось. В 92 г. до н. э. чиновник-аристократ Рутилий Руф, который попытался устранить незаконные поборы римских дельцов в Малой Азии, был осужден по обвинению во взяточничестве, при

этом настолько очевидно сфабрикованном, что причина этого обвинения была ясна всем. В 91 г. до н. э. был убит Ливии Друз, новоизбранный народный трибун, который нажил политический капитал на обвинении Рутилия Руфа. Он снова предложил включить в число римских граждан всех жителей Италии, а также предрекал в своих публичных выступлениях не только еще один земельный закон, но и всеобщую отмену долгов.

Но, несмотря на все эти усилия со стороны сенаторов-откупщиков, погрязших в ростовщичестве и захвате земель разорившихся крестьян, в рядах голодных и

недовольных в Риме росли мятежные настроения. Убийство Друза стало последней каплей, переполнившей чашу народного терпения. По всей Италии прокатилась волна народного негодования.

За этим последовало два года непримиримой гражданской войны, которую принято называть Союзнической войной (*bellum sociale*). Это была война идей, идеи единой Италии и идеи правления римского сената. Это не была «социальная» война в современном смысле, но война между Римом и союзниками-италиками (лат. *socius* — союзник, товарищ), стремящимися к равноправию с

Римом.

«Римские военачальники, привычные к ведению боевых действий на территории противника и к захвату новых колоний, не зная пощады, прошли по всей Италии, сжигая селения, захватывая города, уводя мужчин, женщин и детей для того, чтобы продать их на рынке рабов или заставить работать в своих поместьях». [\[34\]](#)

Марий и еще один военачальник-аристократ, Корнелий Сулла (138–78 до н. э.), который был с ним в Африке и впоследствии стал его непримиримым врагом, командовали войсками на стороне Рима. Но, несмотря на то, что

восставшие терпели поражение и подвергались безжалостному истреблению, никому из римских полководцев не удалось довести войну до конца. Она была окончена (89 г. до н. э.) фактической капитуляцией сената перед необходимостью реформы. Сенат, правда, ограничился лишь видимостью уступок, согласившись принять требование восставших «в принципе», но когда их силы рассеялись, возобновился обычный обман избирателей теми способами, которые мы описывали в первом разделе этой главы.

На следующий год (88 г. до н. э.) тлевший конфликт вспыхнул с новой

силой. Теперь к прежним трениям оказались примешаны и личные интриги Мария и Суллы друг против друга. Эта борьба осложнялась еще и тем, что в результате военной реформы Мария появился новый тип римского легионера — безземельный профессиональный солдат, которого интересовали лишь плата и военная добыча и который был верен только удачливому командиру. Народный трибун Сульпиций выдвинул проект законов, снова обещавших отмену долгов, и консулам ничего не оставалось, как попытаться переждать собиравшуюся грозу, объявив о временной приостановке заседаний. Но в результате им

удалось вызвать лишь привычный взрыв насилия: сторонники Сульпиция изгнали консулов из Форума.

Именно в этот момент в игру вступили новые силы, появившиеся с реформой армии. Царь Митридат Евпатор (132–63 до н. э.), эллинистический правитель Понта — государства на южном побережье Черного моря, на восток от Вифинии, вынудил Рим начать с ним войну. Один из законов, внесенных Сульпицием, давал Марию возможность возглавить армии, которые направлялись на войну против Митридата. В ответ на это Сулла повел армию, которой он

командовал во время Союзнической войны, на Рим. Марию и Сульпицию пришлось бежать.

Так началась новая эпоха, эпоха военных переворотов и правителей, приведенных к вершине власти силой преданных легионов.

Мы не будем детально описывать, как Сулла сделал сам себя главнокомандующим в походе против Митридата и отбыл из Италии; как верные Марию легионы вернули ему власть и как Марий отметил свое возвращение в Италию уничтожением своих политических противников и, удовлетворив свой гнев, умер от лихорадки. Однако одна из тех мер, что были приняты в эпоху

марианского террора, — отмена на три четверти всех просроченных долгов, — все же значительно уменьшила общественную напряженность в Риме. Также мы не можем детально рассказать, как Сулла заключил позорный мир с Митридатом (который вырезал тысячи римских граждан в Малой Азии) лишь для того, чтобы поскорее вернуться со своими легионами в Рим; как он разгромил марианцев в сражении у Коллинских ворот Рима в 82 г. до н. э. и отменил решения, принятые Марием. Сулла восстановил в Риме мир и порядок, занеся в списки проскрипций и казнив пять тысяч человек. После его

диктатуры целые области Италии обезлюдели. Сулла вернул власть сенату, отменил многие из принятых ранее законов, хоть и оказался бессилён восстановить отмененное долговое бремя. Утомившись от политики, накопив огромные богатства, он с достоинством удалился от дел и стал жить как частное лицо, предаваясь неслыханным порокам, и так умер, буквально съеденный заживо какой-то отвратительной болезнью, вызванной этими излишествами.

Кровопролития и переделы собственности Мария и Суллы не столько успокоили, сколько ошеломили политическую жизнь

Италии. Рамки, которых мы вынуждены придерживаться в нашем Очерке, не позволяют нам рассказать о многих незаурядных авантюристах, которые, все более и более полагаясь на поддержку легионов, некоторое время спустя начали строить планы и заговоры, стремясь к диктаторской власти в Риме. В 73 г. до н. э. вся Италия была напугана восстанием гладиаторов под предводительством гладиатора из Фракии, Спартака. Он и восемьдесят других гладиаторов бежали из школы гладиаторов в Капуе. Подобные восстания рабов уже происходили до этого в Сицилии.

Силы повстанцев, которыми

командовал Спартак, неизбежно превращались в разнородный сброд, стекавшийся к нему со всех концов Италии рабов и бедняков. Сами же гладиаторы-беглецы не имели никаких далеко идущих планов, кроме намерения поскорей рассеяться по Италии и добраться до своих домов. Тем не менее Спартаку удалось продержаться в южной Италии около двух лет, используя в частности и кратер Везувия, тогда еще спящего вулкана, как природную крепость.

Жителям Италии, несмотря на всю их любовь к гладиаторским играм, не понравилось, что их страна могла превратиться в одну большую

гладиаторскую арену. И когда Спартак, наконец, был разбит, их страх обернулся безумной жестокостью. Шесть тысяч его сторонников, захваченных живыми, были распяты на крестах. На многие мили вдоль Аппиевой дороги тянулись эти кресты с пригвожденными к ним жертвами.

Мы не можем подробно рассказать и о Лукулле (ок. 117—56 до н. э.), который вторгся в Понт и разгромил Митридата, и привез в Европу, кроме всего прочего, вишневые деревья. Также мы не можем рассказать о том, как изобретательно Помпей Великий (106—48 до н. э.) украл у него этот

триумф и большую часть тех побед, которые Лукулл одержал в Армении, за пределами Понта. Лукулл, как и Сулла, удалился к роскошной частной жизни, но более утонченной, сравнительно с Сулой, и с более счастливым концом. Мы не можем также детально описать, как Юлий Цезарь (о котором пойдет речь ниже) сделал себе имя своими победами на западе, завоевав Галлию, нанеся поражение племенам германцев и осуществив карательный поход на племена бриттов, первым из римлян преодолев пролив, отделяющий Британские острова от Галлии. Все более и более значимыми в Риме

становились легионы, все менее и менее значимыми — сенат и собрания. Но вот в истории Красса (115–53 до н. э.) есть свой мрачный юмор, которым просто невозможно пренебречь.

Крассе был крупным землевладельцем и откупщиком. Это был типичный представитель нового типа сословия всадников, социальный эквивалент современного военного промышленника. Он сколотил свое состояние, скупая имущество тех, кто пострадал во время проскрипций Суллы. На поле брани он впервые отличился в кампании против Спартака, которого Крассу в конце

концов удалось разбить в результате огромных затрат после длительной и дорогостоящей кампании. Затем он после долгого и сложного торга в сенате обеспечил себе командование восточными легионами, намереваясь превзойти славой Лукулла, которому удалось пройти на востоке от Пергама через Вифинию и Понт до Армении, и Помпея, который завершил разграбление последней.

Пример Красса очень показателен в том, насколько возросло невежество римлян, с которым они начинали свои предприятия в это время. Красс переправился через Евфрат, рассчитывая обнаружить в Персии

еще одно эллинистическое царство наподобие Понта. Но, как нам уже известно, огромное скопление кочевых народов, протянувшееся дугой от Дуная через северное Причерноморье до Средней Азии, постоянно обрушивало новые волны кочевников на земли между Каспием и Индом, которые Александр в свое время открыл для эллинизации. Крассу снова противостояли «скифы», и снова это были неуловимые племена, возглавляемые вождем в мидийском одеянии.

Те «скифы», с которыми пришлось столкнуться Крассу, назывались парфянами. Возможно, что в парфянах монголоидный

элемент сочетался с арийским. Поход Красса за Евфрат необыкновенно похож на поход Дария за Дунай — то же грузное продвижение пехоты следом за подвижными легкими всадниками.

Правда, Крассе не так быстро, как Дарий, понял необходимость отступления, а парфяне оказались более меткими лучниками, чем скифы, с которыми пришлось иметь дело Дарию. По всей видимости, их стрелы обладали необыкновенной силой и скоростью, совсем не такой, как обычная стрела. Как считают ученые, в арсенале у парфян был так называемый составной лук, который получил такое название потому, что

состоял из нескольких (около пяти) роговых пластин, наложенных одна на другую, наподобие автомобильной рессоры. Этот лук выпускал стрелу с неповторимым тонким звоном. Такой лук был и у монгольских кочевников. Подобным составным луком (это был короткий лук) на протяжении веков неоднократно пользовались самые различные народы. Это был лук Одиссея; из таких луков, в несколько видоизмененной форме, стреляли ассирийцы. Постепенно он исчез в Греции и сохранился именно как монгольский лук. Он был совсем короткий, очень жесткий в натяжении, с плоской траекторией полета стрелы, стрелявший на

огромное расстояние и на редкость громко. В Средиземноморье им перестали пользоваться, так как климат не совсем подходил для него и было мало животных, рог которых годился для изготовления составного лука.

Итогом этой кампании стало длившееся два дня избиение голодных, измотанных, страдающих от страшного зноя и жажды римских легионеров, память о котором история сохранила под названием битвы при Каррах (53 г. до н. э.). Легионы Красса пробивались сквозь раскаленный песок и нападали на врага, который неизменно уклонялся от их атак и, мгновенно зайдя им в

тыл, расстреливал римлян из своих дальнобойных луков. Двадцать тысяч из них погибло, еще десять тысяч, оставшихся в живых, захватили в плен и погнали на восток, в рабство.

Что случилось с самим Крассом — неясно. По преданию, которое придумали скорее всего для нашего назидания, намекая на ростовщичество Красса, он попал живым в руки парфян, и его казнили, заливая в глотку расплавленное золото.

Но сама эта катастрофа очень многое значит для нашей общей истории человечества. Она еще раз напоминает нам, что от Рейна до Евфрата, вдоль альпийских склонов,

вдоль Дуная и Черного моря простиралось непрерывное облако кочевых и полукочевых народов. Их не смогла умиротворить и цивилизовать державная мощь Рима, не смогла подчинить и его военная мощь. Мы уже обращались к карте, которая показывает, как Ново-Вавилонское царство (Халдейское царство), словно ягненок, лежало в объятиях Мидийской державы. Таким же точно образом и Римское государство оказалось окружено этой великой дугой варварских племен, которая растянулась вдоль всех его северных и восточных границ.

И Риму не только не удалось отбросить или же ассимилировать

нависавшие над его границами народы. Он оказался неспособен наладить хотя бы в Средиземноморском регионе безопасную и упорядоченную систему сообщения между разными частями его владений. Монголоидные племена Северо-Восточной Азии, пока что совершенно неизвестные Риму гунны и родственные им народы, остановленные Великой китайской стеной и выгнанные из Китая императорами династий Цинь и Хань (III в. до н. э.), теперь двинулись на восток, смешиваясь по пути с парфянами, скифами, тевтонами или же гоня их перед

собой.

Никогда за все время существования Римской державы римлянам не удавалось продвинуть свои владения за пределы Месопотамии, и даже над Месопотамией их контроль всегда был ненадежен. Еще до завершения периода Республики сила ассимиляции, которая была секретом их успеха, начала слабеть под натиском «патриотической» исключительности и «патриотической» алчности. Рим разграбил и опустошил Малую Азию и Вавилонию, которые могли бы стать плацдармом для дальнейшего продвижения к Индии, таким же

точно образом, как он разграбил и опустошил Карфаген, лишившись оплота для продвижения в Африке. Разрушив Коринф, Рим точно так же отрезал себе простой путь к сердцу греков. Западноевропейские авторы остаются под неизменным впечатлением того, что римляне романизировали и цивилизовали Галлию и Южную Британию и, поначалу опустошив, сделали Испанию снова процветающей. При этом они склонны игнорировать тот факт, что римское вмешательство ослабило обширные регионы на юге и востоке и тем самым способствовало возвращению к варварству гораздо более

внушительные завоевания греческой цивилизации.

Но у политиков Италии I в. н. э. не было карт Германии, России, Африки и Центральной Азии, и даже если бы такие карты и существовали, вряд ли появилось бы желание изучить их. В Риме так и не прижились любознательность, стремление стать первопроходцами наподобие тех, что двигали финикийцем Ганноном и мореплавателями фараона Нехо, отправившихся в плавание вдоль побережья Африки. Когда в I столетии до н. э. посланники китайской династии Хань добрались до восточных берегов Каспийского

моря, они обнаружили там лишь воспоминания о цивилизации, к тому времени уже отхлынувшей от этих берегов. Память об Александре Македонском все еще жила в этих краях, но о Риме люди знали только то, что Помпей подошел к западным берегам Каспия и отступил и что римлянина Красса разбили со всем его войском.

Рим больше волновало то, что происходило внутри его стен. Та энергия мысли, которую римский гражданин еще не успел израсходовать в попытках обогатиться и обеспечить личную безопасность, уходила на отражение замыслов, ударов и контрударов

многочисленных проходимцев, которые теперь открыто боролись за верховную власть.

По обыкновению эта борьба за власть пользуется неизменным вниманием и почтением со стороны наших историков. В частности, фигуре Юлия Цезаря (100–44 дон. э.) всегда отводят особое место, словно светилу непревзойденной яркости и непреходящего значения в истории человечества.

Однако беспристрастное изучение всем известных фактов полностью развенчивает теорию о Цезаре-полубоге. Даже Александр Великий, безрассудно загубивший открывшиеся перед ним блестящие

возможности, и тот не был так возвеличен и специально приукрашен, чтобы вызвать восхищение у несведущего и некритичного читателя. Есть такой тип ученого, который, опираясь на самые двусмысленные факты или ни на что не опираясь вовсе, просто сидит и выдумывает задним числом самые невероятные замыслы переустройства мира для личностей, сумевших так или иначе выделиться на фоне истории.

Нам говорят, что Александр планировал покорение Карфагена и Рима и полное покорение Индии и что только его преждевременная смерть стала на пути этих замыслов.

Что нам доподлинно известно, так это то, что он завоевал Персидскую империю и не смог продвинуться дальше ее пределов, а также что он успел допить до смерти за то время, пока якобы составлялись эти обширные и величественные планы. Так и Юлию Цезарю приписывают планы последовательного завоевания и цивилизации всей Европы, вплоть до берегов Балтики и Днепра. Он хотел пройти в Германию, пишет Плутарх, через Парфию и Скифию, вдоль северных берегов Каспийского и Черного морей. Как говорят, если бы этот замысел осуществился, это спасло бы Римскую империю от постигшей ее в конце концов гибели.

Однако как совместить с этим мудрым и величественным замыслом тот факт, что, находясь в зените славы и власти, Цезарь — лысеющий, уже немолодой человек, давно оставивший позади горячие порывы юности, проводил лучшую часть года в Египте, в пирах и любовных утехах с египетской царицей Клеопатрой (69—30 до н. э.)?! А впоследствии он привез ее с собой в Рим, где ее влияние на Цезаря стало причиной острого недовольства народа. Подобная связь выдает в нем скорее стареющего сластолюбца и чувственника — к моменту начала их отношений ему было сорок пять, — чем

вдохновителя великих свершений.

В пользу представлений о Цезаре как о сверхчеловеке говорит бюст из Неаполитанского музея. Это лицо, с тонкими и интеллектуальными чертами, отличается своим благородством, и мы можем прибавить к этому рассказы о том, что голова Цезаря, даже при рождении, была необычайно большой, красивой формы. Но у нас нет по-настоящему удовлетворительных свидетельств того, что этот бюст и в самом деле изображает Цезаря, и очень непросто соотнести отстраненную сдержанность этого лица с той репутацией, которую Цезарь снискал

своей импульсивностью и приступами неконтролируемой жестокости. К тому же и другие бюсты, на которых представлено совершенно другое лицо, с определенной долей вероятности приписываются Юлию Цезарю.

Можно не сомневаться в том, что он был распущенным и расточительным молодым человеком. В пользу этого свидетельствует нагромождение скандалов вокруг его недолгого пребывания в Вифинии, куда он бежал от Суллы. Цезарь был сообщником подлеца Клодия и заговорщика Катилины.[\[35\]](#) Ничто в его политической карьере не дает оснований предполагать, что у него

была какая-то цель, более высокая или отдаленная, чем собственное продвижение к власти, которая сулила личную славу и безнаказанность.

Мы даже не будем пытаться здесь рассказать обо всех ухищрениях, на которые он шел на протяжении своей политической карьеры. Несмотря на то что он происходил из старой патрицианской фамилии, Цезарь вошел в политику как любимчик простонародья. Он тратил огромные суммы на устройство пышных празднеств, не жалея средств, и наделал множество значительных долгов. Цезарь выступал против начинаний,

связанных с именем Суллы, и всегда с почтением относился к памяти Мария, который приходился дядей его первой жене. Какое-то время он выступал в союзе с Помпеем и Крассом (так называемый Первый триумвират), но после смерти Красса последовал разрыв между ним и Помпеем.

В 49 году до н. э. он и Помпеи со своими легионами, Цезарь с запада, а Помпеи с востока, вступили в открытую борьбу за власть в Римском государстве. Цезарь первым нарушил закон, переведя свои легионы через реку Рубикон, который был границей между территорией, находившейся под его

управлением, и собственно Италией. В сражении при Фарсале в Фессалии (48 г. до н. э.) Помпеи потерпел полное поражение и был убит, пытаясь найти пристанище в Египте, оставив Цезаря единоличным хозяином римского мира — еще большим, чем был Сулла.

Его объявили диктатором на десять лет в 46 г. до н. э., а в начале 45 г. до н. э. он был назначен пожизненным диктатором. Это уже была монархия, если и не наследственная, то уже, по крайней мере выборная пожизненная монархия. И это была небывалая возможность послужить человечеству. По духу и по характеру

того, как он использовал эту диктаторскую власть на протяжении четырех лет, мы вполне можем судить, что за человек был Цезарь. Он осуществил определенную перестройку местной власти и, по-видимому, планировал восстановление двух уничтоженных римлянами морских портов, Карфагена и Коринфа. Совершенно очевидно, это было насущной потребностью тех дней: с их разрушением пришла в упадок морская жизнь в Средиземноморье.

Но еще более очевидным было то влияние, которое оказывали на его разум Клеопатра и Египет. Как и Александр перед ним, Цезарь не

устоял перед традицией царя-бога, и в этом, несомненно, не последнюю роль сыграло низкопоклонство очаровательной наследственной «богини» Клеопатры. Перед нами — тот же конфликт, на той же почве притязаний на божественность, теперь между Цезарем и его личными друзьями, который мы уже отмечали в случае с Александром. Пока это касалось эллинизированного Востока, в оказании божественных почестей не было ничего из ряда вон выходящего, но все еще сохранявшийся в Риме арийский дух продолжал испытывать к ним отвращение.

Марк Антоний (82–30 до н. э.),

его правая рука в сражении при Фарсале, был первым среди его льстецов.

Плутарх описывает сцену, произошедшую на играх при стечении народа, когда Антоний силой пытался возложить корону на Цезаря, а тот с напускной скромностью перед открытым неудовольствием со стороны народа отверг ее. Но он принял скипетр и трон, которые были традиционными символами древних царей Рима. Его изображение вносили во время торжественного шествия-помпы на арену вместе с прочими богами, а в одном из храмов поставили его статую с надписью «Непобедимому

богу». Для ритуальных почестей божественному Цезарю были даже назначены жрецы. Это скорее говорит не о великом уме, а о мании величия посредственности.

Все, что нам известно об усилиях Цезаря способствовать этой пародии на собственный государственный культ, — это глупые и постыдные потуги на личное обожествление. Они никак не увязываются с представлениями о Юлии Цезаре как о мудром, невиданном прежде сверхчеловеке, призвание которого — навести порядок в этом беспомощном мире.

В конечном итоге (44 г. до н. э.) он был убит своими же друзьями и

последователями, которым стали нестерпимы эти притязания на божественность. Ему преградили дорогу, когда он направлялся в сенат, и, получив двадцать три кинжальные раны, Цезарь умер — у подножия статуи Помпея Великого, своего поверженного соперника.

Это событие говорит также о полной деморализации верховного властного органа Рима. Брут (85—42 до н. э.), предводитель убийц, хотел обратиться к сенаторам, но те, захваченные врасплох всем случившимся, разбежались кто куда. Большую часть дня Рим не знал, как поступить. Убийцы Юлия Цезаря с окровавленным оружием в руках

прошли по улицам замершего в нерешительности города. Никто не выступил против них, и лишь немногие осмелились к ним присоединиться. Затем общественное мнение обратилось против них, толпа штурмовала дома некоторых из заговорщиков, и им пришлось бежать, спасая свою жизнь.

Сам ход событий неотвратимо вел Рим к монархии. Еще тринадцать лет продолжалась борьба претендентов на верховную власть. На этом фоне можно выделить лишь одного человека более широких взглядов, который не руководствовался только

эгоистическими мотивами, — Цицерона (мы упоминали о нем выше).

Он был человеком незнатного происхождения, но его красноречие, сила его слова завоевали ему выдающееся место в сенате. Стил Цицерона несколько страдает склонностью к личным выпадам против оппонента — наследство Демосфена — но, тем не менее, только его благородная и бессильная фигура, призывающая окончательно деградировавший, подлый и трусливый сенат вернуться к высоким идеалам Республики, заметна среди прочих действующих лиц того времени. Речи и письма,

которые оставил нам Цицерон и отличительная черта которых — тщательная проработка стиля и слога, могут показаться интересными и современному читателю.

Цицерону не удалось избежать проскрипций, и он был убит в 43 г. до н. э., спустя год после убийства Юлия Цезаря. Его отрубленные голова и руки были прибиты на римском Форуме. Гай Октавиан (63 до н. э. — 14 н. э.), который позднее одержал полную победу в борьбе за Рим, пытался спасти Цицерона. Это убийство, без сомнения, не на его совести.

Здесь мы не станем распутывать

тот клубок союзов и измен, которые привели в конечном итоге к возвышению Октавиана, внучатого племянника и наследника Юлия Цезаря. Тем не менее судьба всех основных действующих лиц оказалась так или иначе переплетена с судьбой Клеопатры.

После смерти Цезаря она решила покорить Антония, сыграв на его чувствах и тщеславии. Антоний был гораздо моложе Цезаря, и Клеопатра, вероятно, уже была с ним знакома. На какое-то время Октавиан, Антоний и третий персонаж этой истории, Лепид (ок. 90–12 до н. э.), поделили между собой римский мир (так называемый

Второй триумвират), как это сделали Цезарь и Помпей до своего окончательного разрыва. Октавиан взял более суровый запад и принялся за укрепление своей власти. Антоний выбрал более роскошный восток — и Клеопатру. Лепиду тоже бросили кость — африканский Карфаген.

Лепид, по всей видимости, был порядочным человеком, который скорее был занят восстановлением Карфагена, чем личным обогащением или удовлетворением тщеславных прихотей. Антоний же пал жертвой тех древних представлений о божественности царской власти, которые оказались непосильными и для душевного

равновесия Юлия Цезаря. В обществе Клеопатры Антоний предавался любовным утехам, развлечениям и чувственному блаженству, пока Октавиан не решил, что пришло время покончить с этой парочкой египетских божеств.

В 32 г. до н. э. Октавиан принудил сенат отстранить Антония от управления востоком и открыто выступил против него. Исход решающего морского сражения при Акции (31 г. до н. э.) был предрешен неожиданным бегством, в самый разгар сражения, Клеопатры и ее шестидесяти кораблей. Сейчас уже совершенно невозможно понять, чем было вызвано такое решение, то ли

это была заранее обдуманная измена, то ли просто прихоть очаровательной женщины.

Отход ее кораблей поверг флот Антония в замешательство, которое еще более усилилось после того, как сам флотоводец бросился вдогонку за неверной возлюбленной. Даже не поставив в известность своих командиров, Антоний решил догнать Клеопатру на быстроходной галере, оставив своих людей сражаться и умирать за него. Какое-то время они не могли поверить, что Антоний бежал, оставив их на произвол судьбы.

Но сеть Октавиана уже успела накрыть его соперника. Не

исключено, что Октавиан и Клеопатра договорились за спиной Антония, как, возможно, и при Юлии Цезаре египетская царица и Антоний смогли найти общий язык. Теперь Антоний уже разыгрывал трагедию, перемежаемую любовными сценами. Действительно наступил последний акт его маленькой личной драмы. Антоний какое-то время изображал из себя киника, потерявшего веру в человечество, хотя у брошенных им при Акции моряков было больше оснований считать себя обманутыми.

Наконец, они с Клеопатрой дождались того, что Октавиан оказался под стенами Александрии.

Была осада с внезапными вылазками и незначительными успехами, Антоний громогласно вызывал Октавиана решить все личным поединком. Когда же его убедили, что Клеопатра покончила с собой, этот герой-любовник пронзил себя мечом, да так неловко, что смерть пришла к нему не сразу, и он еще успел умереть у нее на глазах (30 г. до н. э.).

Плутарх рассказывает об Антонии, в значительной степени опираясь на свидетельства тех, кто лично знал его. Он характеризует Антония как образцового героя, сравнивая его с полубогом Геркулесом, которого Антоний

объявил своим предком, а также с Бахусом (Дионисом). Мы находим у Плутарха неприглядную, но очень красноречивую сцену: как однажды пьяный Антоний пытался выступить в сенате, и в этот момент с ним случилось одно из самых отвратительных последствий, которыми сопровождается опьянение.

Клеопатра еще какое-то время боролась за жизнь. Наверное, она надеялась, что и Октавиана удастся заразить теми божественными фантазиями, на которые оказались так падки, не без ее помощи, Юлий Цезарь и Антоний. Она имела встречу с Октавианом, явившись на

нее в образе страдающей красавицы, в ничего не скрывавшем наряде. Но когда стало ясно, что Октавиан не собирается изображать из себя полубога, а ее безопасность волнует его лишь настолько, чтобы провести ее в триумфальной процессии по улицам Рима, Клеопатра тоже совершила самоубийство. Ей принесли, обманув римскую охрану, маленькую змею, спрятанную в корзине с фигами, и от ее укуса Клеопатра умерла.

Октавиан, как видится, был почти полностью лишен божественных притязаний Юлия Цезаря и Антония. Он не был ни богом, ни романтическим героем; он

был человеком, при этом гораздо большей широты взглядов и способностей, чем любой другой персонаж этого последнего акта республиканской драмы в Риме. Насколько можно судить, он представлял собой наилучший вариант правителя, который мог появиться в Риме на тот момент. Сорокатрехлетний Октавиан добровольно отказался от тех чрезвычайных полномочий, которыми прежде обладал, и, по его собственным словам, «вернул Республику под власть сената и римского народа». Старая законодательная машина была снова приведена в движение; сенат,

собрания и магистраты возобновили исполнение своих обязанностей, а Октавиана приветствовали как «спасителя государства и защитника свободы».

«Теперь было непросто определить, какое положение ему, действительному хозяину римского мира, придется занять в этой воскресшей Республике. С его отречением, в любом подлинном смысле этого слова, все снова бы вверглось в прежний хаос. Интересы мира и порядка требовали, чтобы он сохранил за собой как минимум значительную часть своих полномочий. И эта цель была в действительности достигнута с

учреждением имперской формы правления, способом, который не имеет параллелей в истории. Говорить о восстановлении монархии не приходилось, и сам Октавиан решительно отказывался от диктаторства. Обошлись также и без создания специально для него нового поста или нового официального титула. Но сенат и народ передали ему в соответствии со старыми конституционными формами определенные полномочия, как и многим гражданам до него, и таким образом Октавиан занял свое место рядом с законно избранными высшими должностными лицами Республики. Но, чтобы подчеркнуть

его превосходство как первого среди прочих, сенат постановил, что он должен принять дополнительное имя — «Август», в то время как в просторечии он с тех пор именовался как принцепс — не более чем уважительный титул, привычный в республиканском обиходе и обозначавший всего лишь общепризнанное первенство и превосходство над своими согражданами.

Идеал, очерченный Цицероном в его речи «О республике» («О государстве»), идеал конституционного правителя свободной республики был, на первый взгляд, воплощен в жизнь. Но

это была только видимость. В действительности особые прерогативы, пожалованные Октавиану, давали ему по существу ту единоличную власть, от которой он якобы отказывался. Между восстановленной Республикой и ее новым принцепсом баланс сил был определенно на стороне последнего». [\[36\]](#)

Так республиканское устройство нашло свое завершение в принципате, или единоличном правлении, и первый великий эксперимент самоуправяемого общества в масштабах, больших, чем племя или город, окончился неудачей.

Основная причина неудачи заключалась в том, что этому обществу не удалось сохранить свое единство. На начальном этапе его граждане — и патриции, и плебеи, подчинялись традиции справедливости, добропорядочности и лояльности закону. Общество придерживалось этой идеи закона и законопослушного гражданина до I в. до н. э. Но с появлением и широким обращением денег, с соблазнами и разрушительным влиянием имперской экспансии, путаницей в избирательных методах эта традиция была подорвана.

При таких условиях у общества не оставалось иного выбора, кроме

хаоса или возвращения к монархии, то есть признания за одной избранной личностью объединяющей государство власти. При таком возврате всегда таилась надежда, что этот монарх, словно по волшебству, перестанет быть простым смертным, будет мыслить и поступать, как нечто более великое и благородное — как государственный муж. И, конечно же, раз за разом монархия оказывалась неспособной оправдать эти ожидания. Мы увидим позднее, как шел этот развал Империи в главе, где пойдет речь о римских императорах. Один из более-менее конструктивных императоров, Константин Великий

(нач. IV в. н. э.), отдавая себе отчет в своем несоответствии роли объединяющей силы, обратился за поддержкой к вере, к системе одного из новых религиозных течений Империи, чтобы дать людям то связующее и объединяющее начало, которого им так явно недоставало.

При цезарях цивилизации Европы и Западной Азии снова вернулись к монархии, и впоследствии немалую роль в этом сыграло и христианство. С помощью монархии европейская цивилизация почти восемнадцать веков стремилась обрести спокойствие, справедливость, счастье и упорядочить свой мир. Затем почти

внезапно она совершила крутой поворот к республике, сначала в одной стране, потом в другой. В этом немалую поддержку оказали новые силы, завоевавшие место в общественной жизни, — книгопечатание, пресса и всеобщее образование, а также объединяющие религиозные идеи, которые наполняли мир на протяжении нескольких поколений.

На практике для императора стало обычным явлением назначать и готовить себе преемника, предоставляя эту честь своему родному или приемному сыну, либо ближайшему родственнику, которому он мог доверять. Власть принцепса

была сама по себе слишком велика, чтобы передать ее в руки одного человека без соответствующего контроля. В дальнейшем она укрепилась традицией обожествления монарха, которая из Египта распространилась по всему эллинизированному Востоку и которая приходила в Рим в голове каждого раба или эмигранта из восточных провинций Империи. Ничего удивительного, что почти незаметно представление о божественном императоре распространилось и на весь романизированный мир.

После этого лишь одно не давало римскому императору забывать, что он тоже смертный, —

армия. Бог-император никогда не чувствовал себя в безопасности на своем Олимпе Палатинского холма в Риме. Он мог быть спокоен за свою жизнь только до тех пор, пока оставался обожаемым предводителем своих легионов. И как следствие только энергичные императоры, державшие свои легионы в постоянном движении и в постоянной связи с собой, правили долго. Меч легионера всегда висел над головой императора, принуждая его к активности. Если же он перекладывал свои обязанности на плечи военачальников, один из них впоследствии занимал его место. Этот стимул можно, пожалуй,

назвать компенсирующим фактором римской имперской системы. В большей по территории, более густонаселенной и безопасной Китайской империи не было такой постоянной потребности в легионах — соответственно не было и скорой расправы с ленивыми, беспутными или инфантильными монархами, которая неизбежно ждала подобных правителей в Риме.

Глава двадцать седьмая

Цезари между морем и великой равниной

**1. Несколько слов о
римских императорах.**

**2. Римская
цивилизация и Рим в
зените своего величия.**

**3. Искусство в эпоху
Империи.**

**4. Ограниченность
воображения римлян.**

**5. Великая равнина
приходит в движение.**

**6. Западная
(собственно Римская)**

империя рушится.

**7. Восточная
(возрожденная
эллинистическая)
империя**

1

Западные авторы в своем патриотическом порыве склонны переоценивать организованность Римской империи эпохи цезарей августов, преувеличивать ее усилия по насаждению цивилизованности римского образца на покоренных территориях. От римской абсолютной монархии берут свое

начало политические традиции Британии, Франции, Испании, Германии, Италии, и для европейских авторов они часто оказываются важнее, чем традиции остального мира. Превознося достижения Рима на Западе, они стараются не замечать того, что он разрушил на Востоке.

Но по меркам мировой истории величие Римской империи не кажется столь непревзойденно высоким. Ее хватило всего на четыре столетия, прежде чем она распалась окончательно. Византийскую империю нельзя считать ее непосредственной продолжательницей, это была, пусть

урезанная, но вернувшаяся к своим истокам эллинистическая империя Александра Великого. Она говорила по-гречески; ее монарх носил римский титул, это так, однако такой же титул был и у болгарского царя. Своим путем после римского периода развивалась и Месопотамия. Ее эллинистические приобретения были дополнены уникальными местными чертами благодаря гению персидского и парфянского народов. В Индии и Китае влияние Рима не ощущалось вовсе.

На протяжении этих четырех столетий Римской империи случалось переживать периоды разделения и полного хаоса. Годы,

когда она процветала, если сложить их, не превышают пары столетий. В сравнении с не агрессивной, но уверенной экспансией ее современницы, Китайской империи, с уровнем ее безопасности и цивилизованности или же в сравнении с Египтом между 4000 и 1000 гг. до н. э. и с Шумером до семитского завоевания — эти столетия покажутся лишь небольшим эпизодом Истории.

Персидская империя Кира, которая простиралась от Геллеспонта до Инда, тоже имела свой высокий стандарт цивилизации, и ее исконные земли оставались непокоренными и процветали

больше чем два столетия. Ей предшествовало Мидийское царство, просуществовавшее полстолетия. После краткого периода, когда персидское государство оказалось под властью Александра Македонского, оно возродилось как Селевкидская империя, история которой также насчитывает несколько столетий. Владения Селевкидов в итоге протянулись к западу от Евфрата до границ Римской империи. Сама же Персия, воскреснув при парфиях как новая Персидская империя, сначала при Аршакидах, а затем при Сасанидах, пережила Римскую империю. Она приняла у себя греческую науку,

когда на нее начались гонения на Западе, и явилась источником новых религиозных идей.

Сасанидам неизменно удавалось переносить военные действия на византийские земли и держать пограничную линию по Евфрату. В 616 г. в царствование Хосрова II персам принадлежали Дамаск, Иерусалим и Египет, они грозили Геллеспонту. Но успехи Сасанидов теперь почти никто не помнит на Западе. Слава Рима благодаря процветанию его наследников оказалась прочнее. И римская традиция представляется теперь более значимой, чем была на самом деле.

История сохранила для нас память о нескольких династиях или фамилиях римских императоров, и некоторые из императоров были великими правителями. Первый, кто открывает последовательность римских императоров, это — цезарь Август, единоличный правитель с 30 г. до н. э., император с 27 г. до н. э. по 14 г. н. э. (Октавиан из предыдущей главы). Он приложил значительные усилия, чтобы реорганизовать управление провинциями и провести финансовую реформу. Ему удалось также заставить чиновничий аппарат хранить прежнюю верность закону и искоренить в провинциях открытые

произвол и коррупцию. При Августе римские граждане из провинций получили право обращаться напрямую к цезарю.

Август закрепил европейские границы Империи по Рейну и Дунаю, оставив варварам Германию, без которой невозможна стабильная и процветающая Европа. Такая же разделительная черта была проведена им и на восток от Евфрата. Армения, сохранив свою независимость, стала с тех пор постоянным яблоком раздора между римлянами и персидскими правителями из династий Аршакидов и Сасанидов. Едва ли он считал, что устанавливает в этих пределах

окончательные границы Империи. Но Августу казалось более своевременным посвятить несколько лет сплочению уже существующих римских владений, прежде чем пытаться дальше расширять их границы.

О Тиберии (14–37 н. э.) также писали как об умелом правителе. Однако он снискал себе на редкость дурную славу в Риме, которую приписывали его грязным и постыдным наклонностям. Но его безнравственность и тяга к жестокости и тирании не мешали Империи процветать. Сложно объективно судить о Тиберии, почти все существующие исторические

источники настроены откровенно враждебно к нему.

Калигула (37–41 н. э.) был сумасшедшим, но это никак не отразилось на общем состоянии Империи, во главе которой он пробыл четыре года. В конце концов его убили собственные приближенные в его же дворце. За этим, по-видимому, последовала попытка восстановить правление сената, попытка, которую быстро подавили преторианцы — легионы личной гвардии цезаря.

Клавдий (41–54 н. э.), дядя Калигулы, на которого пал выбор легионеров, был человеком неуклюжим и странноватым, однако

показал себя как усердный и достаточно способный правитель. При Клавдии западные пределы Империи снова раздвинулись, к ней была присоединена южная часть Британии. Клавдий был отравлен женой Агриппиной, матерью его приемного сына Нерона, женщиной огромного личного очарования и силы характера.

Нерону (54—68 н. э.), как и Тиберию, приписывают чудовищные пороки и жестокости, но Империя уже получила достаточный импульс, чтобы продержаться четырнадцать лет его пребывания у власти. Он определенно убил свою любящую, но слишком неутомонную мать, и свою

жену — последнюю, как знак искренней любви к еще одной женщине, Поппее, которая потом женила его на себе. Впрочем, домашние неурядицы цезарей не являются частью нашего повествования Читателю, жаждущему криминальных подробностей, следует обратиться к классическому источнику: Светонию. [\[37\]](#)

Мы лишь отметим, что все эти цезари, а также женщины из их окружения были, по своей сути, не хуже остальных слабых и подверженных страстям человеческих существ. Но оказавшись в положении живых

богов, сами они не знали настоящей веры. Они не имели широты знаний, которая оправдывала бы их притязания, их женщины, необузданные и зачастую невежественные, не знали запретов закона или обычая. Их окружали личности, готовые потакать самым незначительным прихотям своего властелина, исполнять едва заметные его порывы. Те темные мысли и агрессивные импульсы, которые подспудно живут в каждом из нас, в их случае немедля осуществлялись. Прежде чем кто-то станет обвинять Нерона, как отличное от себя существо, пусть лучше присмотрится к потаенным уголкам

своей души.

Нерон в итоге стал крайне непопулярен в Риме. Интересно отметить, что эта непопулярность была вызвана не тем, что он убил или отравил своих ближайших родственников, но поражениями римских войск в Британии, при подавлении восстания царицы Боудикки (61 г. н. э.) — Немалую роль сыграло также и страшное землетрясение в Южной Италии. Римляне никогда не были особенно религиозны, но зато всегда были крайне суеверны — в этом сказалась этрусская сторона их характера. Они были не против порочного цезаря, но очень недоброжелательны к тому, на

кого указывали дурные
предзнаменования.

В конце концов, взбунтовались
испанские легионы под
предводительством
семидесятиоднолетнего полководца
Гальбы, которого они провозгласили
императором. Гальба пошел на Рим,
причем самого будущего императора
пришлось нести в паланкине. Нерон,
утратив надежду на поддержку,
совершил самоубийство (68 г. н. э.).

Гальба, однако, был лишь один
из числа возможных претендентов на
императорскую власть. У других
полководцев под началом были еще
германские легионы, преторианские
войска и восточные армии, и каждый

старался прибрать власть к своим рукам. В один год Рим увидел четверых императоров — Гальбу, Отону, Вителлия и Веспасиана. Четвертый из них, Веспасиан (69–79 н. э.), командовавший войсками на востоке, оказался наиболее решительным. Он и стал следующим римским императором.

С Нероном прервалась и линия Цезарей, носивших это имя или по рождению, или приемных. С этих пор «цезарь» — уже не фамильное имя римских императоров, но титул, *divus caesar*, божественный цезарь. Монархия сделала еще один шаг к ориентализму, с каждым разом все более настойчиво требуя

божественных почестей верховному правителю. Так завершилась первая фамильная линия цезарей, которые в целом были у власти восемьдесят пять лет.

Веспасиан (69–79), его сыновья Тит (79) и Домициан (81) составляют вторую династию римских императоров, династию Флавиев. Затем, после убийства Домициана, их — сменила линия императоров, связанных друг с другом не узами кровного родства, а преемственными (усыновленные императоры-преемники). Нерва (96) был в ней первым, а Траян (98) — вторым. За ними следовали Антонины: неутомимый Адриан

(117), Антонин Пий (138) и Марк Аврелий (161–180).

При Флавиях и Антонинах границы Империи еще более раздались вширь. В 84 г. была захвачена северная Британия, заполнен треугольник между Рейном и Дунаем, а земли нынешней Румынии превратились в новую провинцию Дакию. Траян также вторгся в Парфию и захватил Армению, Ассирию и Месопотамию. В период его правления Римская империя достигла своих наибольших размеров.

Адриан, преемник Траяна, был человеком по характеру осторожным и склонным скорее сокращать, чем

расширять территории. Он оставил новые завоевания Траяна на востоке, не стал также удерживать и север Британии. На западе Адриану принадлежит первенство в изобретении нового способа ограждать свои владения от варваров (уже давно известного китайцам) — с помощью стены. Но, как оказалось, эта идея хороша, пока давление населения на эту стену с имперской стороны больше, чем снаружи, и совершенно бесполезна в обратном случае. С его именем связана постройка Адрианова вала поперек всей Британии, а также линии укреплений между Дунаем и Рейном. Девятый вал римской экспансии уже

миновал, и преемнику Адриана пришлось побеспокоиться о защите западных границ Империи перед угрозой нашествия тевтонских и славянских племен.

Марк Аврелий Антонин (121–180) — одна из тех фигур в истории, о которых высказывают самые разные, часто противоречивые суждения. Некоторые критики воспринимают его как дотошного педанта, склонного вникать во все мелочи и детали. Он был не прочь исследовать всякие религиозные тонкости, и сам, в одеянии жреца, охотно совершал религиозные обряды, что было совершенно нестерпимо для простонародья. Они

также негодуют по поводу того, что Марк Аврелий якобы оказался не в состоянии сдерживать порочные наклонности своей жены Фаустины.

Его семейные неурядицы, правда, не подтверждены ничем достаточно основательным, но несомненно, что в приличном доме не появилась бы на свет такая слишком «необычная» личность, как его сын Коммод (161–192). С другой стороны, Марк Аврелий, бесспорно, был императором, преданным своему долгу правителя. Он прилагал все силы, чтобы поддерживать в обществе порядок в следовавшие один за другим годы неурожая, наводнений и голода, восстаний,

набегов варваров и в конце его правления — ужасной эпидемии чумы, которая опустошила всю Империю.

В соответствующей статье «Британской энциклопедии» так говорится о Марке Аврелии: «По его собственному мнению, он был слугой всех. Судебные тяжбы граждан, возрождение нравственности общества, забота о подростках, сокращение бюрократических издержек, ограничение гладиаторских игр и зрелищ, забота о состоянии дорог, восстановление сенаторских привилегий, контроль за тем, чтобы в магистраты избирались только

достойные, даже регулирование уличного движения — все эти и бессчетное множество других обязанностей настолько поглощали его внимание, что император, несмотря на слабое здоровье, проводил в трудах весь свой день, с утра до поздней ночи. Его положение, несомненно, требовало присутствия на играх и зрелищах, но и в этих случаях он был занят чтением или читали ему, или же он делал заметки. Марк Аврелий был одним из тех людей, которые убеждены, что ничего нельзя делать поспешно и что мало какие преступления хуже бесполезной траты времени».

Но не его труды на благо Империи сохранили память о нем. Марк Аврелий был одним из величайших представителей стоической философии. Его «Размышления», которые он продолжал писать и в суде, и в походном лагере, вкладывая в свои слова столько человечности, приносят ему с каждым поколением новых почитателей и друзей.

Со смертью Марка Аврелия эта стадия единства и качественного управления подошла к концу. Приход к власти его сына Ком-мода ознаменовал собой начало эпохи волнений. Римская империя внутри своих владений жила в

относительном мире уже два столетия. Но с этого момента начинается период правления бездарных императоров, затянувшийся на целое столетие. В это время границы Империи трещали по швам под натиском варваров.

Только нескольких из них можно считать умелыми правителями — такими были Септимий Север (193–211), Аврелиан (270–275) и Проб (276–282). Септимий Север был карфагенянин, и его сестра так и не смогла овладеть латынью. Она и в Риме в домашнем кругу говорила на пуническом языке, отчего Катон Старший, должно быть, переворачивался в гробу.

Остальные императоры были по большей части авантюристами, слишком незначительными, чтобы выделять кого-то особо. Временами было даже по несколько императоров, правивших в отдельных частях разрываемой внутренними противоречиями Империи. Отметим лишь тот факт, что во время великого нашествия готов в 251 г. потерпел со своим войском поражение и был убит во Фракии император Деций (правил с 249 г.). Император Валериан (правил с 253 г.), а вместе с ним и целый город — Антиохия оказались в руках Сасанидского царя Персии в 260 г. Эти примеры очень показательны в том, насколько

небезопасным стало внутреннее состояние всей римской системы и насколько сильно было внешнее давление на нее. Обратим внимание и на то, что император Клавдий (268–270), «победитель готов», одержал значительную победу над этим народом возле Ниша в современной Сербии (269) и умер, как Перикл, во время эпидемии чумы.

На протяжении этих веков разные эпидемии то и дело прокатывались по ослабевшей Империи. Их роль в ослаблении народов и изменении общественных условий еще предстоит как следует изучить нашим историкам. К

примеру, Великая чума, продолжавшаяся со 164 по 180 г., охватила всю империю во время правления императора Марка Аврелия. Она, вероятно, не в последнюю очередь сказалась на дезорганизации жизни общества и подготовила почву для беспорядков, последовавших за приходом к власти Коммода. I и II вв. н. э. также были отмечены существенными переменами климата, которые стали причиной значительных миграций народов.

Но прежде чем мы перейдем к нашествиям варваров и попыткам некоторых императоров более поздней эпохи, Диоклетиана (284) и

Константина Великого (306–337), выровнять кренившийся корабль Империи, нам следует сказать несколько слов о том, как жилось людям в Римской империи в два века ее процветания.

Читателю, нетерпеливо листающему страницы истории, эти два столетия порядка между 27 г. до н. э. и 180 г. н. э. могут показаться временем утраченных возможностей. Это была скорее эпоха величия, чем эпоха созидания, эпоха архитектуры и торговли, когда богатые богатели, а бедные становились беднее. Упадок все сильнее проявлялся и в мыслях, и в настроениях людей.

Тысячи городов были

обустроены многокилометровыми
акведуками (их величественные
руины и по сей день поражают нас),
соединялись друг с другом
прекрасными дорогами.
Возделанные поля раскидывались
повсюду (ежедневно на эти поля
сгоняли огромные армии рабов).

Многое за эти века изменилось в
лучшую сторону. Со времен Юлия
Цезаря нравы заметно смягчились,
общество стало утонченнее и
изысканнее. Можно даже сказать, что
общество стало более терпимым и
человечным. Это означало, что Рим
поднялся на высокий уровень
цивилизации, который задолго до
него прошли Греция, Вавилон и

Египет.

За время правления Антонинов были приняты законы о защите рабов от крайних проявлений жестокости, их запретили продавать в гладиаторские школы. И не только города строились значительно лучше, заметно шагнуло вперед декоративное искусство — правда, увидеть это можно было только в домах богатых. Грубые и непристойные празднества, травля людей животными на аренах, вульгарные зрелища на потеху городских низов — то, чем отмечены дни подъема римского общества, — уступили место более сдержанным и утонченным.

Стала богаче, красивее и дороже одежда — с далеким Китаем велась обширная торговля шелком. Тутовое дерево и шелкопряд еще не были в те времена завезены на Запад. Шелк под конец своего долгого путешествия по самым разным странам стоил на вес золота, однако торговцы шелком не знали отбоя от покупателей. На Восток в обмен на шелк постоянным потоком текли драгоценные металлы.

Гастрономия и искусство развлечения также не стояли на месте. Петроний (ум. в 66 н. э.) описывает в своем «Сатириконе» один такой пир, устроенный богатым вольноотпущенником, во времена

ранних цезарей. Изысканные блюда, из которых одни отличались вкусом, другие же — способом приготовления или тем, из чего они приготовлены, превосходят все, на что способно даже смелое воображение наших дней. Гостей развлекают танцоры-канатоходцы, жонглеры и музыканты, яства перемежаются декламацией отрывков из Гомера и так далее.

По всей Империи обращала на себя внимание, как мы бы сказали теперь, «культура достатка». Книг было великое множество, значительно больше, чем во времена Юлия Цезаря. Библиотеки стали предметом гордости. Состоятельные

люди охотно хвалились своими библиотеками, даже если им было недосуг в заботах и трудах, которые приходят с богатством, удостоить свои книжные сокровища чего-то большего, чем беглый просмотр. Греческий язык распространялся на запад, а латынь — на восток. Если кто-то из знати, даже в самом отдаленном городке, где-нибудь в Галлии или Британии, чувствовал, что ему не хватает глубокой греческой культуры, на выручку ему спешил ученый раб, высшая степень учености которого была гарантирована работорговцем.

Совершенно невозможно говорить о латинском искусстве и

латинской литературе, как об отдельном явлении. Они во многом являются продолжением более значительной и протяженной во времени греческой культуры. От греческой культуры отпочковалась латинская ветвь. Ствол существовал, прежде чем выросла эта ветвь; продолжал он расти и лишившись этой ветви.

Изначальный импульс латинского ума в литературе, еще до подражания греческим образцам, выразился в форме «сатуры» — сатиры. Сатура походила на современное варьете: грубая брань вперемешку с пантомимой и музыкой. Некое подобие бардов,

«ваты», развлекали латинских
поселян неприятелями,
зачастую непристойными
частушками, разыгрывали
сатирические диалоги. Римляне
знали также торжественные
речитативы, погребальные песни и
религиозные литании.

Сатура в письменном виде
развивалась в виде сборников
рассказов прозаической и
стихотворной формы, и далее — как
более пространные прозаические
произведения. Значительная часть
латинской литературы утрачена,
многое в ней, вероятно, не
показалось средневековым монахам-
переписчикам достойным

сохранения. Но ширилось копирование книг, и читателей становилось все больше, а следом шло и повсеместное распространение прозаической литературы, из которой до наших дней дошло лишь несколько фрагментов.

Римлянам времен поздней республики и начала Империи, несомненно, была хорошо знакома художественная проза. «Сатирикон» Петрония, датируемый временем Нерона, — прекрасный тому пример. Каждый, кто когда-либо писал прозу, не может не отметить той высокой техники, которая отличает это произведение. Сотни подобных книг,

вероятно, продавались и переходили из рук в руки в те дни. И прежде чем сочинение, подобное «Сатирикону», стало возможным, не одно поколение авторов должно было проторить для этого дорогу.

Духу сатуры многим обязаны поэтические сатиры Горация (65–8 до н. э.) и Ювенала (ок. 60–127), развивавшиеся в другом направлении. Подобные сочинения также были хорошо знакомы римским читателям и во множестве представлены в их библиотеках. Начиная с III в. до н. э. и далее, греческое влияние несло с собой в качестве образца греческую комедию, и латинскую комедию

можно назвать скорее латинизацией греческого прообраза, чем оригинальным жанром. Читатель, который захочет сравнить их, может обратиться к произведениям Плавта (ок. 250–184 до н. э.) и Теренция (ок. 195–159 до н. э.), римских авторов комедий.

Латинская литературная традиция в особенности замечательна своим неповторимым прозаическим стилем — выразительным и в то же время простым и ясным. В его становлении не последнюю роль сыграли сочинения Катана Цензора. Сравнивая «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря с Фукидидом,

нельзя не отметить отличающей их широты и доступности изложения.

Престиж греческой образованности классического типа был так же высок в Риме Антонина Пия, как и в Оксфорде и Кембридже викторианской Англии. Греческого ученого встречали с тем же невежественным почтением, сочетавшимся с деловитым пренебрежением.

Греки писали очень много научных исследований, а также критических работ и комментариев. Правда, все так восхищались греческим слогом, что от греческого духа этих научных работ почти не осталось и следа. Научные

наблюдения Аристотеля ценились так высоко, что никто не пытался возродить метод его наблюдений для продолжения дальнейших исследований!

С греческим оратором Демосфеном своими речами состязался в красноречии Цицерон. Катулл (87–54 до н. э.) в своих сердечных излияниях также учился на лучших греческих образцах и следовал им. И раз у греков были свои эпические поэмы, римляне чувствовали, что им нельзя отставать. К тому же сам век Августа был веком величественных подражаний. Превосходно справившись с этой задачей,

Вергилий (70–19 до н. э.) скромно, но решительно поставил свою «Энеиду» в один ряд с «Одиссеей» и «Илиадой». С лучшими элегическими и лирическими поэтами Греции вполне выдерживают сравнение Овидий (43 до н. э. — ок. 18 н. э.) и Гораций.

Одновременно с Золотым веком латинской литературы не прекращался свободный и полноводный поток греческой литературы. И много после того, как импульс латинской литературы исчерпал себя, греческий мир продолжал обильно плодоносить. Без каких-либо значительных перерывов греческая литература влилась в

раннехристианскую. Мы уже рассказывали о блистательных интеллектуальных начинаниях Александрии и упадке сравнительно с прежним величием Афин. Если наука в Александрии впоследствии угасла, ее литература ничуть не уступала римской. В Александрии продолжали усердно переписывать книги, без них был немислим дом любого состоятельного человека.

Продолжали трудиться историки и биографы. Полибий (ок. 200–120 до н. э.) рассказал о завоевании Римом Греции. Свои неподражаемые «Сравнительные жизнеописания» великих людей составил Плутарх. Множество переводов делалось в это

время с латыни на греческий, и наоборот.

Сравнивая два столетия пика возможностей Рима, I и II вв. н. э., с двумя столетиями греческой и эллинистической жизни, начиная с 460 г. до н. э. (со времени Перикла в Афинах), что более всего поражает, так это полное отсутствие науки в Риме. Нелюбознательность богатых римлян и римских правителей была еще более монументальной, чем их архитектура.

Можно было ожидать, что хотя бы в одной области знаний — в географии — римляне окажутся энергичными и предприимчивыми. Их политические интересы

диктовали необходимость постоянно изучать, как обстоят дела за пределами их владений. Но подобных исследований так никогда и не предпринималось. Практически нет литературы, из которой мы бы узнали о римлянах-путешественниках, как нет и наблюдательных, интересных очерков, подобных тем, что оставил Геродот о скифах, африканцах и так далее. В латинской литературе нет ничего, что можно было бы сравнить с описаниями Индии и Сибири, которые мы встречаем в ранней китайской литературе. Римские легионы одно время были в Шотландии, но мы не находим

никакого более-менее обстоятельного повествования о пиктах или бриттах, тем более — попыток узнать, а что же лежит за морями, которые омывают эти земли. Исследования, подобные тем, что предпринимались Ганноном или моряками фараона Нехо, по всей видимости, выходили за пределы римского воображения.

Возможно, это было результатом того, что после разрушения Карфагена почти прекратилось судоходство из Средиземного моря в Атлантику через Гибралтарский пролив. Римлян, по-видимому, не интересовало, что за люди ткнут шелковые ткани, готовят специи или

собирают янтарь и жемчуг, которыми изобилуют их рынки. А ведь все пути для такого исследования были открыты, проторенные тропы вели хоть на край света, лишь бы кто-то из искателей потруился туда забраться.

«Самые отдаленные страны Древнего мира посылали все, что было у них ценного, искушенному в роскоши Риму. Леса Скифии поставляли ценные меха, янтарь везли с берегов Балтики к Дунаю, и варвары только диву давались, сколь велика та цена, которую римляне

были готовы платить за такой бесполезный товар. Неиссякаемым спросом пользовались вавилонские ковры и другие произведения ремесленников Востока. Но самый важный маршрут заморской торговли шел из Аравии и Индии. Каждый год, примерно ко времени летнего солнцестояния, флотилия из ста двадцати кораблей отплывала из Миосформоса, египетского порта на Красном море. Подгадывая ко времени сезонных муссонов, она

пересекала океан примерно за сорок дней. Целью плавания, как правило, был Малабарский берег Индии или остров Цейлон. Там прибытия этих кораблей уже ожидали торговцы из самых отдаленных стран Азии. Возвращение торговой флотилии в Египет обычно приурочивали к декабрьским или январским месяцам. И как только их богатый груз перевозили на верблюдах от Красного моря к Нилу, а затем спускали по реке до

Александрии, он без промедления отправлялся в столицу Империи». [\[38\]](#)

Римские торговые склады постоянно находились в Южной Индии, две когорты были расположены в Кранганоре, на Малабарском берегу, также там был и храм Августа.

Однако Рим удовлетворялся лишь тем, что пировал, взимал дань, богател и развлекался гладиаторскими боями, не предпринимая ни малейших попыток узнать что-либо об Индии, Китае, Персии или Скифии, о Будде или Зороастре, о гуннах, неграх,

обитателях Скандинавии, либо разведать секреты западных морей.

Когда мы осознали, насколько сама атмосфера в обществе не располагала к подобным поискам, становится понятным, почему Риму во времена своего процветания не удалось развить подобие физической или химической науки, то есть добиться практических знаний о природе. Еще сложнее представить, чтобы в этом мире вульгарного богатства, порабощенного знания и бюрократического правления могла дальше развиваться астрономия или философия Александрии. Большинство врачей в Риме были греками, значительное их число было

рабами. Богатые римляне не понимали того, что купленный разум — это испорченный разум. И причина этого безразличия к науке не в том, что у римлян отсутствовала склонность к изучению природы; оно было обусловлено исключительно общественными и экономическими условиями.

Начиная со средних веков и до настоящего времени, Италия дала великое множество выдающихся научных умов. И одним из наиболее замечательных ученых — уроженцев Италии, был Лукреций (ок. 96–55 до н. э.), писавший вдохновенно и пронизательно. Он жил во времена Мария и Юлия Цезаря.

Это был удивительный человек, из той же породы, что и Леонардо да Винчи (тоже итальянец) или Ньютон. Он написал объемистую латинскую поэму «О природе вещей», в которой с поразительной интуицией предугадал строение материи, а также раннюю историю человечества. Осборн^[39] в своем «Древнекаменном веке» охотно цитирует длинные отрывки из Лукреция о первобытном человеке, настолько они хороши и, что интересно, вполне современны. Но это был единичный талант, зерно, которое не дало плода. Римская наука с самого начала была мертворожденной в удушающей

атмосфере богатства и военной агрессии. Подлинное отношение Рима к науке олицетворяет не Лукреций, но тот римский солдат, который во время штурма Сиракуз пронзил мечом Архимеда.

И если физическая и биологическая науки поникли и увяли на каменистой почве римского процветания, политическая и социальная науки вообще не смогли зародиться. Политическая дискуссия представляла собой угрозу для императора, социальные или экономические исследования угрожали интересам богатых.

Поэтому Рим, пока катастрофа не обрушилась на него, так и не

удосужился заняться проверкой своего общественного здоровья, не поинтересовался ценой, которую он платит за свой неуступчивый официоз. Как следствие, никто не осознавал, чем грозит Империи отсутствие духовного единства, способного удержать ее от развала. Никто тем более не потрудился в эти два века воспитать общие представления, которые заставили бы людей работать и сражаться за Империю, — тогда люди отстаивали бы то, что им по-настоящему дорого.

Но правители Римской империи не желали, чтобы их граждане с воодушевлением отстаивали что бы то ни было. Богатые приложили все

силы, чтобы обитатели Империи превратились в покорных и безвольных рабов, и были довольны полученным результатом. Римские легионы сплошь состояли из германцев, бриттов, нумидийцев и так далее. До самого конца богатые римляне продолжали оплачивать наемников-варваров, пребывая в уверенности, что те защитят их от врагов извне и ненадежной бедноты внутри державы.

Как мало было сделано римлянами в образовании, видно из того, что они все же смогли сделать. По словам Г. Стюарта Джонса, «Юлий Цезарь даровал римское гражданство учителям «свободных

наук». Веспасиан обеспечил постоянным доходом греческих и латинских учителей ораторского искусства в Риме. И в дальнейшем императоры, особенно Антонин Пий, расширили эти благотворительные начинания на провинции. Образование не осталось без внимания и местных властей. Из писем Плиния Младшего мы узнаем, что их стараниями и на их пожертвования общественные школы были открыты в городах Северной Италии. Но хотя образованность была широко распространена в эпоху Империи, подлинного интеллектуального процесса на самом деле не было. Август, правда,

собрал вокруг себя самых заметных литераторов своего времени, и дебют новой монархии совпал с Золотым веком римской литературы. Но ему недолго суждено было продлиться. Начало христианской эры увидело триумф классической строгости и первые приметы упадка, которые неотвратимо ожидают те литературные начинания, которые обращены скорее в прошлое, чем в будущее».

Диагноз этого интеллектуального упадка мы находим в «Трактате о возвышенном» одного греческого автора, писавшего, возможно, во II–IV вв. н. э. Вполне возможно, что это был Лонгин

Филолог (III в. н. э.), как считает Гиббон. Одна очевидная примета духовной слабости римского мира указана у него вполне отчетливо.

Прочитируем Гиббона: «Возвышенный Лонгин, уже в более поздний период, при дворе сирийской царицы Зенобии, где еще жив был дух древних Афин, оплакивает вырождение, уже вполне приметное в его современниках. Их чувства стали грубее, они утратили свою отвагу и подавили свои таланты. «Таким же образом, — говорит он, — как некоторые дети остаются карликами, если их детские конечности скованы слишком долго, так и наш слабый ум,

опутанный обычаями и безропотным послушанием, более не способен развиваться или достичь тех величественных пропорций, что так восхищают нас у древних. Им выпало жить, когда правителем был народ, и писать столь же свободно, как и жить».

Но этот критичный взгляд выделяет только один момент из тех, что сдерживали творческую активность римлян. Узда, которая держала энергию Рима в состоянии постоянного инфантилизма — его двойное рабство, как политическое, так и экономическое. Гиббон приводит рассказ о жизни и деятельности Герода Аттика (101—

177), который жил во времена Адриана. По нему можно судить, насколько мала была доля простого гражданина во внешнем величии того времени.

Этот Аттик имел огромное состояние и развлечения ради благодетельствовал разные города огромными архитектурными строениями. Афины получили ипподром и театр, отделанный кедром, с причудливой резьбой — он решил выстроить его в память о своей жене. Театр был построен в Коринфе, Дельфы получили ипподром, Фермопилы — термы, Канузию был дарован акведук, и так далее, и так далее. Невольно

поражаешься этому миру рабов и
простонародья, где, не спрашивая их
и без какого-либо участия с их
стороны, этот богач демонстрировал
свое чувство «вкуса».
Многочисленные надписи в Греции и
Азии по-прежнему сохраняют имя
Герода Аттика, «патрона и
благодетеля», который не оставил без
внимания ни одного уголка Империи,
словно вся Империя была его
имением.

Герод Аттик не ограничивался
только величественными зданиями.
Он был также и философом, хотя до
наших дней не сохранился ни один из
примеров его мудрости. Он выстроил
для себя огромную виллу возле

Афин, и там философы были желанными гостями. Патрон был высокого мнения о них до тех пор, пока им удавалось почтительно выслушивать его рассуждения и не дерзить в ответ.

Мир, совершенно очевидно, не прогрессировал в эти два столетия римского процветания. Но был ли он счастлив в своем застое? Есть безошибочные признаки того, что значительная масса людей, насчитывавшая около ста миллионов, не знала счастья и под видимостью внешнего величия в действительности испытывала жестокие страдания. Правда, в пределах Империи не случалось

значительных войн и завоеваний, большинство населения почти или совсем не знало голода, меча и пожара. Но, с другой стороны, оставались жесточайшие притеснения со стороны чиновников и еще более — со стороны не знавших удержу богачей. Эти притеснения сказывались на свободе каждого. Жизнь великого большинства тех, кто не был богачом или чиновником, либо прихлебателем богача или чиновника, была наполнена изнурительным трудом, монотонной, настолько неинтересной и несвободной, что едва ли современному человеку удастся это

представить.

Три момента стоит отметить особо, подтверждающих, что этот период был периодом массовых страданий. Первый из них — это невероятная апатия населения Империи, безразличие к ее политике. Оно с полным безразличием наблюдало, как один претендент на императорский трон сменял другого. Никто этим не интересовался — люди уже утратили всякую надежду. Когда впоследствии варвары хлынули на просторы Империи, некому было, кроме легионов, противостоять им. Пришельцев не встретили народным восстанием. Повсюду, куда приходили племена варваров, они

были меньшинством. Едва ли бы им удалось совладать с народом, если бы тот оказал сопротивление.

Но люди не стали сопротивляться. Очевидно, большинство римского населения не воспринимало Римскую империю как то, за что стоит сражаться. Для рабов и простонародья приход варваров был связан с ожиданиями большей свободы и меньших унижений, чем те, что доставляли напыщенные имперские чиновники или выматывающий труд на чужом поле. Грабежи и поджоги дворцов, сопровождавшиеся резней их владельцев, едва ли пугали римские низы так, как они ужасали богатых и

образованных людей. Но именно глазами последних мы видим, как происходило крушение римской имперской системы. Огромное множество рабов и простонародья, вероятно, сами присоединялись к варварам, у которых не было расовых или патриотических предрассудков. Скорее, они готовы были принять каждого желающего в свои ряды. Но нет сомнения и в том, что во многих случаях римское население обнаруживало, что варвары приносили еще большие страдания, чем сборщик налогов и работорговец. Это открытие, однако, происходило слишком поздно, чтобы сопротивляться или восстанавливать

старый порядок.

В качестве второго симптома, который также говорит о том, что жизнь была небольшой ценностью для рабов, бедноты и большинства населения в эпоху Антонинов, нужно отметить постоянную депопуляцию, вымирание Империи. Люди отказывались иметь детей. Можно предположить, что они шли на это потому, что их дома больше не служили им безопасным прибежищем, потому что у рабов не было уверенности, что муж с женой не будут разлучены, потому что дети не приносили больше ни гордости, ни оправданных ожиданий. В современных государствах население

увеличивается больше всего за счет рождаемости в деревне, за счет более-менее уверенного в завтрашнем дне крестьянства. Но в Римской империи крестьянин, мелкий землевладелец, был либо вечным должником, либо запутывался в сети ограничений, становясь несвободным крепостным, колоном. Или же его ожидала вполне определенная участь: оставить свое поле, не выдержав конкуренции с массовым рабским трудом.

Третий признак того, что этот период показного процветания был наполнен глубокими страданиями и духовным брожением, можно увидеть в распространении новых

религиозных течений, охвативших всю Империю. Мы уже говорили о том, как в маленькой Иудее целый народ проникся убеждением, что жизнь в целом неправильна, что она не приносит должного удовлетворения и что-то в ней необходимо исправить. Духовные искания иудеев, как мы знаем, сосредоточились вокруг представлений об Обетовании Единого Праведного Бога и пришествии Спасителя, или Мессии.

Несколько иные идеи в это время имели хождение в римском обществе. Это на самом деле были различные варианты ответа на один вопрос: «Что нам нужно сделать,

чтобы спастись?». Неприятие, отвращение к жизни, как она есть, вполне естественно заставляли людей задумываться о посмертной жизни. Возможно, там их ждет награда за все несчастья и несправедливости, которые они претерпели здесь, в этой жизни. Вера в посмертное воздаяние — могучий наркотик, которому по силам снять боль от земных страданий. Религия египтян уже давно была проникнута предчувствием и ожиданием бессмертия. Мы видели, насколько важным было это представление в александрийском культе Сераписа и Исида. Древние мистерии Деметры

и Орфея, мистерии
средиземноморских народов,
возродились в теократии с этими
новыми культами.

Вторым массовым религиозным движением был митраизм, развившийся из зороастризма. Оба они уходят корнями к древнему арийскому прошлому. Истоки зороастризма, в частности, прослеживаются еще во времена единого индоиранского народа — до того, как он разделился на персов и индийцев. Здесь у нас нет возможности разбирать сколько-нибудь подробно митраистские мистерии. [\[40\]](#) Скажем лишь, что Митра был богом света, «Солнцем

Праведности», на алтарях его всегда изображали закалывающим священного быка. В жертвенной крови священного быка было заключено зерно новой жизни.

Култ Митры, вобравший в себя также множество привнесенных элементов, пришел в Римскую империю примерно во времена Помпея Великого и начал очень активно распространяться при Цезарях и Антонинах. Как и религия Исида, он обещал бессмертие. Его последователями были по большей части рабы, солдаты и угнетенные низы общества. В своей обрядовости, в возжигании свечей перед алтарем и т. д., он имел некоторое внешнее

сходство с христианством — третьим великим религиозным движением римского мира.

Христианство также было учением о бессмертии и спасении и также поначалу распространялось главным образом среди униженных и несчастных. Некоторые современные авторы осуждающе называют христианство «религией рабов». И это действительно так. Христианство шло к рабам, ко всем угнетаемым и притесняемым. Христианство смогло дать им надежду и вернуть уважение к себе, так что они, не зная страха, стояли за свою веру, подвергаясь преследованиям и мучениям. Но о происхождении и особенностях

христианства мы подробнее расскажем в следующей главе.

Мы уже говорили о том, что художественная культура Рима была не более чем ответвлением великой греческой культуры. В наследство ей досталось все, чем были богаты Греция, а также Передняя Азия, Вавилон и Египет. Но в определенных направлениях культура Римской империи имеет собственные неповторимые признаки, в первую очередь в архитектуре.

Римская империя стала эпохой в истории, которая отмечена массивностью, простором и огромными размерами построек.

Главным вкладом Рима в архитектуру были цемент и повсеместное использование арок. Где бы ни появлялись римские легионы, приходили цемент и арка. Использование цемента давало возможность сооружать просторные купола и своды, которые затем отделывались мрамором. Перенятый у греков богатый коринфский ордер был изменен и усложнен и использовался в сочетании с аркадами. Аркада — это типично римская архитектурная черта. То же можно сказать и о склонности римских зодчих строить круглые стены зданий и поэтажно располагать арки.

Везде, куда приходили римляне, они оставляли амфитеатры, триумфальные арки, улицы с колоннадами, акведуки и великолепные дворцы. Римляне повсюду прокладывали качественные дороги с крепким покрытием и прекрасные мосты. И в наши дни итальянец — это самый лучший строитель дорог в мире.

Развитие архитектуры Рима не носило такого самобытного и последовательного характера, как в Египте и Греции. Ее ранние усилия следовали традициям, заложенным еще этрусками. Первые дома в Риме строились в основном из дерева, облицованного терракотой.

Постепенно камень вытеснил дерево. Но с наступлением Империи в Рим пришел архитектор-грек, и он не преминул воспользоваться новыми возможностями и новыми материалами, которые были предоставлены ему. Римская архитектура стала результатом не столько развития, сколько рывка. И вырвавшись вперед, она пошла дальше семимильными шагами.

Энергичная скульптура, тоже греческая в своей основе, шла следом за римскими орлами. Общество богатых неизбежно требует и множества портретов. Портретная живопись, а также портретные бюсты и статуи, которые не

перестают восхищать нас своей неповторимой индивидуальностью, достигли своего наивысшего расцвета в период поздней Республики и первых цезарей.

Живопись также не утратила прежней энергии и силы. Помпеи и Геркуланум, погибшие в извержении Везувия, дали возможность современному миру собственными глазами увидеть, каким разнообразным и прекрасным было изобразительное искусство I столетия до н. э. Эти города служили местом отдыха состоятельных, но не самых богатых людей, и изящество предметов повседневного быта, которые они сохранили для нас,

свидетельствует, по каким меркам создавалась более изысканная домашняя утварь, не дошедшая до нашего времени.

В чем ранняя Римская империя затмила все предшествовавшие цивилизации, так это в мозаике. Изделия из стекла римской эпохи также отличались невиданными прежде красотой и мастерством, главным образом в работах греческих и восточных мастеров.

Потрясения и беспорядки, которые начались в Римской империи в конце II в., существенно сказались на задержке художественной продуктивности. Портретная живопись продолжила

развитие, со временем ожила и архитектура. Но после III в. скульптура, отличавшаяся прежде живым натурализмом, под влиянием Востока приобрела более скованные и условные черты.

Римская имперская система была крайне нездоровым политическим образованием. Давайте теперь отметим основные факторы, которые обусловили несостоятельность римской имперской системы.

Ключ ко всем ее просчетам лежит в отсутствии свободной духовной активности и организации, которая способствовала бы накоплению, развитию и

приложению знаний. Рим уважал богатство и презирал науку. Он отдал бразды правления богачам, оставаясь в уверенности, что знающих людей, когда в них возникнет потребность, можно будет купить по сходной цене на невольничьем рынке. Как следствие Империя была потрясающе невежественной и ограниченной. Она не могла предвидеть ровным счетом ничего.

Римская империя была лишена стратегической дальновидности, так как оставалась совершенно несведущей в географии и этнологии. Она ничего не знала о том, как обстоят дела за пределами ее владений в Европе, в Центральной

Азии и на Востоке. Империи было довольно того, что она удерживала свои рубежи по Рейну и Дунаю; она не прикладывала никаких усилий, чтобы романизировать Германию. Но достаточно взглянуть на карту Европы и Азии, на которой показаны границы римских территорий, чтобы убедиться — Германия, как неотъемлемая составляющая, жизненно необходима для безопасности Западной Европы. Исключенная из римских границ, Германия стала тем клином, который только и ждал удара гуннского молотка, чтобы развалить все на части.

Более того, римляне из-за

нежелания продвинуть границы далее на север оставили Балтийское и Северное моря северянам — викингам Скандинавии и фризского побережья. В этом регионе они были вольны оттачивать свое мореходное мастерство и набираться опыта. А Рим упрямо шел своим путем, не желая замечать, как растет новое опасное пиратство на севере.

О непредусмотрительности римлян говорит и то, что они оставили средиземноморские морские пути в неразвитом состоянии. Когда впоследствии варварам удалось пробиться к теплым морям, ни в одной хронике не упоминается, что из Испании,

Африки или Азии для спасения Италии и Адриатического побережья по морю быстро перебрасывались войска. Вместо этого мы видим, что вандалы стали хозяевами Западного Средиземноморья — без единого морского сражения!

У Евфрата римлян остановили подвижные отряды конных лучников. Было ясно, что легион в своем прежнем виде, каким он показал себя в войнах в Италии, Галлии или Греции, неэффективен на широкой, открытой со всех сторон степной равнине. И не нужно особой проницательности, чтобы понять: однажды, рано или поздно, кочевые племена восточной Европы или

Парфии непременно постараются испытать Империю на прочность. Но римляне и спустя двести лет после Цезаря полагались по старинке на свои закованные в броню когорты. Несмотря на всю их выучку, строевые порядки римлян легко окружала, заходя в тыл, и рвала в клочья неуловимая конница кочевников. Империю ничему не научило даже сокрушительное поражение Красса при Каррах.

Поражает также неспособность римского империализма придумать что-либо новое в способах коммуникации и транспорта. Их сила, единство их державы явно зависели от быстроты передвижения

войск и подкреплений из одной части Империи в другую. Республика строила великолепные дороги; Империя ничего не сделала, чтобы улучшить их. За двести лет до Антонинов Герои Александрийский сконструировал первую паровую машину.

Замечательные свидетельства подобных зачатков науки пылились на полках библиотек в богатых особняках по всей Империи. Но гонцы и войска Марка Аврелия все так же медленно тащились по дорогам Империи, как и армии Сципиона Африканского за три столетия до них.

Римские авторы оплакивали нравы своего изнеженного века. Это

была их любимая песня. Они признавали, что свободные обитатели лесов, степей и пустынь были более выносливыми, более отчаянными воинами, чем их сограждане. Но самое простое решение — противопоставить варварам боееспособные войска, набранные из огромных масс городской бедноты, — никогда не приходило им в голову. Вместо этого римляне вербовали в легионы самих варваров, обучали их искусству ведения войны, гоняли их по всей империи — и, наконец, те возвращались с хорошо усвоенными уроками в свое родное племя.

Учитывая эти явные признаки

государственной недалёковидности, не стоит удивляться, что римляне совершенно проглядели куда более тонкую материю — душу своей Империи и не прикладывали никаких усилий, чтобы подготовить или привлечь простой народ для осознанного участия в её жизни. Подобное обучение народа, конечно же, шло вразрез с представлениями богачей и имперских чиновников. Они превратили религию в свое орудие; науку, литературу и образование они перепоручили заботам рабов, которых выращивали, натаскивали и продавали, как собак или лошадей. Невежественные, напыщенные и жестокие,

проходимцы от финансов и собственности — создатели Римской империи распоряжались ею по своему усмотрению, пока семена бури, которые они посеяли, прорастали в самой Империи и за ее пределами.

Ко II–III вв. перегруженная, обремененная чрезмерными налогами имперская машина уже трещала по швам, и ее окончательное крушение было лишь вопросом времени.

Необходимо, говоря о ситуации в Римской империи, взглянуть также на мир за ее северными и восточными пределами, на мир великой равнины, которая почти

безраздельно простиралась от Голландии через Германию и Россию до гор Центральной Азии и Монголии. Мы также уделим внимание еще одной империи, которая развивалась параллельно Римской, — Китайской империи. В этот период она представляла собой гораздо более мощное морально и интеллектуально, более стойкое и единое государство, чем когда-либо знали римляне.

«Обычная практика, — говорит Е. Г. Паркер, — даже среди наших наиболее образованных людей в Европе, пускаться в велеречивые рассуждения о том, что римляне были «повелители мира», «привели

все нации под европейское правление» и так далее, когда в действительности речь идет только об одном уголке Средиземноморья или символических вылазках в Персию и Галлию. Кир и Александр, Дарий и Ксеркс, Цезарь и Помпеи — все они совершали очень интересные походы, но, по большому счету, их нельзя ставить на одну доску с кампаниями, касавшимися значительно большей части человечества, которые происходили на другом краю Азии. То, чего удалось достичь западной цивилизации в области науки и культуры, никогда не интересовало Китай. С другой стороны, китайцы

добились успехов в исторической и критической литературе, в этикете, изысканности одеяний, а также создали административную систему, которой могла бы позавидовать Европа. Одним словом, история Дальнего Востока не менее интересна, чем история Дальнего Запада. Ее только нужно суметь прочесть. Если мы сами презрительно отмахиваемся от тех масштабных событий, которые происходили на Татарской равнине, не стоит осуждать китайцев за то, что они не интересуются тем, что происходило в малозначительных, как им кажется, государствах, которыми были усеяны берега

Средиземного и Каспийского морей. В нашем же понимании это и был практически весь мир, который мы знаем в Европе». [\[41\]](#)

Мы уже упоминали о Ши Хуанди, который сплотил под своей властью империю пусть и значительно меньшую, чем Китай в нынешних его границах, но все же огромную и многолюдную, протянувшуюся от Хуанхэ до Янцзы. Он стал правителем государства Цинь в 246 г. до н. э., императором в 220 г. до н. э. и правил до 210 г. до н. э. За эту треть века он успешно проделал во многом ту же работу по сплочению своих земель, что и Август в Риме два столетия спустя. С

его смертью последовал период династических неурядиц, продолжавшийся четыре года, и затем (206 г. до н. э.) установилась новая династия Хань, правившая на протяжении двухсот двадцати девяти лет.

Первая четверть столетия христианской эры в Китае была отмечена волнениями, вызванными появлением узурпатора. Затем так называемая Поздняя (Младшая) Хань восстановила мир и спокойствие в стране и правила еще два столетия. Во времена Антонинов по всему Китаю прошла опустошительная эпидемия чумы, затянувшаяся на одиннадцать лет, которая ввергла

страну в беспорядки. Эта же эпидемия, как мы отмечали, сыграла не последнюю роль в столетии общественных потрясений, охвативших Западный мир (см. раздел 1). Но пока этого не произошло, более чем четыреста лет Китай жил в целом мирной жизнью и хорошо управлялся. Этот период могущества и процветания, определивший во многом культурные и политические традиции Китая, сложно сопоставить с чем-то подобным в опыте Западного мира.

Только первый из правителей Хань продолжил политику Ши Хуанди, направленную против образованного класса. Его преемник

вернул на их прежнее место классические тексты. Прежняя сепаратистская традиция была уже сломлена, и единство образования, как он видел, могло обеспечить единство Китая. Пока римский мир оставался слеп к необходимости создания единой духовной системы, способной сплотить общество, ханьские императоры были заняты построением всеобщей системы образования и ученых степеней, охватывавших бы весь Китай. Китайскому обществу в итоге удалось сберечь единство и преемственность в этой огромной и все время расширявшейся страны, вплоть до нашего времени.

Бюрократы Рима имели самое разнородное происхождение и традиции; бюрократы Китая были и по-прежнему остаются скроенными по одной общей мерке, порождением одной и той же традиции. Со времен Хань Китай испытал немало превратностей в своей политической судьбе, но никогда не терял свой характер. Его разделяли, и он всегда возвращался к своему единству, его завоевывали, но Китай неизменно поглощал и ассимилировал своих завоевателей.

Возвращаясь к нашей теме, самым важным последствием объединения Китая при Ши Хуан-ди и Ханях стало его ответное

воздействие на неоседлые племена, кочевавшие вдоль северных и западных границ Империи. Все несколько беспокойных столетий до времени Ши Хуан-ди племена хунну, или гуннов, занимали Монголию и обширные районы Северного Китая, беспрепятственно вторгаясь в Китай и вмешиваясь в политику китайских правителей. Обретя новые силы и новое государственное устройство, китайская цивилизация стала в корне менять сложившиеся отношения с кочевниками.

Мы уже упоминали при нашем знакомстве с истоками китайской цивилизации этих гуннов. Необходимо теперь вкратце

рассказать, кто они были и чем жили.

Употребляя слово «гунн», мы вступаем на достаточно зыбкую почву. Когда речь шла о скифах, мы отмечали, что непросто четко различить киммерийцев, сарматов, мидян, персов, парфян, готов и другие, более или менее кочевые и более или менее арийские народы, которые свободно перемещались по великой дуге между Дунаем и Центральной Азией. Пока одни волны ариев двигались на юг, перенимали и развивали цивилизации, другие арийские народы становились более подвижными и приспособленными к

существованию в условиях кочевья.

Они учились жить в условиях походного шатра, повозки и стада, питаться преимущественно молоком и утратили те незначительные земледельческие навыки, даже собирательство, которые у них были. Становлению кочевого уклада в этих краях способствовали и медленные перемены климата, из-за которых болота, леса и лесостепи Южной России и Центральной Азии сменялись степями. Перед кочевыми народами, с одной стороны, открывались бескрайние степные просторы, где можно было пасти огромные стада. С другой стороны, в их жизнь вошла необходимость

постоянной сезонной миграции между зимними и летними пастбищами.

Эти народы имели только самые зачаточные политические формы; они с легкостью разделялись, не менее легко и смешивались. Разные племена имели сходные обычаи и образ жизни — вот почему так сложно, почти невозможно провести между ними четкую разделительную черту.

В случае монголоидных народов на север и северо-восток от Китайской империи все очень похоже на ситуацию с арийскими кочевниками. Можно не сомневаться, что хунну, гунны, и более поздние

народы, которых называли монголами, это во многом один и тот же народ. В дальнейшем от этого кочевого монголоидного населения отделились тюрки и татары. Калмыки и буряты — это еще более поздние ответвления от того же ствола. Поэтому под словом «гунн» мы будем понимать все эти племена, с той же вольностью, с какой мы говорили о «скифах» на Западе.

Сплочение Китая стало серьезной проблемой для этих гуннских народов. Прежде их орды в периоды перенаселения наводняли собой пространства на юге, вливаясь в раздираемый беспорядками Китай, словно вода, которая впитывается

губкой.

Теперь на пути у них была Великая китайская стена; а кроме того — крепкая власть и хорошо обученная армия отрезали их от плодородных равнин. Эта стена сдерживала гуннов, но она не мешала экспансии китайцев. Их население многократно возросло в эти столетия мира. Они заселяли новые пространства, принося с собой, где это позволяла почва, плуг и дом. Они распространились на запад — в Тибет, на север и северо-запад — до границ пустыни Гоби.

Китайцы приходили на земли, занятые кочевьями, пастбищами и охотничьими угодьями гуннов в

точности так же, как белые люди Соединенных Штатов шли на запад, на нетронутые просторы североамериканских индейцев. Несмотря на ответные набеги и нападения кочевников, они были столь же непобедимы. За ними был перевес в численности и сильное, способное постоять за себя государство. И даже без его поддержки земледельческая цивилизация Китая обладала огромной силой проникновения и расширения. Более трех тысяч лет продолжается ее неустанное и постепенное распространение.

Часть гуннов была цивилизована и ассимилирована китайцами. Те

гунны, что обитали севернее, были остановлены, а их избыточная энергия обращена на запад. Южные гунны смешались с основным населением Империи.

Если читатель взглянет на карту Центральной Азии, он увидит, что обширные и труднопреодолимые горные барьеры разделяют южные, западные и восточные азиатские народы. От центрального горного массива, Тибета, отделяются три великие горные системы: Гималаи на юг, Куньлунь на восток и на север, Тянь-Шань на северо-восток, соединяясь с горами Алтая. Дальше на север простирается огромная равнина, которая все еще продолжает

оттаивать и подсыхать. Между Тянь-Шанем и горным массивом Куньлунь находится область реки Тарим, где реки не впадают в море, но заканчиваются в болотах и сообщающихся друг с другом озерах. Бассейн реки Тарим в прошлом был значительно плодороднее, чем сейчас.

Горный барьер на запад от бассейна Тарима труднодоступен, но его нельзя назвать непроходимым. Множество дорог ведут по горным склонам в Среднюю Азию. Туда можно пройти либо вдоль западных предгорий Куньлуня, либо на запад по долине Тарима через Кашгар (где эти дороги сливаются) и дальше —

через горы к Коканду, Самарканду и Бухаре. Эти земли со всей неизбежностью стали местом встречи арийских и монголоидных народов.

Мы уже рассказывали о том, как Александр Великий подошел к одной стороне этого барьера в 329 г. до н. э. Высоко в горах Туркестана одно из озер по-прежнему хранит его имя. Неудивительно, ведь в Центральной Азии почти любую руину готовы приписать «Искандеру», настолько жива память о его походе! После того как эти края на непродолжительное время оказались в самом центре творимой истории, они на какое-то время опять отступили в тень. Когда

же свет истории еще раз загорелся над этим регионом, на первый план выходит уже не западная, но восточная сторона Центральноазиатского горного массива.

Еще дальше на восток Ши Хуанди остановил гуннов и отгородил Китай от них стеной. Какая-то часть этого народа осталась на севере Китая, и этому остатку предстояло слиться в единое целое с китайским народом при Ханях, но значительная их часть повернула на запад.

Родственный гуннам народ — юэчжи — был вытеснен гуннами с восточных на западные окраины Куньлуня и двинулся в III—II вв. до

Н. Э., как выяснилось недавно, впереди гуннов. Перейди горный барьер, они оказались в прежде арийском регионе Запарного Туркестана.

Юэчжи завоевали Бактрийское царство, еще сохранявшее следы эллинизации, и смешались с его арийским населением. Позднее, уже единым народом, так называемые индоскифы прошли через Хайберский перевал и завоевали северные районы Индии вплоть до Бенареса (100–150 гг. н. э.). Этим нашествием были стерты последние остатки влияния греков в Индии.

Этот мощный бросок на запад монголоидных народов был,

вероятно, не первым, когда избыточное население устремлялось в западном направлении. Юэчжи — первые из монголоидных кочевников, кто оставил о себе память в истории. Следом за ними двигались гунны. Гуннов теснила на север мощная китайская династия Хань. В правление величайшего из монархов Хань, У-ди (140—87 гг. до н. э.), гуннов покорили или вытеснили на север, полностью освободив от них весь Восточный Туркестан. Долину реки Тарим теперь обживали многочисленные китайские переселенцы, и на запад пошли торговые караваны с шелком, нефритом, китайскими

лакированными изделиями в обмен на золото и серебро Армении и Рима.

Юэчжи оставили о себе память в истории, но исторические хроники почти ничего не сообщают о том, как шли на запад другие многочисленные гуннские народы. С 200 г. до н. э. по 200 г. н. э. Китайская империя уверенно противостояла кочевым племенам и отвоевывала у них земли. Это вызывало постоянный отток избыточного кочевого населения на запад. Китайцы не стали создавать для себя кордонов — пределов для своей экспансии, как это сделали римляне на Рейне и Дунае.

Столетие за столетием волны

кочевников под китайским натиском устремлялись на юг, поначалу в направлении Бактрии. Парфяне I столетия до н. э., вероятно, сочетали в себе скифский и монгольский элементы. «Поющие стрелы», которые уничтожили армию Красса, в начале появились, по всей видимости, на Алтае и Тянь-Шане.

После I столетия до н. э. линия наибольшего притяжения и наименьшего сопротивления для потока кочевых народов пролегла какое-то время вдоль северного берега Каспия. За столетие или около того вся область, известная как Западный Туркестан, была «монголизирована» и остается такой

по сей день. Второй существенный натиск Китая на кочевников начался около 75 г. н. э. и только ускорил их отток в западном направлении. В 102 г. китайцы отправили из своего передового лагеря лазутчиков на Каспий (или, как говорят некоторые исследователи, к Персидскому заливу), чтобы более подробно узнать об устройстве римского государства. Но, выслушав их сообщения, они решили не следовать дальше.

К 1 в. н. э. кочевые монгольские народы появились и на восточных рубежах Европы. Они уже основательно перемешались с северными кочевниками и с неоседлыми арийскими племенами

Каспийско-Памирского региона. Между Каспийским морем и Уралом к тому времени уже обитали гуннские народы. На запад от них были аланы, вероятно, также монгольский народ с нордическим элементом. Именно аланы сражались с Помпеем, когда тот вошел в Армению в 65 г. до н. э. Пока что эти народы продвинулись западнее других в этом новом наступлении монгольских племен и не предпринимали попыток пробиться дальше на запад до IV столетия. На северо-западе осели финны, родственный монголам народ, который уже давно вышел к самым берегам Балтики.

Западнее гуннов, за Доном, обитали уже собственно нордические племена, готы. Готы распространились на юго-восток из своих исконных земель в Скандинавии. Это был тевтонский народ; на нашей карте, на которой мы отмечаем пути расселения ранних арийских народов, отмечено, как готы пересекли Балтику.

Готы продолжали двигаться на юго-восток по рекам России — в этом им пригодилось умение строить и управлять лодками, полученное на Балтике. Нет сомнения, что они значительно смешивались со скифским населением, пока шли до берегов Черного моря. В I в. н. э. готы

делились на две основные ветви: остготы, или восточные готы, заселили земли между Доном и Днепром; вестготы, или западные готы, осели западнее Днепра. Все первое столетие на великих равнинах царило затишье, но продолжали появляться новые племена, росла их численность. II и III вв., очевидно, были периодом довольно влажным, и кочевники не испытывали недостатка в пастбищах. Далее, в четвертом и пятом веках, климат стал суше, обильные в прошлом пастбища оскудели, и дикая степь снова пришла в движение.

В первое столетие христианской эры Китайская империя была

достаточно сильна, чтобы изгнать со своей территории и отбросить от своих северных рубежей избыток кочевого монгольского населения. Набравшись сил, покорив северную Индию и смешавшись там с арийскими кочевниками, монгольские племена, словно лавина, обрушились на ослабевшую Римскую империю.

Далее нас ожидает рассказ об этом нашествии и о попытках немногих великих людей отсрочить окончательное ее крушение. Но прежде скажем несколько слов о том, что представляли собой и как жили эти варварские монгольские народы, устремившиеся на запад —

от границ Китая к Черному и Балтийскому морям.

В Европе и теперь принято вслед за римскими авторами писать о гуннах и народах, следовавших за ними, как о невероятно жестоких, бесчеловечных варварах. Но те свидетельства, которые оставили нам римляне, нельзя считать беспристрастными. Римлянин мог клеветать на своего недруга с легкостью, которой позавидовал бы современный пропагандист. Он мог говорить о пунийцах, как о воплощении вероломства, и при этом самым отвратительным образом предавать Карфаген. Обвинения того или этого народа в прирожденной

жестокости были прелюдией и оправданием чудовищного избиения, порабощения и грабежа со стороны римлян. У римлян была вполне современной страстью к самооправданию. Вспомним, что эти рассказы о дикости и страшных зверствах гуннов исходили от людей, основным развлечением которых были гладиаторские бои, а единственным ответом всем недовольным и восставшим — медленная и мучительная смерть на кресте. От первых дней и до последних Римская империя уничтожила, должно быть, сотни тысяч людей таким способом. Значительная часть населения

Империи, которая могла бы жаловаться на варварство со стороны нападавших, состояла из рабов, подвластных любым прихотям и желаниям своих владельцев. Следует помнить обо всем этом, прежде чем сокрушаться о том, что Рим заволокли варвары.

Факты же говорят о том, что гуннские народы, по всей видимости, были восточным эквивалентом древних ариев. Несмотря на глубокие расовые и языковые отличия, они легко и успешно смешивались с остатком кочевых и полукочевых арийских народов на север от Дуная и Персии. Вместо того чтобы убивать, они принимали их в свои

ряды и заключали смешанные браки с представителями народов, которых покоряли. Кочевники-монголы обладали качеством, обязательным для всех народов, которым суждено политическое доминирование — толерантной ассимиляцией.

Они позже, чем первобытные арии, начали свое переселение, и их кочевой уклад был более развит, чем у ариев. Кочевник-гунн рос вместе с лошадью. Монгольские племена научились ездить верхом где-то между 1200 и 1000 гг. до н. э. Удила, стремяна, седло — все это далеко не примитивные приспособления, без них не обойтись, если человеку и лошади предстоит многие и многие

дни проводить в пути. Не стоит забывать, как недавно в жизни человека появилась езда верхом. В целом человек провел в седле не более чем три тысячи лет.

Конечно же, эти азиатские народы были совершенно неграмотны и не создали великого искусства. Но не будем спешить с выводом, что это были примитивные варвары, застрявшие на том уровне, который давно оставила позади земледельческая цивилизация. Это не так. Они также развивались, только в другом направлении — более свободными, оставаясь проще духовно и, несомненно, в более близких отношениях с ветром и

небом.

Первые большие нашествия германских племен на Римскую империю начались в III в., вместе с упадком центральной власти. Мы не станем утомлять читателя перечислением спорных названий, отличительных черт и запутанных взаимоотношений различных германских племен. Даже историкам порой стоит больших трудов не путать их друг с другом, тем более что самих германцев не слишком интересовало, отличают их друг от друга или нет.

Нам известно, что в 236 г. народ, который называли франками, прорвал границу на Нижнем Рейне; и

еще один народ, алеманны, заволокли Эльзас. Более серьезный рывок на юг совершили готы. Мы уже отмечали, как этот народ расселился в южной России и их деление по Днепру на западных и восточных готов. Осев на побережьях Черного моря, они вспомнили свои былые навыки мореходов. Не исключено, что путь миграции готов из Швеции в южном направлении пролегал по течению полноводных рек. Даже в наши дни вполне возможно добраться на лодках, за исключением некоторых участков, где лодки нужно тащить волоком, прямо из Балтики через Россию до Черного или Каспийского морей.

Вскоре готы полностью отобрали у Рима господство над восточными морями.

В результате участились пиратские нападения готов на берега Греции. А в 247 г., переправившись через Дунай, огромные полчища готов уже с суши двинулись на Балканы, разгромили римские войска и убили самого императора Деция (251) на территории современной Сербии. Провинция Дакия навсегда исчезла из римской истории. В 269 г. император Клавдий разбил готов возле Ниша в Сербии, но в 276 г. они снова вышли в море и принялись грабить Понт. Вполне характерно для всеобщего безвластия

тех времен, что легионам Галлии удалось совладать с франками и алеманнами, избрав себе отдельного императора Галлии и проделав всю работу самостоятельно.

Затем какое-то время варваров удавалось сдерживать, и в 276 г. император Проб оттеснил франков и алеманнов снова за Рейн. Об общей атмосфере надвигающейся угрозы красноречиво свидетельствует тот факт, что император Аврелиан (270–275) обнес крепостной стеной Рим, который оставался открытым и безопасным городом все ранние годы Империи.

В 321 г. готы снова были за Дунаем, разоряя земли современной

Сербии и Болгарии. Их выгнал Константин Великий, о котором нам еще предстоит говорить в следующей главе. Примерно к концу его правления теснимые готами вандалы, народ близкородственный готам, получил позволение перейти Дунай и занять Паннонию, часть современной Венгрии на запад от Дуная.

К середине IV в. гуннские народы на востоке снова стали агрессивны. Они уже давно покорили аланов и сделали своими данниками остготов, восточных готов. Вестготы, западные готы, последовали примеру вандалов и начали вести переговоры о разрешении перейти через Дунай

на римскую территорию. Были долгие споры, на каких условиях разрешить им переселиться, и разъяренные вестготы пошли в наступление. Возле Адрианополя они разбили войска императора Валента, который был убит в этом сражении. В результате им было позволено поселиться на территории нынешней Болгарии. Армия вестготов формально стала частью римской армии, хотя вестготы сохранили своих вождей, главным из которых был Аларих. Это демонстрирует уже вполне свершившуюся «варваризацию» Римской империи. Готу Алариху с римской стороны противостоял

Стилихон, вандал из Паннонии. Легионами Галлии теперь командовал франк, а император Феодосии I (правил в 379–395 гг.) был испанцем, которого поддерживали войска, набранные из готов.

Империя необратимо распадалась на Восточную, говорившую по-гречески, и Западную, латинскую половины. Феодосию Великому наследовали два его сына, Аркадий в Константинополе и Гонорий в Равенне. Восточный император был марионеткой в руках Алариха, а западный — Стилихона.

Гунны впервые появились в

пределах Империи, как вспомогательные войска, нанятые Стилихоном. В этой борьбе Востока и Запада, под натиском восточных племен на Западную Римскую империю, ее границы продолжали все больше и больше сжиматься. (Если вообще можно говорить о какой-то границе между вольными варварами за ее пределами и нанятыми варварами внутри!) Новые вандалы, снова готы, аланы, свевы свободно проходили на запад, живя за счет грабежа захваченных земель. Среди наступившего всеобщего смятения наконец настал и кульминационный момент для одряхлевшей Империи. Гот Аларих,

беспрепятственно войдя в Италию, после короткой осады захватил Рим (410).

Примерно около 425 г. вандалы (которые до того находились в восточной Германии) и часть аланов (которых мы прежде упоминали как обитателей юго-восточной России) пересекли Галлию и Пиренеи, смешались и осели на юге Испании. Паннония уже была в руках гуннов, а Далмация — готов. Славяне появились и осели в Богемии и Моравии. В Португалии и на север от вандалов в Испании осели вестготы и свевы. Галлию поделили вестготы, франки и бургунды. В Британию вторглись
нижне-германские

племена ютов, англов и саксов; под их натиском британским кельтам с юго-запада острова пришлось бежать за море. Бритты переселились в нынешнюю французскую Бретань. Принято говорить о 449 г., как о начале англо-саксонского вторжения, но вероятно, что оно началось раньше.

В 429 г., поссорившись с имперской властью, вандалы юга Испании под предводительством своего короля Гейзериха (Генсериха) сели на корабли, переправились в Северную Африку и овладели Карфагеном. Обеспечив себе господство на Средиземном море, они затем захватили и разграбили

Рим (455). Вандалы не обошли стороной и Сицилию, основав королевство в западной Сицилии, которое продержалось столетие (вплоть до 534). На момент своего максимального расширения (477), это королевство вандалов вместе с Северной Африкой включало в себя также Корсику, Сардинию и Балеарские острова.

Факты и цифры, которые известны нам об этом королевстве вандалов, очень ясно показывают, какова была подлинная природа варварских вторжений. Перед нами не завоевания того рода, когда победивший народ занимает место другого. Мы имеем дело с чем-то

совершенно иным, с социальной революцией, начавшейся и скрытой под внешней видимостью иноземного вторжения. Весь народ вандалов — мужчины, женщины и дети, которые переправились из Испании в Африку, — численно не превышал восьмидесяти тысяч человек (нам в деталях известно, сколько понадобилось кораблей для этого переселения).

В то время как вандалы все еще были в Африке, у гуннов появился великий вождь Аттіла. На равнинах к востоку от Дуная расположился его стан, откуда он правил своими племенами. На какое-то время в подчинении у Аттілы оказалась

огромная по размерам империя гуннских и германских племен, и его правление простиралось от Рейна до Центральной Азии.

Аттила на равных вел переговоры с китайским императором. Десять лет он помыкал Равенной и Константинополем. Гонория, внучка Феодосия II — одна из тех увлекающихся молодых дам, вокруг которых было столько шума в истории, — оказавшись в заточении из-за своего романа с одним из придворных, отправила свое кольцо Аттиле и призвала вождя гуннов стать ее мужем и освободителем. Напасть на Восточную империю

убеждал Аттилу и вандал Гейзерих, которому пришлось иметь дело с союзом восточного и западного императоров. Аттила отправился походом на юг, дошел до самых стен Константинополя, полностью разрушив по пути, как пишет Гиббон, семьдесят городов, и заставил императора заключить с ним мир на крайне невыгодных для того условиях. Судя по всему, эти условия не включали освобождение Гонории и ее союз с ее избавителем.

Теперь сложно понять после стольких веков, каковы были мотивы этого. Аттила продолжал говорить о ней как о своей обрученной невесте и использовал их отношения как

повод для агрессии на Империю. В последовавших затем переговорах некоему Приску выпало сопровождать константинопольское посольство в лагерь гуннского правителя. Сохранились фрагменты описания этого путешествия, которые оставил Приск; они позволяют нам взглянуть на лагерь и на то, как жил великий завоеватель.

Это посольство было необычно уже по своему составу. Возглавлял его честный дипломат Максим, который совершенно искренне взялся выполнять данное задание. В полной тайне от него и некоторое время от Приска выполнял свое настоящее поручение Вигилий, переводчик

посольства. При дворе Феодосия ему приказали устроить с помощью подкупа убийство Атиллы.

Эта маленькая экспедиция выступила из Ниша. Дунай они пересекли на плоскодонных лодках, вырубленных из цельного ствола дерева. Припасы для экспедиции поступали из деревень, которые лежали у них на пути, и посланники вскоре отметили, насколько отличается обычный рацион местных жителей от привычного. Приск упоминает о меде, который им подносили вместо вина, о просе вместо пшеницы, а также о напитках, которые обитатели этих мест варили из ячменя. По пути

посланникам в знак уважения несколько раз предлагали принять временных жен.

Столица Атилы представляла собой просторный лагерь или поселок, а не город. Только одно здание в нем было из камня — баня, построенная по образцу римской. Основная масса людей привычно устраивалась в хижинах и шатрах. Атила и его приближенные жили в деревянных хоромах, обнесенных частоколом, вместе со своими многочисленными женами и слугами.

Повсюду на всеобщее обозрение были выставлены трофеи, захваченные в походах, но сам Атила

не отступал, как и подобало кочевнику, от простоты. Ел он из деревянных чаш и тарелок и даже не прикасался к хлебу. Он также чуждался праздности, суд вершил на открытом воздухе перед воротами своего дворца и привычно держался в седле.

Обычай собираться на празднества в пиршественном зале, присущий одинаково ариям и монголам, был все еще силен, и эти празднества, по обыкновению, сопровождались неумеренными возлияниями. Приск рассказывает, как барды пели перед Аттилой. Они *«пели песни, сочиненные ими, чтобы прославить его отвагу и его победы»*.

Глубокая тишина стояла в зале, внимание гостей было зачаровано гармонией голосов, в которых оживала память об их подвигах, чтобы сохраниться на долгие века. Воинственный блеск то и дело вспыхивал в глазах соратников предводителя гуннов, которым не терпелось принять участие в новых битвах; слезы на глазах стариков выдавали искреннее сожаление, что те более не могут разделить опасности и славу ратных дел. За этим представлением, которое можно назвать школой воинской доблести, следовал фарс, унижающий достоинство человеческой природы. Поочередно

скифский и мавританский шуты
вызывали громкий смех у зрителей
своими уродливыми телами,
смехотворным одеянием, своими
кривляньями, бессмысленной
болтовней и странным,
невразумительным смешением
латыни, готского и гуннского
языков. Зал то и дело отзывался на
все увиденное взрывами
громогласного хохота. Посреди
этого разнузданного веселья один
Аттила неизменно сохранял мрачное
достоинство, ни разу не выказав
своих чувств».

Хотя Аттила был извещен о
тайном задании Вигилия — ему
признался в этом тот, кому Вигилий

предлагал стать убийцей, — он
позволил посольству
беспрепятственно вернуться,
отправив с ним в Константинополь
дары: множество лошадей и т. д.
Затем он направил своего
посланника к Феодосию II, чтобы
передать императору согласно
преданию следующие слова:
«Феодосии, сын славного и
почитаемого родителя; также и
Аттила принадлежит к благородному
народу. Аттила в своих деяниях не
отступает от достоинства, которое он
унаследовал от своего отца Мунжука.
Но Феодосии запятнал честь своего
отца. Согласившись же платить дань,
низвел себя до положения раба.

Справедливость требует, чтобы он почитал того, кто волею судьбы и благодаря своим достоинствам возвысился над ним, вместо того чтобы, как низкий раб, втайне замышлять недоброе против своего повелителя».

На этот вызов ответом была демонстрация раболепной покорности. Император попросил прощение и откупился от Атилы огромными подношениями.

В 451 г. Атила объявил войну Западной империи и вторгся в Галлию. Пока ему противостояли только имперские войска, он нигде не встретил сопротивления, беспрепятственно захватил и

разграбил большинство городов Франции, продвинувшись на юг вплоть до Орлеана. Затем франки, вестготы и имперские силы объединились против него. Упорная и кровопролитная битва около Труа (451), в которой с обеих сторон было убито свыше 150 тысяч человек, положила конец вторжению и спасла Европу от повелителя монголов. Этот разгром, правда, ни в коей мере не подорвал людских ресурсов Атилы. Он обратил свои взоры на юг и вторгся в северную Италию. Он сжег Аквилею и Падую, разграбил Милан, но согласился на мир, уступив мольбам папы Льва I. Умер Атила в 453 году.

После этого гунны, или те народы, которых так называли в Европе, исчезают из нашей истории. Они растворились среди соседних народов. Вероятно, гунны уже представляли собой смесь различных народов, притом преимущественно арийских, чем монгольских. Примерно через сто лет с востока в Венгрию пришел еще один гуннский или смешанный народ, авары, но их снова прогнал на восток Карл Великий в 791–795 гг. Мадьяры, современные венгры, переселились на запад позднее. Они были тюрко-финским народом. Венгерский язык принадлежит к финно-угорской группе урало-алтайских языков.

Мадьяры жили на Волге в VI в. Они переселились в Венгрию в IX–X вв...

Но мы слишком забегаем вперед в нашей истории, и нам следует возвращаться в Рим.

В 493 г. гот Теодорих стал королем Рима. К тому времени уже семнадцать лет, как не было римского императора. Так, среди полного общественного упадка и разрухи наступил конец рабовладельческого «мирового владычества» римских богачей и божественных цезарей.

Несмотря на то что по всей Западной Европе и Северной Африке римская имперская система лежала в руинах, никто не давал кредитов, не

производил предметов роскоши, а деньги были припрятаны до лучших времен — традиция цезарей продолжалась в Константинополе. У нас уже был случай упомянуть две выдающиеся фигуры среди поздних цезарей, Диоклетиана (284–305) и Константина Великого (306–337). Именно Константину мир обязан тем, что столица Империи была перенесена в Константинополь.

Уже в ранний период Империи сказалось невыгодное положение Рима как ее центра из-за неумения римлян использовать морские пути. Разрушение Карфагена и Коринфа погубило и мореплавание на основных путях Средиземноморья.

Для народа, который не умел пользоваться морем, иметь административным центром Рим означало, что каждый легион, каждый чиновник или правительственный указ должны проехать пол-Италии на север, прежде чем повернуть на восток или на запад. Как следствие почти все более энергичные императоры переносили свою столицу в какой-нибудь из меньших, но более удобно расположенных городов. Сирмий (на реке Сава), Милан, Лион и Никомедия (в Вифинии) были среди таких вспомогательных столиц. Равенна, расположенная на севере Адриатики, стала столицей

последних римских императоров при Аларихе и Стилихоне.

Именно Константин Великий принял решение обосноваться на Босфоре и перенести туда центр имперской власти. Мы уже обращали внимание на существование такого городка, как Византии, — Константин решил сделать его своей новой столицей. Византии сыграл свою роль в истории интригана Гистиея, он также отбросил от своих стен Филиппа Македонского. Если читатель внимательно взглянет на нашу карту, он увидит, что в руках нескольких выдающихся императоров как центр народа, обладающего сплоченностью,

единодушием и еще мореходным талантом (история, увы, не наделила византийцев хотя бы одним из этих качеств), местоположение Константинополя исключительно выгодно. Его галеры могли бы подниматься по течению рек в глубь России и отрезать пути нашествия варваров. Все удобные торговые пути на восток проходили через Константинополь, и при этом он сам был на выгодном расстоянии, чтобы влиять на Месопотамию, Египет, Грецию и все более-менее цивилизованные регионы мира в тот период. И даже при правлении неумелых и бездарных императоров, при дезорганизованных

общественных условиях обломок Римской империи с центром в Константинополе смог продержаться еще почти тысячу лет.

Константин Великий совершенно очевидно намеревался сделать его центром неразделенной Империи. Но, учитывая способы передвижения той эпохи, географические условия Европы и Западной Азии не способствовали существованию единого центра управления. Если Рим был обращен лицом к Западу вместо Востока и поэтому ему не удалось пройти за Евфрат, — Константинополь, в свою очередь, оказался безнадежно далеко от Галлии. Ослабленная

средиземноморская цивилизация, поборовшись какое-то время за Италию, проглядела растущую силу Запада и сосредоточилась лишь на том, что было остатками старой империи Александра Македонского. Греческий язык, остававшийся языком широких народных масс этого региона, вернул себе и прежний государственный статус — который, впрочем, и не был никогда серьезно подорван официальным использованием латыни. Об этой «Восточной» или Византийской империи принято говорить, как о продолжении римской традиции. На деле же это более походило на возобновление традиций империи

Александра.

Латинский язык не имел за собой той интеллектуальной мощи, не имел той литературы и науки, которые бы делали его незаменимым для образованного человека, чтобы таким образом утвердиться в своем превосходстве над греческим. Ни один официальный язык не устоит в соперничестве с языком, который может предложить преимущества великой литературы и энциклопедической информации. Агрессивные языки должны приносить свои плоды, а плоды греческого были несравнимо больше, чем плоды латыни. Восточная империя была с самого момента

разделения грекоязычной и являлась продолжением, пусть и деградировавшим, эллинистической традиции. Ее интеллектуальным центром была теперь не Греция, а Александрия. Ее духовная жизнь больше не была жизнью свободно мысливших и открыто выражавших свои мысли граждан: Аристотеля из Стагир и афинянина Платона. В Восточной империи тон задавали педантичные и политически бессильные люди. Ее философия была высокопарным и бесплодным бегством от реальности, а ее наука оказалась мертворожденной. И все же она была греческой, а не латинской.

Мы видим, как на значительных территориях Западной империи изменилась и продолжала изменяться латинская речь. В Галлии франки учились галльской разновидности латыни и постепенно привыкали говорить на этом языке. В Италии под влиянием германских пришельцев, лангобардов и готов, латынь видоизменилась в различные итальянские диалекты. В Испании и Португалии народная латынь стала испанским и португальским языками. Эта латынь, лежащая в основе языков этих регионов, еще раз напоминает нам, насколько незначительными численно были все эти франки, вандалы, авары, готы и

подобные им германоязычные
пришельцы. Можно смело
утверждать: то, что произошло с
Западной империей, было не столько
завоеванием и вытеснением одних
народов другими, сколько
политической и социальной
революцией.

Латинскую в своей основе речь
сохранили также округ Вале в южной
Швейцарии и кантон Граубюнден
(ретороманский язык).

Что еще более примечательно —
в Дакии и Малой Мезии,
значительная часть которых к северу
от Дуная стала современной
Румынией (то есть Романией), также
сохранилась латинская речь,

несмотря на то, что эти области были поздно присоединены к Империи и рано утрачены.

В Британии латынь была сметена нашествием англов и саксов, их различные диалекты были корнями, из которых впоследствии вырос английский язык.

Но в то время, когда разгром римской общественной и политической структуры был полностью завершен, когда на востоке она была отброшена к более старой и сильной эллинистической традиции, а на западе ее раздробленные фрагменты начинали жить новой, своей собственной жизнью, — единственное, что не

погибло и продолжало расти, — это традиция мировой Империи Рима и верховной власти цезаря. Оторвавшись от реальности, легенда получила полную свободу распространяться по свету. Представление о величественном, умиротворяющем римском владычестве над миром — теперь, когда его нельзя было проверить на практике, — постепенно овладело воображением людей.

Еще со времен Александра мысль человека постоянно возвращалась к идее политического единства всего человечества. Все эти своевольные вожди, предводители и короли варваров, совершавшие

набеги на угасавшую, но все еще обширную империю, знали, что эти пространства объединил некий царь, более могущественный, чем они. Более того, этот великий царь дал единый подлинный закон всем своим народам. Они также были готовы поверить, что однажды наступит время, и такой Цезарь, царь над царями, вернется, чтобы восстановить свое прежнее главенство. Титул цезаря они почитали и завидовали ему куда больше, чем своим собственным титулам.

История европейских наций с той поры — это в значительной степени история королей и

авантюристов, выдававших себя за такого цезаря или императора. Мы расскажем о некоторых из них в свое время. Сам же «цезаризм» стал настолько всеобщим понятием, что мировая война 1914–1918 гг. свергла с престола ни больше ни меньше как четырех цезарей — германского и австрийского кайзеров (цезарей), русского царя (снова цезарь) и еще одну совершенно фантастическую фигуру — болгарского царя. Французского «императора» Наполеона III свергли раньше, в 1871 году.

Книга шестая

Христианство и

ислам

Глава двадцать восьмая

Возникновение

христианства и падение

Западной Римской

империи

**1. Иудея на рубеже
христианской эры.**

**2. Учение Иисуса из
Назарета.**

**3. Новые
универсальные религии.**

4. Распятие Иисуса.

**5. Доктрины,
прибавленные к учению
Иисуса.**

**6. Преследования
христиан.**

**7. Константин
Великий.**

**8. Христианство
становится официальной
религией.**

**9. Как выглядела
Европа к 500 г.**

**10. Христианство —
хранитель знаний.**

**11. Византийское
искусство**

христианстве, которое с этого момента начинает играть важную роль в нашей истории и которое открыло людям глаза на новые возможности общечеловеческого единства, нам следует вернуться назад на несколько столетий и рассказать о том, как обстояли дела в Палестине и Сирии — странах, где эта религия возникла и сделала первые шаги. Это поможет нам понять характерные особенности христианства.

Мы уже обсуждали основные факты, касающиеся истоков еврейской нации и ее традиций, еврейской диаспоры, говорили об изначально неоднородном

происхождении евреев и о том, как у них постепенно складывалось представление о едином справедливом Боге, правящем землей, который связан с еврейским народом особым обещанием сохранить и прославить его. Это представление, закрепленное в иудаизме, является любопытным сочетанием широты теологических воззрений и ревностного этнического патриотизма. Иудеи ждали своего особенного спасителя, Мессию, который должен был спасти человечество, восстановив легендарную славу Давида и Соломона и поставив, в конечном итоге, весь мир — для его же блага

— под уверенный контроль еврейского народа.

С уменьшением политического веса семитских народов после того, как Карфаген ушел в небытие вслед за Тиром, а Испания стала римской провинцией, эта мечта только росла и крепла. Можно не сомневаться, что финикийцы, рассеянные по Испании, Африке и всему Средиземноморью, говорившие на языке, близкородственном еврейскому, лишившись своих исконных политических прав, стали прозелитами иудаизма. Во времена Мухаммеда были арабские племена, принявшие иудейскую веру, а в IX в. н. э. в южной России жил тюркский

народ — хазары, которые также исповедовали преимущественно иудаизм.

Иудаизм — это возрождение политического идеала многих рассеянных, утративших государственность народов, преимущественно семитских. Именно к финикийцам, а также к вавилонским арамеям, влившимся в состав еврейского народа, восходят финансовые и торговые традиции евреев. В результате этих слияний и ассимиляции — повсеместно по городам Римской империи и далеко за ее пределами на восток — торговали и процветали еврейские общины, сохраняя тесную связь друг

с другом благодаря одной Библии и единой религиозной и образовательной организации. Основная часть еврейского народа никогда не была в Иудее и не из Иудеи родом.

Эта взаимосвязь между иудейскими общинами давала им огромные финансовые и политические преимущества. Они могли накапливать ресурсы, могли мобилизовать, если понадобится, своих соплеменников, могли их и утихомирить. Они никогда не отличались такой многочисленностью или цивилизованностью, как греки, расселившиеся по всему античному

миру, но зато им была присуща солидарность и сплоченность одноплеменников и единоверцев. Грек враждовал с греком, еврей всегда был готов помочь еврею. Куда бы ни направлялся еврей, он везде встречал людей одной с ним веры и традиции. Он мог рассчитывать на кров, стол, денежную поддержку или защиту в суде. И правители повсюду перед лицом этой солидарности были вынуждены считаться с этим народом, как с источником поддержки и кредита либо как источником неприятностей. Именно поэтому евреи сохранились как отдельный народ, в то время как эллинизм, не делая различий, нес

свет всему человечеству.

Мы не можем детально пересказывать здесь историю той небольшой части еврейства, которая продолжала жить в Иудее. Эти иудеи вернулись к своей прежней беспокойной жизни, пытаясь обрести мир на перекрестке больших дорог. В древние времена они были между Сирией и Ассирией на севере и Египтом на юге. Теперь на севере у них были Селевкиды и Птолемеи на юге. Когда же ушли Селевкиды, вместо них пришли римские легионы. Независимость Иудеи всегда была чем-то относительным и даже спорным.

В «Иудейских древностях» и

«Иудейской войне» Иосифа Флавия (37 — ок. 100 н. э.), писателя скучного, многословного и раздражающе патристического, читатель откроет для себя в деталях последовательность смены их правителей, первосвященников, а также узнает о Маккавеях, Иродах и так далее. Они по большей части были правителями восточного типа, коварными, лживыми, запятнанными кровью. Иерусалим трижды брали за этот период и дважды — разрушали храм. Именно благодаря поддержке несравнимо более могущественной диаспоры это маленькое государство не оказалось полностью стерто с лица земли. Лишь в 70 г. н. э. Тит,

приемный сын и наследник императора Веспасиана, после длительной и упорной осады взял Иерусалим и разрушил и город, и храм. Он сделал это, пытаясь уничтожить еврейство, но в действительности только сделал его сильнее, лишив единственного уязвимого места.

В продолжение всех пяти столетий войн и гражданских волнений, прошедших от возвращения евреев из Вавилонского пленения и до разрушения Иерусалима, евреи упорно сохраняли свои уникальные черты. Еврей твердо оставался монотеистом, не желая знать других богов, кроме

одного истинного Бога. В Риме, как и в Иерусалиме, он мужественно выступал против поклонения кому-либо из божественных цезарей. И как только мог, продолжал беречь свой завет со своим Богом. Никакое рукотворное изображение нельзя было вносить в Иерусалим — даже римские штандарты с орлами приходилось оставлять за его стенами.

Иудейская идеология за эти пять веков породила два расходящихся течения. Крайней религиозностью и нетерпимостью ко всему чужому отличались, если можно так выразиться, «праворадикальные» фарисеи. Их крайняя

ортодоксальность выражалась в придиричивом соблюдении мельчайших деталей закона, воинствующем патриотизме и национальной исключительности. Иерусалим однажды (170 г. до н. э.) оказался в руках Селевкидского правителя Антиоха IV потому, что евреи не стали защищать его в день субботы, когда запрещена всякая работа. По той причине, что иудеи не предприняли попытки в субботу разрушить осадный вал, Иерусалим смог взять Помпеи Великий.

Этим ограничительным тенденциям противопоставляло себя другое, «левое» течение в иудаизме, открытое эллинистическому

влиянию, среди которого наиболее заметными были саддукеи, не верившие в бессмертие души. Эти иудеи с более широкими взглядами были настроены на смешение и ассимиляцию с греками и эллинизированными народами, жившими рядом с ними. Они были готовы принимать прозелитов и тем самым «делиться своим Богом и его обетованием с остальным человечеством. Но что они приобретали в своем великодушии, то они теряли в правоверности. Мы уже отмечали, что эллинизированные иудеи Египта утратили еврейский язык и им пришлось переводить свою Библию

на греческий.

В правление императора Тиберия в Иудее появился великий учитель, который пришел для того, чтобы освободить напряженное осознание праведности и безусловной единственности Бога и нравственного долга человека перед Богом, которые были силой правоверного иудаизма, от примеси алчной национальной исключительности, с которой это осознание парадоксально смешивалось в еврейском разуме. Это был Иисус из Назарета — скорее посеявший зерно христианства, чем основавший христианскую религию.

Почти единственными

источниками, из которых мы можем получить сведения о личности Иисуса, являются четыре Евангелия, которые уже существовали спустя несколько десятилетий после его смерти, а также ссылки на обстоятельства его жизни в посланиях ранних христианских проповедников. Первые три Евангелия — от Матфея, Марка и Луки — многие ученые считают происходящими от более ранних документов. Евангелие св. Иоанна намного самобытнее, оно имеет сильную теологическую окраску эллинистического типа. Библейская критика склонна расценивать Евангелие св. Марка как самое

достоверное из свидетельств о личности и подлинных словах Иисуса. Но все четыре Евангелия единодушно показывают нам одну и ту же определенную личность. Убедительность их изложения может иметь в основе лишь подлинные события; в этом они сходны с ранними повествованиями о жизни Будды. Несмотря на все их чудеса и невероятные домыслы, приходится признать: такой человек действительно был, эту часть истории нельзя было придумать.

Личность Гаутамы Будды теперь почти неразличима, если пытаться разглядеть ее в позолоченных идолах позднего буддизма, в сидящем со

скрещенными ногами изваянии. Возникает чувство, что и энергичный облик Иисуса значительно искажен теми условностями и неправдоподобием, которые неверно понятое благочестие наложило на его образ в современном христианском искусстве. Иисус был учителем-бессребреником, странствовавшим по пустынной, выжженной солнцем Иудее, жившим случайным подаянием; однако его всегда изображают спокойным, аккуратно причесанным, в одежде без единого пятнышка, в положении стоя и с какой-то неподвижностью в нем, словно бы он не ходил, а скользил по воздуху. Этот налет неправдоподобия

отдалил Иисуса от многих, неспособных отделить суть евангельских событий от орнаментальных и не всегда оправданных добавлений неразумных последователей.

Вполне может быть, что начальные части Евангелий также являются прибавлениями подобного рода. Чудесные обстоятельства, предшествовавшие рождению Иисуса, яркая звезда, указавшая путь мудрецам с востока, которые пришли поклониться ему в его колыбели, избиение по приказу Ирода младенцев мужского пола в Вифлееме, как следствие этих предзнаменований, бегство в

Египет, — многие авторитеты относят все это к подобным домыслам. Они ничего не дают для понимания учения, но отнимают у него значительную часть силы и воздействия, которые оно обретает, как только мы освобождаем его от этих добавок. Таковы и противоречивые генеалогии, приводимые Матфеем и Лукой, в которых делается попытка вывести род Иосифа, отца Иисуса, напрямую от царя Давида, словно это может прибавить чести Иисусу или кому-нибудь другому — иметь своим предком такого человека. Включение этих генеалогий тем более странно и бессмысленно, что согласно

Евангелиям Иисус вовсе и не сын Иосифа, а был чудесным образом зачат от Святого Духа.

Если мы отбросим все эти усложняющие прибавки, перед нами предстает личность вполне человеческая — искренняя и страстная, склонная к порывам гнева, пришедшая с новым, простым и глубоким учением: с вестью о любящем Боге Отце и пришествии Царства Небесного. Это был человек, обладавший исключительным личным обаянием. Иисус притягивал последователей и наполнял их души любовью и смелостью. Слабые и робкие воодушевлялись и исцелялись в его присутствии. Но сам он,

вероятно, не отличался крепостью сложения — судя по тому, как быстро принесли ему смерть крестные муки. По преданию, он потерял сознание, когда ему пришлось, как было заведено, нести свой крест на лобное место. Когда Иисус начал учить, ему было около тридцати лет. Три года он ходил по стране, проповедуя свое учение, а затем пришел в Иерусалим и был обвинен в том, что пытается установить в Иудее какое-то неслыханное царство. По этому обвинению он был приговорен к смерти и распят вместе с двумя разбойниками. Задолго до того, как умерли эти двое, закончились и его страдания.

Теперь это очевидно, что Евангелия лишь с очень большой оговоркой подтверждают основную часть богословских суждений, которые составляют доктрину христианства. Читатель сам может убедиться в том, что в этих книгах не содержится явного утверждения некоторых доктрин, которые христианские проповедники всех конфессий считают отправной точкой для спасения. В Евангелиях они могут найти только косвенную и иносказательную поддержку. Кроме нескольких спорных мест, сложно найти в Евангелиях слова, действительно принадлежащие Иисусу, в которых он излагал бы

учение об искуплении и требовал от своих последователей участия в каких-либо ритуалах и жертвоприношениях или иных формах священнического служения.

Мы вскоре увидим, как спустя некоторое время христианство оказалось раздираемо на части спорами о природе Троицы. Но нет достоверных свидетельств, что апостолы Иисуса были знакомы с этой доктриной. Не претендовал Иисус и на то, чтобы называться «Христом», или не считал свою причастность божественной природе тем, чему следует придавать первостепенное значение. Поражает его повеление ученикам (Мф. 16:20):

«Тогда (Иисус) запретил ученикам Своим, чтобы никому не сказывали, что Он есть Иисус Христос». Сложно понять это запрещение, если предположить, что он считал этот факт основополагающим для спасения.

Соблюдение иудейской субботы, перенесенное на воскресенье — митраистский день Солнца, — является важной чертой многих христианских обрядов. Но Иисус намеренно нарушил это правило и сказал, что не человек для субботы, а суббота для человека. Он не сказал ни слова о почитании своей матери Марии в облике Исиды, Царицы Небесной. Многому из того, что

является неперменным атрибутом христианства в поклонении и обряде, он не придавал значения. Некоторые скептически настроенные авторы даже заявляют опрометчиво, что Иисуса вообще нельзя назвать христианином. Чтобы пролить свет на эти бросающиеся в глаза расхождения с его учением, читателю следует обратиться к своим собственным религиозным ориентирам. Здесь мы просто напоминаем про эти неувязки в связи с теми трудностями, которые из них вытекают, но нам незачем подробно распространяться об этом.

Совершенно очевидна первостепенная значимость, которую

Иисус придавал учению о том, что он называл Царством Небесным, и его сравнительная незначительность в обряде и доктрине большинства христианских церквей.

Это учение о Царстве Небесном, которое было основным для Иисуса и которому отведена столь малая роль в христианских верованиях, — безусловно, одно из наиболее революционных учений, которые когда-либо затрагивали и изменяли человеческое сознание. Неудивительно, что мир в то время оказался не в состоянии раскрыть подлинное его значение и в испуге отшатнулся от него, почувствовав в нем небывалый вызов устоявшимся

обычаям и институтам человечества. И стоит ли удивляться тому, что ученики и новообращенные, будучи не в силах побороть этот страх перед новым, вернулись впоследствии к знакомым представлениям о храме и алтаре, жреце и магии, свирепом божестве и жертвоприношении и продолжили жить по старинке, ненавистью и выгодой, соперничеством и гордыней. Ибо учение о Царстве Небесном в том виде, в каком его преподавал Иисус, было не более и не менее, как решительным и бескомпромиссным приказом полностью изменить и очистить жизнь нашего борющегося рода, очиститься снаружи и изнутри.

Чтобы познакомиться с тем, что сохранилось от этого мощного учения, читателю следует обратиться к Евангелиям; здесь же мы сосредоточимся лишь на том потрясении, которое вызвало это учение в мире устоявшихся идей.

Иудеи были убеждены, что Бог, единый Бог всего мира, был праведным, но они видели в нем также торговца, заключившего с их праотцом Авраамом сделку — и очень выгодную для них сделку — о том, что он в конечном итоге приведет их к мировому господству. Какое разочарование и злобу вызывали, должно быть, у них слова Иисуса, отвергающие то, что

казалось им гарантированным. Бог, учил он, не торгуется, и не будет ни избранного народа, ни любимцев в Царстве Небесном. Бог — это любящий отец для всех живущих, и он так же не оказывает никому предпочтения, как не делает этого солнце, одинаково сияющее всем. И все люди братья — будь то грешники или возлюбленные сыновья — для этого божественного отца. В притче о милосердном самаритянине Иисус обличил природную склонность каждого из нас превозносить свой народ и преуменьшать праведность другой веры и другой расы. Своей притчей о работниках он отверг самовольные притязания евреев на

обладание неким исключительным правом на Бога. Со всеми, кого Бог принимает в свое царство, учил Иисус, он обращается равно, потому что его щедрость не знает границ. Но с каждого из нас, как следует из притч о зарытом таланте и о двух лептах вдовы, он спросит сполна. В Царстве Небесном не знают привилегий, не дают отсрочек и не принимают оправданий.

Но не только ревностный племенной патриотизм иудеев был задет словами Иисуса. Они не менее рьяно охраняли и семейные традиции, а Иисус учил, что все косные запреты патриархальной семьи будут сметены великим

потоком божественной любви. Все Небесное Царство должно стать единой семьей своих последователей. Мы читаем (Мф. 12:46–50):

«Когда же Он еще говорил к народу, Мать и братья Его стояли вне дома, желая говорить с Ним.

И некто сказал Ему: вот, Мать Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою.

Он же сказал в ответ говорившему: «Кто Мать Моя? И кто братья Мои?

И, указав рукою Своею

на учеников Своих, сказал:
Вот мать Моя и братья
Мои;

Ибо кто будет
исполнять волю Отца
Моего Небесного, тот Мне
брат, сестра и мать».

Иисус нанес удар не только по патриотизму и семейным связям во имя братства всех людей в Боге. Совершенно очевидно, что его учение отвергало и все хитросплетения экономической системы, всякое частное богатство и личную выгоду. Все люди принадлежат Царству, все их имущество принадлежит Царству;

единственно возможная праведная жизнь для всех людей — это служение божьей воле всем телом и всей душой. Снова и снова он разоблачает стремление копить богатство, отгораживаться от жизни в своем маленьком мирке.

«Когда выходил Он в путь, подбежал некто, пал пред Ним на колени и спросил Его: Учитель благий! Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?

Иисус сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как

только один Бог.

Знаешь заповеди: не
прелюбодействуй, не
убивай, не кради, не
лжесвидетельствуй, не
обижай, почитай отца
своего и мать.

Он же сказал Ему в
ответ: Учитель! Все это
сохранил я от юности
моей.

Иисус, взглянув на
него, полюбил его и сказал
ему: одного тебе недостает:
пойди, все, что имеешь,
продай и раздай нищим, и
будешь иметь сокровище на
небесах; и приходи,

последуй за Мной, взяв крест.

Он же, смутившись от сего слова, отошел с печалью, потому что у него было большое имение.

И, посмотрев вокруг, Иисус говорит ученикам Своим: как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие!..

Удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царствие Божие» (А/к. 10:17–25).

Более того, в его великом

пророчестве о Царстве, в котором все люди должны соединиться в Боге, Иисус был не слишком терпим и к торгашеской праведности формальной религии. Еще одна значительная часть его записанных высказываний направлена против дотошного соблюдения правил набожности.

«Собрались к Нему фарисеи и некоторые из книжников, пришедшие из Иерусалима;

И увидевши некоторых из учеников Его, евших хлеб нечистыми, то есть неумытыми руками,

укоряли.

Ибо фарисеи и все Иудеи, держась предания старцев, не едят, не умывши тщательно рук;

И пришедши с торго, не едят не омывшись. Есть и многое другое, чего они приняли держаться: наблюдать омовение чаш, кружек, котлов и скамей.

Потом спрашивают Его фарисеи и книжники: зачем ученики Твои не поступают по преданию старцев, но неумытыми руками едят хлеб?

Он сказал им в ответ:

хорошо пророчествовал о вас, лицемерах, Исайя, как написано: «люди сии чтут Меня устами, сердце же их далеко отстоит от Меня;

Но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим»;

Ибо вы, оставивши заповедь Божию, держитесь предания человеческого, омовения кружек и чаш, и делаете многое другое, сему подобное.

И сказал им: хорошо ли, что вы отменяете заповедь Божию, чтобы

соблюсти свое предание?»
(Мк. 7:1–9).

Но Иисус призывал не только к нравственной и социальной революции; его учение имело и явный политический аспект. Он действительно говорил, что его царство не от мира сего, что оно в сердцах человеческих, а не на троне. Но не менее ясно и то, что когда это царство будет установлено в сердцах людей, внешний мир революционно преобразится.

Как бы ни искажала его слова слепота и глухота сердец его слушателей, совершенно очевидно, что от них не укрылась его

реши́мость нача́ть револю́цию этого мира. По некоторым из вопросов, которые задавали Иисусу, и по его ответам мы можем предположить, куда склонялась значительная часть его учения, оставшаяся не записанной. Направленность его политических выпадов очевидна, например, в эпизоде с динарием.

«И присылают к Нему некоторых из фарисеев и иродиан, чтобы уловить Его в слове.

Они же пришедши говорят Ему: Учитель! Мы знаем, что Ты справедлив и не заботишься об

угождении кому-либо, ибо
не смотришь ни на какое
лице, но истинно пути
Божью учишь;
позволительно ли давать
подать кесарю, или нет?
Давать ли нам, или не
давать?

Но Он, зная их
лицемерие, сказал им: что
искушаете Меня?
Принесите Мне динарий,
чтобы Мне видеть его.

Они принесли. Тогда
говорит им: чье это
изображение и надпись?
Они сказали Ему:
кесаревы.

Иисус сказал им в ответ: отдавайте кесарю кесарево, а Божие Богу» (Мк. 12:13–17).

Противодействие, которым были встречены его слова, а также обстоятельства его суда и казни ясно показывают, что современники Иисуса воспринимали его учение как открытый призыв — и это действительно было так — изменить, перестроить всю человеческую жизнь. Но даже его ученики не смогли охватить в полной мере глубину и значимость этого призыва. Они были одержимы древней иудейской мечтой о царе, Мессии,

который свергнет эллинизированных Иродов, прогонит римлян и восстановит легендарную славу Давида. Они упустили сущность его учения, хотя она была такой простой и однозначной. Очевидно, они думали, что Иисус просто решил таинственно и оригинально обставить свое восхождение к власти, на иерусалимский престол. Они приняли его за царя, еще одного царя в бесконечной череде царей, с тем лишь отличием, что это был царь-чудотворец, проповедующий невозможные добродетели.

«Тогда подошли к
Нему сыновья Зеведеевы

Иаков и Иоанн и сказали:
Учитель! Мы желаем,
чтобы Ты сделал нам, о чем
попросим.

Он сказал им: что
хотите, чтобы Я сделал
вам?

Они сказали Ему: дай
нам сесть у Тебя, одному по
правую руку, а другому по
левую в славе Твоей.

Но Иисус сказал им:
не знаете, чего просите;
можете ли пить чашу,
которую Я пью, и
креститься крещением,
которым Я крещусь?

Они отвечали: можем.

Иисус же сказал им: чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься;

А дать вам сесть у Меня по правую сторону и по левую — не от Меня зависит, но кому уготовано.

И, услышав, десять начали негодовать на Иакова и Иоанна.

Иисус же, подозревав их, сказал им: вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими;

Но между вами да не
будет так: а кто хочет быть
большим между вами, да
будет вам слугою;

И кто хочет быть
первым между вами, да
будет всем рабом;

Ибо и Сын
Человеческий не для того
пришел, чтобы Ему
служили, но чтобы
послужить и отдать душу
Свою для искупления
многих» (Мк. 10:35–45).

Должно быть, эти слова
порядком остудили рвение тех, кто
ожидал должного вознаграждения за

свои старания и перенесенные тяготы в следовании за ним. Они не могли поверить, что это трудное учение о царстве служения и было величайшей для них наградой. Даже после крестной смерти Иисуса его ученики, пережив первый приступ смятения, смогли убедить себя, что все его деяния вполне соответствуют представлениям старого мира помпезности и привилегий. Придет то время, говорили они себе, когда Иисус воскреснет и установит свой трон в Иерусалиме, теперь уже с нерушимым величием и славой. Они думали, что его жизнь была стратегической игрой, а смерть — одной из ее уловок.

Он был слишком велик для своих учеников. Если вслушаться в его простые и ясные слова, не удивительно, что все те, кто был богат и знатен, с ужасом увидели, как их мир впервые покачнулся от его учения. Возможно, жрецы, правители и богачи поняли его лучше, чем последователи. Иисус обличил все те маленькие личные выгоды, которыми они смогли окружить свое служение обществу, в свете всеобъемлющей религиозной жизни. Он был, словно охотник, выгнавший человечество из берлоги, в которой оно успело удобно устроиться. В ослепительном сиянии его царства не было места собственности или привилегиям,

гордыне или превосходству, не было
иных побуждений и, конечно же, не
было другой награды, кроме любви.
Не удивительно, что ослепленные и
испуганные люди гнали его от себя.
Даже его ученики отворачивались в
испуге, когда он не ограждал их от
этого света. Нет ничего
удивительного в том, что
священнослужители отчетливо
осознали, что между священством и
этим человеком невозможно
сосуществование, что кто-то из них
должен уйти. Нет ничего
удивительного в том, что
потрясенные римские солдаты,
столкнувшись лицом к лицу с чем-то,
превосходящим их понимание,

грозившим всем их представлениям, укрылись за жестоким смехом, увенчали его шипами и, издеваясь, называли цезарем. Ведь принять его всерьез — означало шагнуть в странную и тревожную жизнь, отказаться от привычек, овладеть инстинктами и порывами, чтобы испытать невероятное счастье...

И разве есть что-то удивительное в том, что этот Галилеянин и по сей день слишком велик для наших маленьких сердец?

В подлинном учении Иисуса было многое, что невозможно было принять богачу, жрецу, торговцу, имперскому чиновнику или любому почтенному гражданину без

революционных изменений в своем образе жизни. Но в то же время в этом учении не было ничего, что не принял бы с готовностью последователь фактического учения Гаутамы, что помешало бы первоначальному буддисту стать последователем Иисуса, а также ничего, что удержало бы личного ученика Иисуса принять все, чему учил Будда.

Давайте также обратим внимание на следующий отрывок из сочинений Мо Ди, китайца, жившего примерно в V в. до н. э., когда в Китае преобладали учения Конфуция и Лао-цзы, еще до пришествия буддизма в эту страну. Иначе как

«назарейским» его трудно назвать:

«Взаимная вражда государства с государством, взаимная неприязнь между семьями, один человек грабит другого. Правителю недостает доброжелательности, а министру — преданности. Между отцом и сыном нет больше чуткости и сыновнего долга — это, и подобное этому, губит империю. Порождается все недостатком взаимной любви. Если только одна эта добродетель станет общей для всех, властители, любящие друг друга, не будут знать поля боя, главы семей не будут враждовать, люди не будут заниматься воровством, правители и министры будут великодушны и преданны.

Отцы и сыновья будут едины в отцовской любви и сыновнем долге, братья будут жить в гармонии и с легкостью примиряться. Все люди полюбят друг друга, и тогда сильный не будет преследовать слабого, многие не будут притеснять немногих, богатый не будет принижать бедного, и неискренний — обманывать доверчивого».

Это в высшей степени родственно учению Иисуса из Назарета, только выраженному в политических терминах. Мысли Мо Ди подходят очень близко к Царству Небесному.

Эта идентичность по существу — самый важный исторический

аспект великих мировых религий. Они были в своих истоках совершенно не похожи на культы жреца, алтаря и храма, культы, в которых поклонялись многочисленным, но ограниченным богам и которые сыграли столь существенную роль на ранних стадиях развития человечества до VI в. до н. э. Новые мировые религии, начиная с VI в. до н. э. и далее, были в своей основе религиями сердца, религиями безграничного, открытого всем неба. Они упразднили всех разноликих богов, которые служили многообразным нуждам людей с тех времен, когда страх и надежда заставили сплотиться первые

разрозненные общины. И впоследствии, когда мы перейдем к исламу, мы обнаружим в третий раз, как снова возникает та же фундаментальная идея о необходимости безраздельной преданности всех людей единой Воле. Наученный опытом христианства, Мухаммед не уставал повторять, что сам он всего лишь человек, и тем самым защитил сущность своего учения от искажений и неправильного истолкования.

Мы говорим об этих великих религиях человечества, которые появились в период между персидским завоеванием Вавилона и

гибелью Римской империи, как о соперниках, — но именно их изъяны, их поверхностные и вторичные напластования вызвали это соперничество. Мы должны обращать внимание не на то, как одна из них подавляет другую, и не на новую разновидность, которая вытеснит их обоих, но на истину, которая светится в религиях, если убрать наносное — что сердца всех людей и, следовательно, все жизни и институты народов должны быть подчинены общей Воле, правящей ими.

В 30 г. н. э., когда императором в Риме был Тиберий, а прокуратором Иудеи — Понтий Пилат, незадолго до

праздника Пасхи, Иисус из Назарета прибыл в Иерусалим. Возможно, он оказался здесь впервые. До этого он в основном проповедовал в Галилее и чаще всего в окрестностях города Капернаума. В самом Капернауме он проповедовал в синагоге.

Его вход в Иерусалим стал мирным триумфом. В Галилее к Иисусу стекались огромные толпы народа — временами ему приходилось учить их, стоя в лодке, на водах Галилейского озера, так напирала толпа на берег, — но слава шла впереди него и уже достигла столицы. Великое множество людей вышло из Иерусалима ему навстречу. Совершенно ясно, что они не

понимали направленности его учения и разделяли общее убеждение, что некими чарами своей праведности Иисус ниспровергнет установившийся общественный порядок. Он въехал в город на осленке, которого позаимствовали для него его ученики. Толпа неотступно следовала за ним, ликуя и приветствуя его криками «осанна!», «спасение!».

Иисус с учениками направился к храму. Во дворе храма было тесно от столов менял и клеток, в которых торговцы держали голубей: их покупали и затем отпускали благочестивые посетители храма. Этих торговцев от религии он и его

последователи изгнали и опрокинули их столы. Пожалуй, это был единственный случай, когда Иисус применил силу.

Неделю он проповедовал в Иерусалиме, постоянно находясь в окружении своих последователей, что затрудняло властям его арест. Затем иудейская верхушка собралась, чтобы решить, как разделаться раз и навсегда с этим удивительным пришельцем. Иуда, один из его учеников, видимо, разочарованный этим безрезультатным «взятием» Иерусалима, обратился к иудейскому священству, предложив свой совет и помощь в аресте Иисуса. За эту службу он получил в награду

тридцать серебряных монет.

У первосвященника и иудеев вообще было немало причин опасаться этой бескровной революции, которая все больше распространялась по улицам возбужденного города: например, римляне могли неправильно понять происходящее или воспользоваться этим как предлогом для насилия над всем иудейским народом. Поэтому первосвященник Каиафа, стремясь продемонстрировать свою лояльность римлянам, не стал медлить с судом над безоружным Мессией, а священнослужители и иерусалимские ортодоксы выступили главными обвинителями.

О том, как Иисус был схвачен в Гефсиманском саду, как его судили и приговорили к смерти, как издевались и насмехались над ним римские солдаты, как Иисуса распяли на Кресте, на вершине холма, называемого Голгофой, — обо всем этом с непревзойденным величием рассказывают Евангелия.

Революция завершилась полным провалом. Ученики Иисуса все как один покинули его. Петр, когда на него указали, как на одного из них, сказал в ответ — «я не знаю этого человека». Не таким им виделся финал их великого пришествия в Иерусалим. Свидетелями последних часов Иисуса, его жажды и агонии на

Кресте были только несколько женщин и самых близких друзей. К концу этого мучительно долгого дня покинутый всеми учитель поднял голову и в последнем усилии громко воскликнул: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» — и умер, а эти слова, словно эхо, продолжают звенеть в веках, оставаясь постоянной загадкой для верующих в него.

Души учеников на какое-то время погрузились в беспросветный мрак. Затем заговорили, поначалу осторожно, потом более открыто, что тела Иисуса не нашли в той гробнице, куда его положили, и что сначала один из них, затем другой

видели его живым. Вскоре они уже утешали себя, что он воскрес из мертвых, что он явил себя многим и видимым образом вознесся на небеса. Впоследствии появились и свидетельства тех, кто воочию видел, как Иисус, в своем земном теле, взошел на небо — к Богу. Они уже знали, что наступит время, и он придет еще раз, в величии и славе, чтобы судить все человечество. Недолго осталось ждать, говорили они себе, скоро Иисус вернется к ним. Ожили с новой силой их былые мечтания о скоротечном, земном величии, и как-то само собой позабылось, как он учил мерить все несравнимо большей мерой Царства

Божия, которую он все-таки успел им оставить.

История начала христианства — это история борьбы между подлинным учением и духом Иисуса из Назарета и ограниченностью, преувеличениями и непониманием тех малограмотных людей, которые любили его и последовали за ним из Галилеи и стали теперь носителями и распространителями его послания человечеству. В Евангелиях и Деяниях Апостолов представлено неровное и достаточно фрагментарное изложение событий этого периода, но можно не сомневаться, что в целом — это честное свидетельство о том, что

происходило в те дни.

Назарей, как называли ранних последователей Иисуса, оставались поначалу в полном смятении, не зная, к какому из двух течений примкнуть. С одной стороны, было учение самого Иисуса, с другой — истолкования и добавления его учеников. Назарей какое-то время следовали наставлениям Иисуса о полном самоотречении: у них было общее имущество, они не знали никакой иной зависимости между собой, кроме любви.

И все же они построили свою веру на рассказах о сверхъестественном воскресении Иисуса, его вознесении и обещании

вернуться. Мало кто из них понимал, что изменение своей собственной природы само по себе является наградой, что в этой преображенной природе и заключается Царство Небесное. За их нынешние страдания, считали они, их наградят в грядущем властью и господством во время скорого второго пришествия. Теперь они все уже отождествляли Иисуса с предсказанным Христом, Мессией, которого так долго ждал еврейский народ. Они нашли у еврейских пророков предсказания крестной смерти Мессии — Евангелие от Матфея особенно настойчиво возвращается к этим предсказаниям. Возрожденное этими

надеждами, подкрепленное праведной жизнью многих верующих, учение назареев стало очень быстро распространяться в Иудее и Сирии.

И вскоре появился второй великий учитель, которого многие современные исследователи склонны считать подлинным основателем христианства — Савл из Тарса, или Павел. Савл было его иудейское имя, а Павел — римское. Он был римский гражданин и человек гораздо большей образованности и меньшей духовности, чем был, как это видится, Иисус.

По рождению он, вероятно, был иудей, хотя некоторые еврейские

авторы отрицают это, но несомненно, что учился он у иудейских учителей. Павел также был сведущ и в тонкостях эллинистической теологии, его основным языком был греческий. Некоторые классические филологи считают его греческий неудовлетворительным. Он и в самом деле пользовался не греческим языком Афин, но греческим Александрии; для его стиля характерны свобода и сила. Профессор Гилберт Мюррей называет его греческий «очень хорошим». «На апостола Павла оказал влияние философский жаргон эллинистических школ и стоицизма.

Но его мастерство высокого стиля языка удивительно».

Будущий апостол Павел был религиозным мыслителем и учителем задолго до того, как впервые услышал об Иисусе из Назарета. Из новозаветного повествования мы узнаем, что вначале он был непримиримым критиком, антагонистом и активным гонителем назареев.

Автору этой книги не удалось обнаружить, чтобы где-либо обсуждались возможные религиозные идеи Павла до того, как он стал последователем Иисуса. А ведь они должны были стать отправной точкой, если не

основанием, его новых взглядов. Их фразеология, бесспорно, придала окраску его новым воззрениям. Мы в той же степени ничего не можем сказать и об учении Гамалиила, который упоминается как иудейский учитель, «при ногах» которого воспитывался Павел. Также мы не знаем, какие именно из языческих учений были ему знакомы.

Вполне вероятно, что на взгляды Павла мог оказать влияние митраизм — он пользуется выражениями, удивительно похожими на те, которые были в ходу у приверженцев митраизма. Всякий, кто станет читать его Послания параллельно с Евангелиями, несомненно, заметит,

что его сознание проникнуто идеей, которая вовсе не так заметна в евангельской передаче высказываний и поучений Иисуса, — идеей жертвующей собой личности, которая предлагает себя Богу в искупление греха. Иисус проповедовал новое рождение человеческой души; то, что проповедовал Павел, было старой религией жрецов, алтаря и жертвенного пролития крови. Иисус был для него пасхальным агнцем, человеческой жертвой, незапятнанной и безгрешной, из древней традиции, которая повсеместно встречается в религиях смуглых европейских народов. Павел

так быстро и успешно вошел в ряды назареев, потому что он принес им полностью удовлетворяющее их объяснение катастрофы распятия. Это было блестящее пояснение того, что вызывало прежде крайние затруднения.

Павел никогда не видел Иисуса. Его знание об Иисусе черпалось из пересказов его первых учеников. Вполне очевидно, что он многое принял от духа Иисуса и его учения о новом рождении, но Павел перестроил все это в теологическую систему, очень утонченную и искусную, воздействие которой и по сей день остается по преимуществу лишь интеллектуальным. Веру

назареев, которую он застал как непосредственное учение о цели и способе жизни, он превратил в доктрину о веровании. Он пришел к назареям, которые жили в духе и с надеждой, а оставил их христианами с зачатками вероучения.

Читателю, желающему подробностей, следует обратиться к Деяниям Апостолов и Посланиям св. ап. Павла, повествующим о его миссионерских путешествиях и проповедях. Он был человеком огромной энергии, он обращался со словом веры к слушателям в Иерусалиме, Антиохии, Афинах, Коринфе, Эфесе и Риме. Возможно, он был также и в Испании.

Обстоятельства его смерти доподлинно неизвестны, но, как говорят, он был убит в Риме во времена правления Нерона. Огромный пожар уничтожил значительную часть Рима, и вину за это возложили на новую секту. Несомненно, в той быстроте, с которой распространялось христианское учение, больше всего трудов и заслуг апостола Павла, чем кого-либо другого из ранних христиан.

Не прошло и двух десятилетий со смерти Иисуса на Кресте, как на новую религию были вынуждены обратить свое внимание римские наместники в некоторых

провинциях. Хотя христианство и получило от ап. Павла теологию, оно сохранило многое из той революционности и простоты, которыми отличалось живое учение Иисуса. Христианство стало терпимее к собственности, оно принимало в свои ряды состоятельных приверженцев, уже не настаивая на том, чтобы они роздали все свои богатства, а ап. Павел призывал примириться с институтом рабства («рабы, будьте покорны своим хозяевам»). Но в отношении некоторых фундаментальных установлений римского мира оно оставалось непримиримым. Христианство не признавало

божественности цезарей — даже немой жестом у алтаря христиане не соглашались оказывать божественные почести императору, а ведь для них это было делом жизни или смерти. Они осуждали также и гладиаторские бои.

Безоружное, но наделенное огромной силой пассивного сопротивления, христианство поначалу воспринималось как неприкрытый бунт, направленный если не на экономические, то на политические устои имперской системы. Первые свидетельства о христианах, которые мы встречаем в нехристианской литературе, — это переписка растерянных римских

чиновников, озадаченных той странной проблемой, которую поставило перед ними это сопротивление, заражавшее все большие массы прежде совершенно покорных людей.

Мы многого не знаем об этих людях — ранних христианах первых двух столетий христианской эры. Они шли в самые отдаленные уголки империи, проникали в самые дальние края известного тогда мира, но мы очень мало знаем об идеях, обрядах и порядках, установившихся в их среде. У них еще не было догматического вероучения, и можно не сомневаться, что их верования и взгляды существенно различались в

разных местах во весь этот период, пока христианство окончательно не оформилось. Но какими бы ни были эти местные различия, везде, как мы видим, христиане были вдохновляемы духом Иисуса. Повсюду их встречала открытая враждебность и активные выступления против них со стороны язычников, но именно те обвинения, которые выдвигали против них, свидетельствуют о том, что христиане продолжали жить достойной жизнью.

На протяжении этого времени неопределенности не обошлось без существенного влияния и взаимообмена, своего рода теократии

между христианским культом и почти столь же популярным и широко распространенным культом Митры, а также культом Сераписа-Исиды-Гора. Из первого христиане, по всей видимости, позаимствовали воскресенье, день солнца, как главный день поклонения, вместо иудейской субботы, использование множества свечей во время религиозной церемонии, легенду о поклонении пастухов. Митраизму принадлежат идеи и образы, которые отличают некоторые христианские секты и в наши дни, например, «омытый кровью» Христос, а также представление о Христе как о жертве крови.

Не стоит забывать, что распятие на кресте — казнь, сопровождающаяся едва ли большим пролитием крови, чем повешение, и выражение, что Христос «пролил свою кровь» за все человечество, является по меньшей мере неточным. Даже если учесть, что его бичевали, что он носил венец из терний и что его бок был пронзен копьем, вряд ли можно сказать, что это вызвало «реки крови». Но митраизм как раз и строился вокруг древних, забытых теперь таинств Митры, приносящего в жертву священного быка. Во всех митраистских святилищах, видимо, находилось изображение Митры, закалывающего своего быка. Из раны

обильно лилась кровь, и из этой крови проистекала новая жизнь.

Приверженец митраизма в буквальном смысле омывался в крови священного быка и таким образом «перерождался». Во время инициации он становился под помостом, на котором закалывали быка, и кровь текла прямо на него. Здесь мы явно имеем дело с примитивным кровавым жертвоприношением, связанным с временем сева, которое было одной из первичных религиозных практик ранних храмовых цивилизаций.

Вклад александрийского культа в христианские представления и практики был еще более

существенным. В образе Гора, который был одновременно сыном Сераписа и тождествен Серапису, христианство нашло очень показательное сходство. Вполне естественным для христианства было перенять, почти незаметно для самого себя, практические методы массовых религий того времени. Его священники стали брить головы, появляться в одеяниях, характерных для египетских жрецов, потому что, как им казалось, именно так и следует выделяться священнослужителю.

Одно заимствование влекло за собой другие. И как-то само собой произошло, что первоначальное

революционное учение оказалось погребено под этими привычными добавлениями. Мы уже пытались изобразить, как был бы удивлен Гаутама Будда, оказавшись в Тибете и увидев, как поклоняются его изображениям в Лхасе. Можно только догадываться, как был бы потрясен какой-нибудь ревностный назарей, который так хорошо знал своего учителя, уставшего от странствий под палящим солнцем Галилеи, если бы, перенесясь в наши дни, он посетил, скажем, мессу в соборе св. Петра в Риме и узнал, что освященная облатка на алтаре — не что иное, как его умерший на кресте учитель.

Если судить в мировых масштабах, то нет многих религий, она одна, и совершенно неизбежно, что все религиозные верования, существовавшие в мире на тот момент, все философские и религиозные системы знакомились и контактировали с христианством, обмениваясь идеями и формулировками. Надежды ранних назареев отождествили Иисуса с Христом; блестящий ум Павла придавал его жизненному пути сакральное значение. Иисус призывал мужчин и женщин к гигантскому предприятию — отказавшись от эгоизма, родиться заново в царстве любви. Но следуя

путем наименьшего сопротивления, слабый неофит обставил этот очевидный призыв, этот неистовый замысел нагромождением интеллектуальных теорий и церемоний, сохранив под ними свое прежнее я. Насколько проще орошать себя кровью, чем очиститься от злобы и соперничества, поднести Богу свечи, а не сердце, выстричь тонзуру на голове, оставив в неприкосновенности путаницу мыслей под ней!

В первые века христианской эры мир полнился различными религиозными и философскими способами бегства от жизни. Мы не станем здесь сравнивать

отличительные черты неоплатонизма, гностицизма, учения Филона Александрийского и прочих подобных учений, буйным цветом распустившихся на александрийской почве. Но это был тот мир, в котором жили ранние христиане. Сочинения Оригена, Плотина и Августина красноречиво свидетельствуют, насколько неотвратим был подобный взаимообмен в то время. [\[42\]](#)

Иисус называл себя Сыном Божьим и также Сыном Человеческим, но для него важным было не то, кто и что он, а его учение о Царстве. Павел и его последователи, заговорив о божественной природе Иисуса, о

том, что он был больше, чем просто человек — правы они были или ошибались, — открыли широкое поле для дальнейшей полемики. Был ли Иисус Богом? Или Бог создал его? Был ли он един с Богом или отличен от Бога? Не дело историка давать ответы на такие вопросы, но он не может не вспомнить о них и о том, с какой неизбежностью они появлялись, поскольку они оказали огромное влияние на дальнейшую жизнь народов западного мира. К IV в. христианской эры мы видим, что все христианские общины так взбудоражились и перессорились из-за этих запутанных, малопонятных определений природы Бога, что

почти совсем потерялось из виду куда более простое учение о милосердии, служении ближнему и братолюбии, которое принес им Иисус.

Основными течениями, которые выделяют историки, были ариане, савеллиане и тринитарии. Ариане следовали учению Ария (нач. IV в.), утверждавшего, что Иисус был меньше, чем Бог. Савеллиане учили, что Отец и Сын — аспекты, разные состояния единого и неделимого Бога; Бог является Создателем, Спасителем и Утешителем так же, как один человек может быть отцом, опекуном и постояльцем. Тринитарии, выдающимся лидером

которых был Афанасий Великий (295–373), учили, что Отец, Сын и Святой Дух являются тремя различными Ипостасями, но единым Богом.

Большинство полемистов со стороны тринитариев, а в основном сохранились именно их сочинения, обвиняют своих оппонентов, и, по всей видимости, не без оснований, в мотивах низменных и не имеющих отношения непосредственно к доктрине. Но делается это таким образом, что благородство их собственных побуждений также вызывает сомнения. Ария, к примеру, обвиняют, что он стал на сторону еретиков потому, что его не

назначили епископом Александрии. Эта борьба мнений перемежалась бунтами, отлучениями от церкви, ссылками, пока ей не был положен конец вмешательством властей.

Все эти тонкости в определении природы Божественного оказались самым тесным образом переплетены с политикой и начинавшим усиливаться сепаратизмом провинций. Даже жены, которые хотели досадить своим мужьям, дельцы, поссорившиеся с конкурентами, — и те стремились придать скандалу видимость противостояния на почве религии. Большинство варваров, вторгшихся на территорию Империи, были

арианами — вероятно, их
простодушная натура плохо
усваивала хитросплетения учения
тринитариев.

Легче всего скептически
посмеяться над этими диспутами. Но
даже если нам кажется, что эти
попытки досконально определить,
как Бог соотносится с самим собой,
самонадеянны и просто чудовищны с
интеллектуальной и нравственной
точек зрения, мы вынуждены
признать, что под этими
утонченными догматическими
формулировками зачастую лежало
искреннее стремление к истине,
пускай и неверно понятой. Обе
стороны дали подлинных мучеников.

А рвение, которое они вкладывали в эту полемику, пусть оно зачастую проявлялось не лучшим образом, превратило христианские секты в энергичных пропагандистов и учителей. И тот факт, что история христианства IV и V вв. состоит по большей части из этих неприглядных противоречий, не должен заслонять от нас того, что дух Иисуса продолжал жить и облагораживал многие сердца христиан. Текст Евангелий, пусть он и подвергся переделке в этот период, не был уничтожен, и Иисус из Назарета в своем неподдельном величии продолжал учить с евангельских страниц. Эти противоречия не

помешали всем христианам выступить единым фронтом против гладиаторских боев и против унижительного поклонения идолам и божественному цезарю.

В той степени, в какой христианство отвергало божественность цезаря и имперские институты, его следует расценивать как движение мятежное и разрушительное, и таким оно воспринималось большинством императоров до Константина Великого. Оно столкнулось с открытой враждебностью и, наконец, систематическими попытками подавить его. Деций (195–251) был первым императором, который

организовал официальные гонения на христиан, а великой эрой мучеников было время Диоклетиана (303 и последующие годы). Гонения Диоклетиана были, несомненно, кульминацией борьбы старой идеи бога-императора против уже мощной и многочисленной организации, отвергавшей его божественность. Диоклетиан реорганизовал монархию в сторону крайнего абсолютизма, отменив последние пережитки республиканских институтов. Он был первым императором, полностью окружившим себя благоговейным этикетом восточного монарха. Логика этого шага требовала от него

полного истребления той системы, которая открыто отвергала его. Пробным камнем для христиан стало требование их гонителей принести жертву императору.

«Хотя Диоклетиан, по-прежнему не склонный к пролитию крови, сдерживал ярость Галерия, [\[43\]](#) предлагавшего, чтобы каждого, кто откажется совершить жертвоприношение, немедля бы сожгли живьем, — наказания, наложенные на упрямых христиан, можно было

полагать достаточно суровыми и действенными. Постановили их церкви во всех провинциях Империи разрушить до основания и выносить смертный приговор всем, кто дерзнет проводить тайные собрания с целью совершения религиозных обрядов. Философы, которые теперь приняли на себя неблагодарную роль направлять слепое рвение гонителей, взялись усердно изучать природу и дух христианской религии. И так как им стало известно,

что умозрительное учение этой веры излагалось в писаниях пророков, евангелистов и апостолов, они, вероятнее всего, предложили властям, чтобы епископы и пресвитеры передали все свои священные книги в руки магистратов, которым было приказано, под страхом самой суровой кары, сжигать их у всех на виду торжественным образом. Тем же указом имущество церкви было сразу же конфисковано и по частям продано с торгов,

поступило в имперскую
казну, было даровано
городам и корпорациям или
же присвоено
ненасытными
царедворцами. После таких
действенных мер,
принятых, чтобы
искоренить веру и
истребить руководство
христиан, сочли
необходимым подвергнуть
самым нестерпимым
лишениям тех упрямцев,
которые и далее будут
отвергать религию
природы, Рима и своих
предков. Людям незнатного

происхождения, как было
объявлено, отказывалось во
всяких почестях и
общественном положении,
рабов навсегда лишали
надежд на свободу, и все
христиане как один
объявлялись вне закона.
Судьям повелели
заслушивать и разбирать
все дела, направленные
против христиан, самим же
христианам возбранялось
жаловаться в судах на
какие-либо притеснения,
которым они
подвергались... Но этот
указ, едва он был вывешен

на самом видном месте в
Никомедии, сразу же
оказался сорван руками
одного христианина,
выражавшего при этом
самыми грубыми словами
свое презрение, равно как и
отвращение к таким
нечестивым и
деспотичным правителям.
Подобное преступление,
даже по самым мягким
законам, приравнялось к
государственной измене и
каралось смертью, а если
его совершил человек
образованный и с
положением, то это только

усугубляло его вину. Он был сожжен или, скорее, изжарен на медленном огне, а его палачи, усердствовавшие в том, чтобы поквитаться с ним за оскорбление, нанесенное императорам, испробовали все жесточайшие пытки. Но им не удалось ни сломить его самообладания, ни даже согнать с его лица спокойную и вызывающую улыбку, которая, несмотря на предсмертную агонию, оставалась на его лице». [\[44\]](#)

Так со смерти этого неизвестного мученика начались великие гонения. Но, как указывает Гиббон, можно сомневаться, насколько жестоки они были на самом деле. Он определяет общее число жертв этих гонений примерно в две тысячи человек, противопоставляя его множеству христиан, замученных их же собратьями-христианами в эпоху Реформации. Гиббон питал сильные предубеждения в отношении христиан, и в данном случае он, видимо, склонен преуменьшать их стойкость и страдания. Во многих провинциях исполнение этого указа, несомненно, встречало серьезное

сопротивление. Но охота за копиями Святого Писания, а также систематическое разрушение христианских церквей все-таки имели место. Были пытки и казни, как и тюрьмы, переполненные христианскими епископами и пресвитерами. Не следует забывать, что христианская община к тому времени уже составляла весьма значительную часть населения и что многие влиятельные чиновники, обязанные проводить в жизнь императорский указ, сами принадлежали к вере, объявленной вне закона.

Галерий, управлявший восточными провинциями, был в

числе ярых гонителей, но под конец, на смертном одре (311), и ему стала очевидна безрезультатность его атаки на такое многочисленное сообщество и он издал новый указ о веротерпимости, суть которого Гиббон излагает следующим образом:

«Среди важных забот, коими мы были поглощены, усердствуя ради блага и сохранности Империи, нашим намерением было исправить и восстановить естественный порядок, соответственно закону и заведенным у римлян

обычаям. В особенности мы стремились обратить на путь истины и природы христианское поверье, дерзнувшее отвергать религию и обычаи, установленные отцами. Самонадеянно презирая законы и обыкновения древности, они измыслили для себя нелепые правила и воззрения, повинуюсь лишь своим прихотям, собрав самое разнородное общество со всех краев Империи. Указы были изданы нами, чтобы принудить их к

поклонению богам, но эти христиане предпочли подвергнуть себя опасности и гонениям. Многие из них приняли смерть, но остались еще упорствующие в своих нечестивых заблуждениях, лишившие себя возможности отправления религиозных обрядов со всем сообществом. Мы намерены распространить и на этих несчастных блага нашего общеизвестного милосердия. Мы позволяем христианам, таким образом, свободно

исповедовать свои взгляды и собираться в своих молельнях, не опасаясь нашего неудовольствия, предполагая, что они всегда будут сохранять должное почтение к установившимся законам и властям.

Другим предписанием мы ставим в известность о нашем решении судей и магистраты, и мы ожидаем, что такое снисхождение позволит христианам возносить молитвы божеству, которому они поклоняются, для

спокойствия и процветания
нашего, их собственного и
Республики».

Еще несколько лет — и на
императорский престол взошел
Константин Великий, сначала как
соправитель (306), а затем как
единоличный правитель, и самые
худшие испытания для христиан
останутся в прошлом. Если
христианство было мятежной и
деструктивной силой в отношении
языческого Рима, внутри своего
сообщества оно было силой
объединяющей и организующей. На
этот факт не мог не обратить
внимание гений Константина. Дух

Иисуса, несмотря на все догматические раздоры, нес взаимопонимание христианским общинам по всей Империи и далеко за ее пределами. Новая вера шла к варварам, преодолевая все границы, в Персии и Центральной Азии у нее также были последователи. Только христианская вера могла дать надежду на нравственную сплоченность, и Константин сумел разглядеть это в нагромождении ограниченности, корысти и карьеризма, среди которого ему предстояло править. Она, и только она, имела все средства и все возможности собрать воедино волю народа, без которой Империя

расползалась на части, как истлевший лоскут.

В 312 г. Константину пришлось сражаться за Рим и за свое положение с Максенцием. Он первым приказал изобразить крест на своих знаменах и щитах и во всеуслышание объявил, что Бог христиан сражался за него и даровал ему полную победу в битве у Мильвиева моста возле Рима. Этим шагом он отрекся от всех тех претензий на божественность, которые тщеславие Александра Великого впервые принесло в западный мир. Под рукоплескания и с энергичной поддержкой христиан он стал монархом еще более

абсолютным, чем даже Диоклетиан.

Еще через несколько лет христианство стало официальной религией Империи, а в 337 году, уже на смертном одре, Константин принял крещение.

Константину Великому принадлежит в истории место не менее значимое, чем Александру Македонскому или Октавиану Августу. О его характере и личной жизни нам известно очень мало: современные ему историки не сохранили для нас живых, личных подробностей о нем. Мы можем лишь прочесть, как поносили его враги, сравнив это с неприкрыто льстивыми панегириками. Но никто

из писавших о нем не дает нам живого портрета, Константин для них — символ, знак своей эпохи. Враждебный ему Зосим^[45] утверждает, что Константин (как и Саргон I) был незаконнорожденным — его отец был знатным полководцем, а мать, Елена, содержала постоянный двор в Нише. Гиббон, однако, придерживается мнения, что он родился в законном браке.

Как бы то ни было, его рождение не давало ему никаких преимуществ, и только талант Константина проложил ему путь вверх. Он был малограмотен, греческий знал плохо или даже совсем его не знал. По всей

видимости, он действительно изгнал своего старшего сына Криспа и приказал казнить его по наветам мачехи, Фаусты. Но, как сообщается, когда впоследствии он убедился в невинности Криспа, приказал казнить и Фаусту — по одной версии, ее заживо сварили в ее ванне, а по другой — раздели и бросили на растерзание диким зверям в безлюдных горах. Впрочем, есть вполне заслуживающие доверия документы, утверждающие, что она пережила своего мужа-императора. Но даже если ее и казнили, три ее сына вместе с двумя племянниками все равно были объявлены наследниками Константина.

Если личность Константина Великого для нас остается словно скрытой за дымкой столетий, если обстоятельства его домашней жизни не говорят ни о чем, кроме какой-то смутной трагедии, мы все же можем догадаться о том, чем жил и о чем думал этот человек. Это была очень одинокая жизнь, особенно в последние его годы. Константин Великий был более самодержцем, чем кто-либо из императоров до него, но можно понять это и так, что у него было меньше совета и помощи. Класс людей, надежный и думающий о благе общества, не сохранился; ни сенат, ни собрания не разделяли и не развивали планов

императора. Насколько глубоко он понимал уязвимость своей Империи для внешних вторжений, насколько ему был очевиден ее окончательный крах, который приближался, мы можем только догадываться. Константин сделал своей фактической столицей Никомедию в Вифинии, Константинополь за Босфором еще строился, когда он умер. Как и Диоклетиан, он, должно быть, понимал, насколько непрочны внешние границы его владений, поэтому он пристально следил за тем, как обстоят дела за их рубежами, особенно на территориях нынешних Венгрии, Южной России и Черноморского региона.

Константин реорганизовал бюрократическую машину Империи, написал для Империи новые законы и постарался установить династию.

Он без устали трудился над переустройством своей державы; с хозяйственным упадком он пытался справиться, насаждая своего рода кастовую систему. В этом он продолжил работу своего великого предшественника Диоклетиана. Он попытался превратить крестьян и мелких земледельцев в подобие касты, запретив им оставлять свои земельные участки. Фактически он сделал попытку превратить их в крепостных. Приток рабов за счет захвата новых земель, как прежде,

прекратился: Империя теперь была не агрессором, но сама вынуждена была отражать агрессию. Константин пытался найти выход из этого положения с помощью крепостного хозяйствования. Его созидательные усилия потребовали и беспрецедентно тяжелых налогов. Все это говорит об одиноком и мощном уме, способном управлять людьми и народами. Константин первым понял очевидность того, насколько необходима его Империи объединяющая моральная сила, если он хочет удержать ее от развала. Именно в этом и заключается его неповторимая роль в истории.

После того как он обратился к

христианству, он осознал, сколь непримиримы теологи в своих раздорах. Император приложил огромные усилия, чтобы сгладить эти противоречия, чтобы общество получило цельное и гармоничное учение. По его инициативе в 325 г. в Никее, небольшом городке в Вифинии, был проведен всеобщий церковный собор. Церковный историк Евсевий^[46] оставил нам любопытное описание этого странного собрания, где председательствовал сам император, хотя он еще даже не был крещен. Это был его не первый церковный собор: он уже председательствовал (314) на подобном собрании в Арле.

Константин занял свое место на золотом троне посреди зала собрания в Никее. Учитывая, что он плохо понимал греческий, можно предположить, что его роль сводилась лишь к наблюдению за неистовыми гримасами и жестами выступавших, за интонацией их возбужденных речей. Собрание проходило бурно. Когда слово взял старый ересиарх Арий, святитель Николай ударил его по лицу, а затем многие стали выбегать из зала, деланно затыкая пальцами уши, словно не в силах выносить тех ересей, которые изрекал старик. Поневоле представляешь себе, как великий император, глубоко

обеспокоенный судьбой своей Империи и твердо решивший покончить с церковными раздорами, склоняется к переводчикам с вопросом, что же означают все эти крики.

Взгляды, которые возобладали в Никее, нашли свое отражение в Никейском Символе Веры, формулировки которого были строго троичны, и сам император поддержал позицию тринитариев. Но впоследствии, когда Афанасий слишком серьезно взялся за Ария, он изгнал Афанасия из Александрии, а когда Александрийская церковь отлучила Ария, он заставил вернуть его в лоно церкви.

Эта дата, 325 год, очень удобна для нашей истории. Это дата первого всеобщего, Вселенского собора всего христианского мира (на соборе в Арле была представлена лишь западная его часть). Она знаменует вхождение западного общества в эпоху христианской церкви и христианства, как они понимаются в наши дни. На этом первом Вселенском соборе было дано точное определение христианского вероучения в Никейском Символе Веры.

Здесь необходимо остановиться на глубоких различиях между этим окончательно сложившимся христианством Никеи и учением

Иисуса из Назарета. Все христиане полагают, что последнее полностью содержится в первом, но этот вопрос вне нашей компетенции. Что совершенно очевидно, так это то, что учение Иисуса из Назарета было пророческим учением нового типа, берущее свое начало от еврейских пророков. Оно не было жреческим, оно не имело освященного храма и алтаря. У него не было ритуалов и церемоний. Его подношением Богу было «сердце сокрушенное и смиренное». Его единственной организацией были странствующие проповедники и основной функцией — распространение учения.

Но полностью оперившееся христианство IV в., хоть оно и сохранило своим ядром учение Иисуса в Евангелиях, было по сути религией жреческого типа, знакомого миру уже тысячи лет. Центральным звеном его тщательно разработанного ритуала был алтарь, а основным богослужебным действием — жертвоприношение, или месса, которую совершал священнослужитель. Оно быстро обростало разветвленной организацией дьяконов, священников и епископов.

Но если христианство и приобрело чрезвычайное внешнее сходство с культами Сераписа, Амона

или Бела-Мардука, нам следует помнить, что у его священнослужителей были существенно новые черты. В христианстве не имелось изображений Бога, которым приписывали божественное происхождение, как у жречества прежних времен. Не было, как раньше, главного храма, в котором обитало божество, — Бог христиан был везде. У него не было священных мест или священных рощ. Все его алтари были посвящены невидимой Троице. Даже в его наиболее архаичных аспектах было в христианстве что-то совершенно новое.

Также нам не следует упускать из виду той роли, которую играл император в закреплении доминирующего понимания христианства. Не только Никейский собор, созванный Константином Великим, но и все великие соборы, два в Константинополе (381 и 533), Эфесский (431) и Халкидонский (451) созывались по настоянию императоров. Совершенно очевидно, что многое в истории христианства этого периода несет на себе отпечаток личности Константина Великого в той же мере или даже в большей, чем Иисуса. Константин был, как мы бы сказали, типичным авторитарным правителем.

Последние остатки римского республиканского устройства исчезли уже во времена Аврелиана и Диоклетиана. Насколько хватало сил и способностей, он старался, пока еще было время, перестроить обезумевшую империю, работая без советников, без общественного мнения и не чувствуя необходимости в такого рода поддержке и контроле.

Идея подавления всякой оппозиции и всякой свободной мысли через единый догматический устав для всех верующих — это совершенно автократическая, самодержавная идея. Так может действовать только правитель-одиночка, который чувствует, что для

его успеха ему совершенно необходимо избавиться от всякой оппозиции и критики. История Церкви, подпавшей под его влияние, становится теперь историей непримиримой и жестокой борьбы с ересями, последовавшей за жестким и ультимативным требованием единомыслия. Он императора Константина Церковь переняла склонность к авторитаризму и бесконтрольности, наращиванию своей собственной организации и развитию параллельно с имперским.

Вторым великим самодержцем, который также сыграл не последнюю роль в том, что вселенское христианство приобрело

отличительно авторитарный характер, был Феодосии I, Феодосий Великий (ок. 349–395). Он запретил всем неортодоксальным христианам проводить собрания, передал их церкви тринитариям и разрушил языческие храмы по всей Империи. В 390 г. он приказал разрушить огромную статую Сераписа в Александрии. Никто не имел права на конкуренцию с христианством, никто не мог оспаривать единомыслие церкви.

К V в. христианский мир стал шире, прочнее и устойчивее, чем любая из империй, потому что христианство не было просто навязано людям, оно стало частью их

сознания.

Христианский мир протянулся далеко за пределы самых отдаленных окраин империи, в Армению, Персию, Эфиопию, Ирландию, Германию, Индию и Туркестан. *«Хотя христианство и образовывалось приходами, разбросанными на огромных пространствах, оно мыслилось как единое тело Христа, как народ Христа. Это идеальное единство находило самое многообразное выражение. Сношения между различными христианскими общинами были очень активны. Христианин, отправляясь в путь, был всегда уверен в радушии и*

гостеприимстве своих собратьев-христиан. Письма и послания свободно проделывали путь от одной церкви к другой. Миссионеры и странствующие проповедники постоянно переходили от одной общины к другой. В широком обращении были также документы различного рода, включая Евангелия и апостольские послания. Так, различными способами находило свое проявление чувство единства христиан; и развитие самых отдаленных частей христианского мира следовало, более или менее близко, одному общему образцу». [\[47\]](#)

Христианский мир сохранял, по крайней мере, формально, традицию

этого всеобщего духовного единения до 1054 г., когда западная латинская церковь отделилась от изначальной греческой церкви, «ортодоксальной», или православной. Поводом для этого разделения стало прибавление латинянами двух слов к Символу Веры. В старом Символе Веры утверждалось, что «Святой Дух исходит от Отца». Латиняне добавили свое Filioque, «и от Сына», и отлучили греков от своего церковного сообщества, потому что те не приняли этого новшества.

Но еще до этого времени, к началу V столетия, христиане в Сирии, Персии, Центральной Азии (церкви были в Мерве, Герате и

Самарканде), а также христиане Индии отделились по подобной же причине. Эта исключительно интересная азиатская церковь известна в истории как несторианская, [\[48\]](#) ее влияние достигло Китая. Египетская и эфиопская церкви также отделились очень рано. Задолго до формального разделения латинской и греческой половин основных церквей, вслед за распадом Империи произошло аналогичное отделение региональных церквей. Условия, в которых они существовали, были отличны с самого начала. В то время как греческая Восточная империя еще держалась и

константинопольский император по-прежнему главенствовал в своей церкви, латинская часть империи, как мы уже говорили, рухнула, оставив Западную церковь без какого-либо имперского контроля.

Более того, церковная власть в Византийской империи была разделена между архиепископами или патриархами Константинополя, Антиохии, Александрии и Иерусалима, тогда как на западе власть была сосредоточена в руках одного патриарха Рима, или Папы. Римский архиепископ всегда признавался первым среди патриархов, что вдохновляло папские притязания на исключительную,

квазиимператорскую власть. С окончательным падением Западной империи Римский Папа принял древний титул понтифика, который принадлежал императорам, и стал верховным первосвященником латинской традиции. Над христианами Запада его главенство признавалось всегда, но с самого начала его приходилось навязывать на Востоке, в юрисдикциях остальных четырех патриархов.

Представление о светской власти Церкви было преобладающим уже в IV в. Св. Августин, гражданин города Гиппон в Северной Африке, выразил эти политические идеи, развивавшиеся Церковью, в своей

книге «О граде Божьем». Эта книга непосредственно направлена на возможность построения в мире теократически организованного царства. Такой город, излагает Августин, — это «духовное общество избранных верных», но отсюда один шаг к политическому истолкованию этой идеи. Церковь, писал Августин, должна править миром, над всеми народами, стать верховной властью над обширным сообществом светских государств.

В последующие годы эти представления развились в определенную политическую систему и доктрину. По мере того как варварские народы переходили к

оседлому образу жизни и становились христианами, Папы начали претендовать на верховенство над их королями. За несколько столетий Папа превратился в теории и до некоторой степени на практике в первосвященника, цензора, судью и божественного монарха христианского мира. Его влияние простиралось на Западе гораздо дальше пределов старой империи, в Ирландии, Норвегии, Швеции и по всей Германии.

Свыше тысячи лет эта идея единства христианского мира, христианских держав, как своего рода обширной амфикистии, члены которой даже в военное время

удерживались от многих крайностей представлением о своем братстве и верности одной церкви, доминировала в Европе. История Европы, начиная с V и по XV столетие, это в значительной степени история крушения этой великой идеи мирового правления Церкви и попыток воплощения ее на практике.

Мы уже рассказывали в предыдущей главе об основных вторжениях варварских народов. Мы можем теперь сделать краткий обзор политического членения Европы к концу V столетия. Никаких следов Западной Римской империи, как отчетливого политического

образования, не сохранилось: она была полностью разгромлена. Во многих частях Европы в представлении людей Римской империей продолжала оставаться греческая Восточная империя. Император в Константинополе по крайней мере в теории все еще считался римским императором.

В Британии варварские германские племена англов, саксов и ютов покорили восточную часть Англии. Бритты все еще удерживали запад острова, но их постепенно оттесняли в Уэльс и на Корнуолл. Англосаксы, похоже, были самыми безжалостными и агрессивными из всех варваров-завоевателей; там, где

они брали верх, их язык вытеснял кельтскую или латинскую речь — пока еще не известно, какую именно, — которой пользовались бритты. В то время англосаксы еще не были крещены.

Большая часть Галлии, Голландии и земель по течению Рейна находилась под властью энергичного, уже христианизированного и гораздо более цивилизованного королевства франков. В долине Роны разместилось королевство бургундов. Испания и некоторые территории на юге Франции были под властью вестготов; северо-западную оконечность Пиренейского

полуострова удерживали свевы.

О королевстве вандалов в Африке мы уже рассказывали. Италия же, по своему населению и обычаям все еще римская, попала под власть остготов. В Риме больше не было императора. Теодорих I (454–526) был первым из династии готских королей, его владения простирались вдоль Альп в Паннокию и на юг в Далмацию и Сербию.

К востоку от этого готского королевства безраздельно правили императоры Константинополя. Болгары в это время все еще были монголоидным племенем кочевников в регионе Волги и Дона. Славянские

племена только начали осваивать земли к северу от Черного моря, прежде принадлежавшие вестготам. Тюрко-финских венгров еще не было в Европе. Лангобарды жили пока к северу от Дуная.

VI в. отмечен возобновлением сил и экспансии Восточной империи в период правления императора Юстиниана (527–565). Земли королевства вандалов были возвращены в 534 г., готы были изгнаны из Италии в 553 г. Но как только умер Юстиниан (565), лангобарды вторглись в Италию и осели на землях нынешней Ломбардии. Равенна, Рим, Южная Италия и Северная Африка остались

все же под контролем Восточной империи.

Таким было политическое положение мира, в котором складывались представления о христианской державе. Повседневная жизнь того времени, конечно же, проходила на очень низком физическом, интеллектуальном и нравственном уровне. Часто говорят, что Европа в VI и VII веках вернулась к варварству, но это не передает всей реальности ситуации. Более правильным будет сказать, что цивилизация Римской империи вошла в стадию крайней деморализации. Варварство — это общественное устройство

элементарного типа, упорядоченное в своих пределах. Но Европа в ее политической раздробленности являла собой отсутствие всякого общественного порядка. Ее мораль была не моралью племени, но моралью городских трущоб. В первобытном племени дикарь знал, что он принадлежит к общине, жил и вел себя соответственно. Обитатель трущоб живет и действует, не соизмеряя свою жизнь с чем-то большим, чем собственные желания.

Очень медленно, исподволь христианство начало восстанавливать чувство общины, учить людей тому, как сплотиться вокруг идеи христианского мира.

Общественная и экономическая структура Римской империи была в руинах. Ее цивилизация была цивилизацией богатства и политической власти, которая поддерживалась угнетением и порабощением значительных масс людей. Она представляла собой зрелище показного величия и роскошной утонченности, но под этой прекрасной наружностью были жестокость, ограниченность и стагнация. Она должна была распасться, ее место необходимо было освободить, чтобы что-то лучшее могло заменить ее.

«Темные века» были не просто веком войны и грабежа, но и веком

голода и эпидемий. Мир не знал еще никакой эффективной санитарной системы, а миграции того времени были способны разрушить любой гигиенический баланс, установившийся в прежние времена. Набеги Атиллы на север Италии привели к вспышке малярии в 452 г. Конец правления Юстиниана отмечен великой эпидемией бубонной чумы (565), которая во многом повлияла и на ослабление защиты Италии от лангобардов. В 543 г. десять тысяч человек умерло в один день в Константинополе. Чума свирепствовала в Риме и в 590 г. VII в. также был веком эпидемий чумы. Английский монах Беда (672—

735), один из немногих писателей того времени, пишет о чуме в Англии в 664, 672, 678 и 683 гг. — не меньше чем четыре эпидемии за двадцать лет! Гиббон увязывает юстинианову эпидемию с великой кометой 531 г. и с частыми и сильными землетрясениями в его правление. «Многие города на востоке обезлюдели, а в некоторых областях Италии плоды в садах и урожай на полях остались неубранными». Он утверждает, что «видимым образом пошло на убыль и без того малочисленное население некоторых из лучших стран на земле».

Многим в те темные века казалось, что свет знания и все то,

что делает жизнь привлекательной, исчезает навсегда.

Было ли большинству населения в этих условиях запустения и нестабильности хуже, чем при изнурительных порядках имперской системы, сейчас невозможно сказать. Вероятно, в разных местах были свои особенности, правление жестоких самозванцев в одном регионе и относительно терпимые условия в другом, голод в одном году и богатый урожай в следующем. Грабители теперь были на каждом шагу, но исчезли сборщики налогов и кредиторы. Короли, подобные тем, что правили Франкским и Готским королевствами, были поистине

королями-призраками для большинства своих так называемых подданных. Жизнь отдельных областей замкнулась в собственных границах, торговля и сообщение между ними почти прекратились. Большие и не очень территории попадали под власть какой-нибудь энергичной личности, которая провозглашала себя графом или герцогом на основании традиции поздней империи либо получала это право от короля. Такая местная знать собирала вокруг себя банды наемников и первым делом строила для себя укрепления. Часто с этой целью перестраивались уже существовавшие здания. Колизей в

Риме, арена многих кровопролитных гладиаторских боев, был превращен в крепость, также и амфитеатр в Арле. Подобная участь постигла величественный мавзолей Адриана в Риме.

В пришедших в упадок зловонных городах, больших и малых, ремесленники, согнувшиеся над своей работой, обслуживали нужды окрестных земледельцев, стараясь заручиться поддержкой и защитой кого-либо из местной знати.

Исключительно важная роль в

работе по восстановлению общественной структуры, которая велась в VI и VII вв. после катастрофического упадка IV и V вв., была взята на себя христианскими монашескими орденами, которые начали появляться в Западном мире.

Монастыри существовали в мире и до христианства. Еще до Иисуса из Назарета, в трудный для иудейского народа период, существовала секта ессеев, которые жили своими общинами отдельно от остальных, придерживаясь суровых правил уединения, чистоты и самоотвержения. Буддизм также создал обособленные общины, в которых люди, уйдя от мира с его

суемой и торгашеством, могли жить религиозным поклонением.

Сама история Будды, как мы рассказывали ее, говорит о том, что подобные представления были широко распространены в Индии задолго до буддизма и что в конечном итоге Будда отказался от крайностей аскетизма. Довольно рано в истории христианства возникло сходное движение, отказавшееся от мирского соперничества и повседневной жизни людей. Особенно в Египте великое множество мужчин и женщин уходило в пустыню. Там они жили в пещерах или расщелинах скал уединенной жизнью молитвы и созерцания, в полной нищете,

питаясь случайным подаянием тех, кого привлекала их святость. Эти жизни так и остались бы незамеченными историками — они по самой своей природе оторваны от истории, если бы не то изменение, которое эта монашеская тенденция претерпела среди более энергичных и практичных европейцев.

Одна из центральных фигур в истории развития монашества в Европе — святой Бенедикт, который жил между 480 и 547 гг.

Он родился в Сполето в Италии и был способным молодым человеком из хорошей семьи. Тень времени лежала на нем, и так же, как когда-то Будда, он обратился к

религиозной жизни, поначалу предавшись суровой аскезе. В пятидесяти милях от Рима находится городок Субиако — там, в отрогах Апеннин, среди густой растительности, лежал в развалинах дворец, построенный еще при императоре Нероне. Дворец, выстроенный в дни навсегда ушедшего процветания, возвышался над искусственным озером, образованным запруженными водами реки. Бенедикт решил обосноваться в этом месте. В одной из пещер на высоком утесе, возвышавшемся над потоком, он устроил себе келью — в настолько недоступном месте, что еду для него спускал на веревке

преданный последователь. Три года Бенедикт провел в этой пещере. Лишь слава о нем распространялась по округе — так же, как и слава Будды за тысячу лет до него при подобных обстоятельствах.

Как и в случае с Буддой, жизнь св. Бенедикта изобилует историями о его подвигах и чудесах, придуманных недалекими и легковверными учениками. Впоследствии, как мы видим, он больше не занимается самоистязанием, но руководит объединением из двенадцати монастырей, в которых нашло приют множество людей. К св. Бенедикту отправляют молодежь на воспитание, весь характер его жизни

изменился.

Из Субиако он перебрался южнее, на Монте-Кассино, одиноко стоящую прекрасную гору в окружении величественных возвышенностей, на полпути между Римом и Неаполем. Интересно отметить, что там, в VI в. н. э. он обнаружил храм Аполлона и священную рощу, а вся округа по-прежнему продолжала совершать обряды в этом святилище. Первыми трудами Бенедикта на новом месте были труды миссионерские: много сил он потратил, чтобы убедить простодушных язычников разрушить свой храм и срубить свою рощу.

Монастырь, который он заложил

на Монте-Кассино, стал знаменитым и влиятельным еще при жизни своего основателя. В рассказах о жизни в этом монастыре еще различима подлинная духовность Бенедикта, хотя к ней оказались примешаны домыслы падких на чудеса монахов — об изгнанных демонах, учениках, ходивших по воде, и мертвых детях, воскрешенных к жизни. Особенно интересны те истории, в которых св. Бенедикт осуждает умерщвление плоти и крайности аскетического подвига. Он холодно отнесся к новому способу достижения святости, который придумал для себя один отшельник, приковавшийся цепью к скале в узкой пещере.

«Разбей свою цепь, — написал ему Бенедикт, — ибо подлинный служитель Божий прикован не железом к камню, но праведностью к Христу».

Не менее важным моментом, отличающим бенедиктинский монашеский устав, был акцент на необходимости тяжелого физического труда. Через напластование легенд слышен отголосок тех тренировок, которые у него были с учениками и послушниками из патрициев. Не делая ни для кого исключения, Бенедикт принуждал их к труду, разрушая их иллюзии о беззаботной простоте и прислуге из собратьев низшего класса, которые те

питали относительно монастырской жизни.

И третьей примечательной стороной личности Бенедикта было его политическое значение. Он хотел примирить готов и римлян. Тотила, [\[49\]](#) его готский король, обращался к нему за советом и находился под огромным влиянием Бенедикта. Когда Тотила отобрал Неаполь у греков, готы не стали подвергать его жителей насилию, и даже с пленными солдатами их обращение было человечным. Когда Велизарий, полководец Юстиниана, за десять лет до того овладел этим городом, он отпраздновал свой триумф всеобщей резней.

Монашеская организация Бенедикта была очень значительным начинанием Западного мира. Одним из его выдающихся последователей был Папа Григорий Великий (540—604), первый монах, который стал Папой (590). Он был одним из наиболее одаренных и энергичных Пап, отправлял успешные миссии к необращенным народам, в частности к англосаксам. Папа Григорий правил в Риме как независимый король, набирал армии, заключал договоры. Именно под его влиянием бенедиктинский устав приняло почти все латинское монашество.

Тесно связано с этими двумя именами в истории становления

монашества, которое от эгоистического аскетизма перешло к облагораживанию общества, также имя Кассиодора (490–583). Он был значительно старше Папы Григория и на десять лет моложе Бенедикта. Подобно им, Кассиодор принадлежал к патрицианской семье, переселившейся в Италию из Сирии. Он сделал заметную карьеру при дворе готских королей. Когда между 545 и 553 гг., падение готских королей и великая чума расчистили путь нашествию варваров-лангобардов, Кассиодор нашел прибежище в монашестве. Он основал монастырь в своем поместье и приучал монахов к труду

совершенно так же, как это делал Бенедикт. Следовали или нет при этом его монахи бенедиктинскому уставу, который примерно в это же время складывался в Монте-Кассино, мы не знаем. Но неоспоримым остается влияние Кассиодора на развитие этого великого ордена тружеников, учителей и ученых. Очевидно, что он сам был глубоко потрясен всеобщим упадком образования и возможной утратой всей учености и древней литературы. Он руководил трудами своих собратьев по сохранению и восстановлению старых рукописей. Он собирал древние манускрипты, которые переписывались в его

монастыре. Он изготавливал солнечные и водяные часы и подобные им устройства — это был последний луч экспериментальной науки в сгущавшейся тьме. Кассиодор также написал историю готских королей. Что еще важнее, Кассиодор написал школьные учебники по искусствам и грамматике. Вероятно, он оказал еще большее влияние, чем святой Бенедикт, на превращение монашества в мощный инструмент восстановления социального порядка в Западном мире.

Распространение монастырей бенедиктинского типа в VII и VIII вв. было очень значительным. Повсюду мы встречаем их как центры

просвещения, где восстанавливали и поддерживали стандарты земледелия, сохраняли некое подобие элементарного образования, распространяли полезные ремесла, переписывали и сохраняли книги, являя обществу образец социального устройства. Восемь веков, начиная с этого времени, европейская монашеская система сохраняла ростки цивилизации в мире, который, в противном случае, погрузился бы в хаос. Тесно связанными с монастырями бенедиктинцев были школы, из которых позднее выросли средневековые университеты. Школы римского мира к тому времени уже

полностью исчезли в общем социальном распаде. Это было время, когда очень немногие священники в Британии или Галлии могли читать Евангелия или свои служебные книги. Только постепенно ученость возвращалась в мир. Но когда она была восстановлена, это была уже не принудительная работа ученого раба, но религиозное служение особого класса преданных этому занятию людей.

На Востоке также имел место перерыв в образовательной преемственности, но его причиной были не столько общественные беспорядки, сколько религиозная

нетерпимость, и этот перерыв не был настолько полным. Юстиниан закрыл и распустил малочисленные, интеллектуально деградировавшие философские школы в Афинах (529), но сделал он это в первую очередь для того, чтобы уничтожить соперника своей новой школы, которую он открыл в Константинополе, находившейся под непосредственным императорским контролем.

Новая латинская ученость формировавшихся западных университетов не имела собственных учебников и литературы, и ей пришлось, несмотря на сильную теологическую неприязнь, опираться

главным образом на латинскую классику и латинские переводы греческой литературы. Ей пришлось сохранить из этой прекрасной литературы значительно больше, чем она намеревалась.

11

После переноса столицы империи в Византии в мир пришел новый тип архитектуры и новый дух искусства. Византийское искусство достигло наивысшего развития при императоре Юстиниане (527–565), о котором мы расскажем в следующей главе. Пережив непродолжительный

период упадка, византийское искусство снова расцвело к XI в. Оно по-прежнему живо в художественной традиции Восточной Европы.

Византийский стиль выражал тяготение нового официального христианства к сдержанности и символизму. Восточные особенности, в частности египетские и персидские тенденции, оказались наложенными на классическую традицию. Откровенность и грациозность уступили место величественности.

Характерной чертой декора является своеобразная жесткость. Гибкость греческой и римской живописи и скульптуры осталась в

прошлом, на их месте мы видим мозаики, плоские, симметричные, изображающие только стоящие прямо фигуры, обращенные лицом к нам. Почти нигде мы не видим профиля, перспективы или движения. Художник тогда словно осуждал и даже остерегался изображений человеческого тела, которое обожествляли греки. Так стремились достичь возвышенности и отстраненного величия. Огромные мозаичные фигуры Бога Творца, Богородицы, величественных святых будто нависают над зрителем с просторных куполов, где их изобразила рука художника.

Живопись и книжная

иллюстрация демонстрируют такую же величественную скованность. Скульптура же пришла в полный упадок, ярко раскрашенные переплетения резного орнамента заменили собой скульптурные изображения. Работы по золоту, серебру и эмали выполнялись с невиданным прежде совершенством. Ткани из Византии часто имели откровенно персидский узор. Впоследствии заметным стало и влияние ислама, с его полным запретом изображать телесные формы.

Музыка также стала громоздкой и многозначительной. В первые века христианства музыка была скорее

энергичной и проникновенной, чем сложной, и происходила скорее из семитских, чем греческих источников. В позднеримскую эпоху светская музыка откровенно осуждалась. «Девушка-христианка, — говорил св. Иероним, [\[50\]](#) — не должна знать, что такое лира или флейта».

Пение псалмов с инструментальным сопровождением христиане переняли из иудейского богослужения, но у христиан оно свелось почти исключительно к песнопениям более или менее организованных хоров. Общепринятым было антифонное пение. Собравшаяся в храме паства

исполняла гимны — в унисон, конечно же, поскольку пению по голосам в то время еще не научились. Пение в хоре было почти единственной отдушиной для подавляемых эмоций. Появилось великое множество духовных гимнов на греческом и латыни, некоторые из них сбереглись и до наших времен. Св. Григорий, этот великий церковный организатор, о котором мы еще будем говорить в следующей главе, в VI в. многое сделал и для установления канонов литургической музыки.

Глава двадцать девятая

История Азии во время упадка Западной и Византийской империй

- 1. Юстиниан
Великий.**
- 2. Сасанидская
империя в Персии.**
- 3. Упадок Сирии при
Сасанидах.**
- 4. Первая весточка от
ислама.**
- 5. Зороастр и Мани.**
- 6. Гуннские народы в
Центральной Азии и**

Индии.

7. Династии Хань и Тан в Китае.

8. Интеллектуальные особенности Китая.

9. Раннее китайское искусство.

10. Путешествия Сюань-Цзана

Европейские писатели со своей западнической предвзятостью склонны слишком преуменьшать мощь Восточной империи, которая сплотилась вокруг Константинополя.

Эта империя воплощала в себе традицию более древнюю, чем римская. Начиная с VI в., ее официальным языком был принят греческий и стало ясно, что перед нами всего лишь номинальное ответвление Римской империи. В действительности это Греческая империя, о которой мечтал Геродот и которую основал Александр Великий.

Она называла сама себя «Римской», а свой народ — римлянами, «ромеями». И по сей день современный новогреческий язык иногда называют ромейским. Константин Великий не знал греческого, и Юстиниан говорил на

нем с сильным акцентом. Но эти поверхностные явления не могут изменить того факта, что эта империя в своей сути была греческой, с прошлым в шесть столетий ко времени Константина Великого, и когда собственно Римская империя полностью развалилась за четыреста лет, эта греческая «Римская империя» простояла еще более одиннадцати веков — с 306 г., начала императорства Константина Великого, до 1453 г., когда Константинополь был взят турками-османами.

И пока на Западе происходило полное разложение общественной

системы, на Востоке подобного развала не было. Города, большие и малые, процветали, наделы в деревнях старательно обрабатывались, продолжалась торговля. На протяжении многих веков Константинополь был крупнейшим и богатейшим городом мира.

Мы не станем тратить время на пересказ того, кто и когда правил этой империей, на имена и причуды императоров, на их преступления и интриги. Как и большинство монархов крупных государств, не они направляли движение своих империй, это империи увлекали их за собой. Мы уже говорили о

Константине Великом (306–337), упоминали Феодосия Великого (379–395), которому удалось на непродолжительное время объединить прежнюю Римскую империю, а также о Юстиниане I (527–565). В дальнейшем мы еще будем говорить о византийском императоре Ираклии (610–641).

У Юстиниана, как и у Константина, возможно, текла в жилах славянская кровь. Он был человеком великого честолюбия и великих организаторских способностей. Ему повезло и в том, что он взял в жены женщину не меньших, если не больших дарований. В молодости будущая

императрица Феодора была актрисой сомнительной репутации.

Но честолюбивые усилия императора Юстиниана восстановить былое величие Империи привели к тому, что он истощил налогами свои ресурсы. Как мы уже рассказывали, он отвоевал провинцию Африку у вандалов и большую честь Италии у готов. Он также вернул в состав Империи юг Испании. Юстиниан построил величественный и прекрасный храм святой Софии в Константинополе, основал университет и издал свод законов, так называемый кодекс Юстиниана. Этому следует противопоставить то, что он закрыл

школы в Афинах.

В это время великая эпидемия чумы опустошала весь мир, и после его смерти возобновленная и расширенная его усилиями Империя лопнула, как мыльный пузырь. Большая часть его итальянских завоеваний была утрачена с нашествием лангобардов. Италия в те времена лежала в полном запустении. Летописцы лангобардов утверждают, что они пришли на пустовавшие земли. Авары и славяне двинулись из придунайских земель к Адриатике. Так славяне осели на землях Сербии, Хорватии и Далмации, став предками нынешних южных славян. Более того, началась

упорная и изматывающая борьба Византии с Сасанидской империей.

Но прежде чем рассказать об этой борьбе, в которой персы были трижды близки к тому, чтобы взять Константинополь, и которая завершилась поражением персов у Ниневии (627), необходимо сжато обрисовать историю Персии с парфянских времен.

Мы уже не раз сравнивали краткие четыре столетия римского империализма и упорную живучесть империализма Междуречья Тигра и Евфрата. Мы имели возможность бегло взглянуть на эллинизированные Бактрийскую и Селевкидскую монархии, которые на

протяжении трех веков процветали в восточной половине покоренных Александром территорий, и рассказали, как в Месопотамии появились парфяне в последнем столетии до нашей эры. Мы описывали битву при Каррах и конец Красса. С этого момента и на протяжении двух с половиной веков на востоке правила парфянская династия Аршакидов, противостоящая Риму. Сирия и Армения оказались в приграничном положении; эти границы сдвигались то на запад, то на восток, по мере того как одна из сторон становилась сильнее.

В 226 г. в Персии произошло

восстание, и Аршакидская династия уступила место более энергичной Сасанидской, представленной коренными персами. Первым из ее правителей был царь Ардашир I. В одном аспекте империя Ардашира представляла собой любопытную аналогию империи Константина Великого столетие спустя. Ардашир предпринял попытку консолидировать ее, установив религиозное единство, и сделал государственной древнюю персидскую религию Зороастра, к которой мы позднее еще вернемся.

Эта новая Сасанидская империя сразу же проявила агрессивный характер, и при Шапуре I (241–272),

сыне и преемнике Ардашира, захватила Антиохию. Мы уже говорили, что император Валериан был тогда разгромлен персами (260) и взят в плен. Но возвращаясь после своего победоносного марша в Малую Азию, Шапур пал от руки Одената, арабского правителя Пальмиры — крупного торгового центра, расположенного в одном из оазисов Сирийской пустыни.

На непродолжительное время при Оденате и затем при его вдове Зенобии Пальмира превратилась во влиятельное государство, балансировавшее между двумя империями. В 272 г. его взял император Аврелиан, который в

цепях увез Зенобию, чтобы отпраздновать свой триумф в Риме.

На протяжении всего этого времени война между Персией и Восточной Римской империей опустошала Малую Азию не меньше чумы. Этот период также был временем быстрого распространения христианства, которое первоначально преследовалось персидскими правителями. После христианизации Рима персидский монарх остался единственным «божественным» правителем на земле, и он видел в христианстве не более чем пропаганду своего византийского соперника. Константинополь привычно

выступал в защиту христиан, а Персия — зороастрийцев. В договоре 422 г. одна империя согласилась терпимо относиться к зороастризму, а другая — к христианству.

В 484 г. от православной церкви откололись христиане Востока, сплотившись вокруг несторианской церкви, которая, как мы уже отмечали, посылала своих миссионеров по всем уголкам Центральной и Восточной Азии. Это отделение от Европы, освободившее епископов Востока от власти византийских патриархов, сняло с несторианской церкви подозрения в политической неблагонадежности и послужило причиной абсолютной

толерантности к христианству в Персии.

При Хосрове I (531–579) наступил последний период мощи Сасанидской империи.

Хосров был современником Юстиниана, и его правление было вполне сопоставимо с правлением константинопольского императора. Хосров провел налоговую реформу, восстановил ортодоксальный зороастризм, расширил границы своей державы в Южную Аравию (Йемен), которую избавил от правления эфиопских христиан, продвинул свои северные границы в Западный Туркестан и провел несколько войн с Юстинианом.

Слава о нем как о просвещенном монархе была так велика, что когда Юстиниан закрыл философские школы в Афинах, последние греческие философы нашли себе пристанище при его дворе. Они хотели найти в нем царя-философа; эту иллюзию в свое время питали Конфуций и Платон. Однако атмосфера ортодоксального зороастризма пришлась этим философам еще меньше по вкусу, чем ортодоксального христианства, и в 549 г. Хосров милостиво позволил им вернуться в Грецию, оговорив особым пунктом в своем договоре с Юстинианом, чтобы их не преследовали ни за их языческую

философию, ни за их временное увлечение Персией.

Именно в связи с Хосровом мы узнаем, что в Центральной Азии появился новый гуннский народ, тюрки, которые сначала вступили в союз с ним, а затем с Константинополем.

Хосрова II (591–628), внука Хосрова I, ожидали самые невероятные колебания фортуны. В самом начале своего правления он добился удивительных успехов в борьбе против Византийской империи. Трижды (в 608, 615 и 626 гг.) его войска доходили до Халкидона, от которого рукой подать до Константинополя. Он занял

Антиохию, Дамаск и Иерусалим (614) и из Иерусалима увез в свою столицу Ктесифон крест, о котором говорили, что это был подлинный крест, на котором распяли Иисуса. Хотя существует версия, что тот же или еще один из подлинных крестов был уже перевезен в Рим.

В 619 г. Хосров II захватил Египет. Этому победному шествию положил конец император Ираклий (610), который принялся восстанавливать подорванную военную мощь Константинополя. Какое-то время Ираклий избегал решительного сражения, накапливая мощь. Он вышел на поле боя в 623 г., когда уже чувствовал, что ему по

силам справиться с персами. Персы дали несколько неудачных сражений, кульминацией которых стала битва при Ниневии (627). Но ни у одной из сторон не хватало сил, чтобы окончательно сокрушить противника.

В 628 г. Хосров II был низложен и убит своим сыном Кавадом. Спустя год две истощенные империи были вынуждены примириться, вернувшись к своим старым границам. Персы возвратили крест Ираклию, который с пышными церемониями восстановил его на прежнем месте в Иерусалиме.

Вот так выглядят основные события в истории соседних Персидской и Византийской

империй. Что для нас более интересно, хотя и не так просто поддается изложению, — это те перемены, которые происходили в жизни широких масс населения этих великих империй в то время. Автору удалось найти немного описаний великой чумы, которая опустошала мир во II–IV вв. н. э. Несомненно, эти эпидемии резко уменьшали численность населения и серьезно расшатывали общественный порядок — как нам известно, это произошло с Римской и Китайской империями.

Сэр Марк Сайкс^{[\[51\]](#)} оставил нам «Последнее наследие калифа» — живописное описание жизни Ближнего Востока того периода,

который мы рассматриваем. Рассказывая о первых веках нашей эры, он пишет: «Несмотря на самую отвратительную тиранию пьяниц, самодуров, сумасшедших, дикарей и покинутых женщин, которые время от времени держали в своих руках бразды правления, многолюдное население Месопотамии и Сирии продолжало процветать. Огромные каналы и дамбы поддерживались в порядке, торговля и архитектура процветали, несмотря на частые нашествия враждебных армий и постоянную смену правителей. Приход армии неприятеля иногда воспринимался с удовлетворением, если была уверенность в его победе и

в том, что поставки для его армии будут оплачены.

Но набеги с севера, [\[52\]](#) по всей видимости, были смертоносны. Поселянам в таком случае приходилось укрываться за городскими стенами, откуда они могли наблюдать дым пожарищ, который говорил о разрушении и ущербе, причиненном кочевниками. До тех пор, однако, пока в неприкосновенности оставались каналы (они строились, конечно же, с максимальным тщанием и прочностью), кочевники не могли нанести непоправимого ущерба...

В Армении и Понте условия жизни были совершенно

противоположны. Это были горные районы, населенные свирепыми племенами, возглавляемыми влиятельной местной знатью под властью царя, чья власть была неоспорима, в то время как в долинах и на равнинах миролюбивый земледелец предоставлял им необходимые экономические ресурсы...

Киликия и Каппадокия были полностью подчинены греческому влиянию, с многочисленными богатыми и высокоцивилизованными городами, также располагавшими и значительным торговым флотом. Проход от Киликии к Геллеспонту и все

Средиземноморское побережье были усеяны богатыми городами и греческими колониями, космополитичными по духу и языку, со всеми теми местными амбициями, которые так присущи греческому характеру. Греческое влияние распространялось от Карий к Босфору и вдоль побережья вплоть до Синопа на Черном море, где постепенно сходило на нет.

Сирия представляла собой причудливый, словно лоскутное одеяло, узор княжеств и городов-государств, начиная с почти варварских государств Каркемиша и Эдессы (Урфа) на севере. На юг от них находился Гиераполь, с

огромными храмами и жрецами-правителями. Ближе к берегу более плотное население теснилось вокруг независимых городов Антиохии, Апамеи и Эмесы (Хомс).

В это же время среди пустыни великий торговый город Пальмира поражал всех богатствами и величием, оставаясь нейтральным местом торговли Парфии и Рима. Между Ливаном и Антиливаном мы обнаруживаем в самой вершине своей славы Гелиополь (Баальбек), сохранившиеся руины которого даже теперь вызывают наше восхищение... Мы видим чудесные города Герасу и Филадельфию (Амман), которые связывались крепкими мощеными

дорогами, а воду к ним подводили гигантские акведуки...

Сирия по-прежнему настолько богата остатками этого времени, что совершенно несложно представить, как выглядела эта цивилизация. Искусства Греции, завезенные уже давно, развились в непомерное величие, подавлявшее чернь. Богатство отделки, непомерность трат, нарочитость богатства — все это говорит о вкусах сластолюбивых и артистичных семитов.

Вокруг больших городов сельское население, должно быть, жило примерно той же жизнью, что и в наши дни, в глинобитных хижинах или домах из кирпича-

сырца. На отдаленных пастбищах бедуины приглядывали за своими стадами в полной свободе, подчиняясь только набатейским царям (их столицей была Петра) из своего же собственного народа, или служили проводниками и охранниками торговых караванов.

А за пределами земель пастухов лежала выжженная пустыня, служившая непроницаемой преградой в обороне Парфянской империи, где за Евфратом расположились великие города Ктесифон, Селевкия, Хатра, Нисибин, Харран и сотни других, чьи имена теперь забыты. Население этих крупных городов зависело от

огромных зерновых богатств Месопотамии, щедро орошаемой в те времена каналами. Давно миновало величие Вавилона и Ассирии, наследники Персии и Македонии уступили место Парфии, но люди и земледелие оставались такими же, как и тогда, когда Кир-Завоеватель впервые покорил эти земли. Язык многих городов был греческий, и образованные граждане Селевкии могли беседовать о философии и трагедиях Афин.

Сравним теперь это с положением дел в конце VII в.

«Сирия оставалась разоренной, истощенной страной. Ее великие города, хотя и по-прежнему

обитаемые, почти сплошь лежали в руинах, снести которые не хватало средств. Дамаск и Иерусалим не оправились от последствий долгих и ужасных осад. Амман и Гераса пришли в упадок и превратились в жалкие селения, полностью подвластные бедуинам. Хауран, вероятно, все еще сохранял признаки былого процветания, которыми он был отмечен во времена Траяна.

Убогие строения, безграмотные надписи того времени — все это указывает на гнетущий и тягостный упадок. Среди пустыни стояла опустевшая и покинутая Пальмира, лишь немногочисленный гарнизон продолжал охранять ее крепость. На

побережье и в Ливане еще была заметна слабая тень былых богатств и коммерции. Но руины и запустение были обычной картиной северных земель, которые с неизменной регулярностью подвергались набегам на протяжении ста лет и еще пятнадцать лет были в безраздельной власти войск неприятеля. Земледелие переживало глубокий упадок, население заметно сократилось из-за чумы и тех потрясений, которые ему довелось пережить.

Каппадокия незаметно скатывалась к варварству, великие базилики и города, которые грубые поселяне не могли ни отстроить, ни

восстановить, сровняли с землей. По Анатолийскому полуострову огнем и мечом прошли персидские армии, его величественные города были захвачены и разграблены».

Когда Ираклий был занят восстановлением порядка в опустошенной Сирии, после смерти Хосрова II и перед окончательным замирением с Персией, ему доставили необычное послание. Гонец принес его к пограничному имперскому посту в пустыне на юг от Дамаска. Письмо было написано на арабском, малоизвестном семитском языке кочевых народов из южной пустыни. Императору, скорее всего, принесли только перевод — и,

вероятно, с уничижительными примечаниями переводчика.

Это был странный вызов, написанный невразумительным, цветистым языком. Отправил его некто, называвший себя «Мухаммед Пророк Бога». Этот Мухаммед, судя по всему, требовал от Ираклия признать единого подлинного Бога и служить Ему. Уяснить что-либо определенное из этого послания оказалось совершенно невозможно.

Но в Ктесифоне об этом Мухаммеде знали больше. Говорили, что этот назойливый лжепророк принялся настраивать Йемен, богатую провинцию в Южной Аравии, восстать против Царя царей.

Пока что персидскому царю Каваду было недосуг заниматься этим делом. Он низложил и убил своего отца Хосрова II, и теперь все его время поглощала реорганизация персидской армии. Каваду принесли такое же послание, как и то, что получил Ираклий. Происшедшее только разозлило царя персов. Он порвал письмо, швырнул обрывками в посланника и приказал тому убираться прочь.

Когда об этом доложили тому, кто отправил все эти послания из далекой Медины, убогого грязного городишки, тот был очень разгневан. «Да будет так, о Аллах! — вскричал он. — Так отбери же у него его

царство!» (628)

Но прежде чем продолжить рассказ о том, как ислам пришел в мир, завершим наш краткий обзор общественных условий в Азии в начале VII в. Стоит также сказать пару слов и о религиозном развитии персидского общества в Сасанидский период.

Начиная с дней Кира, зороастризм взял верх над древними богами Ниневии и Вавилона. Зороастр (греческая транскрипция иранского «Заратустра»), как и Будда, был арием. Нам не известно доподлинно, в каком именно веке он жил — одни авторитеты относят время его жизни к X в. до н. э.,

другие считают его современником Будды и Конфуция. Столь же мало нам известно о месте его рождения и о том, из какого именно народа он происходил.

Учение Зороастра сохранила для нас «Авеста», но мы не станем детально рассматривать это учение, потому что оно не играет значительной роли в современном мире.

Центральная часть зороастрийской религии сводилась к противостоянию двух богов: бога добра Ормазда — бога света, правды, прямоты, солнца, и бога зла Аримана — бога лжи, тайных заговоров, хитрости, дипломатии, тьмы и ночи. Когда зороастризм впервые появился

на исторической арене, он уже был окружен церемониальной и жреческой системой. У него не было изображений, но были жрецы, храмы и алтари, на которых горел священный огонь и на которых совершались священные ритуалы этой религии. Среди других отличительных черт — запрет на погребение или сожжение умерших. Парсы Индии, последние оставшиеся зороастрийцы, до сих пор выносят своих умерших в особые открытые башни, Башни тишины, куда слетаются грифы.

При Сасанидских царях, начиная с Ардашира (227), эта религия стала государственной, ее глава был

вторым человеком в государстве после царя, а сам царь, совершенно как в древние времена, считался божественным и состоящим в особом родстве с Ормаздом.

Но религиозное брожение, начавшееся в мире, пошатнуло бесспорное главенство зороастризма в Персидской империи. Сказалось не только мощное распространение христианства на восток, на что мы уже обращали внимание, но и в самой Персии появились новые секты, впитавшие в себя новшества и представления своего времени.

Одним из ранних ответвлений зороастризма был митраизм. Он распространился в Европе в I

столетии до н. э., после восточных походов Помпея Великого. Он был исключительно популярен среди солдат и простонародья и вплоть до времени Константина Великого продолжал оставаться серьезным соперником христианства. Митра был бог света, «происходящий» от Ормазда и рожденный чудесным образом, во многом напоминающим то, как исходит третья ипостась христианской Троицы от первой. Об этой ветви зороастрийского ствола больше нет необходимости говорить. В III столетии н. э., однако, появилась еще одна религия, манихейство, которая заслуживает некоторого внимания.

Мани, основатель манихейства, родился в 216 г. в добропорядочной семье в Эктабанах, древней индийской столице. Образование он получил в Ктесифоне. Его отец был своего рода религиозным чиновником, и Мани воспитывался в атмосфере философских и религиозных дискуссий. Затем к Мани пришло убеждение — движущая сила всех зачинателей религий, что он, наконец, обрел окончательное просветление. Мани решил, что настало время познакомить мир со своими взглядами. В 242 г., после восшествия на трон Шапура I, второго Сасанидского монарха, он

принялся проповедовать свое учение.

Вполне показательно для того времени, что его учение не избежало теокразии. Он не пришел, говорил Мани, чтобы проповедовать что-то новое. Великие основатели религий до него все были правы. Моисей, Зороастр, Будда, Иисус Христос — все они были подлинными пророками, но только ему было предначертано прояснить и увенчать их неправильно понятое учение. Делал он это, используя зороастрийские символы. Он объяснял сложности и противоречия жизни конфликтом света и тьмы. Ормазд был Бог, а Ариман — Сатана. О его идеях про то, как был создан

человек, как он пал из света во тьму, как он будет освобожден из-под власти тьмы, и о той роли, которая Иисусу была отведена в этой необычной смеси религий — мы не сможем рассказать здесь, даже если бы это было в наших силах. Наш интерес к этой доктрине — исторический, а не богословский.

С исторической же точки зрения чрезвычайно интересен тот факт, что Мани не только исходил весь Иран, проповедуя свое новое и, как он считал, окончательное учение. Он побывал также в Туркестане, в Индии и, перейдя через горные перевалы, — в Китае. Следует обратить внимание на эту свободу

передвижения и потому, что Туркестан, как мы видим, больше не был страной свирепых кочевников. Теперь это была страна, в которой процветали города и люди обладали образованием и досугом, достаточным для богословских диспутов.

Идеи Мани чрезвычайно быстро распространялись на Восток и на Запад, став питательной почвой для ересей по всему христианскому миру почти на целое тысячелетие.

Где-то около 270 г. Мани вернулся в Ктесифон и многих обратил в персидской столице в свою веру. Это навлекло на него гнев государственной религии и

жречества. В 273 г. правящий монарх приказал распять его. С его тела, неизвестно зачем, содрали кожу, и начались неистовые преследования приверженцев новой религии. Тем не менее манихейство сохраняло на протяжении нескольких веков свое положение в Персии наряду с несторианским христианством и ортодоксальным зороастризмом (маздаизмом).

Совершенно очевидно, что в V и VI столетиях н. э. не только Персия, но и весь регион нынешнего Туркестана и Афганистана был значительно цивилизованнее Франции и Англии того же времени. Покров неизвестности над историей

этих регионов был приподнят в начале нашего века; была открыта очень значительная литература, написанная не только на языках тюркской группы, но и на согдийском и еще на одном из арийских языков. Эти рукописи, дошедшие до наших дней, датируют временем, начиная с VII в. Их алфавит — адаптированный вариант арамейского, принесенного манихейскими миссионерами. Многие из открытых манускриптов — лоскуты пергамента, которые еще совсем недавно вставляли в оконные проемы вместо стекла, написаны в изящном стиле и не уступают любому манускрипту, вышедшему из-

под руки бенедиктинского монаха-переписчика. Среди обширной манихейской литературы во множестве встречаются переводы из Священного Письма христиан, а также буддийские тексты. Многое из этого материала еще ожидает своего изучения.

Эта область Центральной Азии оставалась все еще преимущественно арийской по речи и культуре, а ее искусство тяготело к индийским и персидским образцам. Все это говорит о том, что эти века, в которые Европа оказалась отброшенной назад, были временем сравнительного прогресса Центральной Азии к востоку от

Китая.

Из-за благоприятных климатических изменений азиатская цивилизация в то время переживала период развития и утонченности. В Берлине можно видеть коллекцию фресок из Туркестана того периода, на которых изображены костюмы и утварь, предвосхищающие самым удивительным образом одежду и утварь Франции и Германии XIII в. (то есть шести столетий спустя). Также на этих картинах можно увидеть знакомые фигурку и символы королей, королев и валетов из карточной колоды. Культурная жизнь этого региона в VI–VII вв. сравнима с расцветом европейского

средневековья. На сценах, представленных на этих картинах, светловолосые и темноволосые люди соседствуют с множеством рыжеволосых, что говорит о межрасовом смешении.

Западная миграция к северу от Каспия гуннских народов, которых теперь называли татарами и тюрками, все еще продолжалась в VI в., но теперь ее следует воспринимать скорее как отток избыточного населения, чем переселение целых народов. Мир от Дуная до китайских границ был по-прежнему преимущественно кочевым, и города, большие и малые, вырастали лишь на основных

торговых путях.

Мы уже упоминали о том, как юэчжи переселились в Индию, подобно индоскифам (индопарфянам) во II столетии. Остатки этих юэчжей кочевали в Центральной Азии, становясь все более многочисленными в степях Туркестана. Теперь их знали как эфталитов, или белых гуннов. После того как они три века оставались постоянной угрозой для персов, эфталиты начали вторгаться в Индию по следам своих сородичей — примерно в 470 г., менее чем через четверть столетия после смерти Атилы. Они не мигрировали в Индию, а лишь совершали

периодические набеги, оставляя после себя разграбленные города и села, и возвращались с добычей в свою степную родину. Так и гунны, обосновавшись на просторной Дунайской равнине, опустошали оттуда Европу.

На Индию этих семи столетий, которые мы сейчас рассматриваем, огромное влияние оказали вторжения юэчжей и индо-скифов, которые, как мы уже говорили, стерли последние следы греческого правления, а также эфталитов. До индоскифов еще одна волна снявшихся со своих мест кочевников, саков, нахлынула на Индию. Таким образом, Индия пережила три волны

варварских вторжений: в I в. до н. э., в начале II в. н. э. и около 470 г. Но только второе из этих вторжений представляло собой постоянное завоевание и заселение захваченных земель. Индоскифы осели возле северо-западной границы и дали начало Кушанской династии, которая правила большей частью Северной Индии, вплоть до Бенареса на востоке.

Наиболее заметным среди кушанских монархов был Канишка (датировка неизвестна, вероятно, начало II в.), который присоединил к Северной Индии Кашгар, Яркенд и Хотан. Как и Ашока, Канишка был ревностным буддистом и одним из

величайших покровителей буддизма. Канишка способствовал распространению буддизма, и Кушанская империя на севере Индии, должно быть, привела Индию к более тесным и частым контактам с Китаем и Тибетом.

О последующих дроблениях и слияниях государств в Индии сложно рассказать в нескольких словах. Временами Индия походила на лоскутное одеяло, распадаясь на множество мелких владений. А иногда империи, подобные империи Гуптов, распространялись на значительные территории. Империя Гуптов достигла расцвета в IV–VI вв., под ее покровительством возник

современный индуизм. Этот период отмечен также значительной литературной активностью. Но все это мало сказывалось на повседневной жизни индийских народов. Брахманизм уживался с буддизмом, две религии процветали бок о бок. Основная масса населения жила тогда во многом, как и сейчас: одевались, возделывали землю и строили дома почти так же, как и в наши дни.

Вторжение эфталитов запомнилось не столько своими долговременными последствиями, сколько жестокостями, которые они совершали. Эти эфталиты очень напоминали гуннов Атилы в своем

варварстве. Они просто разоряли и грабили и не создали ничего, подобного Кушанской монархии. Их вожди после набегов возвращались на свои стойбища в Западном Туркестане. Михиракулу, их наиболее заметного предводителя, даже называли Аттилой Индии. Одно из его любимых развлечений, как говорит предание, было не из дешевых — он приказывал сбрасывать с кручи слонов, чтобы наблюдать затем за их мучениями. Эти зверства довели его данников — индийских князей до восстания, и Михиракула был изгнан из Индии (528).

Но конец набегам эфталитов в

Индию положили не индийцы, а тюрки, которых поддерживали персы. Они разорили главное становище эфталитов на реке Оке (Амударья) в 565 г., и после этого разгрома эфталиты полностью и очень быстро растворились в окружающем населении, как и европейские гунны после смерти Атиллы столетием раньше. Кочевники без своих пастбищ должны рассеяться, иначе и быть не может.

Мы не сможем проследить здесь, как выглядело развитие индийского искусства от дней Александра до пришествия ислама. Эллинистическое влияние на индийскую скульптуру и архитектуру

было значительным, мастера, и в особенности художники, постоянно перемещались между Персией, Центральной Азией и Индией. Буддийскому искусству присущи заметные эллинистические черты, и когда во II и последующих столетиях нашей эры буддизм, как мы уже говорили, распространялся в Китае, изящество и неповторимые особенности греческой скульптуры сказались и на китайских изображениях Будды, и на китайском религиозном искусстве в целом. Но индийский климат оказался прямо-таки губительным для произведений искусства, оказавшихся в забвении, — династии, теперь почти

совершенно забытые, жили прекрасной и утонченной жизнью, но мало что дошло до нас от всей их красоты.

Один из совершенно завораживающих памятников того времени, который дошел до нас, — пещерная живопись Аджанты недалеко от Хайдарабада. Со II по VII вв. н. э. там находился буддийский монастырь, с величественными залами и галереями, вырубленными прямо в скалах. За этот период, главным образом в V и VI вв., эти пещеры были украшены фресками, созданными на пожертвования монархов и состоятельных людей

несколькими умелыми художниками.

Сегодня мы с изумлением взираем на эти свидетельства, настолько красноречиво они передают пышную, блистательную и чувственную жизнь при дворе, которая в противном случае совершенно бы стерлась из памяти людей. О том, что именно изображено на многих из них, в наши дни нет однозначного мнения. На одних представлены сцены из жизни Будды и преданий, связанных с ним. Другие, похоже, посвящены богу Индре, а на некоторых просто показана повседневная жизнь при дворе индийских правителей. Одна сцена, как считают, изображает

прием послов от Хосрова II. Эти пещеры посетил во времена Мухаммеда Сюань-Цзан, китайский путешественник, о котором мы подробнее поговорим чуть позже.

Эти семь столетий, которые увидели начало и конец императоров в Риме и полный распад и перестройку общественной, экономической, политической и религиозной жизни Западной Европы, были также свидетелями глубоких перемен в китайском мире. Слишком часто китайские, японские и европейские историки высказывают предположение, что династия Хань, с которой начинается этот период в истории Китая, и

династия Тан, которая его завершает, были образованиями одного типа, контролировавшими одну и ту же империю, и что четыре столетия между концом династии Хань (220) и началом периода Тан (618) были столетиями скорее волнений и беспорядка, чем существенных перемен. Введенные в заблуждение тем фактом, что в конце, как и в начале этих четырех столетий, Китай занимал примерно то же самое положение в Азии и был все тем же узнаваемым Китаем, с единой культурой, письменностью, общественными представлениями, ученые упускают существенные разрывы и реконструкции, которые

произошли в этот период и которые являют собой параллели с европейским опытом в истории Китая.

Действительно общественное крушение в Китае никогда не было настолько полным, как в европейском мире. На протяжении всего этого периода сохранялись значительные области, в которых продолжалось развитие и совершенствование общественных отношений. Не было столь полного упадка в художественной и литературной продукции, что мы отмечаем на Западе, не было и настолько глубокого отказа от поиска красоты и удовольствия. В мире

появился чай, который начал распространяться из Китая. Некоторые китайские поэты в изящном стиле воспевали свои ощущения от первой чашки чая, второй и так далее. Китай продолжал создавать прекрасные картины и много веков спустя после падения Хань. Во II–IV вв. были нарисованы одни из самых замечательных пейзажей, которые когда-либо изображала рука мастера. Продолжалось обширное производство прекрасных ваз и резных изделий. Строились и отделывались прекрасные дома. Примерно в одно время с появлением чая началось печатание текстов с

помощью деревянных досок, а в VII в. наступило заметное оживление поэзии.

Существенные различия между великими империями Запада и Востока благоприятно отразились на стабильности последних. В Китае не было общей монетной системы. Денежная и кредитная система западного типа, эффективная и уязвимая одновременно, не напрягала его экономическую жизнь. И дело не в том, что Китай не был знаком с идеей денег. Для мелких сделок различные провинции использовали «наличность» из цинка и бронзы, своеобразные китайские монеты с отверстием посередине, но

для крупных операций использовали только проштампованные слитки серебра. Эта великая империя продолжала вести большинство своих дел на основе натурального обмена, подобно тому, как это было в Вавилоне во времена арамейских торговцев. И так продолжалось до начала XII столетия.

Мы видели, как в Римской республике экономический и общественный порядок был разрушен слишком большой текучестью собственности, к которой привели деньги. Деньги стали абстрактной величиной и потеряли связь с подлинными ценностями, которые они должны

были символизировать. Люди и общины непостижимым образом увязли в долгах, а во главе общественной системы стал класс богачей-кредиторов, которые не управляли и не распоряжались каким-либо вещественным богатством, но обладали властью привлекать и накапливать деньги.

Никакого подобного развития «финансов» не произошло в Китае. Богатство в Китае оставалось подлинным и ощутимым. Поэтому Китай не нуждался ни в аналоге Лициниевых законов, ни в Тиберии Гракхе. Представление о собственности в Китае не выходило за рамки того, что можно было

пощупать. Не было ни рабского труда, ни массового использования труда пленников на особо тяжелых физических работах. Были девушки, которые выполняли домашнюю работы, и женщины, которых продавали и покупали, но это едва выходило за рамки обычного подчиненного положения женщин в условиях домостроа.

Тот, кто занимал и обрабатывал земельный участок, в большинстве случаев был и его владельцем, платившим только земельный налог. Среди землевладельцев выделялись крупные и мелкие, но не было огромных поместий и соответственно влиятельного класса

помещиков. Безземельные люди превращались в поденщиков, и свою плату они получали почти исключительно натурой, как и в Древнем Вавилоне.

Все это способствовало стабильности, а географическое положение Китая — единству. Тем не менее могущественная династия Хань постепенно клонилась к упадку, вероятно, ослабленная роскошью, и когда в конце II столетия мировая эпидемия чумы ударила по системе — той же чумы, что увенчала столетие беспорядков в Римской империи, — эта династия пала, как истлевшее дерево под ураганным ветром. И снова мы

встречаем тенденцию распадаться после потрясений на несколько враждующих государств и те же варварские вторжения — на Востоке, как и на Западе.

Г-н Фу^[53] приписывает значительную роль в этом политическом бессилии Китая своего рода китайскому эпикурейству, восходящему, как он считает, к скептическому индивидуализму Лао-цзы. Эта фаза разделения известна в истории, как «Период Троецарствия». IV в. стал свидетелем династии более-менее цивилизованных гуннов, подчинивших себе провинцию Шэньси. Это гуннское царство

включало в себя не только север Китая, но и значительные области Сибири. Их династия впитала китайскую цивилизацию, и благодаря ее влиянию китайская торговля и китайское знание достигли почти полярного круга. Г-н Фу сравнивает эту сибирскую монархию с империей Карла Великого в Европе, о которой у нас пойдет речь впоследствии. Это были «китаизированные» варвары, — так и Карл Великий был варваром, испытавшим влияние романизации.

Из сплава этих сибирских и коренных северокитайских элементов возникла династия Суй, которая покорила себе и юг Китая.

Династия Суй отмечает начало возрождения Китая. Наступил также период значительной литературной активности. Увеличилось количество томов в императорской библиотеке до 54 тысяч, как нам говорят. Начало VII в. увидело начало великой династии Тан, которая просуществовала три столетия.

Возрождение Китая, которое началось с Суй и достигло расцвета в эпоху Тан, было на деле, как утверждает г-н Фу, новым рождением. «Его дух, — пишет он, — был совершенно новым. Он отмечает цивилизацию Тан совершенно новыми отличительными чертами. Четыре основных фактора

соединились и сплавились в ней воедино: а) китайская либеральная культура; б) китайская классика; в) индийский буддизм; г) северная воинственность.

«Родился новый Китай. Провинциальная система, центральное администрирование и военная организация Тан были совершенно иными, чем у ее предшественников. Искусства испытали оживляющее индийское и центрально-азиатское влияния. Литература была чем-то совершенно новым, а не простым продолжением старой. Религиозные и философские школы буддизма таюке отличались самобытными чертами. Это был

период существенных перемен».

«Интересно сравнить это становление нового Китая с последними днями Римской империи. Так же, как римский мир был разделен на восточные и западные половины, так и китайский мир был поделен на южную и северную. И Рим, и Китай одинаково пережили варварские вторжения. Они породили государства примерно одного типа. Империю Карла Великого можно сопоставить с Сибирской династией (поздняя Вэй); временное возвращение Западной империи Юстинианом можно сравнить с завоеванием севера Ли Юанем. Династии византийских

императоров схожи с южнокитайскими. Но с этой точки два мира начинают расходиться. Китай восстановил свое единство. Европе еще предстоит это сделать».

Владения императора Тайцзуна (627), второго танского правителя, протянулись на юг до Вьетнама и на запад до Каспийского моря. В этом направлении его южные границы подходили к персидским. Северная граница пролегла от киргизской степи вдоль Алтая к северу от пустыни Гоби. Корея была завоевана и превращена в данника его сыном. Династия Тан цивилизовала на китайский манер и включила в состав китайской нации все

проживавшие на юге народы, и как китайцы севера называют себя «людьми Хань», так китайцы юга называют себя «людьми Тан». Были составлены новые уложения законов, реформирована образовательная система, издано полное и точное собрание всех классических китайских произведений.

Ко двору Тайцзуна прибыло посольство из Византии; и, что еще более значимо, из Персии прибыла группа миссионеров-несториан (635). Этих последних Тайцзун принял с великими почестями. Он выслушал, как они изложили основные положения своей веры, и приказал перевести христианские

писания на китайский, чтобы он мог познакомиться с ними более детально.

В 638 г. он объявил, что нашел новую религию вполне удовлетворительной и что ее можно проповедовать в пределах его империи. Он также позволил построить церковь и заложить монастырь. В Сиане в наши дни существует каменная стела (памятник китайского несторианства), датируемая примерно 781 г., на которой вырезано по-китайски описание всех этих события.

Еще более примечательное посольство прибыло ко двору

Тайцзуна в 628 г., на семь лет раньше, чем несториане. Оно состояло частично из арабов, которые прибыли по морю в Кантон на торговом корабле из Янбу, порта в Аравии недалеко от Медины (корабли уже активно использовались в восточной и западной торговле того времени). Этих арабов направил все тот же Мухаммед, величавший себя «Пророком Бога», и послание, которое они доставили Тайцзуну, было, вероятно, идентично тем, которые получили в том же году византийский император Ираклий и Кавад в Ктесифоне.

Китайский правитель не

проигнорировал это послание, как поступил Ираклий, но и не стал оскорблять послов, подобно отцеубийце Каваду. Он принял их хорошо, выказал глубокую заинтересованность их теологическими воззрениями и даже помог им, как говорят, построить мечеть для арабских торговцев в Кантоне — мечеть, которая сохранилась до наших дней. Это одна из старейших мечетей в мире.

Городская жизнь, культура и могущество Китая при ранних

танских правителях представляют собой такой яркий контраст с упадком, беспорядками и развалом в Западном мире, что сразу же встает один из самых любопытных вопросов в истории цивилизации. Почему Китай не сохранил это мировое лидерство, которое он обрел благодаря своему быстрому возвращению к единству и порядку? Почему он и по сей день не доминирует в мире культурно и политически?

Какое-то время Китай, бесспорно, сохранял свое лидерство. Мы можем с уверенностью сказать, что только через тысячу лет, в XVI и XVII вв., с открытием Америки,

распространением книгопечатания и образования на Западе и с зарождением современного научного подхода западный мир снова начал обгонять Китай. При правителях Тан, в его величайший период, и далее, при утонченной, но несколько упадочной династии Сун (960–1279), в период правления просвещенных Мин (1368–1644) Китай являл собой зрелище процветания, счастья и творческой активности, значительно превосходя любое современное государство. И раз он добился столь многого, почему он не достиг еще больше? Перед китайскими кораблями были открыты просторы морей. В то время уже существовала

значительная заморская торговля. Так почему же не китайцы открыли Америку или Австралию?

Существуют древние бушменские наскальные изображения, которые, возможно, указывают на то, что отдельные китайские корабли достигали Южной Африки в некое точно не установленное время. Говорят, что в Мексике также прослеживаются следы побывавших там китайцев и что китайские наскальные изображения есть в Новой Зеландии. Но если это и так, все эти случайные открытия получили не большее продолжение, чем плавание вокруг Африки карфагенян или первые

посещения скандинавами Америки. Необходимо нечто большее, чем индивидуальный гений и личная инициатива, чтобы сделать эти открытия достоянием общества, чтобы они принесли плоды и воплотились в установившееся и пригодное для употребления знание. Само общество должно быть готово к этому.

В Китае, конечно же, как и в других частях света, не было недостатка в личной наблюдательности и изобретательности. Китайцы знали о порохе в VI в., они использовали местное отопление на газе и угле за столетия до того, как этому

научились в Европе. Они превосходно строили мосты, на высоте была их гидравлика, знание минералов, которое демонстрируют их антикварные изделия, было очень велико. Почему же они так и не смогли организовать систему совместного исследования и фиксирования полученных в результате исследований знаний, которую дала миру современная наука? И почему, несмотря на их прекрасную подготовку в хороших манерах и самообладании, интеллектуальное образование так и не пошло в широкие массы населения?

Интеллектуальная инициатива,

свободное предпринимательство, склонность к эксперименту, которые, как предполагается, характеризуют западное сознание, совершенно очевидно проявляются в истории этого сознания только во время особых периодов и при особых обстоятельствах. Во всем остальном Западный мир демонстрирует тот же традиционализм и консерватизм, что и Китай. С другой стороны, китайский ум, когда для этого есть стимулы, проявляет себя столь же гибким и изобретательным, как и европейский, и даже в большей степени, чем близкое ему японское сознание.

Возьмем для примера греков.

Весь период их интеллектуального расцвета попадает на период между VI столетием до н. э. и упадком александрийского Мусея при поздних Птолемах во II в. до н. э. Греки были и до, и после этого времени, но история тысячи лет Византийской империи демонстрирует нам греческий мир, по меньшей мере, в таком же интеллектуальном застое, что и Китай. Мы уже обращали внимание на сравнительную бесплодность итальянского ума на протяжении римского периода и его обильное плодоношение во времена Возрождения учености. Англичане отличались непревзойденной ученостью в VI и VII вв. н. э., но

далее ничем не смогли отличиться вплоть до XV в. Снова же арабская цивилизация, как мы впоследствии расскажем, словно звезда, вспыхнула и светила на протяжении десяти — пятнадцати поколений с момента появления ислама, при этом не отличаясь ничем более-менее значимым ни до, ни после этого.

Китай же демонстрировал стабильную, пусть и разрозненную изобретательность; и прогресс китайского искусства свидетельствует о постоянных новых течениях и мощных инновациях. Мы слишком преувеличиваем благоговение китайцев перед их отцами — отцеубийство было

гораздо более распространенным преступлением среди китайских императоров, чем даже среди правителей Персии. Более того, Китай знал несколько либеральных движений и восстаний против «путей древности».

В дни Тан, Сун и Мин Китай, должно быть, не знал недостатка в обеспеченных людях, представлявших примерно тот же класс, что и молодежь, которая наполняла Академию в Афинах, или деятели Возрождения в Италии. И все же Китай в эти благоприятные периоды не сумел создать сколько-нибудь значительных систем из зафиксированных и

проанализированных фактов.

Если мы отбрасываем всякое представление о том, что существуют глубокие расовые различия между Китаем и Западом, которые делают китайца по природе консервативным, а европейца — прогрессивным, мы вынуждены будем искать истинную причину этой разницы в другом направлении. Многие склонны находить эту причину, которая, несмотря на все ее первоначальные преимущества, так тормозила Китай на протяжении последних четырех или пяти столетий, в скованности китайского ума образным мышлением и неповторимой китайской письменностью,

настолько усложненной и запутанной, что умственная энергия этой страны уходит значительным образом на то, чтобы овладеть ею. Эта точка зрения заслуживает более внимательного рассмотрения.

Мы уже рассказывали об отличительных особенностях китайского письма и китайского языка. Японская письменность произошла от китайской, но состоит из системы знаков, отличающихся более быстрым написанием. Значительная часть этих знаков — идеограммы, взятые из китайского и применяемые таким же образом, как и китайские идеограммы, но с прибавлением ряда знаков,

обозначающих слоги. Существует также японская слоговая азбука на манер шумерской слоговой азбуки, которую мы уже описывали в одной из ранних глав. Японское письмо остается довольно неуклюжей системой, такой же неуклюжей, как и клинопись, хотя и не настолько, как китайское. В Японии даже было движение за то, чтобы перенять западный алфавит. Корея уже давно сделала шаг вперед и создала подлинный алфавит на основе все тех же китайских иероглифов.

Все остальные значительные системы письма, которыми сейчас пользуются в мире, основаны на средиземноморских алфавитах, учить

их и пользоваться ими несравненно легче, чем китайским. Это означает, что в то время, как другие народы учат сравнительно простой и доступный метод излагать свои мысли на языке, который им знаком, китайцу приходится овладевать огромным множеством сложных слов-знаков и слов-групп. Он должен не просто выучить знаки, но также принятое группирование этих знаков для выражения различных значений. Китаец должен познакомиться для этого с определенным числом показательных классических произведений. Как следствие в Китае хоть и можно найти огромное количество людей, которым знакомо

значение наиболее часто встречающихся иероглифов, далеко не все обладают достаточно обширными знаниями, чтобы понять значение газетной статьи, и еще меньше тех, кому доступны стилистические тонкости и редкие оттенки значений. В меньшей степени это справедливо в отношении Японии.

Нет сомнения, что читатели-европейцы, особенно таких богатых лексически языков, как английский или русский, во многом также отличаются тем, насколько они могут понять содержание книг, которые прочитали. Их понимание разнится в зависимости от их словарного

запаса. Но соответствующие им уровни интеллекта среди китайцев вынуждены тратить гораздо больше времени и труда на то, чтобы понять смысл прочитанного. Образование аристократа в Китае — это главным образом овладение умением читать.

Особенности китайского письма и образовательная система, выросшая на его основе, должно быть, век за веком действовали как фильтр, отделяя гибкие и способные умы от посредственных и своенравных и лишая последних положения, дающего влияние и власть. Такое объяснение кажется вполне правдоподобным.

Впрочем, в своей окончательной

строгости эта классическая экзаменационная система сложилась лишь ко времени сравнительно недавней династии Мин. Династия Мин (1368–1644) отличалась патриотичным и консервативным характером, вернув власть в стране китайцам после правления монголов. Первый из императоров Мин, перестроивший экзаменационную систему в сторону более трудной и взыскательной, сказал: «Это приведет всех мудрецов мира в мои сети». «Пять Классиков и Четыре Книги» целиком опутали разум Китая. Когда человеку удавалось пробиться через них, его система ценностей становилась такой же

несгибаемо консервативной, как и у классического ученого из Оксфорда.

Предпринималось несколько попыток упростить китайское письмо и приспособить для него алфавитную систему. Когда в Китае начинал распространяться буддизм, осуществлялось значительное количество переводов с санскрита, и под индийским влиянием попытки создать китайскую алфавитную систему едва не увенчались успехом. Были разработаны два китайских алфавита, но ни тем ни другим почти не пользовались. Помехой для повсеместного их использования (это и сейчас стоит на пути любой фонетической системы китайского

письма) было то, что литературный стиль и фразеология одни и те же по всему Китаю, в то время как разговорный язык простонародья и в произношении, и в общеупотребительных выражениях разнится настолько, что люди из одной провинции могут совершенно не понимать, что говорят выходцы из другой. Существует, однако, «стандартный китайский», скорее литературный, чем разговорный, который понимают в целом массы образованных людей. И именно с возможностью применения алфавитной системы письма к этому стандартному китайскому связывают свои надежды многие реформаторы

образовательной системы в современном Китае. Составлен китайский алфавит, его преподают в общеобразовательных школах, на нем выпускают газеты и книги для широких масс. Была упразднена и косная экзаменационная система, которая убивала интеллектуальную инициативу.

Тысячелетиями китайская система, хоть временами ее трясло и качало, была неподвластна разложению. Приходили и уходили династии, случались восстания, периоды беспорядков, голода, эпидемий. Китай пережил два великих иноземных вторжения, которые привели иноземные

династии на трон Сына Неба. Но ни одно потрясение не смогло революционизировать порядок вещей в Поднебесной. Императоры и династии сменяли одна другую, но оставались мандарины, классика, традиции и повседневность китайской жизни.

Начиная с дней династии Тан, китайская цивилизация постепенно и неотвратно распространялась во Вьетнам, Камбоджу, Сиам, Тибет, Непал, Корею, Монголию и Манчжурию, но обращает на себя внимание нечто больше, чем поступательное движение этой культуры по дальневосточным странам. Китайцы VII в. н. э. уже

были в своей сущности столь же высоко цивилизованным народом, как и тысячу лет спустя.

Теперь мы можем кратко остановиться на искусстве и архитектуре Китая во времена Хань и Тан, а также тех династий, которые были в промежутке между ними. По причинам, которые нам совершенно не ясны, китайцы всегда предпочитали в строительстве дерево и кирпич камню. Однако в Китае нет недостатка в хорошем строительном камне. Почти не сохранилось никаких руин и никаких каменных строений, за исключением Великой китайской стены, датируемых ранее XI в. н. э. Но картины и летописи,

сохранившиеся до наших дней, свидетельствуют о давней традиции, уходящей корнями ко временам династии Цинь или даже ранее.

Прообразом для самых ранних строений послужил монгольский шатер. Основная их черта — огромная крыша, с двумя или тремя ярусами, украшенная резным и лакированным деревом. Крыша может быть отделана также покрытием из ярко раскрашенной черепицы. Дома, в основном одноэтажные, растянутые горизонтально. Одна из наиболее распространенных черт китайского стиля — это разнообразные арочные конструкции. Немало в Китае

каменных мостов, некоторые из них отличаются неповторимой красотой.

Третий тип вертикального строения — это пагода, словно устремленная в небеса. Пагода, а также террасы и балюстрады завершают обобщенную схему китайских строений. Таким был архитектурный ландшафт Китая к началу христианской эры, таким он остается и по сей день. О пагоде говорят и, возможно, неточно, что своим появлением она обязана влиянию индийских буддистов и является китайским соответствием индийских культовых сооружений — буддийских ступ.

Это же безразличие к

долговечным материалам сказалось и на нашем знании китайского пластического искусства до династии Хань. Едва ли не единственное исключение — это бронза. Нам известны бронзовые сосуды и фигуры династии Чжоу и даже Шан. Они выполнены с таким изяществом и так умело, что это заставляет предполагать, что в те времена существовало огромное множество столь же мастерски выполненных произведений искусства, исчезнувших к нашему времени. Только во времена династии Хань, после начала христианской эры, мы подходим к периоду китайской жизни, который

оставил нам множество свидетельств в других материалах.

Живопись, по общему мнению, была ведущим искусством Китая, и уже в период Хань создавались прекрасные картины. Некоторые из этих работ сохранились до наших дней, и они демонстрируют зрелость и мастерство, которые указывают на устоявшуюся художественную школу. Китайская живопись — это исключительно акварель; вместо величественных фресок мы обнаруживаем картины на шелке и бумаге, и они отличаются от западных работ своим явным избеганием пространственных и перспективных композиций.

Китайская картина плоскостная, но словно наполненная воздухом; она выполнена тонкими изящными штрихами и куда более сосредоточена на пейзажных сюжетах, чем на детальном изображении человеческого тела. Династия Тан, по мнению многих критиков, ознаменовала собой вершину китайской живописи.

Китайская скульптура едва поспевала за китайским изобразительным искусством и едва ли достойна упоминания рядом с европейскими работами. Но китайская керамика остается непревзойденной. Китайцы обжигали свои знаменитые вазы при

гораздо более высоких температурах, чем на Западе, и уже к концу периода Тан производили фарфор и непревзойденную глазурь. Еще в эпоху Хань керамика отличалась особой прочностью и изяществом.

Многочисленные керамические фигурки слуг, лошадей, верблюдов и так далее, датируемые начиная с периода Тан, украшают сейчас европейские дома и коллекции. Их достают из могил, куда их клали вместо рабов и животных, которых убивали на могилах в более варварском прошлом. Эти погребальные убийства, которые осуществлялись для того, чтобы почивший

МОНГОЛЬСКИЙ ВОЖДЬ и в стране теней не знал недостатка ни в слугах, ни во вьючных животных, сохранялись в Китае до VII или VI вв. до н. э. Затем их заменили керамическими фигурками. Гунны времен Атилы все еще соблюдали этот древний обычай и продолжали выполнять этот кровавый обряд на могилах своих вождей. Но в Египте он отжил свое еще до самых ранних династий и тоже уступил место погребальным изображениям.

В 629 г., спустя год после

прибытия посланников в Кантон и тридцать с лишним лет после того, как миссионеры, посланные Папой Григорием, ступили на землю Англии, некий ученый и ревностный буддист по имени Сюань-Цзан отправился в путь из Сианя (Чанъаня), столицы императора Тайцзуна, в свое великое путешествие в Индию. Он пробыл в пути шестнадцать лет. Вернувшись в 645 г., он описал свои путешествия в книге, которой суждено было пополнить собой сокровищницу китайской классической литературы. Мы не можем пройти мимо нескольких моментов из его путевых заметок, так как они дополнят наше

представление о том, как выглядел мир в VII в. н. э.

Сюань-Цзана отличала любовь к удивительным историям, которые он записывал так же доверчиво, как и Геродот, хоть у него и не было того тонкого чувства истории, которым обладал «отец истории». Он не оставлял ни один древний памятник или руину, не разузнав у окружающих какую-либо невероятную историю, связанную с этим местом. Китайские представления о литературе как о высоком искусстве, вероятно, не позволили ему в деталях рассказать, как он путешествовал, кто были его провожатые, где и как его принимали на ночлег, что он ел и чем оплачивал

свои расходы, — эти детали бесценны для историка. Тем не менее он оставил немало ярких и поучительных картин из жизни Китая, Центральной Азии и Индии того периода, который мы рассматриваем.

Его путешествие было уникальным для того времени. Выступил он по северному пути, пересек пустыню Гоби, прошел вдоль южных склонов Тянь-Шаня, обогнул глубокое озеро Иссык-Куль и так добрался до Самарканда, а далее, почти по следам Александра Великого, повернул на юг и через Хайберский перевал и Пешавар вошел в Индию. Возвращался он

южным маршрутом, для этого ему пришлось пересечь весь Памир от Афганистана до Кашгара, а далее — в противоположном направлении того пути, которым прошли юэчжи семь столетий назад, — через Яркенд, вдоль склонов Кунь-луня он вышел на свой прежний путь возле края Великой стены, граничащего с пустыней. Его перемещения по Индии теперь не представляется возможным проследить — он пробыл там четырнадцать лет и обошел весь полуостров, от Непала до Цейлона.

В то время в силе был императорский указ, запрещающий подданным Поднебесной покидать

пределы империи, так что Сюань-Цзан покинул Сиань, словно преступник, бегущий от наказания. За ним даже выслали погоню, чтобы помешать ему осуществить задуманное. Описание того, как он купил у странного седобородого человека рыжую кобылу, которая знала путь через пустыню, как ему удалось обойти пограничный пост с помощью «чужеземца», который соорудил для него мост из ивняка ниже по течению приграничной реки, как он перешел через пустыню, определяя путь по останкам людей и животных, как он видел мираж в пустыне и как его дважды едва не изрешетили стрелами из сторожевых

башен на дорогах через пустыню, читатель сможет найти в его «Жизни».

Путешественник заблудился в пустыне Гоби и четыре ночи и пять дней провел без воды. Позднее, когда он уже был в горах среди ледников, двенадцать из его провожатых замерзли во льдах насмерть. Все это описано в его «Жизни», в рассказе о своих путешествиях он почти не упоминает об этом.

Он знакомит нас с тюрками, этими новыми продолжателями традиции гуннов, которые держали в своих руках не только те края, которые мы зовем теперь Туркестаном, но и всю

протяженность северного пути. Он упоминает многие города, отмечая при этом прекрасно возделанные поля. Он был принят разными правителями, союзниками и данниками Китая. Среди прочих особо выделяется фигура хана тюрков, величественная личность, облаченная в зеленый бархат, с длинными волосами, повязанными шелком.

«Золотая вышивка на ханском шатре сияла ослепительной красотой и пышностью. По обе стороны восседали на циновках его приближенные и советники, все как один одетые в роскошные парчовые халаты, пока остальная свита стояла

несколько поодаль. Ты сам сможешь убедиться, что хотя это был и пограничный правитель, но все при его дворе дышало благородством и утонченным вкусом.

Хан, выйдя из шатра, сделал около тридцати шагов навстречу Сюань-Цзану, который после любезного обмена приветствиями вошел в шатер... После небольшого перерыва допустили и послов из Китая и Гаочана, которые поспешили вручить свои верительные грамоты и послания, которые хан внимательно прочел. Обрадованный, он пригласил послов занять место подле него на циновках. Затем хан приказал принести вино для себя и послов и

напиток из винограда для буддийского паломника и подал знак музыкантам. Тут же зазвучали здравицы в честь хозяина и гостей, зазвенели чаши, которые снова немедля наполнялись служителями. Музыканты, игравшие на самых разнообразных инструментах, тоже старались вовсю, и громкая музыка наполнила шатер. И хотя это были непривычные звуки простонародной музыки, да к тому же и чужеземной, она удивительно ласкала слух и ободряла чувства.

Вскоро гостиам поднесли целые горы жареной говядины и баранины, а паломнику подали дозволенную пищу, как-то: печенье,

молоко, сладости, мед и виноград. После угощения снова принесли виноградный напиток, и хан обратился к Сюань-Цзану, прося его немедленно наложить основы его учения. Паломник поведал ему о «десяти добродетелях», сострадании к животным, изложил значение парамит и учение об освобождении. Хан же, воздев руки, поклонился в ответ и, уверовав, с радостью принял учение».

О Самарканде Сюань-Цзан рассказывает как о просторном и процветающем городе, «огромном перевалочном пункте на пути торговых караванов. Земля же вокруг него исключительно плодородна,

изобилует деревьями и цветами, а также там выращивают прекрасных лошадей. Обитатели города все умелые мастера, толковые и охотно берутся за любое дело». Не стоит забывать, что в это время в англосаксонской Англии едва ли был хоть один город.

Однако, переходя к повествованию обо всем увиденном в Индии, благочестивый пилигрим в Сюань-Цзане берет верх над наблюдательным путешественником, и далее книга наполнена совершенно чудовищными историями о разных невероятных чудесах. Тем не менее автор делится впечатлениями о домах, об одежде и так далее, очень

похожих на те, которыми пользуются
и в наши дни в Индии. Тогда, как и
теперь, калейдоскопическая
пестрота индийской толпы
контрастировала с безликой массой в
голубых униформах Китая.

Сомнительно, чтобы во времена
Будды в Индии письменность и
чтение были широко
распространены. Но когда китайский
паломник посетил Индию,
грамотность была уже вполне
распространенным явлением.
Сюань-Цзан очень интересно
рассказывает о величественном
буддийском университете в Наланде
— его руины были недавно
обнаружены и раскопаны

археологами. Наланда и Таксила были, по всей видимости, весьма значительными образовательными центрами, открытыми примерно в то же время, что и ранние философские школы в Афинах. Он также посетил пещеры Аджанты, о которых мы уже рассказывали. Несмотря на влияние буддизма, кастовая система в Индии, как обнаружил Сюань-Цзян, вполне устоялась, главенствующее положение брахманов было совершенно неоспоримо. Он называет те четыре касты, о которых мы уже упоминали, но в его передаче их положение и занятия выглядят несколько отличными. Шудры, по его словам, это каста земледельцев.

Индийские же авторы говорят, что их обязанностью было служить «дважды рожденным» из высших каст.

Впрочем, реалии индийской жизни почти не видны за нагромождением легенд и благочестивых домыслов, которыми изобилует эта часть повествования китайского паломника. Но именно ради них он проделал свой нелегкий путь и теперь мог отвести душу в родной стихии. Вера Будды, которая в дни Ашоки и даже еще во времена Канишки была все еще достаточно чистой, чтобы вдохновлять благородные сердца, теперь, как мы обнаруживаем совершенно

потерялась в дикой чаще нелепых фантазий, философии бесконечных Будд, сказках о чудесах, вроде чудесного зачатия от слона с шестью бивнями, о сострадательном царевиче, согласившемся быть съеденным голодной тигрицей, и тому подобное. И в соперничестве с этим интеллектуально обессиленным буддизмом брахманизм повсеместно делал успехи, как с сожалением отмечает Сюань-Цзян.

Но не только признаки глубокого интеллектуального упадка в Индии мы находим в повествовании Сюань-Цзяна. Постоянно он возвращается к описанию разрушенных и покинутых

городов. Значительная часть Индии все еще не могла оправиться от зверств эфталитов и последующего периода упадка.

Снова и снова мы встречаем у него подобные места: «Его путь на северо-запад пролегал через огромный лес. Дорога постепенно превратилась в узкую и небезопасную тропу, где путешественник мог столкнуться с диким быком и дикими слонами; а еще грабители и охотники, готовые расправиться с путешественником, подстерегали его в этом лесу. Все же, выбравшись из этого леса, он достиг страны Кушинакало (Кушинагара). Городская стена представляла собой

одни развалины, запустение царило и в близлежащих городах и селениях. Кирпичные фундаменты «старого города» (очевидно, столицы этого края) в окружности были длиной в десять ли. Обитателей в городе было немного, его внутренность постепенно поглощали окружающие леса». Подобное разорение не было, однако, повсеместным явлением — во всяком случае, у Сюань-Цзяна не меньше упоминаний о многолюдных городах и селах с возделанными и ухоженными полями.

«Жизнь» также рассказывает нам и о том, какой трудной была обратная дорога. Он попал в руки разбойников; слон, на котором он вез

самое дорогое из поклажи, утонул; ему пришлось приложить немало усилий, пока он раздобыл свежих вьючных лошадей.

Можно представить, с каким триумфом встречали Сюань-Цзана в китайской столице. О его прибытии, должно быть, заранее известили императорские курьеры. Встречали его со всеобщим ликованием: улицы были украшены торжественными флагами, повсюду звучала музыка. Путешественника на подъезде к столице встречал пышный эскорт. Двадцать лошадей понадобилось, чтобы перевезти все те ценности, которые он с таким трудом и усердием собрал за годы своих

путешествий. Он привез с собой сотни буддийских книг на санскрите; множество статуй Будды, больших и малых, из золота, серебра, горного хрусталя и сандалового дерева; буддийские религиозные изображения-мандалы. Помимо этого, в его собрании было не менее чем полторы сотни подлинных реликвий, связанных с Буддой.

Сюань-Цзан был представлен императору, который принял его как личного друга, сопровождал его во дворец и день за днем расспрашивал о всех тех диковинных землях, в которых так долго странствовал путешественник. Но когда император спрашивал об Индии, пилигрим был

настроен говорить только о буддизме.

В дальнейшей истории Сюань-Цзана особо примечательны два эпизода, которые бросают свет на то, что думал и к чему стремился Тайцзун, этот великий император, которого, вполне вероятно, можно считать столь же буддистом, как и христианином или мусульманином. Проблема со всеми знатоками религий заключается в том, что они слишком много знают о своей собственной религии и чем она отличается от прочих. Преимущество таких государственных мужей, монархов-строителей, как Тайцзун и Константин Великий, в том, что они сравнительно мало вникали во все

эти тонкости. Очевидно, что благо, лежащее в основе всех этих религий, Тайцзун воспринимал как единое основополагающее благо. Нет ничего удивительного в том, что он вследствие этих бесед предложил Сюань-Цзану оставить религиозную деятельность и стать его советником по иноземным державам. От этого предложения Сюань-Цзан отказался, даже не задумываясь. Тогда император настоял, чтобы он, по меньшей мере, написал отчет о своих путешествиях; и в результате появилось произведение, пополнившее сокровищницу китайской классической литературы. В итоге Тайцзун предложил

высокообразованному буддисту, чтобы он, воспользовавшись своим знанием санскрита, сделал перевод великого китайского учителя Лао-цзы, который таким образом стал бы доступен для индийского читателя.

По большому счету, думал он, Лао-цзы мог бы вполне сравняться, а то и превзойти Будду, а значит, если такая книга ляжет перед брахманами, они с радостью примут ее. Примерно с теми же чувствами Константин Великий делал все от него зависящее, чтобы примирить Ария с Афанасием. Но вполне естественно, что и это предложение Сюань-Цзан отклонил. Он удалился в монастырь, чтобы остаток сил и дней

посвятить переводу буддийских
текстов в изящные китайские
письмена.

Глава тридцатая

Мухаммед и ислам

1. Аравия до Мухаммеда.

2. Жизнь Мухаммеда до хиджры.

3. Мухаммед становится пророком-воином.

4. Учение ислама.

5. Халифы Абу Бекр и Омар.

6. Великие дни Омейядов.

7. Упадок ислама при Аббасидах.

8. Арабская культура.

9. Арабское

искусство

1

Мы уже описывали, как в 628 г. дворы Ираклия, Кавада и Тайцзуна посетили арабские послы, отправленные неким Мухаммедом, «Пророком Бога», из маленького торгового городка Медина в Аравии. Нам следует теперь рассказать, кто же был этот пророк, появившийся среди кочевников и торговцев аравийской пустыни.

С незапамятных времен Аравия,

кроме полосы плодородной земли на юге полуострова в районе Йемена, оставалась страной кочевников, родиной и постоянным местом обитания семитских народов. С Аравии в различные времена, словно волны, следующие одна за другой, эти кочевники распространялись на север, восток и запад на земли ранних цивилизаций Египта, Средиземноморского побережья и Месопотамии. Мы обращали внимание в нашем «Очерке», как были завоеваны шумеры: их цивилизацию поглотила одна из таких семитских волн; как семиты-финикийцы и хананеяне поселились вдоль восточных берегов

Средиземного моря; как семитские народы Вавилонии и Ассирии переняли оседлый образ жизни. Говорили мы и о том, как семиты-гиксосы завоевали Египет; как Сирия перешла к арамеям и Дамаск стал их столицей; как евреи частично завоевали свою «обетованную землю»; как халдеи переселились из восточной Аравии на древние земли южных шумеров. С каждым новым вторжением история знакомит нас с еще одним ответвлением семитских народов. Но каждая из этих волн завоеваний имела за своей спиной племенное ядро, которое оставалось в качестве резерва для завоеваний в будущем.

В истории более высоко организованных империй века железа, империй дорог и письменности Аравия напоминает клин, вбитый между Египтом, Палестиной и Междуречьем Тигра и Евфрата. Она по-прежнему оставалась местом скопления племен кочевников, которые торговали, грабили и собирали дань за беспрепятственный проход караванов по их землям. Если они и оказывались в подчинении у кого-то, такое подчинение было непрочным и длилось недолго. Египет, Персия, Македония, Рим, Сирия, Константинополь, снова Персия поочередно устанавливали

видимость контроля над Аравией, провозглашали некоторое покровительство над арабами. При Траяне была образована римская провинция Аравия, которая включала плодородные тогда земли вокруг Хаурана, и тянувшаяся вплоть до Петры. Время от времени кому-то из арабских вождей удавалось выдвинуться, и его город — перевалочный пункт на пути торговых караванов — переживал непродолжительный период расцвета. Так было с Оденатом из Пальмиры, на недолгую славу которого мы уже обращали внимание. Еще одним таким блистательным, но недолговечным

городом в пустыне был Баальбек, его руины по-прежнему поражают путешественника.

После разрушения Пальмиры арабов пустыни начинают именовать в римских и персидских летописях сарацинами.

Во времена Хосрова II Персия провозгласила свою власть над Аравией, ее чиновники и сборщики податей были в Йемене. Перед этим Йемен находился под правлением абиссинских (эфиопских) христиан несколько лет, а до того на протяжении семи столетий там правили местные князьки, исповедовавшие, отметим это, иудейскую веру.

Вплоть до начала VII в. н. э. не было никаких признаков необычной или опасной активности в аравийских пустынях. Жизнь в этих краях не менялась из поколения в поколение. Там, где были более-менее плодородные лоскутки земли — возле родника или колодца, — селилось скудное земледельческое население, ютившееся в городках, обнесенных стенами. Стены приходилось строить из опасения перед бедуинами, которые кочевали со своими овцами, коровами и лошадьми по пустыне. На основных караванных путях появлялись и более крупные города — там жизнь, по местным меркам, могла

претендовать на то, чтобы называться зажиточной.

Наиболее влиятельными из этих городов были Медина и Мекка. В начале VII в. население Медины не превышало пятнадцати тысяч жителей; в Мекке жителей, возможно, было тысяч двадцать — двадцать пять. Медина сравнительно хорошо снабжалась водой и изобиловала садами финиковых пальм. Ее обитателями были выходцы из Йемена, из плодородных земель на юге Аравии. Мекка же была юродом совсем другого типа. Она была выстроена вокруг источника с горьковатой водой, и жили в ней недавно осевшие

бедуины.

Мекка была не просто торговым городом — она была местом паломничества. Среди арабских племен уже давно существовало некое подобие амфикистии, центрами которой были Мекка и некоторые другие святыни. Существовали определенные месяцы, в которые запрещалась всякая вражда и кровная месть, и действовали обычаи гостеприимства и защиты по отношению к пилигримам. Вдобавок эти собрания со временем приобрели некоторое сходство с олимпиадами: арабы открыли, что их языку по силам воспеть прекрасное, и все чаще стали устраивать состязания

певцов-сказителей. Как правило, исполнялись походные песни и любовная лирика. Шейхи племен под руководством «короля поэтов» избирали и награждали лучших. Песни победителей разносились затем по всей Аравии.

Кааба, священное место в Мекке, относится к очень древним временам. Это маленький квадратный храм из черного камня, а его краеугольным камнем стал метеорит. Этот метеорит считался божеством, и все меньшие племенные божки Аравии находились под его покровительством. Одно бедуинское племя, которое уже давно жило в

Мекке, захватило этот храм и объявило себя его хранителем. К ним во время месяца перемирия сходилось множество людей, которые торжественно обходили вокруг Каабы, совершали поклонение и целовали сам камень, а также принимали участие в торговых делах и поэтических состязаниях. Жители Мекки в значительной степени зависели от доходов, поступавших от этих многочисленных паломников.

Все это сильно напоминает политическую и религиозную жизнь Греции пятнадцатью веками раньше. Но язычество этих более примитивных арабов уже подверглось самой энергичной

обработке и с самых разных направлений. Арабов усиленно обращали в свою веру иудеи во времена правления в Иудее Маккавеев и Иродов. Как мы уже отмечали, Йемен последовательно был под властью иудеев (точнее, арабов, обращенных в иудаизм), христиан и зороастрийцев-персов. Совершенно очевидно, что паломники, общаясь на ярмарках в Мекке и подобных священных местах, живо обсуждали различные религиозные идеи и особенности разных вероисповеданий. Мекка, естественно, оставалась оплотом древнего языческого культа, на котором держалось ее процветание и

влияние. Медина, напротив, склонялась к иудаизму, к тому же ее соседями были иудейские поселения. Соперничество и острая вражда между Мединой и Меккой, таким образом, были совершенно неизбежны.

Именно в Мекке, около 570 г., родился Мухаммед, основатель ислама. Детство его прошло в значительной бедности, и даже по меркам пустыни он был необразован. Сомнительно, чтобы он умел писать. Какое-то время он был пастушонком, затем стал слугой у некоей Хадиджи, вдовы богатого торговца. Возможно, он приглядывал за ее верблюдами или помогал ей заниматься

торговлей. Как говорят, он ходил с караванами в Йемен и Сирию. Похоже, успешного торговца из него не получилось, но судьба все равно была к нему благосклонна. Он сумел приглянуться хозяйке, и она взяла его в мужа, несмотря на то что ее семье такой союз пришелся совсем не по вкусу.

Мухаммеду тогда было всего двадцать четыре. Неизвестно, была ли его жена и в самом деле намного старше его, хотя традиция утверждает, что ей к тому времени было сорок лет. Женившись, он, вероятно, уже не совершал далеких поездок. У них было несколько детей, одного из которых звали Абд

Маниф — иначе говоря, слуга мекканского бога Манифа. По этому можно заключить, что в то время Мухаммед еще не совершал религиозных открытий.

До сорока лет он жил, в общем-то, ничем не примечательной жизнью в Мекке, мужем при богатой жене. Есть основания предполагать, что ему принадлежала часть доходов от земледельческого производства в округе. Тот, кто посетил бы Мекку около 600 г., пожалуй, счел бы Мухаммеда человеком праздным, немного застенчивым, любителем послушать досужие разговоры, средним поэтом и совершенно посредственной личностью.

О том, какова была его внутренняя жизнь, мы можем только догадываться. Литераторы уже успели сочинить, какие у него были духовные борения, как он уходил в пустыню, терзаемый сомнениями и божественной жаждой. «В тиши пустынной ночи, под звенящим зноем пустынного полудня он, удалившись от людей, все же не находил уединения, ибо и пустыню сотворил Бог, и даже в пустыне смертный не в силах укрыться от Него». [\[54\]](#)

Может, все так и было, однако подтверждений этих уходов в пустыню нет. Бесспорно, Мухаммед глубоко задумывался обо всем, что

видел вокруг себя. Вероятно, он посещал христианские храмы в Сирии. Почти наверняка он многое знал об иудеях и их религии и слышал, как они насмеваются над черным камнем Каабы, который правил тремя сотнями племенных божков Аравии. Он видел толпы паломников, и от него не могли укрыться их суеверие и неискренность в языческой вере его города. Все это угнетающе действовало на молодого араба. Наверное, сам того не подозревая, он оказался обращен в веру иудеев в единого Истинного Бога.

Наконец, будущий пророк уже был не в силах сдерживать эти

чувства. Когда ему исполнилось сорок, он начал говорить о сущности Бога, сначала только со своей женой и несколькими самыми близкими друзьями. Он создал несколько стихотворений, которые, как он объявил, были открыты ему ангелом. В этих строфах речь шла о его вере в Единого Бога, а также несколько общих мест о необходимости праведной жизни. Он также с убежденностью говорил о посмертном существовании, о том, что злым и нерадивым следует помнить об адских мучениях, и о рае, уготованном для тех, кто верует в Единого Бога. За исключением того, что Мухаммед провозгласил себя

новым пророком, во всех этих поучениях не содержалось ничего нового для того времени. Но это учение было равнозначно бунту для Мекки, доходы которой в значительной части зависели от многобожия и которая поэтому продолжала цепляться за идолов, в то время как остальной мир уже начал избавляться от них. Как и Мани, Мухаммед провозгласил, что все пророки перед ним, в особенности Иисус и Авраам, были божественными учителями, но именно ему предназначено увенчать и окончательно завершить их учение. Правда, о Будде он не упоминает, потому что никогда не слышал о нем

— пустынная Аравия была провинцией и в теологическом смысле.

Несколько лет новорожденная религия сберегалась в тайне в тесном кругу близких нового пророка, таких же ничем не приметных людей. Хадиджа, жена пророка, его приемный сын Али, раб Зайд и еще Абу Бекр, преданный друг и поклонник, таким был первоначальный круг ислама. Еще несколько лет они оставались малоприметной сектой Мекки, скорее роптавшей, чем протестовавшей против идолопоклонства, так что городская верхушка поначалу даже не замечала

их существования. Однако новое учение набирало силу. Мухаммед начал проповедовать более открыто, учить о будущей жизни и грозить идолопоклонникам и неверующим адским огнем. Его проповеди не остались незамеченными. Многим казалось, что он нацелился на единоличное правление в Мекке и теперь привлекает на свою сторону легковверный или недовольный люд. Новое движение вскоре столкнулось и с открытым противодействием.

Мекка была местом паломничества и поклонения; в ее стенах не дозволялось пролитие крови. Тем не менее ход событий стал складываться исключительно

неблагоприятно для последователей нового учителя. Их стали избегать, а затем дошла очередь и до того, что у них стали отнимать имущество. Некоторым пришлось искать пристанище в христианской Абиссинии. Сам пророк, правда, не пострадал благодаря своим связям, а его противники не хотели кровавой вражды. Здесь мы не можем проследить все обстоятельства этой борьбы, но необходимо отметить один случай, который не может не вызвать недоумения. Впрочем, как говорит сэр Марк Сайке, «это только подтверждает, что он был плоть от плоти арабом». После всех настойчивых проповедей единства

Бога пророк сам пошел на уступки. Он появился на подворье Каабы и объявил, что боги и богини Мекки, в конце концов, могут в действительности существовать как некие подобия святых, наделенные силой заступничества.

Его уступка была воспринята благожелательно, но только Мухаммед сделал ее, как тут же раскаялся в своей слабости, и это раскаяние показывает, что он, бесспорно, имел страх Божий. Он как мог старался поправить то зло, которое сам сотворил. По его словам, его устами говорил дьявол. Пророк принялся обличать идолопоклонство с новой силой. Борьба с отжившими

свой век божествами после краткого перемирия теперь приняла зловещий характер, уже без надежды на примирение.

К концу десятилетия своей проповеди Мухаммед, уже пятидесятилетний, так и не был признан в Мекке. Хадиджа, его первая жена, умерла, один за другим умерли и некоторые из его основных сторонников. Он постарался укрыться в соседнем городке Таифе, но Таиф встретил его камнями и оскорблениями. И когда, как казалось, уже не было никакой надежды, перед ним открылись новые возможности. Помощь пришла оттуда, откуда он совсем не ждал ее.

В Медине, раздираемой внутренними распрями, многие помнили учение Мухаммеда, которое узнали во время паломничества в Мекку. Народ в Медине не так тяготел к древним идолам, возможно, под влиянием многочисленных мединских иудеев. Пророку было послано приглашение прийти и править во имя его Бога в Медине.

Он поехал не сразу. Два года он вел переговоры, отправил ученика проповедовать в Медине и разрушить там идолов. Затем он начал отправлять тех последователей, что были у него в Мекке, в Медину, чтобы те ожидали там его прибытия. Он не хотел полностью зависеть от

незнакомых приверженцев в чужом городе. Этот исход верных продолжался, пока, наконец, Мухаммед и Абу Бекр не остались одни.

Несмотря на священный характер Мекки, его едва не убили там. Старейшины города, несомненно, знали о том, что происходит в Медине, и отдавали себе отчет, чем это может обернуться, если этот неугомонный пророк со временем станет хозяином города, лежащего на их основном караванном пути в Сирию. Обычаю, решили они, придется уступить перед осознанной необходимостью. Последует за этим кровная месть

или нет, но Мухаммед должен умереть — таким было их решение. Они решили убить его в его постели и, чтобы поровну разделить ответственность за оскорбление святыни, согласились, что убийство совершит группа, в которую войдет по человеку из каждого рода города, кроме рода Мухаммеда. Но тот уже был готов к бегству, и когда ночью убийцы ворвались в его комнату, оказалось, что в его кровати спит или притворился спящим Али, его приемный сын.

Это бегство — хиджра — также не обошлось без приключений, так как убийцы были решительно настроены догнать беглеца. Опытные

следопыты выслеживали его к северу от города, но Мухаммед и Абу Бекр спрятались в южных пещерах, где были наготове припасы и верблюды, и уже оттуда направились в Медину. Пророк и его преданный соратник прибыли туда и были приняты с огромным воодушевлением 20 сентября 622 г. Это был конец испытаний и начато власти.

Вплоть до времени хиджры, пока ему не исполнился пятьдесят один год, можно было спорить о том, что представлял собой характер основателя ислама. Но после хиджры Мухаммед уже постоянно был на виду. Перед нами человек с огромной силой воображения, но уклончивый

и неискренний, как и положено арабу, со всеми достоинствами и изъянами, присущими бедуину.

Начало его правления было «очень бедуинским». Господство Единого Бога всей земли, как оно понималось Мухаммедом, началось с грабительских набегов, которые не менее года неизменно заканчивались провалом, на караваны из Мекки. Затем последовало еще более вызывающее деяние, граничившее со святотатством, — нарушение издревле соблюдаемого арабской амфикинией мира в священный месяц раджаб. Кучка мусульман в эти дни всеобщего примирения коварно напала на маленький караван и

убила человека. Это был их единственный успех, и пошли они на это по приказу пророка.

За вылазкой последовало настоящее сражение. Следующий караван, который вышел из Мекки, сопровождал отряд в семьсот всадников, их же поджидали триста грабителей. Завязался бой, сражение у Бадра, который мекканцы проиграли с очень тяжелыми потерями. Шестьдесят или семьдесят из них погибло, еще больше было ранено. Торжествующий Мухаммед вернулся в Медину, где Аллах и этот успех вдохновили его казнить нескольких его противников из числа местных

иудеев, которые позволили себе вольность пренебрежительно отнестись к пророку и его пророческому слову.

Но Мекка решила отомстить за Бадр, и в сражении возле Охода, недалеко от Медины, им удалось взять верх над сторонниками пророка. Впрочем, эту победу нельзя было назвать решающей. Самого Мухаммеда сбили с коня и едва не убили, многие из его последователей просто разбежалось. Мекканцы, однако, не воспользовались своим успехом и не вошли в Медину.

Какое-то время все свои силы пророк тратил на то, чтобы сплотить своих приверженцев, которые явно

пали духом. Настроения тех дней, негодование пророка нашли свое отражение в Коране. «Суры Корана, — по словам сэра Марка Сайкса, — которые посвящены этому периоду, превосходят почти все остальные своим величием и возвышенной верой». Нам, со своей стороны, лишь остается предложить на суд читателя некоторые из этих величественных высказываний.

«О вы, которые уверовали! Если вы будете повиноваться тем, которые не веровали, они обратят вас вспять, и вы вернетесь понесшими убыток

Да! Аллах — ваш покровитель. И Он — лучший из помощников!

Мы ввергнем в сердца тех, которые не веровали, ужас за то, что они придавали Аллаху в сотоварищи то, чему Он не ниспослал никакой власти. Убежище их — огонь, и скверно пребывание нечестивых!

Аллах оправдал пред вами Свое обещание, когда вы перебили их по Его дозволению. А когда вы оробели и стали препираться о деле и

ослушались, после того как Он показал вам то, что вы любите, среди вас оказались желающие ближнего мира и среди вас были желающие последнего. Потом Он отвернул вас от них, чтобы испытать вас; и Он простил вас, — ведь Аллах — обладатель милости к верующим!

Вот вы поднимались и не поворачивались ни к кому, а посланник звал вас в ваших последних отрядах. И Он воздал вам огорчением за огорчение,

чтобы вы не опечалились о том, что вас миновало и что вас постигло. Поистине, Аллах сведущ в том, что вы делаете!

Потом Он низвел на вас после огорчения для спокойствия сон, который покрыл одну часть вас, а другую часть обеспокоили их души: они думали об Аллахе несправедливое думой язычества, говоря: «Разве для нас есть что-нибудь из этого дела?» Скажи: «Все дело принадлежит Аллаху». Они скрывают в своих душах то,

чего не обнаруживают тебе. Они говорят: «Если бы у нас было бы что-нибудь из этого дела, то не были бы мы убиты тут». Скажи: «Если бы вы были в своих домах, то те, кому было предписано убиение, вышли бы к местам своего падения... и чтобы Аллах испытал то, что в вашей груди, и чтобы очистить то, что в ваших сердцах». Поистине, Аллах знает то, что в груди!

Поистине, те из вас, которые отвернулись, в тот день, когда встретились два

отряда, — их заставил споткнуться сатана чем-то, что они приобрели. Аллах уже простил их, — ведь Аллах — прощающий, кроткий!»[\[55\]](#)

Эта вражда с переменным успехом продолжалась еще несколько лет, и, наконец, Мекка предприняла последнюю попытку раз и навсегда покончить с растущим влиянием Медины. Воинство для этого похода собирали, где только могли, но в итоге на Медину выступило не менее чем десять тысяч человек, огромная сила для того времени и той страны. Разумеется, эту массу людей никак

нельзя было назвать подготовленной и дисциплинированной армией. Кроме луков, копий и мечей, другого оружия у них не было. Впрочем, все эти рыцари пустыни, пешие и верхом на лошадях и верблюдах, ожидали, что против них выступят такой же толпой бедуины, чтобы сойтись с ними врукопашную — обычное занятие для пустыни. Но когда они, наконец, прибыли на место и видны уже были глинобитные дома и лачуги Медины, перед их глазами предстало невиданное и совершенно обескураживающее зрелище: ров и стена. Воспользовавшись советами одного новообращенного перса, Мухаммед решил окопаться в

Медине!

Этот ров произвел на бедуинское воинство впечатление самого гнусного и постыдного поступка, который когда-либо видел свет. На полном скаку они проносились вокруг рва, кричали осажденным все, что они думают об их совершенно немужском поведении. Выпустив в сторону мединцев несколько стрел, они решили разбить лагерь, чтобы посоветаться об этом грубом попрании законов пустыни. Как вести себя дальше — решить это оказалось очень сложной задачей. Мухаммед не собирался выходить, это было ясно. Вдобавок начался

проливной дождь, их шатры намокли и отяжелели, еду было невозможно готовить. Единодушие среди союзников больше не было, настроение было совсем не боевое, так что в конце концов это воинство пустыни снова распалось на составные части, так и не сразившись с врагом (627). Разноплеменные отряды ускакали на север, юг и восток, оставив после себя только клубы пыли, тем все и закончилось.

Неподалеку от Медины был укрепленный поселок иудеев, не слишком высоко ставивших теологию Мухаммеда, с которыми он давно хотел посчитаться. Когда пришло

время решающей схватки, иудеи приготовились встать на сторону того, кто окажется сильнее, но теперь Мухаммед сам напал на них, вырезал всех мужчин, все шесть сотен душ, а женщин и детей продал в рабство. Не исключено, что этих рабов купили все те же бедуины, на которых иудеи смотрели как на возможных союзников. Никогда больше после этой необычной неудачи не удавалось Мекке организовать действенный союз против Мухаммеда, и один за другим ее предводители перешли на его сторону.

Нет необходимости следовать за перипетиями переговоров и

примирения, которые привели в итоге пророка в Мекку. Суть договора состояла в том, что правоверному следует обращаться лицом к Мекке во время молитвы, вместо того чтобы обращаться к Иерусалиму, как они делали до того, и что Мекка должна стать местом паломничества новой веры. До тех пор пока паломничество продолжалось, жителям Мекки, видимо, было все равно, устремлялись ли эти толпы в их город во имя одного бога или же многих. А Мухаммед все более разочаровывался в своих ожиданиях, что ряды сторонников новой веры значительно пополнятся за счет иудеев и христиан, и он перестал

акцентировать внимание на том, что все эти религии в действительности поклоняются одному и тому же Единому Богу. Аллах все больше и больше становился его собственным неповторимым Богом и теперь, после примирения с Меккой, все чаще увязывался с метеоритным камнем Каабы и все меньше и меньше понимался как Бог Отец всего Человечества. Пророк же давно выказывал готовность пойти на соглашение с Меккой, и, наконец, такое соглашение было достигнуто. Мекка и в самом деле стоила уступок. В 629 г. Мухаммед вошел в город как его хозяин. Идол Манифа, божка, в честь которого он когда-то

назвал своего сына, разбили у его ног, когда он вступал в Каабу.

С этого момента уже ничто не стояло на его пути. Были еще сражения, измены, кровавые бойни. Но его власть продолжала уверенно расти, пока он не стал хозяином всей Аравии. В 632 г., когда вся Аравия лежала у его ног, в возрасте шестидесяти двух лет он умер.

На протяжении последних лет его жизни, после хиджры, политика Мухаммеда в целом мало чем отличалась от политики всех тех, кто объединял народы в единые монархии. Основное отличие было лишь в том, что он использовал в качестве объединяющей силы

религию, которую сам же и создал. Он мог вести себя дипломатично, вероломно, безжалостно или сговорчиво, в зависимости от обстоятельств — так вел бы себя любой арабский царек на его месте. Царствование Мухаммеда не было отмечено большой духовностью. Его личную жизнь на протяжении периода власти также нельзя назвать особо поучительной. До смерти Хадиджи, когда ему исполнилось пятьдесят, он, по-видимому, оставался верным мужем одной жены, но затем, как и у многих мужчин в преклонные годы, у него появился непристойно сильный интерес к женщинам.

Он взял в жены сразу двух женщин после смерти Хадиджи. Одной из них была юная Айша, которая оставалась до самых последних его дней любимой женой и наиболее влиятельным из советчиков. Впоследствии их круг расширился за счет еще нескольких женщин, жен и наложниц. Такая жизнь не могла не приводить к склокам и бытовой неразберихе, и, несмотря на множество очень своевременных откровений, полученных в этой связи от Аллаха, можно поспорить с правоверными об уместности и оправданности такого образа жизни.

Однажды Айше случилось

оскандалиться. Ее забыли на одной из стоянок: она задержалась в шатре в поисках потерянного ненароком ожерелья, а верблюд с паланкином уже тронулся в путь, и пришлось Аллаху вмешаться с гневной отповедью клеветникам, которые поспешили очернить жену пророка. Аллах был вынужден весьма недвусмысленно высказаться и по поводу неудержимого стремления этого женсовета к «жизни этого мира и его излишества», а также по поводу «побрякушек». Много пересудов вызвало и то, что пророк женил своего прежнего раба, а теперь приемного сына Зайда на своей молодой двоюродной сестре

Зайнаб, а затем, «когда Зайд удовлетворил с ней свое желание», пророк взял и сам женился на ней — но только для того, как разъясняет вдохновенная книга, чтобы показать разницу между приемным и родным сыном. «Мы дали ее тебе как жену, чтобы не было сложностей среди верующих в почтении жен их приемных сыновей, когда они удовлетворили с ними свои желания, и да будет исполнена воля Аллаха». Но это простое положение Корана могло бы обойтись и без такого излишне наглядного пояснения. Более того, в гареме пророка поднялся настоящий бунт, вызванный неподобающим почтением, которое

пророк выказал египетской наложнице, родившей ему сына — мальчика, к которому он питал исключительную привязанность, поскольку ни один из сыновей Хадиджи не выжил.

Эти семейные дразги неизбежно сказываются на нашем восприятии личности пророка. Одной из его жен была иудейка, Сафия; Мухаммед взял ее в жены в вечер битвы, когда был схвачен и казнен ее муж. В конце дня он осматривал приведенных женщин, его благосклонный взгляд остановился на ней, и ее отвели в его шатер.

Такие моменты прежде всего бросаются в глаза, когда мы говорим

о последних одиннадцати годах
жизненного пути Мухаммеда. Только
потому, что он тоже основал великую
религию, находятся авторы, которые
пишут об этом сластолюбивом и
довольно переменчивом лидере так,
словно Мухаммеда можно поставить
в один ряд с Иисусом из Назарета,
Гаутамой или Мани. Но очевидно,
что по характеру это был обычный
человек: тщеславный, эгоистичный,
деспотичный и склонный к
самообману, — отнюдь не великий.
Мы бы изменили беспристрастности
нашей истории, если бы из
неискреннего желания не обидеть
возможного читателя-мусульманина
представили его в любом другом

свете.

Но раз мы стремимся сохранить эту адекватность, сразу скажем, что возможные суждения о личности Мухаммеда далеко не все сводятся к тщеславию, эгоизму и склонности к иллюзиям, на которые мы обратили внимание. Не следует от чрезмерных восхвалений правоверных бросаться в другую крайность и столь же рьяно обличать основателя ислама. Может ли человек без хороших качеств иметь друга? Мы видим, что все, кто знал Мухаммеда лучше других, верили ему больше, чем кому-либо. Хадиджа ни разу не усомнилась в нем — впрочем, она может быть просто преданной женщиной. Абу

Бекр — вот лучшее доказательство, а он никогда не колебался в своей преданности. Абу Бекр верил в пророка, и очень сложно тому, кто читает историю этих дней, не верить Абу Бекру. Али также рисковал жизнью ради пророка в его самые трудные дни. Мухаммед ни в коем случае не был самозванцем, хотя временами в своем тщеславии он вел себя так, словно бы Аллах всецело был в его распоряжении и что его мнение всегда было и мнением Бога.

И если его запятнанная кровью страсть к Сафие может вызвать лишь удивление и отвращение в наших современных умах, его любовь к маленькому Ибрагиму, сыну Марии-

египтянки, и его неудержимая скорбь, когда мальчик умер, встретят искреннее человеческое сочувствие.

Он гладил руками землю на маленьком могильном холмике. «Моему раненому сердцу легче от этого, — говорил он. — Хоть мертвый этого и не почувствует, это утешение для живого».

За год до смерти, в конце десятого года хиджры, Мухаммед совершил свое последнее паломничество из Медины в Мекку. Он обратился там с величественной проповедью к своим людям. Существуют различные мнения относительно аутентичности передачи этих слов в мусульманской

традиции, но не приходится сомневаться в том, что мир ислама, мир, который насчитывает сейчас триста миллионов человек, и поныне принимает их за правило жизни и в значительной степени соблюдает их. Читатель непременно обратит внимание на то, что первый параграф этого поучения считает всякую вражду и кровавые раздоры между последователями ислама. Последний же приравнивает мусульманина-негра к халифу. Возможно, эти слова нельзя назвать настолько же проникновенными, как слова Иисуса из Назарета, но они также помогли установить в мире традицию достоинства и равенства в

отношениях между людьми, они дышат величием, и, самое главное, они человечны и осуществимы в повседневной жизни. Они создали общество, более свободное от повсеместных в те времена жестокости и социального угнетения, чем любое из прежних обществ в мире.

«О люди! Внемлите моим словам, ибо не знаю, буду ли я с вами и в следующем году. Ваши жизни и достояние ваше да будут священны меж вами и неприкосновенны до конца времен.

Господь уготовал
каждому из людей долю в
его наследии; и завет этот
неподвластен прихотям
наследников.

Ребенок да
принадлежит его родителю;
а нарушитель брачных уз да
будет побит камнями.

Тот же, кто
лжесвидетельствует против
своего отца, или против
своего господина, да падет
на него проклятие Бога,
ангелов и всех людей.

О люди! Ваше право —
на жен ваших, и у них есть
право на вас. Требуйте от

них, да не оскверняли ложе
ваше и избегали
непристойного. Если они
не воздержатся — в вашей
власти заточить их в
отдельном помещении и
бить их плетью, но без
жестокости. Но если они
воздерживаются, тогда
одевайте их и питайте их,
как подобает. И
обращайтесь с ними
хорошо, ибо они при вас,
как пленницы и
невольницы; вы взяли их по
закону Бога и обладаете
ими по слову Бога.

А с рабами вашими —

смотрите, чтобы вам питать их той же пищей, что едите сами, и одевать в то же, что носите сами. И если провинятся виной, которую вы не пожелаете простить, тогда продайте их, ибо они — слуги Господу, и да не будут мучимы.

О люди! Внимайте речам моим и постигайте слова мои. Знайте же, что мусульманин — брат мусульманину, и все мусульмане — равны как братья».

Это настоятельное требование добросердечия и почтительности в повседневном обиходе — одно из главных достоинств ислама, но далеко не единственное. Не менее важен и тот бескомпромиссный монотеизм, свободный от какой-либо национальной ограниченности иудаизма, на котором настаивает Коран. Ислам с самых своих истоков был неуязвим для любых теологических нагромождений, которые разделили и запутали христианство, скрыв под собой дух Иисуса. И третий источник силы ислама заключался в том, что в Коране тщательно и в деталях было прописано, как следует молиться и

совершать обряды. Сюда следует отнести и ясное указание на то, что особое значение, придаваемое Мекке, — не более чем условность. В центре акта богослужения был и до сего дня остается сам правоверный. Никакой лазейки не было оставлено, чтобы освященный жрец прежнего образца мог проникнуть в эту новую веру. Это была не просто новая вера, новая пророческая религия, подобная религии Иисуса во времена Иисуса или же религии Гаутамы при его жизни. Она была утверждена так, чтобы остаться таковой и по сей день. Ислам до сего дня имеет множество богословов, учителей и проповедников, но он не имеет

жрецов.

Ранний ислам переполнял дух доброты, щедрости и братства. Вдобавок это была простая религия, в которой не было ничего недоступного пониманию. Ей было присуще рыцарское благородство пустыни, и она прямо обращалась к самым непосредственным чувствам, присущим каждому человеку. Против новой веры выступили иудаизм, который воздвиг вокруг Бога непреодолимую для людей других народов стену; христианство, которое тогда только и занималось, что рассуждало о тонкостях доктрины и преследовало ереси, сути которых простой человек не в силах был

уразуметь. Против ислама был и маздаизм, культ магов-зороастрийцев, добившихся распятия Мани.

Большинство людей, которые откликнулись на призыв ислама, не слишком волновало, был Мухаммед святым или нет, совершал ли он сомнительные поступки или был безупречен. Их привлекло то, что его Бог, Аллах, пройдя проверку в их сердцах, действительно оказался Богом праведности. В искренности сердца приняв веру Мухаммеда, люди увидели перед собой широкую и ясную дорогу в мире неопределенности, предательства и нестерпимых раздоров, которая вела

их к постоянно растущему братству всех достойных людей мира, к раю не бесконечных славословий, в котором все почетные места будут заняты святыми, жрецами и помазанниками-царями, но к раю, где все будут равны, в том числе и в понятных для простого человека наслаждениях. Не прибегая к помощи двусмысленного символизма, без таинственной полутьмы алтарей и речитативов жрецов, Мухаммед смог донести эти неотразимые идеи до сердец людей.

Подлинным воплощением духа ислама был не Мухаммед, но его ближайший друг и сподвижник Абу Бекр. Можно не сомневаться, что если Мухаммед был умом и воображением первоначального ислама, Абу Бекр был его совестью и волей. На протяжении того времени, когда они вместе утверждали новую веру, часто выходило так, что Мухаммед лишь изрекал истину, но именно Абу Бекр верил в эту истину. Когда Мухаммед колебался, Абу Бекр был ему опорой. Абу Бекр был человеком, не ведавшим сомнений, его вера, словно меч, также неотвратимо изменяла мир, как это делало слово пророка. Невероятно,

чтобы Абу Бекр поступился своей верой перед мелкими божками Мекки, и он обошелся бы без вдохновения свыше, чтобы внести ясность в свою личную жизнь. Когда на одиннадцатом году хиджры (632) пророк занемог от лихорадки и умер, Абу Бекр стал его преемником — халифом и правителем своего народа (араб, «халифа» — заместитель, преемник). Именно нерушимая вера Абу Бекра в праведность Аллаха не допустила раскола между Меккой и Мединой и подавила начавшийся бунт среди бедуинов, недовольных введением налогов. Именно Абу Бекр возглавил первый большой военный поход арабов — на Сирию, что

намеревался сделать еще пророк, не доживший до этого времени. И затем Абу Бекр, обладавший верой, которая движет горами, столь же простосердечно решил осуществить завоевание всего мира для Аллаха войском из трех-четырёх тысяч арабов и в полном соответствии с теми посланиями, которые пророк отправил из Медины правителям великих держав мира.

И ему почти удалось добиться задуманного. Если бы ислам имел в своем распоряжении несколько способных и более молодых людей, которые могли бы продолжить его начинание — людей того же склада, что и Абу Бекр, — его замысел

непременно осуществился бы. Этот замысел был близок к осуществлению, потому что Аравия стала теперь средоточием веры и воли и потому что нигде в мире, вплоть до рубежей Китая, разве что в степях России и Туркестана, не было больше подобного сообщества свободных духом людей, предводители и правители которых черпали бы силу в подлинной, искренней вере. Лучшие годы Ираклия, победителя Хосрова II, давно миновали, он страдал от водянки, а его империя была истощена долгой войной с персами. Среди разноликого множества народов, которыми он правил, мало

кого волновало, жив их император или уже умер. Персия же скатилась до низшего уровня деградации правящей династии. Отцеубийца Кавад II умер, процарствовав всего несколько месяцев, и последовавшая затем серия династических интриг ослабила государство.

Война между Персией и Византийской империей на момент, когда началось правление Абу Бекра, завершена была только формально. Обе враждующие стороны активно использовали арабских легионеров. По всей Сирии были разбросаны города и селения крещеных арабов, которые демонстрировали лишь видимость верности

Константинополю. За перемещениями персидских войск между Месопотамией и пустыней внимательно наблюдал арабский князек, столицей которого была Хира. Арабское влияние было сильно в Дамаске, где знатные арабы-христиане охотно читали и заучивали последние новинки поэзии из пустыни. Таким образом, под рукой у ислама был значительный и готовый к употреблению материал.

Начавшиеся военные кампании оказались среди самых замечательных в мировой истории. Аравия внезапно открылась миру как колыбель множества одаренных людей. Имя Халида, словно яркая

звезда, выделяется в созвездии талантливых и преданных исламу полководцев. Во всех сражениях, в которых участвовал Халид, он всегда выходил победителем, а когда по причине зависти второго халифа, Омара, он был несправедливо лишен прежнего положения, то не стал поднимать шум и с прежней самоотверженностью продолжал служить Аллаху, став подчиненным тех, кем прежде командовал.

Арабские армии нанесли одновременно два удара: по византийской Сирии и по персидскому приграничному городу Хире. Они предлагали на выбор три альтернативы: или платите дань, или

признайте истинного Бога и присоединяйтесь к нам, или умрите. Им навстречу выходили армии, многочисленные и обученные, но лишённые того духа, который двигал арабами, и мусульмане разбивали эти армии. Нигде арабам не приходилось встречаться с сопротивлением народа. Населению многолюдных земледельческих областей Месопотамии было безразлично, будут ли они платить налоги Византию, Персеполю или Медине. И если сравнить эти два правления, арабское и персидское, то арабы — арабы своих великих лет — были, бесспорно, лучшими правителями, более справедливыми и более

милосердными.

Арабы-христиане с готовностью переходили на сторону пришельцев, так же поступали и многие иудеи. Как ранее на Западе, так теперь и на Востоке иноземное вторжение превратилось в социальную революцию. Но здесь произошла также и религиозная революция, которая принесла с собой новую и ощутимую духовную энергию.

Именно Халид дал решающее сражение (636) армии Ираклия на берегах Ярмука, притока Иордана. Легионы, как обычно, выступили без надлежащей кавалерийской поддержки; тщетно призрак Красса витал над Востоком эти семь

столетий. Имперские армии всецело полагались на вспомогательную конницу, набранную из арабов-христиан, а те сразу же переметнулись к мусульманам, как только армии сблизились. Наступление византийской армии превратили в пышную процессию священнослужителей, освященных знамен, икон и священных реликвий, сопровождаемую пением монахов. Но реликвии не помогли, а пение оказалось малоубедительным. У арабов шейхи и эмиры взывали к своим войскам, а пронзительные голоса расположившихся сзади женщин, по древнему арабскому обычаю, подбадривали своих

мужчин. Ряды мусульман были полны истово верующими в то, что впереди их ждет или победа, или рай. В исходе сражения не приходилось сомневаться, особенно после измены нерегулярной конницы византийцев. Попытка отвести войска превратилась в беспорядочное бегство, закончившееся беспощадной резней. Византийской армии пришлось к тому же сражаться спиной к реке, которая оказалась запружена телами убитых.

После этого Ираклий был вынужден постепенно сдать всю Сирию, которую он еще недавно отвоевал у персов, своим новым

противникам. Вскоре пал и Дамаск, а годом позднее мусульмане вступили в Антиохию. На какое-то время им пришлось снова оставить ее, уступив последнему усилию Константинополя, но вскоре они легко вернули ее под предводительством Халида.

В это же время на востоке после быстрого первоначального успеха, который арабы получили у Хиры, сопротивление персов стало более упорным. Династическая борьба в Персии, наконец, прекратилась с появлением нового Царя царей. Кроме того, у персов также был свой выдающийся полководец — Рустам. В 637 г. он решил дать арабам

сражение у Кадисии. Его армия представляла собой собрание разноплеменных отрядов, подобное тому, которое Дарий повел во Фракию или которое Александр разгромил у Исса. У Рустама так же было тридцать три боевых слона, и он сидел на золотом троне позади персидских порядков, наблюдая за битвой, — как и предводитель персов тысячу лет назад у Геллеспонта и Саламина.

Битва продолжалась три дня. Первые два дня начинались с атаки арабов, но персидская армия удерживала свои позиции, пока не наступала ночь, а с ней и временное перемирие. На третий день арабы

получили подкрепление, а к вечеру персы предприняли попытку завершить сражение, направив на ряды арабов своих боевых слонов. Поначалу огромные животные сметали все на своем пути, но затем один из них был ранен и начал в слепой ярости метаться между двумя армиями. Его паника сказалась и на остальных слонах. На какое-то время обе армии застыли в ошеломлении, наблюдая в красном свете заката за отчаянными усилиями ревущих чудовищ вырваться из ошестинившегося пиками кольца людей. По чистой случайности им удалось прорвать персидские, а не арабские порядки, и арабы

воспользовались всеобщей сумятицей и набросились на персов. Наступала ночь, но в этот раз армии не разошлись по разные стороны. Всю ночь арабы во имя Аллаха били и преследовали бегущих персов. Рассвет застал остатки разгромленного войска Рустама вдалеке от поля боя. Путь бегства был отмечен брошенным оружием, оставленными повозками, умирающими и уже мертвыми. Не уцелел и помост с золотым тронem, а сам убитый Рустам лежал в гряде мертвых тел...

В 634 г. Абу Бекр умер, и вместо него халифом стал Омар, соратник и зять пророка. Именно ко времени

Омара (634–644) относятся главные завоевания мусульман. Византийская империя была полностью вытеснена из Сирии, правда, у Таврских гор натиск мусульман удалось остановить. Армения была опустошена, была завоевана вся Месопотамия, а также и Персия за Междуречьем. Египет почти без сопротивления перешел от греков к арабам. За несколько лет семиты, во имя Бога и его пророка, вернули себе почти все владения, которые арии-персы отобрали у них почти тысячу лет назад. Почти сразу же сдался Иерусалим, не доводя дело до осады и заключив соглашение с арабами. Истинный Крест, который увозили

персы с десятков лет назад и который восстановил на прежнем месте Ираклий, снова оказался вне власти христиан. К христианам проявили терпимость, ограничившись только подушным налогом. Им оставили все их церкви и все реликвии.

Иерусалим поставил своеобразные условия своей сдачи. Город соглашался признать своим победителем только халифа Омара лично. До того халиф не покидал Медины, собирая армии и посвятив себя общему руководству мусульманской экспансии. Он прибыл в Иерусалим (638), и обстоятельства его прибытия как нельзя более красноречиво

показывают, что энергия и простота
изначального ислама постепенно
сходили на нет по мере успехов
правоверных. Омар проделал
путешествие длиной в шестьсот миль
только с одним спутником, верхом на
верблюде. С собой он взял мешок
ячменя, еще один с финиками,
бурдюк с водой и деревянное блюдо
— такой была вся его поклажа, с
которой он отправился в это
путешествие. У городской черты
халифа встретили главные его
соратники, успевшие нарядиться в
роскошные шелковые одеяния, на
лошадях с богато отделанной сбруей.
Старик, не ожидавший подобной
встречи, пришел в ярость. Он

соскочил с седла и, выкрикивая ругательства, стал швырять в богатые одеяния новоявленной знати комья грязи и камни. Зачем они так вырядились, кричал он, — чтобы унижить его? Где его воины? Где его неприхотливые бедуины? Он не позволит этим павлинам сопровождать его в город.

Халиф Омар проследовал дальше со своим спутником, а щеголеватым эмирам ничего не оставалось, как ехать за ним поодаль — подалее от его гнева и его камней. В одиночестве Омар направился на встречу с патриархом Иерусалима, который, по всей видимости, принял управление

городом после отступления византийских правителей. С патриархом они поладили, тот провел его по Святым местам, и Омар, несколько поостыв, лишь отпускал едкие шутки в адрес своих не в меру великолепных последователей.

Не менее показательны в отношении тенденций того времени и письмо Омара, в котором он приказывал одному из наместников, который построил дворец в Куфе, сравнять его с землей.

«Мне стало известно, — писал он, — что ты выстроил для себя

дворец в подражание
Хосрову и даже поставил
там врата, которые
однажды были его.
Поставишь ли ты также
стражу и привратников по
примеру Хосрова?
Отдалишься ли от
остальных правоверных,
перестанешь ли принимать
нуждающихся? Не задумал
ли ты отделиться от
обычаев нашего Пророка и
окружить себя такой же
пышностью, как те
персидские правители,
чтобы отправиться вслед за
ними напрямик в ад?»[\[56\]](#)

Абу Бекр и Омар I — две самые примечательные фигуры в истории ислама. Рамки нашего очерка не позволяют нам рассказать о тех войнах, в результате которых за сто двадцать пять лет ислам распространился от Инда до Атлантики и Испании и от Кашгара, на границе с Китаем, до Верхнего Египта.

Исламу удалось взять верх потому, что это был наилучший общественный и политический порядок, который могло предложить то время. Ислам взял верх потому, что повсюду он встречал народы, погруженные в политическую апатию, — ограбленные, угнетенные,

необразованные и неорганизованные народы, а также эгоистичных и невежественных правителей или наместников, которые утратили всякую связь со своим народом. Ислам был тогда самой свободной, чистой и еще не затертой политической идеей из всех, что знал до того мир, и эта идея могла предложить лучшие условия широким массам людей, чем какая-либо другая. Финансовая и рабовладельческая система Римской империи, литературная, культурная и общественная традиция Европы пришли в полный упадок и развалились еще до возникновения ислама. Только когда человечество

разуверилось в искренности носителей исламской идеологии, ислам стал приходить в упадок.

Значительная часть его энергии была истрачена на завоевание и ассимиляцию Персии и Туркестана. Его наиболее мощный напор был направлен на север от Персии и на запад от Египта. Если бы ислам сосредоточил свою первоначальную энергию на Византийской империи, можно не сомневаться, что к VIII в. арабы взяли бы Константинополь и прошли через Византийскую империю в Европу так же легко, как они достигли Памира. Халиф Муавия, правда, осаждал столицу империи семь лет (672–678), и

Сулейман — в 717 и 718 гг. Однако этот натиск не был постоянным, и на протяжении трех — четырех столетий Византийская империя оставалась последним бастионом на пути ислама в Европу. Ислам, несомненно, нашел бы в недавно христианизированных или все еще языческих аварах, болгарях, сербах, славянах и саксах таких же новообращенных, готовых примкнуть к воинству ислама, какими оказались турки Центральной Азии. Но вместо того чтобы всерьез взяться за Константинополь, он впервые появился в Европе окольным путем, через Африку и Испанию. И лишь во Франции, оказавшись на огромном

расстоянии от Аравии, способной оказать ему поддержку, ислам столкнулся с силой, достаточно мощной, чтобы остановить его продвижение.

С самых первых дней новой империи в ней главенствовала бедуинская знать Мекки. Абу Бекра провозгласили первым халифом на традиционном сходе в Мекке, так же второго и третьего халифов, Омара I и Османа. Но все трое были мекканцами из почтенных семей. Они не были людьми Медины. И хотя Абу Бекр и Омар были людьми поразительного прямодушия и порядочности, Осман отличался гораздо более низкой натурой. Это

был уже вполне знакомый в истории тип венценосца, который осуществлял завоевания не для Аллаха, а для Аравии, и в особенности для Мекки, а если быть совсем точным, то для себя и для мекканцев из своей семьи — Омейядов. Этот почтенный человек был готов стоять горой за свою страну, за свой город и за «своих людей». Он не был из числа ранних приверженцев Мухаммеда, как первые двое халифов. Осман примкнул к пророку из чисто политических соображений, увидев в этом прямую для себя выгоду. После него халиф перестал быть невиданным прежде пламенным

вождем, предводителем правоверных, но стал просто одним из восточных монархов, которых много было до и будет после него. Он был достаточно хорошим монархом, по восточным меркам, но не более.

Правление и смерть Османа со всей очевидностью выявили последствия слабых сторон Мухаммеда, так же как жизни Абу Бекра и Омара стали свидетельством божественного пламени, которое было в его учении. Мухаммед проявлял склонность к компромиссам там, где Абу Бекр выказал бы твердость. Ненасытность, свойственная аристократии, — новый элемент во

внутриарабских отношениях, появившийся при Османе, — был одним из плодов политических методов пророка, искавшего компромисс с мекканской верхушкой. И то наследство, которое он оставил после себя в виде беспечно подбираемого гарема, сложностей и зависти в отношениях между аристократическими семьями, что отражалось на делах мусульман на протяжении правления первых двух халифов, теперь выступило на первый план. Али, который был племянником, приемным сыном и зятем пророка — он был мужем его дочери Фатимы, — считал себя вправе стать законным халифом. Его

притязания были поддержаны недовольными из Медины и теми мекканскими семьями, которые соперничали и с ревностью следили за возвышением Омейядов. Но Айша, любимая жена пророка, всегда ревновала к Фатиме и недолюбливала Али. Она встала на сторону Османа... Прекрасное начало истории ислама внезапно опустилось до уровня отвратительного соперничества и стычек вдов и наследников.

В 656 г. Османа, уже восьмидесятилетнего старика, толпа забросала камнями на улицах Медины, затем гналась за ним до самого его дома и убила, и Али,

наконец, стал халифом, чтобы самому в свою очередь пасть от рук убийцы (661). В одном из сражений этой гражданской войны Айша, уже пожилая, но все такая же неугомонная дама, отличилась тем, что сама, верхом на верблюде, повела за собой воинственно настроенную толпу. В конечном итоге она оказалась в руках у неприятеля, но с ней обошлись вполне милосердно.

Пока армии ислама триумфально продолжали свое завоевание мира, неурядицы гражданской войны подтачивали самую его основу. Что значило мировое правление Аллаха в глазах Айши, когда у нее была возможность

взять верх над ненавистной Фатимой? И какая выгода была Омейядам и рьяным сторонникам Али в объединении человечества, когда они всецело были поглощены своей враждой, где ставкой была верховная власть халифа? Исламский мир раздирался на части этой злобой, ненасытным желанием власти и непреодолимой глупостью кучки мужчин и женщин в Медине.

Но не менее значительная группа, сунниты, с которыми беспристрастному читателю трудно не согласиться, отвергают это странное прибавление к простому учению Мухаммеда. Насколько мы можем судить, Али был совершенно

заурядной личностью.

Наблюдать за тем, как этот раскол растаптывал прекрасные начала ислама, — все равно что листать историю болезни со случаем размягчения мозга. В нашем распоряжении многочисленная литература на эту тему, из которой мы узнаем, как Хасан, сын Али, был отравлен своей женой и как был убит его брат Хусейн. Мы не можем не упомянуть о них здесь, потому что для значительной части человечества они являются предметом страстных переживаний и не менее горячей взаимной вражды: это два главных шиитских мученика. По ходу этого конфликта старая Кааба в Мекке

была сожжена, и это, естественно, послужило отправной точкой бесконечным пререканиям, стоит ли ее отстраивать в точности как прежде, или же в более величественных формах.

Какое-то время после смерти Али род Омейядов сохранял за собой верховенство и почти столетие давал правителей исламу (661–750).

Несколько лет ислам бесспорно главенствовал в Восточном Средиземноморье, и в 669 г., а затем в 674 г., в период, когда правил первый великий омейядский халиф Муавия (661–680), арабы предприняли две атаки на Константинополь с моря. Это были

именно морские атаки, поскольку исламу, пока он оставался под верховенством арабов, ни разу не удавалось преодолеть Тавре кие горы — барьер, отделявший византийскую Малую Азию от мусульманских владений. В этот же период арабы все дальше продвигали свои завоевания в Центральной Азии. В то время как на своей родине ислам уже приходил в упадок, ему удавалось приобретать огромные армии новых последователей и пробуждать единый дух среди прежде разделенных и не имевших общей цели тюркских народов. Медина больше не могла оставаться центром обширных инициатив ислама в Азии,

Африке и Средиземноморье, поэтому столицей омейядских халифов стал Дамаск.

Наиболее заметными из них — в тот период, когда разошлись тучи династических интриг, — были Абд аль-Малик (685–705) и Валид I (705–714), при которых династия Омейядов достигла вершины своего успеха. Западные рубежи халифата теперь достигали Пиренеев, в то время как восточные владения халифа граничили с Китаем. Сын Валида Сулейман (715) повторно повел мусульман на Константинополь. Планы захвата столицы Византийской империи вынашивались еще его отцом. Как и

при халифе Муавии за полстолетия до того, арабы напали с моря, поскольку Малая Азия по-прежнему оставалась недоступной. Корабли для этого похода набирались преимущественно в Египте.

Однако византийский император, узурпатор Лев III Исавр, проявил невиданную находчивость и упорство в обороне. Он сжег большинство кораблей мусульман в ходе отчаянно смелой вылазки, отрезал войска, которые они высадили на азиатскую сторону Босфора, и после кампании в европейской части империи, продлившейся два года (716–717), необычайно суровая зима довершила

окончательный разгром мусульман.

Ни один из зачинателей великих религий мира, кажется, не выказывал признаков понимания того, насколько огромны те образовательные задачи, которые ожидают его религию в дальнейшем. Те идеи, с которыми он обращался к массам, должна была сопровождать самая обширная работа по их освещению и всестороннему пояснению. Но все великие начинания подобного рода представляют сходную картину: стремительное распространение, словно поток, прорвавший преграду, после чего неизбежно следовали упрощения и искажения.

Еще немного — и мы узнаем об омейядском халифе Валиде II (743—744), который насмехался над Кораном, ел свинину, пил вино и не молился. Не исключено, что в этих историях есть доля правды, но вполне вероятно, что их намеренно распускали, чтобы опорочить представителей правящего рода Омейядов. В Мекке и Медине росло недовольство роскошью и небрежением верой, которые царили в Дамаске. Еще один влиятельный арабский род, Аббасиды (потомки Аббаса, дяди Мухаммеда), давно строил планы захвата власти. Они умело использовали охвативший всю Аравию порыв вернуть вере былую

строгость.

Вражда Омейядов и Аббасидов была древнее, чем ислам, она уже существовала к тому времени, когда родился Мухаммед. Аббасиды поддерживали традицию шиитских «мучеников» — Али, его сыновей Хасана и Хусейна, и призывали под свои знамена их сторонников. Знамя Омейядов было белым, Аббасиды подняли черное знамя — черное в знак скорби по Хасану и Хусейну и потому, что этот цвет впечатляет больше, чем любой другой. Кроме того, Аббасиды провозгласили, что все халифы после Али были узурпаторами.

В 749 г. они осуществили

переворот, к которому так тщательно готовились. Последнего из Омейядских халифов схватили и убили в Египте. Абуль-Аббас стал первым из Аббасидских халифов в 750 г. Начало своего правления он отметил, собрав в одну тюрьму всех живых мужчин из рода Омейядов, до которых был в силах дотянуться, и приказал казнить их всех до одного. Их тела, как гласит предание, стащили в пиршественный зал, накрыли их кожаным покрывалом, и на этом ужасающем ковре принялись пировать Абуль-Аббас и его приближенные. Более того, были вскрыты могилы халифов Омейядов, их кости сожгли, а пепел развеяли.

Вот так, наконец, был отмщен Али, а династия Омейядов исчезла со страниц истории.

Интересно отметить, что в Хорасане было восстание в поддержку Омейядов, которое поддержал китайский император.

Но потомкам Али не суждено было долго наслаждаться плодами своего триумфа. Аббасиды были правителями и авантюристами более древней школы, чем ислам. Теперь, когда традиция Али сыграла отведенную ей роль, уже следующий Аббасидский халиф начал преследовать и казнить всех живых членов его рода, потомков Али и Фатимы. Стали оживать старые

традиции Сасанидской Персии и Персии Ахеменидов.

С воцарением Аббасидов халифы утратили контроль над морем, который перешел к Испании и Северной Африке. Там теперь складывались независимые государства — в Испании во главе с уцелевшим представителем рода Омейядов.

Центр ислама покинул Дамаск, переместившись через пустыню в Месопотамию. Мансур, преемник Абуль-Аббаса, построил для себя новую столицу — Багдад, неподалеку от руин Ктесифона, прежней столицы Сасанидов. Теперь тюрки и персы становились эмирами наравне

с арабами, и армия была реорганизована по Сасанидскому образцу. Медина и Мекка имели значение только как центры паломничества, в сторону которых правоверные обращались во время молитвы. По той причине, что арабский был очень красивым языком, и еще потому, что это был язык Корана, он продолжал распространяться, пока со временем не вытеснил греческий и не стал языком образованных людей по всему мусульманскому миру.

Мало что из сведений об Аббасидских правителях после Абуль-Аббаса достойно упоминания. В Малой Азии год за годом

продолжалась ожесточенная борьба, в которой ни Византия, ни Багдад не имели постоянного успеха, хотя раз или два мусульманам удалось прорваться до самого Босфора. Стоит упомянуть еще только одного Аббасидского халифа, да и то из-за его легендарного, а не реального величия. Гарун аль-Рашид (786–809) в действительности был халифом внешне процветающей империи, но он навсегда останется халифом бессмертной империи «Тысяча и одной ночи» в вечно живом мире литературы.

«Имперский двор отличался роскошью, изысканностью и неограниченным богатством; сама

столица, Багдад, была гигантским торговым центром, выросшим вокруг мощной крепости, где размещался государственный аппарат. Каждому державному ведомству там были отведены свои особые палаты. Обязанности таких ведомств были надлежащим образом отрегулированы, и во главе каждого из них был поставлен опытный и знающий имперский чиновник.

Империя также изобиловала школами и университетами, куда стекались философы, студенты, ученые, поэты и богословы из всех уголков цивилизованного мира... Столицы провинций украшали просторные общественные строения,

их связывали в единое целое надежной и скорой службой почт и караванов. Границы были безопасны и хорошо охранялись, армия — преданной, боеспособной и храброй, министры и наместники — честными и воздержанными. Сама обширная империя всюду являла картину силы и неоспоримого превосходства, от Киликийских ворот до Адена, и от Египта до Центральной Азии. Христиане, язычники, иудеи, равно как и мусульмане, были задействованы на государственной службе. Узурпаторы, полководцы-бунтари и лжепророки уже не тревожили мусульманских владений. Люди

теперь не страдали от голода и восстаний, а богатели на караванных путях... С эпидемиями и болезнями всегда готовы были совладать имперские больницы и лекари, получавшие жалованье от государства...

В государственной политике уже не принято было рубить сплеча, как прежде водилось у арабов. Прежние обычаи заменила собой сложная система диванов (правительственных учреждений), главным образом позаимствованная из персидской системы администрирования. Специальные ведомства под руководством министров управляли почтой, финансами, делами двора,

государственными землями, правосудием и войсками. Целая армия чиновников, писцов, учетчиков и служащих, корпевших каждый над своим маленьким, но ответственным поручением, постепенно прибрала к своим рукам всю государственную власть, устранив Повелителя правоверных от любого непосредственного общения со своими подданными.

Имперский дворец и его внутреннее убранство были в равной степени основаны на римских и персидских прообразах. Евнухи, строго охраняемые гаремы, стража, соглядатаи, сводники, шуты, поэты и карлики окружали особу Повелителя;

каждый по-своему старался заслужить благосклонность владыки, отвлекая державный ум от забот о процветании государства. А в это время посредническая торговля с Востоком вливала золото в Багдад, дополняя другие значительные денежные потоки. Прежде всего это были поступления от военной добычи, ее приносили в столицу предводители победоносных захватнических отрядов, которые опустошали Малую Азию, Индию и Туркестан. Казавшийся бесконечным поток рабов-тюрок и византийских монет увеличивал богатства Халифата.

Все это в сочетании с

оживленными торговыми потоками на караванных путях, центром которых был Багдад, привело к появлению обширного и влиятельного класса богачей, состоявшего из сыновей полководцев, чиновников, землевладельцев, царских фаворитов, торговцев и т. д. Эти люди поощряли искусства, литературу, философию и поэзию, когда на это у них было настроение; они строили для себя роскошные дворцы, соревновались друг с другом в роскоши своих развлечений, вдохновляли поэтов-льстецов сочинять им панегирики. Они были не прочь сами, пусть дилетантски, поупражняться в

философии, поддерживали различные философские течения, щедрой рукой раздавали деньги направо и налево — в сущности вели себя так, как и всякий богатый во все века.

Аббасидская империя в дни Гаруна аль-Рашида определенно была слаба и уязвима. И пусть читатель не сочтет это утверждение нелепицей, учитывая, что в моем описании империя представлена упорядоченной и устоявшейся с административной стороны, ее армия — боеспособной, а богатства — неисчерпаемыми. К этому предположению меня привело то, что.

Аббасидская империя утратила связь со всем, что было жизнеспособного и истинного в исламе, и зиждилась на восстановленных обломках империй, разрушенных исламом. В этой империи не было ничего, что вызвало бы к высшим чувствам народных лидеров. Священная война выродилась в систематическое ограбление соседних земель. Халиф превратился в роскошного императора или Царя царей, правительство из патриархального стало бюрократическим. Зажиточный класс стремительно утрачивал последние остатки веры в государственную религию.

Созерцательная философия и роскошная жизнь заняли место правоверности Корана и арабской простоты. Единственное, что еще могло удержать империю от развала — простая и строгая мусульманская вера, — было в полном небрежении и у халифа, и у его советников... Сам Гарун аль-Рашид охотно прикладывался к чаше с вином, его дворец был украшен разными изображениями птиц, зверей и людей...

На какой-то миг нас завораживает величие Аббасидской державы, но вдруг мы понимаем, что это всего лишь яркая обертка, скрывающая прах и пепел мертвых

цивилизаций».

Гарун аль-Рашид умер в 809 г., и его великая империя немедленно скатилась к хаосу и гражданской войне. Следующее значительное событие в этом регионе происходит двумя столетиями позже, когда турки^[57] под предводительством великой семьи Сельджукидов (от имени их вождя Сельджука, жившего в X в.), хлынули на юг из Туркестана и завоевали не только Багдадский халифат, но также и Малую Азию. Туркам, которые наступали с северо-востока, оказалось по силам обойти Таврские горы, которые до этого сдерживали мусульман.

Турки помогли исламу

возродиться в новом величии, и они снова обратили усилия мусульманского мира в сторону религиозной войны с христианскими державами. На какое-то время между этими двумя великими религиями установилось перемирие, после остановки мусульманской экспансии и с упадком Омейядов. Военные действия, которые происходили между христианством и исламом, представляли собой скорее приграничные конфликты, чем продолжительную войну. Только в XI столетии противостояние двух религий снова приобрело характер жестокой и фанатичной борьбы.

Нам, в продолжение этой темы, предстоит рассказать о турках и крестоносцах, о великих войнах, которые начались между христианским миром и исламом и которые оставили по себе совершенно безумную нетерпимость между этими великими мировоззренческими системами вплоть до нашего времени. Но прежде необходимо уделить внимание духовным и культурным успехам арабского мира, которые широко распространялись в тех краях, где прежде преобладал эллинизм. Силы арабской

цивилизации подспудно копились еще до Мухаммеда. А затем, под воздействием военных и духовных успехов, вспыхнули блеском и великолепием, которые сравнимы разве что со славой греков в их лучшие дни. Достижения арабской цивилизации возродили у человечества тягу к знаниям. Если грека можно назвать отцом, то араба — приемным отцом научного метода. Именно арабским, а не латинским путем современный мир получил этот дар света и силы.

Уже самые первые завоевания арабов привели к тому, что арабская культура вступила в тесное взаимодействие с греческой

литературной традицией, точнее, не с оригинальной греческой, но опосредствовано, через сирийские переводы греков. Несториане — христиане на восток от православия — по всей видимости, отличались большей образованностью и интеллектуальной активностью, чем придворные богословы Византии, и гораздо более высоким уровнем общей образованности, чем латинские христиане Запада. К ним терпимо относились в последние дни Сасанидов, и они также прекрасно уживались с исламом, вплоть до возвышения тюркских народов в XI в. Именно несториане были интеллектуальной опорой

персидского общества. Их усилиями были сохранены и даже приумножены, например, достижения греческой медицинской науки. Во времена Омейядов большинство врачей в халифате были несторианами.

Можно не сомневаться, что многие ученые-несториане исповедывали ислам, не отступая сколько-нибудь значительно от своей веры и не делая уступок исламу в своих исследованиях и взглядах. Они многое сохранили из сочинений Аристотеля в греческом оригинале и в сирийских переводах. В их распоряжении также была значительная математическая

литература. Возможности и приспособления для проведения научных исследований, которые были в распоряжении св. Бенедикта или Кассиодора, не идут ни в какое сравнение с тем, что было под рукой у ученых арабского мира.

К этим учителям-несторианам обратился острый и любознательный ум араба пустыни, многому от них научившись и многое улучшив в их учении. К тому же на протяжении многих столетий в Персии продолжались напряженные и разносторонние богословские и философские поиски. Эти усилия теперь, облекшись в кораническую фразеологию, привели к появлению

ересей и расколу в мусульманской вере. Шиитское сектантство — персидское в своей основе.

Но персы, обладавшие эллинистической ученостью, были не единственными учителями, с которыми общались арабы. По всем богатым городам Востока были рассеяны сородичи арабов — евреи, со своей собственной неповторимой литературой и традицией. Взаимное влияние арабов и иудеев пошло на пользу и тем и другим. Иудеи никогда не были педантами в вопросе своего языка — мы уже отмечали, как за тысячу лет до ислама они перешли на греческий в эллинизированной Александрии, а

теперь по всему новому мусульманскому миру они говорили и писали по-арабски. Некоторые из величайших образцов иудейской литературы написаны по-арабски, религиозные труды Маймонида (1135–1204) например. Сложно сказать, когда речь идет об арабской культуре, где в ней заканчивается иудей и начинается араб, настолько значимо было в ней влияние иудейской составляющей.

Более того, был у арабской культуры еще и третий источник вдохновения, особенно если говорить о развитии математической науки. В настоящее время нам сложно оценить его должным образом. Это,

конечно же, Индия. Можно не сомневаться, что арабы весь тот период, на который пришлось их величие, сохраняли тесный и плодотворный контакт с санскритской литературой и индийскими естественными науками.

Способности арабских ученых проявились уже при Омейядах, но во времена Аббасидов их дарования раскрылись во всей полноте. Историческая наука — это начало и опора всякой здоровой философии и великой литературы, и первые наиболее заметные арабские писатели были историками, биографами и поэтами, черпавшими

вдохновение в исторических темах. За художественную прозу, за сочинительство занимательных рассказов арабские авторы взялись, когда уже сложилась читающая публика, желавшая изящных развлечений. Когда умение читать перестало быть редкостью и стало обязательным для каждого государственного чиновника и для каждого воспитанного молодого человека, пришло время для поступательного развития образовательной системы, а с ней и учебной литературы. К IX и X вв. ислам создал уже не только грамматики, но и объемистые словари, а также множество

филологических трудов.

За то столетие, пока продолжалось наступление на Запад, в нескольких центрах мусульманского мира — в Басре, Куфе, Багдаде и Каире, а также в испанской Кордове — из религиозных школ, поначалу открывавшихся при мечетях, выросло несколько великих университетов. Слава этих университетов вышла далеко за пределы мусульманского мира, привлекая студентов Востока и Запада. В Кордове в особенности училось много студентов-христиан. Влияние арабской философии через Испанию на университетскую мысль Парижа, Оксфорда и Северной

Италии и на западноевропейскую науку в целом было, несомненно, очень значительным. Труды Аверроэса (Ибн-Рушда) из Кордовы (1126–1198) следует отметить особо. Аверроэс более чем кто-либо из арабских философов оказал влияние на европейскую науку. Он развил учение Аристотеля в направлении, которое сделало возможным строгое различение религиозной и научной истин. Так был расчищен путь для высвобождения научного поиска из-под гнета теологического догматизма, который сковывал его и в христианстве, и в исламе.

Еще одно великое имя — Авиценна (Ибн Сина; 980–1037),

получивший прозвище «царь врачей», который родился на другом краю арабского мира, в Бухаре... В Александрии, Дамаске, Каире и Багдаде все так же процветало переписывание книг; в Кордове в 970 г. существовало двадцать семь общедоступных школ, открытых для обучения бедноты.

«Свою математику арабы строили на основах, которые заложили греческие математики. Происхождение так называемых арабских цифр неясно. Боэций, во времена Теодориха Великого, использовал знаки, которые напоминают те девять цифр, которыми мы сейчас пользуемся».

Однако нуль, как считается, был неизвестен до IX в., когда он был введен мусульманским математиком Мухаммедом ибн Мусой, который также первым стал пользоваться позиционной системой записи чисел в десятичной системе. Это, однако, оспаривают индийцы, которые заявляют, что нуль и десятичная система — это индийский вклад в математическую науку.

«В геометрии арабы немного добавили к Евклиду, но алгебра — это практически их творение. Также они развили тригонометрию, придумав синус, тангенс и котангенс. В физике арабы изобрели маятник, осуществляли работы по оптике. Они

добились значительных успехов в астрономии. Арабские ученые построили несколько обсерваторий и сконструировали множество астрономических инструментов, которыми пользуются и до сих пор. Они рассчитали угол наклона эклиптики, уточнили время равноденствий. Их знания в астрономии были, бесспорно, велики.

В медицине они значительно продвинулись вперед сравнительно с работами греков. Они изучали физиологию и гигиену, их представления о лекарственных веществах были близки к современным. Их хирурги знали, как

пользоваться анестетиками, и могли выполнять операции самой высокой сложности. Когда в Европе занятие медициной было запрещено церковью, утверждавшей, что исцеление должно быть следствием религиозных обрядов, совершаемых духовенством, арабы уже имели реальную медицинскую науку.

Арабы заложили многие основы химии. Они открыли много новых веществ, таких, как поташ, нитрат серебра, сулема, азотная и серная кислоты. Слово «алкоголь» арабского происхождения, хотя это вещество было известно под именем «винный дух» еще Плинию (100 г. н. э.)...

В ремесле они превзошли весь

остальной мир разнообразием и красотой изделий и совершенством исполнения. Их мастера работали со всеми металлами — золотом, серебром, медью, бронзой, железом и сталью. Ткани, которые были созданы ими, так и остались непревзойденными. Арабские мастера знали секреты окраски тканей, они умели изготавливать бумагу. Их кожаные изделия славились по всей Европе. Они умели делать сахар из тростника, выращивали множество прекрасных сортов винограда. У них был вполне научный подход к земледелию, хорошо продуманная оросительная система. Уже тогда они активно

использовали удобрения и научились приспособливать посе́вы к качеству грунта. Они добились замечательных результатов в садоводстве, зная, как делать прививки и создавать новые сорта плодов и цветов. Благодаря арабам Запад познакомился со многими деревьями и растениями Востока. Земледелие было темой множества их научных трактатов». [\[58\]](#)

Среди всех этих очевидных успехов арабской цивилизации особо следует отметить изготовление бумаги, учитывая, насколько это было значимо для интеллектуальной жизни человечества. Вероятно, арабы научились этому от китайцев через Среднюю Азию. Европейцы

позаимствовали способ производства бумаги именно у арабов. До этого книги писали на листах папируса, но после арабского завоевания Египта Европа оказалась отрезана от поставок папируса. Пока бумагу не стали производить в изобилии, от умения писать было мало проку. Отсутствие легкодоступного материала, пригодного для письма, по всей видимости, куда значительнее сказалось на сравнительной отсталости Европы «темных веков», чем склонны признавать историки...

Важно и то, что интеллектуальный процесс не прекращался в мусульманском мире,

несмотря на значительные, порой критические сдвиги и неурядицы в политической жизни. Арабы не смогли найти подход к решению проблемы, нерешенной и поныне, — построения стабильного прогрессивного государства. Везде в исламском мире форма правления оставалась абсолютистской, подверженной всем колебаниям, интригам и убийствам, которые характерны для крайних форм монархии. Но на протяжении нескольких столетий, невзирая на преступления монарших дворов и соперничающих лагерей, духу ислама удавалось поддерживать в обществе некую добропорядочность и

умеренность в обыденной жизни. Византийская империя была бессильна сломить эту цивилизацию, а тюркская угроза на северо-востоке еще только набирала силы. Пока не налетел турецкий шквал, интеллектуальная жизнь исламского мира продолжала стабильно развиваться.

Мусульманские завоевания дали жизнь новому типу архитектуры, который по-разному называют сарацинским, магометанским или арабским. Но исконный араб никогда не был художником. Он строил мечети, дворцы, мавзолеи и города, потому что нужно было их строить, и находил для этого мастеров и

архитекторов среди покоренных египтян, сирийцев и персов. Арабское искусство в Персии было попросту продолжением персидского искусства, но в Египте и Сирии действительно произошло приспособление к новым условиям и появился новый тип строений и орнамента. Это и было в строгом смысле «арабское» искусство.

На западе арабского мира, в Северной Африке и Испании, развилась своеобразная архитектура, особой приметой которой была характерная арка, формой напоминающая подкову. Сирия и Египет, еще задолго до появления арабов, уже отошли от византийских

форм, заменив круглую арку стрельчатой, и пошли еще дальше, чем византийское искусство, в отказе от скульптурных изображений. Греческий реализм уступил место условному орнаменту, а арабский темперамент, склонный к созерцанию и экстазам, только усилил этот процесс — не ради того, чтобы подчиниться религиозным предписаниям, ведь существует множество ранних арабских рисунков с натуры, но «повинуясь инстинкту». В повседневной жизни независимо от культуры араб проявляет крайнее нежелание оголять свое тело или смотреть на тело.

Постепенно, с эволюцией арабского искусства, декоративность переходит от условных животных и растительных форм к геометрическим узорам, арабескам. Крыши и своды инкрустируются все более обильно, множится использование решетчатых ширм и перегородок, и даже внешние формы становятся многогранными. Своды покрываются круглой и многоугольной лепкой, которая свисает с них, словно сталактиты. В результате подавления чувств, их сублимации рождается новая и таинственная красота, подобная красоте кристаллов или водных струй. Утонченными и загадочными

ритмами неодушевленной материи эта красота противоположна не знающей запретов свободе, роскошной вульгарности бьющего через край жизнелюбия греческого искусства.

Отмечая своеобразие арабской архитектуры, упомянем минарет и купол в виде луковицы, а также неподражаемые изразцы, глазурованные и зачастую богато украшенные. И повсеместно в орнаментации используются отрывки и фразы из Корана, выведенные прекрасным и размашистым арабским письмом.

Глава тридцать первая

Христианский мир и крестовые походы

1. Западный мир в период наибольшего упадка.

2. Феодальная система.

3. Франкское королевство Меровингов.

4. Христианизация западных варваров.

5. Карл Великий становится императором Запада.

6. Личность Карла

Великого.

**7. Романский стиль в
архитектуре и искусстве.**

**8. Французы и
немцы становятся
разными народами.**

**9. Норманны,
сарацины, венгры и
турки-сельджуки.**

**10. Как
Константинополь взывал
к Риму.**

**11. Крестовые
походы.**

**12. Крестовые походы
— испытание для
христианства.**

**13. Император
Фридрих II.**

**14. Изъяны и
ограничения папства.**

**15. Выдающиеся
Папы.**

**16. Готический стиль
в архитектуре и
искусстве.**

**17. Средневековая
музыка**

Давайте снова обратимся к тому,
что происходило в Западном мире.

Мы уже описывали полное

социальное, экономическое и политическое крушение римской имперской системы на Западе, хаос и невежество, которые наступили в VI и VII вв. Говорили мы и о людях, которые, подобно Кассиодору, пытались из последних сил не дать погаснуть пламени человеческого знания на ветру этих потрясений. Бессмысленно описывать государства и правителей того времени. Авантюристы разного пошиба захватывали замок или несколько селений и правили областями, точных границ которых не знал никто. Британские острова, к примеру, поделили между собой несколько правителей.

Многочисленные кельтские вожди Ирландии, Шотландии, Уэльса и Корнуолла безостановочно сражались друг с другом. Пришельцы-англичане также создали несколько «королевств», границы которых постоянно менялись, — Кент, Уэссекс, Эссекс, Суссекс, Мерсия, Нортумбрия и Восточная Англия, которые постоянно воевали одно с другим.

И так — почти везде в Западном мире. Там епископ становился и светским правителем, как Григорий Великий в Риме, здесь город или несколько городов оказывались под властью герцога или князя такого-то. Среди обширных руин города Рима

семьи самозванных аристократов и их челядь, не признававшие над собой никакой власти, чувствовали себя безраздельными хозяевами своих улиц и кварталов. Формально власть в городе принадлежала Папе Римскому, но и ему иногда приходилось считаться с «герцогом римским». Величественную арену Колизея ее новый владелец сделал крепостью, и та же судьба постигла просторный круглый мавзолей императора Адриана. Искатели приключений, завладевшие этими бастионами, сводили между собой счеты, устраивая засады и настоящие побоища на улицах города, бывшего когда-то столицей империи.

Мавзолей Адриана со времени Папы Григория Великого стал известен как замок Сан-Анджело, замок Святого Ангела. По преданию, Папа переходил по мосту через Тибр, направляясь к могиле св. Петра, чтобы молиться об окончании чумы, опустошавшей город. В этот миг ему предстал в видении величественный ангел, возвышавшийся над темной громадой императорской гробницы. Ангел вложил меч в ножны, и Папа понял, что его молитвы будут услышаны. Замку Святого Ангела предстояло сыграть важную роль в жизни Рима в этот беспокойный век.

Испания переживала такое же политическое дробление, как

Италия, Франция и Британия. В Испании к тому же сохранялась вековая рознь римлян и карфагенян, нашедшая продолжение в непримиримой вражде их преемников, христиан и иудеев. Когда к Гибралтарскому проливу подошло войнство халифа, стремительно покорившее Северную Африку, иудеи немедля склонились на его сторону. Они стали верными помощниками арабов в их вторжении в Европу. Армия мусульман — арабов и берберов, кочевого хамитского народа африканской пустыни, принявшего ислам, — в 711 г. пересекла пролив и в решающем сражении наголову разбила

вестготов. За несколько лет вся страна уже была во власти мусульман.

В 720 г. ислам достиг Пиренеев и, обойдя их с восточного края, попытался проникнуть во Францию. Какое-то время казалось, что эта вера овладеет Галлией так же легко, как и Испанским полуостровом. Но она натолкнулась на действительно непреодолимую преграду — недавно сложившееся королевство франков, в состав которого за два столетия вошли рейнские земли и север Франции.

Об этом Франкском королевстве, предшественнике Франции и Германии, ставшем

западным бастионом Европы на пути веры Мухаммеда, как Византийская империя за Таврскими горами была восточным, у нас еще пойдет речь. Сначала нам следует поближе рассмотреть новые отношения и классы в сообществах, сложившихся в Западной Европе, которые дали начало королевству франков.

Прежде всего необходимо, чтобы у читателя сложилось четкое представление об общественных условиях Западной Европы VIII в. Это уже не было варварство. По-прежнему дикой и варварской оставалась Восточная Европа; мало что изменилось там со времен посольства Приска к Атилe (см.

главу 27, раздел 6). Западная Европа была разрушенной цивилизацией, без закона, никем не управляемая, с разбитыми дорогами и упадком образования, но ее по-прежнему населяло огромное множество людей, которые жили цивилизованными представлениями и традициями.

Это было время общественной путаницы, разбоя и безнаказанных преступлений, всеобщей неуверенности и незащищенности. Но интересно проследить, как из этого всеобщего хаоса начинают появляться зачатки нового порядка. Если бы современное общество выходило из подобной катастрофы,

вероятно, все началось бы с образования местных отрядов самообороны. Совместными усилиями такого рода восстановили бы поддержание правопорядка и обеспечили постепенный возврат к более-менее демократическому управлению. Но в разгромленной Западной Европе VI–VIII вв. представления людей были обращены к лидерам, а не к гражданским объединениям. Центрами притяжения становились то вождь варварского племени, то деятельный епископ или уцелевший представитель римской администрации; там — уважаемый землевладелец или член древней

фамилии, а здесь — кто-то из предприимчивых узурпаторов. В одиночку человек был не в силах сохранить свое имущество и жизнь.

Поэтому люди вынуждены были присоединяться к другим, предпочтительно более сильным, чем они, людям. Отдельный человек выбирал того, кто был самым влиятельным и заметным в округе, и становился «его» человеком. Свободный землепашец или владелец мелкого поместья связывал себя с более влиятельным и могущественным господином. Защита такого господина (или угроза его враждебности) приобретали все больший вес с каждым таким

присоединением. Так люди быстро оказывались включены в процесс политической кристаллизации, начавшийся в той пучине хаоса и беззакония, куда погрузилась Западная Европа. Эти возникавшие естественным образом связи и союзы покровителя и подвластных быстро выросли в некое подобие системы, а именно — в феодальную систему, следы которой можно обнаружить в общественном устройстве каждого европейского общества на запад от России. Феодальная система проявлялась во множестве самых разнообразных форм.

Этот процесс очень скоро

приобрел свои структурные формы и законы. В такой стране, как Галлия, он уже шел полным ходом в эпоху нестабильности — еще до того, как варвары вторглись в империю как завоеватели. У франков, когда они появились в Галлии, племенная верхушка имела вид, уже известный нам на примере македонян и, по всей вероятности, очень распространенный среди нордических народов. Речь идет о собрании вокруг вождя или военного предводителя молодых людей из знатных семей, его спутников — графов и военачальников.

В тех случаях, когда приходилось оборонять свои земли

от вторгшихся чужеземцев, отношения сильного и слабого землевладельцев неизбежно становились отношениями короля и графа. Вполне естественно и то, что вождь-победитель делил отнятые земли между своими приближенными. Как следствие от гибнущей империи в феодализм перешло представление о взаимовыгодном союзе для совместной обороны людей и поместий, а с германской стороны — идея рыцарского союза, преданности предводителю и личного служения. Первое стало экономической основой этого нового общественного строя, второе — его рыцарской,

наложив отпечаток на отношения как личные, так и между различными общественными группами феодальной системы.

«Мы пользуемся термином «феодальная система» ради удобства, с известной долей неточности в том, что касается понятия «системности». Феодализм в эпоху своего расцвета был чем угодно, но только не системой. Это был беспорядок, получивший лишь самое грубое подобие общественного строя.

Повсюду продолжали преобладать местные особенности, и не стоит удивляться, обнаруживая какой-то характерный признак или обычай в каждом удельном владении.

Англо-норманнский феодализм в XI и XII вв. обрел логическую завершенность и единообразие установленных норм, которые, говоря о собственно феодальной эпохе, едва ли можно встретить где-либо еще на такой огромной

территории...

Основой собственно феодальных отношений был фео́д (лен), который обыкновенно представлял собой земельный надел, но не только. Это могло быть все что угодно, обладавшее ценностью и привлекательностью в глазах человека: должность, денежная или натуральная пошлина, право собирать пошлину или работать на мельнице. В обмен на фео́д человек становился вассалом своего господина; опускаясь перед

ним на колени и вкладывая
свои ладони между
ладоней господина, он
присягал ему на верность и
службу...

Верное
исполнение всех
обязанностей, которые
принимались в вассальной
присяге, являлось
подтверждением права на
обладание феодем.

И до тех пор, пока эти
обязанности исполнялись,
вассал и его наследник
после него сохраняли феоде
в своем распоряжении. В
отношении всех своих
вассалов господин

практически выступал как собственник феода.

В церемониях вассальной присяги и пожалования титула — иначе говоря, заключения контракта на феодальный манер — обязательства, принимаемые обеими сторонами, не были, как правило, точно оговорены. Они определялись местным обычаем. В деталях вассальная служба существенно разнилась в различных частях феодального мира. Мы можем сказать, однако, что

она подразделялась на два вида, общую и специальную. В общую включалось все то, что подразумевается под понятием верности господину: то есть, отстаивать интересы господина, хранить его тайну, выдавать планы его врагов, защищать его семью и т. д. То, что составляло специальную службу, определялось с большей точностью: эти обязанности, как правило, получали точное определение в обычаях, а

иногда заносились в письменные документы.

Наиболее характерной из них была воинская служба, которая обязывала вассала выходить на поле брани по призыву сюзерена во главе своего отряда, зачастую особо оговаривались его численность и вооружение, а также обязанность оставаться в войске сюзерена оговоренное время. Сюда также входила обязанность защищать замок своего господина и предоставлять свой

собственный замок в распоряжение господина, если это входило в его планы по защите собственного феода...

Феодализм покрыл всю Европу сетью таких феодов, поднимавшихся по ступенчатым уровням один над другим, от самого мелкого в основании, рыцарского жалованья, до короля наверху, который был основным землевладельцем и который получил свое королевство от Бога...»[\[59\]](#)

Так в теории. Но это была структура, которая была наложена на уже сложившийся порядок вещей. Реальностью феодализма был личный выбор и добровольное сотрудничество ради личной выгоды.

Феодальным было государство, в котором, как иногда говорят, право личности заняло место общественного права. Но вернее было бы сказать, что общественное право оказалось несостоятельным и сошло со сцены, и право личности пришло, чтобы заполнить эту пустоту. Общественный долг стал личным обязательством.

Мы уже говорили о королевствах, которые создали

племена варваров, установив более или менее шаткое правление на той или иной области среди обломков империи. Такими были королевства свевов и вестготов в Испании, остготское королевство в Италии. Упоминали мы и итальянское королевство лангобардов, которые пришли на смену готам после того, как готы были изгнаны Юстинианом, а великая чума опустошила Италию.

Франкское королевство было еще одной подобной державой, которая сложилась изначально на территории современной Бельгии, а затем распространилась в южном направлении до Луары и далее. Королевство франков стало сильнее

и образовало большее единство, чем любое другое варварское королевство. Это было первое подлинное государство, появившееся среди имперских руин. Оно превратилось, наконец, в мощную политическую силу; именно от него берут начало две великие державы современной Европы — Франция и Германия.

Его основателем был Хлодвиг (481–511), который начинал как правитель малоприметного королевства в Бельгии, но к концу жизни раздвинул границы своих владений почти до Пиренеев. Он поделил Франкское королевство для своих четырех сыновей, но франки

сберегли традицию единства несмотря на это разделение. Какое-то время войны между претендентами на единовластие скорее объединяли, чем разделяли их. Причиной более глубокого раскола послужила латинизация западных франков, которые заняли Римскую Галлию и переняли испорченную латынь от покоренного населения, в то время как франки рейнских земель сохранили свое нижнегерманское наречие.

На низком уровне цивилизации различие в языке способно стать причиной значительных политических разногласий. За полторы сотни лет франкский мир

раскололся надвое. Нейстрия, ставшая ядром Франции, пользовалась латинской речью, которая в итоге превратилась во французский язык. Рейнские земли — Австразия — продолжали оставаться германскими. Франки, говорившие на нижненемецком, а не на верхненемецком диалекте, заметно отличались от швабов и южных немцев и были гораздо ближе к англосаксам. Северная Голландия по-прежнему говорит на фризском языке, брате-близнеце англосаксонского. Их язык был и прямым предком нидерландского и фламандского языков. «Французский», на котором

говорили латинизированные франки и бургунды с VII по X вв., существенно походил на ретороманский язык Швейцарии, если судить по его памятникам, сохранившимся в старинных документах.

Мы не станем здесь рассказывать об упадке династии Меровингов, которую основал Хлодвиг, ни о том, как в Австразии некий майордом (главный придворный сановник), постепенно стал королем де-факто, а подлинный король был не более чем его марионеткой. Положение майордома стало наследственным в VII в., а в 687 г. некий Пипин Геристальский,

австразийский майордом, завоевал Нейстрию и снова объединил всех франков. Ему в 715 г. наследовал его сын Карл Мартелл («Молот»), который также был майордомом. Именно Карл Мартелл остановил мусульман. Когда он встретил их, арабы дошли почти до Тура, и в решительном сражении у Пуатье (732) Карл Мартелл наголову разгромил армию мусульман и отбил у них всякую охоту встречаться с франками на поле боя. С той поры Пиренеи стали их последним рубежом; дальше в Западную Европу они не пошли.

Карл Мартелл поделил власть между двумя сыновьями, но один из

них ушел в монастырь, оставив своего брата Пипина единоличным правителем. Именно этот Пипин, прозванный Коротким, положил конец династии потомков Хлодвига. Он отправил своего посланника к Папе с вопросом: кто подлинный король — тот, кто держит в руках власть, или тот, у кого на голове корона? Папа, который отчаянно нуждался в покровителе, решил дело в пользу майордома. В 751 г. Пипин на собрании франкской знати в Суассоне, столице Меровингов, был избран королем, помазан на царство и коронован. Франко-германская держава, которую он объединил, еще более сплотилась при его сыне Карле

Великом. Она сохраняла свое единство вплоть до смерти его внука Людовика (840), а затем между Францией и Германией снова произошел раскол — к великому несчастью всего человечества. И причина этому была не в национальном различии или разных обычаях. Разные языки и государственные традиции в конечном итоге развели эти франкские народы по разные стороны границы.

Это многовековое разделение Нейстрии и Австразии по-прежнему сказывается в самых тяжелых последствиях. В 1914 г. древний конфликт Нейстрии и Австразии

снова привел к войне.

Народы, которыми правили Карл Мартелл и король Пипин, в разных областях королевства находились на различных уровнях цивилизации. На западе и юге основная масса населения состояла из латинизированных христиан-кельтов. В центральных регионах приходилось иметь дело с более или менее христианизированными германцами — франками, бургундами и алеманнами. На северо-востоке фризы и саксы все еще оставались язычниками. На востоке были бавары, недавно крещенные миссионерскими стараниями св. Бонифация, а на

востоке опять были язычники: славяне и авары.

Язычество германцев и славян было сродни во многом первоначальной религии греков. Это была мужественная религия, в которой храму, жрецу и жертвоприношению была отведена незначительная роль. Ее боги мало чем отличались от людей, скорее походили на «школьных наставников», которые время от времени, повинувшись порывам, вмешивались в человеческие дела. Вместо Юпитера у германцев был Один, Тор вместо Марса, Фрея вместо Венеры и т. д. На протяжении VII и VIII вв. не прекращалось

обращение этих германских и славянских племен в христианство.

Христианство дважды пускало корни на Британских островах. Оно появилось там еще в те времена, когда Британия была частью Римской империи. Выйдя за рубежи Империи, христианство пришло в Ирландию, главным образом миссионерскими усилиями св. Патрика. Ирландия знала также и мощное монашеское движение. Затем, в V и VI вв., пришли свирепые язычники-англичане, отрезавшие раннюю ирландскую церковь от остального христианского мира. В VII в. христианские миссионеры уже обращали англичан сразу с двух

сторон: на севере из Ирландии и на юге из Рима. Миссия из Рима была отправлена Папой Григорием Великим в самом конце VI в. По преданию, он увидел, как продавали красивых светловолосых мальчиков-англичан на невольничьем рынке в Риме, хотя не совсем понятно, как они могли туда попасть. В ответ на расспросы Папы ему ответили, что это были англы. «Не англы, но ангелы, — сказал он, — им недостает только Евангелия».

Эта миссия трудилась на протяжении всего VII в. И прежде чем закончился век, большинство англичан стали христианами, хотя Мерсия, центральное английское

королевство, продолжала
упорствовать, не отступая от
прежних обычаев и верований.

Монастыри королевства
Нортумбрия на севере Англии стали
центрами знания и учености. Одним
из первых архиепископов
Кентерберийских был Теодор из
Тарса (668–690).

«Некоторые из
учеников Теодора овладели
греческим — в ту эпоху,
когда этот язык был
совершенно неизвестен на
западе Европы. В
монастырях жило
множество монахов,

которые были и замечательными учеными. Наиболее выдающимся из всех был Беда, известный как Беда Достопочтенный (672–735), монах из города Ярроу на Тайне. В учениках у него были шесть сотен монахов его монастыря, и еще многие приходили из самых отдаленных краев, чтобы послушать его. Постепенно он овладел всей ученостью, что была доступна в его время, оставив после смерти сорок пять томов своих трудов, среди которых

самый значительный — «Библейская история англов» и перевод Евангелия от Иоанна на английский язык. Его работы читались и были широко известны в Европе. Он вел отсчет всем событиям от рождения Христа, и через его труды христианская хронология прижилась по всей Европе. Благодаря значительному числу монахов и монастырей в этой части Англии, какое-то время Нортумбрия значительно опережала юг страны по

уровню цивилизации». [\[60\]](#)

В VII и VIII вв. мы видим, что миссионеры-англичане уже усердно трудятся на восточных рубежах Франкского королевства. Наиболее выдающимся из них был св. Бонифаций (680–755). Он родился в Кредитоне, в Девоншире, и обращал в христианство фризков, тюрингов и гессов и принял мученическую смерть в Голландии.

И в Англии, и в Западной Европе правители, пришедшие к власти, охотно прибегали к помощи христианства как к объединяющей силе, призванной сплотить покоренные ими земли.

После Пипина, умершего в 768 г., Франкское королевство осталось двум его сыновьям. Но в 771 г. один из них умер, и единоличным правителем стал его брат Карл (771–814). Он известен в истории как Карл Великий, или Шарлеман (фр. Charlemagne). Как и в случае с Александром Великим и Юлием Цезарем, память о Карле Великом в последующих поколениях оказалась чрезмерно преувеличена.

Своим завоевательным походам Карл намеренно придавал характер религиозных войн. Все пространство северо-западной Европы, которое теперь занимают Великобритания, Франция, Дания, Норвегия и

Швеция, стало в IX в. ареной жестокого противостояния между старой верой и новой. Целые народы мечом были обращены в христианство, как столетие назад ислам обращал в свою веру народы Аравии, Центральной Азии и Африки.

Огнем и мечом Карл Великий проповедовал Евангелие Креста саксонцам и богемцам, дойдя до Дуная на землях современной Венгрии. Новую веру он принес к берегам Адриатики, оттеснил мусульман от Пиренеев до самой Барселоны.

Более того, именно он дал прибежище изгнаннику Эгберту,

которому пришлось бежать из Уэссекса, в Англии, и впоследствии помог ему стать в Уэссексе королем (802). Эгберт покорил бриттов в Корнуолле, так же как Карл покорил их в Бретани. Затем, после нескольких войн, которые он вел уже после смерти своего франкского покровителя, Эгберт в конце концов стал первым королем всей Англии (828).

Атаки Карла Великого на последние оплоты язычества привели к яростному сопротивлению тех, кто отказывался принимать новую веру. Англичане, приняв крещение, почти утратили те навыки мореходов, которые помогли им

перебраться на остров с материка, а франки еще не вышли в море. По мере того как Карл Великий, не дававший язычникам покоя, продвигался все ближе к побережьям Балтийского и Северного морей, их племена оказались прижатыми к морю. Они отвечали на это давление христиан грабежом и разрушительными набегами на северное побережье Франции и на христианскую Англию.

Эти язычники, саксы и англосаксы с материковой части Европы и их сородичи из Дании и Норвегии, — это и есть даны и норманны наших национальных историй. Их также называли викингami,^[61] что значит

«люди заливов», так как они обычно появлялись из заливов-фьордов, глубоко врезавшихся в берега Скандинавии. Они плавали на длинных черных ладьях, почти не пользуясь парусами. По большей части мы узнаем о набегам язычников-викингов из христианских источников, так что у нас много сведений о резне и зверствах, которые несли с собой викинги, и почти ничего — о тех жестокостях, которые претерпели их собратья, язычники-саксы, от рук Карла Великого. Их враждебность к Кресту и монашеству не знала пределов. Они сжигали монастыри, не щадя никого, ни монахов, ни монахинь.

Весь период между V и IX столетиями викинги, или норманны, учились мореходному делу, становясь отважнее и заплывая все дальше. Они бесстрашно исследовали северные моря, и, наконец, заснеженные берега Гренландии стали для них знакомым пристанищем, а к IX в. у них были поселения (о которых Европа ничего не знала) даже в Америке. Правда, постоянную колонию в Америке норманнам не удалось основать. Где-то около 1000 г. они попытались было заселить некую часть Америки, которую называли «Винланд», но им удалось продержаться там лишь около двух лет. В один прекрасный

день появилось каноэ, полное индейцев в боевой раскраске, которые, видимо, сочли норманнов незванными гостями. Какое-то время они молча изучали друг друга, не пытаясь торговать или воевать. Новый мир просто смотрел на старый. Затем случились какие-то неприятности, и норманны, малочисленные, оторванные от дома, предпочли собраться и поскорее покинуть оказавшийся негостеприимным край. С тех пор летописи не сообщают о том, что Америка в дальнейшем посещалась норманнами.

С XII в. многие скандинавские саги стали записывать в Исландии.

Жизнь в глазах их авторов представляла собой непрерывное приключение, которое ждет смельчаков. Они были китобоями и охотниками на моржей и медведей, но воображение рисовало им величественный, сказочно богатый город где-то в южных морях. Этот город, то ли Рим, то ли Константинополь, назывался у них Миклагард («большой город»). Притяжение Миклагарда влекло норманнов на юг, в Средиземноморье, двумя путями — западным по морю вокруг Европы, а также из Балтики через Русь (об этом мы поговорим позднее). Русским путем двигались также их родичи-

шведы.

Пока были живы Карл Великий и Эгберт, викинги оставались просто грабителями, которые отваживались лишь на отдельные вылазки. Но не успело закончиться IX столетие, как эти набеги превратились в организованные вторжения. В некоторых районах Англии позиции христианства уже не были столь сильны, как прежде. В Мерсии в особенности норманны-язычники встречали сочувствие и поддержку. К 879 г. датчане завоевали значительную часть Англии, и английский король Альфред (871–900) признал их право на завоеванные области, земли

«датского права», в договоре, который он заключил с предводителями датчан.

Несколько позже, в начале X в., после еще одного подобного похода норманнов, который возглавлял Роллон, норманны отвоевали для себя область на побережье Франции, известную с тех пор как Нормандия.

У нас нет возможности в подробностях рассказать о том, как потом Англия была еще раз завоевана датчанами, как в конце концов герцог Норманнский стал королем Англии. Языковое и общественное отличие между этими народами — англами, саксами, ютами и датчанами, или

норманнами, было невелико. Современные англичане склонны воспринимать эти перемены как первостепенно важные, но это всего лишь легкая рябь на полноводном потоке истории, если судить об этих событиях по меркам большого мира.

Трения между христианством и язычеством постепенно сходили на нет. Датчане согласились принять крещение, если не будут оспариваться их права на завоеванные земли. Потомки же Роллона в Нормандии не только крестились, но даже переняли французский язык своих более цивилизованных соседей, утратив родной норвежский. Но для истории

всего человечества гораздо большее значение имеют отношения Карла Великого с соседями на юге и востоке и его связь с традицией Римской империи.

Традиции римского цезаризма через Карла Великого удалось воскреснуть в Европе. Западная Римская империя давно была мертва, далеко зашла в своей деградации Византийская империя. Образование и духовность в Европе снизились до того уровня, когда появление новой конструктивной идеи в европейской политической жизни было невозможно. Во всей Европе не было и малой толики той творческой мощи, которую мы находим в

литературе Афин V в. до н. э. Европа еще не раскрыла в себе той силы, которая могла бы создать предпосылки для появления нового, неизвестного прежде способа политической организации.

В официальном христианстве давно стало привычным не считаться со странным учением Иисуса из Назарета, которое дало ему начало. Римская церковь, упорно цепляясь за обладание титулом *princeps maximus* («верховный повелитель»), перестала трудиться над задачей, стоящей перед ней, — достижением Царства Небесного. Ее больше заботила возможность возрождения верховенства Рима на земле, в

котором она и видела свое подлинное назначение. Она стала политическим институтом, использующим веру и насущные потребности простых людей для осуществления этих своих планов. Она цеплялась за традицию Римской империи, за представление о том, что воссоздание империи — единственный возможный способ европейского единства. Европа же, после целой серии попыток возродить эту империю, преуспела лишь в чудовищной имитации успевших обанкротиться начинаний прошлого.

Европа на протяжении одиннадцати столетий подражания

цезарям, которое началось с Карла Великого и завершилось только чудовищным кровопролитием 1914–1918 гг., напоминала фабрику лунатика. Скорее даже это был не лунатик, а мертвец, который посредством каких-то чар имитирует признаки жизни. Римская империя рушится, сходит со сцены, но вновь появляется на ней, и — если продолжить наше сравнение — именно римская церковь выступает в роли чародея, который поддерживает в мертвеце жизнь.

И все это время не прекращается борьба за контроль над этим неживым телом между властью духовной и светскими правителями.

Мы уже обращали внимание, в каком духе была написана книга «О граде Божьем» св. Августина. Эту книгу, как нам известно, читал Карл Великий, или же ее читали ему (насколько он овладел грамотой — вопрос спорный). Он размышлял о подобного рода христианской империи, которая управлялась бы и укреплялась в своей ортодоксальности неким великим цезарем — таким, как он сам. Он стремился контролировать даже Папу.

Мысль о возрожденной Европе не сразу овладела помыслами Карла. Поначалу он был просто правителем королевства франков, доставшегося

ему от отца. Его силы были полностью поглощены борьбой с саксами и баварами, со славянами на восток от них, с мусульманами в Испании и подавлением бунтов в его собственных владениях. Поссорившись с королем Ломбардии, своим тестем, он в итоге завоевал Ломбардию и Северную Италию. Мы уже отмечали, как лангобарды осели в Северной Италии около 570 г., после великой чумы и после того, как Юстиниан сверг готских королей. Папы всегда боялись лангобардов, видя в них постоянный источник угрозы,^[62] и уже во времена Пипина существовал союз против лангобардов между Папой и

франкским королем. Теперь Карл Великий полностью покорил Ломбардию (774), отправил тестя в монастырь и раздвинул в 776 г. границы своего королевства за северовосточные рубежи Италии в Далмацию. В 781 г. он добился того, чтобы один из его сыновей, Пипин, не переживший своего отца, был коронован в Риме королем Италии.

В 795 г. на папский престол взошел новый Папа, Лев III, который, судя по всему, с самого начала был настроен сделать Карла императором. До этой поры император Византии обладал некой, пусть и неопределенной, властью над Папой. Сильные императоры,

как Юстиниан, помыкали Папами, принуждая их к безоговорочному подчинению, и те по первому зову являлись в Константинополь. Слабые же только раздражали Пап, не имея возможности надавить на них. Мысль о разрыве с Востоком — и светском, и религиозном — уже давно вынашивали в Латеране.^[63] Франкская держава могла стать той опорой, без которой невозможно было обойтись после разрыва с Константинополем.

Так Лев III, взойдя на папский престол, сразу же отослал королю Карлу ключи от гробницы св. Петра, давая тем самым понять, что Карлу принадлежит верховная власть в

Риме как королю Италии. И очень скоро Папе пришлось просить о помощи у того, кого он избрал своим покровителем. Папа был непопулярен в Риме. Однажды во время торжественного шествия римляне принялись осыпать Папу оскорблениями, а затем и набросились на него. Папе пришлось бежать в Германию (795). Эгинхард, биограф и один из ближайших соратников Карла Великого, пишет, что Папе выкололи глаза и отрезали язык. Правда, уже через год Папа снова оказывается и с глазами, и с языком. Карл вернул его на папский престол (800).

На Рождество 800 г., когда Карл

поднимался после молитвы в соборе св. Петра, Папа, у которого все было наготове, неожиданно водрузил на его голову корону и провозгласил его цезарем и августом. За этим последовали всеобщие рукоплескания собравшихся в церкви людей. Но Эгинхард пишет, что короля франков отнюдь не порадовал такой жест со стороны Папы Льва III. Если бы он знал, что такое случится, пишет Эгинхард, то «не вошел бы в храм, хотя и был это день праздничный».

Нет сомнений, что Карл размышлял о том, чтобы стать императором. Но в его планы, очевидно, не входило, что

императором его сделает Папа. Скорее, он рассчитывал жениться на императрице Ирине, которая в то время правила в Константинополе, и стать монархом сразу Восточной и Западной империй. Но теперь ему пришлось принять императорский титул, как это предусмотрел Папа Лев III, как дар от Папы, который к тому же отстранял Константинополь от участия в принятии этого решения, что должно было обезопасить отделение Рима от византийской церкви.

Поначалу Византия не желала признавать императорский титул Карла Великого. Но в 811 г. страшная беда обрушилось на Византийскую

империю. Язычники-болгары под предводительством князя Крума (803–814) разбили и уничтожили войска императора Никифора I, из черепа которого Крум сделал для себя чашу. Значительная часть Балканского полуострова была завоевана этим народом (болгарская и английская нации, таким образом, сложились в своем политическом единстве почти одновременно). После этого Византия уже не оспаривала возрождение империи на Западе, и в 812 г. Карл Великий был формально признан византийскими послами как император и август.

Так Римская империя, которая была разрушена в 476 г. полчищами

Одоакра, в 800 г. вновь ожила как «Священная Римская империя». И хотя ее физическая сила сосредоточивалась к северу от Альп, идейным центром Империи был Рим. Таким образом, это образование изначально оказалось раздвоенным, с неопределенным центром власти. Звон германского меча даже из-за Альп был постоянно слышен в Италии, а из Италии в обратном направлении пробирались посольства и папские легаты. Но германцам не удалось закрепиться в Италии надолго, они не смогли выстоять против малярии, которая свирепствовала в разрушенной, опустошенной и заболоченной

стране. А в это время в Риме и еще нескольких городах Италии подспудно продолжала теплиться более древняя традиция — традиция аристократической республики, враждебная и Папе, и императору.

Несмотря на то что мы имеем жизнеописание Карла Великого, написанное его современником Эгинхардом, сложно представить, какими были его характер и личность. Эгинхарду недостает живости, его описание изобилует деталями, но это не те детали, которые заставляют образ человека ожить на страницах летописи.

Карл, по словам его биографа, был высоким, но обладал довольно

слабым голосом. У него были светлые глаза и длинный нос. «Макушка у него была круглой» — пишет он, не уточняя, как это следует понимать, а его волосы были «белыми». У него была крепкая и короткая шея, и «его живот слишком выдавался вперед». Он носил тунику с серебряной каймой и панталоны с подвязками. Также он надевал голубой плащ и не расставался с мечом, рукоять и перевязь которого были отделанными серебром и золотом.

Очевидно, это был исключительно деятельный человек — можно представить себе его быстрые порывистые движения.

Многочисленные любовные истории никак не отражались на его непрестанных — военных и политических трудах. Он был несколько раз женат, еще больше у него было любовниц. Карл не любил сидеть, сложа руки, охотно принимал участие в пышных празднествах и религиозных церемониях и был щедрым жертвователем. Карл Великий был способен и на значительные усилия в духовной жизни.

Интересно, как выглядела его духовная жизнь; мы узнаем о ней из описания, оставленного Эгинхардом. Оно не только дает нам возможность оценить своеобразие личности Карла

Великого, но служит примером духовной жизни того времени. Карл умел читать; за обедом он «внимал музыке или чтению», но плохо умел писать.

«Он имел обыкновение держать у изголовья прописи и навощенные дощечки, так что на досуге мог упражнять свою руку в начертании букв, но в письме особо не преуспел, ибо начал уже в зрелом возрасте». Он обладал подлинным уважением к учености и искренней жаждой знаний и делал все возможное, чтобы привлечь ученых людей к своему двору. Среди прочих, откликнувшихся на его приглашение, был ученый англичанин Алкуин. [\[64\]](#)

Все ученые люди — приближенные Карла Великого, были, конечно же, священниками: других ученых тогда просто не было, и, естественно, они придавали отчетливо церковный оттенок тем сведениям, которыми делились со своим господином. При дворе, который располагался в Ахене (главной резиденции Карла) или Майнце, зимние месяцы Карл Великий коротал за любопытным занятием, которое называл своей «школой». В ней он и его эрудированные товарищи договаривались на время забыть о разнице в положении, выбирали для себя имена, взятые из классических

авторов или Священного Писания, и устраивали диалоги о богословии и литературе. Сам Карл Великий был «Давидом».

Об организации империи Карлом Великим мало что можно сказать. Он был слишком занят неотложными делами, чтобы задуматься о качествах своего преемника или об условиях политической стабильности. Однако весьма показательна в этой связи, что он наставлял своего сына и наследника Людовика Благочестивого (814–840) самому взять корону с алтаря и короновать себя! Но Людовик был слишком благочестив, чтобы последовать этим

наставлениям, когда Папа выказал свое неудовольствие.

На законах, которые принимал Карл Великий, остался заметный отпечаток его увлеченности чтением Библии, которую он изучил достаточно хорошо. Еще один характерный эпизод: когда Карла Великого короновали императором, он потребовал, чтобы каждый из его подданных мужского пола от двенадцати лет заново присягнул ему на верность и поклялся быть не только добрым подданным, но и добрым христианином. Отказ от крещения и возвращение к язычеству после крещения были преступлениями, каравшимися

смертью.

Карл Великий всячески способствовал развитию архитектуры, привез из Италии многих архитекторов, главным образом из Равенны. Именно архитекторам-итальянцам мы обязаны некоторыми из тех изящных зданий, которые радуют глаз туриста в Вюрмсе и Кёльне, да и повсюду в Рейнской области. Он многое сделал для развития романского стиля архитектуры, описанию которого мы посвятим следующий раздел. Он закладывал соборы и монастырские школы, поощрял изучение классической латыни, был ценителем церковной музыки.

Спорят о том, мог ли он говорить по латыни и понимать греческий. Вероятно, он говорил на франко-латыни. Однако его главным языком был франкский. Он составил сборник старинных германских песен и сказок, но их языческий характер не понравился его преемнику, Людовику Благочестивому, и тот приказал его уничтожить.

Карл Великий вел переписку с Гаруном аль-Рашидом, Аббасидским халифом в Багдаде, который, по всей видимости, относился вполне дружественно к своему франкскому корреспонденту, учитывая суровое обхождение того с испанскими

арабами — сторонниками Омейядов.

Гиббон предполагает, что «основанием этой государственной переписки послужило тщеславие» и что их «удаленное положение не оставляло места для соперничества интересов». Но принимая во внимание, что на Востоке между ними была Византийская империя и независимый Кордовский халифат на Западе, а также общую тюркскую угрозу великих равнин, — у них было, как минимум, три причины для взаимной любезности. Гарун аль-Рашид, пишет Гиббон, через своего посланника передал в дар Карлу Великому прекрасный шатер, водяные часы, слона и ключи от

гроба Господня. Последнее дает основание предполагать, что сарацинский монарх в определенной степени считал Карла Великого покровителем христиан и христианской собственности в своих владениях. Некоторые историки заявляют, что на этот счет между ними даже существовало соглашение.

Мы уже говорили о том, как на Востоке вычурная и шаблонная архитектура Римской империи, архитектура Пальмиры и Баальбека, под христианским влиянием быстро и необратимо изменялась в сторону жесткой и избегающей человеческое тело роскоши византийского стиля.

На Западе она претерпевала сходные, но не параллельные изменения. Название «романский» охватывает великое множество самых разнообразных построек, общим у которых является то, что их архитектурный стиль происходит от римской традиции.

На безыскусности и сдержанности романского стиля сказалось общее обнищание мира, но также он стал свидетельством влияния новых народов и новых общественных потребностей. Больше не было амфитеатров, величественных акведуков, не строились триумфальные арки или храмы богам. Повсюду строились

крепости и замки, круглые или квадратные, но одинаково массивные, церкви и башни. Впервые в Европе башня приобрела первостепенное значение. Зодчество устремилось ввысь. До этого мы отмечали башни только в Месопотамии. Здание в египетском, а также греческом и римском мире не стремилось коснуться небес. В римской и греческой фортификации, а также для Великой китайской стены башни строились как часть оборонительных сооружений. И это почти все, что мы знаем о башнях до христианской эры. Но в том мире, где повседневностью становятся набеги гуннов, арабов, всевозможных

морских пиратов — мы еще будем говорить о норманнах, сарацинах и венграх в следующем разделе, — без башни было невозможно обойтись. Если же говорить о религии, предполагающей массовые собрания верующих, то это еще одна причина для просторного здания церкви. Церковь и башня вполне естественно оказываются в близком соседстве.

Это роднит между собой новые религии — христианство и ислам: они стремились проникнуть в разум каждого верующего. Людей прежде всего следовало собрать в местах поклонения и богослужения. Им следовало напоминать о необходимости молитвы и веры.

Поэтому исламская архитектура вознесла к небесам свой самый изысканный цветок — минарет: башню, с которой можно было созывать народ на молитву. Христианство также не ужилось с тесными мрачными храмами прежних богов. Церкви следовало строить как можно просторнее, чтобы вместить всех верующих, включая и тех, что сходились из пригорода. А на богослужение людей звали звоном колоколов с церковной звонницы — колокольни. Тип храмового строения времен Римской империи был отвергнут; необходимость делать церкви как можно вместительнее заставила

христианских архитекторов
обратиться к модели римских судов,
базилик.

Вытеснение скульптуры, но не настолько полное, как это было в византийском и арабском искусстве, происходило и в Западной Европе в эти беспокойные века. Сложно было найти тогда скульптора на запад от Индии, который мог бы свободно передать силу и выразительность движения человека или животного. Живопись нашла прибежище в монастырях. В римской и греческой империях иллюстрирование книг было на высоком уровне, и полностью оно никогда не исчезало. Все новые и новые христианские

монахи не давали живописи умереть и вдохнули новую жизнь в искусство книжной иллюстрации. Ирландские монастыри уже в VII в. создавали манускрипты небывалой красоты. Кельтские работы представляют собой любопытную параллель ранним арабским работам своей декоративностью, заменяющей живые формы. Их краски и узоры неподражаемы, а вот рисунок никуда не годится. Кельтское влияние смешалось с классическим и византийским в том художественном возрождении, которое мы наблюдаем в эпоху Карла Великого. Богато иллюстрированные, отделанные золотом манускрипты, которые

создавались при его дворе, — это, бесспорно, вершина искусства рукописной книги.

Стремление передавать изображения с натуры, рисовать человеческие фигуры, словно протест против декоративной условности, возникает в английских и норманнских работах и впоследствии выделяется в жанр миниатюры. Но постепенный упадок оформления рукописных книг, исчезновение новаторства, вызванные тем, что художественная энергия переключилась в другие области искусства, становится заметным в XII и XIII веках.

Империя Карла Великого не пережила его сына и преемника Людовика Благочестивого. Она распалась на свои основные составляющие. Латинизированные кельты и франкское население Галлии теперь начинают приобретать узнаваемо французские черты, хотя эта Франция и распалась на множество герцогств и удельных владений, единство которых зачастую было лишь номинальным. Германоязычные народы между Рейном и славянами на востоке подобным же образом начали создавать еще более

фрагментированное тело будущей Германии. Когда подлинный император снова появился в Западной Европе (962), это уже был не франк, а саксонец.

Невозможно здесь проследить сколько-нибудь детально за событиями IX и X вв., за союзами, изменами, притязаниями на власть и захватами власти. В 987 г. номинальное французское королевство перешло из рук Каролингов, последних потомков Карла Великого, в руки Гуго Капета, основавшего новую династию Капетингов. Многие из тех, кто считались его подданными, наделе были независимы и охотно, по

малейшему поводу, ввязывались в войну с королем. Владения герцога Нормандского, к примеру, были обширнее и мощнее, чем королевский домен Гуго Капета. Единство этой Франции, которое давало королю хотя бы номинальную власть над своими вассалами, опиралось на решимость, общую для всех ее обширных провинций, сопротивляться их включению в состав любой империи, управляемой германским императором или Папой. В пределах этой простой, продиктованной общей волей, политической структуры Франция представляла собой мозаику практически независимых

феодалных владений. Это была эпоха строительства замков и укреплений, эпоха «войны всех против всех», которая охватила Европу.

Ситуация в Риме X в. не поддается никакому описанию. С упадком империи Карла Великого Папа остался без своего покровителя перед лицом постоянной угрозы со стороны Византии и сарацин (те уже были в Сицилии) и один на один с неуправляемой знатью Рима. Едва ли не наибольшим влиянием в Риме пользовались две женщины, Теодора и Мароция, мать и дочь. Они удерживали, сначала мать, потом дочь, замок Сан-Анджело, который

патриций Теофилакт, муж Теодоры, отобрал у Папы наряду с большей частью его власти в городе. Эти две женщины вели себя не более дерзко, беспринципно и безнравственно, чем любой из владык той эпохи, но историки ругают их так, словно они были в десять раз хуже. Мароция заключила под стражу Папу Иоанна X (928), который вскоре умер. Мать Мароции, Теодора, была его любовницей. Мароция впоследствии сделала Папой своего незаконнорожденного сына под именем Иоанна XI.

После него трон св. Петра занял его внук Иоанн XII. Перечисление его высоконравственных поступков

Гиббон был вынужден делать в сносках на латыни. Этот Папа в конце концов был низложен новым германским императором Отгоном, который перешел Альпы и занял Италию, чтобы короноваться там в 962 г.

Родоначальником
возвысившейся династии
императоров-саксонцев был Генрих I
Птицелов, избранный в 919 г.
королем Германии на собрании
германской знати, князей и высшего
духовенства. В 936 г. его королевство
унаследовал его сын, Оттон I,
прозванный Великим. Оттона, как и
его отца, провозгласили
императором на выборах в Э-ля-

Шапель. В 962 г. он получил приглашение от Иоанна XII короноваться императором в Риме. Низложение Папы Иоанна XII, на которое пришлось пойти Оттону, стало следствием предательства Папы. Приняв императорский титул, Оттон I не столько победил Рим, сколько придал более-менее пристойный вид старому противостоянию Папы и императора за верховную власть. За Оттоном I последовал Оттон II (973–983), а затем и третий из Оттонов (983–1002).

В средневековье в Германии было четыре императорские династии: Саксонская, от Оттона I

(962) до Генриха II, она закончилась в 1024 г. Затем Салическая (Франконская), от Конрада II до Генриха V, которая закончилась в 1125 г. Далее — династия Гогенштауфенов: от Конрада III до Фридриха II, закончившаяся в 1254 г. Гогенштауфены по происхождению были швабами. Затем наступил черед Габсбургов, начиная с Рудольфа I в 1273 г., эта династия продолжалась до 1918 г. Мы говорим о династиях, но каждый новый претендент на германский престол проходил фиктивную процедуру выборов императора.

Борьба между императором и Папой за верховенство над

Священной Римской империей сыграла важную роль в истории средневековья, и нам придется впоследствии обрисовать ее основные этапы. Несмотря на то что церковь никогда больше не опускалась до уровня Иоанна XII, ее история проходит через фазы насилия, путаницы и интриг.

Однако внешнеполитическая история христианских стран — это еще не вся их история. Следует отметить, что Латеран был коварным, глупым и преступным в той же мере, что и большинство других современных ему дворов. Но если мы хотим сохранить подлинную перспективу в нашей истории, не

следует ограничиваться только его недостатками. Мы должны помнить, что все эти века, оставляя глубокий след в жизни, Дух Иисуса продолжал жить в глубине христианства и коснулся сердец бесчисленного множества мужчин и женщин. Эти люди жили благородной и полезной жизнью, совершали самоотверженные поступки и утверждали свою веру своими делами. На протяжении этих веков такие жизни не давали миру обрушиться в кромешную тьму, сохраняя обещание о возможности лучшего мира. Таким же точно образом в мусульманском мире Дух Ислама, поколение за поколением,

давал свой урожай мужества,
честности и чистоты.

9

В то время, когда крайняя политическая фрагментация Западной Европы сменилась появлением Священной Римской империи, пока складывались народы Франции и Англии, западноевропейская цивилизация, а также Византийская империя были подвержены тройной угрозе. Кроме сарацинских государств и норманнов, наиболее значительная, хоть и долго зревшая опасность

исходила от нового переселения на запад тюркских народов из Центральной Азии через южную Россию, а также через Армению и Багдадский халифат.

После свержения Омейядов Аббасидами натиск сарацин на Европу постепенно ослабел. Ислам утратил свое единство. Испания была под властью независимого Омейядского халифа; Северная Африка номинально была подвластна Аббасидам, но в действительности была независима. Впоследствии (699). Египет стал отдельной державой со своим халифом-шиитом, самозванцем, который объявил себя потомком Али

и Фатимы (Египетский халифат Фатимидов).

Эти египетские Фатимиды, мусульмане зеленого флага, были фанатиками по сравнению с Аббасидами и многое сделали, чтобы ожесточить прежде доброжелательные отношения ислама и христианства. Они взяли Иерусалим и преградили христианам доступ к гробу Господню. По другую сторону от уменьшавшихся владений Аббасидов было шиитское царство в Персии. Главным завоеванием сарацин IX в. была Сицилия. Но не в пример старым добрым временам, она не отдалась сама в руки мусульман за год-другой, ее

пришлось упорно покорять целое столетие, неоднократно терпя при этом неудачи. Испанские сарацины спорили за Сицилию с сарацинами из Африки. В самой Испании сарацин начинали теснить возрожденные силы христиан. Тем не менее контроль Византийской империи и западных христианских стран над Средиземноморьем был настолько слаб, что сарацинские пираты из Северной Африки могли почти беспрепятственно совершать набеги на побережье Южной Италии и острова Греческого архипелага.

Но со временем в Средиземноморье все заметнее становилась новая сила. Мы уже

говорили о том, что Римская империя так и не дошла до берегов Балтийского моря, ей даже не хватило сил проникнуть в Данию. Нордические арийские народы этих краев многому научились у империи, которая оказалась не в силах подчинить их. Они научились строить корабли и стали бесстрашными мореплавателями. Они вышли Северным морем в западную Атлантику, а через Балтику и русские реки — к самому сердцу нынешней России. Одним из самых ранних поселений, которые они основали в России, был Великий Новгород.

Эти северяне для историка —

такая же проблема, как и скифы античных времен или тюркские гуннские народы Восточной и Центральной Азии. Они появляются под самыми разными именами, смешиваются и меняют друг друга. К примеру, возьмем Британию. Англы, саксы и юты завоевали большую часть того, что теперь называется Англией, в V и VI вв. Вторая волна, по сути, того же народа — датчане — последовала в VIII и IX вв. А в 1016 г. Англией правил датский король, Канут Великий, а также Данией и Норвегией. Его подданные плавали в Исландию, Гренландию и, возможно, на Американский континент. Какое-то время при Кануте и его сыновьях

казалось, что может установиться обширная конфедерация норманнских народов.

Затем в 1066 г. Англия была накрыта третьей волной северных народов из «норманнского» государства во Франции, где норманны осели при Роллоне (911) и переняли французский язык. Вильгельм, герцог Нормандии, стал Вильгельмом Завоевателем (1066–1087) английской истории.

Населения Южной Шотландии, Англии, Восточной Ирландии, Нидерландов, Нормандии и России имеют больше общих элементов, чем это обычно признают. Все это в основе готские и нордические

народы. Даже в мерах веса и расстояния можно заметить родство русских и англичан. Эти «русские» норманны осуществляли свои походы в летнее время по рекам, в которых нет недостатка в России. Они тащили волоком свои ладьи от рек, текущих на север, до тех, которые впадают в южные моря. На Каспии и на Черном море их знали как пиратов, разбойников и торговцев. Арабские летописцы отмечают их набеги на побережья Каспийского моря, уже привычно называя норманнов руссами. Они вторгались в Персию и не раз угрожали Константинополю огромным флотом своих небольших челнов (в 866, 907,

911, 941, 944 и 971 гг.).

Один из этих норманнов, Рюрик (ок. 862 г.) стал правителем в Новгороде, а его наследник князь Олег взял Киев и заложил основания современной России. Боевые качества русских викингов вскоре оценили по достоинству в Константинополе. Греки называли их варягами; из них была образована варяжская стража императора. После завоевания Англии норманнами (1066) кое-кому из датской и английской знати пришлось бежать, и они присоединились к этим русским варягам. Очевидно, что они почти беспрепятственно могли общаться со своими собратьями на

Руси, мало чем отличаясь от них в языке и обычаях.

В то же время норманны из Нормандии искали свой путь в Средиземноморье с запада. Поначалу они появлялись там как наемники, а позднее сами становились захватчиками, и приходили они, обратим внимание, не по морю, но разрозненными сухопутными отрядами: в Италию, например, они шли через рейнские земли. Нужно отметить также, что IX и X вв. стали свидетелями значительного подъема паломничества к святым местам.

Эти норманны, становясь могущественнее, показали себя такими ненасытными и

неугомонными грабителями, что заставили восточного императора и Папу пойти на союз против них (1053), оказавшийся, впрочем, шатким и неэффективным. Норманны разгромили папские войска, захватили Папу и, получив от него прощение, отпустили его. Они обосновались в Калабрии и Южной Италии, а в 1060–1090 гг. отвоевали Сицилию у арабов. Под предводительством Роберта Гвискара, который появился в Италии как пилигрим и начинал как разбойник в Калабрии, норманны угрожали самой Византийской империи (1081). Их армия, в которую входил и отряд сицилийских

мусульман, переправилась из Бриндизи в Эпир — в обратном направлении, если вспомнить царя Пирра (273 г. до н. э.), и осадила византийскую крепость Дураццо (Драч).

Роберт Гвискар захватил Дураццо, но неотложные дела потребовали его возвращения в Италию. Так завершился первый штурм Византийской империи норманнами, что освободило путь к власти сравнительно энергичной династии Комнинов (1081–1204).

В Италии он оказался в самом центре конфликтов, слишком сложных, чтобы описывать их здесь. Роберту Гвискару выпало также

осадить и разграбить Рим (1084), и антихристианин Гиббон с удовлетворением отмечает и присутствие все того же отряда сицилийских мусульман среди грабителей. В XII в. было еще три норманнских нападения на Восточную империю, одно из которых предпринял сын Роберта Гвискара, а два других — из Сицилии морем.

Но ни сарацины, ни норманны не оказывали на древнюю Византийскую империю или на Священную Римскую империю Запада давления, сопоставимого по силе с двойным ударом, направленным из центров тюркских

народов в Восточной Европе и Средней Азии. О нем теперь и пойдет речь.

Мы уже обращали внимание на продвижение на запад тюркок-аваров и угров-мадьяр, которые пошли по их следам. Начиная со времен Пипина, Франкское государство и его преемники в Германии вдоль всей протяженности своих восточных границ конфликтовали с этими пришельцами с Востока. Карл Великий остановил и покарал их. Но с ослаблением Франкской державы, которое последовало за его смертью, эти народы, более-менее смешавшиеся и известные в хрониках под именем венгров и

ведомые мадьярами, полностью вернули себе былую свободу и каждый год совершали набеги, зачастую до самого Рейна. Наиболее активные их набеги выпали на период между 900 и 950 гг. В 938–939 гг. они осуществили свой самый масштабный поход: через всю Германию во Францию, затем через Альпы в Северную Италию, а оттуда домой. Известные своими грабительскими набегами, эти люди обладали значительной свободой у себя дома. Говорят, что уже в X в. они имели конституцию традиционного типа.

Все эти потрясения и те, о которых мы поговорим в

дальнейшем, вынудили болгар двинуться на юг — они, как мы уже отмечали, под предводительством Крума осели между Дунаем и Константинополем. Болгары, изначально тюркский народ, ко времени своего появления на Балканах, при многократном смешении, стали почти совершенно славянами, в том числе и по языку. Какое-то время после того, как они обосновались в Болгарии, они оставались язычниками. Их царь Борис (852–888) с почетом принял мусульманских послов и уже склонялся к обращению в ислам, но в итоге женился на византийской царевне и вручил себя и свой народ

христианской вере.

Венгров заставили проникнуться уважением к западной цивилизации Генрих Птицелов и Отгон I, первый саксонец-император, в X в. Но венгры не решались принять христианство вплоть до 1000 г. После крещения они сохранили свой тюркско-финский язык (венгерский) и сохраняют его до сего дня. Они сохранили также значительные свободы при монархии, которую их заставили принять. Их конституция, «Золотая булла», датируется 1222 г. и является восточным аналогом английской Великой хартии вольностей в своих ограничениях абсолютной власти

короля. Король Стефан (997–1038), первый король венгров, настоял на том, когда формально принимал христианство, что Венгрия, в отличие от Чехии и Польши, не будет включена в состав Священной Римской империи.

Но болгары и венгры — это еще не все народы, появление которых предвещало нашествие монголо-татар через южную Россию. За венграми и болгарами шли хазары, тюркский народ, с которым смешалась значительная часть евреев, изгнанных из Константинополя, в результате чего хазары приняли иудаизм. За хазарами, и через их земли, шли печенеги, дикий

тюркский народ, о котором впервые узнали в IX в. и которому предстояло раствориться и исчезнуть в окружающих народах, как родственным им гуннам за пять столетий до того.

Не следует забывать, говоря о современном населении этих южнорусских регионов, что между Балтикой и Черным морем постоянно появлялись многочисленные отряды норманнов, которые не могли не смешиваться с тюркскими переселенцами. Там было и значительное славянское население, потомки и наследники скифов и сарматов, осевшее в этих беспокойных, беззаконных, но

плодородных землях. Все эти расы и народы смешивались и воздействовали друг на друга. Всеобщее преобладание славянских языков, за исключением Венгрии, указывает на то, что население этих краев по большей части было славянским. А там, где теперь находится Румыния, несмотря на все переселения народов и завоевания, традиции римских провинций Дакии и Малой Мезии сберегли латинскую по происхождению речь и память о римском прошлом.

Мы уже говорили об атаке норманнов на Византийскую империю с запада, о сражении за Дураццо (1081); мы также отмечали, что в Константинополе свежи были воспоминания о русских морских набегах. Правда, Болгария была уже укрощена и приняла христианство, но не прекращалась упорная, затяжная война с печенегами, исход которой был еще далеко не ясен. И на севере, и на западе у византийского императора руки были заняты. И вот, в довершение всего, новая страшная угроза с востока. Быстрый захват турками земель, которые столь долго оставались неоспоримо византийскими, должно быть,

воспринимался как предвестник крушения империи. Византийский император Михаил VII, под давлением стольких одновременных опасностей, пошел на шаг, который, вероятно, и он сам, и Рим воспринимали как исключительно значимый политически. Греческий мир повернулся лицом к своему возрождавшемуся латинскому собрату. Император Михаил VII обратился к Папе Григорию VII с призывом о помощи. Этот призыв еще более настойчиво повторил его преемник Алексей Комнин по отношению к Папе Урбану II.

Несомненно, римская верхушка посчитала, что это великолепная

возможность утвердить верховенство Папы над всем христианским миром.

В нашей истории мы уже прослеживали то, как складывалось и развивалось представление о религиозном правлении христианскими странами — и через их посредство всем человечеством. Мы показали, как естественно и неизбежно, из-за сохранившейся традиции мировой империи, центром этой идеи стал Рим. Папа был единственным патриархом Запада, он был религиозным главой обширного региона, где преобладающим языком был латинский. Другие патриархи, патриархи православной церкви,

говорили по-гречески, и поэтому их голос не был слышен в его владениях. Двумя словами *filio* *que*, прибавленными к Символу Веры, Рим отгородился от византийских христиан одним из тех неумовимых пунктов доктрины, в которых обычно уступки невозможны (окончательный разрыв двух церквей произошел в 1054 г.).

Жизнь Латерана качественно менялась с каждым новым обладателем престола св. Петра. Иногда папский Рим превращался в логово коррупции и моральной нечистоты, как это было в дни Иоанна XII; иногда же первенство в Риме принадлежало благородным и

широко мыслящим людям. Но за каждым Папой всегда находилось собрание кардиналов, священников и великое множество высокообразованных чиновников, которые никогда, даже в худшие дни папства, не упускали из виду той величественной идеи божественного правления на земле, вселенского мира Христова, которую обрисовал св. Августин. На протяжении всего средневековья эта идея оставалась движущей и направляющей силой в Риме. Временами бывало так, что в Риме господствовали низкие нравы, и тогда в мировой политике Рим играл роль жадной, лживой и безумно коварной старухи; но эти

времена сменялись периодом мужественной и мудрой рассудительности или же периодом воодушевления и смелых инициатив. Случались и промежуточные этапы, когда господствовали фанатизм и педантизм, когда все внимание уделялось точности соблюдения доктрины. Случался и моральный коллапс, когда престол в Латеране доставался сластолюбивому деспоту, готовому торговать почетом и славой, которые могла дать Церковь, ради удовольствий или показного великолепия.

В этот период, к которому мы теперь подошли, период XI в., власть в Риме какое-то время принадлежала

великому государственному мужу, Гильдебранду, который занимал различные посты при разных Папах и в итоге сам стал Папой под именем Григория VII (1073–1085). Его усилиями порок, праздность и продажность были выметены из церкви, была реформирована процедура выборов Папы. Началась также масштабная борьба с императором в жизненно важном вопросе «инвеституры», права на пожалования должности. Суть противостояния заключалась в том, кто именно — Папа или светская власть должна иметь решающий голос в назначении епископов в соответствующих владениях.

Насколько важным был этот вопрос, мы сможем лучше понять, если вспомним, что во многих королевствах более четверти земель находилось в церковной собственности. До этого времени священник римской церкви имел право жениться; но теперь, чтобы еще больше отгородить его от мира и сделать более действенным орудием Церкви, для всех священников обязательным стал целибат — обет безбрачия.

Борьба за инвеституру помешала Григорию VII дать определенный ответ на первое обращение из Византии. Но он оставил после себя достойного преемника — Папу

Урбана II (1088–1099). Получив послание императора Алексея, тот сразу же понял те возможности, которые открывало предложение византийского императора — собрать все силы и помыслы Европы в едином порыве. Этим он мог завершить ту войну всех против всех, которая не утихала в Европе, и найти достойный выход для неисчерпаемой энергии норманнов. От него не укрылись также перспективы, потеснив Византию и ее церковь, расширить влияние латинской церкви на Сирию, Палестину и Египет.

Послов Алексея заслушали на церковном соборе, поспешно

созванном в Пьяченце. В следующем году (1095) в Клермоне Урбан собрал второй великий собор, на котором все медленно копившиеся силы Церкви были направлены на призыв к вселенской войне с мусульманами. Все войны между христианами следовало прекратить, пока иноверцы не будут изгнаны из Святой Земли, а гроб Господень не окажется снова в руках христиан.

То рвение, которое вызвал этот призыв, помогает понять, насколько велика была созидательная работа, проделанная Церковью в Западной Европе за предшествующие пять столетий. В начале VII в. мы видим Западную Европу как хаотическое

смешение общественных и политических осколков, без объединяющих идей и ожиданий, как систему, которая оказалась раздроблена почти до мельчайших частиц — индивидуумов, преследующих собственные интересы. Теперь, под занавес XI столетия, повсюду перед нами общая убежденность, связующая идея, которой люди могут посвятить себя и ради которой могут вместе сотрудничать во всеобщем предприятии. И несмотря на свою значительную слабость, интеллектуальные и моральные изъяны, в этом аспекте христианская церковь оказалась вполне

дееспособной. Нет сомнения, что по всему христианскому миру было много ленивых, злых и недалеких священнослужителей, но совершенно очевидно, что задачу просвещения и совместного действия могло осуществить только великое множество священников, монахов и монахинь, чья жизнь было образцом праведности. Новая большая амфикиония, амфикиония христианских стран появилась в мире, и создали ее тысячи подобных жизней, стремившихся не к славе, а преданному служению Церкви.

Этот ответ на призыв Урбана II не сводился только к тем, кого мы можем назвать образованными

людьми. Не только рыцари и государи вызвались отправиться в этот крестовый поход. Рядом с фигурой Урбана нам следует поставить и фигуру Петра Отшельника (Амьенского), достаточно новый тип для Европы, в чем-то напоминающий ветхозаветных пророков. Этот человек появлялся в самых разных местах, проповедуя крестовый поход простым людям. Он рассказывал им историю — правдивую или нет, не столь важно в этой связи — о своем паломничестве в Иерусалим, о безжалостном разорении гроба Господня турками-сельджуками, которые захватили его примерно в

1075 г. (хронология этого периода по-прежнему остается очень туманной). Говорил он о поборах, издевательствах и беспричинной жестокости, которые претерпевали христиане — паломники по Святым местам. Босой, в рубище, верхом на осле и с огромным крестом в руках этот человек странствовал по Германии и Франции, и повсюду его страстные слова собирали огромные массы слушателей в церквях, на улице и рыночных площадях.

Впервые мы видим, как вся Европа с воодушевлением откликнулась на общий призыв. Повсюду при слове о том, что где-то далеко царит зло, мы видим

всеобщее негодование, одинаково быстрое понимание общей задачи и бедными, и богатыми. Невозможно представить, чтобы нечто подобное произошло в империи Цезаря Августа или любом другом из предшествовавших государств мировой истории. Нечто подобное могло произойти, и в гораздо меньшей степени, разве что в Элладе V века до н. э. или в Аравии до ислама. Это движение охватило нации, королевства, разные языки и народы. Очевидно, что перед нами — нечто совершенно новое в мире, новая ясная связь общего интереса с самосознанием простого человека.

С самого начала к этому пламенному воодушевлению оказались примешаны и более низменные элементы. Здесь был и холодный, расчетливый план амбициозной римской церкви подчинить и вытеснить византийскую церковь. Грабительские инстинкты норманнов, в эти времена буквально рвавших Италию на части, также не замедлили откликнуться на призыв идти на новые и более богатые для грабежа страны. Была в этих массах, которые обратили свои лица на восток, и ненависть, рожденная

страхом, которую с успехом раздували несдержанные призывы тех, кто агитировал за войну, преувеличенные картины зверств и ужасов, чинимых иноверцами.

Свою роль сыграли и другие силы: нетерпимость Сельджукидов и Фатимидов воздвигла непреодолимый барьер на пути восточной торговли Генуи и Венеции, которая прежде свободным потоком текла через Багдад и Алеппо или через Египет. Торговым итальянским республикам необходимо было силой открыть эти закрывшиеся каналы, пока вся торговля с Востоком не пошла исключительно по

константинопольскому и черноморскому маршрутам. Более того, в 1094–95 гг. от Шельды до Богемии прокатилась эпидемия чумы, за которой последовал всеобщий голод, сказавшийся на значительной общественной дезорганизации.

«Не удивительно, — пишет Эрнст Баркер, — что поток переселенцев направился на Восток, как в современные времена люди двинулись бы к только что открытым золотоносным месторождениям. Поток, который нес в своих мутных водах множество всякого рода отбросов общества: бродяг и нищих, всевозможных маркитанток,

перекупщиков, бродячих монахов и беглых крепостных. Все это пестрое сборище было отмечено той же самой лихорадочной жизнедеятельностью, теми же перепадами богатства и бедности, которые вызывает золотая лихорадка в наши дни».

Но все это были второстепенные, добавочные причины. Фактом наибольшего интереса для историка является эта единая воля к крестовому походу, внезапно открывшаяся как новая способность масс в человеческом обществе.

Первыми силами, двинувшимися на восток, были огромные толпы

неорганизованных людей, а не армии. Они выбрали направление вдоль Дунайской долины, а затем на юг, к Константинополю. Это был «народный поход» (поход бедноты). Никогда за всю историю мира не было зрелища, подобного этим массам практически неуправляемых людей, движимых одной идеей. Причем эта идея оказалась совершенно незрелой. Когда они оказались среди иноземцев, они, похоже, не поняли, что они еще не среди иноверцев. Две огромные толпы, авангард этой экспедиции, появившись в Венгрии, где язык был совершенно непонятен для них, занялись настоящим разбоем, так что

спровоцировали венгров на ответные крайние меры. Этих «крестоносцев» полностью истребили. Третье подобное воинство начало с массового погрома евреев в Рейнской области — у христиан закипела кровь — и в конечном итоге тоже рассеялось в Венгрии.

Два других сборища под предводительством Петра Отшельника все-таки добрались до Константинополя, к изумлению и испугу императора Алексея. По пути они не переставали грабить и творить насилие, и в конце концов император переправил их через Босфор, где сельджуки скорее вырезали, чем разгромили их (1096).

За этим неудачным походом сил «народа» последовали в 1097 г. организованные силы Первого крестового похода. Они шли несколькими путями из Франции, Нормандии, Фландрии, Англии, Южной Италии и Сицилии, их движущей и направляющей силой были норманны. Они переправились через Босфор и штурмом взяли Никею, которую Алексей перехватил у них прежде, чем они успели ее разграбить.

Затем они двинулись почти тем же путем, что и Александр Великий, через Киликийские ворота, оставив турок Иконии непокоренными, мимо прежнего поля сражения у Исса, и

так оказались у Антиохии, которую они взяли после едва ли не годичной осады. Затем они разгромили огромную армию, которая пришла на выручку мусульманам из Мосула.

Значительная часть крестоносцев осталась в Антиохии, а меньшие силы под предводительством Готфрида Бульонского направились на Иерусалим.

«После осады, длившейся чуть более месяца, город был захвачен (15 июля 1099 г.). Резня была ужасная; кровь побежденных текла по улицам, всадникам и пешим, оказавшимся на улицах города, приходилось брести в крови. Когда стемнело, крестоносцы,

словно виноградари от винного
пресса, сошлись к гробу Господню.
«Рыдая от избытка радости», они
сложили обогранные кровью руки в
молитве. Так, в этот июльский день,
завершился Первый крестовый
поход». [\[65\]](#)

Власть у Иерусалимского
патриарха сразу же была отнята
римским духовенством, следовавшим
за экспедицией, и православные
христиане обнаружили, что их
положение оказалось даже хуже при
римском правлении, чем при турках.
Латинские королевства были
образованы в Антиохии и Эдессе, за
чем последовала борьба за власть
между различными дворами и

королями, а также безуспешная попытка сделать Иерусалим собственностью Папы. Мы не станем вникать в эти сложности.

Давайте, однако, процитируем вполне характерный отрывок из Гиббона:

«В стиле менее серьезном, чем тот, каким принято писать историю, я бы сравнил императора Алексея с шакалом, который, как говорят, следует за львом и подбирает остатки его добычи. Каковы бы ни были его труды и его опасения, связанные с проходом Первого крестового в его владениях, они с избытком возместились последующими выгодами, которые

он извлек из подвигов франков. Бдительность и проворство помогли ему прибрать к рукам их первое завоевание — Никею, и турки, перед лицом непосредственной угрозы, были вынуждены покинуть окрестности Константинополя.

Пока крестоносцы в своем слепом бесстрашии продвигались все дальше в глубь Азии, император греков в полной мере воспользовался благоприятной для него ситуацией, когда эмиры побережья были отозваны под знамена султана. Турок выгнали с островов Родос и Хиос; города Эфес и Смирна, Сарды, Филадельфия и Лаодикея были возвращены империи, вплоть до

скалистых побережий Памфилии. Церкви были восстановлены в былом величии, отстраивались и украшались города. Опустевший край обживался колониями христиан, которых заботливо отселяли из более отдаленных и небезопасных приграничных земель.

За эту отеческую опеку Алексей заслуживает всяческой похвалы. Но в глазах латинян на нем лежало клеймо позорного обвинения в измене и дезертирстве. Они присягнули на верность его престолу, но разве он не обещал лично выступить с ними или же, по крайней мере, поддержать их своими войсками и средствами? Его

бесчестное отступление освободило их от обязательств, и меч, который был орудием их победы, был и залогом независимости их завоеваний. По-видимому, император не пытался возобновить свои былые притязания на Иерусалимское королевство, но границы Киликии и Сирии еще недавно находились в его власти и были вполне доступны для его войск. Доблестная армия крестоносцев была разгромлена или же рассеяна, королевство Антиохия осталось без своего главы, Боэмунда Тарентского, которого застали врасплох и пленили. Выкуп тяжелым бременем лег на его плечи, а норманны, выступившие вместе с

ним в поход, были слишком малочисленны, чтобы противостоять враждебности греков и турок.

Оказавшись в столь бедственном положении, Боэмунд принял благородное решение — доверить оборону Антиохии своему родственнику, преданному Танкреду, и вооружить Запад против Византийской империи, осуществив замысел, доставшийся ему в наследство от его отца Гвискара. Его появление на борту корабля было окружено глубокой тайной, и, если можно верить рассказу царевны Анны, он пересек враждебное море, будучи спрятан в гроб под видом покойника. Боэмунд был сторицей

вознагражден тем приемом, который его ожидал во Франции, всеобщим ликованием и женитьбой на дочери короля. Его возвращение было славным, так как самые доблестные воины того века с радостью становились под его знамена. Он снова пересек Адриатику во главе пяти тысяч конных и сорока тысяч пеших, собравшихся из самых отдаленных краев Европы. Непрístupность Дураццо и расчетливость Алексея, наступление голода и приближение зимы рассеяли его честолюбивые надежды, к тому же попутчиков, оказавшихся падких на деньги, удалось переманить из его рядов. Мирный договор несколько

успокоил опасения греков».

Мы уделили столько места Первому крестовому походу по той причине, что он полностью раскрывает то, какого рода были все эти экспедиции. Реальность борьбы между латинской и византийской системами становилась все более и более очевидной и неприкрытой. В 1101 г. крестоносцы получили подкрепление, наиболее заметную роль в котором сыграл флот торговых республик Венеции и Генуи. За этим последовало расширение границ Иерусалимского королевства.

1147 г. ознаменовался Вторым крестовым походом, в котором приняли участие германский

император Конрад III и король Франции Людовик VII. Это была более державная и менее успешная, отмеченная меньшим энтузиазмом экспедиция, чем ее предшественница. Причиной для него послужило взятие Эдессы мусульманами в 1144 г. Одна значительная группа крестоносцев-немцев, вместо того чтобы отправляться в Святую Землю, напала и подчинила язычников-лужичан на восток от Эльбы. Папа согласился засчитать это как крестовый поход наряду с захватом Лиссабона и основанием христианского королевства Португалии отрядами из Фландрии и

Англии.

В 1169 г. курдский искатель приключений по имени Саладин стал правителем в Египте, где шиитская ересь пала перед суннитским возрождением. Саладин объединил силы Египта и Багдада и провозгласил джихад, «Священную войну», своего рода антикрестовый поход всех мусульман против христиан. Этот джихад пробудил в исламе почти такие же чувства, как Первый крестовый поход в христианских странах. Теперь крестоносцу противостоял фанатик-мусульманин, и в 1187 г. мусульмане вернули себе Иерусалим.

Это спровоцировало Третий

крестовый поход (1189). Этот величественный замысел совместно подготовили император Фридрих I (больше известный как Фридрих Барбаросса), король Франции и король Англии (которому в то время принадлежала значительная часть лучших земель Франции). Папский престол играл уже второстепенную роль в этом походе; папство в этот момент переживало стадию ослабления, и этот крестовый поход был самым рыцарским, благородным и романтичным из всех. Религиозная нетерпимость была несколько смягчена идеей рыцарской галантности, которой были одержимы и Саладин, и английский

король Ричард I Львиное Сердце (1189–1199). Любители романтических приключений, чтобы почувствовать его настроение, могут обратиться к художественной литературе. Этот крестовый поход на какое-то время отсрочил падение Антиохийского королевства, но крестоносцы так и не смогли взять Иерусалим. Христиане, однако, продолжали сохранять за собой побережье Палестины.

Ко времени Третьего крестового похода чары этих начинаний развеялись. Простому народу стало ясно, с чем он имеет дело. Уходили в поход многие, но снова увидеть родную землю удавалось лишь

королям и знати, да и то только после тяжелых поборов, чтобы было чем платить выкуп сарацинам.

Идею крестовых походов обесценило также частое использование по самым заурядным причинам. Теперь, когда Папа с кем-нибудь ссорился или хотел ослабить власть императора, он созывал крестовый поход, и все понимали, что таким образом пытаются приукрасить очередную отвратительную войну. Были крестовые походы против еретиков на юге Франции, против Иоанна, короля Англии, против императора Фридриха II. В Риме, очевидно, не отдавали себе отчет, что папству

необходимо сохранять свое достоинство. Папы уже достигли главенства в духовной жизни христианских стран. И тотчас же начали тратить его по мелочам. Они не только выхолостили идею крестовых походов, но сделали свое право отлучения людей от таинств и утешения религии попросту смехотворным, используя его как аргумент в политических разногласиях. Фридриху II пришлось иметь дело не только с крестовым походом, но и отлучением от церкви — без видимого для себя ущерба. Он был отлучен в 1239 г., и это наказание было возобновлено Иннокентием IV в 1245 г.

Основные силы, составлявшие Четвертый крестовый поход, даже не достигли Святой Земли. Они отправились из Венеции в 1202 г., захватили город Зару (Задар), затем стали лагерем у стен Константинополя и в конце концов в 1204 г. штурмом взяли его. Это была в самом неприкрытом виде объединенная атака Запада на Византийскую империю. Венеции досталось большинство побережий и островов империи, а латинянин Балдуин Фландрский был посажен на императорский трон в Константинополе. Было провозглашено, что латинская и греческая церкви с этого момента

объединяются, и латинские императоры правили как завоеватели в Константинополе с 1204 по 1261 гг. (Латинская империя).

В 1212 г. Европа пережила совершенно ужасную вещь, крестовый поход детей. Экзальтация, которая уже не могла повлиять на здравомыслящих взрослых, распространилась среди детей на юге Франции и в долине Рейна. Многотысячная толпа французских мальчиков пришла в Марсель. Работорговцы заманили детей на свои корабли и продали их в рабство в Египет. Рейнским детям удалось добраться до Италии, хотя многие из них погибли в пути; там их след

окончательно теряется.

Папа Иннокентий III нажил солидный политический капитал на этом странном предприятии. «Даже малые дети заставляют нас стыдиться», — сказал он по этому поводу и решил еще больше взвинтить рвение к Пятому крестовому походу.

Этот поход был нацелен на завоевание Египта, потому что Иерусалим был теперь в руках египетского султана. Все, кто уцелел в этом походе, вернулись в 1221 г. после бесславной эвакуации из единственного захваченного города, Дамьетты. Они привезли с собой своего рода утешительный приз,

который вручил им благородный победитель, — иерусалимские остатки Истинного Креста. Мы уже говорили о перипетиях, связанных с этой реликвией, еще до дней Мухаммеда, когда она было перенесена Хосровом II в Ктесифон и возвращена императором Ираклием. Фрагменты Истинного Креста, однако, давно были в Риме, еще со времен императрицы Елены (матери Константина Великого), которой, по легенде, было явлено место его сокрытия в видении перед ее паломничеством в Святую Землю.

«Истинный Крест, который в Пасхальное Воскресенье торжественно выставлялся перед

собранием народа, — пишет Гиббон, — был вверен попечительству епископа Иерусалима. Он один обладал правом в награду за преданность и рвение пилигримов даровать им маленькие кусочки, которые они заключали в золото или драгоценные оклады и, не скрывая ликования, развозили по своим странам. Но это весьма прибыльное предприятие не сошло вскоре на нет, как того следовало ожидать. Видимо, утвердилось мнение, что чудесное древо обладало таинственной силой вегетации, так что его субстанция, хотя и постоянно убывала, по-прежнему оставалась целой и нетронутой».

Шестой крестовый поход был затеей, граничившей с абсурдом. Император Фридрих II дал обещание отправиться в крестовый поход и всячески уклонялся от выполнения своего обещания. Вероятно, одна мысль о крестовом походе наводила на него скуку. Но Фридрих II поклялся в этом Папе — это было частью соглашения, по которому он обеспечивал себе поддержку Папы Иннокентия III для своего избрания императором. Он усердно занялся перестройкой административного аппарата в подвластном ему Сицилийском королевстве, хотя дал Папе понять, что откажется от этих владений, если станет императором.

Папе же хотелось остановить этот процесс сплочения империи, отправив его в Святую Землю. Папе вообще не нужен был Фридрих II или любой другой германский император в Италии, потому что он сам хотел править ею. Поскольку Фридрих II придерживался уклончивой позиции, Григорий IX отлучил его от Церкви, объявил крестовый поход против него и вторгся в его владения в Италии (1228). После этого император отплыл со своей армией в Святую Землю. Там у него состоялась встреча с султаном Египта (император свободно говорил на шести языках, включая арабский). Очевидно, они быстро нашли общий

язык, эти два правителя-скептика. Обменявшись мнениями, оказавшимися весьма близкими, не слишком почтительно вспомнив Папу и обсудив шествие монголов на запад, которое одинаково угрожало им обоим, они, в итоге, договорились о торговом сотрудничестве и о том, что Фридриху отойдет часть Иерусалимского королевства.

Это, конечно же, был совершенно новый тип крестового похода — по частному соглашению. Поскольку этот поразительный крестоносец все еще числился отлученным от Церкви, он короновался Иерусалимским королем исключительно светским

образом. Фридрих собственноручно взял корону с алтаря в церкви, которую покинуло все духовенство. Очевидно, провести его по Святым местам тоже было некому — как только латиняне ушли, доступ к ним сразу же был закрыт по приказу Иерусалимского патриарха.

Фридрих II почти в одиночестве покинул Иерусалим, вернулся со своей неромантической победой в Италию, очень быстро навел порядок в делах, изгнав папские армии из своих владений, и вынудил Папу даровать ему прощение прежнего отлучения (1230). Шестой крестовый поход довел до абсурда идею не только крестовых походов, но и

папских отлучений. О Фридрихе II мы поговорим подробнее в последнем разделе этой главы, поскольку его пример очень характерен для тех новых сил, которые постепенно проявлялись в жизни Европы.

Христиане снова утратили Иерусалим в 1244 г.: его легко отобрал у них султан Египта, когда они пытались интриговать против него. Это стало причиной Седьмого крестового похода, похода короля Франции Людовика IX Святого, который был пленен в Египте и выкуплен в 1250 г. С этих времен и до 1918 г., когда Иерусалим пал перед объединенными

французскими, британскими и индийскими частями, мусульмане не выпускали Иерусалим из своих рук...

Осталось упомянуть последний крестовый поход (1270) — экспедицию в Тунис: ее возглавил все тот же Людовик IX, который и умер там от лихорадки.

12

Основополагающий интерес, который крестовые походы представляют для историка, заключается в той волне эмоций, в том объединяющем чувстве, которые характеризовали первый из них. Чем

дальше, тем все менее значимыми становились эти экспедиции. Первый крестовый поход был событием, сравнимым с открытием Америки; последние же были как обычные путешествия через Атлантику. В XI столетии мысль о крестовом походе была, словно свет невиданной звезды, вспыхнувшей на небосклоне. Но легко представить, как в XIII в. добропорядочные бюргеры восклицали протестующим тоном: «Что?! Еще один крестовый поход?!»

Последние походы представляли собой последовательность малозначащих событий. Насущные интересы эпохи уже успели сместиться в других направлениях.

В начале крестовых походов мы видим всю Европу пропитанной наивным христианством и готовой простодушно и доверчиво следовать водительству Папы. Скандалы, которые сотрясали Латеран в его худшие дни и с которыми мы знакомы теперь, были практически неизвестны тогда за пределами Рима. К тому же Григорию VII и Урбану II удалось исправить старые ошибки. Но интеллектуально и нравственно их преемникам в Латеране и в Ватикане оказались не по плечу те возможности, которые открылись перед ними. Сила папства заключалась в вере, которую питали к нему люди и которую Папы

транжирили так бездумно, что в конечном итоге добились лишь ослабления веры. Рим был с избытком наделен прагматичностью жреца, но ему недоставало духовной силы пророка. И если XI в. был веком невежественных и доверчивых людей, XIII в. увидел людей разочарованных и наученных горьким опытом. Это был уже куда более цивилизованный и глубоко скептический мир.

Епископы, священники и монашество латинского христианства до дней Григория VII (конец XI в.) не имели тесной взаимосвязи и сильно отличались друг от друга. Но нет сомнений, что они были, как

правило, исключительно близки к людям, окружавшим их, и духу Иисуса, который продолжал жить в них. Они пользовались доверием и обладали огромным влиянием на образ жизни и мысли их последователей.

Церковь сравнительно с ее поздним состоянием была скорее в руках у мирян — местных жителей и местного правителя. В ней не было ее универсальности последующих времен.

Энергичное укрепление церковной организации, предпринятое Григорием VII, целью которого было усиление центральной власти Рима, порвала многие тонкие

нити, связывавшие священника и монастырь, с одной стороны, и местное население — с другой. Люди веры и мудрости видели силу в духовном росте и в своих собратях, но священники, даже такие, как Григорий VII, верили в фиктивную «действенность» обязательных для всех правил. Тяжба вокруг инвеститур заставила каждого государя в христианских странах подозревать в епископах агентов Ватикана. Это подозрение просочилось и в приходы. Политические претензии папства проявились и во все возраставшей потребности Ватикана в деньгах. В XIII в. уже повсюду говорили о том,

что священники перестали быть добрыми людьми, что они только и делают, что вымогают деньги.

В средние века церковь была государством в государстве. У нее были свои собственные суды. Дела, которые касались не только священников, но и монахов, студентов, крестоносцев, вдов, сирот и оставшихся без попечения, рассматривались церковным судом. И все, в чем затрагивались церковные правила и ритуалы, также относилось к церковной юрисдикции — завещания, браки, клятвы и, конечно же, ереси, колдовство и богохульство. Существовали многочисленные

церковные тюрьмы, где преступники могли ожидать правосудия до конца своих дней. Папа был верховным законодателем христианского мира, и его суд в Риме — окончательной и решающей инстанцией, куда стекались все жалобы и апелляции. Церковь также взимала подати; она не только обладала обширной собственностью и огромными доходами от своих земельных владений, но и забирала десятую часть дохода, десятину, у своих подданных. И речь здесь не шла о благочестивом пожертвовании; церковь не просила, но требовала десятину, как свое право. Само же духовенство, с другой стороны, все

настойчивее добивалось
освобождения от любых налогов со
стороны светской власти.

Попытки извлечь выгоду из
своего особенного престижа и
уклониться от своей доли налогового
бремени оказались, несомненно,
очень значимым фактором в
растущем недовольстве
духовенством. Не говоря уже о
справедливости, это было просто
неразумно. От этого налоги казались
в десять раз более
обременительными тем, кому
приходилось их платить. Привилегии
церкви от этого еще сильнее
бросались в глаза.

Еще более нелепым и

неразумным было притязание церкви на право «диспенсации» — освобождения от закона, обета или обещания. Папа мог отменять действие законов церкви в индивидуальных случаях; он мог позволить жениться двоюродным родственникам, разрешить иметь двух жен или освободить от клятвы. Но идти на такое — значило признавать, что существующие законы не основаны на необходимости и присущей им праведности, что на деле они являются теми же запретами и притеснениями. Законодатель прежде всех остальных должен быть верным закону. Он более чем кто-

либо другой должен демонстрировать во всем соблюдение буквы закона. Но в этом, очевидно, заключена общая для всего человечества слабость: получив что-то во временное управление, мы постепенно начинаем воображать, что это наша собственность.

13

Император Фридрих II (1212–1250) — очень удачный пример того, какого скептика и бунтаря мог породить XIII в. Будет интересно немного рассказать об этом разумном и циничном человеке. Он

был сыном германского императора Генриха VI и внуком Фридриха Барбароссы, а его матерью была дочь Рожера II, норманнского короля Сицилии. Он унаследовал это королевство в 1198 г., когда ему было четыре года. Его мать была его опекуном шесть месяцев, а затем умерла, и Папа Иннокентий III (1198–1216) стал его опекуном и наставником.

Скорее всего, он получил исключительно хорошее и, что примечательно, разностороннее образование. Его успехи в учебе снискали ему лестное прозвище *Stupor mundi*, чудо света. Результатом того, что он знал арабский взгляд на

христианство и христианский — на ислам, стало его убеждение, что все религии — это жульничество. По всей видимости, этот взгляд тогда разделяли многие разумные люди, но они не спешили афишировать его в Век Веры. Но Фридрих II не делал секрета из своих взглядов; летописи сохранили упоминания о его богохульствах и ересь.

Папская политика тех дней была направлена на предотвращение новых слияний германских и итальянских областей, но Фридрих также был настроен не упустить свое. Перед тем, как ему удалось получить императорскую корону в Германии, он заручился поддержкой

Папы, пообещав тому, что откажется в случае своего избрания от прав на свои владения в Сицилии и Южной Италии и займется искоренением ереси в Германии. (Папа Иннокентий III был инициатором великих гонений — способный, практичный и агрессивный человек. Для Папы он был исключительно молод. Он стал Папой в тридцать семь лет.)

Как только Фридриха избрали императором (1212), Папа стал добиваться выполнения обещаний, которые охотно давал его послушный подопечный. Духовенство следовало освободить от судов светских властей и от налогов, а еретиков подвергнуть показательным пыткам. Ничего из

этого Фридрих не сделал. Как мы уже говорили, он даже не оставил Сицилию. Ему нравилось жить в Сицилии куда больше, чем в Германии.

Иннокентий III, сбитый с толку его поведением, умер в 1216 г., и его преемник, Гонорий III, также ничего не добился. Иннокентий III не стал короновать Фридриха, но это сделал Папа Гонорий в 1220 г. Преемником Гонория стал Григорий IX, который пришел на папский престол с лихорадочной решимостью поставить на место этого трудного юношу-императора. Он сразу же отлучил его за то, что Фридрих II не сдержал клятвы выступить в

крестовый поход, хотя с той поры минуло уже двенадцать лет. В своем открытом послании (1127) он перечислил те грехи, ереси и проступки, которые вменялись в вину императору Фридриху. На это послание Фридрих ответил куда более толковым документом, где он обращался ко всем европейским монархам. Этот документ исключительно значим в истории, поскольку в нем впервые ясно изложена суть разногласий, вызванных притязаниями Папы быть абсолютным правителем христианского мира, с одной стороны, и устремлениями светской власти — с другой. Этот конфликт

никогда не угасал, он проявлялся то в одном виде, то в другом. Но теперь Фридрих изложил его суть четко и ясно — так, чтобы люди сами могли делать выводы.

Нанеся этот удар, он отправился в свой мирный крестовый поход, о котором мы уже говорили. В 1239 г. Григорий IX во второй раз отлучил его, возобновив войну взаимных публичных обвинений, в которой папство и без того жестоко пострадало. Это противостояние снова ожило после того, как умер Григорий IX, когда Папой стал Иннокентий IV. И снова разгромное письмо, которое люди не могли не запомнить, было написано

Фридрихом против церкви. Он обвинил духовенство в гордыне и неверии и приписал все пороки того времени его гордыне и жажде наживы. Он предложил своим собратьям-правителям провести всеобщую конфискацию церковной собственности — для блага самой же церкви. Это предложение с тех пор никогда не покидало помыслы европейских правителей.

Мы не станем рассказывать о тех неприятностях, которыми омрачились последние годы правления Фридриха II, причиной которых была его беспечность и небрежение государственными делами. Детали его личной жизни

гораздо менее значимы, чем ее общая атмосфера. По некоторым фрагментам можно восстановить, какова была жизнь при его дворе в Сицилии. Сохранилось описание того, что к концу своих дней он выглядел «краснолицым, лысым и близоруким», однако выражение лица оставалось все таким же приятным и любезным. Он не отказывал себе ни в роскошном образе жизни, ни в прекрасных вещах. Говорили также о его безнравственности. Но совершенно ясно, что его разум не удовлетворялся одним религиозным скептицизмом, — императору Фридриху, несомненно, были

присущи любознательность и стремление проникнуть в суть вещей. Его двор был открыт как для философов-христиан, так и для иудеев и мусульман, и он многое сделал для того, чтобы познакомить итальянских мыслителей с достижениями арабской культуры. Именно благодаря ему студенты-христиане познакомились с алгеброй и арабскими цифрами, а при его дворе среди многих других философов был и Михаил Скот (1180–1235), который перевел несколько произведений Аристотеля и комментарии к ним великого арабского философа Аверроэса из Кордовы.

В 1224 г. Фридрих основал университет в Неаполе, а также расширил и поддержал за счет своей казны известную медицинскую школу при Сатернском университете. Он основал зоосад, оставил книгу о соколиной охоте, которая выдает в нем внимательного наблюдателя повадок птиц. Кроме того, император Фридрих был одним из первых итальянцев, начавших писать поэзию на итальянском языке. По большому счету, итальянская поэзия и родилась при его дворе. Его называли одаренным писателем, «первым из современных», и эта фраза как нельзя лучше характеризует независимость и

непредубежденность
интеллектуальной стороны его
жизни. Он был сама оригинальность.
Однажды, ощущая нехватку
наличного золота, он ввел в
обращение денежные знаки из
пергамента со своей печатью, с
обещанием расплатиться за них
потом золотом, возродив тем самым
способ обращения денег, который
мир не видел со времен Карфагена.

Несмотря на шквал оскорблений
и клеветы, который с головой накрыл
Фридриха, народ сохранил о нем
самые добрые чувства. Память о
«Гран Федерико» по-прежнему жива
в Южной Италии, как и о Наполеоне
у французских крестьян. Германские

же ученые говорят о том, что, несмотря на его открытую нелюбовь к Германии, именно он, а не Фридрих I Барбаросса, был первоначальным прообразом немецкой легенды о великом короле, который спит беспробудным сном в глубокой пещере. Длинная борода его обвилась вокруг каменного стола, и кажется, ничто не может потревожить его сон — но придет день, когда он проснется и наведет порядок в мире, искоренив зло и беззаконие. Со временем образ героя этой легенды оказался перенесен на крестоносца Барбароссу, деда Фридриха II.

Трудным ребенком оказался

император Фридрих для матери-
церкви, а ведь он был только первым
в целом выводке подобных трудных
детей, который последовал за ним.
По всей Европе правители и
образованные вельможи читали и
обсуждали его послания. Более
предприимчивые студенты
университетов переписывали и
изучали арабского Аристотеля,
которого он сделал доступным для
них на латыни. Громы и молнии,
которые Рим метал в адрес Салерно,
губительным образом ударили по
нему самому. Ничтожный результат,
который возымели папские
отлучения и интердикты,
возводившиеся на Фридриха,

произвел впечатление на европейцев самых разных общественных слоев.

14

Мы уже говорили, что Иннокентий III проглядел то, как повзрослел его подопечный Фридрих II. Столь же справедливым будет сказать, что папство не осознавало взросления Европы. Невозможно в наши дни беспристрастному историку не симпатизировать основополагающей идее, двигавшей папством, — идее всемирной власти праведности, поддерживающей мир на земле. Рано или поздно

человечество придет к всеобщему миру на всей земле, если наша раса не будет прежде уничтожена возрастающей силой ее разрушительных изобретений. И этот всеобщий мир неизбежно должен принять форму организации, поддерживающей законность, религиозной в лучшем смысле этого слова, — правительства, управляющего людьми через воспитание их разума в едином представлении о человеческой истории и человеческой судьбе.

Папство было первой осознанной попыткой создать такое правительство на земле. Мы не имеем права слишком сурово

оценивать его недостатки и просчеты, поскольку каждый урок, который мы извлекаем из них, представляет огромную ценность для нас. Мы постарались предположить, какими были основные факторы, которые привели к крушению Римской республики, и теперь пришло время прояснить причины неудачи римской церкви в укреплении и направлении доброй воли человечества.

Первое, что бросается в глаза ученому, это непоследовательность усилий церкви установить Град Божий во всемирном масштабе. Политика церкви не была постоянно и чистосердечно направлена на

достижение этой цели. Только время от времени какая-то выдающаяся личность или группа таких личностей заставляли ее двигаться в этом направлении. Образ царства Бога, которое проповедовал Иисус из Назарета, был почти с самого начала, как мы уже показали, скрыт под напластованиями доктрин и ритуалов ранней эпохи, духовно более отсталых и примитивных. Христианство почти сразу же после ухода Иисуса перестало быть чисто пророческим и творческим. Оно опутало себя архаической традицией жертвоприношений, жречеством, таким же древним, как само человечество, и трудно

постижимыми доктринами о
структуре божественного. Этрусский
pontifex maximus, перебирающий
окровавленными пальцами
внутренности животного, заслонил
собой учение Иисуса из Назарета.
Философская заумь
александрийского грека сделала его
малодоступными. Чтобы не потерять
себя среди многословия неумных
спорщиков, церковь стала
догматичной. Отчаявшись
примирить раздоры ученых и
богословов, она нашла
сомнительный выход в
авторитарности.

К XIII в. официальная церковь
уже испытывала явный

патологический страх перед теми сомнениями, которые начали подтачивать самую основу ее притязаний. Церковь забыла о том, что такое душевный покой. Она повсюду выискивала еретиков. Мы уже упоминали о персе Мани, которого распяли в 227 г. Он представлял борьбу между добром и злом, как борьбу сил света, восставших против сил тьмы и зла, извечно присущих Вселенной. Все эти глубокие тайны по необходимости излагались в символической и поэтической форме, и идеи Мани все еще привлекали склонных к философии. Можно и теперь услышать отзвуки

манихейского учения в выступлениях многих проповедников-христиан. Но ортодоксальное католичество придерживалось других взглядов.

Эти манихейские идеи широко распространились в Европе, в особенности на Балканах и на юге Франции. Во Франции людей, которые их придерживались, называли катарами или альбигойцами (XI–XIII вв.). Их представления и образ жизни были так близки раннему христианству, что, по их убеждениям, именно они и являлись истинными христианами. В целом, как община, они жили образцово праведной и чистой жизнью среди жестокого, бурного и

порочного века. Альбигойцы ставили под сомнение обоснованность взглядов Рима и ортодоксальную интерпретацию Библии. Они считали, что Иисус был бунтарем, восставшим против жестокости Ветхозаветного Бога, а не его единокровным сыном.

В близкой связи с альбигойцами были вальденсы («лионские бедняки»), последователи Пьера Вальдо (конец XII в.). По всей видимости, у него не было особых расхождений с католичеством в богословских вопросах, однако Вальдо не уставал обличать погрязшее в роскоши духовенство. Это уже было чересчур для Латерана,

и Иннокентий III призывал к крестовому походу против этих несчастных сектантов. Всякому бродяге, который оказался на мели, позволено было присоединиться к крестоносному воинству, чтобы нести огонь и меч, насилие и немыслимые жестокости наиболее мирным из подданных короля Франции. Описания пыток и издевательств, которыми был отмечен этот крестовый поход, читать куда страшнее, чем любое из преданий о неумолимых язычниках и христианах-мучениках, — и эти свидетельства тем страшнее, что в их подлинности не приходится сомневаться.

И нетерпимость церкви не сводилась только к религиозным вопросам. Циничным, напыщенным, вспыльчивым и довольно злобным старикам, которые составляли подавляющее большинство в церковных советах, не нравилось любое знание, кроме их собственного, они не доверяли любой мысли, которую не могли контролировать или исправлять. Они хотели задержать развитие науки, в которой видели опасного конкурента. Любой духовный поиск, за исключением их собственного, воспринимался как дерзкий вызов. Позднее они начнут новый крестовый поход против учения о

Земле и ее положении в пространстве и того, вращается она вокруг Солнца или нет. Церковь вполне могла бы не вмешиваться в дела разума, но, похоже, ею двигала внутренняя потребность свести на нет стремление людей к научному поиску.

Даже если бы эта нетерпимость порождалась искренней верой, с этим сложно было бы смириться. Но она сопровождалась неприкрытым презрением к духовному достоинству простого человека, и это делало позицию церкви неприемлемой для свободного духа того времени. Мы вполне беспристрастно говорили о политике римской церкви в

отношении ее восточной сестры-церкви, оказавшейся в сложном положении. Многие из приемов и средств, которыми пользовалось католичество, были совершенно недопустимы. В отношении же римской церкви к своим верным — католикам, прослеживается подлинный цинизм. Она сама уничтожила свой авторитет, пренебрегая своим же учением о праведности. Но вершиной безрассудства римской церкви была торговля индульгенциями — возможностью откупиться от страданий души в чистилище за деньги. Рим начал активно продавать индульгенции в XV в., но дух,

который привел к этому позорному и, как оказалось, гибельному занятию, был очевиден уже в XII и XIII вв.

Еще задолго до того, как зерно критики, посеянное Фридрихом II, успело прорасти в умах людей и принесло неизбежный плод бунта, в христианских странах было сильно чувство, что не все нормально в духовной атмосфере католичества. Внутри церкви возникли движения, которые в наши дни мы назвали бы «движениями за возрождение». Они скорее подразумевали критику, чем открыто критиковали ее существующие порядки и организации. Люди искали новые

способы вести праведную жизнь за пределами монастырей и приходов.

В этой связи весьма примечательна личность св. Франциска Ассизского (1181–1226). Мы не станем подробно останавливаться на том, как этот привлекательный молодой человек из города Ассизи в Северной Италии принял решение отказаться от соблазнов мирской жизни и отправился искать Бога. Начало этой истории во многом схоже с ранними переживаниями Гаутамы Будды. В молодости Франциск, сын богатых родителей, пережил внезапное преображение среди жизни, наполненной удовольствиями, и, дав

обет крайней нищеты, остальную жизнь посвятил подражанию жизни Христа, служению больным и увечным и в особенности служению прокаженным, которых тогда было великое множество в Италии.

К нему стали присоединяться многочисленные последователи, и так на свет появился первый орден нищенствующих монахов — францисканцы, или «серые братья», названные так из-за цвета сутан. За первоначальным братством последовал и женский орден. Отметим, что Франциск Ассизский проповедовал, не зная притеснений от мусульман, в Египте и Палестине, хотя в самом разгаре был Пятый

крестовый поход. Его деятельность получила официальное одобрение и поддержку Папы Иннокентия III. Впрочем, пока св. Франциск находился на Востоке, произошла перестройка его ордена, усилившая подчиненность францисканцев Риму и заменившая церковной дисциплиной искреннюю, братскую связь членов ордена.

Как следствие этих изменений св. Франциск отказался от прежнего главенства в ордене. В последующие годы он страстно проповедовал идеал нестяжания и добровольной нищеты, но не успел еще умереть основатель ордена нищенствующих монахов, как орден стал приобретать

собственность через доверенных лиц и строить величественную церковь в Ассизи, в память о своем основателе. Послушание, которое после его смерти было наложено на его непосредственных спутников, мало чем отличалось от гонений. Некоторых из наиболее видных приверженцев нестяжания бичевали, другие оказались в заточении, один из братьев был убит, пытаясь бежать, а брат Бернард, «первый ученик», как затравленный зверь, целый год был вынужден скрываться среди лесов и гор.

Эта борьба внутри францисканского ордена представляет большой интерес, так

как она стала предзнаменованием серьезных потрясений, которые ожидали христианский мир. Весь XIII в. часть францисканцев не могла смириться с церковным надзором, и в 1318 г. четверо из них были сожжены заживо в Марселе как неисправимые еретики. Можно полагать, что дух учения св. Франциска мало чем отличался от учения Вальдо XII в., основателя истребленной секты вальденсов. Оба они ревностно следовали за Иисусом из Назарета. Но Вальдо восстал против церкви, св. Франциск же из всех сил старался быть ее послушным чадом, и его критика официального христианства

оставалась подспудной. Оба эти случая красноречиво говорят о том, что совесть человека начинала противиться власти и повседневной практике церкви. И очевидно, что в случае с нищенствующими монахами-францисканцами, как и с вальденсами, церковь почуяла бунт.

Совершенно отличным от св. Франциска Ассизского человеком был испанец св. Доминик (1170—1221). Он прежде всего был ортодоксом и ревностно стремился своими проповедями возвращать еретиков в лоно церкви. Папа Иннокентий III направил проповедовать к альбигойцам, и там Доминик трудился рука об руку с

крестоносцами, выполнявшими свою кровавую работу: кого не мог обратить Доминик, того убивали крестоносцы Иннокентия III. Однако то, что он предпринимал попытки убеждать еретиков силой слова и что его орден получил признание и поддержку со стороны Папы, свидетельствовало о том, что даже Папам становилось ясно: насилие в подобном случае — это не выход.

Развитие ордена доминиканцев, «черных братьев», в отличие от серых братьев-францисканцев, показывает, что римская церковь оказалась на распутье, все более глубоко увязая в собственных непреложных догмах, в безнадежном конфликте с разумом

человечества, который все больше набирался решимости и сил. Церковь, чьей задачей было вести за собой, предпочла принуждать. История сберегла для нас то последнее слово, с которым св. Доминик обратился к еретикам, которых стремился вернуть в католичество. Эта речь — словно граничный рубеж в истории папства. Она выдает фатальное отчаяние человека, разуверившегося в том, что правда может побеждать, лишь потому, что не получилось навязать его правду.

«Уже много лет, — сказал он, — как я тщетно взываю к вам с добросердечием, проповедью и

слезной молитвой. Но как принято говорить в моей стране, там, где бессильно доброе слово, там поможет порка. Мы поднимем на вас государей и прелатов, которые, увы! поведут народы и царства войной на эту землю... и пусть гнев сделает свое дело там, где доброта и благословение оказались бессильны». [\[66\]](#)

В XIII в. на сцену выходит еще один институт католической церкви — папская инквизиция. Папа Иннокентий III увидел во вновь созданном ордене доминиканцев мощный инструмент подавления несогласных. Инквизиция была создана под руководством

доминиканцев как постоянно действующее расследование обвинений в ереси. Огнем и пыткой церковь начала подчинять себе человеческую совесть, так как все ее надежды на мировое господство опирались на овладение совестью и разумом человека. До XIII столетия смертный приговор еретикам и неверующим выносился редко. Теперь же на рыночных площадях сотен европейских городов церковники могли лицезреть обуглившиеся тела своих противников, по большей части несчастных бедняков. Вместе с ними сгорела, рассыпалась в пепел и прах, великая миссия церкви, обращенная

ко всему человечеству.

Францисканский и доминиканский ордены, сделавшие первые шаги в XIII в., — это лишь две силы из многих новых сил, которые поднимались в христианских странах, чтобы поддержать или чтобы разрушить церковь. Эти два ордена церковь смогла поглотить и поставить себе на службу, впрочем, не без некоторого насилия в случае францисканцев. Но другие силы были куда более непримиримы в своей критике и неповиновении. Полтора столетия спустя появился Джон Уиклиф (1320–1384) — ученый доктор из Оксфорда, который также занимал и различные посты в

церковной иерархии. Уже в достаточно зрелом возрасте он начал критиковать продажность духовенства и неразумную политику церкви.

Уиклиф создал организацию неимущих священников-уиклифитов, которые знакомили с его идеями жителей всех уголков Англии. Для того чтобы люди сами могли рассудить, кто прав — он или церковь, он перевел Библию на английский язык. Уиклиф был несравненно более ученым и одаренным человеком, чем св. Франциск или св. Доминик. К тому же он мог опереться на поддержку в высших сферах и на огромное число

своих последователей в народе. И хотя Рим метал громы и молнии и слал приказы взять его под стражу, он умер свободным человеком, по-прежнему принимая участие в таинствах церкви как приходской священник в Лестершире.

Но зловещий первобытный дух, который вел католическую церковь к неминуемому развалу, не дал его праху мирно почить в могиле. Решением церковного собора в Констанце в 1415 г. было велено его останки извлечь из могилы и сжечь. Этот приказ был исполнен по личному распоряжению Папы Мартина V в 1428 г. Это не было поступком фанатика-одиночки, это

было официальное постановление церкви.

15

История папства может показаться запутанной неподготовленному читателю из-за множества Пап, сменявшихся на римском престоле. По большей части они поднимались на вершину церковной иерархии уже в преклонном возрасте, и их правление не было продолжительным — в среднем не более чем два года.

Однако некоторых из римских Пап нужно выделить особо, учитывая

их влияние на духовную жизнь и, конечно же, на политику христианского мира. Таким был Папа Григорий I Великий (590–604), первый Папа-монах, друг св. Бенедикта, отправивший христианских миссионеров в Англию.

Другими заметными Папами были Лев III (795–816), который короновал Карла Великого; ославившиеся Иоанн XI и Иоанн XII (955–963) — последнего сместил император Отгон I; и великий Гильдебранд, на склоне лет ставший Папой под именем Григория VII (1073–1085). Григорий VII сделал исключительно много для

централизации власти церкви в Риме, установил целибат для духовенства и настоял на верховенстве церкви над королями и князьями.

Упорная борьба шла между Гильдебрандом и избранным императором Генрихом IV в вопросе об инвеститурах. Император предпринял попытку низложить Папу, Папа отлучил императора и освободил его подданных от клятвы верности. Императору ничего не оставалось, как с покаянием отправиться к Папе в 1077 г. Три дня император, которого не пустили дальше двора замка, в рубище, босиком на снегу, ожидал прощения.

Но позже Генрих поквитался с Папой: в этом ему значительно помогли мощные атаки искателя приключений норманна Роберта Гвискара, обрушившиеся на папские владения.

Следом через одного за Григорием VII идет Урбан II (1088–1099), Папа Первого крестового похода.

На период в полторы сотни лет, начиная с Папы Григория VII, выпало время великих притязаний и усилий церкви. Очищенная и реорганизованная церковь предприняла попытку объединения всего христианского мира.

Образование латинских

королевств в Сирии и на Святой Земле, состоявших в церковном общении с Римом, в результате Первого крестового похода означало и начало покорения Римом восточного христианства, кульминацией которого стало правление латинян в Константинополе (1204–1261).

В 1117 г. в Венеции коленопреклоненный император Фридрих Барбаросса (Фридрих I) признал верховенство духовной власти Папы Александра III и присягнул ему на верность. Но после смерти Александра III в 1181 г. очевидным стал своеобразный изъян папства — то, что оно, как правило,

доставалось престарелым и немощным людям. Пять Пап нетвердой походкой пришли в Латеран, чтобы умереть в течение десяти лет. Только с приходом Иннокентия III (1198–1216) появился достаточно энергичный Папа для того, чтобы снова взяться за великий труд установления Града Божия.

При Иннокентии III (опекуне императора Фридриха II) и пяти последующих Папах, Римский Папа едва не стал монархом объединенного христианского мира, поднявшись на недостижимую прежде и впоследствии вершину власти. Священная Римская империя была ослаблена внутренними

раздорами, Константинополь был в руках у латинян, от Болгарии до Ирландии, от Норвегии до Сицилии и Иерусалима некому было оспаривать верховную власть Папы. Однако это господство было скорее мнимым, чем подлинным. Если во времена Папы Урбана II сила веры была велика в христианской Европе, то ко времени Иннокентия III папство уже утратило доступ к сердцам государей, а вера и совесть народных масс все более обращались против той агрессивной, политиканствующей церкви, какой стало католичество.

Церковь в XIII столетии расширила свою официальную

власть за счет потери контакта с духовной жизнью людей. Она все меньше старалась убеждать и все чаще прибегала к насилию. Ни один разумный человек не в состоянии рассказывать или читать о крушении вселенской миссии, на которую притязало католичество, не испытывая самых смешанных чувств. Церковь берегла и строила новую Европу все те долгие века, когда тьма и хаос царили в Европе. В форму западного христианства была отлита новая европейская цивилизация. Но развитие новообразованной цивилизации происходило по ее собственным внутренним законам, и церкви не хватило сил, чтобы расти и

развиваться вместе с ней. И быстро приближалось время разбить эту форму.

Первые отчетливые признаки упадка жизнеспособности и крепости папства проявились, когда Папы вступили в конфликт с растущей силой французского короля. Уже при жизни Фридриха II Германия утратила единство, и королю Франции досталась роль охранителя, опоры либо соперника Папы, которая прежде была уделом императоров Гогенштауфенов. Некоторые Папы стали осуществлять политику поддержки французских королей. Французские правители закрепились в Сицилийском и

Неаполитанском королевстве при поддержке и одобрении Рима. Французские короли видели перед собой возможность возрождения империи Карла Великого. Когда после смерти Фридриха II, последнего из Гогенштауфенов, завершился период междуцарствия (с 1254 г.) в Германии, Рудольф Габсбургский был избран императором (1273). Соответственно и политика Латерана стала колебаться между Францией и Германией, меняя направление в зависимости от симпатий каждого из Пап.

В 1294 г. Папой стал Бонифаций VIII. Он был итальянцем,

враждебным французам, и был полон чувством великих традиций и миссии Рима. Какое-то время ему удавалось править твердой рукой.

В 1300 г. по случаю религиозного праздника огромное множество паломников собралось в Риме. Приток денег в папскую казну был настолько велик, что, как говорят, два служителя, не зная отдыха, сгребали граблями деньги, которые паломники оставляли как пожертвование на могиле святого Петра. Но торжество Папы оказалось обманчивым. Куда сложнее собрать банду крестоносцев, чем привлечь толпу экскурсантов, — для этого нужно иметь совсем другое влияние

на сильных мира сего. Бонифаций поссорился с французским королем Филиппом IV (1285–1314) в 1302 г., и в 1303 г., когда он уже собрался было объявить того отлученным от церкви, его самого застал врасплох и лишил свободы в Ананьи, в его собственном старинном дворце, Гийом де Ногарэ. Посланный специально с этой целью французским королем, он ворвался во дворец, пробился в спальню, где стал угрожать насмерть перепуганному Папе, лежавшему в постели с крестом в руках.

Горожане через день-другой отбили Папу и вернули его в Рим, но там его снова захватили и заточили в тюрьму несколько членов рода

Орсини. Через несколько недель, так и не выйдя на свободу, престарелый Папа умер, не пережив потрясения и окончательно разочарованный.

Жители Ананьи раскаялись и выступили против Ногарэ, чтобы освободить Папу Бонифация. Ананьи, как-никак, был его родным городом. Важно то, что французский король, который так бесцеремонно обошелся с главой христианского мира, действовал при полной поддержке своего народа. Король созвал Генеральные штаты, совет трех сословий Франции — дворян, духовенства и горожан, и заручился их согласием, прежде чем перейти к крайним мерам. Нигде — ни в

Италии, ни в Германии или Англии — мы не видим ни малейшего недовольства таким вольным обхождением с римским первосвященником. Идея христианского мира в своем падении зашла настолько, что полностью утратила власть над умами людей.

На Востоке в 1261 г. греки отняли Константинополь у императоров-латинян, и основатель новой греческой династии Палеологов, Михаил VIII, предприняв для видимости несколько попыток примириться с Папой, совершенно порвал всякое церковное сношение с Римом. Так, вместе с падением латинских королевств в Азии

подошло к концу восточное владычество Пап.

На протяжении XIV в. папство не сделало ровным счетом ни чего, чтобы восстановить свое моральное влияние. Следующий через одного Папа Климент V (1305–1314) был французом — это был выбор Филиппа IV, короля Франции. Этот Папа даже не появился в Риме. Он со своим двором обосновался в городе Авиньоне, который тогда принадлежал не Франции, но входил в состав Папской области, хоть и находился на французской территории. Авиньон не покидали и его преемники до 1377 г., когда Папа Григорий XI вернулся в Ватиканский

дворец в Риме. Но Григорию XI не удалось заручиться поддержкой всей церкви. Многие из кардиналов были французами, которые недурно обосновались и пустили корни в Авиньоне. Когда в 1378 г. Григорий XI умер и был избран Пап-итальянец, Урбан VI, эти кардиналы объявили выборы недействительными и избрали другого Папу — антипапу Климента VII.

Наступил так называемый Великий раскол (1378–1417). Папы оставались в Риме, и все антифранцузские силы — император, короли Англии, Венгрии и Польши и Север Европы взяли

сторону римских Пап. Антипапы, со своей стороны, продолжали править на своем прежнем месте в Авиньоне, и их поддерживали король Франции, его союзник король Шотландии, а также короли Испании, Португалии и некоторые немецкие князья. И Папы, и антипапы отлучали и проклинали сторонников своего соперника, и все это время, так или иначе, весь христианский мир был целиком и полностью под проклятием.

Сложно переоценить, к каким поистине плачевным последствиям для сплоченности христианских стран привело это разделение. Неудивительно, что такие люди, как

Уиклиф, стали учить народ иметь свое собственное суждение о вере, пока Папы не переставали поливать друг друга грязью.

В 1417 г. Великий раскол кое-как залатали на Констанцском соборе, том самом, который принял решение сжечь кости Уиклифа и потребовал, как мы расскажем позже, сожжения Яна Гуса. Папе и антипапе пришлось отречься или их силой заставили это сделать, и Мартин V (1417–1431) стал новым и единоличным Папой формально объединенного, но остающегося на грани взрыва христианского мира.

Здесь мы не станем касаться того, как позднее Базельский собор

(1439) привел к новому расколу и появлению новых антипап.

Так, вкратце, выглядит история великих столетий, на которые пришлись возвышение и упадок папства. Это история того, как неудача постигла исключительно благородный и величественный замысел о мире, сплоченном единой религией. Мы указывали в предыдущем разделе, какое огромное бремя в виде сложной догматической теологии унаследовала церковь, что сковывало ее в этом честолюбивом предприятии. Слишком много у церкви было теологии и слишком мало религии. Не лишним будет отметить и то, как сильно сказалось

личное несоответствие Пап на крушении замыслов и репутации церкви. Мир в те времена еще не обладал достаточным уровнем образования, чтобы возможно было обеспечить преемственность кардиналов и Пап с широким кругозором и знаниями, необходимыми для той задачи, которую они поставили перед собой. Их образование было недостаточным для подобной задачи, и только немногим из них удалось преодолеть этот недостаток. В довершение всего, как мы уже отмечали, когда власть, наконец, оказывалась в их руках, они были слишком стары, чтобы воспользоваться ею.

Интересно поразмышлять, насколько благотворно это сказалось бы на положении церкви, если бы кардиналы уходили на покой в пятьдесят, а Папой не избирали бы никого старше пятидесяти пяти. Это значительно продлило бы тот средний промежуток времени, какой Папы находились у власти, и несоизмеримо усилило бы преемственность политики Пап. Вполне возможно было разработать и более совершенный способ избрания кардиналов, которые в свою очередь избирали Папу и были его советниками. Законы и обычаи, согласно которым люди приходят к власти, исключительно значимы в

отношениях внутри общества. Психология правления — наука, которую еще только предстоит создать. Мы видели крушение Римской республики, и теперь видим, как церковь не справилась со своим мировым предназначением в значительной степени также из-за неэффективности избирательных методов.

16

История Европы от романского периода и до эпохи сомнения и упадка веры, предшественником которой был Фридрих II, отмечена

определенными архитектурными и художественными достижениями. В XII и XIII вв. мы видим, как во множестве начали строить соборы и романская архитектура быстро превращается в готическую в строгом смысле слова. Покатые кровли, округлые своды романских башен удлиннились и превратились в шпили. Начали использовать крестовые своды, а стрельчатая арка, которая уже более двухсот лет как преобладала в арабском искусстве, постепенно заменила собой полукруглую арку. Вместе с этими новшествами в зодчестве стали значительно сложнее и искуснее конструкции окон и витражи из

цветного стекла.

Вероятно, именно монашеские ордена, становясь многочисленнее и зажиточнее, способствовали высвобождению того творческого порыва, который дал миру собор Парижской Богоматери или готические соборы в Шартре и Амьене. Готический импульс не ослабевал на протяжении нескольких столетий. XIII в. отмечен наивысшим мастерством в создании витражей. В XIV в. готика становится избыточно декоративной, а затем, словно бы в противовес этому, приобретает сдержанные и даже строгие черты. Англичане изобрели свой характерный стиль, так

называемый «перпендикулярный стиль», который получил свое название из-за вертикальных линий оконного узора.

Во многих областях на севере и востоке Германии, там, где было мало или совсем не было строительного камня, формы готических соборов, строившихся из кирпича, приобрели новые очертания. Но с началом XV в. готическая архитектура вступает в эпоху своего заката. Дни величия церкви в Европе миновали, и новые социальные условия стремились проявить себя в прежде невиданных формах. В некоторых городах Бельгии и Голландии до сих пор

можно видеть недостроенный собор, а по соседству с ним — просторное здание ратуши, которая и оставила церковь без строительного материала.

В Испании готика следовала за христианами, когда те, провинция за провинцией, отвоевывали полуостров у мавров. Мавританский стиль арабов и готический испанцев развивались каждый в своих собственных направлениях. В Севилье, рядом с Алькасаром, замком в мавританском стиле, возвышается огромный готический собор, словно торжествуя в мрачном триумфе над завоевателями, которые сами были покорены.

Готике удалось проникнуть в Италию, но покорить ее оказалось не по силам. Наиболее приметный образец итальянской готики — Миланский собор. Но Италия в тот период, когда готика преобладала в Западной Европе, стала полем сражения древних традиций и соперничающих стилей. Собор Сан-Марко в Венеции противоположен по стилю готическому Миланскому, а норманнское, византийское и сарацинское влияние не менее, чем римское, сказалось на таких зданиях, как собор в Амальфи. Собор, баптистерий и колокольня в Пизе составляют наиболее выразительную группу итальянских построек,

датируемых приблизительно XII столетием.

Вполне очевидно, что всю готическую эпоху продолжалась борьба между стремлением к художественной изобразительности и самоподавлением, которое пришло в Западный мир с первыми успехами христианства и ислама. Христианство не испытывало, отметим это, открытой враждебности к изобразительному искусству. Классическая римская живопись умерла в катакомбах и украшениях христианских гробниц. Отчасти лишь фресковой живописи, притом довольно посредственной, удалось дотянуть до средних веков,

чтобы снова возродиться в X и XI вв.

В это время жизнь была уже не столь опасной, как прежде, а с безопасностью все сильнее становилось желание украшать церкви и монастырские строения. Живопись перестала быть уделом лишь автора книжной миниатюры, согнувшегося над рукописью, и шагнула на фрески и вполне современные панно. Скованные прежде фигуры святых стали более гибкими, за фигурами появился фон, дающий простор для изображения реалистических деталей. Живописное панно, которое рисовали в одном месте, а затем устанавливали в другом, было

предшественником современной переносной картины. На какое-то время, в XII и XIII столетиях, Франция и Германия опередили Италию в возрождении изобразительного искусства. Одновременно с этим камнетес насыщал свою работу по отделке готических построек все большим реализмом и разнообразием форм. Рыльце водосточной трубы превращалось у него в гримасу фантастической горгульи; мастер покрывал капитель и шпиль изображениями фигур и лиц; каменный святой из рельефа стал объемной скульптурой. Германия здесь также была впереди. Это

подражание живой природе, мало-помалу проникавшее в творчество мастеров, наиболее интересный факт в истории средневекового искусства.

Нам уже приходилось отмечать, как в предыдущие периоды истории то исчезало, то вновь появлялось стремление к реалистическому изображению, копированию природы. Человек позднего палеолита стремился изображать все, что видел вокруг себя, его резьба и рисунки дышали свободой и силой. Но уже ранний неолит не оставил нам ни качественной резьбы, ни качественных рисунков живых существ. Пластическое искусство возродилось лишь к началу

бронзового века. То же самое мы наблюдаем между временем возвышения Римской империи и средневековьем, и не только у христиан, но и в исламе. Полного и удовлетворительного объяснения, в чем причина подобных перепадов, пока что нет. Искусство отступает от реальности и предается формальному усложнению. С той поры прошла еще одна мощная волна реалистичной изобразительности, вершина которой миновала совсем недавно. И живопись, и скульптура стремились полнее воспроизводить действительность, были менее символичны и условны в середине XIX в., чем сейчас. Мы опять не

можем предложить
удовлетворительного объяснения
этим волнам в художественном
самовыражении, этим колебаниям от
страстного и мощного правдоподобия
к отстраненной и сдержанной
манере. Создается впечатление, что
избыточный реализм, неумное
любование телом, интерес к
движению, чувствам и
второстепенным деталям в конечном
итоге приводит к обратной реакции,
к инстинктивному бегству в
абстракцию и формализм.

В дни крестовых походов очень значительные перемены происходили и с музыкой. До этого никто не выделял в музыке понятия гармонии, музыка представляла собой не более чем занятие по подбору ритма и мелодии. Теперь же наступило совершенно новое развитие — от примитивного пения по голосам ко все большему усложнению и обогащению мелодии. Разными голосами начали одновременно исполнять темы, гармонически связанные между собой. Параллельно с этим совершенствовалось нотное письмо, с помощью которого можно было записывать и передавать новую

полифоническую музыку. Ноты были так же необходимы для свободного развития музыки, как письменность — для литературного роста и жанрового разнообразия.

Можно предполагать, что первые попытки переосмысления музыки в Западной Европе происходили в Уэльсе и Центральной Англии, поскольку именно оттуда мы имеем первые отмеченные случаи пения по голосам. Этот процесс мог начаться в IX столетии, а к концу XII был, бесспорно, уже широко распространен.

То время странствующих рыцарей было и временем странствующих музыкантов. От

замка к замку странствовали
трубадуры и менестрели, и новое
понимание гармонии
распространялось через Францию и
Италию в Центральную Европу.
Большинство композиций
представляло собой вокальную
полифонию без инструментального
сопровождения. Развитие
инструментовки произошло позднее,
с появлением лютни, клавесина,
виолы; все величественнее и
распространеннее становился орган,
по мере совершенствования
мастерства строителей органов.
Замку и двору еще предстояло
достичь той степени роскоши и
утонченности, когда могло появиться

нечто большее, чем преимущественно вокальная и народная светская музыка. Первыми мастерскими новой музыки были многолюдные хоры при монастырских церквях. Там новаторы-капельмейстеры вели борьбу с крайностями религиозного консерватизма — борьбу, как оказалось, успешную.

Преобладающим жанром эпохи вокальной музыки был мадригал. Вершиной этого периода хоровой музыки было творчество итальянского композитора Палестрины (1525–1594). В XVI столетии итальянские мастера уже работали над совершенствованием

скрипки, все более развивался современный орган. Наступала эпоха новых общественных условий, новые чувства искали выражения, шел поиск новых художественных форм для адекватной передачи более сложного типа музыкальной композиции, в которой ведущая роль принадлежала уже музыкальным инструментам.

Книга седьмая
Монгольские
империи наземных
путей и новые
империи морских
путей

Глава тридцать вторая

Великая империя

Чингисхана и его

преемников

(эпоха наземных путей)

- 1. Азия к концу XII в.**
- 2. Появление и победы монголов.**
- 3. Путешествия Марко Поло.**
- 4. Турки-османы и Константинополь.**
- 5. Почему монголы так и не приняли христианство.**

6. Династии Юань и Мин в Китае.

7. Монголы возвращаются к племенному строю.

8. Золотая Орда и царь Московии.

9. Тамерлан.

10. Империя Великих Моголов в Индии.

11. Цыгане

Настало время рассказать о последнем и величайшем из всех завоевательных походов номадизма

на цивилизации Востока и Запада. Мы прослеживали в нашем очерке, как бок о бок развивались эти два способа существования человечества, как цивилизации распространялись и становились более организованными, и в то же время оружие, подвижность и сплоченность кочевников становились лучше. Кочевник не был просто нецивилизованным человеком, у него был свой особенный и развитый образ жизни. От самых истоков истории происходило взаимодействие кочевых и оседлых народов. Мы уже рассказывали о набегах эламитов и семитских народов на Шумер; мы

видели, как Западная Римская империя была разбита кочевниками великих равнин, как арабы завоевали Персию и едва избежала завоевания Византия. Монгольское нашествие, которое началось в XIII в., было на ту пору самой разрушительной из подобных вспашек человеческого общества.

Из полной неизвестности монголы ворвались в историю в конце XII в. Как народ они сложились в краях к северу от Китая, на исконных землях гуннов и тюрков, и были, очевидно, того же происхождения, что и эти народы. Собрал воедино монгольские племена один из их вождей; его

сложным именем мы не станем перегружать память читателя. При его сыне Чингисхане (Тэмуджине; правил в 1206–1227) владения монголов стали расширяться с небывалой быстротой.

Читатель уже имеет представление о том, как постепенно происходил раскол изначально единого ислама. В начале XIII в. в западной Азии было несколько разобщенных и враждовавших друг с другом мусульманских государств. В первую очередь, это Египет (с Палестиной и значительной частью Сирии), где правили приемники Саладина, в Малой Азии было государство турок-сельджуков и

Аббасидский халифат в Багдаде. На восток от халифата выросла значительная Хорезмская империя, где правили тюркские правители из Хивы (хорезмшахи), которые завоевали несколько обособленных княжеств сельджуков, а потом завладели землями от долины Ганга до Тигра. Под их владычеством, каким бы непрочным оно ни было, находились народы Персии и Индии.

Положение, в котором находилась китайская цивилизация, также не могло не привлечь внимания инициативного захватчика. Последний раз в этом очерке мы видели Китай в VII в., в первые годы династии Тан, когда способный и

проницательный император Тайцзун сравнивал относительные достоинства несторианского христианства, ислама, буддизма и учения Лао-цзы, придерживаясь мнения, что Лао-цзы — учитель не хуже остальных. Мы описывали также, какого приема удостоился у императора путешественник Сюань-Цзан. Тайцзун относился терпимо ко всем религиям, но при некоторых из его преемников буддийская вера подверглась безжалостным гонениям. Но, несмотря на преследования, она продолжала процветать, и ее монастыри сначала поддерживали, а затем тормозили ученость; в этом их роль

сопоставима с ролью, которую христианская монашеская организация сыграла на Западе.

К X в. могущественная некогда династия Тан пришла к полному упадку, обычному результату правления ленивых и бездарных императоров, сменявшихся на императорском престоле. Китай снова оказался расколот политически, превратившись в несколько соперничающих государств, которые то объединялись, то снова дробились. «Эпоха пяти династий», эпоха беспорядков и восстаний, продолжалась первую половину X в. Затем усилилась одна из династий, Северная Сун (960—

1127), которой удалось установить некоторое подобие единства. Однако эта династия оказалась втянутой в постоянную борьбу с гуннскими народами, напиравшими на ее восточные окраины. На какое-то время установилось господство одного из этих народов, киданей (государство Ляо). В XII в. эти народы были покорены: им на смену пришла еще одна гуннская империя, империя Цзинь, со столицей в Пекине и южной границей вдоль Хуанхэ. [\[67\]](#)

Эта империя Цзинь потеснила империю Сун. В 1127 г. столица сунского Китая была перенесена из Кайфына, который оказался захвачен,

в город Ханчжоу, расположенный на побережье. Начиная с 1127 г. и вплоть до 1295 г. династия Сун известна как Южная Сун. На северо-запад от ее территорий теперь располагалась тангутская империя Си-Ся,^[68] на север — империя Цзинь, и у тех, кто правил китайским населением двух этих государств, по-прежнему сильны были традиции кочевой жизни. Подобным же образом обстояли дела и восточнее, где основные массы азиатских народов находились под чужеземным правлением и были готовы если не приветствовать, то принять того, кто победил бы чужеземцев.

Северная Индия, как мы уже

отмечали, в начале XIII в. также принадлежала завоевателям-иноземцам. Поначалу она была частью Хивинской империи, но в 1206 г. правитель-авантюрист Кутб, который от раба смог возвыситься до положения наместника индийской провинции, объявил себя султаном и основал Делийский султанат — независимое мусульманское государство со столицей в Дели. Брахманизм, как мы уже отмечали, давно вытеснил буддизм в Индии, но те, кто принял ислам, по-прежнему составляли немногочисленное правящее меньшинство на этой земле.

Такой была политическая

расстановка сил в Азии, когда Чингисхан приступил к упрочению своей власти и сплочению кочевых племен в регионе между озерами Балхаш и Байкал в начале XIII в.

Завоевания Чингисхана и его непосредственных преемников потрясли мир, и, возможно, более всех остальных были потрясены сами монгольские ханы.

В XIII в. монголы были подданными правителей Цзинь, которые завоевали северо-восток Китая. Их племя представляло собой орду всадников-кочевников; они жили в шатрах, питались главным образом продуктами из кобыльего молока и мяса. Основными

занятиями монголов были
скотоводство и охота,
перемежавшиеся войной. Монголы
откочевывали на север, когда там
таял снег и открывались летние
пастбища, и на юг, на зимние
пастбища, как это испокон веков
было заведено в степи. Военного
опыта они стали набираться после
успешного восстания против Цзинь.
Империя Цзинь опиралась на знания
и опыт Китая, и в борьбе с ней
монголы очень многое переняли из
военной науки китайцев. К концу
XII в. это уже было воинственное
племя совершенно исключительных
бойцовских качеств.

Первые годы правления

Чингисхан потратил на развитие своей военной организации, на сплочение монголов и родственных племен, живших с ними по соседству, в единое организованное войско. Первым серьезным территориальным приращением его державы были земли на запад от монголов, когда тюркские («татарские») народы киргизов и уйгуров (которые жили в долине Тарима) были не столько завоеваны, сколько вынуждены присоединиться к племенному союзу, созданному Чингисханом. Затем он напал на империю Цзинь и взял Пекин (1215). Кидани, еще совсем недавно покоренные Цзинь, решили связать свою судьбу с

монголами, чем сослужили Чингисхану неоценимую службу. Оседлое же китайское население продолжало сеять, убирать урожай и торговать, пока происходила эта смена хозяев, не склоняясь ни на чью сторону.

Мы уже упоминали недавно образовавшуюся Хорезмскую империю Туркестана, Персии и Северной Индии. На восток эта империя тянулась до Кашгара и в глазах ее современников, по всей видимости, казалась одной из самых передовых и многообещающих империй того времени. Чингисхан — еще тогда, когда продолжалась война с империей Цзинь, — отправил

послов в Хорезм. Там их казнили — поступок редкостный в своем безрассудстве. Хорезмская верхушка решила, если пользоваться современным политическим жаргоном, «не признавать» Чингисхана и соответственно не церемониться с его представителями. В ответ на это (1219) огромная орда всадников, которых Чингисхан вышколил и объединил в единую армию, перешла Памир и обрушилась на Туркестан. Она была хорошо вооружена; возможно, у нее даже был порох для проведения осадных работ — китайцы уже пользовались порохом к тому времени, а монголы научились от

них, как его применять. Один за другим пали хорезмские города Кашгар, Коканд, Бухара, а затем наступил черед Самарканда, столицы Хорезмской империи.

Дальше уже ничто не могло сдержать монголов на хорезмских территориях. На западе они достигли Каспия, а на юге покорили территории вплоть до Лахора. На северо-западе от Каспия войску монголов противостояли силы русских Киевской Руси. В нескольких сражениях русские армии в конечном итоге были разгромлены, а Великий князь Киевский Мстислав погиб (битва на реке Калке, 1223 г.). Монголы были

уже и на северных берегах Черного моря. Паника охватила Константинополь, где в спешном порядке кинулись достраивать оборонительные сооружения. В это же время другая монгольская орда продолжала завоевание Китая, подчинив империю Си-Ся. Она была включена в состав растущей державы монголов, и только южная часть империи Цзинь все еще оставалась непокоренной. В 1227 г., в самый разгар своего победоносного шествия, умер Чингисхан. Империя, которую он создал, простиралась от Тихого океана до Днепра. И она продолжала неудержимо расти.

Как и все империи, основанные

кочевниками, она была в первую очередь империей исключительно военной, которая скорее лишала свободы покоренные народы, чем управляла ими. Она была построена вокруг личности верховного правителя, в отношении же основной массы подвластного населения она попросту ограничивалась взиманием дани, которая шла на нужды орды. Чингисхан призвал в свои ряды одаренного и опытного Елюя Чуца (1189–1243), одного из высших чиновников империи Цзинь, который был сведущ в традициях и науках китайцев.

Этот государственный деятель имел возможность направлять

действия монголов и много лет спустя после смерти Чингисхана, и можно не сомневаться, что как политик он был одной из наиболее выдающихся личностей в истории. Ему удалось смягчить варварскую неумолимость своих господ и спасти от разрушения многие города и бесчисленные произведения искусства. Елюй Чуцай собирал материальный и документальный архив, и когда его обвинили в продажности, все имущество, которое у него нашли, состояло из документов и нескольких музыкальных инструментов. По всей видимости ему, в той же степени, что и Чингисхану, следует приписывать

создание действенной военной машины монголов. При Чингисхане, о чем речь далее, мы обнаруживаем, что на всей протяженности Азии устанавливается абсолютная религиозная терпимость.

В момент смерти Чингисхана столицей новой империи оставался многолюдный, но варварский город Каракорум в Монголии. Там собрание предводителей монголов избрало наследником Чингисхана его сына Угедея (1229–1241). Была завершена война с остатками империи Цзинь, и та была полностью покорена (1234). Справиться с этой задачей помогла монголам Китайская империя на

юге, где правила династия Сун, тем самым разрушив последнюю преграду, которая стояла на пути ее врага. Монгольские орды устремились затем через Азию на русские земли (1235).

Мир прежде не видел такого стремительного и победоносного похода. Киев был разрушен в 1240 г., и почти вся Русь была вынуждена платить монголам дань. Монголы принялись опустошать Польшу, уничтожив объединенную армию поляков и немцев в битве при Легнице в Нижней Силезии в 1241 г. Что же касается императора Фридриха II, то он, по всей видимости, не предпринимал особых

усилий, чтобы остановить
надвигавшуюся угрозу.

«Совсем недавно, —
отмечает Бэри в своих
комментариях к «Истории
упадка и разрушения
Римской империи»
Гиббона, — европейские
историки начали понимать,
что успехи монгольского
войска, которое,
прокатившись через
Польшу, захватило Венгрию
весной 1241 года, были
обеспечены продуманной
стратегией, а не просто
подавляющим численным

превосходством. Но этот факт продолжает оставаться малоизвестным. По-прежнему преобладающим является мнение, что татары были дикой ордой, которая сметала все на своем пути единственно благодаря своей многочисленности и мчалась по Восточной Европе, не имея стратегического плана, разрушая все преграды и одерживая победы просто своей тяжестью...

Но достойно восхищения, насколько

четко и действительно реализовывали замыслы операций предводители монголов на территории от низовий Вислы до Трансильвании. Подобного рода кампании были совершенно не под силу любой из европейских армий того времени, да и руководить ими не смог бы ни один европейский полководец. Не было в Европе военачальника, включая и Фридриха II, который в сравнении с Батыем не показался бы первогодком в науке

стратегии. Также следует отметить, что монголы принимались за выполнение своих операций, обладая полным знанием о политической ситуации в Венгрии и положением в Польше — эти сведения поступали к ним через хорошо организованную сеть лазутчиков. Венгры же, да и остальные христианские державы, словно недалекие варвары, почти ничего не знали о своем неприятеле».

Но несмотря на то, что под

Легницей победа снова оказалась в руках монголов, они не стали продолжать свой бросок на запад. Они все дальше заходили в лесистую и холмистую местность, которая не соответствовала их тактике. Монголы повернули на юг и уже готовы были осесть в Венгрии, истребляя или ассимилируя своих сородичей — мадьяр, совсем как те сами в прежние времена истребляли и ассимилировали смешанное население славян, аваров и гуннов, жившее до них в этих краях. С Венгерской равнины монгольская орда могла бы предпринимать набеги в западном и южном направлениях, как делали венгры в IX столетии,

авары в VII и VIII, и гунны — в V. Но в это время в Азии монголы продолжали беспощадную завоевательную войну против Сун, а также совершали набеги на Персию и Малую Азию. И неожиданно умер Угедей; в 1241 г. выборы его преемника оказались непростой задачей для монгольской племенной верхушки. Все это вынудило непобежденные орды монголов повернуть к своим родным краям, и они отхлынули через Венгрию и Румынию обратно на восток.

Европа смогла вздохнуть с облегчением, тем более что династические дразги в Каракоруме затянулись на несколько лет. К тому

же, в новообразованной империи явно намечались тенденции раскола. Мункэ, внук Чингисхана, стал Великим ханом в 1251 г. и назначил своего брата хана Хубилая наместником в Китае.

Медленно, но уверенно вся империя Сун была подчинена, и пока продолжалось ее покорение, восточные монголы в своей культуре и образе жизни все более перенимали опыт китайцев. Сам Мункэ вторгся в Тибет и разорил его, беспощадным набегам монголов подверглись также Персия и Сирия. Этот поход возглавлял Хулагу, еще один брат Великого хана. Он направил свои силы против халифата

и, захватив Багдад, учинил в этом городе резню, полностью уничтожив все его население. Багдад по-прежнему являлся религиозной столицей ислама, а монголы были непримиримо враждебны к мусульманам. Эта вражда становилась только острее от природной неуживчивости кочевника, оказавшегося среди горожан.

В 1259 г. Мункэ умер. Почти год ушел на то, чтобы предводители монголов смогли собраться на курултай со всех окраин необозримой империи, от Венгрии и Сирии до Синда и Китая, и в 1260 г. Хубилай был избран Великим ханом.

Его давно неудержимо притягивал к себе Китай, и он сделал своей столицей Пекин вместо Каракорума. Персия, Сирия и Малая Азия, подвластные его брату Хулагу, стали по существу независимыми; орды монголов в России и в соседних с Россией областях Азии также практически отделились и стали самостоятельными. Хубилай умер в 1290 г., и с его смертью даже номинальное главенство Великого хана ушло в прошлое.

К моменту смерти Хубилая уже существовали основная Монгольская империя со столицей в Пекине, включавшая в себя весь Китай и Монголию; вторая великая империя

монголов Золотая Орда в России; третья в Персии, которую основал Хулагу, — империя Хулагуидов (ильханов), данниками которой были турки-сельджуки Малой Азии. Между Золотой Ордой и Монголией были одно сибирское государство и еще отделившееся государство в Туркестане. Отдельно отметим, что Индия за пределами Пенджаба так и не испытала монгольского вторжения в этот период и что армия султана Египта полностью разгромила Кетбогу, военачальника Хулагу, в Палестине (1260) и тем самым не дала монголам войти в Африку. К 1260 г. завоевательный импульс монголов стал значительно слабее. С

этого времени их история повествует нам о разделении и упадке.

Монгольская династия, которую хан Хубилай основал в Китае, династия Юань, правила с 1280 по 1368 г. Впоследствии повторный всплеск активности монгольских народов в Западной Азии привел к созданию еще более долговечной и жизнеспособной империи в Индии. Но в XIII и XIV вв. хозяевами северной Индии были афганцы (хорасанцы), а не монголы, их Делийская империя простиралась до Декана.

Несомненно, что монгольские завоевания — это одно из самых примечательных событий на

протяжении всей истории человечества. Завоевания Александра Великого несопоставимы с ними ни по масштабам, ни по влиянию. Влияние Монгольской державы на распространение и расширение представлений человечества, на стимулирование его воображения было огромным. На какое-то время вся Евразия получила небывалую возможность пользоваться всеми преимуществами открытого сообщения. Все дороги временно оказались открытыми, представители всех народов появлялись при дворе Великих ханов в Каракоруме.

Нам слишком часто приходится

слышать о походах и жестокостях монголов, но значительно реже — об их любознательности и стремлении к знаниям. Возможно, этот народ не был родоначальником знаний, однако его влияние на мировую историю как распространителя знания было очень значительно. И все, что нам удастся узнать о таких малоизвестных и романтических личностях, как Чингисхан или Хубилай, говорит о том, что эти монгольские ханы уж точно были не менее разумными и созидательными монархами, чем яркий, но эгоистичный Александр Македонский или энергичный, но малограмотный теолог, этот заклинатель политических духов

Карл Великий.

В 1269 г. Великий хан Хубилай отправил посольство к Папе с очевидным намерением найти какой-то способ сотрудничества с христианским Западным миром. Он просил, чтобы ему ко двору отправили сотню ученых и искусственных в полемике людей, которые смогли бы заняться разъяснением сути христианского учения. Но его послы застали Западный мир как раз в один из тех моментов, когда Папы не было, а вместо него были споры о том, кому же быть следующим Папой. Два года Папу не могли выбрать. Когда же наконец Папа был посажен на

престол, он не придумал ничего лучшего, как отправить в Китай двух доминиканских монахов для того, чтобы подчинить своей власти величайшую и мощнейшую державу Азии! Но эти двое достойных братьев, ужаснувшись от одной мысли о долгом и трудном путешествии, воспользовались первым подвернувшимся предлогом, чтобы отказаться от экспедиции.

Эта прерванная миссия была лишь первой в серии попыток наладить взаимное общение, и всегда они были попытками слабыми, начисто лишенными того всепобеждающего огня, который несли ранние христианские

проповедники. Доминиканцев в Каракорум отправлял Иннокентий IV, Людовик Святой Французский также отправил миссионеров со священными реликвиями через Персию. При дворе хана Мункэ было много христиан-несториан. Позднее папским посланникам все же удалось добраться до Пекина. Мы также знаем, что неоднократно назначались легаты и епископы Востока, но многие из них, вероятно, не только не нашли путь в Китай, но и потеряли в пути свою жизнь.

В 1346 г. в Пекине появился папский легат, но, по всей видимости, это был не более чем дипломат — представитель папского

двора. С падением же монгольской династии Юань (1368) и без того слабые перспективы христианских миссий полностью сошли на нет. На смену правящему дому Юань пришла Мин, китайская династия, движимая сильными националистическими тенденциями, поначалу крайне враждебная ко всем иноземцам. Не исключено, что христианские миссии были физически истреблены. Вплоть до последних дней Мин (1644), почти ничего не известно о христианстве в Китае, несторианском или католическом. Затем наступил период новых и куда более успешных усилий принести католическое христианство в Китай,

чем занимались иезуиты, однако эта вторая миссионерская волна достигла Китая уже по морю (в XVI в.).

Вернемся в год 1298-й. В этот год произошло морское сражение между генуэзцами и венецианцами, в котором венецианцы потерпели поражение. Среди семи тысяч пленных, попавших к генуэзцам, был и некий венецианец по имени Марко Поло. Ему доводилось совершать путешествия в дальние страны, но по единодушному убеждению своих соседей он был склонен к преувеличениям. Но он в действительности был в составе первой миссии к Хубилаю, и когда

двое доминиканцев повернули назад, он продолжил путь. Теперь Марко Поло, оказавшись в генуэзской тюрьме, чтобы хоть как-то скоротать время, рассказывал о своих путешествиях некоему писателю по имени Рустичано, который в свою очередь записывал их. Мы не будем вникать здесь в спорный вопрос, насколько точно Рустичано передал его историю, но не приходится сомневаться в общей правдивости этого необычайного повествования, которое приобрело невиданную популярность в XIV и XV вв. у всех свободно мысливших людей.

«Путешествия Марко Поло» — одна из величайших книг в истории.

Она открывает перед нашим взором мир XIII столетия — столетия, которое увидело правление Фридриха II и начало инквизиции, — открывает так, как не под силу ни одной исторической хронике. Эта книга стала непосредственным прологом к открытию Америки.

Она начинается с рассказа о путешествии в Китай отца Марко, Никколо Поло, и его дяди, Маффео Поло. Оба они были состоятельными венецианскими купцами, жившими в Константинополе; где-то около 1260 г. они отправились в Крым, а затем — в Булгарское царство. Оттуда они направились в Бухару, а в Бухаре присоединились к каравану, в

котором следовали послы из Китая, от Хубилая к его брату Хулагу в Персии. Эти послы убедили венецианцев появиться при дворе Великого хана, который на то время никогда не видел людей из «латинских» народов. Так Поло решили продолжить свой путь в Китай.

Несомненно, они произвели благоприятное впечатление на Хубилая и заинтересовали его цивилизацией христианской Европы. Именно через них был передан запрос, в котором шла речь о сотне учителей и знающих людей, «людей разумных, осведомленных в Семи Искусствах, способных отстоять свое

мнение в прениях и способных ясно довести идолопоклонникам и прочему люду, что Закон Христа лучший из всех». Но когда они вернулись, христианский мир переживал очередную стадию духовного смятения, и лишь по прошествии двух лет они получили полномочия снова отправиться в Китай в сопровождении тех двух малодушных доминиканцев. Они взяли с собой юного Марко, и именно благодаря его участию в этой экспедиции, а также утомительному безделью в последующем генуэзском заточении, эти исключительно важные сведения были сохранены для нас.

Трое Поло отправились в свой путь из Палестины, а не из Крыма, как в прошлой экспедиции. У них была золотая табличка, а также другие знаки отличия от Великого хана, которые, должно быть, значительно облегчили их путешествие. Великий хан просил привезти ему масло лампы, которая горит в храме гроба Господня в Иерусалиме, поэтому сначала они направились туда, а затем через Киликию в Армению. Так далеко на север им пришлось проследовать потому, что египетский султан в это время постоянно вторгался на территорию персидской империи ильханов (Хулагуидов).

Затем через Месопотамию они направились к Ормузу на Персидском заливе, словно бы намереваясь предпринять морское путешествие. В Ормузе им повстречались торговцы из Индии. По какой-то причине Поло не взяли корабль, но повернули на север и через персидские пустыни, пройдя Балх, а затем через Памир к Кашгару и через Хотан и Лобнор (здесь они уже шли по следам Сюань-Цзана) в долину Хуанхэ, пришли в Пекин. Марко Поло называет Пекин «Канбалук» (от монгольского «Ханбалык», «ханский город»), Северный Китай — «Катай» (от «кидани»), а Южный Китай бывшей

династии Сун — «Манги».

Пекин был столицей Великого хана, и там их ожидал теплый прием. Марко особенно понравился Хубилаю: он был молод и сообразителен и, очевидно, хорошо владел монгольским языком. Марко Поло получил должность чиновника и ездил с различными поручениями от хана, главным образом в юго-западный Китай. В своей истории он рассказывает об огромных пространствах благодатной и процветающей страны, «с превосходными постоялыми дворами, которые ожидают путешественников на всем протяжении их пути», об «ухоженных

виноградниках, полях и садах», «множестве аббатств» буддийских монахов, ткацких мастерских, их «золотистых и серебристых тканях и прекрасного качества тафте», «городах и селениях, которые то и дело сменяют друг друга», и прочие подробности подобного рода, которые поначалу были встречены с недоверием, но потом распалили воображение всей Европы.

Он рассказал также о Бирме, о ее огромных армиях с сотнями слонов, и как этих животных заставили бежать монгольские лучники, а также о монгольском завоевании государства Пегу в Индокитае. Он рассказал и о

Японии, значительно преувеличив то, насколько эта страна богата золотом. Но еще более удивительным в его рассказе было то, что он упомянул о христианах и правителях-христианах в Китае, и о некоем «пресвитере Иоанне», который был «царем» христианского народа. Этих людей сам он не видел. Можно предположить, что это было племя тюрков-несториан в Монголии. Понятен тот восторг, который вызвал у Рустичано этот замечательный эпизод истории, и легенда о пресвитере Иоанне пробудила в XIV и XV вв. необычайный отклик, желание познакомиться поближе с Китаем. Она вдохновляла

европейцев, отважившихся двинуться в Китай, ожиданием того, что где-то далеко в Китае существует общество одной с ними веры, готовое встретить и поддержать их.

Три года Марко был ханским наместником и управлял городом Янчжоу-фу (современный Янь), и жители города — китайцы, вероятно, мало обращали внимания на своего губернатора. Для них это был все такой же чужеземец, как и любой из татар. Его также могли направлять с посольством в Индию. Китайские летописи упоминают о некоем Поло, включенном в императорский совет в 1277 г., и это является подтверждением общей правдивости

истории Поло.

Отправившись в свое путешествие, Поло провели в пути три с половиной года, прежде чем добрались до Китая, где пробыли почти шестнадцать лет. После стольких лет на чужбине они истосковались по родине. Поло пользовались покровительством Хубилая, но, вероятно, чувствовали, что благосклонность Великого хана вызывала определенную зависть, которая могла иметь неблагоприятные последствия после его смерти. Они стали просить Хубилая разрешить им вернуться. Какое-то время они получали отказ, но затем подвернулся благоприятный

случай. У ильхана Аргуна — правителя Персии, внука Хулагу (брага Хубилая), умерла жена-монголка; на смертном одре она взяла с него обещание, что он не женится ни на какой другой женщине, но только на монголке из ее племени. Он отправил послов в Пекин, где ему подыскивали подходящую принцессу, девицу семнадцати лет. Чтобы избавить ее от тягот караванного пути, было решено отправить ее по морю с соответствующим эскортом. Монгольские «бароны», которым было поручено доставить невесту, попросили, чтобы в спутники им дали Поло, так как те были опытные

путешественники, и Поло воспользовались этой возможностью вернуться домой.

Экспедиция отплыла из порта на востоке Южного Китая. Они надолго задержались на Суматре и в Южной Индии, и в Персии оказались после путешествия, продлившегося два года. Они в целости и сохранности доставили молодую даму преемнику Аргуна, который уже скончался к тому времени, и она вышла замуж за сына Аргуна. Поло же после этого отправились через Тебриз в Трапезунд, выплыли в Константинополь и вернулись в Венецию около 1295 г.

Рассказывают, что одетых в

татарские халаты путешественников даже не пустили в их собственный дом. Не сразу им удалось объяснить, кто они такие. Но и после этого многие продолжали смотреть на них искоса, как на бродяг-оборванцев, истративших свое состояние в чужих краях. Чтобы развеять эти сомнения, Поло устроили пышный пир. Когда же празднество было в самом разгаре, они приказали принести свои старые халаты на плотной подкладке, отпустили слуг и распороли эти одежды, и — невероятное зрелище! — «рубины, сапфиры, карбункулы, изумруды и бриллианты» хлынули оттуда водопадом перед глазами

потрясенной компании. Но и после этого рассказы Марко о размерах и населении Китая встречали с плохо скрываемой насмешкой. Острословы даже придумали ему прозвище «Миллион» (Milione), потому что он вечно говорил о миллионах людей и миллионах дукатов.

Эта история заставила людей затаить в удивлении дыхание, сначала в Венеции, а затем по всему Западному миру. В европейской литературе, и особенно в европейском романе XV столетия, слышны отголоски имен из истории Марко Поло, названия Китай, Канбалук и так далее.

Путешествия Марко Поло были предвестием основательного взаимного общения. В ту эпоху Европа уже начинала открывать для себя новые духовные горизонты, значительный вклад в это принадлежит и книге путешествий Марко Поло. Прежде чем мы продолжим, однако, нужно рассказать о любопытном побочном результате великих монгольских завоеваний, появлении турок-османов у Дарданелл и далее в общих чертах изложить, как происходило самостоятельное развитие отдельных частей империи

Чингисхана.

Турки-османы были немногочисленными беглецами, которые ушли на юго-запад, спасаясь от первого вторжения Чингисхана в Западный Туркестан. Они проделали долгий путь из Средней Азии, через пустыни и горы, через края, населенные иноплеменниками, в поисках новых земель, где они могли бы осесть и поселиться.

«Маленькая группа никому не известных пастухов, — пишет Марк Сайке, — беспрепятственно прошла через княжества, империи и державы. Где они становились лагерем, куда они шли, спасая свои стада и отары, где они находили

пастбища и как им удавалось находить мир с различными правителями, через владения которых они проходили, — обо всем этом остается только догадываться».

Наконец, они нашли пристанище и благоприятное соседство на плоскогорьях Малой Азии среди родственного народа — турок-сельджуков. Этот край, современная Анатолия, к тому времени был преимущественно турецким по языку и мусульманским по религии, если не считать значительной доли греков, евреев и армян в городском населении. Несомненно, кровь разных народов текла в жилах людей этого края —

хеттов, фригийцев, троянцев, лидийцев, ионийских греков, киммерийцев, галатов и италиков (современ Пергама), но они давно позабыли о своих древних корнях. Они представляли собой смешение древних средиземноморских народов, нордических ариев, семитов и монголов (такими были и обитатели Балканского полуострова), но они верили, что они принадлежали к чистой туранской расе и во всем превосходили христиан по другую сторону Босфора.

Постепенно турки-османы приобрели вес и стали главенствовать среди мелких

княжеств, на которые распалась империя Сельджукидов. Их отношения со все более уменьшавшейся империей Константинополя оставались на протяжении нескольких столетий умеренно-враждебными. Османы не предпринимали нападений на Босфор, но через Дарданеллы — путь Ксеркса, а не Дария — они с упорством приступили к покорению Македонии, Эпира, Югославии и Болгарии.

В сербах (югославах) и болгарх турки нашли народы, очень схожие с ними по культуре и, несмотря на то, что ни одна из сторон не признавала этого, очень сходные в их

межрасовом смешении, с несколько меньшими средиземноморскими и монгольскими примесями и чуточку большим нордическим элементом. Но эти балканские народы были христианами, разделенными жестокой враждой. Турки же говорили на одном языке; их единство было крепче, они обладали присущими мусульманам сдержанностью и умеренностью, а также были лучшими воинами. Они обратили, насколько смогли, покоренные народы в ислам. Христиан они разоружили и присвоили себе монопольное право собирать с них дань. Постепенно, к концу XIV в., османские владения

сплотились в единую империю, которая достигала Таврских гор на востоке и рубежей Венгрии и Румынии на западе. Их главным городом стал Адрианополь. Сжавшаяся Византийская империя была теперь окружена турками со всех сторон. Уже не Константинополь был форпостом Европы, а Венгрия: христианский тюркско-угорский народ защищал Европу от турок-мусульман.

Османы воспитали выдающуюся военную силу, янычар, подобных во многом мамелюкам, которым принадлежала неоспоримая власть в Египте.

«Ряды янычар пополнялись за

счет христианских детей, примерно около тысячи каждый год, которых принимали в орден дервишей-бекташей. Хотя поначалу от янычар не требовалось исповедывать ислам, в итоге все как один они становились фанатичными приверженцами идеи тесного мистического братства, к которому принадлежали. Высоко оплачиваемое, хорошо обученное, закрытое для непосвященных и ревниво оберегавшее свои секреты тайное общество — янычары обеспечили недавно созданное Османское государство грозной силой солдат-пехотинцев, готовых отдать жизнь за империю. В эпоху легкой кавалерии и наемников,

готовых служить кому угодно за деньги, янычары оказались бесценным приобретением...

Отношения между османскими султанами и константинопольскими императорами беспримерны в истории отношений между исламскими и христианскими державами. Турки были вовлечены в семейные и династические интриги столицы империи, связаны кровными узами с правящими семьями, часто поставляли войска для защиты Константинополя и время от времени нанимали части его гарнизона как подкрепление в своих различных кампаниях. Сыновья императоров и высшей

знати Византии даже сопровождали турок на поле боя — и при этом османы неуклонно продолжали отторгать имперские земли и города и в Азии, и во Фракии. Эти своеобразные отношения между домом Османа^[69] и правителями Византии оказали на обе правящие верхушки глубокое воздействие. Греки становились все более деморализованными и вынуждены были прибегать ко все более низким методам, различным хитростям и уловкам в отношении своих соседей — к этому вынуждала их собственная военная слабость. На турках же самым неблагоприятным образом сказалась незнакомая

прежде атмосфера интриг и предательства, которая просочилась в их внутреннюю жизнь. Отцеубийство и междоусобицы — два преступления, которые чаще других пятнали историю Константинопольского двора, со временем стали неотъемлемой частью политики Османской династии...

Византийцы куда более непринужденно общались с османским пашой, чем с римским Папой. Многие годы турки и византийцы вступали в смешанные браки и интриговали друг против друга в лабиринтах дипломатии. Османы настраивали болгар и сербов

в Европе против императора; император же настраивал азиатского эмира против султана. Турецкая и византийская политика настолько запуталась, что сложно сказать, считали ли турки греков своими союзниками, врагами или подданными, и смотрели ли греки на турок как на своих тиранов, губителей или защитников.»[\[70\]](#)

Наконец, в 1453 г., при османском султани Мехмеде II (1451–1481), Константинополь пал перед мусульманами. Султан атаковал его с европейской стороны при значительной поддержке артиллерии. Греческий император был убит, взятие города

сопровождалось грабежом и резней. Были разграблены сокровища величественной церкви Святой Софии, которую построил Юстиниан Великий (532), а сама она была превращена в мечеть. Это событие вызвало волну возмущения по всей Европе, предпринимались даже попытки организовать крестовый поход, но дни крестоносцев уже давно миновали.

Снова предоставим слово сэру Марку Сайксу: «Для турок захват Константинополя был венцом их усилий и в то же время роковым испытанием. Как опытный наставник, Константинополь помог диким кочевникам-туркам освоиться

в незнакомой среде. Пока османы могли черпать науки, образование, философию, искусства и терпимость из живого источника цивилизации в самом сердце своих владений, до тех пор в их распоряжении была не только грубая сила, но и интеллектуальная мощь. Пока Османская империя имела в Константинополе свободный порт, рынок, финансовый центр мирового значения, неисчерпаемый источник золота, меновую торговлю, до тех пор османы не знали нехватки в деньгах и финансовой поддержке. Мехмед был великим политиком; как только он вошел в Константинополь, он предпринял все усилия, чтобы

приостановить разрушительные
последствия захвата
Константинополя. Он поддержал
патриарха, ему удалось замирить
греков, он сделал все, что мог, чтобы
Константинополь продолжал
оставаться столицей империи... Но
роковой шаг был сделан.
Константинополь султанов — это
уже был не Константинополь. Рынки
умерли, культура и цивилизация
отступали, сложные финансовые
операции больше никто не проводил.
С другой стороны, осталась
византийская порочность и
продажность, бюрократия, евнухи,
придворная гвардия, соглядатаи,
взяточники, сводни — все это

перешло к османам и прижилось в жизни их знати. Турки, прибрав к рукам Стамбул, упустили сокровище и заимели чуму...»

Честолюбивые желания Мехмеда не удовлетворились взятием Константинополя. Султан остановил свой взгляд на Риме. Он захватил и разграбил итальянский город Отранто, и возможно, что его активная и обещающая стать успешной попытка завоевать Италию, поскольку полуостров был разделен и погружен в междоусобицы, была прервана только смертью (1481). Его сыновья увязли в братоубийственном соперничестве. При Баязиде II (1481–

1512), его наследнике, османские войска дошли до Польши, а Греция была окончательно покорена. Селим (1512–1520), сын Баязида, распространил власть османов на Армению и завоевал Египет. В Египте жил последний Аббасидский халиф под защитой мамелюкского султана — Фатимидский халифат уже давно остался в прошлом. Селим выкупил титул халифа у этого последнего беспомощного Аббасида и таким образом завладел священным знаменем и прочими реликвиями пророка. Так османский султан стал халифом всего ислама.

Селима сменил Сулейман Великолепный (1520–1566), который

завоевал Багдад на востоке и большую часть Венгрии на западе и едва не захватил Вену. На протяжении трех столетий Венгрия давала отпор султану, но после катастрофы у Мохача (1526), в которой погиб король Венгрии, эта страна оказалась у ног завоевателя. Турецкий флот также взял Алжир и нанес несколько ощутимых поражений венецианцам. Почти во всех своих военных предприятиях против Священной Римской империи султан действовал в союзе с королем Франции. При Сулеймане Великолепном Османская империя достигла вершины своего могущества.

Давайте теперь вкратце рассмотрим дальнейшее развитие основных регионов, которые составляли империю Великого хана. Христианство нисколько не преуспело в духовном обращении этих монгольских государств. Христианство переживало период нравственной и интеллектуальной несостоятельности, не имея за собой общей веры, энергии и достоинства. Мы уже рассказывали о никчемной парочке робких доминиканцев, их неудачной миссией и ограничился Папа в ответ на просьбу хана Хубилая, и обращали внимание на то, что в целом закончились провалом сухопутные миссии XIII и XIV вв.

Апостольское рвение, которое могло покорять целые народы для Царства Небесного, было в церкви мертво.

С 1305 г., как мы уже сказали, римскими Папами становились ставленники французского короля. Все уловки и усилия Пап XIII столетия вытеснить императора из Италии были нацелены на то, чтобы его место занял французский монарх. С 1309 по 1377 г. Папы пребывали в Авиньоне, их мнимые миссионерские усилия были частью общей западноевропейской политики. В 1377 г. Папе Григорию XI все-таки удалось вернуться в Рим, чтобы вскоре умереть там, но французские кардиналы отделились

от прочих, когда пришло время выбирать его преемника. Были избраны два Папы, один в Авиньоне и один в Риме. Этот «Великий раскол» продолжался с 1378 по 1417 г. Один Папа подвергал другого проклятию и отлучал от церкви тех, кто его поддерживал. В таком состоянии находилось христианство, и такими были хранители учения Иисуса из Назарета. Вся Азия была, словно поле, готовое для жатвы, но не было никого, кто потрудился бы собрать урожай.

Когда же наконец церковь вернула утраченное единство, и с основанием ордена иезуитов вернулось энергичное

миссионерство, благоприятные для распространения христианства дни миновали. Возможности нравственного объединения Востока и Запада в христианстве, возможности мирового масштаба — были упущены. Монголы в Китае и Центральной Азии обратились к буддизму; в Южной России, Западном Туркестане и империи Хулагуидов они сделали выбор в пользу ислама.

Ко времени Хубилая монголы в Китае уже успели впитать в себя китайскую культуру. После 1280 г. китайские хроники говорят о Хубилае не иначе как о китайском императоре, основателе династии

Юань (1280–1368). Эту монгольскую династию в конечном итоге свергло китайское националистическое движение, которое возвело на трон династию Мин (1368–1644), династию утонченных и высокообразованных императоров. Мин правили до тех пор, пока северяне-маньчжуры, потомки основателей государства Цзинь, которое покорил Чингисхан, не завоевали Китай, установив маньчжурскую династию Цин, которую сменило только китайское республиканское правительство в 1912 г.

Именно маньчжуры принудили китайцев носить косичку, как знак

покорности завоевателям. Китаец с косичкой — явление относительно недавнее в истории. С наступлением республики ношение косы перестало быть обязательным, и очень скоро большинство китайцев отказались от него.

Эти политические перемены на Востоке, которые мы по необходимости отмечаем вкратце, затронули только поверхность духовной жизни многолюдной цивилизации. Китайское искусство всегда предпочитало хрупкие и недолговечные средства. Мы не имеем настолько богатого и объемного материала по сравнению с гораздо менее развитым искусством

Европы того времени, чтобы оценить художественные достижения периода династий Сун и Юань. Но и того, что есть в нашем распоряжении, достаточно, чтобы убедиться, что художественная жизнь не замирала в ту эпоху. Несмотря на то, что династия Сун отмечает период политического упадка Китая под давлением киданей, государств Цзинь и Си-Ся, это был период значительной творческой активности. В эпоху Южной Сун китайская живопись, как принято считать, поднялась на свой наивысший уровень.

Художественный импульс Сун без каких-либо существенных

изменений сохранил свою силу и на протяжении династии Юань. Но с началом правления Мин появились признаки ослабления и тяги к внешней декоративности. С воцарением Мин мы подходим к периоду, который оставил огромное количество памятников. Сохранились многочисленные образцы резьбы по дереву и кости, чаши, резные изделия из нефрита и горного хрусталя и множество прекрасных бронзовых изделий. Хорошо известны широкие дороги с колоссальными каменными изваяниями по обеим сторонам, которые ведут к усыпальницам императоров Мин, хотя их ни в коей

мере нельзя считать лучшими образцами китайской скульптуры. Постепенно показная пышность и утонченность проникла и в китайскую резьбу, которая едва не задохнулась под обилием всевозможных драконов, цветов и символических фигур.

Наиболее ранний сохранившийся китайский фарфор датируется периодом Сун. Фарфор вместе с шелком отправился в свое путешествие на запад. С наступлением эпохи Мин производство керамики получило новый стимул, оказавшись под прямым покровительством императора, и стало развиваться

необычайно энергично и успешно. Начали применять окрашивание, и к XV в. китайские мастера достигли невиданного совершенства в изготовлении прекрасного белогоголубого фарфора. Невероятно тонкий фарфор, костяной фарфор, и замечательная подглазурная роспись — величайшие достижения этого неповторимого периода китайской керамики.

В Памирском регионе, на значительной части Восточного и Западного Туркестана, а также к северу монголы вскоре вернулись к тому состоянию, из которого их вывел Чингисхан: к скоплению отдельных кочевых племен.

Могущество ставших независимыми младших ханов постепенно угасало. Ойраты и калмыки в XVII и XVIII вв. основали значительную империю (Ойратское ханство), но династические неурядицы подорвали ее силы, прежде, чем она смогла выйти за пределы Центральной Азии. Китайцы отобрали у них Восточный Туркестан примерно после 1757 г.

Все более прочные и тесные отношения связывали теперь Китай с Тибетом, который стал одним из величайших центров буддизма и буддийского монашества.

На большей части регионов Центральной Азии, Персии и Ирака

древнее разделение кочевого и оседлого населения сохраняется и по сей день. Горожане презирают и обманывают кочевников, а те в свою очередь не менее презрительно и грубо относятся к горожанам.

8

Монголы великой Золотой Орды оставались кочевниками и продолжали пасти свои стада на обширных равнинах южной Руси и Западной Азии, примыкающих непосредственно к русским землям. Они стали мусульманами, хоть и не слишком усердствовали в своей

новой вере, сохраняя многие традиции шаманизма варварских времен. Верховным ханом, которому они подчинялись, был хан Золотой Орды. Западнее их, на обширных степных просторах, и в частности на тех землях, которые сейчас известны как Украина, славяне с монгольской примесью вернулись к подобной же кочевой жизни. Эти христиане-кочевники, или казаки, стали словно спасительная преграда на пути татар. Их свободная, полная приключений жизнь казалась столь привлекательной польским и литовским крестьянам, что пришлось принимать суровые меры для предотвращения их массового

бегства из земледельческих областей в степь. Помещики-крепостники Польши с нескрываемой враждебностью относились к казакам, и эта враждебность зачастую выливалась в войны польского рыцарства и казаков, не менее ожесточенные, чем их войны с татарами.

В Золотой Орде, пока кочевники странствовали по бескрайним равнинам, оседлое население продолжало жить и трудиться в городах и земледельческих регионах, платя дань кочевнику-хану. Продолжалась домонгольская, христианская городская жизнь в таких городах, как Киев, Москва и

другие, при татарских наместниках или русских князьях, которые собирали дань для хана Золотой Орды. Великому князю Московскому удалось завоевать доверие хана и постепенно, под покровительством ордынцев, добиться главенствующего положения над многими из таких же русских князей — данников Орды. В XV столетии, когда в Москве правил великий князь Иван III, или Иван Великий (1462–1505), Москва открыто выступила против татар и отказалась впредь платить им дань (1480). В Константинополе к тому времени уже не правили наследники Константина, и Иван присвоил в качестве герба византийского

двуглавого орла. Он обосновывал право быть наследником Византии своей женитьбой на Софье Палеолог (1472), из византийской императорской династии.

Стремясь к расширению своих владений, Московское княжество напало на древнюю норманнскую Новгородскую республику, один из крупнейших европейских торговых центров, и включило ее в свой состав. Это северное завоевание стало основой для последующей Российской империи, а также помогло установить связь России с торговой жизнью Балтики. Иван III, претендовавший на то, чтобы считаться наследником христианских

правителей Константинополя, не зашел, однако, настолько далеко, чтобы принять и императорский титул. Этот шаг сделал его внук, Иван IV (Иван Грозный, получивший это прозвище из-за безумных в своей жестокости поступков; 1533–1584). Несмотря на то, что правитель Московии с этой поры стал именоваться царем (то есть цезарем), его традиция во многих аспектах была больше татарская, чем европейская. Ему принадлежала неограниченная власть на азиатский манер, и форма христианства, которой цари отдавали предпочтение, была восточная «ортодоксальная», или православная,

где решающей была воля светского правителя. Восточное христианство достигло России задолго до монгольского завоевания вместе с миссионерами-болгарами из Византии.

В Польше — на запад от владений ордынцев, вне досягаемости правления монголов — в X и XI вв. образовался второй центр сплочения славянских племен. Монгольская волна прокатилась и по Польше, но она осталась непокоренной. По своей религии Польша была не православной, но римско-католической, поляки всегда пользовались латинским алфавитом, а не причудливыми русскими

буквами, и ее монарх никогда не обладал полной независимостью от императора Священной Римской империи. Польша по сути от самых своих истоков была форпостом западного христианства и Священной империи. Россия же никогда не была чем-то подобным.

Происхождение и развитие империи Хулагуидов в Персии, Месопотамии и Сирии, возможно, представляет наибольший интерес из всей истории государств, созданных монголами. Причина прежде всего в том, что в этом регионе кочевники постарались на практике, причем в значительной степени преуспели в этом, стереть оседлую

цивилизационную систему с лица земли. Когда Чингисхан впервые вторгся в Китай, между монгольскими вождями всерьез обсуждалось предложение, не стоит ли сровнять в землей все города и истребить все оседлое население. Этим неискушенным поклонникам жизни на открытом воздухе жизнь в городах представлялась скученной и порочной, а оседлое население — испорченным, изнеженным, опасным сорняком на поле, где могли бы быть хорошие пастбища.

Города кочевникам-монголам были ни к чему. Франки раннего Средневековья и англосаксы, завоеватели Южной Британии,

должно быть, питали во многом те же чувства в отношении городских жителей. Но лишь при Хулагу в Месопотамии эти замыслы, насколько можно судить, были воплощены в целенаправленную политику. Там монголы не только жгли и убивали; они разрушили ирригационную систему, которая сохранялась по меньшей мере шесть тысяч лет, и тем самым погубили цивилизацию — прародительницу всего Западного мира. От дней царей-жрецов Шумера не прекращалось непрерывное земледелие в этих плодородных регионах, накопление традиций, множилась население, сменяли друг

друга оживленные города — Эреду, Ниппур, Вавилон, Ниневия, Ктесифон и Багдад. Теперь с плодородием было покончено. Месопотамия стала краем развалин и запустения, пустыней, по которой несли свои воды великие реки, разливаясь лишь для того, чтобы образовать малярийные болота вдоль берегов. В дальнейшем Мосулу и Багдаду все же удалось возродиться, чтобы превратиться в захудалые незначительные города...

И если бы не поражение и гибель в Палестине военачальника Кетбоги (1260), военачальника монголов при Хулагу, та же судьба могла постигнуть и Египет. Но

Египет теперь был тюркским султанатом; главенствующая роль в нем принадлежала гвардии — мамелюкам, ряды которых, как и их подражателей — янычар Османской империи, пополнялись и оставались боееспособными за счет покупки и обучения новобранцев, мальчиков-рабов. Эти солдаты согласны были подчиняться деятельному султану; слабого же или порочного они сами и смещали. Под их управлением Египет оставался независимым государством до 1517 г., когда он оказался в руках у турок-османов.

Первый разрушительный импульс монголов Хулагу вскоре ослабел, но в XV столетии номадизм

Западного Туркестана породил еще один, уже последний, но от этого не менее разрушительный ураган. В этот раз кочевников вел некий Тимур-Хромец, или Тамерлан (1336—1405). По женской линии он происходил от Чингисхана. Сделав своей столицей Самарканд, он распространил свою власть на Золотую Орду (от Туркестана до Южной Руси), Сибирь и на юг до самой Индии. В 1369 г. он стал называть себя Великим ханом. Это уже был даже не кочевник, а настоящий дикарь, его империя выжженной землей протянулась от Северной Индии до Сирии. Архитектурной

достопримечательностью этой империи, более прочих сохранившей для потомков имя Тамерлана, были пирамиды из черепов. После взятия Исфахана он повелел сложить одну такую из семидесяти тысяч черепов.

Тамерлан претендовал на то, чтоб восстановить империю Чингисхана в том виде, в каком она ему представлялась, но эта задача оказалась ему совершенно не по силам. Повсюду, где только мог, он сеял разрушение и смерть. Турки-османы (это было еще до взятия Константинополя и дней их величия), а также Египет платили ему дань. Он опустошил Пенджаб, а жители Дели предпочли добровольно

сдаться ему, что, впрочем, не спасло их от ужасной резни после сдачи города. После его смерти мало осталось свидетельств о его власти, кроме самого имени Тамерлана, с которым связаны ужас, разрушение и опустошенные страны. Персия, которую он сделал центром своей державы, превратилась в обнищавшую и сократившуюся в своих размерах страну.

Династия, основанная Тимуром в Персии, была уничтожена еще одной тюркской ордой сто лет спустя.

В 1505 г. незначительный тюркский вождь Бабур, потомок Тимура, а следовательно, и Чингисхана, был вынужден после нескольких лет непрерывной войны и некоторых недолговечных успехов — какое-то время он удерживал Самарканд — бежать вместе со своими немногочисленными сторонниками через Гиндукуш в Афганистан. Там его отряд увеличился, и он смог завладеть Кабулом. Бабур собрал армию, обзавелся значительным количеством пушек и объявил о своих претензиях на Пенджаб на том основании, что Тимур завоевал его сто семь лет назад.

Успех, однако, ему сопутствовал не только в Пенджабе. Индия находилась в стадии разделения и была готова приветствовать любого способного завоевателя, который мог принести с собой мир и порядок. После колебаний фортуны Бабур встретился с армией делийского султана возле Панипата (1526). Хотя в распоряжении Бабура было всего 25 тысяч человек войска, оснащенного, правда, пушками, против тысячи слонов и в четыре раза превосходящего числа людей султана, он одержал полную победу. Бабур больше не называл себя царем Кабула и принял титул императора Хиндустана. «Это, — отмечал он в

своих записках, — совершенно иной мир, чем наши страны». Этот мир был лучше, значительно плодороднее и несравненно богаче.

Бабур продвинул свои завоевания вплоть до Бенгалии, но его преждевременная смерть в 1530 г. задержала волну монгольских завоеваний на четверть столетия, и лишь с воцарением его внука Акбара они продолжились с новой силой. Акбар покорил всю Индию до самого Берара, а его правнук Аурангзеб был практически хозяином всего полуострова. Эта великая династия — Бабур (1526–1530), Хумаюн (1530–1556), Акбар (1556–1605), Джахангир (1605–1627), Шах-Джахан (1628–

1658) и Аурангзеб (1658–1707), где сын наследовал отцу на протяжении шести поколений, эта династия Моголов (то есть монголов) отмечает наиболее величественную эпоху из всех, которые переживала Индия. Акбар, сравнимый разве что с Ашокой, был одним из величайших индийских правителей и одним из немногих правителей, о котором с полным правом можно говорить, как о великом человеке.

Об Акбаре необходимо рассказать отдельно, уделив ему такое же внимание, как и Шарлеманю или Константину Великому. Акбара вполне можно считать одной из ключевых фигур

мировой истории. Его труды по объединению и налаживанию центрального управления в Индии приносят плоды и по сей день. Британцы, когда они сменили императоров династии Великих Моголов, переняли и продолжили то, чего удалось добиться императору Акбару.

Все другие большие государственные образования потомков Чингисхана в России, по всей Западной и Центральной Азии и в Китае уже давно исчезли и сменились другими формами правления. В действительности правление монголов было не более чем, говоря современным языком,

налоговое управление, системой
собирания дани, которая шла на
содержание «коренной орды»
монгольского правителя, подобно
Золотой Орде в Южной России или
ханских дворов Каракорума или
Пекина. Монголы не касались основ
духовной жизни, не вмешивались в
то, как и чем жили покоренные
народы до тех пор, пока те
продолжали платить. Поэтому и
получилось так, что после столетий
зависимости христианские Киев и
Москва, шиитская Персия и
становившийся все более
националистическим Китай смогли
восстать и сбросить иго монголов.
Но Акбар создал новую Индию. Он

дал правителям индийских княжеств и правящим классам Индии некое представление об общем интересе. Если Индия в настоящее время представляет собой нечто большее, чем лоскутное одеяло разрозненных государств, рас и народов, то наибольшая заслуга в этом принадлежит императору монгольской династии Акбару.

Его отличала открытость ума. Он стремился к тому, чтобы каждый способный человек в Индии, к какому бы народу или религии он ни принадлежал, мог раскрыться в общественной службе на пользу всей Индии. Он был движим инстинктивным желанием

объединять различные интересы, что выдавало в нем подлинного государственного мужа. По его замыслам, его империя не должна была стать мусульманской или монгольской, как и раджпутской, арийской или дравидской, — она должна была быть индийской.

«Сын императора-беглеца, — пишет д-р Эмиль Шмит, — рожденный в пустыне, воспитанный едва ли не в заточении, он с самой молодости был знаком с изнанкой жизни. Судьба подарила ему крепкое сложение, которое он развивал, чтобы выдержать крайности напряженных трудов. Физические упражнения были его страстью; он

находил огромное удовольствие в охоте, и в особенности в ловле диких лошадей и слонов или поединке с тигром. В сражениях он являл собой образец храбрости. Он лично вел свои войска в самые опасные периоды кампании, оставляя своим полководцам более легкую задачу окончания войны. С каждой победой он проявлял человечность к побежденным и решительно противился любой жестокости. Свободный от всех предубеждений, которые разделяют общество и служат почвой для недовольства, терпимый к людям других верований, справедливый к людям других народов, будь то индусы или

дравиды, он определенно был предназначен сплотить враждовавшие элементы его царства в крепкое и процветающее целое.

Со всей серьезностью он взялся за установление мира. Сдержанный во всех удовольствиях, обходившийся самым кратковременным сном и привычный распределять свое время с предельной аккуратностью, он находил удовольствие в том, что посвящал себя наукам и искусствам, после того как исполнены были его державные обязанности. Выдающиеся личности, ученые, которые украшали собой его столицу Фатхпур-Сикри, были его друзьями; каждый четверг по вечерам они

собирались, чтобы предаться интеллектуальной беседе и философским спорам. Его ближайшими друзьями были два необыкновенно одаренных брата: Файзи и Абул Фазл, сыновья ученого вольнодумца. Старший из них был знаменитым ученым, знатоком индийской литературы. С его помощью и под его руководством Акбару перевели на персидский язык наиболее значительные из санскритских трудов. Фазл, особенно близкий Акбару, был полководцем и государственным мужем, и в основном ему царство Акбара было обязано прочностью своего внутреннего устройства». [\[71\]](#)

Как Карл Великий и Тайцзун, Акбар проявлял неподдельный интерес к религии и подолгу беседовал с миссионерами-иезуитами, которые сохранили в своих донесениях содержания этих бесед.

Акбар, как и все люди, великие или ничтожные, жил в ограничениях своего времени и его представлений. Ему, тюрку, правившему в Индии, неведомо было многое из того, чему Европа болезненно училась на протяжении тысячи лет.

Он не знал ничего о росте народного самосознания в Европе и почти ничего или очень немногое — о широких просветительских

возможностях, которые стали возможны на Западе упорными трудами церкви. Для этого понадобилось бы нечто большее, чем эпизодические беседы и споры с христианским миссионером. Ислам, в котором он был воспитан, и его природный гений помогли ему со всей ясностью осознать, что великая нация Индии может быть сцементирована лишь общими представлениями на религиозной основе. Но знание того, как подобная солидарность может быть создана и поддержана повсеместными школами, дешевыми книгами и системой университетов, к которым даже некоторые современные

государства только нащупывают свой путь, было совершенно невозможно для него, как и знание о парходах и самолетах. Та разновидность ислама, которая была знакома ему лучше всего, была ограниченной и нетерпимой верой турок-суннитов. Мусульмане, к тому же, составляли меньшинство населения.

Основополагающий фактор в организации жизнеспособного государства, — и мир начинает постепенно понимать это, — система образования. Этого Акбар так и не смог понять. В его стране также не было того общественного класса, который мог бы подсказать ему такую идею или помочь

претворить ее в жизнь. Учителя-мусульмане в Индии были не столько учителями, сколько консерваторами, ограниченными фанатиками. Им не нужен был общий разум в Индии, лишь общая нетерпимость в пользу ислама. Что же касается брахманов, обладавших монополией на знание в индуистской среде, то наследственные привилегии сделали их кичливыми и безвольными. И все же, несмотря на то, что у Акбара не было единого просветительского плана для Индии, он основал несколько мусульманских и индийских школ.

Памятники эпохи Моголов, художественные и архитектурные,

по-прежнему очень многочисленны, и когда говорят об индийском искусстве вообще, не уточняя, что именно подразумевается, как правило, речь идет об этом великом периоде.

В архитектуре Индия всегда стремилась заимствовать развитые методы чужеземцев и в дальнейшем развивать и усложнять их в собственной стилистике. Каменные строения стали преобладающими только после греческого вторжения, и многочисленные ступы, памятные колонны и прочие сооружения, которые в великом множестве стали появляться при Ашоке, выдают присутствие персидских и греческих

мастеров. Буддийское искусство, которое оставило по себе столь значительные памятники на северо-западе Индии в Гандхаре,^[72] датируемые первым столетием нашей эры, также несут на себе сильный эллинистический отпечаток. Невозможно не обратить внимания на их фасады, украшенные типично коринфскими колоннами.

Только при династии Гуптов, в V и VI столетиях н. э., архитектура и скульптура Индии приобрели неповторимо индийский характер, со своими собственными отличительными чертами и достоинствами. Дравидское влияние с юга ограничило преобладание

вертикальных линий и уравновесило постройки горизонтальной лепкой и пирамидальным расположением этажей построек. Черная Пирамида (храм бога Сурья) Конарака — один из наиболее типичных и прекрасных индуистских храмов домусульманского периода.

С мусульманским завоеванием были привнесены и основные формы сарацинского стиля — минарет, стрельчатая арка; на этой новой основе Индия создала свою неповторимо изящную резьбу, ажурные переплетения окон и ширм. Самый выдающийся образец архитектуры эпохи Великих Моголов — великолепный Тадж-Махал,

мавзоль, построенный для жены Шах-Джахана (1627–1658). Над созданием этого изящного дворца вместе с индийцами трудились также итальянские архитекторы и мастера.

11

Волнения, связанные с позднейшим периодом нестабильности XV в., вершиной которого был Тамерлан, стали причиной своеобразного побочного результата, появления в Европе кочующих таборов странного восточного народа — цыган. Они

появились ближе к концу XIV и началу XV в. в Греции и были, по всеобщему убеждению, египтянами (отсюда английское *gipsy* — цыган); это ставшее повсеместным убеждение они сами принимали и разносили. Их предводители, однако, именовали себя «князьями малоазийскими».

По всей видимости, цыгане переходили в Западной Азии с места на место на протяжении нескольких столетий, пока массовые истребления при Тамерлане не привели их к Геллеспонту. Свою же исконную родину их мог заставить покинуть, как и турок-османов, один из социальных катаклизмов,

связанных с именем Чингисхана, или даже ранее. Несколько столетий они провели в скитаниях, опять же, как и турки-османы, но судьба была к ним не так благосклонна. Они медленно распространялись на запад, в Европу — диковинные осколки номадизма в мире плуга и города; согнанные со своих исконных земель в бактрийских степях или на индийских плоскогорьях, они были вынуждены искать пристанище на пустошах вокруг европейских городов, на диких лугах и проселках. Немцы называли их «венграми» и «татарами», французы — «богемцами».

Цыганам не удалось сохранить

подлинных традиций своей прародины, однако у них остался свой особенный язык, который может свидетельствовать об их утраченной истории. Он содержит множество североиндийских слов и, вероятно, по своему происхождению североиндийский или бактрийский. В их речи также ощутимо значительное армянское и персидское влияние.

Их можно встретить во всех европейских странах — торговцев, барышников, бродячих артистов, гадалек и попрошайек. Тем, кому не чужда романтика, кажется очень привлекательной жизнь цыганского табора — дымящийся костер, шатры,

пасущиеся лошади и шумная возня смуглых цыганят.

Цивилизация так недавно появилась в истории и совсем недавно была настолько ограничена в пространстве, что ей еще предстоит подчинить и приспособить большую часть наших инстинктов для своих нужд. В нас, уставших от условностей и сложностей цивилизации, продолжает биться кочевая жилка. Мы домоседы лишь наполовину. Та кровь, что течет в нас, созревала на степных просторах не менее чем на пашнях.

Среди прочего, что цыгане переняли, странствуя по разным

краям, была и народная музыка тех стран, через которые лежал их путь. Они всегда были увлеченными музыкантами, пусть и не очень оригинальными; повсюду они подхватывали то, что пели и играли в народе, переиначивая все на свой лад. Они воровали мелодии у народов, как временами они воровали у них детей, и те становились цыганами. Они никогда не пользовались нотами, но их собственная традиция была сильна, и цыганская песня дала буйную поросль в музыке Венгрии, Испании и России.

Глава тридцать третья

Возрождение западной цивилизации

(на смену сухопутным путям приходят морские пути)

- 1. Христианство и всеобщее просвещение.**
- 2. Европа начинает мыслить самостоятельно.**
- 3. Великая чума и зарождение коммунизма.**
- 4. Как бумага освободила разум человека.**

**5. Протестантизм
правителей и
протестантизм народов.**

**6. Новое
пробуждение науки.**

**7. Новый рост
европейских городов.**

**8. Литературный
Ренессанс.**

**9. Художественный
Ренессанс.**

**10. Америка входит в
историю.**

**11. Что Макиавелли
думал о мире.**

**12. Швейцарская
республика.**

**13а. Жизнь
императора Карла V.**

**13б. Протестанты,
если угодно князю.**

**13 в. Два течения в
общественной жизни
Европы**

1

Если взглянуть на карту, станет очевидным, что три столетия от начала XIII и до конца XV вв. были эпохой отступления христианского мира. Эти столетия были эпохой монгольских народов. Кочевники, выходцы из Центральной Азии,

господствовали во всем известном мире. В период, на который пришлась вершина их могущества, правители из числа монголов или родственников им тюркских народностей и традиций были в Китае, Индии, Персии, Египте, Северной Африке, Балканских странах, Венгрии и России.

Турки-османы даже вышли в море и сражались с венецианцами на их родных средиземноморских водах. В 1529 г. турки осадили Вену, которую им помешала взять скорее непогода, чем защитники города. Империя Габсбургов при Карле V платила султану дань. И так продолжалось вплоть до 1571 г.,

когда в морской битве при Лепанто, в том сражении, где Сервантес, автор «Дон Кихота», потерял левую руку, христианский мир, говоря его словами, «сокрушил гордыню османов на глазах у целого света, прежде считавшего турецкий флот непобедимым».

Единственным регионом, где христианство наступало, была Испания. Какому-нибудь провидцу, который постарался бы оценить ближайшее будущее мира, глядя из начала XVI столетия, показалось бы, что сменится еще несколько поколений — и мир будет принадлежать монголам и, вероятно, мусульманам. Совсем как в наши

дни, большинство было склонно считать чем-то само собой разумеющимся, что европейскому правлению и некоему подобию либерального христианства предстоит охватить собой весь мир; лишь немногие, видимо, отдают себе отчет, сколь недавним и, вероятно, сколь недолговечным является это европейское господство. Лишь когда близился к завершению XV в., стали отчетливо видны приметы действительной жизнеспособности Западной Европы.

Давайте постараемся объективно и беспристрастно, насколько это возможно для нас, исследовать, каковы же были те

силы, что разделяли и сковывали энергии Европы в период гигантского всплеска активности монгольских народов. Мы должны также объяснить, как шло накопление сил, и духовных, и общественных, на протяжении этого периода кажущегося отката, которые вырвались на свободу после его завершения.

Мы проследили в нашем «Очерке», как постепенно складывались все более крупные «цивилизованные» общины, начиная с дней палеолитического племени-рода. Мы видели, как преимущества и ограничения земледелия, страх перед племенными божествами,

представления о жреце-царе и боге-царе сыграли свою роль в консолидации все более многолюдных и могущественных обществ в регионах с наиболее плодородными землями. Мы проследили, как складывались сложные взаимоотношения между жрецом, обычно соплеменником покоренных, и царем, обычно завоевателем, в этих ранних цивилизациях, как происходило развитие письменной традиции и ее высвобождение из-под контроля жрецов. Мы отметили и появление новых сил, поначалу случайных и вторичных, которые мы называли свободным разумом и свободной

совестью человечества. Мы видели также, как правители первичных цивилизаций речных долин расширяли свои владения и распространяли свою власть на другие племена и одновременно с этим на менее плодородных землях планеты примитивная племенная дикость превращалась во все более сплоченный и политически дееспособный номадизм.

Первичные цивилизации представляли собой, мы можем это утверждать, «общества послушания», они были сцементированы покорностью богу-царю или царю под богом. Номадизм же, напротив, всегда стремился к другому типу

взаимоотношений, который мы здесь называем «обществом воли». В сообществе, жизнь которого наполнена постоянными странствиями и войнами, личность должна быть одновременно уверенной в себе и дисциплинированной. Вожди таких сообществ должны быть лидерами, за которыми следуют, а не хозяевами, которые приказывают.

Подобное общество воли присутствует на протяжении всей истории человечества. Повсюду в поведении кочевников, будь то нордические, семитские или монгольские племена, мы обнаруживаем изначально присущую

склонность быть более волевыми и менее податливыми внешним силам, чем у оседлого населения. Нордические народы пришли в Италию и Грецию вслед за своими предводителями-царями. Они не принесли с собой какого-то своего храмового культа — они застали все это на покоренных землях и, как смогли, приспособили эти культы к своим обычаям. Не прошло много времени, как греки и италийцы с легкостью заново распались на республики, так же поступили и арии в Индии. Традиция избирать своего короля существовала и в ранних франкских и германских королевствах, хотя обычно выбор

делался в пользу члена царской касты или семьи. Были выборными ранние халифы, судьи Израиля и «цари» Карфагена и Тира, то же самое мы можем сказать и о Великом хане монголов, пока Хубилай не стал китайским императором.

С таким же постоянством мы обнаруживаем противоположное представление — о невыборной божественности царей, их врожденном и неотъемлемом праве властвовать.

И эта естественная самоотверженная борьба человечества за примирение цивилизации и свободы век за веком подкреплялась военным и

политическим бессилием каждого «общества послушания», какое когда-либо существовало. Покорность, которую вбили в людей, легко принимает новых хозяев, что на руку все новым и новым завоевателям. Свидетельство того — типичные страны подчинения, «колыбели цивилизации»: Египет, Месопотамия и Индия, их пассивность, когда они переходили из состава одного государства в другое. Цивилизация рабов, словно магнит, всегда притягивает свободных охотников поживиться за чужой счет.

Но, с другой стороны, «обществу воли» необходимо хоть в какой-то своей части оставаться

невосприимчивым к воздействию нового раболепного окружения. История Александра Великого демонстрирует, как общество воли соратников-македонян начало постепенно расслаиваться в ответ на требование воздавать ему божественные почести. Убийство Клита — вполне типичный пример борьбы свободной и рабской традиций, которая никогда не прекращалась, как только новый завоеватель из вольных краев переселялся во дворец древней монархии.

Римская республика показывает нам первое масштабное общество воли в мировой истории, первое

свободное общество, значительно превосходившее размерами город. Мы знаем, как оно слабело по мере роста и тратило свои силы на сомнительные успехи, пока, наконец, ему не пришлось уступить место монархии древнего типа и быстро деградировать до уровня самого слабого рабского общества, которое пало перед горсткой захватчиков-иноземцев. В этой книге мы уже обсуждали некоторые факторы, которые сказались на этой деградации, так как они имеют первостепенное значение для всей истории человечества. Одним из наиболее очевидных факторов было отсутствие любой массовой

организации просвещения, которое воспитывало бы в сознании рядовых граждан представление о служении и долге перед Республикой, ради того, чтобы они проявляли свою волю. Другим фактором было отсутствие какого-либо средства общей информации, призванного гармонизировать действия граждан, дать им возможность проявлять свою волю как целое. Общество воли ограничено в масштабе теми рамками, которые установлены для возможностей развития общества знания. Сосредоточение богатства в руках немногих и замена свободных трудящихся рабами стали возможны из-за упадка духа общественности и

дезориентации общественного сознания, которые были следствием этих ограничивающих рамок.

Более того, за Римским государством не стояло никакой действенной религиозной идеи. Римский официальный культ, заимствованный у смуглокожего этруска, искавшего ответы в печени жертвенного животного, был столь же мало приспособлен к политическим нуждам многомиллионного общества, как и похожий на него шаманизм монголов. И христианству, и исламу, каждому своим отличительным способом, пришлось восполнить этот очевидный недостаток, присущий

как римской республиканской системе, так и номадизму, — дать всеобъемлющее нравственное образование народным массам, сформировать для них общую историю прошлого и идею общечеловеческого дела и предназначения: в этом заключается их огромная историческая важность.

Платон и Аристотель, как мы уже отмечали, положили идеальному обществу предел в несколько тысяч граждан, поскольку они не могли представить, как объединить общей идеей более значительное множество. Им недоставало для этого опыта образовательной системы, превосходившей устные

наставнические методы их времени. Греческое образование почти исключительно основывалось на передаче знаний «от учителя к ученику», оно могло распространиться, следовательно, только на ограниченный круг аристократии. Но христианская церковь и ислам продемонстрировали ущербность этих ограничений. По нашему мнению, они выполняли свою задачу при тех широких возможностях, которые перед ними открывались, плохо и грубыми методами, но для нас в данном случае важно, что они все-таки делали это, несмотря ни на что. Они вели пропаганду своих идей

и своего духа почти общемирового масштаба. Успешной также оказалась их ставка на силу письменного слова, которое соединило огромные множества самых разных людей в общих предприятиях.

В XI в., как мы уже видели, представление о сообществе христианских стран объединило новые государства — прежде несовместимые осколки Западной Римской империи и Европу далеко за ее пределами. Она создала неглубокое, но действенное общество воли на небывалом прежде пространстве и из беспрецедентного до той поры множества человеческих жизней. На тот момент иудеи уже

поддерживали целостность своей общины систематическим образованием, по меньшей мере с начала христианской эры. И лишь еще одно подобное начинание смогло затронуть обширную часть человечества — идея общества достойного поведения, которую образованный класс распространял в Китае.

Католическая церковь смогла дать обществу то, чего недоставало Римской республике, — систему учителей, непосредственно работавших с народом, университеты, возможность и средства доносить свое учение до самого широкого круга людей. Этими

достижениями церковь открыла
дорогу новым возможностям
общечеловеческого правления,
которые все отчетливее будут
проявляться в нашем «Очерке» и
которые мир, в котором мы живем,
все еще продолжает разрабатывать.
До этого управление государствами
было либо авторитарным, оставаясь
уделом неизменной и не подвластной
критике смеси жреца и царя, или же
это была демократия,
необразованная и неосведомленная,
деградировавшая с каждым новым
значительным территориальным
приращением, как это было в Риме и
Афинах, в правление толпы и
политикана. Но в XIII в. начали

проглядывать первые признаки современного идеала правительства, которому еще предстоит воплотиться в жизнь, — идеала всемирного образовательного правительства, в котором простой человек является не рабом абсолютного монарха или правителей-демагогов, но информированным, воодушевленным, обладающим голосом членом общества. Упор здесь следует делать на просвещение в мировом масштабе и на то, что информирование должно предшествовать подаче голоса.

Именно в практическом осознании идеи, что образование — это коллективная функция, а не

индивидуальное дело, и заключается различие по существу между «современным государством» и его предшественниками. Современный гражданин — люди начинают понимать это — должен быть информирован, прежде чем будут спрашивать его мнение. Прежде чем мы проголосуем, мы должны выслушать позиции, прежде чем решать, нам следует знать. Начинать надо не с открытия избирательных участков, а с открытия школ, нужно сделать массовыми и общедоступными литературу, знания и средства информации: так откроется путь от рабства и смятения к государству добровольного

сотрудничества, которое является идеалом современности. Голоса сами по себе не стоят ничего. Люди могли голосовать в Италии во времена Гракхов, но их голоса не помогли им. Для невежественного человека обладать правом голоса — бесполезная и опасная вещь. Идеальное общество, к которому мы движемся, — это не просто общество воли, это общество воли и знания, заменившее собой общество веры и послушания. Образование — посредник в объединении кочевого духа свободы и уверенности в себе с коллективным трудом, материальным достатком и безопасностью цивилизации.

Хоть католическая церковь своей пропагандой, своим обращением к народным массам через школы и университеты и открыла перспективы для современного образовательного государства в Европе — понятно, что католическая церковь никогда не намеревалась делать что-либо подобное. Она не открыла знания миру со своим благословением, она выпустила их на свободу по недосмотру. Римская церковь полагала себя наследницей не Римской республики, но римского императора. Ее образовательной концепцией было не освобождение знания, не приглашение принять

участие в его поиске, но подчинение разума. Два великих просветителя средневековья были вовсе не служители церкви, это были монархи и люди государственного склада ума — Карл Великий и английский король Альфред, которые воспользовались церковной организацией для своих властных нужд. Но именно церковь обладала такой организацией. Церковь и самодержец в своем соперничестве за власть стремились склонить каждый на свою сторону помыслы простого человека. В ответ на эти противоборствующие призывы и появился простой человек современного типа, независимый и

не связанный ни с каким официозом, со своим собственным мнением.

Уже в XIII в., как мы видели, Папа Григорий IX и император Фридрих II оказались вовлечены в беспощадный публичный обмен ударами. В то время уже было ощущение, что должен прийти в мир новый судья — выше, чем Папа или монархия, уже были читатели и общественное мнение. Авиньонское пленение Пап в XIV в. значительно стимулировало свободное суждение о власти имущих по всей Европе.

Поначалу критика в адрес церкви непосредственно касалась вещей нравственных и материальных. Богатство и роскошь высшего

духовенства и непомерные поборы, введенные папством, были главным поводом для недовольства. И самые первые попытки вернуться к христианской простоте, например, основание францисканского ордена, были не раскольническими движениями, но движениями в духе возрождения. Позднее сложился более глубокий и разрушительный критицизм, который повел наступление на центральный пункт учения церкви и оправдание значимости священства, а именно — на таинство мессы.

Столкновение между древними и новейшими элементами христианства, несомненно, только

усилилось с предписанием целибата Папой Григорием VII католическому духовенству в XI столетии. Восток знал религиозные обеты воздержания не одну тысячу лет; на Западе на них смотрели с подозрением и скепсисом.

В это время, в XIII и XIV вв., когда нордические народы начали приобретать знания, читать, писать и стремиться к самовыражению, после стимулирующего соприкосновения с достижениями арабов — мы обнаруживаем, что начинается куда более содержательная критика католицизма. Это была подлинная интеллектуальная атака на священнослужителя и на ритуал

мессы как центральный момент религиозной жизни, сочетавшаяся с требованием вернуться непосредственно к словам Иисуса, отображенным в Евангелиях.

Мы уже не раз упоминали англичанина Уиклифа, который перевел Библию на английский язык, чтобы установить контравторитет римскому Папе. Он отверг доктрину церкви о мессе как губительную ошибку, и в частности учение об освященном хлебе, съедаемом во время этого обряда, который непостижимым образом становится подлинным телом Христа. Мы не станем развивать здесь вопрос пресуществления, как называется это

мистическая трансформация элементов в причастии, — это тема для ученого-богослова, специалиста в этом вопросе. Но совершенно очевидно, что любая доктрина, подобная католической, делающая освящение элементов в причастии таинственным процессом, выполняемым священником и только священником, при том, что причастие является центральной потребностью религиозной системы, — будет изо всех сил увеличивать и подчеркивать значение священнослужителей.

Ей противостояла точка зрения типично «протестантская»: что причастие представляет собой

просто съедание хлеба и питье вина в знак личного воспоминания об Иисусе из Назарета, что полностью устраняло потребность в рукоположенном священнике.

Сам Уиклиф не дошел до этой крайности. Он был священником и оставался священником до конца жизни. Он придерживался мнения, что Бог духовно, если не субстанционально, присутствует в освященном хлебе, но его учение породило вопросы, которые повели людей значительно дальше его позиций. С точки зрения историка, борьба Рима с Уиклифом очень быстро стала началом того, что можно назвать борьбой между

рациональной, или правовой, религией, которая обращается к свободному разуму и свободной совести человечества, и авторитарной, традиционной, церемониальной, священнической религией. Крайние тенденции в этой непростой борьбе стремились полностью лишить христианство, подобно исламу, всех возможных атрибутов архаического жречества, использовать в качестве авторитета только Библию и очистить от напластований, насколько это возможно, изначальное учение Иисуса. В большинстве этих разногласий христиане и в наши дни не достигли единой позиции.

Нигде сомнения Уиклифа не оказали такого влияния, как в Богемии. Около 1396 г. ученый чех Ян Гус прочитал в Пражском университете несколько лекций, основанных на идеях великого учителя из Оксфорда. Гус стал ректором Пражского университета, но его учение дало повод церкви для отлучения (1412).

Это было во время «Великого раскола», непосредственно перед Собором в Констанце (1414–1418), который созвали, чтобы обсудить постыдный беспорядок, царивший в церкви. Мы уже рассказывали, как расколу был положен конец с избранием Папы Мартина V. Этот

собор стремился полностью
восстановить единство западного
христианства. Но методы, которые
избрали для воссоединения, могут
лишь неприятно поразить
современного человека. Собор
постановил сжечь кости Уиклифа.
Гуса обманом удалось вызвать в
Констанц, пообещав полную
неприкосновенность, где его
подвергли суду по обвинению в
ереси. Ему приказали отречься от
некоторых из его взглядов. Он
ответил, что не сможет отречься,
пока не будет убежден в их
ошибочности. Тогда ему объяснили,
что его обязанность — отречься, раз
того требуют те, кто старше его по

сану, и обоснованность его убеждений тут ни при чем. Гус не согласился с этим. Несмотря на неприкосновенность, обещанную императором, его сожгли заживо (1415), и Ян Гус стал мучеником не столько за свое учение, сколько за весь свободный разум и совесть человечества.

Суд над Яном Гусом яснее ясного выявил суть противоречий между священником и антисвященником — черную ненависть, которую питало духовенство к свободомыслию. Сподвижник Гуса, Иероним Пражский, был сожжен в следующем году.

Ответом на этот вызов церкви стало восстание гуситов в Богемии (1419), первое в серии религиозных войн, которыми отмечен переломный период западного христианства. В 1420 г. Папа Мартин V издал буллу, призывавшую к крестовому походу, «дабы сокрушить виклифитов, гуситов и прочих еретиков в Богемии». Привлеченные этим приглашением, бродяги Европы — оставшиеся без найма солдаты удачи, всякое отребье разного пошиба, объединились против отважной страны. Но в Богемии они встретили куда больше испытаний и меньше наживы, чем ожидали эти крестоносцы. Предводителем

восставших был выдающийся полководец Ян Жижка (1360–1424). Гуситы вели свои внутренние дела с невиданным до той поры демократизмом, и вся страна горела желанием поквитаться за смерть Яна Гуса. Крестоносцы подступили к Праге, но не смогли взять ее, затем последовало еще несколько поражений, которые закончились тем, что крестоносцам пришлось отступить из Богемии. Следующий крестовый поход (1421) оказался не более успешным. Затем провалились еще два. Затем, к несчастью для гуситов, у них появились внутренние разногласия. Воспользовавшись этим, ободренные крестоносцы,

собравшиеся под знамена пятого похода (1431), пересекли границу под предводительством маркграфа Бранденбургского Фридриха.

Армия этих крестоносцев насчитывала самое меньшее 90 тысяч пехоты и 40 тысяч всадников. Напав на Богемию с запада, они первым делом обложили город Тахов. Однако, потерпев неудачу под стенами укрепленного города, они обрушились на городок Мост. Там, как и в окружающих деревнях, они устроили немыслимую в своей жестокости расправу над местными жителями, большая часть которых была абсолютно невиновна по отношению к любой теологии.

Крестоносцы, двигаясь медленным маршем, проникали все далее в глубь Богемии, пока не достигли окрестностей города Домажлице. «Было три часа пополудни 14 августа 1431 года, когда крестоносцы, ставшие лагерем на равнине возле Домажлице, получили известие, что приближаются гуситы, ведомые Прокопом Великим. Хотя богемцев отделяли от них четыре мили, уже слышны были грохот боевых возов и песня «Все мы воины Христовы», которую пело их войско». Воинственный настрой крестоносцев стал улетучиваться с поразительной быстротой. Лютцов

описывает, как папский представитель и герцог Саксонский поднялись на холм, откуда удобнее было наблюдать за полем боя. Но они обнаружили, что лагерь немцев был в полном замешательстве и ни о каком бое речь уже не идет. Всадники на полном скаку уносились во всех направлениях, и громыхание пустых фургонов почти заглушило звуки песни гуситов. Крестоносцы бросили даже награбленное. Подоспел и посланник от маркграфа Бранденбургского — тот настоятельно советовал бежать, удержать войска не было никакой возможности. Теперь они представляли опасность даже для

своих, и папскому представителю довелось провести неприятную ночь, прячась от них в лесу... Так окончился крестовый поход против Богемии.

В 1434 г. гражданская война вспыхнула уже между гуситами, и в ней крайнее и наиболее героическое крыло потерпело поражение. В 1436 г. наспех было заключено соглашение между Базельским собором и умеренными гуситами, по которому Богемской церкви было позволено ввести определенные отличия от общей католической обрядности, которые сохранялись до самого времени немецкой Реформации XVI в.

Раскол среди гуситов был вызван уклоном наиболее крайней его части в сторону примитивного коммунизма, что встревожило богатую и влиятельную чешскую знать. Сходные тенденции проявились и в среде английских уиклифитов. Для них вполне естественным было следовать учению о равенстве и братстве всех людей, которое непременно появляется, как только делается попытка вернуться к основам христианства.

Развитие этих идей еще больше подтолкнуло ужасное бедствие, которое распространилось по свету, обнажив сами основания

общества, — эпидемия чумы невиданной прежде силы. Ее называли Черной смертью, и она более всех других зол едва не привела к полному исчезновению человеческого рода. Она унесла несравненно больше жизней, чем чума эпох Перикла или Марка Аврелия, или волны чумы времени Юстиниана и Григория Великого, что расчистило путь лангобардам в Италию. Она зародилась где-то в южной России или Центральной Азии и через Крым на генуэзском корабле была завезена в Геную и Западную Европу. Чума проникла через Армению в Малую Азию, Египет и Северную Африку. Англии

она достигла в 1348 г. Две трети студентов в Оксфорде умерли. Как принято считать, от двух третей до половины населения Англии вымерло в это время. Не меньшее число смертей было и в остальной Европе. Эпидемия унесла около двадцати миллионов жизней.

На Востоке чума не обошла стороной Китай, где умерло, как мы узнаем из китайских хроник, тринадцать миллионов человек. Эта чума достигла Китая, вероятно, через тридцать-сорок лет после того, как она была впервые отмечена в Европе. Переносчиками чумы, смертельно опасного для человека заболевания, являются табарганы и другие мелкие

грызуны, обитающие в прикаспийских степях. В Китае общественный разлад привел к тому, что без присмотра оказались насыпи по берегам рек и как следствие огромные наводнения стали опустошать густонаселенные земледельческие районы.

Никогда прежде человечество не получало такого ясного предупреждения прекратить вражду и искать знания, объединившись против темных сил природы. Все зверства Хулагу и Тамерлана были ничто в сравнении с Черной смертью.

Именно это бедствие дало толчок крестьянским войнам XIV в.

С эпидемией чумы значительно сократилось число работников и количество товаров. Богатые аббатства и монастыри, владевшие огромными земельными угодьями, знать и состоятельные купцы, понятия не имевшие о законах экономики, не понимали, что безрассудно выжимать все соки из труженика в это время всеобщих трудностей. У них на глазах шли прахом их богатства, зарастали травой их поля, а в ответ они принимали жесточайшие законы, чтобы принудить людей к работе, нисколько при этом не повышая оплату, и не дать им уйти в поисках лучших заработков. Вполне

естественно реакцией на это стал новый бунт против системы общественного неравенства, которая до того времени оставалась неоспоримой как созданный Богом порядок вещей.

Плач бедняка вылился в грозные слова «безумного священника из Кента», как называет его аристократичный Фруассар.^[73] Этим «безумцем» был проповедник Джон Болл, который впервые на всю Англию заявил о равенстве от природы всех людей и о правах человека. Двадцать лет (1360–1381) он находил слушателей для своих проповедей, невзирая на отлучение и тюрьмы, среди крепких йоменов,^[74]

которые собирались на церковных погостах по всему Кенту.

«Люди добрые, — обращался проповедник к своим слушателям, — не будет спокойной жизни в Англии до тех пор, пока все имущество не станет общим и пока будут простолюдины и знать. По какому праву те, кого мы зовем господами, считаются благороднее, чем мы? Какими трудами стяжали они это право? Почему же они держат нас в ярме? Если у всех у нас одни отец и мать, Адам и Ева, как они скажут и чем докажут, что они лучше нас, — не тем ли, что мы в поте липа добываем для них, а они тратят в своей гордыне? Они одеты в бархат,

кутаются в меха и в горностаи, а мы прикрываем наготу лохмотьями. У них на столе вино, кушанья и белый хлеб, а нам — овсяная лепешка пополам с отрубями и вода, чтобы напиться. У них праздность и красивые дома, нам — муки и тяжкий труд, в зной и в непогоду. А ведь нами и нашим трудом эти люди пополняют свой достаток». Фатальным для всей средневековой системы духом дышал народный стишок, выражавший суть уравнилельного учения Джона Болла: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто дворянином был тогда?»

Крестьянское восстание в Англии было подавлено после того,

как Уота Тайлера, предводителя восставших, предательски убил мэр Лондона во время их переговоров с молодым королем Ричардом III (1381).

«Коммунистическая» сторона гуситского движения была частью той же системы народного неповиновения. Несколько ранее восстания крестьян в Англии произошла французская Жакерия (1358) — восставшие французские крестьяне жгли замки и опустошали окрестности. Спустя столетие такие же волнения охватили Германию, вылившись в несколько кровопролитных Крестьянских войн. Они начались ближе к концу XV в. В

случае Германии экономические и религиозные причины этих народных волнений сплелись еще более явно, чем в Англии.

Одним из наиболее заметных этапов общественных беспорядков в Германии было восстание анабаптистов. В Виттенберге в 1521 г. объявилась секта анабаптистов. Возглавляли ее три «пророка», и в 1525 г. приверженцы этой секты взбунтовались. Между 1525 и 1532 гг. бунтари удерживали в своей власти город Мюнстер в Вестфалии, где постарались в полной мере осуществить свои религиозно-коммунистические идеи. Восставших осадил епископ

Мюнстерский, и тяготы осадного положения привели к тому, что настоящее безумие овладело городом. Были, как говорят, случаи людоедства, а вождь анабаптистов Иоанн Лейденский (1509–1536), прибрав к рукам власть в городе, объявил себя наследником царя Давида и по примеру этого царя стал многоженцем. После сдачи города епископ-победитель отдал приказ подвергнуть предводителей анабаптистов самым ужасным пыткам, а затем казнить на рыночной площади. Их изуродованные тела вывесили в клетях на церковной колокольне, чтобы весь мир увидел, что в Мюнстер снова вернулись

закон и порядок...

Восстания трудящихся низов западноевропейских стран в XIV и XV в. оказались более серьезными и влиятельными, чем какие-либо из народных волнений, прежде отмеченных в истории. Ближайшими по времени к ним были некоторые исламские «коммунистические» движения в Персии. В Нормандии около 1000 г. было крестьянское восстание, и было движение багаудов в поздней Римской империи, но все они не сравнимы по своим масштабам с этим новым общественным подъемом. Эти восстания показали, что в обществе появился новый настрой, совершенно

отличный от безразличия и апатии крестьян и земледельцев в первоначальных регионах цивилизации или от анархистской безнадежности крепостных и рабов — работников римских капиталистов.

Развитие свободной дискуссии в этот век духовного брожения получило новый мощный импульс с появлением книгопечатания. Сам способ печатания, долгое время остававшийся не востребованным, получил новую жизнь благодаря знакомству с бумагой, которая была заимствована с Востока. По-прежнему непросто решить, кому принадлежит первенство в

применении такого нехитрого приема, как печатание, чтобы копировать и множить книги. Этот вопрос не стоит того, чтобы по его поводу ломались копья. Предположительно, первой была все-таки Голландия. В Харлеме некто Костер печатал с наборного шрифта в период до 1440 г. Примерно в то же время в Майнце печатал книги и Гутенберг. К 1465 г. печатные станки появились в Италии, а в 1477 г. Кэкстон^[75] поставил свой станок в Вестминстере. Первая венгерская печатная книга датируется 1473 г. Но задолго до этого времени в ходу было частичное использование печатных букв. Заглавные буквы некоторых

манускриптов XIII в. уже совершенно определенно являются оттисками с деревянных печатей.

Намного важнее то, где впервые начали делать бумагу. Едва ли будет преувеличением сказать, что именно благодаря бумаге стало возможным Возрождение Европы. Первыми бумагу научились делать в Китае, где ее использовали примерно со II в. до н. э. В 751 г. китайцы напали на мусульман-арабов в Самарканде; китайцев удалось прогнать, а среди пленных оказались несколько искусных мастеров — изготовителей бумаги, которые и научили этому арабов. Сохранились арабские манускрипты на бумаге, начиная с IX

В.

В Европу производство бумаги пришло либо через Грецию, либо как результат захвата бумажных мастерских, принадлежавших маврам, во время Реконкисты, когда христиане отвоевывали Испанию. Однако в руках испанцев это умение постепенно вырождалось и едва не сошло на нет. Хорошую бумагу в Европе стали делать только к концу XIII в., и первенство здесь уже принадлежало Италии. Только к XIV в. с производством бумаги познакомились в Германии, и лишь к концу этого века бумага стала достаточно дешевой, чтобы печатание книг могло приносить

прибыль. Тут естественно и неизбежно подоспело книгопечатание, и с ним интеллектуальная жизнь мира вступила в новую и куда более энергичную фазу. Из ручейка, который тек от сердца к сердцу, она стала полноводным потоком, объединившим в себе тысячи, а затем многие сотни тысяч свободных сердец.

Прямым результатом этого нововведения, книгопечатания, стало появление множества экземпляров Библии. Еще одним результатом было удешевление учебников. Быстро стала распространяться грамотность. Книг не только стало больше — их

печатали таким образом, чтобы легче было их читать и соответственно понимать. Вместо того чтобы разбирать порой сложный почерк написанного текста, а затем вникать в его смысл, читатель теперь мог сразу читать и обдумывать прочитанное. По мере того как чтение становилось все легче, росла и читающая публика. Книга перестала быть тайной за семью печатями или игрушкой в дорогой оправе. Книги стали писать для того, чтобы их могли читать обычные люди.

С XIV в. начинается подлинная история европейской литературы. Мы видим, что местные диалекты

стали быстро сменяться
общеупотребительными
итальянским, английским,
французским, испанским языками и
несколько позже — немецким
языком. Эти языки стали
литературными языками многих
стран; с ними стали работать,
шлифовать в непрерывном
использовании, в них открыли силу и
точность. Им, в конечном итоге,
стало вполне по силам выносить груз
философской дискуссии, как
греческому языку и латыни.

Этот раздел мы посвятим
некоторым общим моментам
развития религиозных
представлений XV и XIV в. —

необходимому вступлению к политической истории XVII и XVIII в., о чем вскоре пойдет речь.

Нам нужно четко различать две полностью отличные системы оппозиции католической церкви, которые на первый взгляд не так просто отделить одну от другой. Церковь теряла свое положение в глазах правителей, в глазах людей богатых и влиятельных. Ей также все меньше верили и все меньше доверяли простые люди. Падение духовной силы католичества вызвало вполне однозначный ответ у правящего и имущего класса: он стал с негодованием сопротивляться вмешательству церкви в свою

политику, ее претензиям на верховенство над светской властью, праву собирать налоги и освобождать от вассальной присяги. Светская власть перестала уважать церковную власть и ее собственность.

Эта непокорность правителей и королей существовала на протяжении всего средневековья, но только в XVI в., когда церковь открыто встала на сторону своего давнего антагониста — императора, когда она предложила ему поддержку и сама приняла его помощь в кампании против ереси, — только тогда короли и князья всерьез задумались над тем, чтобы отделиться от церковного сношения с

Римом и дать самостоятельный статус отколовшимся от католичества национальным церквам. Они никогда не пошли бы на это, если бы не были уверены, что влияние церкви на народные массы ослабело.

Мятеж светских правителей в своей основе являлся нерелигиозным мятежом против всеобъемлющего правления церкви. Его предвосхитил император Фридрих II посланиями к собратьям-королям. Мятеж народа против церкви, напротив, носил в своей основе религиозный характер. Простые люди отказывались принять не силу, но слабость церкви. Им нужна была неустрашимая в своей

праведности церковь, которая оказала бы им поддержку и сплотила их против несправедливости сильных мира сего. Народные движения против церкви были направлены не на избавление от церковного контроля, но за более полный и всеобъемлющий церковный контроль — но контроль именно религиозный, духовный и никакой более. Простые люди отвергали Папу не потому, что он был религиозным главой мира, но потому, что он им не был, потому что римский Папа был богатым светским государем, когда ему следовало быть их духовным лидером.

Противоборство в Европе,

начиная с XIV в., имело три составляющие. Правители хотели использовать народные силы против Папы и при этом не дать этим силам стать слишком могущественными в ущерб своему собственному могуществу и славе. Долгое время церковь стучалась в двери то к одному государю, то к другому в поисках союзника, не понимая, что потерянный союзник, который был ей так нужен, — это уважение народа.

Этот тройной аспект в духовных и нравственных конфликтах, которые происходили в XIV, XV и XVI вв., привел к тому, что последовавшие перемены, те перемены, которые

принято называть Реформацией, также имели три стороны. Была Реформация с позиции королей, которые стремились остановить поток денег в Рим и захватить духовную и образовательную власть и имущество церкви в своих владениях. Была Реформация с позиции народа, который стремился сделать христианство силой в борьбе с несправедливостью и в особенности с несправедливостью богатых и знатных. И, наконец, была Реформация в самой церкви, предтечей которой был св. Франциск Ассизский, стремившийся возродить праведность церкви и с этой праведностью — ее силу.

Реформация королевская приняла форму замещения Папы королем. Теперь король сам мог стать во главе религиозной организации и наблюдать за духовной жизнью своих подданных. У королей не было ни намерения, ни желания содействовать освобождению частного мнения своих подданных в вопросах религии, особенно когда перед их глазами были наглядные примеры гуситов и анабаптистов. Они стремились установить зависимые от престола национальные церкви. После того как Англия, Шотландия, Швеция, Норвегия, Дания, Северная Германия и Богемия отпали от католичества,

их короли, князья и правящая верхушка постарались направить недовольство масс в нужное им русло. Они позволяли ровно столько реформации, сколько нужно было, чтобы порвать с Римом. Всему же, что выходило за эти пределы, любому опасному прорыву к изначальному учению Иисуса или прямой интерпретации Библии, они противились. Один из наиболее типичных и успешных результатов такого компромисса — англиканская церковь. Она по-прежнему отправляет церковные таинства и сохраняет освященное духовенство, но во главе ее структуры находится королевская особа. Несмотря на то

что различные мнения могут свободно высказываться на нижнем, наименее преуспевающем уровне ее духовенства, эти мнения никогда не станут влиятельными и авторитетными.

Реформация народная существенно отличалась от Реформации на королевский и княжеский манер. Мы уже говорили о том, каковы были некоторые результаты реформационного движения в Богемии и Германии. Духовный подъем, затронувший самые широкие массы народа, в отличие от Реформации королей, был более искренним, более прочным и не всегда организованным и

успешным. Очень немногим религиозно настроенным людям хватало решимости признать, что они отделились от всякого рода авторитарных учений и теперь полагаются только на свои разум и совесть. Для этого необходима была редкая сила духа. Простой человек в Европе этого периода стремился опереться на свое новое приобретение — Библию — как контравторитет по отношению к церкви.

Так обстояло дело с признанным лидером немецкого протестантизма — Мартином Лютером (1483–1546). По всей Германии и по всей Западной Европе люди корпели над

строчками недавно переведенных и отпечатанных Библий, постигая смысл Левита, Песни Песней, Откровения св. Иоанна Богослова — таких необычных и трудных для понимания книг — и, конечно же, простых и вдохновляющих слов Иисуса из Назарета. Естественно, что это чтение приводило к необычным взглядам и причудливым истолкованиям. Удивительно, что они не оказались еще необычнее и причудливее. Но человеческий разум настойчив и избирателен. Большинство тех, кто принялся за изучение Библии, отбирали из Библии то, что принимала их совесть, и опускали ее загадки и

противоречия.

Везде в Европе, где основывались новые протестантские церкви королей, оставался незадействованный и очень активный остаток протестантов, которые противились тому, чтобы за них решали, как будет выглядеть их религия. Это были нонконформисты — самые разнообразные секты, которые объединяла разве что решимость сопротивляться авторитарной религии, будь то религия Папы или государства. В Германии нонконформизм был преимущественно подавлен князьями; в Великобритании он сохранил и силу, и многообразие

своих убеждений. Многие различия в поведении немецкого и британского народов, как видится, восходят к относительному подавлению свободомыслия в Германии.

Скажем теперь несколько слов о третьей стороне Реформации, Реформации в самой церкви. Эти процессы начались уже в XII и XIII вв., с появлением «черных» и «серых» братьев. В XVI в. — тогда, когда потребность в нем была сильнее всего, — появился новый импульс того же рода. Это было основание «Общества Иисуса» Иньиго Лопесом де Рекальде, более известным теперь как святой Игнатий Лойола (1491–1556).

В начале своего пути Игнатий, неистовый молодой испанец, питал страсть к дерзким выходкам и стремление производить впечатление на окружающих. Он был умен и находчив и успел прославиться своими неумными любовными похождениями. В 1521 г. французы отобрали у Карла V город Памплону в Испании. Среди защитников города был и Игнатий. Ему ранило ноги пушечным ядром, и так он попал в плен. Одна нога неправильно срослась, ее пришлось снова ломать, и эта сложная и болезненная операция едва не стоила молодому испанцу жизни. Игнатий получил последнее причастие, но в ту же ночь

ему стало лучше, и он пошел на поправку. Однако ему предстояло смириться с жизнью, в которой он, вероятно, навсегда останется калекой.

Приключение с религиозной подоплекой все больше овладевало его помыслами. Он представлял себе некую знатную даму — как он, несмотря на свое увечье, добивается ее благосклонности удивительным поступком. Иногда он мечтал о том, как он неким небывалым способом становится Рыцарем Христа. Предаваясь этим фантазиям. Игнатий проводил ночи без сна, и в одну из таких ночей, по его собственным словам, перед ним предстала новая

знатная дама. В видении ему явилась непорочная Дева Мария с младенцем Христом на руках. «В ту же минуту им овладело отвращение ко всем прежним греховным поступкам, которые он совершал в своей жизни». Он принял решение оставить все помыслы о земных женщинах и вести жизнь, полную чистоты и преданности Матери Божьей.

То, как он принял этот обет, выдает в нем соотечественника Дон Кихота. Игнатий покинул лазарет и бесцельно скитался по свету — без гроша в кармане, калека-солдат, у которого остались только руки и мул, на котором он ехал. Попутчиком его оказался один мавр. Они ехали

вместе и разговаривали, и постепенно речь зашла о религии. Мавр оказался образованным, не лез за словом в карман, наговорил оскорбительных слов о Деве Марии, на которые Игнатий не нашелся что ответить, и, довольный собой, покинул Игнатия. Юный Рыцарь Непорочной Девы горел от стыда и негодования. Он не знал, как ему поступить — догнать мавра и убить его или же продолжать паломничество, которое он задумал. На развилке дорог он доверил выбор своему мулу; тот повез его прочь от мавра.

Добравшись до бенедиктинского аббатства возле Манресы, он

последовал примеру бесподобного героя средневекового рыцарского романа Амадису Галльскому, оставшись во всенощном бдении перед алтарем Непорочной Девы. Потом он подарил своего мула аббатству, отдал свое мирское платье нищему, оставил шпагу и кинжал на алтаре и переоделся во власяницу и пеньковые сандалии. Затем он направился в ближайший странноприимный дом, где предался самобичеванию и крайностям аскезы. Неделю Игнатий постился, отказавшись от всякой еды. Затем он отправился в паломничество в Святую Землю.

Несколько лет он провел в

странствиях, поглощенный мыслями основать некий новый орден религиозного рыцарства, однако не представлял, с чего начать осуществление этого замысла. Ему все более очевидной становилась его собственная неграмотность. Инквизиция, которая начала проявлять интерес к его необычному поведению, запретила ему любые попытки учить других, пока он сам не посвятит учебе по меньшей мере четыре года. Инквизиция породила столько жестокости и нетерпимости, что приятно отметить: с этим импульсивным и склонным к фанатизму молодым энтузиастом она обошлась снисходительно и разумно.

Она смогла разглядеть за его порывами возможную пользу; она увидела и опасности его невежества.

Игнатий учился, среди прочего, в Саламанке и Париже. Его рукоположили в священники в 1538 г., а годом позднее воплотилась в жизнь его давняя мечта об Ордене, который получил при основании название «Общество Иисуса». Как и Армия Спасения в современной Англии, этот орден самым непосредственным образом перенес богатые армейские традиции организации и дисциплины в практику религии.

Игнатию Лойоле, основателю ордена иезуитов, было сорок семь;

это был уже другой человек, мудрее и сильнее того юнца, который копировал Амадиса Галльского и проводил бессонные ночи в аббатстве в Манресе. Миссионерская и образовательная организация, которую он создал и поставил на службу Папе, была одним из наиболее мощных орудий, которые когда-либо оказывались в распоряжении церкви.

Иезуиты добровольно и целиком отдавали себя в распоряжение церкви. Именно орден иезуитов принес христианство в Китай после падения династии Мин; большинство миссионеров в Индии и Северной Америке также были иезуитами. Их

миссионерской работы с индейцами в Южной Америке мы еще коснемся. Но главным достижением иезуитов было повышение уровня католического образования. Их школы долгое время оставались наилучшими во всем христианском мире. Они сделали католическую Европу более грамотной, более уверенной в своей аргументации, заставив протестантскую Европу также приложить образовательные усилия.

Возможно, когда-нибудь мы увидим новый орден иезуитов, призванный на служение не Папе, а всему человечеству.

Одновременно с этими

возросшими образовательными
усилиями деятельность церкви также
значительно улучшилась через
прояснение ее доктрины и
реформирование организации,
которые были проведены
Тридентским собором. Этот собор
созывался с 1545 по 1563 гг. и его
работа была не менее важна, чем
усилия иезуитов в прекращении
беззакония и грубых ошибок,
которые заставляли европейские
государства одно за другим отпадать
от церковных сношений с Римом.
Перемены, которые Реформация
пробудила внутри римско-
католической церкви, столь же
велики, как и перемены,

осуществленные протестантскими церквями, которые отделились от матери-церкви.

Больше мы не слышим ни о громких скандалах, ни о расколах. С другой стороны, сильнее всего это сказалось на сужении католической доктрины. Говоря о дальнейшей судьбе католичества, поневоле приходится перейти на размеренный шаг. Периоды творческой энергии, связанные с именем Григория Великого или такими Папами, как Григорий VII и Урбан II, больше не оживляют наше дальнейшее повествование. Церковь пришла к тому состоянию, в котором она находится и в наши дни: религиозная

организация среди других религиозных организаций. Скипетр выпал из рук Рима.

Читателю не следует полагать, что уничтожающая критика католической церкви, печатание и изучение Библии были единственными или даже наиболее важными среди интеллектуальных и духовных поисков XIV и XV вв. Это был всенародный и наиболее заметный аспект интеллектуального возрождения, которым отмечено то время. На фоне широкого участия в общественных процессах народных масс развивались другие, не производившие немедленного переворота в умах, но в конечном

итоге более значимые интеллектуальные процессы. Мы должны хотя бы вкратце упомянуть об их направлении и содержании. Они начались задолго до того, как стали печатать книги, но именно книгопечатание вывело их из неизвестности.

Мы уже говорили о первом появлении свободного разума, духа исследования и точных утверждений в истории общества. С именем Аристотеля связаны первые попытки систематизации знаний. Мы отмечали также краткий период научной активности в Александрии. Начиная с этого времени сложные экономические, политические и

религиозные конфликты в Европе и Западной Азии подстегивали интеллектуальный прогресс. В этих регионах, как мы уже видели, долгое время доминировали монархии восточного типа и восточные религиозные традиции. Рим попытался перенять и отверг рабовладельческий способ производства. Выросла и потерпела крушение по причине своей внутренней слабости первая масштабная капиталистическая система. Европа снова оказалась посреди всеобщего хаоса. Семитские народы потеснили арийские и заменили эллинистическую цивилизацию по всей Западной Азии

и в Египте арабской культурой. Вся Западная Азия и половина Европы оказались под властью монголов. Лишь к XII–XIII вв., как мы видели, интеллект арийских народов снова открыл путь к ясному самовыражению.

Далее мы видели, как начинают появляться университеты в Париже, Оксфорде, Болонье, все значительнее становится философская дискуссия. По форме она в основном посвящена вопросам логики. Основа этой дискуссии — учение Аристотеля, но не все, что осталось после него, а лишь его логика. Позднее его труды станут более доступны через латинские переводы их арабского

варианта, с комментариями Аверроэса. Кроме этих плохих переводов Аристотеля, Западная Европа почти ничего не читала из греческой философской литературы вплоть до XV в.

Артистический Платон — в отличие от научного Аристотеля — был почти неизвестен. Европе достался греческий критицизм без греческого творческого импульса. Известны были лишь некоторые авторы-неоплатоники, но неоплатонизм имеет такое же отношение к Платону, как «христианская наука» — к ортодоксальному христианству.

С некоторых пор дискуссия

средневековых «схоластов» снискала славу скучной и бессодержательной. Это совершенно не так. Схоластам приходилось прибегать к строго догматическому языку, потому что недреманное око иерархов церкви, невежественных и нетерпимых, повсюду выискивало ересь. Схоластической философии недоставало той ясности, которую несет в себе бесстрашие мысли. Она зачастую говорила иносказательно о том, чего не отваживалась сказать в открытую. Но занималась она фундаментально важными вещами, и это была долгая и необходимая борьба, чтобы выправить некоторые присущие человеческому разуму

изъяны; многие по-прежнему продолжают блуждать в потемках из-за пренебрежения теми вопросами, которые обсуждали схоласты.

Основным спором средневековья был спор между «реалистами» и «номиналистами». Реалисты в своих рассуждениях значительно превзошли обычную человеческую склонность преувеличивать значимость класса. Они стояли на том, что в каждом имени есть нечто, что содержит в себе зерно подлинной реальности.

К примеру, они сказали бы, что существует некий типичный «европеец», идеальный европеец, который гораздо более реален, чем

каждый индивидуальный европеец. Каждый отдельный европеец, получается, есть искажение, отклонение, ухудшенный экземпляр этой более глубокой реальности. Напротив, номиналисты были бы убеждены, что единственно реальны именно индивидуальные европейцы, что само имя «европеец» — не более чем имя, применимое ко множеству отдельных случаев.

Так что пока на рыночных площадях и в заботах повседневной жизни люди задавали друг другу вопросы о нравственности и праведности духовенства, об оправданности и уместности целибата и о справедливости

папской десятины, пока в теологических кругах занимались поисками ответов на сложные вопросы пресуществования, божественности хлеба и вина в мессе, в исследованиях и лекционных залах постепенно обретала плоть и кровь куда более масштабная критика методов и учения католицизма.

Мы не станем оценивать здесь значимость для этого процесса таких средневековых схоластов, как Пьер Абеляр (1079–1142), Альберт Великий (ок. 1193–1280) и Фома Аквинский (прибл. 1225–1274). Они стремились перестроить католичество на основаниях более

здравой аргументации; и они склонялись к номинализму. Основными их критиками и последователями были Дунс Скот (ок. 1266–1308), францисканец из Оксфорда, судя по прилежности и взвешенности суждений, — шотландец, и англичанин Уильям Оккам (ок. 1285–1349).

В трудах этих более поздних схоластов, как и у Аверроэса, проводилось четкое различие между богословской и философской истиной; они вознесли богословие на вершину пьедестала, однако оттуда оно уже не мешало заниматься исследованием. Дунс Скот объявил, что невозможно умозрительными

рассуждениями доказать существование Бога или Троицы, или достоверность акта Творения. Оккам еще более настаивал на этом отделении теологии от практической истины — отделении, которое помогло научному познанию освободиться от догматического контроля.

Более же поздние поколения, которые сполна воспользовались плодами свободы, добытой для них этими схоластами, и не зная, кто были первопроходцы этой свободы, оказались настолько неблагодарны, что сделали имя Скота нарицательным для тупости, — отсюда наше английское «dunce»,

тупица.

Особый и неповторимый гений выделяет из всех его современников Роджера Бэкона (ок. 1214–1292), также англичанина. Он был оксфордским францисканцем и самым что ни есть типичным англичанином — несдержанным, нетерпеливым, честным и проницательным. Он на два века опередил свое время.

Вот как о нем пишет Г. О. Тейлор: [\[76\]](#)

«Жизненный путь
Бэкона превратился в
духовную трагедию, в
полном соответствии с

законами трагического жанра: герой должен обладать величественным и благородным характером, но не безупречным, чтобы трагический финал был следствием изъянов характера, а не стечения обстоятельств. Бэкон дожил до глубокой старости и в преклонные годы, как и в молодые, сохранял преданность предметному знанию. Его поиску знаний, который не всегда сводился лишь к ученой аудитории, не раз препятствовал Орден, к

которому имел несчастье принадлежать этот мятежник. Столь же фатально его достижения оказались подвержены внутреннему искажению из-за тех принципов, которые он перенял от своего века. Но на Бэконе остается ответственность за его восприятие событий текущих; и поскольку его взгляды натолкнулись на недоверие собратьев-францисканцев, своим нравом Бэкон сам навлек на свою голову враждебность Ордена.

Обходительность и умение убеждать были необходимы тому, кто хотел поразить своих ближних столь необычными, как его, суждениями — ведь на дворе был тринадцатый век — чтобы избежать преследований из-за них.

Бэкон не щадил именитых особ, ни живых, ни почивших, рубил с плеча, часто неоправданно и несправедливо. О его жизни мало что известно, разве что с его собственных слов и со слов знавших его, но и этого недостаточно

для самого сжатого
пересказа. Родился, учился
в Оксфорде, отправился в
Париж, учился, ставил
опыты, снова в Оксфорде,
теперь уже францисканец.
Учится, учит,
подозревается своим
Орденом, его снова
отправляют в Париж,
держат под наблюдением.
Получает письмо от
римского Папы, пишет,
пишет, пишет — три
наиболее известные свои
работы. Снова в беде, на
долгие годы заточен в
тюрьму, снова на свободе, и

умирает, умирает весь целиком, и телом и славой — чтобы возвратиться своими трудами, да и то лишь отчасти, через пять столетий».

Основное содержание этих «трех наиболее известных работ» — неистовая и совершенно бескомпромиссная атака на невежество и ограниченность своего времени в сочетании со множеством догадок, как будет протекать грядущий рост знаний. Страстно утверждая необходимость эксперимента и собирания знаний, в нем словно оживает дух Аристотеля.

«Эксперимент, эксперимент» — таков девиз Роджера Бэкона.

Но и самого Аристотеля Роджер Бэкон также не щадил, и вышло так потому, что люди, вместо того, чтобы смело обратиться к фактам, засели над книгами и углубились в чтение плохих латинских переводов — единственным, что было доступно тогда из трудов учителя. «Будь моя воля, — писал Роджер Бэкон, — я бы сжег все книги Аристотеля, читать их — значит терять время, плодить ошибки и растить невежество» — мнение, которое, вероятно, повторил бы и сам Аристотель, окажись он в том мире, где его труды не так читали, как боготворили, и в самых

недостовверных переводах.

И через все, написанное Бэконом, временами завуалировано из-за необходимости хотя бы видимо подстроить свои взгляды под всевозможные ортодоксии, из страха тюрьмы, звучит настойчивый призыв человечеству: «Перестаньте следовать догмам и авторитетам — оглянитесь вокруг себя!»

Он обличал четыре основных источника невежества: почтение к власти, обычай, мнение невежественной толпы и тщеславие, гордое нежелание переучиваться, к которому предрасположены все мы. Преодолей мы их, и все силы природы станут на службу

человечеству:

«Машины для плавания смогут обойтись без гребцов, так что огромные корабли, способные плыть по реке или океану, управляемые одним человеком, будут двигаться быстрее, чем если бы они приводились в движение множеством людей. Таким же образом можно будет делать экипажи, так что и без тягловых животных они будут двигаться *cum impetu inaeestimabili* какими мы

представляем боевые колесницы, на которых сражались в древности. Станут возможны и летающие машины, а человек, заняв место посередине летательной машины, поворотом рычага заставит искусственные крылья поднять машину в воздух, наподобие летящей птицы».

Оккам, Бэкон — вот ранние предшественники начавшегося в Европе великого движения от «реализма» к реальности. Какое-то время прежние тенденции

сопротивлялись натурализму новых номиналистов. В 1339 г. на книги Оккама был наложен запрет, а номинализм был торжественно предан проклятию. И даже в 1473 г. была предпринята попытка, запоздалая и безуспешная, принудить учителей в Париже преподавать только реализм. И только в шестнадцатом веке, с интеллектуальным ростом и книгопечатанием, движение от абсолютизма к эксперименту стало массовым и один исследователь стал сотрудничать с другим.

На протяжении XIII и XIV вв. эксперименты, проводимые с материальными предметами,

становились все многочисленнее. Люди добывали все новые знания, но пока еще не было взаимосвязанного и поступательного продвижения. Работа проводилась в одиночку и в глубокой тайне. Традицию обособленного исследования Европа переняла у арабов, и теперь в лабораториях, оберегая свои находки и открытия от соперников, трудились алхимики. И напрасно современные авторы излишне спешат с насмешками в адрес алхимиков. Они были в самой тесной связи с мастерами, работавшими по железу и стеклу, с травниками и лекарями той эпохи. Алхимики проникли во многие тайны природы, хотя на

самом деле искали не знаний, но силы. Они были одержимы «практическими целями» — как делать золото из более дешевых материалов, как достичь бессмертия с помощью эликсира жизни и другими такого же рода приземленными мечтами. По ходу своих исследований алхимики немало узнали о ядах, красителях, металлургии и т. д. Они открыли различные отражающие поверхности и смогли, в итоге, получить прозрачное стекло и тем открыли дорогу к линзам и оптическим инструментам. Но как мы узнаем от ученых, и чего до сих пор не в состоянии усвоить «прагматики»,

только когда ищут знания ради них самих — только тогда они приносят богатые и неожиданные плоды, щедро одаряя ими своих слуг.

Те идеи, которые выразил Роджер Бэкон, стали приносить первые плоды в новых знаниях и широте взглядов не ранее XV в. Затем, внезапно, с началом нового XVI в., когда мир оправился от бури общественных потрясений, которые последовали за массовыми эпидемиями XIV в., в Западной Европе засияло целое созвездие имен, которое затмило наивысшие научные имена золотого века Греции.

Одним из самых первых и самым великолепным в этом

созвездии был флорентиец Леонардо да Винчи (1452–1519), человек с почти фантастическим видением действительности. Он был первым, кто понял подлинную природу ископаемых окаменелостей. Леонардо да Винчи доверял свои наблюдения запискам, которые не перестают и теперь восхищать нас. Он был убежден и в осуществимости механического полета.

Еще одно великое имя — поляк Коперник (1473–1543), который сделал первый ясный анализ движения небесных тел и показал, что Земля движется вокруг Солнца. Датчанин Тихо Браге (1546–1601), работавший в Пражском

университете, отказался принять эту теорию, но его астрономические наблюдения оказались исключительно важны для его последователей, и особенно для немца Кеплера (1571–1630).

Галилео Галилей (1564–1642) был основателем науки механики. До времени Галилея господствовало убеждение, что если один предмет весит в тысячу раз больше другого, то и падать он будет в тысячу раз быстрее. Галилей оспорил это убеждение, но вместо того, чтобы изложить свои доводы как схоласт и джентльмен, он подверг это мнение беспристрастному испытанию — сбросил два неравных груза с

верхней галереи падающей
Пизанской башни к ужасу ученых
эрудитов.

Галилей также сконструировал
первый телескоп и развил
астрономические взгляды
Коперника. Однако церковь в этот
раз отважно приняла вызов.
Поверить в то, что Земля меньше
Солнца и второстепенна в сравнении
с Солнцем, полагала церковь, значит
ни во что не ставить человека и
христианство. Так что Галилею
пришлось вернуть Землю на место
как неподвижный центр Вселенной.
Тюремное заключение, а затем
церковная епитимья — три года
подряд раз в неделю читать семь

покаянных псалмов — таков был приговор семерых кардиналов, принимавших его отречение.

Ньютон (1642–1727) родился в год смерти Галилея. Открыв закон тяготения, он создал ясное научное представление видимой Вселенной. Но с Ньютоном мы уже переносимся в XVIII в., слишком далеко от нашей нынешней главы.

Среди более ранних имен необходимо упомянуть прежде всего Уильяма Гильберта (1544–1603) из Колчестера. Роджер Бэкон призывал к эксперименту, Гилберт был первым, кто стал практиковать его.

Можно не сомневаться, что его опыты, главным образом в области

магнетизма, помогли сформировать представления Фрэнсиса Бэкона, барона Веруламского (1561–1626), лорд-канцлера английского короля Якова I. Фрэнсиса Бэкона называют отцом экспериментальной философии, хотя его вклад в развитие научных исследований порой слишком преувеличивают. Он был скорее не основателем, но апостолом научного метода. Более всего для науки сделала его фантастическая книга «Новая Атлантида». В этой книге Фрэнсис Бэкон причудливым языком изложил свое представление о некоем дворце изобретений, величественном храме науки, где поиск знаний во всех

областях организован по принципу максимальной полезности.

Из этой утопической мечты выросло Лондонское Королевское общество, основанное по указу короля Карла II в 1660 г. Основной заслугой этого общества была и остается публикация научных и популярных работ. Его образование отмечает решительный шаг от изолированного поиска к совместным исследованиям, от тайных и одиночных изысканий алхимика к открытому отчету и свободному обсуждению, которыми живет современный научный процесс.

Долго спавшая наука анатомия

ожила в работах Гарвея (1578–1657), который доказал циркуляцию крови. Впоследствии голландец Левенгук (1632–1723) сконструировал первый примитивный микроскоп, и перед людьми открылся мир мельчайших живых существ.

И это лишь ярчайшие звезды среди растущего множества людей, которые с XV в. и до наших дней, с возрастающими совместными усилиями и энергией, освещают наше видение Вселенной и увеличивают нашу власть над условиями нашей жизни.

Мы с такой полнотой осветили возвращение к научным исследованиям в средние века ввиду

их неоценимой значимости для человеческой жизни. В исторической перспективе Роджер Бэкон гораздо более значим для человечества, чем любой из монархов его времени. Но современный мир по большей части ничего не знает о той работе, которая протекала тогда, неприметно для стороннего взгляда, в студиях, лекционных залах и алхимических лабораториях и которой предстояло вскоре изменить все условия жизни. Церковь, конечно же, внимательно следила за тем, что становилось достоянием общественности, но это беспокоило ее лишь в том случае, когда явным было непочтение к ее основополагающим догмам. Церковь

давно постановила, что Земля — это центр Божьего творения, а Папа — назначенный самим Богом правитель Земли, и не стоит смущать представления людей, настаивала церковь, каким-либо противоречащим учением. Как только она вынудила Галилея отречься от своих взглядов и сказать, что Земля не движется, ей этого было довольно. Церковь, кажется, не отдавала себе отчет, чем это может грозить ей, если подтвердится, что Земля на самом деле движется.

Очень значительные общественные сдвиги, так же как и интеллектуальные, происходили в Западной Европе на протяжении

этого периода позднего средневековья. Но человеческий разум живее воспринимает события, чем перемены; и люди тогда, как и теперь, по большей части продолжали придерживаться своих традиций, несмотря на то, что обстановка вокруг них изменялась.

В «Очерк», подобный этому, невозможно вместить все множество событий истории, которые к тому же не слишком отчетливо демонстрируют основные процессы человеческого развития, какими бы яркими и колоритными не были эти события. Нам следует в первую очередь отметить неуклонный рост городов, больших и малых,

оживающую силу торговли и денег, постепенное восстановление авторитета закона и обычая, возросшую безопасность жизни, подавление непрерывных междоусобиц, которые продолжались в Западной Европе в период между первым крестовым походом и XVI столетием.

О многом, что кажется таким важным в наших национальных историях, мы не сможем сказать ни слова. У нас нет места для истории о возобновившихся попытках английских королей завоевать Шотландию и утвердиться в качестве королей Франции, о том, как английские норманны установили

непрочное владычество в Ирландии (XII век) и как Уэльс был присоединен к английской короне (1282). Все средневековые Англия не прекращала попыток покорить Шотландию и Францию. Было время, когда казалось, что Шотландия окончательно завоевана, и когда английский король удерживал во Франции больше земель, чем ее титулованный суверен (эпоха Столетней войны). В английских исторических трудах часто представляют это так, будто Англия в одиночку пыталась завоевать Францию и почти достигла этого. В действительности это было совместным усилием,

предпринятым поначалу в союзе с фламандцами и баварцами, а затем с влиятельным государством Бургундией, вассалом французского короля, завоевать и разделить вотчину Гуго Капета.

Мы не сможем рассказать о том, как англичане бежали от шотландцев в битве при Баннокберне (1314), о национальных героях Шотландии Уильяме Уоллесе (ок.1270–1305) и Роберте Брюсе (король Шотландии в 1306–1329); о сражениях при Креси (1346 г.), Пуатье (1356) и Азенкуре (1415) во Франции, которые для англичан кажутся образцом их национальной доблести и в которых упорным лучникам за несколько

часов одного солнечного дня удалось посеять панику в рядах закованных в латы французских рыцарей. Английского короля Генриха V и то, как крестьянская девушка Жанна д'Арк, Орлеанская Дева, изгнала англичан из своей страны (1429–1430) мы также оставим без внимания, ибо каждая страна имеет подобные ценные для нее национальные истории. Все они — красочный гобелен в здании истории, но не стены здания. Индия или Польша, Венгрия, Россия, Испания, Персия и Китай имеют свои истории, которые могут сравниться или даже превзойти наиболее романтические истории Западной Европы — со

столь же неутомимыми рыцарями, отважными принцессами и героическими сражениями.

Не сможем мы рассказать сколько-нибудь детально и о том, как французский король Людовик XI (1461–1483), сын Карла VII, короля времени Жанны д'Арк, усмирил Бургундию и заложил основы централизованной французской монархии. Более значимым было то, что в XIII и XIV столетиях в Европе появился порох — подарок монголов, так что короли (в том числе Людовик XI) и законность, опираясь на поддержку растущих городов, смогли сровнять с землей замки полунезависимых разбойников —

рыцарей и баронов раннего средневековья, и укрепить централизованную власть.

На протяжении этих столетий военная знать и рыцари, характерные для периода варварства, медленно исчезают со страниц истории. Их поглотили крестовые походы и династические войны, подобные Войне Алой и Белой розы в Англии. Стрелы, выпущенные из длинных английских луков, пронзали их насквозь, и пехота, вооруженная таким образом, вытеснила рыцарей с полей сражений. Остались только их титулы — сами они исчезли к XVI в. повсюду на западе и востоке Европы, кроме Германии, где они

превратились в наемников, воинов-профессионалов.

Между XI и XV вв. в Западной Европе, и в особенности во Франции и Англии, во множестве возводились своеобразные и прекрасные здания, соборы, аббатства в готическом стиле. Мы уже отмечали его основные характеристики. Этот замечательный архитектурный расцвет отмечает появление гильдий ремесленников, тесно связанных в своих истоках с церковью. В Италии и Испании снова начали строить красиво и свободно. Поначалу большинство этих строений оплачивалось из средств церкви, затем начали строить короли и

богатые купцы. Рядом с церковью и замком появляются особняки и просторные дома горожан.

Начиная с XII столетия, с оживлением торговли, по всей Европе происходит значительное развитие городской жизни. Наиболее знаменитыми среди европейских городов были Венеция с подвластными ей Рагузой и Корфу, Генуя, Верона, Пиза, Флоренция, Неаполь, Милан, Марсель, Лиссабон, Барселона, Нарбонн, Тур, Орлеан, Бордо, Париж, Гент, Брюгге, Булонь, Лондон, Оксфорд, Кембридж, Саутгемптон, Дувр, Антверпен, Гамбург, Бремен, Кёльн, Майнц, Нюрнберг, Мюнхен, Лейпциг,

Магдебург, Вроцлав, Щецин, Гданьск, Кенигсберг, Рига, Псков, Новгород, Висбю и Берген.

«Города на западе Германии между 1400 и 1500 гг. воплощали в себе все достижения прогресса того времени, хотя с современной точки зрения многого не хватало... Улицы по большей части были узкими и строились беспорядочно, дома были в основном из дерева, почти каждый бюргер держал свой скот в доме, и стадо свиней, которое утром выгонял на выпас городской пастух, составляло неотъемлемую часть городской жизни». Чарлз Диккенс в своих «Американских тетрадах» упоминает, что свиней держали на

Бродвее в Нью-Йорке в середине XIX столетия.

«Во Франкфурте-на-Майне после 1481 г. уже было противозаконно держать свиней в Старом городе, хотя в Новом городе и Заксенхаузене этот обычай сохранялся как само собой разумеющееся. Только в 1645 г., после того, как провалом окончилась аналогичная попытка 1556 г., свинарники были снесены в центральной части Лейпцига. Богатые бюргеры, которые порой принимали участие в крупных торговых операциях, также были не менее состоятельными землевладельцами и имели

просторные внутренние дворы с внушительных размеров амбарами внутри городских стен. Самые процветающие из них владели теми великолепными патрицианскими домами, которыми мы восхищаемся и по сей день.

Но даже в старых городах большинство домов XV столетия исчезли. Только изредка строения с выступающими деревянными деталями и нависающими верхними этажами напоминают нам о стиле архитектуры, обычном в то время для домов бюргеров. Значительная часть городского населения, которая жила попрошайничеством или зарабатывала на пропитание трудом

в городских мастерских, обитала в убогих лачугах за пределами города; городская стена часто была единой опорой этих кособоких строений. Внутреннее убранство домов, даже среди зажиточной части населения, было довольно скудным сравнительно с современными представлениями. Готический стиль был столь же мало приспособлен для тонких деталей предметов роскоши, насколько великолепно он был приспособлен для возведения церквей и городских ратуш. Влияние Ренессанса добавило многое к убранству жилого дома.

XIV и XV столетия стали свидетелями строительства

многочисленных готических церквей и городских ратуш по всей Европе, которые во многих случаях до сих пор продолжают служить по своему первоначальному назначению. В них нашли свое наилучшее проявление сила и богатство городов, как и в оборонительных укреплениях, с мощными башнями и воротами. На каждой картине, изображающей город XVI или более поздних веков, бросаются в глаза эти сооружения более поздней эпохи, возведенные для защиты и славы своего города.

Город делал многое, что в наши дни берет на себя государство. Социальные проблемы решались городским управлением или

соответствующей муниципальной организацией. Регулированием торговли занимались гильдии по договоренности с городским советом, опека бедняков принадлежала церкви, в то время как совет следил за поддержанием в должном состоянии городских стен и совершенно необходимых в условиях деревянных строений пожарных бригад. Городской совет, внимательно относившийся к своим социальным обязанностям, также следил за наполнением муниципальных житниц, чтобы не остаться без хлеба в годы неурожая. Подобные хранилища возводились в XV в. почти в каждом городе.

Уровень цен, который поддерживался на все изделия, предлагавшиеся на продажу городскими мастерами, был достаточно высок для того, чтобы обеспечить им пристойное существование и чтобы покупатель мог приобретать свой товар с гарантией. Город был также главным капиталистом, а поскольку он получал доходы от ренты — он был банкиром и пользовался благами неограниченного кредита. Взамен он приобретал средства для возведения городских укреплений или принятия суверенных прав от обнищавшего феодала».

По большей части европейские города были независимыми или

почти независимыми аристократическими республиками. Большинство из них признавало над собой некоторое, не слишком точно обозначенное владычество церкви, императора или короля. Другие входили в состав королевств или даже были столицами князей и королей. В таких случаях их внутреннее самоуправление поддерживалось королевской или императорской хартией. В Англии королевский город Вестминстер на Темзе стоял бок о бок с обнесенным стеной городом Лондоном, куда король мог вступать только получив разрешение и с соответствующей церемонией.

Полностью независимая Венецианская республика правила империей зависимых островов и торговых портов во многом на манер Афинской республики. Независимой была также Генуя.

Германские города Балтийского и Северного морей, от Риги до Мидделбурга в Голландии, Дортмунда и Кёльна, были объединены в конфедерацию городов Ганзы под предводительством Гамбурга, Бремена и Любека, и отношения этой конфедерации с империей были еще более свободными. Ганзейский союз, в который входило около семидесяти городов, имевший свои торговые

представительства и склады в Новгороде, Бергене, Лондоне и Брюгге, многое сделал для того, чтобы очистить северные моря от пиратов, этого проклятия Средиземноморья и восточных морей.

Византийская империя в свой последний период, от османского завоевания ее европейских окраин в XIV и начале XV вв. вплоть до своего падения в 1453 г., представляла собой почти только торговый город Константинополь. Этот город-государство был подобен Генуе или Венеции, за исключением разве того, что на его долю выпадало еще и дорогостоящее содержание

императорского двора.

Наиболее завершенными и великолепными образцами городской жизни позднего средневековья отмечена Италия. После того, как в XIII в. прервалась династия Гогенштауфенов, присутствие Священной Римской империи в Северной и Центральной Италии стало не столь ощутимо, хотя германские императоры, о чем нам еще предстоит говорить, по-прежнему короновались как короли и императоры в Италии вплоть до времени Карла V (ок. 1530 г.). К северу от папской столицы Рима возникло несколько полунезависимых городов-

государств. Юг Италии и Сицилия, однако, все еще оставались под иностранным правлением.

Генуя и ее соперница Венеция пользовались огромным влиянием как крупнейшие торговые порты того времени. Их благородные дворцы, их величественные фрески по-прежнему покоряют наше воображение.

Милан, расположенный у подножия Альп, также возродился, обретая богатство и влияние. Но, вероятно, самой яркой звездой в итальянском созвездии городов была Флоренция. Этот торговый и финансовый центр в XV в., в эпоху правления семьи Медичи, близкого монархическому,

переживал второй «Периклов век».

Но еще до времени утонченных «патронов» Медичи во Флоренции создавались во множестве прекрасные произведения искусства. Уже был возведен флорентийский собор с колокольной, спроектированной Джотто (1266–1337), и куполом, созданным Брунеллески (1377–1446). К концу XIV в. Флоренция стала центром повторного открытия, восстановления и подражания античному искусству. Но о Возрождении искусства, в котором Флоренция сыграла такую важную роль, удобнее будет рассказать в следующем разделе.

Значительный творческий всплеск в художественной литературе связан с общим духовным пробуждением Западной Европы. Мы уже обращали внимание на появление литературы на итальянском языке при покровительстве императора Фридриха II. Одновременно с этим, вслед за трубадурами, в северной Франции и Провансе стали сочинять поэзию на северном и южном диалектах — любовные песни, песни-сказания и тому подобное. Это стремление творить на национальных языках вырвалось на

поверхность в эпоху, предрасположенную в целом читать и писать на латыни. Оно исходило из разума независимого и близкого к народу.

В 1265 г. во Флоренции родился Данте Алигьери, который, после бурной политической деятельности оказался в изгнании и написал среди прочего «Божественную Комедию» — пространную поэму на итальянском языке с изощренной системой рифмовки. Это аллегорическое полотно воплотило в себе религиозные взгляды и искания Данте. Она описывает посещение Ада, Чистилища и Рая. Ее преимущество в отношении к

латинской литературе обозначена тем, что проводником Данте на нижних уровнях служит Вергилий. В своих разнообразных английских переводах эта поэма представляет собой на редкость скучное чтение, но те, чье мнение более весомо в этом предмете, с трудом находят слова, чтобы выразить всю неповторимую красоту, увлекательность и мудрость оригинала. Данте писал на латыни на политические темы, а также о праве итальянского языка считаться литературным языком. Данте жестоко критиковали за то, что он обратился к итальянскому, и обвиняли в неспособности писать

стихи на латинском.

Несколько позже сонеты и оды на итальянском писал Петрарка (1304–1374), его поэзия была с восторгом принята всеми, кто был достаточно культурен, чтобы откликнуться на нее. Прочитав эту поэму, однако, невольно начинаешь сомневаться, существовала ли мадонна Лаура в действительности. Петрарка был одним из тех итальянцев, которые ревностно стремились к возрождению былой славы латинской литературы.

Стремление писать на итальянском на какое-то время даже пошло на спад перед возобновившимся сочинением

латинских произведений. Петрарка написал на латыни эпическую поэму «Африка». В это время во множестве пишутся псевдоклассические сочинения, подражающие эпике, трагедии и комедии на латинском языке. И лишь позже в таких именах, как Боярдо (1441–1494) и Ариосто (1474–1533), итальянская поэзия возвращает себе прежнее почитание. «Неистовый Роланд» Ариосто был лишь вершиной в великом множестве романтических повествовательных поэм, которыми наслаждались менее эрудированные читатели ренессансной эпохи. Эти повествовательные поэмы всегда платили дань, иносказательно и

подражательно, вергилиевой эпике, самой по себе вторичной и вычурно-искусственной. Литературные жанры той поры по большей части были представлены комедией и повествовательными поэмами, короткими поэмами в различных формах. Проза не была еще настолько искусна и изысканна, чтобы снискать одобрение критических взглядов.

Пробуждение литературной жизни во франкоязычном обществе также было отмечено обращением к наследию латинской литературы. Во Франции давно существовала литература на средневековой латыни — народные песни, песни таверны и

дороги (поэзия голиардов, или вагантов, [\[77\]](#) XII–XIII вв.), и дух этих оригинальных произведений сохранился в стихах таких подлинных поэтов, писавших уже на французском, как Франсуа Вийон (1431–1463). Однако возобновившееся увлечение латинскими штудиями, передавшееся от итальянцев, делало подражательным все, к чему прикасалось перо, и это поветрие не затронуло разве что самые неподатливые умы. Установился вычурный стиль, как монументальная кладка, возводились «на века» великолепные поэмы и псевдоклассические пьесы, скорее

для восхищения, чем для наслаждения последующих поколений. Однако гений французской жизни не сводился лишь к этим благородным упражнениям, появилась и оригинальная французская проза со своим изящным и гибким стилем. Монтень (1533–1592), первый из эссеистов, находил любезные слова о жизни и нелюбезные — об ученых, а Рабле (1494–1553), словно поток пылающей, ревущей, смеющейся лавы, обрушился на святош-церковников и благопристойных педантов.

В Германии и Голландии новые интеллектуальные импульсы

оказались близки по времени и созвучны мощным политическим и религиозным потрясениям Реформации и создали менее рафинированные и артистичные формы. Эразм, пишет Дж. Аддингтон Симондс, был величайшим представителем Ренессанса в Голландии, как и Лютер в Германии, но писал он не на голландском, а на латыни.

В Англии всплеск литературной активности начался в XIV в. Джеффри Чосер (1340–1400) сочинял прекрасную повествовательную поэзию, которая явно черпала вдохновение в итальянских образцах, и еще до него существовало много

романтической повествовательной поэзии. Но гражданская война, Война Роз, эпидемия чумы и религиозные неурядицы заглушили эти первые ростки, и лишь в XVI в., после правления Генриха VIII (1509–1547), английская литература обрела новую энергию. Этому предшествовало стремительное распространение классической учености, и бурный поток переводов с латыни, греческого и итальянского подготовил почву для англоязычных авторов. И самый обильный урожай английских произведений не заставил себя долго ждать. Английский язык стали испытывать, усложнять, играть с ним. Спенсер

(ок. 1552–1599) написал «Королеву фей», в целом скучноватое аллегорическое произведение, но обладавшее значительной декоративной красотой.

Но свое наиболее полное проявление английский литературный гений обрел в драматургии в дни царствования королевы Елизаветы I (1558–1603). Теперь он был свободен от слепого подражания классической традиции; елизаветинская драма была новой, более живой и свободной литературной формой, более энергичной и несравненно более естественной. Ее наиболее выдающимся представителем стал

Шекспир (1564–1616), который, к счастью, «латынь знал мало, греческий — чуть меньше» и черпал свои точные и богатые детали из повседневной, подчас простонародной жизни. Шекспир обладал тонким юмором и неповторимой живостью ума, превращая каждое предложение, которое выходило из-под его пера, в мелодию.

За восемь лет до смерти Шекспира родился Мильтон (1608–1674). Он с молодости изучал классику, и это придало и его прозе, и его поэзии горделивую и важную поступь, от которой им так и не удалось полностью освободиться. Он

бывал в Италии и своими глазами видел прославленные образцы ренессансной живописи. Живопись Рафаэля и Микеланджело он переложил в превосходную английскую поэзию в своих величественных эпических поэмах «Потерянный рай» и «Возвращенный рай». Английской литературе повезло в том, что в противовес Мильтону у нее был Шекспир, который уберег только ей присущий дух от одержимости классикой.

Португалия, в ответ на веяния литературного Ренессанса, создала свою эпическую поэзию — «Лузиады» Камозэнса (1524–1580). Но Испании, как и Англии,

посчастливилось обрести человека уникального дарования, не отягощенного избытком учености, который смог выразить самый дух этой страны.

Сервантес (1547–1616) ярко изобразил комичные и абсурдные ситуации, порожденные конфликтом средневековой традиции рыцарства, которая завладела воображением худощавого, бедного, полубезумного дворянина с потребностями и порывами обыденной жизни. Его Дон Кихот и Санчо Панса, как и шекспировский сэр Джон Фальстаф, горожанка из Бата Чосера и порождение Рабле — Гаргантюа, совершили прорыв через

высокопарную героику псевдоклассики и впустили в литературу свободу и смех. Они осуществили прорыв, подобный тому, который осуществили Роджер Бэкон и первые европейские ученые, пробившиеся через книжную ученость схоластов, а также художники и скульпторы, о которых нам предстоит сейчас говорить, освободившиеся от декоративной скованности и религиозного диктата, характерных для средневекового искусства.

Сущностью Ренессанса было не возвращение к античной классике, но освобождение. Возрождение латинской и греческой учености

лишь дополнило позитивные качества Ренессанса своим разлагающим влиянием на католическую, готическую и имперскую традиции.

За пределами возможностей нашего «Очерка» остается возрождение разнообразных форм декоративного искусства в этот великий период пробуждения человечества, коснувшееся в том числе и предметов домашнего обихода. Нам также придется оставить рассказ о том, как северная готика изменилась и приспособилась к потребностям муниципальных строений и жилищ, как ее значительно потеснили

архитектурные формы, берущие свое начало в романском стиле Италии, и как классические традиции постепенно оживали в Италии. Италия никогда не проявляла симпатий к готике, вторгшейся в ее пределы с севера, или к сарацинскому стилю, который проникал с юга. В XV в. в Италии были обнаружены труды римского архитектора Витрувия (I в. до н. э.), и они еще сильнее подтолкнули те процессы, которые набирали силу в то время. Классическое влияние, которое сильно сказывалось на развитии литературы, распространилось и на пробуждающийся мир

художественного творчества.

Но как литературное
возрождение предшествовало
возрождению классической
учености, так и художественное
пробуждение уже шло полным ходом
прежде, чем классическое
изобразительное искусство
привлекло внимание художников.
Стремление к подражанию природе,
в противовес отвлеченной
декоративности, исподволь, но все
же утверждалось в своих правах в
Европе еще со времен Карла
Великого. В Германии XII и XIII вв.
бурными темпами развивалась
живопись по дереву, изображавшая
реальные предметы. В Италии, где

архитектурные формы оставляли больше свободного пространства, чем готика, настенная живопись становилась все более распространенной. Первая собственно немецкая в своих истоках школа живописи сложилась в Кёльне (начиная с 1360 г.). Несколько позднее в Голландии появились Хуберт и Ян ван Эйк (ок. 1390–1441), их работы полны света, новизны и очарования.

В Италии XIII в. уже творил Чимабуэ (ок. 1240—ок. 1302) — он был учителем Джотто (1266–1337), которого, в свою очередь, можно считать наиболее выдающейся фигурой первой стадии возрождения

живописи. Этот период достиг своей кульминации и завершился в творчестве фра Анджелико да Фьезоле (ок. 1400–1455).

А затем в Италии, и особенно во Флоренции, началось строго научное изучение элементов реалистического изображения. Ничто с таким постоянством не игнорируется в книгах по искусству, как то, что сущностью перемен в живописи и скульптуре, которые происходили в Европе в период Ренессанса, был отказ от эстетических соображений в пользу научных. Вместо орнамента и стилизации, формальных, абстрактных и изящных, пришло исследование действительности, в

лучших образцах смелой и великолепной, а зачастую резкой и грубой. Красота открытого человеческого тела, изображение которого подавлялось в сарацинском искусстве и застыло в византийском, снова предстало в красках и камне. Жизнь вернулась в живопись, жестикулируя, обращаясь непосредственно к зрителю. Были изучены и решены проблемы перспективы, и впервые художники стали с уверенностью изображать пространство и глубину на своих картинах. Пристально и в мельчайших деталях изучалась анатомия. Живопись на какое-то время словно заразилась

повторением действительности, с предельной точностью и правдоподобием передавая детали — цветы и драгоценности, складки ткани, отражения в прозрачных предметах. Живопись достигла и миновала стадию наивысшей декоративной красоты.

Мы не сможем проследить здесь ни как протекали эти пробужденные импульсы через различные школы живописи итальянских и нижнегерманских городов, ни взаимное влияние фламандских, флорентийских, умбрийских и других художников. Мы можем лишь упомянуть среди мастеров XV столетия флорентинцев фра

Филиппе Липпи, Боттичелли, Гирландайо и умбрийцев Синьорелли, Перуджино и Мантенью. Мантенья (1431–1506) выделяется в первую очередь тем, что в его работах более, чем у кого-либо из его современников, можно проследить воскресшую закваску старого классического искусства. Его лучшие работы отличаются аскетизмом и непревзойденной простотой.

В XVI столетии творил Леонардо да Винчи (1452–1519), о научных исканиях которого мы уже говорили. Близким ему по духу был житель Нюрнберга Альбрехт Дюрер (1471–1528). Венецианское

искусство достигло своей вершины в работах Тициана (ок. 1476/77–1576), Тинторетто (1518–1594) и Паоло Веронезе (1528–1588). Но читателю мало что скажет простое перечисление имен. В наших описаниях мы можем лишь отдаленно указать на отличительные особенности этих мастеров и школ. Следует отметить, что их общее восприятие жизни и искусства стало одной из причин нового отношения человека к телу и материальному миру. Читателю следует непосредственно обратиться к их картинам, чтобы понять, каковы они на самом деле. Обратим его внимание на картину Тициана,

известную под неточным названием «Любовь земная и небесная», и на «Сотворение Адама», нарисованную Микеланджело (1475–1564) на потолке Сикстинской капеллы, как на одни из самых прекрасных образцов искусства Возрождения.

В Англию живопись пришла вместе с немцем Хансом Хольбейном Младшим (1497/98–1543), поскольку Англия, раздираемая гражданской войной, не могла создать собственной школы живописи. Это был не более чем просто визит. Даже елизаветинские времена, столь богатые на литературу, благоприятные для музыки, не смогли породить

английской живописи или скульптуры, сравнимых с итальянскими или французскими. Война и политические неурядицы задержали впоследствии развитие живописи в Германии, но фламандский импульс продолжился в Рубенсе (1577–1640), Рембрандте (1606–1669), а также во множестве чудесных жанровых и пейзажных картин маслом менее известных художников. Без всякой видимой связи или заимствования, их работы по своему духу и предмету демонстрируют любопытное сходство с некоторыми из наиболее интересных китайских работ. Это сходство могло быть вызвано каким-

то скрытым подобием социальных условий.

С конца XVI столетия художники Италии постепенно начинают мельчать. Пропала новизна и пикантность в изображении ярко освещенного человеческого тела в любом возможном положении и перспективе, на живом природном фоне. Оправдания классической скульптурой и классической мифологией для подобных упражнений были по большей части исчерпаны; изображение добродетелей, пороков, искусств, наук, городов, народов и так далее в виде свободно разоблаченных и приятно выставленных женских

фигур перестало провоцировать неискушенные умы. Европейская скульптура, которая неспешно и естественно развивалась в Германии, Франции и Северной Италии, начиная с XI столетия, и которой принадлежат такие прекрасные работы, как ангелы Сен-Шапель (капеллы дворца Людовика IX) в Париже и конный памятник Коллеони в Венеции работы Верроккьо (1436–1488), впоследствии увлеклась попытками воскресить античную скульптуру, которую начали открывать в раскопках и которой восхищались. Микеланджело, вдохновленный ею, создавал работы недостижимой силы

и величия и несравненной анатомической выразительности. Его потрясенные последователи в своем подражании привели скульптуру к упадку. По ходу XVII столетия европейская живопись и скульптура все более напоминали атлета, который перетренировался и в итоге надорвался; розу, которая отцвела.

Но архитектура поддерживается материальными потребностями, в то время как другие менее необходимые для жизни искусства могут переживать упадок, и на протяжении XVI и XVII вв. возведение величественных и прекрасных зданий продолжалось по всей Европе. Мы можем назвать разве что

имя архитектора Палладио (1508–1580), работами которого изобилует его родной город Виченца; его книги и наставления принесли возрожденный к новой жизни классический стиль почти в каждую европейскую страну. Он был неиссякаемым фонтаном архитектурных новшеств. Мы не сможем проследить здесь замысловатые ответвления и вариации ренессансной архитектуры, которая путем естественного и непрерывного развития перешла в наше время.

Живопись в Испании не произвела самостоятельных школ, как в Нижней Германии и Италии.

Испанские художники ездили учиться в Италию и привозили свое искусство оттуда. Но в первой половине XVII столетия, при потускневшем, но все еще пышном испанском королевском дворе, испанская живопись расцвела в работах великого и самобытного художника Веласкеса (1599–1660). Он обладал уже почти современным художественным видением, небывалой прежде силой кисти. Вместе с голландцем Рембрандтом он выделяется на фоне остальных ренессансных художников по духу и манере и является непосредственным предшественником наиболее

В 1453 г., как мы уже рассказывали, пал Константинополь. Все последующее столетие турецкое давление на Европу было непрерывным и тяжелым. Пограничная черта между монгольскими и арийскими народами, которая пролегла в дни Перикла где-то к востоку от Памира, теперь подступила к Венгрии. Константинополь долгое время оставался не более чем островком христианства на Балканах, где

господствовали турки. Его падение прервало на время торговлю с Востоком.

Из двух соперничающих торговых республик Средиземноморья Венеция в целом была в гораздо лучших отношениях с турками, чем Генуя. Каждому моряку-генуэзцу, обеспокоенному перспективами своего города, не давала покоя торговая монополия Венеции, и генуэзцы старались изобрести какой-либо способ прорваться через нее или обойти ее. Кроме того, теперь и новые народы взялись за морскую торговлю и были настроены искать новые пути к старым рынкам, так как древние

торговые пути были для них закрыты.

Португальцы, например, развивали каботажную торговлю в Атлантике. Атлантика снова пробуждалась после обширного периода забвения, который тянулся с тех пор, как римляне уничтожили Карфаген. Непросто однозначно решить, то ли европейцы вышли в Атлантику или же их вытеснили туда турки, которые вплоть до битвы при Лепанто (1571) оставались бесспорными хозяевами средиземноморских вод. Венецианские и генуэзские корабли осторожно пробирались вдоль средиземноморских берегов к Антверпену, а моряки ганзейских

городов шли на юг, расширяя свои торговые горизонты. И все это время продолжалось непрерывное и очень успешное развитие мореходного дела и кораблестроения. Средиземноморье больше подходит для галер и прибрежного плавания. Но в Атлантическом океане и Северном море преобладают постоянные ветры, волнение сильнее, берег зачастую представляет собой скорее угрозу, чем спасительное пристанище. Открытые моря требуют парусных кораблей, и они появились в XIV и XV столетиях, держа свой путь по компасу и звездам.

В XIII в. ганзейские купцы уже

совершали регулярные рейсы из Бергена через неприветливые северные моря к норманнам в Исландию. В Исландии люди знали о существовании Гренландии, а более отчаянные и неутомимые из морских странников уже давно открыли новую отдаленную землю, Винланд, где был мягкий климат и где можно было поселиться, если бы люди решились отрезать себя от остального человечества. Винланд, как считается, мог быть или полуостровом Новая Шотландия, или, что более вероятно, Новой Англией.

По всей Европе XV столетия купцы и мореплаватели упорно

искали новые пути на Восток. Португальцы, которым невдомек было, что фараон Нехо решил эту проблему много веков назад, задались вопросом, возможно ли пройти в Индию, обойдя вокруг африканского континента. Их корабли (1445) проследовали курсом Ганнона до Кабо-Верде. Они обследовали Атлантику также и в западном направлении и открыли Канарские и Азорские острова и остров Мадейра. Это уже само по себе было достаточно внушительным броском через Атлантику. В этих морских странствиях в восточной Атлантике и вдоль западно-африканского побережья

предшественниками португальцев, в XIII, XIV и начале XV вв., были норманны, каталонцы и генуэзцы.

Но уже к XIV и XV вв. первенство в морских географических открытиях перешло к португальцам, во всяком случае, именно они нанесли на карту новооткрытые земли и укрепились на них. Португальцы были и пионерами навигационной астрономии. В 1487 г. португалец Бартоломеу Диас сообщил, что он обогнул южную оконечность Африки. Так был открыт путь для великого путешествия Васко да Гамы десять лет спустя. Португальцы начали прокладывать свой путь на

восток еще до того, как испанцы отправились на запад.

Некий генуэзец, которого звали Христофор Колумб (1451–1506), все более и более задумывался о том, что мы воспринимаем как очевидное и естественное, но что казалось предельно отчаянным и рискованным предприятием в XV столетии — о плавании в западном направлении через всю Атлантику.

В то время никто не знал о существовании Америки как отдельного континента. Колумбу было известно, что Земля представляет собой сферу, но он недооценивал размеры земного шара. У него, под влиянием путешествий

Марко Поло сложились преувеличенные представления о протяженности Азии, и он предполагал, что Япония, которая, по общему убеждению, была необычайно богата золотом, лежала непосредственно через Атлантику, приблизительно на месте современной Мексики. Колумбу не раз приходилось совершать плавания в Атлантике. Он бывал в Исландии и вполне возможно слышал там истории о Винланде, которые еще сильнее укрепили его в его намерениях. Этот дерзкий замысел — совершить плавание в страну заката — стал всепоглощающей целью его жизни.

Однако сам Колумб не имел ни гроша за душой — некоторые источники говорят, что он был банкротом, — и единственным для него способом осуществить задуманное было привлечь кого-то, кто доверил бы ему командование кораблем. Первым, к кому он обратился, был король Португалии Жуан II, который выслушал его, стал чинить ему помехи, а затем без ведома Колумба организовал собственную португальскую экспедицию. Эта типично дипломатическая уловка — украсть пальму первенства у автора замысла — полностью провалилась, как она того и заслуживала: команда

взбунтовалась, капитан струсил и вернулся обратно (1483). Колумб же направился к испанскому двору.

Поначалу ему не давали ни корабля, ни поддержки. Испания в этот момент расправлялась с Гранадой, последним оплотом ислама в Западной Европе. Большую часть Испании христиане отвоевали между XI и XIII вв. Затем наступила пауза, и вот вся христианская Испания, объединенная женитьбой Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской, бросила все силы на завершение христианских завоеваний. Отчаявшись получить помощь в Испании, Колумб отправил своего брата Бартоломео к

английскому королю Генриху VII, но эта затея не заинтересовала осмотрительного монарха. Наконец, в 1492 г. Гранада пала, став, пусть слабым, но утешением для христиан после потери Константинополя пятьдесят лет назад. Теперь, при помощи купцов из города Палосе, Колумб все-таки получил свои корабли — три корабля, из которых только один, «Сайта-Мария», водоизмещением 100 тонн, был палубным. Два другие были беспалубными кораблями вполовину меньшего водоизмещения.

Маленькая экспедиция — команда всех трех кораблей состояла всего из девяноста человек! —

отплыла на юг к Канарам, а затем, потеряв землю за горизонтом, двинулась в незнакомые воды при прекрасной погоде и попутном ветре.

Историю этого судьбоносного путешествия, продлившегося два месяца и девять дней, конечно же, следует рассказать в подробностях. Команда была полна сомнений и тревожных предчувствий. Так можно было плыть, говорили они себе со страхом, целую вечность. Утешало их то, что они видели птиц, а ближе к концу плавания они нашли бревно со следами обработки и ветку с незнакомыми ягодами. В десять часов ночью 11 октября 1492 года Колумб увидел впереди свет. На

следующее утро уже была различима земля, и хотя еще едва рассвело, Колумб поспешил высадиться на берегу нового мира, облачившись в торжественное убранство и с королевским знаменем Испании.

В начале 1493 г. Колумб вернулся в Европу. Он привез золото, хлопок, невиданных зверей и птиц и двух разрисованных индейцев с сумасшедшими от страха глазами, чтобы крестить их. Он нашел не Японию, таков был вывод, но Индию. Поэтому те острова, которые он открыл, получили название Вест-Индия. В том же году он отправился в следующее плавание с хорошо оснащенной экспедицией в

семнадцать кораблей и полутора тысячами человек, с особым позволением Папы присоединить эти новые земли к испанской короне.

Мы не сможем рассказать здесь о том, что его ожидало на посту губернатора этой испанской колонии, и о том, как он был смещен и закован в кандалы. Не прошло много времени, как целый рой испанских авантюристов уже занимался разведкой новых земель. Но интересно отметить, что Колумб умер, так и не догадываясь о том, что он открыл новый континент. До самого дня своей смерти он продолжал верить, что совершил кругосветное плавание и оказался в

Азии.

Весть о его открытиях вызвала огромный ажиотаж по всей Западной Европе. Она подстегнула португальцев возобновить свои попытки достичь Индии южноафриканским маршрутом. В 1497 г. Васко да Гама отплыл из Лиссабона к Занзибару и оттуда, вместе с лоцманом-арабом, совершил бросок через Индийский океан к Калькутте в Индии.

В 1515 г. португальские корабли уже были на Яве и Молуккских островах. В 1519 г. португальский мореплаватель Магеллан (1480–1521), по поручению испанского короля, пройдя вдоль

южноамериканского побережья, обогнул оконечность континента, преодолев грозный и труднопроходимый пролив, названный позднее его именем, и таким образом вышел в Тихий океан, который уже видели испанские исследователи, пересекавшие Панамский перешеек.

Экспедиция, возглавляемая Магелланом, шла все дальше на запад через Тихий океан. Для подобного морского похода требовался куда больший героизм, чем для экспедиции Колумба. Целых девяносто восемь дней Магеллан упорно плыл через бескрайний пустынный океан, не увидев ничего,

кроме двух безлюдных островков. Его команда изнемогала от цинги, мало было воды, и та протухла, питаться приходилось только грязными сухарями. Крысы стали желанной добычей, в пищу пошла кожа и опилки, лишь бы утолить приступы голода. В таком состоянии экспедиция достигла островов Ладронес. Они открыли Филиппины, и там Магеллан был убит в стычке с туземцами. Погибли и некоторые другие капитаны. Пять кораблей вышло с Магелланом в сентябре 1519 г. и двести семьдесят человек. В сентябре 1522 г. одна «Виттория» с двадцатью одним человеком на борту вернулась из Атлантики на свою

якорную стоянку в Санлукар на реке Гвадалквивир — это был первый корабль, которому удалось обогнуть нашу планету, совершив кругосветное плавание.

В это новое приключение — исследование новых неоткрытых земель — довольно поздно включились англичане, французы, голландцы и моряки ганзейских городов. У них не было такого непосредственного интереса к восточной торговле. И когда пришел их черед приступить к американским исследованиям, их первые усилия были направлены на то, чтобы пройти в Америку северным путем, подобно тому, как Магеллан обогнул

ее с юга, и проплыть вдоль севера Азии, подобно тому, как Васко да Гама проплыл вдоль юга Африки. Оба эти предприятия были обречены на провал по вполне естественным причинам. Так что и в Америке, и на Востоке Испания и Португалия на полстолетия опередили Англию, Францию и Голландию.

Германии же так и не судилось догнать их. Король Испании в эти решающие годы был и императором Германии, а Папа предоставил монополию на Америку Испании, и не просто Испании, но королевству Кастилии. Это поначалу не дало возможности и Германии, и Голландии присоединиться к

остальным в погоне за американскими богатствами. Ганзейские города были квазинезависимыми; они не могли опереться на поддержку монарха и не имели между собой достаточного единства для столь масштабного предприятия, как исследование океанских просторов. К несчастью для Германии и, возможно, для всего человечества, как мы потом расскажем, военное лихолетье истощило ее, в то время как все западные державы прошли эту вновь открывшуюся школу торговли и управления на заморских территориях.

Неспешно на протяжении XVI

столетия невероятные успехи Кастилии разворачивались перед замороженным взглядом Европы. Испания нашла для себя новый мир, несметно богатый золотом, серебром и возможностями для новых колоний. Он был весь ее, потому что Папа сказал так. Римский двор величественным жестом разделил мир неведомых земель, который взывал к воображению европейцев, между испанцами, которым отходили все земли на запад от линии на расстоянии 370 морских лиг к западу от островов Кабо-Верде, и португальцами — тем было пожаловано все на восток от этой линии.

Поначалу единственными людьми, которых встречали испанцы в Америке, были дикари монголоидного типа. Многие из них были каннибалами. Наука многое потеряла от того, что первыми европейцами, достигшими Америки, были эти не слишком любознательные испанцы, совершенно не интересовавшиеся наукой, одержимые жаждой золота и полные слепой нетерпимости к чужеземцам — следствием недавней религиозной войны. Испанцы почти не оставили никаких вразумительных наблюдений об образе жизни и представлениях этих первобытных людей. Они истребляли

их, они грабили и порабощали их, крестили их, но почти не замечали тех обычаев и ценностей, которые изменялись и исчезали, не выдерживая их яростного натиска. Испанцы показали себя безжалостными разрушителями, совсем как первые британские поселенцы на Тасмании, которые хватались за ружье, едва заведя палеолитических людей, которые еще встречались там, или же раскладывали для них приманки из отравленного мяса.

Огромные пространства американского континента занимали прерии, и кочевые племена, обитавшие там, существовали за счет

обширных стад теперь практически вымерших бизонов. Своим способом жизни, своими раскрашенными одеяниями и свободным использованием краски, вообще своим физическим обликом эти индейцы прерий существенно напоминали собой позднепалеолитических людей солютрейской эпохи в Европе. Но у индейцев не было лошадей. По всей видимости, они не слишком продвинулись оттого первобытного состояния, в котором их предки достигли Америки. Однако у них были знания о металлах; что особенно примечательно — индейцы повсеместно использовали

самородковую медь, хотя и не знали о железе.

Испанцы, по мере своего проникновения в глубь континента, обнаружили, разграбили и разрушили две отдельные системы цивилизации, которые развились в Америке совершенно независимо от цивилизационных систем Старого Света.

Одной из них была цивилизация ацтеков Мексики, другой — перуанская цивилизация инков. Они вполне могли вырасти из неолитической предцивилизации, которая распространялась по Тихоокеанскому региону остров за островом, век за веком, от места

своего зарождения в Средиземноморье. Мы уже обращали внимание на некоторые самые любопытные черты этих уникальных цивилизаций доколумбовой Америки. Теперь же индейцев отделяли тысячелетия от Востока и Средиземноморья. Развиваясь своим собственным путем, эти цивилизованные народы Америки достигли стадии, приблизительно соответствующей культуре додинастического Египта или ранних шумерских городов. До ацтеков и перуанцев там существовали еще более ранние зачатки цивилизации, которые либо были разрушены их преемниками, или же сами по себе

потерпели крушение и были заимствованы потомками.

Ацтеки, по всей видимости, были менее цивилизованным народом завоевателей, господствовавшим над более цивилизованным обществом, как арии доминировали в Греции и Северной Индии. Их религия была примитивной, запутанной и жестокой системой, в которой человеческие жертвы и церемониальный каннибализм играли существенную роль. Их разум был одержим представлениями о грехе и необходимости кровавого умилоствления. Их религия была подобна ужасной карикатуре на

примитивные жертвенные религии Старого Света.

Ацтекская цивилизация была уничтожена экспедицией под предводительством Кортеса (1485–1547). В его распоряжении было одиннадцать кораблей, четыре сотни европейцев, двести индейцев, шестнадцать лошадей и четырнадцать орудий. Но в Юкатане к ним прибился бродяга-испанец, который был пленником индейцев несколько лет, более или менее владел несколькими индейскими языками и знал, что властью ацтеков тяготеют многие их подданные — такие же племена индейцев. Именно при их поддержке Кортес прошел

через горы в долину Мехико (1519).

Как он вступил в Мехико, как вождь Монтесума был убит своим же народом в угоду испанцам, как Кортес был осажден в Мехико и бежал, потеряв свои пушки и лошадей, и как после ужасающего отступления к побережью он смог вернуться и покорить всю страну — эту романтическую и захватывающую историю мы даже не станем пытаться здесь пересказать. Население Мексики и поныне в большинстве своем состоит из потомков индейцев, но испанский язык вытеснил местные языки, и та культура, которая существует в этих краях, является католической и

испанской.

Еще более любопытное государство инков стало добычей еще одного искателя приключений, Писарро. Он отплыл от Панамского перешейка в 1530 г. с экспедицией в сто восемьдесят испанцев. Как и Кортес в Мексике, он воспользовался разногласиями местных жителей, чтобы прибрать к рукам обреченное государство. Снова же, как и Кортес, который захватил и сделал своей марионеткой Монтесуму, он обманом взял в плен Великого Инку и пытался править от его имени.

Опять же, мы не сможем здесь как следует разобраться в круговороте последующих событий,

восстаний туземцев, прибытии подкрепления из Мексики и превращения независимого государства индейцев в испанскую колонию. Не сможем мы более останавливаться и на быстром распространении испанских авантюристов по всей остальной Америке за пределами Бразилии, на которую распространялась власть португальцев. Достаточно и того, что в каждой из этих историй почти неизбежно присутствуют авантюристы, а также жестокость и грабеж. Испанцы ни во что не ставили местное население и ссорились между собой — закон и порядок Испании был за много

месяцев и лет от них. Понадобилось немало времени, чтобы от этапа насилия и завоеваний Новый Свет перешел к этапу управления и создания поселений. Но прежде чем в Америке установилось какое-либо подобие порядка, непрерывный поток золота и серебра тек через Атлантику испанскому правительству и народу.

После первой безудержной погони за сокровищами пришло время плантаций и разработки рудников. Именно тогда впервые стала ощутима нехватка рабочей силы в новом мире. Поначалу порабощали индейцев, не гнушаясь никакими жестокостями и

несправедливостью. Но, к чести испанцев, раздались и осуждающие голоса. Индейцы нашли защитников, и притом отважных и самоотверженных защитников, среди монахов-доминиканцев, а также священника Лас Касаса, который сам одно время был плантатором и рабовладельцем на Кубе, пока его не замучили угрызения совести. Также достаточно рано стали привозить негров-рабов из Западной Африки, уже в начале XVI столетия. После некоторого упадка Мексика, Бразилия и испанская Южная Америка стали превращаться в обширные рабовладельческие колонии, приносившие огромные

доходы метрополиям.

Так получилось, что Испании на какое-то время удалось возвыситься и занять главенствующее положение в мировой политике. Это был очень стремительный и незабываемый взлет. С XI столетия этот неплодородный и гористый полуостров был раздираем внутренними конфликтами; его жители-христиане были вовлечены в непрерывно продолжавшуюся борьбу с маврами. Затем, словно по воле случая, Испания обрела единство как раз вовремя для того, чтобы снять первый урожай благ, которые принесло открытие Америки. До этого времени Испания всегда была

бедной страной. На протяжении столетия, однако, благодаря своей монополии на золото и серебро Америки, она диктовала свою волю миру.

Восток и центр Европы по-прежнему ощущали угрозу со стороны турок и монголов, само открытие Америки было последствием турецких завоеваний. Этот потрясающий всплеск интеллектуальной, физической и общественной активности «атлантической околицы» Европы в значительной степени был подкреплён изобретениями монгольских народов — компасом и бумагой, вдохновлен путешествиями

в Азии и растущим знанием о восточно-азиатских цивилизациях и их богатстве. Вслед за Испанией и Португалией в море вышли Франция, Англия и впоследствии Голландия, чтобы принять в свою очередь участие в заморской экспансии и создании колониальных империй.

Центр притяжения европейской истории, который когда-то лежал в Леванте, перемещается теперь от Альп и Средиземного моря к Атлантике. На несколько столетий Османская империя, Россия, Центральная Азия и Китай не так сильно привлекают внимание европейских историков, как прежде. Тем не менее, эти центральные

регионы нашего мира остаются центральными, и их благополучие и участие в мировой политике необходимы для поддержания устойчивой мирной жизни человечества.

11

Давайте рассмотрим теперь политические последствия этого масштабного освобождения и распространения европейских идей в XIV и XV вв. — развития науки, исследования мира, повсеместного распространения знаний посредством бумаги и

книгопечатания, новоявленного стремления к свободе и равенству. Как все это влияло на придворную политику и королей, которые олицетворяли собой власть? Мы уже убедились в том, что влияние католической церкви на сознание людей в эту эпоху существенно ослабело. Только у испанцев, недавно вышедших из долгой и в итоге победоносной религиозной войны с исламом, еще оставалось более-менее живое католическое рвение. Турецкие завоевания и расширение пределов известного мира лишили Римскую империю ее былого статуса универсальности. Старый идейный и нравственный

каркас Европы стал разваливаться.

Как все это сказывалось на герцогах, князьях и королях старой закваски на протяжении этого века перемен?

В Англии, как мы расскажем позднее, очень интересные, хотя пока едва различимые тенденции вели к новому способу руководства государством — парламентаризму, которому предстояло в дальнейшем распространиться едва ли не на весь мир. Нов XVI в. об этих тенденциях мир еще не имел представления.

Немногие из монархов оставили нам откровенные дневники. Быть монархом и быть откровенным — несовместимые достоинства. Со

всей неизбежностью монархия — это притворство. Исторiku поневоле приходится домысливать, насколько позволяют способности, чем была наполнена голова, которая носила корону. Несомненно, психология царственных особ менялась от века к веку. Но в нашем распоряжении есть сочинения одного достаточно одаренного человека этого периода, который поставил перед собой задачу изучить и изложить на бумаге, что представляет собой искусство быть королем, как оно понималось в конце XV в.

Этим человеком был знаменитый флорентиец Никколо Макиавелли (1469–1527). Он родился

в знатной и обеспеченной семье, к двадцати пяти годам уже занимал видное общественное положение в Республике. Восемнадцать лет он провел на флорентийской дипломатической службе, принимал участие в нескольких посольствах, а в 1500 г. его отправили во Францию вести переговоры с французским королем. С 1502 до 1512 г. он был правой рукой Содерини, гонфалоньера (пожизненного президента) Флоренции. Макиавелли занимался реорганизацией флорентийской армии, писал речи для гонфалоньера, был, по сути, мозговым центром всей флорентийской политики. Содерини,

который опирался на французов, был сброшен семьей Медичи, которых поддерживали испанцы. Макиавелли, хоть он и предложил свои услуги победителям, пытали на дыбе, а затем изгнали. Он обосновался на вилле возле Сан-Кашано, где-то в двенадцати милях от Флоренции, и там коротал время за тем, что сочинял и собирал скабрзные рассказы для своего друга в Риме, а также писал книги об итальянской политике, в которой он больше не мог принимать участие. Так же, как мы обязаны книгой путешествий Марко Поло его заточению, так и «Государь» («Князь»), «История Флоренции» и «О военном

искусстве» Макиавелли увидели свет благодаря его падению и скуке Сан-Кашано.

Непреходящая ценность этих книг заключается в их четком представлении качеств и ограничений правящих умов той эпохи. В изложении Макиавелли это занятие — быть правителем — рассмотрено с исключительной логической последовательностью, что поможет всесторонне понять его.

На его восприимчивый разум огромное впечатление произвела личность Цезаря Борджа, герцога Валентине, коварная, жестокая, полная дерзких и честолюбивых желаний. Макиавелли, еще будучи

флорентийским послом, провел в его лагере несколько месяцев. Эта блистательная личность и послужила прообразом идеального правителя, «государя» Макиавелли. Цезарь Борджа (1476–1507), чтобы у читателей не оставалось неясностей, был сыном Папы Александра VI, Родриго Борджа (1492–1503).

Читателя, возможно, удивит, что у римского Папы был сын, но это был, не следует забывать, Папа предреформационной эпохи. Папство тех времен не слишком обременяло себя тяготами морали, и хотя Александру, как священнику, по обету следовало оставаться безбрачным, это не мешало ему

открыто жить в своего рода свободном супружестве и тратить ресурсы христианского мира на продвижение своей семьи.

Юношей Цезарь был жизнелюбом даже по меркам того времени: он приказал убить своего старшего брата и был мужем своей сестры Лукреции. Цезарь Борджа в дальнейшем предал и убил еще не одного человека. С помощью своего отца он стал герцогом, завладев обширной областью в Центральной Италии; тогда его и посетил Макиавелли. Военных способностей герцог Борджа почти или вовсе не выказал, зато проявил немалую смекалку в политических вопросах.

Его великолепию было суждено продлиться недолго. Когда вскоре умер его отец, оно лопнуло, как мыльный пузырь. То, что сам по себе Цезарь Борджа не представляет ничего интересного, разве что в плане психических отклонений, Макиавелли не смог разглядеть. Для нас Цезарь Борджа представляет интерес лишь потому, что для Макиавелли он был воплощением идеала превосходного и успешного правителя.

Немало было исписано бумаги, чтобы доказать, что у Макиавелли в основе его политических сочинений лежали широкие и благородные намерения. Но все подобные

попытки выставить его в привлекательном свете едва ли убедят скептического читателя, который предпочитает принимать то, что написано в строках, вместо того, чтобы выискивать нечто вообразимое между строк сочинения Макиавелли. Этот человек определенно не верил ни в какую справедливость или порядочность, не верил в Бога — правителя мира или в Бога в человеческом сердце и не представлял, какой силой обладает разум человека.

Чуждыми для него были и утопические видения всемирного человеческого порядка, попытки воплотить в действительность «Град

Божий». Ничего этого он не хотел. В его представлении обрести власть, удовлетворять свои желания, вожделения и ненависть, упиваться властью и демонстрировать всем свою власть — было венцом человеческих стремлений. Только государь мог вполне воплотить в действительность такую жизнь.

Возможно, некоторая робость или же осознание того, что лично ему такие притязания не по плечу, заставили Макиавелли отказаться от этих мечтаний. Но он мог надеяться служить государю, жить рядом с его славой, делить с ним богатство и вожделения, удовлетворение злых замыслов. И князь однажды

почувствует, что ему никак не обойтись без своего незаменимого Макиавелли! Как следствие он стал «знатоком» государственной механики. Он содействовал падению Содерини.

Когда Медичи отправили его на дыбу, а затем в изгнание, и у Макиавелли не осталось надежд стать хотя бы преуспевающим придворным паразитом, он написал этот учебник коварства, чтобы показать, какого умного слугу утратил кое-кто из сильных мира сего. Его основным правилом, его великим вкладом в политическую литературу был постулат о том, что нравственные обязательства,

которыми руководствуются обычные люди, не должны ограничивать правителей.

Италия тогда оставалась слабой и разделенной, она могла подвергнуться нападению турков и ее спасла от турецкого завоевания только смерть султана Мехмеда; французы и испанцы соперничали за нее так, словно она была лишена права голоса. По этой причине некоторые склонны приписывать Макиавелли добродетель патриотизма — потому только, что в его представлениях Италия могла стать единой и сильной. Но, опять же, в такой возможности он видел лишь прекрасный шанс для своего

государя показать себя. Макиавелли был сторонником национальной армии, но потому, что видел — итальянский метод вести войну, нанимая банды иноземных наемников, был безнадежен. В любое время такие войска могли перейти на сторону того, кто больше заплатит, или приняться за грабеж страны, которую их наняли защищать. Макиавелли был под глубоким впечатлением от тех побед, которые одержали швейцарцы над миланцами, но он так и не раскрыл секрета, что именно их свободолюбие сделало возможными эти победы. Флорентийская милиция, которую он создал,

оказалась совершенно никчемной. Макиавелли как политик оказался слепорожденным для того, чтобы понять, что делает людей свободными, а нации — великими.

12

Интересно отметить, что швейцарская пехота, которая так впечатлила Макиавелли, как раз не была частью автократической системы европейских «государей». В самом центре европейской системы возникла небольшая конфедерация свободных республик — Швейцарская конфедерация, которая

после нескольких веков номинального вхождения в состав Священной Римской империи стала в 1499 г. настоящей Республикой. Уже в начале XIII в. свободные крестьяне трех долин вокруг Люцернского озера задумались над тем, не стоит ли им избавиться от иноземных господ и строить далее свою жизнь по-своему. Больше всего беспокоили их притязания знатной семьи Габсбургов. В 1248 г. жители Швица сожгли замок Новый Габсбург, который был построен возле Люцерна, чтобы держать их в страхе и покорности; руины этого замка и поныне можно видеть там.

Семья Габсбургов относилась к

числу тех, чьи владения и чей вес в европейской политике становились все значительнее от поколения к поколению. У них были земли и собственность по всей Германии, а в 1273 г., после того, как оборвалась династия Гогенштауфенов, Рудольф Габсбургский был избран императором Германии, и эта привилегия закрепилась за его семьей, став, по сути, наследственной.

Тем не менее, жители кантонов Ури, Швиц и Унтервальден не желали, чтобы ими правили какие-то Габсбурги. Они создали в 1291 г. «вечный союз» и смогли выстоять в своей горной республике, сначала

как свободные члены империи, а затем как совершенно независимая конфедерация. Для того, чтобы рассказать героическую легенду о Вильгельме Телле, у нас нет места, не сможем мы проследить и то, как конфедерация постепенно выросла до своих настоящих границ. Другие долины, жители которых говорили на французском, итальянском и ретороманском языках, впоследствии присоединились к этому отважному союзу маленьких республик. Швейцарский флаг с красным крестом стал с той поры символом интернационального гуманизма среди потрясений военного времени. Прекрасные цветущие города

Швейцарии не раз давали приют
вольнодумцам, преследуемым
тиранами всех мастей.

13a

Большинство выдающихся
персонажей истории обязаны своему
заметному положению неким
исключительным личным качествам,
хорошим или плохим, чем и
выделяются из числа своих
собратьев. Но в 1500 г. в бельгийском
городе Генте родился один человек,
средних способностей и
мизантропического темперамента,
сын душевнобольной матери,

которую взяли в жены из государственных соображений, и ему суждено было оказаться, пусть и не по своей вине, в эпицентре долго зревшего общественного и политического взрыва в Европе.

Историк поневоле вынужден поставить его, незаслуженно, по стечению обстоятельств, в один ряд с такими заметными личностями, как Александр Македонский, Карл Великий и Фридрих II. Этим человеком был император Карл V. Какое-то время о нем говорили, как о величайшем монархе Европы со времени Карла Великого. И сам он, и его иллюзорное величие были плодами государственного подхода к

супружеству его деда, императора Максимилиана I (1459–1519).

Некоторые семьи оружием, некоторые интригами прокладывали себе путь к вершинам власти; Габсбурги делали это, заключая выгодные браки. Максимилиан начал свой путь, обладая наследственными владениями Габсбургов — Австрией, Штирией, частью Эльзаса и другими областями. Женился он — имя его избранницы, пожалуй, можно опустить — на Нидерландах и Бургундии. Большая часть Бургундии ускользнула от него вместе со смертью его первой жены, но Нидерланды все же остались за ним. Затем он безуспешно пытался

жениться на Британии. Вслед за своим отцом, Фридрихом III, он стал императором в 1493 г. и женился на герцогстве Миланском. В конце концов, он женил своего сына на слабоумной дочери Фердинанда и Изабеллы, тех самых испанских монархов, покровителей Колумба, которые правили не только свежеиспеченным Испанским королевством, Сардинией и королевством Обеих Сицилии, но и, в силу папского дарения, всей Америкой западнее Бразилии. Вот так и вышло, что Карлу, его внуку, досталась в наследство большая часть Американского континента и еще от трети до половины того, что

турки оставили от Европы. Отец Карла умер в 1506 г., и Максимилиан сделал все, чтобы императорский трон в свое время перешел к его внуку.

Карл унаследовал Нидерланды в 1506 г.; он стал фактическим королем испанских владений, поскольку его мать была невменяема, когда умер его дед испанский король Фердинанд в 1516 г.; а после смерти его деда Максимилиана в 1519 г. он был избран императором в сравнительно юном возрасте — без малого двадцати лет.

Его соперником на выборах императора был Франциск I, молодой и блистательный король

Франции, который унаследовал французский трон в двадцать один год, в 1515 г. Кандидатуру Франциска поддерживал Папа Лев X (1513), который также заслуживает эпитета «блистательный». Сам этот век, как видим, оказался веком блистательных монархов. Это был век Бабура в Индии (1525–1530) и Сулеймана в Турции (1520). И Папа Лев, и Франциск опасались сосредоточения такой огромной власти в руках одного человека, чем грозило избрание Карла. Оставался еще один монарх, имевший вес в Европе, Генрих VIII, который стал королем Англии в 1509 г. в возрасте восемнадцати лет. Он также

предлагал свою кандидатуру на императорство, и читатели-англичане могут при желании пофантазировать, каковы были бы возможные последствия такого избрания.

Этот королевский треугольник давал полный простор для дипломатии. Карл по пути из Испании в Германию посетил Англию и заручился поддержкой Генриха против Франциска, подкупив его министра, кардинала Уолси. Но Генрих не скупился и на проявления дружбы с Франциском. Его посещение Франции (1520) сопровождалось пиршествами, турнирами и прочими устаревшими

проявлениями рыцарской галантности. Рыцарство в XVI в. было лишь манерным притворством. Императора Максимилиана I немецкие историки иногда называют «последним из рыцарей».

Успешное избрание Карла, отметим это особо, было обеспечено существенными денежными суммами, которые пришлось потратить на подкуп.

Среди тех, кто оказывал Карлу наибольшую поддержку и кредит, был влиятельный немецкий торговый дом Фуггеров. Это обширное обращение денег и кредитов, что мы называем финансами, которое исчезло из европейской

политической жизни с падением Римской империи, начинало вновь набирать силу. Появление влиятельных финансистов, подобных семье Фуггеров, дома и дворцы которых затмевали императорские, отмечает движение вверх тех сил, которые стали складываться двумя-тремя столетиями ранее, во французском Кагоре, во Флоренции и других итальянских городах. Деньги, долги и кредиторы, общественные волнения и недовольство, вызванное долговым бременем, мы снова видим в своей прежней роли на миниатюрной сцене этих «Очерков». Карл V был императором не столько семьи Габсбургов, сколько семьи

Фуггеров.

С самого начала правления Карла в Германии на него навалились все те неразрешенные противоречия, которые одолевали западное христианство. Открытое неприятие папизма, которое не прекращалось с дней Гуса и Уиклифа, подхлестнула новая, небывалая в своем цинизме торговля индульгенциями, затеянная ради сбора денег на завершение собора св. Петра в Риме. Один немецкий монах по имени Мартин Лютер (1483–1546), возведенный в сан священника, знаток Библии, посетил Рим по делам своего ордена и был глубоко потрясен безбожным

образом жизни и роскошью папства. Лютер выступил против этой уловки папства — индульгенций — в Витгенберге (1517), настаивая на открытом обсуждении и предложив к нему свои тезисы. Это дало начало полемике, имевшей, как оказалось, далеко идущие последствия.

Поначалу Лютер излагал свои суждения на латыни, но затем перешел на немецкий, и очень быстро его идеи вызвали брожение в умах. Когда Карл вернулся из Испании в Германию, этот спор успел разгореться в полную силу. Карл созвал рейхстаг в Вормсе на Рейне (1521). Лютеру также было ведено явиться, где он должен был,

по требованию Папы Льва X, отречься от своих взглядов. Лютер прибыл и, совершенно в духе Гуса, отказался от отречения, пока, заявил он, его не убедят в ошибке логическими аргументами или авторитетом Писания. Но покровители Мартина Лютера среди немецких князей были слишком сильны, чтобы его постигла участь Яна Гуса.

Ситуация, в которой оказался юный император, была не из легких. Есть основания предполагать, что поначалу он был настроен поддержать Лютера в противовес Папе. Лев X выступал против избрания Карла и был в

дружественных отношениях с его соперником Франциском I.

Но Карл V был плохим последователем Макиавелли, к тому же пребывание в Испании отразилось на его серьезном восприятии католичества. Он принял решение не в пользу Лютера. Но за реформатора вступились многие из немецких князей, и в особенности курфюрст Саксонии Фридрих. Лютер укрылся в безопасном месте, пользуясь покровительством курфюрста, оставив Карлу решать, как заделать ту трещину, которая, как оказалось, разделила западное христианство на два враждующие лагеря.

Одновременно и в связи с этими религиозными неурядицами по Германии прокатилась волна крестьянских восстаний. Лютер был сильно напуган этой вспышкой народного гнева. Он был потрясен крайностями слепого бунта, и с тех пор Реформация, которую он утверждал своими тезисами, перестала быть народной реформацией и стала Реформацией княжеской. Лютер, который когда-то так мужественно отстаивал право на свободное суждение, утратил в него веру.

Тем временем Карлу становилось все очевиднее, что его обширной империи угрожают и с

запада, и с востока. На запад от него был его неутомимый соперник Франциск I, на востоке — турки: они напали на Венгрию, вступили в союз с Франциском и теперь требовали, чтобы австрийские земли платили им дань. В распоряжении Карла были испанские деньги и армия. Но крайне сложным оказалось получить ощутимую денежную помощь из Германии. Его дед реформировал немецкую пехоту по примеру швейцарцев, во многом на манер, который изложил Макиавелли в своем трактате «О военном искусстве». Но этим войскам надо было платить, и траты императора покрывались необеспеченными

займами, которые, в конечном итоге, привели его кредиторов Фуггеров к банкротству.

В целом борьба Карла, поддержанного Генрихом VIII, с Франциском I и турками была успешной. Большинство сражений происходило главным образом в Северной Италии. Командование и с той и с другой стороны было бестолковым и неповоротливым, приказ наступать или отступить отдавался, как правило, в зависимости от прибытия подкреплений. Немецкая армия вторглась во Францию, безуспешно осаждала Марсель, отступила в Италию, потеряла Милан и, наконец,

сама оказалась осажденной в Павии. Франциск I долго осаждал Павию, не смог ее взять, был захвачен врасплох свежими немецкими войсками, был разгромлен, ранен и взят в плен. Он писал своей королеве, что «все потеряно, кроме чести», заключил унижительный мир и нарушил его, как только его освободили, — так что и честь удалось сберечь ненадолго.

Генрих VIII и Папа Климент VII, в полном соответствии с законами макиавеллиевской стратегии, перешли на сторону Франции, чтобы помешать чрезмерному усилению Карла. Немецкие части в Милане под предводительством коннетабля

Бурбона, давно не получавшие жалования, скорее повели своего командира, чем последовали за ним, в поход на Рим. После штурма Рим оказался в полной власти у рейтаров. Папа укрылся в крепости Сан-Анджело, пока немцы мародерствовали и издевались над римлянами. Наконец, Папе удалось откупиться от немцев, выплатив им четыреста тысяч дукатов. Десятилетие такой бессмысленной и бесцельной войны истощило всю Европу, хотя Милан все-таки остался у императора. В 1530 г. Папа короновал его в Болонье — Карл был последним германским императором, принявшим корону из

рук Папы. Можно представить себе, какой торжественный вид напустил на себя молодой император, впрочем, как того и требовала, пусть и сомнительная, но почетная церемония.

Тем временем турки расправлялись с Венгрией. Они нанесли поражение и убили венгерского короля в 1526 г., взяли Буду и Пешт, а в 1529 г., как мы уже говорили, Сулейман Великолепный едва не захватил Вену. Императора не на шутку встревожило продвижение турок, и он прилагал все силы, чтобы отогнать их как можно дальше от своих границ. Сложнее всего оказалось заставить немецких князей

объединиться — даже пред лицом такого могущественного противника, подступившего к самым границам империи.

С Франциском также никак не удавалось договориться. Началась новая война с французами, но в 1538 г. Карлу все же удалось сделать своего соперника более дружелюбным, пройдя огнем и мечом юг Франции. Франциск и Карл договорились о союзе против турок, но немецкие князья-протестанты, которые решительно были настроены порвать с Римом, образовали Шмалькальденский союз (от названия городка Шмалькальден в Гессене, где была составлена

конституция союза). И вместо того, чтобы встать во главе величественного похода христиан и отвоевать Венгрию для Европы, Карлу пришлось заниматься давно зревшей междоусобицей в Германии. Сам он увидел только начало этой войны. Эта борьба за первенство среди тех, кто правил Германией, кровопролитная и противоречащая здравому смыслу, то вспыхивала с разрушительной силой, то снова опускалась до уровня интриг и дипломатии. Словно клубок змей, политики — ученики Макиавелли, никак не могли остановиться, и эта схватка продолжалась до XIX столетия, неся смерть и запустение

Центральной Европе.

Императору так и не удалось понять, какие действительные силы играли роль приводных пружин в этом столкновении интересов. Он был, для его времени и положения, на редкость набожным человеком и принимал религиозную вражду, которая вот-вот должна была расколоть Европу на множество враждующих государств, как подлинно теологические расхождения во взглядах. Он созывал конгрессы и советы, тщетно пытаясь добиться примирения. Изучая историю Германии, неизбежно приходится вникать в детали Нюрнбергского религиозного мира,

постановлений Ратисбонского
рейхстага, Аусбургского исповедания
и т. д.

На самом деле едва ли кто-
нибудь среди европейских
правителей вел свою политику
честно. Религиозный конфликт,
ширившийся в Европе, стремление
простых людей к правде и
социальной справедливости, знание,
набиравшее в то время силы, — все
это были ненужные помехи в
представлении царственных
дипломатов. Генрих VIII начинал
свою карьеру с книги, написанной
против ересей, и получил от Папы в
награду титул «охранитель веры». Стремясь развестись со своей первой

бездетной женой ради юной леди Анны Болейн, желая также выступить против императора заодно с Франциском I и присвоить немалые богатства церкви в Англии, он в 1530 г. примкнул к королям-протестантам. Швеция, Дания и Норвегия к тому времени уже перешли на сторону протестантов.

Религиозная война в Германии началась в 1546 г., через несколько месяцев после смерти Мартина Лютера. Нет необходимости подробно излагать детали этой кампании. Протестанты были наголову разбиты у Лохау. В результате шага, который иначе как вероломством не назовешь, удалось

захватить и заточить в тюрьму Фридриха Гессенского, главного из оставшихся противников императора. От турок удалось откупиться, пообещав ежегодно платить дань. В 1547 г., к великому облегчению императора, умер Франциск I. Тем самым Карл получил своего рода передышку и сделал последнее усилие установить мир там, где мира уже не было.

В 1552 г. вся Германия снова было охвачена войной, и только поспешное бегство из Инсбрука спасло Карла от пленения. С договором в Пассау наступило еще одно непрочное перемирие. Карлу больше не вмоготу было нести

величие и заботы империи. Он никогда не отличался особенно крепким здоровьем, от природы был малоактивен и вдобавок сильно страдал от подагры. Карл V принял решение отречься. Он передал все суверенные права на Германию своему брату Фердинанду, а Испанию и Нидерланды отписал сыну Филиппу. Затем, с видом непонятого и отвергнутого благородства, он удалился в монастырь св. Юста, стоявший между холмов, покрытых каштановыми и дубовыми лесами, к северу от долины Тахо в Испании. Там он и умер в 1558 г.

Много было написано прочувствованных слов об этом уходе

от мира, о самоотречении
величественного, утомленного
мирской суетой Титана, искавшего в
аскетическом уединении мира с
Богом. Но его отречение не было ни
уединенным, ни аскетическим. При
нем оставалось почти сто пятьдесят
человек прислуги — оставив заботы
двора, он сохранил на новом месте
все удобства дворцовой жизни; а
Филипп II был послушным сыном,
для которого совет отца был равен
приказу.

Что же касается аскетизма, то
выслушаем свидетельство Прескотта:

[\[78\]](#)

«В почти ежедневной

переписке, которая шла между секретарями Карла и министром в Вальядолиде, едва ли найдется письмо, в котором так или иначе не говорилось бы о меню императора или его болезни. Одна из этих тем следовала естественным порядком за другой, словно бы комментарий к ней. Едва ли где-нибудь еще подобные темы составляли основное содержание государственной корреспонденции. Должно быть, министру непросто

было сохранять серьезный вид, по долгу службы прочитывая эти послания, в которых политика и гастрономия смешались столь странным образом. В обязанности курьера, курсировавшего между Вальядолидом в Лиссабоном, входило делать крюк, чтобы заехать в монастырь св. Юста и доставить провизию к императорскому столу. По четвергам он должен был доставлять рыбу для пятничного поста. Форель, которую ловили в этих

местах, Карл считал мелковатой, так что следовало присылать из Вальядолида другую, покрупнее. Он вообще был большим любителем всякой рыбы, как и всего прочего, что по своей природе и повадкам походило на рыбу. Угри, лягушки, устрицы занимали важное место в королевском меню. Он отдавал должное и сельди, а особенно анчоусам, и не раз жаловался, что следовало прихватить с собой большой запас из

Нидерландов. К паштету из угрей он был особенно равнодушен...»[\[79\]](#)

В 1554 г. Карл получил буллу от Папы Юлия III, даровавшего ему освобождение от поста — позволялось не соблюдать пост даже в утро перед причастием.

«Карлу было небезразлично, в каком виде он будет появляться в монастыре св. Юста: видно из того, что в его гардеробе было не менее семнадцати бархатных и шелковых мантий, подбитых

горностаевым мехом, гагачьим пухом или мягкой шерстью горного козла. Что же касается мебели и отделки его покоев, то не стоит полагаться на безосновательные слухи, ходившие о строгости его жизни. Для этого достаточно бегло взглянуть на опись его имущества, составленную вскоре после смерти их хозяина. Здесь мы находим и ковры из Турции и Алькараса, балдахины из бархата и других тканей, драпировки из тонкой черной ткани,

которые Карл после смерти матери всегда подбирал для своей спальни. Прочим апартаментам достались не менее двадцати пяти гобеленов фламандской работы, богато вышитых изображениями зверей и пейзажей...

Среди предметов утвари мы видим различные блюда и тарелки, одни — из чистого золота, другие отличаются особо тонкой работой. В этот век работа по драгоценным металлам достигла небывалого

совершенства, и можно не сомневаться, что некоторые из самых замечательных образцов оказались в собственности императора. Вес посуды из драгоценных металлов в целом был определен в двенадцать или тринадцать тысяч унций...[\[80\]](#)»[\[81\]](#)

Карл так и не привык к чтению, но любил, чтобы ему, на манер Карла Великого, читали за обедом, сопровождая чтение, как выразился один из чтецов, «приятными и возвышенными замечаниями». Он проводил время, развлекаясь с

механическими игрушками, слушая музыку или церковные проповеди, разбирая государственные дела, которые по-прежнему стекались к нему. Смерть императрицы, с которой он был неразлучен, еще более усилила его религиозность, которая приобрела педантичную и даже изуверскую форму; каждую пятницу вместе с прочими монахами он предавался самобичеванию с таким рвением, что кровь выступала из ран.

Это новое увлечение дало выход его склонности к религиозному фанатизму, которую прежде Карл сдерживал из соображений политики.

Появление

протестантского учения буквально у него под боком в Вальядолиде довело его до бешенства. «Передайте от меня великому инквизитору и его совету, что должно незамедлительно пресечь зло в корне, прежде чем оно успеет распространиться...»

Он задавался вопросом, не лучше ли будет упразднить для такого злодеяния, как ересь, обычную процедуру правосудия и позабыть о милосердии, «чтобы преступник, получив прощение, тем самым не получил бы возможности вновь взяться за свое». Он советовал поступать так, как было заведено им самим в Нидерландах, «где тех, кто упорствует в своих заблуждениях,

сжигали заживо, а раскаявшихся обезглавливали».

Почти символичным для места и роли Карла в истории было его увлечение похоронами, словно ему не давала покоя потребность собственноручно написать «конец» чему-то, что отжило свой век. Он посещал все похороны, которые устраивались в монастыре, заказывал службы при отсутствии умершего, ежегодно поминал свою жену в годовщину ее смерти, наконец, побывал и на собственных похоронах.

«Часовня была
задрапирована черным, и

сотни зажженных восковых свечей не могли разогнать мрак. Одетые в черное монахи, домашние императора в черных траурных одеяниях обступили огромный катафалк, также затянутый черным, который установили посередине часовни. Началось отпевание, а затем стали читать молитвы, с которыми тело покойного предадут земле. Среди скорбных стенаний монахов возносились молитвы об отошедшей

душе, чтобы она была принята в обители благословенных.

Собравшиеся на службу то и дело роняли слезу, лишь представив себе картину смерти их хозяина, — а может быть, их тронуло проявление слабости, и в самом деле достойное сожаления.

Карл, закутавшись в темную накидку, держа в руках зажженную свечу, смешался со своими домашними — зритель на собственных похоронах. Печальная церемония

завершилась тем, что он вложил свечу в руку священника, в знак того, что предает свою душу в руки Всевышнего».

По другим рассказам, Карл, одетый в саван, лежал в гробу, оставаясь там, пока последний из приглашенных не покинул часовню.

Два месяца спустя после этого маскарада он умер. С ним умерло и величие Священной Римской империи. Ей удалось дотянуть до дней Наполеона, но это была уже мертвая империя. И до сих пор ее традиции, так и оставшись без погребения, продолжают отравлять

нашу политическую атмосферу.

Фердинанду, брату Карла V, пришлось продолжить неудачный поиск единства. Новый император встретился с немецкими князьями в Аусбурге в 1555 г., и они еще раз попытались установить религиозный мир. Лучше всего эти попытки найти приемлемое решение и слепоту князей и государственных деятелей по отношению к глубоким и масштабным процессам их эпохи характеризует та формула, которую получило их соглашение. Признание

религиозной свободы следовало применять не к индивидуальным гражданам, а к государствам: *cuius regio ejus religio* — чья страна, того и вера: вероисповедание подданного определяется тем, кто правит его страной.

13в

Мы уделили такое внимание в нашем «Очерке» сочинениям Макиавелли и личности Карла V по той причине, что они помогут нам пролить свет на противоречия последующего периода истории. В настоящей главе мы говорили о

значительном расширении
человеческих горизонтов и о
расширении и распространении
знания. Мы видели, как
пробуждалось сознание простого
человека, как первые очертания
нового и более справедливого
социального порядка начали
распространяться во всех областях
жизни Западной цивилизации. Но
этот процесс освобождения разума и
просвещения не затронул
королевские дворы и политическую
жизнь мира. Все, о чем идет речь у
Макиавелли, вполне мог написать и
кто-либо из умудренных опытом
секретарей при дворе Хосрова I или
Ши Хуанди — или даже при Саргоне

I или фараоне Пепи. В то время как во всех остальных аспектах мир двигался вперед, в политических представлениях, в представлениях об отношениях государства с государством и самодержца с гражданами он оставался на месте. Скорее, даже отступал.

Великую идею о Католической церкви как о всемирном граде Божьем разрушила в представлениях людей сама же церковь; и мечта о мировом империализме, которая, в лице Карла V, бродила по всей Европе, в итоге оказалась на свалке. Казалось, что в политике мир отступил к единоличной монархии ассирийского или македонского

образца.

И дело не в том, что вновь пробужденные интеллектуальные усилия западноевропейцев были слишком поглощены религиозными переменами, научными исследованиями, открытием неисследованных земель и развитием торговли, так что некогда было всерьез задуматься о притязаниях и ответственности правителей. Не только простой народ открывал для себя идеи теократического, республиканского или коммунистического характера в Библии, которая теперь стала общедоступной. Возобновившееся изучение греческой классики

принесло с собой творческий и плодотворный дух Платона, оказавший глубокое воздействие на западный разум.

В Англии сэр Томас Мор (1478–1535) создал изящное подражание платоновскому «Государству» в своей «Утопии», изложив идеи своего рода автократического коммунизма. В Неаполе, столетием позднее, некий монах Кампанелла (1568–1639) не менее смело писал на ту же тему в своем «Городе Солнца». Но подобные дискуссии не имели непосредственного воздействия на политическое устройство. Сравнительно с масштабом задачи, эти книги воспринимались скорее

как поэтические, не слишком убедительные и, в целом, далекие от реальности. (Впрочем, несколько позднее «Утопия» принесла свои плоды в английских «законах о бедных».)

Интеллектуальное и нравственное развитие западноевропейского общества и политическое движение в сторону монархии макиавеллиевского типа какое-то время развивались в Европе параллельно, но обособлено, почти независимо друг от друга. Государственный муж по-прежнему строил планы и интриговал — так, будто ничего больше в мире не было, кроме власти эгоистичных и

самодовольных королей.

И только в XVII и XVIII вв. эти две тенденции — общий поток идей и течение традиционной и эгоистической монархической дипломатии — встретились, чтобы вступить в конфликт.

Книга восьмая

Эпоха великих

держав

Глава тридцать четвертая

Государи, парламенты и державы

**1. Государи и
внешняя политика.**

**2. Голландская
республика.**

**3. Английская
республика.**

**4. Распад и смута в
Германии.**

**5. Блеск и слава
великой монархии в
Европе.**

**6. Музыка в XVII и
XVIII столетиях.**

7. Живопись XVII и XVIII веков.

8. Распространение идеи великих держав.

9. Королевская республика Польша и ее судьба.

10. Первая схватка за империю по ту сторону океана.

11. Британское господство в Индии.

12. Бросок России к Тихому океану.

13. Что Гиббон думал о мире в 1780 г.

14. Социальное

перемирие близится к концу

1

В предыдущей главе мы проследили зарождение новой цивилизации, цивилизации «современного» типа, которая в настоящее время распространяется по всему миру. Она представляет собой обширное не оформившееся явление, которое и в наши дни все еще пребывает в начальных стадиях роста и развития. Мы уже видели, как средневековые идеи Священной Римской империи и Католической

церкви в качестве форм всемирного закона и порядка исчерпали себя, не успев утвердиться. И хотя почти в любой другой области человеческой деятельности наблюдался прогресс, в политической сфере упадок этих всеобщих политических идей Церкви и империи на некоторое время привел к возврату обычных персональных монархий и монархического национализма македонского типа.

Во всем мире конец XVI в. стал свидетелем преобладания монархий, тяготеющих к абсолютизму. Германия и Италия представляли собой лоскутную ткань, сотканную из владений деспотических

правителей, Испания была почти деспотией, никогда в Англии трон не был столь могуществен, а по мере приближения XVII в. Французская монархия постепенно становилась величайшей и самой консолидированной державой в Европе. В данной работе мы не сможем отразить периоды и подробности ее подъема.

При каждом правящем дворе существовали группы министров и секретарей, которые играли в макиавеллиевскую игру против своих зарубежных соперников. Внешняя политика является природным занятием королевских дворов и монархий.

Министерства

иностранных дел — это, так сказать, ведущие персонажи во всех историях XVII и XVIII вв. Они держали Европу в постоянной лихорадке войны. А войны обходились все дороже. Армии больше не представляли собой сборище необученных новобранцев или феодальных рыцарей, которые брали с собой своих собственных лошадей, вооружение и слуг; им требовалось все больше и больше артиллерии; они состояли из наемников, которые требовали оплаты; армии были профессиональными, неповоротливыми и сложными по структуре, они осуществляли длительные осады, им требовались

сложные фортификационные сооружения. Военные расходы возрастали повсеместно и требовали все большего налогообложения.

Именно в вопросе налогообложения монархии XVI и XVII вв. вступили в конфликт с новым и неоформившимся стремлением к свободе в народных массах. Правители на практике обнаружат ли, что они не являются хозяевами жизни или собственности своих подданных. Они столкнулись с неожиданным и затруднительным противодействием налогообложению, без которого они не могли продолжать свою дипломатическую агрессию и

создавать альянсы. Финансы стали буквально злым духом каждого муниципалитета. Теоретически монарху принадлежала вся страна.

Король Англии Яков 1 (1603) провозгласил, что «как есть богохульством и атеизмом ставить под сомнение то, что делает Господь, так есть самонадеянностью и высокомерием для каждого подданного ставить под сомнение то, что делает король, или говорить, что король не может делать то или иное». Однако на практике он уяснил, а его сыну Карлу I (1625) суждено было уяснить еще более действенно, что в его владениях было большое количество землевладельцев

и торговцев, людей умных и состоятельных, которые устанавливали очень четкий предел требованиям и притязаниям монарха и его министров. Они готовы были относиться терпимо к его правлению, если сами они тоже могли быть монархами на своих землях, в своем бизнесе, профессии или где-либо еще. По-иному быть не могло.

Повсюду в Европе происходило то же самое. Внизу, под королями и князьями были монархи более мелкие, владельцы частной собственности, дворянство, богатые граждане и им подобные, которые начинали теперь оказывать своему

верховному правителю
сопротивление, очень похожее на то,
которое оказывали в Германии
короли и правители своему
императору. Они хотели ограничить
налогообложение, так как оно
лежало на них тяжким бременем,
они хотели быть свободными в своих
собственных домах и имениях. А
распространение книг, грамотности
и международных связей давало этим
малым монархам, этим монархам
собственности возможность
развивать общность идей и единство
сопротивления, чего не было ни в
одном из предыдущих периодов
мировой истории. Они были
настроены противостоять правителю

езде, но не везде у них были одинаковые возможности для организованного сопротивления. Благодаря экономическим условиям и политическим традициям, Нидерланды и Англия оказались первыми странами, где актуальной стала проблема антагонизма между монархией и частной собственностью. Поначалу этой «общественности» XVII в., этому обществу собственников было мало дела до внешней политики. Они не понимали, каким образом она их затрагивает. Они не хотели ею тяготиться; они решили, что это дело королей и правителей. Поэтому они и не пытались контролировать

сложные и запутанные иностранные дела. Но именно против прямых последствий внешнеполитических реалий они и восстали: они не соглашались с жестким налогообложением, с вмешательством в их торговлю, с правовым произволом, с монаршим контролем вероисповедания. В этих вопросах они стали резко расходиться с королевской властью.

Разрыв Нидерландов с абсолютизмом положил начало целому ряду подобных конфликтов на протяжении XVI и XVII вв. Они очень сильно различались в деталях благодаря местным и национальным особенностям, но по своей сути эти

конфликты были восстаниями против идеи всевластного правителя, его религиозной и политической направленности.

В XII в. вся территория по Нижнему Рейну была распределена между несколькими мелкими правителями, а население состояло из германцев на кельтской основе, с более поздними датскими примесями; эта структура очень похожа на английскую. Юго-восточное ее крыло говорило на французских диалектах; основная часть — на фризском, голландском и других нижегерманских языках. Важную роль для истории Нидерландов сыграли Крестовые

походы. Годфрид Бульонский, который захватил Иерусалим (Первый крестовый поход), был бельгийцем, а основатель так называемой Латинской династии императоров в Константинополе (Четвертый крестовый поход) был Болдуин Фландрский (их называли латинскими императорами, потому что они были на стороне Римско-католической церкви).

В XIII и XIV вв. в Нидерландах возникли крупные города: Гент, Брюгге, Ипр, Утрехт, Лейден, Харлем и другие; в этих городах сформировались полунезависимые муниципальные правительства и класс просвещенных горожан. Мы не

будем утомлять читателя рассказом о династических междоусобицах, которые оказывали обоюдное влияние на события в Нидерландах и Бургундии (Восточная Франция) и которые в конечном счете привели к тому, что верховная власть там была унаследована императором Карлом V. Именно при Карле протестантские доктрины, которые уже господствовали в Германии, распространились и в Нидерланды. Карл подвергал протестантов серьезным гонениям, но в 1556 г., как мы уже говорили, он передал выполнение этой задачи своему сыну Филиппу (Филипп II). Энергичная внешняя политика Филиппа — он

вел войну с Францией — вскоре стала вторым источником проблем, возникших между ним и нидерландскими горожанами и дворянством, потому что ему приходилось обращаться к ним за помощью в снабжении войск. Знатные дворяне под предводительством Вильгельма Молчаливого, принца Оранского, а также графов Эгмонтских и Хорнских возглавили народное сопротивление, в котором протест против налогообложения тесно переплелся с протестом против религиозных преследований. Поначалу знатные дворяне не были протестантами — протестантами

они становились по мере того, как. возрастала ярость борьбы. Простые люди уже давно были яркими протестантами.

Филипп был решительно настроен и дальше управлять как собственностью, так и убеждениями своих подданных в Нидерландах. Он послал туда отборные испанские войска и назначил генерал-губернатором некоего дворянина по имени Альба — одного из тех безжалостных «сильных» людей, которые свергают правительства и монархии. Некоторое время тот правил страной железной рукой, однако железная рука вселяет железную душу в тело, которое она

сжимает, и в 1567 г. в Нидерландах началась настоящая революция. Альба убивал, увольнял и устраивал резню — все тщетно. Графы Эгмонтский и Хорнский были казнены. Вильгельм Молчаливый стал великим предводителем голландцев, королем де-факто. Борьба за свободу продолжалась долго и сопровождалась многими трудностями; примечательно, что на протяжении всей этой борьбы восставшие продолжали считать Филиппа II своим королем — при условии, что он будет благоразумным королем с ограниченными правами. Но в то время идея ограниченной монархии была совершенно

неприемлема для коронованных глав Европы, и наконец Филипп предоставил Соединенным провинциям, которые мы теперь называем Голландией, республиканскую форму правления. Именно Голландии, а не всем Нидерландам; юг Нидерландов — Бельгия, как мы теперь называем эту страну, — под конец борьбы так и остался католическим и продолжал быть испанским владением.

Осада Алкмара (1573), как ее описывает Мотли,^[82] может служить характерным примером этого длительного и ужасного конфликта между маленьким голландским народом и все еще огромными

ресурсами католического
империализма.

«И теперь, когда перед
глазами у них был
разрушенный и
опустошенный Харлем —
возможно, пророческий
призрак будущего, которое
им угрожало, — горстка
людей, окруженных в
Алкмаре, приготовилась к
наихудшему. Основную
надежду они возлагали на
море, которое могло им
помочь. Всего в нескольких
милях от них находилась
разветвленная система

шлюзов, с помощью которой можно было очень быстро осуществить затопление всей северной провинции. Открыв эти шлюзы и проломив несколько плотин, можно было сделать так, чтобы океан сражался на их стороне. Но для получения такого результата требовалось согласие жителей, поскольку уничтожение урожая в полях было бы неизбежным. Город был очень плотно окружен, поэтому трудно было найти

исполнителя для такого
опасного задания. Наконец
городской плотник по
имени Петер ван дер Мей
решился на это
рискованное предприятие..

Вскоре дела в
осажденном городе
приблизились к
критической точке. У стен
города происходили
ежедневные стычки, не
дававшие решительного
перевеса ни одной из
сторон. И вот, 18 сентября,
после непрерывного
обстрела, который
продолжался около

двенадцати часов, дон
Фредерик, [\[83\]](#) в три часа
пополудни, отдал приказ
перейти в наступление.
Несмотря на свой
семимесячный опыт в
Харлеме, он все еще не
сомневался, что возьмет
Алкмар штурмом.
Наступление велось
одновременно на Фризские
ворота и на Красную
башню с противоположной
стороны. Атаку возглавляли
отборные полки, недавно
прибывшие из Ломбардии;
убежденные в легкой
победе, они наполняли

воздух своими криками.
Уверенности им придавала
подавляющая мощь
дисциплинированных
войск. Однако эта атака,
как никакая другая, даже в
недавней истории Харлема,
натолкнулась на
невиданное бесстрашие
защитников города.
Каждый, кто мог, был на
крепостных стенах.
Штурмовые группы были
встречены огнем из пушек,
мушкетов, пистолей.
Ежесекундно на них
обрушивались кипяток,
кипящие смола и масло,

расплавленный свинец и негашеная известь. А как только кто-либо из захватчиков добирался до пролома в стене — их лицом к лицу встречали бюргеры, вооруженные мечами и кинжалами, и сбрасывали вниз в ров с водой...

Трижды наступление возобновлялось со всевозрастающим ожесточением — и трижды оно было отбито с непреклонной стойкостью. Штурм продолжался четыре часа подряд. За это

время никто из
оборонявшихся не покидал
своей позиции, пока не
падал раненый или
убитый... Прозвучат сигнал
отбоя, и испанцы,
совершенно утратившие
свой боевой дух, отступили
от стен, оставив не менее
тысячи убитых в траншеях,
в то время как потери
защитников города
составили всего лишь
тринадцать бюргеров и
двадцать четыре солдата
гарнизона...

А тем временем, после
того как губернатор Соной

открыл многие плотины,
земля вокруг лагеря
становилась вязкой и
топкой, хотя ожидаемого
затопления не произошло.
Солдаты стали
недовольными и
непослушными.
Доброволец-плотник зря
времени не терял...»

Он возвращался с посланиями
для города. Случайно или
специально, когда пробирался в
город, он эти тексты потерял, и они
попали в руки Альбы. Послания
содержали четкое обещание принца
Оранского затопить страну, чтобы

утопить всю испанскую армию. Конечно, при этом погибла бы также большая часть урожая и скота в Голландии. Однако Альба, прочитав эти бумаги, не стал ждать, пока будет открыто еще большее количество шлюзов. И вскоре испанцы начали разбирать свой лагерь и уходить под радостные возгласы и презрительные насмешки отважных жителей Алкмара.

Государственная власть в освобожденной Голландии обрела форму аристократической республики под руководством Оранской династии. Высший законодательный орган — Генеральные штаты — представлял

куда меньшую часть граждан, чем Английский парламент, о борьбе которого с престолом мы расскажем в следующем разделе. Хотя после Алкмара ожесточенность борьбы стала постепенно спадать, только в 1609 г. Голландия стала действительно независимой, а ее независимость была признана полностью и окончательно лишь Вестфальским миром 1648 г.

Открытая борьба частных собственников против притязаний «Государя» началась в Англии еще в XII в. Период этой борьбы, который мы будем рассматривать сейчас, начался с попыток Генриха VII и Генриха VIII, а также их наследников

— Эдуарда VI, Марии и Елизаветы — превратить государственную власть Англии в «личную монархию» континентального типа. Эта борьба обострилась, когда, в результате династических интриг, Яков, король Шотландский, стал Яковом I, королем Шотландии и Англии (1603), и начал заявлять, как мы уже цитировали, о своем «божественном праве» делать то, что ему заблагорассудится.

Однако никогда английская монархия не ходила ровными дорожками. Во всех монархиях, образованных северными и германскими завоевателями Римской империи, существовала традиция

народного собрания влиятельных и представительных людей для сохранения их основных свобод, и нигде эта традиция не была такой живучей, как в Англии. Франция имела свою традицию Генеральных штатов, в Испании были кортесы, однако английское собрание было отличительным в двух отношениях: во-первых, оно было подкреплено документальной декларацией изначальных и всеобщих прав, и, во-вторых, в него входили выборные «Рыцари графства», а также выборные бюргеры от городов. Французское и испанское собрания содержали второй выборный элемент, но не содержали первого.

Эти две особенности придавали английскому парламенту определенную силу в его противостоянии трону. Особое значение имел документ под названием «Magna Charta», Великая хартия вольностей, декларация, полученная силой от короля Иоанна (1199–1216), брата и наследника короля Ричарда Львиное Сердце (1189–1199), после восстания баронов в 1215 г. В ней впервые был изложен целый ряд фундаментальных прав, превративших Англию из государства автократического в государство правовое. Хартия отрицала право короля контролировать личную

собственность и свободу любого гражданина — кроме как с согласия ему равных.

Наличие выборных представителей графств в английском парламенте — вторая особенность британской ситуации — стало возможным благодаря очень простому и вроде безобидному прецеденту. Сначала в

Национальный совет вызывались рыцари от графств, или округов, для отчета о финансово-налоговых возможностях их районов. Они были представителями мелкопоместного дворянства, свободных земледельцев и сельских старейшин своих районов начиная еще с 1254 г., по двое

рыцарей от каждого графства. Эта идея вдохновила Симона де Монфора, который возглавлял восстание против Генриха III, наследника Иоанна, вызвать в Национальный совет по двое рыцарей от каждого графства и по двое граждан от каждого города или поселения. Эдуард I, наследник Генриха III, продолжил эту практику, так как она представлялась ему удобным способом держать руку на финансовом пульсе растущих городов. Сначала рыцари и горожане посещали парламент весьма неохотно, но затем они стали постепенно осознавать ту власть, которую они имели в увязывании

жалоб и прошений с предоставлением субсидий.

Почти с самого начала эти представители простых собственников из города и деревни — палата общин — заседали и обсуждали проблемы отдельно от важных лордов и епископов. Таким образом, наряду с епископальным и аристократическим собранием — палатой лордов — в Англии возникло представительное собрание простого народа, палата общин. Большой и основополагающей разницы между составами обеих палат не было: многие рыцари от графств были состоятельными людьми, которые могли быть столь

же богатыми и влиятельными, как и пэры, но в целом палата общин представляла собой более плебейское собрание.

С самого начала эти два собрания, и особенно палата общин, стремились присвоить себе все функции по налогообложению в стране. Постепенно они расширили свою компетенцию от рассмотрения прошений до критики всех дел в королевстве.

Мы не будем отслеживать все колебания власти и престижа английского парламента во времена монархии Тюдоров (Генрихов VII и VIII, Эдуарда VI, Марии и Елизаветы). Но когда Яков Стюарт

стал открыто претендовать на деспотизм, то у английских торговцев, пэров и состоятельных людей нашлось испытанное и освященное традицией средство защиты своих интересов, которого не было ни у какого другого народа в Европе.

Еще одной особенностью английского политического конфликта была его относительная отстраненность от великой борьбы между католиками и протестантами, которой была охвачена вся Европа. Конечно, в английском конфликте присутствовали очень четкие религиозные мотивы, но в своих основах это была политическая

борьба короля и парламента, представлявшего граждан, владевших частной собственностью. Формально и верховная власть, и народ принадлежали к Протестантской церкви. В народных массах была распространена форма протестантизма, с трепетом относящаяся к Библии, но отрицающая роль и власть священников; это была народная Реформация. Король же был номинальным главой особой священнической церкви, где соблюдалось таинство причастия — государственной Англиканской церкви, которая представляла Реформацию королевскую. Однако

Этот антагонизм никогда полностью не оттеснял на второй план основного вопроса конфликта.

Еще до смерти Якова I (1625) противостояние между королем и парламентом достигло высокой точки, но только во время правления его сына Карла I оно переросло в гражданскую войну. Карл делал как раз то, чего можно было ожидать от короля в подобной ситуации, когда не было достаточного парламентского контроля над внешней политикой; он втянул страну в конфликт как с Испанией, так и с Францией, а затем обращался к стране за помощью в снабжении, надеясь, что патриотические чувства

превозмогут обычное нежелание давать ему деньги. Когда же парламент отказывал в ассигнованиях, он требовал займов у различных подданных и прибегал к иным незаконным вымогательствам.

Это привело к тому, что в 1628 г. парламент издал очень важный документ — «Петицию о праве», которая на основании Великой хартии вольностей впервые ввела законодательные ограничения на власть английского короля, лишила его права выдвигать обвинения против кого-либо, заключать кого-либо в тюрьму или наказывать, а также расквартировывать среди населения войска, кроме как в

соответствии с должной юридической процедурой.

Посредством «Петиции о праве» английский парламент изложил свои доводы. Склонность «излагать доводы» всегда была очень характерной английской чертой.

Карл обошелся с этим парламентом своевольно и дерзко: он распустил его в 1629 г. и в течение одиннадцати лет не созывал нового парламента. Незаконно он продолжал взимать деньги, но явно недостаточно для своих нужд; осознав, что Церковь можно использовать как инструмент подчинения, он назначил Лода, агрессивного высокопоставленного

церковника, очень набожного и верившего в «божественное право» короля, архиепископом Кентерберийским, а значит и главой Англиканской церкви.

В 1638 г. Карл попытался распространить наполовину протестантские, наполовину католические черты Англиканской церкви на еще одно свое королевство — Шотландию, где отход от католицизма был более полным и где несвященническая и несакральная форма христианства — пресвитерианство — установилась в качестве национальной церкви. Шотландцы восстали, а английские новобранцы, которых послал против

них Карл, взбунтовались.

Финансовая несостоятельность — естественный результат «энергичной» внешней политики — была уже не за горами. Карл, оставшись без денег и верных ему войск, вынужден был наконец созвать парламент в 1640 г. Этот парламент, Короткий парламент, он распустил в том же году; он пытался созвать Совет пэров в Йорке (1640), а затем, в ноябре того же года, он созвал свой последний парламент.

Этот законодательный орган, Долгий парламент, собрался, будучи явно настроенным на конфликт. Он захватил Лода, архиепископа Кентерберийского, и обвинил его в

измене. Он издал «Великую ремонстрацию» («протест»), которая представляла собой длинное и полное изложение его обвинений против Карла.

Специальным законопроектом предполагалось, что парламент будет собираться не менее одного раза в три года независимо от того, будет ли король созывать его или нет. В этом документе выдвигались также обвинения против основных министров короля, которые позволили ему править так долго без парламента, особенно против графа Страффорда.

Чтобы спасти Страффорда, король замыслил внезапный захват

Лондона армией. Но этот план был раскрыт, и, при широком народном одобрении, тут же был принят законопроект, вынесший Страффорду приговор. Карл I, возможно один из самых подлых и вероломных обладателей английского трона, был напуган толпами людей в Лондоне. Для казни Страффорда, в соответствии с законной процедурой, необходимо было согласие короля. Карл дал такое согласие — и Страффорду отрубили голову.

Тем временем король плел заговоры и обращался за помощью к кому угодно — к ирландским католикам, к ненадежным шотландцам... Наконец он прибегнул

к жалкой попытке применить насилие. Он появился в палатах парламента с намерением арестовать пятерых самых активных своих противников. Он вошел в палату общин и занял кресло спикера. У него была заготовлена некая смелая речь об измене, но, когда он увидел, что места пятерых его противников пусты, он пришел в замешательство; сбитый с толку, он говорил короткими бессвязными предложениями. Он узнал, что противники его покинули Вестминстер и укрылись в городе Лондоне, который обладал муниципальной автономией. Лондон выступил против короля. Неделей

позже те же самые пять членов палаты общин с триумфом возвратились в парламент в Вестминстере под охраной отрядов лондонского ополчения; король, во избежание скандала и проявления враждебности, покинул Уайтхолл и отправился в Виндзор. Обе стороны стали открыто готовиться к войне.

Традиционно главнокомандующим армии был король, и солдаты привыкли повиноваться королю. У парламента же были более значительные ресурсы. Утром сумрачного и ветреного августовского дня 1642 г. король поднял в Ноттингеме свое знамя.

Последовала длительная и упорная гражданская война. Король удерживал Оксфорд, а парламент — Лондон. Успех сопутствовал то одной стороне, то другой, но король никак не мог захватить Лондон, а парламент не мог захватить Оксфорд. Каждый из противников был ослаблен умеренными сторонниками, которые «не хотели заходить слишком далеко».

Среди парламентских командующих появился некий Оливер Кромвель (1599–1658), который организовал небольшой отряд конницы и поднялся до генеральской должности. Лорд Уорвик, его современник,

характеризует его как простого человека в суконном костюме, «который пошил неумелый деревенский портной». Он был не просто боевым солдатом, он был военным организатором; он имел представление о низких боевых качествах многих подразделений армии парламента и решил исправить положение. На стороне роялистов была живописная традиция рыцарства и верности; парламент представлял собой новое и трудное предприятие — без каких-либо подобных традиций. «Ваши войска, в большинстве своем, это старые хилые слуги и трактирщики, — сказал Кромвель. —

Вы что, думаете, что боевой дух этих низменных и слабых обывателей когда-либо сможет противостоять джентльменам, у которых есть честь, бесстрашие и решимость?»

Но в мире существует нечто посильнее живописного рыцарства. Это — религиозный энтузиазм. Поэтому Кромвель решил организовать «религиозный» полк. В нем должны быть серьезные, ревностные и непьющие люди. И ко всему прочему, это должны быть люди непреклонных убеждений. Он отвергал какие-либо социальные традиции и набирал своих офицеров из всех сословий. «Пусть лучше у меня будет простой, плохо одетый

капитан, который знает, за что воюет и предан тому, что он знает, чем то, что называется дворянином и ничем больше не является».

Вскоре Англия узнала, что на ее территории появились новые войска — конница Кромвеля, или «железнобокие», в которых высокие командные должности занимали бывшие лакеи, ломовые извозчики и капитаны кораблей, бок о бок с людьми семейными. Эти войска стали моделью, по которой парламент стремился реорганизовать всю свою армию. «Железнобокие» составляли основу «новой модели». Эти люди гнали роялистов от Марстон-Мура до Нейзби. И наконец

король стал пленником в руках парламента.

Делались последние попытки прийти к такому соглашению, когда король мог бы остаться номинальным правителем, но Карл был человеком, обреченным на трагические разногласия — он постоянно плел интриги, он был «настолько нечестным, что ему нельзя было доверять». Англичане медленно приближались к ситуации, прежде невиданной в мировой истории, когда монарха собирались судить за измену собственному народу и вынести приговор.

Большинство революций, как и Английская революция, вызваны

злоупотреблениями правителя и применением силы и жесткости сверх положенного законом; и большинство революций тяготеют в конце к еще большему насилию, чем было проявлено при первоначальном конфликте. Английская революция не была исключением. Англичане по своей природе — склонные к компромиссу и даже нерешительные люди, и, возможно, значительное большинство их все еще хотело, чтобы король оставался королем, а народ был свободным, чтобы волки и овцы стали братьями и жили свободно и мирно. Но армия «новой модели» не могла дать задний ход. Если бы король возвратился, то

никто не пожалел бы этих лакеев и трактирщиков, которые победили королевское дворянство. Когда парламент начал переговоры с этим коронованным интриганом, вмешалась армия «новой модели». Полковник Прайд изгнал из палаты общин восемьдесят ее членов, которые выступали в поддержку короля, а оставшаяся часть, «охвостье», не имевшая права издавать законы, отдала короля под суд.

Король и в самом деле был уже обречен. Палата лордов отвергла постановление о суде над королем, и тогда «охвостье» (остатки Долгого парламента) провозгласило, что

«народ есть, согласно воле Божьей, источником всей справедливой власти» и что «палата общин Англии... обладает всей верховной властью в нашей стране», и — полагая, что она является представителем всего народа — дало ход судебному разбирательству. Короля осудили как «тирана, предателя, убийцу и врага собственной страны». Январским утром 1649 г. его вывели на эшафот, сооруженный под окнами его собственного банкетного зала в Уайтхолле. Там ему и отрубили голову. Он умер с набожностью и благородной жалостью к себе — через восемь лет после казни

Страффорда и через шесть с половиной лет опустошительной гражданской войны, вспыхнувшей почти исключительно из-за его собственного беззакония.

Парламент действительно сотворил нечто великое и ужасное. Ни о чем подобном в мире не слыхивали. Короли довольно часто убивали друг друга; убийство родителей, братьев и сестер, террор — все это были привилегированные приемы правителей; но чтобы часть народа восстала, официально и преднамеренно судила своего короля за вероломство, вредительство и предательство, вынесла ему приговор и казнила его... Каждый королевский

двор в Европе устранился.
«Охвостье» Долгого парламента
вышло за рамки идей и
представлений своего времени. Это
выглядело так, как будто комитет
олений в джунглях захватил и казнил
тигра — преступление против
природы. Русский царь изгнал
английского посланника. Франция и
Голландия проявили открытую
враждебность. Англия,
сконфуженная и устыдившаяся
собственного святотатства,
пребывала в полной изоляции.

В течение некоторого времени
личные качества Оливера Кромвеля,
а также дисциплина и мощь
созданной им армии позволяли

Англии поддерживать избранный ею республиканский курс. Ирландские католики устроили резню английских протестантов в Ирландии — и Кромвель подавил ирландский мятеж быстро и очень энергично. За исключением монахов, погибших при штурме Дрогеды, его армия принесла смерть только тем, у кого в руках было оружие; но жестокости резни протестантов все еще были свежи в его памяти — и в бою не давали пощады никому, поэтому память о Кромвеле все еще жива в сознании ирландцев, которые долго помнят собственные обиды.

После Ирландии настал черед Шотландии, где Кромвель разгромил

армию роялистов в битве при Денбаре (1650). Затем он обратил свое внимание на Голландию, которая не замедлила воспользоваться противоречиями между англичанами, чтобы нанести ущерб своему торговому сопернику. В то время голландцы были хозяевами на море, и английский флот вел неравную борьбу; но после ряда упорных морских сражений голландцы были изгнаны из Британских морей, и англичане заняли их место как восходящая морская держава. Голландские и французские корабли вынуждены были приспускать перед ними свои флаги. Английский флот вошел в

Средиземное море — первое английское военно-морское соединение, появившееся в этих водах; он откликнулся на жалобы английских судовладельцев на тосканцев и Мальту, разгромил пиратское гнездо в Тунисе и уничтожил пиратский флот, который во время правления ленивого Карла осмеливался подходить к самым побережьям Корнуолла и Девона, чтобы перехватывать корабли и увозить рабов в Северную Африку.

Кроме того, сильная рука Англии пришла на защиту протестантов на юге Франции, где их с крайней свирепостью преследовал герцог Савойский. Франция,

Швеция, Дания — все они сочли более благоразумным преодолеть свое первоначальное недовольство убийством короля и стали союзниками Англии. А когда началась война с Испанией, великий английский адмирал Блейк (1599–1657) уничтожил испанский флот в битве при о. Тенерифе, проявив при этом невероятное бесстрашие. Он вступил в бой с береговыми батареями. Блейк был первым, «чьи корабли не убоялись замков на берегу». (Адмирал умер в 1657 г. и был похоронен в Вестминстерском аббатстве, однако после реставрации монархии его останки были вырыты по приказу Карла II и перенесены на

кладбище св. Маргариты, Вестминстер.) Вот такую роль играла Англия в мире в свои непродолжительные республиканские дни.

Третьего сентября 1658 г. Кромвель умер во время сильной бури, которая не могла не впечатлить суеверных. Лишившись его сильной руки, Англия отошла от своих преждевременных попыток создать справедливое содружество свободных людей. В 1660 г. Карл II, сын Карла «Мученика», был радушно принят в Англии, что сопровождалось всеми, такими дорогими английскому сердцу проявлениями личной преданности;

страна отдыхала после своих военных и военно-морских усилий, словно проснувшийся человек, который зеваает и потягивается после слишком крепкого сна. С пуританами было покончено. «Добрая старая Англия» снова стала сама собой, и в 1667 г. голландцы, опять став хозяевами на море, проплыли по Темзе до Грейвзенда и сожгли английский флот в Медвее.

Карл II, со времени своего возвращения в 1660 г., взял на себя руководство внешней политикой государства и в 1670 г. заключил с французским королем Людовиком XIV секретное соглашение, согласно которому вся английская внешняя

политика подчинялась Франции за годовую компенсацию в 100 тысяч фунтов. Дюнкерк, до того захваченный Кромвелем, продали Франции. Король очень любил спорт; у него была чисто английская страсть к скачкам, и комплекс для скачек в Ньюмаркете, возможно, является наиболее характерным памятником правления Карла II.

Пока он жил, его легкий характер давал ему возможность сохранять британскую корону, но делал он это за счет осмотрительности и компромиссов, и, когда в 1685 г. на смену ему пришел его брат Яков II, ревностный католик и не слишком умный

политик, чтобы разбираться в тонких нюансах ограниченной монархии в Британии, старый спор между парламентом и престолом обострился снова.

Яков решил навязать своей стране религиозное воссоединение с Римом. В 1688 г. ему пришлось бежать во Францию. Но на этот раз знатные лорды, торговцы и дворяне были слишком осмотрительны, чтобы позволить этому восстанию против короля стать уделом какого-либо нового Прайда или нового Кромвеля. На смену Якову они заранее призвали другого короля, Вильгельма, принца Оранского. Замена произошла быстро.

Гражданской войны не было — кроме как в Ирландии; не было и каких-либо серьезных революционных выступлений в стране.

Мы не имеем возможности рассказывать в этой книге о притязаниях Вильгельма, или, правильнее сказать, притязаниях его жены Марии, на трон; это вопрос чисто технический; мы не будем также рассказывать о том, как правил Вильгельм III и Мария, или о том, как трон перешел к сестре Марии Анне (1702–1714). Казалось, Анна была настроена благожелательно относительно реставрации линии Стюартов,

однако лорды и палата общин, которые теперь доминировали в английских делах, предпочли менее компетентного короля. Решено было удовлетворить претензии курфюрста Ганноверского, который и стал английским королем под именем Георга I (1714–1727). Он был стопроцентным немцем, по-английски говорить не умел и привез с собой в Виндзор целый сонм немецких женщин и немецких слуг. С его приходом в интеллектуальной жизни страны воцарились скука и вялость, но эта изоляция Двора от жизни Англии была очень на руку крупным землевладельцам и торговцам, которые, собственно, и

привели его к власти.

В Англии наступил период, который был охарактеризован как фаза «Венецианской олигархии»; верховная власть принадлежала парламенту, в котором теперь доминировали лорды, поскольку искусство подкупа и овладение методами избирательных манипуляций, доведенное до совершенства сэром Робертом Уолполом (1676–1745), лишило палату общин ее первоначальной свободы и влиятельности. С помощью хитроумных уловок общее количество голосующих на выборах в парламент было ограничено до небольшого числа выборщиков;

старые города с небольшим населением или вовсе без такового имели право делегировать одного или двух членов (старинный город Сарум имел одного не проживающего там избирателя, населения не имел вообще, но от этого города в парламенте было два представителя), в то время как у новых густонаселенных центров вообще не было своих представителей в парламенте. А введение высокого имущественного ценза для кандидатов еще больше ограничило возможность палаты общин согласованно решать проблемы простого народа.

На смену Георгу I пришел очень

похожий на него Георг II (1727–1760), и только после его смерти у Англии опять появился король, который родился в этой стране и который довольно хорошо говорил по-английски, — внук Георга I Георг III. В одном из последующих разделов мы еще расскажем кое-что о попытке этого монарха восстановить некоторые из основных властных функций монархии.

Такова вкратце история борьбы в Англии в XVII и XVIII вв. между тремя основными факторами в жизни «современного государства»: между престолом, частными собственниками и пока бесформенной, все еще слепой и

невежественной силой — силой простых людей. Этот последний фактор проявляется пока только в те моменты, когда страна сильно взбудоражена; после он снова уходит в глубину. В целом же эта история заканчивается полным триумфом частного собственника над мечтами и интригами макиавеллиевского абсолютизма. При Ганноверской династии Англия стала «коронованной республикой». Она выработала новый метод правления — парламентское правление, во многих аспектах напоминающее сенат и народное собрание в Риме, но более прочное и эффективное в силу использования, пусть и очень

ограниченного, представительского метода. Английскому собранию в Вестминстере суждено было стать «матерью парламентов» всего мира.

Относительно престола английский парламент занимал и занимает до сих пор то же положение, что и мажордом королевской резиденции по отношению к королям Меровингской династии. Король является церемониальной и не обремененной ответственностью фигурой, живым символом королевской и имперской системы.

Но значительная власть подспудно сохраняется в традиции и престиже престола, к тому же

Ганноверская династия четырех Георгов, Вильгельма IV(1830) и Виктории (1837) и наследовавшая ей Виндзорская династия Эдуарда VII (1901) и Георга V (1910) представляют собой линию, совершенно отличную от слабых и непродолжительно правивших Меровингских монархов. В делах церкви, армии и военно-морского флота, а также во внешней политике эти правители, хоть и в разной степени, сыграли, бесспорно, очень важную роль.

Ни на какую другую часть Европы крах идеи объединенного христианского мира не оказал столь катастрофического влияния, как на

Германию. Вполне естественным было бы предположить, что император, будучи по происхождению немцем, постепенно вырос бы до национального монарха объединенного немецкоязычного государства. Но несчастливая для Германии историческая случайность заключалась в том, что ее императоры никогда не были чистокровными немцами. Фридрих II, последний из Гогенштауфенов, был, как мы уже видели, сицилийцем; Габсбурги, через свои брачные узы и по своим склонностям прониклись, в лице Карла V, сначала бургундским, а затем испанским духом. После смерти Карла V его

брат Фердинанд правил в Австрии и Священной Римской империи, а его сын Филипп II правил в Испании, Нидерландах и Южной Италии. Но австрийская линия, упрямо католическая, владевшая наследственными имениями на восточных границах и поэтому глубоко вовлеченная в венгерские дела и платившая дань туркам, как делали Фердинанд и два его наследника, не контролировала ситуацию на севере Германии с его настроенностью на протестантизм, балтийскими и западными устремлениями и его незнанием или безразличием к турецкой опасности.

Полновластные принцы,

герцоги, курфюрсты, магнаты-епископы и прочие, чьи владения превратили средневековую Германию в смехотворное подобие лоскутного одеяла, и впрямь были не ровня королям Англии и Франции. Они находились, скорее, на уровне владеющих землей герцогов и пэров во Франции и Англии. До 1701 г. ни у кого из них не было титула «король». Многие из их владений были, по размерам и значению, меньше, чем крупные имения британской знати. Германский парламент был чем-то вроде Генеральных штатов или парламента без присутствия избранных представителей. Вспыхнувшая вскоре

в Германии большая гражданская война — Тридцатилетняя война (1618—1648) — была, по своей природе, намного более похожей на гражданскую войну в Англии (1643—1649) и на движение Фронды (1648—1655), чем представляется на первый взгляд.

Во всех этих случаях престол был католическим или настроенным стать католическим, а непокорные дворяне в своем индивидуализме тяготели к протестантской формуле. Но в то время как в Англии и Голландии протестантски настроенные дворяне и торговцы в конечном счете одержали победу, а во Франции успех престола был еще

более полным, в Германии ни император не был достаточно сильным, ни протестантские лидеры не имели в своей среде достаточно единства и организованности, чтобы обеспечить решительный успех.

Более того, германская проблема была осложнена тем фактом, что в борьбу были вовлечены различные негерманские народы — богемцы и шведы (у которых была новая протестантская монархия), выступившие под началом Густава Вазы (1523—1560) как непосредственный результат Реформации. И наконец, французская монархия, хотя она и была католической, одержала

триумф над собственной знатью и стала на сторону протестантов с явным намерением занять место Габсбургов в качестве имперской линии.

Затянутость войны, а также тот факт, что она происходила не вдоль определенной границы, а по всей лоскутной империи — протестанты здесь, католики там — сделали ее одной из наиболее жестоких и разрушительных войн, какие только знала Европа со времен набегов варваров. Основная беда заключалась не в военных действиях как таковых, а в том, как они велись. Эта война происходила в то время, когда военная тактика развилась до такой

степени, что сделала бесполезным применение обычных рекрутов против обученной профессиональной пехоты.

Стрельба залпами из мушкетов с дистанции в несколько десятков ярдов сделала ненужными индивидуалистов-рыцарей в латах, однако атака сплоченных масс кавалерии все еще была способна рассеять любую пехоту, не вымуштрованную заранее до механической стойкости. Пехота, со своими заряжающимися с дула мушкетами, не могла поддерживать огонь, достаточно плотный для того, чтобы уничтожить решительно атакующую кавалерию прежде, чем

ее атака достигнет цели. Поэтому пехотинцам приходилось встречать атакующих, стоя или опустившись на колени за стеной ошестинившихся пик или штыков. Для этого им требовалась большая дисциплина и опыт. Железные пушки были пока небольших размеров и поэтому решающей роли в войске еще не играли. Они могли «выкашивать» ряды пехоты, но были не в состоянии легко разбить и рассеять ее, если она была стойкой и хорошо вымуштрованной.

Война в таких условиях полностью зависела от закаленных профессиональных солдат, а проблема их жалования была для

тогдашних генералов такой же важной, как и проблема провианта и боеприпасов. По мере того как затянувшийся конфликт тянулся от одной своей фазы к другой, а финансовые беды страны увеличивались, командующие обеих сторон были вынуждены прибегать к грабежу городов и сел с тем, чтобы пополнить припасы и восполнить недоимки в выплате жалования своим солдатам. Поэтому солдаты все больше и больше становились разбойниками, живущими за счет страны, и Тридцатилетняя война установила традиции грабежа как законной операции в военное время и насилия — как солдатской

привилегии. Эта традиция пятнает доброе имя Германии вплоть до мировой войны 1914 года.

Первые главы «Мемуаров кавалера» Дефо, с их впечатляющим описанием резни и пожаров в Магдебурге, дадут читателю куда лучшее представление о военных действиях того времени, чем какая-либо официальная история. Страна была настолько опустошена, что фермеры прекратили обрабатывать землю, а тот урожай, который можно было быстро вырастить и собрать, припрятывался. Огромные толпы голодающих женщин и детей стали спутниками армий, являясь как бы их воровским придатком, что еще

больше усиливало грабежи. В конце войны Германия была разрушена и опустошена. Столетие Центральная Европа не могла оправиться от этих грабежей и опустошений.

Здесь мы можем лишь упомянуть Тилли и Валленштейна, великих предводителей со стороны Габсбургов, и Густава Адольфа, короля Швеции, Северного Льва, защитника протестантов, который мечтал превратить Балтийское море в «Шведское озеро». Густав Адольф погиб во время его решающей победы над Валленштейном при Лютцене (1632), а Валленштейна убили в 1634 году.

В 1648 г. правители и

дипломаты собрались посреди причиненного ими разрушения, чтобы быстро уладить дела в Центральной Европе с помощью Вестфальского мира. В соответствии с этим мирным соглашением, власть императора была сведена к своему призраку, а Франция, обретя Эльзас, продвинулась к Рейну. Некий же германский правитель — Гогенцоллерн, курфюрст Бранденбургский — получил столько территории, что образовал германскую державу, меньшую, разве что, той, которой правил император. Вскоре это государство стало называться королевство Пруссия.

Вестфальский мир подтвердил

также два давно совершившихся факта — отделение от империи и полную независимость как Голландии, так и Швейцарии.

Мы начали эту главу рассказом о двух странах, Нидерландах и Британии, в которых сопротивление граждан этому новому типу макиавеллиевской монархии, возникшей из морального крушения идеи христианского мира, имело успех. Но во Франции, России, во многих частях Германии и Италии — например, в Саксонии и Тоскане — личная монархия не была столь сильно ограничена, как и не была она низвергнута; напротив, за XVII и XVIII вв. она упрочилась в качестве

европейской системы правления. И даже в Голландии и Британии в XVIII в. монархия вновь набирала силу. (В Польше условия были специфическими, и о них речь пойдет позже.)

Во Франции Хартии вольностей не было, как и не было четкой и эффективной традиции парламентского правления. Было такое же противостояние интересов между престолом, с одной стороны, и землевладельцами и торговцами — с другой. Но у последних не было установившегося места для собраний и не было четкого метода объединения. Они организовывали сопротивление престолу,

формировали оппозиционные организации — такой была Фронда, боровшаяся против молодого короля Людовика XIV и его великого министра Мазарини, в то время как Карл I боролся за свою жизнь в Англии — но в конечном счете после гражданской войны (1652) они потерпели сокрушительное поражение. И пока в Англии, после установления Ганноверской династии, страной правили палата лордов и послушная ей палата общин, во Франции, наоборот, после 1652 года аристократия всецело была подчинена двору. Кардинал Мазарини занимался государственным строительством на

фундаменте, который ранее создал для него кардинал Ришелье, современник короля Якова в Англии.

После времен Мазарини мы не встречаем влиятельных французских дворян, которые не были бы придворными фаворитами или чиновниками. Их покупали и делали послушными — но ценой было дальнейшее усиление налогового бремени для бессловесных масс простого народа. От платы многих налогов как духовенство, так и знать — практически каждый, кто носил титул — были освобождены. С течением времени эта несправедливость стала невыносимой, но пока французская

монархия расцветала, как лавровое дерево псалмопевцев. К началу XVIII в. английские авторы уже призывали обратить внимание на нищету французских нижних слоев общества, указывая на тогдашнюю относительную «зажиточность» английских бедняков.

На таких вот несправедливых началах установилось и упрочилось во Франции то, что можно назвать великой монархией. Людовик XIV, которого величали «великий монарх», правил в течение беспримерного по продолжительности периода в семьдесят два года (1643–1715), дав пример многим королям Европы.

Сначала ему помогал править его министр, сторонник взглядов Макиавелли, кардинал Мазарини; после смерти кардинала он сам, в своем собственном лице, стал идеальным «государем». Он был, в пределах своих возможностей, исключительно способным королем; его амбиции были сильнее, чем его низменные страсти, и он вел свою страну к банкротству через сложности блистательной внешней политики с чувством собственного достоинства, которое до сих пор вызывает наше восхищение. Своей первоочередной задачей он считал сплочение и расширение Франции до Рейна и Пиренеев, включая

поглощение испанских Нидерландов; в будущем более отдаленном он видел французских королей в качестве возможных наследников династии Карла Великого в воссозданной Священной Римской империи.

Он превратил взятку в более важный инструмент государственной политики, чем война. Он платил английскому королю Карлу II, а также большинству польского дворянства, о котором вскоре пойдет речь. Его деньги, или, правильнее сказать, деньги тех французских общественных слоев, которые платили налоги, шли на самые различные цели. Но главным его

занятием было обеспечение внешнего великолепия. Его замечательный дворец в Версале, с его салонами, коридорами, его зеркалами, террасами, фонтанами, парками и панорамами пробуждал зависть и восхищение во всем мире.

Он вызывал всеобщее подражание. Каждый король и князек в Европе строил свой собственный Версаль, не по средствам расходуя столько денег, сколько позволяли его подданные и кредиты. Повсюду дворяне перестраивали или расширяли свои замки и дворцы под новый образец. Широкое распространение получила промышленность, производившая

прекрасные и утонченные ткани и мебель. Повсеместно процветало искусство роскоши: скульптуры из алебаstra, фаянс, позолота по дереву, работа по металлу, тисненая кожа, много музыки, великолепной живописи, прекрасные гравюры и обшивки, изысканные блюда и вина высшего качества. А среди зеркал и великолепной мебели расхаживал странный народ, состоявший из «господ» в сильно напудренных париках, шелках и кружевах, которые балансировали на высоких красных каблуках и опирались на необычного вида трости; а также из еще более прекрасных «дам» с башнями напудренных волос на головах,

одетых в необъятные шелковые и сатиновые платья с проволочными вставками. И на фоне всего этого выделялся великий Людовик, солнце своего мира, не ведая о злобных, угрюмых и ожесточенных лицах, которые следили за ним из тех темных углов, куда свет его солнца не мог попасть.

В этой книге мы не имеем возможности подробно рассказать о войнах и свершениях этого монарха. Во многих отношениях вольтеровский «Век Людовика XIV» до сих пор является наилучшим и наиболее полным отчетом. Он создал военно-морской флот, способный противостоять флотам английскому

и голландскому, что являло собой значительное достижение. Но поскольку ум его не мог подняться над соблазном этой Фаты Морганы, этой трещины в политическом разуме Европы — мечты о всемирной Священной Римской империи, — он пришел в конце своего правления к примирению с папством, ранее настроенным к нему враждебно. Он выступил против вдохновителей независимости и разъединения — протестантских правителей — и воевал с протестантством во Франции. Большому числу его наиболее трезвомыслящих и полезных подданных пришлось бежать за

границу от религиозных преследований, унося с собой свои умения и трудолюбие. Например, производство шелка в Англии было налажено французскими протестантами. Во время его правления проводились «дракониады» — особо злобная и действенная форма преследований. В домах протестантов расквартировывалась солдатня, имевшая полную свободу нарушать жизнь своих хозяев и всячески оскорблять их жен и дочерей. Мужчины, выдерживавшие огонь и пытки, противостоять такому виду давления не могли.

Обучение последующего

поколения протестантов
прерывалось, и родителям
приходилось давать детям
католическое образование либо
вообще никакого. Они давали его со
скрытой издевкой и такой
интонацией, которая подрывала
всякую веру в это обучение. В то
время как более терпимые страны
стали, в целом, искренне
католическими или искренне
протестантскими, — страны,
практиковавшие религиозные
преследования, вроде Франции,
Испании и Италии, так искажали
истинное протестантское учение, что
люди становились, в основном,
верующими католиками либо

католическими атеистами, готовыми стать чистыми атеистами при первой возможности. Следующее правление, правление Людовика XV, было веком великого насмешника Вольтера (1694–1778), веком, во время которого все во Франции просто приспособлялись к Католической церкви и почти никто ей не верил.

Частью политики великой монархии — и частью превосходной — было ее покровительство литературе и наукам. Людовик XIV учредил Академию наук, в противовес учрежденному Карлом II Английскому королевскому обществу и подобной ассоциации во Флоренции. Он украсил свой двор

поэтами, драматургами, философами и учеными. Хотя этот патронат и не оказал особого влияния на научный прогресс, он по крайней мере способствовал получению ассигнований для экспериментов и публикаций, а также обеспечивал определенный престиж в глазах простого народа.

Литературная деятельность во Франции и Англии задавала тон большей части литературной деятельности в Европе в этот период больших и малых монархов, роскошных загородных особняков и возрастающих коммерческих возможностей. Французские условия были многим более

монархическими, чем английские, более централизованными и единообразными. Французским писателям недоставало великой традиции свободного и необузданного духа Шекспира, французская интеллектуальная жизнь имела привязку ко двору и в большей степени признавала свою подчиненность, чем английская; никогда она не порождала таких литературных «простолюдинов», как англичанин Буньян (1628–1688), а в XVII столетии она не дала проявлений такого духа инакомыслия, как во времена Английской республики, когда появился Мильтон. Французская

интеллектуальная жизнь больше тяготела к соответствию и ограничениям, она была под более полным контролем школьных директоров и ученой критики.

Сущность она подчиняла стилю. Учреждение Академии еще больше усилило и без того чрезмерные ограничения. В результате всех этих противоречий французская литература до XIX в. была насыщена литературной застенчивостью — создавалось впечатление, что ее творили, скорее, в духе послушного ученика, боящегося плохих отметок, а не в духе человека, стремящегося к искреннему самовыражению. Это — литература холодных, «правильных»

и бессодержательных шедевров: трагедий, комедий, романов героического жанра и критических трактатов, поразительно лишенных жизненности. Среди тех, кто практиковал подобный «правильный» подход в драматургии выделялись Корнель (1606–1684) и Расин (1639–1699). Это были люди исключительно одаренные; тем, кто внимательно изучал их творчество, хорошо знакома их внутренняя энергия; но тем, кто не имеет представления об условностях того периода, это творчество кажется таким же унылым, как и монументальная кирпичная кладка (за которой иногда могут скрываться

глубокие чувства). Этот период обозначен также триумфом Мольера (1622–1673), комедии которого некоторые знатоки считают лучшими в мире. Среди этих благовоспитанных и величавых умственных построений периода французской великой монархии единственную жилку легкого, живого интересного чтения можно отыскать, разве что, в скандальных мемуарах-сплетнях того времени. Кроме скандалов, слухов и сплетен в них также нашли яркое отражение социальные и политические противоречия.

Некоторые из самых интересных и лучших литературных

произведений на французском языке были созданы за пределами Франции теми ее гражданами, которые выступали против режима и находились в изгнании. Декарт (1596–1650), величайший из французских философов, большую часть своей жизни прожил в Голландии в относительной безопасности. Он является центральной и доминирующей фигурой в созвездии творческих умов, которые активно критиковали, смягчали и препятствовали распространению благочестивого христианства своей эпохи. Над всеми литераторами-изгнанниками и над всеми современными ему

европейскими писателями
возвышается великая фигура
Вольтера, о взглядах которого мы
поговорим позже. Жан-Жак Руссо
(1712–1778), еще один изгнанник
духа, с его сентиментальной
критикой формальной морали и с его
сентиментальной идеализацией
природы и свободы, с его талантом
писателя-романиста, также был
значительной фигурой в тогдашней
Франции. О нем мы тоже поговорим
позже.

Английская литература XVII в.
отразила менее устоявшийся и
централизованный характер
английской жизни и несла в себе
больше жизненности и меньше

лоска, чем литература французская. Английский двор и столица не поглотили национальную жизнь до такой степени, как это было во Франции. Декарту и его школе можно противопоставить Бэкона, о котором мы уже говорили в нашем рассказе о научном Ренессансе, а также Гоббса (1588–1679) и Локка (1632–1704). У Мильтона, облаченного в разношерстные одежды из греческой и римской учености, итальянской культуры и пуританской теологии, была собственная слава. Существовал значительный массив литературы за пределами классического влияния, нашедший, возможно, свое наиболее

характерное выражение в книге Буньяна «Странствия пилигрима» (1678). Все еще неоцененным должным образом остается творческий труд Дефо (ок. 1660—1731), явно адресованный публике, незнакомой с достижениями и благочинными манерами академического мира. Его «Робинзон Крузо» является одним из великих достижений в области литературы, а «Молль Флендерс» — это восхитительное исследование образа жизни и манер. Эти работы, а также работы, в которых художественно осмысливается история, по своему мастерству превосходят работы его современников.

Почти на одном уровне с ним находился Филдинг (1707–1754), член лондонского городского магистрата, автор «Тома Джонса». Сэмюэл Ричардсон (1689–1761), торговец льняными товарами, написавший «Памелу» и «Клариссу», был третьей великой фигурой английской литературы XVIII в., литературы, которая не слишком заботилась о литературной форме. Благодаря этим именам, а также Ж.-Ж. Руссо роман, этот псевдореальный рассказ об образе жизни, о событиях в мире, о столкновении с моральными проблемами, снова обрел значимость. С упадком Римской

империи роман исчез. Его возвращение знаменовало собой появление новых, не виданных ранее типов людей, интересных своим образом жизни и поведением, людей, обладающих свободным временем, желающих поделиться собственным опытом в рассказах о всяческих похождениях. Жизнь стала для них менее опасной и более интересной.

Перед тем как закончить это литературное отступление, можно также упомянуть как значительное явление в английской литературе и грандиозную бессодержательность Эддисона (1672–1719), и тяжеловесную привлекательность Сэмюэла Джонсона (1709–1784),

составителя первого английского словаря. Из всего, что он написал, читабельным в наше время являются разве что краткие биографии поэтов, однако его высказывания и странности увековечены в неподражаемой биографии Босуэлла.

Александр Поуп (1688–1744), классик по намерениям и француз по духу, перевел Гомера и преобразовал деистическую, в широком смысле, философию в утончен но-изысканные стихи. Наиболее значительный писатель этой эпохи благовоспитанных и недалеких людей, как в Англии, так и во Франции, выразитель духа отчаянного противления

существующему порядку и, собственно, всему мироустройству — Свифт (1667–1745), автор «Путешествия Гулливера». Лоренс Стерн (1713–1768), священник с весьма сомнительной репутацией, который написал «Тристрама Шенди» и научил более поздних романистов сотням литературных приемов, черпал свое вдохновение в величии Рабле — предшественника классической французской литературы. Историка Гиббона мы процитируем в одном из следующих разделов, а затем возвратимся к критике характерных для этой благовоспитанной эпохи интеллектуальных ограничений.

«Великий монарх» умер в 1715 г. Людовик XV был его внуком и неудачным имитатором величия своего предшественника. Он воображал себя государем, но правила им совсем обычная человеческая страсть — страсть к женщинам, смягчаемая суеверным страхом ада. О том, как такие женщины, как герцогиня Шатору, мадам де Помпадур и мадам дю Барри, главенствовали в удовольствиях короля, как начинались войны и создавались альянсы, как опустошались целые провинции, погибали тысячи людей из-за тщеславия и злобности этих созданий, как вся общественная

жизнь Франции и Европы была запятнана их интригами, проституцией и жульничеством — читатель может узнать из мемуаров того времени. А энергичная внешняя политика при Людовике XV неуклонно приближалась к своему окончательному краху.

В 1774 году Людовик XV умер от оспы, и его преемником стал его внук Людовик XVI (1774–1792), скучный благонамеренный человек, великолепный стрелок и довольно искусный слесарь. О том, как вышло так, что он последовал за Карлом I на эшафот, мы узнаем в нижеследующем разделе. Сейчас же нас интересует великая монархия в

дни своей славы.

Среди основных правителей, практиковавших стиль великой монархии за пределами Франции, мы можем, прежде всего, назвать прусских королей: Фридриха Вильгельма I (1713–1740), а также его сына и наследника Фридриха II — Фридриха Великого (1740–1786). История медленного восхождения Гогенцоллернов, которые правили Прусским королевством с самого незаметного его возникновения, слишком скучна и малоинтересна, чтобы здесь ее излагать. Это история об удаче и насилии, смелых притязаниях и внезапных предательствах. К XVIII в. Прусское

королевство было достаточно влиятельным, чтобы угрожать империи; оно обладало сильной, хорошо вымуштрованной армией, а его король был внимательным и достойным учеником Макиавелли.

Фридрих Великий довел до совершенства свой Версаль в Потсдаме. Парк Сан Суси, с его фонтанами, аллеями и статуями, был тщательно скопирован; там были также Новый дворец, обширное кирпичное здание, построенное на огромные средства, оранжерея в итальянском стиле с коллекцией картин, Мраморный дворец и так далее. Фридрих вознес культуру до высоты своего трона: он

переписывался с Вольтером и принимал его у себя, что закончилось обоюдным раздражением.

Австрийские владения были слишком озабочены своим положением между французским молотом и турецкой наковальней, чтобы заниматься созданием настоящего стиля великой монархии. Так было до тех пор, пока на престол не взошла Мария Терезия (1740–1780), которая, будучи женщиной, не могла носить титул императрицы. Иосиф II, который был императором с 1765 по 1790 г., унаследовал ее дворцы в 1780 г..

При Петре Великом (1682–1725) империя Московии порвала со

своими татарскими традициями и вошла в сферу французского влияния. Петр сбрил азиатские бороды своей знати и ввел европейскую одежду. Но это были лишь внешне видимые знаки его западнических устремлений. Чтобы освободиться от азиатских настроений и традиций Москвы, в которой, как и в Пекине, был священный внутренний город, Кремль, — он построил себе новую столицу, Петербург, на болотах Невы. И конечно же, он построил с помощью французского архитектора свой Версаль, Петергоф, примерно в восемнадцать милях от этого нового Парижа, с террасами, фонтанами, каскадами, картинной галереей,

парками и всеми иными необходимыми деталями. Его наиболее выдающимися наследницами были Елизавета (1741–1761) и Екатерина Великая, немецкая принцесса, которая, взойдя на престол в чисто азиатской традиции — посредством убийства своего мужа, законного царя, — обратилась к передовым западным идеалам и правила очень энергично с 1762 по 1796 г. Она учредила Академию и переписывалась с Вольтером. Она прожила достаточно долго, чтобы стать свидетельницей конца системы великой монархии в Европе и казни Людовика XVI.

Мы не в состоянии здесь даже

перечислить тогдашних менее значительных «великих монархов» во Флоренции (Тоскане), Савойе, Саксонии, Дании и Швеции. Мы также не можем уделить внимание войне «за испанское наследство». Испания, надорвавшись от имперских инициатив Карла V и Филиппа II, ослабленная фанатичным преследованием протестантов, мусульман и евреев, на протяжении XVII и XVIII вв. все больше и больше теряла свой временно обретенный в европейской политике вес, снова опускаясь до уровня второстепенной державы.

Эти европейские монархи правили своими королевствами

точно так же, как их дворяне правили своими имениями: они строили друг против друга заговоры, они были до неестественности политизированы и проявляли изощренную дальновидность; они развязывали войны, транжирили ресурсы Европы из абсурдных «политических соображений» агрессии и противостояния. И в конце концов на них обрушился сильнейший ураган, поднявшийся из глубин. Этот ураган, Первая Французская революция, восстание простого европейца, — застал их систему врасплох. Подобное взрыву, это было только начало великого цикла политических и социальных бурь, который еще не

закончился и который, возможно, будет продолжаться до тех пор, пока последние остатки националистических монархий не исчезнут с лица земли и небо не очистится для великого мира, в котором будет жить федерация человечества XVII и XVIII столетия явились периодом быстрого прогресса в музыке. Музыкальные инструменты были усовершенствованы; были установлены мажорные и минорные гаммы, с их фиксированной последовательностью нот, приспособляемостью к модуляции и возможностью гармонической окраски. Стало возможным четко

определять музыкальный замысел, с большой точностью управлять взаимодействием различных инструментов. А социальные условия, растущие города, королевские дворы, загородные резиденции увеличивали сферу применения музыки по сравнению с более ограниченным диапазоном церковных хоров. В XVI столетии были популярны театры масок и карнавальные шествия — они предоставляли хорошие возможности для изысканной музыки; а в XVII в. большое развитие получили опера и оратория.

В Италии возникла «Nuove Musiche» («Новая музыка»). Люлли

(1632–1687), по словам сэра У.-Х. Хэдоу, «наиболее важен в историческом смысле не только благодаря драматической мощи его мелодии, но и благодаря высокой точности его фразировки». С ним можно сравнить итальянца Монтеверди (1567–1643). В этот период музыка начала функционировать в широком масштабе.

«Мессы XVI в. были написаны для церковных хоров, мадригалы XVII столетия — для круга друзей за обеденным столом; и только в конце XVII в. лютнисты и верджинелисты начали вводить в исполнительское искусство понятие виртуозности...

Значительные улучшения в органном деле дали целую плеяду великих исполнителей: Булл и Филипс у англичан, Свелинк у нидерландцев, Фрескобальди в Риме, Фробергер в Вене, Букстехуде в Любеке, которым восхищался Бах... Вместе с этим происходит развитие клавишных... Не менее важным было появление и запоздалое признание скрипки и ее разновидностей. Начиная со времен семей великих мастеров инструментов Тигрфенбрюкеров и Амати в первой половине XVI в. понадобилось почти сто лет для ее общественного признания; еще в 1676 году лютнист Мейс яростно нападал на «воющие скрипки» и

защищал более тихий и ровный звук ее предшественницы виолы. Но ее более широкий диапазон, живость, большая психологическая мощь и экспрессия проявились гораздо позже... В Италии, на своей родине, она получила признание как единственный инструмент, который может соперничать с человеческим голосом». [\[84\]](#)

Известно, что в течение некоторого времени выступление вокалистов в итальянской опере и восхищение ими сдерживали развитие музыки; певцы XVII в., и особенно мужские сопрано, пользовались почти такой же вульгарной и громкой славой, что и

современные звезды кино, однако этот период дал также глубокую и прекрасную музыку Алессандро Скарлатти (1660–1725), предвестника Моцарта. В Англии период застоя во времена Республики сменился вспышкой бурной музыкальной деятельности, кульминацией которой был Перселл (ок. 1659–1695). В Германии мелкие королевские дворы и городские оркестры являли собой бесчисленные центры музыкальной активности, и в 1685 году в Саксонии родились И.-С. Бах (ум. в 1750) и Гендель (ум. в 1759), которые подняли немецкую музыку до такого высокого уровня, что она сохраняла

свое верховенство еще в течение полутора столетий.

Палестрина, явившийся воплощением наивысших музыкальных достижений в предыдущий период, выглядит по сравнению с ними как существо из другого мира. Он был признанным мастером хоральной музыки в дни, предшествовавшие периоду инструментальных достижений. Вслед за Бахом и Генделем пришло целое созвездие других композиторов: Гайдн (1732–1809), Моцарт (1756–1791), Бетховен (1770–1827). Они выделяются как звезды наибольшей величины.

Современная музыка хлынула

широким и могучим потоком. Поток этот не ослабевает и в наши дни. Здесь мы можем лишь назвать имена композиторов; позднее, в одном из следующих разделов, мы дадим несколько сжатых обобщений о музыке в XIX столетии и в наши дни. В XVII и XVIII вв. музыка была привилегией узкого круга образованных людей при королевских и княжеских дворах, людей, которые могли организовывать представления, людей в городах, достаточно больших, чтобы там были залы для опер и концертов. В то время когда развивались эти новые формы, крестьянин и рабочий Западной

Европы XVII и XVIII вв. слышал все меньше и меньше музыки. Народное пение находилось в упадке и, казалось, было предано забвению. Несколько популярных песен, несколько гимнов — вот и все, что доставалось общей массе людей в смысле музыкальной жизни. Возможно, что религиозное возрождение тех дней частично обязано высвобождению сдерживаемого порыва к пению. Только в наше время, с его широким развитием механических методов воспроизведения музыки, музыка усовершенствованная, развитая и многообразная возвращается в повседневную жизнь, а Бах и

Бетховен становятся частью общей культуры человечества.

Живопись и архитектура этого периода, как и его музыка, отражают социальные условия своего времени. Это — время фрагментации идей и власти, и изобразительное искусство уже не руководствуется соображениями цели и достоинства. Религиозные темы отходят на второй план, а там, где они затрагиваются, — они затрагиваются как одни из звеньев в цепи повествования, а не как значительные и впечатляющие события. Аллегория и символические изображения приходят в упадок. Художник рисует

только для того, чтобы отразить видимое, а не воплотить идею или отразить суть события. Картины повседневности сменяют героическое и высокое — точно так же, как реалистический роман пришел на смену эпосу и фантастическому героическому роману.

Двумя самыми выдающимися мастерами живописи XVII в. являются Веласкес (1599–1660). и Рембрандт (1606–1669). Может сложиться впечатление, что на жизнь они взирали равнодушно, за исключением тех моментов, когда она давала им большую или меньшую возможность отразить

прекрасное — в атмосфере, свете, вещественности. При загнивающем Испанском дворе Веласкес рисовал Пап и королей без всякой лести, а карликов и калек без отвращения. В работах этих выдающихся мастеров, предтеч современной живописи, аналитическое и буквальное изображение предметов сменяется широкой передачей впечатления, сосредоточенностью на единстве впечатления за счет всех второстепенных деталей. Ранее, в более организованной жизни прошлого, картина была свидетелем, проповедью, льстецом, приукрашиванием; теперь же, в очень многих случаях, она стала

вещью в себе, существующей ради себя. Картины вывешивались просто как картины — собранные в галереи.

Энергично развивался такой вид живописи, как пейзаж, а также жанровая живопись. Обнаженную натуру рисовали нежно и с восхищением, а во Франции Ватто (1684–1721), Фрагонар (1732–1806) и другие забавляли и ублажали знать изысканным прославлением деревенской жизни. В этих картинах нашли отражение признаки растущего сообщества уверенных в своем будущем, зажиточных и вполне жизнерадостных людей, любящих жизнь и близко знакомых с ее бедами и радостями.

Елизаветинский период в Англии не дал такого энтузиазма в искусстве ваяния, который можно было бы сравнить с его литературной и музыкальной деятельностью. Англия ввозила своих художников и архитекторов из-за рубежа. Но в XVII и XVIII вв. накопившиеся ресурсы и богатство страны, которая ранее была на задворках европейской цивилизации, создали благоприятные условия для изобразительного искусства, и в XVIII в. появились такие английские художники, как Рейнолдс (1723–1792), Гейнсборо (1727–1788) и Ромни, которые могли выдержать сравнение с любыми современными им художниками.

Этот период монархий и дворянства был также исключительно благоприятным для развития определенных видов архитектуры. Процессы, начавшиеся еще в XVI столетии, теперь все более набирали ход. Повсюду монархи строили и перестраивали дворцы, а дворянство и мелкопоместная знать разрушали свои замки и заменяли их красивыми зданиями. Городской дом планировался уже в более крупных размерах. Церковная архитектура была в упадке, муниципальное строительство занимало второстепенное положение.

В архитектуре этого периода, как во всех иных аспектах, тон

задавал процветающий индивидуалист. В Англии пожар 1666 года, уничтоживший большую часть Лондона, предоставил печальную возможность сэру Кристоферу Рену, с его собором Святого Павла, а также теми лондонскими церквями, которые он создал, стать кульминационной точкой в истории британской архитектуры. Он послал в Америку чертежи для сельских особняков, которые там возводились, и его своеобразный талант отразился, таким образом, и на раннем американском строительстве.

Иниго Джонс (1573–1652) был второй крупной фигурой среди английских архитекторов XVII в. А

его Банкетный зал — часть неоконченного дворца в Уайтхолле — знакомит каждого посетителя Лондона с его творчеством. Оба эти архитектора, как, собственно, и все английские, французские и немецкие архитекторы того периода, работали по все еще актуальным и развивающимся схемам итальянского Возрождения, и многие из наилучших зданий в этих странах были созданы итальянцами. Постепенно, к концу XVIII в., свободное и естественное развитие ренессансной архитектуры было остановлено наплывом классического педантства. Непрерывное накопление

классических знаний в школах Западной Европы проявилось в растущей тенденции к имитации греческих и древнеримских моделей. Что когда-то было стимулом, превращалось теперь в привычный и отупляющий наркотик.

Банки, церкви, музеи изысканно оформлялись, как афинские храмы, и даже террасы домов имели колоннады. Однако наихудшие проявления этой омертвляющей тенденции имели место в XIX в., за пределами рассматриваемого периода.

Мы уже показали, как идея всемирного правления и содружества человечества впервые вошла в мировую политику, проследили, как неспособность христианских церквей поддержать и укрепить эти идеи своего основателя привела к упадку морали в политических делах, возврату к эгоизму и отсутствию веры. Мы видели, как макиавеллиевская монархия противопоставила себя духу братства во Христе и как макиавеллиевские монархии в большей части Европы переросли в абсолютистские и парламентские монархии XVII и XVIII вв. Но разум и воображение человека работают неустанно, и под

пятой великих монархов постепенно создавался, словно сплетаемая сеть, комплекс понятий и традиций, которые овладевали человеческими умами: концепция международной политики как предмета сделок не между правителями, но между, в своем роде, бессмертными сущностями — между Державами.

Государи приходили и уходили; на смену Людовику XIV пришел бабник Людовик XV, после него — глуповатый слесарь-любитель Людовик XVI. Петр Великий уступил место череде императриц; династия Габсбургов после Карла V, как в Австрии, так и в Испании, превратилась в последовательность

толстых губ, некрасивых подбородков и всяческих предрассудков; дружелюбная подлость Карла II превращала в пародию его же претензии. Неизменными и надежными оставались лишь секретари министров иностранных дел и воззрения людей, которые докладывали о делах государства. Министры поддерживали преемственность политики в те дни, когда их монархи «отдыхали», а также в интервалах между уходом одного монарха и приходом другого.

И вот мы видим, как государь в представлениях людей становился менее важным, чем государство, главой которого он являлся. Все

меньше и меньше мы узнаем о хитрых планах и амбициях короля. Такого-то и все больше — о «планах Франции» или «амбициях Пруссии».

И в эпоху, когда религиозная вера была в упадке, мы видим, как люди стали проявлять новоявленное и вполне конкретное верование в эти персонификации. Эти громадные расплывчатые фантазии — «державы» — незаметно проникли в европейскую политическую мысль и в конце XVIII и в XIX вв. стали полностью в ней доминировать. Они доминируют в ней и до нынешнего времени. Европейская жизнь номинально оставалась христианской, но поклоняться

единому Богу в духе и истине — означает принадлежать к единому сообществу таких же почитателей этого Бога. Но в реальной жизни Европы этого не происходило. Она всецело отдалась поклонению этой странной мифологии государства. Этим верховным божествам — единству «Италии», гегемонии «Пруссии», славе «Франции» и историческому предназначению «России» — она принесла в жертву целые поколения несостоявшегося единства, мира и процветания, а также жизни миллионов людей.

Рассматривать племя или государство как, своего рода, человеческое существо — является

очень давней склонностью человеческого разума. Библия насыщена такими персонификациями. Иудея, Эдам, Моав, Ассирия фигурируют в древнееврейских священных писаниях как живые люди; иногда невозможно распознать, что имеет в виду древнееврейский автор — страну или личность. Это явно примитивная и упрощенная тенденция. Но в том, что касается современной Европы, она возвращается вновь.

Во времена идеи христианского мира Европа ушла далеко по пути объединения. И если такие племенные образования, как Израиль

или Тир действительно представляли некую общность крови, некое единообразие типа и интересов, — европейские государства, которые возникли в XVII и XVIII веках, были объединениями полностью искусственными. Россия, по сути дела, была совокупностью совершенно разнородных элементов: казаков, татар, украинцев, московитов и, после правления Петра, эстонцев и литовцев. Франция Людовика XV включала в себя германский Эльзас и недавно ассимилированные регионы Бургундии; она была тюрьмой для угнетенных гугенотов и каторгой для крестьян. В Британии Англия несла

на себе груз владений Ганноверской династии в Германии, а также Шотландию, глубоко чуждых валлийцев и враждебных католиков-ирландцев. Такие государства, как Швеция, Пруссия и в еще большей степени Польша и Австрия, если рассматривать их в серии исторических карт, — сжимаются, расширяются, выбрасывают отростки и бродят по карте Европы, словно амеба под микроскопом...

Очень медленно мир начинает понимать, насколько глубоко косвенное обучение окружающей действительностью может быть дополнено, видоизменено и исправлено с помощью позитивного

обучения, литературы, дискуссий и правильной критики практического опыта. Реальная жизнь простого человека — это его повседневная жизнь, его маленький круг привязанностей, страхов, страстей, вожделений и творческих импульсов. И только тогда, когда он воспринимает политику как нечто жизненно важное, влияющее на сферу его личной жизни, он неохотно о ней задумывается.

Вряд ли будет преувеличением утверждать, что простой человек старается думать о политических делах как можно меньше и перестает думать о них, как только это становится возможным. И только

очень любознательные и неординарные умы, которые по примеру или благодаря образованию обрели научную привычку пытаться узнать почему, или умы, потрясенные какой-либо общественной катастрофой и поднявшиеся до широкого понимания опасности, будут критически воспринимать правительства и органы власти, даже если они не вызывают у них непосредственного раздражения. Обычное человеческое существо, не возвысившись до такого понимания, с готовностью будет принимать участие в любых происходящих в этом мире коллективных действиях и с такой же готовностью будет

воспринимать любую формулировку или символику, соответствующую его смутному стремлению к чему-то большему, чем его личные дела.

Если иметь в виду эти очевидные ограничения нашей природы, станет понятно, почему, по мере того, как идея христианства как мирового братства людей дискредитировала себя из-за своей фатальной зависимости от духовенства и папства, с одной стороны, и от власти государей — с другой, и эпоха веры сменилась нынешней эпохой сомнения и неверия, — люди стали жить не царством Божьим и идеями человеческого братства, а в

соответствии с более близкими реалиями: Францией и Англией, Святой Русью, Испанией, Пруссией. Эти реалии находили воплощение по крайней мере в действующих королевских дворах, которые следили за выполнением законов, оказывали влияние посредством армий и флотов, с неотразимой торжественностью размахивали флагами и были напористы и ненасытно жадны — в такой понятной, слишком человеческой манере.

Такие люди, как кардиналы Ришелье и Мазарини, считали, что они служат целям более высоким, чем цели их собственные или даже

цели их монархов; они служили квазибожественной Европе, существовавшей в их воображении. Этот способ мышления передавался, сверху вниз, их подчиненным и общей массе населения. В XIII и XIV вв. основная часть населения Европы была настроена религиозно и только в незначительной степени — патриотически; к началу века XIX она стала всецело патриотической. В переполненном железнодорожном вагоне где-нибудь во Франции, Англии или Германии презрительные насмешки над Богом вызвали бы гораздо меньше враждебности, чем язвительные колкости по поводу этих странных

образований — Англии, Франции или Германии.

К этому тяготели человеческие умы и тяготели по той причине, что им казалось, будто во всем мире не было предметов более достойных. Национальные государства были живыми и реально существующими божествами Европы.

XVII век в Европе был веком Людовика XIV; центральным мотивом этого века было доминирующее влияние Франции и Версальского стиля. Аналогично, XVIII столетие было столетием «возвышения Пруссии как великой державы», а главной действующей фигурой был Фридрих II, Фридрих

Великий. С историей его деятельности тесно переплелась история Польши.

Состояние дел в Польше отличалось своеобразием. В отличие от своих трех соседей — Пруссии, России и Австрийской монархии Габсбургов, Польша не создала великой монархии. Наилучшим образом ее систему правления можно охарактеризовать, как республику с королем в качестве избираемого пожизненно президента. Каждого короля избирали отдельно. Фактически, Польша была более республиканской, чем Британия, но ее республиканская система была более аристократической по форме.

Торговля и производство Польши были развиты слабо; она была страной аграрной, в которой все еще преобладали пастбища, леса и необрабатываемые земли. Это была страна бедная, и ее землевладельцы были бедными аристократами. Массу ее населения составляли обездоленные и крайне невежественные крестьяне, в ней проживало также большое количество очень бедных евреев. Страна оставалась католической. Она представляла собой своего рода нищую католическую континентальную Британию, вместо моря полностью окруженную врагами. У нее не было четких

географических границ — ни морских, ни горных. Ее беды усиливались тем, что некоторые из ее избранных королей были способными и агрессивными правителями. На востоке ее шаткие владения охватывали регионы, почти полностью заселенные русскими и украинцами; на западе ее владения простирались на регионы, где проживали ее немецкие подданные.

Ввиду отсутствия интенсивной торговли, в Польше не было крупных городов, сравнимых с западноевропейскими, не было также бурлящих жизнью университетов, которые объединяли бы интеллект нации. Класс

дворянства — шляхта — жил в своих поместьях, не утруждая себя интеллектуальной жизнью. Дворяне были патриотически настроенными, обладали аристократическим чувством свободы, — настолько же значительным, насколько и систематическое угнетение ими крепостных, — но их патриотизм и чувство свободы были не в состоянии эффективно взаимодействовать. Пока войны велись с помощью рекрутов и реквизированных лошадей, — Польша была сравнительно сильным государством. Но она была совершенно неспособна поспевать за развитием военного искусства, которое сделало регулярные войска,

состоящие из профессиональных солдат, необходимым инструментом ведения войны. Однако, какой бы разобщенной и ослабленной она ни была, Польша может гордиться некоторыми выдающимися победами. Последнее турецкое наступление на Вену (1683) было сокрушено конницей короля Яна Собеского, Яна III (1674–1696). (Этот же самый Собеский, до того, как его избрали королем, был на службе у Людовика XIV и также воевал на стороне шведов против своей собственной страны.)

Совершенно понятно, что эта слабая аристократическая республика, с ее регулярными

выборами короля, буквально подталкивала к агрессии троих своих соседей. «Иностранные деньги» и всякого рода вмешательства были в этой стране обычным делом на каждом выборах. И, подобно древним грекам, каждый недовольный польский патриот перебежал на сторону врага, дабы излить свое негодование и отомстить неблагодарной стране.

Даже после выборов у польского короля было мало власти из-за взаимной вражды шляхтичей. Подобно английским пэрам, они предпочитали на выборах короля иностранца, потому что у него не было родовых связей внутри страны;

но, в отличие от британцев, в их собственном правительстве не было той солидарности, на которую вдохновляли британских пэров периодические собрания парламента в Лондоне, «поездки в город», как тогда говорили. В Лондоне было «светское общество», постоянное взаимодействие влиятельных личностей и идей. У Польши не было Лондона и «светского общества». Поэтому в Польше практически не было никакого центрального правительства. Король Польши не мог объявить войну или заключить мир, взимать налоги или изменять законы без согласия польского парламента — сейма, а каждый

отдельный член сейма обладал правом наложить вето на каждое рассматриваемое в парламенте предложение. Ему достаточно было встать и заявить: «Я не согласен» — и вопрос снимался; он мог расширить сферу действия своего свободного вето, *liberum veto*, еще дальше. Он мог возражать против созыва сейма, и парламент распускался. Польша была не просто коронованной аристократической республикой, как Англия, она была еще и парализованной республикой. У Фридриха Великого существование Польши вызывало особое раздражение из-за того, что Польша расширила свою территорию до

Балтийского моря в районе Гданьска и тем самым отрезала его родовые имения в Восточной Пруссии от его территорий внутри империи. Именно он побудил царицу России Екатерину Вторую и Марию Терезию Австрийскую, уважение которой он заслужил, отобрав у нее Силезию, к совместному нападению на Польшу.

Пусть об этом расскажут четыре карты Польши. После первого надругательства 1772 года в Польше произошел большой переворот в умах и сердцах людей. И вправду, Польша родилась как нация накануне своего исчезновения.

Имело место лихорадочное, но значительное развитие образования,

литературы и искусства; появились историки и поэты, а возмутительная конституция, сделавшая Польшу бессильной, была аннулирована. Право вето было упразднено, королевская власть была сделана наследственной, чтобы уберечь Польшу от иностранных интриг, сопутствовавших каждым выбором, и был утвержден парламент по образцу британского. Однако в Польше существовали сторонники старого порядка, которые были недовольны этими новыми изменениями, и, конечно же, их обструкционистская деятельность была поддержана Пруссией и Россией, которые не желали польского возрождения.

Последовал второй раздел, и после ожесточенной патриотической борьбы, которая началась в аннексированном Пруссией регионе и которая обрела своего лидера в лице Костюшко (1746–1817), Польша была окончательно стерта с карты Европы. Вот так на некоторое время исчезла эта «парламентская угроза» великим монархиям в Восточной Европе. Но чем больше угнетали поляков, тем сильнее и отчетливее становился их патриотизм. Сто двадцать лет Польша боролась, опутанная политической и военной сетью великих держав. Она возникла вновь в 1918 году, в конце мировой войны.

Мы уже говорили о господствующем влиянии Франции в Европе, о быстром упадке когда-то сильного Испанского государства и его отделении от Австрии, а также о подъеме Пруссии. Что касается Португалии, Испании, Франции, Британии и Голландии, их борьба за господствующее влияние в Европе затягивалась и усложнялась борьбой за заморские владения.

Открытие огромного континента Америки, неплотно заселенного, неосвоенного и великолепно приспособленного для поселения и труда европейцев, одновременное

открытие громадных пространств необработанной земли к югу от знойных экваториальных регионов Африки, европейцам прежде почти неизвестных, а также постепенное освоение обширных островных регионов в Восточных морях, еще не тронутых Западной цивилизацией, предоставило человечеству возможности, прежде не виданные за всю его историю. Это выглядело так, как будто народы Европы неожиданно получили огромное наследство. Их мир неожиданно увеличился в четыре раза. Его хватало на всех и с избытком; надо было только взять эти земли и жить на них счастливо, забыв, как о

кошмарном сне, о своей прошлой бедности в переполненной Европе.

Европейские государства начали с того, что стали неистово «закреплять права» на новые территории. Они затеяли изнурительные конфликты. Испания, успевшая раньше других закрепить за собой наибольшее количество земель, на некоторое время стала «хозяйкой» двух третей Америки и не придумала ничего лучшего, чем почти до смерти истощить себя в этих новых владениях. Мы уже рассказывали о том, как папство, в своем последнем притязании на мировое господство, разделило Американский континент между

Испанией и Португалией, вместо того, чтобы осуществлять миссию христианства по созданию великой общей цивилизации на новых землях. Это, конечно же, спровоцировало враждебность наций, оставшихся за рамками этой сделки. Английские моряки не проявили никакого уважения к обеим обладательницам прав на Американский континент и были настроены особенно агрессивно против Испании; шведы истолковали свое протестантство подобным же образом. Голландцы, едва избавившись от своих испанских господ, тоже поплыли на Запад, в пику Римскому Папе, чтобы поживиться дарами Нового Света.

«Его Высочайшее Католическое Величество» Франции проявил не больше сомнений, чем любой протестант. И вскоре все эти государства только и делали, что предъявляли и закрепляли свои права на земли в Северной Америке и островах Вест-Индии.

Ни Датское королевство (которое в то время включало в себя Норвегию и Исландию), ни шведы не смогли получить что-либо существенное в ходе этой дележки. Датчане аннексировали несколько островов Вест-Индии. Шведам не досталось ни одного. Как Дания, так и Швеция были глубоко вовлечены в германские дела. Мы уже

рассказывали про Густава Адольфа, протестантского «Северного льва», и про его кампании в Германии, Польше и России. Эти восточные регионы представляют собой мощные поглотители энергии, и сила, которая могла бы обеспечить шведам большую долю владений в новом мире, была растрочена на бесплодную борьбу за европейскую славу. Те небольшие поселения, которые шведы основали в Америке, вскоре перешли в руки голландцев.

У голландцев, в ситуации, когда Французская монархия под руководством кардинала Ришелье и Людовика XIV прогрызала себе дорогу к их границе через испанские

Нидерланды, тоже не было лишних ресурсов для заморских приключений, в отличие от Англии, укрывшейся за «серебряной полоской моря».

Более того, результатом абсолютистской власти Якова I и Карла I, а также реставрации Карла II был исход из Англии большого количества непреклонных, республикански настроенных протестантов, людей неординарных и с характером, которые обосновались в Америке, особенно в Новой Англии, вне, как они полагали, досягаемости короля и его налогов. «Мэйфлауэр» был лишь одним из первых кораблей в потоке

эмигрантов. Британии повезло, что эти эмигранты, хоть они и были диссидентами по духу, все-таки остались верны английскому флагу. Голландцы никогда не снаряжали поселенцев в таких количествах и такого качества, — во-первых, потому, что им этого не позволяли их испанские властители, а во-вторых, потому, что у них хватало проблем в собственной стране. И хотя большое количество гугенотов-протестантов эмигрировало, спасаясь от репрессий и преследований Людовика XIV, им не нужно было далеко бежать — они могли найти убежище в Голландии и Англии, находившихся буквально под рукой. Их предприимчивость, умения

и рассудительность пошли на усиление этих двух стран, особенно Англии. Некоторые из гугенотов основали поселения в Каролине, однако они не остались французскими; сначала ими завладели испанцы, а в конечном счете — англичане.

Голландские поселения, так же как и шведские, тоже перешли в британское владение; Новый Амстердам стал английским в 1674 г., и его название было изменено на Нью-Йорк. Положение дел в Северной Америке в 1750 г. четко показано на карте. Британское правление было установлено вдоль восточного побережья от Саванны до

реки Св. Лаврентия, а Ньюфаундленд и значительные северные территории, территории компании Гудзонова залива, были приобретены ими по соглашению с французами. Британцы заняли Барбадос (почти самое старое из их американских владений) в 1605 г. и получили от испанцев Ямайку, Багамские острова и Белиз. Но Франция вела очень опасную игру — игру, которая на карте выглядела еще более опасной, чем в действительности. Она основала настоящие поселения Квебек и Монреаль на севере и Новый Орлеан на юге; ее первопроходцы и агенты двигались на юг и на север через весь

континент, заключая соглашения с американскими индейцами великих прерий и заявляя права на владения землей, но не основывая при этом поселений. Все это делалось за спиной британцев. Британские колонии последовательно заселялись классом добропорядочных и активных людей, их уже насчитывалось более миллиона; французы же в то время едва достигали десятой части от этого количества. На них работало определенное количество прекрасных путешественников и миссионеров, но их деятельность не подкреплялась наличием населения.

В 1754 г. вспыхнула война, и в

1759 г. британские и колониальные войска под командованием генерала Вулфа захватили Квебек, а в следующем году завершили завоевание Канады. В 1763 г. права на Канаду были окончательно переданы Британии. Однако западная часть довольно неопределенно обозначенного южного региона, названного Луизианой в честь Людовика XIV, оставалась вне сферы британского влияния. Этот регион перешел к испанцам, а в 1800 г. его выкупило у Франции правительство Соединенных Штатов.

В этой канадской войне американские колонисты обрели

значительный опыт в искусстве ведения войны и знание британской военной организации, из чего им суждено было извлечь большую пользу несколько позже.

11

Французские и британские интересы сталкивались не только в Америке. Тогдашнее положение в Индии было привлекательным и для европейских авантюристов. Великая Могольская империя Бабура, Акбара и Аурангзеба к тому времени уже давно пришла в упадок. То, что случилось с Индией, было очень

похоже на то, что случилось с Германией. Великий Могол в Дели в Индии, подобно Священному Римскому императору в Германии, был законным верховным правителем, но после смерти Аурангзеба он пользовался лишь номинальной властью, за исключением ближайших окрестностей своей столицы. Имело место великое возрождение индуизма и национального духа. На юго-западе одна из индийских народностей, маратхи, подняла восстание против ислама, восстановила брахманизм в качестве правящей религии и на некоторое время расширила свою власть на весь

южный треугольник Индии. В Раджпутане исламское правление также было заменено брахманизмом, в Бхаратпуре и Джайпуре правили могущественные раджпутские правители. В Ауде существовало шиитское королевство со столицей в Лакхнау, а Бенгалия также была отдельным исламским королевством.

Далеко на севере, в Пенджабе, возникла очень интересная религиозная группа — сикхи, — которая проповедовала вселенское господство единого Бога и резко критиковала как индуистские Веды, так и мусульманский Коран. Будучи первоначально пацифистской сектой, сикхи вскоре последовали примеру

ислама и предприняли попытку — поначалу с весьма плачевными для себя последствиями — установить Царство Божие с помощью меча. И вот в эту смятенную, лишенную внутреннего порядка, но находящуюся в стадии индийского возрождения Индию пришел захватчик с севера, Надир-шах (1736–1747), тюркский правитель Персии. Он прорвался через Хайберский перевал, разбил все армии, пытавшиеся остановить его продвижение, захватил и разграбил Дели и унес с собой огромную добычу.

После его ухода север Индии был настолько разрушен и

дезорганизован, что в последующие двадцать лет произошло не менее шести новых успешных грабительских набегов на Северную Индию из Афганистана, который после смерти Надир-шаха стал независимым государством. В течение некоторого времени маратхи воевали с афганцами за контроль над Северной Индией; затем государство маратхов распалось на ряд княжеств: Индур, Гвалиур, Барода и другие. Индия была в XVIII в. очень похожа на Европу VII и VIII вв., с ее медленным возрождением, которое прерывалось в руках арабов из региона Красного моря, и португальцы отвоевали ее у арабов в

серии морских сражений. Португальские корабли были гораздо крупнее и обладали более тяжелым вооружением. Некоторое время португальцы пользовались набегам и иноземных грабителей. Такой была Индия, в которую проникли французы и англичане.

С тех пор как Васко да Гама совершил свое памятное путешествие вокруг мыса Доброй Надежды до Каликута, целый ряд европейских государств боролся за то, чтобы обрести коммерческую и политическую опору в Индии и на Востоке. Прежде морская торговля с Индией находилась в руках арабов Красного моря, но португальцы в

нескольких морских сражениях отвоевали ее себе. Их корабли были крупнее и лучше вооружены. Какое-то время португальцы держали торговлю с Индией целиком в своих руках, и Лиссабон затмил Венецию в качестве рынка восточных пряностей. Но в XVII столетии этой монополией завладели голландцы. Во время расцвета их могущества у голландцев были поселения на мысе Доброй Надежды, они владели Маврикием, у них было два поселения в Персии, двенадцать в Индии, шесть на Цейлоне, и все острова Индонезии они усыпали своими опорными пунктами. Однако их эгоистическая решимость не

допускать к торговле других европейцев вынудила шведов, датчан, французов и англичан начать жестокую конкурентную борьбу. Первые действенные удары по голландской морской монополии были нанесены в европейских водах в результате побед Блейка, английского адмирала времен Республики; а к началу XVIII в. англичане и французы активно соперничали с голландцами за торговлю и привилегии по всей Индии.

В Мадрасе, Бомбее и Калькутте организовали свои главные представительства англичане; в Путгучери и Чандранагаре

находились основные поселения французов.

Поначалу все эти европейские государства пришли как торговцы, и единственными необходимыми им заведениями были складские помещения; однако неустойчивая ситуация в стране и беспринципные методы конкурентов, естественно, привели в дальнейшем к тому, что они стали укреплять и вооружать свои поселения, а подобное укрепление и вооружение сделало европейские опорные пункты привлекательными союзниками для различных враждующих правителей, которые поделили между собой Индию. Это было полностью в духе

новой европейской
националистической политики,
когда французы принимали одну
сторону, а англичане — другую.

Крупным лидером со стороны англичан был Роберт Клайв, родившийся в 1725 г. и уехавший в Индию в 1743 г. Его основным соперником был Дюплекс. История этого противостояния, длившегося на протяжении первой половины XVIII в., слишком длинна и запутана, чтобы уделять ей место в этой книге. К 1761 г. британцы стали полными хозяевами на Индийском полуострове. При Плесси (1757 г.) и при Буксаре (1764 г.) их войска одержали решающие и

окончательные победы над армией Бенгалии и армией королевства Ауд. Великий Могол, номинальный властелин этих королевств, фактически стал их марионеткой. Они брали налоги с больших территорий; они взимали контрибуцию за реальное или выдуманное сопротивление.

Эти успехи не были достигнуты непосредственно войсками короля Англии; они были достигнуты Ост-Индской торговой компанией, которая ко времени своей регистрации при королеве Елизавете была не больше, чем сборищем морских авантюристов. Шаг за шагом они были вынуждены

создавать военные формирования и вооружать свои корабли. Теперь же эта торговая компания, с ее традицией наживы, оказалась не только торговцем специями, красителями, чаем и алмазами — под ее контроль попали доходы и владения государей, она стала вершителем судеб Индии. Она пришла покупать и продавать, а стала заниматься невиданным грабежом. Не было никого, кто мог бы бросить вызов деятельности этой компании. Поэтому неудивительно, что ее капитаны, командиры, чиновники и даже ее клерки и простые солдаты возвращались в Англию с огромной наживой.

В подобных обстоятельствах, когда в их милости находилась огромная и богатая страна, люди не могли определиться, что им можно делать, а что нельзя. Для них это была чужая страна, где восходило чужое солнце, ее люди с коричневой кожей были совершенно иной расой, вне пределов их сочувствия; ее храмы и здания, казалось, только подтверждали фантастические стандарты поведения. Англичане у себя дома были озадачены, когда вскоре после возвращения эти джентльмены и чиновники начали выдвигать друг против друга смутные обвинения в вымогательстве и жестокостях. Роберту Клайву

парламент вынес вотум недоверия. Он покончил с собой в 1774 г. Еще один крупный администратор Индии, Уоррен Гастингс, был обвинен в государственном преступлении и оправдан (1792 г.).

Английский парламент очутился в ситуации, когда он должен был руководить Лондонской торговой компанией, которая, в свою очередь, господствовала над империей, намного большей по площади и населению, чем все владения Британской короны. Для большинства англичан Индия была далекой, почти недосыгаемой страной, в которую отправлялись предприимчивые бедные молодые

люди, через много лет возвращавшиеся очень богатыми и очень раздражительными пожилыми джентльменами. Англичанам трудно было постичь, какой жизнью живут эти бесчисленные миллионы коричневых людей под восточным солнцем. Их воображение не справилось с этой задачей, Индия оставалась страной романтически нереальной. Поэтому англичанам невозможно было осуществлять какой-либо эффективный надзор и контроль за деятельностью торговой компании.

А пока огромный полуостров на юге Азии становился владением английских морских торговцев, столь же значительное воздействие Европы на Азию происходило на севере. Мы уже рассказывали о том, как христианские государства Руси обрели свою независимость от Золотой Орды, как московский царь подчинил себе Новгородскую республику; а в разделе 5 этой главы мы рассказали о том, как Петр Великий вошел в круг великих монархов и, по сути, втащил Россию в Европу. Подъем этой великой центральной державы Старого Света, которую нельзя полностью отнести ни к Востоку, ни к Западу,

представляет собой явление исключительно важное для судеб человечества.

Мы рассказали уже о появлении христианского степного народа — казаков, которые образовали барьер между феодальным сельским хозяйством Польши и Венгрии на западе и татарами на востоке. Казаки были «диким востоком» Европы, во многих отношениях напоминая «дикий запад» Соединенных Штатов в XIX в. Все, кто не мог ужиться в России, как невинно преследуемые, так и преступники, беглые крепостные, члены религиозных сект, воры, бродяги, убийцы — все искали пристанища в южных степях,

чтобы начать жизнь заново и бороться за жизнь и свободу против поляков, русских и татар — все равно против кого.

Понятно, что те, кто бежал от находившихся на востоке татар, тоже становились ингредиентом этой казацкой смеси. Основное место среди этих новых кочевых племен занимали украинские казаки на Днепре и донские казаки на Дону. Постепенно этот приграничный народ привлекли на российскую имперскую службу, во многом подобно тому, как кланы шотландских горцев были преобразованы британским правительством в полки. В Азии им

были предоставлены новые земли. Они стали орудием в борьбе против погружавшихся во все больший упадок монгольских кочевых племен — сначала в Туркестане, затем по всей Сибири вплоть до Амура.

Упадок монгольской мощи в XVII и XVIII вв. объяснить крайне тяжело. За каких-то два или три столетия после Чингисхана и Тамерлана Центральная Азия скатилась из периода мирового могущества в период крайнего политического бессилия. Изменения климата, неизвестные историкам эпидемии, инфекции малярийного типа могли, конечно же, сыграть свою роль в этом упадке центрально-

азиатских народов, который может быть упадком лишь временным с точки зрения всемирной истории.

Некоторые специалисты считают, что распространение буддийского учения из Китая оказало на них умиротворяющее воздействие. В любом случае, к XVI в. монголо-татарские и тюркские народы уже не проявляли направленной вовне активности и стали объектом вторжения и подчинения. Их теснили как христианская Россия на западе, так и Китай на востоке.

На протяжении всего XVII в. казаки распространялись из Европейской России на восток, основывая поселения везде, где они

находили благоприятные условия для ведения сельского хозяйства. Кордоны фортов и опорных пунктов образовывали на юге движущуюся границу из этих поселений, где тюркские народы были все еще сильны и активны; на северо-востоке же у России не было границы до тех пор, пока она не достигла Тихого океана...

В то же самое время Китай вступил в период экспансии. Маньчжурские захватчики, основавшие династию Цин, привнесли новую энергию в китайскую политику, и их северные интересы привели к значительному распространению китайской

цивилизации и влияния на Маньчжурию и Монголию. Случилось так, что к середине XVIII в. и русские и китайцы были в контакте с Монголией. В этот период Китаю подчинялись Восточный Туркестан, Тибет, Непал, Бирма и Аннам... Маньчжурский период в Китае был также периодом значительной литературной активности.

Параллельно с европейскими процессами, но совершенно независимо от них, китайский роман и рассказ поднялись к вершинам стиля и занимательности, значительное развитие получило китайское драматическое искусство.

Впервые появилось много образцов пейзажной живописи, цветной печати, медных гравюр, позаимствованных у иезуитов-миссионеров; производство китайского фарфора достигло беспрецедентных высот. Но к концу XVIII столетия эстетическое качество фарфора пришло в упадок из-за неготовности гончаров приспособливаться к тому, что они считали европейским вкусом. На протяжении всего этого столетия имел место непрекращающийся экспорт фарфоровых изделий во дворцы, замки и загородные дома европейской знати и мелкопоместного дворянства.

Европейские гончарные изделия имитировали китайские и конкурировали с ними, но так и не смогли превзойти их по качеству. Началась также европейская торговля чаем.

Мы уже говорили о японском вторжении в Китай (или, скорее, в Корею). За исключением этой агрессии в Китай, Япония не играла никакой роли в истории этого региона до XIX в. Подобно Китаю во время правления династии Мин, Япония была настроена резко против вмешательства иностранцев в свои дела. Это была страна, жившая своей цивилизованной жизнью, наглухо закрытой для иностранцев.

Ее живописная и романтическая история стоит особняком от общей драмы человечества. Население Японии составляют, в основном, люди монголоидного типа, среди которого на северных островах встречаются люди, напоминающие первобытный нордический тип, — айны. Ее цивилизация была, видимо, позаимствована из Кореи и Китая; ее искусство является своего рода продолжением китайского искусства, ее литература — адаптацией китайской литературы.

В предыдущих двенадцати разделах мы рассматривали эпоху разделения, раздельного существования народов. Мы характеризовали этот период XVII и XVIII вв. как «междущарствие», перерыв в поступательном движении человечества к всемирному единству. На протяжении этого периода в умах людей не существовало объединяющей идеи. Сила империи ослабевала до тех пор, пока император не стал одним из конкурирующих правителей. Идея Христианского мира также пришла в упадок. По всему миру новообразовавшиеся «державы» рьяно конкурировали друг с другом; в

течение некоторого времени казалось, что эта жестокая конкуренция может продолжаться бесконечно, без каких-либо катастрофических последствий для человечества.

Великие географические открытия XVI в. настолько увеличили человеческие ресурсы, что, несмотря на все разногласия, весь ущерб от войн и политических интриг, народы Европы вошли в период значительного и постоянно растущего процветания. Центральная Европа медленно восстанавливалась после опустошительной Тридцатилетней войны.

Анализируя этот период,

который достиг своего апогея в XVIII столетии, и пытаюсь рассматривать его события на фоне предыдущих столетий и великих свершений современности, мы осознаем, насколько преходящи и временны были его политические формы и насколько непрочны были его гарантии безопасности. Преходящесть была гораздо более характерной чертой этого века по сравнению с другими столетиями; это был век ассимиляции и восстановления, политическая пауза, век накопления человеческих идей и ресурсов науки для более мощного рывка человечества вперед.

Упадок великих созидательных

идей, в том виде, в каком они были сформированы в средние века, на некоторое время лишил человеческую мысль направляющего воздействия творческих идей; даже люди с образованием и воображением представляли себе мир без присущих ему противоречий, уже не как взаимодействие усилий человека и его судьбы, а как место, в котором стремятся к банальному счастью и получают награду за добродетели. Век XVIII был веком комедии, которая под занавес обрела невеселый характер. Невозможно представить, что мир в середине XVIII в. мог дать человечеству нового Иисуса, нового Будду, нового

Франциска Ассизского, нового Игнатия Лойолу. Если можно представить себе нового Яна Гуса в XVIII в., то невозможно представить себе человека со страстью, достаточно сильной, чтобы его сжечь. До тех пор пока проснувшаяся совесть не трансформировалась в Британии в методистское возрождение, мы прослеживаем лишь догадки о том, что человечеству еще предстоит свершить великие дела, что грядут великие потрясения или что путь человека сквозь пространство и время чреват бесчисленными опасностями и до самого конца будет оставаться возвышенным и

страшным предприятием.

В нашем «Очерке» мы часто приводили цитаты из труда Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи». Сейчас мы приведем еще одну цитату из этой книги и попросимся с ней, поскольку мы подошли к тому времени, когда она была написана.

Гиббон родился в 1737 г., а последний том его истории был опубликован в 1787 г., однако место, которое мы процитируем, вероятно, было написано в году 1780. Гиббон был молодым человеком со слабым здоровьем и приличным состоянием; некоторое время он учился в Оксфорде, где получил неоконченное

образование, которое завершил в Женеве; в целом, его взгляды были скорее французскими и космополитическими, чем британскими; он пребывал под сильным интеллектуальным влиянием того великого француза, которого мы знаем под именем Вольтера (Мари Франсуа Аруэ, 1694–1778).

Вольтер был чрезвычайно продуктивным автором; семьдесят томов его произведений украшают книжные полки автора этих строк, еще одно из изданий трудов Вольтера насчитывает девяносто четыре тома. В основном он занимался историей и общественными делами; вел

переписку с Екатериной Великой, российской царицей, Фридрихом Великим, королем Пруссии, Людовиком XV и большинством выдающихся людей того времени. И Вольтеру, и Гиббону было присуще сильное чувство истории; оба очень просто и достаточно полно выразили свои взгляды на человеческую жизнь.

Идеал, который они пропагандировали и защищали, был идеалом вежливого и хорошо воспитанного мира, в котором люди — то есть люди благородные и состоятельные, ибо другие в расчет не брались — будут стыдиться проявлять вульгарность, жестокость или чрезмерную увлеченность; в

котором жизненные пути будут широкими и красивыми, а страх оказаться посмешищем — могучим помощником закона в поддержании благообразия и гармонии жизни.

В конце третьего тома своего труда Гиббон завершает рассказ о распаде Западной империи. Затем он задается вопросом: сможет ли цивилизация когда-либо вынести еще один подобный крах? Это заставило его изучить тогдашнее положение дел (1780) и сравнить его с положением дел во время упадка имперского Рима. Будет очень уместным для всего нашего повествования привести некоторые места из этих сравнений, ибо мало

что может лучше проиллюстрировать состояние умов либеральных мыслителей Европы в самый пик политического безвременья — эпохи появления первых признаков тех глубинных политических и социальных сил распада, которые в конечном счете привели к возникновению драматических вопросов современности.

«Этот ужасный переворот, — писал Гиббон о крахе Западной империи, — можно с пользой применить как ценное наставление и в нашу эпоху. Обязанность патриота — преследовать и ставить превыше всего исключительно интересы и славу своей собственной страны;

однако философу позволено
расширить его взгляды и
рассматривать Европу как одну
большую республику, различные
обитатели которой достигли
примерно одинакового уровня
вежливости и воспитанности.
Соотношение сил будет меняться и
впредь, наше собственное
благополучие или благополучие
соседних королевств будет
поочередно понижаться или
повышаться; но эти отдельные
события не смогут, в целом, повлиять
негативно на наше общее состояние
счастья, на систему искусств,
законов и манер, которыми так
выгодно отличаются от остального

человечества европейцы и их колонии.

Дикие народы Земного шара являются общими врагами цивилизованного общества; и мы можем задаться тревожным вопросом — угрожает ли все еще Европе повторение всех тех бедствий, которые ранее оказали парализующее воздействие на государственные учреждения Рима и на его способность защищаться. Возможно, такие же точно размышления смогут послужить объяснением краха этой могучей империи и помочь заранее распознать потенциальную угрозу нашему теперешнему положению.

Злоупотребления тирании ограничиваются влиянием страха и стыда; республики обрели порядок и стабильность; монархии усвоили принципы свободы или по крайней мере умеренности; и некоторое понятие чести и справедливости привнесено в наиболее ущербные конституции благодаря общим манерам эпохи. В мирное время прогресс знаний и промышленности ускоряется за счет соревнования столь многих соперников; во время войны войсками Европы командуют умеренные и нерешительные противники. Появись какой-либо завоеватель — варвар из степей Татари, — и он, несомненно,

преодолеет сопротивление крепких
российских крестьян,
многочисленных армий Германии,
галантных дворян Франции,
неустрасимых свободных людей
Британии, которые смогут создать
даже коалицию для общей защиты. И
если победоносные варвары донесут
рабство и опустошение до самого
Атлантического океана, то десять
тысяч судов унесут от их
преследования остатки
цивилизованного общества; и Европа
возродится и будет процветать в
Американском мире, который уже
заполнен ее колониями и
учреждениями.

Воинственные государства

античности — Греция, Македония и Рим — воспитали породу солдат, вышколили их тела, дисциплинировали их дух, увеличили их силы постоянными маневрами и превратили железо в их руках в грозное и эффективное оружие. Но это превосходство постепенно пришло в упадок по мере развития законов и манер; нерешительная политика Константина и его наследников вооружила и обучила — на гибель империи — грубую доблесть наемников-варваров. Военное искусство изменилось с изобретением пороха, давшего в руки человека два наиболее мощных элемента природы — воздух и огонь.

Математика, химия, механика, архитектура были поставлены на службу войне; противоборствующие стороны противопоставляли друг другу самые изощренные способы наступления и обороны. Историки могут с возмущением указать на то, что подготовка к осаде обычно приводила к возникновению и продолжительному существованию процветающей колонии; однако мы не можем сетовать на то, что осада города связана со значительными расходами и трудностями или что предприимчивые люди используют те уловки и хитрости, которые помогают им выжить и восполнить недостаток военной силы.

Артиллерия и фортификационные сооружения образовали преграду, непреодолимую для татарской конницы. Европа надежно защищена от любого возможного вторжения варваров, поскольку для успешного захвата им необходимо перестать быть варварами...

Со времени открытия ремесел, искусств, войны, торговли и религиозного стремления и распространения среди дикарей Старого и Нового Света этих бесценных даров они постоянно ширились по всему миру, они никогда уже не будут утрачены. Поэтому можно с готовностью прийти к выводу, что каждая эпоха

мировой истории увеличивала и продолжает увеличивать реальное богатство, счастье, знания и, возможно, добродетели рода человеческого».

14

Одним из наиболее интересных аспектов европейской истории XVII и XVIII вв., в эпоху абсолютистских и парламентских монархий, является относительное спокойствие крестьян и рабочих. Казалось, что бунтарский огонь XIV, XV и XVI столетий окончательно угас.

Острые экономические

конфликты более раннего периода были сглажены простыми и грубыми мерами. Открытие Америки революционизировало и изменило масштаб бизнеса и промышленности, обеспечило значительный объем ценных металлов для денег в Европе, увеличило занятость и расширило ее спектр. На некоторое время жизнь и работа перестали быть невыносимыми для масс обездоленного населения. Это, конечно, не могло значительно уменьшить личные страдания отдельного человека и его недовольство; бедные люди были всегда, однако невзгоды и

недовольство были как бы раздроблены и рассеяны. Их не стало слышно.

В более ранний период у простых людей была объединяющая идея — идея христианского коммунизма. Они обрели образованных руководителей в лице священников-диссидентов и докторов вроде Уиклифа. А когда движение за возрождение христианства выдохлось, когда лютеранство стало руководствоваться не учением Христа, а указаниями протестантских правителей, этот контакт и воздействие нетрадиционно мыслящих умов образованного класса на

неграмотные массы были прерваны. Каким бы многочисленным не был угнетенный класс, какими невыносимыми не были его лишения, он никогда не будет способен к действительному протесту, пока не достигнет солидарности через выработку простой и общей для всех идеи.

Реформация — имеется в виду Реформация протестантских правителей, которая достигла успеха за счет снижения образовательных возможностей, — в основном уничтожила класс малоимущих ученых и священников, чья способность воздействовать на толпу убеждением сделала возможной саму

Реформацию.

Правители протестантских стран, захватив контроль над национальными церквями, быстро поняли необходимость установления контроля и над университетами. Их представление об образовании заключалось в привлечении способных молодых людей на службу вышестоящим лицам. За пределами подобных представлений они были склонны рассматривать образование как вещь вредную. Поэтому единственным способом для молодого человека получить образование было покровительство. Конечно, чисто внешне стремление учиться поощрялось во всех великих

монархиях, учреждались академии и королевские общества, однако польза от них была лишь для узкого круга раболепствующих ученых.

Церковь тоже научилась не доверять образованным малоимущим людям. В великой аристократической «коронованной республике» Британии наблюдалось такое же сокращение образовательных возможностей. Оба старинных английских университета в XVIII столетии были университетами для богатых.

У Маколея^[85] есть место, где описывается великолепие и помпезность Оксфорда в конце XVII в., «когда канцлер его

Величества, почтенный герцог Ормондский, восседал в разукрашенной мантии на своем троне под разрисованным потолком Шелдонского театра в окружении сотен выпускников, одетых в соответствии со своим рангом, а в это время ему представляли молодых людей из самых знатных семейств как кандидатов на академические награды».

Этот университет был властью, но не в том смысле, в котором был властью Парижский университет, дававший образование, от которого дрожали римские Папы, а в том, что он был частью официального аристократического механизма.

Сказанное об университетах в равной степени касалось и школ. Образование в Англии работало не на общество, а на социальный строй, не на государство, а на класс правителей-собственников. По всей Европе образование утратило свой миссионерский дух. Именно этим, как и улучшением жизни через распространение благосостояния на низшие слои общества, объясняется этот период покоя среди малоимущих классов. Они лишились разума и речи, они были сыты. Этот слой общества напоминал предназначенное для убоя животное в руках правящего класса.

Более того, произошли

значительные изменения в пропорциональном соотношении классов. Одной из наиболее трудных для историка задач является определение той части совокупной собственности общества, которой владеет определенный класс этого общества. Подобные соотношения подвержены очень быстрым колебаниям. Крестьянские войны в Европе являются проявлением фазы относительно высокой концентрации собственности; когда широкие массы людей ощутили, что их лишили собственности с явным для всех ущербом, они и прибегли к массовым действиям. Это было время подъема и процветания Фуггеров и им

подобных, время международных финансистов. Затем, благодаря широкому импорту серебра, золота и товаров в Европу из Америки, произошел явный возврат к более равномерному распределению богатства. Малоимущие были такими же нищими, как и всегда, но их уже было относительно не так много и они подразделялись на множество типов без каких-либо объединяющих идей.

В Великобритании сельскохозяйственная жизнь, дезорганизованная конфискациями времен Реформации, обрела стабильные формы и снова возвратилась к системе арендного

земледелия под контролем крупных землевладельцев. Однако бок о бок с крупными имениями все еще было много общественной земли для выпаса скота, принадлежавшего более бедным жителям села, много земли обрабатывалось также полосами вдоль границ общественных земель. В 1700 году средний и даже малоимущий земледелец жил довольно сносной жизнью.

Уровень жизни, то есть понятие о том, что такое сносная жизнь, в начале периода великих монархий возрастал; через время процесс концентрации богатства в верхних слоях общества, казалось,

возобновился, и крупные землевладельцы начали аккумулировать земельные участки и вытеснять менее имущих свободных землевладельцев. Доля малоимущих людей и людей, считавших свою жизнь нищенской, снова возросла. Крупные владельцы были полновластными хозяевами Великобритании. Они считали себя вправе вводить законы — акты об огораживании общинных земель, которые привели к фактической конфискации неогороженных и общественных земель в пользу более крупных землевладельцев. Землевладельцы же мелкие опустились до уровня наемных

рабочих на земле, которую они ранее имели право возделывать и использовать под пастбище.

Крестьянство во Франции и по всему континенту не было, в целом, подвергнуто столь значительной экспроприации; его врагом был не землевладелец, а сборщик податей; его загоняли в землю, но с земли не изгоняли.

По мере того как XVIII столетие набирало ход, вопрос: «Что делать с неимущими?», как явствует из тогдашней литературы, стал снова занимать человеческие умы. Мы знаем, что такие деятельные английские литераторы, как Дефо и Филдинг, углубленно занимались

этой проблемой. Но пока что не было того возрождения коммунистических и уравнилельских идей раннего христианства, какое было во времена Уиклифа и Яна Гуса. Ослабив единую Церковь, протестантизм на время еще более ослабил идею всеобщей солидарности. Даже единая Церковь средних веков так и не смогла осуществить эту идею; скорее, она имела дело с символом этой идеи.

Дефо и Филдинг были людьми с более живым практическим воображением, чем Гиббон, и они хорошо разбирались во многих аспектах экономических процессов, характерных для того времени. Это

касается и Оливера Голдсмита (1728–1774). Его «Покинутая деревня» (1770) представляет собой памфлет на огораживание, написанный в виде поэмы. Но материальный достаток, в котором жил Гиббон, никогда не давал ему возможности получить четкое представление о фактах экономической жизни; мир представлялся ему как борьба между варварством и цивилизацией, и он не имел никакого понятия о той другой борьбе, над которой он парил, ее не замечая, — молчаливой, бессознательной борьбе простого народа против способных, влиятельных, богатых и эгоистичных

людей. Он не заметил того растущего напряжения, которому вскоре суждено было перенапрячь и разрушить все равновесие его «двенадцати мощных, хотя и неодинаковых королевств», его «трех содружеств» и остального лоскутного охвостя из мелких правителей, правящих герцогов и так далее. Даже начавшаяся в британских колониях в Америке гражданская война не приблизила его к ощущению скорого прихода того, что мы сейчас называем «демократией».

Из того, что мы говорили ранее, читатель может предположить, что выдавливание мелких фермеров и крестьян с земли крупными

землевладельцами — это все, что происходило в сельском хозяйстве XVIII в. Однако мы рассказали о наихудшей стороне происходивших изменений. Одновременно с этой сменой права собственности происходили значительные улучшения в сельском хозяйстве.

Вряд ли приходится сомневаться, что методы обработки земли, которыми пользовались крестьяне и мелкие фермеры, были устаревшими, расточительными и относительно малопродуктивными и что более крупные частные владения и имения, появившиеся благодаря «актам об отгораживании», были намного более продуктивными (один

знаток утверждает, что они были продуктивнее в двадцать раз), чем старые методы. Возможно, эта перемена была необходима, однако отрицательная ее сторона заключалась не в том, что она вообще произошла, а в том, что произошла она таким образом, что увеличилось и количество производимой продукции, и количество малоимущих. Плодами этой перемены завладели крупные частные собственники. Этот класс извлек значительную выгоду за счет нанесения ущерба всему обществу.

Одновременно с этим переходом от традиционного полосного земледелия и общинных пастбищ к

укрупненному и более наукоемкому сельскому хозяйству в Великобритании происходили значительные изменения в промышленном производстве. В XVIII в. Великобритания играла в этих переменах ведущую роль в мире. Ранее, на протяжении всей истории от зарождения цивилизации, производство, строительство и ремесла находились, в основном, в руках ремесленников и умельцев, которые работали у себя дома. Они были организованы в гильдии и, в основном, являлись своими собственными работодателями.

Они формировали весьма значительный и устойчивый средний

класс. Среди них были капиталисты, которые сдавали в аренду ткацкие станки и тому подобное, поставляли материал и забирали готовый продукт, но они не были крупными капиталистами.

Богатых промышленников в то время не было. Тогдашними богачами во всем мире были крупные землевладельцы или ростовщики, финансовые спекулянты или торговцы. Но в XVIII в. рабочих в некоторых отраслях промышленности стали собирать вместе, тем самым образуя фабрики, с целью производства товаров в более крупных объемах через систематическое разделение труда, и работодатель, в отличие от старшего

рабочего, стал важной фигурой. Более того, изобретение различных механизмов упрощало производственную работу. Эти станки и машины стали приводиться в движение водой, а немного времени спустя — паром. В 1765 г. Уатт изобрел паровой двигатель. Это стало важнейшей вехой в истории индустриализации.

Одной из первых на фабричное производство перешла хлопчатобумажная промышленность (в которой изначально использовались станки с водяным приводом). За ней последовала шерстяная промышленность. В это же время в литейном производстве,

которое ранее ограничивалось кустарными методами из-за использования древесного угля, стали применять изготовленный из угля кокс, в результате чего начали интенсивно развиваться угледобывающая и металлургическая отрасли промышленности. Металлургическая промышленность переместилась из лесистой местности в Суссексе и Суррее в угледобывающие районы.

К 1800 г. этот процесс перехода промышленности от мелкотоварного производства и мелких работодателей к производству крупнотоварному и крупным работодателям шел уже полным

ходом. То здесь, то там, как грибы, вырастали фабрики, на которых сначала использовалась вода, а затем — пар. В экономике человечества произошли изменения фундаментальной важности. Как мы уже сказали, с самого рассвета человеческой истории мастерской и ремесленник был горожанином, принадлежавшим к подобию среднего класса. Станок и работодатель превзошли его умение, и он стал либо работодателем своих же товарищей, разбогатеv и став наравне с иными представителями богатого сословия, либо остался рабочим и быстро скатился до уровня обычного неквалифицированного

рабочего. Эта великая перемена в жизни человечества получила название Промышленной революции. Начавшись в Великобритании, она в течение XIX в. распространилась по всему миру.

В ходе Промышленной революции между наемными работниками и нанимателем образовалась огромная пропасть. В прошлом у каждого занятого на производстве рабочего была надежда стать независимым мастером. Даже рабы-ремесленники Вавилона и Рима были защищены законами, которые давали им возможность откладывать деньги, выкупать свою

свободу и организовывать собственное дело. Теперь же фабрика с ее механизмами и станками превратилась в обширное и дорогостоящее предприятие, слишком дорогостоящее в сравнении с зарплатой рабочего.

Для организации предприятия богатым людям приходилось объединяться; требовались производственные мощности и финансовые средства, то есть — капитал. Организация собственного дела перестала быть естественной надеждой ремесленника, с тех пор и впредь рабочий оставался рабочим с колыбели и до могилы. Наряду с землевладельцами, торговцами и

финансистами, образовывавшими торговые компании и кредитовавшими коммерсантов и правителей, возникло новое богатство — промышленный капитал, еще один источник власти в государстве.

Очень быстро в тех странах, куда она пришла, Промышленная революция привела к массовому обнищанию и дестабилизации бессловесных, необразованных и неграмотных простых людей, у которых все больше и больше отбирали собственность. Мелкие земледельцы и крестьяне, разоренные и согнанные со своих мест актами об огораживании,

мигрировали в новые промышленные районы, где они присоединялись к семьям обнищавших и опустившихся бывших ремесленников на фабриках. Возникли целые города из трущоб. Казалось, никто себе ясно не представлял в то время, что же происходит. Пресловутая «частная инициатива» призывала не лезть в чужие дела, обеспечивать максимальную выгоду и не обращать внимание на возможные побочные последствия. Повсюду поднимались безобразного вида фабрики, построенные на минимально возможные средства и рассчитанные на то, чтобы вмещать максимально возможное количество станков и

рабочих. Вокруг них трудились дома, в которых жили рабочие; дома эти были построены максимально дешево, были крайне тесными, не обеспечивали никакой возможности уединения, давая лишь некоторое подобие приличий. Сдавались же они за такую высокую плату, которую только можно было взыскать. Поначалу в этих новых промышленных районах не было школ, не было церквей...

Английский джентльмен завершающих десятилетий XVIII в. читал третий том Гиббона и радовался, что уже не существует серьезной угрозы варварского нашествия, в то время как полным

ходом распространялось это новое промышленное варварство, при котором бывшие деревенские жители превращались в нечто грозное и доведенное до отчаяния. Это варварство уже стояло у его порога.

Глава тридцать пятая

Новые демократические республики Америка и Франция

**1. Недостатки
системы великих держав.**

**2. Тринадцать
колоний перед
восстанием.**

**3. Колониям
навязана гражданская
война.**

**4. Война за
независимость.**

5. Конституция

Соединенных Штатов.

6. Основные моменты конституции Соединенных Штатов.

7. Революционные идеи во Франции.

8. Революция 1789 года.

9. Французская «коронованная республика» 1789–1791 годов.

10. Якобинская революция.

11. Якобинская республика 1792–1794 годов.

12. Директория.

**13. Пауза революции
и заря современного
социализма**

1

Когда Гиббон в 80-м году XVIII в. поздравлял мир утонченных и образованных людей с тем, что эпоха великих политических и социальных катастроф уже миновала, он не принимал в расчет многие признаки, на которые мы — умудренные знанием свершившихся событий — могли бы ему указать и которые предвещали сдвиги и

катаклизмы куда более серьезные, чем те, которые он мог предвидеть.

Мы рассказали, как соперничество государей XVI и XVII вв. за господство и привилегии превратилось в более хитрое и изощренное соперничество министерств иностранных дел, выступавших в идеализированном образе «великих держав» в конце восемнадцатого века. Развилось замысловатое и вычурное искусство дипломатии. «Государь» перестал быть единоличным и скрытным интриганом макиавеллиевского образца и превратился просто в коронованный символ самой макиавеллиевской интриги.

Пруссия, Австрия и Россия напали на Польшу и поделили ее между собой. Франция была втянута в запутанные интриги против Испании. Британия сорвала «происки Франции» в Америке и завладела Канадой, а также взяла верх над Францией в Индии. А затем произошло выдающееся событие, которое просто шокировало европейскую дипломатию. Британские колонии в Америке наотрез отказались участвовать, прямо или косвенно, в игре «великие державы». Их возражение заключалось в том, что так как влияния на европейские махинации и конфликты они не имеют, большого

интереса к ним не испытывают, то отказываются нести какую-либо часть налогового бремени, обусловленного нуждами европейской политики. «Налогообложение без представительства — это тирания» — такова была их основная идея.

Первым импульсом в американском восстании против правления Великобритании было обычное возмущение против налогообложения и вмешательства во внутренние дела, которые являлись неизбежным следствием «внешней политики», без какого-либо четкого понимания, каким должно быть содержание этого протеста. И только

после завершения восстания люди в американских колониях осознали, что они отвергли представление о жизни, которое сложилось под влиянием идеи «великих держав». Этот отказ содержался в предписании Вашингтона «избегать запутанных альянсов».

Целое столетие объединенные колонии Великобритании в Северной Америке, свободные и ставшие независимым государством под названием Соединенные Штаты Америки, стояли полностью в стороне от кровавых интриг и конфликтов, затеянных европейскими министерствами иностранных дел. Вскоре (с 1801 по

1823 гг.) они смогли распространить свой принцип невмешательства и на остальную часть континента, тем самым сделав весь Новый Свет недостижимым для интриганской и экспансионистской политики Старого Света. И когда наконец в 1917 году они вынуждены были возвратиться на арену мировой политики, им суждено было привести в запутанные международные отношения новый дух и новые цели, которые им позволило выработать это отстранение. Но не только Соединенные Штаты стояли в стороне от мировой политики. Со времени Вестфальского мира

(1648 г.) кантоны Швейцарской Конфедерации, в своей горной твердыне, тоже пользовались правом не принимать участия в интригах королей и империй.

Британские колонии в Америке в первой половине XVIII в. представляли собой узкую заселенную полосу вдоль побережья, которая постепенно ширилась внутрь континента и остановилась перед серьезным препятствием в виде Аллеганских и Голубых гор. Среди этих поселений одним из самых старых была колония Виргиния, названная так в честь королевы Елизаветы, Непорочной королевы Англии. Первую экспедицию,

которая основала колонию в Виргинии, организовал сэр Уолтер Рэли в 1584 г., однако в то время там еще не было постоянного поселения, и реальное существование Виргинии началось с основания Виргинской компании в 1606 году, в период правления Якова I (1603–1625). История Джона Смита (1580–1631) и первых основателей Виргинии и история о том, как индейская «принцесса» Покахонтас вышла замуж за одного из прибывших с ним колонистов, — это уже английская классика. [\[86\]](#)

Выращиванием табака жители Виргинии заложили основы своего благополучия. В то же самое время

когда была основана Виргинская компания, Плимутская компания получила права на заселение земель к северу от пролива Лонг-Айленд, которые англичане объявили своими. Но заселение этого северного региона началось только в 1620 г., причем в соответствии с новыми хартиями. Поселенцы северного региона (Новая Англия), где позже образовались штаты Коннектикут, Нью-Гемпшир, Род-Айленд и Массачусетс, были людьми иного склада по сравнению с жителями Виргинии; это были протестанты, недовольные компромиссами Англиканской церкви, и люди республиканских убеждений,

утратившие веру в успех своего сопротивления великой монархии Якова I и Карла I.

Их разведочным кораблем был «Мэйфлауэр» («Майский цветок»), люди с которого основали Новый Плимут в 1620 г. Основной северной колонией был Массачусетс. Отличия в религиозных методах и в представлениях о веротерпимости привели к отделению трех других пуританских колоний от Массачусетса. Вот пример того, с каким размахом велись дела в те дни: некий капитан Джон Мейсон заявил права на весь штат Нью-Гемпшир. Он предложил продать его королю (Карлу II, в 1671 г.) в обмен на право

беспошлинно ввезти 300 тонн французского вина. Это предложение было отвергнуто. Нынешний штат Мэн был куплен Массачусетсом у его предполагаемого хозяина за 1250 фунтов.

Во время гражданской войны, которая окончилась обезглавливанием Карла I, симпатии Новой Англии были на стороне парламента, а Виргиния оставалась роялистской. Но эти поселения были разделены двумястами пятьюдесятью милями, поэтому серьезных военных действий не было.

С возвратом монархии в 1660 году британская колонизация Америки пошла быстрыми темпами.

Карл II и его сторонники жаждали наживы, но Британская корона больше не желала проводить эксперименты с незаконным налогообложением у себя в стране. Неопределенные отношения колоний с престолом и британским правительством давали, казалось, надежду на финансовые авантюры по ту сторону Атлантики. Начался быстрый рост плантаций и частных колоний. В 1632 г. лорд Балтимор основал на северо-востоке от Виргинии колонию под привлекательным названием Мэриленд, которая задумывалась как оплот религиозной свободы для католиков.

В 1681 г. квакер Пени (его отец оказал огромные услуги Карлу II) обосновался на севере от Филадельфии и положил начало колонии Пенсильвания. Делимитацию ее границы с Мэрилендом и Виргинией осуществили два человека — Мейсон и Диксон. Этой «линии Мейсона и Диксона» суждено было сыграть очень важную роль в дальнейшей истории Соединенных Штатов. Каролина, которая изначально представляла собой неудавшееся новообразование, созданное французскими протестантами, и которая была названа не в честь Карла II Английского (лат. Carolus), а

в честь Карла IX Французского, попала в руки англичан и была заселена в нескольких местах.

Между Мэрилендом и Новой Англией растянулся целый ряд небольших шведских и голландских поселений, среди которых основным городом был Новый Амстердам. Эти поселения были захвачены британцами у голландцев в 1664 г., снова утрачены в 1673 г. и получены обратно по соглашению, когда Голландия и Англия заключили мир в 1674 г. Тем самым все побережье от Мэна до Каролины, в той или иной форме, стало британским владением. Южнее укрепились испанцы; их центром был форт св. Августина

(совр. Сент-Огастин) во Флориде. А в 1733 г. филантроп из Англии Джеймс Оглторп (1696–1785) основал и заселил город Саванну. Оглторп проникся жалостью к обездоленным людям, попавшим в Англии в тюрьму за долги. Он добился освобождения некоторых из них, и они стали основателями новой колонии, Джорджии, которая должна была стать оплотом против испанцев.

Таким образом, к середине XVIII в. вдоль американского побережья существовали следующие поселения: новоанглийские колонии пуритан и свободных протестантов — Мэн (принадлежащий

Массачусетсу), Нью-Гемпшир, Коннектикут, Род-Айленд и Массачусетс; колонии, захваченные у голландцев и теперь разделенные на Нью-Йорк (переименованный Новый Амстердам), Нью-Джерси и Делавэр (бывший шведским перед тем, как стать голландским, а в самом начале британского правления присоединенный к Пенсильвании); затем идут католический Мэриленд, роялистская Виргиния, Каролина (вскоре разделенная на Северную и Южную) и Джорджия Оглторпа. Впоследствии в Джорджии нашло пристанище некоторое количество тирольских протестантов и была значительная иммиграция

добропорядочного класса германских земледельцев в Пенсильванию.

Таким вот разнообразным было происхождение граждан этих тринадцати колоний. Беспристрастный наблюдатель в 1760 г. вряд ли мог предположить, что когда-нибудь они тесно объединятся. Помимо изначальных различий в происхождении, возникали новые различия, обусловленные климатом. К северу от «линии Мейсона и Диксона» свободные белые земледельцы занимались сельским хозяйством, в основном британским и центральноевропейским способом.

Жителям Новой Англии больше

правились сельская местность в английском стиле; значительные площади в Пенсильвании обрабатывались и заселялись по типу Южной Германии. Условия, характерные для севера, имели социально важные последствия. Хозяева и работники вынуждены были трудиться в лесной глуши: это уравнивало их в процессе труда.

Вначале они не были равными — в списке пассажиров «Мэйфлауэра» многие упоминаются как «слуги». Но колониальные условия очень быстро всех уравнивали; например, поселенцам предстояло занять большой участок земли, и «слуга» шел и брал землю, подобно

его хозяину. Английская классовая система исчезла. В колониальных условиях возникло равенство «возможностей тела и духа», а также индивидуальная независимость в принятии решений, которая не терпела вмешательства из Англии. Однако к югу от «линии Мейсона и Диксона» началось выращивание табака, и более теплый климат способствовал возникновению плантаций, на которых использовался невольничий труд.

Сначала пробовали использовать пленных индейцев, но они оказались слишком склонными к бунту и насилию. Кромвель присылал в Виргинию ирландских

военнопленных, что немало способствовало распространению среди плантаторов-роялистов республиканских взглядов. Присылались также заключенные, значительный размах приобрела торговля похищенными детьми, которых тайно воровали и увозили в Америку, где они становились подмастерьями или невольниками. Но наиболее удобной формой невольничьего труда оказался труд рабов-негров.

Первые чернокожие рабы были завезены в Джеймстаун в Виргинии еще в 1620 году. К 1700 году рабы-негры были рассредоточены по всем штатам, однако основными

регионами, где использовался их труд, были Виргиния, Мэриленд и Каролина, И в то время как общины на севере состояли из не очень богатых и не очень бедных земледельцев, на юге сложилась система из крупных землевладельцев и белой общины надсмотрщиков, а также профессиональных работников, живших рабским трудом. Невольничий труд был необходимостью при той социальной и экономической системе, которая сформировалась на юге; на севере использование рабов не было необходимостью, а в некоторых аспектах оно было и вовсе нежелательным. Поэтому северная

духовная атмосфера была более благоприятна для возникновения и расцвета угрызений совести по поводу рабства.

Но если обитатели тринадцати колоний разнились по происхождению, привычкам и симпатиям, то объединяло их наличие трех общих сильных антипатий. Все они были настроены против индейцев. Некоторое время у них был общий страх вторжения французов и перехода под их юрисдикцию. И в-третьих, все они выступали против притязаний Британской короны и эгоистических коммерческих интересов кучки олигархов, которые управляли

британским парламентом и британскими делами.

Что касается первой опасности, то краснокожие индейцы, представляя собой постоянную угрозу, всегда были всего лишь напоминанием об опасности. Их постоянно раздирали внутренние противоречия. Однако иногда они демонстрировали способность к крупномасштабному объединению.

Союз пяти племен ирокезов представлял собой очень сильное объединение племен. Но им так и не удалось столкнуть в своих интересах французов с англичанами, никогда из среды этих кочевников Нового Света не выделился краснокожий

Чингисхан. Французская агрессия была опасностью более серьезной. Французы никогда не создавали в Америке поселений, сравнимых с английскими в масштабах. Однако их правительство приступило к окружению колоний и их подчинению систематическим и наводящим страх способом.

Англичане в Америке были колонистами; французы были исследователями, искателями приключений, агентами, миссионерами, торговцами и солдатами. Они пустили корни лишь в Канаде. Французские государственные деятели сидели над картами и строили планы, и эти

планы можно видеть на нашей карте в виде цепочки фортов, ползущей на юг от Великих озер и на север от рек Миссисипи и Огайо. Борьба Франции и Англии была борьбой во всемирном масштабе. Исход этой борьбы решался в Индии, Германии и в открытом море. В соответствии с Парижским мирным договором (1763 г.), французы отдали англичанам Канаду и передали Луизиану в слабеющие руки уже находившейся в упадке Испании. Это означало полный уход Франции из Америки. Устранение французской угрозы развязало колонистам руки в их противостоянии с третьим общим противником — Короной и

правительством их родной страны.

Крупные землевладельцы и Британская корона были глубоко заинтересованы в Америке. Первые — как частные авантюристы, вторая — как представитель корыстных интересов династии Стюартов и как представитель государства, стремящийся изыскать средства для финансирования внешней политики. Ни лорды, ни Корона не были склонны проявлять к торговцам, плантаторам и простым людям в колониях больше сочувствия, чем они проявляли к безземельным крестьянам и мелким земледельцам у себя дома. В своей основе интересы простых людей в

Великобритании, Ирландии и Америке совпадали. В каждой из этих стран простого человека угнетала одна и та же система. Но если в Британии угнетатель и угнетаемый были тесно связаны в одну неразрывную социальную систему, то в Америке Корона и эксплуататор были далеко, и люди могли объединяться и вырабатывать чувство общности интересов перед лицом общего врага.

Разнообразие колоний и различия между ними порождали возможность бесконечных споров и взаимных нападок. Поводы для недовольства подразделялись на три основные группы: попытки

обеспечить британским авантюристам и правительству прибыль за счет эксплуатации новых земель; систематические ограничения на торговлю, имевшие целью удержать внешнюю торговлю колоний в руках Британии, чтобы весь колониальный экспорт шел через Британию и чтобы в Америке использовались товары, произведенные только в Великобритании, и, наконец, попытки налогообложения через британский парламент как высший налоговый орган империи.

Под давлением этой тройственной системы раздражителей американским

колонистам пришлось проделать значительную работу по осмыслению трудных политических вопросов. Такие люди, как Патрик Генри и Джеймс Отис начали обсуждать принципы государственного управления и политических объединений почти так же, как они обсуждались в Англии в славные дни Английской республики Кромвеля. Они стали отрицать божественное происхождение королевской власти и верховенство британского парламента, а также утверждать (Джеймс Отис, 1762) следующее:

«Бог создал людей

изначально равными».

«Идеи земного
превосходства
порождаются воспитанием,
а не даются от рождения».

«Короли были созданы
во благо людей, а не люди
для них».

«Никакое
правительство не имеет
права превращать в рабов
своих подданных».

«Хотя большинство
правительств являются
деспотическими де-факто
и, следовательно,
представляют собой
проклятье и позор рода

человеческого, ни одно из них тем не менее не есть деспотическим де-юре».

Некоторые из этих утверждений имеют давнюю историю.

Основой этих американских политических идей стала английская закваска. Одним из самых влиятельных английских философов был Джон Локк (1632–1704), чей труд «Два трактата о государственном правлении» может служить, насколько это возможно для отдельно взятой книги, отправной точкой современных демократических идей. Он был сыном кромвелевского офицера,

получил образование в Оксфорде во времена господства республиканцев, несколько лет провел в Голландии в добровольной ссылке. Его политические труды образуют своеобразный мост между смелым политическим мышлением тех ранних республиканских дней и революционным движением в Америке и Франции.

Расхождения в интересах и представлениях среди колонистов отошли на второй план из-за их общего противостояния упрямой решимости британского парламента ввести налогообложение в американских колониях после мирного договора 1763 г. Британия

была в состоянии мира и упивалась своими успехами; казалось, появилась прекрасная возможность свести счеты с упрямыми поселенцами. Однако крупные британские собственники столкнулись с еще одной силой, в целом разделявшей их мнение, но имевшей несколько иные цели. Этой силой была возрождающаяся королевская власть.

Король Георг III, взошедший на престол в 1760 г., был полон решимости стать в большей мере королем, чем два его германских предшественника. Он претендовал на «славу Бритта», и это было неплохое имя для человека без

единой капли английской, валлийской или шотландской крови в венах. Ему казалось, что в американских колониях и заморских владениях вообще с их неопределенным правовым статусом, Корона может предъявлять права, а также получать ресурсы и властные полномочия, которых ее почти полностью лишила могущественная и ревниво пекущаяся о своих интересах британская аристократия.

Первым шагом Британии после 1763 г. получить доход в колониях было введение обязательного проставления печати на газетах и всех официальных и коммерческих документах. Эта попытка

натолкнулась на жесткое сопротивление. Британская корона испугалась, и Акт о гербовом сборе был аннулирован (1766). Отмену этого закона приветствовали в Лондоне ликующие толпы, причем даже с большим энтузиазмом, чем в колониях.

Но инцидент с Актом о гербовом сборе был лишь одним из завихрений в бурном потоке, несущемся навстречу гражданской войне. Вдоль всего побережья представители британского правительства под разнообразными предлогами только и делали, что пытались проявить свою власть, и еще больше настраивали людей

против британского правления.

Сильное раздражение вызвало расквартирование солдат среди колонистов. Торговым ограничениям активно противился Род-Айленд. Жители Род-Айленда были «свободными торговцами», попросту говоря — контрабандистами. Принадлежавшая правительству шхуна «Гэспи» села на мель недалеко от порта Провиденс; на нее неожиданно напали и взяли на abordаж вооруженные люди в лодках, затем они ее сожгли. В 1773 г., полностью игнорируя существующую колониальную торговлю чаем, британский парламент предоставил Ост-Индской компании льготные

пошлины на импорт чая в Америку. Колонисты приняли твердое решение отказаться от этого чая и бойкотировать его поставки. Когда импортеры чая решили во что бы то ни стало выгрузить свой товар на берег, группа мужчин, одетых индейцами, в присутствии большой толпы людей захватила три корабля с грузом чая и выбросила его за борт («Бостонское чаепитие» 16 декабря 1773 г.).

Весь 1774 г. каждая из сторон занималась тем, что накапливала ресурсы для предстоящего столкновения. Весной 1774 г. британский парламент решил наказать Бостон, закрыв его порт.

Либо торговля через него будет прекращена, либо чай будет принят.

Для более эффективного выполнения этой меры вокруг Бостона были сконцентрированы британские войска под командованием генерала Гейджа. Колонисты приняли контрмеры. Первый колониальный конгресс состоялся в Филадельфии в сентябре 1774 г.; на нем были представлены двенадцать колоний: Массачусетс, Коннектикут, Нью-Гемпшир, Род-Айленд, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, Мэриленд, Делавэр, Виргиния и Северная и Южная Каролины. Джорджия не присутствовала. В лучших

английских традициях конгресс документально оформил свое отношение к событиям в «Декларации прав».

Фактически этот конгресс являлся правительством мятежников, однако удар был нанесен лишь весной 1775 г. Тогда же произошло и первое кровопролитие. Британское правительство решило арестовать двух из американских лидеров — Джона Хэнкока и Сэмюэла Адамса — и устроить над ними показательный суд за измену. Известно было, что они находятся в Лексингтоне, примерно в одиннадцати милях от Бостона, и в ночь на 8 апреля 1775 г. Гейдж отдал

своим войскам приказ выступать на Лексингтон, чтобы их арестовать.

Эта ночь сыграла в истории очень важную роль. За передвижением войск Гейджа следили, с церковной колокольни в Бостоне подавались знаки с помощью сигнальных огней, а два человека, Доуз и Пол Ревер, тайком перебрались на лодках через бухту Бэк-Бей, чтобы пересечь на лошадей и предупредить сельских жителей. Британцы тоже переправились через бухту, и, пока они всю ночь шли на Лексингтон, об их передвижении предупреждали стрельба из сигнальных пушек и звон церковных колоколов. Когда на

рассвете они вошли в Лексингтон, то увидели небольшую группу людей, выстроившихся военным порядком. Утверждают, что первыми выстрелили британцы. Сначала был один выстрел, а затем залп. Небольшая горстка людей бросилась врассыпную, вероятно не сделав ни единого выстрела в ответ, оставив на зеленой траве поселка восемь убитых и девять раненых.

Затем британцы пошли маршем на Конкорд, находившийся в десяти милях, заняли этот городок и там же на мосту расположили отряд. Экспедиция не достигла своей цели — арестовать Хэнкока и Адамса, и британский командир, казалось,

пребывал в растерянности и не знал, что делать дальше.

Тем временем со всех окрестностей собирались колониальные ополченцы, и вскоре пикет на мосту стал подвергаться все более сильному обстрелу, а затем был атакован. Решено было отступить к Бостону. Это было катастрофическое отступление. Поднялась вся округа. Все утро колонисты собирали свои силы. Местность по обе стороны дороги была наполнена снайперами, стрелявшими из-за валунов, оград и зданий; иногда колонисты переходили в штыковую атаку.

Солдаты были в заметных ярко-красных униформах с желтой

отделкой и белых гетрах; они хорошо выделялись на фоне холодных резких красок поздней весны Новой Англии. День был солнечным, жарким и пыльным; солдаты сильно устали после ночного марша. Через каждые несколько ярдов падал человек, раненый или убитый. Другие переступили через него и шли дальше или же останавливались, чтобы дать малоэффективный залп. В Лексингтоне были британские подкрепления и две пушки, и после короткого отдыха отступление продолжилось, но уже более организованно. Однако преследование продолжалось до самой реки, а после того, как

британцы переправились обратно в Бостон, колониальные ополченцы захватили их казармы в Кембридже и приготовились к блокаде города.

Так началась война. Она не была войной, которой суждено было окончиться каким-то решающим сражением. Ни у кого из колонистов не было крупной и уязвимой собственности; они были рассредоточены по бескрайней дикой местности и обладали большими возможностями для сопротивления. Своей тактике они научились, в основном, у индейцев; они хорошо умели атаковать рассыпным строем, а также изматывать и уничтожать противника

на переходах. Но у них не было дисциплинированной регулярной армии, которая могла бы встретиться с британцами в решающем бою, не было достаточного количества военного снаряжения; в ходе продолжительных боевых действий их ополченцы часто теряли терпение и возвращались домой на свои фермы.

Британцы же, с другой стороны, имели хорошо обученную и вымуштрованную армию, а их господство на море давало им возможность менять направление удара вдоль всего протяженного Атлантического побережья. Они находились в состоянии мира со

всеми странами. Но делу мешали глупость и жадность короля; пользовавшиеся его благосклонностью генералы были глупыми «сильными людьми» или капризными щеголями благородного происхождения — способные и отважные люди не участвовали в руководстве этой кампанией.

Конгресс, собравшись второй раз в 1775 г., официально одобрил действия колонистов и назначил Джорджа Вашингтона (1732–1799) американским главнокомандующим. В 1777 г. английский генерал Бургойн, пытаясь пробиться к Нью-Йорку из Канады, потерпел поражение у верховий реки Гудзон,

был окружен и вынужден капитулировать со всей своей армией у Саратоги. Эта катастрофа побудила французов и испанцев включиться в борьбу на стороне колонистов. Французский флот много сделал для того, чтобы свести к минимуму превосходство британцев на море. Генерал Корнуоллис был окружен в Йорктауне в Виргинии в 1781 г. и капитулировал со своей армией. У британского правительства, глубоко вовлеченного теперь в противоборство с Францией и Испанией, заканчивались ресурсы.

В начале 1776 г. способный и обладавший даром убеждения англичанин Томас Пейн опубликовал

в Филадельфии памфлет под названием «Здравый смысл», который оказал огромное влияние на общественное мнение. По современным стандартам, стиль его был риторическим: «кровь убиенных», «казалось, плачет сама природа», «настал час расставания» и тому подобное. Но воздействие этого памфлета было очень сильным. Переворот в общественном мнении произошел быстро.

Только летом 1776 г. конгресс предпринял необратимый шаг и объявил об отделении. Декларация независимости, один из тех достойных подражания документов, создавать которые для человечества

ранее всегда было прерогативой англичан, была написана Томасом Джефферсоном (1743–1826). После различных поправок и исправлений она стала основным документом Соединенных Штатов Америки. К первоначальному варианту Джефферсона были сделаны две достойные упоминания поправки. Он яростно порицал работорговлю и обвинял свое правительство в том, что оно чинило препятствия попыткам колоний положить этой торговле конец. Этот пункт был изъят, как и то предложение, в котором говорилось о британцах: «Мы должны стремиться забыть о нашей прежней к ним любви... а

ведь вместе мы могли быть свободным и великим народом».

В конце 1782 г. в Париже были подписаны предварительные статьи договора, в котором Британия признала полную независимость Соединенных Штатов. Окончание войны было провозглашено 19 апреля 1783 г., ровно через восемь лет после поездки Пола Ревера и отступления солдат генерала Гейджа из Конкорда в Бостон. В окончательном виде мирный договор был подписан в Париже в сентябре.

С точки зрения истории человечества, способ, каким эти тринадцать штатов стали независимыми, имеет гораздо

меньшее значение, чем сам факт, что они стали независимыми. Потому что с обретением ими независимости в мире неожиданно появился новый тип общества. Это была западноевропейская цивилизация, освободившаяся от последних оков империи и христианской системы. В ней не осталось и следа монархии и государственной религии. В ней не было герцогов, принцев, графов и вообще никаких обладателей титулов, по праву рождения претендовавших на власть или уважение. Даже единство этого общества было пока лишь единством для защиты свободы.

В этих аспектах оно стало

свободным от груза прошлого, новым началом политической организации общества — ничего подобного в истории прежде не было. Отдельно стоит упомянуть отсутствие какого-либо религиозного связующего элемента. В этом обществе существовал целый ряд различных форм христианства; по духу это общество было, несомненно, христианским. Однако, как ясно сказано в конституции Соединенных Штатов, ни одна религия не может стать государственной или быть запрещена. Фактически, это новое образование пришло к самым простым и естественным основам человеческих объединений и стало

создавать на этом фундаменте новый тип общества и новый тип государства.

Здесь жили около четырех миллионов людей, рассеянных по обширной территории с медленными и трудными способами коммуникации, пока что бедные, но потенциально безгранично богатые, приступающие в реальности к широкомасштабному подвигу созидания, о котором двадцать два столетия назад афинские философы могли только мечтать и теоретизировать.

Эта ситуация знаменует собой определенную стадию в освобождении человека от

прецедентов и обычаев, а также определенный шаг вперед к сознательному и преднамеренному изменению условий своего существования. В человеческих делах стал применяться на практике новый метод. Современные европейские государства создавались эволюционным путем, медленно и трудно освобождаясь от груза прошлого. Соединенные Штаты были спланированы и созданы по этому плану.

Правда, в одном отношении творческая свобода новой страны была весьма ограничена. Этот новый тип общества и государства создавался не на пустом месте. Он не

был таким откровенно искусственным, как некоторые из поздних афинских колоний, которые отделялись от города-метрополии для создания новых городов-государств с совершенно иным общественным устройством. К концу войны у всех тринадцати колоний были конституции — в Коннектикуте и Род-Айленде берущие начало в первоначальных хартиях (1662 г.), в остальных штатах, где значительную роль в администрации играл британский губернатор, созданные по ходу конфликта. Но мы все равно можем рассматривать эти перемены как пробы и эксперименты, сыгравшие свою роль в творческих

усилиях человечества.

История конституций разных штатов, а также конституции Соединенных Штатов в целом является слишком сложной, и мы сможем коснуться ее лишь в самом общем виде.

Наиболее примечательным аспектом, с точки зрения современности, было полное игнорирование женщин как граждан. Американское общество было простым, в основном сельскохозяйственным — казалось вполне естественным, что женщины будут представлены своими мужьями. Но в Нью-Джерси некоторому количеству женщин

предоставили право голоса в соответствии с имущественным цензом.

Еще одним моментом, представляющим большой интерес, является почти повсеместное решение иметь две законодательные ассамблеи, поддерживающие и контролирующие друг друга по образцу палаты лордов и палаты общин в Британии. Только в Пенсильвании был однопалатный представительный орган, и это казалось опасным и слишком демократическим положением вещей. Кроме аргумента, что принятие законов должно быть медленным и основательным

процессом, трудно найти какое-либо иное объяснение для «двухкамерной» структуры. Скорее всего, создатели конституции руководствовались модой XVIII в., а не каким-то разумным соображением.

Британское разделение парламента на две палаты имело исторические, корни: палата лордов, первоначальный парламент, была собранием «нотаблей» — ведущих людей королевства; палата общин появилась как новый фактор, как избираемые представители бюргеров и мелких землевладельцев. В XVIII в. пришли к явно скороспелому выводу, что представители простого народа будут склонны к необдуманым

выходкам, и поэтому над ними нужен контроль.

Центральное правительство Соединенных Штатов поначалу было весьма слабым органом — конгрессом представителей тринадцати фактически независимых правительств Конфедерации. Этот конгресс был не более чем конференцией суверенных представителей; он не мог, например, контролировать внешнюю торговлю каждого штата, не мог чеканить деньги или взимать налоги своей собственной властью.

Когда Джон Адаме, первый посланник Соединенных Штатов в Англии, встречался с британским

министром иностранных дел для обсуждения торгового соглашения, он должен был учитывать мнение каждого из тринадцати представителей штатов. Вскоре британцы стали вести дела с каждым штатом отдельно через голову конгресса. Они сохранили контроль над целым рядом поселений в районе Великих озер из-за неспособности конгресса эффективно управлять этими регионами. Еще в одном первоочередном деле конгресс оказался столь же беспомощным.

На запад от тринадцати штатов простирались бесконечные пространства, на которые теперь

хлынули поселенцы во все более возрастающих количествах.

В 1787 г. в Филадельфии был созван Конституционный конвент, на котором была составлена нынешняя конституция Соединенных Штатов в своих самых общих чертах. За предшествующие годы произошли большие изменения в общем настроении, появилось широкое понимание необходимости единства.

Было публично объявлено, что система государственного управления с выполняющим административные функции президентом, сенаторами, конгрессменами и верховным судом является правительством «народа

Соединенных Штатов»; она представляла собой синтез, а не просто ассамблею. Было сказано «мы, народ», а не «мы, штаты», на чем яростно настаивал Ли, представитель от Виргинии. Эта форма правления была задумана как федеральное, а не конфедеративное правительство.

Штат за штатом, новая конституция была ратифицирована, и весной 1788 г. в Нью-Йорке, уже на новых началах, собрался конгресс во главе с президентом Джорджем Вашингтоном, который был национальным главнокомандующим на протяжении всей Войны за независимость. Позже конституция

кругозор были ограниченными, они были скованы рамками своей эпохи. Они были, как и все мы, людьми со смешанными мотивами; в их душах возникали благородные порывы, их обуревали великие идеи, и в то же время они могли быть завистливыми, ленивыми, упрямыми, жадными и злыми. Если писать правдивую, полную и подробную историю Соединенных Штатов, то ее следует писать возвышенным слогом и со снисхождением, как великолепную комедию, восходящую к благородной развязке.

И ни в каком другом отношении богатая и непростая история Америки не проявляется так

явственно, как в отношении рабства. Рабство, как часть более широкой проблемы труда, является неотъемлемой составляющей этой новой исторической общности — Америки, частью ее души.

Рабство возникло рано, еще в европейский период истории Америки, и ни один европейский народ, селившийся в Америке, не может избежать ответственности за это явление. Немцы в этом отношении имеют самый лучший послужной список. Одни из первых открытых высказываний против порабощения негров были сделаны немецкими поселенцами в Пенсильвании. Однако поселенец из

Германии имел дело со свободным трудом в зоне умеренного климата, расположенной значительно севернее зоны плантаций; он не испытывал серьезного искушения в этом отношении.

Американское рабство началось с порабощения индейцев для работы в шахтах и на плантациях, и любопытно отметить, что еще в XVI в. был некий добрый и гуманный человек, Лас Касас, который настаивал на том, чтобы в Америку привозили негров ради избавления от непосильного труда его индейских протеже. Необходимость в рабочей силе для плантаций на островах Вест-Индии и на юге была острой.

Когда объем поставок индейских пленных оказался недостаточным, плантаторы стали использовать не только негров, но и заключенных, а также бедняков из Европы с целью пополнения количества работающих. Тот, кто читал «Молль Флендерс» Даниеля Дефо, знает, как выглядело белое рабство в Виргинии в глазах интеллигентного англичанина в начале XVIII в.

И все же негры появились в Америке очень рано. В том же году (1620), когда пуританские отцы-пилигримы высадились в Новой Англии и основали Новый Плимут, голландский шлюп доставил свой первый груз негров в Джеймстаун в

Виргинии. Негритянское рабство имеет такое же давнее происхождение, как и Новая Англия. Это было американским обычаем в течение полутора столетий до Войны за независимость. И ему суждено было продержаться еще почти столетие.

Однако совесть мыслящих людей в колониях никогда в этом отношении не была спокойной, и одно из обвинений Томаса Джефферсона против Короны и лордов Великобритании заключалось в том, что любая попытка со стороны колонистов смягчить или ограничить работорговлю наталкивалась на интересы крупных собственников

метрополии. В 1776 г. лорд Дартмут писал, что колонистам нельзя позволить «прекратить или оказывать негативное влияние на столь выгодную для страны торговлю». Благодаря моральному и интеллектуальному влиянию революции, вопрос рабства нефов был открыто поставлен перед общественной совестью. Острота и насущность этой проблемы будоражила умы. «Все люди от рождения являются свободными и равными», — заявлял Билль о правах штата Виргиния, а рядом, на солнцепеке, под хлыстом надсмотрщика трудились негры-рабы.

Колесо истории словно повернулось назад, и это возрождение давнего обычая сулило огромные немедленные выгоды для владельцев плантаций, шахт, а также на крупных общественных работах. В некоторых отношениях новое артельное рабство было даже хуже, чем в древние времена. Особенно отвратительным было то, что работорговля инспирировала войны и охоту на людей в Западной Африке, не говоря уже о тяготах длительного плавания через Атлантический океан. Несчастных людей набивали в корабли без достаточных запасов воды и пищи, без соответствующих санитарных условий и без

медицинского обеспечения.

В это грязное дело были вовлечены, в основном, три европейских государства — Британия, Испания и Португалия, потому что именно они являлись основными собственниками новых земель в Америке. Относительная невиновность других европейских государств в первую очередь объясняется их меньшей заинтересованностью. Они были обществами такого же типа; в сходных обстоятельствах они действовали бы точно так же.

На протяжении всей середины XVIII в. в Великобритании и Соединенных Штатах велась

активная кампания против рабства негров. Согласно оценкам, в 1770 г. в Британии было пятнадцать тысяч рабов, завезенных их владельцами в основном с островов Вест-Индии и из Виргинии.

В 1771 г. этой проблемой в Британии вплотную занялся лорд Мэнсфилд. Один неф по имени Джеймс Сомерсет был привезен в Англию из Виргинии своим владельцем. Он сбежал, был пойман и насильственно помещен на корабль для возвращения в Виргинию. Его сняли с корабля по исковому заявлению в соответствии с законом о неприкосновенности личности (habeas corpus). Лорд Мэнсфилд

объявил рабство состоянием, несовместимым с английскими законами, состоянием «одиозным», и Сомерсет вышел из здания суда свободным человеком.

Массачусетская конституция 1780 года провозглашала, что «все люди рождаются свободными и равными». Некий негр, Квэко, решил проверить это в 1783 г., и в том же году Массачусетс уподобился Британии, проявив такую же нетерпимость к рабству; этому человеку тоже суждено было стать свободным. Но никакой другой штат Союза не последовал тогда этому примеру. Во время переписи 1790 года Массачусетс, единственный из

всех штатов, высказался против рабства.

Примечательно тогдашнее состояние общественного мнения в Виргинии, поскольку оно отражало специфические проблемы южных штатов. Великие государственные деятели родом из Виргинии, такие как Вашингтон и Джефферсон, осуждали рабство, но поскольку никакой другой формы домашней прислуги не было, то и у Вашингтона были слуги-рабы.

Идея освобождения рабов пользовалась в Виргинии сильной поддержкой, однако при этом выдвигалось требование, что освобожденные рабы должны

покинуть пределы штата в течение года или же они будут объявлены вне закона! Вполне естественно, что белых жителей штата пугала возможность того, что рядом с ними на земле Виргинии возникнет свободное варварское черное общество, многие члены которого, родившись в Африке, будут носителями традиций каннибализма, а также таинственных и жутких религиозных обрядов.

Поближе познакомившись с этой точкой зрения, можно понять, почему так случилось, что большое число жителей Виргинии было настроено на то, чтобы держать в штате массу негров в качестве рабов,

и в то же самое время яростно выступало против работорговли и притока свежей крови из Африки. Очевидно, что получившие свободу черные легко могли превратиться в неприятную проблему. И действительно, вскоре свободный штат Массачусетс закрыл для них свои границы.

Проблема рабства, которая в древнем мире была не более чем проблемой разницы в статусе между двумя расово идентичными индивидуумами, оказалась связана в Америке с другой и более глубокой проблемой — проблемой отношений между двумя расами, находящимися на противоположных краях

человеческого биологического вида и принадлежащими к совершенно различным типам традиции и культуры. Если бы черный человек был белым, мало сомнений в том, что рабство негров исчезло бы в Соединенных Штатах в течение поколения после принятия Декларации независимости, так как это было естественное следствие содержащихся в этой Декларации принципов.

Мы говорили о Войне за независимость как о первом значительном отделении от системы европейских монархий и иностранных министерств, как о решительном отказе нового общества

от макиавеллиевского способа ведения государственных дел, который был тогда доминирующим во всех сферах общественной жизни. Десятилетие спустя вспыхнуло новое и намного более мощное восстание против этой чуждой игры великих держав, сложного взаимодействия королевских дворов и дипломатий, которыми была одержима Европа.

Однако на этот раз отказ от прошлого произошел не на окраинах. Этот второй переворот произошел во Франции — гнезде и родном доме великой монархии, в сердце и центре Европы. И, в отличие от американских колонистов, которые просто отвергли короля, французы,

следуя примеру Английской революции, отрубили своему королю голову.

Подобно Английской революции и революции в Америке, причины Французской революции можно отыскать в амбициозных абсурдностях монархии. Честолюбивые замыслы и цели великого монарха приводили повсеместно в Европе к такому увеличению расходов на содержание армии, что это выходило далеко за пределы возможностей тогдашних налогоплательщиков. И даже внешнее великолепие монархии было слишком дорогостоящим для тогдашней производительности

труда.

В годы Войны за независимость в Америке мало было каких-либо признаков того, что во Франции назревает взрыв. Была сильная нищета низших классов, было много критики и сатиры, много откровенного либерализма, но мало было признаков того, что этот государственный строй в целом, с его привычками, обычаями и внутренними разногласиями, может рухнуть.

Во Франции тогда были широко распространены либеральные мысли, речи и настроения. Параллельно с Джоном Локком в Англии и немного позже него Монтескье (1689–1755)

во Франции первой половины XVIII в. подверг социальные, политические и религиозные институты настолько же тщательному и основательному анализу, особенно в работе «De l'esprit des loix» («О духе законов»). Он сорвал магический покров с абсолютистской монархии во Франции. Ему и Локку принадлежит заслуга развенчания многих фальшивых идей, которые ранее сдерживали целенаправленные и сознательные попытки перестроить человеческое общество.

И не его вина в том, что поначалу на освободившемся месте возникли грязные временные лачуги.

Поколение, которое пришло ему на смену в середине и в последние десятилетия XVIII в., в своих смелых теоретических исканиях пользовалось тем моральным и интеллектуальным вкладом, который сделал Монтескье. Группа блестящих литераторов и ученых — энциклопедисты», — в основном бунтари из привилегированных иезуитских школ, приступили под руководством Дидро (1713–1784) к изложению проекта нового мира в специальном собрании работ (1766).

Слава энциклопедистов основывалась на их ненависти к несправедливости, их осуждении работорговли, неравномерного

налогообложения, коррупции в правосудии, расточительности войн, на их мечтах о социальном прогрессе, их симпатиях к промышленной империи, которая уже начинала преобразовывать мир. Видимо, главная ошибка энциклопедистов заключалась в их беспричинной враждебности к религии. Они считали, что человек от рождения справедлив и политически компетентен, в то время как его стремление к общественному служению и самоотречению обычно развивается посредством религиозного, по своей сути, воспитания и сохраняется лишь в атмосфере честного

сотрудничества. Несогласованные человеческие инициативы не приводят ни к чему, кроме социального хаоса.

Бок о бок с энциклопедистами работали экономисты, или физиократы, которые делали смелые и не всегда продуманные попытки анализа производства и распределения продуктов питания и товаров. Морелли, автор «Code de la nature» (1755 г.), осуждал институт частной собственности с позиций морали и предлагал коммунистическую организацию общества. Он был предшественником большой и многообразной школы мыслителей-коллективистов XIX в.,

известных под общим названием «социалисты».

Как энциклопедисты, так и физиократы требовали от своих сторонников значительных интеллектуальных усилий. Легче и проще было следовать за Руссо (1712–1778). Он проявил интересное сочетание логической жесткости и сентиментального энтузиазма. Он провозглашал соблазнительную доктрину, что счастье и благодетель заключались в первоначальном состоянии человека, из которого он деградировал под влиянием бессмысленной деятельности священников, королей, юристов и им подобных.

В целом интеллектуальное влияние Руссо было деморализующим. Оно наносило ущерб не только конкретно существовавшей социальной структуре, но и любой социальной организации вообще. При написании своего «Общественного договора» он, казалось, скорее оправдывал нарушения этого договора, чем указывал на необходимость его соблюдения.

Человек настолько несовершенен, что писатель, провозглашающий точку зрения (которая имеет повсеместное распространение и которой все мы обязаны противостоять), что

невозвращение долгов, половая распущенность, тунеядство и нежелание нести расходы на образование для себя и других являются вовсе не проступками, а проявлением естественной добродетели, — неизбежно должен был завоевать большое число последователей в каждом социальном слое, в котором была распространена грамотность. Огромная мода на Руссо много сделала для популяризации сентиментального и напыщенного способа решения социальных и политических проблем.

Вплоть до 1788 г. республиканские и анархические

речи и труды французских мыслителей выглядели, наверное, столь же бесполезными и лишёнными политического веса, как и эстетический социализм Уильяма Морриса в Англии в конце XIX в. Социальная и политическая системы продолжали существовать с непоколебимым постоянством: король выезжал на охоту и строил замки, Двор и высшее общество жили удовольствиями, финансисты непрерывно думали о том, куда бы ещё вложить деньги, бизнес неуклюже брёл своими старыми путями, страдая от налогов и жульничества, крестьяне пребывали в заботах, тяжело трудились и

испытывали бессильную ненависть к дворцам знати. Можно было говорить что угодно, потому что казалось, будто ничего никогда не произойдет.

Впервые дисгармония в этом ощущении безопасной неизменности жизни появилась во Франции в 1787 году. Людовик XVI был недалеким, малообразованным монархом, к тому же имел несчастье жениться на взбалмошной и экстравагантной женщине — Марии Антуанетте, сестре австрийского императора. Вопрос о ее добродетелях представляет значительный интерес для историков определенного сорта, но мы не будем его касаться в этой книге.

Когда казна была опустошена войной в Америке, когда в стране ширилось недовольство, Мария Антуанетта воспользовалась своим влиянием, чтобы пресечь попытки министров короля заняться экономикой, и стала поощрять всякую аристократическую экстравагантность и возвращать Церкви и дворянству то положение, которое они занимали в великие дни Людовика XIV. Офицеров неаристократического происхождения приказано было изгнать из армии; предполагалось расширить влияние Церкви на частную жизнь.

В чиновнике из высшего

сословия, которого звали Калонн, она обрела свой идеал министра финансов. С 1783 по 1787 год этот удивительный человек доставал деньги, словно по мановению волшебной палочки, — закончились они тоже, как по мановению волшебной палочки. И в 1787 г. министр потерпел крах. До этого он безудержно занимал деньги, а теперь, когда долги достигли огромной суммы, объявил, что монархия, Великая монархия, правившая Францией с дней Людовика XIV, стала банкротом. Брать деньги было уже негде. Для рассмотрения этой ситуации должно было состояться собрание нотаблей

королевства.

Собранию нотаблей, ассамблее
выбранных королем главных людей
страны, Калонн предложил проект
налогообложения всей земельной
собственности. Это вызвало бурю
возмущения среди аристократов. Они
потребовали созыва органа, в общих
чертах эквивалентного британскому
парламенту — Генеральных штатов,
которые не созывались с 1614 года.
Несмотря на то что этим шагом они
создавали орган для выражения
недовольства более низких
социальных слоев, французские
нотабли, возмущенные
предложением взять на себя часть
финансового бремени страны,

настояли на своем, и в мае 1789 г. Генеральные штаты были созваны.

Это была ассамблея представителей трех социальных слоев: дворян, духовенства и третьего сословия, общин. У третьего сословия право голоса было очень широким, почти каждый налогоплательщик старше двадцати пяти лет мог голосовать. Приходские священники голосовали в качестве духовенства, а мелкопоместная знать — как дворяне. Генеральные штаты были органом без каких-либо процедурных традиций. Во время подготовки их открытия встал вопрос о том, должны ли штаты собираться как единый орган или тройственный,

где каждое из сословий имело бы один голос, равный голосу другого сословия. Поскольку духовенство насчитывало 308 человек, дворяне — 285, а депутаты — 621, то первая схема давала третьему сословию абсолютное большинство. Согласно же второй схеме представители третьего сословия имели один голос из трех.

Не было у Генеральных штатов и определенного места созыва. Надо ли их созывать в Париже или в каком-либо провинциальном городе? Выбрали Версаль «из-за возможности поохотиться».

Понятно, что король и королева отнеслись к этой суматохе вокруг

национальных финансов, как к очередному невыносимо скучному событию, и намеревались максимально, по возможности, ограничить его влияние на привычный социальный порядок. Поэтому собрания проводились в неиспользуемых салонах, оранжереях, на теннисных кортах и тому подобное.

Понятно, что основное место занял вопрос о способе голосования: по сословиям или каждый депутат в отдельности. Эту проблему напряженно обсуждали шесть недель. Затем представители третьего сословия, вооружившись страницей из протоколов английской

палаты общин, объявили, что они одни представляют народ и впредь не должно быть никакого налогообложения без их согласия. В ответ на это король закрыл зал, где происходило собрание, и объявил, что депутатам лучше разъехаться по домам. Вместо этого депутаты встретились на удобном теннисном корте и поклялись — это называли потом «клятвой в зале для игры в мяч», — что не разойдутся, пока не будет выработана конституция Франции.

Король занял решительную позицию и попытался разогнать третье сословие силой. Но солдаты отказались повиноваться. После чего

король с пугающей внезапностью пошел на уступки и согласился с тем принципом, что представители третьего сословия будут совещаться и голосовать вместе как единое Национальное собрание. Тем временем, явно по наущению королевы, были вызваны находившиеся на французской службе иностранные войска под командованием маршала де Брольи, которым можно было доверить действия против народа. Король готовился отказаться от своих уступок.

И тогда Париж и Франция восстали. Брольи не решился стрелять в толпы людей. В Париже

было сформировано Временное муниципальное правительство. Такие же правительства возникли и в большинстве других крупных городов, и этими муниципальными органами были созданы новые войска — Национальная гвардия, изначально предназначенная исключительно для сопротивления войскам Короны.

Июльское восстание 1789 года стало настоящей Французской революцией. Жители Парижа штурмом взяли Бастилию — мрачного вида тюрьму, которая была защищена крайне слабо, и бунт быстро распространился по всей Франции. В восточных и северо-

западных провинциях многие принадлежащие знати дворцы были сожжены крестьянами, документы, подтверждающие титулы, — уничтожены, а владельцы дворцов — убиты или изгнаны. Восстание охватило всю Францию. В течение месяца древняя и пришедшая в упадок система аристократического общественного порядка рухнула. Многие принцы и влиятельные придворные бежали за границу. Перед Национальным собранием встала задача создания новой политической и социальной системы для новой эпохи.

Французскому Национальному собранию пришлось выполнять свою

задачу в условиях, гораздо менее благоприятных, чем американскому конгрессу. У последнего было в распоряжении полконтинента и ни одного потенциального противника, кроме британского правительства. Религиозные и образовательные организации Америки отличались разнообразием и не могли оказывать сильного коллективного влияния. В целом они были настроены доброжелательно. Король Георг был далеко, в Англии, — и медленно впадал в состояние слабоумия.

И тем не менее Соединенным Штатам понадобилось несколько лет, чтобы выработать действующую конституцию. Французы же

находились в окружении агрессивных соседей с макиавеллиевскими взглядами, им мешали король и Двор, исполненные решимости сеять раздоры и причинять вред, а Церковь представляла собой единую крупную организацию, неразрывно связанную со старым порядком. Королева вела интенсивную переписку с графом д'Артуа, принцем Конде и другими находившимися в изгнании роялистами, пытавшимися подбить Австрию и Пруссию напасть на новое французское государство. Более того, еще до революции Франция стала страной-банкротом, в то время как у Соединенных Штатов

были неограниченные и пока нетронутые ресурсы. Революция, изменив условия ведения сельского хозяйства и торговли, привела к экономической дезорганизации, чего не было в Америке.

Это были трудности, которых нельзя было избежать в данной ситуации. Но Национальное собрание еще и само создавало себе трудности. Устоявшейся процедуры заседаний и принятия решений не было. У английской палаты общин был более чем пятисотлетний опыт работы, и Мирабо (1749–1791), один из великих лидеров начальной стадии революции, тщетно пытался добиться принятия английских

правил. Но общая атмосфера в то время больше способствовала выражению возмущения, драматическим срывам и другим подобным проявлениям «естественной добродетели». К тому же, источником беспорядка было не только собрание. Была еще большая галерка — может быть даже слишком большая — для всех желающих: кто осмелится помешать свободным гражданам принимать участие в государственном управлении?! Эта галерка была битком набита людьми, жаждавшими «сцен», готовыми заглушить аплодисментами или криками находившихся внизу ораторов. Способные ораторы были

вынуждены подыгрывать галерке и принимать сентиментальный и сенсационный тон. В моменты кризиса можно было легко воспользоваться услугами толпы и похоронить дебаты.

Вот в таких неблагоприятных условиях Национальное собрание приступило к работе по созиданию. Четвертого августа оно добилось крупного и впечатляющего успеха. Под руководством нескольких либеральных представителей знати оно внесло целый ряд резолюций, упраздняющих рабство, привилегии, налоговые льготы, церковные десятины и феодальные суды. (Однако во многих частях страны эти

резолюции были выполнены только через три или четыре года.)

Нельзя сказать, что отмена титулов была воспринята чересчур болезненно. Задолго до того, как Франция стала республикой, для дворянина считалось оскорбительным ставить при подписи рядом с именем свой титул. Целых шесть недель — с бесконечными риторическими отступлениями — посвятило Национальное собрание выработке «Декларации прав человека и гражданина», ориентируясь на принципы, заложенные в английском Билле о правах.

Тем временем Двор замышлял

ответный удар; люди знали и чувствовали, что Двор занимается организацией заговора. К тому же дело осложнялось мошенническими интригами кузена короля — Филиппа Орлеанского, надеявшегося использовать тогдашние противоречия, чтобы сменить Людовика на французском троне. Его сады в Пале-Руаяле были открыты для публики и стали значительным центром обсуждения передовых идей. Его агенты старались усилить подозрения людей относительно замыслов короля. Общее негативное влияние на ситуацию оказала нехватка продовольствия — в этом тоже обвиняли правительство

короля.

Вскоре в Версале появился верный королю Фландрский полк. Королевская семья планировала тайно покинуть Париж, чтобы затем все повернуть вспять, восстановить тиранию с ее расточительностью и сумасбродством. Такие

конституционные монархисты, как генерал Лафайет, были не на шутку встревожены. И именно в это время произошел взрыв народного возмущения из-за недостатка продуктов питания, которое легко превратилось в возмущение против предполагаемых действий короля и его сторонников. Считалось, что Версаль ломится от запасов

провианта и что продукты эти специально прячут от народа. Общественное настроение подогревалось сообщениями (возможно, сообщениями преувеличенными) о недавнем антинародном банкете в Версале. Вот некоторые выдержки из Карлейля, [\[87\]](#) характеризующие этот злополучный банкет.

«Разрешение на зал Оперы получено, салон Геркулеса будет приемной. Пировать будут не только фландрские офицеры, но и швейцарские, из «сотни швейцарцев», и даже те

офицеры Версальской национальной гвардии, которые сохранили хоть какую-то верность королю; это будет редкостное торжество!

А теперь представьте, что официальная часть этого торжества завершена и открыта первая бутылка. Представьте, что произнесены привычные здравицы верности королю, за его здоровье и здоровье королевы — под оглушительные крики "Виват!"; однако тост за народ «пропущен» или

даже «отвергнут».
Шампанское льется рекой,
звучат хвастливые
хмельные речи, играет
оркестр; пустые,
увенчанные перьями
головы шумят, заглушая
друг друга...

И вот — смотрите!
Появляется она, словно
луна из-за туч, эта
прекраснейшая несчастная
червовая Дама;
царственный супруг рядом
с ней, маленький дофин у
нее на руках! Она
спускается из ложи,
окруженная блеском и

ованиями; королевской походкой она обходит столы, грациозно кивает головой. Ее облик полон печали и в то же время — благосклонности и отваги, у ее материнской груди — надежда Франции! А после того как оркестр грянул "О Ричард, о мой король, весь мир покидает тебя", что еще мог сделать мужчина, как не подняться до высот сострадания и отважной верности? Могли ли бестолковые молодые офицеры не принять белые кокарды Бурбонов,

поданные ее прекрасными пальчиками, не обнажить шпаги и не присягнуть королеве, не растоптать кокарды Национальной гвардии, не подняться в ложи, откуда донеслось недовольное бормотание, не выразить поднявшуюся в них бурю чувств криками, шумом, вспышками ярости и умопомрачения как в зале, так и за его пределами...

Это было обычное пиршество; в спокойные времена — совершенно безвредное, но теперь —

фатальное... Бедная, сбитая с толку Мария Антуанетта: ее действиями руководила женская пылкость, а не дальновидность правителя! Это было так естественно и так неразумно! На следующий день, выступая перед публикой по поводу праздника, Ее Величество заявляет, что "в восторге от четверга"».

А теперь для сравнения еще одна цитата из Карлейля, которая рисует народные настроения.

«В понедельник утром

на грязных нищенских чердаках просыпаются матери и слышат плач голодных детей. Они вынуждены идти на улицу, на зеленый рынок и в очереди за хлебом; они встречают там других голодающих матерей, сочувствующих, тоже доведенных до отчаяния. О мы, несчастные женщины! Но почему вместо хлебных очередей не пойти во дворцы аристократов, корень всех бед? Вперед! Собирайтесь! В Отель-де-Виль, в Версаль...»

Перед тем, как материализовалась эта последняя идея, в Париже было много крика и суеты. Появился некий Майар, обладавший организаторскими способностями, и взял на себя некоторое руководство событиями. Вряд ли приходится сомневаться, что лидеры революции, и в частности генерал Лафайет, организовали и использовали это восстание для того, чтобы предотвратить бегство короля, дабы тот, подобно Карлу I, сбежавшему в Оксфорд, не начал гражданскую войну. К концу дня процессия начала свой утомительный двенадцатимильный пеший поход.

И снова цитата из Карлейля:

«Майар остановил своих медлительных менад на вершине последнего холма, и их удивленному взору открылся Версаль, Версальский дворец и за ними обширные наследственные владения королевской семьи...

Под вечер пошел дождь.

И вот все обширное пространство эспланады покрылось группами грязных промокших женщин и жуликоватого

вида мужчин с прямыми от
дождя волосами. Они
вооружены топорами,
ржавыми копьями,
старыми мушкетами и
обитыми железом
дубинками (batons ferns —
«железные батоны»),
имеющими на конце нож
или клинок — вид
самодельных алебард. Это
похоже на голодный бунт и
ни на что другое. Дождь
льет как из ведра; лейб-
гвардейцы гарцуют между
ропщущими группами,
вызывая возбуждение и
раздражение; те, кого

разогнали в одном месте, снова собираются в другом».

«Откуда-то стало известно, что запрягаются королевские экипажи будто бы для отъезда в Мец. Королевские или нет, но какие-то экипажи действительно появились у задних ворот. Было даже показано или зачитано письменное разрешение, выданное Версальским муниципалитетом — монархическим, а не демократическим. Однако

версальские патрули
заставили их вернуться по
строжайшему приказу
бдительного Лекуэнтра...»

«Двор охвачен
паникой и бессилием: его
настроение меняется
вместе с настроением
эспланады, вместе с
изменением характера
слухов из Парижа. Слухи
приходят непрерывно: то о
мире, то о война. Неккер и
все министры непрерывно
совещаются, но вопрос
остается открытым. Покои
короля охвачены бурей

слухов: мы бежим в Мец, мы не бежим. Королевские кареты снова пытаются выехать, хотя бы для пробы, и снова их возвращают патрули Лекуэнтра».

Нам придется отослать читателя к Карлейлю, чтобы узнать о том, как в ту ночь прибыла Национальная гвардия во главе с самим генералом Лафайетом, как происходили переговоры между Собранием и королем, как утром разгорелся бой между лейб-гвардейцами и осадившими Версаль голодными людьми, как последние ворвались во дворец и чуть не убили королевскую

семью. Лафайет и его войска подоспели как раз вовремя и предотвратили бойню, а в Париж своевременно прибыли первые подводы с хлебом, чтобы накормить толпу.

Наконец решено было, что король должен переехать в Париж.

Это было 6 октября 1789 года. Почти два года королевская семья спокойно жила в Тюильри. Сохрани Двор взаимное доверие с народом — и король дожил бы там до старости и умер королем.

Ранний этап революции длился с 1789 по 1791 г. Франция стала конституционной монархией, король скромно жил в Тюильри, а

Национальное собрание правило страной, которая ни с кем не воевала. Пока Франция занималась экспериментами с коронованной республикой на западе, на востоке происходил последний раздел коронованной республики Польши. Франция могла и подождать.

Собрание проделало удивительно большую конструктивную работу. Старинные провинции Франции — Нормандия, Бургундия и другие — были разделены на восемьдесят департаментов. В армии повышение до высоких чинов стало доступно для представителей всех классов общества. Была учреждена простая

система судов, однако эффективность ее была сильно снижена тем, что судьи назначались посредством народного голосования на короткий период времени.

Вся обширная собственность Церкви была национализирована государством; религиозные учреждения, не вовлеченные в образовательную или благотворительную деятельность, были распущены, а зарплату духовенству стали платить из государственного бюджета. Само по себе это было неплохим решением для представителей низшего звена французского священства, которые получали скандально низкое

жалование по сравнению с богатыми церковными сановниками. Но, вдобавок к этому, священников и епископов стали избирать, что ударило по самым основам Римско-католической церкви, в которой все решения принимал Римский Папа и в которой существовала строгая вертикальная иерархия. По существу, Национальное собрание хотело одним махом сделать Церковь во Франции протестантской — организационно, если не в вероучении. Повсеместно вспыхивали споры и конфликты между государственными священниками, появившимися благодаря Национальному собранию,

и непокорными (и отстраненным от дел) священниками, которые сохранили верность Риму...

Одно странное решение Национального собрания сильно ослабило его способность контролировать ситуацию. Оно постановило, что ни один из членов Собрания не может одновременно исполнять обязанности министра. Это было сделано в подражание американской конституции, где исполнительное правительство отделено от законодательной власти. Такой разрыв между законодательной и исполнительной властью во Франции породил разногласия и недоверие; законодательной власти

недоставало контроля, а исполнительной — морального авторитета. Это привело к недееспособности центрального правительства, столь вопиющей, что во многих регионах страны общины и города стали в то время фактически самоуправляемыми; они реагировали на указания из Парижа так, как считали нужным, отказывались платить налоги и делили церковные земли в соответствии с местными аппетитами.

Вполне возможно, что если бы со стороны дворянства были проявлены лояльная поддержка Короны и разумный патриотизм, то

Национальное собрание, несмотря на свои шумные галерки, руссоизм и неопытность, возможно, выработало бы постепенно стабильную форму парламентского правления во Франции.

В лице Мирабо Франция имела государственного мужа с ясными представлениями о потребностях времени; он знал о достоинствах и недостатках британской системы и, вероятно, намеревался учредить во Франции подобную политическую организацию, но с более широким и более честным избирательным правом.

Его смерть в 1791 г., несомненно, лишила Францию

одного из ее самых конструктивно мыслящих государственных деятелей, а Национальное собрание — его последнего шанса на какое-либо сотрудничество с королем. Там, где существуют король и Двор, обычно существуют и заговоры; интриги роялистов и их вредительство были последней каплей в их противостоянии с Национальным собранием.

Одной июньской ночью 1791 года, между одиннадцатью вечера и полуночью, переодетые король, королева и их двое детей выскользнули из Тюильри, дрожа от страха пробрались через Париж, обогнули город с севера на восток и

наконец сели в карету, ожидавшую их на дороге, ведущей к Шалону. Они бежали к армии на востоке. Восточная армия была «лояльной», то есть ее генерал и офицеры были, по крайней мере, готовы предать Францию ради короля и Двора.

Наконец произошло рискованное событие, столь импонировавшее сердцу королевы! Только представьте то приятное возбуждение, которое испытывала эта маленькая группа людей, когда расстояние между ними и Парижем становилось все большим. Там, за холмами, их ожидало подобострастие, низкие поклоны и целование рук. А потом — обратно в

Версаль! Стоит только немного пострелять в толпу людей в Париже, если надо — из пушек. Кое-кого казнить, но людей не особенно важных. Объявить на несколько месяцев «белый террор». После этого все снова станет на свои места. Можно даже вернуть Колонна — пусть придумывает новые способы добывания денег. Тогда он как раз занимался обеспечением поддержки германских правителей. Предстояло отремонтировать много дворцов, но люди, которые сожгли их, вряд ли будут жаловаться, если ценой этого ремонта станут их ничтожные жизни...

И все эти приятные мечты были

грубо прерваны в ту же ночь в Варение. В Сен-Менеульде короля узнал хозяин почтовой станции. Когда наступила ночь, по дорогам, ведущим на восток, поскакали гонцы, чтобы поднять округу и попытаться перехватить беглецов. В верхней части деревни Варенн должны были сменить лошадей (молодой дежурный офицер пожелал королю доброй ночи и ушел спать), в то время как в нижней деревне несчастный король, переодетый в слугу, почти полчаса препирался с форейторами, которые хотели отдохнуть в нижней деревне и отказывались ехать дальше. Наконец они согласились. Однако согласились

слишком поздно. На мосту, разделявшем две части деревни, маленькую группу людей уже ждал почтмейстер из Сен-Менеульда вместе с несколькими видными республиканцами Варенна, которых он успел собрать после того, как проехал мимо препиравшегося с форейторами короля. Мост был забаррикадирован. Люди с мушкетами подошли к карете: «Ваши паспорта!»

Король повиновался без сопротивления. Маленькую группу людей повели в дом одного из местных чиновников. «Что ж, — сказал король, — я в ваших руках». А еще он добавил, что хочет есть. За

ужином он хвалил вино, «просто отличное вино». Что сказала королева, осталось неизвестным. Совсем недалеко стояли верные королю войска, но они не сделали попытки прийти ему на помощь. Зазвучал набатный колокол, и деревня «зажгла огни», чтобы оградить себя от неожиданного нападения...

Упавшая духом королевская семья возвратилась в Париж, где ее встречали огромные толпы — в молчании. Прошел слух, что те, кто оскорбит короля, будут наказаны плетьюми, а тех, кто будет его приветствовать, — казнят...

Только после этой глупой

выходки идея республики завладела умами французов. До побега в Варенн, конечно же, существовали абстрактные республиканские настроения, однако почти никто открыто не выказывал стремления упразднить монархию во Франции. В июле, через месяц после побега, власти даже разогнали многолюдный митинг на Марсовом поле в поддержку петиции о свержении короля; во время этого разгона было убито много людей. Но подобные проявления твердости не могли помешать людям извлечь урок из того побега. Как в Англии во времена Карла I, так теперь во Франции народ понял, что королю нельзя

доверять, что он — опасен. Влияние якобинцев стремительно возрастало. Их лидеры — Робеспьер, Дантон и Марат, ранее слывшие жуткими экстремистами, стали играть доминирующую роль во французской политике.

Эти якобинцы представляли собой эквивалент американских радикалов — людей с безоговорочно передовыми идеями. Их сила заключалась в том, что они были прямолинейными и ничем не связанными. Они были бедны, и терять им было нечего. Партию умеренных, выступавшую за компромисс с тем, что осталось от старого режима, возглавляли такие

высокопоставленные люди, как генерал Лафайет, который в молодые годы воевал добровольцем на стороне американских колонистов, а также Мирабо, аристократ, образцом для которого служили богатые и влиятельные аристократы Англии. В отличие от них Робеспьер (1758–1794) был бедным, но умным молодым юристом из Арраса, наиболее ценным достоянием которого была его вера в Руссо. Дантон (1759–1794) был почти таким же бедным адвокатом в Париже. Он отличался крупной фигурой и был склонен к жестикуляции и риторике. Марат (1743–1793), швейцарец с определенными научными

заслугами, был человеком постарше, но столь же не обремененным собственностью. Несколько лет он провел в Англии, получил почетную степень доктора медицины Эдинбургского университета и опубликовал несколько работ, внесших важный вклад в английскую медицинскую науку. Бенджамин Франклин и Гете интересовались его работами в области физики. Именно этого человека Карлейль называл «бешеной собакой», «злобным», «низким», а также «ненасытной пиявкой» — последнее, видимо, является признанием вклада Марата в науку.

Последние годы его жизни были

омрачены невыносимой кожной болезнью, которой он заразился, скрываясь в парижской канализации от возможных последствий того, что он осудил короля как предателя после его побега в Варенн. Только сидя в горячей ванне, он мог сосредоточиться и писать. Лечения почти не было, он сильно страдал и ожесточился; однако среди исторических деятелей он выделяется как человек необыкновенной честности. Вероятно, именно его бедность вызывала особое презрение Карлейля.

«Какой путь он

прошел! И сидит теперь, в
половине восьмого вечера,
в маленькой ванне, над
которой клубится пар;
мучимый язвами,
страдающий
революционной
лихорадкой... Крайне
больной и истощенный
нищий: наличных денег у
него — гроши, да и те
бумажные; эта ванна,
крепкий табурет, на
котором он пишет, и
неопрятная прачка, его
единственная прислуга, —
вот и все его хозяйство на
улице Медицинской

Школы. Сюда, и ни в какое
иное место, привел его
жизненный путь... Но что
это? Снова стук в дверь!
Мелодичный голос
женщины, отказывающейся
уйти: это опять та
гражданка, которая хочет
оказать Франции услугу.
Марат, узнав ее по голосу,
кричит, чтобы ее пустили.
Шарлотте Корде
разрешают войти».

Эта юная героиня поведала ему
какую-то важную информацию о
контрреволюционном заговоре в
Кане (Нормандия) и, пока он

записывал изложенные ею факты, ударила его ножом (1793 г.)...

Таким было большинство лидеров якобинской партии. Они были людьми без собственности, людьми, которых ничего не связывало и не сдерживало. Поэтому они были более стихийными и примитивными, чем любая другая партия; они были готовы довести идеи свободы и равенства до их логических крайностей. Их стандарты патриотической добродетели были высокими и жесткими. Было что-то нечеловеческое в их стремлении осчастливить человечество. Они без капли симпатии относились к

стремлению умеренных ослабить напряженность в обществе и сделать так, чтобы простой народ был слегка голодным и почтительным, а Двор и влиятельные люди — хоть немного почитаемыми. Они были ослеплены формулами руссоизма об историческом процессе — будто бы человек по природе есть угнетатель и угнетаемый, и только постепенно, посредством правильных законов, образования и духа всеобщей любви, его можно сделать счастливым и свободным.

В то время значительная часть городов Франции представляла собой трущобы, полные обездоленных, деморализованных, опустившихся и

озлобленных людей. Особенно отчаянным и опасным было состояние парижской толпы, потому что предприятия Парижа занимались, в основном, выпуском предметов роскоши и большинство работников паразитировало на слабостях и пороках красивой жизни. Теперь же красивая жизнь ушла за границу, на путешествия наложили ограничения, бизнес был дезорганизован, и город заполнили безработные озлобленные люди.

Однако роялисты, вместо того, чтобы осознать силу якобинцев с их опасной сплоченностью и способностью контролировать настроение толпы, самонадеянно

полагали, что могут использовать их в качестве инструмента. Близилось время замены Национального собрания на Законодательное собрание — в соответствии с недавно принятой конституцией. И когда якобинцы, обуреваемые идеей сокрушить умеренных, предложили лишить членов Национального собрания права быть избранными в Законодательное собрание, роялисты активно поддержали их и провели это предложение.

Они полагали, что Законодательное собрание, лишенное таким образом всего предыдущего опыта, неизбежно превратится в политически некомпетентный орган.

Им казалось, что они смогут «извлечь добро из избытка зла» и вскоре Франция беспомощно упадет в руки ее законных хозяев. Им так казалось. И роялисты сделали даже большее. Они поддержали избрание якобинца на пост мэра Парижа. Это было так же умно, как мужу привести домой голодного тигра и убедить жену в том, что он ей необходим. Существовал еще один орган, который роялисты не принимали в расчет и который был даже лучше, чем Двор, подготовлен к тому, чтобы немедленно вмешаться и занять место неэффективного Законодательного собрания. Этим органом была Парижская коммуна

под руководством якобинцев — ее резиденцией было здание ратуши (Отель-де-Виль).

До сих пор Франция пребывала в мире с соседями. Никто из них не нападал на нее, так как было ясно, что она ослабляет сама себя своими внутренними распрями. За эту отстраненность Франции пришлось расплачиваться Польше. Но у соседей не было особых причин воздерживаться от угроз и оскорблений в адрес Франции. В 1791 г. в Пильнице встретились король Пруссии и император Австрии. Они сделали заявление, гласившее, что восстановление порядка и монархии во Франции

является важной проблемой для всех государей. После чего армии эмигрантов, французских крупных и мелких дворян, — армии, состоявшей в основном из офицеров, — разрешили собирать свои силы вблизи границы.

Но Франция первой объявила войну Австрии. Мотивы тех, кто поддерживал этот шаг, были противоречивыми. Республиканцы хотели этого потому, что стремились освободить братьев-французов в Бельгии от австрийского гнета. Многие роялисты хотели этого потому, что видели в войне возможность восстановления престижа Короны. Марат выступил

резко против в своей газете «Друг народа», не желая, чтобы республиканский энтузиазм превратился в военную лихорадку. Его инстинкт предсказывал ему появление Наполеона. 20 апреля 1792 г. король появился в Собрании и предложил объявить войну, что вызвало бурные аплодисменты.

Начало войны обернулось катастрофой. Три французские армии вторглись в Бельгию, две потерпели жестокое поражение, а третья, под командованием Лафайета, отступила. Затем на стороне Австрии в войну вступила Пруссия, и объединенные силы под командованием герцога

Брауншвейгского приготовились к вторжению во Францию. Герцог издал одну из наиболее глупых прокламаций в истории: он заявил, что вторгается во Францию для восстановления власти короля. И пригрозил, что, в случае новых угроз жизни короля, он появится в Париже и Собрании для «военной экзекуции». Этого, несомненно, было достаточно, чтобы превратить самого ярого француза-роялиста в республиканца — по крайней мере на время войны.

Новая фаза революции — революция якобинская — стала прямым следствием этой прокламации. Стало невозможным

как Законодательное собрание, в котором преобладали благопристойные республиканцы (жирондисты) и роялисты, так и то правительство, которое расстреляло республиканский митинг на Марсовом поле и загнало Марата в канализацию. Бунтовщики собрались в ратуше, и 10 августа Коммуна взяла штурмом дворец Тюильри.

Король вел себя с неуклюжей глупостью и тем безразличием к судьбам других людей, которое является прерогативой королей. В его распоряжении была швейцарская охрана численностью почти в тысячу человек, а также национальные гвардейцы неопределенной степени

лояльности. Он колебался, пока не началась стрельба, а затем, покинув сражающихся швейцарцев, ушел в находящееся рядом Собрание, чтобы то взяло его и его семью под свою защиту. Ясно, что он надеялся столкнуть Собрание и Коммуну, однако у Собрания не было того боевого духа, который присутствовал в Отель-де-Виле. Сбежавшую королевскую семью поместили в ложу для журналистов (откуда был проход в маленькую комнату), и она оставалась там шестнадцать часов, пока Собрание решало ее судьбу. Снаружи доносились звуки напряженного сражения; время от времени разбивались окна.

Положение несчастных швейцарцев было безвыходным, но они продолжали сражаться — им больше ничего не оставалось...

У Собрания не хватило твердости сделать так, как поступило правительство, расстрелявшее в июле демонстрацию на Марсовом поле. Свирепая энергия Коммуны подавила его. Король не нашел никакой поддержки у Собрания. Оно раскритиковало его и начало обсуждать вопрос о «приостановлении» его полномочий. Швейцарцы сражались, пока не получили от короля приказ прекратить сопротивление, и после этого — а толпа пришла в бешенство

от ненужного кровопролития и вышла из-под контроля — почти все они были жестоко убиты.

Парижская коммуна захватила реальную власть во Франции. Законодательное собрание, — в котором явно произошла перемена настроений, — объявило, что полномочия короля приостанавливаются, и заключило его в замок Тампль, заменив короля Исполнительным советом, а затем созвало Национальный конвент для выработки новой конституции.

Положение той части Франции, которая разделяла патриотические и республиканские взгляды, становилось невыносимым. Ее

армии беспомощно отступали к Парижу. Пал Лонгви, за ним — мощная крепость Верден, и казалось, что ничто уже не сможет остановить наступления войск антифранцузской коалиции на столицу. Ощущение предательства роялистов разрослось до размеров панической жестокости. Роялистов надо было по меньшей мере запугать, лишить возможности выражать свои взгляды и разогнать. Коммуна принялась вылавливать каждого роялиста, который попадался под руку; вскоре тюрьмы Парижа были полны людей. Марат предвидел опасность резни. Пока не стало слишком поздно, он пытался обеспечить введение экстренных

трибуналов для того, чтобы определить виновных и невиновных в этом пестром собрании интриганов, подозреваемых и просто безобидных дворян. Его мнение проигнорировали, и в первых числах сентября произошла неотвратимо жестокая расправа.

Совершенно неожиданно, сначала возле одной, а затем и возле других тюрем, появились банды бунтовщиков. Было учреждено нечто вроде ускоренного суда, у ворот тюрем собрались буйствующие толпы, вооруженные саблями, копьями и топорами. Узников выводили по одному из их камер, как женщин, так и мужчин, устраивали

краткий допрос, оправдывали под крики «Да здравствует народ!» или бросали в толпу, стоявшую у ворот, ожидавшую возможности ударить жертву саблей или топором. Приговоренных кололи, рубили и забивали до смерти, рубили им головы, насаживали на пики и носили по городу, отбросив в сторону истерзанные тела. Так, вместе с другими людьми, погибла принцесса де Ламбаль, которую король и королева оставили в Тюильри. Ее голову принесли к Тамплю показать королеве.

В камере королевы находились два национальных гвардейца. Один из них захотел, чтобы она выглянула

в окно и увидела это жуткое зрелище, подругой, пожалев ее, не позволил этого сделать.

И хоть в Париже и происходила эта кровавая трагедия, французский генерал Дюмурье, срочно выдвинувший армию из Фландрии в Аргоннские леса, сдерживал продвижение войск коалиции от Вердена. 20 сентября произошло сражение, в основном артиллерийская перестрелка, под Вальми. Не очень решительное прусское наступление было остановлено, пехота французов держалась стойко, а их артиллерия выиграла дуэль у артиллерии союзников. В течение десяти дней

после такого неожиданного отпора герцог Брауншвейгский колебался, а затем начал отходить к Рейну. Прокисший шампанский виноград вызвал дизентерию в прусской армии. Битва при Вальми — и это было больше, чем артиллерийская дуэль, — стала одной из самых решающих битв в мировой истории. Революция была спасена.

21 сентября 1792 г. начал работу Национальный конвент и немедленно провозгласил республику. Суд и казнь короля стали логическим следствием этого события.

Людовик был обезглавлен в январе 1793 г. Для этого была

использована гильотина — ибо начиная с августа предыдущего года ее применяли во Франции как официальный инструмент для казни.

Дантон, в своей роли «человека-льва», был очень рад свершившемуся. «Если короли Европы бросят нам вызов, — громогласно заявил он, — то мы бросим им под ноги голову короля!»

11

Затем в истории французского народа наступил странный период. Разгорелся великий огонь энтузиазма во имя Франции и республики. Это

означало конец компромиссам
внутри страны и за ее пределами:
внутри страны роялисты и любая
форма нелояльности республике
подлежали искоренению; за ее
пределами Франция должна была
стать защитником и помощником
всех революционеров. Вся Европа,
весь мир должны были стать
республиканскими. Молодежь
Франции валом валила в
республиканскую армию. По всей
стране распространилась новая
песня — песня, которая все еще
будоражит кровь, как вино, —
«Марсельеза». Перед этой песней и
быстрыми колоннами французских
штыков, перед яростной пальбой из

пушек отступали неприятельские армии.

К концу 1792 г. французские войска значительно превзошли самые большие достижения Людовика XIV; во всех направлениях они вышли на неприятельскую территорию. Они были в Брюсселе, заняли Савойское герцогство, взяли Майнц, захватили Нидерланды. А затем французское правительство сделало глупость. Оно пришло в негодование из-за высылки своего представителя из Англии после казни Людовика и объявило Англии войну. Этого делать не следовало, потому что революция, давшая Франции новую, энергичную пехоту

и великолепную артиллерию, которые избавились от своих аристократических офицеров и многих сдерживающих традиций, развалила дисциплину во французском флоте, и британцы безраздельно господствовали на море. Этот вызов сплотил всю Англию против Франции, тогда как поначалу в Великобритании существовало довольно сильное либеральное движение в поддержку революции.

О той войне, которую в последующие несколько лет Франция вела против европейской коалиции, мы не можем рассказывать подробно. Она навсегда изгнала

Австрию из Бельгии и сделала
Голландию республикой.
Голландский флот, вмерзший в лед у
острова Тексел, сдался горстке
кавалеристов без единого пушечного
выстрела. В течение некоторого
времени французское наступление на
Италию откладывалось, и только в
1796 г. новый генерал Наполеон
Бонапарт триумфально провел
оборванные и голодные
республиканские армии через
Пьемонт в Мантую и Верону.

О новой особенности военных
действий следует сказать особо.
Прежние профессиональные армии
воевали ради войны, которая была их
работой; они были такими же

медлительными, как и рабочие с почасовой оплатой. А эти удивительные новые армии сражались без еды и питья за победу. Их противники называли их «новые французы».

С.-Ф. Аткинсон пишет:

«Больше всего изумляли союзников многочисленность и быстрота республиканцев. У этих импровизированных армий не было, фактически, ничего, что могло сдерживать их движение. Палатки обеспечить было

невозможно из-за
недостатка денег,
соответственно, огромного
количества повозок,
которое потребовалось бы
для их транспортировки, не
было; палатки были не
нужны еще и по той
причине, что лишения,
вызывавшие массовое
дезертирство в
профессиональных армиях,
бодро переносились
людьми образца 1793–1794
годов. Снабжение армий,
неслыханных по тем
временам размеров,
невозможно было

осуществлять с помощью конвойных поставок, и французы вскоре прославились тем, что «жили за счет страны». Таким образом, 1793 г. стал свидетелем рождения современной стратегии войны: быстрота передвижения, полное использование человеческих ресурсов, бивуаки, реквизиции и напор, в отличие от осторожного маневрирования, небольших профессиональных армий,

палаток, полного рациона и крючоктворства. Первая стратегия выражала дух решительности и наступательности, а вторая — стремление рисковать малым и добиваться малого». [\[88\]](#)

И пока эти оборванные легионы энтузиастов распевали «Марсельезу» и сражались за la France, особо не задумываясь, грабят они захваченные ими страны или освобождают, республиканский энтузиазм в Париже проявлялся куда менее достойным образом.

Марат, единственный обладатель

мощного и властного интеллекта среди якобинцев, к тому времени почти обезумел от неизлечимой болезни и вскоре был убит. Дантон представлял собой набор из патриотических сотрясений воздуха. Над ситуацией довлел упорный фанатизм Робеспьера.

Трудно однозначно охарактеризовать этого человека; он был слаб физически, от природы застенчив, отличался педантичностью. Но у него было самое необходимое качество внутренней силы — вера. Он верил не в того Бога, в которого верило большинство людей, а в некое Верховное Существо и в Руссо, его

пророка. Он считал, что лучше других знает, как спасти республику, и был уверен, что сделать это сможет только он и никто другой. Поэтому спасение республики стало равносильно сохранению личной власти.

Живой дух республики, казалось, возник из резни роялистов и казни короля. Вспыхнули восстания. Одно на западе, в Вандее, где народ восстал против призыва в армию и против экспроприации имущества ортодоксального духовенства под руководством дворян и священников. Другое — на юге, где против республиканцев поднялись Лион и Марсель, а роялисты Тулона

приняли английский и испанский гарнизоны. Казалось, что на это не было более действенного ответа, чем продолжать убивать роялистов.

Ничто иное не могло так ублажить свирепое сердце парижских трущоб, как эти убийства. Революционный трибунал приступил к работе, и планомерная резня началась.

За тринадцать месяцев, до июня 1794 г., произошло 1220 казней; за последующие семь недель — 1376. Весьма кстати оказалось изобретение гильотины. Королева была гильотинирована; большинство противников Робеспьера — гильотинированы; атеисты,

утверждавшие, что Верховного Существа не существует, тоже были гильотинированы; Дантона гильотинировали потому, что он считал, что происходит слишком много гильотинирования. День за днем, неделя за неделей дьявольская новая машина отсекала все больше и больше голов. Казалось, что власть Робеспьера зиждется на крови; ее требовалось все больше и больше — подобно тому, как курильщику опиума требуется все больше и больше опиума.

Гротескным во всей этой истории было то, что честность Робеспьера не подлежала сомнению. Он был гораздо более честен, чем

кто-либо из его сторонников. Его сжигала всепоглощающая страсть к установлению нового порядка человеческой жизни.

Все его благие замыслы воплощались в жизнь Комитетом общественного спасения — состоящим из двенадцати человек правительством с чрезвычайными полномочиями, которое к тому времени фактически заменило собой Конвент.

Масштаб затеянной этим правительством перестройки был огромен. Делались попытки равномерного распределения собственности. «Быть богатым, — заявил Сен-Жюст, — стыдно».

Собственность богачей облагалась налогом или подлежала конфискации и распределению среди бедных. Каждому человеку было положено достойное жилище, средства для жизни, жена и дети. Каждый работающий должен был получать достойное жалование, но не более того.

Пытались отменить само понятие «прибыль» как основной мотив экономической деятельности человека со времени возникновения общества. В 1793 г. во Франции были приняты суровые законы против «получения прибыли»; в 1919 г. в Англии сочли необходимым принять аналогичные законы.

Якобинское правительство перекраивало — в красноречивых общих чертах — не только экономическую, но и социальную систему. Развод стал делом столь же легким, что и женитьба; было упразднено деление детей на законных и незаконнорожденных... Был введен новый календарь с новыми названиями месяцев, десятидневной неделей и т. п. — это давно отвергнуто и забыто. Однако простая и прозрачная десятичная система, сменившая неуклюжую денежную систему и запутанную систему мер и весов дореволюционной Франции, существует и поныне...

Ближе к лету 1794 г. у Робеспьера стали проявляться определенные признаки душевного расстройства. Он был глубоко озабочен своей религией. (Аресты и казни подозреваемых продолжались так же интенсивно, как и раньше. Каждый день по улицам Парижа грохотал террор, волоча свои телеги с приговоренными к смерти людьми.) Робеспьер заставил Конвент провозгласить, что Франция верит в Верховное Существо и что эта утешительная доктрина обеспечивает бессмертие души.

В июне он отмечал большое празднество — праздник Верховного Существа. Процессия шла до

Марсова поля, и возглавлял ее он, пышно разодетый, с большим букетом цветов и колосьями пшеницы. Были торжественно сожжены чучела из воспламеняющегося материала, представлявшие собой Атеизм и Порок; затем с помощью хитроумного механизма, издававшего легкое поскрипывание, на их месте была водружена несгораемая статуя Мудрости. Потом были речи — Робеспьер произнес главную, — но не было никакого богослужения...

Затем Робеспьер возжелал устраниваться от дел. Целый месяц он не появлялся в Конвенте.

Однажды в июле он появился

там снова и произнес довольно странную речь, которая явно предвещала новые преследования. *«Вглядываясь в те многочисленные пороки, которые смыл поток революции, — выкрикивал он, — я иногда дрожу от мысли о том, как бы меня не замарало соседство нечистых и злых людей... Я знаю, что объединенным тиранам мира легко подавить отдельную личность; но я также знаю, в чем долг человека, готового умереть в защиту человечества...»*

А далее последовали смутные угрозы, которые могли касаться каждого.

Конвент выслушал его речь в

полной тишине. Затем, когда кто-то предложил напечатать и размножить эту речь, он взорвался бурей негодования и отказался дать такое разрешение.

Разозлившийся Робеспьер ушел в клуб к своим сторонникам и зачитал свою речь уже для них.

Та ночь была полна обсуждений, митингов и приготовлений к завтрашнему дню, а поутру Конвент выступил против Робеспьера. Некий Тальен угрожал ему кинжалом. Когда Робеспьер попытался выступить, то его заглушили криками, а председатель Конвента зазвонил в колокольчик, лишая его права голоса. «Председатель убийц! — вскричал

Робеспьер. — Я требую предоставить мне слово!» Но ему отказали. У него пропал голос; он кашлял и шипел. «Его душит кровь Дантона!» — воскликнул кто-то.

Затем ему предъявили обвинение и арестовали вместе с его основными сторонниками.

После этого ратуша, где все еще значительно преобладали якобинцы, выступила против Конвента, и Робеспьера с его сторонниками буквально вырвали из рук тех, кто их захватил. Затем последовала ночь собраний, шествий и контршествий. Наконец, около трех часов утра, отряды Конвента встретились с отрядами Коммуны на площади

перед ратушей.

Анрио, командир якобинцев, после тяжелого дня лежал пьяный наверху; последовали переговоры, а потом, немного поколебавшись, солдаты Коммуны перешли на сторону правительства. Прозвучали патриотические возгласы, кто-то выглянул из окна ратуши. Робеспьер и его неудачливые соратники обнаружили, что их предали и что они — в западне.

Двое или трое из них выбросились из окна и страшно покалечились о находившиеся внизу перила, однако остались живы. Другие пытались покончить с собой. Робеспьера же, вероятнее всего,

ранил выстрелом в челюсть жандарм. Когда его обнаружили, глаза на его бледном лице были неподвижны, а вся нижняя часть лица представляла собой кровавое месиво.

В агонии он прожил еще семнадцать часов. За это время он не проронил ни слова; его челюсть была грубо забинтована грязной тряпкой. Его и его соратников, а также искалеченные тела умирающих, тех, кто выбросился из окна, — всего двадцать два человека — привели и принесли к гильотине вместо тех, кого должны были казнить в этот день. Как утверждает Карлейль, глаза Робеспьера были почти все время

закрыты, но он открыл их в тот момент, когда над ним поднялся огромный нож гильотины, и попытался вырваться. Говорят также, что он закричал, когда палач сорвал его повязки. А потом упал нож, быстрый и милосердный.

Террору пришел конец. Всего было осуждено и казнено около четырех тысяч человек.

12

После падения Робеспьера Республика осталась непоколебимой. Лишенная лидера — ибо его последователи были группой хитрых

и заурядных людей — эта европейская республика продолжала бороться, вскоре потерпела крах, но снова воскресла. Так, умирая и воскресая, она продолжает борьбу, ей часто приходится тяжело, но она — непобедима.

И как раз в этом месте следует подробно рассказать читателю о реальных масштабах этой фазы террора, которая так пугающе действует на воображение и которую поэтому невероятно преувеличили по сравнению с другими фазами революции. С 1789 до конца 1791 г. Французская революция представляла собой упорядоченный процесс, и после лета 1794 г.

Республика была хорошо организованным победоносным государством.

Террор был делом не всей страны, но городской черни, само существование и дикость которой были порождены плохим государственным управлением и социальной несправедливостью прежнего режима. И всплеск террора мог произойти только из-за постоянной предательской нелояльности роялистов, которая, вызвав ярость экстремистов, с одной стороны, лишила многих умеренных республиканцев всякого желания вмешиваться — с другой. А лучшие люди были заняты тем, что воевали с

австрийцами и роялистами на границах Франции.

Нам следует помнить, что общее количество убитых во время террора достигло нескольких тысяч, и среди этих тысяч наверняка было большое число активных противников Республики, которых она, в соответствии со всеми стандартами того времени, должна была уничтожить. Среди них были такие предатели и вредители, как Филипп, герцог Орлеанский из Патс-Руаяля, проголосовавший за казнь Людовика XVI. Британские генералы сгубили больше человеческих жизней в первые дни так называемого наступления у Соммы в июле 1916 г.,

чем погибло за весь период Французской революции от ее начала и до конца.

Пока во Франции царил террор, в Британии и Америке было казнено намного больше людей за различные преступления против собственности, часто преступления вполне тривиальные, чем было приговорено к смертной казни Революционным трибуналом за измену государству. Конечно, это были простые люди, но они, по-своему, тоже жестоко пострадали. В 1789 г. в Массачусетсе была казнена через повешение девушка за то, что силой отобрала шляпку, туфли и пряжки у другой девушки, которую она встретила на

улице.

Филантроп Говард (ок. 1773 г.) обнаружил, что в английских тюрьмах содержалось довольно много совершенно невиновных людей, которых судили и оправдали, но которые были не в состоянии заплатить вознаграждение тюремщику. И тюрьмы эти были заведениями грязными, над ними не было эффективного контроля. В ганноверских владениях Его Британского Величества короля Георга III все еще применялись пытки. Применялись они и во Франции, пока не было создано Национальное собрание. Подобные вещи являются характерными для

той эпохи.

Нет письменных свидетельств, что французские революционеры кого-то намеренно подвергали пыткам во время террора. Несколько сотен французских дворян попали в яму, которую они сами вырыли для других. Это было трагично, но по масштабам всемирной истории это не было большой трагедией. Простой человек во Франции был более свободным, лучше обеспеченным материально и более счастливым во время «террора», чем в 1787 году.

История Республики после лета 1794 г. превращается в запутанную историю политических групп, стремившихся к самым разным

политическим целям — от радикальной республики до роялистской реакции. У них было общее желание выработать какое-то четкое рабочее соглашение, даже ценой значительных уступок. Имела место серия восстаний якобинцев и роялистов — похоже, в Париже тогда существовал целый класс, как сказали бы сегодня, хулиганов, всегда готовых принять участие в стычках и грабежах на чьей угодно стороне. Тем не менее Конвент сформировал правительство — Директорию в составе пяти человек, — которое консолидировало Францию на пять лет. Последнее наиболее серьезное восстание, вспыхнувшее в октябре

1795 г., было решительно и умело подавлено перспективным молодым генералом Наполеоном Бонапартом.

Директория достигла крупных военных успехов за границей, но во внутренних делах не проявила необходимого творческого подхода. Ее члены были слишком озабочены выгодой и престижем кабинета в выработке системы, которая должна была прийти им на смену, и слишком корыстны, чтобы справиться с задачей финансовой и экономической перестройки, которую требовало состояние Франции. Достаточно упомянуть лишь два имени: Карно, который был честным республиканцем, и Баррас,

который был известным
мошенником. Их пятилетнее
правление явилось своеобразной
прелюдией к этой истории больших
перемен. Они воспринимали
происходящее реалистически.
Пропагандистское усердие привело
французские армии в Голландию,
Бельгию, Швейцарию, Южную
Германию и Северную Италию.
Повсеместно изгоняли королей и
учреждали республики.

Но пропагандистское рвение,
которое побуждало Директорию к
действиям, не могло помешать
присвоению богатств освобожденных
народов для облегчения финансового
бремени французского

правительства. Эти войны все меньше становились священными войнами за свободу и все больше уподоблялись агрессивным войнам, которые вел прежний режим. Последней характерной чертой великой монархии, от которой должна была избавиться Франция, была ее внешняя политика. При Директории она оставалась все такой же агрессивно-активной, будто никакой революции и не было.

Спад этого революционного прилива, прилива, который создал

великую Американскую республику и угрожал поглотить все европейские монархии, был уже не за горами. Это выглядело так, будто нечто огромное вырвалось из глубин серой повседневности, сделало гигантское усилие и на некоторое время выдохлось. Это усилие смело много устаревшего и плохого, но много плохого и несправедливого все же осталось. Оно решило много проблем, но стремление к братству и справедливому миропорядку столкнулось с еще более серьезными проблемами, существование которых только обнаружилось.

Ушли в прошлое некоторые привилегии, многие социальные

тирании, в основном было покончено с религиозными преследованиями. Когда эти черты прежнего режима исчезли, показалось, будто они и не имели никогда особого значения. А имело значение то, что, несмотря на завоевание права голоса и расширение этого права, несмотря на страстные протесты и огромные усилия, простые люди все еще не были свободными и не пользовались равным правом быть счастливыми. Те большие надежды и дух нового мира, которые принесла революция, остались нереализованными.

Однако эта волна революции смогла осуществить многое из того,

что было тщательно продумано до ее прихода. И спад революционного прилива начался не из-за отсутствия движущей силы, а из-за отсутствия хорошо продуманных и завершенных идей. Многие явления, угнетавшие человечество, были уничтожены навсегда. Но теперь, когда эти явления стали частью прошлого, обнаружилось, насколько неготовыми были люди к тем созидательным возможностям, которые у них появились в результате устранения этих явлений. Кроме того, периоды революций есть периоды действия; в эти периоды люди собирают урожай идей, выросший во время промежуточной

фазы, и оставляют убранные поля для нового сезона роста — они не могут внезапно дать созревшие новые идеи для решения непредвиденных проблем.

Уход с исторической сцены короля и господина, священника и инквизитора, землевладельца, сборщика податей и надсмотрщика впервые в истории оставил массы людей лицом к лицу с определенными базовыми аспектами социальной структуры и общественных отношений, которые ранее они воспринимали как должное и о необходимости тщательного анализа которых они никогда не догадывались.

Институты, существование которых, казалось, было обусловлено самой природой вещей, явления, вроде бы столь же неотвратимые, как рассвет или приход весны, оказались искусственными, контролируемыми (несмотря на свою ошеломляющую сложность), и теперь — когда старые порядки были упразднены и уничтожены — возникла срочная необходимость этими институтами и явлениями управлять. Новый порядок столкнулся с тремя проблемами, к решению которых он оказался совершенно не готов: частная собственность, деньги и международные отношения.

Давайте подробно рассмотрим

эти три проблемы и зададимся вопросом: что они собой представляют и как они появились в нашей жизни?

Идея собственности возникает из воинственных инстинктов биологических видов. Задолго до того, как люди стали людьми, их предок, человекообразная обезьяна, уже был собственником. Примитивная собственность — это то, за что всегда будет сражаться дикое животное. Собака и ее кость, тигрица и ее логово, ревущий олень и его стадо — вот яркие и простые примеры собственности. Трудно представить себе более бессмысленный термин в

социологии, чем термин «примитивный коммунизм». Древний человек из родового племени раннего палеолита отстаивал свое право собственности на своих жен, дочерей, орудия, на видимый им окружающий мир. Если в видимый им окружающий мир вторглся чужой человек, то он дрался с ним и если мог, — убивал его.

У первобытного дикаря и современного необразованного человека — ибо следует помнить, что современного человека и примитивного дикаря разделяют всего лишь четыреста поколений — нет ограничений на сферу

собственности. Твоим может стать все, что ты можешь добыть в борьбе: женщины, пленники, пойманное животное, лесная поляна, каменоломня и т. д. По мере того как общество увеличивалось и появилось подобие законов, ограничивающих междоусобную борьбу, люди выработали грубые и действенные методы регулирования права собственности.

Человек мог владеть тем, на что он первым предъявил право, что он первым захватил или изготовил. Считалось вполне естественным, что должник, неспособный вернуть долг, становился собственностью кредитора. Таким же естественным

считалось то, что после заявления прав на участок земли человек может взимать плату с любого, кто захочет этим участком воспользоваться. Далеко не сразу, по мере того, как люди стали открывать для себя преимущества организованной жизни, пришло понимание того, что неограниченная собственность на что-либо является источником многих проблем.

Теперь уже трудно проследить социальные конфликты ранних цивилизаций, однако рассказанная нами история Римской республики демонстрирует, как общество медленно приходило к пониманию того, что проблема долгов может

стать источником конфликтных ситуаций в обществе и поэтому существовавшая долговая система должна быть отвергнута, что неограниченная собственность на землю тоже является источником социальных проблем. Мы видим, что в поздней Вавилонии право на владение рабами было жестко ограничено. И наконец, в учении великого революционера. Иисуса из Назарета, содержится прежде не слыханная атака на собственность. Он говорил, что легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому попасть в Царство Небесное.

Непрерывная и упорная критика

крупной собственности велась повсеместно в течение последних двадцати пяти или тридцати веков. Через девятнадцать столетий после Иисуса из Назарета мы видим, как весь христианский мир убедили в том, что человек может вообще обходиться без собственности. В этом отношении в общественном сознании произошел переворот. Кроме того, идея о том, что «человек может делать со своей личной собственностью все, что угодно», явно подверглась значительному пересмотру относительно некоторых типов собственности.

Но мир конца XVIII столетия пребывал лишь на стадии

постановки этого вопроса. Одним из первоначальных побуждений было стремление защитить собственность от жадности и расточительности королей и посягательств высокопоставленных авантюристов. Революция была начата именно в защиту частной собственности. Но ее уравнилельные лозунги привели к критике той самой частной собственности, в защиту которой эта революция началась. Как люди могут быть свободными и равными, если многим из них негде приютиться и нечего есть, а богатые перестанут кормить их и предоставлять им жилище, если те не будут на них трудиться? Понятно, что беднота

протестовала, иногда доходя в своих протестах до крайностей.

Ответом якобинцев на эту проблему было «распределение». Они хотели сделать собственность всеобщей. Пытаясь прийти к той же самой цели иным путем, они, в своем XVIII в., уже были социалистами, или, скорее, коммунистами, — которые хотели «отменить» частную собственность вообще. Вся собственность должна была принадлежать государству.

Только в XIX столетии люди начали понимать, что собственность является не простой однородной величиной, а огромным комплексом, состоящим из различных типов

собственности, отличающихся по своей значимости и общественной важности, что многие вещи (например, человеческое тело, достижения артиста, одежда, зубные щетки) являются, в своей основе, неискоренимо личной собственностью и что существует большое число объектов — например железные дороги, заводское оборудование, здания, парки, прогулочные катера, — из которых каждый требует очень тщательного рассмотрения для определения того, в каких пределах и с какими ограничениями он может быть передан в частную собственность, а также насколько эффективно его

можно использовать в общественном секторе, где им будет управлять государство, сдавая этот объект для пользования в общественных интересах.

Столь же неопределенными, как и представления людей о собственности, были их представления о денежном обороте. В этом отношении как Американская, так и Французская республики столкнулись с серьезными проблемами. Здесь мы тоже имеем дело с очень сложным явлением, представляющим собой запутанный узел обычаев, условностей, законов и ментальных привычек, который порождает

проблемы, не поддающиеся простым решениям, в то время как решение этих проблем является жизненно важным для человеческого общества.

Действенность вознаграждения, которое человек получает за один день своей работы, имеет, несомненно, важнейшее значение для работы социального механизма. В человеческой истории рост доверия к драгоценным металлам и монетам постепенно превратился в почти повсеместную уверенность в надежных деньгах, имеющих везде покупательную способность. Едва установившись, эта уверенность была подвергнута серьезным испытаниям действиями

правительств, девальвировавших деньги и вводивших бумажные облигации вместо настоящих металлических монет. Как только происходили какие-либо серьезные политические и социальные сдвиги, механизм денежного обращения начинал работать напряженно и с перебоями.

Соединенные Штаты и Французская республика с самого своего начала столкнулись с финансовыми затруднениями. Оба правительства занимали деньги и выпускали бумажные облигации для погашения процентов, больших, чем они могли себе позволить. Обе революции привели к

бесконтрольным государственным расходам и займам, с одной стороны, и к фактическому уменьшению налогооблагаемого национального богатства в результате прекращения производства и работ в сельском хозяйстве—с другой. Оба правительства, будучи не в состоянии расплачиваться золотом, прибегли к выпуску бумажных денег, обещая в качестве их обеспечения целинные земли (в Америке) или недавно конфискованные церковные земли (Франция).

В обоих случаях объем выпущенных бумажных денег значительно превышал уровень доверия людей к новым видам их

обеспечения. Золото было изъято из обращения и припрятано различными хитрецами или же уходило за границу для оплаты импорта; и люди были вынуждены пользоваться вместо монет различными купюрами и банкнотами неопределенной и постоянно убывающей ценности.

Несмотря на сложную природу денег, их практическое воздействие и общественные функции, которые они призваны выполнять, можно вкратце объяснить простым и понятным способом. Деньги, которые человек получает за свою работу (умственную или физическую) или от продажи имеющей какую-либо

потребительскую ценность
собственности, должны в конечном
счете обладать способностью
приобретать ему для личного
пользования эквивалентное
количество потребительских
товаров. (Выражение
«потребительские товары» надо
понимать в самом широком смысле,
как включающее в себя даже такие
вещи, как путешествие, лекция,
театральное представление,
предоставление жилья за деньги,
медицинские услуги и т. п.) Когда
каждый член общества уверен в
этом, а также в том, что деньги не
утратят своей покупательной
способности, тогда денежное

обращение — и распределение товаров посредством торговли — находится в здоровом и удовлетворительном состоянии. В такой и только в такой ситуации люди будут работать с воодушевлением.

В современной войне взрыв одного крупного снаряда, даже если он не попадает в цель, уничтожает такое количество труда и материалов, приблизительным эквивалентом которого является уютный домик или стоимость отпуска длиной в год для одного человека. Если же снаряд попадает в цель, то к сокращению количества потребительских товаров следует прибавить еще и разрушение

того объекта, в который попадает снаряд. Каждый снаряд, разрывавшийся во время мировой войны, понемногу уменьшал покупательную способность каждой валюты во всех уголках мира. Если же в период падения производства потребительских товаров происходит еще и рост объема денежной массы, — а это почти всегда необходимо для нужд революционных или находящихся в состоянии войны правительств, — то рост цен и падение ценности денег, выплаченных в виде зарплаты, будут еще более интенсивными.

К тому же правительства, находящиеся в столь стесненных

обстоятельствах, обычно прибегают к денежным займам — иными словами, выпускают ценные бумаги, обеспеченные желанием и способностью всего общества платить налоги.

Конечным следствием полностью деморализованных денег будет прекращение всех работ и всей торговли, которые нельзя перевести на оплату натурой или по бартеру. Люди будут согласны работать только за еду, одежду, жилище и за оплату натурой. Немедленным следствием частичной деморализации денег являются рост цен и возрастание степени риска при торговых операциях; рабочие становятся

подозрительными и раздражительными. В подобных обстоятельствах человек предприимчивый желает избавиться от денег как можно быстрее; за свой товар он требует максимума и снова покупает товар как можно быстрее, чтобы избавиться от этой брэнной субстанции — бумажных денег. Все, кто имеет фиксированный доход и денежные сбережения, терпят убытки в результате роста цен, а те, кто живет на одну зарплату, начинают, с растущим негодованием, замечать, что реальная ценность их зарплаты постоянно снижается.

Большинство финансистов и спекулянтов того времени играли

роль прибрежных грабителей потерпевших крушение судов — никакого явного злого умысла здесь не было, зато была абсолютная уверенность в собственной правоте при полном одобрении сообщников. Целью каждого умного человека было накопить максимальное количество имеющего потребительскую ценность богатства, а потом — и только потом — приступить к какой-то деятельности по обеспечению политической стабильности, которая с выгодой гарантирует ему право собственности на эти накопления. Таковы были характерные черты неблагоприятной экономической

атмосферы: подозрительность,
лихорадочность, жадность и
спекуляции...

В третьей области, относительно
которой у революции не было
сформировавшихся идей, — в
области международных отношений
— суждено было произойти
событиям, которые, во
взаимодействии с финансовыми и
экономическими неурядицам и
смутой и неразберихой,
озабоченностью людей
обескураживающей
неустойчивостью их частной
собственности и денежных
сбережений и доходов, привели к
катастрофическим результатам.

Не успев родиться, республика начала воевать. В течение некоторого времени новобранцы воевали с прежде невиданным патриотизмом и энтузиазмом. Но так не могло продолжаться долго. Директория обнаружила, что руководит страной-агрессором, терпящей невыносимую нужду и лишения дома, но обладающей захваченными в ходе военных действий зарубежными территориями, где было много осязаемого богатства, а также материальных и финансовых ресурсов.

На захваченные территории Франция пришла как освободительница, как учитель

республиканизма для всего человечества. Голландия и Бельгия стали Батавской республикой, Генуя со всей Ривьерой — Лигурийской республикой. Северная Италия — Цезальпинской республикой, Швейцария была переименована в Гельветическую республику, Рим и Неаполь были провозглашены республиками. Сплоченные вокруг Франции, эти республики задумывались как созвездие свободы, идущее в авангарде всего человечества. Такова была идеальная сторона. А в это же самое время французское правительство, а также отдельные французские частные лица во взаимодействии с

правительством занимались
опустошительной эксплуатацией
ресурсов этих освобожденных стран.

Таким образом, через десять лет
после созыва Генеральных штатов
новая Франция начала приобретать
черты Франции старой. Она более
энергична, более деятельна; она
носит простую шапку свободы
вместо короны; у нее новая армия —
но дезорганизованный флот; у нее
появились новые богачи вместо
богачей прежних, новое
крестьянство, работающее даже
тяжелее, чем прежде, и платящее
больше налогов; у нее новая внешняя
политика, поразительно
напоминающая осужденную и

отвергнутую старую... Но золотой
век уже закончился.

Глава тридцать шестая

Карьера Наполеона

Бонапарта

1. Семья Бонапарта на Корсике.

2. Бонапарт — генерал Республики.

3. Наполеон, первый консул, 1799–1804 гг.

4. Наполеон I, император, 1804–1814 гг.

5. Сто дней.

6. Карта Европы в 1815 году.

7. Стиль ампира

И вот мы подошли к одной из самых ярких личностей современной истории, личности авантюриста и завоевателя, жизнь которого с необычайной выразительностью демонстрирует универсальный конфликт между эгоизмом, тщеславием, личными амбициями и более слабыми и неопределенными заботами об общем благе. На фоне смятения, невзгод и надежд, на фоне воюющих и прилагающих огромные усилия Франции и Европы, на фоне этого предвещающего бурю ужасного рассвета появляется этот зловещий маленький архаический персонаж,

жесткий, крепко сбитый, способный, беспринципный, подражательный и опрятно вульгарный.

Наполеон родился в 1769 г. на полуварварском тогда острове Корсика. Его довольно прозаический отец-юрист был сначала корсиканским патриотом, выступавшим против Французской монархии, старавшейся подчинить Корсику, а затем перешел на сторону завоевателя. Его мать происходила из более крепкой Породы людей: она была страстной патриоткой, женщиной сильной и властной. (Она секла розгами своих сыновей; как-то она высекла Наполеона, когда ему было уже шестнадцать.)

У него были многочисленные братья и сестры, и его семья настойчиво преследовала французские власти требованиями вознаграждений и работы. За исключением Наполеона, это была самая обычная «голодная» семья. Умный, страстный и властный Наполеон унаследовал от своей матери романтический корсиканский патриотизм.

Под патронажем французского губернатора Корсики он получил образование сначала в военной школе в Бриенне, а затем в военной школе в Париже, откуда пошел служить в артиллерию в 1785 г. Юноша проявил недюжинные

способности в математике и истории, у него была феноменальная память, он вел обширные записные книжки, которые сохранились до наших дней. Эти записные книжки не свидетельствуют о каком-то исключительном интеллекте, они содержат выписки из оригинальных сочинений — о самоубийстве и на другие, присущие подростковому возрасту, темы.

Наполеон рано попал под магическое влияние Руссо, развил в себе чувствительность и презрение к соблазнам цивилизации. В 1786 г. он написал памфлет против швейцарского пастора, который подверг нападкам Руссо. Он мечтал о

независимой Корсике, свободной от французов. Благодаря революции он стал пламенным республиканцем и сторонником нового французского режима на Корсике. В течение нескольких лет, вплоть до падения Робеспьера, он оставался якобинцем.

Вскоре Наполеон заработал репутацию полезного и способного офицера, а с помощью младшего брата Робеспьера он получил свою первую возможность отличиться в Тулоне. Роялисты сдали Тулон британцам и испанцам, и флот коалиции занял его гавань. Бонапарту поручили командовать артиллерией, и под его руководством французы вынудили союзников

покинуть порт и город.

Он был назначен командующим артиллерией в Италии, однако не успел приступить к своим обязанностям, ибо за смертью Робеспьера могла последовать его собственная: его взяли под арест как якобинца, и некоторое время ему угрожала гильотина. Эта угроза миновала. Он был задействован как командующий артиллерией во время неудавшегося рейда на Корсику, а затем вернулся в Париж (1795 г.), представляя собой довольно жалкое зрелище.

Мадам Жюно в своих «Мемуарах» пишет, что в то время у него было худое лицо и неряшливый

внешний вид. «Его плохо причесанные и плохо ухоженные волосы ниспадали на его серую шинель», перчаток он не носил, а сапоги его были плохо смазаны.

Это было время упадка и реакции после жестокостей якобинской диктатуры. В Париже звезда Свободы меркла перед «Меркурием, Марсом и Венерой» — финансами, униформой и социальным шармом. Лучшие из простых людей были в войсках, далеко за пределами Франции. Мы уже упоминали о последнем восстании роялистов в 1795 г. Наполеону посчастливилось быть в это время в Париже, и с началом

этого восстания у него появилась вторая возможность отличиться. Он спас Республику, которой теперь управляла Директория.

Его способности произвели огромное впечатление на Карно, наиболее честного из членов Директории. Более того, Наполеон женился на хорошенькой молодой вдове — мадам Жозефине де Богарне, которая имела большое влияние на Барраса. Возможно, оба этих фактора помогли ему стать командующим в Италии.

Мы не имеем здесь возможности рассказать о его великолепных кампаниях в Италии (1796—1797), но пару слов о том

настроении, с которым осуществлялось это вторжение в Италию, мы сказать обязаны, потому что оно ярко иллюстрирует двуличие Франции и Наполеона и то, как революционный идеализм постепенно уступал место практическим потребностям.

Бонапарт заявил итальянцам, что французы пришли освободить их от цепей — и это было правдой! Наполеон докладывал Директории: «В этой стране мы соберем 20 000 000 франков в виде контрибуции и конфискаций; это одна из самых богатых стран в мире». Своим солдатам он заявил: «Вы голодны, вы почти раздеты... Я веду

вас в плодороднейшую равнину мира. Там вы найдете большие города, богатые провинции, честь, славу, богатства...»

Все мы имеем такую смешанную природу; однако эти пассажи, написанные молодым человеком двадцати семи лет, свидетельствуют о том, что налет возвышенного идеализма стерся у него в необычайно раннем возрасте.

Его успех в Италии был впечатляющим и полным. Он хотел пойти на Италию, потому что это была крайне привлекательная задача; он поставил под угрозу свое положение в армии, отказавшись взять на себя скучные обязанности

по руководству операцией против повстанцев в Вандее.

Наполеон был большим поклонником «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, а также римской истории, и его крайне активное воображение было занято мечтами о возрождении восточных завоеваний Римской империи. Он убрал со своего пути Венецианскую республику, разделив ее между Францией и Австрией, оставив за Францией Ионические острова и венецианский флот. Это мирное соглашение, Кампоформийский мир, оказалось неудачной сделкой для обеих сторон.

Молодая республика Франция

содействовала уничтожению
республики древней — Наполеон
настоял на своей точке зрения
вопреки сильным протестам во
Франции — и Австрия получила
Венецию, где в 1918 г. ей суждено
было истечь кровью. Существовали
также секретные статьи договора,
согласно которым как Франция, так
и Австрия должны были спустя
некоторое время завладеть
южногерманскими территориями.
Но ум Наполеона был занят не
только натиском Рима в восточном
направлении. Это была страна
Цезаря — и Цезарь оказался плохим
примером для удачливого генерала
не очень стабильной республики.

Цезарь вернулся в Рим из Галлии героем и завоевателем. Его подражатель должен был вернуться из Египта и Индии — Египет и Индия должны были стать его Галлией. Предвестники провала были налицо. Путь в Египет и Индию лежал через море, а британцы, несмотря на два недавних матросских бунта, были сильнее на море, чем французы. Более того, Египет был частью Турецкой империи, в те дни далеко не последней державы. Тем не менее Наполеон убедил Директорию, ослепленную его итальянскими подвигами, дать ему разрешение на поход. Армада отправилась из Тулона

в мае 1798 г., захватила Мальту, удачно избежала встречи с британским флотом и прибыла в Александрию. Он быстро выгрузил на берег свои войска и в результате битвы у подножия пирамид стал хозяином Египта.

Основные силы британского флота находились в то время в Атлантике у порта Кадис, однако адмирал отобрал соединение из своих лучших кораблей под командованием вице-адмирала Нельсона — такого же военного гения на море, как и Наполеон на суше — для того, чтобы найти французскую флотилию и вступить с ней в бой. В течение некоторого

времени попытки Нельсона найти французский флот были тщетными; наконец вечером 1 августа он обнаружил его на якорной стоянке в Абукирском заливе. Он застал французов врасплох; многие были на берегу, а на флагманском корабле происходило совещание. У него не было морских карт, поэтому входить на мелководье в сумерках было небезопасно.

Французский адмирал посчитал, что противник не начнет атаку раньше, чем утром, и поэтому не спешил с возвращением своих людей на корабли, пока не стало слишком поздно. Нельсон тем не менее нанес удар сразу — вопреки советам

некоторых своих капитанов. Только один корабль сел на мель и, таким образом, обозначил мелкое место для остального флота. Нельсон начал атаку в два ряда кораблей на закате, и французы оказались между двух огней. Сражение началось, когда уже стемнело; бой грохотал и гремел в ночной темноте, которая вскоре осветилась пламенем пылающих французских кораблей, а затем — взрывом французского флагманского корабля «Орион»... До полуночи сражение на Ниле закончилось, флот Наполеона был уничтожен, а сам Наполеон отрезан от Франции.

Эта египетская экспедиция была, пожалуй, самой безрассудной

военной операцией, которую знала история. Наполеон был вынужден остаться в Египте в тот момент, когда турки уже начали концентрировать против него свои силы, а в его армии началась эпидемия чумы. Несмотря на это, он продолжал воплощать свои восточные планы. Он одержал победу под Яффой и, не имея достаточного количества провианта, приказал убить всех пленных. Затем он попытался овладеть Акрой, где против него была использована его же осадная артиллерия, захваченная на море британцами. Потерпев неудачу, он возвратился в Египет, где одержал блестящую победу над турецкими войсками при Абукире, а

затем бросил свою армию — она продержалась до 1801 г., когда сдалась англичанам — и тайком пробрался во Францию (1799 г.), едва избежав пленения британским крейсером у берегов Сицилии.

Этого провала было достаточно, чтобы дискредитировать любого генерала, — если бы об этом провале было что-либо известно. Но те же самые британские военные корабли, которые чуть было не взяли в плен Наполеона, помогли ему тем, что лишали французский народ возможности узнать правду о ситуации в Египте. Он мог цветисто разглагольствовать о битве при Абукире и скрыть неудачу при Акре.

Именно тогда дела у Франции шли не очень хорошо. В различных регионах она потерпела несколько военных поражений; значительная часть Италии — Италии, завоеванной Бонапартом, — была утрачена, и это заставило людей вспомнить о нем как о единственном и естественном спасителе в данной ситуации.

Кроме того, процветало казнокрадство, и кое-что в этом отношении стало достоянием общественности — Франция переживала очередной финансовый скандал. Наполеон казнокрадом не был, а общество пребывало в том состоянии моральной усталости,

когда возникает потребность в сильной и честной личности, гениальном кудеснике-целителе, который сделает все для всех. Люди убедили себя, что этот производящий благоприятное впечатление молодой человек с жестким выражением лица, который чудесным образом так вовремя вернулся из Египта, и есть та необходимая им сильная и честная личность — новый Вашингтон.

Думая скорее о Юлии Цезаре, чем о Вашингтоне, Наполеон откликнулся на потребность своего времени. Был разработан и осуществлен тщательно спланированный заговор с целью замены Директории тремя консулами

— могло показаться, что римская история была в то время повальным увлечением, — из которых главным должен был стать Наполеон.

История реализации этого заговора является слишком сложной, чтобы уделить ей место в нашей книге: имел место разгон нижней палаты (Совета пятисот) в стиле Кромвеля, и именно в этом деле Наполеон утратил присутствие духа. Депутаты кричали на него, и он явно был напуган. Он чуть не упал в обморок, запинаясь и вообще не мог говорить, но положение спас его брат Люсьен, который впустил солдат и разогнан Совет. Этот небольшой сбой не повлиял на окончательный

успех плана. В Люксембургском дворце обосновались три консула со специальными полномочиями для пересмотра конституции.

Вновь обретя самонадеянность и будучи уверенным в поддержке народа, Наполеон круто обошелся со своими коллегами по консульству. Была разработана конституция, в соответствии с которой главное исполнительное должностное лицо следовало называть первым консулом. Первый консул имел огромные полномочия. Понятно, что им должен был стать Наполеон — так было записано прямо в конституции. По истечении десяти лет первый консул подлежал

переизбранию или замене. Ему должен был помогать Государственный совет, который он же и назначал. Государственный совет должен был инициировать законы и направлять свои предложения в два органа — Законодательный корпус (который мог голосовать, но не обсуждать) и Трибунат (который мог обсуждать, но не голосовать).

Эти два органа комплектовались сенатом, который назначали консулы, путем отбора кандидатов из особой общественной прослойки, «выдающихся людей Франции», которых избирали «выдающиеся люди департаментов», которые, в

свою очередь, избирались «выдающимися людьми коммун», которых избирали обычные избиратели. Право голоса при избрании «выдающихся людей коммуны» было всеобщим. Это был единственный «пережиток» демократии в этой ошеломляющей пирамиде.

Новая конституция в основном была совместным творением почтенного философа Сийеса, который был одним из трех консулов, и Бонапарта. А Франция настолько устала от бед и забот, настолько уверены были люди в достоинствах и способностях этого посланного, казалось, самой судьбой человека,

что когда в начале XIX в. эта конституция была представлена на общенациональное голосование, то она прошла 3 011 007 голосами «за» при 1562 голосах «против». Франция всецело вверила себя Бонапарту и приготовилась быть спокойной, счастливой и победоносной.

Это, вне всякого сомнения, была историческая возможность, ранее никому не выпадавшая. Это было положение, в котором человек мог склониться в страхе перед собой и всецело отдаться служению Богу и людям. Старый порядок вещей умер или умирал; незнакомые новые силы витали над миром в поисках формы и направления; перспектива

всемирной республики и мира во всем мире будоражила многие беспокойные умы. В руках Наполеона была Франция — инструмент, которым он мог пользоваться на свое усмотрение, словно изящным мечом, стремящимся к миру, но всегда готовым к войне. В этой великой возможности было все, кроме благородного воображения. Не обладая этой чертой, Наполеон не мог придумать ничего лучшего, чем взобраться на вершину этой великой возможности, словно молодой петух на навозную кучу.

Его карьера в качестве первого консула была, возможно, наименее

бесславным периодом его деятельности. Он лично занялся военными делами, которые при Директории шли из вон рук плохо, и завершил сложную военную кампанию в Северной Италии победой при Маренго (1800 г.). Это была победа, которая в определенный момент чуть не обернулась катастрофой. В декабре того же года генерал Моро, посреди снега, грязи и вообще отвратительной погоды, нанес сокрушительное поражение австрийской армии при Гогенлиндене. Если бы эту победу одержал Наполеон, то она считалась бы одним из самых характерных и

ярких его подвигов. Она сделала возможным столь необходимый для Франции мир.

В 1801 г. были подписаны предварительные условия мирного соглашения с Англией и Австрией. Мирное соглашение с Англией, Амьенский договор, было заключено в 1802 г., и у Наполеона появилась возможность посвятить себя созидательной государственной деятельности, которая была столь необходима Франции и, следовательно, Европе. В результате войны территория страны значительно увеличилась, мирное соглашение с Англией восстановило колониальную империю Франции и

обеспечило ей такое надежное положение, о котором Людовик XIV и мечтать не смел. Теперь Наполеон мог спокойно создавать и укреплять новый социальный строй, творить современное государство, призванное стать светочем и источником вдохновения для Европы и всего мира.

Но он и не собирался делать ничего подобного. Его ограниченное, чисто подражательное воображение было заполнено мечтами о том, чтобы стать новым Цезарем. Он втайне стремился стать настоящим императором, с короной на голове и всеми соперниками, однокашниками и друзьями — у его ног. Титул

императора не мог прибавить ему полномочий сверх тех, которыми он уже пользовался, но этот титул мог обеспечить нечто большее — восхищение его матери.

Можно ли было ожидать иной реакции от человека, подобного Наполеону, на представившуюся ему восхитительную творческую перспективу? Но сначала Франция должна была стать процветающей. Для голодной Франции император был бы явно неуместным бременем. Наполеон приступил к осуществлению старого плана дорожного строительства, одобренного еще Людовиком XV; он создавал систему каналов в

подражание каналам английским; он реорганизовал полицию и обеспечил безопасность внутри страны и, подготавливая сцену для своей личной драмы, вознамерился придать Парижу облик Рима — с классическими арками и колоннами. Он воспользовался ранее существовавшими великолепными планами развития банковского дела. Во всех этих начинаниях он шел в ногу со своим временем; они все равно были бы реализованы — с меньшим деспотизмом, с меньшей централизацией, — даже если бы его никогда не было. Кроме того, Наполеон решил ослабить республиканцев, фундаментальные

принципы которых он собирался упразднить. Он призвал эмигрантов вернуться в страну, при условии, что они представят убедительные гарантии уважения к новому режиму. Многие из них хотели вернуться на таких условиях и забыть о Бурбонах.

Кроме того, Наполеон заключил важный примирительный договор, конкордат с Римско-католической церковью. Она должна была поддерживать его, а он должен был восстановить власть Рима в церковных приходах. Он считал, что без религии Франция никогда не станет послушной и управляемой, никогда не потерпит новой монархии.

«Разве может быть порядок в стране, — говорил он, — без религии? Общество не может существовать без имущественного неравенства, которое, в свою очередь, не может существовать без религии. Когда один человек умирает от голода рядом с другим человеком, который страдает от обжорства, то примириться с этим можно только тогда, когда есть власть, которая заявляет: "На то есть воля Божия: в этом мире должны быть богатые и бедные, но в мире ином и в жизни вечной неравенство будет проявляться по-иному"».

Наполеон считал, что религия — и особенно ее поздняя римско-

католическая разновидность — является великолепным инструментом для того, чтобы держать в повиновении простых людей. В свои ранние якобинские дни он отвергал ее по этой же самой причине.

Еще одним большим достижением, характеризующим диапазон его воображения и его понимание человеческой сущности, было учреждение ордена Почетного Легиона — прекрасно просчитанной программы награждения французов кусочками ленты с целью отвлечения амбициозных людей от подрывной деятельности.

И ко всему прочему, Наполеон

заинтересовался пропагандой христианства. Вот его точка зрения на использование Христа в политических целях:

«Я желаю восстановить институт зарубежных миссий; ибо зарубежные миссионеры могут очень пригодиться мне в Азии, Африке и Америке, потому что я велю им заниматься разведывательной деятельностью во всех посещаемых ими странах. Неприкосновенность их одеяния не только послужит им защитой, но и поможет скрыть их деятельность по добыванию политической и коммерческой информации. Глава миссионерского учреждения будет теперь пребывать

не в Риме, а в Париже».

Это были идеи скорее жуликоватого торговца, чем государственного деятеля. Его отношение к образованию демонстрировало такое же непонимание возникающих перед ним новых реалий. Он почти полностью игнорировал начальное образование, оставив его на попечение местных властей; его планы предусматривали, что учителя будут оплачиваться за счет гонораров ученых; он явно не желал, чтобы простые люди получали образование, ибо не имел ни малейшего представления о том, зачем оно им нужно; зато он был заинтересован в

учреждении технических училищ и высших учебных заведений, потому что государство нуждалось в услугах умных, талантливых и хорошо образованных людей.

Это был полный отход от важного образовательного плана, составленного для Республики маркизом Кондорсе в 1792 г., который предусматривал всеохватывающую систему бесплатного образования для всей страны. Медленно, но неуклонно проект Кондорсе воплощается в жизнь; великие страны во всем мире вынуждены заниматься его реализацией во все более полном объеме, и поэтому нас не интересуют

ухищрения Наполеона в этой области. Что же касается образования матерей и жен рода человеческого, то вот образчик наполеоновской мудрости:

«Я думаю, что мы не должны обременять себя какими-либо планами относительно образования молодых женщин; нет лучшего воспитания, чем то, которое дадут им их матери. Общественное образование им не нужно, потому что им никогда не придется заниматься общественной деятельностью. Хорошие манеры — это все, что им нужно, а замужество — это все, к чему они стремятся».

Столь же сурово обошелся

первый консул с женщинами и в «Кодексе Наполеона». Жена, например, не имела права распоряжаться принадлежащей ей собственностью; она всецело зависела от своего мужа. Этот гражданский кодекс был, в основном, творением Государственного совета.

В кодексе было собрано воедино, исправлено и разъяснено обширное беспорядочное нагромождение законов, старых и новых. Как и все, что создал Наполеон, его кодекс обеспечивал немедленную практическую отдачу, он трактовал явления и связи между ними таким образом, чтобы люди сразу же приступали к работе над

ними без всяких дальнейших обсуждений. Однако немедленная практическая отдача замедлялась тем, что кодекс часто давал неверную трактовку вещам и связям между ними. Этот кодекс обладал интеллектуальной энергией, но в нем отсутствовала интеллектуальная глубина. Существующее положение вещей он трактовал как должное.

Повсюду вокруг Наполеона происходил процесс возрождения базовых идей цивилизованного общества и принципов человеческого сотрудничества, но он так этого и не понял. Он примирился с этим периодом перемен и попытался сохранить его навсегда. Долгое время

Франция была опутана этой смирительной рубашкой образца начала XIX в., которую навязал ей Наполеон.

Он жестко регламентировал статус женщин, статус трудящихся, статус крестьян — сложно было выбраться из созданной им сети жестких формулировок.

Так Наполеон — своим безжалостным, трезвым и ограниченным умом — решил быстро и эффективно взять под контроль Францию. И этот процесс установления и ужесточения контроля был лишь частью более обширных планов, занимавших его.

В 1802 г. Наполеон добился,

чтобы его провозгласили пожизненным первым консулом с правом назначения наследника, а его явное стремление аннексировать Голландию и Италию, несмотря на содержащиеся в мирном договоре обязательства не делать этого, привело к тому, что Амьенский мир с самого начала трясло, как в лихорадке. Поскольку его планы неизбежно спровоцировали бы войну с Англией, ему следовало подождать, чего бы это ни стоило, пока он не сделает свой флот более сильным, чем английский.

В распоряжении Наполеона были обширные ресурсы для кораблестроения, британское же

правительство было слабым, и для того, чтобы изменить соотношение сил на море, достаточно было трех или четырех лет. Но несмотря на свой суровый опыт кампании в Египте, он так и не осознал важности военно-морского флота. В 1803 г. оккупация Наполеоном Швейцарии ускорила кризис, и снова разразилась война с Англией. В Англии главой правительства вместо слабого Эддингтона стал сильный Питт (1759–1806). Завершающая часть истории Наполеона связана с этой войной.

В период Консульства первый консул весьма активно содействовал увеличению состояния своих братьев

и сестер. Это было вполне почеловечески, в корсиканских клановых традициях, и это помогает нам лучше понять, как он относился к своей должности и тем возможностям, которые перед ним открылись. Существенным фактором в появлении Наполеона как исторической фигуры было желание удивить, ошеломить и подчинить себе воображение членов семьи Бонапарта и их соседей. Он продвигал по службе своих братьев самым смехотворным образом — ибо были они людьми весьма посредственными. Но был один хорошо знавший его человек, который не был ни удивлен, ни

ошеломлен. Этим человеком была его мать. Он посылал ей деньги на расходы, чтобы она приводила в изумление соседей; он упрашивал ее жить на широкую ногу, как и подобало матери столь удивительного сына, которого боялся весь мир.

Но и в тридцать два года он не смог ни изумить, ни обмануть добропорядочную госпожу, которая высекла Посланника Судьбы, когда ему было шестнадцать, за то, что он строил гримасы своей бабушке. На него могла молиться вся Франция, но его мать не питала никаких иллюзий. Она откладывала деньги, которые он ей присылал; она, как и раньше,

продолжала вести домашнее хозяйство. «Когда все это закончится, — говорила она, — ты будешь рад, что я скопила немного денег».

Мы не будем подробно рассказывать о том, какие действия предпринял Наполеон, чтобы стать императором. Его коронация представляла собой самое необычное возрождение этой традиции, которое только можно себе представить. Цезарь больше не был примером для подражания — ведь Наполеон стал теперь Карлом Великим. Его короновали на императорство совсем не в Риме, а в Париже, в соборе Нотр-Дам; для проведения

церемонии из Рима специально привезли Папу Пия VII; а в кульминационный момент Наполеон I схватил корону, отстранил Папу и сам себя короновал. Наставление Карла Великого сыну Людовику наконец дало плоды. В 1806 г. Наполеон возродил еще одну славную античную традицию и, все еще следуя примеру Карла Великого, увенчал себя железной короной в Ломбардии в Миланском соборе.

Теперь четыре дочерние республики Франции должны были стать королевствами: в 1806 г. он назначил брата Луи в Голландию, а брата Жозефа — в Неаполь. Но история зависимых королевств,

которые он создал в Европе, слишком сложна и неоднозначна для нашего «Очерка», несмотря на то, что такое свободное обращение с границами государств в конечном счете способствовало объединению Италии и Германии.

Пакт между новым Карлом Великим и новым Львом продержался совсем недолго. В 1807 г. Наполеон начал запугивать Папу Римского и в 1811 г. фактически сделал его пленником в Фонтенбло. В этом явно не было необходимости. Эти действия Наполеона лишь восстановили против него Католическую церковь и ее прихожан, а его коронация

восстановила против него либеральное общественное мнение. Он уже не был представителем как старого, так и нового. Новое он предал; старое не смог завоевать. Он представлял теперь лишь самого себя.

Явно не было особой необходимости и в такой внешней политике, которая ввергла Европу в новый период войн. Слишком рано поссорившись с Великобританией, он собрал в Булони (1804 г.) большую армию для завоевания Англии, несмотря на неблагоприятную военно-морскую ситуацию. Он даже учредил медаль и соорудил в Булони колонну в ознаменование триумфа

своего запланированного вторжения. В чисто «наполеоновской» манере планировалось хитростью отвлечь британский флот, переправить сконцентрированную в Булони армию через пролив на плотах и лодках и захватить Лондон до того, как британский флот успеет вернуться. В то же самое время его агрессивные действия в Южной Германии неуклонно подталкивали Австрию и Россию к антинаполеоновской коалиции с Британией. В 1805 г. британские адмиралы Колдер и Нельсон нанесли два смертельных удара по надеждам на победу, которые питал Наполеон. В июле Колдер нанес тяжелое

поражение французскому флоту в Бискайском заливе; в октябре Нельсон уничтожил объединенный флот Франции и Испании в Трафальгарской битве. В этом победном сражении Нельсон героически погиб на корабле «Виктория». В результате Наполеону пришлось иметь дело с безжалостным противодействием Британии, недостижимой и несокрушимой, способной наносить ему удары по всему побережью Европы.

В течение нескольких лет всю правду о смертельной ране Трафальгара прятали от французской общественности. Говорилось только,

что «после того, как мы опрометчиво
ввязались в сражение, мы потеряли в
результате шторма несколько
линейных кораблей». После победы
адмирала Колдера Наполеон быстро
убрал свою армию из Булони,
перебросил ее через Европу и
сокрушил австрийцев под Ульмом и
Аустерлицем.

В этих неблагоприятных
обстоятельствах Пруссия вступила в
войну с Наполеоном и потерпела
полное и окончательное поражение в
Йена-Ауэрштедском сражении
(1806 г.). Австрия и Пруссия были
сокрушены, но Россия все еще
оставалась участником военных
действий, и следующий год был

посвящен этому упорному и труднодостижимому противнику.

Мы не можем во всех подробностях проследить трудности Польской кампании против России; Наполеону пришлось туго в сражении при Пултуске, которое он объявил блестящей победой, и снова — под Эйлау. Затем русские потерпели поражение под Фридландом (1807 г.). До этих пор Наполеон никогда не ступал на землю России, русские были все еще такими же непобедимыми, как и британцы. И тут неожиданно Наполеону крупно повезло. Сочетая хвастовство, хитрость и лесть, ему удалось уговорить молодого и

амбициозного царя Александра I — тому было всего тридцать лет — заключить альянс. Два императора встретились в Тильзите на плоту посредине реки Неман и пришли к взаимопониманию.

Во время воспитания при дворе Екатерины II Александр сильно проникся либеральными идеями и был всецело за свободу, образование и новый порядок в мире, — но только под его владычеством. «Он бы с радостью всех освободил, — сказал один из его первых соратников, — при условии, что все будут совершенно свободно делать именно то, что он пожелает». Он заявил также, что отменил бы крепостное

право даже ценой своей головы, — но только при условии большей цивилизованности. По его словам, он объявил войну Франции потому, что Наполеон был тираном, и для того, чтобы освободить французский народ. После Фридланда он увидел Наполеона в ином свете. Эти двое встретились через одиннадцать дней после поражения русских — Александр, несомненно, пребывал в состоянии разговорчивой экзальтации, характерной для людей его склада, когда они внутренне готовы к переменам.

Для Наполеона эта встреча наверняка была исключительно лестной и приятной. Это была его

первая встреча с другим императором на принципах равенства. Фантазия обоих высоко вспарила над плотом в Тильзите. «Что есть Европа?» — спросил Александр. — «Мы есть Европа». В этом же духе они обсуждали ситуацию в Австрии и Пруссии, они мысленно разделили между собой Турцию, они заговорили о завоевании Индии и вообще — большей части Азии, а также о том, что Россия отберет у Швеции Финляндию. Они игнорировали тот неприятный факт, что большую часть поверхности Земли составляют моря, а на море британский флот не имел себе равных. Рядом была Польша,

готовая восстать и превратиться в страстного союзника Франции, если бы только Наполеон этого захотел. Однако он был безразличен к Польше. Это был день перспектив, которые не имели перспективы. Но Наполеон все же скрыл свое дерзкое желание жениться однажды на русской княжне, настоящей принцессе. Это, как он убедился в 1810 г., было желание преждевременное.

После Тильзита произошло заметное ухудшение личных качеств Наполеона: он стал склонен к непродуманным действиям, ему все больше стало не хватать терпения в преодолении преград, все чаще и

чаще он вел себя, как ниспосланный судьбой властелин мира, все чаще проявлял нетерпимость ко всем, кто попадался на его пути.

В 1808 г. он совершил очень крупную ошибку. Испания была его преданным союзником, полностью под его контролем, но он счел нужным низложить испанского короля из династии Бурбонов, чтобы заменить его своим братом Жозефом, правившим в Сицилии. Португалию он к тому времени уже завоевал и планировал объединить два королевства — Испанию и Португалию — в одно. В результате испанцы восстали в порыве патриотического негодования,

окружили французскую армию под Байленом и вынудили ее капитулировать. Это был ошеломляющий сбой в непрерывной череде французских побед.

Британцы незамедлительно воспользовались возможностью, которую предоставило им это восстание. Английская армия под командованием сэра Артура Уэллесли (впоследствии герцога Веллингтона) высадилась в Португалии, разгромила французов под Вимиеро и вынудила их к отступлению из Испании. Известия об этих военных провалах вызвали сильное возбуждение в Германии и Австрии, а русский царь занял более

неуступчивую позицию по отношению к своему союзнику.

В Эрфурте состоялась новая встреча этих двух властелинов, на которой царь гораздо меньше, чем ранее, поддавался обворожительным уловкам Наполеона. Прошло четыре года шаткого французского «господства», когда границы на карте Европы трепетали, словно белье на ветру. Личная империя Наполеона увеличилась за счет открытой аннексии Голландии, большей части Западной Германии, Италии и восточного побережья Адриатики. Но теперь, одна за другой, французские колонии переходили в руки британцев, а британские армии

на испанском полуострове вместе со своими испанскими союзниками медленно теснили французов на север. Наполеон уже начал надоедать всей Европе; его противниками были теперь не только монархи и министры, но и целые народы.

Пруссак, после катастрофы под Йеной в 1806 г., принялись наводить порядок в собственной стране. Под руководством барона фон Штейна они устранили свой феодализм, отменили привилегии и крепостное право, создали систему народного образования и способствовали значительному росту патриотизма, фактически достигнув, причем без внутреннего противостояния, всего

того, чего добились Франция в 1789 г. К 1810 г. уже существовала новая Пруссия — ядро новой Германии. И теперь Александр, явно вдохновленный мечтами о мировом господстве, снова предстал как поборник свободы.

В 1810 г. возникли новые трения, вызванные противодействием Александра брачным амбициям Наполеона. Ибо Бонапарт решил развестись со своей старой подругой Жозефиной по причине ее бездетности, дабы обеспечить «преемственность» своей «династии». Наполеон, чьи планы расстроила отвергшая его русская княжна, а фактически — Александр,

обратил свой взгляд на Австрию и женился на эрцгерцогине Марии Луизе. Австрийские государственные деятели раскусили Наполеона. С величайшей готовностью предоставили они ему свою принцессу. Пойдя на этот брак, Наполеон стал пленником династической системы. Он мог стать творцом нового мира, но предпочел стать зятем мира старого.

В последующие два года дела шли все хуже и хуже. Он уже не был лидером революции и неотъемлемой ее частью. Он больше не являлся воплощением нового мира — он был просто еще одним деспотом, причем более грубого пошиба. Он оттолкнул

от себя всех свободомыслящих людей, он настроил против себя Церковь. Когда встал вопрос о его свержении, то короли и якобинцы выступили, как одно целое.

Британия была его непримиримым врагом; Испания клокотала от гнева, вполне понятного ему, как корсиканцу: достаточно было лишь разрыва с Александром, чтобы эта основанная на блефе и фальшивых декорациях империя зашаталась и рухнула. И этот разрыв произошел. Александр всегда питал к Наполеону крайне противоречивые чувства: он завидовал ему как сопернику, но презирал как выскочку. Более того, в

Александр было нечто вроде
смутного и сентиментального
величия. Проникшись религиозным
мистицизмом, он вынашивал
концепцию исторической роли
России и своей собственной роли:
сокрушить Наполеона и тем самым
принести мир Европе и всему миру.
Однако установление мира в Европе
представлялось ему вполне
совместимым с аннексией
Финляндии, большей части Польши
и значительной части Османской
империи. И особенно ему хотелось
возобновить торговлю с Британией,
против которой его настроил
Наполеон. Ибо наполеоновская
«континентальная блокада»,

призванная удушить Британию путем недопущения британских товаров ни в одну из стран Европы, привела к полной дезорганизации торговли в Германии и озлоблению купеческого класса.

Разрыв отношений произошел в 1811 г., когда Александр вышел из континентальной блокады. В 1812 г. огромная масса армий общей численностью до 600 000 человек под верховным командованием нового императора двинулась на Россию. Французы составляли лишь около половины этой группировки; остальную часть ее составляли союзники и представители покоренных народов. Это была

армия-конгломерат, наподобие армий Дария или царя Кавада.

Война в Испании все еще продолжалась — Наполеон и не пытался ее прекратить. В общей сложности на ней было задействовано четверть миллиона людей из Франции. Он пробился через Польшу и Россию к Москве до наступления зимы — русские армии, в основном, избегали сражений, — и еще до того, как зима сомкнула вокруг него свое кольцо, его положение стало откровенно опасным. Он захватил Москву, надеясь, что это заставит Александра заключить мир. Александр заключать мир не захотел, и Наполеон оказался

в том же положении, что и Дарий на землях скифов 2300 лет тому назад.

Русские, так и не потерпев поражения в решающем сражении, делали набеги на его коммуникации, изматывали его армию — в этом им помогали болезни; еще до захвата Москвы потери Наполеона составили 150 000 человек. Однако у него не было мудрости Дария, и он не захотел отступать, В течение длительного времени зима была достаточно теплой — у него был шанс спастись бегством. Вместо этого он оставался в Москве и строил фантастические планы. Во всех его прежних азартных играх с судьбой ему чудесным образом везло: он

безнаказанно сбежал из Египта, британские победы на море спасли его от сокрушительного поражения в Британии. Теперь он снова попал в опасный переплет, но на этот раз ему не суждено было выйти сухим из воды. Может, он и перезимовал бы в Москве, но русские выкурили его оттуда: они подожгли город, и пожары почти полностью уничтожили его.

Лишь в конце октября, когда было уже слишком поздно, он решил повернуть назад. Он сделал неудачную попытку прорваться и выйти на новый юго-западный путь отступления, однако ему и остаткам его «великой армии» пришлось

возвращаться теми же местами, которые он опустошил во время своего наступления. От дружественных территорий их отделяли огромные расстояния. Зима не торопилась с приходом. Целую неделю «великая армия» с трудом пробиралась через грязь; затем ударили сильные морозы, появились первые снежинки, а потом — снег, снег, снег...

Постепенно разлагалась дисциплина. Голодная армия рассредоточилась в поисках провианта, а затем вовсе распалась на шайки мародеров. Крестьяне, стремясь защитить себя, восстали против них, устраивали на них

засады и убивали; огромная масса легкой кавалерии преследовала их, подобно скифам. Это отступление было одной из величайших трагедий в истории.

Наконец Наполеон со своим штабом и кучкой охранников и помощников снова появился в Германии, но уже без армии, а лишь в сопровождении беспорядочных и деморализованных толп. «Великая армия», отступлением которой командовал Мюрат, организованно дошла до Кенигсберга, но ее численность составляла теперь тысячу человек, а не шестьсот тысяч. Из Кенигсберга Мюрат отступил в Познань. Прусский контингент

сдался русским; австрийцы ушли
домой на юг. И повсюду
рассеявшиеся беглецы —
оборванные, истощенные и
обмороженные — распространяли
весть о катастрофе.

Магия Наполеона почти
улетучилась. С крайней
поспешностью он возвратился в
Париж. На обломках своей мировой
империи он объявил призыв
новобранцев и начал формировать
свежие армии. Против него
выступила Австрия (1813 г.); вся
Европа горела желанием восстать
против этого фальшивого поборника
свободы, который оказался
обыкновенным узурпатором. Он

предал новый порядок, а порядок старый, который он спас и возродил, теперь уничтожил его. Восстала Пруссия, а в Германии началась национально-освободительная война.

К его врагам присоединились шведы, а позже взбунтовалась Голландия. Мюрат сплотил около 14 000 французов вокруг своего дисциплинированного ядра, и это войско продолжило отступать через Германию. Это выглядело так, как будто человек вошел в клетку со львами, которых накормили усыпляющим снадобьем, и обнаружил, что действие этого снадобья уже прекращается.

Наполеон, собрав новые силы, принял на себя обязанности главнокомандующего и выиграл весной крупное сражение под Дрезденом. Затем на некоторое время он, казалось, сломался интеллектуально и морально. Безудержная раздражительность сменялась состоянием пассивности. Он не сделал ничего или почти ничего для того, чтобы развить успех под Дрезденом.

В сентябре в окрестностях Лейпцига состоялась «Битва народов», после которой саксонцы, до этого оказывавшие ему поддержку, перешли на сторону союзников. Конец года стал свидетелем того, как

французов загнали обратно во Францию. В 1814 г. кампания вошла в завершающий этап. Франция подверглась вторжению с востока и с юга. Шведы, немцы, австрийцы и русские пересекли Рейн; британцы и испанцы перешли через Пиренеи. И снова Наполеон сражался блестяще, но уже безрезультатно. Армии, двигавшиеся с востока, не столько победили, сколько протолкнулись мимо него, и в марте Париж пал. Немногим позже в Фонтенбло император отрекся от престола.

В Провансе, когда его увозили из страны, его жизни угрожала толпа роялистов.

Это был естественный и

неизбежный конец карьеры Наполеона. Наконец он был побежден. И если бы в организации дел человеческих и правда была хоть какая-то мудрость и закономерность, то нам пришлось бы рассказывать о концентрации человеческих знаний и воли для решения задачи, реализацию которой прервала его карьера — задачи создания всемирной системы справедливости и свободы предпринимательства вместо обанкротившегося старого порядка.

Но ни о чем подобном нам рассказывать не придется. Знания и мудрость явно отсутствовали на большом совете стран коалиции. А

присутствовал там расплывчатый гуманизм и мечтательное тщеславие царя Александра, потрясенные Габсбурги из Австрии, обозленные Гогенцоллерны из Пруссии, аристократические традиции Британии, все еще дрожавшей от страха перед революцией, на чьей совести был рабский труд детей на фабриках и украденное у простых людей право голоса.

Народы на этом Конгрессе представлены не были, там были одни лишь монархи и министры иностранных дел. Едва Конгресс успел собраться, как дипломаты принялись заключать тайные сделки и соглашения за спинами друг друга.

После пышного церемониального визита правителей-союзников в Лондон ничто не могло сравниться с Венским конгрессом по помпезности и великолепию.

Социальный аспект Конгресса был очень сильным: повсюду было много хорошеньких дам, звезд на униформах хватило бы на целую галактику, проводились бесконечные ужины и балы, остроумные речи и блестящий юмор лились широким потоком. Самой яркой фигурой на этом собрании был некий Талейран, один из соратников Наполеона, человек весьма талантливый. До революции он был духовным лицом, а после революции предложил

насильственную конфискацию
имений Церкви; теперь он
способствовал возвращению
Бурбонов.

Союзники растрачивали
бесценное время в препирательствах,
вызванных их все увеличивавшейся
жадностью; во Францию
возвратились Бурбоны. С ними
пришли и все остальные эмигранты,
исполненные желания мстить и
восстанавливать прежний строй. На
смену одному большому эгоисту, уже
свергнутому, пришла толпа эгоистов
более мелких. Новый король был
братом Людовика XVI; он взял титул
Людовика XVIII, как только узнал,
что его маленький племянник

(Людовик XVII) умер в Тампле. Он был неуклюж и склонен к подагре; может, он и не был злым человеком, но он был символом прежней системы; с его приходом над всеми появившимися во Франции нововведениями нависла угроза ликвидации. Это было не освобождение, а лишь новая форма тирании — тирании угрюмой и скучной вместо тирании деятельной и блестящей.

Неужели у Франции не было иного будущего? Особую нетерпимость Бурбоны проявляли к ветеранам наполеоновской армии, а Франция тогда была полна возвратившимися военнопленными,

над которыми теперь нависла опасность. Наполеон был изолирован в своей собственной утешительной империи на острове Эльба. Его все еще надлежало величать императором, за ним был сохранен определенный статус. На таком отношении к своему поверженному противнику настоял царь Александр — то ли из благородства, то ли из прихоти. Габсбурги отобрали у Наполеона императрицу — она охотно вернулась в Вену — и он никогда ее больше не видел.

Проведя на Эльбе двенадцать месяцев, Наполеон решил, что Франция уже устала от Бурбонов; он

умудрился избежать встречи с британскими судами, патрулировавшими его остров, и снова появился во Франции в Канне, чтобы в последний раз сыграть в азартную игру с судьбой. Его продвижение к Парижу представляло собой триумфальное шествие; ему бросали под ноги белые кокарды Бурбонов. И на сто дней, те самые «Сто дней», он снова стал властелином Франции.

Его возвращение создало неловкую ситуацию для каждого честного француза. С одной стороны был этот предавший республику авантюрист, с другой — угрюмая туша восстановленной власти

прежней династии. Союзники и слышать не хотели о каких-либо дальнейших экспериментах с республикой; вопрос стоял так: либо Бурбоны, либо Наполеон. Стоит ли удивляться тому, что Франция, в массе, поддержала Наполеона? К тому же он возвратился с обещаниями стать другим человеком: больше не будет деспотизма, он будет уважать конституционный порядок.

Он собрал армию, сделал несколько попыток заключить мир с союзниками; убедившись в безрезультатности этих попыток, он тут же нанес удар по британцам, голландцам и пруссакам в Бельгии, надеясь нанести им поражение до

того, как на помощь им придут австрийцы и русские. И ему это почти удалось. Он разбил пруссаков под Линьи, но не до конца; а затем потерпел сокрушительное поражение под Ватерлоо (1815) от упорных британцев под командованием Веллингтона, когда пруссаки под командованием Блюхера ударили по его правому флангу на исходе дня. Битва при Ватерлоо окончилась разгромом; она лишила Наполеона какой-либо поддержки и какой-либо надежды. Франция снова отвернулась от него. Все, кто ранее присоединились к нему, теперь старались во всю, подвергая его нападкам, скорее исправить свою

ошибку. Временное правительство в Париже приказало ему покинуть страну и дало ему на то двадцать четыре часа.

Он попытался сбежать в Америку, однако порт Рошфор, куда он успел добраться, находился под наблюдением британской эскадры. Франция, уже лишившаяся иллюзий и так опасно для него ставшая роялистской, преследовала его с особым рвением. Он поднялся на борт британского фрегата «Беллерофон», требуя принять себя, как беженца, однако с ним обошлись как с пленником. Его увезли в Плимут, а из Плимута прямо на одинокий тропический остров

Святой Елены.

Там он и оставался до самой своей смерти от рака в 1821 г. Он занимался, в основном, подготовкой своих мемуаров, направленных на то, чтобы представить в выгодном свете основные события своей жизни, а два приставленных к нему человека записывали его высказывания и то впечатление, которое он на них производил.

Эти работы пользовались во Франции и в Европе большой популярностью. Священный союз монархов России, Австрии и Пруссии (к которому призывали присоединиться и других монархов) действовал под обманчивым

впечатлением, что, сокрушив Наполеона, союзники сокрушили и революцию, повернули вспять колесо истории и навсегда восстановили великую монархию.

Утверждают, что основополагающий документ Священного союза был составлен под влиянием баронессы фон Крюденер, которая была чем-то вроде духовного наставника русского императора. Этот документ начинался словами: «Во имя святейшей и неделимой Троицы» — и обязывал монархов-участников договора, «которые для своих подданных и своих армий есть словно отцы для семейств» и «считают друг друга

соотечественниками», поддерживать друг друга, защищать истинную веру и понуждать своих подданных укрепляться на основе христианских добродетелей. Христос, говорилось в документе, есть истинный король всех христианских народов — король, как можно заметить, очень похожий на меровингского короля, при котором настоящими властелинами были его дворцовые управители.

Британский король не имел полномочий подписывать этот документ. Римского Папу и султана не пригласили; остальные же европейские монархи, включая короля Франции, присоединились.

Но король Польши не подписал этот документ, потому что в Польше не было короля: Александр, явно в порыве отвлеченного благочестия, аннексировал большую часть Польши. В 1818 г. к Священному союзу присоединилась Франция; в 1822 г. из него вышла Англия.

В Европе начался период спокойствия и застоя. Многие люди в те безнадежные дни были склонны даже Наполеона рассматривать с благосклонностью и соглашаться с его претензией на то, что он, утверждая себя, неким непостижимым образом способствовал утверждению революции во Франции. Его культ,

как культ чего-то мистического и героического, заметно вырос после его смерти.

На протяжении почти сорока лет идея Священного союза, а также ряд последующих конгрессов и конференций способствовали сохранению шаткого мира в истощенной войной Европе. Два основных фактора помешали тому, чтобы этот мир стал полным и всеобщим, и подготовили почву для периода войн 1854—1871 гг. Первым было стремление королевских дворов воссоздать несправедливую систему привилегий и подавление свободомыслия в печати и образовании. Вторым была

порожденная дипломатами в Вене запутанная система границ между государствами.

Стремление монархии возвратиться к прежним условиям наиболее ярко и быстро проявилось в Испании. Здесь была восстановлена даже инквизиция. На противоположном берегу Атлантики испанские колонии последовали примеру Соединенных Штатов и взбунтовались против европейской системы великих держав, когда Наполеон посадил своего брата Жозефа на испанский трон в 1810 г.

Вашингтоном Южной Америки стал генерал Боливар (1783–1830). Испания была не в состоянии

подавить этот бунт, он тянулся столько же, сколько продолжалась Война за независимость Соединенных Штатов, и наконец Австрия выступила с предложением, в соответствии с духом Священного союза, чтобы европейские монархи помогли Испании в ее борьбе.

Против этого в Европе выступила Британия, но быстрые и решительные действия президента Соединенных Штатов Монро предотвратили этот проект монархической реставрации. Он заявил, что любое распространение европейской системы в Западном полушарии будет рассматриваться как враждебный акт. Так возникла

доктрина Монро, которая держала систему великих держав за пределами Америки в течение почти ста лет и дала возможность новым государствам Латинской Америки самим определять свои исторические судьбы. Но если испанская монархия и потеряла свои колонии, то в Европе она могла, по крайней мере при поддержке Священного союза, творить то, что ей заблагорассудится. В 1823 г. народное восстание в Испании было жестоко подавлено французской армией, которая получила мандат Европейского конгресса, и одновременно Австрия подавила революцию в Неаполе.

В 1824 г. Людовик XVIII умер, и его преемником стал тот самый граф д'Артуа, который, как мы знаем, пребывал возле границ Франции в 1789 г. в качестве эмигранта; он стал королем Карлом X. Карл вознамерился уничтожить свободу прессы и университетов, а также восстановить абсолютистское правление; в качестве компенсации дворянам за сожженные дворцы и конфискации 1789 г. была выделена сумма в миллиард франков. В 1830 г. Париж восстал против этого воплощения прежнего режима и заменил его на Луи Филиппа, сына того самого Филиппа, герцога Орлеанского, который был казнен во

время террора. Другие
континентальные монархии, перед
лицом одобрения этой революции
Великобританией и сильного
либерального движения в Австрии и
Германии, не посмели вмешаться в
эти события. В конце концов
Франция осталась монархией. Луи
Филипп (1830–1848) оставался
конституционным королем Франции
в течение восемнадцати лет. Он был
свергнут в 1848 г., году, очень богатом
на события в Европе, о которых мы
расскажем в следующей главе.

Таким вот сложным и
противоречивым был европейский
мир после Венского конгресса.

Конгресс уничтожил

Голландскую республику и соединил
воедино протестантов-голландцев с
франкоязычными католиками
прежних испанских (австрийских)
Нидерландов и основал
Нидерландское королевство.
Немецкоязычным австрийцам он
передал не только старинную
республику Венецию, но и всю
Северную Италию до самого Милана.
Австрийская империя, и без того
представлявшая собой
взрывоопасную смесь из таких
непохожих друг на друга народов, как
немцы, венгры, чехи, словаки,
югославы, румыны, а теперь и
итальянцы, стала еще более
взрывоопасной, чем в 1772 и 1795

годах. Франкоязычную Савойю он объединил с остатками Италии, восстановив тем самым королевство Сардинию. Католический и республикански настроенный польский народ в основном перешел под власть менее цивилизованного православного царя, а некоторые важные районы Польши отошли к протестантской Пруссии.

Конгресс также подтвердил власть царя над совершенно чуждыми финнами. Очень несхожие норвежцы и шведы были объединены под властью одного короля. Германия была оставлена в особенно опасном состоянии неразберихи. Пруссия и Австрия лишь частично входили в

Германский союз, включавший в себя множество мелких государств. Король Дании присоединился к Германскому союзу в силу своих немецкоязычных владений в Гольштейне. В этот же союз вошел и Люксембург, хотя его правитель был также королем Нидерландов, а многие из его подданных говорили по-французски.

В 1830 г. франкоязычная Бельгия, взбудораженная тогдашней революцией во Франции, взбунтовалась против своего насильственного объединения с голландцами в королевстве Нидерланды. Великие державы, напуганные возможностью

возникновения республики или французской аннексии, поспешили разрядить ситуацию и дали Бельгии монарха, Леопольда I из Саксен-Кобург-Готской династии. Кроме того, в 1830 т. в Италии и Германии вспыхнули восстания, закончившиеся поражением, а восстание в российской части Польши обрело серьезный размах. Целый год продержалось республиканское правительство в Варшаве в своей борьбе против Николая I, который стал преемником Александра в 1825 г. Однако в итоге это восстание было подавлено с невиданной жестокостью. Польский язык был запрещен, а вместо Римско-

католической церкви было введено православие в качестве государственной религии...

Взрывообразный выход наружу реальной карты мира, произошедший в 1821 г., получил в конечном счете поддержку Англии, Франции и России. Этим взрывом было восстание греков против турок. Шесть лет они вели отчаянную борьбу, в то время как Европа занимала позицию наблюдателя. Против такой бездеятельности протестовало либеральное общественное мнение; к повстанцам присоединялись добровольцы из всех европейских стран, и наконец Британия, Франция и Россия

предприняли совместные действия. Французы и англичане уничтожили турецкий флот в Наваринском сражении, а царь вторгся в Турцию. По Адрианопольскому мирному договору (1829) Греция получила свободу, однако ей не позволили возродить свои древние республиканские традиции. Для Греции нашли немецкого короля, некоего принца Отгона из Баварии, — его божественное право было поставлено под сомнение, и он был изгнан в 1862 г. В придунайские провинции (ныне Румыния) и Сербию (часть Югославского региона) были назначены христианские губернаторы. Это

явилось частичным признанием реальной политической карты, но еще немало крови пролилось, прежде чем турок окончательно изгнали из этих стран. Немногим позже естественная политическая карта утвердилась в Италии и Германии.

Попытка Наполеона возродить Римскую империю очень наглядно отразилась в архитектуре, одежде, мебели и живописи того периода. Во всех этих сферах делались попытки возродить формы и дух имперского Рима. Казалось, что женские прически и женская одежда попали на улицы прямо из музеев; колоннады и триумфальные арки словно пришли, грузно раскачиваясь,

из прошлого и заняли самые видные места в крупных городах. Париж обрел свою Триумфальную арку, а Лондон — в подражание — свою Мраморную арку. Здания в стиле барокко и рококо, как продолжение стиля Возрождения в строительстве, уступили место более строгим фасадам. Выдающимся скульптором того периода был итальянец Какова (1757–1822). Художник Давид (1748–1825) воспевал обнаженные тела в героических ситуациях, а художник Энгр (1780–1867) увековечил принцесс Бонапарта в виде римских матрон и богинь. Статуи в общественных местах Лондона являются изображениями тогдашних

крупных государственных деятелей и монархов в виде римских сенаторов и императоров. Когда в Соединенных Штатах отбирали эскиз для государственной печати, то выбрали, конечно же, орла, а в когтистые лапы ему вручили молнию Юпитера.

Глава тридцать седьмая

Реальность и фантазии

XIX века

1. Механическая революция.

2. Связь механической революции с революцией индустриальной.

3. Брожение идей, 1848 г.

4. Развитие идеи социализма.

5. Издержки социализма как проекта организации

человеческого общества.

6. Как дарвинизм повлиял на религиозные и политические воззрения.

7. Идея национализма.

8. Всемирная выставка 1851 г.

9. Карьера Наполеона III.

10. Линкольн и Гражданская война в Америке.

11. Русско-турецкая война и Берлинский конгресс.

12. Вторая схватка за колониальную империю.

13. Индийский прецедент в Азии.

14. История Японии.

15. Завершение периода заморской экспансии.

16. Британская империя в 1914 г.

17. Живопись, скульптура и архитектура в XIX в.

18. Музыка в XIX в.

19. Роман становится доминирующей формой в литературе

Карьера и личность Наполеона I явно занимают непропорционально большое место в исторической литературе XIX в. Его фигура имела незначительное влияние на широкое поступательное движение человечества; он представлял собой историческую паузу и явился напоминанием о скрытых пороках, как бактерия некоего инфекционного заболевания. Даже если рассматривать его как разновидность такого заболевания, то и здесь он был посредственностью: он убил намного меньше людей, чем эпидемия гриппа в 1918 г., и вызвал

гораздо меньшие политические и социальные потрясения, чем чума во времена Юстиниана.

Такой исторической паузе суждено было произойти, как и суждено было появиться столь пестрой карте Европы после Венского конгресса, потому что не существовало продуманной системы идей, на основании которых можно было создавать новый мир.

Но даже европейский Священный союз нес в себе элемент прогресса. Он отверг наконец индивидуализм макиавеллиевских монархий и провозгласил создание гражданского или по крайней мере европейского сообщества. Поделив

мир между королями, он все-таки сделал жест уважения в сторону единения человечества и служения Богу и человеку.

Насущной задачей человечества, которую оно должно решить, прежде чем приступить к созданию новой и долговременной социальной и политической доктрины, задачей, над которой все еще бьется, с многочисленными перерывами и посреди многих зол и беспорядков, ум человеческий, — была и есть задача разработки и применения науки собственности как базиса для свободы и социальной справедливости; науки денежного обращения для обеспечения и

сохранения эффективной
экономической среды; науки
государственного управления и
коллективных действий, с помощью
которой в каждом сообществе люди
смогут научиться гармонически
отстаивать свои общие интересы;
науки мировой политики,
посредством которой можно будет
положить конец расточительным и
жестоким войнам между расами,
народами и государствами и
поставить под общий контроль
общие интересы человечества;
всемирной системы образования для
стимулирования воли и
заинтересованности людей в их
деятельности на общее благо.

Настоящими творцами истории в XIX в., людьми, чьи достижения будут определять человеческие жизни на столетие вперед, были те, кто внес свой вклад в решение этой пятиединой творческой задачи. По сравнению с такими людьми министры иностранных дел, «государственные деятели» и политики представляются не более чем кучкой хулиганистых, а иногда и склонных к умышленным поджогам и воровству школьников, которые играют, время от времени проказничая, посреди скопления материалов на большой стройке, цели которой они не понимают.

И пока в течение всего XIX в.

раскрепощенные Возрождением умы Западной цивилизации бились над решением все еще нерешенной задачи созидательной социальной и политической перестройки, по миру прокатилась волна коренных изменений в возможностях человека и в материальных условиях его жизни, изменений, появившихся благодаря научным достижениям раскрепощенного разума.

Предсказания Роджера Бэкона стали частью реальности. Знания и опыт, накопленные благодаря непрерывной деятельности людей, которые двигали вперед науку, наконец начали приносить понятные простым людям результаты.

Наиболее очевидным из практических научных результатов стал паровой двигатель. Первые паровые двигатели XVIII в. представляли собой насосы, использовавшиеся для откачки воды из недавно открывшихся угольных шахт. Эти угольные шахты обеспечивали коксом металлургическую промышленность, в которой прежде использовался древесный уголь.

А Джеймс Уатт (1736–1819), изготовитель математических приборов из Глазго, усовершенствовал паровой двигатель-насос и приспособил его в качестве привода для различных

механизмов. Первый такой двигатель был установлен на хлопкопрядильной фабрике в Ноттингеме в 1785 г.

В 1804 г. Тревитик приспособил двигатель Уатта к потребностям транспорта и создал первый локомотив. В 1825 г. была открыта для движения первая в мире железная дорога между Стоктоном и Дарлингтоном. К середине XIX в. сеть железных дорог покрыла всю Европу.

Произошло резкое изменение в том, что длительное время оставалось неизменным в жизни человека — в максимальной скорости наземного транспорта.

После катастрофы в России Наполеон добрался до Парижа из-под Вильно за 312 часов. Это была поездка протяженностью в 1400 миль. Во время этого путешествия ему оказывали всевозможное содействие, и он в среднем передвигался со скоростью пять миль в час. Это была та же самая максимальная скорость передвижения, с которой добирались от Рима до Галлии в I в. н. э. или от Сард до Суз в IV в. до н. э.

И тут произошла невероятная перемена. Железные дороги уменьшили продолжительность поездки для обычного пассажира до менее чем двух суток. Иными

словами, они сократили расстояния между основными европейскими городами примерно в десять раз. Они дали возможность одной и той же администрации охватывать своей деятельностью территории вдесятеро большие, чем ранее. В Америке преимущества железной дороги сказались незамедлительно. В Соединенных Штатах, которые протянулись от океана до океана, это означало возможность постоянного доступа к Вашингтону из любой, даже самой отдаленной точки континента. Это означало единство, поддерживаемое на таком уровне, который в отсутствие железных дорог был бы невозможен.

Если какое-то изобретение на ранних стадиях и обогнало паровоз, то это был пароход. В 1802 г. по каналу, соединяющему реку Клайд (Великобритания) с Северным морем, ходил пароход «Шарлотта Дандес»; а в 1807 г. американец по имени Фултон пустил по реке Гудзон севернее Нью-Йорка коммерческий пароход «Клермонт» с силовыми установками британского производства. Первый появившийся на море пароход также был американским. Он назывался «Феникс» и курсировал между Нью-Йорком (Хобокеном) и Филадельфией.

Американским был и первый

пароход (он был также оснащен парусами), который пересек Атлантику. Назывался он «Саванна» (1819). Все они были колесными судами, а колесные суда не приспособлены к плаванию в штормовую погоду. Лопастные колеса довольно быстро ломаются, и корабль лишается возможности двигаться. Винтовой пароход появился не сразу. Много трудностей предстояло преодолеть, прежде чем стало возможным практическое применение винта. Только в середине века водоизмещение морских пароходов сравнялось с водоизмещением парусников. После этого развитие морского транспорта

пошло быстрыми темпами. Впервые у людей появилась возможность пересекать моря и океаны с определенной долей уверенности относительно даты прибытия. Трансатлантический переход, бывший ранее сомнительным предприятием, длившимся несколько недель, а то и месяцев, значительно сократился по времени и в 1910 г. был доведен быстроходными судами до менее чем пяти дней, причем с почти точным часом прибытия. На всех морях и океанах время пребывания в пути сократилось, а надежность коммуникаций возросла.

Одновременно с развитием пародвижимого транспорта на суше и

на море еще одним, и очень впечатляющим, прибавлением к возможностям общения между людьми стали исследования различных электрических явлений, осуществлявшиеся учеными Вольтом, Гальвани и Фарадеем.

В 1835 г. появился электрический телеграф. В 1851 г. между Францией и Англией был проложен первый подводный кабель. За несколько лет телеграфная система распространилась по всему цивилизованному миру, и новости, ранее медленно ехавшие от населенного пункта к населенному пункту, стали распространяться практически мгновенно по всей

Земле.

Эти новые реалии — первая железная дорога и электрический телеграф — были для человеческого воображения середины XIX в. наиболее впечатляющими и революционными из открытий, однако они представляли собой лишь наиболее очевидные, еще не совершенные, первые плоды куда более обширного процесса. Технические знания и технологии развивались необычайно быстро и в необычайно широких масштабах по сравнению с любой другой эпохой.

Поначалу намного менее заметным в повседневной жизни, но в конечном счете — гораздо более

важным было распространение власти человека на различные структурные материалы. До середины XVIII в. железо выплавлялось из руды с помощью древесного угля, обрабатывалось мелкими партиями, а затем с помощьюковки ему придавалась нужная форма. Оно являлось рабочим материалом для искусного умельца. Качество обработки в огромной степени зависело от опыта и ловкости отдельного железных дел мастера.

В таких условиях наибольший вес обрабатываемого железа достигал (в XVI в.) самое большее двух или трех тонн. (Существовал

совершенно определенный верхний предел — вес пушки.) Доменная печь появилась в XVIII в. и была усовершенствована с началом использования кокса.

Только в XVIII в. появилось прокатное листовое железо (1728) и прокаточные брусья и болванки (1783). Паровой молот Несмита появился лишь в 1839 г.

Из-за своей металлургической отсталости древний мир не мог использовать пар. Паровой двигатель, даже примитивный двигатель-насос, было невозможно создать прежде, чем появилось листовое железо. Современному человеку эти первые двигатели

кажутся жалкими и несовершенными изделиями из скобяной лавки, но они представляли собой тот максимум прогресса, которого смогла достичь тогдашняя металлургическая наука.

Только в 1856 г. появилась бессемеровская технология, а незадолго после этого — мартеновская технология, с помощью которых сталь и любой сорт железа можно было плавить, очищать и лить прежде неслыханным образом и в невиданных масштабах. В наши дни в электрической плавильной печи можно видеть тонны расплавленной стали, бурлящей, словно молоко в кастрюле.

Железные дороги и

всевозможные паровые двигатели были лишь первыми успехами новых металлургических методов. Вскоре в гигантских масштабах появились суда из железа и стали, огромные мосты и новые методы строительства с применением стали. Постепенно люди поняли, что проектировали железные дороги с явно недостаточной шириной колеи и что можно, расширив ее, обеспечить большую устойчивость и комфорт при поездках.

Огромный корабль или здание со стальным каркасом не есть, как им представляется, всего лишь увеличенными вариантами небольшого корабля или какого-то

древнего строения; они отличаются своим внешним видом, более экономно и надежно сработаны, в них используются более легкие и прочные материалы, они были созданы не по прецеденту и не на глаз — их появление явилось результатом хитроумных и сложных расчетов.

Мы привели эти конкретные практические примеры прогресса человечества в сталелитейной металлургии в качестве иллюстрации. Такую же историю можно рассказать о металлургии меди и олова, а также многих других металлов (из них упомянем лишь два — никель и алюминий), о

существовании которых стало известно лишь в XIX веке.

Именно в обеспечении и расширении контроля над веществами, над различными видами стекла, камнями, отделочными материалами и т. п., над цветом и структурой заключается огромный успех механической революции. Многие из первоначальных способов применения этих даров науки были вульгарными, нелепыми, глупыми или ужасными. Художники и оформители лишь только приступили к работе с бесконечным множеством появившихся в их распоряжении веществ.

Параллельно с расширением

механических возможностей
возникла и выросла новая наука —
наука об электричестве. Только в
восемидесятых годах XIX в. эта
отрасль начала приносить
результаты, столь впечатляющие для
невежественного ума. Внезапно
появился электрический свет и
электрическая тяга; а превращение
сил и возможность направлять
энергию (которую, по усмотрению,
можно преобразовывать в
механическое движение, свет или
тепло) по медному проводу, словно
воду по трубе, стали понятны и
доступны обычным людям.

В этом великом
распространении знаний ведущую

роль играли сначала британцы и французы; однако немцы, при Наполеоне приученные к покорности, проявили в научных исследованиях такое рвение и упорство, что вскоре догнали этих лидеров. Английская наука создавалась в основном англичанами и шотландцами за пределами традиционных центров образования.

Мы уже рассказывали, как в Англии после Реформации университеты перестали пользоваться популярностью у широкой общественности и превратились в образовательные заповедники для крупной знати и мелкопоместного дворянства,

оплоты официальной Церкви. В них преобладала напыщенная и бездумная классическая претенциозность, и они оказывали господствующее влияние на школы для среднего и верхнего слоев общества.

Единственным допустимым знанием было некритическое текстуальное знание подборки латинских и греческих авторов, а показателем хорошего стиля была насыщенность цитатами, ссылками и стереотипными выражениями. Поэтому первоначально развитие британской науки происходило вопреки формальной образовательной структуре и в

условиях откровенной враждебности со стороны преподавательского состава и духовенства.

Над французским образованием тоже довлела классическая традиция иезуитов; следовательно, немцам было проще организовать группу исследователей, весьма небольшую по сравнению с масштабом стоящих задач, однако превосходящую небольшие коллективы британских и французских исследователей и экспериментаторов. И хотя эта экспериментально-исследовательская деятельность делала Британию и Францию наиболее богатыми и могущественными странами в мире,

она не делала богатыми и могущественными тех, кто этой деятельностью занимался. В искреннем человеке науки всегда есть нечто не от мира сего; он слишком занят своими исследованиями, чтобы еще и планировать, как на этом заработать деньги.

Поэтому вполне естественно, что экономическая эксплуатация его открытий легко становится добычей людей корыстных. Мы видим, что каждая новая фаза научно-технического прогресса создавала в Великобритании свое поколение богатых людей, которые хоть и не проявляли такого же страстного

желания, как схоласты и клерикалы, преследовать и убить курицу, несущую национальные золотые яйца, но вполне спокойно относились к тому, что это приносящее прибыль существо живет впроголодь.

В этом отношении немцы были несколько умнее. «Образованные» немцы не проявляли такой горячей ненависти к новому знанию. Они разрешали ему развиваться. Опять же, немецкий деловой человек и промышленник не испытывал такого презрения к человеку науки, как его британский конкурент. Немцы рассматривали знание как культурное растение, которое дает

тем больший урожай, чем лучше его удобрить. Поэтому они предоставляли людям науки определенную свободу действий; их общественные расходы на научные исследования были относительно большими, и эти расходы окупались многократно.

Ко второй половине XIX в. немецкий язык, благодаря деятельности немецких ученых, стал обязательным для каждого, кто занимался наукой и стремился идти в ногу с последними достижениями в своей области. В некоторых отраслях, особенно в химии, Германия далеко опередила своих западных соседей. В Германии научные достижения

шестидесятых и семидесятых начали сказываться в восьмидесятых годах XIX в., и немцы обеспечили себе более быстрый технический и промышленный рост, чем Британия и Франция.

Сама же механическая революция началась с того, что истощились запасы леса для чугунолитейных заводов Англии. Это привело к использованию угля, использование добываемого в шахтах угля привело к появлению простого насосного двигателя, усовершенствование Уаттом насосного двигателя и приспособление его для привода машин привело к появлению

локомотива и парохода.

Это был первый этап значительной промышленной экспансии — через использование пара. Второй этап механической революции начался с использования науки об электричестве для решения практических проблем, а также развития электрического освещения, электрической силовой передачи и тяги.

Третий этап начался в восьмидесятых годах, когда был создан новый тип двигателя, в котором вместо силы расширения пара стали использовать силу расширения воспламеняющейся смеси. Полученные таким образом

легкие двигатели с высоким коэффициентом полезного действия стали применяться в автомобилях, а затем были доведены до такой степени легкости и эффективности, что обеспечили практическую реализацию полета, о теоретической возможности которого давно было известно.

В этой сфере важнейшее значение имела деятельность братьев Райт в Америке. Еще в 1897 г. профессор Лэнгли, из Смитсоновского института в Вашингтоне, создал летающую машину — однако не настолько мощную, чтобы поднять в воздух человека. Его следующее

изобретение — полномерный
аэроплан — не прошел первых
испытаний, однако после
многочисленных доработок был
успешно поднят в воздух пилотом
Кертисом через несколько лет. К
1909 г. самолет стал пригоден для
того, чтобы на нем передвигались
люди.

С доведением до совершенства
железнодорожного и автомобильного
транспорта наступила некоторая
пауза в сокращении времени поездок,
однако самолет предоставил новые
возможности для сокращения
времени, необходимого для
перемещения из одной точки земной
поверхности в другую. В XVIII в.

расстояние между Лондоном и Эдинбургом преодолевалось за восемь дней пути; в 1918 г. британская Комиссия по гражданскому воздушному транспорту объявила, что поездка из Лондона в Мельбурн, составляющая половину путешествия вокруг Земли, будет занимать через несколько лет те же самые восемь дней.

Эти достижения представляют собой лишь один аспект процесса углубления и расширения человеческих возможностей. Например, земледельческая наука и сельскохозяйственная химия добились в XIX в. столь же важных успехов. Люди научились так

удобрять почву, что стало возможным
убирать с одной и той же площади
урожай вчетверо и впятеро больший,
чем в XVIII в. Еще более
впечатляющих успехов добилась
медицинская наука: средняя
продолжительность жизни
увеличилась, возросла ежедневная
работоспособность, снизилась
смертность, вызванная общим
неудовлетворительным состоянием
здоровья.

Все эти достижения обеспечили
столь разительную перемену в жизни
человечества, что можно говорить о
наступлении нового периода в
истории. Механическая революция
была осуществлена всего за столетие

с небольшим. За это время человек добился больше успехов в улучшении материальных условий своего существования, чем за весь долгий период между эпохой палеолита и эпохой земледелия или между правлением фараона Пепи в Египте и правлением Георга III.

Возник новый гигантский материальный каркас человеческих отношений. Понятно, что он требует значительной реорганизации наших социальных, экономических и политических методов. Но эта реорганизация стала возможна лишь благодаря достижениям механической революции, и процесс реорганизации находится в своей

начальной стадии.

Во многих исторических работах проявляется тенденция смешивать два понятия: то, что мы охарактеризовали, как механическую революцию, которая была явлением совершенно новым для человеческого опыта и явилась следствием прогресса в научной сфере, новым шагом вперед, аналогичным изобретению земледелия или открытию металлов, и то, что имеет совершенно иное происхождение, что уже имело исторический прецедент — промышленную революцию.

Эти два процесса происходили одновременно, постоянно оказывая

друг на друга влияние, но по происхождению и сути своей они были разными явлениями. Даже если бы не было угля, пара и различных механизмов, нечто вроде промышленной революции все равно произошло бы; однако в этом случае это явление в гораздо большей степени напоминало бы социальные и финансовые процессы в последние годы Римской республики. Снова повторилась бы история с лишенными земли свободными крестьянами, артельным трудом, крупными имениями, крупными финансовыми состояниями и разрушительными для общества финансовыми процессами.

Даже фабричный способ производства возник до появления электричества и машин. Фабрики были продуктом не механизации, а «разделения труда». Выполнявшие заученные движения и жестоко эксплуатируемые рабочие занимались изготовлением таких вещей, как дамские шляпы, картонные коробки и мебель, раскрашивали географические карты, книжные иллюстрации и тому подобное еще до того, как для промышленных процессов стали применять водяное колесо.

Фабрики существовали в Риме уже во времена Августа. Например, на фабриках, принадлежавших

продавцам книг, новые книги диктовались сидевшим рядами копировальщикам. Внимательный читатель произведений Дефо и политических памфлетов Филдинга обратит внимание на то, что в Британии идея сгонять в кучу неимущих людей и организовывать предприятия, где они коллективно зарабатывали бы себе на жизнь, находилась в стадии реализации уже в конце XVII в. Еще в «Утопии» (1516) Томаса Мора содержатся откровения по этому поводу. Так что промышленная революция была явлением социальным, а не механическим.

Механическая революция, как

процесс научных изобретений и открытий, была новым фактором человеческого опыта и продолжалась независимо от своих возможных социальных, политических, экономических и промышленных последствий. Промышленная революция, с другой стороны, как и большинство аспектов человеческой деятельности, претерпевала и претерпевает все более глубокие изменения, вызванные постоянными переменами в условиях человеческого существования, являющихся результатом механической революции. И основное отличие между накоплением богатств, разорением

мелких фермеров и мелких бизнесменов, а также эпохой крупных капиталов в последние столетия Римской республики и весьма похожей концентрацией капитала в XVIII и XIX вв. заключается в глубоких различиях в характере труда, обусловленных механической революцией.

В эпоху ранних цивилизаций значительная часть человечества была занята выполнением нудной, чисто механической работы. На раннем этапе своего внедрения механизмы с силовым приводом не обещали, казалось, никакого избавления от отупляющего физического труда. Крупные партии

людей использовались при прокладке каналов, строительстве железнодорожных насыпей, плотин и т. п. В огромных масштабах возросла численность шахтеров. Но количество оборудования и выпуск товаров увеличились в еще более крупных масштабах. И по мере того как продолжалось XIX столетие, все прочнее утверждалась простая логика новой ситуации.

Человеческие существа как источник простой и недифференцированной энергии больше не требовались. Выполняемая человеком механическая работа могла быть лучше и быстрее выполнена

машиной. Человеческое существо требовалось теперь только там, где существовала необходимость в избирательном и интеллектуальном подходе. Труженик, бывший основой всех предыдущих цивилизаций, существо, воплощавшее послушание, человек, ум которого не был востребован, стал лишним в процессе производства благ человечества.

Это касалось и таких древних отраслей, как сельское хозяйство и добыча полезных ископаемых, и совсем новых металлургических технологий. При вспашке, посевных работах и сборе урожая проворные машины заменили собой труд

десятков людей. Здесь Америка обогнала Старый Свет. Римская цивилизация была создана дешевым трудом деградировавших человеческих существ; современная цивилизация воссоздается за счет дешевой механической энергии. В течение ста лет энергия дешевела, а труд дорожал. И если механизмы появились в шахте лет через двадцать после своего изобретения, то это случилось лишь потому, что в течение этого времени люди обходились дешевле, чем машины. В графствах Нортамберленд и Дарем, на ранней стадии добычи угля в шахтах, труд людей ценился так дешево, что никто обычно не

подсчитывал, сколько людей погибало при авариях в шахтах. Для изменения такого положения дел требовалось профсоюзное движение.

Однако общая тенденция к замене человеческого труда более производительным машинным трудом стала крайне важным фактором в жизни человеческого общества. Основной заботой богачей и правителей в старых цивилизациях было обеспечение нужного количества тружеников. Иного источника богатства просто не существовало. По мере того как продолжалось XIX столетие, умные и деятельные люди все лучше понимали, что простой человек

должен теперь стать чем-то большим, чем просто «трудягой». Ему надо было дать образование — хотя бы для того, чтобы обеспечить его «промышленную эффективность». Он должен был осознать свое предназначение.

Вторая половина XIX в. была периодом быстрого прогресса народного образования во всем мире, который разделял ценности Западной цивилизации. В образовании высших слоев общества аналогичного процесса не наблюдалось: какое-то продвижение, конечно, было, но совершенно несоизмеримое — и поэтому пропасть, прежде разделявшая

образованных читателей и неграмотные массы, превратилась в немногим большее, чем едва уловимая разница в образовательных уровнях.

В основе этого процесса лежала механическая революция, явно не зависящая от социальных условий, однако неумолимо требующая полного устранения неграмотности населения повсюду в мире.

В данном «Очерке» мы не забыли рассказать о постепенном формировании класса простых людей с собственными объединяющими устремлениями и идеями. Пишущий эти строки убежден, что массовые движения

«простых людей», охватывающие значительные пространства, стали возможны лишь в результате пропагандистского воздействия религий — христианства или ислама — с их настоятельным требованием индивидуального самоуважения.

Механическая революция не только требовала всеобщего образования, она вела к появлению крупных капиталов и крупномасштабной реорганизации промышленности, призванных дать простым людям новую и непривычную систему идей вместо обычного, чреватого неприятностями непослушания и стихийных бунтов, присущих необразованному

простонародью.

Мы уже рассказывали о том расколе, который внесла промышленная революция в среду класса производителей — класса, до этого второстепенного и пестрого по своему составу. Она расколола его на две части: работодателей, ставших достаточно богатыми, чтобы слиться с представителями финансовой, торговой и землевладельческой элиты, и наемных работников, по своему статусу все больше уподоблявшихся участникам артельного и сельского труда. В то время как социальное положение промышленного наемного работника ухудшалось, социальное положение

сельского работника улучшалось благодаря появлению сельскохозяйственной техники и увеличению производительности его труда.

В середине XIX в. Карл Маркс (1818–1883), немецкий еврей, обладавший обширной и разносторонней эрудицией, указывал на то, что формирование рабочего класса неуклонно растущей группой собственников-капиталистов создавало новую классовую структуру общества, которая пришла на смену прежней, более сложной классовой системе.

Собственность, бывшая эквивалентом власти,

сосредоточивалась в руках относительно немногих, в руках богатых и влиятельных людей, представителей класса капиталистов; одновременно происходило невиданное сплочение рабочих, обладавших малой собственностью или без таковой вообще, которых он называл «экспроприированными» или «пролетариатом», — неверно используя это слово, — и которые, как он считал, неизбежно должны были выработать «классовое сознание» в результате конфликта их интересов с интересами богачей.

Эти классы, поначалу не связанные ничем, кроме общего обнищания, претерпевали теперь

совместное снижение или
повышение уровня жизни, были
вынуждены читать одни и те же
книги и переносить одни и те же
неудобства. Во всем мире все более
очевидным становилось чувство
солидарности между всеми
малоимущими и нищими людьми,
направленное против класса,
который накапливает в своих руках
прибыли и богатство.

Отмирали прежние различия —
различия между ремесленником и
сельскохозяйственным работником,
между рабочим и служащим, между
бедным представителем духовенства
и директором начальной школы,
между полицейским и водителем

автобуса. Все они покупали одну и ту же дешевую мебель и жили в похожих друг на друга дешевых домах; их сыновья и дочери тесно общались друг с другом и создавали общие семьи; у рядовых членов общества все меньше оставалось надежд добиться успеха и пробиться в его верхние слои.

Определение общих закономерностей в развитии идей, которое происходило во время механической и промышленной революций XIX в., является очень трудной задачей. Но мы должны приступить к ее решению, если собираемся определить связь между прошлым и тем, что происходит

сейчас.

Удобства ради разделим сто лет между годом 1814 и 1914 годом на два основных периода.

Сначала идет период 1814–1848 гг., когда значительный массив либеральной мысли и литературы существовал лишь в ограниченных кругах, но когда в воззрениях общей массы людей еще не произошло крупных перемен. В течение всего этого периода общество жило, если можно так выразиться, старым интеллектуальным капиталом, оно строило свою жизнь в соответствии с основными идеями революции и контрреволюции. Основными либеральными ценностями были

свобода и некий расплывчатый эгалитаризм; ценностями консервативными были монархия, официальная религия, социальные привилегии и послушание.

До 1848 г. духу Священного союза, духу Меттерниха с трудом удавалось препятствовать возвращению Европейской революции, которую Наполеон предал и приостановил. С другой стороны, в Америке, как Северной, так и Южной, революция праздновала победу, и либерализм XIX в. господствовал безраздельно. Британия была страной противоречий — ни полностью реакционной, ни полностью

прогрессивной, страной как Кромвеля, так и «веселого монарха» Карла, антиавстрийской, антибурбонской, антипапской, но все же несколько репрессивной. Мы уже рассказывали о ряде первых либеральных бурь в Европе около 1830 года. В 1832 г. парламентская реформа, значительно расширив избирательное право и частично восстановив представительный характер палаты общин, разрядила ситуацию в Британии.

Около 1848 года произошла вторая и более серьезная серия восстаний, свергнувших Орлеанскую монархию и установивших Вторую республику во Франции (1848–1852),

поднявших Северную Италию и Венгрию против Австрии, поляков в Познани против немцев и заставивших Папу спасаться бегством от римских республиканцев.

В Праге состоялась весьма интересная Панславянская конференция, ставшая предвестником многих территориальных изменений 1919 г. Она была разогнана после того, как восстание в Праге подавили австрийские войска. Восстание в Венгрии имело более ожесточенный характер и продолжалось в течение двух лет. Его выдающимся руководителем был Лайош Кошут;

потерпев поражение и пребывая в изгнании, он тем не менее продолжал вести активную пропаганду за свободу своего народа.

В конечном итоге все эти восстания потерпели неудачу; существовавшая система зашаталась, но выстояла. Несомненно, что в основе этих революций лежало серьезное социальное недовольство, однако, за исключением восстания в Париже, у них не было четкой формы. Этот ураган 1848 года в отношении остальной Европы можно лучше всего охарактеризовать как бунт естественной политической карты против искусственных построений дипломатов Венского

конгресса и против системы подавления, которую эти построения предусматривали.

Можно сказать, что история Европы с 1815 по 1848 г. явилась в целом продолжением истории Европы с года 1789 по год 1814. В этой композиции не было по-настоящему новых мотивов. На первом месте была борьба, причем часто борьба безрассудная и неорганизованная, простых людей против системы великих держав, которая угнетала жизнь человечества и препятствовала его прогрессу.

Но после 1848 г., с 1848 по 1914 г., в то время, как продолжались изменения политической карты, в

результате которых возникли
объединенная Италия и
объединенная Германия, начался
новый этап в процессе ментальной и
политической адаптации к новым
знаниям и новым материальным
возможностям человечества. В разуме
среднего европейца произошло
великое вторжение новых
социальных, религиозных и
политических идей. В последующих
разделах мы рассмотрим
происхождение и природу этого
вторжения. Оно заложило основу
нашей современной политической
мысли, однако в течение длительного
времени не оказывало существенного
влияния на политику. Политика

продолжала существовать по старым принципам, но пользовалась все меньшей поддержкой в разуме и совести людей.

Мы уже рассказывали о том, как мощный интеллектуальный процесс подорвал основы великой монархии во Франции перед 1789 г. Похожий подрывной процесс происходил повсюду в Европе в период великих держав с 1848 по 1914 гг. По всему социальному организму распространились глубокие сомнения в правильности этой системы государственного правления и в оправданности неограниченных свобод для многих форм собственности в экономической

системе.

А затем разразилась величайшая и наиболее опустошительная война в истории, и поэтому до сих пор невозможно определить силу и размах новых идей, накопленных за эти шестьдесят шесть лет. Мы пережили катастрофу даже большую, чем наполеоновская катастрофа, и сейчас, в 1930 г., находимся в периоде застоя, который соответствует периоду 1815–1830 гг. Наш 1830 и 1848 гг. еще впереди. Их приход покажет нам, на каком этапе мы находимся.

Мы проследили на страницах этой истории постепенное развитие идеи собственности от первых

неограниченных претензий сильного человека на право владеть всем до осознания того, что братство людей есть нечто превосходящее преследование личных интересов. Поначалу в общества более крупные, чем племенные, людей загонял страх перед монархом или божеством. И только в последние три, самое большее четыре тысячи лет появились четкие свидетельства того, что идея добровольного самоотречения ради более высокой цели стала приемлемой для людей или что подобные взгляды кто-то провозглашал.

Затем мы видим, как на поверхности общественной жизни,

словно солнечные пятна на склоне холма в ветреный весенний день, стали распространяться представления о том, что в самоотречении заключается счастье большее, чем в любом личном триумфе или достижении, что жизнь человечества является чем-то другим, более значительным и более важным, чем просто сумма отдельных человеческих жизней. Мы видим, что в учениях Будды, Лао-цзы и ярче всего в учении Иисуса из Назарета эта идея превратилась в маяк и ослепительно засверкала, разгоняя мрак.

Несмотря на все отклонения и искажения, христианство никогда

полностью не отказывалось от преданности общему благу во имя Господа, которое заставляет личную помпезность монархов и правителей выглядеть подобно наглости разодетого слуги, а великолепие богатства и связанные с ним удовольствия — как добыча грабителей. Ни один человек, живущий в обществе, затронутом такой религией, как христианство или ислам, уже не может быть полностью рабом. В этих религиях есть некое неистребимое свойство, понуждающее людей судить своих хозяев и осознавать свою ответственность перед миром.

По мере того как люди ощупью

продвигались от жестокой
эгоистической жадности и
инстинктивной агрессивности
родовой общины раннего палеолита к
этому новому состоянию умов, они
стремились выразить эту перемену в
мыслях и целях весьма по-разному.
Они вошли в противоречие и
конфликт с прежними идеями,
проявили естественную тенденцию к
открытому противостоянию этим
идеям и часто бросались из одной
крайности в другую.

Первая половина XIX в. была
свидетелем целого ряда
экспериментов по созданию пробных
человеческих обществ нового типа.
Одними из наиболее важных в

историческом смысле были эксперименты и идеи Роберта Оуэна (1771–1858), хозяина прядильной фабрики в Манчестере. Его обычно рассматривают как родоначальника современного социализма; именно в связи с его деятельностью впервые появилось слово «социализм» (около 1835 г.).

Роберт Оуэн, без сомнения, был весьма компетентным бизнесменом: он осуществил ряд нововведений в хлопкопрядильной промышленности и еще в молодом возрасте заработал себе приличное состояние. Его глубоко волновала бессмысленная растрата человеческого потенциала его рабочих, и он решил улучшить

условия их жизни и труда, а также отношения между работодателем и работником. Сначала он попытался осуществить эти планы на своей фабрике в Манчестере, а затем — в Нью-Ланарке (Шотландия), где он был управляющим предприятия, на котором были заняты около двух тысяч человек.

В период между 1800 и 1828 гг. он добился очень многого: был сокращен рабочий день, улучшены санитарные условия труда; он отказался от приема на работу совсем маленьких детей, улучшил подготовку своих рабочих, обеспечил выплату пособия по безработице в периоды торговой депрессии,

учредил систему школ и превратил Нью-Ланарк в образец просвещенного индустриализма, в то же время сохранив его высокую рентабельность.

Он занимался активной публицистической деятельностью, защищая большую часть человечества от обвинений в неводержанности и недальновидности, которые распространялись для оправдания экономических несправедливостей того времени. Он утверждал, что люди в основном являются продуктом воспитывающей их среды — тезис, который сегодня уже не нуждается в особых

доказательствах, — и занимался активной пропагандой тех воззрений, которые нашли свое подтверждение в Нью-Ланарке.

Он критиковал своих коллег-промышленников за их эгоистическое безразличие, и в 1819 г., в основном его усилиями, был принят Фабричный акт — первая попытка предотвратить самые вопиющие проявления жадности и недалековидности предпринимателей, пользовавшихся тяжелым материальным положением своих работников. Некоторые из содержащихся в этом законе ограничений не могут в наши дни не вызвать изумления. Кажется

невероятным, что когда-то существовала необходимость защищать маленьких детей девяти (!) лет от фабричного труда или ограничивать номинальный рабочий день взрослых до двенадцати часов.

Люди чересчур склонны изображать промышленную революцию так, будто она привела к порабощению и изнурению бедных маленьких детей, которые до нее жили свободно и счастливо. Это является искажением истории. Еще на заре цивилизации маленькие дети бедняков вынуждены были выполнять любую посильную для них работу. Фабричная система просто сконцентрировала этот

несовершеннолетний труд и придавала ему систематический, открытый и скандальный характер.

Фабричная система вступила в противоречие с растущим пониманием подобной несправедливости. Британский Фабричный акт 1819 г., каким бы слабым и недостаточным он нам ни казался, стал для детей своего рода Великой хартией вольностей. С его появлением начался процесс защиты детей бедняков сначала от наемного труда, а затем от голода и неграмотности.

Мы не можем здесь подробно изложить историю жизни и деятельности Оуэна. Он понимал,

что его работа в Нью-Ланарке была лишь испытанием небольшой действующей модели. То, что можно сделать для одной промышленной общины, утверждал он, можно сделать и для всех промышленных общин по всей стране. Он выступал за переселение рабочих в небольшие города, образцом для которых служил бы Нью-Ланарк.

Казалось, на некоторое время он пленил воображение всего мира. «Таймс» и «Морнинг Пост» выступали в поддержку его предложений; одним из посетителей Нью-Ланарка был великий князь Николай, который стал преемником царя Александра I; его верным

другом был герцог Кентский, сын Георга III и отец королевы Виктории.

Но все недоброжелатели перемен и все те (а таких всегда много), кто завидовал его работникам, а также те работодатели, которые боялись его проектов, ждали удобного случая, чтобы нанести Оуэну контрудар; и этот случай представился им в его религиозных высказываниях, враждебных официальному христианству. Таким образом, им удалось его дискредитировать. Однако Оуэн продолжал экспериментировать и воплощать в жизнь свои проекты, главным из которых была коммуна «Новая

Гармония» в штате Индиана (США), куда он вложил большую часть своего капитала. Партнеры выкупили его долю в Нью-Ланаркском предприятии в 1828 году.

Эксперименты и предложения Оуэна охватывали множество сфер, их нельзя свести к какому-то единому рецепту переустройства. В нем не было ничего от доктринера. Его Нью-Ланаркский эксперимент был первым из целого ряда «доброжелательных предприятий» во всем мире.

Порт Санлайт лорда
Леверхалма. Борнвилл братьев
Кэдбери и предприятия Форда в
Америке являются более

современными примерами и еще одним шагом вперед к коммунизму. Идеи Оуэна о создании государственных поселений были, по сути, тем, что мы сегодня называем государственным социализмом. Его американский опыт и поздние писания указывают на формирование у него более завершенных социалистических взглядов и более решительный отход от существовавшего положения дел.

Загадка денег явно занимала ум Оуэна. Он понимал, что нельзя рассчитывать на реальную экономическую справедливость, пока за работу платят деньгами, ценность которых колеблется. Это

было бы то же самое, что рассчитывать на пунктуальность при колеблющейся продолжительности часа.

Относительно раннего социализма Оуэна следует еще отметить, что поначалу он совсем не был «демократическим». Демократическая идея была привнесена в него позже. В основе его лежала благотворительность, его ранняя форма была патриархальной; он был тем, чему рабочих должны были научить либерально настроенные работодатели и лидеры. Первый социализм не был движением рабочих, это было движение хозяев. На протяжении

всей его истории идеология социализма в основном была творением не рабочих, а представителей других слоев общества. Маркса характеризуют как «аристократа», Энгельс был коммерсантом, Ленин — членом семьи, владевшей земельной собственностью.

Одновременно с деятельностью Оуэна в Америке и Британии имели место другие и совершенно независимые явления, которым в конечном счете суждено было сблизиться с его социалистическими идеями. В течение длительного времени английское законодательство запрещало

объединения, имевшие целью ограничение торговли, объединения, направленные на искусственное поднятие цен или зарплаты посредством согласованных действий. Эти запреты не оказывали особо негативного влияния до тех пор, пока в XVIII в. изменения в сельском хозяйстве и промышленности не привели к появлению огромных масс рабочих, живущих впроголодь и конкурирующих за частичную занятость.

В этих новых условиях рабочие многих отраслей промышленности очутились в невыносимо тяжелом положении. Они были вынуждены

противодействовать друг другу; каждый день и каждый час никто не знал, на какие еще уступки работодателю мог пойти его товарищ и какие дальнейшие снижения зарплаты или повышения норм выработки могут за этими уступками последовать.

Объединение против попыток продать свой труд по сниженной цене стало для рабочих жизненной необходимостью, хоть оно и было тогда незаконным. Поначалу подобные соглашения приходилось осуществлять и контролировать с помощью тайных обществ или же клубов, учреждаемых для совершенно других целей —

социальных клубов, похоронных обществ и им подобных, призванных замаскировать объединения в защиту заработной платы. То, что эти ассоциации были незаконными, располагало их к насилию; они проявляли крайнюю враждебность к штрейкбрехерам и «отступникам», которые не желали к ним присоединяться, и очень круто обходились с предателями.

В 1824 г. палата общин осознала необходимость разрядить напряженность в данной ситуации и признала за рабочими право создавать объединения для осуществления «коллективных соглашений» с хозяевами. Это

обеспечило профсоюзам значительную степень свободы в их развитии. Поначалу очень неповоротливые и примитивные организации с весьма ограниченными полномочиями, профессиональные союзы постепенно окрепли и превратились в настоящее четвертое сословие страны, разветвленную систему органов, представляющих интересы огромного числа промышленных рабочих.

Впервые возникнув в Британии и Америке, они, с различными национальными особенностями и в условиях различных законодательств, распространились на Францию,

Германию и все общества западного типа.

Поначалу возникшее для поддержания надлежащего уровня зарплаты и ограничения невыносимой продолжительности рабочего дня, профсоюзное движение было на своем раннем этапе чем-то совершенно отличным от социализма. Профсоюзный деятель пытался получить максимум из существующей капиталистической системы и существующих условий найма. Социалист же предлагал изменить саму систему.

Творческое воображение Карла Маркса и его способность к обобщению способствовали тому,

что между этими двумя движениями возникла взаимосвязь. В этом человеке присутствовало очень сильное ощущение истории; он одним из первых понял, что старые общественные классы, существовавшие еще со времен начала цивилизации, находятся в процессе распада и перегруппировки.

Присущее Марксу, как еврею, коммерческое чутье очень помогло ему в понимании сути антагонизма между трудом и собственностью. А тот факт, что он родился и вырос в Германии — где, как мы уже говорили, тенденция класса окостеневать и превращаться в касту

была более очевидной, чем в любой другой европейской стране, — сыграл важную роль в его предположении о том, что трудящиеся уже начали вырабатывать классовое сознание и становиться коллективным антагонистом тех классов, которые накапливали собственность. Ему представлялось, что профсоюзное движение как раз и является примером развития классового сознания рабочих.

Каким, спрашивал он, будет исход «классовой борьбы» между капиталистами и пролетариатом? Как он предполагал, дельцы-капиталисты, из-за присущей им жадности и агрессивности, будут

накапливать власть над капиталом в руках все меньшего и меньшего числа людей, пока наконец не сконцентрируют средства производства, транспорт и тому подобное до такой степени и в такой форме, что их смогут захватить рабочие, классовое сознание которых будет развиваться адекватно процессу организации и концентрации промышленности.

Они завладеют этим капиталом и станут использовать его в своих интересах. Это будет социальной революцией. В результате ее будут восстановлены индивидуальная собственность и свобода, основой для чего будут общественная

собственность на землю и
управление обществом как
совокупностью крупных
производственных сфер,
организованных и
сконцентрированных капиталистом-
частником. Это будет конец
«капиталистической» системы, но не
конец системы капитализма. На
смену частнособственническому
капитализму придет капитализм
государственный.

Последующая история
социализма является переплетением
британской традиции Оуэна и
немецкой традиции «классового
сознания» Маркса. Течение,
получившее название «фабианский

социализм», то есть интерпретация социализма английским Фабрианским обществом, импонировало здравомыслящим людям всех классов. «Ревизионизм» в немецком социализме действовал в том же направлении. Но в целом, именно Маркс оппонировал взглядам Оуэна, в результате чего социалисты во всем мире рассчитывали в своих планах только на организацию трудящихся, которая обеспечит ударную силу, способную вырвать контроль над политической и экономической жизнью общества из рук безответственных частных собственников.

Таковы основные черты проекта

под названием «социализм». Его недостатки и незавершенность мы обсудим в нашем следующем разделе. Неизбежным, наверно, было то, что социализм подвергся значительным искажениям и упрощениям под влиянием сомнений и дебатов, а также различных сект и школ; они являются симптомами роста, словно прыщи на юношеском лице. В этой работе мы можем бросить лишь беглый взгляд на разницу между государственным социализмом, который управляет экономикой страны через свою систему политического правления, и более поздними направлениями синдикализма и отраслевого

социализма, при которых большая доля управления всеми отраслями промышленности будет у рабочих каждой профессии — включая директоров и управляющих — в каждой отрасли. Такой «профсоюзный социализм» действительно является новым типом капитализма, при котором собрание рабочих и служащих в каждой отрасли промышленности заменит собой частных капиталистов, владеющих этой отраслью. Коллективным капиталистом становится промышленный персонал.

Система марксистских воззрений указывает на концентрацию революционных сил в современном мире. Эти силы будут постоянно стремиться к революции. Но Маркс явно поспешил с предположением о том, что революционный импульс обязательно приведет к появлению упорядоченного общества нового и лучшего образца. Революция может остановиться на полпути и привести просто к разрушению. Ни одно из социалистических течений пока еще четко не определило предполагаемый им тип государственного правления.

Большевики в своем русском

эксперименте руководствовались фразой «диктатура пролетариата», а Сталин оказался таким же деспотом, как и столь же благонамеренный царь Александр I.

В своем кратком описании Французской революции мы постарались показать, что революция не может учредить ничего, что не было бы уже продумано заранее и воспринято широкой общественностью. Французская революция, столкнувшись с неожиданными трудностями в экономике, денежной системе и международных отношениях, деградировала к эготизму нуворишей Директории, а в

конечном итоге — к эготизму Наполеона.

Постоянно поддерживаемые законность и планирование более необходимы во времена революционные, чем в обычные скучные времена, потому что во время революции общество гораздо быстрее скатывается к обычной неразберихе при господстве людей, склонных к насилию и беспринципности.

Мы уже обсуждали взаимосвязь между социальным развитием и ограничением идеи собственности. Существуют несколько интеллектуальных школ, пропагандирующих ограничение

собственности в той или иной степени. Коммунизм предлагает отменить собственность вообще или, иными словами, все сделать общим. С другой стороны, современный социализм, — которому больше подошло бы название «коллективизм», — делает четкое различие между личной собственностью и собственностью коллективной. Суть предложений социалистов заключается в том, что земля, а также все естественные средства производства, транспорт и распределение должны находиться в коллективной собственности. В этих рамках должны быть обеспечены максимум свободы частной

собственности и неограниченная свобода личности. При условии эффективного управления вряд ли можно сомневаться, что в наше время нашлось бы много желающих оспаривать подобное предложение. Но социализм никогда не утруждал себя тщательной проработкой этой необходимой предпосылки эффективного управления.

Опять же, что это за общество, в котором предполагается наличие коллективной собственности, — государство, город, округ, нация или человечество? Социализм не дает на это четкого ответа. Социалисты весьма свободно обращаются с термином «национализация», но в

данном «Очерке» мы уже подвергали идеи «нации» и «национализма» определенной критике. Если социалисты против того, чтобы отдельная личность предъявляла права на шахту или большой участок сельскохозяйственных угодий, как на свою собственность, с ограничением или запретом для других людей их использовать, в том числе и для извлечения прибыли, то почему они должны позволять отдельной нации монополизировать шахты, торговые пути или природные богатства на своей территории в ущерб остальному человечеству?

В этом вопросе в социалистической теории явно

существует большая путаница. И если человеческой жизни не суждено превратиться в непрерывный массовый митинг всего человечества, то каким образом общество должно назначать чиновников для управления своими делами? В конце концов, частный владелец земли или предприятия является своего рода общественным распорядителем в той степени, в какой его право собственности одобрено и защищено обществом. Вместо зарплаты или гонорара он получает право извлекать прибыль.

Единственным веским основанием для лишения его права собственности является то, что

идущее на смену частному
собственнику новое управление
будет более эффективным,
прибыльным и более удобным для
общества. Но, оказавшись не у дел,
он будет в такой же претензии к
обществу, как и тот рабочий,
которого он когда-то уволил, заменив
каким-то новоизобретенным
механизмом.

Это проблема управления,
являясь серьезным и обоснованным
препятствием для немедленной
реализации социализма, порождает
еще более сложную проблему
человеческих объединений. Как нам
обеспечить наилучший способ
управления обществом и максимум

добровольного сотрудничества людей в этом направлении? Эта проблема крайне сложна в психологическом смысле, однако абсурдно считать, что она является неразрешимой. В подобных вопросах должен существовать некий оптимальный способ решения. И если эта проблема является разрешимой, то одинаково абсурдно было бы предполагать, что она уже решена. Эта проблема требует выработки наилучших методов в следующих сферах и их полного взаимодействия:

Образование.

Подготовка

индивида

к

пониманию

общественной

жизни

и

добровольному участию в ней.

Информация. Непрерывное правдивое освещение общественных дел, чтобы индивид мог вырабатывать относительно них собственное суждение и одобрять их. С этим непосредственно связано формулирование простых, ясных и приемлемых для всех законов.

Представительство. Отбор представителей и доверенных лиц для содействия коллективным интересам в гармонии с волей всего общества и на основе образования и правдивой информации.

Исполнительная власть. Назначение должностных лиц и обеспечение средств, которые

гарантировали бы их ответственность перед обществом, но в то же время не препятствовали разумным инициативам.

Научно-исследовательская деятельность. Систематический анализ текущих дел и законодательства с целью обеспечения информации, на основании которой люди могли бы делать правильные выводы и с их помощью постоянно совершенствовать организацию общества.

Таковы пять аспектов этой обширной проблемы. В окружающем нас мире мы видим сиюминутные средства во всех этих сферах,

средства, плохо скоординированные друг с другом и сами по себе неудовлетворительные. Мы видим, что плохо организованная система образования финансируется крайне скупо, ее работа усложняется вмешательством и противостоянием религиозных организаций; мы видим, что информация для общества подается в основном продажной прессой, зависимой от рекламодателей и спонсоров; мы видим, что из-за фарсовых избирательных методов никого не представляющие политики возвращаются во власть, подобно наследственным правителям или случайным завоевателям; повсюду

исполнительная власть в той или иной степени находится под влиянием или контролем групп богатых авантюристов, а политическая и социальная наука, а также общественная критика все еще являются участием преданных своему делу эксцентричных индивидуумов, а не официальной и почетной функцией в государстве.

Необходимо проделать огромный объем интеллектуального труда, дискуссий и образовательной работы в течение многих лет, а может десятилетий или столетий — кто знает? — прежде чем на всей нашей земле появится новый порядок, спланированный так, как

планируются железные дороги или суда, работающий так же четко, как почта или телеграф. И пока новый порядок не объединит человечество своей системой, жизнь людей, как мы вскоре продемонстрируем на примере европейских войн после 1854 года, будет становиться все более нестабильной, опасной, несчастной и чреватой катастрофами, так как способы ведения войны будут становиться все более мощными и разрушительными благодаря достижениям непрерывной механической революции. «Труд, богатство и счастье человечества» — третья часть трилогии, включающая в себя данный «Очерк» и «Науку

жизни», — является предварительным обзором наличных условий, из которых должен возникнуть новый порядок.

В то время как порожденная успехами физической науки механическая революция разрушала складывавшееся веками традиционное социальное деление на классы и создавала новые идеалы и новые возможности для строительства справедливого человеческого общества и справедливого миропорядка, в сфере религиозной мысли происходили такие же важные и ранее не виданные перемены. Постоянной причиной этих религиозных

пертурбаций, как и в случае механической революции, стал прогресс в области научных знаний.

Люди узнали о своем истинном положении в пространстве задолго до того, как они определили себя во времени. Мы уже упоминали о первых астрономах и рассказали, как Галилея заставили отказаться от утверждения о том, что Земля вращается вокруг Солнца. Его вынудила к этому Церковь, а Церкви пришлось сделать это по той причине, что любое сомнение в том, что наш мир является центром вселенной, якобы наносило смертельный удар по авторитету христианства.

Историческим фактом является то, что учение Иисуса из Назарета содержало в себе нечто совершенно новое и созидательное. Иисус проповедовал Царство Небесное в сердцах и мире людей. Насколько мы можем судить с нынешней исторической дистанции, в его учении не было ничего такого, что противоречило бы какому-либо открытию или факту в истории мира и человечества.

Но историческим фактом является также и то, что св. Павел и его последователи посредством различных дополнений создали новую доктрину, которая заменила собой простое и глубоко

революционное учение Иисуса. Она содержала в себе весьма сложное толкование спасения, которого можно было достичь главным образом через веру и формальности, без какого-либо серьезного изменения привычек и занятий верующего. И в этом учении св. Павла содержались весьма определенные взгляды относительно истории мира и человечества.

Не дело историка — заниматься опровержением или пояснением этих религиозных взглядов; проблема их истинности — это дело теолога. Историка просто интересует тот факт, что официальное христианство во всем мире приняло точку зрения

св. Павла, столь доходчиво изложенную в его посланиях, но почему-то совершенно отсутствующую в Евангелиях.

В соответствии с этой точкой зрения, суть религии обращена не в будущее, а в прошлое, и Иисус был не столько учителем удивительных новых вещей, сколько предопределенной, глубоко мистической и священной жертвой во искупление конкретного исторического акта неповиновения Создателю, который совершили наши прародители Адам и Ева после того, как их соблазнил змей в Райском саду. На вере в это грехопадение как факт, а не на личности Иисуса из

Назарета, на теориях Павла, а не на повелениях Иисуса, была построена христианская доктрина.

Мы уже отмечали, что это сказание об особом сотворении мира, об Адаме, Еве и змее является древним вавилонским сказанием или даже еще более древним шумерским сказанием и что еврейские священные книги были посредником, через который эта очень древняя и примитивная «гелиолитическая» легенда о змее попала в христианство. Везде, куда приходило официальное христианство, оно приносило с собой это предание. Оно просто привязало себя к нему.

Еще в конце XVIII в. весь

христианский мир был обязан верить и действительно верил, что вселенная чудесным образом была сотворена словом Божиим несколько тысяч лет назад в течение шести дней — по утверждению епископа Асшера, в 4004 г. до Рождества Христова. (Во «Всемирной истории» в сорока двух томах, изданной в 1779 г. в Лондоне, обсуждается вопрос о том, является ли точная дата первого дня творения 21-м марта или 21-м сентября 4004 г. до Рождества Христова. Авторы склоняются к тому, что последняя дата является более вероятной.)

На этом историческом предположении основывалась вся

религиозная структура Западной цивилизации и цивилизации западного типа; однако весь мир, его холмы, горы, устья рек и моря были переполнены доказательствами вопиющей абсурдности этого верования. Религиозная жизнь ведущих государств мира, хоть она и была очень активной и искренней, протекала в здании истории, построенном на песке.

В классической литературе часто встречается признание вполне здоровой космогонии. Аристотель был знаком с основными принципами современной геологии, эти принципы встречаются в рассуждениях Лукреция; мы уже

рассказывали, как четко и понятно Леонардо да Винчи (1452–1519) интерпретировал ископаемые останки. Великий француз Декарт (1596–1650) смело рассуждал о том, что в самом начале наша планета была раскаленной, а датчанин Стено (1638–1686) приступил к собиранию ископаемых останков и описанию геологических слоев. Но лишь в конце XVIII в. систематическое изучение геологии достигло масштабов, достаточных для того, чтобы поставить под сомнение истинность библейской версии древнего шумерского предания.

Одновременно со «Всемирной историей», которая цитировалась

выше, великий французский натуралист Бюффон (1707–1788), писавший об эпохах природы (1778 г.), смело увеличивал возраст мира до 70 или 75 тысяч лет. Он разделил свою версию на шесть эпох, чтобы она хоть как-то соответствовала версии сотворения мира за шесть дней. Эти дни, утверждал он, были днями лишь фигурально; на самом деле это были эпохи. С помощью такого ухищрения геология пыталась примириться с ортодоксальным религиозным учением, которое продержалось до середины XIX столетия.

Мы не можем уделить здесь внимание вкладу таких людей, как

Хаттон, Плейфер и сэр Чарлз Лайелл, французы Ламарк и Кювье, в расшифровку и толкование «Летописи окаменелостей». Далеко не сразу сознание Западного мира стало готовым к восприятию двух будоражащих фактов: во-первых, чередование форм жизни в геологических отложениях не соответствовало деяниям шести дней творения; во-вторых, геологические отложения, в сочетании со множеством биологических фактов, противоречили библейскому утверждению об отдельном сотворении каждого вида и указывали на генетическую связь между всеми формами жизни, и этой

связью был охвачен также и человек!

Важность этого последнего тезиса для существовавшей доктрины была очевидна. Если все животные и человек появились в результате подобной восходящей эволюции, значит, не было ни прародителей, ни Рая, ни грехопадения. А если не было грехопадения, то вся историческая структура христианства, легенда о первородном грехе как причине для искупления, на чем тогдашнее учение основывало христианские чувства и мораль, рухнули, как карточный домик.

Поэтому множество честных религиозных людей с чувством, близким к ужасу, следили за работой

английского натуралиста Чарлза Дарвина (1809–1882).

В 1859 г. он опубликовал свой труд «Происхождение видов путем естественного отбора», убедительное, отличающееся непреходящей ценностью изложение той концепции изменения и развития видов, краткое описание которой мы дали во второй главе; а в 1871 г. он завершил изложение своих взглядов в работе «Происхождение человека», которая четко определила место человека в общей схеме развития остальных видов жизни.

Многочисленные свидетельства против ортодоксальной христианской космогонии вызвали

возмущение и негодование простых интеллигентных людей в западных обществах. Разум многих инстинктивно и иррационально не мог смириться с новыми знаниями. Вся их моральная доктрина была построена на фальшивой истории; они были слишком старыми, чтобы пересмотреть свои взгляды; их моральные убеждения казались им практической истиной, с которой новая истина была несовместимой. Согласие с ней означало для них моральный крах всего мира. Но они пришли к моральному краху потому, что не согласились с ней.

Особенно яростно
противостояли новому учению

английские университеты, которые по своей структуре были в основном клерикальными. В семидесятых и восьмидесятых годах XIX в. по всему цивилизованному миру бушевали ожесточенные споры. Об уровне дискуссии и фатальном невежестве Церкви можно судить по описанию в «Книге для заметок» Хэкетта заседания Британской ассоциации по развитию науки в 1860 г., на котором епископ Уилберфорс следующим образом подверг нападкам Хаксли, выдающегося соратника Дарвина.

«Глядя на Хаксли с оскорбительной усмешкой, он попросил его объяснить, кто же, по его мнению, произошел от обезьяны

— его дед или бабка? Хаксли повернулся к своему соседу и сказал: «Я принял его в свои руки от Господа». Затем он обратился к нам и произнес следующие ужасные слова: «Я не стыжусь, что моим предком была обезьяна, но мне стыдно быть сородичем человека, который использует свои таланты для сокрытия правды». (Другая версия гласит: «Я со всей определенностью заявляю, что человеку нет оснований стыдиться того, что его предком была обезьяна. Если бы у меня и был предок, которого мне следовало бы стыдиться, то это скорее был бы человек беспокойного и

разностороннего ума, берущийся за научные вопросы, о которых он имеет смутное представление, с той лишь целью, чтобы затушевывать их с помощью бессмысленной риторики и отвлечь внимание аудитории от подлинной обсуждаемой проблемы посредством красноречивых отступлений от темы и умелой апелляции к предрассудкам».)

Это была, несомненно, страстная речь, вызвавшая чрезвычайное возбуждение среди присутствовавших. Одна дама даже упала в обморок, пишет Хэккет... Таков был накал полемики.

Дарвиновское движение застало христианство врасплох, оно было для

него совершенной неожиданностью. Формальное христианство столкнулось с очевидно доказанной ошибкой в своих теологических построениях. Священники и епископы с яростью набросились на Дарвина; делались глупые попытки запретить публикацию дарвиновских трудов, пропагандисты новых взглядов подвергались нападкам и дискредитации. Было много разговоров на повышенных тонах об «антагонизме» религии и науки.

Конечно, во все века в христианском мире были скептики. Император Фридрих II был, несомненно, скептиком, в XVIII в. Гиббон и Вольтер открыто

выступали против христианства, а их сочинения оказали влияние на некоторых немногочисленных читателей. Но то были люди единственные в своем роде... Теперь же в христианском мире почти все стали скептиками. Это новое противоречие затронуло каждого, кто прочитал хотя бы одну книгу или услышал умный разговор. Выросло новое поколение молодых людей, столкнувшихся с крайней озлобленностью защитников христианства, которые боролись за свое дело, забыв о чести и справедливости. Новые научные достижения опровергали ортодоксальную теологию, но

возмущенные теологи твердили, что удар был нанесен по самой религии.

Непосредственные результаты воздействия этого великого спора на воззрения и образ жизни людей из богатых и влиятельных классов были воистину пагубными. Новая биологическая наука так и не предложила ничего конструктивного взамен прежних моральных устоев. Началось настоящее разрушение морали.

Общий уровень общественной жизни в пределах этих классов в начале XX в. был намного выше, чем в начале XVII, однако в одном отношении — в отношении бескорыстия и совестливости этих

классов — более поздняя эпоха явно уступала более ранней. В XVII в. в среде деятельных и владевших собственностью классов процент людей, которые искренне молились, которые, сотворив зло, вновь старались обрести душу, людей, готовых страдать и жертвовать во имя того, что казалось им правильным, был гораздо выше, чем в первые годы XX в.

После 1859 г. произошла настоящая утрата веры. Подлинное золото религии во многих случаях было выброшено вместе со столь долго хранившим его изношенным кошельком и утрачено навсегда. Ближе к концу XIX в. грубая и

искаженная версия дарвинизма везде стала основой мировоззрения великого множества «образованных» людей. Короли, собственники, правители и вожди XVII в. действительно считали в глубине души, что они господствуют по воле Бога; они действительно боялись его, они привлекали священников, чтобы те решали их проблемы в отношениях с Богом; когда они вели себя неподобающим образом, они старались о нем не думать. Но к началу XX в. старая вера королей, собственников и правителей уже поблекла в разъедающих лучах научной критики.

В конце XIX в. богатые и

влиятельные люди считали, что они господствуют благодаря Борьбе за существование, в которой сильные и хитрые берут верх над слабыми и доверчивыми. А еще они верили, что должны быть сильными, энергичными, безжалостными, «практичными» и эгоистичными, потому что Бог был мертв. Им казалось, что он всегда был мертв. Подобные воззрения не имели ничего общего с новыми научными данными.

Вскоре эти люди вышли за рамки первых грубых и упрощенных интерпретаций дарвинизма, гласивших, что каждый человек — сам за себя. Они решили, что человек

— это такое же социальное животное, как и индийская охотничья собака. То, что человек есть нечто гораздо большее, чем собака, они не замечали. По аналогии с собачьей стаей, где для общего блага необходимо запугивать и подчинять молодых и слабых, они считали, что и в человеческой стае крупные собаки должны запугивать и подчинять. Подобные воззрения породили пренебрежение к идеям демократии, преобладавшим в первой половине XIX в., и вызвали восхищение людьми властными и жестокими.

Весьма характерным для тех времен было то, что мистер Киплинг

увел детей средних и высших классов британского общества назад в джунгли изучать «закон», а в своей книге «Стоки и компания» с явным удовольствием описал, как трое мальчиков подвергли пыткам двух других, обманув и связав своих беспомощных жертв, чтобы выведать их недобрые намерения.

Стоит поподробнее рассмотреть этот эпизод из книги «Стоки и компания», потому что он ярко характеризует политическую психологию Британской империи конца XIX в. Историю второй половины XIX в. нельзя понять, не уяснив того вывиха ума, который этот эпизод иллюстрирует. Два мальчика,

которых подвергли пыткам, — это задиры, что уже является оправданием для их мучителей, подстрекаемых к продолжению насилия священником.

Ничто не может остановить то рвение, с которым они (и мистер Киплинг) принялись за работу. Перед тем как приступить к пыткам, необходимо, для оправдания, изобразить определенное моральное негодование — и все будет в порядке. Если на вашей стороне власти, то вас ни в чем нельзя будет обвинить. Такова простая доктрина этого типичного империалиста. Но каждый задира, в меру своих возможностей, также следовал этой доктрине с тех

пор, как животное под названием «человек» стало достаточно разумным, чтобы проявлять сознательную жестокость.

И еще один важный момент в этой истории. И директор, и помогающий ему священник изображены как непосредственные участники этого дела. Они хотят, чтобы это издевательство произошло. Вместо того чтобы употребить свою власть, они используют этих мальчиков — героев в глазах мистера Киплинга, — чтобы наказать двух других. Директор и священник и слышать не хотят жалоб возмущенной матери. И все это мистер Киплинг представляет как

ситуацию весьма желательную.

Здесь мы находим ключ к пониманию самой отвратительной, наиболее реакционной и в конечном счете гибельной идеи современного империализма — идеи молчаливого преступного сговора между законом и незаконным насилием. Как царизм в конечном итоге довел себя до катастрофы в результате тайного поощрения громил-черносотенцев, жестоко убивавших евреев и других людей, считавшихся враждебными царю, так и британское имперское правительство скомпрометировало свое доброе имя поощрением незаконного вторжения доктора Джеймсона в Трансвааль перед

Англо-Бурской войной, походов сэр Эдварда Карсона (впоследствии лорда Карсона) в Ирландии, о чем мы вскоре расскажем, и молчаливым попустительством британскому правительству Ирландии в так называемых «репрессиях», предпринимаемых приверженцами существующего режима против преступников, или предполагаемых преступников, из радикальной организации Шинн Фейн.

Творя подобные преступления против своих подданных, империи разрушают сами себя. Истинная сила правителей и империй заключается не в армиях и флотах, а в уверенности людей в их неизменной

открытости, правдивости и законности. Как только правительство отходит от этого стандарта, оно становится не более чем «бандой у власти», дни которой сочтены.

Мы уже говорили о том, что существует естественная политическая карта мира, которая может служить основой для административно-географического разделения народов. Любой другой раздел мира, не основанный на этой естественной политической карте, неизбежно будет подобен плохо сидящему платью и приведет к напряженности, враждебности и восстаниям, направленным на

изменение границ в рамках естественной политической карты.

Казалось бы, эти идеи не требуют доказательств, однако дипломаты в Вене этого понимать не хотели и считали себя вправе кромсать мир, как им заблагорассудится. Большинство катаклизмов и конфликтов, начавшихся в Европе после того, как мир пришел в себя после изнурительных наполеоновских войн, совершенно явно представляли собой попытки простых людей избавиться от «плохо сидевших» и часто абсолютно неприемлемых правительств.

В целом во всей Европе

существовавшие в то время правительства были неадекватными, потому что они не были представительными в социальном смысле и поэтому тормозили производство и попусту растрачивали человеческие ресурсы. Но когда эти общие недостатки усугублялись еще и различиями в религии и национальной культуре между правителями и подданными (как в большей части Ирландии), различиями этническими и языковыми (как в австрийской Северной Италии и большей части Австро-Венгрии) или же различиями во всех этих аспектах (как в Польше и европейской части Османской

империи), то взаимное озлобление неизбежно приводило к кровопролитию.

Европа представляла собой скверно отрегулированную систему правительственных машин. Напряжения, возникавшие из-за этой разлаженности, являлись направляющей силой «националистических» движений, сыгравших столь значительную роль в истории XIX столетия.

Что такое нация? Что такое национальность? Если наш очерк мировой истории что-либо и продемонстрировал, так это смешение рас и народов, нестабильность разделов между

людьми, бурлящее разнообразие человеческих групп и человеческих объединяющих идей.

Утверждалось, что нация — это большая группа человеческих существ, считающих себя единым народом. Нам говорят, что Ирландия — это нация, но протестантский Ольстер наверняка так не считает; итальянцы не думали, что являются одним народом еще долго после того, как было достигнуто единство Италии. Когда пишуший эти строки был в Италии в 1916 г., люди говорили: «Эта война сделает нас единой нацией».

Опять же, англичане — это нация, или они влились и стали

частью «британской национальности»? Непохоже, чтобы шотландцы так уж сильно верили в существование этой «британской национальности». Нация не может быть расовым или языковым объединением, потому что шотландская «нация» состоит из гэлов («горцев») и «жителей низин» южной части Шотландии; основой нации не может быть ни общая религия (в Англии их десятки), ни общая литература, иначе почему Британия отделена от Соединенных Штатов, а Аргентинская республика — от Испании? Можно предположить, что нация — это фактически любое собрание,

скопление или смешение людей, которые имеют несчастье обладать одним и тем же министерством иностранных дел для совершения коллективных действий, будто их нужды, желания и тщеславие являются куда более важными, чем благосостояние всего человечества.

Мы уже проследили, как макиавеллиевские монархии эволюционировали в способ правления их министерств иностранных дел, которые стали играть роль «держав». «Национальность», которая господствовала в политической мысли XIX в., была в действительности не более чем

романтическим и эмоциональным преувеличением разногласий и трений, возникавших в результате конфликта между естественной политической картой и неадекватными политическими решениями в интересах подобных «держав».

На протяжении всего XIX в., и особенно во второй его половине, происходило интенсивное развитие национализма во всем мире. Все люди по природе своей являются борцами и патриотами, однако естественный трибализм людей в XIX в. был неестественно преувеличен, доведен до раздражения и перевозбуждения и

втиснут в рамки национализма.

Национализм преподавали в школах, о нем очень много писали в газетах, его доносили до сознания людей через проповеди, фельетоны и песни. Он стал чудовищным фоном, на котором разворачивалась вся общественная жизнь. Людей заставляли думать, что без национальности они будут выглядеть таким же неподобающим образом, как и без одежды на многолюдном собрании. Восточные народы, которые ранее о национальности не слышали, пристрастились к ней точно так же, как они пристрастились к западным сигаретам и шляпам-котелкам.

Индия, эта галактика непохожих друг на друга рас, религий и культур — дравидских, монгольских и арийских, — тоже стала «нацией». Доходило до смешного, когда, например, молодому лондонскому еврею приходилось решать, к какой нации он принадлежит — британской или еврейской.

Карикатуры и политические шаржи сыграли значительную роль в сотворении культа этих новых и более важных родовых богов — ибо таковыми, по сути, являются современные «нации». Этот культ стал господствовать над сознанием людей XIX века. Если полистать страницы журнала «Панч», этой

странноватой хроники британской души, которая ведется с 1841 г., там можно увидеть фигуры Британии, Ирландии, Франции и Германии, которые обнимаются, спорят, упрекают друг друга, ликуют и печалются.

Преподнесение политики в подобной форме склонному к сомнениям сознанию широкой общественности очень помогало дипломатам продолжать свою игру в великие державы. Простому человеку, который не желал, чтобы его сына посылали на верную смерть за границу, разъяснялось, что это происходит не в результате обычного упрямства и жадности двух

правительств, а является частью неизбежной и справедливой гигантской борьбы между двумя из этих величественных и таинственных божеств: Германия причинила зло Франции, или Италия проявляла мужество в борьбе с Австрией.

Смерть молодого парня перестала казаться возмутительной для здравого смысла; она обрела нечто вроде мифологического геройства. Бунт мог облекать себя в те же романтические одежды, что и дипломатия. Ирландия стала богиней Золушкой, Кэтлин най Хулиэн, исполненной душераздирающих обид, которым нет прощения; а молодая Индия уходила от своих

реалий в поклонение «Бандэ Матарам». [\[89\]](#)

Основной идеей национализма XIX в. было «законное стремление» каждой нации к суверенитету — требование каждой нации самой управлять собственными делами в пределах своей территории, не считаясь с другими нациями.

Изъяном в этой идее является то, что дела и интересы любого современного общества могут простирались до самых отдаленных уголков нашей планеты. Например, убийство в Сараево в 1914 г., приведшее к мировой войне, вызвало нужду среди индейских племен на полуострове Лабрадор, потому что в

результате этой войны прекратилась торговля мехами, дававшая им возможность приобретать такие предметы первой необходимости, как ружья и патроны, без которых они не могли добыть достаточного количества пищи.

Поэтому мир независимых суверенных наций означает мир непрерывных ссор и обид, мир, в котором государства постоянно воюют или готовятся к войне. Но одновременно и в противовес проповеди национализма среди более сильных национальностей проводилась активная пропаганда иного набора идей — империализма, в соответствии с которыми за

мощной и передовой нацией признавалось право господствовать над группой других, менее передовых и менее развитых политически наций или народов, национальность которых пребывала в стадии становления и которые, по мнению господствующей нации, должны быть благодарны ей за защиту и господство.

Эти две идеи — национальность и империя (как вершина национального успеха) главенствовали в европейской политической мысли и фактически доминировали в политической мысли всего мира в течение всей второй половины XIX в. Их

господство привело почти к полному исчезновению какой-либо иной, более широкой концепции всеобщего блага. Это были правдоподобные, но ошибочные и опасные практические идеи. Они не предлагали ничего фундаментального и имеющего непреходящее значение для понимания природы человека. Они не смогли удовлетворить потребность в новых методах управления всемирными делами и обеспечения безопасности во всем мире, которую механическая революция делала все более настоятельной.

Эти идеи получили распространение потому, что у

основной массы людей уже не было ни тех широких взглядов, которые может дать изучение мировой истории, ни того всеобъемлющего милосердия, которое может дать мировая религия. Об опасности, угрожающей всему порядку повседневной жизни, они не догадывались до тех пор, пока не стало слишком поздно.

8

После середины XIX в. этот мир новых возможностей и старых идей, мир молодого вина, играющего в старых бочонках дипломатии, был

взорван целым рядом войн, которые разрушили хрупкие ограничительные перегородки Венского конгресса. Но по иронии судьбы новому периоду катаклизмов предшествовал праздник мира в Лондоне — Всемирная выставка 1851 г. Эта выставка заслуживает того, чтобы уделить ей немного места в нашем повествовании.

Вдохновителем этой выставки был герцог Альберт Саксен-Кобург-Готский — племянник бельгийского короля германского происхождения Леопольда I, которого посадили на трон в 1831 г. и который был дядей по материнской линии молодой королевы Англии Виктории. Она

стала королевой Англии в 1837 г. в возрасте восемнадцати лет. Двоюродные брат и сестра — они были одного и того же возраста — поженились в 1840 г. под покровительством своего дяди, и герцог Альберт стал принцем-консортом британцев. Он был молодым человеком недюжинного ума и блестящего образования, и его явно шокировал тот интеллектуальный застой, в котором была тогда Англия.

Оксфорд и Кембридж, бывшие когда-то кузницей талантов, находились в процессе медленного восстановления после интеллектуального упадка второй

половины XVIII в. Ни в одном из этих университетов ежегодное количество зачисленных не превышало четырехсот человек. Экзамены в основном представляли собой церемонию устного опроса. Кроме двух университетских колледжей в Лондоне (Лондонский университет) и одного в Дареме, это было все, что могла предложить Англия в плане университетского образования.

Именно по инициативе этого возмущенного молодого немца, женившегося на британской королеве, в 1850 г. была создана Университетская комиссия. И для содействия развитию Англии он занялся организацией первой

международной выставки, которая предназначалась для того, чтобы дать возможность сравнить художественные и промышленные достижения различных европейских стран.

Этот замысел столкнулся с яростным сопротивлением. Палата общин предрекала, что в Англию нахлынут иностранные мошенники и революционеры, которые будут подрывать моральные устои народа и разрушать веру и добропорядочность в стране.

Выставка проводилась в Гайд-парке в большом здании из стекла и железа, которое впоследствии было возведено заново под названием

Хрустальный дворец. В экономическом смысле она имела большой успех. Благодаря ей у многих англичан впервые появилась возможность узнать о том, что их страна не была единственной промышленной страной в мире и что коммерческий успех и процветание не были предопределенной свыше британской монополией. Выставка дала четкое представление о том, что Европа неуклонно восстанавливается после разрушительных наполеоновских войн и быстро догоняет Британию в торговле и промышленном производстве. Вскоре после этой выставки был создан Департамент по делам науки

и искусства (1853 г.), призванный, по возможности, восстановить утраченное Британией первенство в сфере образования.

Всемирная выставка 1851 г. дала обильную пищу для международных дебатов и выражения чувств. Она нашла свое отражение в сочинениях молодого поэта Теннисона, пытавшегося увидеть перспективу будущего:

Как умолкнут навсегда боевые барабаны. И знамена боевые свернут и сдадут в музей, Будет править на Земле человечество — Парламент, Все народы будут жить в Федерации людей.

Этот образ будущего оказался

преждевременным. Под покровом обманчиво-мирного периода либерализма и поверхностного просвещения вызревали зерна нового урожая международных конфликтов. Номинально Франция была либеральной республикой. Но президентом ее был один из Бонапартов, племянник Наполеона I — личность весьма хитрая и предприимчивая, которой суждено было навлечь на Францию и Европу несчастья даже большие, чем удалось его дяде за полстолетия до того.

История Французской республики, пришедшей на смену Орлеанской монархии в 1848 г., была короткой и бурной. С самого начала

она была омрачена неумелыми социалистическими экспериментами, приведшими к значительной экономической дезорганизации и панике в деловых кругах. Новый Наполеон Бонапарт, представляя себя как «надежного человека» либеральных взглядов, который восстановит доверие к власти и стабилизирует жизнь государства, смог обеспечить свое избрание на пост президента в октябре того же года. Как президент он поклялся быть верным демократической республике и считать врагом всякого, кто попытается изменить форму государственного правления. Через

четыре года (в декабре 1852 г.) он стал императором Франции.

Поначалу он столкнулся с большим недоверием и подозрительностью королевы Виктории, или, точнее, барона Стокмара, друга и помощника короля Бельгии Леопольда, а также консультанта британской королевы и ее супруга в международных делах. Вся эта группа людей из Саксен-Кобург-Готской династии естественным образом была живо заинтересована в единстве и благосостоянии Германии на основе либеральных принципов, и они, конечно же, были встревожены этим возрождением бонапартизма. С

другой стороны, лорд Палмерстон, британский министр иностранных дел, с самого начала был в хороших отношениях с этим узурпатором; он нанес оскорбление королеве тем, что отправлял дружелюбные послания французскому президенту, не предоставляя их ей на рассмотрение и не давая ей тем самым возможность проконсультироваться по поводу этих посланий со Стокмаром. Лорду Палмерстону пришлось подать в отставку. Но впоследствии Британский двор сменил свое отношение к новому авантюристу на более дружелюбное.

Первые годы его правления обещали скорее либеральную

монархию, чем карьеру в стиле Наполеона I, — это было правление дешевого хлеба, больших общественных работ и большого количества выходных дней.

Новый Наполеон тепло высказывался в адрес идеи национализма, которая была весьма привлекательной для каждого либерального и образованного германца. В 1848 г. во Франкфурте на короткое время был создан общегерманский парламент — Национальное собрание, разогнанное в 1849 г. прусскими монархистами.

До 1848 г. все дворы крупных европейских держав, подписавших

венские соглашения, были участниками своеобразного альянса, основанного на страхе перед второй и теперь уже всеобщей демократической революцией. После поражения революции 1848 г. и реставрации монархии во Франции этот страх прошел, и они снова принялись плести интриги и контринтриги в стиле периода, предшествовавшего 1789 г., — при армиях и флотах более мощных, чем во времена наполеоновских войн. После шестидесятилетнего перерыва игра великих держав возобновилась с еще большим рвением и продолжалась до тех пор, пока не привела к катастрофе 1914 года.

В течение некоторого времени новый Наполеон вел себя весьма осторожно. Первый шаг сделал царь России Николай I. Он возобновил традиционный напор Петра Великого в направлении Константинополя. Николай изобрел фразу «больной человек Европы» для султана и его империи и под предлогом притеснения христианского населения в Османской империи в 1853 г. оккупировал дунайские провинции.

Это был настоящий возврат в прошлое в международном масштабе. Перед европейскими дипломатами возник «вопрос» совершенно в стиле XVIII в. Предполагалось, что

замыслы России противоречат
планам Франции в Сирии и
угрожают средиземноморскому
маршруту Британии в Индию.
Результатом стал альянс Франции и
Англии в поддержку Турции и война
— Крымская война, окончившаяся
поражением России. Могло
показаться, что сдерживание России
было скорее делом Австрии и
Германии, однако министерствам
иностраннх дел Франции и Англии
всегда не терпелось приложить руку
к российским делам. В этой войне
новый Наполеон увидел хорошую
возможность укрепить свою
непрочную дружбу с Британией и
Британским двором, которые до

этого держались от него в стороне.

Еще одним интересным актом в этой возрожденной драме великих держав было использование в своих целях императором Наполеоном III и королем небольшого Сардинского королевства на севере Италии проблем и тягот, порожденных разделом Италии, и в особенности — австрийским правлением на севере. Король Сардинии, Виктор Эммануил, предложил, как в прежние времена, Наполеону сделку: возврат провинций Ницца и Савойя в обмен на помощь. Предполагалось, что эти провинции отойдут к Франции, а Сардиния компенсирует их за счет Италии. Война между

Францией и Сардинией, с одной стороны, и Австрией, с другой, — началась в 1859 г. и окончилась через несколько недель. Австрийцы потерпели сокрушительные поражения под Маджентой и Сольферино. Но после угрозы со стороны Пруссии на Рейне Наполеон заключил мир, в результате которого Сардинское королевство пополнилось Ломбардией.

Следующим шагом в игре Виктора Эммануила и его премьер-министра Кавура стала поддержка повстанческого движения в Сицилии под предводительством великого итальянского патриота Гарибальди. Сицилия и Неаполь были

освобождены, и вся Италия, за исключением Рима, оставшегося верным Папе, и Венеции, которую удерживали австрийцы, отошла к королю Сардинии. В 1861 г. в Турине собрался общеитальянский парламент, и Виктор Эммануил стал первым королем Италии.

Затем интерес в этой игре европейских дипломатов переместился в сторону Германии. Здравый смысл естественной политической карты уже дал о себе знать. В 1848 г. вся Германия, включая, конечно же, и немецкую Австрию, на некоторое время объединилась под руководством Франкфуртского парламента. Но

подобный способ объединения был особенно оскорбительным для всех германских дворов и министерств иностранных дел: они не хотели объединения Германии волей ее народа, они хотели объединения Германии в результате королевских и дипломатических действий — подобно тому, как была объединена Италия.

В 1848 г. Германский парламент выдвинул требование, что населенные в основном немцами земли Шлезвиг-Гольштейна, входившие в Германский союз и находившиеся в унии с Данией, должны быть переданы Германии. Парламент приказал прусской армии

занять эти провинции, но король Пруссии отказался повиноваться приказам Германского парламента и тем самым ускорил крах этого органа. А затем король Дании Кристиан IX, безо всякого видимого повода, кроме обычной прихоти королей, начал кампанию запугивания немцев, живших в этих двух герцогствах.

В то время прусскими делами в основном заправлял министр фон Бисмарк (1815–1898), представлявший собой тип политика XVIII в. Он понял, что этот конфликт открывает перед ним великолепные возможности. Он стал борцом за права немцев в этих герцогствах —

напомним, что король Пруссии отказался взять на себя эту задачу в демократической Германии 1848 года — и убедил Австрию объединиться с Пруссией для военного вмешательства.

У Дании не было никаких шансов в борьбе против этих великих держав; они одержали над ней легкую победу и заставили ус тупить эти герцогства.

После этого Бисмарк затеял ссору с Австрией по поводу того, кому эти герцогства должны принадлежать. Тем самым он вызвал бесполезную и братоубийственную войну между немцами во славу Пруссии и ради господства династии

Гогенцоллернов в Германии. И он объединил Германию под властью прусских Гогенцоллернов (1871 г.). Романтически настроенные немецкие литераторы представляют Бисмарка как великого деятеля, вынашивавшего идею единства Германии, однако на самом деле ничего подобного он не делал.

Единство Германии уже было фактически достигнуто в 1848 г. Оно было predetermined естественным ходом событий. Прусская монархия просто оттягивала неизбежную развязку, с тем чтобы объединение Германии выглядело, как заслуга Пруссии. И Германия после своего объединения стала выглядеть, не как

современное цивилизованное государство, но явилась миру в облике архаического Бисмарка с огромными усами, в ботфортах, с мечом и в островерхом шлеме.

В этой войне Пруссии с Австрией союзником Пруссии была Италия, в то время как небольшие германские государства, боявшиеся осуществления замыслов Пруссии, воевали на стороне Австрии. Читателю, конечно же, интересно будет узнать, почему Наполеон III не воспользовался этой великолепной возможностью проявить себя в роли государственного деятеля и не вступил в войну ради собственных интересов. По всем правилам игры

великих держав он должен был это сделать. Иначе он допускал в Европе появление опасного для Франции соперника в лице Пруссии. Ему следовало как-то противодействовать этому. Но Наполеон, к несчастью для себя, попал в ловушку по ту сторону Атлантики и как раз в то время не имел никакой возможности вмешаться.

Он поддался американскому искушению. Несовпадение интересов южных и северных штатов Северо-Американского союза, вызванное порожденными рабством экономическими различиями, в конечном счете привело к открытой гражданской войне. Более подробно

мы расскажем об этой войне в следующем разделе; здесь же мы скажем только, что продолжалась она четыре года и окончилась новым объединением Соединенных Штатов. Эти четыре года вражды в республиканской Америке вызвали ликование реакционных элементов Европы. Британская аристократия открыто стала на сторону южан, а британское правительство позволило нескольким каперам, в частности «Алабаме», выйти из портов Англии для нападения на федеральные суда.

Наполеон III слишком поторопился сделать вывод о том, что Новый Свет уже пал к ногам Старого. До этих пор Соединенным

Штатам удавалось предотвращать европейское вмешательство на Американском континенте. Это было, так сказать, твердым правилом американской политики. Наполеону показалось, что надежный щит доктрины Монро теперь забыт и заброшен, что великие державы снова могут вмешаться в американские дела и что именно в Америке можно вернуться к благословенным дням авантюристической монархии.

Предлогом для вмешательства стали определенные вольности, которые позволял себе мексиканский президент по отношению к собственности иностранцев.

Совместный контингент
французских, британских и
испанских войск оккупировал
Веракрус, однако планы Наполеона
показались его союзникам слишком
смелыми, и они вывели свои войска,
когда стало ясно, что он замышляет,
ни много ни мало, создание
Мексиканской империи. После
ожесточенной военной кампании он
все же добился этого и сделал
австрийского эрцгерцога
Максимилиана императором
Мексики в 1864 г. Однако
фактически страной правили
занявшие ее французские войска, и в
Мексику хлынула толпа французских
дельцов, чтобы заняться

эксплуатацией шахт и других ресурсов.

Но в апреле 1865 г. Гражданская война в Соединенных Штатах окончилась, и небольшая группа завладевших Мексикой авантюристов-европейцев очутилась лицом к лицу с решительно настроенным победоносным правительством Соединенных Штатов, в распоряжении которого была большая и угрожающе выглядевшая армия. Французским империалистам была предъявлена четкая альтернатива — либо воевать с Соединенными Штатами, либо убираться из Америки. Фактически это был приказ уходить. Именно эта

мексиканская авантюра и предотвратила вмешательство Наполеона III в войну между Пруссией и Австрией в 1866 г., и по этой причине Бисмарк легко пошел на конфликт с Австрией.

Пока Пруссия воевала с Австрией, Наполеон III пытался с достоинством выбраться из мексиканской переделки. Он затеял мелочную ссору с Максимилианом по надуманным финансовым причинам и вывел французские войска. После этого, по всем правилам королевской власти, Максимилиану следовало отречься от престола. Но вместо этого он бросился защищать свои права

императора; он потерпел поражение от своих непокорных подданных, был взят в плен и расстрелян как нарушитель общественного порядка в 1867 г. Так в Новом Свете был восстановлен мир в соответствии с доктриной президента Монро.

И пока Наполеон был занят своей неудачно завершившейся американской авантюрой, Пруссия и Италия добились победы над Австрией (1866 г.). Правда, итальянцы потерпели жестокие поражения при Кустоце и в морском сражении у острова Лисса, но пруссаки нанесли австрийской армии столь сокрушительное поражение под Садовой, что Австрии

пришлось немедленно капитулировать. К Италии отошла провинция Венеция, и так был сделан еще один шаг к единству — за пределами королевства оставались лишь Рим, Триест и несколько небольших городов на северной и северо-западной границах; а Пруссия стала во главе Северо-Германского союза, в который не входили Бавария, Вюртемберг, Баден, Гессен и Австрия.

Эта прусская победа, устранение Австрии даже от номинального главенства в германских делах, эта реставрация идеи Фридриха Великого привели к открытому противостоянию Франции и

Пруссии. Ожесточенное соперничество вышло наружу, соперничество, которое в конечном счете привело к невиданно жестокой по тем временам и опустошительной войне. Столкновение Франции и Пруссии стало вопросом времени. Обе страны обладали сильными армиями, но прусская была лучше подготовлена, была более дисциплинирована и эффективна.

Война чуть было не началась в 1867 г., когда Наполеон, освободившись от мексиканского бремени, вознамерился затеять ссору с Пруссией из-за Люксембурга. В 1870 г. война все-таки началась, причем совершенно в традициях

XVIII в.: из-за спора по поводу кандидатов на пустующий трон Испании. Наполеон почему-то считал, что Австрия, Бавария, Вюртемберг и другие не входящие в Северо-Германский союз государства соединятся с ним против Пруссии. Он думал, наверное, что так случится потому, что ему так хотелось. Но с 1848 г., в том что касалось иностранного вмешательства, немцы уже были единым народом; Бисмарк просто воспользовался свершившимся фактом и навязал немцам династию Гогенцоллернов, что сопровождалось помпезностью и кровопролитием. Вся Германия выступила на стороне Пруссии

против Франции.

В первых числах августа 1870 г. объединенные германские войска вторглись во Францию. Как оказалось, по численности, дисциплине, снаряжению и качеству управления они превосходили французские войска. Разгром Франции был быстрым и полным. После сражений у Гравелот и Сент-Прива одна французская армия под командованием Базена была отброшена к Мецу и там окружена, а 1 сентября другая армия, с которой был Наполеон, потерпела поражение и вынуждена была капитулировать под Седаном. Наполеон попал в плен. Париж остался без какого-либо

прикрытия. Второй раз надежды и обещания бонапартизма привели Францию к катастрофе.

4 сентября Франция снова объявила себя республикой и, возродившись и воспрянув духом, приготовилась к борьбе за существование против торжествующего пруссачества. Несмотря на то что поражение французскому империализму нанесла объединенная Германия, заправляла всем Пруссия. Армия в Меце капитулировала в октябре; Париж, после осады и обстрелов, пал в январе 1871 г. Франция попросила мира.

В Зеркальном зале Версаля, при

большом скоплении военных
униформ, король Пруссии был
помпезно и торжественно объявлен
императором Германии, а Бисмарку
и армии Гогенцоллернов было
поставлено в заслугу достижение
единства Германии, которое на
самом деле уже давно было
обеспечено общим языком и
литературой.

Последовавший за этим
Франкфуртский мирный договор был
миром на условиях Гогенцоллернов.
Бисмарк воспользовался
национальными чувствами в
Германии, чтобы обеспечить
поддержку южногерманских
государств, но он не имел влияния на

те главные силы, которые обеспечили победу ему и его коронованному хозяину. Сила, которая привела Пруссию к победе, была силой естественной политической карты Европы, настаивающей на единстве немецкоязычных народов. На востоке Германия уже грешила против этой естественной карты, управляя Познанью и другими районами Польши. Жадная после войны с Францией на новые территории, и особенно на новые железорудные шахты, Германия аннексировала значительную часть франкоязычной Лотарингии, включая Мец, и Эльзас, который, несмотря на свою

немецкую речь, был в основном французским по своим симпатиям.

Конечно же, в этих аннексированных провинциях возникло противостояние между германскими правителями и французскими подданными; конечно же, обиды и злость покоренной Франции в Лотарингии эхом отзывались в Париже и подогревали страстное негодование французов.

О том, как все это обернулось великим Реваншем, мы расскажем позже...

Наполеон III спрятался от позора в Англии и умер там через год с небольшим после своего краха.

Таким был конец второго

бонапартистского режима во Франции.

10

Это просто облегчение — от бедственных свершений авантюриста Бонапарта во Франции и временного триумфа Гогенцоллернов над народным движением в Германии перейти к куда более великой и значительной личности, личности Авраама Линкольна (1809–1865), вокруг которой можно удобно расположить события Гражданской войны в Америке.

Начало первой половины XIX в.,

бывшее в Европе эпохой реакции и реставрации монархий, в Америке было периодом беспрецедентного роста. Новые средства сообщения — пароход, железные дороги, а затем и телеграф — подоспели как раз вовремя и во многом способствовали миграции населения через континент. Если бы не эти механические средства, Соединенные Штаты еще долго не перевалили бы за Скалистые горы и западным побережьем владел бы совершенно другой народ.

Политики еще не вполне поняли зависимость территорий, охваченных государственными и административными границами, от

имеющихся средств сообщения и от особенностей страны, связанных с транспортом. При наличии дорог и почты открытые пространства обычно объединяются под властью одного правительства. Препятствия в виде гор разделяли не только народы, но и правителей. Римская империя была империей столбовых дорог и колеса, ее территориальные разделы, территориальные потери и упадок произошли вследствие невозможности быстрого сообщения одной части империи с другой. Западная Европа, возникшая после наполеоновских бурь, разделилась на национальные государства настолько крупные, насколько их целостность

могла быть обеспечена столбовыми дорогами и конной тягой, как самым быстрым способом сообщения.

Если бы в Соединенных Штатах единство людей, расселявшихся по Американскому континенту, обеспечивалось только конными повозками, немощеными дорогами и почтовой службой, то различия в местных экономических условиях наверняка привели бы к появлению различных типов общества. Огромные пространства усиливали бы различия в диалектах и политических симпатиях, неудобства, связанные с посещением конгресса в Вашингтоне, увеличивались бы при каждом

смешении границы на запад, и это продолжалось бы до тех пор, пока Соединенные Штаты не превратились бы в конечном итоге в свободную лигу практически независимых и все более обособляющихся друг от друга государств. Затем начались бы войны за природные ресурсы, за выход к морю и так далее, и Америка стала бы второй Европой.

Но речной пароход, паровоз и телеграф подоспели вовремя и предотвратили это разделение; Соединенные Штаты первыми стали современным транспортным государством нового типа, более крупным, более мощным и более

остро осознающим необходимость своего единства, чем какое-либо из ранее существовавших государств. Поэтому сейчас в Америке преобладает тенденция не увеличения различий, а ассимиляции, и граждане из различных районов США становятся все более подобными друг другу в языке, мышлении и привычках. Соединенные Штаты действительно нельзя сравнивать с европейскими государствами, вроде Франции и Италии. Они представляют собой новый и более крупный тип политической организации.

Ранее в мире уже существовали империи, по территории и

населению сравнимые с Соединенными Штатами, но они представляли собой просто скопление различных платящих дань народов, объединенных лишь общим правлением. Единство Соединенных Штатов — свойство внутреннее. Оно выражает собой общность взглядов более чем двухсот миллионов людей. В Европе железные дороги способствовали конфликтам и трениям, новые изобретения облегчили нанесение удара для европейских армий и обеспечили им способность разрушения такой степени, что кажется, будто у Западной Европы уже нет иного выбора, кроме выбора между

добровольным либо насильственным объединением под началом какой-либо господствующей державы, с одной стороны, и хаосом и уничтожением — с другой. Но все это лишь укрепило добровольное единство республиканской Америки. В Европу пар принес скученность и перенаселенность, в Америку — новые возможности.

Но на своем пути к нынешнему благополучию американский народ прошел через один период жестокого конфликта. Речные пароходы, железные дороги и телеграф, с их возможностями сообщения, появились все-таки слишком поздно для того, чтобы предотвратить

назревающий конфликт между южными рабовладельческими штатами и свободным индустриальным Севером. Поначалу железные дороги и речные пароходы лишь обострили уже существовавшие различия.

Между двумя частями Соединенных Штатов существовало глубокое различие по духу и мировоззрению, и тенденция к объединению, усиленная новыми средствами сообщения, со всей остротой поставила вопрос о том, какой дух и какое мировоззрение должны преобладать — южные или северные. Возможности компромисса почти не существовало.

Дух Севера был духом свободы и индивидуализма; дух Юга нес с собой крупные имения и самоуверенную знать, правящую огромной массой темнокожих подданных. Симпатии британского либерализма и радикализма были на стороне Севера; симпатии крупных британских землевладельцев и британского правящего класса были на стороне Юга.

Каждая превращаемая в новый штат территория, каждое новое прибавление к быстро растущей американской системе становились ареной конфликта двух идей: станет ли новая территория штатом свободных граждан или же должна

преобладать система крупных поместий. После образования Миссури (1821 г.) и Арканзаса (1836 г.) в качестве рабовладельческих штатов эта проблема постепенно заняла центральное место во внутренних американских делах. С 1833 г. Американское общество противников рабства не только препятствовало распространению этого явления, но и проводило агитацию по всей стране за полную его отмену. Проблема переросла в конфликт из-за приема в Союз штата Техас. Первоначально Техас был частью республики Мексика, однако в основном он был колонизован

американцами из рабовладельческих штатов. Он отсоединился от Мексики и объявил независимость в 1836 г. Последовала активная кампания за присоединение Техаса, он был аннексирован в 1844 г., а в 1845 г. был принят в Северо-Американский союз в качестве штата.

По мексиканским законам рабство в Техасе было запрещено, но теперь южане объявили Техас зоной рабства — и добились своего. Более того, война, возникшая из-за аннексии Техаса, привела к тому, что к Соединенным Штатам были присоединены Нью-Мексико и другие территории. В этих регионах было также разрешено рабство, а

закон о беглых рабах увеличивал возможности поимки и возврата рабов, сбежавших в свободные штаты.

С другой стороны, развитие океанского судоходства способствовало растущему наплыву иммигрантов из Европы, в результате чего сильно увеличилось население северных сельскохозяйственных территорий, и Айова, Висконсин, Миннесота и Орегон получили статус штатов. Это дало возможность настроенному против рабства Северу контролировать как сенат, так и нижнюю палату. Занимавшийся выращиванием хлопка Юг, раздраженный возрастающей угрозой

аболиционистского движения и испытывая страх перед господством северян в конгрессе, начал говорить об отделении от Союза. Южане мечтали о мексиканских и вест-индийских приобретениях на юге, о великой рабовладельческой державе, независимой от Севера и простирающейся от «линии Мейсона и Диксона» до Панамы.

В Канзасе противоречия достигли наивысшей точки. Проблема рабства ввергла территорию Канзаса в то, что фактически было гражданской войной между переселенцами из свободных и рабовладельческих штатов; эта война продолжалась до

1857 г. и окончилась победой противников рабства. Но лишь в 1861 г. Канзас получил статус штата. Распространение рабства было основным вопросом, стоявшим перед страной на президентских выборах 1860 года, а избрание президентом Авраама Линкольна, выступавшего против распространения рабства, подтолкнуло Юг к расколу Союза.

Южная Каролина приняла «постановление о сецессии» (выходе из состава Союза) и стала готовиться к войне. Миссисипи, Флорида, Алабама, Джорджия, Луизиана и Техас последовали за ней в самом начале в 1861 г. В Монтгомери, штат Алабама, собрался съезд, избравший

Джефферсона Дэвиса президентом «Конфедеративных Штатов» Америки и принявший конституцию наподобие конституции Соединенных Штатов, которая, однако, открыто узаконивала «институт рабства негров».

Вот с такой политической ситуацией пришлось иметь дело Аврааму Линкольну как президенту Соединенных Штатов. Он был абсолютно типичным представителем нового сорта людей, появившегося после Войны за независимость. Его родители были совершенно обычными людьми; отец его до женитьбы не умел ни читать, ни писать, а мать его, как

утверждают, была рождена вне брака. Она была женщиной исключительного ума и силы характера.

В молодые годы Линкольн был подобен дрейфующей частице в потоке двигавшегося на запад населения. Он родился в Кентукки (1809 г.), еще ребенком был перевезен в Индиану, а позже — в Иллинойс. В те дни в лесной глуши штата Индиана жизнь была крайне тяжелой; дом, в котором жил будущий президент, представлял собой обыкновенную бревенчатую хижину; школу он посещал от случая к случаю. Однако мать рано научила сына читать, и он стал ненасытным

книгочеем.

К семнадцати годам Авраам превратился в рослого атлетического юношу, сильного борца и бегуна. В девятнадцать он отправился вниз по реке в Новый Орлеан, нанявшись матросом на плоскодонное судно. Некоторое время юноша работал служащим в магазине, добровольцем участвовал в ополчении против индейцев, занимался бизнесом в качестве хозяина лавки вместе с партнером-пьяницей и наделал долгов, которые смог полностью выплатить лишь через пятнадцать лет. Наконец, в возрасте около двадцати четырех лет, Линкольн получил работу помощника

окружного землемера графства Сангамон. Эта работа, как он выразился, «давала возможность с трудом сводить концы с концами».

Все это время Линкольн очень много читал. Его первые книги — те книги, которые формируют мировоззрение, — были немногочисленными, но наверняка хорошими; юноша читал все, что мог достать; он хорошо знал Шекспира и Бернса, биографию Вашингтона, историю Соединенных Штатов и так далее. В нем было стремление к самовыражению, и с детства параллельно учебе он занимался сочинительством стихов, эссе и т. п. По большей части это были вещи

незрелые и неоригинальные. Вскоре Линкольн заинтересовался политикой. В 1834 г., когда ему было всего двадцать пять, он был избран в законодательное собрание штата Иллинойс; он готовился к адвокатуре и получил право на адвокатскую практику в 1836 г. Некоторое время он работал скорее в правовой сфере, чем в политике.

Но проблема рабства напоминала о себе каждому здравомыслящему человеку в Соединенных Штатах. Вопросы рабства и сепаратизма, с каждым днем все более влияющие на жизнь общества, не могли не взволновать до глубины души этого рослого,

способного, занимавшегося постоянным самообразованием и столь типичного для Среднего Запада человека. Эта проблема стояла особенно остро в штате Иллинойс, потому что выдающимся лидером сторонников распространения рабства был в конгрессе сенатор Дуглас от Иллинойса.

Между этими двумя людьми возникло личное соперничество; они оба ухаживали за дамой, которая позже стала миссис Линкольн. Дуглас был человеком больших способностей и влияния, и в течение нескольких лет Линкольн боролся с ним, выступая с речами и публикуя памфлеты, сначала в Иллинойсе, а

затем во всех восточных штатах, постепенно превращаясь в его наиболее грозного и в конечном итоге победоносного противника. Их завершающей схваткой была президентская кампания 1860 г., и 4 марта 1861 г. Линкольн торжественно вступил в должность президента, в то время как южные штаты уже начали активный процесс отделения и совершили акты агрессии.

Первым шагом сепаратистов был захват всех фортов и складов в пределах южных штатов. Эти федеральные опорные пункты были построены и находились на территориях, принадлежащих

штатам, и эти штаты заявили, что имеют право «возвратить» свою собственность. Гарнизон форта Самтер оказал сопротивление, и война началась с обстрела этого форта 12 апреля 1861 г. В то время Америка имела лишь очень небольшую регулярную армию; она осталась верна президенту, и конфедераты первые боевые операции проводили с помощью добровольцев из южных штатов. Президент Линкольн немедленно призвал в армию 75 000 человек, и Теннесси, Арканзас, Северная Каролина и Виргиния сразу же перешли на сторону Конфедерации, которая уже подняла свой

собственный флаг — «звезды и планки» вместо «звезд и полос».

Так началась Гражданская война в Америке. Она велась импровизированными армиями, которые постепенно увеличивались от нескольких десятков тысяч до сотен тысяч, пока наконец численность федеральных сил не превысила миллион человек. Боевые действия велись на обширной территории между Нью-Мексико и восточным побережьем. Основными целями были Вашингтон и Ричмонд (столица южан).

В нашу задачу не входит описание этой эпической борьбы, громыхавшей по холмам и лесам

Теннесси и Виргинии и бурным потоком мчавшейся вниз по Миссисипи. Потери с обеих сторон, в том числе и бессмысленные, были ужасны. Наступление сменялось контрнаступлением; надежда сменялась отчаянием, возвращалась и снова уступала место разочарованию. Иногда казалось, что конфедераты вот-вот захватят Вашингтон; а затем над Ричмондом нависала угроза взятия федеральными войсками. Конфедераты, уступая по численности и имея гораздо меньший потенциал для ведения войны, воевали под командованием генерала Ли, обладавшего

выдающимися способностями.

Качество генералитета северян было намного хуже. Длительное время Линкольн держался за генерала Макклеллана, «молодого Наполеона» — педантичного, медлительного и весьма посредственного. Одних генералов увольняли, других назначали, пока наконец под командованием Шермана и Гранта над истощенным войной Югом не была одержана победа. В октябре 1864 г. федеральная армия под командованием Шермана прорвала левый фланг конфедератов и прошла маршем по всей Конфедерации от Теннесси через Джорджию к

побережью, а затем через Южную и Северную Каролину вышла в тыл армий южан. Тем временем Грант сдерживал Ли под Ричмондом, пока не подошел Шерман.

2 апреля 1865 г. войска конфедератов оставили Ричмонд; 9 апреля Ли и его армия капитулировали в Аппоматоксе. В течение месяца остатки армии сепаратистов сложили оружие, и Конфедерация перестала существовать.

Эти четыре года войны легли тяжким физическим и моральным бременем на народ Соединенных Штатов. Во многих штатах, например в Мэриленде и Кентукки, мнения по

поводу войны резко поляризовались. Принцип автономии каждого штата был очень дорог сердцу многих людей, а получалось, что Север фактически навязывал Югу отмену рабства. Многие были против рабства, однако многие были и против вмешательства в свободное право каждого отдельного штата решать судьбу своих граждан. В штатах вдоль линии раздела между Югом и Севером родные и двоюродные братья и даже отцы и сыновья придерживались порой противоположных взглядов и оказывались в противостоящих друг другу армиях. Север знал, что воюет за правое дело, однако для большого

количества людей эта правота не была полной и безоговорочной.

Но для Линкольна сомнений не существовало. Посреди этой неразберихи он сохранял трезвость ума. Он выступал за Союз; он выступал за мир во всей Америке. Он был противником рабства, но вопрос рабства был для него второстепенным. Главной его целью было предотвращение распада Соединенных Штатов на два противостоящих друг другу фрагмента. За четыре долгих года войны он проявил твердость убеждений и несгибаемую волю.

Когда на начальных стадиях войны конгресс и федеральные

генералы принялись поспешно освобождать рабов, Линкольн выступил против и сдержал их энтузиазм. Он был сторонником поэтапного освобождения, которое сопровождалось бы компенсацией. Лишь в январе 1865 г. ситуация созрела до такой степени, что конгресс смог навсегда отменить рабство посредством поправки к конституции. Война уже окончилась, когда эта поправка была ратифицирована штатами.

По ходу этой затянувшейся войны в 1862 и 1863 гг. первые страсти и энтузиазм улетучились, и Америка прошла через все этапы усталости и отвращения к войне.

Добровольный набор в армию сменился призывом, что отразилось на боевом духе как северян, так и южан. Война превратилась в длительную, жестокую и братоубийственную борьбу.

В июле 1863 г. в Нью-Йорке произошли выступления против призыва в армию, а Демократическая партия на севере стремилась выиграть президентские выборы за счет лозунга, гласившего, что война окончилась провалом и должна быть прекращена. Фактически это означало бы победу южан. Для отмены призыва в армию велась тайная подрывная деятельность.

Позади этого высокого

сухощавого человека в Белом доме были пораженцы, предатели, уволенные генералы, бесчестные партийные лидеры, сомневающиеся и уставшие люди, перед ним — безынициативные генералы и деморализованные войска; единственным его утешением было, наверное, то, что Джефферсон Дэвис в Ричмонде был не в лучшей ситуации.

Английское правительство повело себя не лучшим образом и позволило агентам конфедератов в Англии спустить на воду и укомплектовать три быстроходных пиратских корабля — наиболее известным из них стал

«Алабама», — которые начали охоту за судами Соединенных Штатов. Французская армия в Мексике попирала сапогами доктрину Монро. Из Ричмонда поступали расплывчатые предложения прекратить войну, отложить на время спорные вопросы и совместно, северянам с южанами, выступить против французов в Мексике. Но Линкольн и слышать не хотел о таких предложениях, если они не основывались на признании необходимости Союза. Американцы могли выступить против французов лишь как единый народ, а не как два народа.

Наконец в первые месяцы

1865 г. стало ясно, что победа близка, и он все свои силы направил на то, чтобы сделать капитуляцию наименее болезненной, а обхождение с побежденными — началом процесса примирения. Его девизом было слово «Союз». Вскоре он поссорился с экстремистами из собственного лагеря, которые настаивали на унижительных условиях мира.

Линкольн был свидетелем триумфа Союза. Он прибыл в Ричмонд на следующий день после его падения и узнал о капитуляции Ли. Возвратившись в Вашингтон 11 апреля, он в последний раз обратился с речью к народу. Ее темой

было примирение и восстановление системы государственного правления в побежденных штатах. Вечером 15 апреля он посетил театр Форда в Вашингтоне. Когда он сидел и смотрел на сцену, его убил выстрелом в затылок некий актер по имени Бут, сторонник южан, который незамеченным проник в ложу.

И если работа по лечению ран затянулась, если Соединенные Штаты столкнулись с большим количеством проблем и большей жесточенностью, чем ожидалось, то это случилось потому, что был убит Линкольн. Но он успел сделать свою работу — Союз был спасен, и спасен навсегда. До войны

железнодорожного сообщения с побережьем Тихого океана не было, теперь же сеть железных дорог росла и развивалась, словно быстрорастущее растение, пока наконец не объединила все обширные территории Соединенных Штатов в один, теперь уже неразрывный, духовный и материальный Союз.

С того времени начался непрерывный процесс консолидации Соединенных Штатов. За полстолетия их население перевалило отметку в сто миллионов. И пока нет никаких признаков того, что процесс их развития уже достиг какого-то

предела. Мы вновь повторяем, что эта колоссальная демократия, без короля и хитроумной внешней политики, представляет собой новое явление в мировой истории. Это не «великая держава» в том смысле, к которому мы привыкли в Европе. Это нечто более современное по своей природе, более значимое, с более важным историческим предназначением.

11

Еще один прорыв того, что мы называли естественной политической картой, сквозь дипломатические

наслоения Венского конгресса начался в 1875 г., когда христианские народы Балканского полуострова, и в особенности болгары, стали непокорными и мятежными. Турки прибегли к жесточайшим репрессивным мерам и устроили масштабную резню болгар.

В результате последовало вмешательство России (1877 г.), и после года ожесточенных боевых действий турки были вынуждены подписать Сан-Стефанский мир, который, в целом, был реалистическим соглашением, демонтирующим искусственную Османскую империю и в значительной степени

восстанавливающим естественную карту. Но это уже стало традицией британской политики — противодействовать «планам России» (Бог знает зачем!), как только начинало казаться, что она эти планы вынашивает, и британское правительство под руководством премьер-министра Дизраэли (лорда Биконсфилда) вмешалось, пригрозив начать войну, если не будет существенным образом восстановлена способность турков грабить, преследовать и убивать мирное население. Некоторое время война казалась почти неизбежной. Британские мюзик-холлы, эти рекламные щиты британской

внешней политики, освещались
огнем патриотических чувств, а
лондонский мальчик-рассыльный во
время своих обходов вдохновенно
распевал, с простым достоинством
представителя великого народа,
сознающего свое высокое
предназначение, песню, в которой
говорилось следующее:

Черт побери! Мы не
стремимся воевать,
Но коль настанет час,
У нас есть люди, корабли,
И деньги есть у нас...

— и так далее вплоть до

торжественного вывода:

России не видать
Константинополя!

Вследствие такого
противодействия Британии в
Берлине был созван конгресс для
пересмотра Сан-Стефанского мира, в
основном в интересах Турции и
Австрийской монархии; британцы же
получили остров Кипр, на который
они вообще не имели никакого права
и который им так никогда и не
пригодился; а лорд Биконсфилд
триумфально возвратился с
Берлинского конгресса, привезя с

собой — как уверяли тогдашних британцев — «почетный мир».

Это берлинское соглашение стало вторым основным фактором (первым был Франкфуртский мир), вызвавшим мировую войну 1914–1918 гг.

12

Мы уже говорили о том, что в политической истории Европы периода 1848–1878 гг. механическая революция еще не успела привести к каким-либо кардинальным переменам. Послереволюционные великие державы продолжали

существовать практически в тех же пределах и с теми же формальностями, что и в дореволюционные времена. Но была сфера, в которой скорость и надежность транспортного и телеграфного сообщения уже привели к значительным изменениям условий и методов — в заморских предприятиях Британии и других европейских государств, а также в взаимодействии Азии и Африки с Европой.

К 1820 г. схематичные европейские «империи» за пределами Европы, столь браво выглядевшие на картах середины XVIII в., усохли до очень маленьких

размеров. Только Российская империя, как и прежде огромная, простиралась через всю Азию. В воображении многих европейцев она простиралась еще дальше, чем в действительности, из-за их привычки изучать географию по картам в проекции Меркатора, которая сильно преувеличивает размеры Сибири.

Британская империя в 1815 г. состояла: из малонаселенных побережий рек и озер в Канаде и разбросанных на огромных неосвоенных территориях пунктов торговли мехом, принадлежавших компании Гудзонова залива; приблизительно трети индийского

полуострова под управлением Ост-Индской компании; прибрежных районов мыса Доброй Надежды, заселенных неграми и воинственными голландскими поселенцами; нескольких торговых поселений на побережье Западной Африки, скал Гибралтара, Мальты, Ямайки, нескольких мелких рабовладельческих колоний в Вест-Индии, Британской Гвианы в Южной Америке и, на противоположной стороне Земного шара, двух пересылочных пунктов для заключенных в Австралии и на Тасмании.

Испания сохранила за собой Кубу и несколько поселений на

Филиппинских островах. Португалия владела в Африке некоторыми остатками своего бывшего величия. У Голландии были острова и владения в Индонезии и Голландская Гвиана, а у Дании — один или два острова в Вест-Индии. Франция владела одним или двумя островами в Вест-Индии и Французской Гвианой. Казалось, это было максимумом того, что нужно европейским державам в остальном мире; точнее, это было все, чем они смогли завладеть. Только Ост-Индская компания проявляла хоть какое-то стремление к экспансии.

Как мы уже рассказывали, в Индии выстраивался совершенно особый тип империи. Создавали ее

не народ Британии, не британское правительство, а компания частных авантюристов, обладавших монополией и королевским патентом. За время нестабильности и раздробленности Индии, последовавшее после смерти Аурангзеба в 1707 г., эта компания была вынуждена превратиться в военно-политическую организацию. В течение XVIII в. она научилась вести торговлю с разными индийскими государствами и народами.

Пока Европа была втянута в наполеоновские войны, Ост-Индская компания под управлением сменявших друг друга генерал-

губернаторов играла в Индии примерно ту же роль, какую прежде играли узбеки и другие подобные завоеватели с севера; но эту роль компания играла с большей эффективностью и с гораздо меньшими насилием и жестокостью. После Венского конгресса она продолжила собирать налоги, вести войны, отправлять послов в азиатские государства; она была подобием независимого государства, однако это было государство с четко выраженным стремлением перекачивать богатство в западном направлении.

В одной из предыдущих глав мы кратко описали распад империи

Великих Моголов и появление государств маратхов, раджпутских княжеств, исламских королевств Ауд и Бенгалия, а также сикхов. Мы не можем здесь подробно рассказать о том, как эта британская компания прокладывала себе путь к господству — иногда как союзник одного государства, иногда как союзник другого — пока в конечном счете не подчинила себе все эти государства. Ее власть распространялась на Ассам, Синд, Ауд. Карта Индии стала обретать свои современные очертания: лоскутная ткань национальных государств, скрепленных и удерживаемых вместе большими провинциями,

находящимися под прямым британским правлением.

В период между 1800 и 1858 годами, по мере роста этой ранее невиданной империи, механическая революция постепенно сокращала то огромное расстояние, которое разделяло Индию и Британию. В прежние дни власть компании редко оказывала влияние на повседневную жизнь индийских государств; она дала Индии иностранных повелителей, однако Индия была привычной к иностранным повелителям и прежде успешно их ассимилировала. Эти англичане приезжали сюда молодыми, жили в Индии большую часть своей жизни и

становились частью ее системы. Но механическая революция начала изменять такой порядок вещей. Британским чиновникам стало легче ездить домой и проводить отпуск в Европе и легче стало привозить с собой своих жен и семьи; они перестали «индианизироваться»; они становились все более чужими и западными — и их становилось все больше. Они начали более активно вмешиваться в индийские обычаи.

Появились такие магические и страшные вещи, как паровоз и телеграф. Христианские миссионеры стали оскорбительно навязчивыми. И если им не удалось обратить многих в свою веру, то им удалось

распространить скептицизм среди последователей традиционных религий. Молодые люди в городах стали «европеизироваться» — к огромному неудовольствию старшего поколения.

Ранее Индии приходилось переживать перемены, связанные с приходом и уходом различных правителей, но никогда прежде она не сталкивалась с переменами подобного рода. И учителя ислама, и брамины были одинаково встревожены; на британцев была возложена вина за прогресс человечества. По мере того как Европа становилась ближе, обострялись конфликты

экономических интересов; древние индийские отрасли, и особенно хлопкопрядильная промышленность, страдали от введения законов, которые ставили британского производителя в более выгодное положение.

Одна невероятная глупость, допущенная компанией, ускорила взрыв возмущения. Для брамина корова является священной; для мусульманина свинья — животное нечистое. Индийским солдатам компании были выданы новые ружья, для которых требовалась смазка и патроны для которых необходимо было скусывать; солдаты вскоре обнаружили, что их патроны смазаны

говяжьим жиром и свиным салом. Это открытие ускорило бунт в индийской армии компании, Индийское восстание (1857 г.). Сначала взбунтовались войска в Мируте. Затем поднялся Дели, стремясь восстановить империю Великих Моголов.

Британская публика неожиданно открыла для себя Индию. Она узнала, что в этой далекой незнакомой стране раскаленной пыли и изнуряющего солнца есть маленький гарнизон британцев, сражающихся за свои жизни против огромного числа загорелых врагов. Британская публика не задавалась вопросом, как они туда попали и по какому праву

они там находятся. Когда родные и близкие в опасности, подобные вопросы не возникают. Последовали жесткие расправы. 1857 г. был для Великобритании очень беспокойным годом. Буквально с кучкой солдат британские командиры, особенно Лоуренс и Николсон, творили чудеса. Они не сидели сложа руки и ожидая, пока бунтовщики подтянут новые силы и организуют осаду; тогда Индия была бы потеряна для них навсегда. Часто они атаковали в ситуации, казалось бы, безнадежной. «Не штыками — так прикладами!» — говаривал Лоуренс.

Сикхи, гуркхи и пенджабцы остались верны британцам. На юге

все было спокойно. О резне в Канпуре и Лакхнау в Ауде, о том, как британские войска, сильно уступая своим противникам в количестве, осадили и взяли штурмом Дели, пусть расскажут другие историки. К апрелю 1859 г. были затоптаны последние тлеющие угли большого пожара. Британцы снова стали властелинами Индии. Этот бунт ни в коей мере не был народным восстанием; это был бунт бенгальской армии, вызванный, главным образом, лишенным воображения правлением чиновников компании. Его история пестрит примерами помощи и сочувствия индийцев по отношению

к спасавшимся от преследования британцам. Но это было предупреждение.

Непосредственным его результатом была аннексия Индийской империи Британской короной. В соответствии с законом, названным «Закон о лучшем управлении в Индии», генерал-губернатор стал вице-королем, представителем суверена, а место компании занял министр по делам Индии, ответственный перед британским парламентом. Для завершения этой административной работы лорд Биконсфилд в 1877 г. настоял на том, чтобы королева Виктория была провозглашена

императрицей Индийской.

Развитие Британской империи в направлении, отличном от того, которым развивалась Индия, еще не было в начале XIX в. столь интенсивным.

Существовало влиятельное течение политической мысли, представители которого полагали, что заморские владения королевства являются источником его слабости. Австралийские поселения развивались медленно, пока в 1842 г. не были обнаружены промышленные запасы меди, а в 1852 г. — золота, что придало австралийским владениям особую важность. Кроме того, прогресс в области транспорта способствовал

увеличению сбыта австралийской шерсти в Европе. До 1849 г. Канада тоже не особенно продвинулась вперед; ее постоянно лихорадили разногласия между французскими и британскими поселенцами, было несколько серьезных столкновений, и только в 1867 г. новая конституция, в соответствии с которой был создан федеральный доминион Канада, разрядила внутреннюю напряженность.

Перспективы Канады улучшались с появлением железных дорог. Они дали ей возможность, как и Соединенным Штатам, осуществлять экспансию в западном направлении, продавать в Европе

свое зерно и другие товары и, несмотря на быстрый экстенсивный рост, оставаться единым обществом в том, что касается языка, симпатий и интересов. Железные дороги, пароходы и телеграф коренным образом изменяли условия развития колоний.

К 1840 г. в Новой Зеландии уже появились первые английские поселения, и для эксплуатации ресурсов этих островов была создана Новозеландская компания. В 1840 г. Новая Зеландия также вошла в состав колониальных владений Британской короны.

Канада, как мы уже сказали, первой из британских владений

воспользовалась теми новыми экономическими возможностями, которые были обеспечены прогрессом в области транспорта. Вскоре республики Южной Америки, и в частности Аргентина, которые занимались выращиванием кофе и крупного рогатого скота, также ощутили возросшую близость европейского рынка.

Прежде главными товарами, которые влекли европейские государства в незаселенные и варварские регионы, были золото и другие металлы, а также пряности, слоновая кость и рабы. Однако в последней четверти XIX в. рост населения в европейских странах

заставил их правительства обратить взоры на зарубежье как источник основных продуктов питания, а основанный на научных открытиях рост промышленности создавал возрастающий спрос на новые виды сырья, всевозможные разновидности масел и смазок, каучук и другие материалы, которые раньше никому не были нужны.

Стало очевидно, что Великобритания, Голландия и Португалия извлекают большую и постоянно растущую прибыль из своего почти полного контроля над производством и сбытом тропических и субтропических изделий и продуктов. После 1871 г.

сначала Германия, затем Франция, а потом Италия стали искать еще не аннексированные источники сырья или те восточные страны, которые обладали потенциалом прибыльной модернизации.

Рядом с Европой находился континент Африка, полный неизведанных возможностей. В 1850 г. это был континент черной загадки; был известен лишь Египет и прибрежные страны. Понадобится книга объемом с наш «Очерк», чтобы правдиво рассказать удивительную историю исследователей и искателей приключений, которые принесли первые сведения об этом континенте, и о тех политических агентах,

администраторах, торговцах и ученых, которые пошли по их стопам. Были обнаружены такие удивительные народы, как пигмеи, диковинные звери, вроде окапи, чудесные плоды и цветы, насекомые, ужасные болезни, леса и горы ошеломляющей красоты, огромные озера, гигантские реки и водопады — целый новый мир. Были даже обнаружены (в Зимбабве) остатки некоей ранее неизвестной исчезнувшей цивилизации, свидетельствующей о продвижении на юг какого-то древнего народа.

В этот новый мир пришли европейцы и обнаружили там арабских работорговцев, успевших к

тому времени вооружиться винтовками, и нефов, жизнь которых была полна лишений и беспорядка. К 1900 г. вся Африка была нанесена на карты, исследована, оценена и поделена между европейскими государствами; этот раздел сопровождался грызней и спорами из-за каждого куска земли, все остались недовольны, однако он просуществовал в неизменном виде до 1914 г.

Во время этой грызни благополучию местного населения уделялось мало внимания. Араба-работоторговца скорее обуздали, чем изгнали. А жадность в отношении каучука, который был природным

продуктом, собираемым с помощью невольничьего труда туземцев в Бельгийском Конго, жадность, подогретая безжалостной ненасытностью короля бельгийцев, а также конфликт неопытных европейских администраторов с местным населением привели к ужасным зверствам, к которым в той или иной степени оказались причастны все без исключения европейские державы.

Здесь мы лишены возможности подробно рассказать о том, как Великобритания завладела Египтом в 1883 г. и продолжала владеть, несмотря на тот факт, что номинально Египет был частью

Османской империи. Мы также не можем рассказать о том, как в этой связи в 1898 г. чуть было не возникла война между Францией и Великобританией, когда некий полковник Маршан, пересекая Центральную Африку в восточном направлении, предпринял под Фашодой попытку захватить верховья Нила.

Мы также лишены возможности подробно рассказать о том, как британское правительство сначала разрешило бурам, т. е. голландским поселенцам из района реки Оранжевой и Трансвааля, основать независимые республики во внутренних районах Южной Африки,

а затем пожалело об этом и аннексировало республику Трансвааль в 1877 г.; а также о том, как трансваальские буры сражались за свою свободу и добились ее после сражения у Маджуба-Хилла (1881). Новая война с обеими республиками вспыхнула в 1899 г. Эта война, которая дорого обошлась британскому народу, продолжалась три года и окончилась капитуляцией этих двух республик.

Период их подчиненности был коротким. В 1907 г., после падения империалистического правительства, которое их завоевало, южноафриканской проблемой вплотную занялись либералы, и эти

бывшие республики стали свободными и абсолютно добровольными участниками, вместе с Капской колонией и колонией Наталь, конфедерации всех государств Южной Африки в виде самоуправляющейся республики под властью Британской короны.

В течение четверти века раздел Африки был завершен. Неаннексированными оставались три относительно небольшие страны: Либерия, поселение освобожденных рабов-негров на западном побережье; Марокко, под властью мусульманского султана; и Абиссиния — варварская страна с древней и необычной формой

христианства, которая успешно защитила свою независимость от посягательств Италии в битве при Адуа в 1896 г.

Трудно поверить, что сколько-нибудь значительное количество людей смирилось с этой стремительной раскраской карты Африки в европейские цвета. Однако обязанностью историка является констатировать, что с этим действительно смирились.

Правительства многих европейских стран стали не только соперничать с британцами за дикие и неразведанные участки земной поверхности, но и принялись кромсать густонаселенные и

цивилизированные страны Азии так, будто их народы также представляли собой не более чем сырье для нужд Европы. Внутренне нестабильный, но внешне величественный империализм британского правящего класса в Индии, а также обширные и богатые владения голландцев в Ост-Индии наполняли умы правящих классов соперничающих великих держав мечтами о подобных триумфах в Персии, в распадающейся Османской империи, в еще не занятых районах Индии, в Китае и Японии.

Начиная с 1898 г. — года, когда Германия захватила Циндао, Британия — Вэйхайвэй, а Порт-

Артур был сдан в аренду России — события в Китае стали развиваться быстрее, чем в любой другой стране, кроме Японии. Великая ненависть к европейцам охватила, подобно пламени, весь Китай, было создано политическое общество, выступавшее за изгнание европейцев, «Боксеры», которое прибегло к насилию в 1900 г. Это был взрыв ярости и злобы во вполне старомодном и предсказуемом стиле.

В 1900 г. боксеры убили 250 европейцев и, как утверждают, около 30 тысяч христиан. Китай, не впервые в своей истории, был под властью вдовствующей императрицы. Это была женщина необразованная,

но обладающая сильным характером, и она очень сочувствовала боксерам. Она оказывала им поддержку и брала под свою защиту тех, кто совершил жестокости против европейцев. Выглядело так, будто события вернулись во времена гуннов, в 500 г. до н. э.

Кризис наступил в 1900 г. Боксеры все больше и больше угрожали европейцам в Китае. Были сделаны попытки увеличить количество европейских охранников дипломатических миссий в Пекине, но это лишь обострило обстановку. На улице Пекина солдатом имперской охраны был убит германский посланник. Остальные

представители европейских государств собрались вместе и забаррикадировались в тех дипломатических миссиях, которые лучше всего подходили для обороны; они выдержали двухмесячную осаду.

Затем в Пекин маршем вошел 20-тысячный объединенный союзнический контингент под командованием немецкого генерала и снял осаду дипломатических миссий, а императрица бежала в Сиань, древнюю столицу Тайцзуна в Шэньси. Некоторые подразделения европейских союзнических войск совершили зверства против китайского мирного населения, что является, скажем так, возвращением

к уровню 1850 г.

Затем последовала фактическая аннексия Маньчжурии Россией, ссора между великими державами, а в 1904 г. — британское вторжение в Тибет, до этого являвшийся закрытой страной. Но был один фактор, не заметный на поверхности событий, но придававший тем не менее этим событиям фундаментальное отличие, — а именно то, что теперь в Китае было значительное количество способных людей, обладавших европейскими знаниями и европейским образованием.

Восстание боксеров пошло на убыль, а затем стало сказываться влияние этого нового фактора: в

разговорах о конституции (1906 г.), в ограничении курения опиума и в образовательных реформах. Конституция японского типа, в соответствии с которой Китай стал конституционной монархией, была принята в 1909 г. Но Китай невозможно было втиснуть в японские рамки, и революционное брожение продолжалось. В процессе реорганизации Япония, в соответствии со своим темпераментом, обратила свой взор на Запад, Китай же поглядывал через Тихий океан. В 1911 г. началась всекитайская революция. В 1912 г. император отрекся от престола, и крупнейшее в мире общество стало

республикой. Свержение императора стало свержением господства маньчжуров, а монгольская косичка, которую китайцы были вынуждены носить с 1644 г., стала для них необязательной.

Вполне возможно, что в настоящее время над модернизацией китайской цивилизации работает больше образованных и преданных своему делу людей, чем в любой отдельно взятой европейской стране. Вскоре у китайцев будут модернизированная и удобная письменность, пресса, энергичные современные университеты, реформированная промышленность и большое количество организаций,

занимающихся научными и экономическими исследованиями. Освободившиеся от ограничений врожденные предприимчивость и изобретательность огромного населения Китая будут способствовать равноправному сотрудничеству этой страны с Западным миром.

14

Однако страной, задававшей тон в новом подъеме азиатских народов, был не Китай, а Япония. С нашим рассказом о Китае мы явно забежали наперед. Еще недавно Япония играла

очень незначительную роль в мировой истории; ее замкнувшаяся в себе цивилизация не внесла сколько-нибудь значительного вклада в формирование судеб человечества; она много получала, но мало давала. Первыми обитателями Японских островов были представители северного народа, вероятно связанного отдаленным родством с нордическими народами, — айны.

Но собственно японцы принадлежат к монголоидной расе. По своему внешнему виду они напоминают американских индейцев, и существует значительное и неожиданное сходство между доисторическими гончарными

изделиями и подобными предметами в Японии и Перу. Вполне возможно, что японцы являются ответвлением транстихоокеанского миграционного потока неолитической культуры, который мог впитать в себя также малайские и негритосские элементы.

Каким бы ни было происхождение японцев, вряд ли приходится сомневаться, что их цивилизация, их письменность, их литературная и художественная традиции имеют китайские корни. Они отошли от варварства во II и III вв. н. э., и одним из их самых первых деяний как народа за пределами страны было вторжение в Корею под предводительством

королевы Дзинго, которая, судя по всему, сыграла большую роль в формировании их цивилизации. История японцев интересна и романтична; они создали феодальную систему и выработали традицию рыцарства; их нападения на Корею и Китай являются восточным аналогом английских войн во Франции.

Первый контакт Японии с Европой произошел в XVI в. В 1542 г. несколько португальцев добрались до нее на китайской джонке, а в 1549 г. иезуитский миссионер Франсис Хавьер начал там свою деятельность. Отчеты иезуитов дают картину страны, сильно

опустошенной непрерывной
феодальной войной. В течение
некоторого времени японцы
приветствовали контакты с
европейцами, и христианские
миссионеры обратили в свою веру
большое количество людей. Некий
Уильям Адаме, из графства Кент,
стал авторитетным европейским
советником японцев и научил их
строить большие корабли.
Построенные японцами корабли
совершили путешествия в Индию и
Перу.

Затем начались ссоры по
многочисленным поводам между
испанскими доминиканцами,
португальскими иезуитами и

английскими и голландскими протестантами. Все они спешили предупредить японцев о злокозненных политических замыслах своих соперников. Иезуиты в период своего господства преследовали и унижали буддистов. Эти противоречия переплетались с тогдашними феодальными конфликтами. В результате японцы пришли к выводу, что европейцы со своим христианством доставляют им одни неприятности и что католическое христианство, в особенности, было просто прикрытием для политических притязаний Римского Папы и Испанской монархии, которой к

этому времени уже принадлежали Филиппины. Начались широкомасштабные и жестокие гонения на христиан. И с 1638 г. Япония, за исключением крохотной голландской фактории на маленьком острове Десима в бухте Нагасаки, стала абсолютно закрытой для европейцев страной и оставалась закрытой более 200 лет.

Голландцы на Десиме постоянно подвергались всяческому унижениям. Они были лишены общения с японцами, за исключением чиновников, специально назначенных для ведения с ними дел. В течение двух веков японцы пребывали в столь полной

изоляции от остального мира, что казалось, будто они живут на другой планете. Было запрещено строить суда, превосходящие размером суда для каботажного плавания. Японцам было запрещено ездить за границу, а европейцам — въезжать в их страну.

Два столетия Япония находилась в стороне от основного потока истории. Она продолжала жить в состоянии экзотического феодализма, взбадриваемого время от времени кровавыми междоусобиями, при котором примерно пять процентов населения — самураи, или военные люди, знать и их семьи — безраздельно тиранствовали над остальным

населением. Когда проезжал знатный человек, то все простые люди становились на колени; мельчайшее проявление неуважения означало риск быть зарубленным насмерть его самураями.

А тем временем огромный мир за пределами этой страны все больше познавал себя и расширял свои возможности. Случайные корабли все чаще появлялись у мысов Японии; иногда эти корабли терпели крушение, и матросов выбрасывало на берег. Через остров Десиму, единственное связующее звено с огромным внешним миром, поступали тревожные сообщения о том, что Япония все больше отстает в

своём развитии от Западного мира.

В 1837 г. в бухту Эдо вошел корабль с незнакомым звездно-полосатым флагом, на борту которого находились спасенные японские моряки, дрейфовавшие далеко от берега в Тихом океане. Корабль был обстрелян из пушки и вынужден был уйти.

Вскоре появились другие корабли с таким же флагом. Один из них пришел в 1849 г., чтобы требовать освобождения восемнадцати американских моряков, спасшихся после кораблекрушения. Затем в 1853 г. появились четыре американских военных корабля под командованием

командора Перри. Несмотря на попытки противодействия, они стали на якорь в запретных водах и отправили послания двум правителям, во власти которых тогда находилась Япония. В 1854 г. Перри вернулся уже с десятью кораблями, удивительными кораблями, движимыми с помощью пара и вооруженными орудиями большого калибра. Были сделаны предложения, касавшиеся торговли и взаимных контактов, от которых японцы были не в состоянии отказаться. Перри высадился на берег под охраной 500 человек, чтобы подписать соглашение. Толпы людей недоверчиво наблюдали, как эта

депутация из внешнего мира шествовала по улицам.

Россия, Голландия и Британия последовали примеру американцев. В стране появились иностранцы, и в результате последовали конфликты между ними и японской знатью. В уличной драке был убит британский подданный, и один из японских городов был подвергнут обстрелу с моря британцами (1863). Некий влиятельный японский дворянин, владения которого позволяли контролировать пролив Симоносеки, счел нужным палить из пушек по иностранным судам, и в результате второго обстрела, произведенного флотом британских, французских,

голландских и американских военных кораблей, его батарея была уничтожена, а самураи — разбежались. Наконец в 1865 г. эскадра союзников вошла в порт Осаки, и японцам были навязаны соглашения, открывающие Японию миру.

Японцы были крайне унижены этими происшествиями; и часто спасение народов заключается в подобных унижениях. С достойными удивления энергией и смекалкой они принялись поднимать свою культуру и организацию общества до уровня европейских держав. Ни разу за всю историю человечества ни одна страна не совершала такого рывка,

как Япония. В 1866 г. она была средневековой нацией с фантастически-карикатурной и экстремистской формой романтического феодализма; в 1899 г. это была уже полностью модернизированная страна, находившаяся на одном уровне с наиболее развитыми европейскими державами и далеко обогнавшая Россию. Япония полностью развеяла тот предрассудок, что Азия необратимо и безнадежно отстала от Европы. Наоборот, по сравнению с ней весь европейский прогресс выглядел вялым и временным.

Мы не имеем здесь возможности подробно рассказать о

войне Японии с Китаем в 1894–1895 годах. Эта война продемонстрировала степень ее вестернизации. У Японии была обладавшая высокими боевыми качествами и организованная по западному образцу армия, а также небольшой, но сильный флот. Однако значимость ее возрождения, оцененная Британией и Соединенными Штатами, которые уже обращались с Японией на равных, не была должным образом понята другими великими державами, занятыми поиском «новых Индий» в Азии.

Россия распространяла свое влияние через Маньчжурию в

сторону Кореи, Франция уже укрепилась на юге в Тонкине и Аннаме, и Германия жадно выискивала, где бы основать свои поселения. Эти три державы объединили усилия, чтобы не дать Японии воспользоваться плодами победы в войне с Китаем, и особенно — чтобы не дать ей укрепиться на материке в тех районах, которые обеспечивали контроль над Японским морем. Япония была истощена конфликтом с Китаем, и они угрожали ей новой войной.

В 1898 г. Германия напала на Китай и, под предлогом убийства двух миссионеров, аннексировала часть провинции Шаньдун. После

этого Россия захватила полуостров
Ляодун и вынудила Китай
согласиться с продолжением ее
Транссибирской железной дороги до
Порт-Артура; а в 1900 г.
оккупировала Маньчжурию.
Британия не смогла удержаться от
соблазна сделать что-нибудь
подобное и захватила порт
Вэйхайвэй (1898 г.).

Эти события привели к войне с
Россией. Война, положившая конец
европейской экспансии, обозначила
новую эпоху в истории Азии. Русский
народ, конечно же, не был причастен
к той беде, которую замыслили для
него на противоположном краю
мира, и более дальновидные

русские политики были против этого безрассудства. Началась переброска большого количества японских солдат через море к Порт-Артуру и в Корею, а из России по Транссибирской железной дороге потянулись бесконечные эшелоны с российскими крестьянами, которым суждено было умереть на полях сражений вдали от дома.

Русские, имея бездарное командование и мошенников-интендантов, были разгромлены как на суше, так и на море. Российский Балтийский флот совершил плавание вокруг Африки и был полностью уничтожен в Цусимском проливе. Революционное движение простых

людей в России, возмущенных этой далекой и бессмысленной бойней, заставило царя прекратить войну (1905 г.); он оставил южную часть Сахалина, захваченную Россией в 1875 г., вывел войска из Маньчжурии и уступил Корею Японии. Белый человек начал освобождаться от своего бремени в Восточной Азии. Правда, еще в течение нескольких лет Германия продолжала, с большими для себя неприятностями, владеть Циндао.

Мы уже рассказывали о том, как

авантюра Италии в Абиссинии была прервана катастрофическим поражением в битве при Адуа (1896 г.), в которой больше 3000 итальянцев были убиты, а более 4000 попали в плен. Период имперской экспансии за счет имевших собственную государственность неевропейских народов подходил к концу.

Ее следствием было переплетение и без того серьезных политических и социальных проблем Великобритании, Франции, Испании, Италии, Германии и России с проблемами больших масс чуждого, не поддающегося ассимиляции и враждебно

настроенного населения:
Великобритания владела Египтом
(формально еще не
аннексированным), Индией, Бирмой
и множеством таких небольших по
размерам источников проблем, как
Мальта и Шанхай; Франция, в
дополнение к Алжиру и Тунису,
повесила на себя Вьетнам; Испания
завязла в Марокко; Италия нашла
себе неприятности в Триполи; а
заморский империализм Германии,
место «под солнцем» которого
выглядело довольно жалко,
довольствовался мыслью о
возможной войне с Японией из-за
Циндао.

Западные демократии,

осознававшие ценность свободы, обнаружили, что они являются «имперскими», и это открытие их сильно смутило. Восток пришел в западные столицы с озадачивающими требованиями. В Лондоне простые англичане, поглощенные забастовками, экономическими проблемами, вопросами национализации, муниципализации и т. п., обнаружили, что ход этой жизни нарушен и на их общественные собрания приходит большое и постоянно возрастающее количество смуглых джентльменов в тюрбанах, фесках и других странных головных уборах, говоривших следующее: «Вы

завоевали нас. Люди, представляющие ваше правительство, уничтожили наше правительство и не дают нам создать новое. Что вы будете с нами делать?»

16

Здесь мы можем дать краткую характеристику тех очень разнородных элементов, из которых состояла Британская империя в 1914 г. Это была совершенно уникальная политическая комбинация; ничего подобного ранее не существовало. Это — новое явление в политической истории,

такое же новое, как и Соединенные Штаты. Эти более крупное и более сложное явление, чем такие национальные государства, как Франция, Голландия или Швеция.

Первостепенным и центральным элементом этой системы была «коронованная республика» Соединенных Британских Королевств, включая (против воли значительной части ее народа) Ирландию. Большинство британского парламента, состоявшего из трех объединенных парламентов Англии, Шотландии и Ирландии, определяло принципы руководства, состав и политику кабинета министров, причем

определяло их, исходя из соображений, основывавшихся на британской внутренней политике. Этот кабинет министров фактически и был верховной властью (с полномочиями объявлять и прекращать войну) надо всей остальной империей.

Следующими по своей важности для «Британских Штатов» были «коронованные республики» Австралия, Канада, Ньюфаундленд (старейшее из британских владений, с 1583 г.), Новая Зеландия и Южная Африка. Все они были практически независимыми государствами в союзе с Великобританией, однако во главе каждого из них стоял

представитель Короны,
назначавшийся действующим
правительством.

Затем — Индийская империя как продолжение империи Великих Моголов, с ее зависимыми и находившимися под «протекцией» штатами, которые простираются от Белуджистана до Бирмы, а также Аден. В этой империи Британская корона и индийское министерство (под контролем парламента) играли роль, которую когда-то играла тюркская династия.

Потом — такое неопределенное владение, как Египет, номинально все еще являвшийся частью Османской империи, имеющий

собственного монарха, хедива, однако официально находившийся под почти деспотическим британским правлением. Следует отметить, что в 1922 г. Египет был сделан псевдонезависимым королевством «в союзе» с Британией.

Затем идет еще более неопределенное владение — «англо-египетская» провинция Судан, оккупированная и управляемая совместно британцами и египетским правительством.

После этого идет ряд частично самоуправляемых обществ, некоторые — британские по происхождению, а некоторые — нет, с избираемой законодательной

властью и назначаемой исполнительной: Ямайка, Багамы, Бермуды и Мальта.

Затем идут «Колонии короны», в которых правление британского правительства (посредством колониального министерства) граничило с деспотизмом: Цейлон, Тринидад и Фиджи (где был назначавшийся совет), а также Гибралтар и остров св. Елены (где был губернатор).

Кроме того, в британском ведении находились обширные территории тропических (в основном) стран, сырьевые районы с политически слабыми и нецивилизованными сообществами

аборигенов, которые номинально являлись протекторатами и управлялись либо верховным комиссаром, руководившим через местных вождей (как в Лесото), либо через имевшую патент компанию (как в Родезии). В некоторых случаях министерство иностранных дел, в некоторых — индийское министерство занимались приобретением владений, относившихся к этому последнему и наименее важному разряду из всех британских заморских территорий, однако в целом за них отвечало колониальное министерство.

Из вышесказанного ясно, что ни одно ведомство и ни один человек

никогда не воспринимал Британскую империю как единое целое. Она представляла собой сочетание разнородных территориальных приобретений, совершенно не похожее на то, что когда-либо в прошлом называлось империей.

Подобно «Афинской империи», это была империя заморская; ее дорогами были морские маршруты, а связующим звеном — британский военный флот. Как и во всех империях, ее единство физически зависело от способа сообщения. Развитие мореходства, судостроения, затем появление пароходов в период между XVI и XIX вв. сделало возможным этот вполне удобный

мир — «Рах Britannica», — однако последние достижения в области авиации, быстроходного наземного транспорта и подводных лодок в любое время могли сделать этот мир неудобным и беспомощно ненадежным.

17

Мы употребляли словосочетание «девятнадцатый век» из-за его удобства, но читатель уже, наверное, понял, что эта глава на самом деле охватывала период не с 1800 по 1900 год, а с 1815 по 1914. Между этими датами не было больших катастроф и

судьбоносных поворотных пунктов. Произошедшие изменения были очень значительны, но они не были внезапными и никоим образом не приводили к существенным изменениям общего процесса.

Перед тем как приступить к рассказу о катаклизме, который завершил это столетие прогресса и изобретательства, уместно посвятить три раздела нашей книги тем видам искусства, в которых это столетие нашло свое отражение. Мы уже рассказывали о развитии науки и политической философии в XIX в.; теперь же мы дадим обзор его скульптуры и изобразительного искусства, затем — его музыкальной

жизни, а потом — его художественной и публицистической литературы.

История европейской живописи в начальный период XIX в. явилась отражением социальных перемен того времени. Это было время, когда средний класс, серьезная и основательная коммерческая часть его, быстро приумножал свое богатство и влияние; это было время разбогатевших владельцев фабрик и новых финансовых успехов.

Вскоре появились железные дороги, пароходы, колониальная торговля, а вместе с ними — крупные спекулятивные состояния, возникшие непосредственно или

опосредствованно благодаря этим явлениям.

Возрожденные европейские дворы стремились снискать милость этого нового богатства и ассоциировать себя с ним. Процветающий промышленник стал типичным покровителем живописи и архитектуры. Он пытался уподобиться аристократии. Ему нужны были скорее картины, написанные дворянами для дворян, чем обременительная власть или приводящая в замешательство красота. Он желал картин, перед которыми он мог бы поглощать свой обед или пить свой чай в спокойствии и умиротворении, и он

был готов щедро за эти картины платить.

Обладатель всестороннего и чудесного таланта испанец Гойя (1746–1828), великие английские пейзажисты Констебл (1776–1837) и Тернер (1775–1851), Давид и Энгр, о которых мы рассказывали, как о выразителях духа Французской империи, — ушли, не оставив равных себе наследников.

Однако рисование картин стало очень уважаемой профессией. Британская Королевская академия, французский Салон проводили ежегодные выставки картин, написанных на потребу публики, и художники имели возможность

покупать большие красивые дома и вести довольно роскошную жизнь. Интерес к картинам, хоть уже и не такой сильный, как прежде, стал повсеместным явлением. Для значительной части английской публики ежегодное паломничество в Лондон, чтобы «посмотреть Академию», стало почти обязательным.

Но когда столетие перевалило за свою половину, та же тенденция к возмущению спокойствия, которая расшатывала религиозные и социальные порядки в Европе, проявилась и в мире искусства. В Англии Раскин (1819–1900) и Уильям Моррис (1834–1896)

критиковали бессодержательность академического искусства и современного им искусства декорации. В среде художников произошел раскол; появились новые школы, в частности прерафаэлиты, ориентировавшиеся на образцы и методы того раннего периода, когда живопись еще не стала утонченной. С одобрения Раскина и Морриса они обратили свой взор в прошлое, на средневековье, и рисовали героев артуровских легенд и блаженных дев.

Другие, еще более бунтарские натуры, обратили свой взор на окружающий их мир. Коро (1796–1875) сохранял живость своего восприятия на протяжении всего

этого периода, характерной чертой которого была скука и отсутствие оригинальности, а после катастрофы 1870–1871 гг. Франция стала свидетелем широкомасштабного возврата к стилю Рембрандта и Веласкеса в творчестве таких мастеров, как Дега, Мане и Ренуар.

В один ряд с ними следует поставить великого американца Уистлера (1834–1903). Люди подсознательно ощущали усталость от прилизанно-учтивых картин, и в моду вошел стиль архитектуры жилых домов, который не предусматривал развешивание на стенах внутри зданий масляных картин в рамах. Ближе к концу этого

периода «производство» коммерческих мольбертных картин, предназначенных для развешивания где угодно, переживало ощутимый упадок, и нескончаемый поток начинающих творческих работников со все большим успехом направлялся на более скромную и выгодную стезю декоративных видов искусства.

В последние годы было много признаков, свидетельствовавших о том, что период буквальной передачи образа в искусстве миновал. Изображения цветов и фигур исчезли с ковров, а также обивочных и занавесочных тканей; точное изображение стало второстепенным и подчиненным аспектом в

живописи и скульптуре. Искусство снова, будто в пресыщении, отворачивается от реальности, игнорируя внешнюю форму ради едва уловимых признаков движения, и опять становится аналитическим и символическим. Похоже, что эта тенденция будет продолжаться, тем более что ей способствует возрастающая эффективность фотографии как средства четкой фиксации образа в конкретных обстоятельствах. Миру наскучили голые факты.

Столетие началось с периода архитектурной серости. Классическая традиция, поддерживаемая господством

классиков-педантов в системе образования, постепенно стала доминирующей и прервала свободное развитие стиля Возрождения, и большая часть новых зданий отразила ностальгию по эпохе, минувшей две тысячи лет назад. Повсюду появились белые фасады с колоннами и лепкой. Затем, вместе с возрождением романтизма в литературе, о чем мы вскоре расскажем подробнее, и с крахом попытки Наполеона возродить имперский Рим, внимание этого в высшей степени подражательного периода сосредоточилось на средневековье.

После

классического

возрождения последовало
возрождение готическое, особенно
мощно проявившееся в Британии и
давшее, наряду со многими другими
выдающимися достижениями,
здание палат парламента. Затем
последовал период королевы Анны,
отмеченный интенсивным развитием
ренессансных стилей. Архитекторы в
Британии могли построить вам
здание или зал в классическом,
готическом стилях, в стилях
шотландских баронов и королевы
Анны; единственным стилем,
который так нигде и не появился,
был стиль XIX в. Англичане
расхаживали в узких брюках и
цилиндрах, носили одежду неярких

тонов, очень современную и очень практичную, однако их дома и общественные здания были «одеты» по давно прошедшей моде, словно для какого-то унылого и никому не нужного маскарада.

Во Франции и Германии было проявлено гораздо больше архитектурной инициативы; стиль эпохи Возрождения продолжал развиваться во Франции. За решение таких интересных архитектурных задач, как оформление железнодорожных станций, железнодорожных мостов, складов, фабричных зданий и т. п., никто и нигде всерьез не брался — за исключением, разве что, Германии.

Уделом таких зданий была тяжеловесная безвкусица. Одним из наиболее странных и наиболее типичных продуктов этой удручающей эпохи является лондонский мост Тауэр, в котором легкая и прочная ткань стальных конструкций сочетается с неким подобием фламандской кирпичной кладки и сходством со средневековыми подъемными мостами. Однако все общественные здания Британии XIX в. буквально источают дурной запах разлагающейся истории.

На протяжении большей части столетия архитектура жилых зданий выродилась даже больше, чем

архитектура зданий общественных. Громадный рост населения Европы, поглотивший значительную часть возросших ресурсов того времени, привел к ужасающему распространению низкокачественных жилых построек вокруг растущих городов, бесконечным рядам сереньких домишек в Британии, неуклюжим многоквартирным жилым зданиям в большинстве других европейских стран. И только в самом конце века, когда рождаемость снизилась и недавно появившийся автомобиль стал способствовать более равномерному расселению людей, прежде теснившихся вокруг

железнодорожных станций, начал возрождаться широкий интерес к домашней архитектуре и стали появляться коттеджи и загородные дома в приятных современных стилях.

Америка колониального периода дала исключительно приятный тип загородного дома, особенно в Виргинии и на Юге, представлявший собой адаптацию к местным условиям британской загородной архитектуры, которая сама являлась побегом плодоносного дерева Возрождения.

Мы уже рассказывали о том, какой вклад внес сэр Кристофер Рен в этот процесс. Вне этой сферы

американская архитектура в основном копировала европейский дизайн, вплоть до завершающих десятилетий века. Например, Капитолий в Вашингтоне является французским творением. С таким же успехом он мог быть построен в Париже или Брюсселе. Многие жилые здания были ненадежными и заурядными. В то время как Британия перешла на подъемное окно, в Америке все еще использовались континентальные створчатые окна.

Однако в восьмидесятых и девяностых годах XIX в. растущее богатство и уверенность в себе нового мира нашли выражение в

НОВЫХ и смелых архитектурных инициативах. Все смелее Америка начала использовать для строительства сталь, стекло и бетон. Эти материалы, а также изобретение и усовершенствование лифта обеспечили возможность строительства зданий, прежде невиданных высоты и размера.

В 1870 г. американской архитектуры почти не существовало; к 1910 г. Америка далеко обогнала все остальные страны по свежести и оригинальности своих новых зданий. Меньше других отставала в этой области Германия. Наиболее выдающимися американскими архитекторами этого нового периода

были Ричардсон (1838–1886) и Стэнфорд Уайт (1853–1906).

Именно в Америке XX века нашли свое архитектурное выражение новые возможности и ресурсы, которые дал человечеству век девятнадцатый; эти успехи в области строительства наверняка повлекут за собой новые и выдающиеся достижения в области скульптуры, живописи, мозаики и декоративных видов искусства в целом. Этот континент в будущем предоставит еще более широкие возможности, больше богатства и большую свободу самовыражения.

Поток музыкального творчества, который не иссякал в течение XVIII в., претерпел мало изменений за период, охваченный этой главой. Мы упомянули Моцарта и Бетховена как самые выдающиеся фигуры XVIII в. Бетховен переносит нас в век XIX-й, и наряду с ним мы должны упомянуть его современника Вебера (1786–1826), выдающегося экспериментатора и новатора, а также такие крупные творческие личности, как Шуберт (1797–1828), Мендельсон (1809–1847) и Шуман (1810–1856). Мы не можем также пройти мимо ораторий Сезара Франка (1822–1890).

В XIX в. музыка все больше

выходила за пределы патронажа королей и дворян в концертные залы, где она услаждала вкусы культурной публики. Наряду с операми появлялось возрастающее количество песенных и фортепьянных произведений для исполнения в изысканных домах и танцевальной музыки для частных собраний. После периода Генделя и Баха сопоставимого прогресса в области религиозной музыки не было. Однако знатный покровитель все еще был нужен сочинителю больших опер, и королевские дворы, особенно Баварии и России, были меценатами новых «оперных драм» и новой концепции балета.

В музыке этого столетия можно проследить расширение взглядов и интересов эпохи. Композиторы приступили к поиску новых тем и новых образов в народной музыке восточноевропейских и восточных народов.

Шопен (1810–1849) пользовался польскими, Лист (1811–1886) и Иоахим (1831–1907) — венгерскими источниками вдохновения, а Брамс (1833–1897) пошел еще дальше — в Индию, в поисках материала, который он вводил в свои, в целом классические по структуре произведения. Вагнер родился в 1813 году и умер в 1883. Он следовал постолам Вебера. Он разрушил

устоявшиеся традиции оперы, драматизировал, расширил и увеличил диапазон инструментальной музыки, наполнил ее новой мощью и страстью. Позднее в России Чайковский (1840–1893), Мусоргский (1839–1881) и Римский-Корсаков (1844–1908) открыли новые царства звука и его прелести.

В ограниченном объеме нашего повествования мы можем лишь упомянуть чеха Дворжака (1841–1904), жизнерадостное творчество Рихарда Штрауса (1864–1949) и свежую красоту Дебюсси (1862–1918).

Америка пока не дала миру признанных музыкальных шедевров.

Но подобно тому как Соединенные Штаты сделали неожиданный рывок из архитектурного небытия к великой архитектуре, используя при этом новые материалы и новые возможности, с Запада может прийти и рассвет новых музыкальных форм и раскрепощенного самовыражения. Пока что из Америки в Европу во все большем объеме доходит шум — иногда довольно жизнерадостный. Негритянский дух завоевал танцевальные залы и мюзик-холлы. Может наступить время, когда, по крайней мере в концертном зале, американцы будут гордиться своими черными соотечественниками и будут им благодарны. Но здесь мы

лишены возможности рассказывать про джаз и родственные ему музыкальные явления.

В этом «Очерке» мы уже не будем возвращаться к музыкальной теме. Современный период характеризуется широким распространением того, что раньше было привилегией высокообразованного класса. Граммофон, пианола и радио знакомят весь мир с самыми выдающимися композиторами.

В объеме нашего повествования

мы можем дать лишь упрощенное и схематическое описание того великого потока литературной деятельности, в котором новые силы этого века экспансии нашли выражение. Мы уже имели дело с главными идеями основателей социализма и влиянием расширяющегося научного кругозора на религиозные, политические и социальные воззрения.

К сожалению, мы не можем уделить должного внимания таким выдающимся практическим мыслителям, как Адам Смит (1723–1790), Мальтус (1766–1834) и их последователи, или же глубоким и проницательным размышлениям

Шопенгауэра (1788–1860) и Ницше (1844–1900) в Германии. Гегель (1770–1831) же для нас — словно соблазнительный деликатес в конце слишком длинного меню. Лучше нам за него не браться. Он очень своеобразно отклонил течение современной мысли, но она уже приходит в себя после этого отклонения.

Мы не можем здесь также обсуждать превратности вкуса и абсурдные интерпретации, сделавшие из лорда Байрона (1788–1824), этого скверного сатирика с философией повесы, великую фигуру европейского масштаба в литературных представлениях XIX в.

У нас нет возможности оценить истинное значение Гете (1749–1832), долгие годы бывшего интеллектуальным и эстетическим богом Германии. Этого влияния у него больше нет. Он перегрузил германское сознание огромным массивом лишённого корней трансплантированного классицизма. Он был величав, элегантен и трудолюбив. В литературе он был таким же благородным собирателем, как и Байрон — благородным бунтовщиком.

Столетие началось значительным всплеском поэтического творчества, особенно в Британии. Это была поэзия со

своими уникальными характеристиками; это было новое понимание природы как бытия, находящегося в эмоциональной связи с человеком, бессознательный отказ от верований и лишенный ограничений подход к глубочайшим жизненным вопросам — словно поэт, сам того не ведая, выходил за рамки установившихся и признанных воззрений в открытую вселенную. Обычно поэмы того периода имели весьма тонкую повествовательную канву, которая временами превращалась лишь в свою тень, и перескакивали с темы на тему грациозно, убедительно и многообразно.

Выдающимися фигурами этой эпохи английской поэзии были Шелли (1792–1822), Ките (1795–1821) и Вордсворт (1770–1850). Вордсворт, с его разносторонним поэтическим даром, был выразителем мистического пантеизма, глубокого ощущения Бога в природе. Шелли был первым и величайшим из современных поэтов. Его мысль была насыщена научными идеями, а его понимание преходящей природы политических институтов далеко обогнало современные ему представления.

В последующем поколении поэтический импульс был поддержан в Англии — с большей

мелодичностью, красотой, но не столь глубоким смыслом — поэтом Теннисоном (1809–1892), который пользовался большой популярностью, угождал королеве Виктории и первым среди британских поэтов получил титул пэра за свои поэтические заслуги. Его произведение «Morte d'Arthur» («Смерть Артура») столь же монументально, как и тогдашняя архитектура. Слава Лонгфелло (1807–1882) была не столько славой американского двойника Теннисона, сколько его остроумного оппонента.

Ранние романы были историями событий и исследованиями манер. Фанни Берни (1752–1840) уводит нас

обратно в мир д-ра Джонсона. Джейн Остин (1775–1817), работая в строгих границах, продолжила традицию женских наблюдений, выраженных утонченными языковыми средствами. Английский роман постепенно освобождался от рамок и ограничений, характерных для подобного повествования о манерах и чувствах, как и сознание людей XIX в. разрывало сковывающие его путы.

Выдающейся личностью, сыгравшей значительную роль в развитии романа, был немецкий писатель Жан Поль (Рихтер; 1763–1825). Повествование для него — лишь нить, на которую, словно

драгоценные камни и другие украшения, нанизаны поэтические отступления. Еще одним великим немецким автором был Гейне (1797–1856). Рихтер оказал глубокое влияние на английского писателя Томаса Карлейля. Через Карлейля дискурсивное и обогащающее влияние Рихтера достигло Чарлза Диккенса (1812–1870) и Джорджа Мередита (1828–1909).

Теккерей (1811–1863), великий соперник Диккенса, сбивал читателя с толку, философствовал и утомлял длинными рассуждениями, однако в манере, характерной скорее для Стерна, чем для немецких писателей. Чарлз Рид (1814–1884) в своем

произведении «Затворничество и домашний очаг» затронул все еще актуальные проблемы протестантства и католицизма в Европе в ткани романтического повествования.

Существует естественная и необходимая связь между великим романом английского типа и историей. Произведения Карлейля «Французская революция» и «Фридрих Великий» читались как романы, а Маколей (1800–1859), с его историей позднего правления Стюартов, имел огромный успех. Если исторические произведения не пользуются широкой популярностью, то это скорее вина историков, чем

читателей. Такие блестящие писатели-историки, как Литтон Стрейчи и Беллок пользуются в Англии и Америке популярностью романистов.

Во Франции те же причины, которые способствовали движению английского романа от обычного повествования к широкой картине жизни, вдохновили Бальзака (1799–1850) на создание огромной «Человеческой комедии». Значительно уступающий ему Золя (1840–1902) написал подобный бальзаковскому цикл «Ругон-Маккары» — серию романов, прослеживающих судьбы богатой французской семьи на протяжении

нескольких поколений.

Виктор Гюго (1802–1885) стоит особняком; плодовитый, смелый, цветистый и иногда довольно безвкусный писатель, буквально извергающий бесчисленное количество пьес, поэм, романов и политических памфлетов. В отличие от британской школы, французский роман встретил значительные препятствия на своем пути к неограниченной свободе эксперимента. В пределах этих ограничений Флобер (1821–1880) является наиболее утонченным и совершенным из французских писателей.

Томас Харди (1840–1928),

последний из великих
викторианских романистов,
принадлежит скорее к этой
французской классической школе,
чем к британской традиции
художественной литературы. В
поздний период творчества он
восстал против им же самим
установленных ограничений,
полностью отошел от романа как
формы и в «Династах»,
всестороннем изображении
наполеоновской авантюры в форме
драмы, достиг вершин мастерства,
еще раз продемонстрировав близкое
родство великого романиста и
талантливого историка.

Желание знать жизнь и то, что в

ней происходит, стремление
разобраться в жизни
непосредственно и глубоко,
вызвавшие в британцах
нетерпимость к формальным
ограничениям в поэзии и поднявшие
роман и родственные ему формы на
вершину литературного господства,
распространились по всем
европейским странам. Наиболее
выдающуюся литературу этого жанра
дали миру Германия, Россия и
Скандинавия. Наиболее заметной
фигурой среди множества
великолепных немецких романистов
является Густав Фрейтаг (1816–
1895). Норвегия дала своего
Бьернсона (1832–1910); Россия —

целое созвездие выдающихся писателей от Гоголя (1809–1852) до Достоевского (1821–1881), Тургенева (1818–1883), Толстого (1828–1910) и Чехова (1860–1904).

Сэр Вальтер Скотт (1771–1832) является личностью, огромный нынешний престиж которой, подобно престижу лорда Байрона, будет озадачивать потомков. Свою литературную карьеру он начал поэтом и написал две длинные и цветистые повествовательные поэмы; затем он написал серию исторических приключенческих романов, прославлявших романтическое прошлое, превозносивших преданность

монарху и богатство традиций. Это очень понравилось знатым и преуспевающим людям, встревоженным холодной неопределенностью переменчивой и задающей вопросы современности. Он стал зачинателем романтико-ностальгической литературы не только в англоязычном мире, но и во всей Европе.

Романтизм заполонил всю Европу, но особенно много и настырно о нем писали в Германии. Утверждалось, что Шекспир тоже был романтиком; существовала даже глуповатая «романтическая философия» и «романтическая теология». В Англии вовсю

штамповались исторические романы, бывшие духовным эквивалентом возрождения в Англии готической архитектуры, а биржевые агенты и усталые чиновники могли забыть о своих официальных обязанностях, о том, куда и зачем они идут, и представлять себя благородными крестоносцами, солдатами, грабителями и спасителями опечаленных девиц — персонажами этих историй. В этих костюмированных постановках и намека не было на анализ событий и значения изображаемой исторической эпохи. И в этом заключалась их привлекательность. Они были убежищем для умов,

страстно не желавших мыслить. Мышление персонажей было мышлением процветающего среднего класса, только облагороженным и идеализированным.

Р.Л. Стивенсон (1850–1894), последний из основанной Скоттом династии писателей-романтиков, признал себя способным на нечто большее и обозвал себя умственной проституткой, каковой, в сущности, и являлся. «Костюмированный» роман прижился и на континенте, но там он не стал столь распространенным явлением, как в англоязычной системе, потому что там развитие процветающего и читающего среднего класса началось

несколько позже и в обстоятельствах, более благоприятных для интеллекта.

В качестве самой недавней тенденции можно упомянуть тот факт, что после паузы в развитии романа, отмеченной стремлением группировать романы в трилогии или писать к ним продолжения, наступила новая фаза в развитии этой формы. Похоже на то, что роман превращается в картину всего мира, увиденную глазами некоего типичного индивидуума. Наиболее интересным из этих новых длинных романов был «Жан-Кристоф» Ромена Роллана (1866–1944), выходивший десятью следовавшими один за другим томами. Эта тенденция

перекликается с появлением обширных, лишенных четкой структуры, бесконечных книг воспоминаний, комментариев и описаний, типичным сочинителем которых был Пруст (1871–1922). Почти одиноко стоящей фигурой в мировой литературе этой эпохи является Анатоль Франс (1844–1924), чья эпопея про профессора Бержере демонстрирует ту же самую тенденцию к замене отдельного романа общим комментарием текущих событий.

На рубеже XIX и XX столетий интересным новшеством в жанре романа стало постоянное увеличение объема социальных, политических и

религиозных дискуссий. Романисты эпохи Диккенса и Теккерея писали для публики, воззрения и социальные ценности которой носили установившийся характер. Они не обсуждали, они проповедовали, а это совершенно разные вещи. В романе XIX века «характеры» и их поступки — это все, из чего состоит структура произведения. Но современная интеллектуальная нестабильность нашла отражение в романе как обсуждение идей. Мысли и теории вошли в драму. Они усиливают интерес, однако они затушевывают ту эмфатическую «характеризацию» персонажей, которая делает их даже более «живыми», чем сама жизнь,

что было доведено до совершенства в литературе Викторианской эпохи.

До этих пор существование драмы зависело от существования упорядоченного и стабильного общества, с установившимися привычками и убеждениями, дававшего постоянную и благожелательную публику. Но в столетие социальной дезорганизации и перестройки установившаяся привычка посещать театры была нарушена, и люди мыслящие, критически и новаторски настроенные вряд ли составляли хоть какую-то часть тогдашней театральной публики. Европейский театр пережил этап тривиальности и

незначительности; в своем стремлении обеспечить приятное времяпрепровождение он инсценировал популярные романы и романтические истории.

Французская драма была утонченной, но бессодержательной. В Англии драма была столь же бессодержательной, но далеко не такой утонченной. Очень медленно, преодолевая неистовое сопротивление критиков, в мире драмы начали действовать те великие силы, которые настоятельно требовали дискуссий и идей.

Норвежец Ибсен (1828–1906) был центральной фигурой в процессе разворота драмы к обсуждению

современных реалий. В Англии милые фантазии Барри внесли большой вклад в разрушение косных традиций «ладно сработанной пьесы», а Бернард Шоу (1856–1950) постепенно завоевал господствующее положение и влияние. Гауптман (1862–1946) и Зудерман (1857–1928) являются наиболее известными немецкими драматургами этой новой эпохи искренности и мощи. На некоторое время война прервала развитие драмы, но ее «смерть» высвободила огромное количество созидательной и вселяющей надежду энергии по обе стороны Атлантики. В настоящее время, как в Европе, так и в Америке, театральная сцена

находится в состоянии здорового и энергичного обновления.

Когда мы говорим о развитии американской литературы, мы должны делать различие между двумя четко контрастирующими фазами — фазой европейского господства, английского и французского, и фазой самостоятельного развития. Длительное время американская литературная деятельность была сосредоточена в Новой Англии и представляла собой лишь ветвь, хоть и весьма энергичную, общей английской и европейской литературы. Центром американской литературной жизни был Бостон.

Писатели этого периода много говорили о Декларации независимости, но в том, что касается формы и стиля, они, кажется, еще не осознали, что независимость уже наступила. У Америки были свои отличительные вкусы; она быстрее восприняла Карлейля, чем Англия; она сказала свое слово в опытах Эмерсона (1803–1882), однако Лонгфелло был просто английским поэтом, которому выпало родиться в Америке и писать на американские темы.

Эдгар Аллан По (1809–1849) по своему стилю был более европейским, чем английским писателем, а Хоторн (1804–1864)

обладал как бы застенчивым
тевтонским обаянием. У.-Д. Хоуэлс
(1837–1920) написал серию
прекрасных и прозрачных по стилю
романов в манере, которая позволяет
поставить его в общей
классификации романа под рубрикой
французской школы в один ряд с
Томасом Харди. Генри Джеймс
(1843–1916) был американцем,
который писал и не как англичанин,
и не как американец. Он писал, как
американец, перенесенный в
европейские условия; действие в его
произведениях всегда происходило в
Европе, а его любимой темой было
столкновение наивного американца
со сложностями старых

цивилизаций. Из писателей XIX века самым американским по своей сути был, наверное, Марк Твен (1835–1910).

Такие книги, как «Главная улица» и «Бэббит» Синклера Льюиса, а также «Американская трагедия» Драйзера, были творениями ума, искренне и непосредственно интересовавшегося Америкой и больше не поглядывающего на восток в поисках новых методов или покровительственного одобрения. Американские поэзия и художественная литература теперь действительно стали независимыми до агрессивности; такие критики,

как Г. Менкен, стремились удивить мир изысканной свежестью и утонченностью восприятия, делая это очень искренне, шумно и страстно. А писатели, подобные Шервуду Андерсону и Джеймсу Кейбеллу, показали многообещающую новизну и энергию.

И хотя в современной американской литературе пока нет великих имен и большого количества выдающихся произведений, тем не менее, принимая во внимание богатство, изобилие, а также неумную любознательность этой многочисленной новой читающей публики, трудно поверить, что вскоре

не появится большой массив первоклассных литературных произведений как эквивалент возросших возможностей Америки.

Европейскому писателю нелегко дать оценку литературному процессу в Индии в XIX столетии. Тенденцией британского правления было игнорирование или сведение к минимуму интеллектуальной деятельности индийцев, поэтому существует мало переводов того значительного количества рассказов и романов о современной жизни, написанных на местных языках.

Рабиндранат Тагор (1861–1941) широко известен на Западе, однако скорее как поэт, чем как романист и

публицист. Восток, несомненно, следует за Западом в своем экономическом и социальном развитии, и те же силы, которые вызвали к жизни такие литературные формы, как большой роман, повесть, рассказ и лирика на Западе, вероятно, дадут похожие результаты и в Азии.

В Японии и Китае уже происходит великое интеллектуальное брожение. Искусство и организация перевода и пересказа как средств взаимосвязи между Востоком и Западом развиты еще совсем слабо, однако они постоянно совершенствуются и развиваются, приближая то, может

быть, недалекое время, когда хотя бы писатели-прозаики, если не поэты-лирики, с самого начала своей карьеры будут обращаться ко всемирной аудитории.

Научные исследования, философская мысль и литературно-художественная деятельность рассмотренного нами периода были более многочисленными, гораздо более качественными и доступными для возросшего числа людей во всем мире, чем когда-либо прежде. И нет никаких признаков сколько-нибудь значительной паузы в этом постоянно усиливающемся потоке разума.

Глава тридцать восьмая

Катастрофа современного империализма

1. «Вооруженный» мир перед мировой войной.

2. Имперская Германия.

3. Дух империализма в Британии и Ирландии.

4. Империализм во Франции, Италии и на Балканах.

5. Россия — великая монархия.

6. Соединенные

Штаты и имперская идея.

**7. Непосредственные
причины мировой войны.**

**8. Итоги мировой
войны на 1917 г.**

**9. Мировая война от
крушения России до
перемирия**

1

В течение тридцати шести лет после Сан-Стефанского соглашения и Берлинского конгресса Европа сохраняла нелегкий мир в пределах своих границ; за этот период не было ни одной войны между ведущими

государствами. Они препирались, запугивали, угрожали друг другу, но до настоящей вражды дело не доходило. После 1871 г. все поняли, что современная война является вещью гораздо более серьезной, чем профессиональные войны XVIII в., усилием целых народов, которое может сурово сковать социальную систему, авантюрой, в которую нельзя пускаться сломя голову. Механическая революция постоянно обеспечивала появление все более мощных (и более дорогих) средств разрушения на суше и на море, а также более быстрые транспортные средства, при этом делая все более невозможным ведение войны без

полной дезорганизации экономической жизни общества. Даже министерства иностранных дел чувствовали страх перед войной.

И хотя войны боялись так, как нигде и никогда в мире прежде, не было сделано ничего для организации международного контроля по предотвращению сползания человечества к новой войне. Правда, в 1898 г. молодой царь Николай II (1894–1917) издал рескрипт, приглашавший другие великие державы на конференцию государств, «стремящихся обеспечить великой идее всеобщего мира триумф над элементами беспорядка и раздора».

Этот рескрипт напоминает декларацию его предшественника Александра I, задававшего тон Священному союзу, и испорчен тем же предположением, что мир может быть установлен между суверенными правительствами, а не в результате максимального обеспечения потребностей и прав всех народов, составляющих человечество. Урок Соединенных Штатов Америки, который продемонстрировал, что не может быть ни единства действий, ни мира, пока над понятием «народ Виргинии» или «народ Массачусетса» не возобладает понятие «народ Соединенных Штатов», остался совершенно

незамеченным в европейских попытках умиротворения.

В Гааге в Голландии были проведены две конференции — одна в 1899, другая в 1907 г., — и на второй конференции были представлены почти все суверенные государства мира. Они были представлены дипломатами, общее умонастроение в мире не было ориентировано на выработку всеобщих принципов, простые же люди вообще не знали, что эти конференции проводились. Собравшиеся представители по большей части мелочно торговались по каждому пункту международного закона, касающегося войны, отложив

в сторону запрещение войны как жуткой химеры. Эти Гаагские конференции не сделали ничего для развенчания идеи о том, что в международной жизни неизбежно соперничество. Они приняли эту идею. Они не сделали ничего для выработки мировым сообществом понимания того, что интересы человечества — выше интересов правителей и министерств иностранных дел. Юристы и государственные деятели всех стран, которые принимали участие в этих заседаниях, были так же мало заинтересованы работать во благо всего человечества, как и прусские государственные деятели в 1848 г. —

приветствовать общегерманский парламент, который имел верховенство над правами и «политикой» короля Пруссии.

В Америке на трех Панамериканских конференциях 1899, 1901 и 1906 гг. был достигнут определенный прогресс в создании схемы международного арбитража для всего Американского континента.

Мы не будем здесь подробно останавливаться на личности и доброй воле Николая II, который выступил инициатором Гаагских конференций. Возможно, он думал, что время играет на Россию. Однако не может быть никаких сомнений в

общем нежелании великих держав обсуждать перспективу слияния суверенных государств, без которого проекты прочного и долговременного мира являются абсурдными. Они стремились не к прекращению соперничества между государствами, кульминацией которого всегда была война, а скорее к удешевлению самой войны, становившейся слишком дорогой. Каждый хотел минимизировать потери в локальных стычках и конфликтах и установить такие международные законы, которые сковывали бы в военное время его наиболее сильных соперников, а ему неудобств не причиняли.

— Это и были практические цели участников Гаагской конференции. Они ездили на эти собрания, чтобы угодить Николаю II, точно так же, как монархи Европы подписались под евангельскими декларациями Священного союза, чтобы угодить Александру I; но, принимая участие в этих конференциях, они просто пытались, в меру своего понимания, извлечь хоть какие-то выгоды.

Результатом Франкфуртского мира стала опруссаченная и объединенная Германия — наиболее грозная из всех великих держав Европы. Франция была унижена и искалечена. Ее возврат к республике

привел к тому, что у нее не осталось друзей ни в одном из королевских дворов Европы. Италия была еще подростком; Австрия быстро скатывалась до положения послушного сторонника германской политики; Россия была огромной, но неразвитой; а Британская империя была сильной только на море. За пределами Европы Германии приходилось считаться лишь с Соединенными Штатами Америки, быстро превращавшимися в великую индустриальную нацию, не имевшую, однако, ни армии, ни флота, достойных внимания по европейским меркам.

Новая Германия, получившая

форму созданной в Версале империи, представляла собой сложное и причудливое сочетание свежих интеллектуальных и материальных сил с самыми отсталыми политическими традициями европейской системы. В ней энергично развивалась сфера образования — она, несомненно, была наиболее образованной страной в мире; в развитии образования она задавала темп для всех своих соседей и соперников.

Когда для Германии наступил потом час расплаты, британскому читателю — для более объективной оценки — следовало бы напомнить про тот образовательный импульс, за

который его страна должна
поблагодарить сначала немецкого
принца-консорта, а затем —
германское соперничество. Та
подозрительность со стороны
британских правящих классов к
образованному человеку из народа,
которую не могли преодолеть ни
патриотическая гордость, ни
благородные порывы, была
побеждена растущим страхом перед
германской мощью.

А Германия приступила к
организации научных исследований
и применению научных методов для
ускорения промышленного и
социального развития с ранее не
виданными энергией и упорством.

В течение всего этого периода вооруженного мира она постоянно собирала урожай, сеяла и снова собирала — богатый и надежный урожай свободно распространяющихся знаний. Она быстро превратилась в великую промышленную и торговую державу; ее производство стали превысило британское; в десятках новых отраслей производства и коммерции, где ум и системный подход играют более важную роль, чем обычная деловая хватка, — в производстве оптики, красителей, множества химических продуктов, а также в бесконечном количестве новых технологий — Германия стала

мировым лидером.

Кроме того. Германия была впереди во многих формах социального законодательства. В стране поняли, что рабочая сила является национальным достоянием, что ее качество ухудшается от безработицы и что для общего блага о ней нужно заботиться и за пределами заводов и фабрик. Германские промышленники были убеждены в неоспоримых преимуществах согласованных действий и цивилизованности; их предприятия стремились к слиянию и все больше и больше принимали характер общенациональных. Эта занимающаяся образованием, наукой

и рациональной организацией общества Германия была естественным продолжением Германии 1848 года; ее корни росли еще из той восстановительной деятельности, импульсом к которой послужил позор наполеоновских завоеваний. Всем хорошим и великим, что было в этой современной Германии, она была обязана школьным учителям.

Но этот дух научной организации был лишь одним из двух факторов, способствовавших образованию новой Германской империи. Другим фактором была монархия Гогенцоллернов, которая пережила Йену, обманула

революцию 1848 года и воспользовалась ее плодами и которая, под руководством Бисмарка, взобралась на вершину законной власти над всей Германией за пределами Австрии.

Кроме царской России, ни одно другое европейское государство не сохранило в такой степени традиций великой монархии XVIII столетия, как Пруссия. Через традицию Фридриха Великого в Германии теперь правил Макиавелли. Поэтому во главе этого замечательного современного государства находился не прогрессивный современный ум, использующий германское превосходство во благо всего

человечества, но старый паук, жаждавший власти. Опруссаченная Германия одновременно была и новейшим, и наиболее древним явлением в Западной Европе. Она была самым передовым и самым опасным государством своего времени.

Мы рассказали нашу историю Европы, и пусть читатель рассудит сам, действительно ли блеск германского меча был самым ослепительным. Германия была намеренно одурманена, ее постоянно держали в состоянии опьянения патриотической риторикой. Наибольшим преступлением Гогенцоллернов было то, что Двор

постоянно и настойчиво оказывал тайное влияние на образование, и особенно — на образование историческое. Ни одно другое современное государство не грешило так сильно против образования. Олигархия коронованной республики Великобритании могла калечить образование и держать его на голодном пайке, Гогенцоллерны же развратили образование и сделали его продажной девкой.

Нельзя утверждать точно, но, вероятно, наиболее важным фактом в истории пятидесятилетия после 1871 г. было то, что немецкому народу методически внушали идею основанного на военной мощи

германского мирового господства, а также теорию того, что человечеству необходимы войны. Ключом к пониманию германского исторического учения является изречение графа Мольтке: «Вечный мир — это мечта, причем отнюдь не прекрасная. Война — один из элементов мирового порядка, predeterminedного Богом. Без войны мир пришел бы в упадок и погряз в материализме». И немецкий философ Ницше был полностью согласен с набожным фельдмаршалом:

«Является самообманом и красивой фантазией ожидать многого (если вообще чего-нибудь) от

человечества, если оно разучится воевать. Пока что неизвестно другое средство, которое побуждало бы к действию сильнее, чем великая война. Эта грубая энергия, порожденная лагерем, эта порожденная ненавистью полная беспристрастность, эта совесть, порожденная убийством и хладнокровием, эта страсть, порожденная усилием по уничтожению врага, это гордое безразличие к потерям, собственной жизни и жизни товарищей, эта подобная землетрясению встряска души — все это необходимо народу, когда он теряет жизненную силу».

На это учение, насквозь

пропитавшее всю Германскую империю, конечно же, обратили внимание за ее пределами, и оно встревожило все государства и народы мира, оно неизбежно содействовало созданию антигерманской коалиции. Это учение подкреплялось демонстрацией военных, а затем и военно-морских приготовлений, представлявших угрозу Франции, Британии и России. Оно влияло на образ мысли, манеры и мораль немецкого народа.

После 1871 г. немец за границей выпятил грудь и повысил голос. Он привносил пренебрежительное к другим отношение даже в

коммерческие сделки. Его машиностроение вышло на мировые рынки, его судоходство заполонило моря. Все это сопровождалось демонстративным патриотическим вызовом. Даже свои достоинства он использовал как средство оскорбления. (Большинство других народов, если бы они имели такой же исторический опыт и подверглись такой же идеологической обработке, наверняка вели бы себя подобным же образом.)

Своего рода историческим несчастным случаем, из тех, которые персонифицируют и ускоряют катастрофы, было то, что правитель Германии император Вильгельм II

являлся воплощением как новейшей немецкой тенденции в образовании, так и гогенцоллерновской традиции в самой что ни на есть завершенной форме. Он взошел на трон в 1888 г. в возрасте двадцати девяти лет; его отец, Фридрих III, унаследовал верховную власть от своего деда, Вильгельма I, в марте, а в июне того же года умер. По материнской линии Вильгельм II был внуком королевы Виктории, однако в его характере не было и следа той либеральной германской традиции, которая была отличительной чертой Саксен-Кобург-Готской фамилии.

Его голова была забита скороспелой риторикой нового

империализма. Свое восхождение он ознаменовал обращением к армии и флоту; его обращение к народу последовало тремя днями позже. В них четко звучало презрение к демократии: «Солдат и армия, а не парламентское большинство спаяли воедино Германскую империю. Мое доверие принадлежит армии». Так торжествующие Гогенцоллерны присвоили себе плоды кропотливой работы немецких педагогов.

В 1895 г. Вильгельм провозгласил Германию «мировой державой» и заявил, что «будущее Германии находится на морях», — игнорируя тот факт, что на морях уже были британцы, — и стал проявлять

возрастающий интерес к
строительству крупного военно-
морского флота. Он также взял под
свою опеку немецкую литературу и
искусство. Он использовал свое
влияние для того, чтобы сохранить
своеобразный и вычурный
германский готический шрифт
вместо римского шрифта, которым
пользовались остальные страны
Западной Европы. Он оказывал
поддержку Пангерманскому
движению, которое объявило
голландцев, скандинавов,
бельгийских фламандцев и
швейцарских немцев членами
великого германского братства,
фактически предназначив им роль

хорошего ассимиляционного материала для голодной и стремящейся к экспансии молодой империи.

В 1890 г. Вильгельм приобрел у Британии небольшой остров Гельголанд и превратил его в мощную военно-морскую крепость.

Военная катастрофа, которую потерпела Россия в Маньчжурии в 1905 г., содействовала росту агрессивности германского империализма. Угроза совместных боевых действий Франции и России против Германии, казалось, миновала. Германский император устроил нечто вроде королевского шествия по Святой Земле, побывал в

Танжере, чтобы высказать султану Марокко свою поддержку против французов, и обрушил на Францию свой монарший гнев, заставив ее под угрозой войны отправить в отставку ее министра иностранных дел. Он укрепил связи между Австрией и Германией, и в 1908 г. при его поддержке Австрия, открыто пренебрегая мнением остальных стран Европы, отобрала у турок югославские провинции Босния и Герцеговина. Так своим военно-морским вызовом Британии и актами агрессии против Франции и славян он вынудил Британию, Францию и Россию к выработке совместной оборонной политики против

Германии. Кроме того, аннексия Боснии содействовала отчуждению Италии, которая до этого была его союзницей.

Вполне естественным было то, что финансовым и промышленным лидерам новой Германии, которые становились все богаче, коммерсантам, пустившимся в заморские авантюры, чиновникам и простолюдинам этот вождь пришелся по вкусу. Многие немцы, в глубине души считавшие его безрассудным фанфароном, на людях высказывались в его поддержку, потому что он нес с собой столь подкупающую атмосферу успеха. *Noch der Kaiser!*

Все же Германия не сдалась без борьбы этому мощному потоку империализма. В стране крепла новая политическая сила — социал-демократическая партия, проповедовавшая доктрины Маркса. Эта партия росла наперекор сильнейшему противодействию официальных и религиозных организаций и жестоко репрессивному законодательству, направленному против деятельности политических объединений.

Кайзер постоянно обрушивался на нее с нападками; ее лидеров арестовывали и высылали за границу. Когда он взошел на трон, эта партия не набрала на выборах и

полмиллиона голосов; в 1907 г. она получила более трех миллионов голосов. Он пошел на некоторые уступки, согласившись с такими вещами, как пенсионный возраст и страховка по болезни, используя их в качестве примирительного жеста, хотя эти социальные блага и так по праву принадлежали рабочим.

Его обращение в социализм было замечено, но оно не обеспечило ему новых приверженцев империализма. Его военно-морские амбиции сталкивались с умелым и жестким противостоянием; колониальные авантюры новых германских капиталистов подвергались постоянным атакам со

стороны этой партии здравого смысла простых людей. Но социал-демократы оказывали умеренную поддержку армии, потому что, какое бы сильное отвращение ни вызывал у них их доморощенный деспот, гораздо больше они боялись и ненавидели деспотизм варварской и обращенной в прошлое России на их восточных границах.

Прямая опасность для Германии заключалась в том, что ее чванливый империализм мог вынудить Британию, Россию и Францию к совместному нападению на нее, к своего рода превентивной войне. Кайзер колебался между жесткой позицией по отношению к Британии

и неуклюжими попытками умиротворить ее, пока его флот увеличивался в размерах и пока он готовился к войне против России и Франции. Когда в 1913 г. британское правительство предложило прекратить в двустороннем порядке военно-морское строительство на год, то последовал отказ.

Несчастьем кайзера стал его сын и наследник, который был даже большим Гогенцоллерном, большим империалистом и большим сторонником пангерманских идей, чем его отец.

Молодой кронпринц был лишь одним из представителей молодежи правящих классов Германии весной

1914 г. Все они пили из одной и той же чаши. Их профессора и преподаватели, их глашатаи и лидеры, их матери и возлюбленные — все они готовили их к великому историческому шансу, который был уже близок. Они были исполнены будоражащего чувства неминуемой схватки, трубного зова грандиозных свершений, победы над всем человечеством за рубежом, триумфа над упрямыми рабочими у себя дома. Страна была напряжена и возбуждена, словно спортсмен перед выступлением.

На протяжении всего периода вооруженного мира Германия была лидером и задавала тон для

остальной Европы. Особо сильное влияние ее новые доктрины агрессивного империализма оказывали на сознание британцев, которые были плохо подготовлены к противостоянию мощному интеллектуальному давлению из-за границы.

Университеты Оксфорда и Кембриджа не справились с заданием модернизации образования высших классов из-за страхов и предрассудков, вызванных так называемым «конфликтом науки и религии» в представлении духовенства, которое контролировало эти университеты через попечительские советы. Народное же

образование было изуродовано
религиозными раздорами,
исключительной скупостью
муниципальных властей,
стремлением работодателей
использовать детский труд и
индивидуалистическим нежеланием
«заниматься образованием чужих
детей».

Старая английская традиция,
традиция прямых высказываний,
законности, справедливости и, в
некоторой степени, республиканской
свободы, значительно поблекла в
тяжелые времена наполеоновских
войн. Романтизм, главным
пропагандистом которого был
великий романист сэр Вальтер Скотт,

заразил воображение нации
страстью к вычурному и
живописному. «Мистер Бриггс»,
комический англичанин из «Панча»
пятидесятых и шестидесятых годов
XIX в., одетый в костюм
шотландского горца и
выслеживающий оленя, был
типичным воплощением духа нового
движения.

Извращенная этнология и
искаженная история, старавшиеся
убедить немцев, представляющих
собой соединение славянских,
кельтских и тевтонских элементов,
что они являются совершенно особой
и великой расой, были использованы
и английскими писателями, которые

начали превозносить новое этнологическое открытие — «англосаксов». Эта необыкновенная этническая смесь изображалась как кульминационное достижение человечества, выдающийся результат объединенных усилий греческих и римских, египетских, ассирийских, еврейских, монгольских и тому подобных скромных предшественников этого венца белой расы. Бессмысленная легенда о германском превосходстве только усилила раздражение поляков в Познани и французов в Лотарингии. Еще более смехотворная легенда о превосходстве англосаксов не только усилила раздражение английским

правлением в Ирландии, но и снизила уровень общения британцев с «покоренными» народами во всем мире. Ибо исчезновение уважения и культивирование идеи «превосходства» означает исчезновение законности и справедливости.

Новый британский империализм нашел своего поэта в лице мистера Киплинга, а практическую поддержку — среди ряда представителей финансовых и деловых кругов, путь которых к монополиям и эксплуатации освещался его блеском.

Все же империалистическое движение в Великобритании не

имело ни той власти, ни того единства, которые это движение имело в Германии. Оно не было естественным продуктом какого-либо из трех объединенных, но разных народов Британии. Оно не было им присуще. Королева Виктория и ее наследники, Эдуард VII и Георг V, первая из-за своего пола, двое других по стати и темпераменту и все трое в силу их традиций, не были предрасположены носить «сияющие доспехи», потрясать «бронированными кулаками» и размахивать «славными мечами» по примеру Гогенцоллернов. У них хватало мудрости воздерживаться от какого-

либо открытого вмешательства в формирование общественных представлений.

И это «британское» империалистическое движение с самого начала вызвало враждебность большого количества английских, уэльских, ирландских и шотландских писателей, которые отказывались признавать новую «британскую» национальность или принять теорию того, что они являются такими «англосаксонскими» сверхчеловеками. Кроме того, многие крупные дельцы Британии, особенно в сфере морских перевозок, создали свои состояния на свободной торговле и поэтому относились к

фискальным предложениям новых империалистов и к новым финансовым и торговым авантюристам, которые ассоциировались с ними, со вполне оправданной подозрительностью.

Быстрыми темпами продолжало развиваться народное образование, был достигнут прогресс в сфере общественных интересов и в более справедливом распределении богатства, находившегося прежде в руках немногих. Три народа Британии вплотную приблизились к справедливому и реалистическому урегулированию давних разногласий с Ирландией. К несчастью для них, мировая война застала их в самом

разгаре этих усилий.

Как и Япония, Ирландия очень мало фигурировала в этом «Очерке истории» — и по той же причине: она представляла собой страну на отделенном острове, которая много получала, но мало возвращала, поэтому ее вклад в общечеловеческую драму пока что невелик.

Ее население представляет собой смесь очень разных этнических компонентов, основным из которых, вероятно, является смуглая «средиземноморская» ветвь, ненордическая и неарийская, подобно баскам, а также народу Португалии и юга Италии. Эта

первоначальная основа была затоплена где-то в VI в. до н. э. — и мы не знаем, в какой степени, — волной кельтских народов. По крайней мере, степень ее воздействия была достаточной для укоренения здесь одного из кельтских языков — ирландского гэльского.

Между Ирландией, Шотландией, Уэльсом и Англией происходили постоянные миграции, вторжения и контрвторжения кельтских или подвергшихся кельтскому влиянию народов. Ирландия была обращена в христианство в V в. Позже восточное побережье было захвачено и заселено норманнами, но мы не знаем,

насколько они повлияли на расовую характеристику.

Норманны и англичане приходили в 1169 г., во времена Генриха II, и позже. В современной Ирландии тевтонская линия, наверное, столь же сильна, как и кельтская, или даже сильнее. Поначалу Ирландия была варварской страной с родовым строем и немногочисленными очагами стабильности, в которых творческие склонности более древней расы находили отражение в художественной работе по металлу и цветных иллюстрациях к священным книгам. В XII в. произошло частичное завоевание Ирландии

Английским королевством, и в разных частях страны появились редкие поселения норманнов и англичан. С самого начала обнаружились глубокие различия между национальными характерами ирландцев и англичан, которые усиливались непохожестью языков и стали еще более очевидными после протестантской Реформации. Англичане стали протестантами; ирландцы, по вполне естественной реакции, сплотились вокруг гонимой Католической церкви.

Английское правление в Ирландии с самого начала представляло собой то затухающую, то вновь разгорающуюся

гражданскую войну из-за конфликта языков и различия в английских и ирландских законах, касавшихся землевладения и наследования. Мы не будем здесь рассказывать о восстаниях, расправах и покорении этого несчастного острова во времена Елизаветы и Якова I, однако при Якове появился новый повод для вражды — конфискация обширных территорий в Ольстере и их заселение пресвитерианскими шотландскими колонистами. Они образовали протестантскую общину, которая находилась в неизбежном постоянном конфликте с остальной — католической — частью Ирландии.

В политических конфликтах во времена Карла I и Республики, а также во времена Якова II, Вильгельма и Марии обе английские противоборствующие стороны находили приверженцев и союзников в ирландских партиях. В Ирландии существует пословица: «Неудача Англии — удобный случай для Ирландии», поэтому гражданская война в Англии и казнь Страффорда явились удобным случаем для расправ над англичанами в Ирландии (1641). Позже Кромвель отомстил за эти расправы, не щадя никого, кто был вооружен, и эти жестокости до сих пор с особой злопамятностью поминают ирландские католики. С

1689 по 1691 г. Ирландию снова раздирала гражданская война. Яков II искал поддержки у ирландских католиков против Вильгельма III, и его сторонники потерпели жестокие поражения в битвах у Война (1690) и Огрима (1691 г.).

Затем последовало урегулирование, Лимерикский договор — противоречивое соглашение, в соответствии с которым английское правительство брало на себя обязательство терпимо относиться к католикам и тому подобное, однако не сдержало своих обещаний. Лимерик долго являлся основным пунктом в длинном списке обид, причиненных ирландцам.

Сравнительно немногие англичане когда-либо слышали об этом договоре; в Ирландии же о нем помнят и по сей день.

Давайте теперь разберемся, насколько позволяет наш объем, в сходствах и различиях ситуации в Британии и Ирландии.

В Ирландии существовал парламент, но это был протестантский парламент, ограниченный и продажный даже в большей степени, чем современный ему британский парламент. В Дублине и его окрестностях существовала развитая цивилизация, а также довольно интенсивная научная и литературная деятельность

на английском языке, сконцентрированная в протестантском университете Тринити-колледж. Это была Ирландия Свифта, Голдсмита, Беркли и Бойля. В своей сущности она являлась частью английской культуры. Ничего традиционно ирландского в ней не было. В то время католическая религия и ирландский язык были изгнанными и преследуемыми.

Именно из этой загнанной в безвестность Ирландии возникла Ирландия XX века. Ирландский парламент, ирландская литература, ее наука, вся ее культура естественным образом тяготели к

Лондону, потому что они были неотъемлемой частью этого мира. Землевладельцы из тех, что побогаче, уезжали жить в Англию и отдавали своих детей в английские учебные заведения. Это означало постоянный отток богатств из Ирландии в Англию в виде прибылей, израсходованных или инвестированных за пределами страны. Прогресс в сфере средств сообщения постоянно усиливал эту тенденцию, ослаблял потенциал Дублина и совершенно обескровил Ирландию. Уния (1 января 1801 г.) стала отражением естественного слияния двух совершенно родственных систем — англо-

ирландского парламента и парламента британского, которые оба были олигархическими и политически продажными. Существовала активная оппозиция этой Унии не столько со стороны собственно ирландцев, сколько со стороны осевших в Ирландии протестантов, что привело в 1803 г. к неудавшемуся восстанию под предводительством Роберта Эммета. Дублин, бывший в середине XVIII в. высококультурным англо-ирландским городом, постепенно лишился своей интеллектуальной и политической жизни и был заселен ирландцами из внутренних районов страны. Его светская жизнь

становилась все более официальной и сосредоточивалась вокруг вице-короля Ирландии; его интеллектуальная жизнь дышала на ладан и на некоторое время почти умерла.

Борьба английской «демократии» за развитие образования и политические права во многих отношениях отличалась от борьбы «простых людей» Ирландии. В Британии происходил интенсивный рост промышленного населения, протестантского или неверующего; конечно, там были сельскохозяйственные работники, но не было крестьян. Ирландия, не имевшая запасов угля, с менее

плодородной почвой, землевладельцы которой жили в Англии, стала страной крестьян-арендаторов. Их сельское хозяйство все более сводилось к выращиванию картофеля и свиноводству. Люди вступали в брак и рожали детей; кроме потребления виски (если его можно было достать) и периодических драк, семейная жизнь была их единственным развлечением. Пугающие последствия не заставили себя долго ждать.

В 1845 г. имел место повсеместный недород картофеля и последовал страшный голод. Многие умерли, многие эмигрировали, в

основном в Соединенные Штаты; начался поток эмиграции, в результате которого Ирландия на некоторое время превратилась в страну стариков и опустевших родовых гнезд.

История отношения Ирландии к Британии отражает крайнее недоверие к правящему классу Британской империи, но это не та история, которой должна стыдиться палата общин английского парламента. Ее члены неоднократно проявляли добрую волю. Британское законодательство относительно Ирландии в течение почти полстолетия было отражением серии неуклюжих попыток со стороны

либеральной Англии удовлетворить требования ирландцев и нащупать почву для дружеских отношений. Это делалось вопреки постоянному противодействию консерваторов и ольстерских ирландцев.

Это отступление, посвященное истории Ирландии, подводит нас ко времени «инфекционного» империализма в Европе. Юнионистское правительство, сменившее правительство Гладстона, состояло в основном из представителей консерваторов и по своему духу было более «империалистическим», чем все предыдущие правительства Великобритании. Британская

политическая история последующих лет по большей части представляет собой конфликт между новым империализмом, с помощью которого воинственный «британский» национализм намеревался править империей, и присущими англичанам либерализмом и рассудительностью. Противники империалистов стремились трансформировать империю в конфедерацию свободных и добровольных союзников.

Естественно, что британским империалистам нужны были покорные ирландцы, и естественно, что английским либералам нужны были ирландцы свободные,

принимающие участие в общих делах. В 1892 г. Гладстону удалось с большим трудом вернуться к власти и обеспечить большинство по вопросу ирландского самоуправления; в 1893 г. его билль о самоуправлении прошел палату общин, но был отвергнут палатой лордов.

Однако империалистическое правительство пришло к власти лишь в 1895 г. Партия, составлявшая его основу, называлась не империалистической, а «юнионистской» — странное название, если учесть, как упорно и энергично она стремилась уничтожить любую возможность

превращения империи в
содружество. Эти империалисты
оставались у власти в течение десяти
лет. Мы уже кратко упоминали о том,
как они завоевали Южную Африку.
Они потерпели поражение при
попытке ввести таможенную систему
по немецкому образцу. Пришедшее
на смену либеральное правительство
превратило завоеванные
южноафриканские бургские
республики в дружественных
подданных посредством создания
самоуправляемого доминиона
Южная Африка. После чего оно
занялось давно назревшей проблемой
преодоления упорных
империалистических настроений

палаты лордов.

Для британской политики эта борьба имела фундаментальное значение. По одну сторону было либеральное большинство народа Великобритании, искренне заинтересованное в новом и более обнадеживающем подходе, с помощью которого враждебность ирландцев можно было бы постепенно сменить на дружественное отношение; по другую — сторонники британского империализма, исполненные решимости любой ценой и при любом исходе выборов, если возможно — законно, а если нет — незаконно, сохранить свой приоритет

в управлении делами англичан, шотландцев, ирландцев и всех остальных народов империи.

По сути, это был все тот же многолетний внутренний конфликт английского общества, только назывался он по-другому. Это был все тот же конфликт между свободными и либерально мыслящими представителями простого народа и влиятельными «большими людьми», крупными авантюристами и властвующими особами. Конфликт подобного рода уже упоминался в нашем рассказе о борьбе Америки за независимость. Как и Америка, Ирландия была просто полем битвы. В Индии, в

Ирландии, в Англии правящие круги и их приспешники-авантюристы были единомышленниками, но у народа Ирландии, в силу религиозных различий, практически не было чувства солидарности с народом Англии. Правда, такой ирландский политик, как Редмонд, на некоторое время преодолел эту национальную узость и великодушно откликнулся на добрые намерения англичан.

В 1911 г. в Ольстере были организованы отряды добровольцев, в страну контрабандно поставлялось оружие, а сэр Эдвард Карсон, вместе с подающим надежды адвокатом по имени Ф.-Э. Смит, одетые в

полувоенном стиле, разъезжали по Ольстеру, производя смотр этих добровольцев и произнося зажигательные речи. Оружие для предполагаемых повстанцев приходило из Германии, и в высказываниях некоторых сподвижников Карсона содержались намеки на поддержку со стороны «великого монарха-протестанта». В отличие от Ольстера, остальная часть Ирландии была воплощением порядка и благопристойности, доверившись своему выдающемуся лидеру Редмонду и добрым намерениям трех британских народов.

Но если вспомнить историю

этого несчастного острова, то раздававшиеся в Ирландии призывы к гражданской войне не будут казаться чем-то из ряда вон выходящим. Значимость этим призывам в тогдашней исторической ситуации придавали та неистовая поддержка, которую они встретили среди английского военного сословия и правящих классов, а также та безнаказанность и вседозволенность, с которыми действовали сэр Эдвард Карсон и его соратники.

Естественным результатом всей этой деструктивной деятельности высших слоев общества стала тревога в основной части Ирландии, и без того далеко не по-дружески

настроенной по отношению к Англии; эта Ирландия тоже приступила к организации «национальных добровольцев» и контрабандному ввозу оружия. Военные власти проявили гораздо большее рвение в борьбе с нелегальным ввозом оружия в Ирландию, чем с его нелегальным ввозом в Ольстер, и в 1914 г. попытка ввезти оружие в Хоут, возле Дублина, привела к стычкам и кровопролитию на дублинских улицах. Британские острова были на грани гражданской войны.

Такова вкратце история империалистического революционного движения в

Великобритании накануне мировой войны. Ибо движение сэра Эдварда Карсона и его сподвижников было, несомненно, революционным. Оно представляло собой откровенную попытку (используя ирландский конфликт как отправную точку) отбросить парламентский способ правления вместе с вымученными и несовершенными свободами британского народа и, при поддержке армии, установить правление прусского образца. Это была реакционная попытка нескольких десятков тысяч людей затормозить движение всего мира в сторону демократической законности и социальной справедливости,

попытка, родственная по духу новому империализму германских юнкеров и богачей, среди которых она встретила горячую поддержку. Но в одном очень важном аспекте британский и германский империализм отличались друг от друга.

В Германии средоточием империализма являлся монарший двор; его самым шумным и известным сторонником был наследник престола. В Великобритании же король держался в стороне. Ни единым публичным актом король Георг V не проявил даже малейшего одобрения этого нового движения; и поведение

принца Уэльского, его сына и наследника, было столь же безупречным.

В августе 1914 г. на мир обрушился ураган Великой войны. В сентябре сэр Эдвард Карсон протестовал против занесения закона о самоуправлении в свод законов. Вступление этого закона в силу было отсрочено до окончания войны. В тот же самый день мистер Джон Редмонд, лидер ирландского большинства и истинный представитель Ирландии, призвал ее народ взять на себя равную долю военного бремени и военных расходов.

Некоторое время Ирландия

добросовестно и эффективно играла свою роль в войне бок о бок с Англией, пока в 1915 г. на смену либеральному правительству не пришло коалиционное, в котором, из-за моральной слабости премьер-министра Асквита, этот самый сэр Эдвард Карсон занял должность главного правительственного обвинителя (с жалованьем 7000 фунтов стерлингов и гонорарами), а его преемником на этом посту должен был вскоре стать его помощник по подстрекательству к Ольстерскому мятежу, сэр Ф.-Э. Смит.

Никогда прежде дружественному народу не

наносилось большее оскорбление. Процесс примирения, начатый Гладстоном в 1886 г. и почти завершённый в 1914 г., был сорван полностью и окончательно. Весной 1916 г. против этого нового правительства в Дублине вспыхнуло неудавшееся восстание. Его зачинщики, многие из них ещё просто мальчишки, были расстреляны. Эта преднамеренная и ненужная жестокость, резко контрастировавшая с отношением властей к лидерам ольстерских мятежников, всколыхнула всю Ирландию как акт вопиющей несправедливости. Предатель, сэр Роджер Кейсмент, получивший

рыцарский титул за прежние заслуги перед империей, который искал помощи для ирландских восставших в Германии, был отдан под суд и казнен — вполне заслуженно; однако его обвинителем выступал Ф.Э. Смит, подстрекатель ольстерского мятежа — поистине шокирующее совпадение!

Дублинское восстание не получило широкой общеирландской поддержки, однако после его подавления стремление ирландцев к созданию независимой республики быстро выросло до огромных масштабов. Этому сильнейшему эмоциональному порыву противостояли более умеренные

идеи таких ирландских политиков, как сэр Хорас Планкетт, которому будущая Ирландия представлялась доминионом, «коронованной республикой», то есть частью империи, которая располагала бы равными правами с Канадой и Австралией.

Наш анализ современного империализма в Германии и Британии выявил определенные силы, общие для этих двух стран, и мы вскоре увидим, как эти же самые силы действовали — в разной степени и в разных облачениях — в других крупных обществах того времени, к обзору которых мы сейчас приступим.

Этот новый империализм не был синтезирующим и объединяющим мир движением, наподобие прежнего империализма. По своей сути он был страдающим манией величия национализмом, агрессивность которого была порождена богатством. Своих наиболее ярых сторонников он находил в военной и чиновничьей кастах, а также в кругах промышленников, финансистов и скоробогачей, т. е. в большом бизнесе. Главными его критиками были образованные представители неимущих слоев, а его основными противниками — крестьянство и трудовые массы. Он

солидаризировался с монархией там, где она существовала, но этот новый империализм — не обязательно монархическое движение.

Французский империализм периода вооруженного мира в Европе был, конечно же, гораздо менее самоуверенным по сравнению с германским. Он ассоциировал себя скорее с «национализмом», чем «империализмом», и стремился, вызывая к патриотическим чувствам, помешать деятельности тех социалистов и рационалистов, которые хотели найти контакт с либеральными элементами германского общества. Он мечтал о Реванше, об «ответном матче» с

Пруссией. Но озабоченность этими вопросами не мешала ему ввязываться в авантюры, связанные с аннексиями и эксплуатацией ресурсов на Дальнем Востоке и в Африке, что чуть было не закончилось войной с Британией после столкновения у Фашоды (1898 г.). Кроме того, французских империалистов никогда не покидала мечта о приобретении новых владений в Сирии.

Италия тоже заразилась империалистической лихорадкой. Поражение в битве при Адуа на некоторое время остудило ее пыл; но в 1911 г. она снова взялась за свое, затеяв войну с Турцией и

аннексировав Триполи. Итальянские империалисты хотели, чтобы их соотечественники забыли о Мадзини и помнили лишь о Юлие Цезаре, ибо кто же, как не они, были наследниками Римской империи?!

Империализм проявился и на Балканах. Небольшие страны, всего лишь около столетия назад скинувшие турецкое иго, стали проявлять воинственные устремления; болгарский король принял титул царя, став новейшим из псевдоцезарей, а в витринах афинских магазинов любопытствующие могли видеть карты, воплощавшие мечту о великой греческой империи в Европе и Азии.

В 1912 г. три страны — Сербия, Болгария и Греция — напали на Турцию, ослабленную к тому времени войной с Италией, и изгнали ее из всех европейских владений, кроме территории между Адрианополем (Эдирне) и Константинополем. На следующий год эти три страны поссорились между собой из-за дележа добычи. В игру вступила Румыния и помогла сокрушить Болгарию. Турки возвратили себе Адрианополь. Более крупные империалисты — Австрия, Россия и Италия — следили за этим конфликтом и друг за другом...

В то время как весь мир к западу от России изменялся очень быстро,

сама она в течение XIX в. изменялась крайне медленно. В конце этого столетия, как и в его начале, она все еще представляла собой великую монархию в стиле позднего XVII столетия, основанием которой было варварство; она все еще находилась на той стадии, когда дворцовые интриганы и императорские фавориты могли осуществлять контроль над ее международными отношениями.

Она провела через всю Сибирь длинную железную дорогу, в конце которой ее ожидала катастрофа русско-японской войны. Она использовала современные методы войны и новые виды вооружений

лишь в той степени, в какой позволяли ее слаборазвитая промышленность и ограниченное количество достаточно образованных людей. Такие писатели, как Достоевский, создали нечто вроде мистического империализма, основывавшегося на идее Святой России и ее миссии. Эта идея была окрашена расовыми предрассудками и антисемитскими настроениями; однако, как показали последующие события, она не смогла глубоко проникнуть в сознание масс россиян.

Жизнь неграмотных крестьян была проникнута размытой и очень упрощенной формой христианства, смешанной со множеством суеверий.

Эта жизнь походила на жизнь крестьян во Франции и Германии в дореформаторскую эпоху. Русский мужик должен был преклоняться перед своим царем, боготворить его и с преданностью служить знатным людям; в 1913 г. реакционные английские литераторы все еще восхваляли эту его простую и беспрекословную преданность.

Однако, как и в Западной Европе во времена крестьянских восстаний, это почитание монархии сочеталось с представлением о том, что монарх и дворянин должны быть добрыми и великодушными; так что эта примитивная преданность, при определенных неблагоприятных для

монархии обстоятельствах, могла превратиться в безжалостную нетерпимость, с которой сжигались дворцы во время Жакерии и которая привела к теократии в Мюнстере. Когда простые люди в России были чем-то разгневаны, в их среде находилось явно недостаточное количество образованных людей, влияние которых могло бы смягчить взрыв ярости. У высших классов было столь же мало сочувствия к классам низшим, как и у животных одного вида по отношению к другому. Эти российские массы на три столетия отставали от националистического империализма германского образца.

И еще в одном аспекте Россия отличалась от современных ей западноевропейских стран и уподоблялась их средневековому периоду. Это различие заключалась в том, что российские университеты были прибежищем многих очень бедных студентов, не принимавших бюрократической деспотии и ненавидевших ее. Накануне 1917 г. важность совпадения этих двух факторов революции — взрывоопасного недовольства и широкого распространения идей свободы — не была понята европейскими политиками и общественными деятелями; очень немногие догадывались, что в России

более, чем в любой другой стране, сложились предпосылки для фундаментальной революции.

Когда от этих европейских великих держав, с доставшимися им «по наследству» от великих монархий министерствами иностранных дел и методами ведения национальной политики, мы обращаемся к Соединенным Штатам, которые полностью порвали с системой великих держав в 1776 г., мы обнаруживаем интереснейшее отличие в проявлении тех сил, которые в Европе привели к возникновению экспансивного империализма.

Для Америки, как и для Европы,

механическая революция сузила мир до размеров путешествия в несколько дней. Соединенные Штаты, как и великие державы, имели финансовые и торговые интересы во всем мире; крупному индустриальному обществу требовались заморские рынки; тот же кризис веры, который потряс основы моральной солидарности в Европе, произошел и в Америке. Ее люди были столь же патриотически и воинственно настроены, как и другие народы. Почему же тогда Соединенные Штаты не копили вооружения и не проводили агрессивной политики? Почему звездно-полосатый флаг не развевался над Мехико и почему под

этим флагом в Китае не была создана колониальная система по типу британской в Индии?

Именно американцы открыли Японию остальному миру. После чего без малейших возражений они дали этой стране возможность европеизироваться и превращаться в мощное и устрашающее государство. Уже одно это заставило бы Макиавелли, отца современной международной политики, перевернуться в гробу.

Более того, по некоему странному стечению обстоятельств у Америки, в лице президента Теодора Рузвельта (1901–1909), был свой лидер — столь же беспокойный и

энергичный, как и немецкий кайзер, так же настроенный на великие свершения, такой же экстравагантный и красноречивый, смелый человек со способностями к мировой политике и понимающий необходимость вооружения. Казалось бы, самый подходящий человек для того, чтобы вовлечь свою страну в потасовки из-за заморских владений.

По-видимому, не существует никакого другого объяснения этой общей сдержанности и отстраненности Соединенных Штатов, кроме того, что их общественные институты и традиции фундаментально отличаются от европейских.

Во-первых, правительство Соединенных Штатов не имеет ни министерства иностранных дел и дипломатического корпуса европейского образца, ни группы «экспертов», которые поддерживали бы традицию агрессивной политики. У президента — большие полномочия, но они ограничены полномочиями конгресса, непосредственно избираемого народом. Каждый договор с иностранным государством должен сначала получить одобрение конгресса. Поэтому международные отношения страны находятся под открытым и публичным контролем. При такой системе тайные

соглашения невозможны, и поэтому иностранные державы жалуются на трудности в нахождении «взаимопонимания» с

Соединенными Штатами — пример, достойный подражания! Таким образом, само политическое строение Соединенных Штатов исключает возможность проведения международной политики, подобной той, которая так долго держала Европу в постоянном страхе войны.

Во-вторых, в Соединенных Штатах не существовало и не существует ни традиции, как это можно назвать, неассимилируемых владений, ни организации, которая занималась бы этим вопросом. Не

может быть колоний Короны там, где нет Короны. Распространяясь по американскому континенту, Соединенные.

Штаты разработали совершенно особый метод обхождения с новыми территориями, великолепно приспособленный для незаселенных пространств, но очень неудобный, если применять его слишком вольно к территориям, на которых уже проживает чужеродное население. Этот метод основывался на идее о том, что в системе Соединенных Штатов не может быть постоянно угнетаемых народов.

Последними территориями, получившими в 1912 г. статус штатов,

стали Аризона и Нью-Мексико. Скованные холодом дикие просторы Аляски, купленной у России, оставались политически неразвитыми лишь потому, что для превращения в штат там не было достаточного количества населения.

Поскольку новые владения Германии и Великобритании в Тихоокеанском регионе угрожали лишить флот Соединенных Штатов его тихоокеанских угольных баз, были аннексированы часть островов Самоа (1900 г.) и Гавайские острова (1898 г.). Здесь Соединенным Штатам впервые пришлось иметь дело с покоренным населением. Однако ввиду отсутствия какого-либо

класса, сравнимого с англо-индийскими чиновниками, контролирующими общественное мнение Британии, американская процедура следовала территориальному методу. Было сделано все, чтобы поднять образовательный уровень жителей Гавайских островов до общеамериканского, а местное территориальное законодательство было организовано так, чтобы эти смуглые островитяне в будущем неизбежно стали полноправными гражданами Соединенных Штатов.

В соответствии с идеей общей американской безопасности, Соединенные Штаты в 1898 г.

вмешались в дела Кубы, многие годы находившейся в состоянии хронического мятежа против Испании. Непродолжительная война окончилась приобретением Кубы, Пуэрто-Рико и Филиппинских островов. Сейчас Куба — независимая и суверенная республика. Пуэрто-Рико и Филиппины получили особый тип управления, при котором нижняя палата парламента избирается народом, а верхняя состоит из депутатов, которые первоначально будут назначаться конгрессом Соединенных Штатов. Как Пуэрто-Рико, так и Филиппины вряд ли когда-нибудь станут штатами Союза.

Скорее всего, они станут независимыми государствами, которые будут находиться в некоем тесном альянсе как с англоязычной, так и с Латинской Америкой.

Как Куба, так и Пуэрто-Рико приветствовали американское вмешательство в свои дела, однако на Филиппинах прозвучало требование полной и немедленной свободы сразу после войны с испанцами, сопровождавшееся значительным сопротивлением американской военной администрации. Именно в этом случае Соединенные Штаты вплотную приблизились к империализму великодержавного типа, и именно здесь их

деятельность вызывает наибольшие сомнения. В Соединенных Штатах были отмечены многочисленные проявления симпатии к непокорным.

Этот подход совершенно отличается от методов британского или французского министерства иностранных дел или чиновников колониальной администрации. Но он не так уже сильно отличается от того настроя, который содействовал созданию республик Канады, Южной Африки и Австралии, а также трех законопроектов о самоуправлении Ирландии. Он соответствует более старой и характерной английской традиции, из которой берет свое начало

Декларация независимости. Он безоговорочно отвергает отвратительную идею «покоренных народов».

Здесь мы не будем рассматривать политические хитросплетения, сопровождавшие сооружение Панамского канала, ибо это не добавит ничего нового к рассматриваемому нами вопросу американских методов в мировой политике. История Панама — это чисто американская история. Но совершенно очевидно, что характер отношений Соединенных Штатов с остальным миром был столь же новым и небывалым, как и их внутренняя политическая структура.

Мы уделили некоторое внимание состоянию умов в Европе и Америке по вопросу международных отношений в годы, непосредственно предшествовавшие мировой трагедии 1914 г., по той причине, что любая большая война является неизбежным следствием умонастроений определенного исторического периода. И это начинает понимать все большее количество людей. Все, что делают люди и нации, является выходом инстинктивных побуждений, реагирующих на те идеи, которые через разговоры, книги, газеты и школьных учителей попадают в сознание людей.

Физические нужды, эпидемии, изменения климата и подобные явления внешнего порядка могут отклонить и исказить ход человеческой истории, но ее движущей силой является мысль. По своей сути история человечества представляет собой историю идей. Физические и психические различия между современным человеком и кроманьонцем весьма невелики; основное различие между ними заключается в том умственном багаже, который мы приобрели за разделяющие нас пять или шесть сотен поколений.

Мы находимся еще слишком близко к событиям мировой войны,

чтобы претендовать в этом «Очерке» на вынесение ей исторического приговора, но мы все-таки можем рискнуть предположить, что, когда улягутся страсти конфликта, Германию больше других будут обвинять в том, что он произошел, и ее будут обвинять не потому, что она сильно отличалась морально и интеллектуально от своих соседей, а потому, что общая болезнь — империализм — проявилась у нее в наиболее законченной и агрессивной форме.

Ни один уважающий себя историк, какими бы поверхностными и рассчитанными на публику ни были его цели, не сможет принять

легенду, порожденную бедствиями войны, согласно которой немец — это такой человек, который более жесток и более отвратителен, чем другие люди. Все великие державы Европы накануне 1914 г. пребывали в состоянии агрессивного национализма и постепенно скатывались к войне; Германия просто шла во главе этого всеобщего движения. Она первой свалилась в пропасть и упала глубже других. Она превратилась в ужасающий пример, на который громко жаловались ее лишь немногим менее грешные соседи.

Долгое время Германия и Австрия стремились к расширению

немецкого влияния в восточном направлении через Малую Азию и дальше на Восток. Эта германская идея кристаллизовалась во фразе «Берлин до Багдада». Германским замыслам противостояли планы России, которая стремилась к расширению славянского господства до Константинополя и через Сербию — до Адриатики. Направления этих амбиций перекрещивались и были взаимоисключающими.

Лихорадочное состояние дел на Балканах было в основном результатом интриг и пропагандистских усилий Германии и России. Турция обратилась за помощью к Германии, Сербия — к

России. Румыния и Италия, обе латинские по своим традициям и обе номинально союзницы Германии, преследовали более отдаленные и скрытые общие цели.

В 1914 г. казалось, что все складывается благоприятно для двух центральных держав. После 1906 г. Россия восстанавливала свои силы, но очень медленно. Франция погрязла в финансовых скандалах. Громкое мартовское убийство М. Кальмета, главного редактора «Фигаро», женой М. Кайо, министра финансов, стало кульминацией этих скандалов.

Британия (в чем была уверена вся Германия) была на грани

гражданской войны в Ирландии. И иностранцы и англичане делали неоднократные попытки получить какое-либо четкое официальное заявление о британских намерениях в случае, если Германия и Австрия нападут на Францию и Россию; однако британский министр иностранных дел, сэр Эдвард Грей, занимал крайне двусмысленную позицию вплоть до того самого дня, когда Британия вступила в войну. В результате на континенте распространилось мнение, что Британия воевать не будет или же будет оттягивать вступление в войну, и это поощряло Германию продолжать угрожать Франции.

Ход событий был ускорен 28 июня убийством эрцгерцога Франца Фердинанда, наследника австро-венгерского престола, во время его официального визита в Сараево, столицу Боснии. Это стало очень своевременным предлогом отправить армии в поход. «Сейчас или никогда», — заявил германский император. Сербию обвинили в подстрекательстве к убийству, и, несмотря на тот факт, что австрийские комиссары сообщали об отсутствии улик, подтверждающих причастность сербского правительства, правительство Австро-Венгрии решило превратить этот конфликт в войну. 23 июля

Австрия предъявила Сербии ультиматум и, игнорируя уступчивость Сербии и попытки сэра Эдварда Грея, британского министра иностранных дел, созвать конференцию великих держав, 26 июля объявила Сербии войну.

Россия приступила к мобилизации своих армий 30 июля, а 1 августа Германия объявила ей войну. На следующий день немецкие войска пересекли границу Франции, а через Люксембург и Бельгию начался большой фланговый маневр. Сначала на запад устремились разведчики и передовые отряды. Затем на запад отправилось огромное количество автомобилей,

набитых солдатами.

Несоразмерно большой шум был поднят по поводу отдельных жестокостей в Бельгии — несоразмерно большой, конечно же, по сравнению с действительно фундаментальной жестокостью, содеянной в августе 1914 г., — самым вторжением в Бельгию. Раз оно произошло, то спорадическая стрельба и грабежи, уничтожение собственности, разграбление гостиниц, продовольственных и винных магазинов, сопровождавшееся изнасилованиями и поджогами, были вполне естественными следствиями.

Только очень простодушные

люди верят, что армия в полевых условиях может сохранять такой же высокий уровень честности, приличия и справедливости, как и стабильное общество в обычных, «домашних» условиях. К тому же в прусской армии были еще живы традиции Тридцатилетней войны. В союзнических странах, воевавших против Германии, принято было расценивать эти мерзости и кровопролития, учиненные германскими войсками за несколько месяцев их пребывания в Бельгии, как нечто ранее никогда не случавшееся и объяснимое присущей одним только немцам особой злобностью характера.

Их прозвали «гуннами». Но преступления немцев в Бельгии вообще нельзя сравнивать с тем систематическим опустошением, которое производили эти кочевники, предложившие однажды уничтожить все население Китая и превратить его земли в пастбище. Многие из этих преступлений представляли собой пьяную жестокость мужчин, которым впервые в жизни было позволено свободно распоряжаться смертоносным оружием; многие были совершены в припадке истерики людьми, которые были потрясены собственными деяниями и смертельно боялись отмщения со стороны народа, чью страну они

подвергли надругательству, и многие были совершены по принуждению и под воздействием теории, гласившей, что во время войны люди должны проявлять жестокость, а население лучше всего подчинять с помощью страха. Простых немцев, которым свойственна покорность, обработали перед войной таким способом, что эти жестокости просто должны были произойти. Любой народ, который, подобно немцам, заранее готовили бы к войне, а затем отправили на нее, вел бы себя примерно так же.

В ночь на 4 августа, когда почти вся Европа, все еще находясь под воздействием расслабляющей инерции пятидесяти лет мира,

привычно вкушая плоды ставших всеобщим достоянием изобилия, дешевизны и свободы, подумывала о летних отпусках, маленькая бельгийская деревня Визе была охвачена огнем, а ошеломленных местных жителей выводили на улицу и расстреливали за то, что кто-то якобы выстрелил в захватчиков. Это было началом конца эпохи комфорта, уверенности, благородного и пристойного поведения в Европе.

Как только стало ясно, что Бельгии не избежать вторжения, Великобритания отбросила сомнения и (в одиннадцать вечера 4 августа) объявила войну Германии. На следующий день у устья Темзы

крейсер «Амфион» перехватил и потопил немецкий минный заградитель — это было первое столкновение (на суше или на море) британцев и немцев под своими национальными флагами...

Вся Европа долго помнила странную атмосферу тех богатых на события солнечных августовских дней, когда подошел к концу период вооруженного мира. Почти столетия Западный мир казался спокойным и безопасным. Лишь немногие пожилые люди во Франции имели практический опыт войны. Газеты говорили о мировой катастрофе, однако эти слова мало что значили для тех, кому мир всегда

представлялся безопасным и кто в ином виде представить его не мог.

В Британии особенно жизнь в течение нескольких недель продолжалась как ни в чем не бывало, правда при этом чувствовалась некоторая напряженность. Это было похоже на то, как если бы человек занимался своими обычными делами, еще не зная, что он заразился смертельной болезнью, которая изменит привычный ход его жизни. Те, кто был в отпуске, не прерывали его; магазины успокаивали своих клиентов вывесками «Работаем как обычно».

Свежие газеты вызывали

возбужденные разговоры, но это были разговоры зрителей, которые не чувствовали непосредственного участия в катастрофе, которой вскоре суждено было коснуться каждого.

8

А теперь мы очень кратко рассмотрим основные этапы начавшейся таким образом мировой войны. Спланированная Германией, она началась стремительным наступлением, целью которого было «нокаутировать» Францию, пока Россия будет собирать свои силы на востоке. Некоторое время все шло,

как и было задумано. В современных условиях военная наука неизбежно отстает от жизни, потому что военные как класс лишены воображения и существует множество изобретений, способных изменить текущую тактическую и стратегическую практику, которые были отвергнуты косным военным умом.

Немецкий план разрабатывался в течение нескольких лет, и это был уже устаревший план. С самого начала он был явно обречен на неудачу при правильном использовании полевых укреплений, колючей проволоки и пулеметов; однако французы были далеко не так

развиты в своей военной науке, как немцы, и опирались на методы открытых боевых действий, которые устарели по меньшей мере на четырнадцать лет. У них не было достаточного количества колючей проволоки и пулеметов; кроме того, существовало глупое заблуждение, это французы не умеют хорошо воевать в окопах.

Бельгийскую границу прикрывала крепость Льеж, устаревшая лет на десять-двенадцать, многие форты которой имели вооружения, изготовленные и поставленные германскими подрядчиками; а французская северо-восточная граница была оснащена

очень плохо. Выпускавшая вооружения немецкая фирма Крупна, естественно, обеспечила для устранения этих преград орудия особо крупного калибра, стрелявшие фугасными снарядами. И все эти защитные сооружения оказались просто-напросто ловушками для их гарнизонов.

Французы предприняли неудачную попытку наступления в Южных Арденнах. Сметая все на своем пути, германские войска обошли французский левый фланг; последний форт в Льеже пал 16 августа, Брюссель был захвачен 20 августа, а прибывшая в Бельгию небольшая британская армия

численностью около семидесяти тысяч человек подверглась под Монсом атаке превосходящих сил противника и вынуждена была отступить, несмотря на очень эффективную тактику ружейного огня, которой она научилась в ходе Бурских войн. Небольшой британский контингент был оттеснен в южном направлении, и германский правый фланг устремился на юг, оставляя Париж к западу от себя и заходя в тыл дезорганизованной французской армии.

Германское верховное командование было на этом этапе настолько уверено в уже достигнутой

победе, что к концу августа оно начало переброску немецких войск на Восточный фронт, где русские войска сеяли панику в Восточной Пруссии. И как раз в этот момент последовало контрнаступление союзников. Неожиданно на левом фланге французов появилась новая армия, усиленная понесшей потери, но пополненной британской армией, все еще способной сыграть достойную роль в этом контрударе. Правый фланг немцев был опрокинут и смят, в результате чего они отступили от Марны до Эны (Марнское сражение, 6–10 сентября).

Немецкие войска были бы оттеснены еще дальше, если бы не их

умение окапываться, что они и сделали, отойдя к реке Эна. У союзников же пока не было ни тяжелых орудий, ни фугасных снарядов, ни танков для прорыва этих полевых укреплений.

Сражение на Марне сорвало первоначальный немецкий план. На некоторое время Франция была спасена. Но немцы не были разбиты; они все еще обладали наступательным превосходством в приемах ведения войны и вооружениях. Их страх перед русскими на востоке был уменьшен сокрушительным поражением последних под Танненбергом.

Следующим шагом немцев была

прямолинейная и не столь хорошо спланированная кампания по обходу левого фланга союзных армий и захвату портов, чтобы отрезать Францию от поставок из Британии. Обе армии устремились на запад к побережью, стараясь обогнать друг друга. Затем германские войска, обладая большим преимуществом в артиллерии и снаряжении, нанесли удар по находившимся в районе Ипра британским войскам. Им почти удалось прорвать оборону, но британцы остановили их.

Война на Западном фронте превратилась в позиционную окопную войну. Ни одна из сторон не обладала ни навыками, ни

оснащением, необходимыми для прорыва полевых укреплений и проволочных заграждений. Поэтому обе они вынуждены были обратиться за советом к научным работникам, изобретателям и другим гражданским особам, чтобы те помогли им преодолеть эти трудности. К тому времени основная проблема окопной войны уже была решена; в Англии, например, уже существовал образец танка, который обеспечил бы союзникам быструю и легкую победу еще до 1916 г., но, к сожалению, ум профессионального военного был умом косным и лишенным воображения; человек с высокими интеллектуальными

данными никогда добровольно не связал бы свою судьбу с этой профессией.

Немцы, однако, ввели некоторые новшества. В феврале 1915 г. они произвели на свет довольно бесполезное изобретение — огнемет, обладатель которого пребывал в постоянной опасности сгореть заживо; а в апреле, в самом начале второго крупного наступления на британцев (второе сражение у Ипра, с 22 апреля по 24 мая), они применили облако ядовитого газа. Этот жуткий прием был использован против алжирских и канадских подразделений, он причинил оборонявшимся огромные

физические страдания, однако прорвать оборону не помог. На некоторое время химики обрели для союзников важность большую, чем солдаты, и через шесть недель оборонявшиеся войска уже владели методами защиты и необходимым оснащением.

В течение полутора лет, вплоть до июля 1916 г., Западный фронт пребывал в состоянии напряженного равновесия. С обеих сторон предпринимались попытки массированного наступления, заканчивавшиеся неудачами и огромными потерями. Французы пытались (дорогой для себя ценой) наступать под Аррасом и в Шампани

в 1915 г., а британцы — под Лоосом в районе Ланса.

От Швейцарии до Северного моря протянулись две непрерывные линии траншей, иногда на расстоянии километров друг от друга, иногда — на расстоянии нескольких метров (например, в Arras). За линиями этих траншей миллионы людей неустанно трудились, совершали рейды на территорию противника и готовились к кровопролитным и обреченным на неудачу наступлениям. В любую из предыдущих эпох эти огромные скопления людей давно поразила бы какая-нибудь эпидемия, но здесь

опять на помощь пришла современная наука, изменившая условия ведения войны. Правда, некоторые новые болезни все-таки появились, например окопная болезнь, вызванная длительным стоянием в холодной воде, новые формы дизентерии и т. п., однако ни одна из этих болезней не развилась до такой степени, чтобы сделать противников небоеспособными.

В течение всей первой половины 1916 г. германские войска наносили яростные удары по французским позициям в районе Вердена. Немцы понесли огромные потери и были остановлены после того, как вклинились на французские позиции

на несколько миль. Французские потери были столь же значительными, если не большими. «Они не пройдут», — говорила и пела французская пехота — и сдержала свое слово.

Восточно-германский фронт был более растянутым и не таким тщательно укрепленным, как Западный. Некоторое время русские армии продолжали попытки продвинуться в западном направлении, несмотря на катастрофу под Танненбергом. Они отвоевали у австрийцев почти всю Галицию, 2 сентября 1914 г. захватили Львов, а 22 марта 1915 г. — крупную крепость

Перемышль.

Но немцы, после того как им не удалось прорвать Западный фронт союзников и после неудачного союзнического наступления, которое проводилось без соответствующего материального обеспечения, обрушились на Россию и нанесли ей серию тяжелых ударов сначала на южном, а потом на северном участках Русского фронта; при этом впервые была массированно использована артиллерия. 3 июля Перемышль был сдан, а оборонительные линии русских откатились до самого Вильно, который был взят немцами 18 сентября.

В мае 1915 г. к союзникам присоединилась Италия и объявила войну Австрии. (Лишь годом позже она объявила войну Германии.) Она перешла свою восточную границу в направлении Гориции (которая пала летом 1916 г.), однако ее вступление в войну принесло в то время мало пользы как России, так и двум западным державам. Она просто установила новую линию окопной войны среди высоких гор на своей живописной северо-восточной границе.

В то время как основные фронты главных участников боевых действий пребывали в изнурительном тупиковом

положении, обе стороны осуществляли попытки обходных ударов по своим противникам за линией фронта.

Немцы осуществили серию воздушных налетов на Париж и восточную часть Англии сначала с помощью цеппелинов, а затем — аэропланов. По всей видимости, целью этих налетов были склады боеприпасов, заводы и подобные важные в военном отношении объекты, но в основном бомбы беспорядочно падали на безлюдные места.

Поначалу во время этих налетов использовались не очень эффективные бомбы, однако позже

размеры и качество этих средств поражения значительно возросли; погибало большое количество людей, и причинялся значительный ущерб. Англичане были до предела возмущены этими варварскими актами. И хотя цеппелины были у немцев уже в течение нескольких лет, никто из представителей власти в Великобритании не побеспокоился о надлежащих методах борьбы с ними, и только в конце 1916 г. в игру вступило достаточное количество зенитных орудий, а сами дирижабли стали подвергаться систематическим атакам аэропланов.

Затем последовала серия катастроф цеппелинов, и после

весны 1917 г. их использование (кроме морской разведки) постепенно сошло на нет, а их место в качестве средств воздушных налетов заняли большие аэропланы. После лета 1917 г. появления этих машин над Лондоном и на востоке Англии стали систематическими.

Всю зиму 1917–1918 гг. каждую лунную ночь Лондон видел ставшую уже привычной картину: вспышки предупредительных ракет, пронзительные свистки, которыми полиция предупреждала об опасности, быстро пустеющие улицы, отдаленный гул десятков и сотен зенитных орудий, постепенно перерастающий в оглушительный

грохот, шипение летящей шрапнели, а в конце, если каким-либо самолетам удавалось прорваться через заградительный огонь, — глухой тяжелый грохот разрывающихся бомб. А вскоре после этого, сквозь диминуэндо зенитного огня, слышался стремительно приближающийся звук сирен пожарных машин и машин скорой помощи... Эти события принесли войну в дом каждого жителя Лондона.

Нанося моральный урон гражданскому населению своего противника такими воздушными налетами, немцы старались также дезорганизовать заморскую торговлю

Британии всеми доступными им методами. К началу войны у них было много рассредоточенных по всему миру эсминцев-«убийц» торговых судов, а также эскадра мощных современных крейсеров в Тихом океане: «Шарнхорст», «Гнейзенау», «Лейпциг», «Нюрнберг» и «Дрезден». Некоторые из выполнявших самостоятельные задачи крейсеров, в частности «Эмден», успели причинить значительный ущерб коммерческому судоходству, прежде чем их выследили и потопили, а основная эскадра перехватила слабое британское соединение у берегов Чили и 1 ноября 1914 г. потопила

«Гуд Хоуп» и «Монмут». Через месяц эти германские корабли сами подверглись атаке британцев, и все (кроме «Дрездена») были потоплены адмиралом Стерди в сражении у Фолклендских островов. После этого союзники получили безраздельное господство над всем морским пространством, и это господство не смогло поколебать даже великое Ютландское морское сражение (31 мая — 1 июня 1916 г.).

Немцы все больше и больше сосредоточивали свое внимание на использовании подводных лодок. В начале войны их подлодки добились значительных успехов. За один день, 22 сентября 1914 г., они потопили

три мощных крейсера — «Абукир», «Хог» и «Кресси» — вместе с 1473 членами их экипажей. В течение всей войны немецкие подводные лодки постоянно наносили ущерб британскому судоходству; сначала они задерживали и осматривали пассажирские и торговые суда, но вскоре отказались от этой практики из-за боязни попасть в ловушку и с весны 1915 г. стали топить корабли без предупреждения.

В мае 1915 г. они безо всякого предупреждения потопили большой пассажирский лайнер «Лузитания», в результате чего погибло много американских граждан. Это озлобило американцев, однако соблазн

причинить ущерб Британии и даже вывести ее из войны с помощью подводной блокады был столь велик, что немцы продолжили и усилили кампанию по использованию подводных лодок, несмотря на опасность втягивания Соединенных Штатов в круг своих врагов.

А пока Германия наносила непосредственные воздушные и подводные удары по Британии, своему наименее доступному и наиболее грозному противнику, французы и британцы, в свою очередь, пытались (с катастрофическими для себя последствиями) предпринять фланговое наступление на

Центральные державы через Турцию. Дарданелльская операция была прекрасно задумана, но отвратительно исполнена. Завершись она успехом, — и союзники захватили бы Константинополь в 1915 г.

Но преждевременный обстрел Дарданелл в феврале дал туркам возможность догадаться об этом плане еще за два месяца до начала его осуществления; кроме того, этот план мог выдать им Греческий двор, и когда французские и британские войска наконец высадились на Галлипольском полуострове, то обнаружили там хорошо окопавшихся турок, которые оказались лучше

подготовленными к окопной войне, чем они сами.

Союзники возлагали надежды на корабельные орудия крупного калибра, но они, как выяснилось, были малоэффективными в борьбе с полевыми укреплениями. Среди многих других вещей, которые союзники не смогли предусмотреть, были вражеские подводные лодки. Было потеряно несколько крупных боевых кораблей; они затонули в тех же прозрачных водах, по которым Ксеркс плыл навстречу своей судьбе у острова Саламин.

Со стороны союзников история Дарданелльской операции одновременно является и

героической, и достойной сожаления; это — история героизма и некомпетентности, бездумно растраченных материальных ресурсов, утерянного престижа и загубленных человеческих жизней. Она окончилась эвакуацией войск с полуострова в январе 1916 г.

В течение всего этого времени вопрос вступления Болгарии в войну (12 октября 1915 г.) находился в непосредственной зависимости от колебаний Греции.

Более года король Болгарии не мог решиться, к какой из сторон ему следует примкнуть. Теперь же явный провал англичан на Галлипольском полуострове, а также сильный

австро-германский удар по Сербии сделали его союзником Центральных держав. Пока сербы отчаянно сражались с австро-германскими захватчиками на Дунае, он напал не Сербию с тыла, и в течение нескольких недель страна была полностью оккупирована. Сербская армия совершила тяжелейший поход через горы Албании к побережью, где ее остатки были спасены союзным флотом.

Контингент союзников высадился в Салониках в Греции и продвинулся в глубь территории в направлении Монастира (Битолы), однако не смог оказать действенной помощи сербам. Именно неудача под

Салониками решила судьбу
Галлипольской экспедиции.

На Востоке, в Месопотамии, британцы, используя в основном индийские войска, нанесли еще более далекий фланговый удар по Центральным державам. В ноябре 1914 г. в Басре высадилась армия, которая была очень плохо оснащена для подобной операции, и в начале следующего года начала продвижение к Багдаду. Она одержала победу под Ктесифоном, древней столицей Аршакидов и Сасанидов, в двадцати пяти милях от Багдада. Однако после того как турецкие войска получили сильное подкрепление, английская армия под командованием генерала

Тауншенда вынуждена была отступить к Эль-Куту, где она была окружена и, оставшись без продовольствия, вынуждена капитулировать 29 апреля 1916 г.

Все эти кампании в воздухе, под водой, в России, Турции и Азии — были второстепенными по сравнению с основным, решающим фронтом, протянувшимся от Швейцарии до Северного моря. Миллионы людей лежали здесь в окопах, медленно постигая премудрости современной «научной» войны. В использовании аэропланов произошел быстрый прогресс. В начале войны они применялись в основном для разведки, а немцами

— еще и для сбрасывания ориентиров для артиллерии.

О таком явлении, как воздушный бой, никто вообще не слышал. В 1916 г. на аэропланах уже устанавливались пулеметы, и они участвовали в воздушных боях; выполнявшаяся ими бомбардировка обретала все более важное значение, с их помощью было создано великолепное искусство аэрофотосъемки, в то время как воздушный аспект артиллерии сделал огромный шаг вперед благодаря аэропланам и аэростатам наблюдения. Однако военный ум все еще противился использованию танка, способность которого внести

перелом в окопную войну была очевидной.

Многие умные люди, не принадлежавшие к военным кругам, понимали это совершенно четко. Использование танка против траншей стало настоящей необходимостью.

Первый танк спроектировал Леонардо да Винчи. Вскоре после англобурской войны, в 1903 г., в журналах появились рассказы, описывающие воображаемые сражения, в которых принимали участие танки; а готовый действующий образец танка, выполненный мистером Дж. А. Корри из Лидса, был представлен

британским военным властям в 1911 г., которые, конечно же, отвергли его. Танки изобретали снова и снова до того, как началась война. Но если бы дело зависело только от военных, танк так никогда и не был бы использован. Именно мистер Уинстон Черчилль, бывший военноморским министром в 1911–1916 гг., настоял на производстве первых танков, которые были посланы во Францию вопреки неистовому противодействию. За начало практического использования этих машин военная наука должна благодарить британский военноморской флот, а не армию.

Немецкие военные власти

относились к танкам столь же отрицательно. В июле 1916 г. сэр Дуглас Хейг, британский главнокомандующий во Франции, начал крупное наступление, которое не смогло прорвать оборону немцев. В некоторых местах он продвинулся на несколько миль; в других он был наголову разбит. Новообразованные британские армии понесли чудовищные потери. И он не использовал танки.

В сентябре, когда было уже довольно поздно начинать длительное наступление, танки впервые приняли участие в боевых действиях. Британские генералы ввели в действие несколько из них,

причем сделано это было весьма неразумным способом. Их воздействие на немцев было потрясающим, они вызвали состояние, близкое к панике, и вряд ли приходится сомневаться, что если бы танки были использованы в достаточных количествах еще в июле, да еще и под контролем умных и энергичных генералов, то война окончилась бы тогда же. В то время на Западном фронте у союзников уже было преимущество над немцами в соотношении 7 к 4. Россия, хоть она и была на грани истощения, все еще воевала, Италия оказывала сильное давление на австрийцев, а Румыния как раз вступала в войну на стороне

Антанты. Провал британского наступления в июле прибавил немцам уверенности, они повернули против румын, и зимой 1916 г. Румынию постигла та же участь, что и Сербию в 1915 г. Год, который начался с отступления с Галлипольского полуострова и капитуляции в Эль-Куте, закончился разгромом Румынии и залповым огнем, которым встретила толпа роялистов в афинском порту высадившихся там французских и британских морских пехотинцев. Похоже было, что греческий король Константин хотел повести свой народ по стопам болгарского царя Фердинанда. Однако береговая линия

Греции весьма удобна для действий флота. Греция была заблокирована, а находившиеся в Салониках французские войска сомкнули фронт с находившимися во Влере (Валоне) итальянскими войсками, отрезав таким образом короля Греции от его центральноевропейских друзей. (В июне 1917 г. союзники заставили его отречься от престола, и вместо него королем стал его сын Александр.)

В целом к концу 1916 г. дела у гогенцоллерновского империализма шли не так плохо, как, допустим, после провала на Марне. Союзники потеряли два благоприятных года. Бельгия, Сербия и Румыния, а также обширные территории Франции и

России были заняты австро-германскими войсками. Следовавшие один за другим контрудары заканчивались провалами, а Россия медленно шла к своему краху. Если бы Германией правили здравомыслящие люди, то она могла бы в то время заключить мир на выгодных для себя условиях. Но призрак успеха все еще не давал покоя ее империалистам. Им нужна была не безопасность, а триумф, не благополучие всего мира, но всемирная империя. «Власть над всем миром или смерть» — такова была их формула; она не оставляла их противникам иной альтернативы, кроме как воевать до победного

конца.

В начале 1917 г. Россия потерпела крах. Все больше и больше жителей Европы из привычных для себя условий попадали в условия совершенно новые, которые угнетали, возбуждали и деморализовали их. Но Россия быстрее и больше других пострадала от этого вселенского выкорчевывания цивилизации. Русская деспотия была бесчестной и некомпетентной. Царь, как и некоторые из его предшественников, отдался безумной набожности, и Двор находился под господствующим влиянием религиозного шарлатана, Распутина, культ которого отличался

невыразимой мерзостью и шокировал общественное мнение во всем мире. Обратной стороной этого нечистоплотного мистицизма были праздность и подлость, дезорганизовавшие военные действия России.

Простых российских солдат посылали в бой без артиллерийской поддержки, часто — без патронов; в припадке милитаристского энтузиазма офицеры и генералы бездумно губили их жизни. Некоторое время казалось, что они, подобно животным, будут бессловесно переносить страдания, однако существует предел выдержки даже у самых темных и забитых. В

этих армиях брошенных на произвол судьбы и бессмысленно гибнущих солдат стала медленно расти глубокая ненависть к царизму. С конца 1915 г. Россия была источником постоянно растущего беспокойства ее западных союзников. В течение 1916 г. она вела в основном оборонительные действия, что вызывало слухи о сепаратном мире с Германией. Она мало смогла помочь Румынии.

29 декабря 1916 г. монах Распутин был убит во время званого ужина в Петрограде, и была сделана запоздавшая попытка привести царизм в порядок. К марту события стали развиваться быстро:

продовольственные бунты в
Петрограде переросли в
революционное восстание; были
попытки разгона Думы —
представительного органа — и
ареста либеральных лидеров; было
сформировано Временное
правительство во главе с князем
Львовым, а 15 марта царь отрекся от
престола.

Некоторое время возможность
умеренной и контролируемой
революции — в том числе, с новым
царем у власти — выглядела вполне
реальной. Затем стало ясно, что для
таких изменений кризис доверия к
власти зашел слишком далеко.
Русский народ смертельно устал от

прежних порядков в Европе, от царей и войн между великими державами; ему хотелось освобождения, причем немедленного, от всех этих невыносимых тягот.

Российское республиканское правительство возглавлял красноречивый и оригинальный лидер, Керенский, который столкнулся с давлением мощных сил более глубокого революционного движения, «социальной революции», внутри страны и прохладным отношением правительств союзников за ее пределами.

Антанта не могла позволить, чтобы он дал русскому народу землю и мир в его собственной стране.

Пресса Британии и Франции изводила истощенную Россию просьбами о новом наступлении, но когда немцы осуществили сильный удар по морю и по суше в направлении Риги, то Британское адмиралтейство содрогнулось от возможной перспективы балтийской экспедиции. Новой Российской республике пришлось воевать в одиночку. Следует отметить, что, за исключением нескольких операций с использованием подлодок, союзники, несмотря на свое подавляющее превосходство на море и несмотря на громкие протесты адмирала лорда Фишера, позволили немцам безраздельно хозяйничать в

Балтийском море на протяжении всей войны.

Массы россиян были решительно настроены на окончание войны. В Петрограде возник орган, представлявший рабочих и простых солдат — Совет, — и этот орган настойчиво требовал созыва интернациональной конференции социалистов в Стокгольме. В то время в Берлине происходили голодные бунты, усталость от войны среди немцев и австрийцев была огромной, и вряд ли приходится сомневаться, особенно в свете последующих событий, что такая конференция ускорила бы заключение справедливого мира в

1917 г. на демократических принципах и революцию в Германии.

Без какой-либо моральной или физической поддержки со стороны союзников «умеренная» Российская республика продолжала войну и в июле сделала последнюю отчаянную попытку наступления. После начальных успехов это наступление провалилось и закончилось для русских еще одной кровавой бойней.

Предел российских возможностей был достигнут. В российской армии вспыхнули мятежи, особенно на северном фронте, а 7 ноября 1917 г. правительство Керенского было свергнуто, и власть захватило

Советское правительство, в котором преобладали социалисты-большевики во главе с Лениным и которое выступило с предложением мира, игнорируя западные державы. Стало окончательно ясно, что Россия «выходит из войны».

Весной 1917 г. французы предприняли неэффективную попытку наступления на фронте Шампани, которое закончилось неудачей и привело к огромным потерям среди наступавших. И опять Германия получила крайне благоприятную возможность заключить мир, если бы ее правительство воевало во имя безопасности и благосостояния, а не

во имя тщеславия и ради самой победы. Но народам Центральных держав внушили, что они должны добиться безоговорочной и полной победы любой ценой, даже ценой полного физического истощения.

В соответствии с подобными воззрениями, нужно было не просто противостоять Британии, нужно было ее покорить. Пытаясь достичь этой цели с помощью подводной войны, Германия преуспела лишь в том, что втянула Америку в орбиту своих врагов. В течение всего 1916 г. интенсивность использования подводных лодок возрастала, но до этого они воздерживались от нападений на суда нейтральных

стран.

В январе 1917 г. была объявлена более плотная «блокада» Великобритании и Франции, а всем нейтральным государствам было объявлено, чтобы те убрали свои суда из Британских морей. Началось беспорядочное уничтожение всех судов подряд, что вынудило Соединенные Штаты вступить в войну 6 апреля 1917 г. В течение всего 1917 года, когда Россия рушилась и теряла последние силы, американский народ быстро и методично превращался в великую военную нацию. А неограниченная подводная война, на которой германские империалисты

заработали себе еще одного противника в лице Америки, оказалась гораздо менее эффективной, чем предполагалось. Британский военно-морской флот проявил явно больше находчивости и изобретательности, чем британская армия; началось быстрое создание подводных, надводных и авиационных средств борьбы с подводными лодками, и после месяца серьезных потерь количество кораблей, потопленных субмаринами, пошло на убыль.

Тем не менее имперское правительство Германии продолжало войну. Да, подводная война не дала желаемых результатов, и

американские армии нависали, словно грозовая туча, зато Россия была окончательно повержена. И в октябре Германия обрушила на Италию такой же сокрушительный удар, как и осенью 1915 г., когда была повержена Сербия, и осенью 1916 г., когда была разбита Румыния. После сражения под Капоретто Итальянский фронт рухнул, и австро-германские войска устремились к Венеции, подойдя к ней почти на расстояние пушечного выстрела. Поэтому немцы сочли уместным занять непримиримую позицию на мирных переговорах с русскими, а Брест-Литовский мирный договор (3 марта 1918 г.) дал западным

союзникам некоторое представление о том, что означала бы победа Германии для них. Это был унижительный и беспрецедентный мир, тяжелые условия которого были продиктованы крайне беспардонными и самоуверенными победителями.

Всю зиму германские войска перебрасывались с Восточного на Западный фронт, и теперь, весной 1918 г., заметно поубавившийся энтузиазм голодной, усталой и истекающей кровью Германии надо было подхлестнуть для того единственного сверхусилия, которое могло бы принести победу и окончание войны.

Уже несколько месяцев во Франции пребывали американские войска, однако основная часть американской армии все еще находилась по другую сторону Атлантики; и если на Западном фронте необходимо было нанести последний решающий удар, то это было самое подходящее для такого удара время. Первая атака была направлена против британцев в районе реки Соммы. Те весьма посредственные генералы от кавалерии, которые до сих пор командовали фронтом, где кавалерия была бесполезной обузой, были застигнуты врасплох; и 21 марта, во время «катастрофы Гофа», Пятая

британская армия была обращена в беспорядочное бегство, которое закончилось лишь неподалеку от Амьена.

В апреле и мае немцы обрушили шквал атак на фронт союзников. Им почти удалось прорваться на севере, и в результате мощного наступления 30 мая 1918 г. они снова вышли к Марне.

Это была кульминация германских наступательных действий. За ней не стояло уже ничего, кроме истощенной Германии. Маршал Фош был назначен верховным главнокомандующим всех союзных армий. Свежие войска быстро

перебрасывались из Британии через Ла-Манш, а из Америки во Францию прибыли сотни тысяч солдат. В июне измотанные австрийцы сделали последнюю попытку наступления в Италии, которая была сорвана контратакой итальянцев. В первых числах июня маршал Фош приступил к подготовке контрнаступления, которое в июле обрело характер неукротимого потока, и немцы дрогнули и отступили. Сражение у Шато-Тьерри (18 июля) подтвердило высокий боевой уровень новых американских армий. В августе британцы начали крупное и успешное наступление, в результате которого выступ германских позиций

в направлении Амьена был снят и уничтожен. «8 августа, — как вспоминает германский генерал Людендорф, — стало черным днем в истории германской армии». Атака британцев на линию Гинденбурга в сентябре закрепила успех союзников.

Германии пришел конец. Боевой дух покинул ее армию, и октябрьские события — это история поражений и отступления по всему Западному фронту. В начале ноября британские войска были уже в Валенсьене, а американцы — в Седане. В Италии австрийские армии также находились в состоянии беспорядочного отступления. Повсюду войска Гогенцоллернов и

Габсбургов терпели поражение и сдавались в плен. Окончательный разгром был на удивление быстрым. Французы и англичане не могли поверить своим газетам, когда те изо дня в день сообщали о новых сотнях захваченных орудий и новых тысячах военнопленных.

В сентябре большое наступление союзников на Болгарию привело к революции в этой стране с предложением о заключении мира. После этого в октябре последовала капитуляция Турции, а затем, 3 ноября, — Австро-Венгрии. Была сделана попытка вывести германский флот на последнюю битву, однако моряки взбунтовались

(7 ноября).

Без какого-либо намека на чувство собственного достоинства кайзер и кронпринц спешно сбежали в Голландию. 11 ноября было подписано перемирие, положившее конец войне...

Эта война продолжалась четыре года и три месяца и постепенно втянула почти каждого, по крайней мере в западном мире, в свой водоворот. Непосредственно в боевых действиях были убиты более десяти миллионов человек, еще двадцать или двадцать пять миллионов умерли от вызванных войной лишений. Миллионы пострадали от болезней и

недоедания. Огромное число тех, кто не участвовал в боевых действиях, работали на обеспечение военных потребностей: производили вооружения, боеприпасы, работали в госпиталях, замещали тех, кто был призван в армию и т. п. Деловые люди приспосабливались к лихорадочным методам ведения бизнеса в мире, находящемся в состоянии кризиса. Война фактически стала атмосферой, способом жизни, новым социальным порядком. И вдруг она окончилась.

В Лондоне о перемирии было объявлено 11 ноября в 11 часов утра. Это привело к небывалому прекращению всей рутинной

деятельности. Служащие высыпали из своих контор на улицы, продавцы бросили свои магазины, водители омнибусов и военных грузовиков отправились в поездки по импровизированным маршрутам, увозя ошеломленных и радостных пассажиров неизвестно куда. Вскоре огромные толпы заполонили улицы, а каждый дом или магазин вывесил флаги (если они были). Когда наступила ночь, многие главные улицы, долгие месяцы не освещавшиеся из-за воздушных налетов, были залиты ярким светом. Было непривычно видеть в лучах искусственного освещения огромное множество людей. Все ощущали

опустошенность, сочетающуюся с напряженным и щемящим чувством облегчения. Наконец-то все закончилось. Уже не будут умирать солдаты во Франции, уже не будет воздушных налетов — и все будет хорошо.

Люди хотели смеяться, хотели плакать — и не могли ни того, ни другого. Энергичные юноши и находившиеся в отпуске молодые солдаты образовали немногочисленные шумные шествия, которые проталкивались через общий поток, вовсю стараясь веселиться. Из аллеи в парке Сент-Джеймс, где был выставлен целый арсенал захваченных орудий,

притащили трофейную немецкую пушку и сожгли ее лафет. Запускались петарды и шутихи. Однако организованного веселья было мало. Почти каждый потерял и перенес слишком много, чтобы предаваться безудержному ликованию.

Глава тридцать девятая

Мир после великой войны

**1. Период морального
истощения.**

**2. Президент Вильсон
в Версале.**

3. Устав Лиги Наций.

**4. Соглашения 1919–
1920 гг.**

**5. Большевизм в
России.**

**6. Свободное
ирландское государство.**

**7. Беспорядки в
Китае.**

8. Укрепление

позиций ислама.

9. Долги, деньги и стабилизация.

10. Парадокс перепроизводства и спроса.

11. Конфликт традиции и реконструкции.

12. Объединение может произойти лишь в результате сознательных усилий.

13. Силы, работающие на объединение мира.

14. Возможно ли

Всемирное Федеральное Государство?

**15. Некоторые
предпосылки создания
Всемирного
Федерального
Государства.**

**16. Заглядывая в
будущее человечества**

1

Мир западноевропейских цивилизаций в первые годы после окончания мировой войны напоминал человека, которому очень небрежно сделали жизненно важную

хирургическую операцию и который еще точно не знает, будет он жить или вскоре свалится и умрет. Это был потрясенный и ошеломленный мир. Милитаристский империализм был повержен, но огромной ценой. Он чуть было не одержал победу. Теперь, когда напряжение конфликта спало, жизнь продолжалась как-то вяло, неохотно, в каком-то порывистом и нечетком ритме. Все страстно жаждали мира, утраченной довоенной свободы и процветания, не имея при этом силы воли для достижения и сохранения этих ценностей.

Во многих аспектах произошел сильный регресс. Как и в Римской

республике в результате длительного напряжения, вызванного Пуническими войнами, в годы после мировой войны наблюдался значительный всплеск насилия и жестокости, а также глубокое падение морали в экономике и финансах. Открытые и щедрые натуры с готовностью принесли себя в жертву насущным потребностям войны, а хитрые и подлые из мира бизнеса и денег выжидали, когда им представится удобная возможность уцепиться за ресурсы и политическую власть в своих странах. Повсеместно люди, до 1914 г. считавшиеся темными личностями и авантюристами,

обрели власть и влияние, в то время как более достойные и лучшие люди работали за гроши. В период послевоенного истощения обуздать этих недавно разбогатевших и недавно дорвавшихся до власти было трудно.

В ранний период войны во всех воюющих странах широко распространилось чувство братства и необходимости служить интересам общества. Повсюду простые люди жертвовали своими жизнями и здоровьем во имя того, что им представлялось благом государства. Им обещали взамен, что после войны будет меньше социальной несправедливости и больше

всеобщей заинтересованности в благосостоянии каждого.

В Великобритании, например, премьер-министр Ллойд Джордж особо подчеркивал свое намерение сделать послевоенную Британию «страной, достойной героев». В своих очень эмоциональных и очень красивых речах он предвещал продолжение этого военного социализма и в мирный период.

В Великобритании было создано министерство реконструкции, которое должно было заниматься планированием нового и более справедливого социального порядка, лучших условий труда, лучших жилищных условий,

усовершенствованием системы образования, а также полным научно обоснованным пересмотром экономической системы. И повсюду слово «реконструкция» скрашивало жизнь и подпитывало надежды великого множества неимущих людей.

Похожие обещания лучшей жизни поддерживали простых солдат Франции, Германии и Италии. Крах России был вызван быстрой утратой подобных иллюзий. Поэтому к концу войны в сознании людей Западной Европы существовали два опасно антагонистических устремления.

Богатые и предприимчивые люди, особенно те, которые

разбогатели на войне, строили планы по недопущению, например, национализации воздушного транспорта и стремились вывести из-под общественного контроля промышленность, судоходство, наземный транспорт, торговлю товарами первой необходимости и все коммунальные услуги, передав их в цепкие руки частного бизнеса. С этой целью они покупали газеты, занимались лоббированием своих интересов в парламенте и другой подобной деятельностью.

С другой стороны, массы простых людей наивно рассчитывали на создание нового общества, планируемого почти исключительно

в их интересах и в соответствии с идеями всеобщего блага. История 1919 года в основном представляет собой столкновение этих двух противоположных устремлений. Находившееся у власти «рыночное» правительство занималось лихорадочной продажей всех прибыльных общественных предприятий частным спекулянтам...

На четыре года военная драма отодвинула на второй план социальную проблему, над решением которой западные цивилизации работали в течение всего XIX в. Теперь, когда война окончилась, эта проблема, как никогда прежде,

явилась в своем самом неприкрытом и зловещем виде.

К тому же накопившиеся раздражения, тяготы и общая нестабильность послевоенного периода отягощались полной дезорганизацией денежно-кредитной системы. Деньги, представляющие собой скорее сложный механизм условностей, чем систему эквивалентов, были лишены в воюющих странах поддержки золотого стандарта. Золото использовалось лишь для международной торговли, и каждое правительство выпустило избыточное количество бумажных денег для внутреннего пользования.

Когда рухнули барьеры военного времени, международный валютный рынок превратился в жуткую неразбериху, источник бед для каждого, кроме немногочисленных валютных игроков и спекулянтов. Цены поднимались все выше и выше, доводя до бешенства тех, основным источником существования которых была заработная плата. С одной стороны, работодатели противились требованиям о повышении зарплаты, с другой — цены на еду, жилье и одежду загоняли трудящегося человека в безвыходное положение. И в чем заключалась главная опасность ситуации — он начал терять всякую уверенность (если она

была ранее) в том, что его терпение и конструктивный настрой в отношениях с работодателем действительно смягчат донимавшие его неудобства и лишения.

В большинстве европейских стран существовал острый дефицит жилья. На время войны прекратилось не только строительство, но и ремонт зданий. В одной лишь Британии нехватка жилья составляла от 250 000 до миллиона домов. Положение во Франции и Германии было еще хуже. Очень многим людям приходилось жить в условиях невероятной скученности, а владельцы квартир и домов беспардонно на этом наживались.

Ситуация была трудная, но разрешимая. При наличии воли, энергии и самопожертвования, вроде тех, которые помогли пережить чудовищный кризис 1916 г., куда более легкая задача по строительству миллиона домов была бы решена в течение года или около того. Однако строительные материалы были в дефиците, транспортная система дезорганизована, и, что самое главное, частным предпринимателям было невыгодно строить дома для людей со столь низкими доходами. Поэтому частники, не обременяя себя решением жилищной проблемы, лишь скупали жилье и наживались на его аренде и субаренде. Чтобы

строительство домов приносило прибыль, нужны были государственные субсидии.

Денежное обращение было дезорганизовано повсюду, однако частные предприниматели занимались лишь тем, что скупали и продавали франки или марки, тем самым усугубляя кризис.

Таковы факты, которые историку следует отметить с минимумом, насколько это возможно, комментариев. Частные предприниматели в Европе 1919 и 1920 гг. не проявили ни желания, ни умения работать на удовлетворение насущных потребностей того времени. Едва избавившись от

общественного контроля, частные предприниматели вполне естественным образом бросились в спекуляцию, скупку с целью перепродажи и взвинчивания цен и производство предметов роскоши. Они следовали по пути максимальной прибыли. Они не понимали опасности такого подхода и противились всякой попытке ограничить их прибыль, умерить их аппетиты и заставить служить обществу, даже если это было в их собственных интересах.

Это продолжалось вопреки впечатляющим проявлениям крайнего нежелания огромных масс европейцев и дальше терпеть нужду

и лишения. В 1913 г. эти массы жили той жизнью, к которой они привыкли с детства; они еще не представляли себе другой жизни. В отличие от этого, в 1919 г. массы были повсеместно лишены своих корней, они были призваны в армию, им пришлось работать на фабриках по производству боеприпасов и т. д. Они утратили привычку толерантности, они огрубели и стали более склонны к отчаянным действиям. Многие мужчины прошли такую лишающую человеческого облика подготовку, как, например, обучение приемам штыкового боя; их учили проявлять свирепость и не думать о том, что они убивают, и о

том, что их могут убить. Поэтому опасность социальных беспорядков значительно возросла.

Повсюду в Европе пришли в движение силы социальной революции и наиболее заметно — в Италии и Германии. Исключительную агрессивность коммунизм проявил в Италии. В различных ее районах появились мэры-коммунисты, а в Болонье была осуществлена насильственная попытка применения коммунистических принципов на практике. В июле 1920 г. Джолитти, нейтралист, ранее выступавший против войны, сменил синьора Нитти на посту главы правительства.

Он осуществил различные эксперименты по развитию партнерства между промышленными рабочими и их работодателями. В сентябре многие сталелитейные заводы и другие фабрики были захвачены рабочими, которые стали управлять ими на социалистических началах. Эти действия получили поддержку и поощрение правительства.

Сползание к коммунизму продолжилось в течение 1921 г., несмотря на растущую оппозицию, во Флоренции, Триесте, Пизе; во многих других местах произошли волнения, сопровождавшиеся насильственными действиями.

Предпринятые Джолитти меры по введению социализма вызвали яростный отпор со стороны классов, заинтересованных в существовании частной собственности, в результате чего возникла организация молодых людей — фашистов, с копнами волос на головах, одетых в черные рубашки и исповедовавших крайний национализм и антисоциализм.

На насилие они отвечали насилием и пошли в этом еще дальше: они установили антисоциалистический террор. У них появился лидер, человек очень энергичный и не очень принципиальный — Бенито Муссолини, бывший радикальный

журналист. Под его умелым руководством фашисты быстро справились со спорадическими и эмоциональными посягательствами коммунистов. На либеральных лидеров и литераторов устраивали засады и избивали дубинками. Излюбленным методом фашистов было назначение сверхдоз касторки тем, кто неодобрительно отзывался об их деятельности. Убийства, избиения, пытки, сожжение частной собственности либеральных общественных деятелей стали методами социального контроля в Италии. Призрак коммунизма сменился реальностью правления бандитов.

К октябрю 1922 г. сила фашистов возросла настолько, что они представляли собой настоящую армию и могли маршем пройти через Рим. Кабинет объявил военное положение и приготовился к борьбе, однако король не дал согласия на эти меры и предложил Муссолини взять контроль над делами. Что он и сделал. Он стал главой правительства и согласился распустить своих чернорубашечников — обещание, которое так и не было выполнено. Фашистов поставили во главе полиции и армии страны, свобода прессы была уничтожена, выборы превратились в фарс, политических оппонентов продолжали

преследовать, терроризировать и убивать. Муссолини, под титулом дуче, стал фактическим диктатором, а король был предан забвению.

На некоторое время в Италии была восстановлена определенная степень экономической стабильности и эффективности, но социальная перспектива этой великой страны осталась туманной и неопределенной.

Итальянская ситуация продемонстрировала в самых резких и грубых формах качества крайне левых и крайне правых в современной общественной жизни, практическую неприменимость левых идей и несостоятельность левых лидеров, а

также ту готовность, с которой частные предприниматели и собственники, будучи вынужденными защищаться, скатываются к насилию и разбою. Италия, как и Россия, стала тюрьмой для каждой свободомыслящей личности. Ползучая болезнь беззакония, которую мы уже порицали в нашей критике книги «Стоки и компания», буйным цветом расцвела в этих двух странах. Но Италия в этом отношении не является исключением; просто она стала законченным примером всеобщей тенденции послевоенной эпохи. В Германии, Франции и Великобритании фашисты снискали

противников и подражателей, но пока что их деятельность в этих странах сводится к нарушению общественного порядка, а не к тирании.

Мы не случайно затронули тему всеобщего социального и экономического кризиса в европейских странах в послевоенные годы перед тем, как перейти к рассказу о мировом урегулировании, которым занималась Парижская мирная конференция. Озабоченное и обеспокоенное состояние тех, кто был поглощен личными проблемами доходов, цен, трудоустройства и т. п., во многом объясняет ту невеселую атмосферу, в которой эта

конференция взялась за решение стоящей перед ней задачи. Нельзя ожидать кипучей общественной деятельности там, где жизням отдельных людей угрожают лишения и беспорядки.

История этой конференции в большой степени концентрируется вокруг деятельности конкретного человека, одного из тех людей, которых случай или личные качества делают типичными и тем самым облегчают задачу историка. Окончание Великой войны легче всего рассматривать через возвышение американского президента Вильсона, ставшего воплощением надежд и чаяний всего

мира и оказавшегося неспособным эти надежды оправдать.

Президент Вильсон (1913–1921) был известным знатоком и преподавателем конституционного права и общеполитических наук. Он возглавлял различные кафедры и одно время был президентом Принстонского университета (Нью-Джерси). Ему принадлежит ряд книг, которые свидетельствуют о разуме, почти всецело поглощенном американской историей и американской политикой. Затем он отошел от академической деятельности и был избран губернатором штата Нью-Джерси от Демократической партии в 1910 г. В

1913 г. он стал кандидатом в президенты от Демократической партии, а затем, в результате ожесточенного соперничества между экс-президентом Рузвельтом и президентом Тафтом, которое внесло раскол в правящую Республиканскую партию, — и президентом Соединенных Штатов.

По ходу войны империалистическая беспардонность Германского двора, явная склонность германских военных властей к мелодраматическому «наведению страха», их вторжение в Бельгию, использование ими отравляющих газов, а также досаждающая

кампания подводной войны способствовали возрастанию враждебности к Германии в Соединенных Штатах, однако традиция политического невмешательства, а также глубоко укоренившееся убеждение в том, что Америка с ее политической моралью стоит гораздо выше европейских конфликтов, удерживали президента от активных действий. Он занял высокомерную позицию. Он оказался неспособным разобраться в причинах и целях мировой войны. Такая отстраненная позиция обеспечила его переизбрание на второй президентский срок.

Но мир не улучшится от того,

что кто-то будет просто смотреть на злодеев с выражением плохо скрываемого неодобрения. К концу 1916 г. у немцев появилась уверенность в том, что ни при каких обстоятельствах Соединенные Штаты не станут воевать, и в 1917 г. они развязали неограниченную войну подлодок и стали топить все американские корабли без предупреждения.

Эта величайшая глупость втянула президента Вильсона и американский народ в войну. И американцам пришлось, с явной неохотой, попытаться определить свое отношение к европейской политике на несколько иных

принципах, чем их обычное отстранение. Их мысли и настроения менялись очень быстро. Они вступили в войну бок о бок с союзниками, однако не подписывали с ними никакого пакта. Они вступили в войну во имя собственной современной цивилизации, чтобы наказать виновных и положить конец невыносимой политической и военной ситуации.

Понятно, что для утверждения законности во всем мире и реализации широких и либеральных принципов в человеческих взаимоотношениях требовался какой-то обладающий чрезвычайными полномочиями инструмент

управления. Обсуждался целый ряд схем, направленных на достижение этой цели. В частности, существовало движение за ту или иную форму всемирного объединения, нечто вроде «лиги наций».

Американскому президенту понравилась эта фраза, и он приступил к воплощению ее в реальность. Он заявил, что в его понимании основной гарантией мира должен был стать этот федеральный орган. Эта Лига Наций должна была стать апелляционным судом последней инстанции в международных делах. Она должна была стать вещественным

воплощением мира. Его заявления вызвали огромный резонанс во всем мире.

В обращении к конгрессу 8 января 1918 г. президент изложил свои «Четырнадцать пунктов», как отражение мирных намерений Америки, но они, как заявление, были намного убедительнее по духу, чем по своему составу и сути.

Этот документ требовал открытых соглашений между государствами и прекращения тайной дипломатии, свободной навигации в открытом море, свободной коммерции, разоружения, а также целого ряда политических изменений в плане обеспечения

независимости наций. И наконец в четырнадцатом пункте он требовал «всеобщего объединения наций» с целью гарантии мира во всем мире. Президент Вильсон требовал «мира без победы».

Эти «Четырнадцать пунктов» с огромным воодушевлением приветствовались во всем мире. Казалось, что наконец повсюду воцарится благой мир, одинаково справедливый для честных и порядочных немцев и русских, французов, англичан и бельгийцев; в течение нескольких месяцев мир согревала вера в Вильсона. Если бы эти пункты стали основой мирового соглашения в 1919 г., они стали бы

началом нового и более оптимистического периода человеческой истории.

и Президент Вильсон прибыл во Францию на борту корабля «Джордж Вашингтон» в декабре 1918 г. Люди, с которыми ему пришлось иметь дело, например Клемансо (Франция), Ллойд Джордж и Бальфур (Британия), барон Соннино и синьор Орландо (Италия), были людьми совершенно разных исторических традиций. Но в одном отношении они напоминали его и вызывали у него симпатию: они тоже были партийными политиками, которые провели свои страны через войну. Как и он, они не смогли понять

необходимости вверить работу по урегулированию квалифицированным профессионалам.

«На время Конференции, — пишет доктор Диллон, — Париж перестал быть столицей Франции. Он превратился в огромный космополитический караван-сарай, во множестве демонстрирующий необычные аспекты жизни, наполненный диковинными представителями рас, племен и народов четырех континентов, которые приехали понаблюдать за происходящим и дождаться прихода пока что загадочного завтрашнего дня».

В этот переполненный пестрыми толпами Париж, потрясенный ожиданием нового мира, прибыл президент Вильсон и обнаружил, что над всеми собравшимися доминирует личность более приземленная, в любом отношении более ограниченная, чем он, но несравненно более сильная — французский премьер месье Клемансо. По настоянию президента Вильсона м. Клемансо избрали председателем Конференции. «Это, — сказал президент Вильсон, — особая дань страданиям и жертвам Франции». И это, к сожалению, звучало, как лейтмотив конференции, единственной темой

которой должно было стать будущее человечества.

Жорж Бенжамен Клемансо был старым журналистом и политиком, великим разоблачителем нарушений, известным низвергателем правительств, доктором, содержащим, будучи муниципальным советником, бесплатную клинику, и отчаянным, опытным дуэлянтом. Ни одна из его дуэлей не закончилась фатально, но он принимал в них участие с великим бесстрашием. Медицинскую профессию на республиканскую журналистику он сменил в дни Второй империи. В те дни он был левым экстремистом.

Некоторое время он работал учителем в Америке, женился на американке, а затем развелся. В богатом событиями 1871 г. ему было тридцать. Он возвратился во Францию после Седана и бросился в бурную политику побежденной страны с большой страстью и решительностью. С тех пор его вселенной стала Франция, Франция энергичного журнализма, ожесточенных личных споров, вызовов, конфронтации, сцен, драматических эффектов и, конечно же, саркастического юмора при любых обстоятельствах. О таких, как он, говорят: «сорвиголова»; его прозвали «Тигром», и он, судя по

всему, был весьма горд своим прозвищем.

Профессиональный патриот, а не мыслитель и государственный деятель — таков был человек, которого война выдвинула на первый план и которому явно не доставало присущих французам утонченности ума и благородства духа.

Его ограниченность оказала решающее воздействие на Конференцию, которая, кроме всего прочего, была омрачена таким драматическим жестом, как использование для подписания документов того же Зеркального зала в Версале, где в 1871 г. Германия триумфально засвидетельствовала

свою победу и провозгласила свое единство. Именно там немцы должны были подписывать документы Конференции. В подобной атмосфере для Клемансо и для Франции эта война перестала выглядеть как война мировая; она была лишь продолжением конфликта того «ужасного года», крахом и наказанием обидчицы — Германии.

Цели Клемансо были просты и вполне достижимы. Он хотел отмены всех соглашений 1871 г. Он хотел, чтобы Германия понесла наказание, как будто она была единственной страной-виновницей, а Франция — безгрешной страной-мученицей. Он хотел так ослабить и опустошить

Германию, чтобы она никогда больше не смогла противостоять Франции. Его не волновало, что, ослабляя Германию, он ослаблял Европу; его ума не хватало на то, чтобы осознать эту возможность, и видел он не дальше Рейна.

Его устраивала предложенная президентом Вильсоном Лига Наций как великолепный способ гарантировать безопасность Франции, что бы она ни делала; однако больше его устроили бы союзнические обязательства Соединенных Штатов и Англии по поддержке, содействию и прославлению Франции в любых обстоятельствах. Ему нужны были

более широкие возможности для парижских финансовых групп по эксплуатации Сирии, Северной Африки и т. д.

Он хотел, чтобы Франции возместили убытки, чтобы Франции предоставляли кредиты, преподносили дары и платили дань, он хотел для Франции почестей и славы. Примерно в том же духе и синьор Орландо стремился обеспечить благополучие Италии. Мистер Ллойд Джордж привнес в «совет четырех» пронизательность валлийца, сложность натуры европейца и ощущение срочной необходимости уважить национальный эгоизм британских

империалистов и капиталистов, приведших его снова к власти.

Вот в такую атмосферу неискренности и скрытого соперничества попал президент Вильсон со своими крайне благородными целями новопровозглашенной американской внешней политики, своими довольно поспешно составленными «Четырнадцатью пунктами» и своим скорее замыслом, чем конкретным планом создания Лиги Наций.

Этот гомункулус в пробирке, который, как надеялись, сможет когда-то превратиться в Человека, правящего всей Землей, — Лига Наций, созданная соглашением от 28

апреля 1919 г., совсем не была лигой людей и народов; она была, как уяснил потом мир, лигой «государств, доминионов или колоний». Было оговорено, что они должны быть «полностью самоуправляемыми», но никакой дефиниции этой фразы не было сделано. Не было никаких преград ограничению права голоса, и в то же время не предусматривалось ни в каком виде прямое правление, осуществляемое народом какой-либо страны. Лига с уставом от 1919 г. была фактически лигой «представителей» министерств иностранных дел, а посольства в каждой столице остались, какими и

были.

Британская империя сначала фигурировала, как одно целое, а затем шли Индия (!) и четыре доминиона — Канада, Австралия, Южная Африка и Новая Зеландия — в качестве отдельных государств. Позже отдельный статус получила Ирландия. Понятно, что представитель Индии должен был назначаться британцами, а представителями доминионов должны были стать колониальные политики. Но если уж расчленять Британскую империю подобным образом, то имперского представителя следовало заменить представителем Великобритании, а

Египту тоже обеспечить представительство.

Кроме того, исторически и юридически штат Нью-Йорк или Виргиния имели такое же право на суверенность, как и Новая Зеландия или Канада. Включение Индии логически влекло за собой претензии на включение Французской Африки или Французской Азии. И действительно — один французский представитель предлагал наделить правом голоса маленькое княжество Монако.

За исключением некоторых оговоренных ситуаций, лига с таким уставом могла принимать решения лишь единогласно. Несогласие хотя

бы одного члена Совета могло заблокировать любое предложение, — что напоминало старый польский принцип «свободного вето».

Это положение устава имело совершенно катастрофические последствия. В представлении многих Лига с подобным уставом была хуже, чем никакой Лиги вообще. Это было полное признание неотъемлемости суверенитета государств и отказ от идеи федерации человечества. Это положение фактически преградило путь всем будущим поправкам к уставу Лиги, не оставляя иной возможности для перемен, кроме

одновременного выхода из нее большинства стран с целью создания новой лиги на иных началах. Устав делал неизбежным подобный конец Лиги; и это было, пожалуй, наилучшим из того, что в нем было.

Из первоначального состава Лиги было предложено исключить следующие государства: Германию, Австрию, Россию и какие бы то ни было остатки Османской империи. Любое из этих образований могло потом стать членом Лиги Наций с согласия двух третей Ассамблеи. Первоначально в соответствии с проектом договора в Лигу должны были войти следующие государства: Соединенные Штаты Америки,

Бельгия, Боливия, Бразилия,
Британская империя (Канада,
Австралия, Южная Африка, Новая
Зеландия и Индия), Китай, Куба,
Эквадор, Франция, Греция,
Гватемала, Гаити, Хиджаз, Гондурас,
Италия, Япония, Либерия,
Никарагуа, Панама, Перу, Польша,
Португалия, Румыния, Сербо-
хорвато-словенское государство,
Сиам, Чехословакия и Уругвай. К
ним по приглашению должны были
присоединиться следующие
государства, сохранявшие
нейтралитет во время войны:
Аргентина, Чили, Колумбия, Дания,
Голландия, Норвегия, Парагвай,
Персия, Сальвадор, Испания,

Швеция, Швейцария и Венесуэла.

При таком составе Лиги вряд ли стоило удивляться, что полномочия ее были специфическими и ограниченными. Организации было положено иметь секретариат со штаб-квартирой в Женеве. Но она не имела права осуществлять инспекцию военных приготовлений входящих в нее стран или давать инструкции сухопутным или военно-морским штабам по поддержанию мира во всем мире.

Конец 1919 г. и первые месяцы 1920 г. стали свидетелями очень любопытной перемены в настроениях американцев после их профранцузского и пробританского

энтузиазма времен войны. Мирные переговоры противоречивым и очень неприятным способом напомнили американцам о глубоком различии в подходе к международным делам между ними и любым европейским государством; различии, о котором война дала им возможность на некоторое время забыть.

В конце 1919 г. наступил период, и период вполне понятный, страстного и даже агрессивного «американизма», для которого анафемой в равной степени были как европейский империализм, так и европейский социализм. Может быть, и существовал некий корыстный мотив в стремлении

американцев «снять» с себя взятую ранее ответственность за состояние дел в Старом Свете и реализовать те огромные финансовые и политические возможности, которые дала Новому Свету война. Но американский народ был вполне здрав в своем инстинктивном недоверии к предложенному урегулированию.

Решения, принятые в Версале, воплотились в целый ряд соглашений. Сначала мы покажем здесь карту, демонстрирующую территориальные аспекты мирного договора с Германией.

Наглядная карта более четко и понятно объясняет главные факты,

чем любая диссертация. В дополнение к тому, что видно из карты, предусматривалось также, что Германия должна подвергнуться широкому разоружению, отдать свой флот, выплатить большую контрибуцию и большие суммы в качестве компенсаций за военный ущерб. За разоружением должна была следить комиссия союзников. Флот следовало передать англичанам 21 июня 1919 г., однако находившиеся на борту офицеры и матросы не смогли на это решиться. Они не стали выполнять это требование и затопили свои корабли на виду у британцев.

Австро-Венгерская империя

полностью распалась. От нее осталась маленькая Австрия, которая обязалась не объединяться с Германией, урезанная и изуродованная Венгрия; Румыния расширилась далеко за свои легитимные пределы за счет Трансильвании; Польша получила почти всю Галицию; Богемия, со словацкими и моравскими включениями, снова появилась в виде Чехословакии. Сербь, хорваты и черногорцы (последние слабо протестовали) образовали новое Югославское государство, сразу же ставшее участником ожесточенного конфликта с Италией из-за порта Риека (Фиуме), на который

итальянцы совершенно необоснованно предъявили права.

Болгария уцелела, пришлось лишь вернуть Греции недавно обретенную область во Фракии. Греция, несмотря на то, что она предала галлипольскую экспедицию, некоторое время была любимицей дипломатов в Версале. Ей отдали отобранную у Болгарии территорию, ей позволили придвинуться вплотную к Константинополю, и ей достался большой кусок территории вокруг Смирны (Измира). Однако ей не вернули Родос и другие Додеканесские острова, несмотря на их чисто греческий характер. Они должны были стать частью

итальянской добычи; британцы же закрепились на Кипре.

Договор с Турцией заключить было трудно, а провести в жизнь — вообще невозможно. Номинальное турецкое правительство в Константинополе подписало его, но другое, реальное турецкое правительство обосновалось в Ангоре (Анкаре) и подписывать соглашение отказалось. Греческая армия вторглась в область Смирны, и на смену первому соглашению с Турцией пришло второе, Севрский мирный договор (август 1920).

Последовали запутанные процедуры по передаче контроля от одной стороны к другой. В

Константинополе было установлено
объединенное союзническое
управление (январь 1921),
константинопольское турецкое
правительство исчезло, а реальное
турецкое правительство в Ангоре
завязало отношения с большевиками
в Москве.

Подстрекаемые всяческими
расплывчатыми обещаниями, греки
становились все более
агрессивными. Обуреваемые
непомерными амбициями, они
сделали попытку захватить
Константинополь. Они начали
крупномасштабное наступление на
Ангору, чтобы раз и навсегда
покончить с турками. Греческие

войска дошли почти до Ангоры, но были остановлены и разгромлены. Начиная с августа 1922 г. турки видели перед собой лишь отступление и бегство греков. Напуганная популяция малоазиатских греков бежала вместе с войсками. Греция потеряла в Азии все. Смирна была эвакуирована в сентябре, и почти миллион греческих по языку и национальности беженцев навсегда покинул Азию.

В этот период турки проявили поразительную жизнеспособность: они не только обратили в бегство наступавших греков. Следуя многовековой традиции, они также устроили массовую резню армян и

вытеснили французов из Киликии. Одним из признаков стремления к модернизации было то, что они избавились от султана и приняли республиканскую форму правления. Они ввязались в борьбу в зоне проливов и возвратили себе Константинополь.

Похоже, что окончание многовекового безрезультатного противостояния с арабами только прибавило им силы. Сирия и Месопотамия были полностью выведены из-под турецкого контроля. Палестина была превращена в отдельное государство в сфере британского влияния, объявленное в качестве национального пристанища

для евреев. На землю обетованную хлынул поток неимущих евреев, которые сразу же оказались вовлечены в серьезный конфликт с местным арабским населением.

Благодаря усилиям молодого выпускника Оксфорда, полковника Т. Лоуренса, арабы были сплочены в борьбе против турок и воодушевлены идеей национального единства. Его мечты об арабском королевстве со столицей в Дамаске быстро пали жертвой алчности французов и англичан, желавших заполучить подмандатные территории, и в конечном счете его королевство съежилось до размеров находившегося в пустыне

королевства Хиджаз с Меккой и Мединой и нескольких других маленьких и нестабильных имаматов, эмиратов и султанатов. Если они когда-нибудь объединятся и начнут стремиться к цивилизации, то это вряд ли будет происходить при содействии Запада.

Ни одна из великих держав, господство которых со всей неизбежностью проявилось в Париже, особо не задумывалась о последствиях создания Лиги Наций для этих более старых схем, поэтому большинство европейских обозревателей небезосновательно считали, что поддержка великими державами этого проекта носит

абсолютно лицемерный характер. С одной стороны, они как бы хотели сохранить и упрочить свои господство и безопасность, а с другой — пытались не дать любой другой стране осуществлять те же экспансию, аннексии и создавать такие же союзы, которые могли привести к появлению империалистических держав-соперниц. Их неспособность подать пример международного доверия исключила всякую возможность международного доверия к другим нациям, представленным в Париже.

Еще более негативные последствия имел отказ американцев согласиться с требованием японцев

признать расовое равенство.

Кроме того, министерства внешних сношений Британии, Франции и Италии были одержимы традиционными планами агрессии, полностью несовместимыми с новыми идеями. По силе национального эгоизма устремления французов и итальянцев далеко превосходили даже устремления британцев и американцев. Лига Наций, которая действительно хочет принести реальную пользу человечеству, должна превозмочь империализм. Это должен быть или сверхимпериализм — либеральная империя объединенных государств (суверенных или протекторатов), или

вообще ничего. Однако немногие на Парижской конференции обладали достаточной интеллектуальной силой, чтобы предусмотреть хотя бы эти очевидные последствия создания такой Лиги.

Им хотелось одновременно нести обязательства и быть свободными, обеспечить вечный мир, но при этом оставить при себе свои вооружения. Понятно, что старые аннексионистские планы периода великих держав были поспешно и небрежно закамуфлированы под первые шаги этого хилого младенца, родившегося 28 апреля 1919 г. Дело выглядело так, будто новорожденная и едва живая Лига раздает, с

безоглядной щедростью плененного Римского Папы, «мандаты» представителям старого империализма, которые, будь эта Лига тем желанным всеми нами молодым Геркулесом, задушили бы ее еще в колыбели. Британия получила «мандаты» на обширные территории в Месопотамии и Восточной Африке; Франция — тоже самое в Сирии; все предполагаемые владения Италии на запад и юго-восток от Египта были объединены в подмандатную территорию.

В долговременной перспективе гораздо более опасным, чем эти территориальные махинации, было наказание Германии «репарациями»,

далеко превосходившими ее
платежеспособность и
противоречившие тем простым и
ясным условиям, на которых она
сложила оружие. Германия была
поставлена в условия
экономического рабства. На нее
взгромодили невыполнимую
обязанность осуществлять огромные
периодические платежи, ее
разоружили, и неизбежное
банкротство Германии делало ее
объектом практически любых
агрессивных действий со стороны
кредиторов. В полной мере
негативный потенциал такого
урегулирования проявился через год с
небольшим. После того как Германия

не смогла платить, в январе 1923 г. французы вошли в долину реки Рур и оставались там до августа 1925 г., вовсю эксплуатируя шахты, распоряжаясь железными дорогами и бередя незажившие раны возмущенных немцев массой неизбежных мелких придилок и актов насилия.

Мы не будем вдаваться здесь в подробности иных последствий поспешности и самоуверенности, проявленных в Версале, — того, как президент Вильсон поддался японцам и согласился на то, чтобы те сменили немцев в Циндао, который является собственностью Китая; как почти полностью немецкий город

Данциг был практически (едва ли не легально) аннексирован Польшей; как великие державы спорили по поводу претензии итальянских империалистов на югославский порт Риека, захват которого лишил югославов удобного выхода в Адриатическое море. Итальянские добровольцы под командованием высокопарного писателя Д'Аннунцио заняли этот город и провозгласили там мятежную республику, которая продержалась до января 1921 г., когда эта территория была аннексирована Италией.

И мы лишь упомянем о тех хитроумных построениях и оправданиях, которые позволили

французам завладеть Саарской долиной, являющейся территорией Германии, а также о том просто чудовищном нарушении права на самоопределение, когда немецкой Австрии было фактически запрещено объединяться с остальной Германией, хотя такое объединение было бы вполне естественным.

Мы уже рассказывали о двух русских революциях 1917 г. Теперь настало время более подробно остановиться на том экстраординарном изменении ориентации, которое произошло в тогдашней России. Это было не чем иным, как крахом современной западной цивилизации в данной

стране. Русский народ стал невольным участником чего-то гораздо большего, чем социалистический эксперимент. Это имело обманчивый и весьма убедительный вид окончательной проверки на практике западных социалистических идей. Да, фактически этот эксперимент подтвердил те недостатки социалистической теории, на которые мы уже обращали внимание, и, в частности, он продемонстрировал бесплодность марксистской школы социализма. Он снова доказал правильность тезиса, что революция не может создать ничего, что не было всесторонне

обсуждено, спланировано,
продумано и разъяснено
заблаговременно. В противном
случае революция просто
уничтожает правительство,
династию, организацию, в
зависимости от конкретного случая.
Революция — это экскреторная
операция, а не созидательная.

Мы уже рассказывали о
развитии социалистических идей во
второй половине XIX в. и о той
большой роли, которую в этом
развитии сыграли идеи Карла Маркса
о «классовой борьбе». Эти идеи
льстили самолюбию и
стимулировали амбиции энергичных
и недовольных личностей во всех

промышленных регионах мира. Марксизм повсюду превратился в кредо активного промышленного рабочего. Но поскольку социалистическая формула отталкивает крестьянина, который владеет или хочет владеть землей, которую он обрабатывает, и поскольку большие урбанистические общества Западной Европы и Америки по своему менталитету принадлежат к среднему классу, а не к промышленным рабочим, то марксисты вскоре пришли к выводу, что замышляемая ими социальная и экономическая революция не может рассчитывать на парламентские методы и победу на выборах, она

сначала должна быть делом
меньшинства — меньшинства
промышленных рабочих, которые
захватят власть, установят
коммунистические институты и
научат остальных людей, как быть
счастливыми в том «золотом веке»,
который после этого наступит. Этот
период правления меньшинства,
после которого должен был
наступить «золотой век», в
марксистской фразеологии
назывался «диктатурой
пролетариата».

Повсюду неоплачиваемые
фанатики с огромной
пропагандистской энергией
приносили свои жизни и таланты в

жертву распространению этой идеи. В первом десятилетии XX века во всем мире насчитывался, возможно, миллион или более человек, убежденных в том, что если осуществить эту расплывчатую идею «диктатуры пролетариата», то новый и лучший социальный порядок наступит почти автоматически после введения этой диктатуры. В нашей критике социализма мы уже упоминали о том, насколько иллюзорной оказалась эта идея.

У марксистов не было никаких четких и конкретных планов того, как оплачивать труд рабочих, как проводить общественные дискуссии или как осуществлять управление

экономикой после того, как «капитализм» будет уничтожен. Однако все эти вещи уже существовали, в очень эмпирической и недоработанной, однако работавшей на практике форме в индивидуалистической системе капитализма. Марксисты так и не разработали никакой альтернативы этим методам, и вообще не похоже, чтобы они считали такую альтернативу необходимой. Рабочим они заявляли следующее: «Дайте нам власть, и все будет в порядке». И Россия, измученная, опустошенная и преданная союзниками, которым она так верно служила, в отчаянии бросилась в «диктатуру

пролетариата».

Численность коммунистической партии в России колебалась; до недавнего времени она не насчитывала больше, чем 800 000 сторонников, а в тот период, о котором мы рассказываем, в ней состояло, вероятно, не больше четверти миллиона человек. Но эта сравнительно небольшая организация, в силу своей решительности и преданности делу и в силу того, что во всей дезорганизованной стране не нашлось достаточно честного, решительного и компетентного конкурента, смогла укрепиться в Петрограде, Москве и большинстве

крупных городов России, обеспечила себе поддержку матросов флота (которые убили почти всех офицеров и заняли крепости Севастополь и Кронштадт) и стала де-факто хозяином России.

Был период, когда большевики правили с помощью террора. Они утверждали, что поначалу они неизбежно должны были использовать террор. Социальная дезорганизация страны была крайней. На широких пространствах России крестьяне восстали против землевладельцев, повсюду начались грабежи поместий и поджоги дворцов, что весьма напоминало события Первой французской

революции. Были совершены отвратительные акты невиданной жестокости.

Крестьяне завладели землей и распределили ее между собой, пребывая в полном неведении о том, что по этому поводу говорил Карл Маркс. Одновременно сотни тысяч солдат с оружием в руках возвращались домой из зоны боевых действий. Царское правительство всего призвало более восьми миллионов человек — гораздо больше, чем оно в состоянии было вооружить и организовать; их буквально с корнями вырвали из их деревень, а теперь легионы этих призывников превратились

фактически в бандитов, промышлявших разбоем. В октябре и ноябре 1917 г. Москва кишела такими людьми. Они группировались в банды, врывались в дома, грабили и насиловали; никто не мог и не пытался им противостоять. Закон и порядок исчезли. Ограбленные и убитые люди днями лежали на улицах, и никто их не убирал.

Именно таким было положение вещей, когда большевики пришли к власти; оно не было следствием того, что они эту власть узурпировали. Пытаясь восстановить порядок, они одно время расстреливали каждого, кто был пойман с оружием в руках. Тысячи людей были схвачены и

расстреляны; вряд ли без такого насилия в Москве удалось бы восстановить хоть какое-то подобие порядка. Развал царской России был настолько полным, что исчезли сама структура общественного порядка и привычка к нему.

К весне 1918 г. большевики обеспечили контроль над крупными городами, железными дорогами и портами России. В январе было распущено и разогнано Учредительное собрание, с которым большевики не смогли сработаться: они считали, что этот орган был слишком пестрым по своему составу и целям, чтобы обладать способностью к решительным

действиям. В марте в Брест-Литовске был подписан крайне невыгодный и унижительный мирный договор с Германией.

Во главе большевистской диктатуры, которая взялась править Россией, стоял Ленин (1870–1924), очень энергичный и сообразительный человек, который большую часть своей жизни провел в изгнании в Лондоне и Женеве, участвуя в политических дебатах и тайной политической деятельности российских марксистских организаций. Он был неутомимым и честным доктринером, жил просто и скромно и не имел никакого практического опыта

административного управления.

Помогал ему Троцкий, эмигрант из Нью-Йорка, который быстро превратился в талантливое военного руководителя. Другими известными членами этой маленькой группы, которая взялась реорганизовать Россию и вывести ее из вызванного войной катастрофического положения к коммунистическому «золотому веку», были Радек, Луначарский, Зиновьев, Каменев и Красин.

Поначалу амбиции большевистских лидеров выходили далеко за пределы России, которая казалась им слишком легкой задачей. Они провозгласили всемирную

социальную революцию и призывали рабочих во всем мире объединиться, разрушить капиталистические системы в своих странах и обеспечить таким образом приход марксистского «золотого века», смутного и бесформенного. Эти действия, конечно же, привели большевиков к конфликту с правительствами всех других стран. К задаче построения коммунизма в России добавилась задача ее защиты от целого ряда контрударов, явившихся результатом враждебности нового режима по отношению к иностранным правительствам.

За два-три года большевики продемонстрировали свою полную

несостоятельность создать реально работающую коммунистическую систему. Они продемонстрировали также полное творческое бесплодие марксистской доктрины. Они оказались совершенно неспособными наладить работу разрушенной промышленности России. Большинство их лидеров были людьми с литературными и ораторскими способностями и не имели никакого управленческого опыта.

В начальный период своего правления присущая большевикам узколобая классовая ненависть вдохновила их на уничтожение в России остатков сословия заводских

управленцев, технических экспертов, прорабов и т. п. Они не обладали систематическими знаниями — а высокомерие марксистских доктринеров порождало у них презрение к любому знанию, которого у них не было, — о психологии рабочего человека на производстве.

У них не было даже эмпирического знания того прежнего капитализма, который они так презирали. Все, что они знали о подобных вещах, была психология рабочего на массовом митинге. Они пытались управлять Россией с помощью призывов, однако ни рабочий, вернувшийся на свое

рабочее место, ни крестьянин, вновь взявшийся за плуг, не откликнулись на эти призывы какими-либо практическими результатами. Транспорт и механическое производство в городах приходили в упадок и разваливались, крестьянин же производил продовольствие для удовлетворения собственных нужд, а избыток припрятывал.

Когда пишущий эти строки посетил Петроград в 1920 г., то его взору открылась ошеломляющая картина опустошения. Впервые современный город был запущен до такого состояния. Четыре года ничего не ремонтировалось. На улицах зияли огромные дыры в тех местах,

где поверхность провалилась в поврежденную канализацию; упавшие столбы никто не пытался убрать или поставить на место, ни один магазин не работал, и во многих из них разбитые стекла и витрины были заколочены досками. Прохожие, струившиеся по улицам мелкими ручейками, были одеты в невообразимые лохмотья, поскольку в России не было ни новой одежды, ни новой обуви. У многих людей на ногах были лапти. Люди, город и все вокруг было обветшалым и поношенным. Даже у большевистских комиссаров были щетинистые щеки, поскольку бритвы и подобные вещи не производились и

не импортировались. Смертность была ужасающей, и население этого обреченного города каждый год уменьшалось на сто тысяч.

Есть много оснований считать, что уже в 1918 и 1919 гг. большевистская диктатура могла осознать ошибочность своих методов и начать приспособливаться к непредвиденным факторам ситуации, в которой она оказалась. Большевики были узколобыми доктринерами, однако среди них были люди, обладавшие воображением и гибкостью ума, и не подлежит сомнению, что, несмотря на причиненное ими зло, они были честными в своих намерениях и

преданными своему делу.

Повсюду им был объявлен бойкот, а реакционные правительства Франции и Великобритании субсидировали и поощряли всякого проходимца за пределами России и внутри нее, который выступал против большевиков.

Кампания в прессе сбила с толку общественное мнение потоком фантазий и нелепых выдумок о большевиках. Да, они были неумелыми доктринерами, вооруженными негодной социальной и экономической теорией, которые беспомощно барахтались в разрушенной стране. Среди их сторонников были люди злые и

жестокие. Любое правительство России имело бы под своим управлением столь же несовершенный человеческий материал и слабые возможности держать его под контролем.

Однако антибольшевистская пропаганда представляла московских авантюристов как невиданное в человеческой истории зло и уверяла, что одного их устранения будет достаточно, чтобы восстановить в России мир и счастье. Звучали призывы чуть ли не к новому крестовому походу против большевиков, вызвавшие благожелательное отношение к последним со стороны либеральных

мыслителей, которые в ином случае отнеслись бы к новым правителям России более критично.

В результате этой имевшей организованный характер вражды большевикам пришлось занять оборонительную позицию ввиду возможного зарубежного вмешательства. Настойчивая враждебность со стороны западных правительств к большевикам сильно укрепила их позиции внутри страны. Несмотря на интернационалистские теории марксистов, большевики в Москве стали патриотическим правительством, которое защищало страну и себя от иностранцев и которое, в частности, защищало

крестьянина от возврата помещика и собирателя податей. Это было парадоксальное положение: коммунизм в России создал крестьянина-землевладельца. А Троцкий, бывший ранее пацифистом, путем самообразования превратился в талантливого военачальника, несмотря на свои прежние убеждения.

Но навязанный таким образом правительству Ленина милитаризм и патриотизм, вынужденная сосредоточенность на внешних границах предотвратили возможность эффективного восстановления законности и порядка внутри страны, даже если

бы большевики и были способны на это. При новом правлении традиции прежней вездесущей и тиранической царской полиции сохранились практически в неизменном виде.

Неуклюжая, неэффективная и кровавая сыскная система, обладавшая правом немедленного наказания, боролась против иностранных эмиссаров, прибывавших из-за рубежа, и против подстрекательств к мятежу, запугиваний и предательства — внутри страны, время от времени удовлетворяя свою отвратительную страсть к наказаниям. В июле 1918 г. царь и его семья — существовала опасность их освобождения

реакционными войсками — были зверски убиты по приказу мелкого чиновника. В январе 1919 г. Чрезвычайная Комиссия, открыто игнорируя директиву Ленина об отсрочке исполнения приговора, казнила в Петрограде четырех великих князей, которым царь приходился племянником.

В течение пяти лет русский народ, в условиях этого небывалого и беспрецедентного правления, сохранял солидарность перед лицом попыток расчленить и покорить страну. В 1918 г. французские и британские войска высадились в Архангельске; они были выведены в сентябре 1919 г. Начиная с 1918 г.

японцы осуществляли активные попытки закрепиться в Восточной Сибири. В 1919 г. русские воевали не только с британцами в Архангельске и японцами, но и с реакционными войсками под командованием адмирала Колчака в Сибири, румынами на юге (которых поддерживали контингенты греков и французов), а в Крыму — с генералом Деникиным, стоявшим во главе армии русских реакционеров, которая щедро снабжалась британским и французским военным снаряжением при поддержке французского флота.

В июле Колчак и Деникин объединились и заняли всю Юго-

Восточную Россию от Одессы до Уфы, а эстонская армия под командованием генерала Юденича продвигалась к Петрограду. Казалось, что конец большевизма — дело нескольких недель или дней. Однако к концу года Юденич был разгромлен и изгнан, Колчак полным ходом отступал в Сибирь, а Деникин — к Черному морю. В начале 1920 г. Деникин и остатки его войск были эвакуированы британскими и французскими кораблями, а Колчак был схвачен и расстрелян в Сибири.

Но России не суждено было насладиться передышкой. Поляки, подстрекаемые французами, в апреле 1920 г. начали новую кампанию, а

новый реакционный налетчик, генерал Врангель, взялся за невыполненную Деникиным задачу по покорению и опустошению собственной страны. Поляки, после того как их отогнали к Варшаве, восстановили, при французском содействии и французских поставках, свои силы и совершили победоносное наступление на российскую территорию; в Риге был подписан мирный договор, обеспечивший Польше значительные территориальные приобретения. Врангель, изведя урожай и запасы продовольствия на огромной территории, повторил судьбу Деникина и в конце того же года

воспользовался гостеприимством западных государств. В марте 1921 г. правительству большевиков пришлось подавлять — и оно с этим успешно справилось — мятеж кронштадтских матросов, которые были «преторианской гвардией» большевизма.

В течение 1920 г. враждебность к большевикам в Западной Европе и Америке постепенно сменялась на более трезвое понимание ситуации. На пути к «признанию» большевистского правительства существовали многие трудности, в значительной степени обусловленные также предвзятостью и отсутствием здравого смысла со

стороны большевиков, но в конце 1920 г. между Россией и остальными странами уже существовало некое подобие необъявленного мира, и исследователи из Америки, Британии и Франции получили возможность въезжать в страну и выезжать из нее. В начале 1921 г. Британия и Италия заключили с Россией торговые соглашения; российские представители в форме «торговых делегаций» возобновили связи между этой отверженной страной и остальным миром.

Но этот многострадальный народ подстерегало новое и еще более жуткое несчастье. В 1921 г. была необычайная засуха.

Внимательный читатель нашей истории помнит, как мы рассказывали о том, насколько неустойчивым и изменчивым является климат на территориях, прилегающих к Каспийскому морю.

Подобные земли пригодны лишь для существования кочевых племен; вряд ли когда-нибудь они смогут стать стабильным источником существования многочисленного сельскохозяйственного населения. И теперь, когда пришла засуха, урожай на обширных территориях юго-востока России пропал совершенно, и начался самый ужасный голод во всей документированной истории человечества. Из жизни ушли

миллионы. Огромные массы людей, целые деревни и города были обречены на смерть и умерли. Многие ели сено, землю и всякую неопишную мерзость. Люди разрывали могилы и становились каннибалами. Опустели огромные территории.

В то же самое время зерно сжигалось не только в Америке, но даже и в Украине, Румынии и Венгрии. Но транспортная система России была безнадежно разрушена действиями Колчака, Деникина и Врангеля, а у большевистского правительства не было ни ресурсов, ни способности справиться с этой чудовищной катастрофой. С согласия

правительства американская комиссия, а также комиссия под руководством д-ра Нансена, великого исследователя Арктики, занялись организацией помощи, и в страну хлынули щедрые американские поставки. Однако правительства основных европейских стран с неохотой отреагировали или не отреагировали вообще на экстренные нужды создавшегося положения. Британское правительство, потратившее миллионы на незаконные военные операции против своего бывшего союзника, запятнало хорошую репутацию Британии во всем мире, отказавшись участвовать в оказании помощи. Так

слабо был усвоен урок человеческой солидарности, преподнесенный мировой войной.

Когда в России люди умирали бесчисленными сотнями тысяч, в нескольких сотнях миль от места катастрофы в зернохранилищах пропадало зерно, в Западной Европе из-за отсутствия грузов простаивали суда, простаивали сталелитейные и железо-обрабатывающие заводы, где могли бы производиться рельсы и паровозы, а миллионы рабочих были без работы, потому что, как говорили бизнесмены, «им нечем было заняться». И тысячи квадратных миль на юго-востоке России превратились в пустыню с

заброшенными полями и мертвыми городами и деревнями.

Но несмотря на такое опустошение, правительство большевиков выстояло. И постепенно до сознания европейцев стала доходить необходимость признания этого странного государства нового типа и сотрудничества с ним, каким бы чуждым по духу оно ни было. И до сих пор Западный мир находится в процессе осознания этой необходимости. В то время когда пишутся эти строки, проблема «увязки» капиталистической системы с системой коммунистической на одной планете,

где расстояния становятся все короче, остается нерешенной.

Большевистская пропаганда, отворачиваясь от враждебного Запада, демонстрировала все большую склонность апеллировать к массам коренного населения Индии и Китая. У большевизма всегда было две грани: первую представляли «западники», которые стремились использовать науку, технику и методы массового производства и типичными представителями которых были Ленин и Троцкий; вторая представлена «восточниками», позиция которых отличается воинственностью, примитивизмом и мистицизмом,

среди которых главным был Зиновьев.

Под влиянием политики британского и французского правительств большевистское руководство постепенно начало переориентировку на Восток. И кажется, что под влиянием его примера исламский мир начал возобновлять свое давно сдерживавшееся развитие. Все больше и больше отношение большевиков к атлантическим цивилизациям, господствовавшим в мире в течение последних двух с половиною столетий, усваивалось исламом. И ислам и большевизм становятся непреклонными и

навязчивыми. Западные государства, разделенные взаимным соперничеством и противоречащими друг другу интересами, сталкиваются с постоянно растущим сопротивлением методам своей деятельности в России, Турции, Северной Африке и повсюду в Азии. Это растущее сопротивление, с одной стороны, и ослабление энергии противодействующего ему напора, с другой, являются основными результатами катастрофы 1914–1918 гг. Кажется, что эра мирового господства Западной Европы близится к закату.

В 1924 г. Ленин умер. Его преемником стал Сталин, мрачный и

непреклонный грузин, который уничтожил и изгнал многих своих прежних соратников и, в частности, человека, который своим умелым руководством спас Советскую республику от, казалось, неминуемого военного поражения, — Троцкого. Видно, что Сталин является решительным и бескомпромиссным коммунистом, твердо настроенным не допустить какого-либо возврата российского общества ни к капитализму, ни к христианству. Под его руководством проводилась широкомасштабная кампания по разрушению церквей и фактическому преследованию практик иудаизма и христианства.

После невыносимого напряжения 1920–1921 гг. Ленин сделал послабление в сторону частной собственности и частного предпринимательства. Его новая экономическая политика (нэп) создала в России ситуацию, которая очень напоминала положение дел в Соединенных Штатах Америки в начале XIX века. Воспользовавшись новопровозглашенной свободой торговли, некоторые крестьяне стали богаче своих соседей и начали стремиться к обеспечению различных выгод и преимуществ для своих семей. Таких богатых крестьян называли кулаками.

Появились и разбогатели мелкие

торговцы и производители. На эту реставрацию неравенства обратил свое внимание Сталин. Российское правительство приложило усилия, и усилия очень серьезные для него, чтобы уничтожить кулака, которого вызвала к жизни его прежняя нэповская политика. Весь Советский Союз проходит через родовые схватки великого эксперимента, самой долговременной и небывалой попытки перестроить экономическую жизнь. Эта попытка называется «пятилетний план», и она началась в октябре 1928 г.

Если этот план увенчается успехом, то через пять лет Россия должна превратиться в страну

огромных производственных комплексов, управляемых народным правительством. Крестьянин должен стать рабочим, экспроприированным трудящимся, каковым он был в Англии в течение двух сот лет, с той разницей, что он будет трудящимся в условиях коммунистического режима. Он должен уподобиться промышленному рабочему в городах. Советский Союз должен стать единой огромной производственной организацией, страной государственного капитализма, эксплуатирующей свои ресурсы на общее благо.

Так в течение тринадцати лет Россия подверглась трем

революциям, оставаясь под властью одной и той же группы лидеров. Она стремится реализовать идеалы коммунизма и жестко контролируемого государственного капитализма.

Британская империя вышла из войны в состоянии крайнего физического и морального напряжения. Лучшие представители молодого поколения были убиты, умерли или страдали от ран и последствий военной повинности. Методы работы британского правительства и традиции свободы подверглись сильному негативному влиянию

чрезвычайного

законодательства, необходимого в годы борьбы, а пресса Британии была изуродована своим пристрастием к пропаганде.

Везде в империи, за исключением тех ее частей, которые пользовались правом на самоуправление, параллельно происходило почти систематическое доведение до отчаяния местного населения всяческими ограничениями, проявлениями неуважения, произвольными арестами и подобными нарушениями свободы. Повсюду военное и чиновничье сословие вышло из-под контроля. Повсюду люди старой закалки стремились спровоцировать

взрыв.

Это в равной степени касалось и Индии, и Египта, и Ирландии. В эти годы пренебрежительного и ослабленного центрального правления политика подавления, невыполненных обещаний, данных аборигенному населению, и иллюзорных реформ для успокоения взбудораженной совести метрополии довела даже обычно спокойное население Индии до состояния, близкого к восстанию.

В течение некоторого времени жалобы и предупреждения оставались незамеченными. Неуклюжие методы призыва в армию, которые применяла

администрация Пенджаба, превратили эту одну из самых лояльных прежде провинций в одну из наиболее беспокойных. То тут, то там вспыхивали бунты, европейцы подвергались нападениям, а кульминацией того, что фактически являлось официальным террором, стала резня в Амритсаре (апрель 1919 г.), когда по толпе, в основном невооруженной, был открыт огонь, в результате чего 379 человек были убиты и более тысячи ранены.

Новости об этом возмутительном акте дошли до совести британской публики только после публикации доклада Хантера в конце 1919 г. Затем на некоторое

время в жизни Англии взяли верх лучшие силы. Однако режиму примирения, в бытность лорда Рединга вице-королем Индии, всячески препятствовали, фальсифицируя его, реакционные элементы в правительстве.

В 1922 г. Ганди, похожий на святого проповедник пассивного сопротивления, был приговорен к шестилетнему заключению, что придало ему ореол мученика.

Похожий конфликт происходил в Египте. Настрою на примирение противодействовало всепроницающее стремление подавлять. Но во всем печальном перечне неспособности Британии

воспользоваться великолепными возможностями того времени наиболее трагической является история увеличения пропасти между ирландским и английским народами.

В 1914 г. Ирландия, как и Англия, добровольно и храбро вступила в войну. На тот момент она еще была цивилизованной и подчиняющейся закону страной. Но в конце войны Ирландия представляла собой взбунтовавшуюся страну, которую можно было контролировать лишь с помощью силы. Крайний империализм породил реакцию в виде крайнего национализма. Ирландия была теперь настроена стать республикой, полностью

независимой от Великобритании.

Новый законопроект о самоуправлении прошел через британский парламент в 1920 г. Он учредил два отдельных парламента — один в Ольстере, другой в остальной части Ирландии, однако законопроект предусматривал их взаимодействие и возможное слияние. По сравнению с предыдущими законопроектами о самоуправлении это был щедрый жест. Но ирландцев это уже не устраивало. Члены Шинн Фейн, избранные в парламент в 1919 г., даже не захотели приехать в Вестминстер для обсуждения нового законопроекта.

А тем временем отчаянная повстанческая борьба, с одной стороны, и политика репрессий, с другой, постепенно превращали всю страну в арену партизанской войны. Повстанцы совершали набеги, устраивали засады и убивали, а потом, окрепнув, стали вступать в открытые стычки с небольшими воинскими подразделениями. Английские войска поначалу вели себя достойно, но вскоре были вынуждены — при соответствующем поощрении — прибегнуть к ответным мерам. Была организована специальная вспомогательная полиция, «черно-коричневые», прославившаяся своими жестокими

методами.

Количество актов жестокости неуклонно возрастало. Ночью представители той или иной стороны могли постучать в дверь и предъявить реальные или надуманные обвинения. Людей убивали у их собственных домов; вскоре стали зверски уничтожать целые семьи. В декабре 1920 г., после того, как возле Корка попала в засаду группа из одиннадцати военных курсантов, войска начали широкую кампанию мести; они убивали и зверствовали, уничтожив в результате собственности на 3 000 000 фунтов стерлингов. В подобной атмосфере процветали

грабеж и разбой.

Законопроект о самоуправлении стал законом в 1921 г., создав два ирландских парламента: один для северной части страны, а другой — для южной. Северный парламент был должным образом избран, и его первую сессию торжественно открыл король 22 мая 1921 г. Ирландцы на юге не хотели иметь ничего общего с предусмотренным законом о самоуправлении южным парламентом, поэтому он так и не собрался на сессию. Вместо этого в Дублине собрался самозванный орган, Дейл Эйринн, провозгласивший себя парламентом независимой Ирландии и избравший президентом мистера

де Валеру, который был его главным основателем.

Король, открывая сессию северного парламента, произнес речь, выдержанную в исключительно примирительных тонах. Воспользовавшись этим, мистер Ллойд Джордж, британский премьер-министр, пригласил мистера де Валеру и сэра Джеймса Крейга в Лондон на конференцию, посвященную ирландским проблемам. Было объявлено перемирие, которое соблюдалось настолько, насколько позволяло состояние уже дезорганизованной страны; 11 октября 1921 г. в Лондоне открылась конференция, на которой

мистер де Валера и подобранные им коллеги из Дейл Эйринн, с настроением людей, доведших до победного конца повстанческую борьбу, вели переговоры с британским правительством о будущем статусе Ирландии.

Полное отделение Ирландии от Британии стало бы явлением не только неудобным, но и очень опасным для обеих стран. Однако фактическое признание поражения было той горькой пилюлей, которую приготовили англичанам их верные друзья — карсониты, и им пришлось проглотить ее с максимально возможной грациозностью. Уайтхолл в октябре 1921 г., во время

конференции на Даунинг-стрит, представлял собой весьма интересное зрелище. Повсюду можно было видеть множество ирландских флагов и ирландских национальных символов, что было явным вызовом, однако поведение лондонской толпы было не только толерантным, но и дружелюбно-сочувственным.

С окончательным обязательством верности Британской короне и некоторыми ограничениями, касавшимися морского и воздушного пространств, вся Ирландия, за исключением протестантского Ольстера под управлением северного парламента, стала независимой страной —

Ирландским свободным
государством. Это был великий
триумф здравого смысла и
миротворчества. Достигнутое
соглашение предоставляло Ирландии
фактическую свободу и
одновременно сохраняло
формальный союз. Однако с обеих
сторон ему продолжали угрожать.

Мистер де Валера возражал,
потому что это соглашение
разделило Ирландию и не было
достаточно унижительным для
Великобритании; он призвал своих
сторонников к восстанию против
нового Свободного государства. Сэр
Эдвард Картон, теперь судья и
обладатель титула лорда, также

сделал все от него зависящее (несмотря на судейский этикет), чтобы возродить в Ольстере дух насилия и кровопролития. Так что Ирландское свободное государство появилось на свет сразу же с трудностями и под аккомпанемент ночных выстрелов и криков. Страна была полна молодыми людьми, умевшими не торговать, а партизанить, привычка к беспорядку и насилию пустила глубокие корни среди населения, и гражданская война между республиканцами под предводительством де Валеры и Свободным государством началась.

Такова вкратце история фактического отделения Ирландии

от Англии. Если Британская империя радикально не поменяет своих методов по отношению к зависимым народам, это может оказаться лишь началом еще более серьезных дезинтеграционных проблем. Для британцев, равно как и для американцев, эти события должны стать источником глубокой обеспокоенности и сожаления.

Мы уже упоминали о крахе Маньчжурской династии в Китае в 1911 г. Это означало осознание китайцами того факта, что их древняя имперская система себя изжила. Старая одежда была сброшена. Однако новой под рукой не оказалось. Огромная масса

населения продолжала жить, как она жила столетиями до этого, — предприимчивая, неграмотная, плодовитая, нищая, спокойная и консервативная, а поверх нее образованное меньшинство отчаянно пыталось найти новые формы для замены верховного правления, которое показало свою несостоятельность и исчезло.

На юге под руководством доктора Сунь Ятсена распространялись республиканские идеи западного типа, и организованное в Пекине новое правительство было республиканским и парламентским по форме. Реальная власть

находилась в руках тех, кто контролировал вооруженные силы страны, и некоторое время казалось возможным, что под руководством крупного государственного деятеля, Юань Шикая, будет учреждена новая династия. Действительно, в 1915 г. монархия была восстановлена, но через год — снова исчезла. Японцы принимали дипломатическое участие в неизбежных разногласиях между китайцами; сначала они поддерживали одну сторону, затем — другую, проводя общую политику предотвращения консолидации возрождающегося Китая.

В 1917 г. Китай запоздало и неэффективно присоединился к

Антанте в войне с Германией, надеясь обеспечить себе статус, который бы защитил его от враждебного давления Японии.

Со времени смерти Юань Шикая история Китая стала представлять собой постоянно возрастающую смуту. Появилось множество военачальников, захвативших обширные территории и боровшихся друг с другом за верховную власть. Соперничающие китайские правительства посылали своих представителей в Европу. Соединенные Штаты, Япония и основные европейские державы плели запутанные интриги, поддерживая того или иного деятеля.

Тем временем жизнь большинства людей продолжала двигаться по привычной колее, и был достигнут значительный прогресс в фабричном производстве и банковском деле. Модернизировалось образование, проводились эксперименты по упрощению письменности. Было нечто, глубоко будоражащее воображение историка, в этом великом зрелище, когда огромная масса населения медленно сбрасывала с себя древние путы своей административной системы и искала — слепо и на ощупь — новые возможности социальной организации и коллективных усилий.

После восстания боксеров

Китай принудили к выплате огромных компенсаций различным государствам, подданные которых пострадали во время этих беспорядков. Американцы, проявив великую мудрость, отказались от полагавшимся им выплат при условии, что эти деньги будут направлены на образование, и значительное количество китайских студентов было отправлено в американские высшие учебные заведения, что было первым шагом в реализации этой благородной идеи. Французы склонились к банковскому делу и железным дорогам. Британцы и японцы хаотически распределили свою долю между образованием,

санитарией, социальной помощью и экономически прибыльными работами. Похоже на то, что американцы станут духовными отцами нового Китая, если их влияние не будет ослаблено или подменено большевистской пропагандой.

Весной 1925 г. тлеющее недовольство образованных и патриотически настроенных китайцев англичанами было доведено до предела глупостью британского полицейского чиновника в Шанхае, который отдал своим людям приказ стрелять в демонстрацию, проходившую в квартале, где жили иностранцы.

Причиной демонстрации было убийство китайского рабочего на японской фабрике в этом городе. Привычка стрелять в толпу может когда-нибудь привести Британскую империю к гибели. По всему Китаю во всех классах общества поднялась волна возмущения. Результатом стало антиевропейское и антияпонское движение невиданного размаха и солидарности.

На этом примере также можно видеть, как ослабевает материальное и интеллектуальное господство Британии и Западной Европы и как пробуждающееся коренное население начинает проявлять инициативу, что в XIX в.

представлялось чем-то, что находится за пределами возможности. Первой фазой будет, несомненно, фаза беспорядка и конфликта, но через эту борьбу — и только через нее — большие массы населения за пределами Европы смогут утвердить свое право на то, чтобы с ними считались при определении будущего нашего общего мира и на достойных условиях позволяли принимать участие в его развитии. Запад не будет заниматься их образованием; Запад будет их лишь эксплуатировать.

Они не должны дожидаться знаний, они должны протянуть руку и взять их сами; они должны сами

утверждать себя и заниматься своим образованием.

8

Со времени окончания мировой войны по всему Ближнему Востоку все более интенсивно происходило проникновение западных идей, методов и техники, подобное тому, которое привело к окончательному устранению древней цивилизации Китая. Долгий, нетерпимый и фаталистический сон ислама, кажется, приближается к своему концу. Мусульманский мир пользуется теперь газетами,

телеграфом, радио, современными учебными пособиями и современной пропагандой. Мы уже упоминали о том, как турки пришли в себя после поражения, и о временном объединении арабов. В Персии отмечалось схожее ужесточение сопротивления ислама откровенной эксплуатации Запада.

Перед войной Персия была удобным заповедником для навязчивых идей европейской дипломатии и очень убогой страной для живущих в ней людей. Россия давила на несчастную страну с севера, Британия — из Персидского залива; каждая старалась дискредитировать соперницу и

навредить ей; были разведаны значительные запасы нефти, и американские нефтяные компании проникли в страну окольными путями подстрекательства и подачек.

Существовала пародия на западное парламентское правление во главе с шахом, однако реальная власть перемещалась между несколькими враждующими феодальными правителями. Они совершали набеги и убивали друг друга. Русские ввели бригаду казаков, номинально находившуюся в подчинении правительству, но в действительности осуществлявшую контроль над ним. В противовес казакам британцы создали свою

организацию — жандармерию под командованием шведов, которая задумывалась как интернациональная по духу. Эти враждовавшие между собой стороны сеяли беспорядок и убивали во имя западных ценностей. А немцы интриговали через турок во вред как британцам, так и французам.

Строительство, защита или разрушение нефтепроводов являлось ключом к сложной стратегии этой ситуации. Для Персии мировая война была историей рейдов, маршей, захватов и авантур, совершаемых казаками, немцами, британцами и местными племенными формированиями. В зависимости от

того, на чьей стороне было преимущество в войне Германии и ее противников, персы, которых совершенно не волновали эти европейские проблемы, заискивали перед британцами или нападали на них. Некоторое время после войны британцы господствовали в Персии, однако в 1920 г. их положению начало серьезно угрожать проникновение большевиков, которые возродили старые традиции царской системы. Но постепенно стало крепнуть влияние местных факторов, менее зависимых от условностей дипломатии.

Национальное самосознание персов росло, а престиж Запада

падал. Появился сильный лидер, Реза-хан, который захватил власть в 1921 г., сохранив номинальное главенство шаха. Он заключил договор с Советской Россией, что обеспечило стране основу для независимости большей, чем была у нее на протяжении многих лет. В 1926 г. он перестал быть диктатором и занял место шаха.

От Персии на востоке до атлантического побережья Марокко, по всей линии соприкосновения древнего христианского мира с миром Мухаммеда, в послевоенные годы проявился целый комплекс проблем и конфликтов между исламом и европейскими

государствами, причем с исламской стороны демонстрируются гораздо большие солидарность и единство целей, и даже наконец единство действия, чем со стороны западной. Европейские государства, не осознавая растущую угрозу, продолжали интриговать друг против друга в стиле XVII и XVIII вв. Торговля оружием, открытая или тайная, процветает. Становится все труднее обеспечивать верность аборигенных рекрутов. Вооруженный, беспокойный и изворотливый европеец, будь то британец, француз, испанец или итальянец, повсюду является объектом недовольства и заговоров.

В Марокко Испания вела бесконечную и разорительную войну с крепнущим повстанческим движением, оснащенным европейским и американским оружием. Эта война состояла из катастрофических поражений, отступлений и вывода войск, и постепенно власть над областью Риф захватил некий Абд аль-Крим. Тем временем французы удерживали Фее, распространяя и укрепляя свои владения к югу от рифских племен, избегая всякого сотрудничества с испанцами вплоть до 1925 г., когда Абд аль-Крим повернул против них свои орудия и винтовки, открыв перспективу затяжной и опасной

войны.

С французской стороны в борьбу были брошены сто двадцать тысяч человек. Действия французов в Марокко эхом отозвались на подмандатных территориях в Сирии. Против них поднялись друзья и нанесли им серьезные потери. Арабское население стало ненадежным и опасным. Угроза для Феса превратилась в угрозу для Дамаска. На юге арабы-ваххабиты смогли вынудить пользовавшегося британской поддержкой короля Хиджаза к отречению от престола и эмиграции (1923). Они захватили Мекку и медленно распространили свою власть на всю выделенную

территорию. В Египте беспорядки происходили почти непрерывно, и египтяне под властью британцев были, словно кипящее молоко под крышкой кастрюли. Даже до пронизанного национализмом сознания французов и итальянцев дошло, что единственной возможностью сохранения европейского господства над мусульманским миром является открытое и честное сотрудничество всех заинтересованных европейских государств. Последние постепенно понимали, что дни, когда они могли разделять и властвовать в собственных сферах влияния и сеять раздор между своими соседями,

сочтены.

Постепенное осознание практической необходимости единства и объединенных действий во всем мире — наиболее значимая черта данного периода истории. Первым условием свободы и могущества является свободное общение идей. Ислам становится сильнее, потому что он смог развить внутри себя обмен идеями и общее сознание. И поэтому он переживает возрождение. Индусы, египтяне, турки и арабы — все они стали способны обсуждать европейский империализм и вырабатывать общее отношение к нему. А Европа опускается все ниже под

финансовым господством Америки и теряет свое влияние в Азии и Африке. Ее силы уходят на внутренние разногласия.

9

Шли годы, все больше отдаляя сознание людей от ударов и страстей мировой войны, и постепенно сошла на нет ментальная привычка, порожденная пропагандой и военной необходимостью, изображать немцев как исключительно злобную и чудовищную расу, стоящую особняком от остального человечества. Люди практичные

начали понимать невозможность любого общего решения проблем европейских государств без полного участия в этом процессе тех, кто продолжал оставаться одним из наиболее образованных и рационально мыслящих народов в мире.

А проблемы эти с каждым днем меняли свой характер и форму. Иллюзии расового превосходства, традиции национальной вражды, патриотизма и местечковых страстей блекли перед лицом более насущных интересов. Европейцы начали осознавать, что их дела являются — неожиданным и озадачивающим образом — сплетенными в

удивительную сеть их собственного изготовления, из которой у них нет сил выбраться, что их ежедневная жизнь страдает и изнывает в сплетении долгов, налогов и монетарных изменений.

Характерная трудность современной ситуации заключается в том, что, хотя экономические взаимоотношения и связи уже давно пересекли границы существующих государств, хотя основные товары и рабочая сила могут в массовом порядке перемещаться почти из любой части мира в другую — чего ранее никогда не было, за исключением поставок продовольствия в имперский Рим, —

люди все еще продолжают цепляться за мелкие политические разногласия, за изолированные суверенные государства, часто образованные вопреки реальным обстоятельствам.

Иллюзия национального суверенитета, с сопутствующим ей фанатизмом «за Бога, короля и отечество» и подобными вещами, является самой опасной из всех ныне существующих иллюзий в мире. Каждое государство должно иметь право выпускать собственные деньги, контролировать собственный кредит, мешать прохождению транспорта через свою территорию и устанавливать таможенные барьеры на пути торгового потока.

Каждое государство должно залезать в собственные долги и оставаться несговорчивым, враждебным и вооруженным по отношению к своим, таким похожим на него, соседям. Каждое государство должно иметь собственную систему образования, преподавать избирательную и лживую историю, постепенно внушая ядовитое национальное тщеславие и ядовитую враждебность к иностранцам каждому новому поколению.

Последствие для Европы этого врожденного проклятия нефедерализованных суверенных государств заключалось в том, что, когда процесс экономической

дезориентации и истощения, начавшийся во Франции после Французской революции, снова повторился в Европе в гораздо больших масштабах после мировой войны, он был крайне осложнен сплетением международных проблем.

Каждая страна опустилась до состояния нищеты, однако каждая страна выставляла другим странам фантастические счета за государственную помощь в годы войны, когда они были союзниками, а побежденным были навязаны чудовищные долговые обязательства. Соединенные Штаты лишь на последней стадии войны стали

противником Германии и пострадали меньше, чем любое вовлеченное в войну европейское государство, однако американское военное снаряжение поставлялось во время войны всем союзникам Соединенных Штатов по завышенным ценам, и теперь Европа была в огромном долгу перед Америкой.

Откровенный отказ от погашения большей части этих военных долгов и претензий разрядил бы атмосферу во всем мире, но в Европе такая смелость и откровенность были бы под силу лишь мощному федеральному правительству. В Европе же не было федерального правительства, не было

политиков мирового масштаба, не было широко мысливших лидеров, а были лишь узколобые, зацикленные на локальных интересах короли, государственные деятели, политики, разбогатевшие на таможенных ограничениях дельцы, газеты с кругозором, который исчерпывался их языком и регионом распространения, находившиеся на содержании государства учителя и национальные университеты, а также группы «патриотических» финансистов. Их пугала сама мысль о более широкой системе, которая уничтожит те многочисленные личные выгоды, которыми они пользовались за счет европейского

сообщества. Им не нужна была единая Европа; они и слышать о ней не хотели; они скорее согласились бы увидеть Европу мертвой, чем денационализированной. С таким же успехом можно было ожидать отказа мух от навозной кучи.

Так вся Европа к западу от России вошла в политическую фазу ростовщичества; сознание общественности было поглощено схемами выплат этих фантастических военных долгов, причем каждое суверенное государство следовало собственным планам в финансовой сфере. Многие люди катастрофически обнищали, многие — фантастически

разбогатели на спекуляциях; казалось, что умнее поступает тот, кто тратит деньги, а не накапливает их. И хотя со строительством домов для простых людей как-то не сложилось, не было преград для строительства и отделки роскошных отелей. Никогда в Европе так много не танцевали, никогда с таким упорством не занимались спортом и не предавались удовольствиям. Лицо Европы покраснело от изнурительной лихорадки.

Монетарный крах произошел сначала в России. Там ему всячески содействовало правительство коммунистов. Рубли печатались без сдерживания, курс упал, а цены

выросли настолько, что одно яйцо или яблоко стоило 10 000 рублей, и у крестьянина не было стимула копить деньги и работать для этого. Те коммунисты, которые придерживались более жесткой линии, предлагали запретить всякую свободную торговлю. Предполагалось, что деньги утратят свою ценность, а работа граждан будет вознаграждаться периодически выдаваемыми карточками, не имевшими свободы обращения, но с отрывными купонами на еду, одежду, книги, поездки и т. д.

Но уже в 1921 г. правительство большевиков убедилось в необходимости возврата к той

экономической гибкости, которую могли обеспечить только деньги, и появилась новая рублевая валюта, в которой один новый рубль равнялся 10 000 старых. В 1923 г. ее заменил червонец, золотой рубль, равный по стоимости довоенному царскому рублю. Все это означало неспособность большевистской экономической системы отойти от комплекса методов, взаимообменов и долгов Западу. Денежная проблема мира — едина, и решить ее можно лишь как всемирную проблему.

На запад от России не делалось попыток вообще отказаться от использования денег, но каждая страна в той или иной степени

пострадала от инфляции. Денежный опыт Германии был экстремальным, в нем общий процесс обрел свою законченную форму. Будучи не в состоянии собрать с помощью налогообложения достаточное количество денег для выполнения своих международных обязательств и удовлетворения внутренних потребностей, правительство прибегло к помощи печатного станка. По мере роста в обращении количества марок, возрастали расходы на управление денежной массой и цена иностранной валюты, необходимой для репарационных выплат, и это влекло за собой дальнейшее использование печатного

станка. В январе 1923 г. доллар, который номинально стоил пять золотых марок, подскочил до 7260. Затем произошел быстрый обвал. В феврале он уже стоил 21 210 бумажных марок. В июле он миновал миллионную отметку. К концу года доллар стоил четыре миллиарда бумажных марок.

Социальный эффект этого фантастического превращения надежных денег в бесполезную бумагу был потрясающим. Целый класс людей, живших на капиталовложения с фиксированной процентной ставкой, пенсионеры, вдовы и сироты с годовым содержанием и т. д. были ввергнуты в

нищету и вынуждены перебиваться с хлеба на воду; прекратилась всякая научная, литературная и образовательная деятельность, зависевшая от пожертвований. Чиновники, учителя, специалисты и другие люди, жившие на фиксированную зарплату или фиксированные гонорары, не смогли добиться увеличения оплаты своего труда пропорционально росту цен. Фактически произошло нечто вроде экономического убийства малоимущих образованных людей. Аренда исчезла, а цены на каждый предмет первой необходимости подскочили до фантастических высот.

С другой стороны, каждый должник по закладной и каждая частная компания получили возможность выплатить свои долги обесценившейся бумагой, а внутренний правительственный долг и муниципальные займы испарились. На некоторое время экспортный бизнес получил лихорадочный стимул. Для предотвращения вывоза всего ценного из страны понадобилось введение строгих проверок. Однако ввоз продовольствия и сырья упал до нуля, а занятость, после первоначального скачка, быстро снизилась. В городах продовольствие стало дефицитом, потому что крестьяне, убедившись в

бесполезности денег, стали заниматься только товарообменом. Голод, подавленность и отчаяние стали уделом массы людей из средних классов и малоимущих, имевших некоторые сбережения. Резко возросло число самоубийств. Рождаемость упала на 15 процентов по сравнению с предыдущим годом. Детская смертность возросла на 21 процент.

Повсюду вспыхивали политические волнения, возникали реакционные и мятежные движения. Пожалуй, никакой другой народ, кроме организованных, образованных и дисциплинированных немцев, не

смог бы пережить такую катастрофу. Правительство ввело новую валюту — рентенмарку, обеспеченную всеми активами в стране, и прекратило печатание старых марок. Одна рентенмарка стоила миллиард старых бумажных марок. За счет сурового ограничения на увеличение денежной массы рентенмарка постепенно укрепилась, и Германия смогла возвратиться к своей прежней привязке к золотому стандарту. В 1925 г. на смену рентенмарке пришла золотая рейхсмарка, имевшая такую же стоимость, и рентенмарки были постепенно изъяты из обращения.

В нескольких странах, например в Австрии и Польше, история с

деньгами была почти такой же трагической, как и в Германии. Обе страны после кризиса постепенно пришли к своим нынешним новым модифицированным валютам.

Австрийцы приняли новую расчетную денежную единицу — шиллинг, поляки — злотый; обе денежные единицы имеют золотое обеспечение. Такие страны, как Чехословакия, Греция и Финляндия, тоже прошли через инфляцию, однако она была умеренной, и эти страны сохранили свои прежние денежные единицы на более-менее стабильном уровне при одной пятой или одной шестой их прежнего золотого эквивалента.

В Италии, Франции и Бельгии уровень инфляции был еще более низким. Лира упала с 25 до 100 за фунт стерлингов ко времени прихода к власти Муссолини и, после периода сомнительной стабильности, продолжила медленное падение до 130 за фунт стерлингов, после чего она была подвергнута режиму суровых ограничений и «стабилизирована» на новом уровне, немногим более четверти своей первоначальной стоимости. Французский и бельгийский франк, а также испанская песета падали еще медленнее. Франк прошел отметку «сто за фунт» в 1925 г., а затем, после кризиса и паники, был

стабилизирован примерно на одной пятой своей довоенной покупательной способности.

Британский соверен отошел от своего золотого эквивалента, но никогда не падал ниже, чем на треть своей стоимости, а в 1924–1925 гг., после напряженных усилий, ограничений на кредит, деловую активность и после серьезного кризиса в сфере занятости, он был возвращен к своему первоначальному равенству с золотым долларом. Скандинавские страны, Голландия и Швейцария испытали относительно небольшие колебания своих валют.

Британии с трудом удалось вернуться на время к золотому

стандарту. Это не обеспечило идеальной валюты, однако, кажется, это — единственный возможный стандарт в мире, где деньги все еще находятся под контролем множества независимых государств. Пока не существует космополитического правительства, пока нет федерального всемирного правительства, способного взять под контроль эту сферу, было сочтено необходимым передать экономическое господство на земле металлу.

Металл — вещь неодушевленная; он не может реагировать на рост или уменьшение реального богатства; он заставляет

каждый новый вид производственной деятельности платить дань прибылям прошлого; однако он, по крайней мере, не способен обманывать и лгать, не несет в себе патриотических предрассудков.

Однако его можно пленить и лишить свободы. Выплаты огромных военных долгов Америке и Франции привели к скоплению большого количества золота в этих двух странах. Его накопилось столько, что фактическая стоимость золотой долларовой монеты оказалась ниже стоимости обычной купюры достоинством в «один золотой доллар». Возврат к золотому стандарту во времена, когда

производство товаров в общем опережало производство золота для выпуска металлических денег, пошел на пользу кредитору. Цены упали. Кредитор собрал больше, чем засеял, и деловая инициатива была подорвана.

Долги, навязанные Германии и Австрии версальскими победителями, были крайне тяжелы, и выплатить их было практически нереально. Но при каждом падении цен из-за накопления золота, падения его производства и увеличения выпуска продукции бремя этих долгов для европейского производителя становилось еще тяжелее. Он должен был увеличивать

производство, выпускать и продавать все больше и больше товаров и получать то же самое количество золота для платежей. Несмотря на все свои усилия, он обнаруживал, что его продажи падали. Высокие таможенные тарифы ограничивали с каждой стороны его торговлю. План Дауэса (1924 г.) и план Юнга (1929 г.) представляли собой пересмотр европейских долгов и улучшение методов оплаты, вызванные постоянным смещением баланса в пользу кредитора. Облегчение, которое обеспечивал каждый из них, быстро исчезало в результате продолжавшейся дефляции.

К 1931 г. вся Европа в целом, и Германия с Австрией в особенности, были на грани полного экономического краха, а в июне того же года президент Гувер довольно своевременно предложил перерыв в выплате долгов на двенадцать месяцев. Говорили, что это предложение было связано в сознании президента с необходимостью политической и экономической стабилизации в Европе, однако отношение Франции к этому мораторию не позволило ему настаивать на более широком подходе к решению этих вопросов.

Франция была раздражена и обеспокоена спуском на воду в

Германии небольшого, но мощного военного корабля, что возродило все ее страхи по поводу германского реванша. Из-за возражений Франции против любого освобождения Германии от бремени долгов произошла определенная задержка с реализацией предложения президента Гувера, и облегчение пришло слишком поздно, будучи уже не в состоянии предотвратить целый ряд банковских катастроф в Германии и Австрии.

Лондон пытался оказать поддержку германскому кредиту с помощью краткосрочных займов, используя для этого заимствованные на небольшой срок французские

деньги. Крах в Германии обездвижил английские деньги в этой стране, и французские кредиторы начали изымать свои вклады в Лондоне. Это создало беспрецедентную нестабильность в финансовом положении Британии. В августе лейбористское правительство ушло в отставку, и было экстренно создано коалиционное правительство из представителей всех партий для «спасения фунта» и удержания его на уровне золотого стандарта. Мистер Макдональд, прежний лидер Лейбористской партии, остался на посту премьер-министра. Попытки спасти фунт продолжались в течение двадцати трех дней. Меры по

экономии средств включали резкое снижение пособий по безработице, расходов на содержание вооруженных сил империи, зарплат полицейским и учителям.

К сожалению, эти принесенные золотому стандарту жертвы не смогли восстановить доверие за рубежом. Протест военно-морского флота против снижения выплат на содержание личного состава был раздут на зарубежных фондовых биржах до размеров серьезного мятежа и краха Британии; поговаривали о возможности революции, поэтому ничего уже не могло сдержать поток изъятия золота из страны. В сентябре

Великобритания вынуждена была отказаться от золотого стандарта, к которому она так опрометчиво и поспешно вернулась в 1924–1925 гг. Стоимость фунта упала с отметки около пяти долларов до немногим ниже четырех.

Это все, что мы можем здесь рассказать о валютных падениях и колебаниях на протяжении послевоенного периода. Здесь же мы рассказали достаточно, чтобы продемонстрировать возрастающее неудобство для всего человечества этого разнобоя в денежной сфере, вызванного существованием множества независимых и соревнующихся друг с другом

суверенных правительств. В нашем рассказе об упадке и развале Римской империи мы уже упоминали о роли, которую сыграли долги в этом процессе распада. Посмотрим, насколько успешно наша современная цивилизация сможет предотвратить аналогичный процесс долгового удушения и экономического краха.

10

В конце двадцатых годов XX столетия возникли некоторые новые экономические трудности, которые озадачили и продолжают озадачивать

человечество. Они не были прямым результатом финансового национализма и последующего удушения кредитования и денег, о чем мы только что говорили, хотя и были этими явлениями чрезвычайно усилены. Но корни этих новых проблем лежат глубже. Они появились бы и в объединенном мире с самой что ни на есть космополитической системой бизнеса, только, может быть, в менее сложной и более управляемой форме. Они были свойственны и тем предпринимательским методам, которые породили богатство и социальный прогресс в XIX веке.

В XIX веке существовал

определенный баланс между производством и потреблением. Весь мир питался и одевался, как ему хотелось, и получал все остальное, что считалось необходимым и должным, благодаря вовлечению в процесс труда большой доли населения. В более развитых странах производство многих готовых товаров превышало внутреннюю потребительскую способность, однако такая ситуация уравнивалась экспортом излишков и импортом, в качестве обратного процесса, товаров, которые нельзя было получить иным путем.

Однако

прогресс

индустриального метода шел
быстрыми темпами;
производительность труда
непрерывно возрастала, а это
означало, что для выпуска одного и
того же объема продукции
требовалось все меньше и меньше
рабочих. Фабрика 1830 г.
представляла собой столпотворение
истекающих потом рабочих, гнувших
спину в условиях ужасной тесноты.
Им жилось плохо, но у них была
работа. Такая же фабрика в 1930 г.
представляла собой вереницу
гудящих станков, которые
внимательно и компетентно
обслуживались одним или двумя
хорошо оплачиваемыми

операторами. А где-то рядом — биржа труда с постоянно растущей очередью безработных. Происходят одновременные процессы роста производства и падения занятости. Промышленность постоянно увеличивает свою эффективность и оставляет людей без работы.

О природе этого процесса впервые начали догадываться в Великобритании благодаря точности британской промышленной статистики. В довоенные времена безработица обычно составляла около 5–7 процентов. Было установлено, что она выросла до 12–15 процентов. В 1927 г. в Англии было более миллиона безработных; к

1930 г. число безработных превысило два миллиона. Вскоре выяснилось, что Германия была в таком же положении. В 1930 г. в этой стране было три миллиона безработных, а в 1931 г. их количество превысило четыре миллиона. Во Франции несколько иной подход к социальной статистике, однако и там безработица незаметно возрастала и достигла, согласно заслуживающим доверия данным, не менее одного миллиона человек в 1930 г. Лихорадочное процветание Америки закончилось в 1929 г. лавиной продаж ценных бумаг, после чего последовали паника и экономический обвал. Согласно

оценкам, в 1930 г. число безработных в Америке колебалось между 4 и 8 миллионами человек.

Люди поняли, что события развиваются по замкнутому кругу. Рост деловой эффективности снижал занятость. Снижение занятости означало уменьшение объема зарплат; плату за труд получало меньшее количество людей. Это, в свою очередь, означало снижение покупательной способности со стороны общей массы населения, все большая часть которой переставала зарабатывать деньги. Всего было в избытке, а люди лишались возможности покупать и потреблять. Это приводило к накоплению

непроданных товаров и снижению спроса. Чем больше мир имел, тем меньше он потреблял. 1930 г. стал свидетелем того, что, с одной стороны, было слишком много пшеницы, слишком много железа и стали, слишком много меди и резины, а с другой — все большее количество людей было не в состоянии удовлетворить свои самые элементарные потребности.

Система производства ради получения прибыли зашла в тупик. Но именно эта система производства ради прибыли создала мир, в котором мы живем, снабдила нас представлениями о бизнесе и промышленном процессе, и пока что

мы не в состоянии предложить
какое-либо действительно
эффективное и удовлетворительное
решение той загадки, которую
поставила перед нами эта система.

Возможно, некий проблеск
надежды содержится во фразе,
которая сейчас овладевает умами.
Эта фраза — «массовое
потребление» или, иными словами,
«общественные расходы». Число
отдельных покупателей снижается,
но нет никаких причин,
препятствующих тому, чтобы в таких
сферах, как жилье, транспорт,
научные исследования, сельское
хозяйство, добывающая
промышленность, образование и

даже досуг общество в целом взяло на себя расходы и разработало методы найма свободной рабочей силы и покупки неиспользуемых материальных ресурсов. Возможно, мы скоро вступим в эпоху, которая создаст новый мир удивительной красоты.

11

До сих пор в нашем рассказе о перипетиях человечества нам удавалось увязывать великие перемены в человеческом опыте с теми семенами в поколениях людей, из которых они произросли, потому

что каждая перемена, уже произойдя, обнажала и свои корни, и свои семена. Однако оценка сил, результат которых проявится лишь в будущем, представляет собой проблему совершенно иного качества.

В нашем «Очерке» мы отразили длительный процесс борьбы между разумным новаторством и традицией. Мы были свидетелями того, как от Платона с его утопизмом, уверенного в способности человека изменить свое состояние, и Аристотеля, с его упором на верховенство разума и доказанного факта, до нынешней научной и созидательной деятельности человеческий ум

нащупывал путь к творческой свободе. А на пути этого прогресса всегда стояли силы инстинктивного консерватизма, привилегий и догматического авторитета. Да, всемирные политические, социальные и моральные идеи получили широкое развитие, но дадут ли они плоды? Маршируют армии, реют флаги, орут патриоты, Что такое национализм — приведение, которое вскоре исчезнет с первыми утренними петухами, или неизбывная деструктивная реальность, и единство человечества — не более чем мимолетное чаяние?

Однако научный и материальный прогресс

продолжается, особенно наука социальной психологии и анализа человеческого сознания. Возможно, для обеспечения дальнейшего поступательного движения человечества понадобится новое и более точное представление о человеческой воле и человеческом воображении, и на этом пути уже есть определенные успехи. Толпа — отсталая, но и мобильная. То немногое, что она усваивает, она быстро забывает.

Ее можно вливать в новые мехи, и она очень быстро примет форму новых институтов. Ее патриотизм, преданность, враждебность и даже ее наиболее страстно отстаиваемые

убеждения являются не более чем поверхностными явлениями. В настоящее время все средства и методы представления идей людям, доведения до них различных точек зрения и содействия четкому пониманию окружающего являются гораздо более эффективными, чем когда-либо ранее. Мы уже выходим из первой стадии примитивной демократии, концепция которой предполагала обращение к голосующим массам за идеями и инициативами. Мы все яснее начинаем понимать, что будущее конструируется в лабораториях и исследованиях; будущее уже не делается на улицах.

Господствующий сейчас в мире национализм подобен пьяному наглому хулигану, который верховодит в комнате и затыкает всем рты, пока его из этой комнаты не выкинут, после чего все будут удивляться, почему они терпели его раньше. Жестокость, с которой патриотизм подавлял и убивал в Италии, а также попытки проделать то же самое во Франции, Германии, Британии и Соединенных Штатах демонстрируют степень его страха перед окончательным решением вопроса.

Новые силы, космополитические концепции, которые когда-нибудь воцарятся на

земле, противодействуют этой вселенской неразберихе своей неизбежной нелояльностью притязаниям каждого действующего правительства. Те, кто увлечены идеей объединенного человечества, должны либо устраниться от политической жизни, и этим обречь себя на тщетность, либо войти в законодательные структуры и принести клятву верности, осознанно стремясь к подчинению себе системы, которой они пообещали служить, и настойчиво работая на реализацию общего плана. Но правительства и законодательные органы являются будто специально созданными для

конфликта и выражения
националистических чувств, и
попадающие в них люди с самыми
благородными намерениями вскоре
оказываются во власти ограничений,
обусловленных их конкретным
положением.

Частным компаниям и
финансовым организациям гораздо
легче преодолеть границы государств
и империй, чем политикам. Союз
банкиров возвращает мир к
интернационализму золотого
стандарта, а большие транспортные
и торговые компании дают надежду
на освобождение мирового
производства от удушающей хватки
таможенных тарифов.

Однако конфликт между нацией и человечеством, между обществом-крепостью и открытым обществом не всегда и не во всем будет конфликтом между разными типами людей. Скорее, это будет конфликт внутри их сознания. Новые представления о человеческих возможностях проникают повсюду, становясь достоянием каждого. Сегодня король может быть исполнен чувства собственной важности и мыслей о правах своей династии, а завтра он может почувствовать себя идиотом в своей униформе и среди своих церемоний.

Сейчас деловой человек может интриговать, упорствовать, загонять

соперника в угол, изо всех сил стараясь его превзойти, а сегодня ночью он может проснуться с мыслью о том, действительно ли он наилучшим образом тратит свой короткий промежуток времени между двумя вечностями. Глубоко в человеческой совести живет страх собственной бесплодности. Каждый человек время от времени спрашивает себя: «Что я делаю со своей жизнью?» Только по мере раскрытия будущего мы сможем оценить степень и глубину этого всеобщего проникновения нового мировосприятия в умы и сердца людей.

Наш «Очерк» отслеживал непрерывный рост социально-политических единиц, в которые объединились люди. За короткий исторический период в десять тысяч лет эти единицы выросли от небольшого родового племени ранней неолитической культуры до обширных объединенных государств современности — обширных и все же слишком маленьких и неполных. И эти изменения размера государства, изменения явно незавершенные, сопровождались глубокими изменениями в самой его природе. Принуждение и покорность

уступили место идеям свободы объединений, а власть, когда-то сконцентрированная у деспотического богоподобного короля, широко рассредоточилась по всему обществу.

Пока Римская республика не расширилась на всю Италию, не существовало свободного общества большего, чем город-государство; все большие общества были обществами, подчинявшимися монарху. Объединенная республика Соединенных Штатов была бы невозможна до появления печатного станка и железной дороги. Телеграф и телефон, самолет, непрерывный прогресс сухопутного и морского

транспорта действительно требуют более крупной политической организации.

Если наш «Очерк» исторически точен и эти краткие выводы правильны, это означает, что мы участвуем сейчас в выполнении огромной задачи по настраиванию самих себя на новый и более масштабный лад, и эта настройка является общей характеристикой состояния дел в мире. Наши войны, наши социальные конфликты, наши экономические кризисы — все это аспекты подобной трансформации. Сегодняшние лояльность и клятвы в лучшем случае являются временными. Нашим истинным

государством, государством, которое лишь нарождается, которому каждый человек должен отдать максимум политических усилий, должно стать Федеральное Мировое Государство, к появлению которого взывают нужды человечества. Наш истинный Бог — это Бог всех людей. Обожествленный национализм должен, подобно племенным божествам, кануть в забвение. Наша истинная национальность — человечество.

Насколько глубоко современные люди смогут уяснить эту необходимость и отождествить себя с ней, взяться за пересмотр прежних убеждений, переделку своих институтов, подготовку

подростающих поколений к этому окончательному расширению гражданства? И насколько глубоко они останутся темными, отсталыми, костными, традиционными и будут противостоять сходящимся силам, которые предлагают им либо единение, либо нищету? Рано или поздно единство наступит, иначе люди просто исчезнут из-за собственных изобретений. Нам, поскольку мы верим в силу здравого смысла и рост доброй воли в людях, придется отбросить эту альтернативу. Но путь к единству может оказаться очень длинным и скучным, трагическим и изнурительным; это может быть либо мученичество для

многих поколений, либо быстрый переход в течение одного-двух поколений.

Это зависит от сил, природу которых мы уже в некоторой степени понимаем, но еще ничего не знаем об их интенсивности. Необходимо провести большую образовательную работу через обучение определенным правилам, распространение информации и опыта, но мы еще ничего не знаем об объеме этой работы по образованию, чтобы сделать выводы относительно тех усилий и времени, которые для нее потребуются. Эта оценка зависит от нашего настроения; это время может длиться намного дольше, чем будут

жить наши надежды, и закончится гораздо раньше, чем исчезнут наши страхи.

Ужасающий опыт мировой войны очень многих людей заставил с исключительной серьезностью относиться к политическим делам, которые прежде они воспринимали без должной серьезности. Для некоторого небольшого количества мужчин и женщин уже само достижение мира во всем мире стало главнейшим делом жизни, превратилось в факт, достойный религиозного служения. Для гораздо большего числа людей это наконец стало руководящим мотивом.

Многие из них ищут способы

посвятить себя работе ради этой великой цели или уже работают — пером или убеждением — в школах, колледжах и на страницах книг, на тех главных и второстепенных дорогах, по которым движется жизнь общества. Возможно, сейчас большинство людей в мире настроены благожелательно к такой деятельности, но каким-то противоречивым образом: у них отсутствует какое-либо четкое понимание того, что именно нужно делать и что именно следует предотвратить, а также понимание необходимости развивать человеческую солидарность, Всемирный всплеск надежды на

президента Вильсона и веры в него, пока он не начал падать духом и подводить нас, был очень важным знаком для будущего всего человечества.

Мотивам единства противостоят другие, совершенно противоположные мотивы: страх и ненависть к незнакомым явлениям и людям, любовь и доверие к вещам старым и традиционным, патриотизм, расовые предрассудки, подозрительность, недоверчивость — и элементы злобы, подлости и крайнего эгоизма, которые все еще сильны в душе каждого человека.

Господствующими мотивами, которые до недавнего времени

боролись и в душе индивидуума, и в обществе в целом и побеждали злые, низкие и эгоистические импульсы, отчуждающие нас друг от друга, были мотивы религиозные и образовательные.

Религия и образование, эти два взаимодополняющих фактора влияния, сделали возможным появление более крупных человеческих сообществ, рост которых мы проследили в нашем «Очерке». Они были основными объединяющими силами на протяжении всей великой истории возрастания сотрудничества между людьми, которую мы исследовали от самых ее истоков.

В интеллектуальных и теологических конфликтах XIX века мы нашли объяснение этого странного и курьезного отделения религиозного обучения от формального образования, которое является отличительной чертой нашей эпохи, и мы установили последствия этого периода религиозных споров и сомнений в виде возврата международной политики к грубому национализму, а промышленной и деловой жизни — к откровенной, эгоистичной и бездумной погоне за прибылью. Древнее сдерживающее начало исчезло — и произошла настоящая децивилизация человеческого

сознания.

Хотелось бы высказать настойчивое предположение, что этот отход религиозного учения от организованного образовательного процесса неизбежно будет явлением временным, мимолетным нарушением; что образование вскоре снова должно стать по своему духу и направлению религиозным; что импульс полной самоотдачи, служения всеобщему благу и абсолютного самоотречения и отказа от собственных эгоистических интересов, который был основной движущей силой всех великих религий на протяжении последних двадцати пяти столетий, — импульс,

который заметно ослаб в последние семьдесят или восемьдесят лет процветания, изнеженности, утраты иллюзий и скептицизма, — возникнет снова, четкий и ясный, в качестве общепризнанного основополагающего импульса в человеческом обществе.

Образование — это подготовка человеческого индивидуума к жизни в обществе, а его религиозное воспитание является стержнем этой подготовки. При таких великих интеллектуальных сдвигах и масштабных изменениях, которые имели место в XIX веке, путаница и кризис в образовании и утрата его цели были неизбежными. Мы теряем

ВОЗМОЖНОСТЬ ГОТОВИТЬ ИНДИВИДУУМА
К ЖИЗНИ В ОБЩЕСТВЕ, ЕСЛИ НАШИ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О САМОМ ОБЩЕСТВЕ
РАЗРУШЕНЫ И НАХОДЯТСЯ В ПРОЦЕССЕ
ПЕРЕСТРОЙКИ.

Прежние убеждения, прежние,
слишком узкие и ограниченные
политические и социальные
воззрения, прежние, чересчур
сложные религиозные формулы
утратили силу своей убедительности,
в то время как более значительные
идеи всемирного государства и
экономического содружества очень
медленно и очень непросто
прокладывали свой путь к сознанию
людей.

Пока что они являются

достоянием лишь меньшинства
исключительных людей. Но из бед и
трагедий нашего времени, из
ожидающих нас неопределенностей
может возникнуть нравственное и
интеллектуальное возрождение,
возрождение религиозное, своей
простотой и своим размахом
способное собрать воедино людей
чуждых рас и пока разделенных
традиций и обеспечить общий для
всех и надежный образ жизни во
благо всего человечества.

Мы не можем предсказать
масштаб и силу такого возрождения;
мы даже не можем представить
доказательства того, что оно уже
началось. Истоки подобных явлений

никогда не лежат на поверхности. Великие изменения в сознании народов происходят сначала подобно тому, как украдкой движется «вор в ночи», а потом неожиданно предстают в виде могучих движений всемирного масштаба. Религиозное чувство — избавленное от искажений и освобожденное от интриг духовенства — может вскоре ураганом ворваться в личную жизнь людей, настежь распахивая ее двери и ставни, делая возможным и легким многое из того, что в наши изможденные дни люди уже не имеют сил желать.

Если, после внушительных уроков истории, мы предположим

наличие в людях добродетели и ума, достаточных для того, чтобы произвести действенную волю ко всеобщему миру, — то есть действенную волю ко всемирному закону под руководством всемирного правительства, ибо никаким иным способом этот всеобщий мир нельзя обеспечить, — то как тогда будут развиваться события в этом направлении?

Это движение, разумеется, не будет одним и тем же во всех странах. Оно не будет также иметь одинаковые формы выражения. В одном месте оно встретит атмосферу понимания и содействия, в другом — противодействие глубоко

укоренившихся традиций, расовой нетерпимости или хорошо организованной низменной оппозиции. В некоторых случаях те, кто услышал зов нового порядка, будут жить в условиях, созревших для деятельности ради великого политического объединения, в других же — им придется бороться, как заговорщикам, против господства порочных законов.

В политическом устройстве таких стран, как Соединенные Штаты или Швейцария, мало препятствий для объединения на принципах открытого и честного равенства с другими, такими же цивилизованными конфедерациями.

Но политические системы, подразумевающие наличие зависимых территорий и «покоренных народов» — как, например, Османская империя перед мировой войной — требуют, как представляется, некоего предварительного демонтажа, прежде чем их можно будет интегрировать во всемирную федеральную систему. Любое государство, находящееся во власти традиций и упорно практикующее агрессивную зарубежную политику, будет трудно вовлечь во всемирное объединение.

И хотя в одном случае правительство может пойти на

сотрудничество, а в другом — оказаться дремучим и враждебным, основная задача людей доброй воли во всех странах и государствах будет одинаковой. Задача эта — образовательная, и ее сутью является повсеместное донесение до сознания людей нового прочтения и толкования — приемлемого для всех толкования — истории как необходимого фундамента для всемирного сотрудничества.

Содержала ли та Лига Наций, которая была образована соглашением 1919 г., хотя бы зародыш прочного объединения усилий человечества? Готовы ли люди самоотверженно работать, а

если придется — то и воевать ради нее, как прежде они были готовы воевать за свою страну и свой народ? В настоящее время мало что указывает на существование такого энтузиазма в отношении Лиге Наций. Похоже на то, что Лига не знает даже, как говорить с простыми людьми. Она спряталась в официальные здания, и относительно немногие люди в мире имеют представление или беспокоятся о том, что происходит внутри этих зданий. А может, Лига — это всего лишь первый проект объединения, показательный только своими недостатками и опасностями, которому суждено

уступить место чему-то более единому и законченному.

В настоящее время Лига является частичным объединением правительств и государств. Она делает упор на национальности; она преклоняется перед суверенитетом. Миру нужна совсем не такая лига наций и даже не обычное объединение народов, миру нужна всемирная лига людей. Мир исчезнет, если суверенитеты не подвергнутся слиянию, а национальность не будет поставлена в подчиненное положение. И первым делом к этому необходимо подготовить сознание людей с помощью опыта, знаний и

размышлений. Важнейшей задачей, стоящей перед человечеством в настоящее время, является политическое образование.

Мы не станем здесь пытаться установить, какую долю в перестройке и консолидации человеческих отношений будет занимать учение и пропаганда интернационализма трудящихся, изучение международных финансов, проблемы большого бизнеса или какую роль будут играть такие разрушительные для границ силы, как наука, искусство и историческая информация. Все это может оказать комбинированное воздействие, в котором невозможно точно

распределить заранее долю участия.

Оппозиция может распасться, антагонистические культы — уступить под натиском общечеловеческой культуры, причем почти незаметно. Смелый идеализм сегодняшнего дня завтра может оказаться обычным здравым смыслом. А проблема предвидения усложняется возможностями пауз и застоя. История никогда не двигалась только вперед. В частности, послевоенные годы были годами явного движения вспять; люди слишком устали, чтобы понимать, что произошло, что исчезло и что стало возможным.

Представляется, что одними из

факторов, которые в настоящее время интенсивно содействуют адекватному всемирному контролю, являются следующие:

1) Возрастающая разрушительность и недопустимость войны, ведущейся с помощью новейших достижений науки.

2) Неизбежное слияние мировых экономических процессов в одну систему, что необходимо приводит к общему контролю валют и, в той или иной степени, требует безопасного и непрерывного сообщения и свободного перемещения товаров и рабочих по морю и суше во всем мире. Удовлетворение этих нужд потребует наличия всемирного

федерального контроля, обладающего весьма значительной властью и полномочиями для проведения в жизнь своих решений.

3) Необходимость повсеместного введения действенного здравоохранения, обусловленная возросшей мобильностью населения.

4) Настоятельная необходимость выравнивания условий труда и обеспечения минимального уровня жизни во всем мире. Представляется, что это повлечет за собой, как неизбежный результат, необходимость обеспечения минимального образовательного уровня для всех. Это также

подразумевает постепенное, но не слишком медленное, устранение соревновательного мотива из экономической жизни посредством организации во всемирном масштабе производства для потребления, а не для извлечения прибыли.

5) Невозможность развития огромных преимуществ авиации без всемирного контроля авиалиний.

Необходимость и логика этих таких разных соображений неотвратимо ведут разум, несмотря на столкновения рас и традиций и огромные трудности, создаваемые языковыми различиями, к убеждению, что осознанная борьба за установление или предотвращение

всемирного политического единства будет следующим этапом в истории человечества.

Необходимость создания всемирного общества диктуется насущными потребностями. Та или иная из этих потребностей касается почти каждого человека, и их непрерывному проявлению противостоят вполне устранимые трудности — несомненно серьезные, но устранимые — предрассудки, страсти, вражда, расовая и национальная предвзятость, эгоизм и тому подобные переменчивые и эфемерные вещи, внедренные в человеческое сознание воспитанием и внушением. Ни одна из них не

способствует благосостоянию и выживанию находящихся под их влиянием людей или государств, городов и объединений, в которых они преобладают.

14

Созданию всемирного государства могут сегодня способствовать или противодействовать многие реальные и мощные силы; но к построению такого государства подталкивает сила гораздо более мощная, чем все остальные, — растущая сила интеллекта человечества.

В настоящее время в мире существует небольшое, но возрастающее количество людей — историков, археологов, этнологов, экономистов, социологов, психологов, педагогов и т. д., — которые делают для общественных институтов ту же работу творческого анализа, которую выполняли ученые XVII и XVIII веков в области материалов и механизмов, полезных в жизни человека, создав телеграфию, средства быстрого перемещения по морю, суше и воздуху и сделав, таким образом, возможными тысячи ранее невозможных вещей, а также обеспечив своим последователям

возможность — о чем сами они вряд ли подозревали — выяснить то, что и как нужно делать, чтобы удовлетворить насущные потребности человечества.

Давайте уподобимся Роджеру Бэкону в его пророческом настрое и определим, что, по нашему мнению, станет общими основоположениями грядущего всемирного государства.

Это государство будет зиждиться на единой мировой религии, значительно упрощенной, обобщенной и более доступной для понимания. Это будет не христианство, не ислам, не буддизм, не какая-то особая форма религии, но религия в своей сути, чистая и

неискаженная — Восьмеричный
Путь, Царство Небесное, братство
людей, творческое служение,
самоотречение. Повсюду в мире
человеческие мысли и мотивы будут,
посредством образования, опыта и
циркуляции идей, отвращены от
поглощенности собственным эго и
направлены на радостное служение
человеческому знанию, могуществу и
человеческому единству.

Это всемирное государство
будет основываться на всеобщем
образовании, масштаб организации,
проникновение и качество которого
превзойдут весь предыдущий опыт.
Образование получит все
человечество, а не только отдельные

классы и народы. Большинство родителей будут владеть технологией обучения. Помимо родительских обязанностей, десятая или даже большая часть взрослого населения будет, в какой-то период своей жизни, сотрудниками всемирной образовательной организации. И процесс образования, в соответствии с будущими потребностями, будет продолжаться всю жизнь; он не прекратится в каком-то определенном возрасте. Просто с возрастом мужчины и женщины будут заниматься самообразованием и становиться индивидуальными учащимися и учителями друг друга.

Не будет ни армий, ни военных

флотов, ни безработных, как имущих, так и неимущих.

Организация научных исследований и статистики в будущем всемирном государстве будет, по сравнению с днем сегодняшним, как океанский лайнер рядом с ископаемым каноэ какого-нибудь путешественника раннего неолита.

Будет существовать обширная и свободная критическая и дискуссионная литература.

Всемирная политическая организация будет демократической; иными словами, государственное управление и способ ведения дел будут находиться в

непосредственном контакте с общим направлением мысли всего образованного населения и быстро реагировать на его запросы.

Экономическая организация будущего всемирного государства будет заключаться в использовании для общего блага всех естественных ресурсов и новейших научных достижений посредством органов и чиновников единого правительства. Частный предприниматель станет слугой общества — полезным, уважаемым и хорошо оплачиваемым слугой — и больше не будет хозяином-грабителем общества. Все больше и больше производство будет нацеливаться на всеобщее

потребление, а не на извлечение прибыли.

Все это подразумевает наличие двух условий, которые в настоящее время, как представляется, обеспечить очень трудно. Это касается механизма осуществления данной задачи, однако эти условия так же важны для всемирного благополучия, как важно для солдата, каким бы храбрым он ни был, чтобы его автомат не давал осечек, а для пилота — чтобы в воздухе его не подвел штурвал. Политическое благополучие требует использования электоральных методов, а благополучие экономическое требует использования кредита и денег,

огражденных или защищенных от манипуляций и проделок умных и нечестных людей.

15

Вряд ли вызывает сомнение то, что создание всемирной федерации человечества, вместе с достаточной степенью социальной справедливости, обеспечением здравоохранения, а также примерно равных возможностей для всех рождающихся в мире детей, будет означать столь значительное высвобождение и рост энергии человечества, что можно будет

говорить о начале новой исторической эпохи.

Прекратится растрачивание огромного количества ресурсов, вызванное военными приготовлениями и взаимной подозрительностью конкурирующих мировых держав; прекратятся также еще большие потери, обусловленные недостаточной занятостью огромных масс населения, порожденной либо чрезмерным богатством, лишаящим людей стимула к работе, либо крайней бедностью, исключающей возможность эффективного труда.

Произойдет значительный рост удовлетворения человеческих потребностей и уровня жизни;

изменится само понятие потребности; значительное развитие получают транспорт и различные удобства; множество людей переместятся из сферы неквалифицированного труда в более высокую область человеческой деятельности — область всевозможных искусств, обучения, научных исследований и т. п. По всему миру будет происходить высвобождение человеческого потенциала, которое ранее могло происходить лишь в ограниченных пространствах и в драгоценные краткие периоды процветания и безопасности.

Если вспомнить бывшие в

прошлом всплески
сверхчеловеческих возможностей,
есть все основания предполагать, что
Афины Перикла, Флоренция Медичи,
Англия Елизаветы, великие
свершения Ашоки, расцвет искусства
при династиях Тан и Мин — лишь
образцы того, что непрерывно и во
все больших количествах может
давать мир в условиях надежной
безопасности. История оправдает эти
ожидания, даже если произойдет не
изменение природы человека, а всего
лишь его освобождение от
сегодняшней системы
беспорядочного растрачивания
ресурсов.

Мы уже видели, как после

освобождения человеческой мысли в XV и XVI веках относительно небольшое количество любознательных и умных людей, в основном в Западной Европе, сформировали представление о мире и обеспечили массив научных знаний, которые сейчас — с материальной стороны — революционизируют нашу жизнь.

По большей части, эти люди работали в условиях крайне неблагоприятных, при недостатке средств и с незначительной помощью со стороны остального человечества. Невозможно поверить, что эти люди представляли собой весь возможный интеллектуальный

урожай своего поколения.

В одной лишь Англии за последние три столетия наверняка появились десятки Ньютонов, которые так и не научились читать, сотни Дальтонов, Дарвинов и Хаксли, которые умерли в лачугах, не дожив до зрелого возраста или так и не получив шанса доказать свои способности.

Во всем мире наверняка были мириады потенциальных первоклассных исследователей, талантливых художников, людей творческих, которым так и не удалось поймать проблеск вдохновения или момент удачи, чтобы оставить в этом мире свой

след.

Во время мировой войны в окопах одного лишь Западного фронта погибли тысячи потенциальных выдающихся людей, так и не успев проявить себя. Но мир с прочной международной безопасностью и с той или иной формой социальной справедливости будет выуживать таланты мелкой сетью всеобщего образования и получит улов, неизмеримо больший, чем то количество способных и талантливых людей, которые проявили себя в прежние времена.

Именно подобные соображения оправдывают сосредоточение усилий в ближайшем будущем на создании

из сегодняшней путаницы нового и справедливого всемирного государства. Война — вещь страшная. С каждым днем она становится все страшнее и ужаснее, и однажды — если ей не положить конец — она может положить конец человечеству.

Социальная несправедливость и вид порождаемых ею недоразвитых и ограниченных человеческих существ терзают душу, но самый сильный импульс к созидательной политической и социальной деятельности для наделенной воображением личности заключается не столько в надежде избежать эти пороки, сколько в тех великих

возможностях, которое обеспечит человечеству их устранение.

Мы уже обращали особое внимание на повсеместное устранение тяжелого физического труда из жизни человека посредством создания новой породы рабов — машин. Это обстоятельство, а также исчезновение войн и сглаживание бесконечных ограничений и разногласий с помощью более справедливого социально-экономического порядка снимет с плеч наших детей бремя изнуряющего труда и отупляющей рутинной работы, которые со времени возникновения первых цивилизаций были ценой, которую

человечество платило за свое благополучие и безопасность.

Но это не означает, что люди прекратят работать, они прекратят выполнять надоедливую принудительную работу и станут трудиться свободно, осмысленно, активно и творчески в соответствии со своими талантами и наклонностями.

Они уже не будут воевать с природой, как отупленные призывники кирки и плуга; это будет завоевание величественное и прекрасное. Лишь бездушие нашего сегодняшнего кризиса мешает нам видеть ясные и четкие подтверждения нашей убежденности

В том, что через несколько поколений каждый маленький провинциальный городок может превратиться в Афины, каждый человек может стать благовоспитанным и здоровым душой и телом, вся твердь земная — его сокровищницей, а самые отдаленные регионы — его игровой площадкой.

В этом «Очерке» мы стремились продемонстрировать взаимодействие двух великих систем развития в истории человеческого общества. Мы видели, как некая культура позднего неолита положила начало великим первоначальным цивилизациям в регионах мира с наносной почвой;

эти первоначальные цивилизации оказались продуктивными системами подчинения и послушания и во множестве плодили предприимчивых и услужливых людей. Мы показали неизбежную связь этих ранних цивилизаций с первыми храмами, царями-богами и богами-царями.

Одновременно мы проследили от более простого неолитического уровня развитие странствующих народов, которые стали народами кочевыми, объединившимися в большие группы нордических ариев и гунно-монгольских народов на северо-западе и северо-востоке, а также семитов — в арабских

пустынях. Наш исторический очерк поведал о постоянно повторявшихся, дававших приток свежей крови набегам, которым подвергались первоначальные цивилизации со стороны этих более закаленных, смелых и свободных духом народов степей и пустынь.

Мы уже указывали, что эти регулярные кочевые «инъекции» постепенно изменяли эти цивилизации как по крови, так и по духу; что нынешние мировые религии, так называемая демократия, смелость современных научных исследований и всеобщая тяга к активности — это плоды «номадизации» цивилизаций.

Древние цивилизации создали традицию и согласно этой традиции жили. Сегодня сила традиции уничтожена. Оболочкой нашего государства все еще является цивилизация, однако дух его — это дух мира кочевников. Это — дух бескрайних равнин и открытых морей.

Поэтому трудно противостоять убежденности в том, что, как только на земле станет править единый закон и непреодолимость границ перестанет угнетать нас, беспокойство нашей натуры, которое срывает нас с места весной и осенью, отправляя в путешествия, снова завладеет нами. Мы будем

повиноваться пульсирующему в наших венах зову летних и зимних пастбищ, зову гор, пустынь и морей. Для тех из нас, кто имеет иные корни, это будет зов леса; кто-то будет охотиться летом и возвращаться в поля к плугу ради урожая. Но это не значит, что люди станут бездомными.

Обычная кочевая жизнь не бездомна, она — передвижение от одного дома к другому. Сегодняшние монголы, как и ласточки, преодолевают тысячи миль от одного дома к другому. Нам представляется, что прекрасные и удобные города грядущей эпохи будут иметь свои периоды, когда они будут полны жизни, и периоды, когда они будут

выглядеть спящими. Жизнь будет двигаться в соответствии с сезонами, словно прилив и отлив, из одного региона в другой по мере возрастания или уменьшения интереса к этому региону.

В этом лучше организованном мире будет немного тяжелой и нудной работы. Энергия природы, запряженная в машины, будет выполнять тяжелую и нудную работу за всех. Та же тяжелая и скучная работа, без которой нельзя будет обойтись, будет выполняться каждым человеком как служба и повинность в течение нескольких лет или месяцев, а представители тяжелого труда, а также многие другие люди и

виды деятельности, которые занимают угрожающе большое место в нынешней социальной схеме, неизбежно утратят свое важное значение или вообще исчезнут.

Будет мало или не будет вообще профессиональных военных; не будет таможенников, на смену многочисленной полиции и персоналу тюрем придут такие же многочисленные педагоги; психбольниц будет мало или не будет вообще; всемирная система санитарии снизит количество больниц, медсестер, сиделок и т. п.

Всемирная экономическая справедливость будет способствовать исчезновению мигрирующей

популяции жуликов, шулеров, азартных игроков, спекулянтов, паразитов и вообще нечестных дельцов. Но в этом мире будущего не станет меньше приключений и романтики. Например, для морского рыболовства и борьбы с морской стихией понадобится особый, крепкий и выносливый тип людей; воздушный океан покорится лишь людям мужественным, а на земле всегда будет достаточно мест глухих и опасных.

У людей снова возрастет интерес к животному миру. В наши бестолковые и беспорядочные дни происходит бездумное и неконтролируемое уничтожение

различных видов животных — под определенным углом зрения этот процесс даже более трагичен, чем человеческие страдания.

В XIX веке были истреблены десятки видов животных, некоторые из них — весьма интересные. Поэтому одним из первых плодов реального существования всемирного государства будет улучшение защиты диких на данный момент животных.

Для человеческой истории это вещь очень странная — что, начиная с бронзового века, было сделано мало в смысле приручения, использования и понимания животных и их жизни вокруг нас. А это тупое убийство, которое сегодня

называется спортом, в более образованном мировом сообществе неизбежно уступит место облагораживанию примитивных инстинктов, — которые до сих пор находили подобный выход, — таким способом, что люди будут заинтересованы не в смерти животных, а в их жизни.

Это приведет, возможно, к новым, очень необычным и прекрасным попыткам подружиться с этими трогательными братьями нашими меньшими, которых мы уже не будем бояться, как врагов, ненавидеть, как соперников, и неволить, как рабов.

Всемирное государство и

всеобщая справедливость не означают, что человечество попадет в тюрьму мрачной учрежденческой организованности. По-прежнему будут существовать горы и моря, джунгли и огромные леса — между прочим, ухоженные и охраняемые, а люди будут относиться к ним с необходимой бережностью. Все так же перед нами будут расстилаться бескрайние равнины, все так же будут дуть неистовые ветры. Но в людях уже не будет столько ненависти, столько страха, не будет столько тяги к мошенничеству — их тела и души станут чище.

Но, наверное, самая трудная, почти невозможная задача, которую

может поставить перед собой автор, — это представить жизнь людей более образованных, более довольных своей жизнью, более свободных и более здоровых, чем он сам. Сегодня мы уже достаточно информированы и знаем, что у каждого человеческого качества есть бесконечный простор для совершенствования. Нужны лишь коллективные усилия.

Наша нищета, наша стесненность, наши инфекции и болезни, наши ссоры и разногласия — все это вещи контролируемые и устранимые с помощью согласованных человеческих действий. Но мы так же плохо

представляем себе жизнь без них, как и несчастное, грязное, презируемое и очерстневшее душой создание, родившееся и выросшее в жестоких и мрачных условиях европейских трущоб, не представляет себе, что такое каждый день принимать ванну, всегда быть хорошо одетым, заниматься альпинизмом ради удовольствия, летать на самолете, встречать лишь приятных и хорошо воспитанных людей, проводить исследования или создавать восхитительные вещи.

Причем время, когда все это станет доступным для всех людей, может наступить гораздо быстрее, чем мы думаем. Каждый, кто верит в

это, это время приближает; каждое разуверившееся сердце — отдаляет.

Никто не может предсказать, какие сюрпризы или разочарования готовит нам будущее. Возможно, историкам придется отложить, едва начав, написание главы о Всемирном Государстве и приступить к написанию других глав, о которых мы и не догадываемся. Эти главы могут быть такими же длинными и столь же полными конфликтов, как и наш рассказ о возникновении, развитии и соперничестве великих держав. Возможно, еще предстоят трагические экономические столкновения, жестокие схватки между расами и классами; может

получиться так, что «частный бизнес» не захочет усваивать урок служения обществу, пока не произойдет какая-нибудь революция в масштабах поистине катастрофических.

Мы пока не знаем, мы не можем сказать. Это — ненужные беды, но они могут стать неизбежными. Человеческая история все больше напоминает гонку между образованием и катастрофой. В случае объединяющего усилия христианского мира и объединяющего влияния механической революции катастрофа победила по крайней мере в том, что ей удалось вызвать мировую войну.

Мы пока не знаем, сколько еще побед останется за катастрофой. Могут возникнуть новые заблуждения, которые будут в течение определенного времени держать людей во власти порочных и обреченных схем, которые затем рухнут среди вызванных ими несчастий и убийств целых поколений людей.

Тем не менее, неуклюже или гладко, мир прогрессирует и будет прогрессировать. В данном «Очерке», в рассказе о людях палеолита, мы использовали описание самой что ни на есть роскошной жизни приблизительно пятьдесят тысяч лет назад. Это была

скотская жизнь. Мы также описывали в общих чертах сблище ради принесения в жертву человека около пятнадцати тысяч лет назад. Эта сцена выглядит невероятно жестокой для сегодняшнего цивилизованного читателя.

Однако с тех пор как великая империя ацтеков верила, что может прожить лишь благодаря кровопролитию, прошло только около пятисот лет. Каждый год в Мексике сотни человек приносились в жертву и умирали следующим образом: тело перегибалось, как лук, через жертвенный камень, грудь вспарывалась ножом из обсидиана, и священнослужитель вырывал

бьющееся сердце все еще живой жертвы.

Возможно, близится день, когда мы больше не будем вырывать сердца людей, даже ради наших национальных божеств. Пусть читатель заглянет в приведенную нами хронологическую таблицу и увидит истинную меру и преходящесть всех конфликтов, лишений и несчастий нашего периода смутных и болезненных, однако в целом дающих надежду перемен.

История есть и всегда должна быть не более чем рассказом об истоках. Мы же можем отважиться на пророчество и заявить, что главы, которые еще предстоит написать, расскажут об окончательном достижении всемирного политического и социального единства, хотя, возможно, на пути к нему человечество пройдет сквозь длительные паузы поражений и катастроф. Но когда такое единство будет достигнуто, это не будет означать наступления периода покоя, это даже не будет передышкой перед началом новой борьбы и более мощных усилий. Люди объединятся лишь для того, чтобы активизировать

поиск новых знаний и возможностей. Как всегда, они будут жить в ожидании новых свершений. Жизнь животных и растений, мало изученные психологические процессы, внутренняя структура материи и строение Земного шара раскроют свои секреты и вознаградят своего покорителя. Жизнь непрерывно обновляется. Собранный наконец воедино под началом человека, этого обучающегося учителя вселенной, объединенная, дисциплинированная, вооруженная таинственной силой атома, Жизнь, вечно умирающая и рождающаяся снова, вечно юная и задорная, вскоре встанет на Землю, как на подставку

для ног, и расширит свои владения
среди звезд.

Хронологическая таблица

В завершение данного «Очерка» мы приводим таблицу основных событий с 800 г. до н. э. до 1931 г. н. э.

Читателю следует иметь четкое представление об истинном соотношении исторического и геологического времени. Позвольте привести цитату из недавно вышедшей книги Дж. Х. Робинсона:

[\[90\]](#)

«Чтобы понять, в
каком свете после

открытия огромных эпох в истории человечества предстает наше нынешнее положение, давайте позаимствуем с некоторыми изменениями (у Генриха Шмидта, одного из учеников Геккеля) остроумный способ для иллюстрации современной исторической перспективы. Давайте представим, что вся история человечества втиснута в двенадцать часов и что мы живем в полдень долгого дня человечества.

Давайте предположим, с целью упрощения и удобства исчисления, что человек передвигается на двух конечностях и проявляет изобретательность лишь на протяжении двухсот сорока тысяч лет. Каждый час на наших часах будет означать двадцать тысяч лет, каждая минута — триста тридцать три и три десятых года. За первые одиннадцать с половиной часов ничего зарегистрировано не было. Мы ничего не знаем ни о людях, ни о событиях; мы

лишь предполагаем, что на земле жил человек, потому что находим его каменные орудия, осколки гончарных изделий, а также некоторые его рисунки мамонтов и бизонов.

И лишь без двадцати минут двенадцать начинают появляться самые первые следы Египетской и Вавилонской цивилизаций. Греческой литературе, философии и науке, о которых мы привыкли говорить как о «древних», нет и семи минут от роду. За минуту до

двенадцати лорд Бэкон написал свое «Приумножение наук», а с тех пор, как человек заставил работать вместо себя паровой двигатель, не прошло и полминуты».

Такой вот прекрасный пример маломасштабного представления истории с помощью часов.

Только после определения года первой Олимпиады и даты основания Рима хронология становится достаточно четкой, чтобы определить год, в котором произошло то или иное событие. Примерно в тысячном году до н. э. арийские

народы стали поселяться на полуостровах Испании, Италии и Балканах, а в Индии к тому времени они уже обосновались; Кносс был уже уничтожен, а великие египетские времена Тутанхамона III, Аменхотепа III и Рамзеса II закончились за три или четыре столетия до этого. В долине Нила правили слабые монархи XXI династии.

Израиль был единым государством под правлением своих первых царей; возможно, правил Саул или Давид, а может, даже Соломон. Саргон I (2300 г. до н. э.) из Аккадско-Шумерского царства был лишь отдаленным эпизодом

вавилонской истории, еще более отдаленным, чем Константин Великий для мира нынешнего. Уже прошла тысяча лет, как умер Хаммурапи. Ассирийцы уже господствовали над менее воинственными вавилонянами. В 1100 г. до н. э. Тиглатпаласар I завоевал Вавилон. Однако перманентного завоевания не произошло; Ассирия и Вавилония все еще оставались отдельными империями. В Китае процветала новая династия Чжоу. Стоунхендж в Англии уже насчитывал тысячу лет.

Следующие два столетия стали свидетелями возрождения Египта при XXII династии, распада

небольшого и недолго
существовавшего Израильско-
Иудейского царства Соломона,
распространения греков на Балканах,
в Южной Италии и в Малой Азии, а
также господства этрусков в
Центральной Италии. Мы можем
начать наш перечень достоверных дат
с 800 г. до н. э.

ДО НАШЕЙ ЭРЫ

800. Основан Карфаген.

790. Завоевание эфиопами
Египта (основание XXV династии).

776. Первая Олимпиада.

753. Основан Рим.

745. Тиглатпаласар III
завоевывает Вавилонию и
основывает новую Ассирийскую
империю.

738. Менаим, царь Израиля,
откупается от Тиглатпаласара III.

735. Греки поселяются в
Сицилии.

722. Саргон II вооружает
ассирийцев железным оружием.

721. Саргон переселяет евреев.

705. Синахериб.

701. Его армия уничтожена
чумой во время похода на Египет.

680. Асархаддон захватывает
Фивы в Египте (свергнув эфиопскую
XXV династию).

667. Сарданапал.

663. Псамметих I освобождает Египет и основывает XXVI династию (до 610). В войне с Ассирией ему помогают лидийские войска, которые послал Гиг.

608. Фараон Нехо наносит поражение Иосии, царю Иудеи, в сражении при Мегиддо.

606. Захват Ниневии халдеями и мидянами. Основание Халдейского царства.

604. Нехо оттеснен к Евфрату и разбит Навуходоносором II.

586. Навуходоносор угоняет евреев в Вавилон. Многие из них бегут в Египет и оседают там.

558. Кир Персидский становится преемником Киаксара Мидийского.

Кир разбивает Креза. Примерно в это же время родились Будда, а также Конфуций и Лао-цзы.

539. Кир завоевывает Вавилон и основывает Персидскую империю.

527. Умер Писистрат.

525. Камбиз покоряет Египет. Родился Эсхил.

522. Дарий I, сын Гистаспа, правит от Геллеспонта до Инда. Его экспедиция в Скифию.

495. Родился Софокл.

490. Марафонская битва.

484. Родился Геродот. Эсхил выигрывает свой первый приз в жанре трагедии.

480. Битвы при Фермопилах и Саламине. Родился Еврипид.

479. Сражениями при Платеях и Микале завершено изгнание персов.

474. Сицилийские греки уничтожают флот этрусков.

470. Путешествие Ганнона.

466. Перикл.

465. Убийство Ксеркса.

438. Геродот зачитывает свою «Историю» в Афинах.

431. Начало Пелопоннесской войны (до 404).

429. Умер Перикл. Умер Геродот.

427. Начало карьеры Аристофана. Родился Платон. Он живет до 347 г.

401. Отступление Десяти тысяч Ксенофонта.

390. Бренн разграбляет Рим.

366. Камилл строит храм
Согласия.

359. Филипп — царь
Македонии.

338. Сражение при Херонее.

336. Македонские войска
вступают в Азию. Убийство
Филиппа.

334. Битва у Граника.

333. Сражение у Исса.

332. Александр Македонский в
Египте.

330. Убит Дарий III.

327. Александр в Индии.

323. Смерть Александра
Македонского.

321. Чандрагупта стал
правителем Пенджаба. Самниты

нанесли сокрушительное поражение римлянам в битве в Кавдинском ущелье.

303. Чандрагупта наносит поражение Селевку.

282. Умер Птолемей Сотер.

281. Пирр вторгается в Италию.

280. Битва при Гераклее.

279. Битва при Аускуле.

278. Набег галлов на Малую Азию и их поселение в Галатии.

275. Пирр уходит из Италии.

264. Первая Пуническая война (Ашока правит в Бехаре — до 232). Первые бои гладиаторов в Риме.

260. Сражение при Милах.

256. Сражение у мыса Экном.

246. Ши Хуан-ди — царь

империи Цинь.

241. Битва у Эгатских островов.
Конец Первой Пунической войны.

225. Битва у Теламона. Римские
армии в Иллирии.

220. Ши Хуан-ди становится
императором Китая.

218. Вторая Пуническая война.

216. Битва при Каннах.

214. Начато строительство
Великой китайской стены.

210. Смерть Ши Хуан-ди.

202. Битва при Заме.

201. Окончание Второй
Пунической войны.

200–197. Период войны между
Римом и Македонией.

192. Война с Селевкидами.

190. Сражение при Магнесии.

149. Третья Пуническая война.

(Юэчжи пришли в Западный тан.)

146. Уничтожение Карфагена.

Разрушение Коринфа.

133. Аттал завещал Пергам Риму.

Убит Тиберий Гракх.

121. Убит Гай Гракх.

111–105. Война с Югуртой.

102. Марий изгнал германцев.

100. Триумф Мария. (У-ди покоряет долину реки Тарим.)

91. Гражданская война в Италии.

89. Все итальянцы становятся римскими гражданами

86. Смерть Мария.

78. Смерть Суллы.

73. Восстание рабов под предводительством Спартака.

71. Поражение и смерть Спартака.

66. Помпеи ведет свои войска в район Каспия и к Евфрату. Его столкновения с аланами.

63. Умер Митридат Евпатор, царь Понта.

53. Красс убит в сражении при Каррах. Монгольские элементы среди парфян.

48. Юлий Цезарь побеждает Помпея у Фарсала.

44. Убийство Юлия Цезаря.

31. Сражение при Акции.

27. Август Цезарь — принцепс (до 14 г. н. э.).

4. Настоящая дата рождения Иисуса из Назарета.

ХРИСТИАНСКАЯ ЭРА

6. Организована провинция Мезия.

9. Организована провинция Паннония. Границы империи придвинулись к Дунаю.

14. Умер Август. Тиберий — император.

30. Распят Иисус из Назарета.

37. Калигула — наследник Тиберия.

41. После убийства Калигулы Клавдий (первый император легионов) — император при поддержке преторианской гвардии.

54. Нерон наследует Клавдию.

61. Царица Боудикка уничтожает римский гарнизон в Британии.

68. Самоубийство Нерона (временные императоры — Гальба, Отон, Вителлий).

69. Веспасиан основывает так называемую династию Флавиев.

79. Тит — наследник Веспасиана.

81. Домициан.

84. Присоединение Северной Британии.

96. Нерва основывает так

называемую династию Антонинов.

98. Траян — наследник Нервы.

102. Китайцы — на Каспийском море. Индоскифы вторгаются в Северную Индию.

117. Адриан — наследник Траяна. Римская империя обретает свои наибольшие размеры.

138. Антонин Пий — наследник Адриана. (Индоскифы уничтожают последние остатки правления эллинов в Индии.)

150. Примерно в это время Канишка правит в Индии, Кашгаре, Ярканде и Хотане.

161. Марк Аврелий наследует Антонину Пию.

164. Великая эпидемия чумы,

продолжавшаяся до смерти Марка Аврелия (180). Она опустошает также всю Азию.

180. Смерть Марка Аврелия. (Начало почти столетнего периода войн и смут в Римской империи).

220. Конец династии Хань. Начало четырехсотлетнего раздела Китая.

226. Ардашир I (первый сасанидский царь) положил конец линии Аршакидов в Персии.

242. Мани проповедует свое учение.

247. Готы переходят через Дунай.

251. Большая победа готов. Убит император Деций.

260. Шапур I, второй сасанидский царь, захватил Антиохию, взял в плен императора Валериана, но во время своего возвращения из Малой Азии разбит Оденатом из Пальмиры.

269. Император Клавдий разбивает готов при Нише.

270. Аврелиан — император.

272. Плененную царицу Зенобию привозят в Рим. Конец кратковременного триумфа Пальмиры.

275. Проб наследует Аврелиану.

276. Готы в Понте. Император Проб сдержал натиск франков и германцев.

277. Мани распят в Персии.

284. Диоклетиан — император.

303. Диоклетиан преследует христиан.

306. Константин Великий — император.

311. Галерий прекращает преследование христиан.

314. Константин — председатель на христианском соборе в Арле.

321. Отражены новые набеги готов.

323. Константин председательствует на Никейском соборе.

337. Изгнанные готами вандалы получают разрешение обосноваться в Паннонии. Крещение Константина

на смертном одре.

354. Родился святой Августин.

361–363. Юлиан Отступник
делает попытку заменить
христианство митраизмом.

379. Феодосий Великий
(испанец по происхождению) —
император.

390. Разрушение статуи
Сераписа в Александрии.

392. Феодосии Великий —
император Востока и Запада.

395. Смерть Феодосия Великого.
Гонорий и Аркадий снова разделяют
империю, а их хозяевами и
защитниками становятся Стилихон и
Аларих.

410. Вестготы под

предводительством Алариха
захватывают Рим.

425. Вандалы поселяются на юге Испании. Гунны — в Паннонии, остготы — в Далмации. Вестготы и свевы — в Португалии и Северной Испании. Англы и саксы вторгаются в Британию.

429. Вандалы под предводительством Гейзериха вторгаются в Африку.

439. Вандалы захватывают Карфаген.

448. Приск посещает Аттилу.

451. Атила, напавший на Галлию, разбит франками, германцами и римлянами на Каталаунских полях.

453. Смерть Атилы.

455. Вандалы разграбляют Рим.

470. Нашествие эфталитов в

Индию.

476. Одоакр, король

объединенных тевтонских племен, объявляет Константинополю, что императора на Западе больше не существует. Конец Западной Римской империи.

480. Родился св. Бенедикт.

481. Хлодвиг — основатель

Франкского королевства. Меровинги.

483. Несторианская церковь

отделяется от Православной христианской церкви.

493. Теодорих, король остготов,

завоевывает Италию и становится ее

королем, однако номинально он подчиняется Константинополю. (Готские короли в Италии.)

527. Юстиниан становится императором.

528. Разбит Михиракула, эфталитский Атилла Индии.

529. Юстиниан закрывает школы в Афинах, которые процветали около тысячи лет. Велизарий (полководец Юстиниана) захватывает Неаполь.

531. Начало правления Хосрова I.

543. Великая эпидемия чумы в Константинополе.

544. Умер св. Бенедикт.

553. Юстиниан изгоняет готов

из Италии. Кассиодор основывает мужской монастырь.

565. Умер Юстиниан. Лангобарды завоевывают большую часть Северной Италии (оставив Византийской империи Равенну и Рим). Тюрки разбивают эфталитов в Западном Туркестане.

570. Родился пророк Мухаммед.

579. Умер Хосров I. Лангобарды господствуют в Италии.

590. В Риме свирепствует чума. Григорий Великий (Григорий I) и видение св. Ангела.

591. Начало правления Хосрова II.

610. Начало правления Ираклия.

618. Начало династии Тан в

Китае.

619. Хосров II захватывает Египет, Иерусалим, Дамаск. Его армии — на Геллеспонте.

622. Хиджра.

623. Битва у Бадра.

627. Ираклий наносит персам крупное поражение под Ниневией. Союзники из Мекки осаждают Медину. Тайцзун — император Китая.

628. Кавад II убивает своего отца. Хосрова II, и становится его наследником. Мухаммед посылает письма правителям во всем мире.

629. Сюань-Цзан отправляется в Индию. Мухаммед возвращается в Мекку.

632. Умер Мухаммед. Абу Бекр — первый халиф.

634. Омар — второй халиф.

635. Тайцзун принимает миссионеров-несториан.

636. Битва на берегах Ярмука. Мусульмане захватывают Сирию.

637. Битва у Кадисии.

638. Иерусалим сдается Омару.

641. Умер Ираклий.

644. Осман — третий халиф.

645. Сюань-Цзан возвращается в Сиань.

655. Разгром мусульманами византийского флота.

656. Осман убит в Медине.

661. Убит Али. Муавия — первый халиф из рода Омейядов.

668. Халиф Муавия штурмует Константинополь с моря. Теодор из Тарса — архиепископ Кентерберийский.

675. Последняя морская атака Муавии на Константинополь.

687. Майордом Пипин Геристальский воссоединяет Австразию и Нейстрию.

711. Мусульманское вторжению в Испанию из Африки.

715. Карл Мартелл — майордом.

716–717. Сулейман, сын и наследник Валида, не смог взять Константинополь. Кульминация правления Омейядов.

721. Владения халифа Валида I простираются от Пиренеев до Китая.

732. Карл Мартелл разбивает мусульман при Пуатье.

735. Смерть Беды Достопочтенного.

743. Валид II — «неверующий» халиф.

749. Свержение Омейядов. Абуль-Аббас — первый аббасидский халиф. Испания остается омейядской. Начало распада Арабской империи.

751. Пипин коронован королем франков.

755. Мученичество св. Бонифация.

768. Умер Пипин.

771. Карл Великий — единоличный правитель.

774. Карл Великий завоевывает Ломбардию.

776. Карл Великий в Далмации.

786. Гарун аль-Рашид — аббасидский халиф в Багдаде (до 809).

795. Лев III — Римский Папа (до 816).

800. Лев III коронует Карла Великого императором Запада.

802. Эгберт, бывший английский беженец при дворе Карла Великого, провозглашает себя королем Уэссекса.

811. Болгарский князь Крум разбивает войска императора Никифора и убивает его.

814. Умер Карл Великий; Людовик Благочестивый наследует

ему.

828. Эгберт становится королем Англии.

843. Умер Людовик Благочестивый, раздел Каролингской империи. До 962 г. отсутствует постоянное наследование в Священной Римской империи, хотя титул сохраняется.

852. Борис — первый христианский князь Болгарии

862. Около этого года норманн Рюрик стал правителем Новгорода.

866. Флот норманнов и русских угрожает Константинополю.

886. Договор Альфреда Английского и Гутрума Датского о поселениях датчан на землях

«датского права».

907. Русско-норманнский флот отплывает от Константинополя.

911. Норманнский вождь Роллон поселяется в Нормандии.

919. Генрих Птицелов избран королем Германии.

928. Мароция берет в плен Папу Иоанна X.

931. Иоанн XI — Папа (до 936).

936. Отгон I наследует своему отцу Генриху Птицелову на престоле Германии.

941. Русский флот снова угрожает Константинополю.

955. Иоанн XII — Папа.

960. Северная Сун начинает править в Китае.

962. Отгон I, король Германии, коронован Иоанном XII на императорство. (Начало Саксонской династии.)

963. Отгон I смещает Иоанна XII.

969. Основан независимый Фагимидский халифат в Египте.

973. Отгон II.

983. Отгон III.

987. Гуго Капет — король Франции. Конец династии Каролингов во Франции.

1016. Канут — король Англии, Дании и Норвегии.

1037. Умер Авиценна (Ибн Сина) из Бухары, «царь врачей».

1043. Русский флот угрожает
Константинополю.

1066. Завоевание Англии
Вильгельмом, герцогом
Нормандским.

1071. Возрождение ислама при
турках-сельджуках.

1073. Гильдебранд становится
Папой Георгием VII (до 1085).

1077. Покаяние Генриха IV.

1079. Родился Петр Абеляр.

1082. Роберт Гвискар взял
Дураццо.

1084. Роберт Гвискар разграбил
Рим.

1088–1099. Урбан II — Папа.

1094. Чума.

1096. Урбан II в Клермоне

созывает Первый крестовый поход.

1096. Катастрофа «Народного похода».

1099. Готфрид Бульонский захватывает Иерусалим. Пасхалий II — Папа (до 1118).

1138. Расцвет империи Цзинь. Столица династии Сун переезжает из Нанкина в Ханчжоу.

1142. Умер Петр Абеляр.

1147. Второй крестовый поход. Основание христианского королевства Португалии.

1169. Саладин — султан Египта.

1177. Император Фридрих Барбаросса признает верховенство Папы (Александра III) в Венеции.

1187. Саладин взял Иерусалим.

1189. Третий крестовый поход.

1193. Родился Альберт Великий.

1198. Умер арабский философ

Аверроэс из Кордовы (Ибн Рушд).

Иннокентий III — Папа до 1216 г.;

Фридрих II, четырехлетний король

Сицилии, под опекой Папы.

1202. Четвертый крестовый

поход наносит удар по Византийской

империи.

1204. Константинополь захвачен

латинянами.

1206. Кутб основывает

исламское государство в Дели.

1212. Крестовый поход детей.

1214. Чингисхан захватывает

Пекин.

1215. Подписана Великая хартия

вольностей.

1216. Гонорий III — Папа.

1218. Чингисхан вторгается в Хорезм.

1221. Провал и возвращение Пятого крестового похода. Умер св. Доминик (основатель ордена доминиканцев).

1225. Родился Фома Аквинский.

1226. Умер св. Франциск Ассизский (основатель ордена францисканцев).

1227. Умер Чингисхан, правивший от Каспия до Тихого океана; Угедей наследует ему. Григорий IX — Папа.

1228. Фридрих II начинает Шестой крестовый поход и получает

от султана Иерусалим.

1234. Монголы завершают завоевание империи Цзинь при поддержке империи Сун.

1239. Фридрих II во второй раз отлучен от Церкви.

1240. Монголы разрушают Киев. Русь начинает платить дань монголам.

1241. Победа монголов под Легницей в Силезии.

1244. Египетский султан возвращает себе Иерусалим, что приводит к Седьмому крестовому походу (1248).

1245. Фридрих II снова отлучен.

1248. Жители долины Швиц сожгли замок Новый Габсбург.

1250. Французский король Людовик Святой выкуплен из плена. Умер Фридрих II — последний император династии Гогенштауфенов. Междоусобица в Германии до 1273 г.

1251. Мункэ — Великий хан. Хан Хубилай правит в Китае.

1258. Хан Хулагу захватывает и разрушает Багдад.

1260. Хубилай — Великий хан. Кетбога разбит в Палестине.

1261. Греки возвращают себе Константинополь после латинского правления.

1265. Родился Данте Алигьери.

1266. Родился Джотто.

1269. Великий хан Хубилай

отправляет послание Папе через старших Поло.

1271. Начало путешествий Марко Поло.

1273. Рудольф Габсбург — император. «Вечный союз» швейцарцев.

1274. Умер Фома Аквинский.

1280. Хубилай основывает династию Юаней в Китае. Умер Альберт Великий.

1292. Умер хан Хубилай.

1293. Умер Роджер Бэкон, предтеча экспериментальной науки.

1294. Бонифаций VIII — Папа до 1303 г.

1295. Возвращение Марко Поло в Венецию.

1303. Смерть Папы Бонифация VIII после нападения в Ананьи.

1304. Родился Петрарка.
Климент V — Папа.

1308. Умер Дуне Скот.

1309. Начало Авиньонского пленения Пап.

1318. Четырех францисканцев сжигают по обвинению в ереси в Марселе.

1337. Умер Джотто.

1347. Умер Оккам.

1348. Великая чума.

1358. Жакерия во Франции.

1368. Падение монгольской династии Юаней в Китае, на смену которой приходит династия Мин (до 1644).

1369. Тамерлан принимает титул Великого хана.

1374. Умер Петрарка.

1377. Папа Григорий XI возвращается в Рим.

1378. «Великий раскол». Урбан VI — Папа в Риме, Климент VII — в Авиньоне.

1381. Крестьянское восстание в Англии. Уот Тайлер убит в присутствии короля Ричарда II.

1384. Умер Уиклиф.

1387. Родился Фра Анджелико.

1398. Проповедь уиклифитских идей в Праге Яном Гусом.

1400. Умер Чосер.

1405. Смерть Тамерлана.

1414–1418. Собор в Констанце.

Ян Гус сожжен (1415).

1417. Конец «Великого раскола»,
Мартин V — Папа.

1420. Гуситское восстание.
Мартин V созывает крестовый поход
против гуситов.

1431. Крестоносцы бегут перед
гуситами у Домажлице. Базельский
собор. Родились Вийон и Мантенья.

1436. Гуситы заключают договор
с Церковью.

1439. Базельский собор
порождает новый церковный раскол.

1445. Открытие Кабо-Верде
португальцами.

1446. Первая напечатанная
книга (Костер в Харлеме).

1449. Конец Базельского собора.

1452. Родился Леонардо да Винчи.

1453. Турки-османы под предводительством Мухаммеда II взяли Константинополь.

1471. Родился Дюрер.

1473. Родился Коперник.

1480. Иван III, великий князь Московский, сбрасывает монгольское иго.

1481. Смерть султана Мухаммеда II при подготовке завоевания Италии.

Баязид II — султан (до 1512).

1487. Диаш обогнул мыс Доброй Надежды.

1492. Колумб пересек Атлантику и достиг Америки. Родриго Борджа

— Папа Александр VI (до 1503).

1493. Максимилиан I — император.

1498. Васко да Гама, обогнув Африку, приплывает в Индию.

1499. Швейцария — независимая республика.

1500. Родился Карл V.

1509. Генрих VIII — король Англии.

1512. Селим — султан (до 1520); он присваивает себе титул халифа. Падение Содерини и Макиавелли во Флоренции.

1513. Лев X — Папа.

1515. Франциск I — король Франции.

1517. Селим присоединяет

Египет. Лютер объявляет свои тезисы в Вит-тенберге.

1519. Умер Леонардо да Винчи. Начало кругосветной экспедиции Магеллана. Кортес вступает в Мехико.

1520. Сулейман Великолепный — султан до 1566 г., правящий от Багдада до Венгрии. Карл V — император.

1521. Лютер на рейхстаге в Вормсе. Лойола ранен под Памплоной.

1525. Бабур выигрывает битву у Панипата, захватывает Дели и основывает Могольскую империю.

1527. Германские войска в Италии, под командованием

коннетабля Бурбона, захватывают и разграбляют Рим.

1528. Родился Паоло Веронезе.

1529. Сулейман осаждает Вену.

1530. Писарро вторгается в Перу.

Карл V, коронованный Папой Климентом VII, начинает ссору с папством.

1532. Анабаптисты захватывают Мюнстер.

1535. Падение анабаптистского правления в Мюнстере.

1539. Основано общество Иисуса.

1545. Тридентский собор (до 1563) созван для наведения в Церкви порядка.

1546. Умер Мартин Лютер.

1547. Иван IV Грозный принимает титул царя России. Умер Франциск I.

1549. В Южную Америку прибывают первые иезуитские миссии.

1552. Договор в Пассау. Временное примирение в Германии.

1556. Карл V оставляет престол. Акбар — Великий Могол (до 1605). Умер Игнатий Лойола.

1558. Умер Карл V.

1561. Родился Фрэнсис Бэкон.

1563. Завершение реформы Католической церкви Тридентским собором.

1564. Родился Шекспир.

1566. Умер Сулейман

Великолепный.

1567. Революция в Нидерландах.

1568. Казнь графов Эгмонтского и Хорнского.

1573. Осада Алкмара.

1583. Экспедиция сэра Уолтера Рэли в Виргинию.

1603. Яков I — король Англии и Шотландии. Джахангир — Великий Могол. Основана Виргинская компания.

1609. Независимость Голландии.

1618. Начало Тридцатилетней войны.

1620. Экспедиция с «Мэйфлауэра» основывает Новый Плимут. Первые рабы-негры в Джеймстауне, Виргиния.

1625. Карл I — король Англии.

1626. Умер сэр Фрэнсис Бэкон, лорд Веруламский.

1627. Шах-Джахан — Великий Могол. Английская Петиция о праве.

1629. С этого года Карл I Английский одиннадцать лет правит без созыва парламента.

1632. Родился Левенгук. Шведский король Густав Адольф убит в битве у Лютцена.

1634. Убийство Валленштейна.

1638. Япония закрывается от европейцев до 1865 г.

1640. Карл I созывает Долгий парламент.

1641. Англичане устраивают резню в Ирландии.

1643. Людовик XIV начинает
свое семидесятидвухлетнее
правление.

1644. Маньчжуры сменяют
династию Мин.

1648. Вестфальский мир; по
нему Голландия и Швейцария
признаны свободными
республиками; растет влияние
Пруссии. Война Фронды
оканчивается полной победой
Французской короны.

1649. Казнь Карла I
Английского.

1658. Аурангзеб — Великий
Могол. Умер Кромвель.

1660. Карл II — король Англии.

1674. Новый Амстердам

окончательно переходит к англичанам и переименовывается в Нью-Йорк.

1683. Последнее турецкое нападение на Вену отбито королем Яном III Польским.

1688. Перевороте Британии. Бегство Якова II. Начало правления Вильгельма и Марии.

1689. Петр Великий — царь России (до 1725).

1690. Битва у Война в Ирландии.

1701. Фридрих I — первый король Пруссии.

1707. Смерть Аурангзеба. Империя Великих Моголов распадается.

1713. Родился Фридрих Великий

Прусский.

1733. Оглторп основывает колонию Джорджия.

1736. Нашествие Надир-Шаха в Индии. Начало двадцатилетия набегов и беспорядка в Индии.

1740. Восхождение Фридриха Великого, короля Пруссии. Мария Терезия начинает царствовать в Австрии. Как женщина, она не может быть императрицей. Ее муж Франц I — император с 1745 по 1765 г., когда ему наследует его сын Иосиф II.

1741. Императрица Елизавета Российская начинает правление.

1755–1763. Войны между Британией и Францией в Америке и Индии. Франция — в союзе с

Австрией и Россией против Пруссии и Британии; Семилетняя война.

1757. Битва у Плесси.

1759. Британский генерал Вульф завоевывает Квебек.

1760. Георг III — король Британии.

1762. Умерла Елизавета Российская. Убийство царя Петра III и восхождение на престол Екатерины Великой (правит до 1796).

1763. Парижский мир; Канада переход к Британии. Британское превосходство в Индии.

1764. Битва при Буксаре.

1766. Родился Мальтус.

1769. Родился Наполеон Бонапарт.

1774. Начало правления Людовика XVI. Самоубийство Клайва.

1775. Начало Войны за независимость в Северной Америке. Битва у Лексингтона. Родился Тернер.

1776. Декларация независимости Соединенных Штатов.

1780. Конец правления Марии Терезии. Император Иосиф наследует владения Габсбургов.

1783. Мирный договор между Британией и Соединенными Штатами.

1787. Конституционный конвент в Филадельфии учреждает

федеральное правительство
Соединенных Штатов. Франции
грозит банкротство; собрание
нотаблей.

1788. Первый федеральный
конгресс Соединенных Штатов в
Нью-Йорке.

1789. Генеральные штаты во
Франции. Штурм Бастилии.

1791. Неудачная попытка бегства
королевской семьи. Якобинская
революция.

1792. Франция объявляет войну
Австрии. Пруссия объявляет войну
Франции. Битва у Вальми. Франция
провозглашена республикой.

1793. Людовик XVI обезглавлен.

1794. Казнь Робеспьера и конец

якобинской республики. Правление Конвента.

1795. Директория. Бонапарт подавляет мятеж и вступает во главе войск в Италию.

1797. По условиям Кампоформийского мира Бонапарт разрушает Венецианскую республику.

1798. Бонапарт прибывает в Египет. Битва у дельты Нила.

1799. Возвращение Бонапарта. Он становится первым консулом с неограниченными полномочиями.

1800. Наполеоновская кампания против Австрии. Битвы при Маренго в Италии и Гогенлиндена (победа Моро).

1801. Парламентская Уния Ирландии и Англии вступает в силу 1 января 1801 г. Перемирие между Францией, Англией и Австрией.

1803. Бонапарт оккупирует Швейцарию, что делает войну неизбежной.

1804. Бонапарт становится императором. Франциск II принимает титул императора Австрии и в 1806 г. отказывается от титула императора Священной Римской империи, чем заканчивается ее история.

1805. Трафальгарская битва. Сражения при Ульме и Аустерлице.

1806. Разгром прусской армии у Йены.

1807. Сражения при Эйлау и Фридланде; Тильзитский мир.

1808. Наполеон делает своего брата Жозефа королем Испании.

1810. Латинская Америка начинает борьбу за независимость.

1811. Отказ Александра I от континентальной блокады.

1812. Отступление Наполеона из Москвы.

1814. Отречение Наполеона. Людовик XVIII — король.

1815. Битва при Ватерлоо. Венский конгресс.

1819. Первый Фабричный акт принят благодаря усилиям Роберта Оуэна.

1821. Восстание в Греции.

1824. Карл X — король Франции.

1825. Николай I — российский царь. Первая в мире железная дорога между Стоктоном и Дарлингтоном (Англия).

1827. Сражение в Наваринской бухте.

1829. Независимость Греции.

1830. Год революционного беспокойства. Луи Филипп занимает место Карла X. Бельгия отсоединяется от Голландии. Леопольд Саксен-Кобург-Готский становится королем этой новой страны. Безрезультатное Польское восстание в России.

1832. Первый Билль о реформе в

Британии восстанавливает демократический характер британского парламента.

1835. Впервые использовано слово «СОЦИАЛИЗМ».

1837. Королева Виктория.

1840. Королева Виктория
заключает брак с герцогом
Альбертом Саксен-Кобург-Готским.

1848. Еще один год революций. Республиканцы приходят к власти во Франции и Риме. Панславянская конференция в Праге. Вся Германия объединяется Франкфуртским парламентом. Король Пруссии разрушает единство Германии.

1851. Всемирная выставка в Лондоне.

1852. Наполеон III — император Франции.

1854. Вторая экспедиция Перри высаживается в Японии. Николай I оккупирует придунайские провинции Турции.

1853–1856. Крымская война.

1855. Александр II — царь России.

1857. Индийское восстание.

1859. Франко-австрийская война. Битвы у Мадженты и Сольферино.

1861. Виктор Эммануил — первый король Италии. Авраам Линкольн — президент США. Начало Гражданской войны в Америке.

1863. Британцы обстреливают японский город.

1864. Максимилиан — император Мексики.

1865. Капитуляция южан в Аппоматоксе. Япония открывает себя миру.

1866. Пруссия и Италия нападают на Австрию (с ней в союзе южногерманские государства). Сражение у Садовы.

1867. Расстрелян император Максимилиан.

1870. Наполеон III объявляет войну Пруссии.

1871. Поражение Франции (январь). Король Пруссии становится императором германским

Вильгельмом. Франкфуртский
мирный договор.

1875. Турецкие зверства в
Болгарии.

1877–1878. Русско-турецкая
война. Сан-Стефанский мир.
Королева Виктория становится
императрицей Индии.

1878. Берлинский конгресс.
Начало тридцатилетнего
«вооруженного мира» в Европе.

1881. Сражение у Маджуба-
Хилл. Свободная республика
Трансвааль.

1882. Умер Чарлз Дарвин.

1883. Британская оккупация
Египта. Умер Карл Маркс.

1886. Первый законопроект об

ирландском самоуправлении
Гладстона.

1888. Фридрих III (март),
Вильгельм II (июнь) — императоры
Германии.

1890. Отставка Бисмарка.
Остров Гельголанд уступлен
Германии.

1894–1895. Японо-китайская
война.

1895. «Юнионистическое»
(империалистическое)
правительство в Британии.

1896. Сражение при Адуа.

1898. Конфликт Англии и
Франции из-за Фашоды. Германия
приобретает Циндао.

1899. Начало англо-бурской

войны.

1900. Восстание «боксеров» в Китае.

1904. Британия вторгается в Тибет.

1904–1905. Русско-японская война.

1906. Империалистическая партия в британском парламенте «побеждена» либералами по вопросу тарифной политики.

1907. Образование Южно-Африканского союза.

1908. Австрия аннексирует Боснию и Герцеговину.

1909. Л. Блерио перелетает на аэроплане из Франции в Англию.

1911. Италия развязывает войну

с Турцией и захватывает Триполи.

1912. Китай становится республикой. Балканский союз начинает войну с Турцией.

1913. Кровавое пролитие в Лондондерри в Ирландии, вызванное незаконными поставками оружия «юнионистами».

1914. Начало мировой войны в Европе.

1917. Две революции в России. Установление большевистского режима.

1918. Перемирие (ноябрь).

1919–1920. Версальский мирный договор. Парижская мирная конференция.

1919. Британцы оставляют

Архангельск. Деникин разбит. Юденич едва не захватывает Петроград и терпит поражение. Германский флот вместо передачи британцам затоплен германскими офицерами.

1920. Первый съезд Лиги Наций; Германия, Австрия, Россия и Турция исключены. Соединенные Штаты не присылают представителя. Колчак разбит большевиками и расстрелян. Польша нападает на Россию; наступление Врангеля на юге отброшено.

1921. Константинополь под контролем союзников. Конференция по военно-морскому разоружению в Вашингтоне под председательством

президента Гардинга.

1922. Великий голод в России. На съезде Лиги Наций в Женеве присутствуют немцы и русские. Растущий беспорядок в финансах Германии и невозможность оплаты военного долга. Поражение греческой военщины в Малой Азии. Отделение Южной Ирландии от Великобритании.

1923. Французская оккупация Рурской области и валютный крах в Германии. Введение рентенмарки. Великобритания восстанавливает довоенный золотой стандарт.

1924. Первое лейбористское правительство в Британии. Его сменяет консервативное

правительство после всеобщих выборов в ноябре. Умер Ленин. В Италии фашисты убивают либерального итальянского писателя Маттеотти. План Дауэса по смягчению долгового бремени Германии.

1925. Французы подвергаются нападению отрядами Абдаль-Крима в Марокко и друзей в Сирии. Рейхсмарка в Германии. Пакт в Локарно. Реза-хан смещает шаха Персии и позднее сам становится шахом.

1926. Французский франк падает до стоимости в один английский пенни, но затем стабилизирован новым

антикризисным коалиционным правительством. Падение Абд аль-Крима.

1927. Британское правительство учиняет налет на российские деловые представительства в Лондоне и разрывает дипломатические отношения с Россией. Провал конференции по разоружению в Женеве.

1928. Келлог, государственный секретарь в правительстве президента Кулиджа, предлагает систему договоров, по которой все великие державы отказываются от войны. Военная промышленность остается нетронутой. Продолжаются развитие военной техники и

разработка газового и бактериологического оружия. Начало пятилетнего плана в России.

1929. Второе лейбористское правительство в Британии по результатам всеобщих выборов. Возобновление отношений между Британией и Россией. Гувер — президент Соединенных Штатов. Повсеместные падение цен и рост безработицы. План Юнга по смягчению германских военных долгов.

1930. Конференция по военноморскому разоружению в Лондоне с тривиальными результатами. Новая устрашающая фашистская партия появляется в германском Рейхстаге

под руководством австрийца по имени Гитлер.

1931. Испания становится республикой (апрель).

Экономическая нестабильность в Германии обостряется, и президент Гувер предлагает годовые каникулы в выплате репарационных платежей. За этим следует финансовый кризис в Британии.

Лейбористское правительство уступает место «национальному» правительству, обязавшемуся поддержать золотой стандарт, от чего позднее происходит отказ. Макдональд, бывший лидер Лейбористской партии, сохраняет пост премьер-министра, умело обогнув все политические

водовороты.

notes

Примечания

Герон Александрийский (I в. н. э.) — древнегреческий ученый. Дал систематическое изложение достижений античной науки по прикладной механике и математике.

Фраунгофер И. (1787–1826) — немецкий физик. Усовершенствовал изготовление линз и дифракционных решеток, подробно описал линии поглощения в спектре Солнца.

Речь идет о газопылевых туманностях внутри нашей Галактики, а также о других галактиках, подобных нашей, существование которых было установлено в 1923–1924 гг. американским астрономом Э. Хабблом (1889–1953).

Черная дыра — заключительная фаза эволюции самых массивных звезд, на которой плотность звездного вещества столь велика, что даже свет не может покинуть окрестностей звезды.

По современным данным, Солнце на 70 % состоит из водорода и на 27 % из гелия, находящихся в ионизированном состоянии плазмы; на все остальные элементы приходится лишь 3 %. В недрах Солнца происходят термоядерные реакции синтеза ядер гелия из ядер водорода, что является основой его свечения.

В 1930 г. была открыта последняя из ныне известных планет Солнечной системы — Плутон. В модели Уэллса она была бы удалена от Солнца в виде метрового шара на 4220 метров.

Сейчас жизнь обнаружена и на одиннадцатикилометровой глубине.

По современным данным, возраст Земли — около 4,7 млрд. лет, а жизни на Земле в простейших ее одноклеточных формах — не меньше 3,8 млрд. лет.

Джинс Дж. (1877–1946) — английский физик и астроном; его теория, о которой упоминает Уэллс, на сегодняшний день является устаревшей, однако она хорошо передает умонастроения Уэллса, отраженные им также в его первой повести — «Машина времени».

Далее Уэллс описывает сравнительно недавний период геологической эволюции Земли. На более ранних стадиях атмосфера у нашей планеты отсутствовала и земной пейзаж напоминал лунный со множеством метеоритных кратеров.

Более двух миллиардов лет.

Эратосфен (ок. 276–194 до н. э.)
и Страбон (64/63 до н. э. — 23/24
н. э.) — величайшие географы
античности.

Около 450 млн. лет назад; в современной геохронологии это событие относят к силурийскому периоду (средний палеозой).

Предками млекопитающих являются тероморфы — звероподобные ящеры; большинство из них обладало развитым шерстным покровом.

Речь идет об австралопитеках.

Создателем этих орудий был самый древний представитель рода homo вид homo habilis, человек умелый, возникший не менее 2 млн. лет назад.

Она принадлежала представителю вида *homo erectus* — Человек Прямоходящий, который произошел от человека умелого 1,6 млн. лет назад.

Первые неандертальцы появились около 300 тыс. лет назад и постепенно вытеснили человека прямоходящего.

Фрейзер Джеймс Джордж
(1854–1941) — английский ученый,
исследователь истории религии.

Эванс Артур Джон (1851–1941) — английский археолог. Открыл и исследовал минойскую культуру на о. Крит.

В других классификациях эта семья называется афразийская макросемья.

Уральские языки — крупное генетическое объединение языков, включающее две семьи: финно-угорскую и самодийскую. Алтайские языки — условный термин для обозначения макросемьи языков, объединяющей тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские языки, а также изолированные корейский язык и японский язык.

Китайско-тибетские языки.

Масперо Гастон Камиль Шарль
(1846–1916) — французский
египтолог. Руководил
археологическими раскопками в
Египте, исследовал тексты на
внутренних стенах пирамид. Основал
в 1881 г. в Каире французский
Институт восточной археологии.

Ил. XXIV, 782–804; пер. Н.
Гнедича.

Мюррей Г. (1866–1957) —
британский классический филолог,
переводчик древнегреческих
драматургов.

Винклер Г. (1863–1913) —
немецкий историк и археолог.

Юнг К. Г. (1875–1961) — великий швейцарский психолог и психотерапевт.

Из книги итальянского
филолога-классика Гильемо Ферреро
«Величие и упадок Рима».

Уэллс Дж. Краткая история
Рима до смерти Августа

Уэллс Дж. Краткая история
Рима до смерти Августа.

Плутарх. Сравнительные
жизнеописания. Катон.

Плутарх.
жизнеописания.

Сравнительные

Ферреро Г. Величие и упадок
Рима.

Публий Клодий Пульхр (ок.92–52 до н. э.) и Луций Сергий Каталина (108–62 до н. э.) — политики, стремившиеся к единоличной власти.

Джоунс Г. С. Энциклопедия
Британника. Рим.

Транквилл Гай Светоний (ок. 70 — ок. 140) — автор хроник «Жизнь двенадцати цезарей», от Юлия Цезаря до Домициана.

См.: Гиббон Э. Истории упадка и крушения Римской империи.

Осборн Г. (1857–1935) —
американский палеонтолог.

См.: Легг Э. Предшественники и
соперники христианства

См.: Паркер Е. Г. Тысячелетие татар.

Филон Александрийский (прибл. 25 до н. э. — 50 н. э.), религиозный мыслитель, синтезировавший в своих воззрениях иудаизм и эллинизм; Ориген (185–254), христианский мыслитель, близкий платонизму; Плотин (ок. 204–270), величайший представитель неоплатонизма; Августин (354–430), христианский богослов, один из «отцов церкви».

Галерий (242–311) — приемный сын и соправитель Диоклетиана.

См.: Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи.

Зосим (конец V в.) —
позднеримский историк, резко
критиковавший политику
Константина I и Феодосия I.

Евсевий Кесарийский (ок. 260–339) — христианский историк, автор панегирического «Жития Константина».

«Энциклопедия Британника»,
ст. «История Церкви», с. 336.

От имени патриарха Нестория (381–451), лишенного сана за «еретические» взгляды; главное отличие несторианства — в отрицании врожденной божественности Иисуса: он не родился мессией, но стал им.

Тотила, король остготов; дважды (в 546 и 550) захватывал Рим, но в итоге потерпел поражение от византийцев.

Иероним	(347–419)	—
христианский	писатель	и

переводчик-полиглот; заново перевел Библию на лат. яз. с текста оригинала (так называемая «Vulgata»).

Сайкс	М.	(1879–1919)	—
английский		дипломат	и
путешественник			

Туранцев из Туркестана или
аваров с Кавказа.

Янь Фу (1853–1921) —
китайский ученый, поэт и
общественный деятель.

Сайкс М. Последнее наследие
калифа

Коран, Сура 3, стихи 142–149
(пер. с араб. акад. И. Ю.
Крачковского).

Цитируется по «Всемирной истории» Гельмольта.

Турки-сельджуки принадлежали к туркменской народности.

Тетчер и Швилл. Общая история
Европы

Адамс Г. Б. Энциклопедия
Британника, ст. «Феодализм»

Тетчер и Швилл. Общая история
Европы.

Обратим внимание — vik-ing, а не vi-king; «vik» — фьорд, залив

К тому же лангобарды в большинстве своем были арианами — то есть еретиками как с римской, так и константинопольской точки зрения.

Первоначально Римские Папы занимали Латеранский дворец. В Ватикан они перебрались позднее.

Алкуин (735–804) — философ и педагог, руководитель «Академии» Карла Великого. С него начинается история схоластической философии средневековья.

Баркер Э. Энциклопедия
Британника, ст. «Крестовые походы».

Папы занимали Латеранский дворец до 1309 г., когда французский Папа основал папский двор в Авиньоне. Когда Папы вернулись в Рим в 1377 г., Латеран почти полностью был разрушен, и Ватикан стал местом пребывания папского двора. Ватикан, среди прочих преимуществ, был значительно ближе к папской цитадели, замку Сан-Анджело.

Ее основали чжурчжени,
племена тунгусского происхождения.

Тангуты были тибето-
бирманским народом.

Осман (1258–1324) — турецкий султан, основатель династии Османских султанов, правивших до 1922 г.

Сайкс М. Последнее наследие халифа.

Д-р Шмит, во «Всемирной
истории» Гельмольта

Современный Пакистан

Фруассар Ж. (ок. 1337 — после 1404) — французский придворный поэт и хронист.

То есть свободных крестьян.

Кэксон У. (1422–1491) —
английский первопечатник и
издатель.

Тейлор Генри Осборн.

«Средневековый разум».

От латинского *vagantes* —
«бродячие люди»

Прескотт У. (1796–1859) — американский историк, родоначальник исторической науки в США.

Прескотт У. Приложение к
«Истории Карла V» Робертсона

80

Т. е. более 350 кг.

Прескотт У. Приложение к
«Истории Карла V Робертсона.

Дж. Мотли (1814–1877) —
американский дипломат и историк

Сын герцога Альбы

Сэр У.-Х. Хэдоу, «Музыка»

Т. Маколей (1800–1859) —
английский политик, поэт и историк,
более всего известный пятитомной
«Историей Англии».

«Путешествия Джона Смита».

Карлейль Т. (1795–1881) —
английский историк и философ.

Аткинсон С.-Ф. Французские революционные войны. Статья в «Энциклопедии Британника», 12-е издание.

Патриотическая песня
«Приветствую тебя, Родина-мать!» по
стихотворению индийского писателя
Б. Чоттопадхайя (1838–1894),
ставшая гимном национально-
освободительного движения Индии.

Дж. Х. Робинсон (1863–1936) —
английский историк, один из
основателей направления так
называемой «новой истории».